Всеобщая Исторія

О. Іегера

Изданіе А. Ф. Маркса С.П.Б.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРІЯ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

ПРОФЕССОРА

Оскара Іегера.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЯЯ.

ПЕРЕВОДЪ и ДОПОЛНЕНІЯ

подъ редакціею

П. Н. Полевого.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЯЯ.

СОЧИНЕНІЕ

ПРОФЕССОРА

Оскара Іегера.

Съ **244** гравюрами въ текстѣ, съ **18** приложеніями, отпечатанными черною и цвѣтными красками, **1** картою въ текстѣ и **4** въ особомъ приложеніи.

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

П. Н. Полевого.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

89234
H-0

Дозволено цензурою, СПБ., 26 марта 1894 года.

Типографія А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЯЯ.

стр.

Предисловіе VII
Введеніе. 1

КНИГА ПЕРВАЯ. Отъ возникновенія древнѣйшихъ государствъ до Кира Персидскаго.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Страна и народъ въ Египтѣ 5
ГЛАВА ВТОРАЯ. Семиты.—Аравія, Мессопотамія, Сирія.—Финикіяне; исторія народа Израильскаго до смерти Соломона. 23
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Исторія Передней Азіи, отъ распаденія царства Израильскаго до смерти Небукаднесара 36

КНИГА ВТОРАЯ. Персы и Эллины.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Основаніе Персидской монархіи 55
ГЛАВА ВТОРАЯ. Эллины.—Происхожденіе и исторія націи до столкновенія съ Персами. 76
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Персидскія войны. 109

КНИГА ТРЕТЬЯ. Исторія Эллиновъ послѣ побѣды при Платеѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Вѣкъ Перикла 129
ГЛАВА ВТОРАЯ. Распаденіе Эллинской націи.—Пелопоннезская война. . . 161
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Преобладаніе Спартанцевъ.—Возвышеніе Ѳивъ.—Возстановленіе могущества Аѳинъ. 182

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. Вѣкъ Александра Великаго.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Македонское царство и эллинская самоправность.—Филиппъ и Демосѳенъ 202
ГЛАВА ВТОРАЯ. Смерть Филиппа; первые годы царствованія Александра и паденіе царства Ахэменидовъ 222
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Царство Александра Великаго 235

КНИГА ПЯТАЯ. Италія и Западъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Населеніе Италіи.—Основаніе Рима и первые вѣка его существованія. 252
ГЛАВА ВТОРАЯ. Внутренній и внѣшній ростъ римской республики до Лициніева законодательства. 263
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Положеніе дѣлъ на Востокѣ, по смерти Александра Великаго.—Война между Римомъ и Тарентинцами. 281

стр.

КНИГА ШЕСТАЯ. Римъ и Карѳагенъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Первая и вторая Пуническія войны 307
ГЛАВА ВТОРАЯ. Войны на Востокѣ: Кинокефалы (197), Магнезія (190), Пидна (168) 344
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Вліяніе и послѣдствія послѣдней борьбы. Начало римскаго всемірнаго владычества. Войны съ цѣлью раззоренія 370

КНИГА СЕДЬМАЯ. Вѣкъ римскихъ междоусобныхъ войнъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Начало гражданскихъ смутъ въ Римѣ, вызванныхъ попытками реформъ Тиберія Семпронія и Кайя Семпронія Гракховъ.—Война съ Югуртой.—Кимвры и Тевтоны 380
ГЛАВА ВТОРАЯ. Двадцатилѣтняя война и междоусобная война.—Война съ союзниками и полное единеніе Италіи.—Сулла и Марій:—первая война съ Митридатомъ; первая междоусобная война.—Диктатура Суллы . . 405
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Общее положеніе дѣлъ: Кн. Помпей.—Война въ Испаніи.—Невольническая война.—Война съ морскими разбойниками.—Война на Востокѣ.—Третья Митридатова война.—Заговоръ Катилины.—Возвращеніе Помпея и первый тріумвиратъ 422
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Первый тріумвиратъ: консульство Цесаря.—Галльская война: Помпей въ Римѣ.—Лукская конференція.—Походъ Красса противъ Парѳянъ. — Распаденіе тріумвирата и новая междоусобная война 447

КНИГА ВОСЬМАЯ. Римская имперія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Смуты и борьба послѣ смерти Цесаря.—Второй тріумвиратъ.—Возстановленіе и утвержденіе единовластія Октавіаномъ Августомъ . 473
ГЛАВА ВТОРАЯ. Утвержденіе принципата.—Домъ Цесарей и его паденіе — Возвышеніе Флавіевъ 496
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Веспасіанъ и домъ Флавіевъ.—Процвѣтаніе Римскаго государства въ теченіе столѣтія съ 70 года по Р. Хр. до смерти Коммода. 518
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Императоры III вѣка, до Діоклетіана.—Начало и успѣхи христіанства и первыя преслѣдованія. — Поступательное движеніе Германцевъ. 549
ГЛАВА ПЯТАЯ. Діоклетіанъ и его организація. — Гоненія на христіанъ и торжество христіанства.—Константинъ и его династія 564
ГЛАВА ШЕСТАЯ. Утвержденіе христіанства и правовѣрія въ Римскомъ государствѣ.—Раздѣленіе имперіи на Восточную и Западную и послѣднія времена Западно-Римской имперіи 580

Указатель къ Исторіи Древней 595

Предисловіе.

Издавая въ свѣтъ почтенный трудъ О. Іегера, мы имѣли въ виду пополненіе весьма существеннаго пробѣла въ нашей переводной литературѣ: у насъ есть уже нѣсколько многотомныхъ сочиненій по «Всеобщей Исторіи», заимствованныхъ изъ обильнаго запаса европейской исторической науки, но до сихъ поръ еще не было ни одного, вполнѣ подходящаго къ потребностямъ большинства русскихъ читателей. Такою именно книгою можетъ и должна служить «Всеобщая Исторія» О. Іегера—трудъ замѣчательный не только по своимъ достоинствамъ научнымъ, но и по чрезвычайной простотѣ и доступности изложенія.

Важнымъ достоинствомъ этой книги служитъ именно то, что ея авторъ, превосходно знакомый со всѣми важнѣйшими трудами по всеобщей исторіи, какъ старый и опытный преподаватель, умѣетъ намѣчать въ историческомъ изученіи тотъ путь, который необходимо пройти каждому человѣку, имѣющему претензію на общее образованіе. Указывая и облегчая этотъ путь, почтенный историкъ устраняетъ все излишнее и мелочное, останавливая вниманіе читателя только на важномъ и существенномъ, и даетъ такимъ образомъ возможность легко и удобно обозрѣвать эпохи исторической жизни народовъ въ видѣ цѣлаго ряда прекрасныхъ, живыхъ и вѣрныхъ картинъ, набросанныхъ спокойною и твердою рукою. Взвѣшивая факты со строгою критикою обширнаго знанія, О. Іегеръ избираетъ изъ нихъ немногое, но то, что онъ даетъ, легко удерживается въ памяти и остается въ сознаніи читателя въ видѣ представленій ясныхъ, положительныхъ и цѣльныхъ.

Прекрасный во всѣхъ отношеніяхъ трудъ нѣмецкаго ученаго допол-

няется еще весьма важною, художественною стороною, которая знакомитъ читателя съ бытовыми подробностями, съ исторіею искусствъ и отчасти даже съ тою степенью культуры, которою та или другая страна пользовалась въ теченіе извѣстнаго періода. Вполнѣ сознавая важность этой художественной стороны труда О. Іегера, мы воспользовались ею вполнѣ, и даже дополнили её внесеніемъ весьма значительнаго запаса рисунковъ по Русской Исторіи, въ видѣ гравюръ въ текстѣ и отдѣльныхъ приложеній, сюжеты которыхъ заимствованы изъ русской археологіи, русской исторической жизни и дѣйствительности.

Сверхъ всего этого, мы рѣшились еще придать «Всеобщей Исторіи» О. Іегера тотъ картографическій матеріалъ, въ которомъ, конечно, долженъ чувствовать весьма существенную потребность каждый серьезный читатель. Въ виду этой потребности, мы прибавляемъ къ русскому изданію О. Іегера цѣлый рядъ картъ, чертежей и плановъ, которыхъ нѣтъ въ нѣмецкомъ оригиналѣ, твердо вѣря въ то, что эти добавленія, потребовавшія не мало труда и матеріальныхъ затратъ, будутъ оцѣнены по достоинству русскими читателями, благосклонному вниманію которыхъ мы въ данную минуту предлагаемъ въ полномъ составѣ первый томъ «Всеобщей Исторіи» Іегера.

Издатель.

ЗЕВСЪ ОТРИКОЛІЙСКІЙ.
Античный мраморный бюстъ въ Ватиканѣ въ Римѣ.

Введеніе.

«Всеобщею» или «Всемірною» исторіею называемъ мы исторію всего человѣчества, въ его отвлеченномъ, нравственномъ значеніи. Изъ необъятной, неисчислимой массы событій минувшаго, входящей въ составъ историческаго бытописанія, въ исторію Всеобщую можетъ быть избрано и занесено только то, что имѣетъ выдающееся значеніе для всего человѣчества и для того нравственнаго назначенія, которое несомнѣнно составляетъ цѣль его существованія.

Само собою, разумѣется, что исторія вообще, а тѣмъ болѣе—исторія Всеобщая, можетъ начинаться только съ той поры, когда человѣкъ отрѣшается отъ сферы простого удовлетворенія обычныхъ животныхъ потребностей и начинаетъ чувствовать влеченіе къ жизни *общинной*,—не стадной только; можно сказать даже болѣе: исторія Всеобщая начинается вмѣстѣ съ образованіемъ *государства*, въ какой бы первобытной формѣ оно ни проявлялось. Только съ этой минуты человѣкъ начинаетъ сознавать свою связь съ остальнымъ человѣчествомъ и проявлять присущія его природѣ гуманныя свойства; только тутъ вполнѣ ясно опредѣляется весьма важное различіе между человѣкомъ великимъ и человѣкомъ обыкновеннымъ, и притомъ не въ обыденномъ смыслѣ простой борьбы за существованіе.

Въ наше время, количество ученыхъ трудовъ, посвященныхъ отдѣльнымъ историческимъ періодамъ, отдѣльнымъ личностямъ, отдѣльнымъ странамъ и учрежденіямъ — разростается такъ быстро, что съ ними ужъ не можетъ и совладать образованный человѣкъ нашего времени, у котораго досугъ, посвящаемый чтенію, вообще такъ ограниченъ; и это непомѣрное возрастаніе частнаго историческаго матеріала налагаетъ на автора, посвящающаго себя разработкѣ Всеобщей Исторіи, несомнѣнную обязанность быть немногословнымъ и сжатымъ въ изложеніи своего предмета. Онъ вовсе не долженъ задаваться желаніемъ исчерпать матеріалъ. онъ долженъ доставить возможность читателю въ этомъ матеріалѣ разобраться; его дѣло—пробуждать интересъ къ изученію исторіи, а не вдаваться въ мелочныя подробности событій. Другою, немаловажной въ нѣкоторомъ

смыслѣ задачею того же автора должно быть преимущественное обращеніе вниманія не на отдѣльныхъ героевъ, а на жизнь цѣлаго народа: не слѣдуетъ забывать, что Всеобщая исторія—не героическая эпопея, а изложеніе постепеннаго развитія и роста всего человѣчества.

Раздѣленіе Всеобщей Исторіи на *Древнюю, Среднюю* и *Новую* представляется намъ пригоднымъ только потому, что оно давно установилось и всѣ къ нему привыкли. Съ строго-научной точки зрѣнія, это раздѣленіе не выдерживаетъ критики: уже Бэконъ указывалъ на то, что эпоху, которой мы обычно придаемъ наименованіе «древности», скорѣе слѣдовало бы называть «юностью человѣчества», а насъ—дѣятелей новой и новѣйшей эпохи—правильнѣе было бы считать «древними», какъ представителей много-вѣковой цивилизаціи. Но мы все же удержали это прежнее раздѣленіе исторіи, намѣчающее первыя грани на необъятномъ пространствѣ временъ, и придающее важнѣйшимъ отдѣламъ названія, для всѣхъ одинаково-понятныя и общеупотребительныя. Это старое раздѣленіе исторіи на три отдѣла, главнымъ образомъ, основывается на двухъ важныхъ датахъ: 476 и 1517 гг. по Р. Хр. Первая изъ нихъ отдѣляетъ Древнюю Исторію отъ Средней; вторая—Среднюю отъ Новой такимъ образомъ:

I. Исторія Древняя: отъ возникновенія первыхъ извѣстныхъ намъ государствъ до разрушенія Западной Римской Имперіи (въ 476 г. по Р. Х.).

II. Исторія Средняя: отъ основанія первыхъ варварскихъ государствъ въ Италіи, до эпохи Реформаціи (отъ 476 г. по 1517 г.).

III. Исторія Новая: отъ начала Реформаціи до настоящаго времени.

Въ нашемъ изложеніи, распредѣляющемъ историческій матеріалъ на четыре тома, 476 годомъ заканчивается *первый* томъ, заключающій въ себѣ *Древнюю* Исторію; 1517 годомъ завершается *второй* томъ, посвященный *Средней* Исторіи; *третій* томъ обнимаетъ собою Исторію *Новаго* времени, отъ 1517 по 1789 г.; а *четвертый* вмѣщаетъ въ себѣ Исторію *Новѣйшаго* времени, отъ 1789 года, до нашихъ дней.

I. Исторія древняя.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Отъ возникновенія древнѣйшихъ государствъ до Кира Персидскаго.

Нилъ близъ Сіены (Ассуана). Первый водопадъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Страна и народъ въ Египтѣ.

Египетъ. Нилъ.

Древнѣйшее государство, извѣстное намъ, возникло въ сѣверо-восточномъ углу Африки — страны наименѣе исторической — и возникло именно тамъ, гдѣ Африка, ближайшимъ образомъ, примыкала къ Азіи. Громадныя горы Африки, расположенныя вблизи экватора, питаютъ своими потоками нѣсколько обширныхъ озеръ или внутреннихъ морей: изъ нихъ истекаетъ *Бѣлый Нилъ* (Баръ-эль-Абьядъ), который подъ 16° сѣв. шир. сливается съ *Голубымъ Ниломъ* (Баръ-эль-Азрекъ), текущимъ съ востока и берущимъ начало въ тѣхъ же широтахъ и при одинаковыхъ съ Бѣлымъ Ниломъ природныхъ условіяхъ. Горные хребты пересѣкаютъ путь рѣки, образовавшейся изъ этихъ двухъ притоковъ; Нилъ преодолѣваетъ всѣ эти преграды, ниспадая съ нихъ безчисленными водопадами; послѣднее изъ этихъ препятствій встрѣчаемъ на пути его близъ Сіены (24° сѣв. шир.), и затѣмъ Нилъ катитъ свои волны уже спокойно до самаго моря на протяженіи 150 миль, по долинѣ, которая нигдѣ не расширяется болѣе какъ на четыре часа пути, и представляетъ собою лощину, пролегающую между аравійскою цѣпью горъ на В. и ливійскою — на З. Подъ 30° сѣв. шир. горы съ обѣихъ сторонъ отступаютъ отъ Нила, и онъ, тремя большими и безчисленнымъ множествомъ малыхъ рукавовъ, пере-

сѣкаетъ создавшуюся изъ его наносовъ низменность или *дельту*. Все, что здѣсь произрастаетъ, есть даръ Нила, даръ его водъ... «Слава тебѣ, о, Нилъ!» такъ гласитъ одинъ изъ древне-египетскихъ гимновъ. — «Ты этой странѣ откровеніе и оживленіе Египту!»

Сѣвъ у древнихъ Египтянъ. Древне-египетское изображеніе.

Страна. Горныя цѣпи справа и слѣва отъ Нила служатъ границами странѣ, которую эта рѣка (не принимающая въ себя никакихъ значительныхъ притоковъ) какъ-бы объединяетъ въ одно цѣлое; притомъ, безплодная пустыня, простирающаяся за этими горами, какъ прямая противоположность плодоносной рѣчной долинѣ Нила, пробуждаетъ въ человѣкѣ невольное сознаніе того особеннаго благословенія боговъ, которое излилось на него именно здѣсь, въ этой долинѣ. Откуда и когда явились сюда первые поселенцы—это вопросъ еще не изслѣдованный; весьма вѣроятно, что эти первые поселенцы принадлежали къ кавказскому племени и что культура шла здѣсь съ С. на Ю. вверхъ по рѣкѣ, а не обратно. Изъ этихъ первыхъ поселенцевъ образовались отдѣльныя общины, многочисленные округа, съ наслѣдственными князьями и съ рабами, которые явились вслѣдствіе порабощенія первоначальнаго туземнаго населенія. Однакоже, поселенцы, откуда бы они ни пришли, должны были подчинить свой бытъ Нилу и все устроить сообразно съ явленіями его ежегодной оплодотворяющей дѣятельности. Въ концѣ іюля выходитъ онъ изъ береговъ; быстро, замѣтно для глаза, вздуваются его стремительныя волны, вносятъ прохладу въ воздухъ и напояютъ раскаленную южнымъ солнцемъ почву; черезъ три мѣсяца, вода начинаетъ спадать; въ почву, влажную, утучненную наноснымъ нильскимъ иломъ, бросаютъ сѣмена, изъ которыхъ въ послѣдующіе четыре мѣсяца является дивная, щедрая жатва.

Жатва у древнихъ Египтянъ. Древне-египетское изображеніе.

Растительное царство здѣсь весьма ограниченно; пальмы, смоковницы гранатовыя деревья, акаціи — служатъ украшеніемъ садовъ; болота и озерки, остающіяся на пространствѣ разливовъ Нила, переполнены во-

Пастухи и стада ихъ. Древне-египетское изображеніе.

дянымп растеніями — папирусомъ и лотосомъ; водьі кишатъ рыбами, а на поверхности рѣки въ изобиліи плаваютъ полезныя человѣку водяныя птицы: гуси, утки и т. д. Всякіе овощи, кормовой горохъ, бобы, чечевица, всевозможные хлѣбные злаки нарождаются въ огромномъ количествѣ при самой незначительной затратѣ труда. Населеніе плодородной и своеобразной страны стало быстро размножаться, и уже очень рано въ средѣ его выраженіемъ единства и національности явилась *царская власть*. Необходимость постояннаго уравненія земельныхъ владѣній, которыя безпрерывно видоизмѣнялись вслѣдствіе разливовъ Нила, мало-помалу должна была придать этой царской власти особенное значеніе и, вѣроятно, подчинить ей предположенную нами мѣстную знать, хотя, конечно, намъ ничего не извѣстно достовѣрнаго объ этихъ отношеніяхъ въ частности. Это значеніе царской власти послужило къ утвержденію въ странѣ строгаго порядка, который здѣсь былъ особенно необходимъ, вслѣдствіе того, что рѣка непрерывно мѣняла всю земельную собственность жителей, то увеличивая, то сокращая ея размѣры.

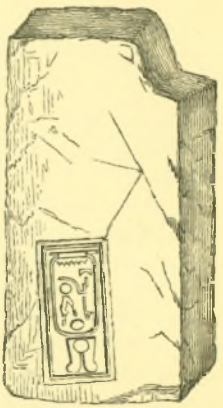
Древнѣйшая исторія.

Первымъ въ числѣ этихъ царей, въ 1500 г. до Р. Х., мѣстные историки-жрецы почитали *Менеса*, который, какъ предполагаютъ, началъ царствовать въ 3892 г. до Р. Х. Его почитаютъ основателемъ *Мемфиса*, города, который выстроенъ былъ на Нилѣ, у самаго выхода его изъ долины, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ развѣтвляется на рукава дельты. Въ теченіе тысячелѣтій этотъ городъ былъ естественною столицею страны. Десять династій правили, одна за другою, въ этомъ городѣ въ теченіе 1000 лѣтъ, и въ исторіи нельзя указать другого примѣра столь же продолжительной эры, въ теченіе которой какому бы то ни было народу дана была такая полная возможность развивать свой оригинальный бытъ безъ всякой помѣхи извнѣ. Въ теченіе того же тысячелѣтія постепенно начинаетъ выступать изъ мрака и Южный (или Верхній) Египетъ, и во главѣ его городъ, построенный на сто миль выше Мемфиса на Нилѣ, такъ-называемыя *Оивы* (Тапа, Тепе), является вторымъ извѣстнымъ намъ центромъ египетской жизни. Весьма легко можетъ быть, что два отдѣльныхъ царства, Мемфисъ и Оивы, нѣкоторое время существовали самостоятельно рядомъ; такъ можно заключить по тому, что короны Верхняго и Нижняго Египта, бѣлая и красная, постоянно различаются на

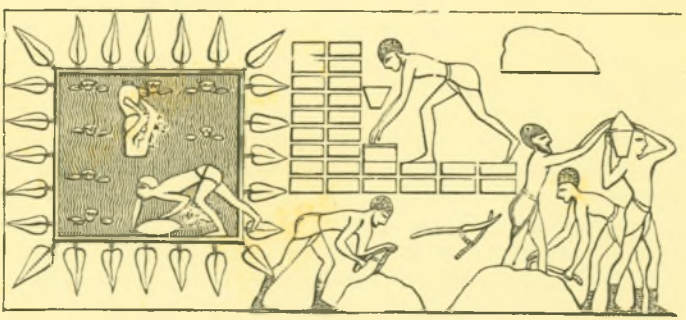
изображеніяхъ памятниковъ. Впослѣдствіи оба царства несомнѣнно соединились, и цѣлый рядъ фараоновъ продолжалъ мирно править страною, которая могла существовать сама по себѣ, ни въ комъ не нуждаясь. Только на югѣ, въ отношеніи къ землѣ Кушъ, приходилось фараонамъ проявлять нѣкоторую воинственную дѣятельность и бороться за свои границы, между тѣмъ какъ съ востока цѣлый рядъ укрѣпленій, протянутыхъ отъ Краснаго моря до Нила, защищалъ Египетъ отъ нападенія бродячихъ племенъ пустыни.

Культура. Царская власть. Чиновники.

Въ это-то время и успѣла здѣсь развиться культура, которая имѣла огромное значеніе для человѣчества и во всѣ вѣка признавалась чудомъ. Природныя условія страны требуютъ строго опредѣленной работы, которая, переходя по преемству отъ отца къ сыну, должна была вскорѣ создать необычайно устойчивыя общественныя отношенія. Страна, уже очень рано, была подраздѣлена на правительственные округа или *номы* и, вѣроятно, правленіе въ ней или, по крайней мѣрѣ, управленіе было хорошо устроено. До насъ дошла надгробная надпись одного изъ областныхъ правителей, правившаго Гермополисомъ при одномъ изъ царей славной 12-й династіи, Сезуртосѣ или Узертесѣ (2380—2371 до Р. Х.). Эта надпись, восхваляя качества честнаго чиновника, въ то же время даетъ намъ возможность заглянуть въ трудовую жизнь народа. «Амени (такъ звался правитель)»—гласитъ надпись—«любилъ свою область, передавалъ подати съ нея царю и постоянно поддерживалъ въ ней трудовую дѣятельность; при немъ ни разу не было голода, всѣ поля были обработаны, и никто не встрѣчалъ въ работѣ никакихъ препятствій; сильнымъ міра онъ не давалъ преимуществъ передъ слабыми»; сверхъ всего этого надпись упоминаетъ о томъ, что «Амени сопровождалъ фараона въ его побѣдоносномъ походѣ въ страну Кушъ». Царская власть, необходимая этой странѣ, какъ главная основа обще-



Нильскій кирпичъ съ клеймомъ Рамзеса II.



Работники, выдѣлывающіе кирпичъ. Древне-египетское изображеніе.

ПИРАМИДЫ БЛИЗЪ ГИЗЭ, НА ЗАПАДЪ ОТЪ МЕМФИСА.
По оригинальному снимку.

ственнаго порядка, пользовалась
ри носили титуломъ *фарао*
наго бога Ра; почитаемые
были въ то же время и
предъ богами, и самые жре
ны, какъ и весь осталь
шимый и почти страш
царственная власть
въ тѣхъ громад
хихъ кирпич
дахъ, которыя,
мидесяти, не
щимся ря
путся
падъ

громаднымъ значеніемъ. Ца-
новъ, т. е. сыновей солнеч-
народомъ какъ боги, цари
представителями народа
цы были имъ подчинен-
ной народъ. Неразру-
ный памятникъ эта
воздвигла себѣ
ныхъ островер-
ныхъ *пирами-*
въ числѣ се-
прерываю-
домъ тя-
на за-
отъ

Разрѣзъ Египетской пирамиды съ ея внутренними ходами и усыпальницами.

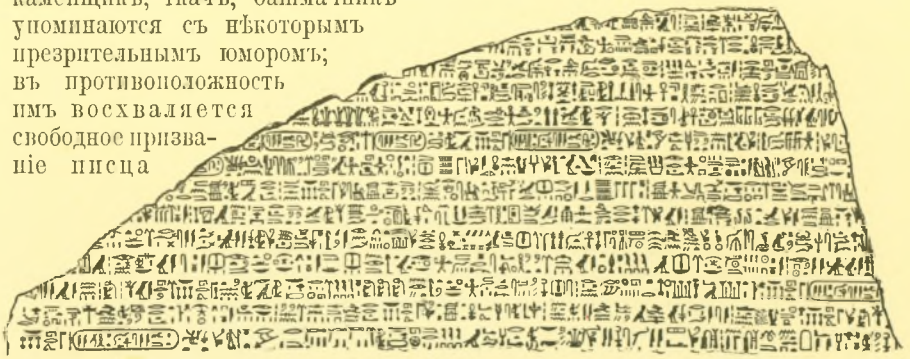
Мемфиса. Сколько бы ни было высказано догадокъ насчетъ истиннаго значенія этихъ памятниковъ, мы предполагаемъ, что это именно гробницы царей, воздвигнутыя единодушнымъ желаніемъ всѣхъ египтянъ—создать несокрушимыя усыпальницы для боготворимыхъ ими правителей. Три величайшія изъ этихъ пирамидъ возвышаются надъ прахомъ трехъ царей 4-й династіи: Хузу, Хафра, Менкера. Пирамида Хузу равняется въ высоту 146¼ метрамъ и вѣроятно заключала въ себѣ не менѣе 90 милліоновъ кубическихъ футовъ каменной кладки. Греку Геродоту, который видѣлъ этотъ памятникъ 2500 лѣтъ спустя послѣ его построенія, египетскіе жрецы разсказывали, что на немъ написано, сколько именно строившія его тысячи рабочихъ съѣли рѣдьки, луку и чесноку. Это даетъ намъ достаточно ясное представленіе о положеніи низшихъ классовъ населенія, которое едва-ли улучшилось и впослѣдствіи. И позднѣйшія сооруженія, воздвигнутыя царями 12-й династіи (а именно 6-мъ царемъ ея, Аменемой III), — цѣлая система водяныхъ сооруженій въ Файюмѣ, такъ-называемое Меридово озеро, предназначенное для уравненія разливовъ Нила, и рядомъ съ нимъ громадный царскій дворецъ (прозванный греками *лабиринтомъ*), коего развалины еще сохранились до нашего времени, — всѣ подобныя сооруженія заставляютъ насъ предполагать въ Египтѣ существованіе такого общественнаго строя, при которомъ правитель могъ безапелляціонно распоряжаться рабочею силою массы низшихъ слоевъ народа.

Памятники. Іероглифы.

Съ жизнью и бытомъ этой массы египетскаго народа насъ мало знакомятъ изображенія и надписи катакомбъ (гробницъ, изсѣченныхъ въ горахъ) Бени-Гассана въ Верхнемъ Египтѣ (27° сѣв. шир.), между тѣмъ какъ жизнь болѣе достаточныхъ классовъ даютъ въ ея полномъ разнообразіи. Сѣвъ и жатва, земледѣліе, скотоводство, ремесло въ его различныхъ проявленіяхъ, отъ башмачника и до оружейника, отъ горшечника до стеклянщика, охота и рыбная ловля, война, пляски, игры,—все проходитъ передъ нами въ пестрой картинѣ. Самостоятельные аристократическіе элементы выказываются очень слабо въ этихъ изображеніяхъ египетскаго государственнаго строя жизни, хотя отдѣльные *номы* издревле проявляютъ въ нѣкоторой мѣрѣ признаки самостоятельной жизни, въ церемоніяхъ богослужебныхъ, въ особыхъ божествахъ, въ своеобразныхъ религіозныхъ обрядахъ и воззрѣніяхъ. Воины вполнѣ подчинялись волѣ царя, жрецы также преклонялись передъ фараономъ, и всѣ чиновники—не болѣе, какъ слуги его. Нѣкотораго рода благосостояніе, повидимому, было широко распространено во всѣхъ слояхъ общества и даже роскошь развита въ значительной степени. Эта роскошь высшихъ классовъ, повидимому, составляла рѣзкую противоположность быту народной массы. Сверхъ своихъ богатствъ, накопленіе которыхъ значительно облегчалось мѣстными условіями страны, высшіе классы обладали еще искусствомъ, которое давало имъ громадныя преимущества надъ массой:—имъ доступно было *письмо*, вначалѣ, вѣроятно, весьма затруднительное и чрезвычайно скудное по выразительности. Отъ *вещевого* письма, изображавшаго солнце въ видѣ кружка , а мѣсяцъ въ видѣ серпа и т. д., легко перешли впослѣдствіи — можетъ-быть, въ средѣ замкнутаго кружка жрецовъ, занимавшихся новымъ искусствомъ—къ *символическому* письму, которое уже изображало понятіе *жажда* въ видѣ прыгающаго теленка съ проведенными подъ нимъ тремя волнообразными чертами , понятіе *справедливость* въ видѣ вѣсовъ , понятіе *ходьба*—въ видѣ двухъ сопоставленныхъ ногъ и т. д. Отъ этихъ двухъ способовъ письма, вѣроятно, уже очень рано перешли и къ третьему, *звуковому* способу—къ обозначенію опредѣленныхъ звуковъ извѣстными знаками или изображеніями извѣстныхъ предметовъ. А это было уже громаднымъ успѣхомъ: эти письмена давали возможность въ точной формѣ пересылать на дальнія разстоянія волю повелителя и, закрѣпляя слова и понятія, передавать потомству воспоминанія о минувшемъ. Это искусство должно было необычайно возвысить могущество и сознаніе собственнаго достоинства правящихъ. Изъ временъ 12-й династіи дошла до насъ запись, въ которой перечисляются различ-

Статуя писца. Оригиналъ въ Лондонѣ.

ные роды занятій ремеслами: кузнецъ, камнетесъ, цырюльникъ, матросъ, каменщикъ, ткачъ, башмачникъ упоминаются съ нѣкоторымъ презрительнымъ юморомъ; въ противоположность имъ восхваляется свободное призваніе писца



Гіероглифическая часть трехъ-язычной надписи, на камнѣ, отрытомъ въ Ла-Розеттѣ въ 1799 г., по которому гіероглифы были впервые разобраны.

или ученаго, которое представляется болѣе важнымъ, чѣмъ всѣ ремесла. Это искусство возвысило даже національное сознаніе всего народа, доставивъ ему возможность имѣть свою *исторію*. Громадная масса сохранившихся намъ памятниковъ, покрытыхъ этими столь мудреными іероглифическими письменами, доказываетъ, какое высокое значеніе Египтяне придавали исторіи. Съ другой стороны ясно, что эти письмена, хотя и были могущественнымъ орудіемъ для передачи мысли, однакоже, въ значительной степени связывали пишущаго; глядя на эти письмена, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что на самое воспроизведеніе ихъ затрачивалось уже столько труда и умственнаго напряженія, что внутреннее содержаніе изображеннаго письменами было стѣснено до крайности. Подобныя письмена неизбѣжно должны были самому мышленію этихъ людей навязывать извѣстнаго рода формализмъ, медлительность и условность и такимъ образомъ окончательно придали египетской жизни характеръ строгой правильности и стѣснительной ограниченности, которыя и безъ того уже лежали въ основѣ самыхъ условій мѣстной жизни.

Жизнь народная. Религіозныя воззрѣнія.

Какъ бы то ни было, но мы никакъ не можемъ представить себѣ, чтобы народная жизнь подъ безоблачнымъ небомъ Египта и на берегахъ Нила носила на себѣ особенно мрачный или даже особенно серьезный отпечатокъ. Даже и религія, въ которой вѣрнѣе всего отражаются жизненныя воззрѣнія народа, при всей своей торжественности, носила на себѣ оптимистическій характеръ: слишкомъ ужъ явною была благодать божества, постоянно изливаемая на эту страну, и *опасеніе* предъ Высшимъ, Непостижимымъ Существомъ играло очень незначительную роль въ религіозности Египтянъ. Главнымъ, высшимъ божествомъ въ Египтѣ почитался духъ свѣта, богъ солнца, извѣстный подъ различными именами; въ Оивахъ называли его Амунъ, въ Геліополѣ — Ра, въ Мемфисѣ—Пта. Предполагаютъ, что послѣднее названіе входитъ, какъ составная часть, въ общее намъ и грекамъ названіе страны *Hakapta*—страна поклоненія богу Пта—*Египетъ*. Грекамъ (во всякомъ случаѣ, въ гораздо болѣе поздніе

СТАТУЯ, ИЗОБРАЖАЮЩАЯ РАМЗЕСА II, ГОНИТЕЛЯ ЕВРЕЕВЪ.
По Лепсіусу.

времена вошедшимъ въ сношенія съ Египтомъ) особенно страннымъ казалось поклоненіе Египтянъ священнымъ животнымъ: кошкамъ, крокодиламъ, священнымъ птицамъ. Есть основаніе думать, что въ болѣе раннюю эпоху эти звѣри почитались не иначе, какъ въ связи съ божествами, которымъ они были посвящены, и что культъ ихъ держался еще въ границахъ, доступныхъ нашему пониманію. Несомнѣнно, весьма древнимъ было также и почитаніе, оказываемое мертвымъ, около котораго группировался весь необширный запасъ миѳологическихъ элементовъ древне-египетской религіи. Бѣдныхъ ожидала послѣ смерти общая могила; гробница богатаго состояла изъ двухъ комнатъ—одной, покрытой по стѣнамъ изображеніями его дѣяній, и другой, заключавшей въ себѣ самый саркофагъ, въ которомъ покоилось тѣло, искусно набальзамированное и тѣмъ сохраняемое отъ гніенія. Похоронное шествіе, похоронныя пѣснопѣнія, свита, сопровождавшая покойнаго—были тѣ же, что и вездѣ; но гробъ покоился на челнѣ:—корабль, игравшій такую важную роль въ быту Египтянъ, служилъ, по ихъ понятіямъ, и для переселенія въ царство мертвыхъ. Уже и на саркофагахъ этой отдаленной эпохи находимъ изсѣченными изображенія суда надъ мертвыми, на которыхъ душа покойнаго представляется на судѣ держащею папирусный свитокъ, съ полнымъ спискомъ всѣхъ его грѣховъ. Такой списокъ полагался въ гробъ каждаго покойника... При этомъ нельзя не замѣтить, что хотя вѣра въ безсмертіе души существовала у Египтянъ съ древнѣйшихъ временъ, однакоже ихъ представленія о загробной жизни были весьма ограниченны...

Амунъ на древне-египетскихъ памятникахъ.

Судъ надъ умершими. Древне-египетское изображеніе.

ИЗЪ ѲИВАНСКИХЪ ПАМЯТНИКОВЪ: СРЕДНЯЯ КОЛОННАДА ВЪ КАРНАКСКОМЪ ХРАМѢ.
По оригинальной фотографіи.

Господство Гиксовъ 2100—160.

Мирно и тихо жили эти поколѣнія въ теченіе многихъ и многихъ вѣковъ, какъ вдругъ, около 2100 года до Р. Х., весьма важное происшествіе нарушило плавное теченіе ихъ жизни. Союзу кочевниковъ, жившихъ въ восточной пустынѣ, удалось ворваться въ Египетъ, и «князья пастуховъ», *Гокшазы,* иначе — Гиксы, въ теченіе 500 лѣтъ господствовали въ Египтѣ. Нашествіе Гиксовъ, какъ и всѣ нашествія варваровъ на цивилизованную страну, сопровождалось всякаго рода ужасами—убійствами, пожарами и грабежами. Но порабощенный Гиксами Египетъ вскорѣ поработилъ своихъ завоевателей, навязавъ имъ свою культуру, которую, впрочемъ, они могли воспринять лишь до нѣкоторой степени. Хотя Гиксы и получали неоднократно подкрѣпленія въ видѣ новыхъ наплывовъ степныхъ кочевниковъ, однакоже число ихъ было все же незначительно, и пробужденное бѣдствіями чувство національнаго самосознанія побудило, наконецъ, Египтянъ дать имъ суровый отпоръ. Освобожденіе отъ ига этихъ чужеземныхъ завоевателей началось съ Верхняго Египта, въ которомъ власть Гиксовъ не имѣла прочной основы: послѣ нѣкоторой борьбы *Амазису* (*Амесу*) Ѳивскому (1684—1659) удалось отбить у Гиксовъ Мемфисъ—резиденцію ихъ правителей. Эта война за освобожденіе вызвала, конечно, многіе геройскіе подвиги: сохранилась надгробная надпись, которая сообщаетъ намъ, что одинъ изъ мужественныхъ сподвижниковъ Амазиса, еще будучи молодымъ человѣкомъ, уже дважды успѣлъ заслужить военную награду—«ожерелье за храбрость». Еще разъ, соединенными силами, Гиксы пытались удержать за собою власть надъ Дельтою. Но здѣсь они потерпѣли послѣднее пораженіе, и, послѣ 150 лѣтней борьбы, Египту была возвращена его самостоятельность. Храмы въ Мемфисѣ и Ѳивахъ были возстановлены, и Амазисъ провозгласилъ себя царемъ Верхняго и Нижняго Египта (1684 до Р. Х.). Съ него и началась 18-я династія, о которой уже даетъ намъ свѣдѣнія нашъ главный греческій источникъ, произведеніе жреца Манетона *), и свѣдѣнія эти подтверждаются египетскими источниками, мѣстными памятниками.

Головы сфинксовъ, изображающія царей изъ племени Гиксовъ; сохранились въ Танисѣ.

Освобожденіе отъ ига. Царство ѳиванское.

Освобожденіе страны исходило изъ *Ѳивъ,* и этотъ городъ остался средоточіемъ царства въ ближайшую, достославную эпоху. Храмы и блестящіе дворцы возникли въ теченіе ея по обоимъ берегамъ Нила. Греки обозна-

*) *Манетонъ* былъ современникомъ первыхъ Птоломеевъ.

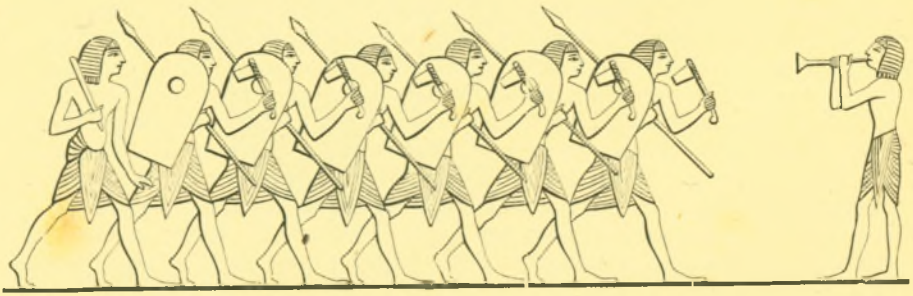
чаютъ эту эпоху новаго подъема духа — столь обычно слѣдующую за счастливой освободительной войной—однимъ общимъ именемъ *Сезостриса* и много сообщаютъ намъ сказаній о походахъ этого государя, простиравшихся далеко въ Азію и въ Европу; въ сущности, всѣ эти разсказы не болѣе, какъ отраженіе дѣяній цѣлаго ряда государей, принадлежавшихъ къ 18-й, 19-й и 20-й династіямъ,—Аменотепа, Таутмеса, Рамессу, Сети, Менефты. Среди нихъ славнѣйшимъ изо всѣхъ былъ, повидимому, *Тутмесъ III* (18-й династіи), второй изъ 12-ти государей, носившихъ имя *Рамзеса;* его исторія сохранилась намъ въ довольно значительной полнотѣ. Но Египетъ никогда не составлялъ обширнаго, мірового государства, какъ это одно время думали, полагаясь на греческія извѣстія. По тѣмъ лѣтописнымъ источникамъ, которые намъ представляютъ надписи на развалинахъ дворцовъ и храмовъ, офиціальнымъ слогомъ прославляющія дѣянія Ѳиванскихъ фараоновъ, мы, напротивъ того, должны прійти къ тому убѣжденію, что эти цари придерживались весьма умѣренной и разумной «внѣшней политики», вполнѣ сообразной съ географическимъ положеніемъ Египта. Эта политика стремилась только къ бо́льшему обезпеченью границы на югѣ, и дѣйствительно, граница эта была нѣсколько продвинута внутрь страны Кушитовъ, а отвоеванная у нихъ страна подчинена правильному и спокойному управленію; на сѣверѣ политика эта (какъ оно ясно съ перваго взгляда на карту и какъ доказываетъ вся послѣдующая исторія Египта) должна была стремиться къ обладанію Сиріей, составляющей въ различныхъ отношеніяхъ необходимое дополненіе къ Нильской низменности. Въ этихъ видахъ египетскіе цари и воюютъ преимущественно съ сирійскими народами *), обитавшими въ южномъ Ханаанѣ; крайнею границею ихъ завоевательныхъ стремленій является Мессопотамія и прибрежья Евфрата. Что политика египетскихъ царей задавалась лишь весьма недальними и опредѣленными цѣлями, это доказываетъ намъ договоръ, заключенный Рамзесомъ II съ однимъ изъ Хетитскихъ князей,—древнѣйшій изъ намъ извѣстныхъ подробныхъ и обстоятельныхъ дипломатическихъ актовъ. Онъ немногимъ отличается отъ подобныхъ же актовъ новаго и новѣйшаго времени. Вѣчный миръ и дружелюбіе на вѣчныя времена устанавливаются этимъ актомъ между Рамзесомъ II, великимъ царемъ Египетскимъ, и Хетезаромъ, великимъ княземъ Хетитовъ, и устанавливаются по всѣмъ правиламъ международной вѣжливости; при этомъ обусловлено, что если бы какой-нибудь врагъ вздумалъ напасть на подчиненныя царю Египетскому земли и царь послалъ бы къ князю Хетитскому, говоря: «приди, приведи съ собою воинскія силы противъ моего врага», то князь долженъ такъ поступить: «если самъ не можетъ прійти, то по крайней мѣрѣ долженъ прислать своихъ стрѣлковъ съ луками и свои военныя колесницы». Соотвѣтствующія этому условія принимаетъ на себя и царь Египетскій, вступая съ княземъ въ оборонительный союзъ. Въ тотъ же договоръ включено и нѣсколько дополнительныхъ статей, касающихся обоюдной выдачи бѣглыхъ преступниковъ, бѣжав-

*) Народы эти были: Ретенну, Шазу, Хетиты — такъ называютъ ихъ египетскіе памятники.

шихъ или насильно уведенныхъ работниковъ и тому подобныхъ людей *). Въ то же достославное и весьма продолжительное царствованіе царя Рамессу II, правившаго Египтомъ въ теченіе 67 лѣтъ, въ Египтѣ явилась весьма важная новинка: *военный флотъ*, существованіе котораго было возможно только при вполнѣ обезпеченномъ положеніи египтянъ въ Сиріи. Въ связи съ этимъ нововведеніемъ было предпринято и прорытіе канала изъ Нила на востокъ, законченнаго, однакоже, гораздо позднѣе, въ послѣдующія царствованія.

Времена Рамессидовъ. Памятники.

Съ 1244—1091 г. слѣдуютъ еще одинъ за другимъ 12 царей съ именемъ Рамзеса, повидимому, царствовавшихъ вполнѣ мирно. Обычною резиденціею этихъ государей 20-й династіи и слѣдовательно столицею всей страны былъ г. *Ѳивы*, отстоявшій отъ дельты Нила на 525 верстъ, а отъ послѣдняго Нильскаго водопада на 175 верстъ. Слава этого отдаленнаго, *стобратнаго* города разносилась весьма далеко. Древнѣйшіе изъ греческихъ писателей много сохранили намъ разсказовъ о Ѳивахъ, и развалины громадныхъ зданій, возведенныхъ (вблизи арабскихъ деревень Луксора и Карнака) I и II Таутмесами, Сети I, Рамзесомъ II, и донынѣ производятъ на путешественника чарующее впечатлѣніе. Фантазія, увлекаемая въ далекое прошлое, лишь съ величайшимъ трудомъ возстановляетъ намъ то время и ту дѣйствительность, когда среди этихъ громадныхъ колоннадъ, среди этихъ необъятныхъ залъ **), дворовъ, покоевъ и сѣней двигались шумныя толпы живыхъ людей. Стѣны этихъ громадныхъ развалинъ покрыты изображеніями и надписями, бо́льшею частью прекрасно сохранившимися и свѣжими по краскамъ; эти изображенія и надписи, въ связи съ тою богатою добычею бытовыхъ предметовъ и папирусныхъ свитковъ, которые добываются изъ ближайшихъ къ Ѳивамъ катакомбъ ***),—доставляютъ пытливому изслѣдователю, смѣло



Египетская пѣхота со щитами, копьями и топорами. Древне-египетское изображеніе.

*) Однимъ изъ мотивовъ египетской внѣшней политики была настоятельная потребность въ рабахъ для громадныхъ построекъ въ столицахъ; этою потребностью вызывались походы на югъ, въ негритянскія земли, и на западъ, въ Ливію.

**) Зала дворца въ Карнакѣ—320 футовъ длины, 160 футовъ ширины; крыша ея поддерживалась 134 колоннами.

***) Эти катакомбы расположены въ горной цѣпи, на западъ отъ Ѳивъ; въ другой цѣпи, отдѣленной ущельемъ отъ первой, находятся усыпальницы царей.

ИЗЪ ѲИВАНСКИХЪ ПАМЯТНИКОВЪ. ПОСТРОЙКИ РАМЗЕСА (ОСТАТКИ РАМЕОСЕЯ).

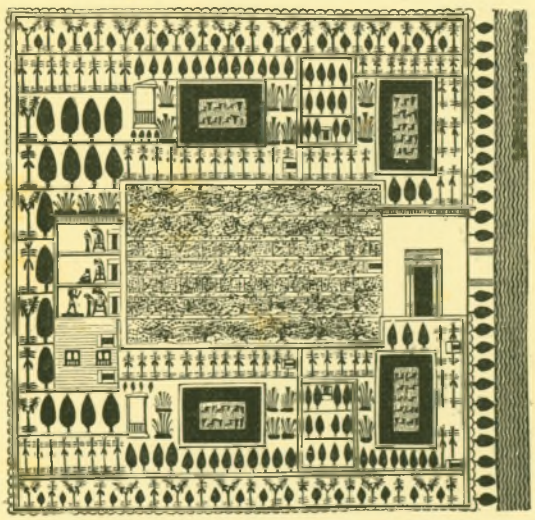
По оригинальной фотографіи.

проникающему въ это отдаленное прошлое, богатѣйшій матеріалъ для изученія египетской жизни—конечно, въ средѣ высшихъ классовъ общества.

Условія жизни народной въ Ѳиванскомъ періодѣ.

Въ существенныѣйшемъ, однакоже, жизнь этого *третьяго* періода египетской исторіи мало чѣмъ отличалась отъ жизни древнѣйшаго періода, когда столицей Египта былъ Мемфисъ, впослѣдствіи утратившій свое былое значеніе. Власть царская осталась та же, что и встарь; обоготвореніе священной особы фараоновъ, пожалуй, еще усилилось; мы видимъ даже, что государь, унаслѣдовавшій престолъ, воздвигаетъ храмъ въ честь своего обоготвореннаго предшественника: — фараонъ какъ-бы служитъ живымъ звеномъ, связующимъ народъ съ богами. Царь назначаетъ и смѣщаетъ чиновниковъ и правителей; онъ управляетъ неограниченно; повелѣваетъ и жрецами, которые безъ него не имѣютъ никакого значенія, получаютъ отъ него и содержаніе, и деньги на издержки, сопряженныя съ ихъ культомъ. Не видимъ около царя воинственной знати; но за то видимъ особые отряды тѣлохранителей и постоянное войско въ его распоряженіи; войско это прекрасно содержится и расположено гарнизонами, подраздѣленными не особенно искусно на *сотни* и *тысячи*; среди этого войска видимъ воиновъ, сражающихся на колесницахъ, видимъ пѣхотинцевъ и стрѣлковъ, вооруженныхъ луками; тамъ и сямъ, на стѣнныхъ изображеніяхъ, видимъ ихъ, занятыхъ стрѣльбою въ цѣль. То же консервативное теченіе и въ этомъ періодѣ, какъ и въ древнѣйшемъ, проходитъ черезъ всю египетскую жизнь; замѣтно только ревностное стремленіе къ искорененію всякихъ воспоминаній о временахъ иноплеменнаго владычества. Сынъ наслѣ-

Египетскіе стрѣлки, вооруженные луками. Древне-египетское изображеніе.



Древне-египетское изображеніе сада.

дуетъ отцу въ его занятіи, достигая такимъ образомъ значительнаго совершенства въ производствѣ; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ (какъ это прежде полагали), чтобы раздѣленіе на касты имѣло какое-нибудь значеніе въ египетской жизни. Переходъ отъ одного состоянія къ другому былъ вовсе не затруднителенъ. Въ сущности, это была страна прекрасно управляемая, съ цѣлой іерархіей строго-надзираемыхъ чиновниковъ; вся она была раздѣлена на нѣкоторое число сравнительно небольшихъ административныхъ округовъ (всего на 44),—нѣчто въ родѣ департаментовъ съ префектами во главѣ, которымъ сверхъ того были приданы царскіе судьи и писцы, а въ случаѣ нужды въ ихъ распоряженіи было и царское войско. Они наблюдали за порядкомъ въ работахъ, за общественною безопасностью, за взиманіемъ податей; сверхъ того, существовалъ еще и высшій царскій судъ, и члены его имѣли въ своемъ распоряженіи писанный законъ — кодексъ, состоявшій изъ 8 книгъ. Въ этомъ періодѣ, письменность, значительно упрощенная, успѣла уже получить бо̀льшее распространеніе. Изъ древнихъ, весьма мудреныхъ іероглифическихъ письменъ образовалось нѣчто въ родѣ скорописи, служившей для передачи живого народнаго языка; притомъ и стебли папируса доставляли уже въ это время удобный для письма матеріалъ, на которомъ, въ частной жизни, писались *демотическими* письменами письма и все, не относившееся къ офиціальной письменности.

Религія и литература.

Все въ этотъ періодъ египетской исторіи пошло впередъ: искусства, вызванныя роскошью, науки наблюдательныя и опытныя. Для развитія искусства, въ высшемъ значеніи этого слова, мѣстныя условія не были благопріятны. Искусство было подчинено религіи, поэтому держалось опредѣленныхъ, выработанныхъ формъ, и, не развиваясь, оставалось неподвижнымъ. Напротивъ того, жизнь высшихъ классовъ допускала извѣстнаго рода тонкость и изящество вкуса; видимъ изображеніе домовъ съ галлереями, дачъ съ аллеями, бесѣдками, бассейнами, цвѣтниками, повозками, носилками и гондолами; видимъ на тѣхъ же изображеніяхъ игру въ мячъ, въ шашки, танцы, музыкальные инструменты; многочисленные храмы нерѣдко видимъ въ тѣсной связи со школами; есть даже основаніе думать, что не было недостатка и въ литературѣ, по-своему богатой. Въ рукахъ жрецовъ находились 42 священныя книги, между которыми были и медицинскія; вообще искусство врачеванья было особенно развито въ Египтѣ, преимущественно же славились врачи-окулисты, столь необходимые въ странѣ, гдѣ воспаленіе глазъ представляетъ собою явленіе весьма обыкновенное. Между цѣлительными средствами заклинанія злыхъ духовъ занимали не послѣднее мѣсто. И религіозныя воззрѣнія въ этотъ періодъ сильнѣе развиты, чѣмъ въ предшествующіе; узнаемъ даже, что и Египетъ не былъ избавленъ отъ религіозныхъ войнъ. Одинъ изъ царей 18-й династіи, Аменофисъ IV, увлекся пристрастіемъ къ новому культу—одному изъ многихъ мѣстныхъ культовъ, существовавшихъ рядомъ съ преобладающимъ поклоненіемъ богу солнца. Общая сокровищница поэтическихъ сказаній человѣчества пополнилась изъ египетскихъ религіозныхъ вѣрованій миѳомъ объ *Озирисѣ* и *Изидѣ*, который служитъ выраженіемъ своеобразныхъ условій мѣстной жизни.

Миѳъ заключается въ томъ, что женское и мужское благодѣтельныя божества подвергаются преслѣдованіямъ божества губительнаго, Тифона—олицетворяющаго жгучій вѣтеръ пустыни. Озирисъ отъ него погибаетъ, а Изида, глубоко опечаленная, ищетъ его трупъ... Но Озирисъ оставляетъ по себѣ сына и мстителя, Хора, а самъ воскресаетъ для новой жизни. Подобный миѳъ, изображающій, въ лицахъ, для всѣхъ очевидное и въ то же время таинственное чередованіе обычныхъ явленій природы—встрѣчаемъ, въ болѣе или менѣе измѣненной формѣ, у всѣхъ народовъ. Находимъ у Египтянъ и свѣтскую литературу:—и у нихъ были свои поэты! Одинъ изъ нихъ, *Пентаверъ* по имени, въ замѣчательно восторженномъ произведеніи, восхвалялъ своего государя, Рамессу II, за личную храбрость, выказанную имъ въ весьма критическую минуту упорной борьбы его съ Хетитами. Очень наглядно и горячо передаетъ намъ поэтъ весь ужасъ этой минуты:—фараонъ попалъ въ засаду, «и ни одинъ изъ подвластныхъ ему князей, ни одинъ изъ его тысяченачальниковъ или военачальниковъ и витязей—не былъ при немъ»; но онъ призываетъ отца своего, бога Амуна, который болѣе значитъ, нежели 100,000 воиновъ—и побѣждаетъ! Тогда враги падаютъ ницъ передъ нимъ и восклицаютъ: «Ваалъ вселился во всѣ части его тѣла—онъ не простой смертный!»—и они молятъ его оставить имъ хотя бы дыханія жизни.

Это упоминаніе чуждаго божества въ особенности удивляетъ насъ именно въ произведеніи египетскаго поэта, потому что Египтяне и въ древнемъ Мемфисскомъ, и въ позднѣйшемъ Ѳиванскомъ періодѣ, держали

Пиршество у Египтянъ. Древне-египетское изображеніе.

себя очень далеко отъ всего иноземнаго. Вообще Египтяне представляются намъ народомъ весьма самодовольнымъ и даже склоннымъ гордиться своею религіозностью и чистотою, древностью своихъ учрежденій и превосходствомъ своей культуры; считая себя народомъ избраннымъ, они, по возможности, старались не ѣсть за однимъ столомъ съ иноземцами, и хотя они занимались торговлей, хотя мало-по-малу стали допускать иноземцевъ въ нѣкоторыя изъ своихъ гаваней, — сами они все-же очень рѣдко или даже вовсе не выѣзжали изъ своей страны. Однакоже, пришли, наконецъ, такія времена, когда и Египтяне, волей или неволей, должны были выйти изъ своей замкнутости.

Образецъ египетской муміи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Семиты.—Аравія, Мессопотамія, Сирія.—Финикіяне; исторія народа Израильскаго до смерти Соломона.

Семиты. Южная отрасль ихъ.

Если отъ низовьевъ Нила мы обратимся на востокъ и сѣверо-востокъ, то вступимъ въ область обитаемую *семитическимъ* племенемъ. Первоначальнымъ отечествомъ Семитовъ слѣдуетъ считать большой Аравійскій полуостровъ, омываемый съ двухъ сторонъ Персидскимъ и Аравійскимъ заливами. Громадное пространство внутри полуострова—пустынныя, песчаныя равнины, скалистые горные хребты и обнаженныя возвышенности—представляютъ собою очень мало мѣстностей, пригодныхъ для обработки; только горныя террасы, спускающіяся къ берегамъ Индійскаго океана, да узенькая полоса земли, непосредственно прилегающая къ Аравійскому заливу (позднѣе извѣстная подъ названіемъ «Счастливой Аравіи»), обладаютъ плодородною почвою. Это—страна ладана и сахарнаго тростника, кофейнаго кустарника, финиковой пальмы и фиговаго дерева. «Кто приставалъ къ этимъ берегамъ, тому казалось, что онъ вкушаетъ амвросію»—такъ выражается объ этихъ берегахъ одинъ изъ позднѣйшихъ Грековъ. Только здѣсь, на югѣ, эти Семиты пришли къ болѣе прочнымъ государственнымъ формамъ; остальныя-же, *кочевыя племена* пустыни, которыхъ жизнь и теперь течетъ точно такъ же, какъ 5000 лѣтъ тому назадъ,—

оставались внѣ области исторіи, пока и для этого народа, гораздо, впрочемъ, позднѣе, не насталъ его часъ... Большая часть семитскаго племени, въ ту отдаленную эпоху, еще жила въ условіяхъ простѣйшаго родового быта. Богатства ихъ составляли стада верблюдовъ, а позднѣе — табуны коней. Богами и высшими духами, которымъ они поклонялись, были ярко-блестящія звѣзды—ихъ исконные путеводители въ пустынѣ; общими для всѣхъ Семитовъ божествами былъ высшій богъ *Ваалъ* и богиня *Алилатъ*. Вся жизнь ихъ проходила въ племенныхъ усобицахъ, постоянно возрождавшихся вслѣдствіе обязательствъ, налагаемыхъ обычаемъ кровомщенія. Эти Арабы, грубые и чувственные, какъ и всѣ Семиты, обладали и нѣкоторыми благородными сторонами человѣческой природы—рыцарскимъ гостепріимствомъ, стремленіемъ къ независимости и любовью къ свободѣ, въ современномъ значеніи этого слова. Ихъ положеніе между двумя большими низменностями, Нила и Евфрата-Тигра, представляло для нихъ большія удобства: торговые пути, соединявшіе Южную Аравію, Египетъ, Сирію и Мессопотамію, шли черезъ ихъ землю, и они извлекали изъ этого положенія свои выгоды,—то взимая плату за проводы караванъ, то нападая на нихъ для грабежа.

Восточные Семиты. Страна Тигра и Евфрата.

Болѣе завидный жребій выпалъ на долю *восточныхъ* Семитовъ, обитавшихъ въ долинѣ Тигра и Евфрата, между Сирійскою плоскою возвышенностью и Иранскою горною страною. Обѣ эти рѣки берутъ начало въ горахъ Арменіи и, то сближаясь, то отдаляясь другъ отъ друга, стремятся въ Персидскій заливъ, охватывая своими извивами значительную область—такъ-называемую *Мессопотамію*. Эта страна стоитъ въ такой же полной зависимости отъ Тигра и Евфрата, какъ Египетъ отъ Нила. Верстъ за 700 выше устья ихъ, начинается низменность, которая, при мѣстномъ бездождіи, была бы, конечно, безплодна, если бы обѣ рѣки (Тигръ—въ началѣ іюня, Евфратъ—мѣсяцемъ позже) не выступали изъ береговъ и не захватывали низменность своими разливами. Разливы эти не такъ равномѣрно распредѣляются, какъ разливы Нила: необходимы искусственныя сооруженія, чтобы совладать съ избыткомъ воды въ этихъ рѣкахъ, и самая область, оплодотворяемая ими, значительно больше области разливовъ Нила.

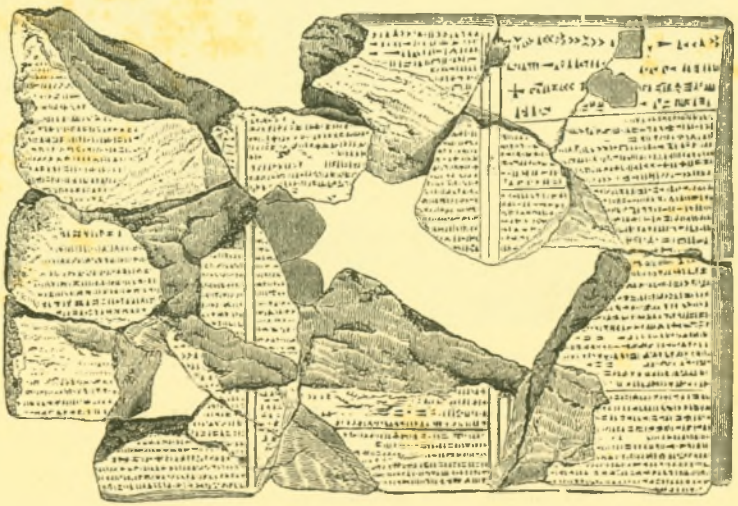
Царство Еламъ. Государство Халдеевъ.

Извѣстія Грековъ объ этихъ странахъ, очень сбивчивыя и малоправдоподобныя, имѣютъ въ настоящее время второстепенное значеніе, такъ какъ изъ развалинъ мѣстныхъ древнихъ городовъ извлечены теперь уже цѣлыя библіотеки кирпичей, покрытыхъ письменами, которыя мало-по-малу начинаютъ разбирать довольно свободно. Первыя начала культуры въ этомъ междурѣчьи можно прослѣдить за 3000 лѣтъ до Р. Х. За 2500 лѣтъ до Р. Х. на востокъ отъ Тигра, въ странѣ *Еламъ* *), находимъ уже правильное государственное устройство и царей; нѣкоторые изъ нихъ, какъ и упоминаемый въ первой книгѣ Моисея, Кедоръ Лаомеръ, распространяли свое владычество даже до Сиріи. На западъ отъ Еламскаго царства образовалось государство *Халдейское,* города котораго—

*) Впослѣдствіи, въ Персидскомъ царствѣ, эта мѣстность была извѣстна подъ именемъ Сузіаны.

Баб-илу (Вавилонъ), Уръ, Эрехъ, Сипара и мн. др., раскинуты были на обширной равнинѣ.

Надписи, во множествѣ находимыя среди развалинъ, уже сами по себѣ представляютъ важное явленіе въ исторіи этого народа: онѣ указываютъ намъ на то, что жрецы и сановники халдейскіе обладали письменами, которыя остроумно придуманнымъ видоизмѣненіемъ одной основной формы *клина* или наконечника стрѣлы, давали возможность передавать и звуки, и отдѣльные слоги. Эти *клинообразныя* надписи сообщаютъ намъ имена царей и боговъ, повѣствуютъ о постройкѣ храмовъ и укрѣпленій, и о войнахъ съ родственнымъ по составу населенія царствомъ *Ассуръ*, явившимся на С. отъ Халдейскаго царства, на Тигрѣ. Семитическій народъ *Калди* или Халден, пришедшіе въ эту мѣстность съ З., развили основы мѣстной, предшествовавшей имъ культуры до такой высоты, что ихъ культура почти могла соперничать съ культурой египетской. Въ астрономіи они пошли далѣе Египтянъ; ихъ система мѣръ и вѣсовъ вошла во всеобщее употребленіе у сосѣднихъ народовъ, а цѣлою сѣтью весьма искусно устроенныхъ водяныхъ сооруженій они закрѣпили за собою обладаніе страною, которую они, въ полномъ смыслѣ слова, подобно Египтянамъ, извлекли изъ воды. Въ самой религіи ихъ сохранились слѣды этой борьбы съ водою за землю; среди ихъ божествъ видимъ рыбообразнаго Дагона, и древнѣйшее сказаніе о потопѣ, связанное съ именемъ царя Ксизутра, спасшагося въ ковчегѣ,—почерпнуто, повидимому, изъ тѣхъ же воспоминаній объ отдаленномъ прошломъ. Важнѣйшія божества



Глиняная таблица съ остатками халдейскаго сказанія о потопѣ.

ихъ стояли въ тѣсной связи съ созвѣздіями, блиставшими на ихъ горизонтѣ; къ этой категоріи слѣдуетъ отнести и высшаго Бога Халдеевъ

Эль, Иль, Бель (поклоненіе ему въ различныхъ видахъ распространилось по всему Семитическому міру), и высшее женское божество—*Белиту, Милиту,* богиню вечерней звѣзды, поклоненіе которой сопровождалось непристойными обрядами. Къ этимъ божествамъ примыкали и другія планетныя божества: *Адаръ* (Сатурнъ), *Нэбо* (Меркурій), *Нергалъ* (Марсъ) и богиня разрушенія—*Истаръ*. Храмы, воздвигнутые въ честь этихъ божествъ, имѣли видъ башенъ, сложенныхъ изъ кирпича; собираясь въ нихъ на молитву, они были ближе къ звѣздамъ, которымъ подчиняли все теченіе своей жизни. Геродотъ описываетъ намъ знаменитѣйшую изъ этихъ башенъ, служившую храмомъ Бэля (на юго-востокъ отъ Вави-

Холмъ Бирзъ-Нимрудъ съ остатками храма Бэля (близъ Вавилона).

лона) *):—то было зданіе въ 8 ярусовъ, воздвигнутое въ срединѣ огражденнаго пространства въ 4 кв. стадіи. Возобновленіе этого громаднаго зданія, затѣянное Александромъ Великимъ, не удалось: отъ замысла пришлось отказаться послѣ того, какъ два мѣсяца сряду 10,000 рабочихъ расчищали мусоръ на мѣстѣ развалинъ храма.

*) Она и подала поводъ Евреямъ къ созданію ихъ остроумной легенды о вавилонскомъ столпотвореніи.

Западные Семиты. Хананиты.

Если, дѣйствительно, цѣлью строителей этого храма было желаніе прославиться среди народовъ (какъ о томъ разсказывается въ еврейской исторіи), то цѣль эта была достигнута: древній халдейскій народъ прошелъ свой историческій путь не безслѣдно и не безславно. Гораздо большее значеніе въ исторіи пріобрѣли *Семиты Западные*, поселившіеся въ странѣ болѣе разнообразной по мѣстности и примыкающей къ Средиземному морю. Страну эту привыкли разумѣть подъ общимъ названіемъ *Сиріи*. Узкая долина, пролегающая отъ верховьевъ р. Оронта до береговъ Краснаго моря, раздѣляетъ сирійскую горную страну на двѣ части, изъ коихъ западная издревле слыветъ подъ названіемъ *Ханаана*. Почва этой страны не вездѣ одинакова: полосы весьма плодородныя чередуются здѣсь съ такими, которымъ справедливо придается характерное названіе «Мертваго моря». Такъ какъ страна отовсюду открыта и доступна каждому, то она, конечно, уже очень рано сдѣлалась естественною цѣлью для всякихъ переселенцевъ, притекавшихъ сюда съ востока и запада, а позднѣе—полемъ великихъ битвъ, на которомъ сталкивались сыны Юга и Востока. Здѣсь цари египетскіе сражались съ сирійскими племенами, о которыхъ подробно сообщаютъ намъ египетскія надписи. Хананеяне были многочисленны, вели жизнь осѣдлую и пользовались благами городской культуры. Наслѣдственные князья управляли небольшими областями: преобладающимъ по могуществу племенемъ были Хетиты, далеко распространившіе свои завоеванія и набѣги на сѣверъ и западъ; но въ половинѣ XIII в. до Р. Х. выдвигается на первый планъ другое племя, Амориты. Это замѣщеніе одного племени другимъ оттѣснило часть побѣжденныхъ къ сѣверу, въ страну простиравшуюся между Ливаномъ и моремъ, извѣстную Грекамъ подъ названіемъ *Финикіи* (страны финиковой пальмы и пурпура), гдѣ около этого времени уже процвѣталъ цѣлый рядъ богатыхъ городовъ; въ другомъ мѣстѣ того же побережья, южнѣе, поселилось въ то же время племя Филистимлянъ, пришедшихъ съ запада, чуть-ли не съ о. Крита.

Финикіяне.

Изъ этихъ племенъ и народовъ *Финикіяне* пріобрѣли наибольшее значеніе; имъ принадлежитъ честь пересажденія пріобрѣтеній культуры восточнаго міра—на Западъ. Въ плодоносной странѣ ихъ, съ одной стороны примыкавшей къ морю, а съ другой постепенно возвышавшейся къ лѣсистымъ вершинамъ Ливана, на протяженіи 20—25 миль береговой полосы, не богатой хорошими гаванями, явился цѣлый рядъ цвѣтущихъ городовъ, отъ *Зора* (или Тира) на югѣ, до *Арвада* (Арадосъ, по-гречески) на сѣверѣ; въ этомъ ряду городовъ *Сидонъ*, городъ рыбаковъ, былъ древнѣйшимъ. Въ 20 миляхъ отъ финикійскаго берега лежитъ островъ *Кипръ* — первая изъ множества прекрасныхъ гаваней на весьма удобномъ морскомъ пути, который пролегаетъ по Средиземному морю и какъ бы заманиваетъ корабль отъ острова къ острову, отъ берега къ берегу, до отдаленнѣйшаго Запада, до «столповъ Геркулесовыхъ» (этого естественнаго выхода изъ Средиземнаго моря въ необъятный океанъ) черезъ которые неоднократно проплывали финикійскіе корабли. Слѣды обширной торговой и колоніальной дѣятельности этого народа мы найдемъ всюду на Западѣ: у населеній, которыя Финикіяне встрѣчали на островахъ и

берегахъ Средиземнаго моря, они добывали за безцѣнокъ сырые продукты почвы, привозили домой для переработки, и потомъ уже, въ обработанномъ видѣ, развозили далѣе на югъ и востокъ. Такимъ образомъ на узкой полосѣ Финикіи вскорѣ скопились громадныя богатства; но, по существу своему, народъ оставался тѣмъ же, чѣмъ былъ прежде. Воззрѣнія на жизнь, особенности характера, религіозныя убѣжденія у Финикіянъ были тѣ же, что и у остальныхъ Семитовъ (особенно Хананеянъ), и если они чѣмъ-либо превосходили ихъ, то ужъ никакъ не высшими доблестями, а только матеріальнымъ благосостояніемъ, коммерческою изворотливостью и ловкостью, городскимъ изяществомъ и умѣлостью. Важнѣйшія основы богопочитанія у этихъ хананейскихъ племенъ тѣ же, что и у Вавилонянъ. Они поклонялись высшему мужскому богу *Ваалу* (Бель) и женскому божеству—*Баальтисъ, Билитъ, Милитъ*. Рыбы, голуби—существа отличающіяся большимъ плодородіемъ—были посвящены этимъ богамъ, которымъ жертвы приносились на горахъ, въ рощахъ и лѣсахъ. И Ваалъ, и Милита—божества творческой силы и плодородія; имъ противополагаются божества разрушающія—*Молохъ* и *Астарта:* первый былъ солнечнымъ богомъ и обычно изображался въ видѣ быка или съ бычачьей головою; Астарта—богиня луны и войны, изображалась съ рожками. Хотя въ общихъ основахъ религія Финикіянъ вполнѣ сходилась съ религіями Восточныхъ Семитовъ въ Вавилонской равнинѣ; однакоже культъ Западныхъ Семитовъ отличался необычайною нравственною распущенностью и жестокостью, и мало-по-малу сталъ выражаться въ самыхъ отвратительныхъ формахъ, возбудительно дѣйствовавшихъ на воображеніе и чувственность. Исключеніе въ этомъ смыслѣ, по своей бо́льшей скромности, составлялъ культъ Тирійскаго бога *Мелькарта*, путеводителя мореплавателей на морѣ, постояннаго спутника ихъ на чужбинѣ.

Народъ Израильскій. Авраамъ.

Въ среду этихъ народовъ вступило племя чуждое и своеобразное, первоначально обитавшее въ низовьяхъ Евфрата область Уръ въ Халдеѣ, и затѣмъ переселившееся въ область Харанъ (къ востоку отъ средняго теченія Евфрата); когда часть этого племени, подъ предводительствомъ главы племени, Абрама или Абраама, двинувшись на З., вступила въ долину Іордана, Хананеяне дали имъ названіе *пришельцевъ* — *Изри* (Израпльтянъ) или *Евреевъ*. Они принесли съ собою нѣчто совершенно новое: издревле существовавшее у нихъ почитаніе Единаго, Всемогущаго Бога. Сами себя они называли по имени одного изъ своихъ патріарховъ, *сынами Израилевыми*; въ древнѣйшихъ преданіяхъ своихъ, упоминая объ Арабахъ, Мидіанитянахъ, Эдомитянахъ, Моавитянахъ, Аммонитянахъ, а также Вавилонянахъ, Ассиріянахъ, — они называютъ ихъ родственными себѣ племенами. Племя Еврейское, въ то время, было еще весьма немногочисленно; въ 1591 г. до Р. Х. оно переселилось въ Египетъ, побуждаемое къ тому голодомъ, и здѣсь, несмотря на ненависть Египтянъ къ племенамъ пастушескимъ, получило разрѣшеніе поселиться въ странѣ Гозенъ. По библейскому разсказу, это произошло вслѣдствіе того, что одинъ изъ нихъ, за свой разумъ и заслуги, попалъ въ милость къ фараону; но, можетъ быть, это произошло и потому, что племя еврейское нимало не походило на родственныя ему пастушескія племена,

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ЕВРЕЕВЪ ВЪ ЕГИПЕТЪ. Образецъ древне-египетскаго красочнаго изображенія.

СЕМИТСКІЙ СТАРШИНА АБША, СО СВОИМИ СПУТНИКАМИ, ЖЕНЩИНАМИ И ДѢТЬМИ, ПОДНОСИТЪ ПОДАРКИ ПРАВИТЕЛЮ ПРОВИНЦІИ, ВЪ ГРОБНИЦѢ КОТОРАГО, ПРИ БЕНИ-ГАССАНѢ, И СОХРАНИЛСЯ ЭТОТЪ РИСУНОКЪ. По Лепсіусу.

Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ.

Печат. въ Артистич. завед. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Менефта I, фараонъ временъ исхода Израильтянъ изъ Египта.

на старыхъ враговъ Египта. Въ Египтѣ имъ было хорошо; положеніе ихъ измѣнилось вслѣдствіе причинъ, которыя въ данное время невозможно выяснить. Царь Рамзесъ II, предпринявъ постройку городовъ Питома и Рамзеса, обратилъ ихъ въ рабство и обязалъ опредѣленною тяжкою работою; повидимому, быстрое возрастаніе этого племени внушало къ нему нѣкоторое опасеніе. Тогда явилось у Евреевъ желаніе избавиться отъ гнета Египтянъ; нашелся и рѣшительный, мощный духомъ вождь: *Моисей.*

Моисей.

Моисей, человѣкъ, посвященный во всѣ тонкости высокоразвитой египетской культурной жизни, все же оставался сыномъ своего народа, и былъ первымъ, провидѣвшимъ его будущее великое назначеніе. Онъ завязалъ сношенія съ Мидіанитянами, что было важнымъ ручательствомъ за успѣхъ его смѣлаго предпріятія. Воспользовавшись междуцарствіемъ въ Египтѣ, Евреи двинулись изъ предѣловъ его, изъ области Мизраимъ, въ которой они жили. Это случилось, какъ полагаютъ, въ 1320 г. до Р. Х., послѣ 230-ти-лѣтняго пребыванія въ Египтѣ; они намѣревались вновь овладѣть тою страною, которою, по живымъ еще между ними преданіямъ, нѣкогда владѣлъ ихъ праотецъ Авраамъ. Отъ преслѣдованія Египтянъ Евреи ушли благополучно; но цѣли странствованія своего они достигли не скоро. Долго пришлось имъ, кочуя, бродить по Синайскому полуострову. Они одолѣли тамъ господствовавшее племя Амалекитянъ, и у подножія громадной горы Синая,—среди грома и молніи,—ихъ вождь возвѣстилъ имъ законъ, по которому они должны были устроить свою дальнѣйшую жизнь, и который, конечно, дошелъ до насъ со многими позднѣйшими дополненіями. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что они развили свои религіозныя воззрѣнія въ сильнѣйшей степени противопоставивъ ихъ всему, что они видѣли кругомъ себя въ Египтѣ. Ревностно заботились они объ охраненіи своей старины; ихъ Богъ, Богъ отцовъ ихъ, выведшій ихъ изъ страны Мизраимъ, во время ихъ долгихъ и трудныхъ странствованій по пустынѣ, пріобрѣлъ еще болѣе значенія для на-

рода, который, постепенно, раздѣлился на колѣна, назвавшіяся именами 12 сыновей одного изъ ихъ праотцевъ, Іакова. Не сразу, однакоже, удалось имъ достигнуть цѣли ихъ странствованій: имъ пришлось при движеніи туда обойти область враждебно противъ нихъ настроенныхъ Эдомитовъ, одолѣть Аморитовъ — и только уже затѣмъ осѣсть по равнинѣ, на востокъ отъ Іордана.

Завоеваніе Ханаана.

Ихъ великій вождь, Моисей, видѣлъ «обѣтованную землю» только издали, въ вершины горы Писгона. Онъ умеръ, не вступивъ въ нее— по преданію, въ наказаніе за то, что онъ однажды усомнился, однажды дерзнулъ возроптать противъ Іеговы:—кому свыше дано столь великое назначеніе, тотъ не долженъ впадать въ сомнѣнія, хотя бы и *однажды*. Осѣвши на мѣстѣ, они выказали себя мужественными воинами; нѣкоторая часть колѣнъ Рувима, Гада и половина колѣна Манассіи поселилась въ странѣ, на В. отъ Іордана; другія же перешли за Іорданъ, взяли городъ Іерихонъ, одержали значительную побѣду надъ Аморитянами, при Гибеонѣ. Часть ханаанскаго населенія подчинилась Евреямъ, и вступила съ ними въ договоръ; другая, покорившаяся безусловно, была безжалостно истреблена. Такимъ образомъ, мало-по-малу, была завоевана и занята Евреями область въ 400 кв. миль; національная святыня ихъ, ковчегъ Іеговы и скинія Завѣта — остановились на половинѣ пути между моремъ и среднимъ теченіемъ Іордана, въ долинѣ Силоамской. Колѣно Ефремово достигло даже и морского прибрежья, но берега въ этомъ мѣстѣ не представляли удобныхъ гаваней, и потому мореплаванье не получило никакого значенія въ жизни этого народа, который и навсегда остался народомъ исключительно сухопутнымъ.

Положеніе страны по смерти Іисуса Навина. Времена судей.

Въ западной части страны, занятой Евреями, преобладало земледѣліе и винодѣліе; въ восточной,—скотоводство. Центръ тяготѣнія ихъ жизни находился главнымъ образомъ въ западной части страны, гдѣ на Евреевъ должна была въ значительной степени вліять сильно-развитая культура Финикіянъ. Но въ народѣ не было тѣсной связи,—чувствовался недостатокъ въ руководителѣ; окруженный враждебными племенами, во многихъ мѣстахъ подвергнувшійся сліянію съ чуждыми элементами, народъ сталъ клониться къ анархіи. Лишь изрѣдка тяжкія общественныя бѣдствія или нападеніе внѣшняго врага побуждали къ тому, что выискивался въ средѣ его сильный, энергичный вождь,—«*судія*» въ родѣ *Гидеона* или прославленнаго преданіями *Самсона*; — около него собиралась большая или меньшая часть народа. Врага изгоняли, иногда наносили ему даже пораженіе—по тѣмъ дѣло и окончивалось; вождь терялъ затѣмъ всякое значеніе и жизнь вступала опять въ свои права... Хуже всего было то, что мало-по-малу стало слабѣть среди Евреевъ сильнѣйшее связующее начало:— религія. Въ разныхъ мѣстахъ ихъ земли воздвигались алтари языческихъ боговъ, общихъ всѣмъ ханаейскимъ племенамъ; рядомъ съ поклоненіемъ Іеговѣ, Богу отцовъ, явилось поклоненіе и Ваалу, и Астартѣ. Около Сихема образовался даже цѣлый союзъ городовъ, воздвигнувшій Ваалу всенародное святилище. Среди общаго разлада и усобицъ, являлись, правда, одинъ за другимъ, то судьи, то пророки, которымъ удавалось побѣдить внѣшнихъ враговъ и образумить толпу; но положеніе народа

все же становилось хуже и хуже, внѣшніе враги, пользуясь раздорами отдѣльныхъ колѣнъ, одолѣвали Евреевъ все болѣе и болѣе, и около 1070 г. до Р. Х. случилось однажды, что даже священный кивотъ Завѣта попалъ въ руки Филистимлянъ, которые нанесли Евреямъ страшное пораженіе и такъ обезоружили ихъ, что нечѣмъ было оковать даже и соху для пашни.

При этихъ тягостныхъ условіяхъ народной жизни, въ массѣ постепенно выработалось сознаніе необходимости сильной, единой царской власти. Вскорѣ нашелся и человѣкъ, достойный избранія въ цари: *Саулъ*, сынъ Киса, изъ колѣна Веніаминова. Этотъ храбрый, мужественный, представительный человѣкъ принялъ на себя тяжелую и отвѣтственную обязанность; сначала, поощряемый къ тому пророкомъ Самуиломъ, онъ несъ ее твердо и смѣло; собравъ около себя значительную часть народа, одержалъ побѣду надъ Филистимлянами, отбилъ у нихъ кивотъ Завѣта. Затѣмъ, вспомоществуемый своими храбрыми сыновьями, онъ разбилъ и Амалекитянъ, но вскорѣ неполадилъ съ Самуиломъ, который не хотѣлъ допустить, чтобы царская власть могла быть наслѣдственной. Это несогласіе поощрило честолюбивые планы высокоталантливаго юноши изъ колѣна Іудина: то былъ *Давидъ*, сынъ Іесея, сначала пользовавшійся милостями Саула и даже женившійся на его дочери. Тайно поощряемый къ тому Самуиломъ, Давидъ составилъ себѣ партію; затѣмъ нѣкоторые города Іудина колѣна приняли его сторону, и около него собралось небольшое войско; однакоже борьба съ Сауломъ была еще ему не по силамъ — онъ вынужденъ былъ бѣжать къ Филистимлянамъ. При ихъ помощи побѣдилъ онъ Саула, который палъ въ битвѣ со своими тремя сыновьями. Долго еще пришлось послѣ того Давиду бороться съ сыновьями и приверженцами Саула, хитрить передъ Филистимлянами и возстановлять истощенное свое царство. Но наконецъ всѣ эти препятствія были устранены, даже и старшія колѣна Еврейскаго народа подчинились власти Давида, и весь народъ, собравшись въ Хевронѣ, избралъ его въ цари (1025 до Р. Х.).

Царь. Саулъ 1055 г.

Такъ достигъ онъ высшей цѣли своихъ стремленій и выказалъ себя вполнѣ достойнымъ своего высокаго назначенія. И современники его, и потомство, дивясь его величію и необычайнымъ способностямъ, какія онъ проявилъ, великодушно простили ему все то дурное, что было имъ сдѣлано въ жизни: за то, что онъ, истый представитель своего народа, съумѣлъ въ короткое время поднять его на верхъ славы и могущества, и тѣмъ самымъ довелъ народъ до сознанія его высокаго призванія. Царь Давидъ избралъ для своего новаго царства и новую резиденцію—крѣпкій городъ *Іерусалимъ*, въ колѣнѣ Веніаминовомъ, близъ границы колѣна Іудина. Отсюда пришлось ему вести упорную борьбу съ Филистимлянами, которые никакъ не могли примириться съ мыслью, что они сами создали себѣ такого мощнаго противника; но Давидъ разбилъ ихъ и «сломилъ рогъ ихъ могущества». Точно такъ же разбилъ онъ и совершенно уничтожилъ племя *Амалекитянъ*; затѣмъ побѣдилъ *Моавитянъ* и *Амонитянъ*, и другихъ ближайшихъ сосѣдей. Съ побѣжденными поступалъ онъ съ чисто-семитическою жестокостью: ихъ давили желѣзными колесницами, жгли

Давидъ — царь (1025). Завоеванія.

въ громадныхъ кирпичныхъ печахъ, рубили топорами и раздирали зубьями пилъ. Недаромъ, воспѣвая его подвиги, народъ восклицалъ въ восторгѣ: «Саулъ побилъ тысячи, а Давидъ—тьмы».

Внутреннее устройство царства.

Вскорѣ владѣнія царя Давида распространились отъ береговъ Краснаго моря до важнаго города Дамаска, стоявшаго на пересѣченіи торговыхъ путей съ востока на западъ и съ юга на сѣверъ. Всю военную добычу свою царь обращалъ на постройку и украшеніе своего столичнаго города, а посрединѣ его, на горѣ Сіонѣ, воздвигъ сильныя укрѣпленія. Его царскій дворецъ построенъ былъ рабочими, присланными къ нему отъ тирскаго царя Хирама, съ которымъ онъ состоялъ въ дружественныхъ отношеніяхъ. Съ замѣчательной энергіей, постоянно прибѣгая то къ хитрости, то къ силѣ, по обычаю всѣхъ восточныхъ владыкъ, Давидъ принялся создавать прочное государство среди своего разрозненнаго народа, издавна склоннаго къ демократизму. Давидъ настойчиво и осторожно стремился къ своей цѣли, съумѣлъ собрать значительную государственную казну, создалъ себѣ надежную воинскую силу, въ составъ которой вступили тѣ смѣльчаки, которые нѣкогда вели съ нимъ скитальческую жизнь, полную тревогъ и опасностей; они получили названіе «*мужей сильныхъ*» (гибборимъ)—и было ихъ около 600 человѣкъ, кромѣ ихъ слугъ и оруженосцевъ. Личную стражу царя составляли иноземные тѣлохранители, нанятые на о. Критѣ или въ землѣ Филистимлянъ. Къ этой сплоченной воинской силѣ, въ случаѣ нужды, примыкало, по древнему обычаю, всенародное ополченіе, котораго набиралось около 300.000 человѣкъ, способныхъ носить оружіе *).

Іерусалимъ — столица.

Подъ вліяніемъ различныхъ мѣропріятій Давида, въ народной жизни Израильскаго народа многое измѣнилось. Высшимъ почетомъ пользовались тѣ, кто служилъ при царскомъ дворѣ; чиновники, назначаемые на мѣста самимъ царемъ, стали постепенно замѣнять выборныя власти въ средѣ народа. Не упустилъ царь изъ вида и наиболѣе могущественное средство къ единенію своего народа: древнее святилище—скинія съ ковчегомъ Завѣта — было перенесено въ новую столицу и поставлено въ полной безопасности на Сіонѣ. При святилищѣ были приставлены священнослужители для постоянной службы, и всему сословію ихъ была придана прочная организація. Среди этого-то сословія, признательно относившагося къ памяти царя-организатора, сохранилось о Давидѣ воспоминаніе, какъ о религіозномъ героѣ и творцѣ величавой религіозной лирики—какъ о «псалмопѣвцѣ».

Возстанія.

Но царство Израильское не избѣгло и обычныхъ явленій народной жизни всѣхъ восточныхъ государствъ. Гаремъ и многоженство, обычные при дворѣ израильскаго царя, какъ и при всѣхъ восточныхъ дворахъ, внесли и въ него характерныя черты восточнаго быта. Одинъ изъ сыновей Давида, Авессаломъ, кровью отмстивъ за честь сестры своей старшему сыну Давида (отъ другой матери), самъ сдѣлался законнымъ наслѣдникомъ престола. Но отецъ, на его взглядъ, слишкомъ ужъ долго

*) Судя по этому, можно предполагать, что все количество Еврейскаго народа равнялось приблизительно 2.000.000 челов.

зажился, и Авессаломъ, воспользовавшись недовольствомъ, которое возбуждало его правленіе, затѣялъ противъ него возстаніе. Старѣющій царь Давидъ былъ застигнутъ этимъ возстаніемъ врасплохъ, и долженъ былъ бѣжать за Іорданъ. Медлительность возмутившагося сына доставила ему возможность собраться съ силами и одолѣть врага. Полководецъ царя Давида, Іоавъ, разбилъ Авессалома на голову и, преслѣдуя его по пятамъ, убилъ во время бѣгства. Тотъ же полководецъ помогъ Давиду усмирить и еще одно возстаніе и принесъ къ его ногамъ голову главнаго зачинщика смуты. Несмотря на всѣ эти удачи, и послѣдніе годы жизни Давида протекли не спокойно. Онъ былъ еще живъ, а кругомъ его придворныя партіи уже тягались за наслѣдованіе его престола: *Соломонъ*, сынъ наложницы Давида Батзэбы, и другой сынъ его *Адонія* готовы были вступить въ споръ изъ-за наслѣдства. Около этихъ двоихъ претендентовъ сгруппировались всѣ важнѣйшіе сановники, полководцы, первосвященники и, между тѣмъ какъ Давидъ лежалъ на смертномъ одрѣ,—обѣ стороны уже готовились къ рѣшенію спора мечомъ. Партія Соломона оказалась болѣе подготовленною къ этому, и Соломонъ, достойный престола своего отца, вступилъ на престолъ. Адонія и глава его партіи, Іоавъ, полководецъ Давида, были умерщвлены у подножія алтаря Іеговы, гдѣ они искали себѣ спасенія (993 г. до Р. Х.).

Соломонъ царь (993). Мирная политика.

Бурная жизнь и долгое правленіе такого величаваго правителя какъ Давидъ, глубоко впечатлѣлись въ памяти народа на вѣчныя времена. Соломону удалось удержать за собою то, что было отцомъ его пріобрѣтено. Онъ подавилъ мятежные замыслы народовъ-данниковъ и съ одной стороны даже расширилъ границы Давидова царства: на В. отъ Дамаска онъ завоевалъ оазисъ Тадморъ, черезъ который шелъ одинъ изъ торговыхъ путей къ Евфрату. Въ правленіи онъ шелъ по слѣдамъ отца своего, дополнилъ и усилилъ укрѣпленія Іерусалима, увеличилъ войско, возвысилъ доходъ отъ налоговъ до 660 киккаръ золота и обезпечилъ себѣ еще другія вспомогательныя средства при посредствѣ дружбы съ однимъ изъ союзниковъ отца своего, царемъ Хирамомъ Тирскимъ. Съ нимъ вмѣстѣ снаряжалъ онъ въ Красномъ морѣ флотъ въ торговую экспедицію, отправляемую въ отдаленный Офиръ (въ южной Аравіи или близъ устья Инда) и сулившую большія выгоды. При Соломонѣ древне-израелитская жизнь стала быстро видоизмѣняться; прежняя простота и дешевизна уступили мѣсто роскоши и дороговизнѣ возникающаго торговаго и промышленнаго государства; власть царская усилилась чрезвычайно, и страна оказалась уже раздѣленною не на 12 колѣнъ, а на 12 округовъ, управляемыхъ царскими чиновниками. Народъ оплачивалъ высокими пошлинами царскую роскошь и блескъ двора, при которомъ видимъ и обычное украшеніе всѣхъ восточныхъ дворовъ — великолѣпный гаремъ. Жемчужиной Соломонова гарема была дочь правившаго тогда въ Египтѣ фараона, Псузеннеса II, послѣдняго царя изъ 21-й династіи. Уже эта родственная связь указываетъ на то, какъ успѣла возрасти въ значеніи власть Израильскаго царя, которая при Саулѣ проявлялась въ такихъ простыхъ формахъ.

Постройка храма.

Соломонъ продолжалъ политику своего отца и въ смыслѣ религіозномъ, и основную мысль ея развилъ до крайнихъ выводовъ. Уже Давиду при-

ходила въ голову мысль о постройкѣ храма Іеговы въ Іерусалимѣ. Но онъ встрѣтилъ препятствія въ исполненіи этой мысли. Соломонъ смѣло взялся за это дѣло и, при помощи финикійскихъ рабочихъ и зодчихъ, въ теченіе $7^1/_2$ лѣтъ закончилъ зданіе храма, предназначеннаго къ тому, чтобы еще сильнѣе привязать жизнь народную, въ религіозномъ смыслѣ, къ главному господствующему центру. Храмъ этотъ дѣйствительно до такой степени поразилъ современниковъ Соломона своимъ великолѣпіемъ, что даже идеальное представленіе о немъ и въ болѣе позднія эпохи служило для Евреевъ высшимъ символомъ національнаго единства.

Упорядоченіе культа.

Съ постройкою храма была связана религіозная реформа, которая выдѣлила священство изъ среды общества и внутренно его видоизмѣнила. Въ связи съ древними преданіями еврейскаго народа, со времени построенія храма одному изъ колѣнъ израильскихъ, Левіину, стали приписывать особенную святость и возложили на него особую миссію служенія въ храмѣ. Каждый левитъ посвящалъ себя этому служенію съ 28-ми-лѣтняго возраста. Только не имѣющій никакихъ тѣлесныхъ недостатковъ могъ быть посвященъ въ это служеніе и съ того времени уже надѣвалъ особую одежду изъ бѣлаго виссона, съ трехцвѣтною перевязью. Во главѣ этого священства со всѣми его степенями стоялъ *первосвященникъ*, приносившій жертвы за весь народъ на жертвенникѣ въ одномъ изъ дворовъ храма. Сану первосвященника была присвоена и особая одежда изъ голубого виссона, съ кистями и бубенчиками, бѣлый, наброшенный на плечи, плащъ (эфодъ), повязка на лбу и сума, украшенная 12 драгоцѣнными камнями; въ той сумѣ лежали жребіи, по которымъ первосвященникъ узнавалъ волю Іеговы. Онъ одинъ, и никто другой, однажды въ годъ, въ великій праздникъ очищенія, имѣлъ право вступать внутрь храма, въ «святая святыхъ», гдѣ стоялъ ковчегъ Завѣта и не было никакого другого образа, ни подобія Божества. Колѣно Левіино не имѣло особой земельной собственности; левиты получали свое содержаніе изъ десятины и строго-опредѣленной части отъ жертвъ, приносимыхъ въ храмъ. Весь культъ, въ эту эпоху, послѣдовавшую за построеніемъ храма, получилъ болѣе роскошную обстановку и вообще больше опредѣленности; то, что прежде было только обычаемъ—теперь вылилось въ торжественныя и ненарушимыя формы обряда. Любопытно, что именно съ этой поры странный обычай обрѣзанія—обратился въ обрядъ, который совершался надъ всѣми безусловно, какъ-бы для того, чтобы наложить на іудеевъ печать, отличающую ихъ отъ другихъ народовъ, хотя тотъ же обычай видимъ и у многихъ дикихъ племенъ. Строго отдѣлилось іудейство отъ всякихъ иныхъ культовъ и даже брачные союзы съ иными племенами были отнынѣ воспрещены: только царь разрѣшалъ себѣ подобные союзы, и Соломонъ допустилъ этимъ путемъ поклоненіе чуждымъ богамъ въ самомъ Іерусалимѣ; онъ возбудилъ противъ себя всеобщее неудовольствіе тѣмъ, что самъ воздвигъ здѣсь жертвенники богамъ Аммону, Моабу, Молоху и Камосу. Около того же времени, и древнія народныя празднества, совпадавшія съ наступленіемъ весны, жатвою и проводами лѣта—пріурочены были къ событіямъ историческимъ. Послѣдній изъ вышепомянутыхъ—*праздникъ кущей*, долженъ былъ сохранять воспоминаніе о временахъ странствованія въ пустынѣ, когда

весь народъ Божій жилъ въ шатрахъ; а *Пасха*—напоминать о томъ моментѣ передъ исходомъ изъ Египта, когда Іегова, за противленіе Фараона, истребилъ всѣхъ первенцевъ у Египтянъ, а *свой* народъ пощадилъ. Іеговѣ посвященъ былъ одинъ день въ недѣлю, который назвали *Саббатъ* (т. е. покой, отдохновеніе) и стали праздновать полнымъ воздержаніемъ отъ всякой работы—обычай, съ которымъ никакъ не могли свыкнуться другіе сосѣдніе народы. Самое понятіе о служеніи Іеговѣ пріобрѣло теперь весьма опредѣленное и строгое значеніе. Служеніе это непрерывно производилось въ храмѣ, гдѣ пылали неугасимые жертвенные огни, а священнослужители непрерывно орошали алтари кровью закалаемыхъ жертвъ, ибо всѣ жертвы (а онѣ могли состоять только изъ домашнихъ животныхъ) должны были отнынѣ совершаться въ Іерусалимѣ, передъ храмомъ, во дворахъ народнаго святилища, которое такимъ образомъ пріобрѣло значеніе небывалое ни въ какія времена, ни у какого иного народа.

Религіозныя вѣрованія.

Собственно-владыкою всей земли почитался Іегова, и отношеніе къ нему народа было облечено въ понятіе союза (завѣта) съ божествомъ. Религіозная реформа, исходившая отъ священства и имъ же проведенная въ жизнь, весьма естественно выразилась въ цѣломъ рядѣ правилъ, относительно соблюденія нравственной и физической чистоты, относительно дѣйствій, которыми человѣкъ эту чистоту могъ нарушить и вновь возвратить себѣ *). Нельзя однакоже сказать, чтобы эти правила имѣли значеніе только внѣшнимъ образомъ соблюдаемыхъ формальностей:—еврейскій народъ былъ глубоко проникнуть жаромъ религіознаго чувства; притомъ же вся эта сложная кодификація была не даромъ освящена именемъ величайшаго изъ дѣятелей израильской исторіи—Моисея. Законъ, приписываемый Моисею, вообще довольно гуманный, выказываетъ заботливость о поденщикахъ, о бѣдныхъ, о рабахъ: «не забывай», — говорится въ немъ — «что и ты тоже былъ рабомъ въ Египтѣ»; и къ чужеземцамъ этотъ законъ предлагаетъ относиться внимательно и справедливо... Одна только женщина, по этому закону, не получила никакихъ правъ. Ея положеніе у Евреевъ было не лучше, чѣмъ у другихъ восточныхъ народовъ: многоженство было допущено, обратилось въ обычай и сопровождалось своими обычными послѣдствіями. Права были даны только мужчинѣ; а женщина обязывалась только быть ему неколебимо-вѣрной, не требуя и не ожидая вѣрности отъ мужчины. Мужчина — одинъ глава дома; по смерти его, всѣ права переходятъ къ его сыну-первенцу.

Распаденіе царства (953).

Эта религіозная реформа, подчинившая всю жизнь народа простѣйшей и вмѣстѣ поразительной идеѣ «вѣчнаго завѣта съ Богомъ отцовъ» и въ то же время сосредоточившая все религіозное мышленіе и чувствованія народа въ стремленіи къ одной общей святынѣ — пережила ту шаткую царскую власть, которая вызвала къ жизни эту реформу.

Уже со смертью Соломона (953 до Р. Х.) царство распалось на двѣ неравныя части, которыя уже никогда болѣе не возсоединялись. Правле-

*) Съ этой точки зрѣнія даже весь міръ животныхъ былъ раздѣленъ на *чистыхъ* и *нечистыхъ*.

ніе Соломона было мирное и во многихъ отношеніяхъ благодѣтельное; слава всеобъемлющей мудрости, приписываемая Соломону не только еврейскими, но и всѣми восточными преданіями,— конечно, не даромъ выпала на долю этого замѣчательнаго государя. Измѣненія, внесенныя царскою властью въ народную жизнь, были полезны и разумны. Благодаря ей, создался порядокъ внутренній, оживилась промышленная дѣятельность, и даже деспотизмъ одного правителя, какъ бы онъ ни былъ тягостенъ по временамъ, былъ все-таки гораздо болѣе сносенъ, чѣмъ предшествовавшая ему неурядица и произволъ многихъ мелкихъ, мѣстныхъ тирановъ. Но въ еврейскомъ народѣ, какъ мы уже упомянули выше, никогда не смолкали исконныя демократическія стремленія, направленныя противъ новой царской власти. Къ этому примѣшивалась, отчасти, и зависть нѣкогда сильнѣйшаго изъ колѣнъ, *Эфраимова*, къ преобладавшему при царяхъ колѣну *Іудину*.

Царства Израильское и Іудейское.

Все это привело къ тому, что уже и ближайшій наслѣдникъ Соломона, сынъ его *Ровоамъ* (Рехабеамъ), уже не могъ удержать царства въ рукахъ своихъ; народъ, испытавшій на себѣ власть царей, находилъ ее слишкомъ тягостной, и попытался ее ограничить. Часть народа осталась вѣрною Ровоаму, другая избрала себѣ въ цари *Іеровоама*, изъ колѣна Ефраимова, и такъ одно царство распалось на два — *Іудейское* и *Израильское*, въ составъ котораго вошло большинство колѣнъ.

Это гибельное для еврейскаго народа событіе произошло какъ разъ въ то время, когда въ долинѣ Тигра и Евфрата долгая борьба между государствами Ассиріей и Вавилоніей начала клониться въ пользу Ассиріи, которая быстро стала переходить отъ одного успѣха къ другому.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Исторія Передней Азіи, отъ распаденія царства Израильскаго до смерти Небукаднесара.

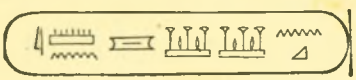
(953—561 до Р. Х.).

События въ Египтѣ.

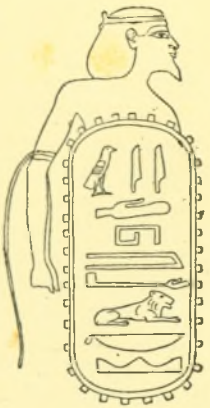
Въ то время, когда Давидъ и Соломонъ пытались создать прочное государство въ средѣ Израильскаго народа, въ Египтѣ происходили слѣдующія событія. Ѳивы утратили свое значеніе и возвысилась новая династія, 21-я, въ Нижнемъ Египтѣ, въ области дельты Нила. Первымъ представителемъ новой династіи былъ Сеамонъ (или Смендесъ), первый жрецъ Амуна Ѳивскаго. Дочь одного изъ этихъ царей, какъ мы видѣли выше, была одной изъ первыхъ женъ въ гаремѣ Соломона; съ другой стороны и въ Египтѣ этого времени ощущается сильное семитическое вліяніе, отразившееся даже и на самомъ языкѣ египетскомъ внесеніемъ массы чуждыхъ семитическихъ словъ. Первый царь новой династіи, 22-й,

Зизакъ или Жешонкъ I (961 г.), соединилъ подъ властью своей весь Египетъ, воспользовался событіями, послѣдовавшими за смертью Соломона, чтобы продвинуть свои владѣнія въ сторону Сиріи. Въ 949 г. до Р. Х. онъ устремился съ большимъ войскомъ на южную часть Іудейскаго царства, сталъ брать городъ за городомъ (названія этихъ городовъ и теперь еще можно прочесть на внѣшней сторонѣ Карнакскаго храма), и ограбилъ самый Іерусалимъ. Опасность, грозившая со стороны Египта, не способствовала однакоже сближенію разрозненныхъ частей еврейскаго народа. Даже и попытки къ тому не было сдѣлано. Вскорѣ дѣло дошло даже до войны между Іудейскимъ и Израильскимъ царствами, и разрывъ между ними оказался окончательнымъ, съ тѣхъ поръ какъ царь *Омри*, 4-й или 5-й послѣ Іеровоама (899—875 до Р. Х.) избралъ столицею для своего царства удобно расположенный *Жоромъ* (или *Самарію*). Даже и религія, повидимому, служившая могучимъ средствомъ единенія для народа, послужила лишь къ тому, чтобы обострить отношенія между обоими царствами. Въ этомъ отношеніи всѣ преимущества были на сторонѣ Іудейскаго царства; главный городъ Іерусалимъ и находившееся въ немъ святилище Іеговы сильно привлекали къ себѣ всѣ умы и придавали болѣе прочности маленькому Іудейскому царству. Уже Іеровоамъ старался бороться противъ этого влеченія, и съ этою цѣлью воздвигъ въ древнихъ мѣстахъ поклоненія (Данѣ и Веѳилѣ) изображенія быковъ, посвященныхъ Іеговѣ. Онъ не посмѣлъ отмѣнить культъ Іеговы, но все же постарался сблизить его съ обычнымъ у хананейскихъ народовъ служеніемъ Ваалу и думалъ этимъ угодить народу. Отчасти онъ и достигъ цѣли въ массѣ народа, но за то вызвалъ со стороны лучшихъ людей вражду и сильнѣйшій отпоръ: они вооружились противъ него въ защиту истины. Дѣло въ томъ, что въ эту пору религіозныя вѣрованія широко распространились въ средѣ еврейскаго народа и пріобрѣли значеніе весьма важной силы. Вѣрованіе въ *Единаго* Бога стало болѣе глубокимъ и болѣе яснымъ; представленіе Евреевъ о себѣ, какъ о народѣ, избранномъ свыше, какъ о народѣ, который великимъ, несравненнымъ, вѣчнымъ Богомъ почитается ближайшимъ къ нему, *своимъ*,—это представленіе воплотилось для всѣхъ Евреевъ въ непреложную истину. И чѣмъ мрачнѣе, чѣмъ безотрад-

Царь Зизакъ, По Шамполіону.



Имя царя Зизака (Жешонкъ). Съ Карнакскаго храма.



Іуда Маленъ (царственный Іуда). Изъ списка завоеванныхъ Зизакомъ городовъ. Съ Карнакскаго храма.

нѣе являлась дѣйствительность, чѣмъ грознѣе отовсюду надвигались опасности, тѣмъ болѣе перерождалось это вѣрованіе въ возвышенный идеализмъ, котораго не могли сломить ни тиранніи правителей, ни пораженія, претерпѣваемыя отъ враговъ; мало того: конечная гибель самаго царства Іудейскаго, самое разрушеніе священнаго города и храма, — только способствовали укрѣпленію этого идеализма, только еще болѣе возвысили его и расширили его стремленія. Этотъ идеализмъ вызвалъ къ жизни одно изъ возвышеннѣйшихъ явленій древняго міра — явленіе *пророковъ* и созданной ими литературы, которая и теперь, какъ 3000 лѣтъ тому назадъ, дѣйствуетъ на воображеніе тѣмъ духомъ неколебимой увѣренности среди несчастій и бѣдствій, который одушевлялъ пророческую литературу. Первымъ среди этихъ могучихъ дѣятелей народа еврейскаго былъ *Илія*, смѣло вооружившійся противъ служенія Ваалу и его жрецовъ; воспользовавшись страшнымъ голодомъ, онъ вынудилъ царя Ахава, сына Омри, поступить по желанію сильно взволнованнаго народа и возстановить служеніе Іеговѣ въ Израильскомъ царствѣ... При крикахъ толпы: «Іегова есть Богъ, Іегова есть Богъ!» — нѣсколько жрецовъ Ваала были умерщвлены народомъ при ручьѣ Киссонѣ. При томъ же царѣ Ахавѣ все болѣе и болѣе надвигавшаяся съ востока опасность привела къ заключенію союза между царями обоихъ царствъ — Іудейскаго и Израильскаго — и царемъ Тирскимъ. Союзъ былъ скрѣпленъ брачными узами между семьями этихъ царей (853 г. до Р. Х.).

Царство Ассирійское.

Дѣйствительно, опасность, грозившая со стороны Ассиріи съ тѣхъ поръ, какъ она одолѣла Вавилонію, стала въ это время очень явною и близкою. Долгое время эти оба царства существовали рядомъ. Нѣсколько династій слѣдовали одна за другою въ древне-вавилонскомъ царствѣ, — и отъ нихъ дошли до насъ только имена, съ которыми мы не можемъ связать никакого живого представленія. Независимо отъ нихъ, въ верховьяхъ рѣкъ Тигра и Евфрата образовалось царство *Ассуръ*, въ XIII вѣкѣ до Р. Х., въ лицѣ своего славнаго царя-завоевателя Тиглатъ-Пилезара (около 1125) добившееся уже преобладанія надъ Вавилоніей, которое повело однакоже къ долгимъ упорнымъ войнамъ, и во время ихъ счастье клонилось то на ту, то на другую сторону. Въ этомъ царствѣ Ассуръ столицею явился г. *Ниневія*, на лѣвомъ берегу средняго теченія Тигра, и здѣсь, съ царя *Ассурназирпала* (883—858), возвеличившаго Ассирію, начался новый рядъ сильныхъ и воинственныхъ царей. Самъ Ассурназирпалъ уже распространилъ свои владѣнія на западъ до моря; о его преемникѣ *Салманассарѣ II* (858—823) мы узнаемъ изъ надписей, что онъ сражался противъ цѣлой коалиціи изъ 12 князей сирійскихъ и всѣхъ ихъ побѣдилъ. Въ этой коалиціи, какъ оказывается, между прочимъ, участвовало 260 военныхъ колесницъ и 10000 воиновъ царя Ахава, который вскорѣ послѣ того погибъ въ походѣ противъ Дамаска. При сынѣ его, Іорамѣ, возбудилась сильнѣйшая реакція въ пользу древняго богопочитанія. Іегу, возставшій противъ Іорама и поддерживаемый ученикомъ Иліи, пророкомъ Елисеемъ, умертвилъ и Іорама, и его мать Іезавель, а затѣмъ подослалъ убійцъ и къ союзнику Іорама, царю Іудейскому Ахазіи. Одновременно онъ приказалъ перебить всѣхъ жрецовъ Ваала,

и вновь возстановилъ въ Израильскомъ царствѣ служеніе Іеговѣ; то же случилось и въ Іудейскомъ царствѣ, гдѣ правительница Аталія, на время введшая идолопоклонство, была умерщвлена.

Ассурназирпалъ на тронѣ. Древне- ассирійское изображеніе.
По фотогр. съ подлинника, хранящагося въ Британскомъ музеѣ.

Всѣ эти событія ни мало не воздержали поступательное движеніе ассирійскаго могущества. Іегу вскорѣ оказался данникомъ Ассирійскаго царя. Затѣмъ царь *Бинъ-Нираръ* (или Раманираръ III) предпринялъ

рядъ походовъ на Западъ. Въ надписяхъ читаемъ о немъ, что онъ подчинилъ своей власти Дамаскъ, Израиль, Эдомъ и Паласту (землю Филистимлянъ), а съ другой стороны—Мидію и Персію. Въ одной изъ надписей, относящихся къ тому же государю, читаемъ имя *Семаураматы* (Семирамиды), занимающей такое выдающееся мѣсто въ сказаніяхъ Грековъ; но съ этимъ именемъ оказывается возможнымъ связать только довольно смѣлое предположеніе о томъ, что Семаурамата, наслѣдовавшая вавилонскій престолъ, вышла замужъ за Бинъ-Нирара Ассирійскаго, — и это супружество примирило и соединило обѣ страны. Четвертый послѣ Бинъ-Нирара царь Ассирійскій, Тиглатъ-Пилезаръ II (745—727), возобновилъ походы на Западъ. Зорко слѣдя за постоянными раздорами между царствами Израильскимъ и Іудейскимъ, Тиглатъ-Пилезаръ II весьма охотно откликнулся на призывъ Іудейскаго царя Ахаза, который молилъ его о защитѣ отъ враговъ.

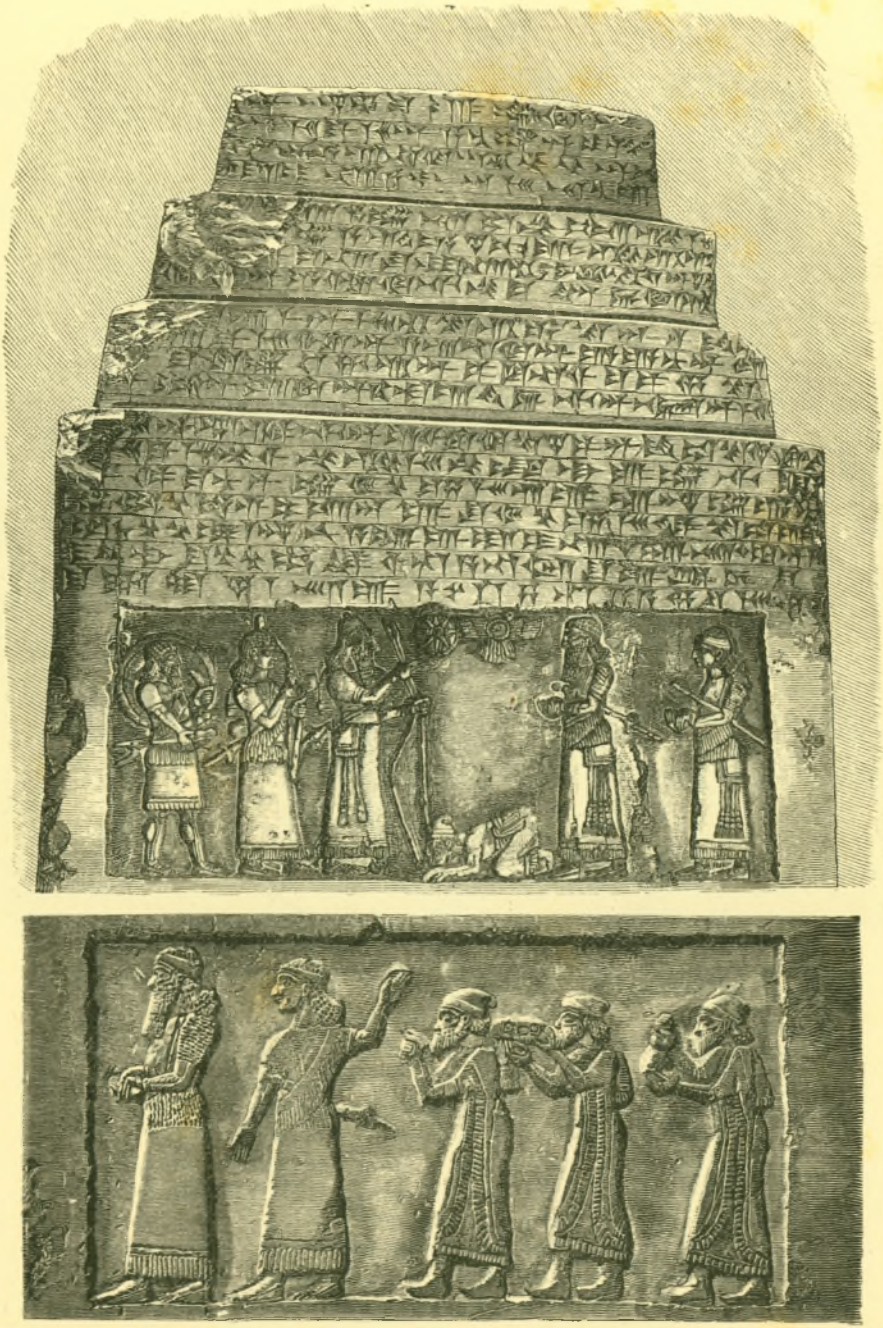
Ассирійская мощь обрушилась разомъ на царство Израильское и Дамаскъ. Царь Ассирійскій сталъ здѣсь распоряжаться полновластно, наказывая виновныхъ, назначая дани, смѣщая царей и правителей. Съ ужасомъ и отвращеніемъ современникъ этихъ событій, пророкъ Исаія, говоритъ, что и ассирійскія жертвоприношенія стали вводиться въ народѣ еврейскомъ, подъ давленіемъ ассирійскаго гнета...

Ассирія и Египетъ. Гибель Израиля (722).

Покоривъ Сирію, Тиглатъ-Пилезаръ явился ближайшимъ сосѣдомъ Египта, и покоренные Ассиріей народы весьма естественно обратили взоры въ сторону Египта. Въ 727 г. до Р. Х. умеръ Тиглатъ-Пилезаръ. Этимъ обстоятельствомъ задумалъ воспользоваться послѣдній посаженникъ Ассиріи, царь Израильскій Оссія. Онъ уже задолго до этого времени сносился съ Шабакономъ или *Сабакономъ*, основателемъ новой, эѳіопской династіи въ Египтѣ (25-й по порядку), и не сталъ платить дань Ассиріи. Однакоже ассирійскія силы, всегда бывшія на-готовѣ, явились для наказанія ослушника тотчасъ же,—гораздо ранѣе, чѣмъ вспомогательное египетское войско успѣло двинуться изъ Нильской долины. Всякія попытки къ освобожденію изъ-подъ ассирійской власти были подавлены. При второмъ преемникѣ Тиглата, *Сарьякинѣ II* (или Саргонѣ), пала Самарія, столица царства Израильскаго, и оно само перестало существовать; даже Египетъ сталъ платить дань Ассиріи, даже долго противившійся ей Тиръ покорился и города Кипрскіе признали себя ему подвластными. Изъ Самаріи 27,280 человѣкъ знатнѣйшихъ жителей, по ассирійской системѣ, были отведены въ Ассирію и поселены на восточной границѣ Ассирійскаго царства.

Царь Саргонъ.

По лѣтописнымъ отрывкамъ и по прекрасно сохранившейся надписи, мы, изъ года въ годъ, можемъ прослѣдить не только походы царя Саргона, но и мирныя дѣянія его,—прорытіе каналовъ, заселеніе пустынныхъ мѣстностей и т. п. Послѣ взятія Самаріи и покоренія Сиріи, Саргонъ двинулся походомъ на Вавилонъ и Эламъ, затѣмъ, въ 715 г. до Р. Х., противъ Мидянъ, и два года спустя уже видимъ 45 князей и предводителей этого народа данниками Саргона. Подручный его князь, посаженный Саргономъ на престолѣ Вавилонскомъ, возсталъ противъ него и былъ побѣжденъ, и царь Ассирійскій, присоединивъ къ своему титулу титулъ царей Вавилонскихъ, сталъ называться «владыкою Сумира и Аккада».



СЪ ОБЕЛИСКА САЛМАНАССАРА, ПО НИНЕВІЙСКОМУ ОРИГИНАЛУ, НАХОДЯЩЕМУСЯ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ВЪ БРИТАНСКОМЪ МУЗЕѢ.

Верхнее изображеніе: плѣнные Іудеи предъ Салманассаромъ.
Нижнее изображеніе: носители дани царя Израильскаго.

Тиглатъ-Пилезаръ нападающій на городъ. Съ рельефнаго изображенія, прославляющаго подвиги этого царя; прежде помѣщалось на стѣнахъ Ниневійскаго дворца; нынѣ въ Британскомъ музеѣ.

Санхерибъ.

Саргону наслѣдовалъ сынъ его *Син-ахи-иribъ* (*Санхерибъ*), царствовалъ отъ 705—681 до Р. Х. Ему еще разъ пришлось бороться съ Вавилономъ и усмирять безпокойные сирійскіе народы. Во главѣ ихъ, несмотря на неоднократныя предостереженія пророка Исаіи, сталъ царь Іудейскій Іезекія, ожидавшій помощи отъ Египта. Но Санхерибъ такъ поставилъ дѣло, что Египтяне не поспѣли подать помощи возставшимъ, и Іезекіи пришлось просить мира. Однакоже ему не легко было отдѣлаться отъ Санхериба: тотъ потребовалъ, чтобы ему были открыты ворота Іерусулима, и когда Іезекія отказался исполнить это условіе — «то былъ запертъ въ своей столицѣ, Урсулиммѣ, какъ птица въ клѣткѣ», — такъ гласитъ одна изъ современныхъ ассирійскихъ надписей. Вся остальная страна была уже въ рукахъ Санхериба. Однакоже Іерусалимъ еще былъ

Изображеніе царя Саргона. Подъ нимъ клинообразная надпись, изъ которой видно, что онъ собиралъ дань съ 7-ми кипрскихъ царей. Собств. Берлинск. музея.

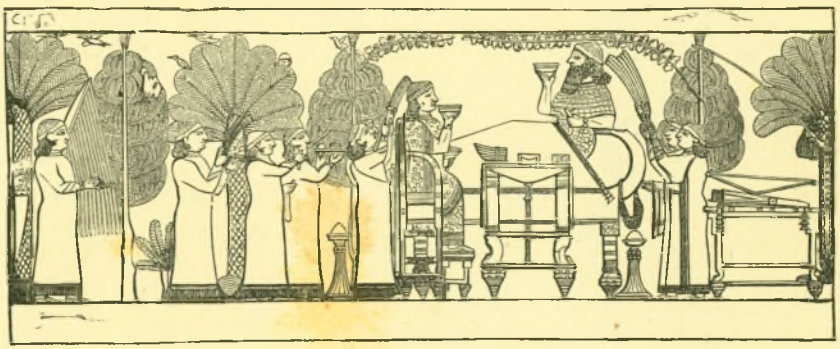
спасенъ на этотъ разъ. По этому поводу сохранились самые диковинные разсказы: Геродотъ сообщаетъ, что подошло египетское войско, подъ начальствомъ Сета, преемника Сабаконова, которому богъ въ сновидѣніи обѣщалъ удачу, и въ то время, когда войска сошлись въ полѣ, полевыя мыши будто бы въ одну ночь уничтожили всю обивку щитовъ и все, что было кожанаго въ вооруженіи Санхерибова войска. Еврейскіе источники разсказываютъ, напротивъ того, будто ангелъ Господень прошелъ ночью по лагерю Ассиріянъ и избилъ ихъ 180,000, т. е. намекаютъ на то, что какая-то повальная болѣзнь послужила поводомъ къ отступленію Санхериба. Ассиріійская надпись говоритъ о томъ же событіи довольно темно и сбивчиво. Несомнѣнно только то, что Египтяне были отбиты; однакоже обложеніе Іерусалима было снято, и Санхерибъ не являлся болѣе въ Сиріи. Онъ былъ занятъ войнами съ Вавилономъ и Эламомъ, и утвердилъ тамъ окончательно владычество своей династіи и народа, болѣе чѣмъ когда-либо грозное и могущественное.

Санхерибъ на тронѣ. Рельефное изображеніе на его дворцѣ въ Ниневіи. По Лейярду.

Ассаргадонъ.

Смерть Санхериба была ужасна: двое сыновей его убили отца своего въ храмѣ бога Низроха. Четвертый изъ его сыновей, *Ассаргадонъ*, захвативъ власть, съумѣлъ удержать завоеванія отца въ области Ирана, и еще разъ подчинилъ себѣ Сирію. На одной изъ скалъ сиріійскаго побережья онъ приказалъ изсѣчь свое изображеніе рядомъ съ изображеніемъ Египетскаго царя Рамзеса II, и отца своего, Санхериба; Манассію (сына Іезекіи), царя Іудейскаго, какъ плѣнника, онъ выслалъ на житье въ свою старую столицу, Вавилонъ. На долю его выпала и еще одна удача, о которой не дерзали по-

мыслить его предшественники:—онъ завоевалъ Египетъ. Египетскому царю *Тираку* (или *Тахарку*) онъ нанесъ страшное пораженіе, и, благодаря этому, признанъ былъ повелителемъ всего Верхняго и Нижняго Египта, страны Мероэ и Кушъ. Онъ распорядился своимъ завоеваніемъ такъ: всю страну подѣлилъ онъ между 20-ю князьями правителями. Позднѣе, Египтяне старались скрыть, что они находились нѣкоторое время подъ чужеземнымъ игомъ и что страна ихъ входила въ составъ Ассирійскаго царства, какъ одна изъ провинцій его. Они не сообщили объ этомъ Грекамъ, и только разсказывали имъ о какихъ-то внутреннихъ смутахъ, о совмѣстномъ правленіи 12-ти князей, о какой-то *Додекархіи*, какъ и сообщаютъ намъ современные греческіе историки. Это происходило въ 672 г. до Р. Х. Имена 20 князей, посаженныхъ Ассаргадономъ, сохранились до нашего времени; они, большею частью, египетскаго происхожденія. Ассаргадону наслѣдовалъ сынъ его, *Ассурбанипалъ* (668—626)—человѣкъ, повидимому, необычайной физической силы



Ассурбанибалъ (Сарданапалъ) и его царица за столомъ. Барельефъ Ниневійск. дворца.

и, какъ всѣ Ассирійскіе цари, страстный охотникъ; въ одной изъ надписей онъ хвалится тѣмъ, что «мощнаго льва пустыни» онъ ухватилъ за уши и прокололъ своимъ копьемъ. Этотъ царь самъ отправился въ Египетъ и закончилъ его завоеваніе. Онъ проникъ до самыхъ Ѳивъ, и тамъ учредилъ служеніе своимъ богамъ — Ассуру и Истарѣ. Его владычество простиралось по всей Передней Азіи; въ своемъ Ниневійскомъ дворцѣ онъ принималъ пословъ Лидійскаго царя Гигеса,—«пословъ страны (какъ гласитъ современная надпись), о которой не слыхивали предки Ассурбанипала»; въ Египтѣ правили посаженные имъ правители; въ Эламѣ — подручный ему царь; въ Вавилонѣ—младшій братъ его. Этотъ братъ— «невѣрный братъ Самассумукинъ»—возсталъ противъ Ассурбанипала; такія же возстанія послѣдовали въ Эламѣ и Египтѣ, гдѣ во главѣ возставшихъ сталъ *Псамтихъ* (Псамметихъ), сынъ одного изъ ассирійскихъ посаженниковъ; и лидійскій царь Гигесъ примкнулъ къ этому враждебному движенію. Однакоже Ассурбанипалъ, послѣ продолжительной борьбы, одолѣлъ своихъ враговъ. Мятежный братъ попалъ въ плѣнъ и «былъ брошенъ въ огонь» или погибъ среди пламени горящаго Вавилона; подобно Вави-

ДВОРЕЦЪ АССИРІЙСКИХЪ ЦАРЕЙ ВЪ НИНЕВІИ.
По проекту возстановленія дворца, составленному Лейярдомъ.

лону, усмиренъ былъ и Эламъ, и кумиры его боговъ перенесены были въ Ассирію; все, что было связано съ возстаніями, повержено было во прахъ. Покоренныхъ князей Ассурбанипалъ заставлялъ, какъ простыхъ работниковъ, принимать участіе въ его постройкахъ, либо впрягалъ ихъ въ свою колесницу, не слѣдуя отвратительному обычаю этихъ семитовъ-завоевателей, сдиравшихъ кожу со своихъ плѣнниковъ. Отъ обладанія Египтомъ Ассурбанипалъ благоразумно отказался.

Народъ и государство Ассирійское.

И такъ, въ половинѣ VII в. до Р. Х. Ассирійское царство стояло въ полномъ блескѣ своего могущества. То было первое великое царство,

Тріумфальное шествіе царя. Изъ Ниневійскихъ барельефовъ.

основанное на завоеваніяхъ,—первое извѣстное намъ такъ-называемое *міровое государство*, созданное усиліями цѣлаго ряда воинственныхъ и необычайно-дѣятельныхъ государей. Эти государи распоряжались безусловно силами своего народа; любопытною характеристическою чертою является то, что въ оставленныхъ ими надписяхъ они всюду говорятъ отъ своего имени и въ первомъ лицѣ. Силы ихъ народа были превосходно организованы и вполнѣ подчинены волѣ своего государя; исполнительная власть оказывается необычайно быстро дѣйствовавшею. Надписи постоянно даютъ намъ въ совершенно опредѣленныхъ числахъ цифру убитыхъ въ сраженіи и взятыхъ въ плѣнъ или выведенныхъ изъ отечества на поселеніе въ Ассиріи. На изсѣченныхъ въ камнѣ изображеніяхъ видимъ, какъ царскіе писцы записываютъ необходимыя имъ свѣдѣнія на кожаныхъ полосахъ, а въ одной изъ громадныхъ грудъ мусора на мѣстѣ развалинъ Ниневіи найдены не только донесенія полководцевъ царю и

Ассирійская фаланга подъ стѣнами осажденнаго города.

отчеты ему различныхъ правителей, но и такая громада писанныхъ таблицъ, что ее съ нѣкоторымъ основаніемъ называютъ библіотекой или архивомъ Ассурбанипала: этотъ царь, повидимому, болѣе чѣмъ всѣ другіе, выказывалъ склонность къ мирной государственной дѣятельности. Особенно хорошо были устроены военныя силы Ассиріянъ, и цари Ассирійскіе прилагали особенную заботу къ укрѣпленію городовъ, а въ особенности столицы своей, Ниневіи, противъ всякаго нападенія извнѣ. Племя, само по себѣ, было воинственное, и войско ассирійское было превосходное. Изъ словъ пророка Исаіи не трудно понять, какое впечатлѣніе производили постоянная готовность ассирійскаго войска къ войнѣ, его быстрыя и вѣрно направленныя движенія; пѣхота была хорошо вооружена, воинскія одежды ея были покрыты нашитыми на нее стальными пластинками, либо кольчужными рубашками и чешуйчатыми панцырями; конусообразные шлемы или желѣзные колпаки прикрывали ихъ голову, защищая черепъ отъ боковыхъ ударовъ большими желѣзными лопастями; ноги были прикрыты наколѣнниками или же защищены чешуйчатыми штанами; наступательнымъ оружіемъ ихъ были: копье и короткій мечъ на перевязи. Рядомъ съ тяжело-вооруженною пѣхотою видимъ легко вооруженныхъ стрѣлковъ и пращниковъ. Видимъ и достаточное количество конницы, вооруженной луками и копьями; самымъ излюбленнымъ родомъ оружія, къ которому принадлежитъ обычно и самъ царь, были военныя колесницы. Весьма разнообразныя военныя картины видимъ мы на ассирійскихъ стѣнныхъ изображеніяхъ: парады, лагерныя сцены, переправы черезъ рѣки; осаду и защиту городовъ; тараны и метательныя машины въ полномъ ходу. На другихъ изображеніяхъ видимъ различные моменты битвы,—отрядъ пѣхоты, у которой первый рядъ колѣнопреклоненъ и копья выставлены впередъ, второй рядъ держитъ копье нѣсколько прямѣе, а черезъ оба передніе ряда стрѣлки третьяго ряда пускаютъ тучи стрѣлъ. Мѣстами, изображенія передаютъ намъ и моментъ побѣды; видимъ побѣжденныхъ, умоляющихъ о пощадѣ, въ отчаяніи ломающихъ руки; головы убитыхъ приносятъ полководцу, и рядомъ съ нимъ стоитъ писецъ, который помѣчаетъ число ихъ. Ассиріянамъ досталась на долю культура, существовавшая уже въ теченіе тысячелѣтій и завѣщанная семитамъ долины Тигра и Евфрата, по всѣмъ вѣроятіямъ, не-семитскимъ племенемъ. Затѣмъ, культура эта была нѣсколько развита Вавилонянами, перенята у нихъ Ассиріянами—и осталась у нихъ въ полномъ застоѣ. Въ пластикѣ эти восточные семиты пошли далѣе Египтянъ; въ изображаемыхъ ими фигурахъ болѣе оживленія и

Ассиріяне считаютъ убитыхъ. Изъ Ниневійскихъ барельефовъ.

менѣе натянутости въ формахъ. Въ водяныхъ сооруженіяхъ, и въ астрономіи, развившейся изъ астрологіи, а равно и въ нѣкоторыхъ областяхъ производства предметовъ роскоши—восточные семиты сдѣлались даже учителями Запада, и вавилонскіе вѣсы и мѣры, вслѣдствіе временного преобладанія ихъ торговли, распространились и на В., и на З. Въ общемъ же, эта культура носитъ на себѣ характеръ культуры чисто внѣшней и преимущественно практической:—то, что дошло до насъ изъ ихъ литературы, не блистаетъ глубиною внутренняго содержанія... Въ долгій періодъ времени, отъ 3800 по 700 г. до Р. Х., въ теченіе котораго собрана была библіотека, приписываемая Ассурбанипалу, мы не можемъ отмѣтить сколько-нибудь значительнаго повышенія умственнаго и нравственнаго уровня.

Вторженіе Скиѳовъ.

Потрясеніе этого грознаго Ассирійскаго царства произошло совершенно случайно. Скиѳскія пастушескія, воинственныя племена, неизвѣстнаго происхожденія *), жившія по берегамъ рѣкъ, текущихъ съ С. въ Черное море, побуждаемыя къ тому голодомъ или жаждою добычи, вдругъ устремились съ сѣвера на области, входившія въ составъ Ассирійскаго царства. Не довольствуясь тѣмъ, что могла дать ихъ алчности Мидія и бѣдныя горныя страны, Скиѳы огненнымъ потокомъ устремились оттуда въ плодоносную долину рѣкъ Тигра и Евфрата, все предавая огню и мечу. Геродотъ, близко знакомый съ обычаями и нравами Скиѳовъ, далъ намъ превосходный очеркъ ихъ, составляющій одну изъ самыхъ драгоцѣнныхъ и самыхъ любопытныхъ страницъ его безсмертнаго творенія. Этотъ очеркъ, подтвержденный изслѣдованіями скиѳскихъ могильныхъ насыпей въ степяхъ на югѣ Россіи, въ связи съ добытыми тамъ драгоцѣнными памятниками (нынѣ хранящимися въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ С.-Петербургѣ), даетъ намъ довольно полную характеристику Скиѳовъ.

Геродотъ рисуетъ намъ Скиѳовъ народомъ воинственнымъ и храбрымъ, у котораго мужество на войнѣ уважалось настолько же, насколько и любовь къ родинѣ и роднымъ обычаямъ. Нравы Скиѳовъ, по его описанію, были суровые и жестокіе. Высшимъ богомъ у нихъ былъ богъ войны, которому не ставили ни капищъ, ни кумировъ: олицетвореніемъ грознаго божества являлся старый желѣзный мечъ, водруженный на высокомъ холмѣ изъ прутьевъ. Ему ежегодно приносили въ жертву скотъ и лошадей; ему же и одного изъ сотни враговъ, взятыхъ въ плѣнъ на войнѣ. «Возливъ вино на голову плѣнника»,—такъ описываетъ Геродотъ эти скиѳскія человѣческія жертвоприношенія,— «его зарѣзываютъ надъ сосудомъ, потомъ несутъ эту кровь на холмъ изъ прутьевъ и льютъ ее на мечъ». Еще болѣе жестокими оказываются военные обычаи Скиѳовъ: они пьютъ кровь перваго убитаго врага, сдираютъ кожу (скальпъ) съ головы убитаго

*) Геродотъ даетъ общее названіе *Скиѳовъ* племенамъ, обитавшимъ по прибрежьямъ Понта Евксинскаго (Чернаго моря) отъ устьевъ Дуная до устьевъ Дона. Поселья ихъ шли далеко (на 10 дней пути) и вглубь страны, на Сѣверъ. Называя Скиѳовъ однимъ народомъ, Геродотъ подраздѣляетъ ихъ на много племенъ и тѣмъ уже вынуждаетъ думать, что слово *Скиѳы* было скорѣе названіемъ собирательнымъ. Самое слово *Скиѳъ* и тѣ слова скиѳскаго языка, которыя сохранилъ Геродотъ, не разслѣдованы еще съ достаточною ясностью: — разборъ ихъ принадлежитъ будущему филологической науки.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА

къ Никопольской скиѳской вазѣ.

Эта ваза, добытая изъ Чертомлыцкой могилы, верстахъ въ 20 къ С.-З. отъ м. Никополь (Екатеринославской губ.), представляетъ собою одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ греческаго искусства, *„которому подобнаго нѣтъ ни въ одномъ изъ музеевъ Европы“*—по замѣчанію академика Стефани, извѣстнаго знатока классической древности. Этотъ сосудъ, вышиною въ 15¼ вершковъ, въ самой широкой своей части имѣетъ въ поперечникѣ 8¾ вершка. Онъ сдѣланъ изъ серебра; его подножіе, шейка, ручки и всѣ предметы, рельефно изображенные на разныхъ частяхъ вазы—густо вызолочены, тогда какъ основная поверхность остальныхъ частей не покрыта позолотою.—Ваза имѣетъ форму амфоры и, очевидно, была предназначена для храненія вина при пиршествахъ. Поэтому внутрь ея шейки вдѣлано мелкое ситечко; такія же ситечки видимъ и въ трехъ носкахъ, придѣланныхъ къ нижней части вазы. Одному изъ нихъ художникъ придалъ форму лошадиной головы, украшенной двумя крылами и лучезарнымъ вѣнцомъ; оба другіе носка сдѣланы въ видѣ львиныхъ головъ. Отверстія этихъ носковъ затыкались пробками, прикрѣпленными къ небольшимъ серебрянымъ цѣпочкамъ; отъ одной изъ такихъ цѣпочекъ еще сохранилась часть при одной изъ львиныхъ головокъ. Нижняя часть вазы, вплоть до фриза, украшена рѣзными изображеніями травъ, птицъ и цвѣтовъ. Кругомъ всей вазы, по фризу, группами, размѣщены фигуры Скиѳовъ, ухаживающихъ за конями—сильнымъ рельефомъ (мѣстами, болѣе, чѣмъ на половину) выступающіе изъ фона. Эти изображенія Скиѳовъ живо знакомятъ насъ со многими сторонами ихъ степного быта и служатъ однимъ изъ главныхъ основаній для изученія скиѳскихъ древностей. Выше фриза, на самыхъ плечахъ сосуда, помѣщены художникомъ изображенія грифоновъ, терзающихъ оленя. «Эта ваза»,—по замѣчанію академика Стефани,—«носитъ на себѣ отпечатокъ лучшаго греческаго стиля IV в. до Р. Хр.».

СЕРЕБРЯНАЯ НИКОПОЛЬСКАЯ ВАЗА СЪ ИЗОБРАЖЕНІЯМИ СКИѲОВЪ.
Хранится въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ СПБ.

противника и какъ трофей побѣды вѣшаютъ ее на узду своего коня; кожею, содранною съ рукъ врага, обиваютъ колчаны; изъ верхней части череповъ вражескихъ дѣлаютъ чаши, оправляя ихъ то въ кожу, то въ золото, и хвалятся ими на пирахъ передъ иноземцами.

Изображеніе Скиѳовъ на Никопольской серебряной вазѣ, хранящейся въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ С.-Петербургѣ.

При заключеніи союзовъ и договоровъ, Скиѳы опять прибѣгаютъ къ крови и оружію: «наливъ вина въ большую глиняную чашу, мѣшаютъ его съ кровью заключающихъ договоръ, уколовъ шиломъ или порѣзавъ ножомъ ихъ тѣло; потомъ погружаютъ въ чашу саблю, стрѣлы, сагаръ (родъ топора) и дротикъ. По совершеніи сего, произносятъ многія заклятія. Потомъ выпиваютъ чашу и заключавшіе союзъ, и важнѣйшіе изъ ихъ свиты». Любопытенъ и еще одинъ обычай, упоминаемый Геродотомъ, именно какъ обычай народа, страстно любившаго войну и всю жизнь проводившаго въ войнѣ, среди привольныхъ степей, лежавшихъ на рубежѣ Азіи, этой колыбели народовъ. «Ежегодно» — говоритъ Геродотъ — «каждый улусный старшина собираетъ Скиѳовъ своего улуса, растворяетъ чашу вина, которую пьютъ всѣ, истреблявшіе непріятелей на войнѣ. Не отличившихся военными подвигами старшина этимъ виномъ не угощаетъ: сидятъ они особо, безъ всякой почести, и это считается у нихъ за великое безчестье. Кто же убилъ очень много непріятелей, тѣ связываютъ даже и по два стакана и изъ обоихъ пьютъ одновременно».

Похваляя мужество Скиѳовъ и превознося ихъ воинскіе подвиги, Геродотъ всюду рисуетъ ихъ тактику, какъ тактику всѣхъ степныхъ народовъ: война постоянно на конѣ, завлеченіе непріятеля въ глубь безлѣсной и безводной степи, нападенія изъ засады, быстрый и безпощадный натискъ на оплошнаго врага—вотъ постоянные воинскіе пріемы Скиѳовъ *).

Этотъ народъ, никому изъ ближайшихъ не родственный, невѣдомо откуда явившійся, говорившій никому непонятнымъ языкомъ, суровый и въ жизни, и въ обычаяхъ, беззавѣтно храбрый и безпощадный въ нападеніяхъ,—навелъ ужасъ на всѣ сирійскіе народы. Города сдавались Скиѳамъ безъ боя или откупались богатыми откупами; войска не выдерживали ихъ натиска, поражаемыя суевѣрнымъ страхомъ. Предѣломъ ихъ нашествія была граница Египта, на которой царь Псамметихъ I выставилъ сильное войско, но, въ то же время, благоразумно предложилъ скиѳскимъ князьямъ богатые дары. Отъ границъ Египта они возвращались черезъ земли Филистимлянъ, затѣмъ еще нѣкоторое время, 7—8

*) По многимъ чертамъ быта, многіе ученые не безъ основанія предполагаютъ, что однимъ изъ составныхъ элементовъ въ скиѳскихъ толпахъ были и Славяне. Драгоцѣнныя и въ своемъ родѣ единственные матеріалы для изученія скиѳскаго быта собраны въ отдѣленіи скиѳскихъ древностей Императорскаго Эрмитажа въ С.-Петербургѣ.

лѣтъ, они продолжали быть грозою и ужасомъ странъ, расположенныхъ между Евфратомъ и Средиземнымъ моремъ,—и наконецъ, пресыщенные хищеніемъ, отягощенные богатой добычей, вновь удалились въ свои сѣверныя степи.

Паденіе Ассиріи. Независимость Вавилоніи.

Это нашествіе (или нашествія) Скиѳовъ имѣло одно несомнѣнно важное послѣдствіе: могущество Ассиріи было подорвано. Ассурбанипалъ (въ 626 г. до Р. Х.) умеръ и его наслѣдникъ *Ассуръ-идиль-или*, едва только успѣлъ вступить на тронъ, какъ на Ассирію обрушились полчища варваровъ. И эти варвары потрясли Ассирію не только тѣмъ, что страшно ее опустошили, а и тѣмъ, что лишили ее прежняго нравственнаго обаянія, разрушили политическое преобладаніе Ассиріи, грозное войско которой не въ силахъ было отразить натискъ сѣверныхъ варваровъ. Этимъ воспользовался *Кіаксаръ*, правитель Мидіи, для освобожденія Мидіи изъ-подъ ассирійской власти. Онъ кстати нашелъ себѣ подражателей въ этой политикѣ, направленной противъ Ассиріи: *Набополассаръ* (или *Набупалусуръ*), намѣстникъ Вавилонскій, также захотѣлъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ, чтобы основать или возстановить самостоятельное Вавилонское царство. Кіаксаръ однакоже не тотчасъ напалъ на Ассирійское царство: сначала онъ занялся распространеніемъ своего царства на З. и здѣсь впервые столкнулся съ державою, которой развитіе стояло уже въ тѣсной связи съ исторіею Западнаго міра, а именно, съ царствомъ Лидійскимъ.

Лидійское царство образовалось на западномъ берегу Малой Азіи; Греки оттѣснили однакоже Лидянъ отъ устьевъ рѣкъ; притомъ это царство неоднократно (и до вышеописаннаго нашествія Скиѳовъ) подвергались хищническимъ нападеніямъ сѣверныхъ народовъ. Въ 689 г. до Р. Х. царство Лидійское быстро возвысилось въ правленіе *Гигеса*, захватившаго въ свои руки бразды правленія. Въ то самое время, когда, съ одной стороны, онъ запискивалъ у греческаго оракула, добиваясь отъ него санкціи своихъ правъ на власть, — мы, съ другой стороны, видѣли его пословъ въ Ниневіи, у царя Ассурбанипала, гдѣ они молили могущественнаго владыку о помощи противъ новаго нашествія Скиѳовъ. Помощь Гигесу была послана, но онъ плохо отблагодарилъ своего защитника: онъ послалъ помощь противъ Ассиріянъ сопернику ихъ Псамметиху. Ближайшему наслѣднику Гигеса пришлось однакоже еще разъ вымаливать у Ассирійскаго царя помощь противъ тѣхъ же варваровъ, и онъ долженъ былъ признать себя вассаломъ Ассиріи.

Мидо-вавилонскій союзъ. Взятіе Ниневіи.

При третьемъ преемникѣ Гигеса, *Аліатѣ* (612 — 563) произошло столкновеніе Лидянъ и Мидянъ. 30-го сент. 610 г. оба войска изготовились къ битвѣ. Но именно то событіе, которое дастъ намъ возможность такъ точно опредѣлить этотъ фактъ, — солнечное затменіе, бывшее въ этотъ день,—воспрепятствовало началу битвы или прервало ее, и привело къ мирному соглашенію: р. Галисъ была установлена границею между Лидіей и Мидіей. Послѣ этого, Мидяне, вмѣстѣ со своими союзниками, Вавилонянами, обратились противъ Ассиріи, чтобы закончить начатое Скиѳами разрушеніе этого царства. Война окончилась (въ 606 г. до Р. Х.) тѣмъ взятіемъ *Ниневіи*, которое такъ прославлено баснословнымъ

разсказомъ о гибели какого-то Сарданапала — будто бы изнѣженнаго потомка мощныхъ воителей. Но какія бы сказанія ни были связаны съ гибелью послѣдняго изъ Ассирійскихъ царей Ассуръ-идиль-илиса, — достовѣрно извѣстно только то, что разгромленіе Ниневіи было, во всякомъ случаѣ, полное: — великолѣпное Ассирійское царство пало окончательно. Страшная ненависть противъ ассирійскихъ владыкъ способствовала тому, что побѣдители безпощадно истребили не только народъ ихъ, но и самую столицу, которую буквально сравняли съ землей.

А между тѣмъ очень немногое измѣнилось вслѣдствіе того, что Ассиріи не стало; Вавилонія со своей древней столицей выступила на мѣсто Ассиріи, при подобныхъ же бытовыхъ условіяхъ: народъ и правители этого ново-вавилонскаго царства и въ доблестяхъ, и въ порокахъ своихъ немногимъ отличались отъ народа и правителей Ассиріи. Вавилонія унаслѣдовала отъ Ассиріи и стремленіе ея къ господству надъ Сиріей, и къ столкновенію съ Египтомъ — столкновенію, ближайшей жертвой котораго пришлось быть *царству Іудейскому*. Ему суждено было погибнуть именно тогда, когда оно успѣло достигнуть въ своемъ духовномъ развитіи высоты всемірно-исторической; и изъ этихъ нескончаемыхъ войнъ человѣчество успѣло вынести неоцѣненное духовное сокровище.

Послѣ смерти Іезекіи въ 697 г. до Р. Х., на Іерусалимскій престолъ вступилъ 12-ти-лѣтній мальчикъ, Манассія. Онъ покланялся Ваалу; но среди борьбы съ чуждыми вѣроисповѣданіями, среди военной сумятицы, среди шумныхъ передвиженій ассирійскаго войска, среди страшныхъ бѣдствій скиѳскаго нашествія, подъ гнетомъ всевозможныхъ бѣдъ и опасностей, побѣдоносно проявилось величавѣйшее откровеніе семитскаго духа, въ цѣломъ рядѣ *пророковъ*; пророки, въ это гибельное время, стали дѣйствовать заодно съ священствомъ, и, въ правленіе царя *Іосіи* (4-го послѣ Іезекіи), произвели другую важную религіозную реформу, которую опять-таки связали съ прославленнымъ именемъ перваго законодателя еврейскаго народа (622 г.). Результаты этой реформы видимъ мы въ пятой изъ книгъ, приписываемыхъ Моисею (Второзаконіе). Рѣчью Моисея и начинается эта книга — и дѣйствительно вынуждаетъ возвратиться къ простѣйшимъ воззрѣніямъ первобытнаго времени, которыя, однакоже, въ теченіе вѣковъ, пріобрѣли болѣе глубокое значеніе и одухотворились. Въ высшей степени важнымъ, въ этомъ именно смыслѣ, является значеніе пророковъ въ средѣ еврейскаго народа; они, и помимо священства, стоявшаго во главѣ религіозной жизни народа, являлись строгими хранителями основныхъ началъ вѣрованія въ Іегову, и развивали ихъ постоянно и вполнѣ самостоятельно. Существеннѣйшее изъ религіозной реформы, произведенной при Давидѣ и Соломонѣ — сосредоточеніе богослуженія въ Іерусалимѣ, усиленіе вліянія, оказываемаго священствомъ на жизнь народа, жертвенные и очистительные законы,—было удержано; все непримѣнимое и неудобоприложимое къ жизни было опущено въ этомъ законѣ, а все касавшееся простыхъ нравственныхъ обязанностей (гуманнаго отношенія ко вдовамъ и сиротамъ, должникамъ, рабамъ, поденщикамъ) значительно усилено; болѣе же всего выставлена была на видъ простая и внушительная идея

тѣснаго союза Іеговы съ народомъ. Это отношеніе къ божеству было представлено въ видѣ договора между господиномъ и рабомъ; если этотъ рабъ, этотъ сынъ Израилевъ, окажется вѣрнымъ слугою своего господина, Іеговы, то долженъ получить отъ него награду здѣсь, на землѣ, — такъ какъ вѣры въ безсмертіе души мы не находимъ ни у Евреевъ, ни у другихъ семитическихъ народовъ. Особенно настойчиво отвергаются всѣ чуждыя богопочитанія: поклоненія Астартѣ, Молоху, Милькому, Камосу, Ваалу, распространенныя между сосѣдними племенами. Объ отношеніи Іеговы къ остальнымъ народамъ и ихъ богамъ ничего опредѣленнаго не высказано; но уже идея *Единаго*, всѣмъ человѣчествомъ правящаго Бога подготовляется въ основѣ воззрѣній, высказываемыхъ Второзаконіемъ,— идея, исключающая всякую возможность зарожденія политеистическихъ воззрѣній языческаго міра. Все существующее съ замѣчательною односторонностью, но за то и съ необычайной энергіей сводится къ этому Богу и его народу—и подобная односторонность, подобная энергія уже сулятъ этому вѣрованью великую будущность; мало-по-малу непреодолимая преграда уже начинаетъ воздвигаться между этою націею и всѣми другими націями:—и потому именно, наканунѣ гибели и разрушенія самаго царства, идолопоклонству былъ въ немъ навсегда положенъ конецъ.

Вавилонія и Египетъ. Битва при Кархемышѣ.

А между тѣмъ гибель была уже близка. Прежде чѣмъ она настала, Евреямъ пришлось потерпѣть жестокое пораженіе отъ фараона *Нехо* (610 г.), сына Псамметихова, который задумалъ завоевать Сирію. Побѣдитель отдалъ Іудею въ управленіе второму сыну Іосіи, которому не дозволилъ даже и называться царемъ... Между тѣмъ — Ниневія пала.

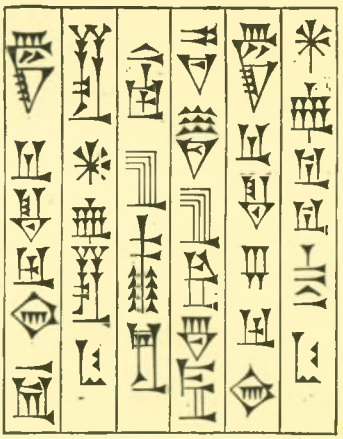
Ближайшимъ слѣдствіемъ этого событія было то, что Вавилонія и Египетъ, однажды освободившіеся изъ-подъ ига ассирійскаго, очутились теперь лицомъ къ лицу. Столкновеніе между ними было неизбѣжно: Сирія предстояло быть наградою побѣдителя; она же послужила и полемъ битвы для обѣихъ странъ-соперницъ. Въ 605 г. фараонъ Нехо съ большимъ войскомъ устремился къ Евфрату. Вавилонское войско выступило подъ начальствомъ *Набукудуруссура* (сына Набополассарова), котораго отецъ вмѣсто себя выслалъ въ поле. При *Кархемышѣ*, на лѣвомъ берегу Евфрата, послѣдовала битва и окончилась тяжкимъ пораженіемъ Египтянъ. «Не убѣжать ни быстрому, ни сильному—мечъ пожираетъ всѣхъ и насыщается вполнѣ»,—такъ изображаетъ это пораженіе пророкъ Іеремія. Но и его собственному народу эта побѣда Вавилонянъ была не на радость.

Черный вавилонскій камей, съ изображеніемъ Небукаднессара. (Въ Берлинскомъ музеѣ).

Небукаднессаръ. Гибель Іудейскаго царства (586).

На нѣкоторое время Небукаднессаръ (Навуходоносоръ) былъ вынужденъ удалиться въ Вавилонъ, гдѣ, незадолго передъ тѣмъ, умеръ его отецъ. Но, утвердившись тамъ, Навуходоносоръ вновь обратился къ завоеваніямъ: и покорилъ своей власти арабскихъ князей, Аммонитянъ, Моавитянъ, Аморитянъ, Арадъ, Гамадъ, Дамаскъ, Іудею — одинъ народъ за другимъ. Но царь Іудейскій Іоакимъ, три года спустя, имѣлъ не-

осторожность отпасть отъ Вавилоніи, понадѣявшись на помощь со стороны Египта. Навуходоносоръ снова явился съ войскомъ и отбросилъ войско египетское:—сыну Іоакимову оставалось одно: просить мира въ лагерѣ Халдейскомъ. Онъ самъ и 10000 наиболѣе знатныхъ людей были выведены изъ Іудеи въ Вавилонъ, а въ Іерусалимѣ посаженъ намѣстникъ, который относился къ побѣжденнымъ весьма снисходительно. Но Евреи не унимались; они еще разъ приняли сторону Египта противъ нововавилонскаго государства, когда фараонъ *Хофра*, внукъ фараона Нехо, въ 589 г. объявилъ войну Навуходоносору. Евреи поспѣшили возстать, задолго до окончанія воинскихъ приготовленій фараона. Грозный воитель тотчасъ явился подъ стѣнами Іерусалима, отбилъ наступающихъ Египтянъ, полтора года осаждалъ городъ и наконецъ взялъ его въ 586 г. до Р. Х. Тогда сбылось пророчество Іереміи: и городъ, и храмъ были истреблены огнемъ. Послѣдній изъ царей Іудейскихъ, Седекія, былъ ослѣпленъ и въ цѣпяхъ отведенъ въ Вавилонъ, а съ нимъ и большинство жителей Іерусалима, стертаго съ лица земли: Вавилоняне, какъ и Ассиріяне, держались варварскаго обычая массами переселять жителей побѣжденныхъ странъ въ свои предѣлы.



Осада Тира.

Вся Сирія покорилась завоевателю, не исключая и финикійскихъ городовъ, кромѣ одного только города Тира, т. е. *Новаго Тира*, расположеннаго на островѣ. Много лѣтъ подъ-рядъ вавилонскія войска стояли на берегу, противъ этого города, и не могли достигнуть своей цѣли. Только уже въ 573 г. окончилась эта борьба, какъ кажется, договоромъ, по которому городъ призналъ надъ собою добровольно верховную власть Вавилонскаго царя, но не былъ вынужденъ отворить свои ворота халдейскимъ войскамъ.

Кирпичъ изъ построекъ Небукаднессара. Съ 6-ти-строчною надписью.

Смерть Небукаднессара (561).

Навуходоносоръ, повидимому, былъ правитель разумный и дѣятельный, и воинскіе подвиги его не составляли единственной цѣли его жизни. Надписи вавилонскія перечисляютъ его постройки,—и всѣ онѣ были предназначены служить общественнымъ нуждамъ. Превосходною системою каналовъ, при посредствѣ огромнаго искусственнаго бассейна близъ Сиппара, онъ съумѣлъ наконецъ совладать съ бурною рѣкою; на обѣихъ рѣкахъ, соединенныхъ каналомъ, было облегчено судоходство и судамъ открытъ путь къ верховьямъ Евфрата. Торговые караваны могли свободно передвигаться изъ конца въ конецъ царства, въ которомъ всюду былъ миръ и порядокъ. Противъ неминуемой опасности, грозившей царству Вавилонскому со стороны Мидіи, возраставшей въ силѣ и могуществѣ, Навуходоносоръ принялъ свои мѣры: воздвигъ цѣлую систему весьма искусно расположенныхъ укрѣпленій—такъ-называемую *мидійскую стѣну*, которая, повыше каналовъ и Сиппарскаго бассейна,

простиралась между Тигромъ и Евфратомъ. Самую же столицу своего царства Навуходоносоръ обнесъ громадными стѣнами и укрѣпленіями. Вавилонъ, со своимъ величавымъ царскимъ дворцомъ, съ высочайшею башнею бога Беля, съ «висячими садами» на искусственныхъ уступахъ горы, орошаемый широкою и мощною рѣкою,—представлялъ собою зрѣлище величественное, которое должно было плѣнять воображеніе восточныхъ народовъ не менѣе, нежели нѣкогда плѣняли его «стовратныя» Ѳивы. Къ тому же, въ правленіе могущественнаго царя Навуходоносора ни откуда не грозила Вавилону опасность: Мидія, Лидія, Вавилонія жили между собою въ мирѣ, скрѣпленномъ договорами; Египетъ, четвертое изъ сильныхъ въ то время государствъ, былъ вынужденъ держаться своихъ естественныхъ границъ и тоже не склоненъ былъ нарушать установившійся миръ... Когда Навуходоносоръ скончался, въ 561 г., послѣ 45-ти-лѣтняго царствованія, — онъ оставилъ сыну своему, *Эвиль-Меродаху*, цвѣтущее и на восточный ладъ прекрасно устроенное государство.

КНИГА ВТОРАЯ.

Персы и Эллины.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Основаніе Персидской монархіи.

Взглядъ назадъ.

Мы видѣли выше, что въ долинѣ Нила и въ долинѣ Тигра и Евфрата, а также и въ той полосѣ земель, которая простирается между этими двумя долинами, развилась и выросла своеобразная цивилизація, которая насчитывала уже не одно тысячелѣтіе; но мы должны признать, что эта цивилизація касалась только внѣшнихъ, чисто матеріальныхъ сторонъ быта, а духовная жизнь въ теченіе этихъ тысячелѣтій двигалась очень туго и медленно. Прекрасною характеристикою тѣхъ нравственныхъ понятій, которыя являлись результатомъ прожитыхъ тысячелѣтій, можетъ служить одна изъ ассирійскихъ надписей, въ которой царь Ассурбанипалъ хвалится своими воинскими подвигами, совершенными въ возмутившейся противъ него провинціи Ассирійскаго царства. «Царя я побѣдилъ»,—гласитъ надпись»,—«столицу его разрушилъ, страну разорилъ такъ, что въ ней не стало слышно человѣческой рѣчи, не стало слышно и топота стадъ овечьихъ и рогатаго скота—лишь дикіе звѣри могли въ ней всюду свободно рыскать»... Къ концу того періода, который мы обозрѣли, страною, болѣе всего пострадавшею и опустошенною нескончаемыми войнами, являлась Сирія, изъ которой лучшая часть ея населенія — народъ Израильскій—былъ отведенъ въ рабство на дальній Востокъ. Наиболѣе оживленною оказывалась узкая береговая полоса земли на сѣверо-западѣ Сиріи,—Финикія, въ которой изстари накопленное богатство постоянно служило матеріаломъ для изобрѣтательности и оборотливости смышленаго населенія. Финикіяне, правда, уже встрѣчали въ западныхъ моряхъ значительную конкуренцію со стороны Эллиновъ и эта конкуренція съ народомъ способнымъ и подвижнымъ могла бы быть очень полезнымъ двигателемъ цивилизаціи, могла бы побудить и Финикіянъ къ новымъ усиліямъ и къ новымъ успѣхамъ. Но чтобы подобное поступательное движеніе было возможно, въ народѣ должно существовать извѣстное духовное

начало, а это духовное начало, главнымъ образомъ, дается ему его религіозными вѣрованіями: только въ его религіи и можетъ оно найти себѣ полное выраженіе. Но религіи Востока къ концу періода, который мы обозрѣли, не могли оказывать никакого вліянія на нравственное развитіе человѣка: въ египетскихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ видимъ не только застой, но даже и положительное движеніе назадъ—въ томъ дикомъ вырожденіи религіозныхъ воззрѣній, которое привело къ поклоненію священнымъ животнымъ. Въ религіяхъ сирійскихъ народовъ—въ культѣ Ваала, Милитты и другихъ его многообразныхъ видоизмѣненіяхъ—не видимъ даже и зародыша какихъ-бы то ни было нравственныхъ началъ... Всѣ религіозные обряды сводятся здѣсь къ угожденію самымъ разнузданнымъ страстямъ человѣка, къ поощренію самыхъ грубыхъ его инстинктовъ. Поднять человѣка выше обыденныхъ побужденій его жизни подобныя религіи не могли; напротивъ того, онѣ вынуждали его погрязать въ нихъ, и находить оправданіе разврату и распущенности нравовъ въ обрядахъ богопочитанія. То же видимъ и у Ассиріянъ, и у Вавилонянъ, у которыхъ религіозныя воззрѣнія ихъ были неразрывно связаны съ проявленіями ихъ воинственности, съ инстинктами кровожадности и разрушенія; богъ войны Ассуръ и богиня войны, Истаръ, занимаютъ главное мѣсто въ этихъ вѣрованіяхъ; и всѣ остальныя божества, благія и грозныя, стоятъ у нихъ въ непосредственной связи съ военными подвигами; чистаго, высокаго представленія о божествѣ, внѣ этихъ человѣческихъ и матеріальныхъ побужденій,—они не имѣли. Все, что мы читаемъ въ ихъ надписяхъ, дышетъ гордостью и жестокостью побѣдителя, и даже тогда, когда Халден вновь выступили на первый планъ, мы видимъ, что нововавилонскіе правители проявляютъ болѣе мягкости и человѣчности въ пріемахъ управленія, но не видимъ въ народѣ никакого движенія впередъ, въ смыслѣ духовнаго развитія, основаннаго на болѣе чистыхъ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Только у одного изъ семитическихъ племенъ встрѣчаемъ мы болѣе чистыя и болѣе возвышенныя религіозныя воззрѣнія — у народа Израильскаго; и—въ прямой противоположности съ остальными народами—у народа Израильскаго религіозныя воззрѣнія постоянно идутъ впередъ путемъ свободнаго и возвышеннаго развитія. Притомъ, въ народѣ Израильскомъ религіозныя вѣрованія были достояніемъ не одного какого-нибудь сословія или немногихъ избранныхъ, а достояніемъ цѣлаго народа, несмотря на то, что онъ временно поддавался вліянію окружавшаго его язычества. Однакоже ни народу Израильскому, ни его неумѣлымъ вождямъ и въ голову не приходила мысль о томъ, чтобы они когда-либо могли подѣлиться своимъ сокровищемъ—своею религіею—съ другими народами. Къ тому же, въ *вѣкъ Навуходоносора*, до котораго достигъ уже нашъ разсказъ, народъ Израильскій былъ какъ бы заживо погребенъ въ «Вавилонскомъ плѣну» и о вліяніи его на другіе народы не могло быть и рѣчи.

Арійское племя.

Движенію человѣчества впередъ данъ былъ толчокъ совсѣмъ другимъ народомъ, о которомъ до того времени лишь вскользь упоминалось среди множества другихъ племенъ, покоренныхъ и подвластныхъ Ассирійскимъ и Вавилонскимъ государямъ.

На востокъ отъ Евфрата и Тигра простирается страна, совсѣмъ не похожая на обширныя и плодоносныя равнины Мессопотаміи или на мѣстности Сиріи и Малой Азіи; страна, которую Греки обычно называли *Верхнею Азіею*, въ противоположность *Нижней Азіи*—западной части Передней Азіи. Это — горная страна альпійскаго характера, рядъ плоскихъ возвышенностей съ довольно высокими горными окраинами и съ нѣкоторымъ уклономъ къ срединѣ, занятой обширнымъ воднымъ бассейномъ,—озеромъ Гамунъ. Эта восточная часть Передней Азіи, не орошаемая никакими большими рѣками, въ родѣ Тигра и Евфрата, находилась во владѣніи особаго племени или, вѣрнѣе, многихъ племенъ, которыя весьма существенно отличаются отъ племенъ семитическихъ, и, вѣроятно, развились подъ совершенно иными условіями; въ настоящее время мы разумѣемъ это племя подъ общимъ названіемъ *Арійскаго*. Это племя болѣе близко къ народамъ нынѣшней Европы, нежели племя семитическое, и потому его исторія съ самаго начала оказывается намъ гораздо болѣе понятною, нежели исторія семитовъ. Слова, которыми мы въ данное время обозначаемъ множество общеупотребительныхъ понятій и отношеній, представляютъ собою новыя формы, новыя видоизмѣненія тѣхъ же звуковъ, которыми эти первобытные арійцы, за много тысячъ лѣтъ, обозначали тѣ же предметы. При помощи сравнительнаго изученія языковъ арійскаго корня, ихъ строя и способовъ выраженія, въ настоящее время наука достигла того, что явилась возможность опредѣлить и характеръ, и уровень культуры арійцевъ—отдѣльныхъ единицъ или цѣлыхъ группъ, цѣлыхъ племенъ и народовъ—до ихъ выселенія изъ первобытной ихъ родины.

Первоначальныя сельбища. Выселеніе восточной отрасли Арійцевъ.

Первоначально выселеніе арійцевъ происходило въ *восточномъ* направленіи; а затѣмъ, черезъ проходы громадныхъ горъ, они двинулись *на югъ*, въ страну, орошаемую съ сѣверо-запада Индомъ и его притоками. Въ теплой, обильной водами странѣ Пятирѣчія, арійцы разрослись въ большой народъ, заселили постепенно и бассейнъ Ганга, и затѣмъ, мало-по-малу, распространились по всему громадному полуострову Индіи, какъ народъ преобладающій и господствующій. Они здѣсь достигли чрезвычайно оригинальнаго развитія, которое для исторіи *Восточной Азіи* имѣетъ весьма важное значеніе и, само по себѣ, полно интереса. Исторія ихъ духовной жизни, ихъ религія, ихъ литература составляютъ теперь весьма важную отрасль изученія исторіи человѣчества; но на западный міръ эти арійцы не оказали никакого вліянія, и, въ свою очередь, очень поздно подверглись вліянію западныхъ народовъ.

Западная отрасль Арійцевъ.

И такъ, эти восточные арійцы, изъ которыхъ (около 2000 д. Р. Х.) образовался великій народъ Индусовъ, не могутъ въ данномъ случаѣ привлекать къ себѣ наше вниманіе. Западная же отрасль арійцевъ, оставшаяся въ западной части ихъ древнѣйшихъ поселеній, оказывается, при самомъ выступленіи своемъ на историческую сцену, уже раздробленною на множество племенъ: Аракотовъ, Саттагидовъ, Гирканцевъ, Бактрійцевъ, Парѳянъ и т. д. Какъ и при какихъ условіяхъ образовались эти племена — мы не знаемъ и весьма долгое время наши свѣдѣнія о нихъ ограничивались лишь извѣстіями, которыя сообщаютъ намъ Греки

о самыхъ западныхъ изъ числа этихъ племенъ, а именно о *Мидянахъ* и *Персахъ*. Но лѣтъ 40 тому назадъ были разобраны драгоцѣнныя надписи, уцѣлѣвшія отъ династіи Ахэменидовъ, и онѣ-то, въ связи съ открытою въ концѣ прошлаго вѣка *Зендъ-Авестою* (отрывками священныхъ книгъ этихъ западныхъ арійцевъ), проливаютъ хотя какой-нибудь свѣтъ на первоначальную исторію ихъ, а въ связи съ изученіемъ древнѣйшихъ религіозныхъ представленій родственныхъ имъ Индусовъ, дозволяютъ намъ прослѣдить ихъ исторію, хотя въ общихъ чертахъ, почти до 2000 г. до Р. Х.

Религія Заратустры.

Оказывается, что сѣверо-востокъ Ирана, страна, лежащая на югъ отъ верховьевъ Оксуса, именно Бактрія, прежде всего обособилась въ значительное государство. На этой же почвѣ возникли и тѣ религіозныя вѣрованія, произошла та религіозная реформа, которая тѣсно связана съ именемъ *Заратустры* или Зороастра. Уже Грекамъ было извѣстно это имя, хотя мы и не находимъ его на персидскихъ надписяхъ; точно такъ же и Зендъ-Авеста не упоминаетъ вовсе о Мидянахъ и Персахъ, хотя и говоритъ о мидійскомъ городѣ Рагэ (или Рага), какъ о городѣ, отличающемся «великимъ и сквернымъ невѣріемъ». Но существеннѣйшее въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, какъ и въ языкѣ, было тождественно у Мидянъ и Персовъ съ сѣверо-восточными Иранцами. Видимъ у нихъ общаго свѣтлаго бога-громовника, Веретранга; видимъ и общаго бога солнца, Митру; какъ у Индусовъ призывается въ заклинаніяхъ передразсвѣтный вѣтеръ, такъ здѣсь—чистыя воды; также признается ими, какъ и Индусами, всепобѣдная сила огня противъ злыхъ духовъ (или дэмоновъ) и т. д.—однимъ словомъ, общая основа ихъ религіозныхъ воззрѣній оказывается настолько древнею, что сложилась, по всѣмъ вѣроятіямъ, еще въ эпоху, предшествовавшую разселенію арійцевъ изъ ихъ первобытной родины. Съ именемъ Заратустры, «при рожденіи котораго дэмоны содрогнулись», связано понятіе о наступленіи новой эры (1300 г. до Р. Х.). Страна, среди которой явилась религія Зороастра, не представлялась человѣку изобилующею творческими силами; знойное лѣто и суровыя зимы, скалы и степи, хищные звѣри и хищные кочевники—все вызывало здѣсь человѣка къ постоянной борьбѣ. Вотъ почему законъ, приписываемый Заратустрѣ, главною обязанностью человѣка—его назначеніемъ на землѣ—полагаетъ борьбу съ Девами (злыми духами), и въ лицѣ ихъ со всѣми дурными, злыми началами и побуждаетъ къ дѣятельности культурной, просвѣщающей и созидающей—и къ чистотѣ, понимаемой не только въ смыслѣ внѣшнемъ (какъ у Семитовъ и Индусовъ), а въ тѣсной связи съ искренностью и правдивостью, т. е. съ чистотою душевною. Главную основу религіи, проповѣдуемой Зороастромъ, составлялъ рѣзкій *дуализмъ*, въ область котораго входитъ все существующее на землѣ. Представителемъ и главою всего добраго признается свѣтлое существо *Ахура-Мазда* (Ормуздъ)—*мудрый владыка, великій* и *чистый;* представителемъ всего дурного и злого—мрачный *Анра-Майнисъ* (Аримавъ). Въ непрерывной борьбѣ между Ормуздомъ и Аримавомъ и окружающими ихъ духами,—принимаетъ участіе и человѣкъ, жизни и дѣятельности котораго, такимъ образомъ, придается извѣстное нравственное содержаніе. Тронъ Ормузда окруженъ

Ахурамазда. Съ персидскихъ памятниковъ.

6-ю высшими духами, Амеша - Цпендами, и сверхъ того ему повинуются еще многіе другіе благіе духи. У Аримана тоже своя большая свита злыхъ духовъ. Существовало представленіе и объ особыхъ духахъ-хранителяхъ (Фраваши), спускавшихся на землю тамъ, гдѣ люди сражаются; у каждаго человѣка предполагался особый духъ-хранитель, заботившійся о сохраненіи его жизни, и это постоянно внушало народу мысль о близости къ нему божества. Религія Зороастрова не допускала никакихъ изображеній боговъ, и потому не создала ни кумировъ, ни храмовъ. Художественный элементъ совершенно былъ чуждъ ей, но за то нравственный элементъ занималъ въ ней важное мѣсто; онъ высказывался прежде всего въ томъ, что Зороастровъ законъ внушалъ людямъ вѣру въ окончательное *торжество* добра надъ зломъ: Ариману—въ концѣ концовъ—надлежало быть побѣжденнымъ. Сверхъ того, нравственный элементъ проявлялся и въ обязательныхъ для человѣка добродѣтеляхъ, на которыя указывалъ ему законъ Зороастра. По этому закону, Ормуздъ требуетъ отъ человѣка прежде всего *чистоты*, не въ томъ узкомъ и чисто внѣшнемъ смыслѣ, въ какомъ требуетъ ея, напр., индійское вѣроученіе; подъ «чистотою» разумѣется у поклонниковъ Ормузда *честность*, твердое *соблюденіе даннаго слова* и т. п. лучшія стороны нравственности; къ *нечистымъ* сторонамъ человѣка относится, между прочимъ, и *лѣнь*. На основаніи того же воззрѣнія, бдительныя и чуткія животныя почитаются всѣми, какъ созданія Ормузда (напр. защитница очага собака, пѣтухъ и т. д.). Отъ каждаго человѣка требуется, чтобы онъ рано вставалъ, усердно обрабатывалъ свое

Ариманъ, убиваемый царемъ. Съ большого рельефа залы со ста колоннами въ Дарієвомъ дворцѣ въ Персеполѣ.

поле и тщательно ухаживалъ за стадами; предписывается также соблюденіе чистоплотности. Самымъ нечистымъ изъ всего нечистаго почиталось мертвое тѣло, и всего затруднительнѣе было очищеніе себя послѣ прикосновенія къ покойнику. Такъ какъ по понятіямъ послѣдователей Зороастра ни огонь, ни вода, ни земля не должны были входить въ прикосновеніе съ мертвымъ тѣломъ, то погребеніе усопшихъ сопровождалось необычайно сложными обрядами, при которыхъ невозможно было обойтись безъ помощи особаго сословія священнослужителей, носившихъ названіе *магушъ* или *магаванъ*—*маговъ*. Сословіе это, повидимому, никогда не составляло замкнутой касты, какъ позднѣе въ Индіи, не становилось (по крайней мѣрѣ у западныхъ племенъ) во главѣ правленія и не оказывало дурного, ослабляющаго вліянія на духъ народа.

Мидяне и Персы.

Ассирійскія надписи разсказываютъ намъ о цѣломъ рядѣ походовъ противъ страны *Мадай* и сосѣдней съ нею, *Парсуа* (т. е. противъ Мидіи и Персіи). Эти походы и воинскіе успѣхи приписывались очень многимъ государямъ—Салманассару II, Тиглатпилессару II, Саргону, Санхерибу, Ассаргадону, Ассурбанипалу—и это свидѣтельствуетъ только о томъ, что Мидяне не легко покорялись иноземнымъ завоевателямъ и умѣли—среди своей горной страны (мѣстами достигающей высоты 15,000 футовъ),—отстаивать свою независимость даже и тогда, когда еще этотъ народъ не имѣлъ одного общаго вождя. Первый государь, съумѣвшій соединить весь народъ подъ своей властью, былъ *Увакшатара* (Кіаксаръ), и власть его, какъ кажется, простиралась уже на большую часть иранской возвышенности: Гирканцы, Парѳяне, Бактрійцы, Саки, Сагартіры весьма опредѣленно указываются въ числѣ его подданныхъ. Кіаксару слѣдуетъ приписать и устройство мидійскаго войска, и возведеніе укрѣпленій главнаго мидійскаго города, Экбатаны, основаніе котораго Греки приписываютъ нѣкоему полубаснословному царю Дейоку. Возрастаніе могущества Мидіи шло такъ быстро, что Вавилоняне, какъ мы уже видѣли выше, постоянно были должны принимать мѣры къ укрѣпленію своей границы противъ внезапнаго ихъ вторженія.

Мидія при Астіагѣ.

Персы, жившіе южнѣе Мидянъ, ближе къ Персидскому заливу, вполнѣ раздѣляли вначалѣ ихъ историческую судьбу. И имъ также приходилось постоянно терпѣть отъ грознаго ассирійскаго могущества. И въ нихъ также сознаніе силы и доблести своей пробудилось именно въ постоянной борьбѣ съ Ассиріянами. Когда настало время освобожденія отъ ига Ассиріянъ, Персы сражались подъ начальствомъ Кіаксара и въ полномъ подчиненіи отъ Мидянъ. Народъ персидскій распадался на три племени, и наиболѣе знатнымъ между этими племенами считался родъ Пасаргадовъ, а знатнѣйшею семьею въ этомъ знатномъ родѣ была семья *Ахэменидовъ*. Одинъ изъ представителей этой семьи и вошелъ въ союзъ съ Кіаксаромъ и затѣмъ съ его преемникомъ *Астіагомъ* (съ 593 г.). Около этого времени Персы уже успѣли даже сдѣлать первое завоеваніе—покорили ближайшее къ нимъ съ сѣверо-западной стороны древнее царство Эламское съ его столицею Сузой. Общеизвѣстному романтическому разсказу Геродота можно довѣрять лишь настолько, что Астіагъ выдалъ свою дочь Мандану замужъ за подчиненнаго ему персидскаго царька Камбуджа (Кам-

бизъ). Сынъ, родившійся отъ этого брака, былъ *Куру* (иначе: *Киръ*) и съ него-то именно началось процвѣтаніе его народа.

Возвышеніе Кира.

Исторія этого великаго человѣка, въ томъ видѣ, въ какомъ она разсказана у Геродота, — его рожденіе, задолго предсказанное и ознаменованное вѣщими сновидѣніями, какъ великое событіе; эпизодъ его выбрасыванія на съѣденіе дикимъ звѣрямъ и поддержаніе его жизни собакою (животнымъ, посвященнымъ Ормузду), наконецъ разсказъ о всей его юности и о пребываніи въ домѣ Астіага до той минуты, когда настанетъ часъ его возвышенія,— все это повѣствованіе носитъ на себѣ такую свѣжесть и яркость красокъ, какими поэзія украшаетъ обычно только событія жизни выдающихся историческихъ дѣятелей. Киръ былъ истиннымъ, желаннымъ главою Персовъ, предназначеннымъ судьбою изъять ихъ изъ-подъ власти Мидянъ и создать новое царство, не похожее ни на египетское, ни на ассиро-вавилонское,—царство, основанное на началахъ чисто народныхъ, національныхъ. Мы видѣли, что онъ созываетъ старшинъ своего народа, и въ первый день заставляетъ ихъ трудиться надъ очисткою поля отъ сорныхъ травъ, а на другой день угощаетъ ихъ пиромъ и спрашиваетъ ихъ, который изъ двухъ дней имъ больше пришелся по вкусу: — онъ какъ бы предоставляетъ на одобреніе всего своего народа то предпріятіе, которое имъ задумано, и затѣмъ уже выступаетъ въ поле, чтобы завоевать своему народу свободу, т. е. господство надъ другими народами,— ибо только въ этомъ смыслѣ понималась свобода на Востокѣ. Всѣ собранныя Греками сказанія о Кирѣ сводятся, въ сущности, къ тому, что, такъ или иначе, предводитель Персовъ возсталъ противъ господствовавшаго надъ ними владыки, вступилъ съ нимъ въ битву на персидской территоріи, близъ Пасаргада, и побѣдилъ (559 г.). Послѣ побѣды, господство надъ всей Западной Азіей перешло къ Персамъ. Свое призваніе къ власти Киръ тотчасъ же выказалъ почтительнымъ отношеніемъ своимъ къ сверженному имъ съ престола государю, а также и чрезвычайно разумнымъ стремленіемъ къ примиренію Мидянъ съ измѣнившимся ихъ положеніемъ. Не забылъ онъ и Персовъ, составлявшихъ главное, надежнѣйшее ядро его воинской силы, и первою наградою за ихъ мужество было освобожденіе ихъ отъ уплаты податей. На первыхъ порахъ Киръ выказалъ большую умѣренность, хотя, конечно, онъ и не думалъ удовольствоваться только однимъ покореніемъ Мидіи; да если бы и думалъ, то не могъ бы на этомъ остановиться, потому что свѣжій и сильный народъ, въ которомъ онъ пробудилъ стремленіе къ славѣ и добычѣ, не могъ бы удовольствоваться однимъ первымъ успѣхомъ. Распространеніе его власти на востокъ и покореніе родственныхъ иранскихъ народовъ совершилось, повидимому, весьма легко, хотя намъ и не сохранилось о томъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній. Направить завоеванія свои на западъ Киръ былъ вынужденъ тѣмъ государемъ, который съ 563 г. правилъ въ Сардахъ — а именно *Крезомъ*, сыномъ Галіатта.

Паденіе Лидійскаго царства (548).

Царство Лидійское, въ долгое правленіе Галіатта (612—563), достигло высшей степени своего блеска. Нашествія Скиѳовъ прекратились. Сильный и способный правитель, воспользовавшись временнымъ установленіемъ мирныхъ отношеній съ Востокомъ, обратилъ свое оружіе противъ Гре-

ковъ, которые, захвативъ береговую полосу и устья рѣкъ, препятствовали развитію Лидійскаго царства. Ему удалось завоевать два весьма важныхъ города: *Смирну* и *Колофонъ*. Съ неменьшимъ успѣхомъ наслѣдникъ Галіатта съумѣлъ приманить къ себѣ Грековъ ласкою и лестью: онъ ослѣпилъ Эллиновъ блескомъ своего восточнаго двора, при которомъ высоко цѣнились искусства (а въ нихъ Греки успѣли уже далеко перегнать своихъ финикійскихъ или иныхъ какихъ-то учителей); греческіе скульпторы, какъ напр. Главкъ Хіосскій, работали уже для Галіатта и привыкли въ немъ видѣть щедраго покупщика своихъ произведеній. Богатые дары, посылаемые изъ «золотыхъ Сардъ» царемъ Крезомъ въ святилища Грековъ, тоже оказывали свое вліяніе: при дворѣ Креза видимъ греческія знаменитости—видимъ законодателя Аттики Солона и мудреца Віаса. Эта политика увѣнчалась полнымъ успѣхомъ; могущественнѣйшій изъ іонійскихъ городовъ малоазійскаго побережья, Милетъ, вступилъ въ союзъ съ Крезомъ; онъ покорилъ затѣмъ Эфесъ и переманилъ на свою сторону остальные на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, потому что ему необходимо было привлечь ихъ силы на службу своему царству, такъ какъ сами Лидяне, народъ мирный и промышленный, безъ всякихъ выспреннихъ стремленій, не могли удовлетворять широкимъ, честолюбивымъ замысламъ своей династіи, отличавшейся замѣчательною любовью къ блеску и величію.

Крезъ въ плѣну.

Все, повидимому, обстояло благополучно, когда внезапно разразившіяся на Востокѣ событія — паденіе Мидійскаго царства и возвышеніе Персіи— потрясли всю Переднюю Азію. Вмѣстѣ съ этимъ, для лидійскаго царя явился очень важный и требующій немедленнаго разрѣшенія вопросъ внѣшней политики: въ предстоящей борьбѣ съ новою, возникающей державой, слѣдуетъ-ли ему держаться только оборонительнаго положенія, или тотчасъ перейти къ наступленію? Не даромъ онъ предложилъ этотъ вопросъ на разрѣшеніе высокочтимому богу Эллиновъ, Аполлону Дельфійскому... Отвѣтъ отъ оракула Дельфійскаго получился двойственный по смыслу: «если царь переступитъ рѣку Галисъ, то разрушитъ великое царство». Крезъ, недоумѣвая насчетъ истиннаго значенія этого предсказанія, сталъ готовиться къ войнѣ и набирать союзниковъ. Вавилонія и Египетъ точно такъ же готовились къ войнѣ, какъ и Лидія; имъ тоже непонутру было это новое, возрастающее могущество Персовъ. Эти военныя приготовленія нашли себѣ откликъ даже и за моремъ, на европейскомъ материкѣ, и могущественнѣйшій въ то время городъ Греціи — *Спарта*—вступилъ съ Крезомъ въ союзъ, предложенный царемъ въ формѣ, весьма лестной для гордости Спартанцевъ: «по слухамъ, знаю,—писалъ Крезъ,—что вы въ Элладѣ первые». Весною 549 г. Крезъ двинулъ войско и занялъ позицію на Птерійской плоской возвышенности. Первое сраженіе съ Персами произошло, однакоже, не раньше осени, и, благодаря замѣчательному мужеству, выказанному Лидянами (тогда еще довольно воинственными)— сраженіе было нерѣшительное. Трудно объяснить себѣ, какими соображеніями руководился Крезъ, когда приказалъ своему войску предпринять обратный походъ въ Лидію. Повидимому, онъ считалъ походъ оконченнымъ и даже распустилъ свои наемныя войска; вѣроятно, онъ надѣялся, что походъ будущаго года, въ которомъ должны были принять участіе и

союзники его, дастъ войнѣ рѣшительный оборотъ. Но оказалось, что онъ имѣетъ дѣло съ недюжиннымъ противникомъ и съ народомъ, который не страшится трудностей похода въ суровое время года: — и вотъ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, къ нему донеслась ужасная вѣсть о наступленіи Персовъ. Онъ долженъ былъ рѣшиться на вторую битву подъ самыми стѣнами своей столицы, былъ побитъ и отброшенъ въ Сарды; отъ союзниковъ нечего было ждать помощи, и, немного спустя, городъ Сарды и его крѣпость на высокой скалѣ, слывшая неприступною, достались въ руки побѣдителя. Весьма извѣстный разсказъ о томъ, будто бы Киръ осудилъ его на сожженіе и помиловалъ уже тогда, когда костеръ запылалъ, представляется маловѣроятнымъ, потому что противорѣчитъ персидскому міросозерцанію... Гораздо болѣе правдоподобнымъ кажется намъ предположеніе, что царь Крезъ, на котораго явно обрушился гнѣвъ боговъ, сообразно со своими семитическими воззрѣніями на жизнь, самъ задумалъ принести себя въ жертву гнѣвному божеству; но выпавшій дождь, помѣшавшій костру разгорѣться, послужилъ ему знаменіемъ того, что божество не принимаетъ его жертвы, и тогда онъ рѣшился вернуться къ жизни, великодушно даруемой ему побѣдителемъ (548).

Греческіе города Малой Азіи.

Несомнѣнно то, что Киръ обращался съ нимъ очень мягко. Это былъ человѣкъ большого ума, неспособный запятнать себя безцѣльною жестокостью, и, въ то же время, всегда доводившій дѣло до конца. Это должны были испытать на себѣ греческіе малоазійскіе города. Киръ предлагалъ имъ, до паденія Сардъ, союзъ противъ Креза, который былъ настолько же ихъ противникомъ, насколько и противникомъ Кира. Не успѣвъ обдумать этого предложенія, разрозненные въ своихъ дѣйствіяхъ, города малоазійскіе отвергли союзъ; но въ то же время не предприняли ничего для предстоящей борьбы съ Персами. Само собой разумѣется, что онъ справился съ ними весьма быстро. Городъ Милетъ былъ очень ловко отдѣленъ Киромъ отъ прочихъ городовъ: — Киръ подтвердилъ тамъ особый договоръ, который былъ Милетомъ заключенъ съ царемъ Лидійскимъ; а затѣмъ отвергъ предложеніе остальныхъ городовъ — подчиниться ему на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ они были подчинены Лидянамъ. При возвращеніи своемъ изъ Лидіи въ Персію, Киръ поручилъ своему намѣстнику закончить дѣло покоренія малоазійскихъ греческихъ городовъ. Это совершилось довольно легко: — немного спустя, не только прибрежные города, но даже и острова Хіосъ и Лесбосъ признали надъ собою персидское владычество. Сосѣдняя *Фригія*, равно какъ и весьма важная по своему положенію *Киликія*—еще раньше подчинились Киру на весьма благопріятныхъ условіяхъ; только Ликійцы, на югѣ, еще упорно боролись съ Персами за независимость среди своей гористой страны: — словомъ, въ 545 до Р. Х. вся Малая Азія принадлежала Персамъ. Съ Лидянами Киръ обошелся очень мягко: они были только обезоружены, какъ говорятъ, по совѣту самого Креза... Весь западный берегъ Малой Азіи Киръ раздѣлилъ на двѣ провинціи съ двумя главными городами: *Сардами* на югѣ и *Даскиліономъ* на сѣверѣ; въ обоихъ помѣщены были сильные гарнизоны. Въ греческихъ городахъ, чтобы держать въ уздѣ мятежный

духъ гражданъ, Киръ поощрялъ развитіе власти отдѣльныхъ градоправителей, которымъ мѣстное населеніе придало названіе «*тирановъ*»; о постройкѣ флота Киръ не заботился; его завоевательная политика не простирала видовъ своихъ далѣе малоазійскаго побережья.

Завоеваніе Вавилона (538).

Самъ же онъ обратился къ Вавилону. Тамъ, послѣ смерти Навуходоносора, наступили кровавыя смуты; власть переходила изъ рукъ въ руки, и наконецъ, въ 555 г., избранъ былъ въ цари *Набунахидъ* (котораго Греки называютъ Лабиннетомъ).

Та быстрота и энергія, съ которыми Киръ овладѣлъ Лидійскимъ царствомъ, воспрепятствовали Египту и Вавилону начать противъ него войну: Лидія была обращена въ персидскую провинцію прежде, нежели даже союзники Креза успѣли вынуть мечъ изъ ноженъ. Ожидали, что побѣдитель Креза тотчасъ обратится противъ его союзниковъ, и прежде всего нападетъ на Вавилонъ. Въ сердцахъ покоренныхъ Вавилономъ народовъ, въ особенности же Іудеевъ, возродились надежды на освобожденіе отъ вавилонскаго ига... Но это освобожденіе пришло не такъ скоро, какъ его ожидали. Только уже вполнѣ утвердивъ свою власть на востокѣ и западѣ, только уже 10 лѣтъ спустя, Киръ рѣшился предпринять походъ, окончательною цѣлью котораго была весьма трудная задача: взятіе Вавилона. Весною 539 г. персидское войско двинулось и переправилось черезъ Тигръ. Оно нанесло Набунахиду пораженіе неподалеку отъ Вавилона и оттѣснило его отъ столицы съ большею частью его войска. Въ городѣ начальство было предоставлено сыну Набунахида—*Бильсаръуссуру* (Валтазару, по Библіи). Городъ былъ превосходно укрѣпленъ, всѣмъ необходимымъ снабженъ въ изобиліи; взять его приступомъ было невозможно. Но взятіе города совершилось при помощи такого пріема, который свидѣтельствуетъ о высокомъ развитіи персидскаго воинскаго искусства. Киръ приказалъ отвести рѣку, протекающую черезъ городъ, и по осушенному руслу ея Персы вступили въ Вавилонъ, жители коего праздновали въ это время какой-то праздникъ. Кому неизвѣстны прекрасныя и страшныя страницы книги пророка Даніила, служащія какъ-бы отголоскомъ этого грознаго событія? Царь Валтазаръ пируетъ со своими приближенными и, разгоряченный виномъ, приказываетъ принести золотыя и серебряные сосуды, нѣкогда похищенные Навуходоносоромъ изъ Іерусалимскаго храма—и вдругъ на стѣнѣ является таинственная рука и чертитъ на ней письмена, которыхъ не можетъ изъяснить царю ни одинъ изъ его мудрецовъ. Но вотъ онъ призываетъ одного изъ плѣненныхъ Іудеевъ, и тотъ, «вдохновляемый Богомъ», даетъ объясненіе написаннымъ на стѣнѣ словамъ, которыя гласятъ: «сочтенъ, взвѣшенъ и раздѣленъ». И странное пророчество сбывается въ ту же ночь: дни царствованія Валтазарова сочтены, онъ взвѣшенъ со всѣмъ своимъ могуществомъ—и царство его становится добычею Персовъ и Мидянъ... Городъ, въ который, по свидѣтельству одной надписи, Киру удалось войти безъ боя, не былъ разоренъ, а только занятъ сильнымъ персидскимъ гарнизономъ, и такимъ образомъ царству Персидскому былъ сохраненъ богатый рынокъ, а семитическому племени одинъ изъ его самыхъ большихъ центровъ. Киръ не коснулся даже божествъ вавилонскихъ и воздалъ имъ почтеніе: по

современному свидѣтельству, онъ «успокоилъ сердце жителей» (538 г. до Р. Х.).

Возвращеніе Евреевъ изъ плѣна.

Вслѣдъ за этимъ важнымъ событіемъ вся территорія покоренныхъ Вавилономъ народовъ добровольно подчинилась власти персидскаго завоевателя: и Сирія, и пограничная крѣпость Газа, и древняя земля Филистимлянъ, и финикійскіе города. По отношенію къ послѣднимъ Киръ слѣдовалъ той же политикѣ, которую примѣнилъ къ греческимъ малоазійскимъ городамъ. Во главѣ ихъ оставлены были древніе финикійскіе княжескіе роды, а вліятельное мѣстное большинство было и въ этихъ издревле-знаменитыхъ городахъ тѣсно связано съ персидскими государственными интересами. Въ высшей степени преданныхъ сторонниковъ въ этой части царства Киръ пріобрѣлъ себѣ въ Евреяхъ, которымъ онъ разрѣшилъ не только возвращеніе на родину, но даже возсозданіе ихъ храма и возстановленіе ихъ государства.

Число возвратившихся на родину было невелико: 42,360 свободныхъ людей, 7,337 рабовъ и рабынь ихъ; а все ихъ имущество помѣщалось на 435 верблюдахъ, 736 лошадяхъ, 250 мулахъ и 6,720 ослахъ. Возстановленіе государства ограничилось возобновленіемъ Іерусалима и ближайшихъ къ нему мѣстностей; культъ Іеговы былъ снова возстановленъ, а въ 536 г. положено основаніе новому храму. Однакоже вскорѣ оказалось, что возвратившіеся изъ плѣна Евреи вынесли съ собою изъ Вавилона непреклонное высокомѣріе мучениковъ, пострадавшихъ за правую вѣру. Священство пріобрѣло очень большое значеніе, и когда населеніе Самаріи задумало также принять участіе въ возсозданіи храма — это предложеніе было рѣзко отвергнуто. Начались раздоры, и великодушный Киръ нашелъ себя вынужденнымъ нѣсколько ограничить тѣ милости, которыя были дарованы Евреямъ: онъ воспретилъ продолжать постройку храма, такъ какъ она только подавала поводъ къ междоусобіямъ и нескончаемымъ ссорамъ. Однакоже, несмотря на то, что дѣйствительность далеко не оправдывала радужныхъ упованій, которыя Евреи связывали съ возстановленіемъ своего храма и государства, — вѣра въ лучшее будущее, вѣра въ возрожденіе не покидала избранныхъ Іеговою сыновъ Израилевыхъ. Напротивъ того, все, что въ эту эпоху не сбывалось въ дѣйствительности, по глубокому внутреннему убѣжденію Евреевъ, должно было несомнѣнно сбыться въ будущемъ, и эта пламенная вѣра въ будущее — въ наступленіе минуты, когда должны были исполниться всѣ вожделѣнія сыновъ Израиля — окрѣпла и возросла въ нихъ какъ новая и могущественная сила, значительно способствовавшая укорененію и одухотворенію ихъ религіозныхъ воззрѣній, такъ рѣзко отличавшихъ культъ Іеговы отъ всѣхъ остальныхъ религій Востока. Признательно относясь къ побѣдителю Вавилона, Евреи признавали въ немъ орудіе Іеговы, даже избранника Іеговы, «призваннаго ниспровергать народы и низводить царей»... «Я призвалъ тебя, еще не признанный тобою», — такъ заставляетъ говорить Іегову пророкъ Іезекіиль въ обращеніи его къ знаменитому царю Персидскому.

Царство Кира.

О походахъ Кира на Востокъ знаемъ мы только, что на юго-востокъ его завоеванія достигли Инда, на сѣверо-востокъ простирались до

Яксарта; что на этой рѣкѣ онъ заложилъ даже городъ, названный его именемъ. Границы, въ которыя онъ заключилъ свое царство, придали ему характеръ нѣкоторой цѣльности; уже то, что онъ остановился въ своихъ завоевательныхъ замыслахъ на берегу Эгейскаго моря съ одной стороны, а съ другой—на берегахъ Инда и на окраинѣ египетско-сирійской пустыни,—указываетъ намъ, что въ завоеваніяхъ Кира былъ извѣстный, довольно опредѣленный планъ.

Никогда еще, до того времени, не бывало на свѣтѣ подобнаго царства. Величіе человѣка, создавшаго это царство, мы можемъ измѣрить только по тѣни, которую онъ отъ себя отбросилъ, такъ какъ мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о его дѣятельности. Очевидно, что онъ не просто только завоевалъ всѣ эти многоразличныя страны, но что онъ старался даже *управлять* ими. Въ дѣятельности Кира видимъ уже съ достаточною ясностью то, что такъ несомнѣнно обнаруживается изъ достовѣрныхъ свѣдѣній о величайшемъ изъ его преемниковъ—что на управленіе этимъ громаднымъ царствомъ они оба смотрѣли какъ на выполненіе обязанности, возложенной на нихъ божествомъ. Широкою и прочною основою этого царства являлись иранскія племена, тѣсно связанныя между собою единствомъ языка, обычаевъ и религіозныхъ воззрѣній; самою же надежною опорою были собственно Персы, стоявшіе кругомъ Кирова трона, какъ отборная гвардія. Ихъ преданность, ихъ горячая привязанность, какъ подданныхъ, къ своему государю, носили чисто восточный характеръ; въ мощи и блескѣ царственнаго величія, даже въ страхѣ, внушаемомъ царскою властью, подданный видитъ на Востокѣ нѣчто такое, что наполняетъ его душу гордостью. И въ этомъ чувствѣ сходятся одинаково всѣ — и знатные, и ничтожные;—оно какъ бы служитъ имъ восполненіемъ той личной свободы, о которой они не имѣютъ понятія. Надо, однакоже, замѣтить, что эта монархія не была основана на безпредѣльномъ деспотизмѣ, и что царь Персидскій въ это время не былъ въ такой степени изолированъ, какъ въ послѣдующія времена. Около него, какъ шестеро амшаспандовъ,—духовныхъ князей около трона Ормуздова—стояли шестеро главныхъ князей-представителей персидской народности, стояли значительно ниже, но все же близко къ царю. Имъ были даны большія преимущества (такъ, напр., они пользовались во всякое время свободнымъ къ царю доступомъ, который былъ весьма затруднителенъ для всѣхъ остальныхъ смертныхъ) и они составляли, собственно говоря, совѣтъ царя; существовало еще какое-то высшее совѣщательное учрежденіе, состоявшее изъ 7 высшихъ судей, которымъ предлагались на разрѣшеніе важные вопросы права и государственнаго благосостоянія. Особенная забота была приложена къ тому, чтобы какъ можно тѣснѣе связать Персовъ съ ближайшимъ къ нимъ племенемъ Мидянъ, и цѣль эта была въ такой степени достигнута, что Греки придаютъ безразлично то имя Мидянъ, то имя Персовъ господствующему въ Персидскомъ царствѣ народному элементу.

Господство Персовъ надъ не-арійскими народами было весьма понятно, и господство это, конечно, по пріемамъ, стояло гораздо выше того правительственнаго искусства, которое проявляли ассирійскіе или вави-

лонскіе завоеватели. Побѣжденные Персами князья этихъ народовъ, даже покоренные послѣ долгой и упорной борьбы, не подвергались ни казнямъ, ни унпчиженіямъ, ни возмутительнымъ жестокостямъ, столь обычнымъ во времена ассирійскихъ царей; но зато они и не бывали оставляемы Персами въ своихъ земляхъ въ качествѣ вассальныхъ правителей. Правительственная система персидскихъ царей была значительно гуманнѣе, но тверже и послѣдовательнѣе. Персидскіе цари щадили сверженныхъ ими государей, обходились съ ними съ достоинствомъ; но покоренныя страны обращали прямо въ *провинціи* Персидскаго царства, управляемыя персидскими намѣстниками, *сатрайпатами* (сатрапами), которыхъ избиралъ самъ царь, а персидскіе гарнизоны, начальники коихъ тоже назначались царемъ, обезпечивали Персамъ обладаніе этими провинціями и полное спокойствіе въ нихъ. Во всемъ остальномъ персидскіе цари не касались особенностей быта покоренныхъ ими народовъ, мѣстные обычаи и мѣстная религія оставались въ прежнемъ видѣ, и даже дани, налагаемыя Персами на побѣжденныхъ, нигдѣ не бывали чрезмѣрно обременительными. Личность Кира — этого перваго собирателя земель, вошедшихъ въ составъ обширнаго Персидскаго царства —видимо поразила современниковъ, судя потому, что намъ сохранилось множество баснословныхъ сказаній о его жизни и дѣятельности. Насколько рожденіе Кира, въ сказаніяхъ о немъ, обставлено чудесными предзнаменованьями, вѣщими снами и т. п., настолько же и смерть его облечена была туманомъ различныхъ маловѣроятныхъ легендъ.

Зданіе, воздвигнутое въ честь Кира, близъ Мургаба (въ Персіи).

Изъ нихъ достовѣрно только то, что онъ умеръ въ походѣ, отъ раны (529 г.). Вблизи персидскаго города Мургаба возвышается, на основаніи, состоящемъ изъ 7 ступеней, простое каменное зданіе съ двускатной

Кончина Кира (529).

кровлей; кругомъ разбросаны обломки колоннъ и пиластровъ, и на одномъ изъ нихъ изсѣчено изображеніе бородатаго человѣка въ длинномъ и узкомъ платьѣ. Надъ головою этой фигуры помѣщается клинообразная надпись: «я, Куру, царь изъ дома Ахэменидовъ».

Камбизъ.

Вторымъ царемъ изъ той же династіи былъ сынъ Кира *Камбудшіа* (Камбизъ, отъ 529—521 г.). Киръ довольствовался царствомъ, которое обѣщало быть прочнымъ, благодаря тому, что границы его были опредѣленными и, болѣе или менѣе, естественными. Къ несчастію, наслѣднику Кира показалось необходимо слѣдовать далѣе по тому же пути завоеваній, который представлялся ему обязательнымъ. Подвигъ, болѣе всего привлекавшій его — было то покореніе Египта, котораго Киръ весьма благоразумно избѣгалъ.

Египетъ послѣ Псамтика I (666).

Царственная власть, установившаяся въ Египтѣ послѣ временъ Эѳіопской династіи, пребывавшей постоянно въ *Саидѣ*, и послѣ ассирійскаго владычества съ *Псамтикомъ I* — носила на себѣ совершенно иной характеръ, отличный отъ власти предшествующихъ династій. Дабы свергнуть ассирійское иго, Псамтикъ вступилъ въ союзъ съ Лидійскимъ царемъ Гигесомъ и принялъ къ себѣ на службу наемныя войска, Іонянъ и Карійцевъ, посланныхъ ему Гигесомъ. Смѣлая попытка удалась: послѣ долгаго иноземнаго ига (58 лѣтъ эѳіопскаго и 17 лѣтъ ассирійскаго) странѣ была возвращена самостоятельность. Но уже миновали тѣ времена, когда эта страна, вполнѣ удовлетворявшая своимъ потребностямъ, могла жить своею жизнью, въ полной замкнутости отъ всего чужеземнаго: Псамтикъ вынужденъ былъ держать іонійскія и карійскія войска въ постоянныхъ лагеряхъ на восточной границѣ Египта и, конечно, въ связи съ этимъ долженъ былъ открыть египетскія гавани для торговыхъ сношеній съ Греками. Въ 630 г. основалось въ Египтѣ даже постоянное эллинское поселеніе, — укрѣпленная факторія Милетцевъ, *Милезіонтейхосъ*. Эти поощренія и послабленія, оказываемыя иноземцамъ, привели къ гибельной катастрофѣ. Предпочтеніе, отдаваемое царемъ иноземнымъ наемникамъ, возбудило ревность туземныхъ войскъ, принадлежавшихъ къ кастѣ воиновъ, и они, всею массою, покинувъ Египетъ, переселились на югъ, въ страну царя Напатскаго.

Нехо II (610). Амазисъ.

Этой именно воинской силы и недоставало способному и предпріимчивому преемнику Псамтика, фараону *Нехо II*, вступившему на тронъ въ приснопамятный г. 610 до Р. Х. Мы уже знаемъ о его походѣ въ Сирію и о пораженіи при Кархемышѣ, которое заставило его вернуться въ Египетъ и не предпринимать болѣе походовъ за его предѣлы. Здѣсь онъ принялся вновь за давно покинутыя работы по проведенію каналовъ, которые должны были соединить Нилъ съ Краснымъ моремъ и, въ связи съ этими работами, произошли въ его царствованіе событія первѣйшей важности: — состоявшіе на службѣ у фараона Нехо финикійскіе мореходы совершили путешествіе *кругомъ Африки*. На третій годъ, послѣ отплытія, они вернулись въ Египетъ черезъ проливъ, носившій у древнихъ названіе Геркулесовыхъ столповъ. Эти мореплаватели разсказывали, что оплывъ кругомъ Ливіи они стали видѣть солнце *по правую руку отъ себя* — чему Геродотъ, сообщая объ этомъ путешествіи, положительно

отказывается вѣрить. А между тѣмъ, именно это наблюденіе, которое финикійскіе мореплаватели не могли изобрѣсти, и служитъ прямымъ доказательствомъ того, что смѣлое предпріятіе было на самомъ дѣлѣ выполнено ими, ибо дѣйствительно, переѣдя экваторъ, они должны были видѣть солнце по правую руку, въ сѣверномъ направленіи. При двухъ послѣдующихъ преемникахъ фараона Нехо — при фараонѣ *Хофрѣ* и *Псамтикѣ II* — въ Египтѣ происходили внутреннія смуты, которыя привели къ тому, что возмутившійся противъ послѣдняго царя вельможа его *Амазисъ*, человѣкъ умный и дальновидный, самъ вступилъ на престолъ. Правилъ онъ Египтомъ весьма искусно, ловко лавируя между приверженцами старыхъ египетскихъ порядковъ и необходимостью поддерживать дружественныя отношенія къ иноземцамъ. Готовясь къ грозившей ему борьбѣ съ возрастающимъ могуществомъ Персіи, Амазисъ, между прочимъ, заключилъ союзъ съ знаменитымъ въ то время тиранномъ Самосскимъ *Поликратомъ*, въ распоряженіи котораго находился значительный флотъ. Преимущественно же онъ заботился о внутреннемъ устроеніи Египта и, по смерти его, въ 528 г., царство Египетское, въ цвѣтущемъ состояніи *), было передано имъ сыну его, Псаммениту или Псамтику III.

Персы въ Египтѣ (525).

При этомъ-то царѣ Камбизъ и пошелъ войною на Египетъ. Онъ уже задолго и притомъ весьма тщательно готовился къ этому трудному предпріятію, а потому и выполнилъ его легко и благополучно (525 г.). Ему удалось совершить даже весьма затруднительный переходъ черезъ пустыню безъ всякаго урона: Арабы Синайскаго полуострова оказывали ему всякое содѣйствіе и выставили впередъ, на пути Персовъ, подставы верблюдовъ съ запасомъ воды. Затѣмъ Персы одержали рѣшительную побѣду надъ Египтянами (при Пелузійскомъ рукавѣ Нила): вскорѣ послѣ того древній Мемфисъ сдался имъ безъ боя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ царь Псамменитъ, и весь Египетъ до Сіены, достались въ руки побѣдителей. Камбизъ проникъ и до древней столицы Эѳіопіи, завоевалъ и царство Напатское, а потому мы видимъ и негровъ на рельефныхъ изображеніяхъ Персеполя и Накши-Рустема, среди народовъ, платящихъ дань преемникамъ Камбиза. Хотя владычество Персовъ и не простиралось въ Египтѣ далѣе полуострововъ Барка, однакоже есть основаніе вѣрить тому, что Камбизъ намѣревался завоевать и Карѳагенъ; но Финикіяне отказались дать ему свои корабли для этого предпріятія. Все, что Греки, со словъ озлобленныхъ Египтянъ, разсказываютъ о жестокостяхъ и безумствахъ Камбиза во время его пребыванія въ Египтѣ, должно быть отвергнуто въ бо́льшей своей части и вообще принимаемо съ величайшею осторожностью. Есть полное основаніе предполагать, что Камбизъ въ Египтѣ не отступалъ отъ политики своего отца по отношенію къ побѣжденнымъ, хотя, можетъ-быть, и не могъ слишкомъ кротко относиться къ упорнымъ и гордымъ Египтянамъ.

Смуты и смерть Камбиза.

Судя по одной изъ надписей въ Багистанѣ, изсѣченной по повелѣнію Камбизова наслѣдника, смерть этого царя была связана съ страшной восточной трагедіей. По этой надписи оказывается, что Камбуджія — непз-

*) Въ то время въ Египтѣ насчитывали не менѣе 20.000 общинъ.

вѣстно по какимъ именно побужденіямъ,—незадолго до своего похода въ Египетъ, приказалъ тайно убить своего родного брата, Бардижа (Смердиса—по греческимъ извѣстіямъ); въ его отсутствіе поднялся въ Персіи мятежъ: «ложь возросла»—такъ гласитъ надпись,—«и въ самой Персіи, и въ Мидіи, и въ другихъ провинціяхъ». Этимъ воспользовался одинъ изъ маговъ, *Гаумата* по имени, и сталъ выдавать себя за «Бардижу, сына Кирова и брата Камбизова». Обманъ удался—и надпись указываетъ даже день, въ который этотъ обманщикъ былъ въ Пасаргадѣ возведенъ въ царское достоинство. Половина царства перешла на сторону самозванца, и Камбизъ очутился въ ужасномъ положеніи: онъ не рѣшался обнаружить истины, и не могъ примириться съ обманомъ... Доведенный до изступленія тяжелою внутреннею борьбою, онъ, по словамъ надписи, самъ наложилъ на себя руки. Законный наслѣдникъ Камбиза, старшій представитель младшей линіи Ахэменидовъ *Дараявушъ*, сынъ *Вистаспа* (Дарій Гистаспъ), въ это время находился въ войскѣ Камбиза. Сколько можно судить по дальнѣйшему ходу событій, Камбизъ сообщилъ ему страшную тайну разыгравшейся семейной драмы, и своимъ самоубійствомъ несомнѣнно подтвердилъ истину своего признанія...

Лже-Смердисъ и Дарій Гистаспъ.

Немногимъ государямъ приходилось добиваться престола при такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, какъ Дарію. Но этотъ, поистинѣ, великій государь, съумѣлъ преодолѣть всѣ трудности и добиться своей цѣли, на благо подданнымъ своего громаднаго государства. Прежде всего ему надо было, сохраняя въ тайнѣ предсмертное признаніе Камбиза,

Памятникъ Дарію въ Багистанѣ. Подъ ногою Дарія магъ Гаумата (Лже-Смердисъ); передъ нимъ 9 побѣжденныхъ мятежниковъ.

рѣшиться на убіеніе царя-самозванца, который велъ свое дѣло очень ловко и съумѣлъ уже многихъ привлечь на свою сторону. Но Дарій, убѣжденный въ законности своихъ правъ на престолъ, считалъ своею обязанностью наказать самозванца, и рѣшился на отчаянно-смѣлое дѣло.

Избіеніе маговъ (521).

Вернувшись изъ Египта въ Персію, Дарій первое время прикидывался послушнымъ и вѣрнымъ подданнымъ лже-царя. Между тѣмъ онъ сблизился съ высшими князьями персидскими, входившими въ составъ царскаго совѣта, и открылъ имъ свою тайну. Вмѣстѣ съ Даріемъ отправились они въ тотъ небольшой мидійскій городокъ, въ которомъ Лже-Смердисъ тогда находился, и, воспользовавшись своимъ правомъ входа къ царю во всякое время безъ доклада, они совершили свое дѣло. Геродотъ разсказываетъ намъ сцену убіенія Лже-Смердиса такъ живо и такъ подробно, какъ если бы онъ слышалъ ее прямо изъ устъ очевидца. Одинъ изъ двухъ маговъ (ихъ двое участвовало въ обманѣ) бѣжалъ и укрылся въ темномъ покоѣ, куда двое изъ князей, Габріасъ и Дарій, за нимъ послѣдовали; первый изъ нихъ бросился на обманщика, сталъ съ нимъ бороться, и Дарій, остановившись въ нерѣшительности, не смѣлъ пустить въ ходъ свой мечъ, опасаясь, что можетъ ранить Габріаса. «Что ты медлишь?» крикнулъ ему Габріасъ;—«коли смѣло, хотя бы ты даже и обоихъ насъ прокололъ своимъ мечемъ!» Смѣлый ударъ оказался удачнымъ... И другой магъ тоже палъ подъ мечами; а самый день избавленія страны отъ обманщиковъ (521 г.) долгое время праздновался у Персовъ, какъ праздникъ.

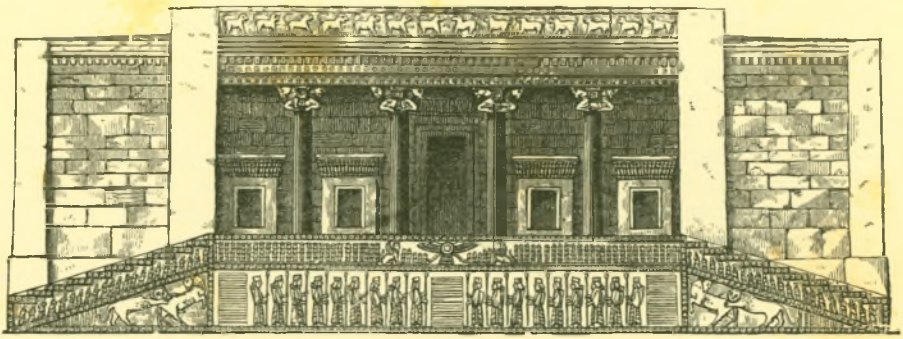
Дарій I (521—485). Подавленіе возстаній.

Сохранившаяся до нашего времени надпись на одной изъ скалъ Багистана, въ Мидіи, даетъ намъ подробный отчетъ о тѣхъ громадныхъ трудностяхъ, какія пришлось преодолѣть Дарію въ первые годы его царствованія. Возстаніе, почти повсемѣстное, началось въ Эламѣ или Сузіанѣ; затѣмъ распространилось оно на Вавилонъ, гдѣ явился Лже-Навуходоносоръ. Разбивъ его, Дарій принялся за осаду Вавилона, и тогда-то вездѣ, по словамъ надписи, «ложь распространилась въ царствѣ». Въ Сузіанѣ во главѣ мятежниковъ явился какой-то «Имани», въ Мидіи Лже-Фраортъ изъ Кіансарова дома; возстали и Парѳяне, и Гирканцы, и Арменія; въ самой Персіи явился второй Лже-Смердисъ... Одно время все казалось потеряннымъ для Дарія. Но Дарій все выдержалъ и не далъ себя поколебать. Послѣ упорнѣйшей двухлѣтней осады, онъ взялъ, наконецъ, Вавилонъ—и только тогда счастье обратилось въ его сторону. Побѣдивъ самозванцевъ и ихъ мятежныя скопища въ Сузіанѣ, въ Мидіи и Персіи, онъ пригвоздилъ обманщиковъ къ крестамъ; вслѣдъ за тѣмъ покорились Арменія, Парѳія, Маргіана, и, наконецъ, походомъ противъ Саковъ закончилась эта безпримѣрная борьба (518 г.). Въ память о событіяхъ этой борьбы и была изсѣчена драгоцѣнная Багистанская надпись, помѣщенная на скалѣ, надъ изображеніями самого Дарія, который, придавивъ къ землѣ ногою Лже-Смердиса, поверженнаго во прахъ, видитъ передъ собою возставшихъ противъ него царей, въ различныхъ одѣяніяхъ; всѣ они скованы между собою одною цѣпью, за шею; у всѣхъ руки скручены за спину. Надпись каждаго изъ этихъ «лжецовъ» называетъ по-имени. Надъ ихъ изображеніемъ помѣщено изображеніе Ормузда,

и въ заключеніе надписи сказано: «что я сдѣлалъ, то сдѣлалъ милостью Ормузда... О, ты, который послѣ меня будешь царемъ, болѣе всего остерегайся лжи».

Внутреннее устройство царства.

Такимъ образомъ, Дарій вновь возстановилъ царство Кира, и даже



Реставрація южнаго фасада Дарієва дворца въ Персеполѣ. По Фландену.

нѣсколько расширилъ его побѣдивъ племена, жившія между Чернымъ и Каспійскимъ морями, а на юго-востокѣ одержавъ побѣду надъ Индусами; и въ Египтѣ, который не принималъ участія въ смутахъ первыхъ лѣтъ Дарієва царствованія, онъ продвинулъ предѣлы Персидскаго владычества на Ю.-З. до самаго Сирта. Гораздо важнѣе всѣхъ этихъ завоеваній было то, что Дарій съумѣлъ дать прочное устройство тому громадному пространству земель (по крайней мѣрѣ 100,000 кв. м., съ населеніемъ въ 60—80 милліоновъ), надъ которымъ призванъ былъ царствовать «по милости Ормузда»; и это устройство доставило населенію его обширнаго царства возможность жить спокойно, въ тишинѣ предаваясь мирному труду.

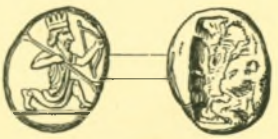
Изъ развалинъ дворцоваго зала со 100 колоннами въ Персеполѣ. Дарій на тронѣ. По Роулинсону.

Центромъ этого, изъ стольких различныхъ народностей составленнаго государства, былъ самъ государь, менѣе своихъ предшественниковъ, ассирійскихъ и вавилонскихъ государей, придававшій значенія грубой силѣ,

но за то выше ихъ цѣнившій справедливость и истину. Въ царскихъ дворцахъ, въ Персеполѣ и Сузѣ, былъ собранъ весь блескъ царства, что̀ на каждаго смертнаго производило впечатлѣніе поразительное. 15,000 народа, по вычисленіямъ изслѣдователей, ежедневно получали столъ и питались у воротъ царскаго дворца, при чемъ прилагалась всяческая забота къ тому, чтобы какъ можно болѣе придать внушительности царскому величеству. Кто дерзалъ безъ разрѣшенія и доклада предстать предъ царскія очи, того ожидала смерть; кому разрѣшалось лицезрѣніе царя, тотъ долженъ былъ падать ницъ передъ нимъ. Говорить съ царемъ можно было только въ положеніи просительномъ, скрывъ руки въ рукава одежды; и даже ближайшіе къ нему вельможи, съ которыми царь сносился лично,—его «застольные товарищи»—были обычно отдѣляемы занавѣсомъ отъ того пространства, гдѣ царь изволилъ кушать одинъ. Подданнымъ своимъ царь являлся только при самыхъ торжественныхъ случаяхъ.

Чиновники; войско; положеніе Персовъ.

Воля царя была ничѣмъ не ограничена; богатыя награды и ужасныя кàры исходили изъ рукъ его, и такъ какъ эти жестокія кàры нерѣдко обрушались на того или другого изъ знатныхъ людей, всѣмъ извѣстныхъ въ народѣ, то онѣ всегда производили глубокое, потрясающее впечатлѣніе. Разстояніе между царемъ и подданнымъ было неизмѣримо велико, однакоже и подданные не всѣ были между собою равны. Положеніе государя отчасти раздѣляла и та нація, которая это царство создала; царь избиралъ себѣ женъ только изъ знатныхъ персидскихъ домовъ; персидскимъ же вельможамъ давалъ онъ своихъ дочерей въ жены, а сыновей своихъ женилъ на ихъ дочеряхъ—и такимъ образомъ около царя образовался кругъ приближенныхъ; сыновья знатныхъ Персовъ воспитывались при дворѣ и занимали служебныя должности при особѣ государя; здѣсь находили они себѣ постоянное упражненіе въ національныхъ доблестяхъ своихъ — здѣсь пріучались съ дѣтства ѣздить на конѣ и охотиться, стрѣлять изъ лука и говорить правду, слѣдовательно укрѣплялись въ высшемъ нравственномъ законѣ религіи Зороастра; такимъ образомъ они были готовымъ разсадникомъ для высшихъ служебныхъ должностей, и готовились къ нимъ, проводя самое впечатлительное время жизни тамъ, гдѣ собирался весь цвѣтъ и блескъ персидскаго народа. Изъ этого-то круга избирались намѣстники 20 большихъ провинцій, на которыя подраздѣлялось Персидское царство — тѣ *сатрайпаты* (или «отцы народа»), на обязанности которыхъ лежало гражданское управленіе, заботы о правосудіи отъ имени царя, собираніе и своевременный взносъ податей къ королевскому двору. Но они не касались вовсе командованія войсками. Для



Золотая дарейка. Берлинскій мюнцъ-кабинетъ.

Серебряная дарейка. Берлинскій мюнцъ-кабинетъ.

этой цѣли назначались отъ царя особые военачальники, которые и приказанія получали непосредственно отъ самого царя, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда чрезвычайныя обстоятельства или особое довѣріе царя развязывали руки военачальникамъ. Вполнѣ разумно и энергично, немногими и простыми средствами, была придана царскому слову чрезвычайная сила. По всему царству пролегала большая дорога; она соединяла всѣ важнѣйшіе города между собою, въ нѣкоторыхъ пунктахъ была защищена укрѣпленными замками и шла непрерывно отъ іонійскаго берега до Инда, отъ Мемфиса до «крайняго Кирова-города» на берегу Яксарта; на этой дорогѣ, по всѣмъ станціямъ, стояли осѣдланные кони, и царскіе гонцы всегда были готовы мчаться по первому царскому приказу изъ конца въ конецъ царства. Царскій указъ, сданный гонцу въ Сузѣ, везли день и ночь, съ величайшею быстротою, передавая со станціи на станцію,—къ сатрапамъ въ провинцію, къ военачальникамъ, къ комендантамъ крѣпостей, смотря по тому, къ кому указъ былъ направленъ. Геродотъ говоритъ, что на свѣтѣ нѣтъ ничего такого, что бы могло скорѣе этихъ гонцовъ прибыть на мѣсто. Прежде чѣмъ врагъ или мятежникъ успѣвалъ собрать свои силы, отпоръ ему уже былъ готовъ, и отборный 10,000-й отрядъ такъ-называемыхъ «безсмертныхъ», да къ нему такихъ же 2,000 отборныхъ всадниковъ, да столько же пѣшихъ копейщиковъ, содержавшихся всегда въ полной боевой готовности,—могли двинуться тотчасъ въ видѣ подтвержденія къ быстро-долетѣвшему указу. Этимъ путемъ всему населенію государства были дарованы великія блага: порядокъ и безопасность; и эта вездѣсущая сила, по крайней мѣрѣ въ тѣ отдаленныя времена, придавала персидскому владычеству, по восточнымъ понятіямъ, нѣкотораго рода популярность. Благоразумно поощрялась правительствомъ промышленная дѣятельность. Лидяне, въ половинѣ VII вѣка до Р. Х., изобрѣли чеканку монеты: имя царя, либо государственный гербъ, отчеканенные на монетѣ, обезпечивали полный вѣсъ куска металла и Дарій ввелъ монету

Дарій со свитой. Древне-персидскій барельефъ. Изъ сочиненія Тесье.

въ употребленіе въ своемъ громадномъ царствѣ. Золотая монета, такъ-называемая *Дарейка*, цѣною въ 11½ нынѣшнихъ нашихъ рублей, была въ обращеніи отъ Нила до Оксуса, отъ Инда до Эгейскаго моря и облегчала торговыя сношенія между этими такъ богато-одаренными отъ природы странами, утученными исконной культурой. Весьма важно было и то, что религія господствующаго народа была для исповѣдывавшихъ ее дѣйствительно-нравственною силою: не слѣдуетъ забывать, что своею высшею обязанностью Персы (въ лучшее время) почитали искренность... Немаловажно было и то, что религія обязывала Персовъ заботиться о тщательной обработкѣ земли. Обширные и великолѣпные сады и парки окружали всюду резиденціи сатраповъ, и даже полтора вѣка спустя послѣ Дарія, принцъ изъ рода Ахэменидовъ еще показывалъ своимъ гостямъ съ гордостью на тѣ деревья, которыя были посажены его рукою.

Подчиненные народы.

Кромѣ этого внѣшняго порядка и безопасности, персидское правительство ничего не могло доставить своимъ подданнымъ; но за то оно и не стѣсняло ихъ: частная дѣятельность могла развиваться совершенно свободно,—власть не была придирчива. Налоги, собираемые для содержанія двора въ Сузѣ (преимущественно натурою), были не чрезмѣрно велики, и если сатраны и ихъ окружающіе и наживались поборами съ народа, то эти поборы, во всякомъ случаѣ, не были особенно обременительными; доказательствомъ этого служитъ, между прочимъ, и тотъ фактъ, что огромныя богатства могли наживаться въ персидскомъ царствѣ и не Персами-подданными. Въ этомъ смыслѣ особенно поучителенъ примѣръ Лидянина Пахіоса, который наслѣднику Дарія предложилъ въ даръ всѣ свои денежные капиталы, состоявшіе изъ 2,000 серебр. талантовъ и 3½ милліоновъ золотыхъ дарейекъ, и все же могъ жить безбѣдно, потому что у него оставалась въ рукахъ значительная собственность, въ видѣ множества рабовъ и обширныхъ земельныхъ владѣній. Нельзя упустить изъ вида и того, что, при господствующей системѣ правленія, высшіе сановники подвергались наиболѣе зоркому наблюденію, и что государственные поборы,—какъ это можно видѣть на уцѣлѣвшихъ изображеніяхъ,—передавались выборными отъ тѣхъ или другихъ странъ самому царю, изъ чего слѣдуетъ заключить, что имъ не воспрещенъ былъ доступъ къ монарху.

Легко можетъ быть, что это царство, созданное по восточному образцу, еще долго просуществовало бы и процвѣтало бы, держась въ своихъ опредѣленныхъ границахъ. Но лишь весьма немногіе изъ восточныхъ самодержцевъ способны были собственною волею удержаться отъ распространенія своихъ владѣній путемъ завоеваній; даже и Дарій не хотѣлъ удовольствоваться царствомъ, которое унаслѣдовалъ отъ своего предшественника. На одной изъ надписей ему прямо влагаются въ уста слова: «копье персидскаго воина должно подъ моею властью проникнуть далѣе предѣловъ царства»,—и онъ, какъ извѣстно, уже поручилъ довѣреннымъ лицамъ ближайшее изслѣдованіе прибрежья и острововъ, заселенныхъ Іонянами. Его мысль, очевидно, уже стремилась туда, гдѣ,—по другую сторону Эгейскаго моря — начинался иной, новый міръ, въ которомъ все было чуждо Персамъ, все совсѣмъ иначе устроено... Этотъ міръ, изъ-за моря, уже начиналъ вторгаться въ жизнь отдаленнаго Востока.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Эллины.—Происхожденіе и исторія націи до столкновенія съ Персами.

Востокъ и Западъ.

Переходя отъ обзора различныхъ сторонъ быта громаднаго Персидскаго царства къ исторіи Запада, мы невольно поражаемся тою полнѣйшею противоположностью съ Востокомъ, которую мы здѣсь встрѣчаемъ во всѣхъ проявленіяхъ исторической жизни. На Востокѣ государство, организація и порядокъ идутъ,—если можно такъ выразиться,—*сверху*, вслѣдствіе чего создается нѣкоторый механически-правильный общественный строй, обычно приводящій къ непомѣрному развитію власти того, кто въ этомъ строѣ составляетъ главную основу и опору, т. е. царя. Права народа оказываются тамъ совершенно ничтожными передъ волею монарха, и самое понятіе о законѣ, о государственномъ правѣ, въ западномъ значеніи этого слова, тамъ не существуетъ.

Не то видимъ на Западѣ: здѣсь сила, создающая государство, идетъ *снизу*, отъ единицы; единичное благо есть постоянная и главная цѣль, созидающая и связующая общество. Здѣсь только и могло сложиться понятіе о *личной свободѣ*, которое, и какъ понятіе, и какъ слово, напрасно стали бы мы искать въ древнихъ языкахъ и надписяхъ Востока, или даже въ самомъ Ветхомъ Завѣтѣ. Эллинамъ впервые удалось сознательно провести это понятіе въ жизнь общественную, и тѣмъ придать новую силу нравственной дѣятельности человѣка:—въ этомъ заключается ихъ всемірно-историческая заслуга, въ этомъ и вся сущность ихъ исторіи.

1. Происхожденіе Эллиновъ.

Переселенія изъ Азіи.

Основнымъ и первоначальнымъ событіемъ въ исторіи той части свѣта, которую мы называемъ древнимъ семитическимъ названіемъ *Европы* (полуночной страны), было нескончаемо-долго длившееся переселеніе въ нее народовъ изъ Азіи. Что предшествовало этому переселенію, то покрыто полнѣйшимъ мракомъ: если и было гдѣ, до этого переселенія, населеніе туземное, то оно было очень рѣдкимъ, стояло на самой низкой степени развитія, а потому и было переселенцами вытѣснено, порабощено, истреблено. Этотъ процессъ переселенія и прочнаго поселенія на новыхъ сельбищахъ сталъ принимать форму историческаго и разумнаго проявленія народной жизни—*ранѣе всего* — на Балканскомъ полуостровѣ, и притомъ въ южной его части, къ которой, со стороны азіятскаго берега, какъ бы проведенъ мостъ, въ видѣ почти непрерывнаго ряда острововъ: дѣйствительно, *Спорадскіе* и *Кикладскіе* острова такъ близко лежатъ другъ къ другу, что какъ бы заманиваютъ переселенца, привлекаютъ, удер-

ГЕРА.
Мраморная голова въ виллѣ Лудовизы (въ Римѣ). Эпоха Праксителя.

живаютъ, указываютъ ему дальнѣйшій путь. Римляне назвали жителей южной части Балканскаго полуострова и прилежащихъ къ ней острововъ—*Греками* (Graeci); сами же они называли себя впослѣдствіи однимъ общимъ именемъ — *Эллины* *). Но они приняли это общее названіе уже въ довольно позднюю эпоху своей исторической жизни, когда уже сложились въ своемъ новомъ отечествѣ въ цѣльный народъ.

Эти жители, переселившіеся на Балканскій полуостровъ, принадлежали къ *арійскому* племени, какъ это положительно доказывается намъ сравнительнымъ языкознаніемъ; и та же наука выясняетъ намъ, въ общихъ чертахъ, объемъ культуры, вынесенной ими изъ ихъ восточной прародины. Въ кругъ вѣрованій ихъ входили: богъ свѣта—Зевсъ или Діосъ; богъ всеобъемлющаго небеснаго свода—Варуна или Уранъ; богиня земли; посолъ боговъ — Гермесъ, и еще нѣсколько наивно-религіозныхъ олицетвореній, воплощавшихъ силы природы; въ области быта имъ была извѣстна необходимѣйшая домашняя утварь и земледѣльческія орудія, обычнѣйшія домашнія животныя умѣреннаго пояса — волъ, конь, овца, собака, гусь; имъ свойственно было понятіе объ осѣдлости, прочномъ жилищѣ, о домѣ, въ противоположность съ переноснымъ шатромъ кочевника; наконецъ, они обладали языкомъ уже весьма развитымъ и свидѣтельствовавшимъ о довольно высокой степени развитія. Вотъ съ чѣмъ вышли эти переселенцы изъ старыхъ мѣстъ поселенія, и что они принесли съ собою въ Европу.

Переселеніе ихъ, конечно, было совершенно произвольное, никѣмъ не руководимое — не имѣвшее никакой опредѣленной цѣли и плана; оно совершалось, безъ сомнѣнія, подобно европейскимъ выселеніямъ въ Америку, происходящимъ на глазахъ у насъ въ настоящее время, т. е., переселялись семьями, толпами, изъ которыхъ, большею частью, уже спустя много времени, въ новомъ отечествѣ складывались отдѣльные роды и племена. Въ этомъ переселеніи, какъ и въ современномъ переселеніи въ Америку, конечно, принимали участіе не богатые и знатные, и не самый низшій слой населенія, менѣе всего подвижный; переселялась, вообще говоря, *наиболѣе энергическая часть бѣдняковъ*, которая, при выселеніи, имѣетъ въ виду улучшеніе своей участи.

Природа страны.

Территорію, избранную ими для поселенія, они нашли не совсѣмъ пустою и безлюдною: они встрѣтили тамъ первобытное населеніе, которое впослѣдствіи разумѣли подъ общимъ названіемъ *Пелазговъ*. Между древнимъ названіемъ различныхъ урочищъ этой территоріи встрѣчаемъ многія носящія на себѣ отпечатокъ семитическаго происхожденія **), и можно даже предположить, что нѣкоторыя части территоріи были заселены семитическими племенами. Тѣ переселенцы, которымъ пришлось вступить на Балканскій полуостровъ съ С., наткнулись тамъ на другого рода населенія, и дѣло не вездѣ обошлось безъ борьбы. Но мы обо всемъ этомъ ничего положительнаго не знаемъ, и только предполагаемъ, что первоначальное пеласгическое населеніе территоріи было немногочисленно. Новые переселенцы, однакоже, искали видимо не пастбищъ и не торжищъ,

*) Легко можетъ быть, что первоначально это было частное названіе отдѣльнаго какого-нибудь племени.

**) Напр. *Саламисъ*—городъ мира, городъ благополучія.

а такихъ мѣстъ, на которыхъ они могли бы прочно осѣсть, и вотъ, мѣстность на югъ отъ Олимпа, хотя и не особенно богатая большими и плодоносными равнинами, показалась имъ особенно привлекательною. Съ сѣверо-запада на юго-востокъ тянется здѣсь по всему полуострову горный хребетъ Пиндъ, съ вершинами до 2500 метровъ, съ проходами въ 1600—1800 метровъ; онъ и составляетъ водораздѣлъ между Эгейскимъ и Адріатическимъ моремъ. Съ его высотъ, обратясь лицомъ къ югу, видимъ съ лѣвой стороны къ востоку, плодоносную равнину, съ прекрасной рѣкой,—страну, впослѣдствіи получившую названіе *Θессаліи*; на западъ—страну изрѣзанную горными цѣпями, параллельными Пинду,—это *Эпиръ* съ его лѣсистыми высотами; далѣе подъ 49° с. ш. простирается страна, позднѣе получившая названіе *Эллады* — собственно Средняя Грецiя. Эта страна—хотя и есть въ ней мѣстности горныя и довольно дикія, а въ серединѣ ея поднимается двувершинный Парнассъ, возвышающійся на 2460 метровъ—все же была очень привлекательна на видъ; чистое небо, рѣдко перепадающіе дожди, много разнообразія въ общемъ видѣ мѣстности; немного подалѣе, обширная равнина, съ озеромъ посрединѣ, изобилующимъ рыбой — это позднѣйшая Віотія; горы всюду были обильнѣе покрыты лѣсомъ въ то время, нежели позднѣе; рѣкъ немного и всѣ мелководны; на З. вездѣ до моря — рукой подать; южная часть вся представляетъ собою гористый полуостровъ, почти вполнѣ отдѣленный водою отъ остальной Греціи — это *Пелопоннезъ*. Вся эта страна, гористая, съ рѣзкими переходами климата, имѣетъ въ себѣ нѣчто такое, что будитъ энергію и закаляетъ силу; а главное: самымъ устройствомъ своей поверхности она благопріятствуетъ образованію отдѣльныхъ небольшихъ общинъ, вполнѣ замкнутыхъ—и тѣмъ способствуетъ развитію въ нихъ горячей любви къ родному углу. Въ одномъ отношеніи эта страна имѣетъ дѣйствительно несравненныя преимущества: весь восточный берегъ полуострова чрезвычайно извилистъ; въ немъ не менѣе пяти большихъ бухтъ и притомъ со множествомъ развѣтвленій—слѣдовательно, онъ вездѣ доступенъ, а большое изобиліе дорого цѣнившагося въ то время пурпурнаго молюска въ нѣкоторыхъ заливахъ и проливахъ (напр., Эвбейскомъ и Сароническомъ), а въ другихъ мѣстностяхъ изобиліе въ корабельномъ лѣсѣ и минеральныхъ богатствахъ, уже очень рано стали привлекать сюда иноземцевъ. Но иноземцы никогда не могли далеко проникнуть въ глубь страны, такъ какъ ее, по самому характеру мѣстности, всюду легко было защитить отъ внѣшняго вторженія.

Финикійское вліяніе.

Впрочемъ, въ то отдаленное время первыхъ поселеній арійскаго племени на Балканскомъ полуостровѣ только *одинъ* народъ могъ бы помѣшать естественному росту и развитію арійцевъ — а именно: *Финикіяне*; но они и не помышляли о колонизаціи въ большихъ размѣрахъ. Ихъ вліяніе однакоже было весьма значительно, и, вообще говоря, даже благодѣтельно; по преданію, основателемъ одного изъ греческихъ городовъ, города Ѳивъ, былъ Финикіецъ, Кадмъ, и это имя дѣйствительно носитъ на себѣ отпечатокъ семитическій и обозначаетъ—«человѣкъ съ Востока»; поэтому, пожалуй, можно предположить, что было такое время, когда финикійскій элементъ былъ среди населенія преобладающимъ.

Онъ доставилъ арійскому населенію драгоцѣнный подарокъ—*письмена*, которыя у этого подвижнаго и оборотливаго народа, постепенно развиваясь изъ египетской основы, обратились въ настоящее *звуковое* письмо, съ отдѣльнымъ знакомъ для каждаго отдѣльнаго звука — *въ алфавитъ*. Конечно, въ этомъ видѣ, письмена послужили могучимъ орудіемъ для дальнѣйшихъ успѣховъ развитія арійскаго племени. И религіозныя представленія и обряды Финикіянъ оказали также нѣкоторое вліяніе, которое не трудно признать въ отдѣльныхъ божествахъ позднѣйшаго времени, напримѣръ, въ Афродитѣ, въ Гераклѣ: въ нихъ нельзя не видѣть Астарту и Ваала-Мелькарта финикійскихъ вѣрованій. Но и въ этой области финикійское вліяніе проникало не глубоко. Оно только возбуждало, но не овладѣвало вполнѣ, и всего яснѣе выказывалось это въ языкѣ, который, впослѣдствіи, сохранилъ и усвоилъ себѣ лишь весьма незначительное число словъ семитическаго характера, и то, преимущественно, въ видѣ торговыхъ терминовъ. Египетское вліяніе, о которомъ также сохранились преданія, конечно, было еще слабѣе финикійскаго.

Образованіе эллинской націи.

Эти соприкосновенія съ чуждымъ элементомъ были именно тѣмъ важны, что они выяснили пришлому арійскому населенію его своеобразный характеръ, особенности его быта — довели ихъ до сознанія этихъ особенностей — и тѣмъ самымъ способствовали ихъ дальнѣйшему самостоятельному развитію. О дѣятельной духовной жизни арійскаго народа, на почвѣ его новой родины, свидѣтельствуетъ уже то безконечное множество миѳовъ о богахъ и геройхъ, въ которыхъ выказывается творческая фантазія, сдерживаемая разумомъ, а не расплывчатая и необузданная на восточный образецъ: — эти миѳы представляютъ собою отдаленный отголосокъ тѣхъ великихъ переворотовъ, которые придали странѣ ея окончательный видъ, и которые извѣстны подъ названіемъ «*странствованія Дорянъ*».

Дорійское странствованіе и его вліяніе.

Эту эпоху переселеній пріурочиваютъ обыкновенно къ 1104 г. и конечно, совершенно произвольно, потому что у подобнаго рода событій никогда нельзя указать опредѣленно ни начало, ни конецъ ихъ. Внѣшній ходъ этихъ переселеній народовъ на небольшомъ пространствѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ: племя Ѳессалійцевъ, осѣвшее въ Эпирѣ между Адріатическимъ моремъ и древнимъ святилищемъ Додонскаго оракула, перешло черезъ Пиндъ и овладѣло на востокъ отъ этого хребта плодородною страною, простиравшеюся до моря; этой странѣ племя и дало свое имя. Одно изъ племенъ, потѣсненныхъ этими Ѳессалійцами, потянулось на югъ и одолѣло Минійцевъ въ Орхоменѣ и Кадмейцевъ въ Ѳивахъ; въ связи съ этими передвиженіями или даже ранѣе ихъ, третій народецъ, *Доряне*, поселившіеся было на южномъ склонѣ Олимпа, тоже двинулся въ южномъ направленіи, завоевалъ небольшую гористую область между Пиндомъ и Этой — *Дориду*, но не удовольствовался ею, потому что она показалась тѣсна этому многочисленному и воинственному народцу, а потому онъ и заселилъ еще южнѣе гористый полуостровъ *Пелопоннезъ* (т. е. островъ Пелопса). По преданію, этотъ захватъ оправдывался какими-то правами дорійскихъ князей на область Аргосскую въ Пелопоннезѣ,—правами, перешедшими къ нимъ отъ ихъ родоначальника,

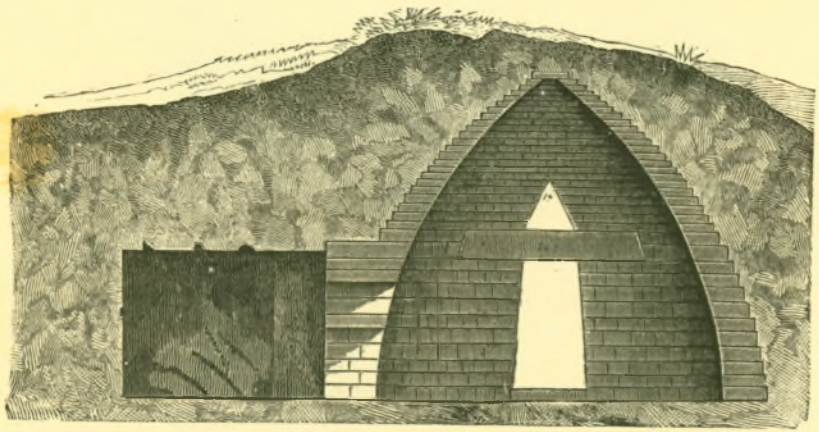
Геракла. Подъ начальствомъ трехъ вождей, подкрѣпившись по пути этолійскими толпами, они вторглись въ Пелопоннезъ. Этолійцы осѣли на сѣверо-востокѣ полуострова на равнинахъ и холмахъ Элиды; три отдѣльныя толпы Дорянъ, въ теченіе извѣстнаго періода времени, овладѣваютъ всѣмъ остальнымъ пространствомъ полуострова, кромѣ лежащей въ центрѣ его гористой страны Аркадіи, и такимъ образомъ основываютъ три дорійскія общины — *Аргосъ, Лаконію, Мессенію* — съ нѣкоторою примѣсью покореннаго Дорянами ахейскаго племени, первоначально здѣсь жившаго. И побѣдители, и побѣжденные — два различныхъ племени, не два различныхъ народа — образовали тутъ нѣкоторое подобіе маленькаго государства. Часть Ахеянъ въ Лаконіи, которымъ не по сердцу приходится ихъ порабощеніе, устремляются на іонійскія поселенія сѣверо-восточнаго побережья Пелопоннеза при Коринѳскомъ заливѣ. Вытѣсненные отсюда Іоняне выселяются на восточную окраину Средней Греціи, въ Аттику. Вскорѣ послѣ того Доряне попытались было двинуться на сѣверъ и проникнуть въ Аттику; но эта попытка не удалась — и они должны были удовольствоваться Пелопоннезомъ. Но Аттика, не особенно плодородная, не могла выносить слишкомъ большого переполненія населеніемъ. Это повело къ новымъ выселеніямъ за Эгейское море, въ Малую Азію. Переселенцы заняли тамъ среднюю полосу берега и основали извѣстное количество городовъ — Милетъ, Міусъ, Прине, Эфесъ, Колофонъ, Лебедосъ, Эритрэ, Теосъ, Клазомены — и единоплеменники стали собираться для ежегодныхъ празднествъ на одномъ изъ Кикладскихъ острововъ, *Делосѣ*, на который сказанія эллиновъ указываютъ, какъ на мѣсто рожденія солнечнаго бога, Аполлона. Берега на Ю. отъ занятыхъ Іонянами, а равно и южные острова—Родосъ, Критъ—были заселены переселенцами дорійскаго племени; мѣстности же къ сѣверу—Ахеянами и другими: самое названіе *Эолиды* эта мѣстность получила именно отъ пестроты и разнообразія своего населенія, для котораго также извѣстнаго рода сборнымъ пунктомъ былъ островъ Лесбосъ.

Гомеръ.

Въ этотъ періодъ упорной борьбы племенъ, положившей основаніе послѣдующему устройству отдѣльныхъ государствъ Греціи, — духъ Эллиновъ нашелъ себѣ выраженіе въ героическихъ пѣсняхъ—этомъ первомъ цвѣткѣ греческой поэзіи, и эта поэзія уже очень рано, въ X—IX в. до Р. Х., достигла высшей степени своего развитія въ Гомерѣ, которому удалось создать изъ отдѣльныхъ пѣсенъ два большихъ эпическихъ произведенія. Въ одномъ изъ нихъ онъ воспѣлъ гнѣвъ Ахиллеса и его послѣдствія, въ другомъ—возвращеніе Одиссея домой изъ дальнихъ странствованій, — и въ обоихъ этихъ произведеніяхъ геніально воплотилъ и выразилъ всю юношескую свѣжесть отдаленнаго героическаго періода греческой жизни. О его личной жизни мы ничего не знаемъ; только имя его сохранено намъ достовѣрно: мы знаемъ, что нѣсколько значительнѣйшихъ городовъ греческаго міра оспаривали другъ у друга честь называться родиною Гомера. Многихъ способно сбить съ толку часто употребляемое по отношенію къ Гомеру выраженіе «поэтъ народный»: а между тѣмъ его поэтическія произведенія создавались уже видимо для избранной, благородной публики, для господъ (если можно такъ выразиться). Онъ пре-

восходно знакомъ со всѣми сторонами быта этого высшаго сословія: описываетъ-ли онъ охоту, или единоборство, шлемъ или иную часть вооруженія,—во всемъ виденъ тонкій знатокъ дѣла; съ удивительнымъ умѣньемъ и знаніемъ, основаннымъ на зоркой наблюдательности, рисуетъ онъ намъ отдѣльные характеры изъ этого высшаго круга. Но это высшее сословіе, описываемое Гомеромъ, вовсе не было замкнутой кастой; во главѣ этого сословія стоялъ царь, правившій небольшою областью, въ которой онъ былъ главнымъ землевладѣльцемъ; ниже этого сословія шелъ слой свободныхъ земледѣльцевъ или ремесленниковъ, которые на время обращались и въ воиновъ; и у всѣхъ у нихъ было свое общее дѣло, общіе интересы *). Важною чертою быта за это время является и то, что мы не видимъ вообще никакого тѣсно сплоченнаго сословія,—не видимъ и обособленнаго сословія жрецовъ; различные слои народа еще близко соприкасались между собою и понимали другъ друга,—вотъ почему и эти поэтическія произведенія, если даже они и были первоначально предназначены для высшаго сословія, вскорѣ сдѣлались достояніемъ всего

Гомеръ. Античный бюстъ въ Капитолійскомъ музеѣ.



Сокровищница Атридовъ. Изъ раскопокъ въ Микенахъ.

*) Бытъ высшаго сословія Гомеровскихъ временъ былъ въ послѣднее 20-лѣтіе дополненъ весьма важными раскопками Шлимана, произведенными на мѣстѣ древней Трои (въ М. Азіи) и на самомъ материкѣ Греціи (въ Микенахъ и др. мѣстахъ). Вещи, добытыя изъ этихъ раскопокъ и составляющія драгоцѣнный вкладъ въ науку древнеклассической археологіи, составляютъ богатѣйшій Шлимановскій музей въ Аѳинахъ.

Аѳродита Милосская. Античная мраморная статуя въ Луврскомъ музеѣ въ Парижѣ.

народа, какъ истинный плодъ его самосознанія. Гомеръ усвоилъ отъ своего народа способность обуздывать и художественно умѣрять свою фантазію, точно такъ же, какъ унаслѣдовалъ отъ него сказанія объ его богахъ и герояхъ; но, съ другой стороны, ему удалось облечь эти сказанія въ такую яркую, художественную форму, что онъ навсегда оставилъ на нихъ печать своего личнаго генія. Можно почти сказать, что, со временъ Гомера, греческій народъ сталъ яснѣе и отчетливѣе представлять себѣ своихъ боговъ въ видѣ отдѣльныхъ, обособленныхъ личностей, въ видѣ опредѣленныхъ существъ. Палаты боговъ на неприступной вершинѣ Олимпа, высшій изъ боговъ, Зевсъ, ближайшія къ нему великія божества:—супруга его Гера,—гордая, страстная, сварливая; темнокудрый богъ морей, Посейдонъ, носящій на себѣ землю и потрясающій ее; богъ преисподней, Гадесъ; Гермесъ — посолъ боговъ; Аресъ, Аѳродита, Деметра, Аполлонъ, Артемида, Аѳина, богъ огня—Гефестъ; пестрая толпа

Аполлонъ Бельведерскій. Античная мраморная статуя въ Ватиканѣ, въ Римѣ.

боговъ и духовъ морской глубины, и горъ, источниковъ и рѣкъ, и деревьевъ,—весь этотъ міръ, благодаря Гомеру, воплотился въ живыя, индивидуальныя формы, которыя легко усвоивались народнымъ представленіемъ и легко облекались выходившими изъ народа поэтами и художниками въ осязательныя формы. И все высказанное примѣняется не только къ религіознымъ представленіямъ, къ воззрѣніямъ на міръ боговъ... И людей точно такъ же опредѣленно характеризуетъ поэзія Гомера, и, противополагая характеры, рисуетъ поэтическіе *образы* — благороднаго юноши, царственнаго мужа, многоопытнаго старца,—и притомъ такъ, что эти человѣческіе образы, эти Ахиллесы, Агамемноны, Несторы, Діомеды, Одиссеи—остались навсегда достояніемъ Эллиновъ, какъ и ихъ божества.

Такого литературнаго достоянія всего народа, какимъ Иліада и Одис-

Артемида (Версальская Діана). Античная мраморная статуя въ Парижѣ.

сея стали въ короткое время для Грековъ,—до Гомера, сколько намъ извѣстно, еще нигдѣ и никогда не бывало. Не слѣдуетъ забывать, что эти произведенія, неписанныя и преимущественно передаваемыя устно, были произносимы, а не читаемы; вотъ почему въ нихъ, кажется, и доселѣ еще слышится и чувствуется свѣжесть живой рѣчи.

Положеніе низшихъ классовъ народа. Гезіодъ.

Не слѣдуетъ, однакоже, забывать, что поэзія — не дѣйствительность, и что дѣйствительность той отдаленной эпохи для большинства тѣхъ, кто не былъ ни царемъ, ни вельможей, — была очень суровою. Сила тогда замѣняла право: маленькимъ людямъ жилось плохо даже и тамъ, гдѣ цари относились къ своимъ подданнымъ съ отеческою мягкостью, а знатные крѣпко стояли за своихъ людей. Простой человѣкъ подвергалъ опасности свою жизнь на войнѣ, которая велась изъ-за такого дѣла, которое непосредственно и лично его не касалось; если его похищалъ всюду подстерегавшій морской разбойникъ — онъ умиралъ рабомъ на чужбинѣ,

Аресъ. Мраморная статуя въ виллѣ Лудовизи въ Римѣ.
Эпоха Праксителя или Скόпаса; вѣроятно изъ мастерской Лизиппо или его учениковъ.

и не было ему возврата на родину. Вотъ эту-то дѣйствительность, по отношенію къ жизни простыхъ людей, описалъ намъ другой поэтъ, *Гезіодъ*,—прямая противоположность Гомеру. Этотъ поэтъ жилъ въ віотійской деревнѣ у подножія Геликона, и его «Труды и дни» поучали земледѣльца, какъ слѣдовало ему поступать при сѣвѣ и жатвѣ, какъ надо было прикрывать уши отъ холоднаго вѣтра и зловредныхъ утреннихъ тумановъ. Онъ очень горячо возстаетъ противъ всѣхъ знатныхъ людей, жалуется на нихъ, утверждая, что въ тотъ желѣзный вѣкъ на нихъ нельзя было найти никакой управы, и очень мѣтко сравниваетъ ихъ, по отношенію къ низшему слою населенія, съ коршуномъ, который въ когтяхъ своихъ уноситъ соловья.

Но какъ бы ни были основательны эти жалобы, все же большой шагъ впередъ былъ сдѣланъ уже въ томъ смыслѣ, что въ результатѣ

всѣхъ этихъ передвиженій и войнъ всюду образовались опредѣленныя государства съ небольшою территоріей, простиравшейся кругомъ городскихъ центровъ, — государства съ опредѣленными, хотя бы и суровыми для низшаго слоя правовыми порядками. Изъ нихъ въ европейской части эллинскаго міра (которому дана была возможность въ теченіе довольно долгаго времени развиваться свободно, безъ всякаго внѣшняго, иноземнаго вліянія) возвысились до наибольшаго значенія два государства: *Спарта* въ Пелопоннезѣ, а *Аѳины* въ Средней Греціи.

2. Доряне и Іоняне; Спарта и Аѳины.

Спарта. Мужественнымъ Дорянамъ подчинились Ахеяне и въ Лаконіи, самой крайней, юго-восточной части Пелопоннеза. Но подчинились они не скоро, и не вполнѣ. Напору дорической воинской силы, которая двигалась внизъ по долинѣ Эврота, ахейскій городъ Амиклэ (въ низовьяхъ Эврота) оказалъ упорное сопротивленіе. Изъ воинскаго лагеря, расположеннаго на правомъ берегу той же рѣки, возникъ городъ *Спарта*, который и въ послѣдующемъ развитіи образовавшагося около него государства сохранилъ характеръ воинскаго лагеря. Одинъ изъ гражданъ Спарты, *Ликургъ*, происходившій изъ царственнаго рода, явился законодателемъ своей родины, и впослѣдствіи былъ почитаемъ въ особомъ, посвященномъ его памяти святилищѣ, гдѣ ему воздавались почести, какъ герою; много разсказывали впослѣдствіи о его путешествіяхъ, объ изреченіяхъ оракула, который указывалъ на него народу, какъ на избранника, и, наконецъ, о его смерти на чужбинѣ. Задача законодателя заключалась въ томъ, чтобы собрать и сосредоточить силу Спартіатовъ, — дорійской военной аристократіи, — противуполагая ее многочисленному слою подданныхъ, принадлежавшихъ къ другому племени и притомъ въ довольно обширной странѣ. Эти подданные — ахейцы — распадались на два класса: *періэковъ* и *илотовъ*. Послѣдніе были, судя по названію, военноплѣнные, принадлежавшіе къ населенію тѣхъ ахейскихъ городовъ и мѣстечекъ, которые сопротивлялись завоеванію до послѣдней крайности, и съ которыми, поэтому, поступлено было по всей строгости военныхъ законовъ. Они сдѣлались собственностью государства и его властью были предоставлены въ рабство тѣмъ или другимъ аристократамъ. Въ качествѣ рабовъ они, сами безземельные, обработывали землю для своихъ господъ и получали половину жатвы на свое содержаніе; нѣкоторые изъ нихъ, предоставленные въ личное распоряженіе своихъ господъ, сопровождая ихъ на войну, носили ихъ оружіе и съѣстные припасы и такимъ образомъ пріобрѣтали нѣкоторое значеніе военное. Ихъ различить было не трудно по особой одеждѣ и кожанымъ колпакамъ и по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ людей, погрязнувшихъ въ рабствѣ; единственная защита закона, на которую они имѣли право, заключалась въ томъ, что господинъ, пользовавшійся ими, какъ рабочею силою, несъ на себѣ нѣкоторую отвѣтственность за нихъ передъ государствомъ, которое въ данномъ случаѣ являлось собственникомъ: поэтому онъ не могъ ни убивать ихъ, ни уродовать, не

могъ ни отпустить на свободу, ни продать. Положеніе періэковъ было лучше; они происходили отъ той (значительно бо́льшей) части ахейскаго населенія, которое во́-время успѣло вступить въ переговоры съ побѣдителемъ и добровольно признало надъ собою его господство. Они были бо́льшею частью небольшими землевладѣльцами и ремесленниками и пользовались личною свободою; въ своей трудовой дѣятельности они не были стѣснены ничѣмъ; платили подати, несли на себѣ воинскую повинность; въ различныхъ унизительныхъ формахъ они должны были проявлять свое преклоненіе передъ знатнымъ сословіемъ и политическихъ правъ не имѣли никакихъ; вопросы войны и мира рѣшались помимо ихъ воли представителями высшаго класса Спарты, и періэки узнавали о томъ только изъ устъ своихъ *гармостовъ* или старшинъ, также принадлежавшихъ къ высшему сословію.

Ликургово законодательство.

Что касается *Спартіатовъ*, т. е. дорійской аристократической общины, то она постоянно сохраняла свою строго-военную организацію, какъ и во времена завоеваній. Они жили въ разбросанныхъ по берегамъ Эврота домахъ своего неогражденнаго стѣнами города Спарты, какъ войско въ лагерѣ. Впрочемъ, и положеніе города было такое, что исключало всякую возможность открытаго нападенія: на западъ отвѣсная скала Тайгета, на востокъ и югъ—побережье, безъ единой гавани, и на немъ всюду, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ берегъ приступенъ, расположены гарнизоны; къ сѣверу гористая мѣстность, съ тѣсными проходами, которые очень не трудно было заградить. Притомъ все войско ихъ могло быть собрано въ нѣсколько часовъ. Во главѣ войска стояли, по какому-то древнему обыкновенію, котораго происхожденіе неизвѣстно, два царя изъ двухъ различныхъ родовъ; двоевластіе — можетъ-быть, еще со временъ ахейскихъ, слѣдовательно, уже съ самаго основанія, — власть весьма слабая; только въ военное время, какъ военачальники, оба эти царя пріобрѣтали нѣкоторое значеніе. Хотя и въ мирное время имъ были воздаваемы внѣшнія почести и обладали они всякими преимуществами, но руки у нихъ были связаны совѣтомъ старѣйшинъ, такъ-называемой *герусіей*,—совѣщательнымъ собраніемъ изъ 28 старцевъ (*геронтовъ*), которые избирались народомъ изъ стариковъ, не моложе 60 лѣтъ. Въ этомъ высшемъ правительственномъ совѣтѣ царю принадлежалъ только одинъ голосъ, какъ и всякому другому геронту. Ежемѣсячно, въ полнолуніе, всѣ благородные Спартіаты созываемы были въ общее народное собраніе, въ которомъ, однакожъ, никакія свободныя пренія не допускались. Говорить могли только одни должностныя лица; восклицаніе или молчаніе, болѣе или менѣе громкій крикъ — вотъ чѣмъ выражалась воля народа; въ случаѣ необходимости, для полученія болѣе яснаго рѣшенія, отрицающихъ и подтверждающихъ заставляли расходиться въ противоположныя стороны. Тщательно охранялись народные обычаи и поддерживались всѣ обыкновенія лагерной жизни; тяжко налагало государство свою руку на домашнюю жизнь Спартіатовъ и на воспитаніе юношества. Кто не вступалъ въ бракъ, тотъ подвергался *атиміи*, т. е. лишенію почетныхъ правъ; совершенію неравныхъ браковъ старались воспрепятствовать, иногда за нихъ даже наказывали; слабыхъ дѣтей изгоняли къ илотамъ или даже просто уби-

вали. Отъ 7-ми-лѣтняго возраста мальчики уже воспитывались на счетъ государства. Платье, стрижка волосъ, содержаніе — все это было строго опредѣлено, сообразно съ древне-дорійскими обычаями. Юноши, раздѣленные на *агѣлы* (или *илы*), отдавались на обученіе особымъ учителямъ гимнастики и доводились до такого совершенства въ воинскихъ упражненіяхъ, что, въ то время, никто не могъ съ ними въ этомъ равняться: они пріучались къ перенесенію всѣхъ возможныхъ трудностей — голода, жажды, къ затруднительнымъ переходамъ, къ безпрекословному, быстрому, молчаливому повиновенію, и, въ то же время, вмѣстѣ съ этимъ воспитаніемъ, воспринимали непомѣрно-высокое чувство собственнаго достоинства, которое основывалось столько же на національной гордости, сколько на сословной спѣси и на сознаніи своего воинскаго совершенства. Это общественное воспитаніе продолжалось до 30-ти-лѣтняго возраста: слѣдовательно, есть возможность предполагать, что молодой человѣкъ уже неоднократно имѣлъ случай выказать свое мужество на войнѣ, прежде нежели его принимали въ одну изъ *сисситій*, т. е. шатерныхъ товариществъ или застольныхъ товариществъ, представлявшихъ собою одно изъ замѣчательныхъ учрежденій этого воинственнаго государства. Въ каждой подобной сисситіи было 15 участниковъ; пріемъ новаго сочлена производился посредствомъ извѣстнаго рода баллотировки; такія товарищества обязаны были обѣдать вмѣстѣ и во всемъ, даже въ кушаньяхъ *), строго держаться старыхъ обычаевъ. Воспитаніе юношества даже старались простѣйшимъ образомъ дополнить, заставляя юношей присутствовать за этимъ обѣдомъ въ качествѣ зрителей или слушателей, дабы они могли слышать застольныя бесѣды мужей, постоянно вращавшіяся около неисчерпаемыхъ двухъ тэмъ: войны и охоты. При такихъ условіяхъ, конечно, для домашней жизни оставалось немного времени, и государство заботилось также о воспитаніи молодыхъ дѣвушекъ; оно производилось не публично, но въ основу его полагалась та же строго опредѣленная точка зрѣнія — возращеніе воинственнаго, физически крѣпкаго потомства, и это было обставлено раціональными правилами и подвергалось строгому наблюденію. А между тѣмъ женщины, какъ и во всякой аристократической средѣ, пользовались большимъ почетомъ и вліяніемъ: въ остальной Греціи обращали вниманіе на то, что ихъ здѣсь называли «госпожами» (деспоинэ).

Положеніе Спарты въ Пелопоннезѣ.

Это общественное устройство Спарты, заключавшееся главнымъ образомъ въ обновленіи и окончательномъ закрѣпленіи древне-дорійскихъ обычаевъ, относится къ 840 году. Оно дало Спартѣ превосходство надъ всѣми, и слава ея могущества распространилась даже и въ самыхъ отдаленныхъ странахъ. Подобное военное государство, конечно, не могло оставаться бездѣятельнымъ: оно начало съ того, что покорило прекраснѣйшую изъ греческихъ земель, страну, лежавшую по ту сторону Тойгета,—*Мессенію*. Послѣ геройской борьбы, часть Мессенцевъ выселилась изъ страны своей, остальная обращена была въ илотовъ. Послѣдовавшее

*) Очень часто здѣсь подавалось то національное блюдо,—тотъ *черный* супъ,— надъ которымъ постоянно смѣялись всѣ граждане приморскихъ и торговыхъ богатыхъ городовъ.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА

къ Памфеевой вазѣ, съ изображеніемъ гимнастическихъ упражненій.

Изображенія, представленныя нами здѣсь, принадлежатъ кисти художника Памфея, и находятся на внѣшней сторонѣ вазы V вѣка, отрытой въ Корнето и сохраняемой въ мѣстномъ музеѣ.

На одной сторонѣ, между двухъ колесницъ, запряженныхъ четверками коней, представленъ бой между Геракломъ, котораго легко узнать по накинутой на его плеча львиной кожѣ, и однимъ изъ его противниковъ, можетъ-быть, Кикносомъ. На гораздо болѣе любопытной, противоположной сторонѣ, мы видимъ юношей, которые заняты гимнастическими упражненіями подъ руководствомъ болѣе зрѣлаго мужчины (гимнаста), держащаго прутья въ рукахъ. Налѣво отъ зрителя, крайнимъ, изображенъ юноша, упражняющійся въ бѣгѣ; правѣе отъ него юноша, развивающій мускулы гирями; далѣе флейщикъ, сопровождающій своею игрою гимнастическія упражненія; далѣе—юноша, готовящійся къ метанію копья; по другую же сторону гимнасты—одинъ юноша упражняется въ метаніи диска, а двое другихъ заняты кулачнымъ боемъ.

Изображенія на внѣшней сторонѣ греческой вазы:—на одной половинѣ гимнастическія упражненія; на другой—сцена изъ подвиговъ Геркулеса.

ОБЩІЙ ВИДЪ ПАМФЕЕВОЙ ВАЗЫ.

Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ.

Печат. въ Артистич. завед. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

затѣмъ нападеніе на *Аркадію,* лежавшую въ центрѣ Пелопоннеза, оказалось не вполнѣ удачнымъ. Однакоже, важнѣйшій изъ городовъ Аркадіи, *Тегея,* вступилъ со Спартою въ договоръ, по которому обязался во время войны предоставлять Спартѣ извѣстный отрядъ воиновъ, подъ команду спартанскаго военачальника. Еще болѣе ожесточенными и еще менѣе удачными были войны Спарты съ *Аргосомъ,* заселеннымъ также Дорійцами: войны эти длились долго, возобновлялись много разъ, и все же ни къ чему ни привели... Аргосъ остался независимъ отъ Спарты. Точно такъ же власть Спартанцевъ не распространилась на полу-іонійскіе и ахейскіе города на сѣверномъ побережьи Пелопоннеза: на Коринѳъ, Сикіонъ, Эпидавръ, Мегару и др. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, около 600 г. обстоятельства историческія сложились такъ, что въ Пелопоннезѣ ничто не могло произойти безъ воли и участія Спарты, а такъ какъ государства Средней Греціи тогда еще не достигли самостоятельнаго значенія, то Спарта, безспорно, должна была представляться иноземцамъ могущественнѣйшей изъ державъ на материкѣ Греціи.

Дальнѣйшее развитіе внутренняго строя. Эфоры.

Кромѣ военной славы, которою Спарта заслуженно пользовалась, были еще три обстоятельства, которымъ она была обязана этимъ своимъ высокимъ положеніемъ. Первое — то, что Спарта — въ то именно время, когда во всей остальной Греціи кипѣла борьба политическихъ партій (явленіе, не извѣстное на Востокѣ!)—съумѣла во внутреннемъ бытѣ примирить всѣ противорѣчія и оставалась совершенно спокойна. Попытки нѣкоторыхъ болѣе энергическихъ царей къ расширенію царской власти привели только къ полнѣйшему торжеству аристократіи; но при этомъ и царская власть не была устранена, а только придано было къ остальнымъ еще новое и въ высшей степени своеобразное учрежденіе,—нѣчто въ родѣ контроля, — а именно: пять *эфоровъ* или *надзирателей,* которые вскорѣ присвоили себѣ право наблюденія не только за царскою властью, но и вообще за аристократіею. Предполагаютъ, что первоначально эфоры были представителями пяти поселеній, изъ которыхъ выросъ самый городъ Спарта, или пяти частей (кварталовъ), на которыя онъ былъ раздѣленъ впослѣдствіи. Извѣстно достовѣрно, что эфоры выбирались ежегодно, и выборы ихъ не стѣснялись никакими отягощающими ограниченіями, какъ напр. выборы геронтовъ; что они въ силу принципа, въ прежнее время совершенно чуждаго этому государству, превратились, съ теченіемъ времени, въ дѣятельнѣйшій правительственный органъ, и сами цари приносили передъ этими представителями народа клятву въ соблюденіи законовъ страны, и, въ свою очередь, эфоры присягали царямъ въ вѣрности отъ лица своей общины. Мало-по-малу эфоры отъ наблюденія за дѣятельностью царей перешли къ наблюденію за дѣятельностью всѣхъ чиновниковъ вообще, и въ рукахъ ихъ оказалась уже неограниченная дисциплинарная власть, которой почти добровольно подчинилась спартанская знать, воспитанная въ строгихъ правилахъ военнаго повиновенія. При часто повторявшихся выборахъ эфоровъ постоянно имѣлось въ виду, чтобы въ эфоры не могли попадать лица, принадлежащія къ одной и той же фамиліи или партіи, и вообще старались сдѣлать эту важную должность доступною возможно большему числу Спартіатовъ. Но это новое учрежденіе ничего не измѣнило въ

древнемъ, столѣтіями освященномъ строѣ государства, а только еще усилило его незыблемость.

Тиранніи. Вслѣдствіе такой именно незыблемости государственныхъ учрежденій Спарты, явилось другое условіе, усиливавшее ея значеніе и могущество въ греческомъ мірѣ: всѣ государства Пелопоннеза и многіе внѣ его границы, въ Спартѣ видѣли опору аристократизма, видѣли идеалъ тѣсносплоченной большой партіи. Этой партіи, состоявшей изъ высшаго сословія, исключительно владѣвшаго земельною собственностью, всюду начинала угрожать оппозиція, составленная изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ и становившаяся все болѣе и болѣе опасной. Аристократія всюду упразднила царскую власть, которая, главнымъ образомъ, являлась опорою и защитою для слабыхъ, и въ весьма многихъ мѣстахъ замѣнила ее *олигархіей*, т. е. господствомъ одного рода или немногихъ фамилій. Въ городахъ-же приморскихъ, гдѣ первоначально аристократы захватили въ свои руки и торговлю, вскорѣ сталъ развиваться духъ независимости, явились чисто-демократическія стремленія, поддерживаемыя недовольствомъ низшихъ слоевъ населенія, и аристократія оказывалась безсильною въ борьбѣ съ этими элементами, если у народа являлся вождь. Такихъ вождей оппозиція находила себѣ нерѣдко среди честолюбцевъ высшаго сословія, и эти запутанныя условія общественной жизни приводили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ къ новой формѣ монархіи—къ *тираніи*, т. е. къ захвату власти однимъ лицомъ. Власть этихъ *тирановъ*, поддерживаемая главнымъ образомъ массою народа, очень мало походила на прежнюю царскую власть гомеровскихъ временъ. Она опиралась на интересахъ настоящаго, и притомъ не на однихъ только матеріальныхъ, но и на духовныхъ, и на идеальныхъ. Писатели и художники всюду находили себѣ въ тираннахъ щедрыхъ покровителей, а масса народа—матеріальную поддержку и постоянную работу въ воздвигаемыхъ тираннами общественныхъ зданіяхъ и сооруженіяхъ. Эта противоположность между популярною властью тирановъ и эгоистическими стремленіями аристократіи всюду вызывала сильныя потрясенія. Спарта, спокойная у себя дома, хотя и поддерживавшая это спокойствіе самыми суровыми мѣрами *), относилась къ этимъ внѣ-пелопоннезскимъ волненіямъ вполнѣ своеобразно... Она всюду сочувствовала только аристократическому элементу въ связи съ крупнымъ землевладѣніемъ, и этимъ самымъ вызывала аристократію остальныхъ государствъ греческихъ взирать на Спарту, какъ на незыблемую опору аристократизма и (выражаясь языкомъ современнымъ) всѣхъ консервативныхъ началъ.

Дельфійскій оракулъ. Олимпійскія игры. Третье важное условіе, способствовавшее возвышенію Спарты, составляли издавна установившіяся тѣсныя связи съ святилищемъ и оракуломъ *Аполлона Дельфійскаго* въ Средней Греціи и къ *олимпійскимъ играмъ*—древнему Зевсову празднеству въ Элидѣ, въ с.-з. части Пелопоннеза. Эти игры издавна были приняты Спартою подъ особое покрови-

*) Стоитъ только припомнить ту тайную внутреннюю стражу (криптейя), которая учреждена была въ Спартѣ для наблюденія за илотами. Каждый Спартіатъ, входившій въ составъ этой стражи, имѣлъ право убить илота, который почему-либо показался бы ему подозрительнымъ.

тельство, и собственная слава Спарты возрастала вмѣстѣ съ блескомъ и значеніемъ этихъ священныхъ игръ въ честь Зевса, которыя весьма скоро пріобрѣли значеніе празднества общаго для всѣхъ Эллиновъ, съѣзжавшихся на эти игры изо всѣхъ странъ, изъ-за моря и со всѣхъ концовъ эллинскаго міра, для того, чтобы участвовать въ состязаніяхъ на награды, выдаваемыя въ каждый четвертый годъ, или только присутствовать при этихъ торжественныхъ играхъ.

Такимъ образомъ, спартанское могущество несомнѣнно служило какъ бы тормазомъ среди тревожной жизни этого греческаго міра, составленнаго изъ множества мелкихъ государствъ съ ихъ безпокойнымъ населеніемъ, съ ихъ разнородными противоположностями и особенностями быта. Оно, до нѣкоторой степени, обезпечивало только внѣшній порядокъ; но духовнаго вліянія, въ высшемъ значеніи этого слова, Спарта оказывать на Грецію не могла, такъ какъ въ ея жизни и дѣятельности все было разсчитано только на поддержаніе уже существующаго. Для этой цѣли, ради охраненія Спарты отъ иноземнаго вліянія, тамъ были приняты самыя радикальныя мѣры: иностранцевъ прямо высылали изъ спартанскихъ городовъ и изъ предѣловъ государства, Спартіатамъ путешествія, за предѣлы Спарты, разрѣшались не иначе, какъ съ дозволенія правительства. Мало того: Спартіатамъ было воспрещено держать у себя серебряныя деньги и для удовлетворенія своихъ нуждъ предписывалось довольствоваться деньгами изъ желѣза, добываемаго въ Тайгетѣ, т. е. такою монетою, которая могла имѣть цѣнность лишь въ Спартѣ. Духовный прогрессъ въ Греціи былъ вызванъ другимъ городомъ Средней Греціи, *Аѳинами*, которыя вполнѣ самостоятельно развили и выработали свой государственный бытъ изъ совершенно иныхъ, противоположныхъ началъ.

Олимпійскія игры. Метатель диска. Древняя мраморная статуя въ Ватиканѣ.

Городъ Аѳины возвысился въ Аттикѣ, въ странѣ, представляющей наиболѣе выдающуюся къ востоку окраину Средней Греціи. Эта страна не обширна по размѣрамъ, всего около 41 кв. мили, и не весьма плодородна; между горами, не слишкомъ богатыми лѣсомъ, тянутся равнины, Аѳины и Аттика.

не изобилующія орошеніемъ; среди растительности видимъ шелковичное дерево, миндальное и лавровое; изобилуетъ страна фиговыми деревьями и оливковыми. Но чудное небо и близость моря придаютъ аттическому ландшафту краски и свѣжесть; а за мысомъ Суніонъ (далеко выдающейся ю.-в. оконечности Аттики) начинается цѣлый міръ острововъ, которые тянутся въ видѣ непрерывнаго ряда станцій и гаваней почти до самаго берега М. Азіи, облегчая сношенія и торговлю. Аттика не привлекала къ себѣ поселенцевъ извнѣ, и впослѣдствіи жители Аттики любили хвалиться тѣмъ, что они «сыны земли своей», никогда не покидавшіе своихъ пепелищъ; по нѣкоторымъ древнимъ преданіямъ и сказаніямъ (напр., по миѳу о юношахъ и дѣвицахъ, приносимыхъ въ жертву Минотавру, жившему на о. Критѣ), есть основаніе предполагать, что финикійскія факторіи

Битва съ амазонками. Снимокъ съ рельефа на античномъ саркофагѣ.

нѣкогда были и въ Аттикѣ, и на прилегающихъ къ ней островахъ, но не долго.

Древнѣйшая исторія Аѳинъ.

И въ Аѳинахъ исторія общественной жизни начинается съ царей, которые собрали подъ своею рукою небольшое аттическое государство и основали свою резиденцію въ низовьяхъ ручья Кефизосъ — наибо́льшаго въ скудной водными источниками странѣ. Древнія сказанія восхваляютъ намъ между царями *Тезея*, которому приписываютъ многія важныя заслуги по отношенію къ культурѣ страны. Не менѣе прославляютъ и послѣдняго изъ потомковъ Тезея, царя Кодра, который пожертвовалъ жизнью за отечество и палъ въ битвѣ съ Дорянами, пытавшимися вторгнуться въ Аттику черезъ Истмійскій перешеекъ.

Царская власть; высшіе классы и народъ.

Всюду преобладавшій аристократическій элементъ и въ Аттикѣ оказался настолько сильнымъ, что онъ, мало-по-малу, и кажется даже безъ всякаго насилія, устранилъ царскую власть. Около 682 г. видимъ во главѣ аттическаго государства 9 *архонтовъ* (правителелей), избираемыхъ высшимъ сословіемъ изъ высшаго же сословія на одинъ годъ. Это сословіе—*эвпатриды* (благорожденные) являются исключительными и един-

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА

къ Аристотелеву «Государству Аѳинянъ».

Сочиненіе это было написано между 329—324 гг. до Р. Х.; предлагаемая нами копія представляетъ снимокъ съ единственной рукописи, въ которой это сочиненіе сохранилось, и относится къ концу I или началу II вѣка по Р. Хр.; рукопись была найдена въ Египтѣ въ 1890 г. Вотъ что значится въ греческомъ текстѣ на приводимыхъ нами столбцахъ рукописи:

По переводу Ф. Поланда.

«Древнею монетною единицею была тогда дидрахма (двойная драхма). Ею же устанавливалось отношеніе между вѣсомъ и монетною системою, т. е. 60 минъ было въ талантѣ, а мины, въ свою очередь, дѣлились на статиры и другія монетныя единицы.

11. Когда Солонъ вышеописаннымъ образомъ устроилъ государство, всѣ стали обращаться къ нему по поводу законовъ, и докучали ему, то упрекая его, то задавая ему вопросы. Такъ какъ онъ не желалъ допустить въ нихъ никакого измѣненія, не желалъ никого и озлобить противъ себя, если бы остался (въ Аѳинахъ), то онъ удалился въ Египетъ, съ одной стороны, предполагая заняться торговыми оборотами, а съ другой—изучить страну, и такъ въ Канопѣ прожилъ цѣлыхъ десять лѣтъ. Ибо, какъ онъ говорилъ, онъ почиталъ это неправильнымъ, чтобы, оставаясь въ своей странѣ, онъ долженъ былъ разъяснять свои законы; а онъ, напротивъ того, желалъ, чтобы каждый сообразовался съ буквою закона. Притомъ же обнаружилось, что многіе изъ знатныхъ сдѣлались его врагами, вслѣдствіе сисахѳіи, да и вообще обѣ партіи начали измѣнять свое первоначальное заключеніе о Солонѣ, потому что установленное имъ государственное устройство не оправдало ихъ надеждъ. Ибо народъ представлялъ себѣ, что Солонъ займется передѣломъ всѣхъ земель, а знатные думали, что онъ все возвратитъ къ прежнему состоянію, или же предприметъ менѣе значительныя перемѣны. Онъ же поступилъ противъ ожиданія и той, и другой партіи, и хотя онъ, по собственному произволу, могъ войти въ соглашеніе съ одною изъ нихъ и достигнуть тиранніи, однакоже предпочелъ, чтобы обѣ партіи его возненавидѣли, послѣ того какъ онъ спасъ отечество (отъ междоусобій) и наилучшимъ образомъ устроилъ правленіе.

12. Что это именно такъ было, въ томъ не только удостовѣряютъ насъ всѣ единогласно, но и онъ самъ высказывается (о томъ же) въ слѣдующихъ стихахъ:

«Столько значенія придалъ я народу, сколько ему подобало,
«Ничего не отымая отъ его чести, и не слишкомъ ее преувеличивая.
«Тѣмъ же, которые, въ изобиліи власти и золота, возбуждали общее изумленіе,
«Тѣмъ строго я воспретилъ обладаніе неправо-пріобрѣтеннымъ добромъ.
«Но отъ тѣхъ и другихъ я устранился, прикрываясь щитомъ,
«И ни одному не далъ возможности торжествовать неправую побѣду».

И вновь излагаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ свое мнѣніе относительно того, какъ слѣдуетъ поступать съ массою народа:

«Лучше всего народъ подчинялся бы вождямъ своимъ,
«Если бы чувствовалъ себя не слишкомъ свободнымъ, и еслибъ не слишкомъ былъ угнетенъ.
«Пресыщеніе производитъ только гордость, и если обиліе счастья прольется
«На людей, справедливость перестаетъ украшать ихъ».

И затѣмъ еще въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ о тѣхъ, которые хотѣли бы всю землю подѣлить между собою:

«Всѣ пришли, ожидая добычи, безъ мѣры давъ волю надеждамъ;
«Полагали, что каждый долженъ будетъ найти счастье въ изобиліи.
«Если меня осуждаютъ по-пріятельски, и я на это не гнѣваюсь.

«И вотъ стали они говорить глупости, стали всѣ гнѣвно смотрѣть
«На меня, искоса, какъ лютѣйшіе враги.
«А не должны бы. Ибо, что я обѣщалъ, то (съ помощью) боговъ и выполнилъ.
«И дѣянія мои не были необдуманными, и не привлекалъ меня поступокъ,
«Приведенный въ исполненіе властью тиранна; но равной части и не слѣдуетъ
«Получить дурному человѣку съ хорошимъ (при раздѣлѣ) плодородной почвы».

Далѣе Солонъ такъ выражается о стѣсненномъ положеніи бѣдныхъ, когда они прежде были рабами, а «сисахѳіей» были отъ рабства освобождены:

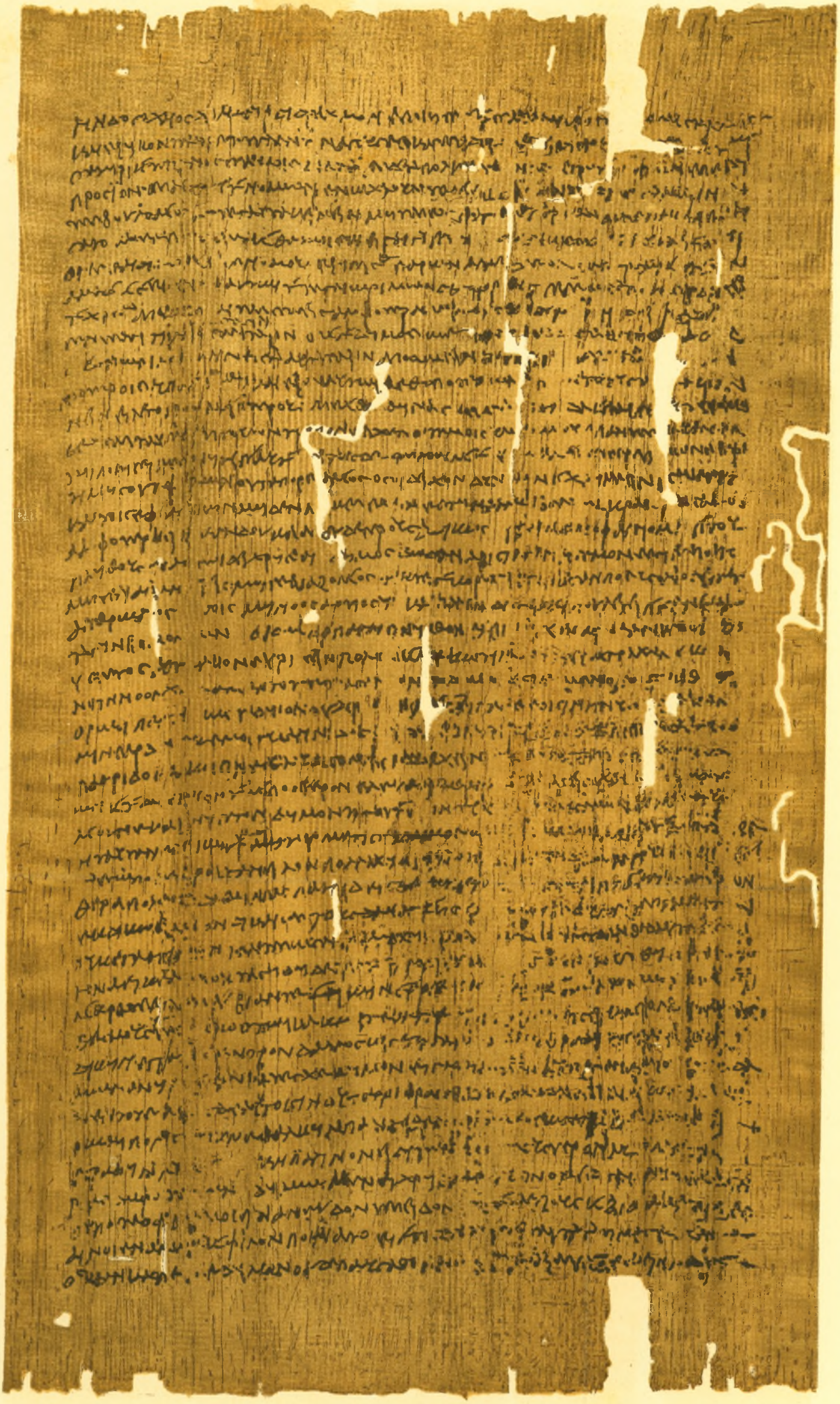
«Ради чего я бѣдный тяжко-угнетенный народъ
«Хотя немного облегчилъ отъ гнета его былыхъ страданій,
«То засвидѣтельствуетъ, на судѣ временъ,
«Великая, всемилостивая мать Олимпійцевъ,
«Темная земля, грудь которой я нѣкогда освободилъ.
«Повсюду отъ несносной тягости столбовъ (съ объявленіемъ о продажѣ задолженныхъ имуществъ),
«Которая нѣкогда была окована цѣпями рабства, а теперь свободна.
«Обратно въ дарованную богами отчизну я
«Привелъ (тѣхъ), кто по праву или противъ права былъ проданъ,
«И того, который бѣжалъ отъ несноснаго гнета своихъ долговъ
«И не говорилъ уже на родномъ языкѣ своемъ; когда этихъ я
«Отнялъ у чужбины, я освободилъ и того, кто и въ здѣшней сторонѣ,
«Трепеща передъ волею господина, несъ на себѣ ярмо рабства.
«Я все это выполнилъ въ силу закона, во едино
«Соединяя силу и право, какъ и обѣщалъ.
«Законы далъ и для добраго (человѣка), и для плута,
«И каждому далъ возможность ими пользоваться.
«И все же другой, достигнувъ власти,
«Человѣкъ съ злою волею, и исполненный корысти,
«Не такъ бы смирилъ народъ, какъ я. Если бы я пожелалъ (того),
«Что моимъ врагамъ тогда очень пришлось бы по-нутру,
«И что другіе имъ бы (охотно) прибавили.
«(То) многихъ бы гражданъ лишился этотъ городъ.
«Вотъ почему я (по отношенію ко) всѣмъ и выказалъ себя твердымъ,
«Проходя между всѣми, какъ волкъ проходитъ между многими собаками».

Затѣмъ онъ обращается съ рѣзкими укорами противъ тѣхъ жалобъ недовольства, которыя онъ позднѣе долженъ былъ выслушивать со стороны обѣихъ партій.

«Народъ—коли ужъ нужно высказать о немъ горькую правду,—
«Никогда бы и собственнымъ глазамъ не повѣрилъ (если бы увидѣлъ) сколь многимъ
«Онъ теперь владѣетъ—даже и во снѣ не снилось,
«Но кто счастливѣе и власть имѣетъ больше,
«Тотъ долженъ бы меня хвалить, какъ лучшаго своего друга.

Ибо,—говоритъ онъ,—если бы другой достигъ этого почетнаго положенія, то

«Не сталъ бы ни народъ угнетать, ни успокоился бы,
«Пока онъ не взболтаетъ молоко, пока не сниметъ съ него жиръ.
«А я, среди ихъ оружія, стоялъ тамъ
«Какъ твердый столпъ».



АРИСТОТЕЛЕВО „ГОСУДАРСТВО АѲИНЯНЪ".
IV столбецъ рукописи, хранящейся въ Британскомъ музеѣ.

ственными распорядителями судебъ страны. Когда архонты отбывали свой годъ службы государству, они поступали въ составъ особаго высшаго совѣта — *ареопага*, въ которомъ эвпатриды (аристократы и по рожденію, и по имуществу) сосредоточили всю свою силу. Но въ этомъ аристократическомъ элементѣ на аттической почвѣ было *одно* весьма существенное различіе по сравненію съ аристократіей спартанской: низшіе слои народа были *одноплеменны* съ эвпатридами. Эвпатриды были люди богатые, крупные землевладѣльцы — «люди равнины» (пэдіи), какъ ихъ тогда называли — между ними и низшимъ классомъ, слѣдовательно, существовала разница въ имущественномъ отношеніи, въ образованіи, однимъ словомъ—различіе и противоположность чисто соціальныя. Рядомъ съ эвпатридами видимъ еще два класса въ аттическомъ обществѣ—*мелкихъ землевладѣльцевъ* (*діакріи*), которые, при общей бѣдности страны, были сильно обременены долгами и потому подпадали все болѣе и болѣе тяжкой зависимости отъ богачей, и наконецъ—*прибрежные жители* (*параліи*), люди, занимавшіеся всюду по берегамъ торговлею и мореходствомъ. Слѣдовательно, мы здѣсь встрѣчаемъ совсѣмъ иныя общественныя условія — иныя потребности, нежели въ Спартѣ; насущнѣйшею потребностью здѣсь среди зарождающейся демократіи была потребность въ *писанномъ законѣ*, который бы устранилъ произволъ сильныхъ и богатыхъ. Попытка основать тираннію, — столь обыкновенная въ это время—вызванная отчасти личнымъ честолюбіемъ, отчасти желаніемъ удовлетворить потребностямъ массы, въ Аѳинахъ не удалась. *Килонъ*, зять Мегарійскаго тиранна Ѳеогениса, захватилъ было Акрополь (628 г.) Аѳинскій. Но аристократическая партія взяла верхъ въ борьбѣ: приверженцы Колона должны были искать себѣ спасенія у подножія алтарей, сдались на обманчивыя обѣщанія и были перебиты.

Килонъ и Драконъ.

Около 620 г. видимъ первую попытку установленія правильнаго законодательства въ лицѣ *Дракона*. Кажется, онъ уже установилъ раздѣленіе гражданъ по имуществу, приписываемое Солону: дѣйствительнымъ правомъ гражданства пользовался каждый, кто былъ въ состояніи добыть себѣ полное вооруженіе, и это гражданство избирало архонтовъ и прочія должностныя лица, для которыхъ существовалъ опредѣленный цензъ, имущественная квалификація. Совѣтъ, состоявшій изъ 401 избранныхъ по жребію сочленовъ, былъ представителемъ всѣхъ гражданъ и за отсутствіе въ засѣданіяхъ совѣта назначались денежныя пени. Однакоже, это общественное устройство не привело ни къ чему; оно не улучшило положенія низшихъ классовъ, не дало правильнаго рѣшенія соціальной задачѣ, которая положена была въ основу аттическаго общественнаго устройства. Отношенія между бѣдными и богатыми не улучшились; гнетъ высшихъ классовъ кажется еще болѣе усилился вслѣдствіе попытокъ установленія тиранніи, сдѣланной вышепомянутымъ *Килономъ*. Во многихъ мѣстахъ видны были каменные столбы, на которыхъ было прописано, сколько тотъ или другой дворъ мелкихъ землевладѣльцевъ былъ долженъ такому-то богачу, который, слѣдовательно, имѣлъ возможность продать его въ близкомъ будущемъ, и весьма многіе изъ гражданъ Аттики были проданы за это время въ рабство на чужбину, въ уплату долговъ своимъ кредиторамъ.

Солонъ. Само собою разумѣется, что такія печальныя условія общественной жизни (въ странѣ малоплодородной и не густо населенной, при полной возможности выселенія въ сосѣднія страны) должны были всего ощутительнѣе отзываться на высшемъ сословіи... И вотъ, изъ самаго сословія эвпатридовъ выискался наконецъ замѣчательный человѣкъ — *Солонъ*, сынъ Экзекестида, потомокъ царя Кодра, который нашелъ возможность вернуть благосостояніе своей родинѣ, сваливъ съ порабощеннаго аттическаго населенія тяжкій гнетъ неоплатнаго долга. Съ нравственною физіономіею этого великаго человѣка мы имѣемъ возможность нѣсколько ближе ознакомиться по тому, что до насъ, въ отрывкахъ, дошло нѣсколько стихотвореній его. Духъ истиннаго мудреца и вполнѣ правдиваго человѣка выказывается вполнѣ ясно въ этихъ стихотвореніяхъ! Не безъ нѣкотораго юмора говоритъ онъ въ нихъ, что ему приходилось, какъ волку между собаками, прокладывать себѣ путь, не уклоняясь ни въ ту, ни въ другую сторону и никого не слушая—чтобы придти къ разумному выводу. По этимъ стихотвореніямъ можно даже прослѣдить переходы въ настроеніи его души. Почти не уклоняясь ни въ сторону оптимизма, ни въ сторону пессимизма, онъ всюду выказываетъ свойственное Грекамъ равновѣсіе духа, и перебирая всѣ возрасты человѣка и всѣ занятія, сопряженныя съ его различными положеніями, онъ строго опредѣляетъ для каждаго границы доступнаго и возможнаго. Собственности онъ придаетъ цѣну, какъ и наслажденіямъ любовью и виномъ въ-пóру и вó-время,—но съ отвращеніемъ говоритъ о ненасытной алчности въ обладаніи. Въ одномъ изъ стихотвореній онъ высказываетъ желаніе, чтобы смерть его не осталась неоплаканною. Два личныхъ качества Солона особенно ярко выступаютъ въ этихъ стихотворныхъ отрывкахъ: сильно и ясно высказывающееся чувство правоты (право — божество Солона!) и не менѣе сильный, прекрасный, аѳинскій патріотизмъ. Читая эти стихотворенія, мы почти готовы думать, что онъ провидитъ великое будущее своей родной страны: «по волѣ Зевса и по мысли безсмертныхъ боговъ, нашъ городъ еще не погибъ!» — такъ начинается одно изъ Солоновскихъ стихотвореній,— «дочь Всемогущаго, высокоумная Паллада-Аѳина, простираетъ надъ нами свою руку, насъ защищающую!» Надо предполагать, что зло, за исправленіе котораго принялся Солонъ, давно уже было сознаваемо многими, почему онъ, едва приступивъ къ своимъ законодательнымъ реформамъ, уже сразу увидѣлъ около себя кружокъ людей, готовыхъ ему помогать и сочувствовать. Солонъ, родившійся въ 639 г. до Р. Х., пріобрѣлъ популярность среди своихъ согражданъ весьма важнымъ патріотическимъ подвигомъ: онъ возвратилъ Аѳинянамъ островъ Саламинъ, загораживавшій выходы изъ аѳинскихъ гаваней и, по винѣ правителей, отнятый у Аѳинянъ Мегарянами. Въ 594 г. онъ былъ избранъ въ архонты и выказалъ себя практическимъ государственнымъ дѣятелемъ: онъ съумѣлъ избавить государство отъ страшнаго вреда, который наносила ему непосильная задолженность его гражданъ и всѣ ея послѣдствія. Полнѣйшая амнистія для всѣхъ должниковъ, подпавшихъ *атиміи*, т. е. лишенію гражданскихъ правъ, выкупъ и возвращеніе проданныхъ на чужбину должниковъ, сложеніе долговъ, облегченіе ихъ уплаты и новыя, упорядоченныя правила залогодательства—

вотъ что составило часть Солонова законодательства, за которою и до позднѣйшаго времени сохранилось названіе «великаго *облегченія*» (сисахѳіи). Остальная часть касалась будущаго устройства тѣхъ же отношеній между бѣднымъ и богатымъ классомъ: воспрещала займы, обезпечиваемые личностью самого должника, и такимъ образомъ уничтожала рабство за долги. Это было прочнымъ исцѣленіемъ страшнаго общественнаго недуга; и мы въ послѣдующей исторіи Аттики не знаемъ ни одного такого случая, когда бы спокойствіе страны нарушалось какими бы то ни было экономическими смутами, столь обычными въ другихъ странахъ.

Законодательство Солона.

Но этого «великаго облегченія» было недостаточно для исправленія всѣхъ золъ, вкравшихся въ общественное устройство Аттики, а между тѣмъ срокъ полномочій Солона, какъ архонта, приближался. Онъ сознавалъ, что та *дисномія* (т. е. законная путаница), которую онъ видѣлъ кругомъ себя, составляетъ великое зло, и легко могъ бы захватить власть въ свои руки для благой цѣли, приведенія въ дѣйствіе задуманной имъ законной реформы. Но онъ не захотѣлъ показать своимъ согражданамъ дурной примѣръ, и сложилъ съ себя полномочія архонта въ законный срокъ. Тогда новые правители, цѣня высоко заслуги и скромную умѣренность Солона, предложили ему ввести въ государственную жизнь ту *эвномію* (равновѣсіе закона), которая была его идеаломъ — другими словами: предложили ему дать государству новое устройство.

Солоново общественное устройство.

Это новое устройство вполнѣ соотвѣтствовало условіямъ аттическаго общественнаго быта. Солонъ отлично сознавалъ разницу между аристократіей въ Аттикѣ и тѣмъ же сословіемъ въ другихъ государствахъ Греціи. Аттическая аристократія была главнымъ образомъ аристократія имущественная, а потому законодатель и выдвинулъ на первый планъ *имущество*, какъ основный принципъ для раздѣленія общества на сословія, при введеніи въ народѣ новой организаціи. Онъ удержалъ существовавшее до него (вѣроятно, еще Дракономъ введенное) раздѣленіе на сословія по среднему доходу съ урожая: на *пентакозіомедимновъ* (получавшихъ до 500 четвериковъ зерна отъ жатвы), на *гиппеевъ* (или *всадниковъ*), *зевгитовъ* (крестьяне-собственники, обработывавшіе поле парою воловъ) и *тэтовъ* (поденщиковъ). Послѣдніе не были обложены никакими податями; первые три класса—обложены соотвѣтственно своимъ доходамъ; но всѣ, имущіе и неимущіе, одинаково были обязаны воинскою повинностью на защиту отечества. Очень разумно распредѣлилъ онъ каждому честь по заслугамъ. Въ архонты — ежегодно избиралось 9 правителей — могли быть избираемы только тѣ, которые были обложены высшимъ размѣромъ податей; имъ собственно и надлежало руководить дѣлами, — политикой, войной и внѣшними сношеніями, культомъ и судомъ. Первый изъ архонтовъ, *эпонимъ* (его именемъ обозначался годъ его правленія), предсѣдательствовалъ въ совѣтѣ и въ народномъ собраніи; архонтъ *полемархъ* заботился о внѣшнихъ сношеніяхъ государства; третій архонтъ, *базилевсъ* (царь), наблюдалъ надъ служеніемъ богамъ; остальные шесть архонтовъ, *тесмотеты* (стряпчіе), засѣдали въ судахъ. Кромѣ архонтовъ образованъ былъ *совѣтъ* изъ выборныхъ гражданъ; каждая изъ 4-хъ *филъ* или округовъ, на которые страна была раздѣлена, ежегодно избирала въ этотъ

совѣтъ по 100 человѣкъ членовъ; выборы членовъ въ этотъ совѣтъ 400-тъ могли быть производимы только гражданами первыхъ трехъ классовъ и только изъ трехъ первыхъ классовъ. Эта корпорація занималась текущими дѣлами и подготовляла тѣ дѣла, которыя подлежали рѣшенію *экклезіи*— всенароднаго собранія. Народъ въ Аттикѣ еще впервые явился въ видѣ полновластнаго правителя, какъ высшая и послѣдняя инстанція, которой и высшіе сановники должны были отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Сомнительно, однакоже, чтобы въ Солоново время *тэты* уже принимали участіе въ этихъ собраніяхъ. Въ первое время по учрежденіи *экклезіи*, это собраніе созывалось не часто, среднимъ числомъ раза четыре въ году, и это было весьма разумно, такъ какъ не политика, а работа для пріобрѣтенія насущнаго хлѣба, — должна составлять главное занятіе и главный интересъ народа. Притомъ, въ началѣ эти собранія не носили такого бурнаго характера, какъ впослѣдствіи: — намъ извѣстно о Солонѣ, что онъ говорилъ къ народу въ спокойномъ положеніи, до половины укрывъ руку одеждою. Собранія эти собирались на особомъ мѣстѣ, которое каждый разъ особо освящалось для этой цѣли; открывалось собраніе, какъ и въ Спартѣ, и всюду въ Греціи, жертвоприношеніями и молитвою. И старости воздавались почести—глашатай предлагалъ сначала говорить тѣмъ, которымъ было болѣе 50 лѣтъ. По самой натурѣ этого живого, легко воспламеняющагося народа іонійскаго племени, и по самому духу подобнаго рода государственныхъ учрежденій, эти собранія здѣсь очень скоро пріобрѣли болѣе оживленный характеръ и получили большее значеніе, нежели народныя собранія въ Спартѣ и гдѣ бы то ни было у дорійскаго племени. Солонъ самъ держался того взгляда, что онъ далъ народу достаточно власти; но онъ и позаботился о томъ, чтобы народъ воспитать, и съ этою цѣлью предоставилъ въ его руки *судебную расправу*, какъ дѣло наиболѣе близкое народу. Въ этомъ смыслѣ и ради этой цѣли, ежегодно изъ гражданъ, переступившихъ 30-ти-лѣтній возрастъ, избиралось по жребію 4000 человѣкъ, въ распоряженіе тесмотетовъ, и большее или меньшее количество ихъ призывалось въ судъ для присутствованія въ качествѣ присяжныхъ при тѣхъ судебныхъ процессахъ, которые сопряжены были съ лишеніемъ подсудимыхъ жизни, имущества или гражданскихъ правъ. Они приносили общую клятву при вступленіи въ исправленіе своихъ важныхъ почетныхъ обязанностей, а тѣ изъ нихъ, которые призваны были къ произнесенію приговора въ томъ или другомъ случаѣ, произносили еще особую клятву передъ началомъ каждаго судебнаго разбирательства. Особенное значеніе этому народному судилищу, *геліи*, придавало то, что предъ лицомъ его и сами архонты, до вступленія своего въ должность, должны были выдерживать нѣкотораго рода *испытаніе (докимазія)*, касавшееся ихъ правъ, ихъ нравственной чистоты, оказанныхъ ими воинскихъ заслугъ и выполненія ими иныхъ гражданскихъ обязанностей; точно такъ же и по окончаніи своего года службы, архонты должны были, передъ тѣмъ же учрежденіемъ, отдать отчетъ (эвтинэ) въ своей дѣятельности. Кругъ дѣятельности этого суда вначалѣ былъ не чрезмѣрно великъ; въ отдѣльныхъ общинахъ страны были свои деревенскіе судьи для менѣе важныхъ дѣлъ, и всѣ жалобы, касавшіяся

рѣшенія какихъ бы то ни было тяжебъ, должно было всегда приносить сначала передъ судомъ третейскимъ.

Законодатель старался сохранить изъ старины все, что было возможно удержать. Такъ, уцѣлѣло старое судилище, которому подлежали преступленія уголовныя—древній *ареопагъ*. Архонты, окончившіе свою службу, слѣдовательно люди, занимавшіе въ государствѣ высшее положеніе—вступали въ это высшее государственное учрежденіе, котораго полномочія были въ значительной степени расширены, такъ что онъ получилъ даже нѣкоторое политическое значеніе. Современники Солона на общій строй государственный смотрѣли не какъ на нѣчто механически-созданное, не какъ на своего рода страховое общество, а какъ на нѣчто жизненное, священное, а потому Солонъ и приверженцы его, хорошо зная натуру человѣка, отлично понимали, что для правительства и его чиновниковъ многое недостижимо изъ того, что можетъ имѣть серьезное значеніе для всего состава населенія. Вотъ почему ареопагу поручено было извѣстнаго рода наблюденіе надъ жизнью гражданъ, и, притомъ, онъ былъ облеченъ неограниченною карательною властью противъ всѣхъ нарушителей основныхъ нравственныхъ законовъ—противъ лѣнивыхъ, неблагодарныхъ или всякихъ людей зазорнаго поведенія. Въ то же время ареопагъ былъ и хранителемъ законовъ, и члены его—пожизненные, принадлежавшіе къ высшимъ и богатѣйшимъ классамъ общества, притомъ независимые отъ внѣшнихъ вліяній—придавали ему такой авторитетъ, что онъ могъ, въ случаѣ нужды, кассировать рѣшенія даже народнаго собранія,—либо отмѣняя ихъ вполнѣ, либо, по крайней мѣрѣ, отсрочивая ихъ выполненіе на неопредѣленное время.

Всемірно-историческое значеніе Солоновыхъ законовъ.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, важнѣйшее изъ Солонова законодательства: изъ вышеуказаннаго нами ясно, что въ этомъ народѣ жилъ иной духъ, нежели въ спартанскомъ:—духъ болѣе свободный и болѣе возвышенный. Это законодательство явилось не какъ результатъ недовѣрія къ подавленному народонаселенію,—оно было свободнымъ и, можно почти сказать, радостнымъ созданіемъ истинной государственной мудрости. Солону удалось создать для своего народа надежную законную основу, которая и въ дальнѣйшей исторіи Аѳинъ постоянно оказывала благое вліяніе на жизнь народную. Для всей дальнѣйшей исторіи и для всей жизни народа важное значеніе имѣлъ тотъ фактъ, что такая громадная органическая реформа была Солономъ произведена путемъ законнымъ,—путемъ свободнаго соглашенія, безъ всякаго кровопролитія, безъ всякаго захвата власти и насилія. Въ этомъ смыслѣ Солонъ гораздо болѣе Ликурга достоинъ всемірно-историческаго имени.

Въ видѣ дополненія или прибавленія къ законодательству Солона приводятъ извѣстное количество нравственныхъ изреченій и поученій, будто бы тоже исходящихъ отъ Солона, въ родѣ общеизвѣстныхъ: «не издѣвайся надъ мертвыми», «передъ лицомъ народа говори всегда правду» и т. д. Легко можетъ быть, что это и такъ; что среди деревянныхъ таблицъ, хранившихся въ Акрополѣ (на нихъ и было написано законодательство Солона), можетъ быть, одна таблица и была посвящена изреченіямъ такой практической мудрости. Но приписываемое Солону весьма

извѣстное и знаменитое положеніе, по которому *каждый гражданинъ, при междоусобіяхъ, долженъ былъ открыто высказаться въ пользу той или другой партіи,*—это положеніе, конечно, принадлежитъ болѣе ранней эпохѣ возрожденія демократіи.

Тираннія Пейзистрата и его сыновей. (538).

Хотя Солонъ и съумѣлъ отринуть отъ себя всякій помыселъ о захватѣ верховной власти въ свои руки, однакоже и его государственное устройство не избавило Аттику отъ временной тираніи. Одинъ изъ молодыхъ эвпатридовъ, *Пейзистратъ,*—изъ дома Нелидовъ,—опираясь на свои военныя заслуги въ борьбѣ съ Мегарянами и поддерживаемый діакріями, еще во времена Солона успѣлъ захватить власть въ свои руки и дважды утрачивалъ ее и вновь захватывалъ, пока окончательно не удержалъ ее за собою (538—527 г.). Утвердился онъ во власти обычными средствами всѣхъ греческихъ тирановъ—ѳракійскими наемниками, союзами съ другими тиранами, Ликдамомъ Наксосскимъ и со знаменитѣйшимъ изъ всѣхъ—Поликратомъ Самосскимъ,—колонизаціями и пріобрѣтеніемъ новыхъ земель; въ то же время онъ поощрялъ и развитіе сельской культуры, и любилъ окружать себя писателями и художниками. Онъ обратилъ особенное вниманіе на устройство правосудія въ деревенскихъ общинахъ, которыя часто посѣщалъ лично, и, по свидѣтельству Аристотеля, онъ былъ очень любимъ народомъ, какъ правитель. Солоновы законы онъ оставилъ неприкосновенными, насколько они не мѣшали его правленію, которое онъ удивительно умѣло и ловко умѣлъ примирить съ быстро-возраставшимъ могуществомъ народа. Онъ и умеръ правителемъ, и даже передалъ власть свою, какъ вполнѣ обезпеченное достояніе, своимъ сыновьямъ. Старшій изъ нихъ, *Гиппій*, пошелъ по слѣдамъ отца, вступилъ въ новые союзы, съумѣлъ даже поладить со Спартою; но убіеніе брата его, *Гиппарха,* который палъ жертвою частной мести двухъ гражданъ, Гармодія и Аристогитона, поколебало спокойствіе Гиппія и вынудило его къ суровымъ мѣрамъ, которыя значительно повредили ему.

Паденіе тираніи (510).

Къ тому же, подъ власть дома *Нелидовъ,* къ которому принадлежалъ Пейзистратъ, давно уже подкапывались потомки другого знатнаго рода—*Алкмеонидовъ*, который былъ изгнанъ послѣ неудачной попытки Килона захватить власть и учредить въ Аѳинахъ тираннію. Эти Алкмеониды дѣятельно работали въ изгнаніи, подготовляя гибель Пейзистратидамъ; они вошли въ сношенія съ жрецами дельфійскаго оракула, склонили ихъ на свою сторону, а чрезъ нихъ воздѣйствовали и на Спарту. Два раза пытались они свергнуть Гиппія, но безуспѣшно; на третій разъ, когда счастливая случайность предала въ ихъ руки дѣтей Гиппія, они добились своей цѣли, Гиппій бѣжалъ, а Алкмеониды возвратились на родину (510 г.).

Но случилось совсѣмъ не то, чего ожидали всѣ греческія государства. Аристократическая форма правленія не была возстановлена; напротивъ того, наступилъ рѣзкій поворотъ въ сторону чистой демократіи, и главнымъ дѣятелемъ въ этомъ смыслѣ явился одинъ изъ Алкмеонидовъ, *Клисѳенъ,* способствовавшій изгнанію тиранна Гиппія. Изъ какихъ побужденій онъ дѣйствовалъ,—этого теперь невозможно разслѣдовать; знаемъ только, что онъ возстановилъ Солоновское государственное устройство и придалъ ему новую форму, въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія демократіи.

Планъ реформъ былъ Клисѳеномъ задуманъ широко и требовалъ продолжительнаго времени для своего осуществленія. Вмѣсто весьма древняго раздѣленія страны на 4 филы, при которомъ, конечно, эвпатриды имѣли полную возможность оказывать сильное мѣстное вліяніе, Клисѳенъ ввелъ раздѣленіе на 10 филъ, и каждая изъ нихъ ежегодно избирала по 50 членовъ въ совѣтъ, по 500 геліастовъ въ народное судилище,—и такимъ образомъ совѣтъ состоялъ уже изъ 500 членовъ, а *Гелія* изъ 5,000 гражданъ. За смѣлымъ нововведеніемъ послѣдовала сильная реакція. Предводитель противной партіи, Исагоръ, призвалъ Спартанцевъ на помощь; спартанское войско, подъ предводительствомъ царя Клеомена, заняло аѳинскую крѣпость. Но самосознаніе народа успѣло уже за это время настолько возрасти, что народъ не допустилъ иноземнаго вмѣшательства въ свои дѣла: произошло общее народное возстаніе, и небольшое спартанское войско вынуждено было капитулировать. Послѣ этого стали Аѳиняне опасаться мести со стороны своей грозной сосѣдки, Спарты, и опасенія эти были настолько велики, что одно время Аѳиняне стали было даже хлопотать о помощи со стороны Персіи, и даже обращались за этимъ къ ближайшему персидскому сатрапу, въ Сарды. Но опасность вскорѣ миновала: наступавшее на Аттику спартанское войско вынуждено было вернуться, потому что между начальниками его начались раздоры и дѣло дошло до полнаго нарушенія воинской дисциплины. Однакоже Спартанцы все же не думали отставать отъ дѣла, и сильная партія между ними домогалась возстановленія тираніи въ Аѳинахъ при спартанской помощи; многимъ такая форма правленія въ сосѣднемъ государствѣ казалась болѣе выгодною, нежели правленіе народное, при которомъ ловкій и смѣлый демагогъ могъ легко увлечь за собою толпу на всякое дѣло. Гиппій даже приглашенъ былъ въ Спарту. Но при обсужденіи вопроса о вмѣшательствѣ Спарты, на общемъ собраніи пелопоннезскихъ союзныхъ государствъ, противъ этого возстали многіе, и преимущественно Коринѳяне; ихъ ораторъ началъ свою рѣчь горячимъ вступленіемъ: «небо и земля—на мѣстѣ-ли вы?!»—и доказалъ всю противуестественность заступничества за тираннію со стороны государства, которое бы никогда не допустило ее у себя. Спартанское вмѣшательство, такимъ образомъ, не состоялось, и демократическій принципъ окончательно восторжествовалъ въ Аѳинахъ. Демократія; Клисѳенъ.

Въ отдѣльныхъ *дэмахъ* или деревенскихъ округахъ Аттики, которыхъ прежде насчитывали 100, а затѣмъ уже и 190, развилось самоуправленіе въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Каждыя 10 дэмъ составили филу. Тогда же допущено было еще одно весьма крупное нововведеніе: архонтовъ стали замѣщать не по выборамъ, а по жребію между тѣми, кто добивался архонтства или имѣлъ на него права. Противъ попытокъ возстановленія тираніи изобрѣли весьма своеобразную мѣру — *остракизмъ* (судъ черепковъ—если можно такъ выразиться). Ежегодно народному собранію, иногда по представленію совѣта, иногда даже по иниціативѣ частнаго лица, задавался запросъ: «не имѣется-ли основанія для изгнанія такого-то гражданина?»—т. е. не питаетъ-ли такой-то затаеннаго желанія быть тираномъ, или даже — не настолько-ли онъ влія-

теленъ, что такой соблазнъ можетъ ему придти въ голову. Если собраніе отвѣчало на этотъ вопросъ утвердительно, то вопросъ пускали на голоса, т. е. выцарапывали имя опаснаго гражданина на *остраконахъ*, на черепкахъ, и если такихъ черепковъ набиралось 6,000—участь гражданина была рѣшена: онъ изгонялся изъ страны, хотя это изгнаніе не было сопряжено ни съ потерею чести, ни съ конфискаціей имущества. Изгнаніе остракизмомъ осуждало на 10 лѣтъ пребыванія внѣ страны; но это было только простою формальностью, и по рѣшенію народа онъ могъ быть вызванъ во всякое время обратно.

3. Общая картина жизни Эллиновъ около 500 г. до Р. Х.

Эллинская колонизація.

Такъ образовалось, въ Средней Греціи, на мѣстѣ бойкомъ и весьма удобномъ для сношенія съ сосѣдними странами, новое государство, выросшее изъ совершенно иной основы, нежели Спарта, и быстро двигавшееся по пути развитія. Образованіе этого государства было важнѣйшимъ политическимъ событіемъ двухъ послѣднихъ столѣтій; въ теченіе этого времени значительно измѣнилась и вся жизнь того народа, который уже давно разумѣлъ себя подъ однимъ общимъ названіемъ *Эллиновъ*. Съ быстротою, почти безпримѣрною въ исторіи человѣчества, Эллины овладѣли почти всѣмъ Средиземнымъ моремъ и усѣяли его берега и острова своими *колоніями*. Финикіяне, нѣсколько ослабленные уже сложившимися на Востокѣ историческими условіями жизни, всюду видѣли себя вынужденными уступать мѣсто этому болѣе способному, болѣе многостороннему, болѣе энергичному народу; и всюду возникали новые своеобразные города, носившіе на себѣ свою, особую физіономію и отличавшіеся такимъ быстрымъ ростомъ населенія, что избытокъ его приходилось въ ближайшемъ будущемъ обращать на новую колонизацію. Въ этомъ величавомъ, всепобѣдномъ шествіи одинаково принимали участіе всѣ греческія племена, и именно въ этихъ-то разнообразныхъ поселеніяхъ и выросло то обще-эллинское національное чувство, которое обособляло Грековъ отъ чуждыхъ имъ или *варварскихъ* племенъ, среди которыхъ имъ приходилось селиться. Побужденія къ этимъ безпрерывно возобновлявшимся и громаднымъ выселеніямъ были очень различны. Однихъ вынуждала къ выселенію съ родины дѣйствительная нужда; другихъ побѣда противной имъ партіи въ сильно-разгорѣвшейся повсюду борьбѣ партій; третьихъ увлекала въ даль страсть къ приключеніямъ, а иногда и само правительство руководило выселеніемъ части гражданъ, чтобы избавить города отъ избытка населенія. Очень немногія изъ этихъ выселеній производились вслѣдствіе вынужденнаго, насильственнаго разрыва съ отечествомъ. Переселенцы обычно захватывали съ собою головню съ родного очага и ею зажигали свой новый очагъ на мѣстѣ новаго поселенія—и названія площадей и улицъ родного города возрождались въ его выселкѣ, и начинались изъ новаго города отправленія почетныхъ посольствъ на празднества родного города—и обратно посольства изъ стараго отечественнаго города на праздники

въ честь божествъ новаго поселенія. Но тѣмъ и ограничивались обоюдныя связи: независимости искали выселенцы на чужбинѣ, и находили ее всюду. Чтобы дать понятіе объ этихъ отношеніяхъ между метрополіей и колоніями, припомнимъ, что одинъ городъ Милетъ въ теченіе полутора столѣтія выдѣлилъ изъ себя 80 колоній въ разныя стороны, и эти колоніи не составляли ни Милетскаго царства, ни Милетскаго союза городовъ, и каждая изъ нихъ существовала сама по себѣ и жила своею жизнью, хотя и сохраняла дружественныя отношенія къ своимъ согражданамъ и землякамъ *).

Крайнимъ пунктомъ эллинской колонизаціи на З. былъ *Сагунтъ*, на вост. берегу Испаніи, *Массалія*—въ странѣ Галловъ, невдалекѣ отъ устья Роны. Въ южной Италіи и Сициліи эллинскія колоніи составляли какъ бы особую область; здѣсь приходилось имъ соперничать съ западною отраслью Финикіянъ (Карѳагенянами), Этрусками на сѣв.-западѣ Италіи, и другими различными народами, промышлявшими морскимъ разбоемъ; за то ужъ въ восточной половинѣ они были полными хозяевами Средиземнаго моря и смежныхъ съ нимъ морей. Колоніи ихъ восходили до отдаленнѣйшихъ береговъ Чернаго и Азовскаго морей; на В. простирались до самой Финикіи и острова Кипра и на Ю., въ Египтѣ, ими была заселена прекрасная мѣстность *Киренэ*—къ З. отъ устьевъ Нила. Нѣтъ возможности перечислить всѣ эти эллинскія колоніи, ни заглянуть въ ихъ исторію, любопытную и поучительную; но нельзя не замѣтить, что послѣдствія этой колонизаціонной дѣятельности были въ высшей степени важны: новая культура неудержимо пускала свои корни всюду кругомъ, отъ Понта Эвксинскаго до отдаленныхъ береговъ Иберіи, охватывая все обширное пространство береговъ Средиземнаго моря.

Народная жизнь. Литература.

Какъ разнообразно ни складывалась жизнь этого народа, однакоже связь всѣхъ племенъ его была всюду крѣпка, вслѣдствіе того, что всѣ они въ одинаковой степени обладали однимъ общимъ сокровищемъ. Это сокровище былъ единый, всѣмъ общій *языкъ*, который хотя и распадался на различные діалекты и говоры—все же былъ всѣмъ одинаково понятенъ во всѣхъ концахъ Эллинскаго міра, точно такъ же, какъ впослѣдствіи всѣмъ Эллинамъ доступною и понятною сдѣлалась общая имъ греческая *литература*. Гомеровскія пѣсни издавна стали всенароднымъ, національнымъ достояніемъ, и притомъ драгоцѣннѣйшимъ; ихъ уже давно закрѣпили въ писанной редакціи, и на великихъ законодателей Греціи,—Ликурга и Солона,—указываютъ какъ на ревностныхъ распространителей Гомеровской поэзіи, а на Пейзистрата, какъ на составителя лучшей и наиболѣе тщательной редакціи Гомеровскихъ пѣсенъ. Эти извѣстія, какъ бы мало ни были они достовѣрными, во всякомъ случаѣ важны, потому что доказываютъ, какая тѣсная взаимная связь существовала у Грековъ между ихъ литературными и государственными стремленіями и успѣхами. Несравненное произведеніе Гомера, въ свою очередь, породило богатую *эпическую*

*) И это дробленіе на части было до такой степени свойственно Эллинамъ, что они даже не создали себѣ отдѣльнаго термина, подобнаго нашему слову государство: слово *полисъ*, собственно *городъ*, примѣнялось и въ смыслѣ *государства*, которое обозначалось тѣмъ же самымъ словомъ.

литературу, въ видѣ продолженій и подражаній его поэмамъ, тѣмъ болѣе, что для этой литературы уже готовъ былъ строго-выработанный и какъ бы созданный для нея размѣръ—гекзаметръ. Изъ поэзіи эпической, при посредствѣ нѣкотораго измѣненія стихотворнаго размѣра, явилась новая поэтическая форма—*элегія*, въ которую вложено было и новое содержаніе: въ элегіи поэтъ отъ простого эпическаго разсказа переходилъ въ область ощущеній чисто-субъективныхъ, и такимъ образомъ открывалъ поэтическому вдохновенію новые необъятные горизонты. Новая элегическая мѣра служила формою то для нѣжной жалобы, то для спокойнаго созерцанія, то для произведенія сатирическаго оттѣнка; одною изъ подобныхъ элегій Солонъ побудилъ своихъ согражданъ къ завоеванію Саламина. Тотъ же поэтическій размѣръ, нѣсколько сокращенный, послужилъ современнику Солона, *Ѳеогниду изъ Мегары*, для эпиграммъ, направленныхъ противъ возникающей демократіи. Другой отличный знатокъ языка и пріятный поэтъ, *Архилохъ* Паросскій, изобрѣлъ другую стихотворную мѣру—стихъ *ямбическій*, какъ форму удобную для выраженія возбужденнаго чувства—гнѣва, насмѣшки, страсти. Этимъ стихомъ воспользовались для новыхъ поэтическихъ образовъ поэты богатаго талантами острова Лесбоса, *Аріонъ*, *Алкей* и поэтесса *Сафо*,—и воспѣвали имъ вино и любовь, воинственное возбужденіе и страстную борьбу партій.

Діонисъ. Въ Капитолійскомъ музеѣ въ Римѣ.

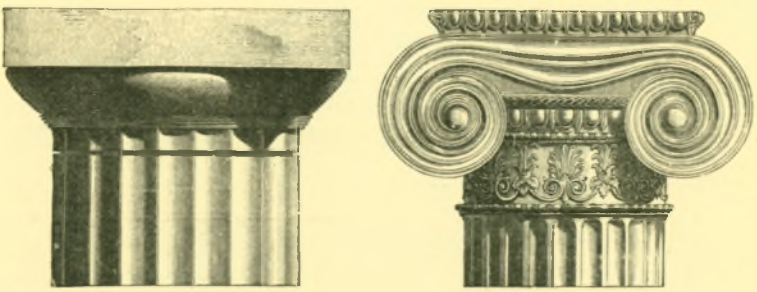
Немногіе изъ поэтовъ, подобно *Анакреону* Теосскому, занимались своимъ искусствомъ подъ покровительствомъ тирановъ; большинство этихъ смѣлыхъ мыслителей были въ своихъ произведеніяхъ враждебны тиранніи, которая опиралась въ своихъ стремленіяхъ на низшіе слои народа. Можетъ быть потому именно и поспѣшили Пейзистратиды принять подъ свое покровительство *драму*, эту младшую, но и важнѣйшую изъ отраслей поэзіи, которая зародилась на почвѣ Аттики, богатой духовною жизнью. Драма, въ первоначальной своей формѣ, развилась изъ тѣхъ хоровыхъ пѣсенъ, которыя пѣлись въ честь бога вина *Діониса*, на его веселыхъ празднествахъ. Преданіе называетъ намъ *Ѳесписа* (изъ аттическаго демоса Икаріи) первымъ виновникомъ появленія новой поэтической формы. Ему, будто бы, пришла въ голову мысль внести въ хоровую пѣснь элементъ живого дѣйствія; для этой цѣли онъ сталъ

Праздникъ Діониса. Рельефъ аттическаго саркофага.

и хоръ, и главнаго запѣвалу хора облекать масками, хоровую пѣсню обратилъ въ пѣсенный діалогъ между запѣвалой и хоромъ; въ основу же этихъ діалоговъ полагалась одна изъ множества легендъ о Діонисѣ.

Искусства.

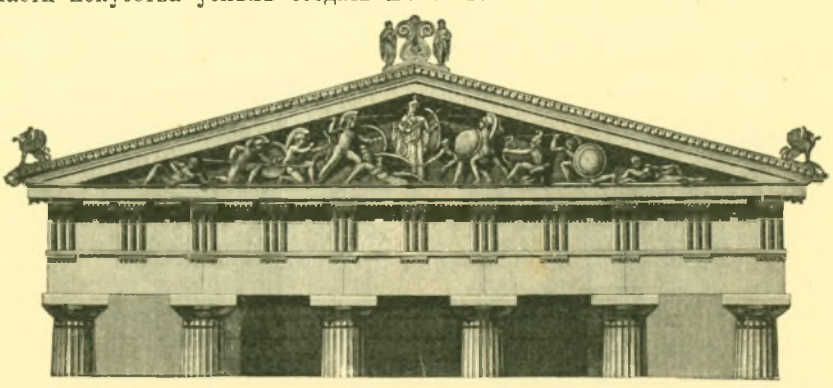
Одновременно съ литературой быстро стали развиваться и другія искусства пластическія, къ которымъ особенно благосклонно относились тираны, помогая ихъ развитію и поощряя художниковъ. Вниманіе этихъ правителей было преимущественно обращено на сооруженія, пригодныя для общественной пользы,—дороги, водопроводы, бассейны; но они не пренебрегали и произведеніями изящными, каждому бросающимися въ глаза. И ростъ искусствъ въ эту эпоху былъ такъ же поразительно быстръ, какъ и ростъ литературы,—съ невѣроятною быстротою освободились они отъ узъ ремесленности и цеховой ограниченности. Раньше всѣхъ развилась *архитектура*, въ которой блестящимъ образомъ проявился творческій геній Эллиновъ. Легко можетъ быть, что до первыхъ греческихъ зодчихъ и дошли смутныя преданія о громадныхъ храмахъ, дворцахъ и гробницахъ Египтянъ; но они не могли съ нихъ взять образца и пошли путемъ вполнѣ



Дорійская и іонійская капители.

Храмъ Тезея въ Аѳинахъ. Образецъ дорійскаго стиля.

самостоятельнымъ. Такъ, напримѣръ, мы уже очень рано встрѣчаемъ у Грековъ два совершенно различные типа колоннъ, въ которыхъ восточныя формы не только преобразованы и выяснены, но притомъ еще настолько самостоятельно-усвоены, что въ нихъ проявляются даже характерныя особенности двухъ главныхъ греческихъ племенъ, въ видѣ двухъ стилей: дорическаго и іоническаго. Рядомъ съ архитектурой развивается и скульптура; уже у Гомера упоминаются скульптурныя произведенія, изображавшія людей и животныхъ, которыя представлялись «какъ бы живыми». Но въ сущности это искусство двигалось впередъ очень медленно и рѣзецъ художника не скоро пріучился побѣждать техническія трудности ваянія; однакоже, даже и тѣ произведенія греческой скульптуры, которыя заканчиваютъ собою ея первый періодъ, — напримѣръ, извѣстная фронтонная группа на храмѣ Аѳины въ Эгинѣ,—превосходитъ по общему духу произведенія и по художественной жизненности своей все, что въ той же области искусства успѣлъ создать Востокъ.

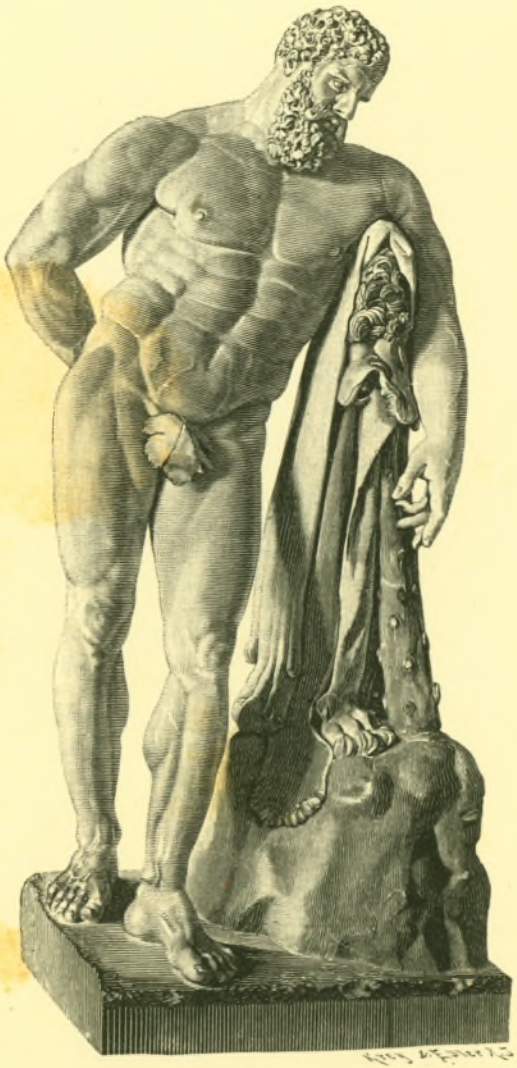


Фронтонная группа храма Аѳины, на островѣ Эгинѣ.

Религія.

Въ религіозныхъ воззрѣніяхъ и миѳахъ Эллиновъ древне-арійскія начала вполнѣ отступили на задній планъ — боги обратились въ олицетворенія людей, которые и ненавидѣли, и любили, и мирились, и ссорились, и перепутывались въ своихъ интересахъ точно такъ же, какъ люди, но только въ иномъ, высшемъ мірѣ — идеальномъ отраженіи низшаго. Благодаря такому обороту въ понятіяхъ народа, являлась опасность слишкомъ большого приниженія, матеріализаціи божества, и многіе изъ передовыхъ людей Греціи это отлично понимали. Неоднократно проявлялось стремленіе очистить религію отъ слишкомъ грубыхъ представленій о божествѣ, облечь эти представленія въ нѣкоторый туманъ таинственности. Въ этомъ именно смыслѣ были важны нѣкоторые мѣстные культы, изъ коихъ два пользовались громаднымъ значеніемъ во всей Греціи; а именно: культъ божествъ, *покровительствующихъ земледѣлію*, Деметры, Коры и Діониза въ Аттикѣ—въ *Элевзисѣ*, извѣстный подъ названіемъ *Элевзинскихъ таинствъ*. Въ этихъ таинствахъ, весьма внушительнымъ образомъ, связывалось мимолетное, ничтожное существованіе каждаго смертнаго съ явленіями высшаго порядка, недоступными человѣческому знанію и пониманію; насколько намъ извѣстно, здѣсь наглядно представлялось въ общей картинѣ цвѣтущее время жизни, увяданіе ея, смерть и пробужденіе къ новой загробной жизни, о которой, собственно говоря, Греки имѣли лишь весьма ограниченное представленіе. Не меньшимъ значеніемъ пользовался и культъ бога *Аполлона въ Дельфахъ*; это небольшое мѣстечко, заброшенное въ горахъ Фокиды, въ половинѣ VI в. до Р. Х., прославилось оракуломъ, котораго прорицанія почитались за волю вдохновлявшаго его бога. Весьма важнымъ шагомъ впередъ, по пути развитія религіозныхъ вѣрованій, слѣдуетъ считать уже то, что здѣсь Аполлонъ, богъ солнца—слѣдовательно, олицетворявшій собою одну изъ силъ природы—обратился уже въ народномъ представленіи въ божество, способное къ откровенію, изрекавшее волю свою устами жрицы, которую сажали на треножникѣ надъ щелью въ скалѣ, постоянно испускавшей сѣрные пары: отуманенная ими и приведенная въ изступленное состояніе, жрица становилась дѣйствительно непроизвольнымъ орудіемъ бога или его ловкихъ служителей. Тысячи простонародья и людей небогатыхъ постоянно толпились въ Дельфахъ; а цари, правители и вельможи присылали туда безпрестанно своихъ пословъ съ запросами къ оракулу. Впослѣдствіи, когда нѣкоторые города (а потомъ все бо́льшее и бо́льшее число ихъ) учредили въ Дельфахъ сокровищницу и надежный складъ своихъ богатствъ и драгоцѣнностей, — этотъ городъ обратился въ очень важный центръ торговыхъ оборотовъ. Жрецы дельфійскіе, къ которымъ отовсюду приходили съ вѣстями и запросами, конечно, должны были очень многое знать и пользовались огромнымъ вліяніемъ на народъ. Но къ чести ихъ мы должны сказать, судя по немногимъ дошедшимъ до насъ изреченіямъ ихъ, что они въ значительной степени способствовали распространенію въ народѣ болѣе чистыхъ нравственныхъ воззрѣній. Геродотъ разсказываетъ намъ извѣстный случай съ Спартіатомъ Главкомъ, который, утаивъ чужое добро, осмѣлился обратиться къ оракулу съ вопросомъ, можетъ-ли онъ присвоить себѣ деньги принесеніемъ ложной клятвы. Оракулъ

отвѣчалъ сурово, воспрещая всякую клятву, и грозилъ Главку полнымъ истребленіемъ его рода. Главкъ вернулъ утаенное имъ богатство; но было уже поздно: его колебаніе было вмѣнено ему въ проступокъ и боги покарали его жестоко, искоренивъ его родъ въ Спартѣ. Этотъ примѣръ, приводимый Геродотомъ, ясно указываетъ и на то, что нравственныя воззрѣнія этого времени были выше, нежели во времена Гомера, который съ удивительною наивностью восхваляетъ одного изъ князей за то, что онъ выдвинулся «воровскимъ искусствомъ и клятвами, которыя внушалъ ему самъ богъ Гермесъ».



Геракл̀ъ (Фарнезскій Гернулесъ). Античная мраморная статуя въ Неаполѣ.

Наука.

Не трудно уяснить себѣ такой значительный прогрессъ нравственный, припомнивъ, что въ это время и наука уже заявила о своемъ существованіи и стала, смѣло минуя миѳы, искать начала всему существующему. То былъ именно вѣкъ, впослѣдствіи прозванный «вѣкомъ 7 мудрецовъ»; исторія науки указываетъ намъ въ это время на *Іонянина Ѳалеса*, на *Анаксимена* и на *Анаксимандра*, какъ на первыхъ ученыхъ, которые наблюдали природу, разумно созерцая и не уносясь въ область фантазіи, и старались заглянуть въ самое существо окружающаго ихъ міра, отрицая навязываемыя преданіемъ религіозныя воззрѣнія сограждан̀ъ.

Пробужденіе національнаго чувства.

Все вышеприведенное указываетъ на значительную общность мысли и ощущенія въ греческомъ мірѣ, которая приравнивала до извѣстной

степени всѣхъ Эллиновъ и придавала имъ нравственное единство въ то именно время, когда они, стремясь во всѣ концы извѣстнаго имъ міра, всюду основывали свои поселенія; но мы нигдѣ не видимъ въ это время ни политическаго, ни національнаго центра, къ которому бы всѣ Эллины тяготѣли. Даже и олимпійскія игры въ честь Зевса не служили такимъ центромъ, хотя уже и успѣли пріобрѣсти большое значеніе и сдѣлаться достояніемъ всего Эллинскаго міра. Всѣмъ Эллинамъ одинаково доступныя, онѣ уже давно утратили свой мѣстный характеръ; по *олимпіадамъ* (то-есть четырехлѣтнимъ промежуткамъ между играми) велось лѣтосчисленіе во всей Греціи, и тотъ, кто хотѣлъ посмотрѣть Грецію, или себя показать и прославиться на всю Грецію—тотъ долженъ былъ явиться на Олимпійскія

Олимпійскія игры.

Борцы. Античная мраморная группа во Флоренціи.

игры: въ теченіе пяти дней праздника въ равнинѣ Алфея кипѣла свѣжая, пестрая и удивительно-разнообразная жизнь! Но и здѣсь главнымъ оживляющимъ элементомъ было соперничество различныхъ городовъ и мѣстностей, выказывавшееся въ болѣе мирной формѣ въ эти священные дни, но тотчасъ по миновеніи ихъ готовое перейти въ ожесточенную борьбу. По *Амфиктіоніямъ*—довольно оригинальному политико-религіозному учрежденію—видимъ мы въ какой степени Эллины въ этотъ періодъ времени способны были къ единенію. Самое названіе это обозначаетъ «союзъ окрестныхъ жителей» — «окрестныхъ» по отношенію къ святилищу — и важнѣйшею изъ амфиктіоній была та, для которой центромъ служило святилище Аполлона въ Дельфахъ. Этотъ союзъ дважды въ году собирался

постоянно на собранія и, мало-по-малу, въ составъ его вошло довольно значительное количество племенъ и государствъ: Ѳессалійцы и Віотійцы, Доряне и Іоняне, Фокійцы и Локры, сильные и слабые по своему политическому значенію; на этихъ собраніяхъ приходили къ общимъ рѣшеніямъ, которыя и выполнялись общими силами, въ тѣхъ случаяхъ, когда священнослуженію грозило какое-либо нарушеніе спокойствія, или высказанное кѣмъ-либо непочтеніе святыни требовало мести и искупленія. Но участіе въ этомъ союзѣ нимало не препятствовало войнамъ и раздорамъ между городами, принадлежащими къ одной амфиктіоніи. Для этихъ войнъ (а ими переполнена исторія Греціи) существовали, впрочемъ, извѣстныя гуманныя правила, по которымъ, напримѣръ, нельзя было войну доводить до крайняго раззоренія амфиктіонійскаго города, нельзя было у него отводить воду и морить его жаждой и т. д.

Эллинская свобода.

Итакъ, главнымъ жизненнымъ элементомъ этого міра маленькихъ общинъ (изъ которыхъ ни одна не достигала размѣровъ даже одного изъ нынѣ уцѣлѣвшихъ въ Европѣ маленькихъ государствъ) была свобода движенія, и любовь къ этой свободѣ была настолько велика, что ради нея каждый изъ Эллиновъ готовъ былъ всѣмъ пожертвовать. Восточные сосѣди Грековъ въ Азіи, не имѣвшіе понятія о жизни такихъ маленькихъ центровъ, смотрѣли на нихъ съ пренебреженіемъ и смѣялись надъ ихъ постоянными спорами и усобицами. «Чего они ссорятся? Вѣдь языкъ у нихъ у всѣхъ одинъ:—послали-бы пословъ, и тѣ уладили бы всѣ ихъ несогласія!» такъ думали Персы, не постигавшіе, какая громадная сила заключалась въ этой самостоятельности каждаго отдѣльнаго гражданина, не терпящей никакихъ стѣсненій. Историкъ Геродотъ, которому, напротивъ, была совершенно ясна разница между міровоззрѣніями Эллиновъ и Азіатовъ, такъ какъ онъ родился подданнымъ Персидскаго царя, чрезвычайно высоко ставитъ то, что онъ называетъ «*равенствомъ всѣхъ людей на рынкѣ*» — то-есть равенство гражданъ передъ закономъ, въ томъ видѣ, какъ оно установилось по изгнаніи тирановъ. Кому не извѣстенъ его разсказъ о разговорѣ Креза съ Солономъ, такъ превосходно рисующій намъ идеалы Эллиновъ лучшаго времени? Крезъ, показавъ Солону всѣ неисчислимыя богатства, которыми была переполнена его сокровищница, спросилъ Солона: «видѣлъ-ли онъ на свѣтѣ людей, счастливѣе его, Креза?»—На это великій законодатель Аттики отвѣчалъ, что «самыхъ счастливыхъ людей не бываетъ между смертными; но, насколько это выраженіе можетъ быть примѣнимо къ смертному, то онъ могъ бы указать Крезу на одного изъ своихъ согражданъ, какъ на одного изъ самыхъ счастливыхъ людей на свѣтѣ»,— и затѣмъ разсказалъ царю его простую, незамысловатую исторію. Такимъ счастливцемъ, по мнѣнію Солона, былъ Аѳинянинъ Теллосъ, всю жизнь работавшій и пріобрѣтавшій на себя, а не на деспота. Онъ ни богатъ, ни бѣденъ; у него—столько, сколько ему нужно; у него и дѣти, и внуки, которые всѣ его переживутъ; въ борьбѣ не за Элладу, а за свой родной городъ, въ одной изъ небольшихъ усобицъ съ сосѣднимъ городомъ, Теллосъ умираетъ съ оружіемъ въ рукахъ, и его сограждане воздаютъ ему честь по заслугамъ: они погребаютъ его на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ палъ, и погребаютъ на свой общій счетъ...

И наступилъ часъ, когда эту силу Азіатамъ предстояло испытать въ громаднѣйшей войнѣ,—въ войнѣ, которую слѣдуетъ признать одной изъ великихъ героическихъ эпопей Всемірной Исторіи, и которая, конечно, представляетъ совсѣмъ иной интересъ, нежели опустошительные походы Ассурбанипала и Небукаднессара.

Греческіе воины вооружаются. Изображеніе на аттической вазѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Персидскія войны.

(500—479 до Р. Х.).

Персидскія войны.

Первое столкновеніе Европы съ Азіей, Востока съ Западомъ, извѣстное подъ названіемъ Персидскихъ войнъ, есть несомнѣнно одно изъ важнѣйшихъ по своимъ послѣдствіямъ событій въ исторіи человѣчества. Это событіе обыкновенно излагается нашими историками очень пристрастно, только со стороны заслугъ и достоинствъ Грековъ, — даже болѣе пристрастно, нежели излагаетъ его греческій же историкъ Геродотъ. Не слѣдуетъ однакоже забывать, что, какъ бы ни были велики заслуги Грековъ въ этой борьбѣ съ Персами, изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы,— когда столкновеніе уже произошло,—Греки были бы постоянно правы, а Персы постоянно неправы; необходимо, при обзорѣ отдѣльныхъ эпизодовъ этой борьбы, глубже вдумываться и вглядываться въ то, что могли думать и чувствовать Персы, и въ то, что должно было происходить въ душѣ мощнаго царя, въ то время правившаго царствомъ Персидскимъ.

Дарій I и его походъ противъ Скиѳовъ.

Царь Дарій I (Гистаспъ), возстановивъ спокойствіе и порядокъ въ своемъ взволнованномъ государствѣ, ощущалъ необходимость въ большой и, конечно, побѣдоносной войнѣ, которая должна была бы сблизить разнородныя племена его царства и вмѣстѣ съ тѣмъ послужить и испытаніемъ его

твердости. Съ этою цѣлью онъ и предпринялъ большой походъ противъ Скиѳовъ, степныхъ народовъ, жившихъ на сѣверъ отъ Дуная и Чернаго моря, нѣкогда (въ VII в. до Р. Х.) причинившихъ такъ много вреда и бѣдствій своимъ нашествіемъ на Малую Азію. Дарій, во главѣ войска, которое шло подъ его личнымъ предводительствомъ, переправился въ Европу и двинулся за Дунай, далеко внутрь скиѳскихъ степей: но тѣ жертвы, которыхъ стоилъ этотъ трудный походъ, не могли равняться съ ожидаемыми отъ похода выгодами, и потому Дарій отказался отъ продолженія его. Эта неудача (какъ кажется, очень преувеличенная въ греческихъ извѣстіяхъ) нимало не поколебала уваженія къ Дарію въ его подданныхъ. Притомъ же этотъ походъ остался не безъ результатовъ: пункты переправъ изъ Азіи въ Европу остались во владѣніи Персовъ и были ими укрѣплены; важные города, такіе какъ Перинѳъ, Византія, Дорискъ (на европейской сторонѣ), а равно и нѣкоторые острова, какъ Лемносъ и Имбросъ, были присоединены къ Персидскому царству и притомъ сатрапу Лидіи Артаферну (родному брату царя) дано было порученіе изслѣдовать «западныя страны» черезъ посредство нѣкоего врача Демокеда, Эллина изъ Кротоны, странною судьбою занесеннаго на дальній Востокъ, ко двору Персидскаго царя. Около того же времени сатрапъ, правившій Египтомъ, подчинилъ власти царя греческую колонію Киренэ, на западъ отъ Египта. Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы Дарій въ то время уже принялъ рѣшеніе—распространить персидское могущество и на Европу; по крайней мѣрѣ, мы знаемъ, что при персидскомъ дворѣ была партія, которая положительно утверждала, что Персіи не принесетъ ни малѣйшей пользы обладаніе гористою страною и островами, на которыхъ разселено было греческое племя... Но Греки сами напали на Персовъ, и тѣмъ вынудили Персовъ воевать съ Греціею.

Возстаніе Іонянъ (500).

Въ 500 г. разразилось на іонійскомъ побережьѣ Малой Азіи возстаніе, быстро-распространившееся потому, что царственная власть персидская тамъ очень мало давала себя чувствовать. Персидское правительство старалось вліять на эти города черезъ посредство ихъ тирановъ, и это было тѣмъ болѣе удобно, что если одинъ изъ нихъ подавалъ поводъ къ недовѣрію, то его было не трудно, подъ благовиднымъ предлогомъ, во всякое время вызвать въ Сузу. Но въ томъ-то и бѣда, что Персы не знали, съ какимъ народомъ имѣютъ дѣло; они вѣрили въ то, нѣкогда высказанное великимъ царемъ ихъ Киромъ, мнѣніе, что «Персамъ нечего опасаться людей, которые сходятся на рынокъ, чтобы обманывать другъ друга». Вотъ почему это возстаніе іонійскихъ городовъ и застало Персовъ врасплохъ. Безпокойный, хитрый и отважный *Аристагоръ*, заступившій въ Милетѣ мѣсто вызваннаго въ Сузу тиранна Гистіея (его зятя), сталъ во главѣ возстанія: тиранны всюду были изгнаны, всюду введена демократія и избраны стратеги. Персидское войско, въ этой мѣстности весьма незначительное, отступило и заперлось въ цитадели, въ Сардахъ. Разумные люди, ближе знакомые съ персидскимъ могуществомъ, напрасно старались охладить разбушевавшіяся страсти. Аристагоръ,—который носился съ самыми задорными замыслами и затѣялъ уже походъ противъ Сузъ, чтобы воспользоваться громадными сокровищами этого города,—

рѣшился отправиться въ Грецію, просить поддержки. Въ Спартѣ, гдѣ вообще смотрѣли недовѣрчиво на дальніе походы, да притомъ и съ Аргосомъ еще не успѣли поладить, — Аристагору отказали; но Аѳинянъ онъ увлекъ своими рѣчами, и они послали въ помощь своимъ землякамъ 20 кораблей, къ которымъ еще присоединились 5 кораблей изъ Эретріи. Между тѣмъ возстаніе широко разлилось во всѣ стороны,—къ Геллеспонту, въ Карію и съ другой стороны—въ греческія колоніи на Кипрѣ; войско Іонянъ двинулось на Сарды, но не могло овладѣть цитаделью. Самый городъ былъ зажженъ или сожженъ случайно. А затѣмъ случилось то, что заранѣе предсказывали благоразумные люди. Громадныя силы могущественнаго царства, поддерживаемыя со стороны моря флотомъ Финикіянъ, давнихъ противниковъ греческой колонизаціи, надвигались отовсюду какъ тучи, Аѳиняне и Эретряне поспѣшили вернуться домой; между возставшими не было довѣрія другъ къ другу, не было единства, города ссорились между собою, не было единаго вождя, которому бы всѣ повиновались. Войско сосредоточилось вокругъ самаго большого и самаго богатаго изъ іонійскихъ городовъ, Милета. Рѣшительное морское сраженіе у острова *Лядэ* (нынѣ онъ составляетъ часть материка), защищавшаго входъ въ Милетскую гавань, было проиграно, городъ взятъ приступомъ и, насколько можно было раззорить подобный городъ, былъ раззоренъ (494).

Раззореніе Милета (494).

Всѣ, кто могли, искали себѣ спасенія въ бѣгствѣ на западъ, а немногіе храбрецы, какъ напр. Діонисій Фокейскій, продолжали войну съ Персами, образовавъ легкую пиратскую флотилію. Персы, ожесточенные долгимъ и упорнымъ сопротивленіемъ, не замедлили мщеніемъ. Часть военноплѣнныхъ и между ними Гистіей (отпущенный царемъ изъ Сузъ и обѣщавшій унять возстаніе, а, вмѣсто того, самъ приставшій къ мятежникамъ), были казнены; другіе — отправлены на поселеніе на дальній Востокъ; святилища Грековъ сожжены;—Персы говорили, что «такъ поступать они научились у Грековъ»... Затѣмъ возстановилось спокойствіе. Артафернъ приказалъ измѣрить страну, и каждой общинѣ назначилъ, какую дань она должна платить; затѣмъ онъ созвалъ выборныхъ отъ городовъ и установилъ между ними миръ, чего они никакъ не могли достигнуть, пока были предоставлены на волю самимъ себѣ.

Особенно оскорбило Персовъ вмѣшательство Аѳинянъ. Они, не безъ основанія, предполагали, что имѣютъ самый справедливый поводъ къ объявленію войны, такъ какъ «Іоняне европейскіе» первые нанесли имъ обиду, и Дарій—какъ разсказываютъ—со времени пожара Сузъ приказывалъ себѣ каждый день напоминать объ этомъ ненавистномъ народѣ. При первомъ извѣстіи объ этомъ пожарѣ, онъ схватился за свой лукъ, пустилъ стрѣлу къ небу, и молилъ Бога отмстить Аѳинянамъ. Но привести это мщеніе въ исполненіе не спѣшили, и два первые похода (492 и 490 г. до Р. Х.) были снаряжены не въ слишкомъ большихъ размѣрахъ.

Первый походъ (492).

Мардуниджа, сынъ Гаубарувы (греки звали его Мардоніемъ, с. Гобрія), зять царя Дарія, получилъ отъ него приказаніе наказать городъ Аѳины. Это былъ человѣкъ не только весьма знатнаго рода, но и весьма талантливый, въ чемъ убѣждаетъ насъ его способъ дѣйствія по отношенію къ іонійскимъ городамъ: онъ всюду въ нихъ допустилъ демократическое

устройство, въ томъ предположеніи, что оно удовлетворитъ желанія населенія и сильно ослабитъ его воинственныя наклонности. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ раздѣлялъ и гордость Персовъ, почитавшихъ себя первыми бойцами въ мірѣ, и ихъ ожесточеніе противъ нанесенной ихъ государству обиды. Однакоже, первый походъ не достигъ своей цѣли. Случайныя обстоятельства воспрепятствовали дальнѣйшему движенію Персовъ въ то время, когда они уже достигли опаснаго Ѳракійскаго полуострова, Атоса (Аѳонъ). Пришлось удовольствоваться тѣмъ, что Персы оставили за собою тѣ крѣпкіе пункты, которые были ими захвачены.

Второй походъ противъ Аѳинъ (490).

Между тѣмъ, какъ съ востока надвигалась эта страшная опасность, которая отсрочилась лишь на время, въ Греціи и не думали предпринимать какія бы то ни было общія мѣры къ отраженію врага. Повидимому, страхъ, внушаемый грозною мощью Персидскаго царства, превозмогъ все: уже самое имя «Мидянъ» — по словамъ Геродота — способно было возбудить ужасъ; и если, по другимъ свѣдѣніямъ, мы знаемъ, что одинъ изъ современныхъ греческихъ поэтовъ воскликнулъ въ веселомъ кружкѣ застольныхъ товарищей: «будемъ пить и мѣняться веселыми рѣчами, не пугаясь войны съ Мидянами!» — то изъ этого для насъ и становится ясно, что этой войны съ Мидянами всѣ очень боялись, когда не сидѣли за кубками. Это настроеніе было, конечно, извѣстно въ Сузахъ, гдѣ, при дворѣ царя, находили себѣ пріютъ многіе знатные греки-изгнанники; тамъ, кажется, держались и того мнѣнія, что цѣли можно будетъ достигнуть даже безъ особенно большихъ военныхъ усилій. Царь рѣшилъ отправить глашатаевъ въ греческіе города и черезъ нихъ потребовать формальнаго признанія его власти—потребовалъ «земли и воды». Въ большинствѣ городовъ требованіе царя и было исполнено; но въ Аѳинахъ и Спартѣ отвѣчали на это требованіе оскорбленіемъ царскихъ пословъ, съ которыми обошлись какъ со шпіонами. Въ 490 г. предпринятъ былъ *второй походъ*, съ совершенно опредѣленною и исключительною цѣлью: отмстить Аѳинамъ и Эретріи. Это было дѣломъ необходимости, потому что и Персамъ надо было оберечь свою національную честь; они всю Азію покорили, и между ихъ знатью жило твердое убѣжденіе, что имъ надлежитъ владѣть всѣмъ міромъ: — если бы ихъ царь не привелъ въ исполненіе свою волю надъ этими городами Іонянъ, то уваженіе къ нему народовъ его царства могло быть поколеблено. Притомъ, приказаніе — города эти разворить, а жителей ихъ привести въ Сузу плѣнными,—не можетъ быть понято буквально, такъ какъ изгнанный Пейзистратидъ Гиппій находился во второмъ походѣ при персидскомъ войскѣ, и Персы хотѣли возстановить его власть въ Аѳинахъ. Предводительство надъ войскомъ поручено было мидянину Датису, которому въ помощники былъ приданъ молодой князь изъ рода Ахэменидовъ, Артафренъ, и, на этотъ разъ, Персы избрали прямой, южный путь въ Аттику, черезъ Цикладскіе острова. Первый городъ, на который обрушилась месть Персовъ, Эретрія—палъ, послѣ кратковременнаго сопротивленія; городъ, съ его храмами, былъ сожженъ, часть жителей была посажена на корабли и отослана въ Азію; нѣсколько дней спустя, 600 персидскихъ кораблей бросили якорь у береговъ Аттики.

НАДГРОБІЕ АРИСТІОНА,

по надписи — работа Аристокла. Изображеніе покойнаго, оживленное явственно-сохранившеюся окраской, правильно принимается знатоками за типъ аоинскаго гражданина и воина временъ Марафонской битвы.

НАДГРОБІЕ АРИСТІОНА.

Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ. Печат. въ Артистич. завед. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Битва Марафонская. Мильтіадъ.

Рѣшительная битва произошла въ августѣ или сентябрѣ 490 г., у мѣстечка *Марафонъ*, въ сѣв.-вост. части Аттики. У Аѳинянъ союзниковъ не было. Спартанцы, правда, пообѣщали прислать вспомогательное войско, но выступленіе его будто бы замедлилось изъ-за соблюденія какихъ-то религіозныхъ формальностей; въ Аѳинахъ же явилось даже сомнѣніе въ возможности борьбы съ Персами въ открытомъ полѣ, когда ихъ громадному (какъ полагали—стотысячному) войску можно было противопоставить только 10,000 тяжеловооруженныхъ воиновъ. Между старшинами десяти филъ нашелся однакоже человѣкъ, хорошо знавшій Персовъ—то былъ *Мильтіадъ*, изъ стараго знатнаго аѳинскаго рода. Онъ предложилъ смѣлый планъ: начать оборону съ наступленія. Выступивъ противъ врага, Аѳиняне, уже на пути, получили неожиданную помощь: повстрѣчали тысячу гоплитовъ, высланныхъ имъ на помощь дружественнымъ віотійскимъ городомъ Платеей. Въ рощѣ, посвященной Гераклу на ближайшихъ къ морю высотахъ, спускающихся въ прибрежную Марафонскую равнину, аѳинское войско заняло позицію. Мильтіадъ началъ битву. И въ этой первой битвѣ между Востокомъ и Западомъ — западное военное искусство одержало верхъ: въ то время, когда Персы готовились пустить въ Грековъ тучу стрѣлъ, аѳинскіе гоплиты быстро перебѣжали отдѣлявшее ихъ отъ врага пространство и произвели на него страшный натискъ, въ которомъ выказали всю силу и ловкость мышцъ, развитыхъ постоянными упражненіями въ палестрахъ. Персы были озадачены и быстро отступили къ кораблямъ; у кораблей Аѳиняне еще разъ произвели на нихъ нападеніе, но Персы все же благополучно убрались на суда, оставивъ 6,400 человѣкъ на мѣстѣ битвы. У нихъ былъ злой умыселъ:—быстро обогнувъ мысъ Суніонъ, они были намѣрены

Греческій воинъ въ полномъ вооруженіи. По древнегреческимъ памятникамъ.

произвести высадку близъ самыхъ Аѳинъ, въ которыхъ Гиппій могъ разсчитывать на поддержку со стороны своихъ тайныхъ доброжелателей. Но Мильтіадъ угадалъ ихъ намѣреніе и, оставивъ небольшую часть войска на полѣ битвы, поспѣшилъ съ остальнымъ войскомъ къ Аѳинамъ, которыя и избавилъ отъ внезапнаго нападенія. Персы должны были на этотъ разъ удовольствоваться половиною мщенія и вернулись домой скорѣе ожесточенные, нежели оробѣвшіе, такъ какъ они, конечно, приписывали свое пораженіе ничему иному, какъ новой, незнакомой имъ тактикѣ Грековъ.

Послѣдствія побѣды.

Можно себѣ представить, какъ вся Аттика воспрянула духомъ послѣ этой побѣды. Безъ всякихъ союзниковъ удалось поразить врага; спартанская помощь прибыла нѣсколько дней спустя и могла оказать своимъ союзникамъ только военную вѣжливость: весь спартанскій отрядъ, въ полномъ составѣ (а ихъ было 2,000 человѣкъ) посѣтилъ поле сраженія. И они, и весь греческій народъ, убѣдились въ томъ, что Персовъ можно было побѣдить; а это было очень важно, въ виду тѣхъ дальнѣйшихъ нападеній, которыхъ можно было ожидать съ полною увѣренностью.

Противъ ожиданія, эти новыя нападенія не тотчасъ послѣдовали. Въ этомъ мы узнаемъ осторожность умнаго Дарія, который, правильно оцѣнивъ событія, ясно убѣдился въ томъ, что покореніе западныхъ Іонянъ было не такъ легко, какъ полагали его вельможи. Онъ зналъ, чѣмъ онъ рискуетъ, и тотчасъ же принялся за приготовленія въ такомъ громадномъ размѣрѣ, что неудача предстоящаго нападенія представлялась уже немыслимою. Его приготовленія дали Грекамъ вздохнуть, такъ какъ, по совершенно случайному стеченію обстоятельствъ, затянулись на цѣлыя 10 лѣтъ. Это время Греками не было потеряно; но и воспользовались они имъ не такъ, какъ бы должно было воспользоваться.

Аристидъ и Ѳемистоклъ.

Мы немногое знаемъ изъ исторіи этихъ десяти лѣтъ; до насъ дошли имена побѣдителей на пиѳійскихъ, на истмійскихъ играхъ, дошло имя баснописца; или же мы узнаемъ о томъ, что аттическій поэтъ Эсхилъ выступилъ со своей трагедіей на только что отстроенномъ первомъ каменномъ театрѣ въ Аѳинахъ и получилъ за это награду. Тѣмъ не менѣе, однакожъ и въ Аѳинахъ, и въ Спартѣ были мужи, которые сознавали грозившую Грецію опасность и рѣшились противустать ей. Мильтіада уже не было въ числѣ ихъ; онъ воспользовался своимъ значеніемъ въ Аѳинахъ, чтобы побудить Аѳинянъ (изъ весьма узкихъ личныхъ цѣлей) къ морской экспедиціи противъ острова Пароса, а эта экспедиція не удалась: весьма мягкій приговоръ геліи присудилъ его къ уплатѣ денежнаго штрафа въ 50 талантовъ; но онъ не дожилъ до лучшаго времени—и умеръ, еще въ заточеніи, отъ раны, полученной на Паросѣ. Изъ молодыхъ дѣятелей на мѣсто его выдвинулось двое: *Аристидъ*, сынъ Лизимаха, и *Ѳемистоклъ*, сынъ Неокла: оба изъ старинной аттической знати. Оба были люди совершенно-разныхъ характеровъ и потому самому люди противоположныхъ политическихъ убѣжденій. Ѳемистоклъ былъ человѣкъ какъ бы созданный для необычайныхъ положеній и уже въ ранней юности побуждавшій говорить о себѣ, что «онъ непремѣнно совершитъ нѣчто великое, — или великое благо, или великое

зло для своего родного города»; Аристидъ — безупречный патріотъ, высоконравственный человѣкъ, неподкупной честности, но нерѣшительный, осторожный, и притомъ страстный приверженецъ старины. А между тѣмъ необычайное время требовало и необычайныхъ средствъ. Со всею энергіею прирожденнаго властолюбца, Ѳемистоклъ настаивалъ на созданіи сильнаго флота (смѣшно сказать, что у Аѳинянъ, въ началѣ этой борьбы, было всего 20 кораблей!), и ему удалось воспользоваться возвышеннымъ настроеніемъ гражданъ послѣ Мараѳонской битвы, чтобы провести эту необходимую мѣру. Съ достохвальною готовностью они отказались отъ своихъ долей въ доходѣ, получаемомъ съ серебряныхъ рудъ Лавріона, — дабы флотъ могъ скорѣе возрасти; легко можетъ быть, что въ виду предстоящей непосильной борьбы съ грознымъ врагомъ, Аѳиняне видѣли въ этомъ флотѣ и единственную надежду на спасеніе, и возможность поискать себѣ новаго отечества гдѣ-нибудь на дальнемъ Западѣ, въ случаѣ неудачи... Ѳемистоклъ держался политики неудержимо-смѣлой, при которой ему неудобенъ былъ человѣкъ, подобный Аристиду. Поэтому онъ попытался пустить въ ходъ оригинальное средство, которое предоставлялось въ его руки самымъ государственнымъ устройствомъ Аѳинянъ;— онъ подвергъ Аристида остракизму, и народъ понялъ, чего онъ добивался: Аристидъ, который, конечно, очень далекъ былъ отъ всякаго стремленія къ захвату власти, былъ устраненъ на нѣсколько лѣтъ съ политическаго поприща. А что время было такое, когда возможна была только безпощадная политика—въ этомъ легко убѣдиться изъ того, что, въ непосредственной близости отъ Аѳинъ, у Аѳинянъ былъ смертельный врагъ— сосѣдній островъ Эгина, съ которымъ необходимо было расправиться прежде, чѣмъ возобновится борьба съ Персами.

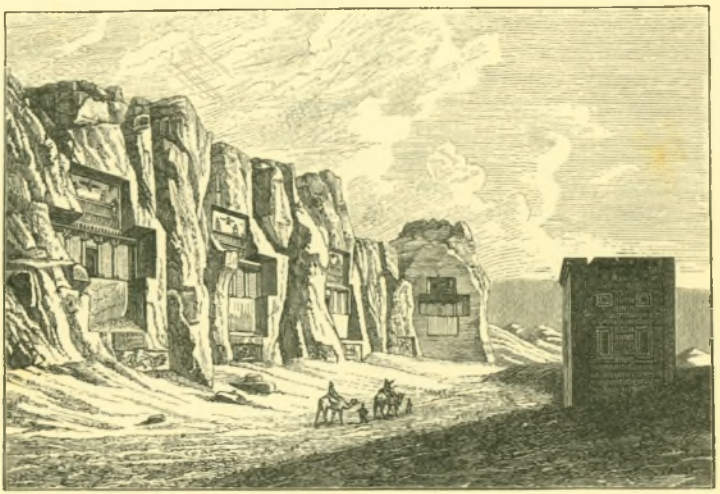
Положеніе Спарты.

Въ довершеніе всего, не слѣдуетъ забывать, что не Аѳины, а Спарта первенствовали въ Греціи. А въ это именно время въ Спартѣ и были большіе нелады. Одинъ изъ царей спартанскихъ, Демаратъ, былъ изгнанъ другимъ, жестокимъ и хитрымъ Клеоменомъ, который вскорѣ послѣ того и самъ умеръ въ цѣпяхъ, наложивъ на себя руки въ порывѣ безумія. Царь Леотихидъ, замѣстившій Демарата, не пользовался въ Спартѣ достаточнымъ уваженіемъ, чтобы изгладить слѣды этихъ раздоровъ. Да и вообще государственная машина въ Спартѣ, во всемъ, что не касалось непосредственно военныхъ цѣлей, двигалась очень туго. А это затруднительное положеніе, въ которомъ находилась Спарта, значительно ухудшалось тѣмъ, что Персидскій дворъ становился сборнымъ мѣстомъ всѣхъ недовольныхъ, всѣхъ изгнанныхъ изъ Эллады. И царь Демаратъ, изгнанный спартанцами, и изгнанный аѳинянами Гиппій—одинаково находили себѣ пріютъ въ Персіи, и какъ тамъ, такъ и въ Греціи пользовались вліяніемъ и связями.

Смерть Дарія. Ксерксъ I (485).

Замедленію войны между Персіей и Греціей способствовало также возстаніе, разразившееся въ Египтѣ въ послѣдній годъ жизни Дарія (486), и это возстаніе еще не было усмирено, какъ 73-хъ-лѣтній Дарій, на 35-мъ году своего царствованія, скончался (485). Послѣдніе годы жизни этого государя были омрачены обычнымъ явленіемъ всѣхъ восточныхъ дворовъ—интригами, по поводу престолонаслѣдія: наслѣдникомъ его

былъ назначенъ первый изъ его порфирородныхъ сыновей *Ксеркс* (персидская форма: *Кшіярша*) — 30-тилѣтній молодой человѣкъ, въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Ксеркс не былъ ни Киромъ, ни Даріемъ; легко поддавался стороннимъ вліяніямъ, легко бросался изъ одной крайности въ другую; однакоже онъ не былъ такимъ смѣшнымъ и ничтожнымъ, какимъ его рисуютъ авторы популярныхъ историческихъ повѣствованій. Съ египетскимъ возстаніемъ онъ справился очень скоро, и затѣмъ ему на разрѣшеніе долженъ былъ представиться неизбѣжный вопросъ—какъ ему быть съ планами его великаго предшественника по отношенію къ Европейской Греціи? Этотъ вопросъ, если вѣрить греческому историку, разбирался очень долго и былъ предметомъ бурныхъ преній между придворными партіями—и Ксеркс колебался долго. Наконецъ взяла верхъ воинствен-



Мѣсто погребенія Дарія, имъ самимъ устроенное, близъ Персеполя. По Фландену.

ная партія, во главѣ которой стоялъ Мардоній, прямо указывавшій на то, что честь великаго Персидскаго царства затронута; въ томъ же направленіи на Ксеркса вліяли и греческіе изгнанники, и персидская знать, которая не могла себѣ представить ничего болѣе совершеннаго по устройству, какъ ихъ Персидское царство, въ которомъ, въ противоположность непонимаемой ими и вѣчно-тревожной Греціи, царилъ ненарушимый порядокъ и спокойствіе подъ мощною охраною царской власти.

Приготовленія Персовъ.

И такъ, въ Сузѣ рѣшили воевать—и три года сряду вся Азія гремѣла приготовленіями къ войнѣ. Очень многіе представляютъ себѣ, что люди, руководившіе дѣлами при персидскомъ дворѣ, дѣйствовали подъ вліяніемъ какого-то ослѣпленія и глупой самоувѣренности; на самомъ-же дѣлѣ, это было вовсе не такъ, и это ясно доказывается характеромъ и размѣрами производимыхъ ими приготовленій. Приготовленія эти предприняты

были въ самыхъ громадныхъ размѣрахъ, и войско было приготовлено къ походу такое, которое своимъ безукоризненнымъ составомъ могло почти ручаться за успѣхъ предпріятія.

Греки.

Приготовленіе Грековъ не отличалось ни такимъ единствомъ, ни такою разумностью. Душою обороны были Аѳины; но, главнымъ образомъ, аѳинянинъ Ѳемистоклъ. Одинъ писатель справедливо замѣчаетъ о немъ: «онъ зналъ, что Ксерксъ—человѣкъ, а не богъ». И этимъ онъ выказалъ дѣйствительно такое величіе души, какое въ подобныхъ, повидимому, отчаянныхъ положеніяхъ, является достояніемъ немногихъ въ высшихъ классахъ. Всѣ, кому опасность была очевидна, медлили и выказывали нерѣшительность; а онъ одинъ увлекъ толпу за собою, толпу неразсуждающую и невникающую въ дѣло, но способную вѣрить и дерзать, по примѣру того выдающагося человѣка, который во главѣ ея и вѣритъ, и дерзаетъ. Такъ было въ Аѳинахъ, гдѣ вождь, подобный Ѳемистоклу, могъ взывать и къ популярности демократическаго правленія, и къ ненависти противъ тирановъ, идущихъ рука-объ-руку съ Персами, и къ свѣжимъ, не поблекшимъ еще воспоминаніямъ о славной Мараѳонской битвѣ. Среди Спартанцевъ дѣйствовала иная сила, едва-ли когда-либо проявлявшаяся съ такою силою среди людей: — воинственный духъ ихъ. Повелѣвать и повиноваться, владѣть оружіемъ при воинскихъ массовыхъ передвиженіяхъ или въ отдѣльномъ бою, одинъ-на-одинъ, презирать смерть — все это Спартанцы всасывали съ молокомъ матери. Нѣсколько лѣтъ не было врага, съ которымъ Спартанцы не рѣшились бы сразиться, котораго бы они не надѣялись сломить и одолѣть. И вотъ, между этими двумя совершенно различными государствами—Спартою и Аѳинами—былъ заключенъ воинскій союзъ, и къ тому союзу, кромѣ государствъ Пелопоннеза, тѣсносвязанныхъ со Спартою, мало-по-малу пристало еще значительное количество городовъ:—общее число ихъ доходитъ до 31-го, по сохранившейся еще до настоящаго времени надписи. На Истмійскомъ перешейкѣ собрались выборные, посланные городами для совѣщанія: здѣсь опредѣлено было, сколько кто долженъ выставить войска, сколько кораблей; здѣсь же избранъ былъ и постоянный военный совѣтъ для руководства общими военными дѣйствіями. Вліятельные люди были разосланы по всѣмъ направленіямъ, требовать усиленія союзнаго войска. Болѣе подробныя свѣдѣнія сохранились объ одномъ изъ такихъ посольствъ, отправленномъ къ правившему тогда въ Сиракузахъ тиранну *Гелону*, который будто-бы потребовалъ сначала, чтобы, въ случаѣ его участія, ему предоставлено было высшее начальство надъ всѣми силами союзниковъ. Этому, конечно, воспротивились Спартанцы. Тогда Гелонъ будто-бы потребовалъ, чтобы ему предоставлено было начальствованіе либо надъ сухопутнымъ войскомъ, либо надъ флотомъ,—чему, въ свою очередь, воспротивились Аѳиняне. Трудно себѣ представить, чтобы дѣло происходило именно такъ: если Гелонъ и отказалъ союзникамъ въ помощи, то его вынуждало къ этому опасеніе ближайшаго врага—Карѳагенянъ, которые могли воспользоваться войною съ Персами, чтобы вновь утвердиться въ Сициліи.

Аѳины и Ѳемистоклъ.

Общаго національнаго одушевленія мы у Эллиновъ однакоже не видимъ, и въ особенности отсталыми, не подготовленными къ своей вели-

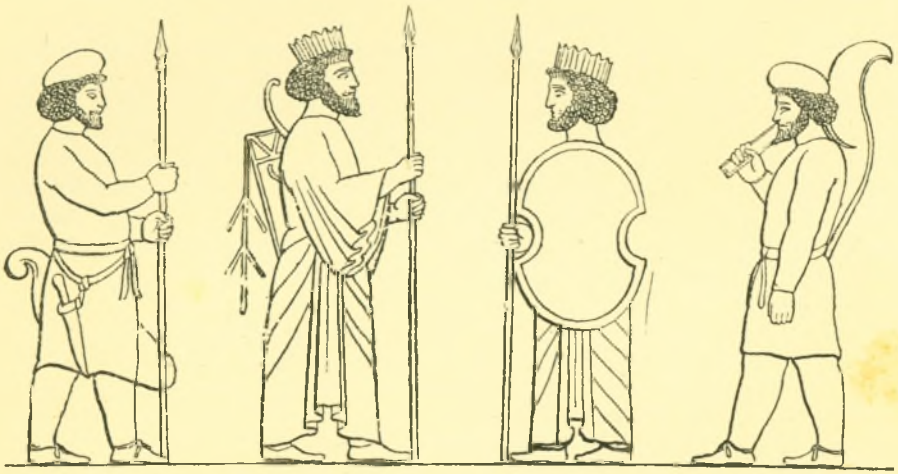
кой задачѣ выказали себя священнослужители при святилищахъ важнѣйшихъ оракуловъ. Бывали даже такія мгновенія, когда нерѣшительное настроеніе грозило получить перевѣсъ въ Средней Греціи, и этому не мало способствовали неблагопріятныя прорицанія оракуловъ, грозившихъ гибелью и неудачами — и только хитроумныя истолкованія этихъ прорицаній, придуманныя Ѳемистокломъ, вновь оживили падавшій духъ его соотечественниковъ. Вскорѣ, однакоже, дошли ужъ изъ Персіи слухи, что персидское войско собралось около Сардъ и готовится къ отплытію. При этихъ слухахъ, возбудившихъ энергію Грековъ, на совѣтѣ союзныхъ военачальниковъ было положено противустать врагу на первой (крайней къ сѣверо-востоку) оборонительной линіи — Олимпъ, Эта, Истмъ. Десять тысячъ воиновъ, подъ начальствомъ спартанскаго полемарха, было двинуто въ этомъ направленіи. Но оказалось, что этого войска слишкомъ недостаточно для занятія всѣхъ горныхъ проходовъ, а такъ какъ въ тылу у войска оставалась обширная Ѳессалійская равнина, то въ случаѣ обратнаго движенія, это войско должно было бы подвергнуться нападенію всей многочисленной персидской конницы: въ виду такихъ неблагопріятныхъ условій мѣстности, пришлось отказаться отъ выполненія этого плана.

Ѳемистоклъ. Мраморный бюстъ въ Ватиканѣ. Эпоха Фидія.

Третій походъ Персовъ (480).

Пока все это творилось въ Греціи, войско Персидскаго царя перешло черезъ Геллеспонтъ въ Грецію, по двумъ мостамъ, наведеннымъ при Абидосѣ эллинскими техниками. Это было цѣлое переселеніе народовъ, и притомъ такое, по которому не трудно было получить точное понятіе о величавомъ царствѣ, готовившемся присоединить новый, греческій міръ къ своимъ владѣніямъ. Въ царскомъ войскѣ можно было видѣть представителей 46-ти народовъ, во всемъ разнообразіи ихъ національной одежды и вооруженія: тутъ были Индусы съ далекаго Востока въ бѣлыхъ бумажныхъ одеждахъ; арабы на своихъ чудныхъ коняхъ и быстроногихъ дромадерахъ; темнокожіе Эѳіопы, Ливійцы съ юго-западной границы, многочисленныя племена богатой народами Малой Азіи, и, рядомъ съ былыми владыками Азіи — Ассиріянами и Вавилонянами — самое ядро войска, народы арійскаго племени, Мидяне, Гирканцы, Парояне, Бак-

трійцы, Саки, и наконецъ, сами Персы, господствующее въ царствѣ племя:—800,000 пѣшихъ воиновъ и 80,000 всадниковъ, какъ утверждаютъ дошедшія до насъ извѣстія. Семь дней и семь ночей подъ рядъ войска персидскія (и во главѣ ихъ царская гвардія, 10,000 безсмертныхъ) переходили по мосту, наведенному ниже другого, по которому тянулся громадный обозъ. Рядомъ съ сухопутными войсками двигался сильный флотъ, 3,000 транспортныхъ судовъ, 1,200 военныхъ кораблей, доставленныхъ Финикіянами, Египтянами, Киликійцами, Кипрянами, Памфилянами, Ликійцами, Карійцами и Іонянами Малой Азіи (послѣдніе въ очень маломъ числѣ). И флотъ, и сухопутное войско носили на себѣ исключительно восточный характеръ, хотя и была замѣтна нѣкоторая примѣсь греческаго элемента. Вѣроятно, всѣ распоряженія сдѣланы были чрезвычайно разумно; въ



Персидскіе воины Ксеркса. По современнымъ изображеніямъ на вазахъ.

противномъ случаѣ, такая масса людей не далеко бы ушла. Организація была прекрасно обдумана и въ успѣхѣ предпріятія, очевидно, не сомнѣвались. Все высшее начальство было изъ Персовъ, и вся царственная семья, всѣ Ахэмениды, были на-лицо. Эти высшіе начальники отдѣльныхъ корпусовъ (или, вѣрнѣе, отдѣльныхъ народовъ) арміи, отъ себя уже назначали тысяченачальниковъ и десятитысяченачальниковъ, т. е. полковниковъ и дивизіонныхъ генераловъ; эти, въ свою очередь, назначали низшихъ начальниковъ. Пѣхота была распредѣлена между шестью главнокомандующими (между ними упоминается и Мардоній); конницею начальствовали три главнокомандующихъ (изъ нихъ двое—сыновья Датиса); надъ царской гвардіей стоялъ особый начальникъ—Видарна (или Гидарнесъ).

Съ этимъ грознымъ наступленіемъ войска—которое, какъ намъ представляется, совершалось медленно, по строго выработанному плану — совершенную противоположность представляло нерѣшительное, невѣрное,

несогласное командованіе войскомъ у Грековъ. Мы уже видѣли выше, что отъ наступательнаго веденія войны, отъ удержанія позиціи у Олимпа, Грекамъ пришлось отказаться. Избрали позицію въ горахъ Эты, позади узкаго *Θермопильскаго* прохода. Но главныя силы спартанскія еще не прибыли на мѣсто; да и вообще между пелопоннезскими войсками начинало преобладать то близорукое воззрѣніе, что слѣдовало бы отступить еще далѣе и искать оборонительной позиціи на Истмѣ. Всего около 7,000 гоплитовъ стояло при Θермопилахъ и при нихъ небольшой отрядъ легковооруженныхъ, между которыми было очень немного уроженцевъ Средней Греціи. Флотъ, состоявшій уже изъ 271 корабля, вблизи тѣхъ же мѣстъ, былъ собранъ около с.-в. оконечности острова Эвбеи, близъ священной рощи Артемиды. Высшее начальствованіе, какъ надъ сухопутнымъ войскомъ, такъ и надъ флотомъ, сосредоточено было въ рукахъ Спартанцевъ: войскомъ командовалъ одинъ изъ двоихъ спартанскихъ царей, *Леонидъ*; флотомъ—спартіатъ *Эврибіадъ*.

Первыя битвы. Артемизіонъ и Θермопилы.

Первыя стычки между Персами и Греками произошли на морѣ, между персидскими и греческими судами, высланными на развѣдки. Затѣмъ, эскадра въ 200 кораблей отдѣлилась отъ персидскаго флота для обхода греческаго флота: Персы предполагали пройти по узкому проливу, отдѣляющему западный берегъ Эвбеи отъ материка Греціи, и зайти греческому флоту въ тылъ, въ то время, когда главныя морскія силы нападутъ на Грековъ съ фронта. Маневръ былъ задуманъ ловко, и служитъ прямымъ указаніемъ на то, что Персы дѣйствовали по разумно-обдуманному плану; если бы этотъ маневръ удался, то, по мнѣнію самихъ Эллиновъ, ни одинъ изъ нихъ не ускользнулъ-бы отъ гибели. Но бурные вѣтры воспрепятствовали этой эскадрѣ совершить обходъ и порядочно ее потрепали; она успѣла только тогда достигнуть южной оконечности острова Эвбеи, когда уже большое морское сраженіе произошло между флотами греческимъ и персидскимъ, при Артемизіи, и закончилось весьма благопріятно для Грековъ, хотя и ничего не рѣшило. А между тѣмъ, успѣли начаться битвы и на сушѣ, и позиція у Θермопильскаго прохода была Греками утрачена... Дѣло происходило такъ: персидское сухопутное войско, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія (напротивъ того: всюду персидскимъ глашатаямъ подносились требуемые ими знаки полнаго подчиненія), подступило, наконецъ, къ Θермопильскому проходу со стороны равнины, немного южнѣе города Антикира. Пять дней сряду Персы стояли спокойно, не вступая въ битву, и это обстоятельство многими совершенно неправильно истолковывается въ томъ смыслѣ, будто Ксеркъсъ ожидалъ, что Греки уступятъ ему позицію безъ боя.

Наконецъ, Персамъ приказано было наступать. Мидійскіе воины двинулись первые, но въ узкомъ пространствѣ ущелья, передъ первыми его «воротами», сейчасъ выказалось военное превосходство греческихъ воиновъ, въ особенности спартанскихъ гоплитовъ, о непреодолимости которыхъ уже и между Персами шла молва. Мидянъ смѣнили киссійскіе стрѣлки изъ лука; этихъ — отрядъ персидской гвардіи: но все было напрасно... Нападеніе съ фронта оказалось невозможнымъ, и Персы отъ него отказались. Легко можетъ быть даже, что они вовсе серьезно и не

думали штурмовать проходъ, потому что греческую позицію можно было обойти по горной тропинкѣ, которая выводила къ деревнѣ Альпенои, позади вторыхъ «воротъ» Өермопильскаго ущелья. Геродотъ сохранилъ намъ даже имя проводника, который провелъ по этой тропинкѣ персидскій отрядъ «безсмертныхъ» подъ начальствомъ Гидарна: его звали Эфіальтомъ. Тропинка эта охранялась 1,000 фокейскихъ воиновъ, которые однакоже дали себя застигнуть врасплохъ. Когда объ этомъ узналъ Леонидъ, онъ тотчасъ приказалъ главнымъ силамъ отступить отъ Өермопилъ, какъ можно скорѣе; чтобы дать имъ возможность произвести это отступленіе, самъ Леонидъ принялъ геройское рѣшеніе — пожертвовать собою, вмѣстѣ съ 300 Спартіатами, 700 Віотійцами изъ г. Өеспіи; и 400 человѣкъ Өиванцевъ онъ также удержалъ при себѣ. Тутъ-то и завязалась «битва при Өермопилахъ» — знаменитѣйшее изъ арьергардныхъ дѣлъ, извѣстныхъ исторіи. Надо замѣтить, что настроеніе войска Леонидова, несмотря на ожидавшую его вѣрную гибель, было превосходное: вступая въ неравный, смертный бой — воины шутили и смѣялись, стараясь перещеголять другъ друга своимъ грубоватымъ, чисто солдатскимъ юморомъ. Битва началась съ того, что Леонидъ, изъ первыхъ «воротъ» ущелья, ударилъ на враговъ; произошла страшная сѣча, въ которой палъ самъ Леонидъ и два брата Ксерксовы. Но Гидарнъ явился въ тылу горсти храбрецовъ, они были окружены и пали всѣ до единаго.

Съ утратою Өермопильскаго прохода, который, вѣроятно, было-бы можно долѣе удержать, если бы въ распоряженіяхъ эллинскихъ военачальниковъ было болѣе связи и обдуманности, — вся Эллада и самый городъ Аѳины, весьма слабо защищенный *), были открыты для Персовъ. Въ виду этого, и флотъ греческій поспѣшилъ пройти черезъ Эвбейскій проливъ, кратчайшимъ путемъ къ Саламину, поближе къ позиціи, занятой сухопутными войсками на Истмѣ. На этомъ побережьи должна была теперь рѣшиться судьба тогдашняго греческаго міра.

Раздоры между Греками.

Въ Аѳинахъ предстояло въ этотъ моментъ принять геройское рѣшеніе, и великимъ счастьемъ для Аѳинъ было то, что Ѳемистоклъ явился тогда какъ-бы полновластнымъ диктаторомъ: онъ ясно сознавалъ, чего хотѣлъ, и умѣлъ сохранить спокойствіе духа въ то время, когда кругомъ себя видѣлъ только безуміе, отчаяніе и слѣпое возбужденіе. Оракулъ Дельфійскій, на вопросъ Аѳинянъ, что имъ дѣлать?—отвѣчалъ, что имъ слѣдуетъ «искать спасенья за деревянными стѣнами Паллады-Аѳины», покровительницы города. Часть гражданъ аѳинскихъ пыталась истолковать это прорицаніе такъ, что Аѳинянамъ будто бы слѣдуетъ засѣсть въ Акрополѣ, гдѣ находился храмъ богини-покровительницы, и тамъ ждать враговъ. Но Ѳемистоклъ поспѣшилъ предложить свое, гораздо болѣе разумное толкованіе: по его мнѣнію, подъ «деревянными стѣнами» слѣдовало разумѣть *не что иное, какъ корабли*—и тотчасъ всѣхъ побудилъ принять соотвѣтствующее рѣшеніе. Городъ былъ немедленно очищенъ: женщины,

*) Только холмъ Акрополя былъ укрѣпленъ настолько, что могъ держаться нѣкоторое время.

дѣти и слабые люди перевезены были на Саламинъ или отправлены въ ближайшіе пелопоннезскіе прибрежные города, а всѣ, кто могъ владѣть оружіемъ или весломъ, устремились на корабли. Въ числѣ 368 военныхъ кораблей, собравшихся у Саламина,—250 кораблей доставлены были Аѳинянами. Персы двигались впередъ очень медленно, а потому на греческомъ флотѣ былъ досугъ совѣщаться, и здѣсь-то—въ виду грозившей всѣмъ страшной опасности—выказались тѣ недостатки, какими обыкновенно страдаютъ всѣ коалиціи. Аѳиняне, пожертвовавшіе своимъ роднымъ городомъ, требовали, съ Ѳемистокломъ во главѣ, смѣлаго и рѣшительнаго способа дѣйствій; а Спартанцы и Пелопоннезцы, вообще, старались воспрепятствовать этому, привязываясь къ мелочамъ, отстаивая частные интересы отдѣльныхъ городовъ, требуя, чтобы флотъ поближе былъ подвинутъ къ Истму и вынуждая Ѳемистокла доказывать всю нелѣпость подобнаго требованія, которое разъединило бы силы Грековъ и могло бы оказаться гибельнымъ.

Персы въ Аѳинахъ.

Между тѣмъ персидскій флотъ уже приближался. Одновременно съ нимъ и персидское сухопутное войско продвинулось на югъ, черезъ Віотію и Аттику, къ беззащитнымъ Аѳинамъ. Небольшой отрядъ, направленный къ Дельфамъ, по разсказамъ Грековъ, былъ на пути напуганъ разными чудесными знаменьями и вернулся, не посмѣвъ достигнуть священнаго города. Вѣрнѣе предположить, что Персы серьезно не думали объ его захватѣ: въ случаѣ ихъ побѣды надъ Греками, онъ и такъ достался бы въ ихъ руки. За то Персы не пощадили Аѳинъ, и съ радостнымъ торжествомъ зажгли аѳинскіе храмы, мстя Аѳинянамъ за былое оскорбленіе. О раззореніи Аѳинъ Ксерксъ поспѣшилъ эстафетой извѣстить своего дядю Артабана, оставленнаго правителемъ въ Персіи. Въ знакъ торжества своего, Ксерксъ разрѣшилъ бывшему съ нимъ аѳинскому измѣннику Пейзистрату, Гиппіеву сыну, совершить жертвоприношеніе на Акрополѣ; онъ этимъ видимо намекалъ на то, что, послѣ пораженія Грековъ, возстановитъ въ Аѳинахъ тиранію подъ непосредственнымъ покровительствомъ Персіи. Но до этого еще было далеко...

Битва Саламинская (480).

Разсужденія, происходившія передъ Саламинской битвой, какъ въ персидскомъ военномъ совѣтѣ, такъ и въ греческомъ—хорошо намъ извѣстны; въ первомъ изъ нихъ не было недостатка въ голосахъ, которые не совѣтовали вступать съ Греками въ морскую битву, а во второмъ—въ виду громаднаго множества персидскихъ кораблей, вновь послышались громкія и настоятельныя требованія, чтобы флотъ греческій ближе подвинулся къ Истму и покинулъ позицію у Саламина, которая, дѣйствительно, имѣла свои опасныя стороны. Рѣшеніе это было уже почти принято, когда Ѳемистоклу пришла въ голову счастливая мысль—заставить ихъ рѣшиться на битву. Черезъ довѣренное лицо, отправленное къ царю Персидскому, Ѳемистоклъ извѣстилъ его, что между Греками на флотѣ начались несогласія, и что теперь всего удобнѣе было бы на нихъ произвести нападеніе. Къ этому нападенію, которое, и безъ того, уже было окончательно рѣшено съ персидской стороны, — тотчасъ приняты были мѣры. Еще ночью Персы выполнили маневръ, при посредствѣ котораго отрѣзали греческому флоту отступленіе къ Истму, такъ что, съ

наступленіемъ утра, Греки увидѣли себя какъ бы замкнутыми съ двухъ сторонъ въ тѣсномъ пространствѣ между островомъ Саламиномъ, береговой линіей Аттики и непріятельскими кораблями. Намъ сохранилось любопытнѣйшее описаніе этой знаменитой битвы, принадлежащее очевидцу ея и притомъ замѣчательному поэту—Эсхилу. Живо изображаетъ онъ намъ, какъ, съ одной стороны, на аттическомъ берегу, съ высокого холма смотрѣлъ на это ожесточенное морское побоище всесильный царь и повелитель всей Азіи, окруженный своею блестящею свитою; а съ другой—на берегу Саламина, жители бѣднаго городка и тысячи несчастныхъ аѳинскихъ бѣглецовъ, которые здѣсь нашли себѣ пріютъ и кровъ. Битва началась рано утромъ, а когда взошла луна, то персидскій флотъ оказался блистательно отраженнымъ на всѣхъ пунктахъ, и, при весьма значительныхъ потеряхъ, былъ приведенъ въ такое смятеніе и безпорядокъ, которые не позволили ему и подумать о возобновленіи нападенія на Грековъ. Причиною пораженія персидскаго флота была, прежде всего, чрезвычайная разнородность его состава и отсутствіе умѣлаго руководителя, опытнаго въ морскихъ бояхъ. Съ другой стороны, значительною помѣхою персидскому флоту служило и его множество кораблей, которые даже и развернуть своихъ силъ не могли на томъ тѣсномъ пространствѣ, на которомъ битва происходила. Что же касается флота Эллиновъ, то причины его блистательнаго успѣха слѣдуетъ искать не только въ нравственномъ настроеніи и сильно возбужденномъ патріотизмѣ, но и въ томъ, что большинство его состояло изъ кораблей аѳинскихъ, которые дѣйствовали за-одно, повинуясь распоряженіямъ смѣлаго и талантливаго Ѳемистокла. Совершенно справедливо битва Саламинская приводится постоянно въ подтвержденіе того, что можетъ быть достигнуто малымъ числомъ воодушевленныхъ патріотизмомъ воиновъ противъ сильнѣйшаго въ числѣ непріятеля; но все-же немаловажною причиною пораженія, понесеннаго персидскимъ флотомъ, слѣдуетъ считать и то, что Персы были весьма мало свѣдущи въ морской войнѣ.

Рѣшеніе, принятое Персидскимъ военнымъ совѣтомъ.

Эллины ожидали на слѣдующій день вторичнаго нападенія и готовились къ отпору; но этого нападенія не послѣдовало, потому что въ тотъ именно день происходили въ персидскомъ лагерѣ, между ихъ начальными людьми, весьма важные переговоры. Мужественный отпоръ, данный греческимъ флотомъ персидскому, былъ неожиданностью, которая въ значительной степени разстраивала планы Персовъ. Хотя походъ, до Саламинской битвы, и шелъ вполнѣ успѣшно, однакоже теперь становилось очевидно, что съ Греками скоро не поладишь и что раздавить ихъ однимъ натискомъ невозможно. А между тѣмъ уже начинали сказываться тѣ неудобства, съ которыми сопряжено было содержаніе громадной арміи въ странѣ бѣдной; теперь же, когда греческій флотъ одержалъ такую побѣду надъ флотомъ персидскимъ, подвозъ припасовъ моремъ могъ затрудниться и привести къ страшнымъ послѣдствіямъ. Мардоній, который чувствовалъ, что на немъ лежитъ передъ царемъ отвѣтственность за успѣхъ всего предпріятія, предположилъ, что ему нетрудно будетъ довести это предпріятіе до конца, если только у него будутъ развязаны руки. И самому Ксеркcу стало ясно, что его личное присутствіе при войскѣ въ

данное время уже не оказывается необходимымъ. Аѳины были разрушены, Греція, до самаго Истма, въ рукахъ Персовъ, а потому царь и могъ со славою побѣдителя вернуться въ свое царство, окончаніе-же войны поручить Мардонію, въ качествѣ главнокомандующаго. Притомъ же царю и не безопасно было на слишкомъ долгое время отлучаться изъ столицы: въ виду временнаго перевѣса на сторонѣ греческаго флота надо было озаботиться объ обезпеченіи Іоніи отъ нападенія и о поддержкѣ своего царственнаго авторитета по отношенію къ народамъ (Финикіянамъ, Египтянамъ и т. д.), которыхъ почитали главными виновниками пораженія, понесеннаго при Саламинѣ.

Продолженіе войны.

Въ виду всего этого, рѣшено было, по совѣту Мардонія, что царь Ксерксъ, съ бо́льшею частью своего громаднаго войска, вернется въ Персію, гдѣ, притомъ же, долгое отсутствіе царя могло дурно отозваться на управленіи страною. Но войну рѣшено было продолжать и закончить завоеваніемъ Пелопоннеза. Для этой цѣли Ксерксъ оставилъ въ Греціи Мардонія, съ сильнымъ, отборнымъ войскомъ, и ему поручилъ выполненіе дѣла, которое, съ персидской точки зрѣнія, казалось весьма возможнымъ. По греческимъ извѣстіямъ, Ксерксъ, при этомъ обратномъ походѣ въ Азію, понесъ, будто бы, громадныя потери и вернулся домой со стыдомъ; но это несомнѣнно преувеличенье. Ксерксъ возвращался въ Персію не какъ бѣглецъ, а какъ побѣдитель, жестоко наказавшій враговъ своей страны разореніемъ ихъ родного города; вѣроятно, съ нимъ довольно благополучно возвратилась и большая часть его войска, тѣмъ болѣе, что приняты были всѣ мѣры къ обезпеченію и защитѣ мостовъ, наведенныхъ черезъ Геллеспонтъ.

Мардоній.

Мардоній остался въ Греціи главнокомандующимъ, и ему теперь развязаны были руки для дѣйствія. Это почти единственный изъ вельможъ персидскихъ, о личности котораго мы можемъ имѣть довольно опредѣленное понятіе. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ былъ человѣкъ разумный и способный. При этомъ онъ обладалъ личнымъ мужествомъ, свойственнымъ знатному Персу, настолько же, насколько и національною гордостью, которая убѣждала его, какъ Перса, въ томъ, что онъ защищаетъ вполнѣ правое дѣло. По персидскимъ воззрѣніямъ, Греки первые начали войну, и потому заслуженно несли всѣ сопряженныя съ нею бѣдствія. Строго вникая въ дѣло, мы должны сказать, что онъ былъ гораздо болѣе опаснымъ противникомъ для Грековъ, чѣмъ самъ Ксерксъ, и, собственно говоря, самымъ критическимъ годомъ въ исторіи Эллады былъ именно періодъ времени между битвою при Саламинѣ (сентябрь 480) и битвою при Платеѣ (сентябрь 479 г. до Р. Х.). Прикрывая отступленіе главныхъ силъ персидской арміи, Мардоній двинулся изъ Аттики черезъ Віотію (Ѳивы находились тогда въ союзѣ съ Персіей) до Ѳессаліи. Здѣсь, на большой равнинѣ и въ полнѣйшей безопасности, были приняты всѣ необходимыя мѣры для дислокаціи и организаціи многочисленнаго Мардоніева войска. Онъ оставилъ себѣ около 200,000 войска, преимущественно арійскаго племени — Персовъ, Бактріянъ, Саковъ, Индусовъ и отборной части изъ остальныхъ племенъ. Если добавить къ этому тотъ македонско-ѳессалійско-греческій контингентъ, на который онъ могъ

разсчитывать, то окажется, что Мардоній имѣлъ въ своемъ распоряженіи около 300,000 воиновъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что изъ этой массы людей Мардоній съумѣлъ образовать отличное войско, и что даже временемъ зимней стоянки онъ воспользовался гораздо лучше, чѣмъ Греки, такъ какъ о дѣятельности послѣднихъ, послѣ побѣды при Саламинѣ, мы почти не имѣемъ свѣдѣній. Греки не преслѣдовали отступающаго непріятеля. Годъ закончился для нихъ распредѣленіемъ наградъ побѣдителямъ на Истмійскихъ играхъ, при которомъ рѣзко выказались темныя стороны эллинскаго характера—племенная зависть и узость частныхъ городскихъ интересовъ. Войско, правда, возрастало отъ прилива охотниковъ, но никто, кажется, и не старался придать этой воинской силѣ хотя бы какую-нибудь болѣе прочную организацію.

Царь Александръ въ Аѳинахъ.

Во время зимы, проведенной въ Ѳессаліи, Мардоній попытался было войти въ нѣкоторое соглашеніе съ Аѳинянами черезъ Македонскаго царя Александра, который признавалъ себя вассаломъ Персіи и другомъ Аѳинянъ. Условія договора, предлагаемыя Персіей, привезенныя царемъ Александромъ въ полуразрушенныя Аѳины (куда однакоже уже возвратились жители), были довольно почетныя и притомъ исходили несомнѣнно отъ персидскаго правительства, уполномочившаго царя Александра предложить ихъ Аѳинянамъ: — признаніе надъ собою персидскаго господства, и взамѣнъ того, полное забвеніе всѣхъ винъ со стороны монарха, который даже изъявлялъ готовность вновь отстроить разрушенные имъ храмы; подтверждалась имъ полная автономія, полная возможность жить по ихъ законамъ; о возстановленіи тираніи не было и рѣчи. Съ всемірно-исторической точки зрѣнія, картина представлялась даже заманчивой; городу Аѳинамъ предстояло вступить въ правильное и мирное соглашеніе съ царствомъ, вмѣщавшимъ въ себѣ всю Азію, и въ которое Аѳины могли бы внести потребность высшей духовной жизни. При этомъ, господство Персіи едвали могло бы навязать Аѳинамъ какія-либо тягостныя, стѣснительныя обязательства.... Но, нѣтъ! Этому городу предстояло болѣе тягостное, но и великое будущее—и потому заманчивыя предложенія Персовъ были встрѣчены весьма враждебно: аѳиняне на нихъ отвѣчали гордымъ и рѣшительнымъ отказомъ, и этотъ отказъ пришлось отвезти въ главную квартиру Персовъ царю Александру, который можетъ-быть внутренно былъ очень доволенъ смѣлостью Аѳинянъ. Со Спарты, стоявшей во главѣ союза пелопоннезскихъ городовъ, было взято обѣщаніе дать въ Віотіи сраженіе Персамъ въ составѣ всего союзнаго войска; а для этого — своевременно явиться въ Средней Греціи, дабы Аѳины не подверглись вторичному разоренію. Несмотря на это обѣщаніе, Спарта допустила совершиться и этому второму разоренію Аѳинъ. Многіе полагаютъ, что это было сдѣлано преднамѣренно, для ослабленія Аѳинъ, естественно соперничавшихъ со Спартою; но это едва-ли можетъ быть допущено. Скорѣе тутъ дѣйствовала обычная нераспорядительность Спартанцевъ и крайняя медлительность въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ внѣшней политики. Они всполошились и двинули союзное войско къ Элевзису тогда уже, когда весною 479 г. Персы вновь начали военныя дѣйствія и, явившись въ Аѳины, вторично поки-

нутыя населеніемъ, раззорили ихъ на этотъ разъ безпощадно и до тла, а затѣмъ Мардоній уже вернулся изъ Аттики въ Віотію, гдѣ онъ учредилъ главную квартиру своей арміи въ Ѳивахъ, столицѣ Віотіи.

Мардоній въ Ѳивахъ.

Здѣсь всѣ относились къ Персамъ очень дружелюбно. Здѣсь сильные олигархи изъ знатныхъ ѳиванскихъ фамилій совсѣмъ приняли сторону Персіи въ ея борьбѣ съ Греціей, и охотно братались съ Персами на тѣхъ роскошныхъ праздничныхъ пирахъ, которыми чествовала ѳиванская знать своихъ дорогихъ гостей — персидскихъ военачальниковъ. Олигархія ѳиванская, стараясь подавить возникающую демократію, нуждалась въ иноземной поддержкѣ и мечтала уже о томъ, что Персы, покоривъ Грецію, предоставятъ Ѳивамъ первое мѣсто въ средѣ городовъ Средней Греціи. Въ этихъ видахъ они даже присоединили къ персидскому войску довольно значительныя воинскія силы.

Битва при Платеѣ (479).

Предѣлъ всѣмъ этимъ надеждамъ былъ положенъ битвою, которая произошла въ мѣстности, удаленной всего на три часа пути на югъ отъ Ѳивъ, и названа была Греками *Платейскою*, по віотійскому городу Платеѣ *). Союзное войско греческое, участвовавшее въ ней, было болѣе чѣмъ когда-нибудь многочисленно: 27,000 воиновъ доставилъ Пелопоннезъ, 8,000—Аѳины, 3,000—самыя отдаленныя страны Греціи; а всего-на-все было, вѣроятно, около 100,000. Начальствовалъ надъ войскомъ спартанскій царь, *Павзаній*. Но и въ управленіи этой массой, и во внутренней связи ея частей ощущался большой недостатокъ; отдѣльныя части войска спорили изъ-за первенства въ строю, изъ-за мѣста, которое имъ надлежало занять въ боевомъ порядкѣ, и по этому поводу допускались и выслушивались длинныя рѣчи ораторовъ. Павзаній рѣшился принять битву только тогда, когда Мардоній, ловкими передвиженіями своего войска, вынудилъ его къ битвѣ. Въ персидскомъ лагерѣ никто не сомнѣвался въ побѣдѣ, и Мардоній въ то утро говорилъ одному изъ ѳессалійскихъ князей въ своей свитѣ, что онъ готовится сегодня отмстить Грекамъ за все зло, причиненное ими Персамъ. Но Мардонію не посчастливилось: въ то время, когда онъ лично повелъ отборный отрядъ войска противъ праваго крыла Грековъ, онъ былъ пораженъ стрѣлою изъ непріятельскихъ рядовъ и упалъ съ коня. Оба войска были лишены вождей своихъ, но битва уже завязалась и вскорѣ приняла оборотъ, неблагопріятный для Персовъ и ихъ союзниковъ. Когда дѣло было уже вполнѣ непоправимо, одинъ изъ персидскихъ военачальниковъ съ частью войска (говорятъ, тысячъ въ 40) сталъ отступать. Только эта часть и спаслась... Остальныя разрознились, разбились на кучки и были истреблены безпощадно. Послѣднее отчаянное сопротивленіе оказали Грекамъ Персы около деревяннаго укрѣпленія, которое они воздвигли въ серединѣ своей позиціи. Но и это укрѣпленіе было взято сильнымъ натискомъ Аѳинянъ, которые, поразивъ союзниковъ Мардонія на лѣвомъ крылѣ, поспѣшили къ центру. Такимъ образомъ, къ вечеру того дня, неожиданно для самихъ Грековъ и нимало не по заслугамъ ихъ главнокомандующаго, была одержана замѣчательнѣйшая побѣда (479).

*) Она происходила въ равнинѣ, по которой протекала рѣчка Азопосъ, у сѣвернаго подножія высотъ горы Киѳеронъ.

Битва при Микалэ.

Эта побѣда при Платеѣ, по преданію, въ тотъ же день была дополнена другою побѣдою, при мысѣ *Микалэ*, въ іонической части Малой Азіи, одержанною Греками подъ предводительствомъ спартанскаго царя *Леотихида*. И здѣсь, какъ въ Платейской битвѣ, подъ начальствомъ Аристида *), наиболѣе отличились Аѳиняне, подъ предводительствомъ Ксантиппа, родовитаго аттическаго эвпатрида. Впрочемъ, при Микалэ и спартанскій царь Леотихидъ дѣйствовалъ смѣлѣе царя Павзанія, и самъ началъ битву; но битву рѣшили Іоняне, бывшіе въ персидскомъ лагерѣ, и во время битвы перешедшіе на сторону Грековъ. Есть основаніе думать, что это случилось именно вслѣдствіе того, что уже на малоазійскомъ берегу было извѣстно объ исходѣ битвы при Платеѣ, и что эта вѣсть подѣйствовала на однихъ ободряющимъ, а на другихъ подавляющимъ образомъ; но сказаніе народное представляетъ дѣло въ иномъ видѣ:— вѣсть о побѣдѣ въ Віотіи однимъ изъ боговъ была распространена по рядамъ Грековъ въ то самое время, когда они вступили въ битву при Микалэ.

Обломокъ одной изъ трехъ змѣиныхъ головъ, которыя выставлялись между ногъ жертвеннаго треножника, сооруженнаго въ память Платейской битвы.

Значеніе побѣды, одержанной Эллинами при Платеѣ, было ими оцѣнено по достоинству. Памятникомъ, достойнымъ этой побѣды, былъ тотъ золотой треножникъ, который всѣ города, участвовавшіе въ Платейской битвѣ, поднесли святилищу Аполлона Дельфійскаго. Треножникъ утвержденъ былъ на мѣдной колоннѣ, обвитой тремя змѣями, которыя вверху выставляли между ногъ треножника свои головы съ широко-раскрытыми пастями. На кольцахъ змѣи были написаны названія тѣхъ городовъ, которые принимали участіе въ Платейской битвѣ. Золотой треножникъ былъ уже давно похищенъ, когда императоръ Кон-

Мѣдная змѣеобразная колонна, составляющая подставу золотого треножника, поднесеннаго Эллинами въ даръ Дельфійскому Аполлону, послѣ побѣды при Платеѣ.

*) Послѣ битвы при Саламинѣ онъ вернулся въ свой родной городъ и подчинился во всемъ распоряженіямъ Ѳемистокла.

стантинъ перевезъ эту колонну изъ Дельфъ на Константинопольскій ипподромъ; тамъ-то, въ 1856 г., и были на колоннѣ открыты и прочтены надписанныя на ней названія городовъ.

Какъ бы то ни было, но побѣдою при Платеѣ, Западный міръ былъ теперь освобожденъ отъ всякой опасности, угрожавшей ему со стороны персидскаго владычества. Въ этой первой борьбѣ Востока съ Западомъ—одной изъ многихъ, украшающихъ страницы исторіи—Западъ побѣдилъ. Одновременно съ этой побѣдой, и на далекомъ сицилійскомъ поморьѣ Эллины побѣдили враждебныхъ имъ Кароагенянъ: въ день битвы при Саламинѣ, сиракузскій правитель *Гелонъ* одержалъ при *Гимерѣ* (на сѣверѣ Сициліи) побѣду надъ кароагенскимъ войскомъ, которая, по своему значенію, можетъ быть поставлена рядомъ съ Саламинскою побѣдою Эллиновъ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Исторія Эллиновъ послѣ побѣды при Платеѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вѣкъ Перикла.

Въ 479 г. до Р. Х., битвами при Платеѣ и Микалэ, было безповоротно рѣшено, что Кирово царство не можетъ быть распространено на европейскій материкъ. Великому царству удалось собрать всѣ свои многоразличные народы во-едино для нанесенія страшнаго удара, направленнаго противъ Греціи. Но противъ какого-же противника двигались и моремъ, и сушею эти громадныя силы? Противъ нѣсколькихъ городовъ и областей, которыя, въ общей своей сложности, не равнялись по размѣрамъ даже и одной изъ персидскихъ сатрапій,—противъ нѣсколькихъ областей, правда, въ минуту опасности соединившихся въ одинъ военный союзъ, но въ которомъ однакоже было очень мало единства и все зависѣло отъ доброй воли отдѣльныхъ его членовъ. И между этими областями не всѣ въ союзѣ принимали участіе: такъ, въ Пелопоннезѣ двѣ важныя области, *Арголида* и *Ахайя*, остались нейтральными, чуждыми общему дѣлу; а въ Средней Греціи, центральное государство, Віотія, даже открыто и энергично приняла сторону Персіи, въ лагерѣ которой и безъ того было не малое число недовольныхъ греческими порядками и изгнанниковъ изъ греческихъ городовъ. Въ смыслѣ политическомъ и военномъ управленіе союзными силами было далеко не геніальнымъ, а скорѣе даже очень плохимъ: — въ важнѣйшихъ мѣстахъ число войскъ было недостаточно, удобнѣйшія случайности были пропущены, наканунѣ рѣшительныхъ дѣйствій все было полно раздора и разлѣзалось врозь. Исходы этихъ дѣйствій, закончившихся при Саламинѣ и Платеѣ побѣдами, постоянно представлялись болѣе чѣмъ сомнительными. Объяснить можно, конечно, все, что уже случилось, и въ данномъ случаѣ также поводы къ побѣдѣ малаго числа надъ массою отыскать и указать не трудно; тѣмъ не менѣе

однакоже всѣмъ участникамъ событій они представлялись чѣмъ-то въ родѣ чуда, да такъ чудомъ и остались эти событія и для потомства.

Но какъ бы то ни было, а громадная опасность миновала. Она миновала вполнѣ, и, сравнительно, довольно быстро миновала, такъ что никому и въ голову не пришло сплотиться тѣснѣе для защиты противъ возможности подобныхъ случайностей въ будущемъ. На слѣдующій день послѣ Платейской битвы, во время перваго одушевленія, правда, въ груди всѣхъ Грековъ шевельнулось чувство сознанія общаго эллинскаго единства. Стали говорить о большомъ національномъ празднествѣ,—о празднествѣ «освобожденія», которое слѣдовало-бы установить и черезъ каждыя пять лѣтъ праздновать на священномъ полѣ Платейской битвы; затѣмъ даже и на ближайшихъ Олимпійскихъ играхъ, въ 477 г., настроеніе было еще очень повышенное: не побѣдители на играхъ были предметомъ общаго вниманія, а авинянинъ Оемистоклъ, побѣдитель при Саламинѣ. Но только о народномъ праздникѣ (элевсиніи) замолкли вскорѣ, и самый военный союзъ эллинскихъ государствъ распался, даже еще прежде, нежели пала послѣдняя персидская крѣпость въ Европѣ (470).

Спарта и Пелопоннезъ.

Всѣ обще-эллинскія предпріятія, непосредственно связанныя съ походомъ 479 года, — наказаніе Ѳивъ, изгнаніе Персовъ изъ ихъ позицій на Геллеспонтѣ: Сестоса, Византіи — кончились полнымъ успѣхомъ. Затѣмъ однакоже наступилъ чрезвычайно странный оборотъ въ политикѣ: Спартанцы, а съ ними и всѣ Пелопоннезцы, уклонились отъ продолженія войны. Въ то же время случилось весьма прискорбное событіе: побѣдитель при Платеѣ, Павзаній, возмечтавъ быть тираномъ надъ всей Элладой (такъ говоритъ о немъ Геродотъ), вошелъ въ сношенія съ царемъ Персидскимъ, при персидской помощи долгое время занималъ положеніе независимаго князя въ Византіи, а затѣмъ и на малоазійскомъ берегу, въ Клеонэ, потомъ призванъ былъ обратно въ Спарту, замышлялъ государственный переворотъ, но былъ выданъ однимъ рабомъ и заморенъ голодомъ въ томъ храмѣ, гдѣ онъ искалъ себѣ убѣжища (466). Эта измѣна была симптомомъ того внутренняго распаденія, въ которое эпоха борьбы съ Персами и побѣдъ, одержанныхъ надъ ними, повергла Спартанское государственное устройство. Война съ Персами требовала и политическаго, и военнаго искусства въ болѣе обширномъ смыслѣ, нежели то было доступно Спартѣ. Человѣкъ, стоявшій во главѣ 100,000 войска эллиновъ и разбившій Персовъ въ большомъ сраженіи, конечно, не могъ равняться съ тѣми царями-полководцами, которые предводительствовали Спартанцами въ мелкихъ стычкахъ съ Мессенцами и Аргивянами; не могъ онъ примириться и съ придирчивой провѣркой его дѣйствій эфорами — органами подозрительной и недовѣрчивой аристократіи; не могъ уже потому, чтобы не поколебать свой авторитетъ главнокомандующаго надъ всей союзной арміей. Сверхъ этого, представлялось еще много и другихъ вопросовъ: если Спарта предполагала оставаться во главѣ Эллады, то она должна была принять на себя и начальствованіе на морѣ, а между тѣмъ у нея не было своего флота, да и завести его она могла только поступившись многими сторонами своего внутренняго устройства. Къ тому же и положеніе *періэковъ*, которые все же были свободными Эллинами, вызы-

вало на размышленіе; и объ илотахъ, оказавшихъ нѣкоторыя услуги на войнѣ, тоже приходилось подумать... Но нѣкоторымъ извѣстіямъ, всѣ эти вопросы были подробно изслѣдованы на одномъ изъ народныхъ собраній; и вѣроятно не одинъ разъ, а часто и много разъ обсуждались тѣ же вопросы и были даже главнымъ предметомъ разговора въ сисситіяхъ между мужами спартанскими. Но въ результатѣ получился крайне непослѣдовательный выводъ: рѣшили отказаться отъ того славнаго пути, который открывался Спартѣ послѣ побѣды надъ Персами. И, принявъ это рѣшеніе, всѣ зажили опять такъ же, какъ прежде, какъ будто Персы никогда и въ Грецію не прихаживали; стали попрежнему заниматься своими тѣлесными упражненіями, участвовать въ народныхъ собраніяхъ, праздновать свои празднества — все, какъ оно велось изстари. Наблюденіе надъ царями стало еще болѣе придирчивымъ, еще болѣе мелочнымъ со времени гибели Павзанія, который именно разсчитывалъ поднять противъ Спарты илотовъ и тѣмъ указалъ на слабое мѣсто Спарты. Вскорѣ пришлось опять вступить въ мелочныя усобицы съ Аргивянами, старыми своими врагами, затѣмъ порвать дружбу съ Элидой, затѣмъ приняться за усмиреніе опаснаго возстанія города Теген и другихъ аркадскихъ мѣстечекъ... И если матеріальное положеніе въ періодъ времени, послѣдовавшій за персидскими войнами, и было благопріятно, то политическая жизнь въ Пелопоннезѣ, послѣ подавленія Спартою нѣкоторыхъ демократическихъ стремленій, вызванныхъ возбужденіемъ умовъ во время персидскихъ войнъ, была вялою и безплодною и проявлялась въ Спартѣ, и въ особенности въ Коринѳѣ, только въ затаенномъ озлобленіи и ненависти противъ Аѳинъ, которыя вскорѣ превзошли Спарту во всемъ и совершенно отодвинули ее на задній планъ.

Аѳины.

Въ Аѳинахъ, дѣйствительно, было чему позавидовать: тутъ во всемъ была видна ясность, энергія, подъемъ духовной жизни. Аѳиняне, среди бурь послѣдняго періода, достигли дѣйствительно полной зрѣлости, и въ нѣсколько лѣтъ, въ нѣсколько мѣсяцевъ научились многому; притомъ, по особенному счастью, судьба послала имъ въ это многознаменательное время такого государственнаго мужа, который ясно сознавалъ, куда безсознательно стремились жизненныя силы его народа. Ѳемистоклъ въ высшей мѣрѣ обладалъ тѣми свойствами, которыя необходимы великому политику,—умѣлъ соединять идеальныя побужденія съ практическимъ взглядомъ и осмысленнымъ отношеніемъ къ тому, что предстояло совершить; и рядомъ съ нимъ Аристидъ (въ канунъ Саламинской битвы они оба примирились), дополнявшій его, когда было необходимо, остерегавшій его, побуждавшій его къ уступкамъ. Мы очень немногое знаемъ о дѣятельности Ѳемистокла, въ отдѣльности; но уже и оставленное имъ по себѣ столь громкое имя, доказываетъ намъ, что всѣ великія и простѣйшія мысли, которыми была положена основа дальнѣйшему развитію аѳинской политики, исходили отъ него. Эти мысли пережили самого Ѳемистокла и были уже въ существеннѣйшей своей части приведены въ исполненіе или, по крайней мѣрѣ, на пути къ осуществленію, когда какая-то тягостная необходимость, о которой мы не имѣемъ надлежащихъ свѣдѣній, побудила его земляковъ (или, вѣрнѣе, вліятельный кружокъ изъ нѣсколькихъ знат-

нѣйшихъ родовъ) отстранить Ѳемистокла, въ угоду Спартанцамъ. Уже въ 470 г. онъ подвергся остракизму, и вынужденъ былъ искать себѣ убѣжища тамъ, гдѣ его находили всѣ изгнанники — у двора персидскаго. Тамъ, въ маленькомъ городкѣ, Магнезіи, который великодушно данъ былъ ему на кормленіе, побѣдитель при Саламинѣ и скончался вассаломъ царя Персидскаго (463 г.), въ то самое время, когда его отечественный городъ достигъ высшей степени процвѣтанія.

Укрѣпленіе Аѳинъ.

Первою изъ мѣръ, принятыхъ по совѣту Ѳемистокла, было укрѣпленіе Аѳинъ, т. е. обезпеченіе ихъ независимости; это укрѣпленіе успѣло совершиться прежде, нежели кто бы то ни было вздумалъ противъ него поднять голосъ. А голосъ, главнымъ образомъ, могла поднять только Спарта. Когда же она, дѣйствительно, вздумала высказаться противъ укрѣпленія Аѳинъ, стѣна, надъ построеніемъ которой работало все населеніе, была уже возведена настолько, что могла служить городу оплотомъ. Была укрѣплена и гавань, которую по достоинству умѣлъ оцѣнить тотъ же Ѳемистоклъ,—и укрѣпленія были воздвигнуты въ то время, когда все населеніе было занято возстановленіемъ самаго города и постройкою для себя домовъ. Надо предполагать, что весьма значительная часть персидской военной добычи выпала на долю Аѳинъ: и аѳиняне не растратили эти богатства на вознагражденіе себя за испытанія и лишенія послѣднихъ лѣтъ, а употребили ихъ цѣликомъ на величавыя и общеполезныя сооруженія. Въ тѣсной связи съ этими обширными замыслами была проведена важная реформа во внутреннемъ государственномъ устройствѣ, приписываемая осторожному и консервативному Аристиду. Всѣ почетныя права, даже и должность архонта, стали доступны и младшему изъ сословій—сословію *тэтовъ*. Это отчасти могло быть вызвано тѣмъ, что война доставила Грекамъ массу рабовъ, и этотъ наплывъ ихъ нѣсколько измѣнилъ общественныя отношенія: люди свободные, даже изъ наименѣе состоятельныхъ классовъ, черезъ это какъ бы повысились въ значеніи. Притомъ событія и политическія случайности ближайшаго періода аѳинской исторіи способствовали тому, что всѣ аѳиняне стали составлять своего рода аристократію, а это содѣйствовало въ значительной степени уравненію всѣхъ классовъ общества.

Союзъ приморскихъ городовъ.

Укрѣпленіе города и его гаваней было только неизбѣжнымъ вступленіемъ къ смѣло задуманному плану внѣшней политики. Чтобы избѣжать опасностей, которыя грозили со стороны нѣсколько потрясеннаго, но все же могущественнаго царства Персидскаго, надлежало всюду продолжать вести ее поступательно, создавая Персамъ всякаго рода затрудненія въ ихъ собственныхъ моряхъ, на ихъ прибрежьяхъ. Къ этой политикѣ неизбѣжно должны были пристать всѣ островные и материковые города мало-азійскаго побережья. И вотъ, на мѣсто обще-эллинскаго военнаго союза, который, вслѣдствіе уклоненія отъ него Спартанцевъ (не формально, не юридически, но фактически), разрушился,—теперь выступилъ *союзъ береговыхъ и островныхъ городовъ* Эгейскаго моря. Въ составъ этого союза, главнымъ образомъ, вошли іонійскія общины, хотя вначалѣ въ немъ участвовали и нѣкоторыя дорійскія государства, какъ о. *Косъ* и о. *Родосъ*: и эта однородность состава была вѣрнымъ ручательствомъ за его

прочность и развитіе въ будущемъ. Руководящею силою въ союзѣ были Аѳины, обладавшія всѣми необходимыми данными для подобнаго руководительства: на ихъ сторонѣ была главная, тѣсно-сплоченная сила; изъ Аѳинъ, въ лучшее время, выходили и настоящіе вожди союза,—привлекательные люди и крупные дѣятели, подобные Аристиду, и рядомъ съ нимъ *Кимону*, Мильтіадову сыну, юному, но чрезвычайно талантливому полководцу. Аристидъ, осторожный и неподкупный, былъ первымъ распорядителемъ союзной кассы, которая хранилась на о. *Делосѣ* — древнемъ сборномъ пунктѣ всѣхъ Іонянъ; онъ съумѣлъ повести дѣло такъ, что всѣ мелкія государства сами спѣшили вступить въ союзъ, а не онъ имъ это участіе навязывалъ, какъ можетъ быть то сдѣлали-бы Ѳемистоклъ или Мильтіадъ. Но, главнымъ образомъ, великій политическій тактъ, положенный въ основу этого дѣла, выказали Аѳиняне въ томъ, что сами на себя возложили важнѣйшія трудности при его выполненіи.

Кимонъ. Битва при Эвримедонѣ

Въ 468 г. Аристидъ умеръ. Его мѣсто заступилъ Кимонъ, человѣкъ, поражавшій своею наружностью, воинъ, вождь, постоянно счастливый въ выполненіи своихъ предпріятій и дальновидный въ составленіи плановъ. Величавый характеръ тогдашней аѳинской политики явствуетъ изъ одной надписи, въ которой приведены имена гражданъ одной филы, которые въ теченіе одного года пали на службѣ своего отечества въ Египтѣ, Финикіи, на Эгинѣ, на Кипрѣ и въ Мегарѣ. Самымъ крупнымъ изъ военныхъ подвиговъ, совершенныхъ Аѳинянами и союзниками ихъ подъ начальствомъ Кимона, была побѣда, въ одинъ и тотъ же день одержанная при устьѣ р. Эвримедонъ (въ Памфиліи) надъ персидскимъ флотомъ, персидскимъ сухопутнымъ войскомъ и поспѣшившими на помощь къ нему 80-ю финикійскими кораблями (465). Одинъ изъ современныхъ греческихъ писателей такъ выразилъ впечатлѣніе этого событія: «съ тѣхъ поръ, какъ море отдѣляетъ Азію отъ Европы и бушующій Аресъ правитъ городами людей, ничего подобнаго никогда не было совершено смертными одновременно и на сушѣ, и на морѣ». Любопытно, что при этихъ морскихъ походахъ въ Азію и другихъ обширныхъ замыслахъ, Аѳиняне, однакоже, не упустили и ближайшей задачи, и весьма сурово обуздали морскихъ разбойниковъ, свирѣпствовавшихъ на Эгейскомъ морѣ.

Отношенія къ Спартѣ.

Для подобныхъ предпріятій на дальней чужбинѣ, которыя общими успѣхами все тѣснѣе и тѣснѣе связывали между собою участниковъ союза,—одно было существенно необходимо: добрыя отношенія къ Спартѣ, взиравшей на эти успѣхи со спокойствіемъ, которое едва ли было особенно доброжелательнымъ. Кимонъ принялъ на себя трудъ установить это доброе согласіе между Спартою и Аѳинами, и, душою сочувствуя этой примирительной политикѣ, въ видѣ любезности, назвалъ даже одного изъ сыновей своихъ «Лакедемоніемъ»; онъ былъ глубоко проникнутъ убѣжденіемъ, что дѣла въ Элладѣ только тогда и могутъ находиться въ нѣкотораго рода спокойномъ равновѣсіи, когда могущественной Спартѣ будетъ предоставлена ея особая сфера вліянія. Но не такъ думало молодое поколеніе аѳинское, и въ 464 г. эта консервативная политика, которая все еще держалась идеи военнаго союза, существовавшаго во время войны за освобожденіе, должна была выдержать весьма тягостное испытаніе.

Страшное землетрясеніе посѣтило въ этомъ году Лаконію и почти до основанія разрушило большую часть Спарты. Это грозное бѣдствіе вызвало общее возстаніе илотовъ, которые особенно неохотно выносили свой гнетъ со временъ Персидской войны; господство Дорянъ въ Лаконіи, только что успѣвшихъ оправиться отъ усиленной борьбы съ Аркадіей,— подвергалось величайшей опасности. Само собою разумѣется, что извѣстія изъ Спарты вызвали большое возбужденіе умовъ въ Аѳинахъ; политики, твердо державшіеся идей Ѳемистокла, были того мнѣнія, что Спарту и слѣдуетъ предоставить на волю ея злой судьбы, такъ какъ она всюду становится поперекъ дороги Аѳинамъ. Но это была дурная политика: если ея держаться, то было бы еще послѣдовательнѣе—прямо помочь ея паденію и открыто принять сторону возставшихъ илотовъ. Противъ такой политики вооружилось все, что было въ Аѳинахъ, да и во всей Элладѣ аристократическаго и консервативнаго. Спарту не слѣдовало ослаблять: «не слѣдовало отпрягать одного изъ коней, везущихъ колесницу Эллады»— таково было мнѣніе Кимона; и эта благородная политика была настоящею; но вскорѣ сами Спартанцы сдѣлали ее невозможною.

Возстаніе Мессенцевъ. Кимонъ и Периклъ.

Они между тѣмъ успѣли кое-какъ справиться со своими мятежниками и непосредственная опасность была устранена мужественною твердостью царя Архидама и военною готовностью дорическаго войска; но еще нельзя было считать власть Спартанцевъ вполнѣ возстановленною, потому что еще значительная часть войска мятежниковъ держалась на Итомэ, въ сердцѣ Мессеніи. По просьбѣ спартанскаго правительства, отправленъ былъ тотчасъ же вспомогательный отрядъ аѳинскаго войска въ его распоряженіе; этого было не легко добиться друзьямъ Спарты—партіи Кимона—въ Аѳинахъ. Легко можетъ быть, что самое появленіе Аѳинянъ рядомъ съ ихъ утѣснителями, уже смутило мятежниковъ: тогда Спартанцы тотчасъ же вообразили, что они и сами управятся съ врагомъ, и отослали аѳинское войско, разсыпавшись въ благодарностяхъ, которыя при данныхъ условіяхъ были прямымъ оскорбленіемъ (461 г.).

Этотъ самъ по себѣ незначительный эпизодъ составляетъ какъ бы поворотъ во внутренней и внѣшней исторіи Греціи. Въ Аѳинахъ вскорѣ произошло полное паденіе Кимоновской партіи, благодаря которой городу пришлось испытать такое униженіе. Кимонъ былъ устраненъ остракизмомъ, и на первый планъ выступилъ *Периклъ*, сынъ того Ксантиппа, который при Микалэ предводительствовалъ аѳинскимъ войскомъ.

Периклъ—правитель государства.

Периклъ съ этого мгновенія оставался въ теченіе тридцати лѣтъ (съ очень небольшими перерывами) во главѣ аттическаго государства. Историкъ Ѳукидидъ называетъ «монархіей Перикла» это долгое пребываніе перваго гражданина Аѳинъ у власти, гдѣ онъ, занимая одну изъ должностей, всѣмъ доступныхъ, не обладая никакимъ инымъ средствомъ, кромѣ свободной рѣчи, ворочалъ всею внѣшнею и внутреннею политикою своего народа въ теченіе почти трети столѣтія, и управлялъ безпокойными согражданами своими какъ полновластный государь. Онъ происходилъ изъ стараго и знаменитаго рода; по матери Алкмеонидъ, по отцу онъ стоялъ въ критическіе годы близко къ руководящимъ кругамъ. Отличительною чертою Перикла, по сравненію со всѣми его сверстниками, была именно

его постоянная серьезность и вдумчивость, при которой онъ не зналъ наслажденія выше философской бесѣды и занятій государственными дѣлами. Такое соединеніе философскаго мышленія съ глубокимъ, практически-вѣрнымъ взглядомъ на жизнь и дѣйствительность рѣдко встрѣчается въ одномъ человѣкѣ; а въ немъ это соединеніе представлялось естественнымъ и гармоническимъ.

Периклъ. Мраморный бюстъ времени Фидія. Въ Ватиканѣ.

Развитіе Делосскаго союза.

Государственный мужъ, подобный Периклу, не отдѣляетъ внѣшней политики отъ внутренней и разсматриваетъ ихъ только во взаимодѣйствіи. На смертномъ одрѣ своемъ — по извѣстному разсказу, — онъ ставилъ себѣ въ особенную заслугу то, что ни одна женщина въ Аттикѣ не носила печальной одежды «*по его винѣ*»; тотъ, кто послѣ жизни, переполненной борьбою и войнами, могъ это сказать, тотъ своимъ словамъ, конечно, придавалъ только одно значеніе — что ни одна изъ веденныхъ имъ войнъ не была вызвана его честолюбіемъ, а всѣ вызывались только одною безусловною необходимостью государственной. Къ числу такихъ войнъ, пожалуй, и слѣдуетъ отнести скорѣе блестящія и громкія, нежели полезныя войны противъ Персіи, которыя никакъ нельзя было прекратить по произволу, да еще приходилось посылать подкрѣпленія поддерживать возстаніе въ Египтѣ (460 г.). Но и въ самой Греціи представлялись Периклу задачи, болѣе близкія и болѣе настоятельно требующія разрѣшенія; въ особенности одна изъ нихъ—не будь она разрѣшена надлежащимъ образомъ—могла бы угрожать величайшими опасностями: задача эта заключалась въ превращеніи военнаго союза въ настоящій союзъ государствъ. *Делосскій* союзъ былъ союзомъ сильнаго со многими слабыми, добровольный, но по самой сущности своей—неразрывный. Но тѣ, что были послабѣе, и самые слабые—находили, что мнимая независимость ихъ обходится имъ черезчуръ дорого: вооруженія, поддержка въ полной готовности и мобилизаціи военныхъ кораблей — все это дѣйствительно, въ большой массѣ, обходилось дешевле. Вотъ почему они и предпочли платить Аѳинамъ, вмѣсто доставки кораблей, соотвѣтствующую, не очень большую сумму. За уплату этой суммы, Аѳины правили за нихъ общую союзническую повинность, поставляли корабли, платили жалованье матросамъ. Такимъ путемъ первенствующее государство весьма легко и просто забрало въ руки всѣ военныя преимущества. Это, конечно, клонилось къ обоюдной выгодѣ, было даже необходимо; но оно было противно эллинскимъ обычаямъ: только въ виду этого, по врожденной Эллинамъ склонности къ розни и вольности, наиболѣе сильные изъ участниковъ союза — Наксосъ въ 466, а Тазосъ, въ 465 гг.—попытались было отъ союза отказаться. Эти попытки были энергично подавлены, сопротивленіе сломлено; побѣжденные союзники стали платить Аѳинамъ сумму, соотвѣтствующую количеству ихъ ко-

раблей, должны были выдать свои корабли,—даже срыть укрѣпленія; такимъ образомъ они утратили свою самостоятельность, и около 460 года только у трехъ большихъ острововъ—Хіоса, Самоса и Лесбоса—уцѣлѣли собственные корабли. Нѣсколько лѣтъ спустя (454), когда усиленныя вооруженія царя Артаксеркса вызвали опасенія возможности предстоящаго вторженія Финикійскихъ кораблей въ Эгейское море, — союзная касса съ о. Делоса была перенесена въ Аѳины, и тамъ стала храниться въ Акрополѣ; это было какъ разъ въ то время, когда Аѳиняне заботились о дополненіи системы аѳинскихъ укрѣпленій соединеніемъ стараго города посредствомъ длинныхъ стѣнъ съ обѣими гаванями *). Такимъ образомъ, Аѳины стали столицею большого союза государствъ, въ составъ котораго, въ цвѣтущее время, входило до 300 городовъ или городовъ-государствъ; этотъ союзъ распадался на пять округовъ—іонійскій, геллеспонтскій, оракійскій, карійскій и островной. Всѣ города-государства, входившіе въ составъ союза,—одни болѣе, а другіе менѣе,—испытывали на себѣ сильное вліяніе Аѳинъ, которое, впрочемъ, вовсе не стѣсняло ихъ самостоятельности: такъ, напримѣръ, право чеканить монету было оставлено за ними всѣми, и потому одни чеканили ее по образцу Эгины, другіе по аттическому или финикійскому, или даже персидскому.

Планы эллинскаго единенія.

Было трудно рѣшить вопросъ, долго-ли этотъ іонійскій или аѳинскій союзъ и старый пелопоннезскій или спартанскій—просуществуютъ рядомъ въ мирѣ? Рѣшеніе этого вопроса было тѣмъ болѣе затруднительно, что были еще въ Греціи и большія, и малыя общины, не примкнувшія ни къ тому, ни къ другому союзу. Событія 464 и 461 гг. выяснили только полную несогласимость обоюдныхъ интересовъ Спарты и Аѳинъ; въ Аѳинахъ, среди кружковъ, близкихъ къ главному распорядителю судебъ государства, знали всѣ, что когда-нибудь, въ весьма неотдаленное время, дѣло дойдетъ до расчета между обѣими державами-соперницами. Сохранилось извѣстіе, по которому Периклъ лелѣялъ будто-бы такой планъ: всѣ эллинскіе города, большіе и малые, пригласить на общій съѣздъ въ Аѳины, и на этомъ съѣздѣ обсудить вопросъ о возстановленіи всѣхъ варварами разрушенныхъ святилищъ, объ учрежденіи нѣкоторыхъ общихъ жертвоприношеній и объ установленіи общаго мира на морѣ,—однимъ словомъ, воспроизвести нѣчто въ родѣ обще-эллинской амфиктіоніи, для болѣе тѣснаго сближенія и умиротворенія безпокойныхъ элементовъ греческаго міра; говорили, будтобы ужъ и послы, которымъ поручено было пригласить города на съѣздъ, выѣхали изъ Аѳинъ, но весь планъ разрушился изъ-за несогласія Спарты.

Средне-греческія усобицы.

Во всякомъ случаѣ, со времени паденія Кимона, положеніе стало болѣе натянутымъ. До того времени въ аѳинской политикѣ было принято за основное правило—подальше держаться отъ Пелопоннеза; а тутъ вдругъ вступили въ сношеніе съ старымъ врагомъ Спарты, съ Аргивянами; затѣмъ, въ слѣдующемъ 459 г., привлекли къ союзу небольшую, но очень важную по своему положенію на Истмѣ — *Мегару*, а черезъ это завладѣли и двумя хорошими гаванями—*Низаей* (при Саронической заливѣ)

*) Периклъ говорилъ, что городъ, окруженный такимъ образомъ стѣнами, становится такъ же неприступенъ, какъ островъ, омываемый моремъ.

и *Пагасей* (при Коринѳскомъ заливѣ). Война, которая завязалась изъ-за этого съ сосѣдними дорійскими городами — Эгиной, Коринѳомъ, Эпидавромъ, Трэзеномъ — побудила и Спартанцевъ выслать войска за Истмъ. Въ союзѣ съ Ѳиванцами они разбили въ 457 г. аѳинское войско при *Танагрѣ*; это пораженіе въ слѣдующемъ году было заглажено побѣдою, одержанною аѳинянами въ той же мѣстности, при *Энофитѣ*, и въ томъ же году, вѣчно враждебная Аѳинамъ, а подчасъ даже и весьма опасная Эгина была захвачена, стѣны ея города снесены и на эгинцевъ наложена дань. Въ это самое время Спартанцамъ удалось настолько справиться съ мятежниками на Итомэ, что тѣ рѣшились очистить эту мѣстность, если имъ будетъ открытъ свободный путь изъ Пелопоннеза; аѳиняне тотчасъ же отвели для этихъ желанныхъ союзниковъ городъ Навпактъ на сѣверномъ берегу Коринѳскаго залива, изъ котораго незадолго передъ тѣмъ изгнали Локровъ. По другую сторону залива, близъ тѣхъ же мѣстъ, къ аѳинскому морскому союзу приступили нѣкоторые изъ ахейскихъ городовъ, а въ Іонійскомъ морѣ острова Закинѳъ и Кефаллонія. Но за то на дальнемъ Востокѣ, въ Египтѣ, аѳиняне потерпѣли пораженіе: войско ихъ, отправленное на помощь возставшимъ Египтянамъ, было окружено Персами на одномъ изъ острововъ Нила, и послѣ 18-ти-мѣсячной осады вынуждено сдаться; одновременно, тамъ же погибла и флотилія изъ 50 триремъ (453). Но за то въ томъ же году, столь обильномъ событіями, былъ положенъ послѣдній камень въ стѣны, соединявшія городъ съ гаванями. Можетъ быть въ связи съ египетскимъ эпизодомъ въ Аѳинахъ стало временно преобладать болѣе мирное настроеніе и граждане опять стали склоняться къ политикѣ Кимона, который въ 454 г. и возвратился въ Аѳины. Въ 451 г. между аѳинскимъ и спартанскимъ союзами было установлено 5-ти-лѣтнее перемиріе.

Кимоновъ миръ (449).

Съ этимъ временемъ совпало окончаніе Персидской войны. Кимонъ умеръ во время послѣдней экспедиціи противъ стараго врага — передъ г. Китіономъ (на о. Кипрѣ); послѣ его смерти была одержана еще одна побѣда при Кипрскомъ Саламинѣ. Затѣмъ аѳинская эскадра была вызвана обратно и наступилъ мирный періодъ, которому древніе придали названіе *Кимонова мира*. Трудно рѣшить въ данное время, былъ-ли то прочный миръ, заключенный съ царемъ Персидскимъ (Артаксерксомъ I), или только временное перемиріе, заключенное съ сатрапами западныхъ провинцій Персидскаго царства? Несомнѣнно однакоже, что какое-то соглашеніе существовало, и что для него были выработаны соотвѣтствующія условія. Аѳиняне отказались отъ вмѣшательства въ кипрскія и египетскія дѣла; Персы не стали требовать дани съ греческихъ городовъ Малой Азіи. Персидскіе военные корабли не появлялись болѣе въ Эгейскомъ морѣ, и оно обратилось съ той поры—выражаясь языкомъ современнымъ—въ Эллинское озеро.

Перемиріе со Спартою.

Но въ томъ же самомъ году, который такъ благополучно закончилъ персидскія войны, истекъ срокъ перемирія между государствами Греціи. Фокейцы поссорились съ Дельфійскою общиною и это повлекло къ вмѣшательству Спартанцевъ, которые вступились за Дельфійцевъ, и къ вмѣшательству Аѳинянъ, заступившихся за Фокейцевъ. Гораздо опаснѣе для

Аѳинъ былъ слѣдующій, 447 г. Въ Віотіи разразился насильственный переворотъ противъ демократической партіи и аѳинскаго союза; отрядъ аѳинскаго войска, поспѣшившій на помощь демократамъ, потерпѣлъ пораженіе при Коронеѣ и это послужило сигналомъ къ возстанію враждебныхъ Аѳинамъ партій въ нѣкоторыхъ городахъ на Эвбеѣ и въ Мегарѣ. На подкрѣпленіе Мегары поспѣшило явиться спартанское войско. Периклъ подавилъ возстаніе на Эвбеѣ, а наступавшее спартанское войско побудилъ къ отступленію—какъ разсказываютъ—благодаря тому, что подкупилъ молодого царя Плейстоанакса и его совѣтника. Но вѣроятно при этомъ велись же какіе-нибудь переговоры, которые и привели къ соглашенію. Периклъ, обладавшій важнѣйшею доблестью каждаго хорошаго правителя — умѣньемъ знать, что достижимо — на время пріостановился, видя, что еще не назрѣло время для осуществленія его плановъ; Аѳины отступились отъ Мегары и своихъ пріобрѣтеній въ Пелопоннезѣ, и такимъ образомъ явилась возможность добиться заключенія мирнаго договора между Спартою и Аѳинами на тридцатилѣтній срокъ (445).

Мирный договоръ между Аѳинами и Спартой.

Десятилѣтіе, послѣдовавшее за заключеніемъ этого мира, можно считать, конечно, счастливѣйшимъ въ жизни эллинскаго народа. Воспользуемся же возможностью бросить взглядъ на этотъ разнообразный міръ и на ту многостороннюю и величавую работу во всѣхъ областяхъ человѣческаго творчества и труда, которыя *вѣку Перикла* (такъ совершенно правильно называется это время) придали значеніе эпохи, важной для всѣхъ послѣдующихъ поколѣній,—эпохи всемірно-исторической въ возвышенномъ смыслѣ этого слова.

Греческая жизнь. Пелопоннезъ.

Хотя въ этотъ вѣкъ городъ Аѳины и вся Аттика далеко оставили за собою всѣ остальныя части Эллады, однакоже мы неминуемо должны и на нихъ бросить взглядъ, потому что безъ обзора ихъ и самое богатство аѳинской жизни оказалось бы для насъ не вполнѣ яснымъ. Въ южной трети Греціи, въ Пелопоннезѣ, наиболѣе оживленнымъ было сѣв.-вост. побережье, и здѣсь *Коринѳъ*, благодаря своему необычайно-выгодному положенію, казалось, былъ предназначенъ быть столицей — пожалуй даже столицей всей Эллады. Городъ лежалъ между Саронической и Коринѳскимъ заливами и обладалъ двумя гаванями: *Лехэонъ*—на З., и *Кенхрея*—на В., при чемъ обѣ гавани были соединены весьма оживленною въ то время дорогою. Самый же городъ Коринѳъ лежалъ у подошвы неприступной горы, Акрокоринѳа, которая и придавала городу большое стратегическое значеніе. Населеніе Коринѳа было очень смѣшанное; въ немъ былъ силенъ дорійскій элементъ, и потому уже, какъ и по естественной торговой конкуренціи, оно было враждебно настроено противъ аѳинскаго населенія, при чемъ не обладало ни политическимъ тактомъ, ни духомъ аѳинянъ. Это населеніе было сильно испорчено постояннымъ приливомъ пестрой толпы, привлекаемой сюда торговлею; легкая и обильная нажива собирала здѣсь множество мошенниковъ и промышлявшихъ развратомъ. Притомъ, и городовъ тутъ было много и на близкихъ разстояніяхъ: Сикіонъ, Эпидавръ, Трэзенъ, Флія,—и у каждаго изъ нихъ все же была какая-нибудь особенность или спеціальность, которою онъ славился, какъ напр. Эпидавръ своими врачами. Въ ахейскихъ городахъ западнаго берега, не-

большихъ и расположенныхъ на узкой полосѣ берега, мало было замѣтно того торговаго и промышленнаго оживленія, которое ключомъ кипѣло въ сосѣднихъ съ ними городахъ восточныхъ, а равно и среднія мѣстности Пелопоннеза—Арголида, Аркадія, Элида—носили на себѣ также совсѣмъ особый характеръ. Изъ нихъ *Арголида* жила замкнутою, неподвижною, сумрачною жизнью; она не принимала никакого участія въ національной борьбѣ съ Персами и была исключительно озабочена только ревнивымъ охраненіемъ своей полной самостоятельности противъ могущественной Спарты. *Аркадія* была вполнѣ горною страною, около 90 кв. миль пространствомъ, рѣдко населена и мало посѣщаема иноземцами. Населеніе ея жило скотоводствомъ и охотою, а храбрые жители этой страны, которая не могла даже и прокормить все свое населеніе, готовы были къ услугамъ всѣхъ и каждаго, въ качествѣ воиновъ-наемниковъ. При этомъ оно отличалось чрезвычайною привязанностью къ своей родной землѣ; но это чувство лишь весьма поздно выразилось настолько сильно, что могло собрать во-едино страну, въ то время еще рѣзко раздѣленную на пять областей съ пятью (довольно отдаленными другъ отъ друга) городами: Тегея, Мантинейя, Орхоменъ, Фенеосъ и Клейторъ. Совсѣмъ иной характеръ носила на себѣ *Элида*, сосѣдняя съ Аркадіей. Элида, съ западной стороны, примыкала къ морю. То была равнина, въ нѣкоторыхъ частяхъ пересѣченная холмами и орошаемая нѣсколькими небольшими рѣками, въ томъ числѣ Алфеемъ и Пэнеемъ, и многими ручьями; страна была зажиточная, благодаря олимпійскимъ празднествамъ, на которыя въ каждый четвертый годъ собиралась вся Греція въ долинѣ Алфея, и народонаселеніе было этимъ самымъ вынуждено со всѣми жить въ ладу. Весь югъ полуострова входилъ въ область государства Спарты, которое существенно не измѣнилось отъ того, что великія событія, совершившіяся въ Греціи, возвысили Спарту въ положеніе первенствующей державы. Здѣсь на все смотрѣли съ исключительно-военной точки зрѣнія; слава спартанской непобѣдимости нашла себѣ сильную поддержку въ нѣсколькихъ храбро-выдержанныхъ бояхъ, а главнымъ образомъ въ общемъ, счастливомъ исходѣ войны, хотя эта слава, конечно, ни мало не могла относиться къ спартанскому государственному управленію и военной администраціи, насколько они выказались въ Персидскихъ войнахъ. Что касается совершенства военной выправки и боевой готовности спартанскаго войска, то эти качества его еще усилились за послѣднее время, и блистательно выказались въ только-что законченной весьма трудной и опасной (такъ называемой *третьей*) Мессенской войнѣ. Вообще говоря, тамъ, гдѣ дѣло шло о подавленіи всякихъ попытокъ къ возстанію со стороны подчиненныхъ Спартѣ народовъ,—тамъ тотчасъ являлось и согласіе, и единство въ дѣйствіяхъ между всѣми властями, царями, эфорами и герузіей, между тѣмъ, какъ въ остальное время всѣ они весьма недружелюбно и недовѣрчиво относились другъ къ другу. Единственнымъ большимъ городомъ въ Лаконіи была *Спарта*; но страна была покрыта довольно частыми поселеніями періэковъ и еще болѣе частыми, всюду раскиданными поселками илотовъ. Печальное зрѣлище представляла *Мессенія*, послѣ того, какъ въ 456 г. покинули послѣдніе сво-

бодные граждане ея. Собственно говоря, она была прекраснѣйшею изъ всѣхъ мѣстностей Эллады, была обильно орошена, способна производить всякіе нѣжные плоды, разнообразна по своему прелестному ландшафту. Ничтожное населеніе, еще уцѣлѣвшее въ Мессеніи, совершенно разъединенное съ остальными Эллинами, сурово и грубо управляемое Спартанцами, мало-по-мало вымирало, какъ вымирали и воспоминанія о герояхъ былыхъ мессенскихъ войнъ.

Средняя Греція.

Въ Средней Греціи, двѣ страны: *Акарнанію* (45 кв. м.) и *Этолію* (72 кв. м.) мы видимъ еще почти не участвующими въ общей эллинской жизни, занятыми мелочнымъ торгомъ и промысломъ; даже и большихъ дорогъ въ этихъ странахъ не было, а только одни проселки. Въ Этоліи почти вовсе не было городовъ, и всѣ ходили тамъ вооруженные, какъ и въ древнія времена. Очень незначительна была, несмотря на свое знаменитое имя, маленькая *Дорида*, всего въ 4 кв. м. величиною и притомъ еще поросшая лѣсомъ. Большія дороги съ З. на В. и съ С. на Ю шли мимо, обходя эту маленькую страну, черезъ сосѣдственную область *Фокейцевъ*, въ которой находился важный центръ культа, священный г. Дельфы, весьма оживленный, хотя въ это время дельфійскій оракулъ уже и утратилъ до нѣкоторой степени свое былое значеніе. *Віотія*, занимавшая около 58 кв. миль, вела свою особую, областную жизнь. Около $^1/_4$ всего пространства страны занимало рыбное озеро Копаисъ; остальная область, за исключеніемъ горныхъ округовъ Геликона и Киѳерона, обладала почвою плодородною. Населеніе отличалось своимъ пристрастіемъ къ грубымъ чувственнымъ наслажденіямъ. Много тамъ было малыхъ городовъ, но ни одинъ не могъ тягаться съ Ѳивами. Въ Ѳивахъ преобладала старая и богатая аристократія, которая ничѣмъ въ своемъ преобладаніи не была поколеблена. Черезъ западные склоны Киѳерона можно было проникнуть въ лежавшую на Истмѣ наименьшую изъ странъ Греціи—*Мегариду;* близость къ ней большихъ городовъ служила ей поддержкой, а ихъ взаимная зависть обезпечивала ея независимость.

Аѳины въ вѣкъ Перикла.

Одинъ изъ старыхъ писателей, описывая общее положеніе Греціи въ 445 г., говоритъ, что торжественныя собранія, состязанія въ видѣ общественныхъ игръ, праздничныя жертвоприношенія богамъ, и все то, что можетъ обозначать собою счастливое и мирное положеніе общества, можно было около этого времени повсемѣстно встрѣтить въ Греціи; но эти слова, по отношенію къ тогдашней Аттикѣ и ея древней столицѣ, Аѳинамъ, оказались бы, конечно, далеко не исчерпывающими всего содержанія ихъ современной жизни. Аѳинскій гражданинъ средняго сословія, которому удалось пережить дни Мараѳона и Саламина, жилъ тогда такою жизнью, какая до него не выпадала на долю ни одному смертному, и представляла собою рядъ высокихъ и благороднѣйшихъ наслажденій, призывавшихъ всѣ силы души къ напряженной дѣятельности. Всѣ граждане, вырастая, отъ ранняго дѣтства воспитывались въ томъ убѣжденіи, что все существованіе ихъ неразрывно связано съ *отечествомъ*—и нельзя не замѣтить, что это пониманіе только у Аѳинянъ явилось впервые въ совершенно-ясной и для всѣхъ одинаково понятной формѣ. Это отечество, утраченное ими во время грозной эпохи вторженія Персовъ, было имъ, по особой необычайной

милости боговъ, возвращено послѣ упорной, кровавой и достославнѣйшей борьбы, и любовь ихъ къ этому отечеству была безграничная, исключающая всякія личныя, эгоистическія стремленія. Этотъ гражданинъ долженъ былъ помнить, какъ на его глазахъ родной городъ былъ возстановленъ изъ пепла и развалинъ, и, въ силу особыхъ условій, съумѣлъ достигнуть того, что даже и въ средѣ зажиточныхъ гражданъ сохранилась скромность и простота жизни, и въ то же время деньги обильно притекали со всѣхъ сторонъ тамъ, гдѣ дѣло шло о воздвиженіи общественныхъ зданій—арсеналовъ, верфей, храмовъ,—которые аѳинянами строились роскошно и великолѣпно украшались. Въ ту пору у аѳинянъ вошло въ ненарушимое обыкновеніе и стало какъ бы для всѣхъ понятнымъ дѣломъ, что гражданинъ долженъ жить для государства, и только имѣя въ виду такое воззрѣніе можно себѣ ясно представить эту демократію, которая не удовлетворялась даже и *выборнымъ* началомъ, и для занятія важнѣйшихъ должностей — для судовъ, для совѣта, для архонтства, — просто призывала гражданъ по *жребію*. Въ крайнемъ развитіи своемъ, эта демократія выработала наконецъ *законъ Эфіальта* (Эфіальтъ, въ Периклово время, стоялъ хотя и значительно ниже Перикла, но все же во главѣ передовой демократической партіи), по которому у ареопага, сохранившаго при началѣ во всемъ своемъ составѣ аристократическій характеръ, отнято было всякое вліяніе на политику и законодательство (460). Въ этомъ отношеніи обязанности ареопага перешли на избираемую по жребію комиссію *номофилаковъ* (стражей закона); вѣроятно, около того же времени учреждена была должность *софронистовъ*, которые должны были наблюдать за жизнью юношей.

Домашнее воспитаніе въ Аѳинахъ имѣло гораздо больше значенія, чѣмъ въ Спартѣ; чувствовался, однакоже, большой недостатокъ въ томъ благодѣтельномъ, нравственно-воспитательномъ вліяніи матери, которое видимъ теперь у современныхъ намъ народовъ: мать-аѳинянка лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ могла быть полезна подрастающему сыну въ чемъ бы то ни было, кромѣ указаній, касавшихся внѣшности. Тѣсныя, искреннія отношенія рѣдко существовали между супругами, и дѣтямъ почти не удавалось узнать семейную жизнь въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ теперь. Высшаго умственнаго развитія и образованія достигали женщины только въ томъ случаѣ, когда онѣ переходили за предѣлы обыденной нравственной жизни; и даже первый изъ аѳинянъ этого времени, Периклъ, за то счастье, которое приносила ему связь съ такою умною и высокообразованною подругою жизни, какъ Аспазія, уроженка Милета, долженъ былъ выносить тѣ плоскія и грязныя шутки, которыми осыпали Аспазію комики на сценѣ. Въ однообразіе жизни женщины-аѳинянки только жертвоприно-

Поминальное жертвоприношеніе. Изображеніе на аттической вазѣ.

шенія да иные религіозные обряды вносили нѣкоторое содержаніе и перемѣну; но по отношенію къ мужчинамъ, честная женщина была окружена идеальнымъ ореоломъ, какъ нѣчто далекое отъ реальной жизни, отъ всего обыденнаго и пошлаго, и ея вліяніе было велико и благодѣтельно. Какъ ни были непристойны представленія о богахъ, передаваемыя общераспространеннымъ миѳомъ, какъ ни кажется намъ отвратительна та распущенность, которая даетъ возможность комикамъ вышучивать этотъ міръ боговъ, лишь бы разсмѣшить публику — а все же нельзя не признать, что эти боги и служеніе имъ были нѣкотораго рода нравственною силою, и, можетъ быть, въ вѣкъ Перикла, болѣе чѣмъ когда-либо, такъ какъ въ это время великіе писатели воспольАѳинянки, вступающія въ храмъ. Изъ горельефовъ Парѳенона.

зовались древнимъ миѳомъ о богахъ, какъ удобнѣйшимъ матеріаломъ и неизсякаемымъ источникомъ для своихъ драматическихъ твореній. У домашняго очага, на улицахъ и торжищахъ города, передъ каждымъ засѣданіемъ суда, каждымъ народнымъ собраніемъ, во всѣхъ проявленіяхъ общественной и домашней жизни,—всюду выступалъ рядомъ съ дѣйствительностью и этотъ міръ идеальныхъ образовъ и символическихъ олицетвореній; и такою связующею нитью проходили они черезъ всю жизнь человѣка, отъ колыбели и до могилы; съ представленіемъ объ этихъ богахъ грекъ вступалъ на корабль, бился въ битвѣ,—и каждаго, даже и самаго ничтожнаго, эти представленія переносили въ міръ духовный, хоть до нѣкоторой степени. Собственно же ученье школьное для аѳинянина не имѣло большого значенія, и кругъ его свѣдѣній былъ очень ограниченъ; въ особенности-же нѣчто въ родѣ нашего изученія основъ религіи было древнимъ совершенно неизвѣстно: религія была въ жизни, въ нравахъ, въ преданіяхъ... Весьма характерною чертою преподаванія было то, что кромѣ родного языка никому и въ голову не приходило языки иноземные изучать или нуждаться въ ихъ пониманіи; этимъ преимуществомъ пользовались только рабы,

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА

къ вазѣ Дуриса, съ изображеніемъ греческой школы.

Предлагаемое нами изображеніе находится на внѣшней сторонѣ греческой вазы превосходнаго стиля, хранящейся въ Берлинскомъ музеѣ. По работѣ она принадлежитъ знаменитому рисовальщику на вазахъ Дурису, и, помимо своего художественнаго совершенства, представляется еще особенно любопытною въ томъ смыслѣ, что даетъ намъ возможность заглянуть въ бытъ аттической школы. Домашній наставникъ изъ рабскаго сословія (на нашей вазѣ его не трудно узнать по длинной бородѣ, по его посоху и по довольно неизящной посадкѣ) привелъ своего питомца къ учителю и присутствуетъ на урокѣ.

Питомецъ, всюду сохраняющій по отношенію къ своему настоящему учителю приличное и вѣжливое положеніе, на одной половинѣ вазы обучается у молодого еще учителя письму; учитель, видимо, исправляетъ его ошибки на вощеной дощечкѣ; у того же учителя беретъ онъ урокъ и на флейтѣ. На другой сторонѣ вазы, у болѣе зрѣлаго мужчины, почтенной наружности, тотъ же питомецъ проходитъ школу высшихъ наукъ. Сначала видимъ, что учитель держитъ передъ нимъ свитокъ, содержащій въ себѣ начало неизвѣстнаго гомеровскаго гимна, конечно, для того, чтобы онъ могъ научиться читать его плавно и съ выраженіемъ; далѣе онъ, сидя, обучается игрѣ на лютнѣ, которая вполнѣ правильно почиталась гораздо болѣе трудною и болѣе совершенною, нежели игра на флейтѣ. Самое помѣщеніе школы изображено передъ нами, на античный ладъ, въ видѣ цѣлаго ряда предметовъ, которые либо служатъ пособіями при самомъ обученіи (какъ напр. лютни, свернутый свитокъ и вощеная дощечка), либо—для подкрѣпленія силъ учениковъ во время уроковъ (какъ напр. повѣшенныя на стѣнѣ чаши).

Рисунокъ внутри вазы, къ сожалѣнію, настолько поврежденный, что съ него нельзя было дать и снимка, представлялъ купающагося юношу.

Изображеніе на внѣшней сторонѣ вазы, представляющее греческую школу; работа художника Дуриса.

ОБЩІЙ ВИДЪ ВАЗЫ ДУРИСА.

Изданіе А. Ф. Марикса, въ С.-Петербургѣ. Печат. въ Артистич. завед. А. Ф. Марикса, Ср. Подъяч., № 1.

которые, живя въ Греціи, научались и греческому языку, кромѣ своего отечественнаго. Въ школахъ, гдѣ, сообразно климатическимъ условіямъ страны, ученье начиналось очень рано, мальчики научались чтенію, письму и счету; Гомеръ, давно уже сдѣлавшійся книгою изъ книгъ, былъ въ школахъ главнымъ руководствомъ для упражненій и главнымъ образовательнымъ средствомъ; преподавалась въ школѣ и музыка, въ видѣ игры на инструментѣ, подобномъ цитрѣ. О методѣ, о планѣ ученья, особенно же о теоретическомъ преподаваніи не было и рѣчи, и для того немногаго, что давала школа, нужно было еще находить время, среди тѣхъ разнообразныхъ тѣлесныхъ упражненій, которымъ юноши обучались въ трехъ гимназіяхъ города,—гдѣ юношеству аѳинскому приходилось учиться все-же гораздо болѣе, нежели юношеству спартанскому, на его плацахъ. Шестнадцатымъ годомъ заканчивалось для юноши общее образованіе, на-

Военный танецъ аттическихъ юношей, по греческому рельефу въ собраніи скульптуръ Ватикана.

сколько могла его дать школа. Однакоже, именно въ Периклово время стала сильно высказываться потребность въ высшемъ обученіи, и начала развиваться *софистика*, въ качествѣ учебнаго искусства, въ высшемъ значеніи этого слова.

Юности былъ положенъ предѣлъ въ видѣ первой воинской службы: юноша, «достигшій расцвѣта» (ефебе), долженъ былъ поступить на службу государства и два года нести ее въ гарнизонѣ одного изъ укрѣпленныхъ мѣстъ Аттики. Только тогда, когда онъ исполнилъ эту обязанность, его заносили въ *лексіархиконъ* (списокъ) его общины, и тогда получалъ право посѣщать народное собраніе. Съ той поры, когда онъ начиналъ принимать участіе въ жизни государства, его воспитаніе считалось вполнѣ законченнымъ. Тутъ онъ имѣлъ возможность сообразить, долженъ-ли онъ посвятить себя призванію государственнаго дѣятеля, или избрать иную дорогу; дорога на службу государственную была открыта только тѣмъ, кто обладалъ нѣкоторымъ достаткомъ, такъ какъ только съ 30-го года были доступны каждому важнѣйшія почетныя должности въ его общинѣ. Для этихъ должностей — для службы при-

сяжными, или для работы въ совѣтѣ пятисотъ, рядомъ со множествомъ всякихъ комиссій и спеціальныхъ службъ—необходимо было и множество людей; такъ какъ, сверхъ того, у аѳинянъ была еще и внѣшняя политика, также требовавшая дѣятелей, то, при 20, много 30-ти тысячахъ полноправныхъ гражданъ, которыхъ слѣдуетъ предположить въ Аѳинахъ, мы можемъ думать, что, для большинства аѳинянъ домашняя жизнь была немыслима. Ремесла и мелкая промышленность, равно какъ и значительная доля крупной промышленности были въ рукахъ иноземныхъ «присельцевъ» или *метэковъ*, не обладавшихъ никакими гражданскими правами и исключительно заботившихся о своемъ заработкѣ; они платили умѣренную пошлину и выбирали себѣ *простата* или патрона изъ гражданъ, который былъ ихъ представителемъ передъ судомъ; эти метэки не всегда принадлежали къ эллинской національности. Впрочемъ, полноправное гражданство аѳинское, хотя и давало въ обществѣ положеніе привилегированное,—не было, однакоже, недостижимымъ; гражданство, такъ быстро идущее по пути прогресса, не могло обойтись безъ того, чтобы не дать льготныхъ правъ и иноземцамъ. Дарованіе этого права государство ставило въ зависимость отъ согласія гражданъ аѳинскихъ, а эти граждане—сыновья свободныхъ аѳинянъ и свободныхъ уроженокъ Аттики—составляли въ сущности аристократію, проникнутую сознаніемъ собственнаго достоинства не только по отношенію къ рабамъ, но и по отношенію къ союзникамъ. И дѣятельность этой аристократіи была такъ необходима и такъ существенно-важна, что геліастамъ, за исправляемую ими должность, давалось лишь весьма умѣренное жалованіе; то же производилось и по отношенію къ народнымъ собраніямъ, которыя становились все болѣе и болѣе частыми; за исполненіе гражданскихъ обязанностей по участію въ экклезіи получалось самое скромное вознагражденіе. Должно, однакоже, предполагать, что въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, въ Аттикѣ еще былъ очень великъ избытокъ силъ народныхъ, такъ какъ аѳиняне все еще продолжаютъ основывать важныя колоніи въ дальнихъ странахъ (въ 443 г. Турія въ Италіи, въ 437 Амфиполисъ на Стримонѣ); при такого рода выселеніяхъ вошло въ обычай, что выселенцы изъ Аѳинъ отдавали въ аренду принадлежавшій имъ участокъ городской земли, а сумму, получаемую въ видѣ арендной платы, прокучивали въ Аѳинахъ; изъ этого уже видно, какъ было выгодно принадлежать къ этой аристократической демократіи.

Искусство, литература и науки.

Большая война обрушилась на Элладу тогда, когда жизнь греческаго народа во всѣхъ его многочисленныхъ городскихъ центрахъ культуры была въ полномъ расцвѣтѣ, и всѣ искусства и науки уже успѣли благополучно преодолѣть первыя трудности и препятствія. Стоитъ только припомнить нѣсколько фактовъ, чтобы въ этомъ осязательнѣе убѣдиться и доказать, что аѳинская демократія довершила начатое тиранніей. Въ 620 г. былъ выстроенъ на Самосѣ храмъ Геры, въ томъ самомъ году, въ которомъ тиранъ Ѳеагенъ Мегарскій одарилъ свой народъ водопроводомъ; въ 548 г. сгорѣлъ до-тла храмъ Дельфійскій и на собранныя деньги былъ вновь отстроенъ, при чемъ изгнанный родъ Алкмеонидовъ внесъ главную долю въ складчину и это было ему поставлено въ за-

слугу. Около этого времени процвѣтала *Эгинская* школа искусствъ, по уцѣлѣвшимъ произведеніямъ которой зритель выноситъ такое впечатлѣніе, что остается еще сдѣлать одинъ рѣшительный шагъ, для достиженія верха совершенства. Когда въ 500 году рухнули подмостки, на которыхъ происходили представленія еще юнаго драматическаго искусства въ Аѳинахъ,—подмостки были замѣнены каменнымъ театромъ. Съ 628 г. имѣемъ свѣдѣнія о статуяхъ побѣдителей на Олимпійскихъ играхъ (олимпіоникъ) и объ извѣстныхъ художникахъ, которые постепенно эти статуи совершенствовали: Агеладъ Аргосскій, Канахъ Сикіонскій, Антеноръ Аѳинскій; послѣдній изъ нихъ, въ 509 г., изваялъ статуи Гармодія и Аристогитона, убійцъ Гиппарха. На поприщѣ *поэзіи*, мы уже упоминали о богатой лирикѣ, смѣнившей эпическую поэзію. Цѣлый рядъ выдающихся дѣятелей видимъ мы въ VI вѣкѣ: къ упомянутымъ уже причисляемъ мы элегика Мимнерма, баснописца Эзопа, Стезихора, Ивика, Анакреона, Симонида; Ѳеогнисъ, Фокилидъ, Гиппонаксъ, Эпихармъ; съ 511 выступаютъ на первый планъ писатели драматическіе, начиная съ *Фриниха*. И *наука* быстро пошла впередъ въ этомъ плодовитомъ VI вѣкѣ до Р. Х. Изъ Египта въ Элладу былъ принесенъ удобный письменный матеріалъ *папирусъ*, вскорѣ сдѣлавшійся одною изъ важныхъ статей торговли; проза стала вырабатываться; изреченія мудрецовъ, выводы строгаго естествознанія, съ трудомъ пріобрѣтенныя тѣми скудными средствами, какія иногда были въ рукахъ ученыхъ, свѣдѣнія о чужихъ земляхъ, которыя открывались любознательности и торговому духу народа, — уже не стали передаваться одною только рѣчью. Культура, которая выражалась въ писаныхъ книгахъ, удобныхъ для чтенія, и даже въ цѣлыхъ библіотекахъ,—была въ полномъ ходу; и между тѣмъ, какъ философы и писатели продолжали пользоваться связною рѣчью, какъ наиболѣе удобнымъ способомъ сообщенія и изложенія своихъ мыслей, — явилась уже цѣлая литература *логографій*, прозаическихъ сказаній народныхъ и историческихъ, и положено было даже основаніе *врачебной наукѣ*, для которой многое было сдѣлано геніальнымъ врачемъ *Демокедомъ*; его жизнь, полная приключеній, случайно намъ извѣстна и можетъ служить характернымъ образцомъ жизни Эллина въ этотъ бурный и многообѣщающій періодъ.

Онъ родился въ Южной Италіи, въ городѣ Кротонѣ,—городѣ, который славился двумя особенностями, ничего не имѣющими между собою общаго: здѣсь воспитывались лучшіе борцы и гимнасты, и здѣсь же существовала цѣлая философская школа, примѣнявшая къ жизни свои воззрѣнія и стремленія. Здѣшніе философы были послѣдователями Самосскаго уроженца *Пиѳагора* и способствовали тому, что городъ Кротонъ прославился чистотою своихъ нравовъ, мудрымъ управленіемъ и благоустройствомъ. Когда Демокедъ поссорился со своимъ отцомъ, то убѣжалъ отъ него, и на Эгинѣ уже занимался врачеваніемъ, гдѣ-то еще ранѣе научившись врачебному искусству. Вскорѣ послѣ того онъ явился въ Аѳины, но тираннъ Самосскій Поликратъ переманилъ его къ себѣ, предложивъ ему два таланта ежегоднаго содержанія. Въ свитѣ Поликрата онъ совершилъ то гибельное путешествіе въ Магнезію, во время котораго этотъ замѣча-

тельный правитель былъ убитъ коварнымъ персидскимъ сатрапомъ Ороитомъ. Вмѣстѣ съ остальными рабами Поликрата и Демокедъ прибылъ въ Сузу, какъ вдругъ быстрое правосудіе Дарія покарало коварнаго сатрапа. Тутъ случилось однажды, что царь вывихнулъ себѣ на охотѣ ногу, и египетскіе врачи не только не помогли ему, а еще болѣе растравили его ногу своими сильными средствами. Придворные перетревожились и стали придумывать, какъ бы помочь дѣлу? Кто-то вспомнилъ Эллина-врача, о которомъ нѣкогда много говорили въ Сардахъ; посылаютъ за нимъ, отыскиваютъ его; въ печальной одеждѣ, связанный, былъ онъ приведенъ къ царю. Ему удается вылѣчить царя, который награждаетъ его двумя золотыми цѣпями, и вскорѣ находитъ, что этотъ врачъ ему необходимъ. У Демокеда всего оказывается вдоволь,—онъ удостоенъ высокой чести обѣдать за однимъ столомъ съ Даріемъ, онъ занимаетъ самое завидное поло-

Средняя группа на фронтонѣ Эгинскаго храма Аеины.

женіе въ царствѣ; но онъ—Грекъ, и для него весь этотъ блескъ не можетъ замѣнить блага свободы, непостижимой для Персовъ. Ему удалось такъ угодить первой изъ царскихъ женъ, Атоссѣ, дочери Кира, что та выхлопотала ему разрѣшеніе или порученіе—сопровождать персидскую экспедицію, посланную въ Грецію для развѣдокъ. При отъѣздѣ его, царь очень выразительно внушилъ своимъ Персамъ, чтобы они непремѣнно вернули ему этого дорогого человѣка, котораго онъ, сверхъ того, осыпалъ милостями. Въ Тарентѣ ему удалось ускользнуть отъ своихъ спутниковъ; ему посчастливилось однакоже достигнуть цѣли своихъ пламенныхъ желаній — своего родного Кротона, и когда Персы вздумали было его тамъ схватить, то имъ растолковали, что такъ не дѣлается въ эллинскомъ городѣ. Онъ окончилъ свою тревожную жизнь, какъ истый Эллинъ. Послѣ того, какъ онъ у себя на родинѣ добился почетнаго положенія и женился на дочери знаменитѣйшаго изъ кротонскихъ атлетовъ, Милона, онъ

былъ вовлеченъ въ политическія распри между аристократіею и демократіею—это неизбѣжное зло всѣхъ мелкихъ греческихъ государствъ—и былъ убитъ однимъ изъ своихъ политическихъ противниковъ.

Опасеніе давно ожидаемаго грознаго столкновенія съ Персидскимъ царствомъ, та тяжелая атмосфера ожиданія, которая предшествовала грозѣ въ теченіе 500—480, 479 гг., нѣсколько замедлила и задержала полный расцвѣтъ умственной и художественной жизни Грековъ, и онъ наступилъ уже только послѣ побѣды при Платеѣ. И въ Греціи произошло то же, что и вездѣ: величавыя произведенія во всѣхъ областяхъ духовной жизни, явившіяся въ счастливый пятидесятилѣтній періодъ (отъ 480—430 гг.), стояли, конечно, въ связи съ одушевленіемъ войны и побѣды; но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ художественный и умственный подъемъ стоялъ въ несомнѣнной зависимости и отъ подъема *матеріальнаго,* отъ усиленія промышленности и торговли, которыя внесли жизнь въ массу народа и послужили внѣшнимъ побужденіемъ къ развитію безпримѣрной творческой и художественной дѣятельности, которыя въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій во сто разъ умножили умственный и культурный капиталъ человѣчества. Большое вліяніе въ этомъ цвѣтущемъ періодѣ должны были оказать и милліарды персидской добычи: особенно много способствовало развитію этой дѣятельности то чувство безопасности, которое внушено было всѣмъ побѣдою на сушѣ и на морѣ. Масса денегъ вдругъ хлынула въ руки людей; а нравы-то были еще не испорчены, люди были трудолюбивы, довольствовались немногимъ, были физически крѣпки, воинственны; болѣе же всего поражаетъ насъ въ это время и

После войны.

Гармодій и Аристогитонъ, убійцы Гиппарха. Античная мраморная копія съ мѣдной группы Антенора Авинскаго, увезенной Ксерксомъ въ Персію, въ видѣ военной добычи. Нынѣ въ Неаполѣ.

въ этомъ народѣ изумительное взаимодѣйствіе всѣхъ его силъ. Съ 480—432 г. въ Аѳинахъ и ихъ окрестностяхъ (слѣдовательно на пространствѣ одного изъ среднихъ по величинѣ швейцарскихъ кантоновъ) воздвигнуты были слѣдующія большія сооруженія: *Тезейонъ*—большой храмъ въ дорическимъ стилѣ; *Расписная палата* (460 г.), украшенная живописью Полигнота съ Тазоса и Микона Аѳинскаго; дивный *храмъ Аѳины*, на Акрополѣ; *Парѳенонъ*, начатый въ 448 и оконченный въ 438 г. Иктиномъ и Калликратомъ; *Пропилеи*, воздвигнутые Мнезикломъ въ 437—433 гг. Чрезвычайно замѣчательное описаніе Аѳинъ, хотя и относящееся къ гораздо болѣе позднему времени, сохранилъ намъ одинъ изъ греческихъ ученыхъ—Павзаній, жившій во II в. по Р. Х. Съ любопытствомъ осматривая многочисленные памятники Аѳинъ, еще уцѣлѣвшіе во всей красотѣ своей со временъ Перикла, онъ съ восторгомъ описываетъ ихъ, сообщая о каждомъ все то, что могъ собрать отъ мѣстныхъ жителей, отъ жрецовъ при храмахъ, даже отъ женщинъ. Картина, которую онъ намъ рисуетъ, дѣйствительно поразительна; Аѳины, уже полуразрушенныя, но все еще переполненныя дивными произведеніями искусства и безчисленными памятниками краснорѣчивой древности, и спустя семьсотъ лѣтъ послѣ Периклова вѣка все еще производили на ученаго эллина чарующее впечатлѣніе: — по этому впечатлѣнію можно судить о томъ обаяніи, которое производилъ этотъ дивный городъ въ періодъ своего полнаго процвѣтанія. Павзаній описываетъ намъ Аѳины отъ самаго вступленія своего въ городъ, со стороны Пирея, отъ тѣхъ гробницъ именитыхъ мужей аѳинскихъ, которыя съ этой стороны возвышались по обѣимъ сторонамъ дороги, до великолѣпныхъ храмовъ и зданій, окружавшихъ священный холмъ Акрополя. Онъ ведетъ насъ за собою по широкимъ улицамъ, уставленнымъ безконечными рядами бронзовыхъ изображеній, воздвигнутыхъ въ честь героевъ, полубоговъ и великихъ людей древности; описываетъ намъ Пританей съ его серебряными статуями; подробно говоритъ о фрескахъ, передающихъ отдѣльные эпизоды Троянской войны и Марафонской битвы на стѣнахъ Расписной палаты; разсказываетъ съ изумленіемъ о храмѣ Зевса, украшенномъ ста-двадцатью столпами изъ фригійскаго и ливійскаго мрамора, о превосходныхъ статуяхъ, вставленныхъ въ ниши его, украшенныя алавастромъ и золотомъ. Отъ Пританея, по пути, окаймленному по обѣ стороны бронзовыми треножниками, онъ ведетъ насъ къ древнему храму Діониса и къ обширному театру, обставленному мраморными изваяніями авторовъ трагедій и комедій; дивится громаднымъ позлащеннымъ головамъ Медузы и Горгоны, художественно изображеннымъ на щитахъ, украшающихъ стѣну между театромъ и Акрополемъ, и затѣмъ переходитъ къ описанію этой священной твердыни Аѳинъ, заключавшей въ себѣ важнѣйшія святилища и святыни города и дивныя сокровища искусства, принадлежавшія вдохновенному рѣзцу Фидія и Праксителя. Павзаній особенно восторгается входомъ въ Акрополь, украшеннымъ конными статуями неизвѣстныхъ ему всадниковъ. «Этотъ входъ»—говоритъ онъ—«покрытъ бѣлымъ мраморомъ, который, какъ размѣрами своими, такъ и украшеніями, превосходитъ все изящнѣйшее изъ видѣннаго мною». Чрезвычайно любопытно то, что Павзаній подробно описываетъ

Эрехѳейонъ. Парѳенонъ.

Пропилеи. Храмъ Аѳины-Побѣдительницы.

ОБЩІЙ ВИДЪ ДРЕВНЯГО АѲИНСКАГО АКРОПОЛЯ.
По проекту возстановленія развалинъ Г. Рэлендера.

намъ знаменитое (причислявшееся тогда къ чудесамъ свѣта) изображеніе Аѳины-Паллады, изваянное въ колоссальномъ видѣ Фидіемъ изъ золота и слоновой кости, и исчезнувшее безслѣдно во время одного изъ аѳинскихъ разгромовъ. «Статуя богини сдѣлана изъ золота и слоновой кости; посреди шлема ея видимъ изображеніе сфинкса; богиня облечена въ длинную одежду, покрывающую даже самыя ноги ея. На груди Аѳины находится Медузина голова, изваянная изъ слоновой кости. Около богини статуя Побѣды, почти 4-хъ локтей въ вышину. Аѳина въ рукахъ держитъ копье; около ногъ ея поставленъ щитъ, а внизу, близъ копья, извивается змѣй». Одновременно съ Аѳинами, горячая, неутомимая строительная дѣятельность проявилась вездѣ: великолѣпныя постройки въ Сицилійскомъ Акрагасѣ, храмъ Аполлона въ Фигалеѣ, Телестріонъ въ Элевзисѣ—относятся къ этому же времени; а въ 432 г. былъ законченъ храмъ Зевса въ Олимпіи, для котораго величайшій изъ художниковъ того времени, *Фидій*, изваялъ статую Зевса, почитаемую за совершеннѣйшее произведеніе древней пластики *). Рядомъ съ нимъ дѣйствовали его ученики—*Алкаменъ*, съ произведеніями котораго насъ познакомили въ послѣднее время раскопки въ Олимпіи, и *Агоракритъ*; заслуживаютъ упоминанія и его соперники: *Поликлейтъ* Аргосскій и *Миронъ* Элевоерійскій (изъ Віотіи). Отъ Фидія еще сохранились намъ весьма значительные остатки его произведеній, нѣкогда украшавшихъ Парѳенонъ. Стоитъ сравнить совершеннѣйшія произведенія ассирійскаго и египетскаго искусствъ съ этими безпощадно изуродованными остатками цвѣтущаго періода искусствъ въ Греціи, чтобы убѣдиться въ громадномъ прогрессѣ, который былъ сдѣланъ Греками и въ особенности ясно бросается намъ въ глаза въ этой области искусства, хотя и вообще выказался во всѣхъ областяхъ творчества, какъ откровеніе новаго умственнаго принципа. На глубокое соотношеніе высшаго, идеальнѣйшаго въ одной вѣтви искусства, съ высшимъ въ другой — указываетъ намъ разсказъ о томъ, какъ Фидій, создавая своего Зевса Олимпійскаго, припоминалъ тѣ стихи изъ Иліады, въ которыхъ Гомеръ представляетъ намъ этого бога въ бесѣдѣ съ Ѳетидою, умоляющею его даровать славу ея сыну Ахиллу, этому первообразу всѣхъ эллинскихъ героевъ. И вотъ то, что силою своего творческаго таланта поэтъ возсоздавалъ въ своемъ воображеніи задолго до Фидія, было здѣсь живо представлено Фидіевымъ рѣзцомъ. Но въ этотъ блестящій періодъ и сама поэзія, въ иномъ смыслѣ, стала оживотворять свои образы, и этимъ путемъ производить такое глубокое впечатлѣніе на современное общество, какого никогда не удавалось достигнуть и самому Гомеру.

Драматическія представленія были уже въ это время главною составною частью Діонисіевыхъ празднествъ. Заслуживаетъ вниманія то, что и къ этой области искусства былъ примѣненъ принципъ состязанія, котораго мы нигдѣ не видѣли на Востокѣ, между тѣмъ какъ въ Греціи вездѣ, въ особенности на празднествахъ народныхъ, состязанія всякаго рода занимаютъ главное мѣсто. Знаменитые писатели добивались полученія тѣхъ наградъ, которыя ежегодно были назначаемы отъ государства. Въ Драма.

*) Тотъ же Фидій, въ 440 г., изваялъ для Парѳенона громадную статую Аѳины.

484 г. на этомъ поприщѣ одержалъ первую свою побѣду *Эсхилъ* (род. 525 г. въ Элевзисѣ); въ 468 году надъ нимъ уже одержалъ побѣду болѣе молодой поэтъ, *Софоклъ;* третій, хотя и упоминаемый рядомъ съ ними, но гораздо ниже ихъ стоящій, *Эврипидъ* (онъ родился, кажется, въ день Саламинской битвы), одержалъ первую побѣду на состязаніи 441 г. Если мы примемъ въ соображеніе, что Эсхилъ оставилъ намъ 90 пьесъ, что Софоклу, достигнувшему глубокой старости, приписываютъ 113, и что александрійскіе ученые еще обладали 72 трагедіями Эсхила, то мы можемъ себѣ представить, какъ богато было то время умственною дѣятельностью, даже если мы возьмемъ только одну эту сторону аѳинской духовной жизни. На самомъ же дѣлѣ, надо сказать, что и поэты на аѳинской почвѣ были

Парѳенонъ въ Акрополѣ аѳинскомъ. Въ его нынѣшнемъ состояніи.

поставлены чрезвычайно благопріятно. Тотъ матеріалъ, который представляли поэтамъ сказанія о ихъ народныхъ богахъ и герояхъ, былъ и неисчерпаемъ, и удоборастяжимъ. Этотъ матеріалъ былъ уже разработанъ и въ живой былинѣ, и въ наивномъ народномъ изложеніи, и въ передачѣ поэтовъ, и даже въ пластикѣ настолько, насколько желательно для драматическаго поэта; а, притомъ, и каждому въ народѣ этотъ матеріалъ былъ настолько знакомъ, что зритель или слушатель уже съ полуслова схватывалъ и усвоивалъ себѣ мысль поэта. Появленіе божественныхъ существъ въ этихъ драмахъ никого не могло удивить: авторъ возвышалъ значеніе дѣйствія, и не только не оскорблялъ, но даже и не затрагивалъ нравственнаго чувства, выводя на сцену Эвменидъ, Океанидъ, Аполлона или титана Прометея. Только высшаго изъ боговъ, самого Зевса, авторы не выводили на сцену по естественному чувству религіознаго

ВНУТРЕННОСТЬ ЗЕВСОВА ХРАМА ВЪ ОЛИМПІИ, СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ ЗЕВСА, РАБОТЫ ФИДІЯ.

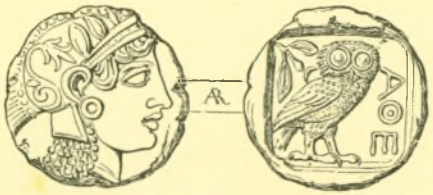
Проектъ возстановленія, составленный Г. Рэлендеромъ.

такта—и это также симптомъ немаловажный. Для діалога избрана была чрезвычайно удобная форма ямбическаго триметра, мало стѣснявшаго свободу языка, и все же достаточно возвышавшаго рѣчь надъ уровнемъ обыденной дѣйствительности. Идеальный элементъ драмы былъ еще значительно усиленъ особеннымъ искусственнымъ средствомъ — участіемъ *хора,* который, не вникая глубоко въ драматическое дѣйствіе, служилъ, однакоже, какъ бы посредникомъ между дѣйствіемъ, происходившимъ на сценѣ, и зрителями, заставляя ихъ смотрѣть на дѣйствіе глазами дѣйствующихъ лицъ и живѣе испытывать всѣ ощущенія, волновавшія ихъ на сценѣ. Но этотъ миѳологическій элементъ былъ, однакоже, настолько силенъ, что, увлекая фантазію въ міръ сверхъестественный, дѣлалъ возможными на сценѣ даже такіе мотивы (напр. въ сагѣ объ Эдипѣ), которые теперь показались-бы невыносимыми; а съ другой стороны — дозволялъ автору (какъ напр. Эсхилу, въ его «Персахъ») облекать въ драматическую форму событія изъ самаго недавняго прошлаго. Миѳологическое покрывало, которое легко было накинуть на любой сюжетъ, до нѣкоторой степени отнимало у сюжета реальную подкладку и какъ бы одухотворяло его. Притомъ же и театръ еще не снизошелъ до обычной разговорной формы: представленія происходили рѣдко, и при Діонисіевыхъ празднествахъ были одной изъ частей, входившихъ въ составъ религіознаго обряда; уже самое это значеніе ихъ вызывало въ публикѣ такое настроеніе, о какомъ мы не можемъ имѣть понятія при современныхъ театральныхъ представленіяхъ; къ этому прибавлялся еще интересъ, возбуждаемый состязаніемъ авторовъ, которые иногда вызывали ожесточенную борьбу между зрителями, раздѣлявшимися на партіи. Только сообразивъ всѣ эти условія, мы можемъ постигнуть, какъ могла публика въ аѳинскомъ

Аѳина Парѳеносская. Въ этой статуэткѣ пентелійскаго мрамора, отрытой въ Аѳинахъ въ 1880 г., слѣдуетъ видѣть копію съ Фидіева колоссальнаго изображенія богини въ Парѳенонѣ.

ВНУТРЕННЕЕ СВЯТИЛИЩЕ ПАРѲЕНОНА, СО СТАТУЕЙ АѲИНЫ, РАБОТЫ ФИДІЯ.
Проектъ возстановленія, составленный Г. Рэлендеромъ.

театрѣ высидѣть все время, потребное на представленіе многихъ трилогій, одна за другою являвшихся на сценѣ, при чемъ для необходимаго успокоенія и приравненія ощущеній употребляли довольно наивный, но и весьма дѣйствительный способъ: вслѣдъ за трагедіями, давали обыкновенно сатирическую сценку, шутовскую интермедію съ пляской, почерпая сюжетъ ея изъ того же круга сказаній, къ которому принадлежала трилогія. Эсхилъ и Софоклъ, вмѣстѣ взятые, достаточно характеризуютъ богатство драматической литературы этого времени; болѣе ихъ молодой Эврипидъ показываетъ намъ, какъ обыденные таланты пользовались этимъ богатствомъ, какъ они его опошливали, какъ расточали, разбрасывали и какъ злоупотребляли имъ. Эсхилъ—старѣйшій изъ всѣхъ драматурговъ,

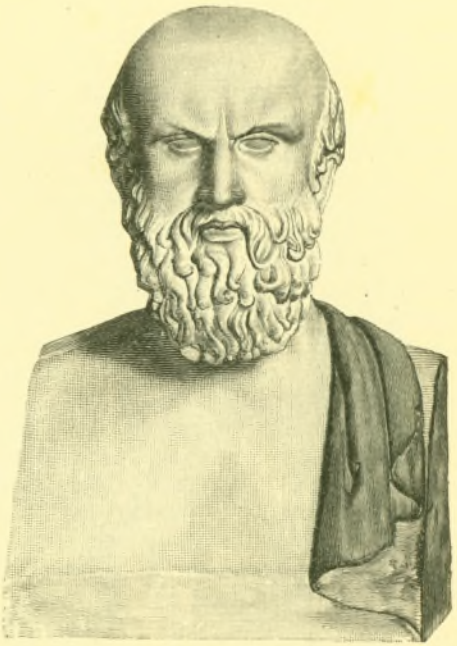


Аѳинская тетрадрахма. Въ берлинскомъ мюнц-кабинетѣ. Лицевая сторона: голова Аѳины; на оборотѣ: сова съ масличной вѣтвью и три начальныя буквы названія города: А, Θ, Е.

Изъ украшеній Парѳенона.
Двадцать седьмая метопа, изображающая сцену изъ боя Кентавровъ съ Лапитами.
Оригиналъ нынѣ въ Лондонѣ.

одинъ изъ «бойцовъ Мараѳонскихъ», какъ называли сами Греки суровыхъ героевъ этого времени, которое вскорѣ стало имъ чуждымъ и не вполнѣ понятнымъ. Погружаясь въ величавый міръ боговъ первобытнаго

времени, съ нѣкотораго рода мистическимъ настроеніемъ, Эсхилъ постоянно борется съ мыслью, для которой не всегда находитъ подходящее выраженіе; слѣдя за его драмами, мы невольно спрашиваемъ себя: для кого, собственно, были сочинены хоры въ его драмахъ, такъ какъ большинство зрителей никакъ не могло ихъ понять вполнѣ, а читающая публика тогда еще только начинала развиваться. Повидимому, этотъ великій и строгій писатель уже не совсѣмъ хорошо себя чувствовалъ въ Аѳинахъ Перикловa времени; но едва-ли его удаленіе изъ Аѳинъ стояло въ связи съ появленіемъ на сценѣ его величавой трилогіи,—Агамемнонъ, Коэфоры, Эвмениды,—которая явилась какъ бы отвѣтомъ на демократическія новшества 460 г. Въ концѣ этой трилогіи онъ выставляетъ древній ареопагъ въ полномъ значеніи и величіи учрежденія, глубоко сросшагося съ жизнью народа. Вскорѣ послѣ того, онъ покинулъ Аѳины и два года спустя умеръ въ Гелѣ, въ Сициліи. Его младшій современникъ, Софоклъ, всегда представляется намъ болѣе близкимъ, потому что онъ даетъ намъ прекрасное въ болѣе легкой, ясной и доступной формѣ. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ счастливымъ смертнымъ, которымъ судьба доставляетъ возможность спокойно излить всю полноту своего генія въ цѣломъ рядѣ своихъ художественныхъ произведеній. Его долгая жизнь совпадаетъ съ блестящимъ періодомъ въ жизни его народа; родившись во времена Марѳонской битвы, онъ умеръ въ глубокой старости, въ тотъ самый годъ, когда Аѳины торжествовали свою послѣднюю побѣду въ гибельной войнѣ. Его драмы понимаются нами безъ всякаго труда, потому что діалогъ, дѣйствіе—сдѣлались уже въ его время важнѣйшею частью драмы, а хоръ былъ поставленъ въ гармоническое соотношеніе съ драматическимъ дѣйствіемъ. Вполнѣ ясный языкъ прекрасно передаетъ идеи Софокла, глубокія, но не заключающія въ себѣ ничего мистическаго; ничто не можетъ быть яснѣе, понятнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ трогательнѣе, какъ, напр., въ «Антигонѣ» это противуположеніе государственнаго права и дочерней обязанности, писаннаго и неписаннаго закона, которое и приводитъ, наконецъ, къ столкновенію. Нельзя не упомянуть и о томъ, что самыя внѣшнія условія, при которыхъ эти пьесы ставились на сцену, были весьма разумны и не слишкомъ уклонялись отъ естественности; авторъ самъ



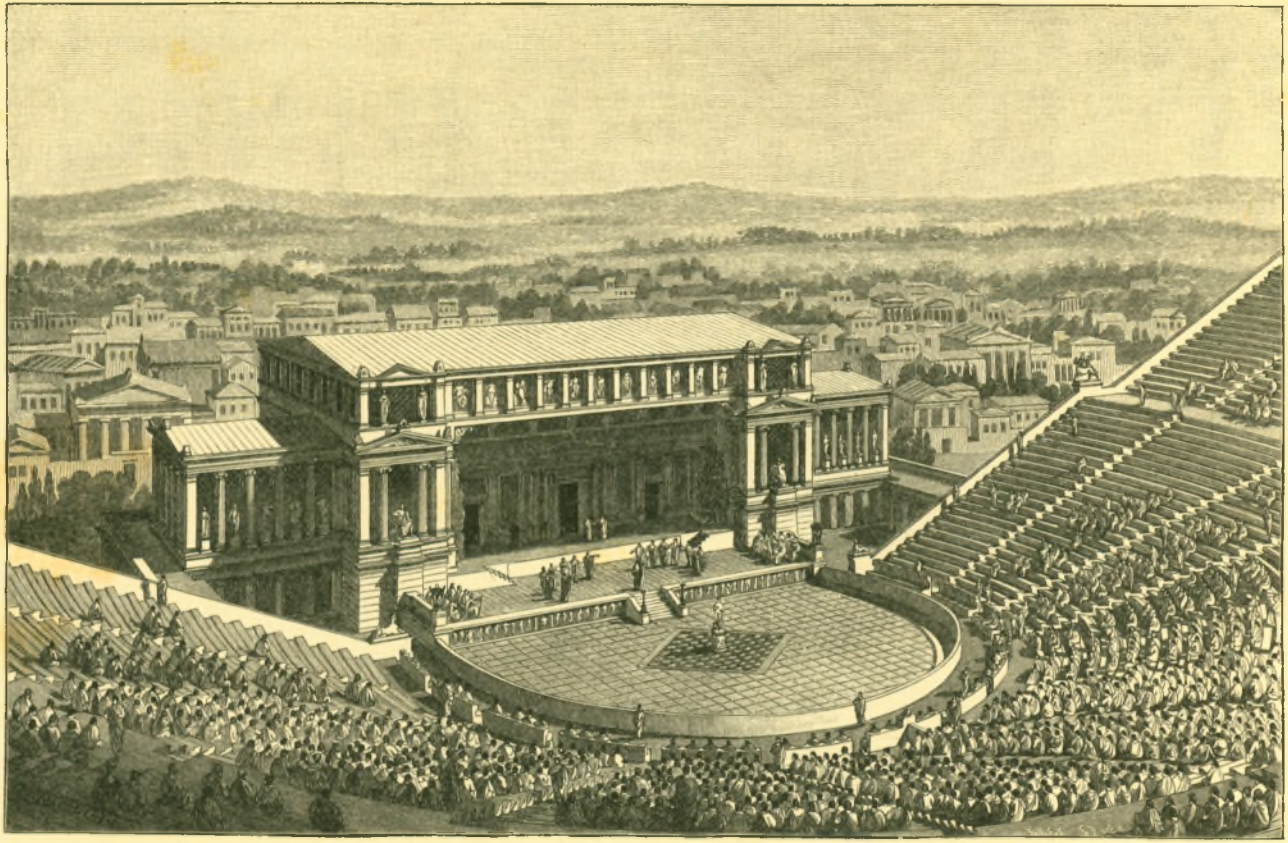
Эсхилъ. Бюстъ въ Ватиканѣ.

наблюдалъ за постановкою своей пьесы; хорами завѣдывали богаты именитые граждане, которые принимали на себя почетную обязаннос *хорэговъ* (руководителей хора); роли въ драмахъ исполнялись хотя и не диллетантами, но тогда еще и не присяжными актерами; и сцены, и мѣста для зрителей тогда еще были устроены очень просто, и очень мало способствовали иллюзіи—предоставляя воображенію зрителей дополнять дѣйствіе; и публика была не та, что теперь посѣщаетъ театръ—не все знать и чернь, и не все энтузіасты, любители или люди, не знающіе, чѣмъ себя развлечь... Публику составлялъ дѣйствительно *весь народъ*, который, однакоже, обладалъ въ самомъ широкомъ смыслѣ весьма тонкимъ и естественнымъ развитіемъ, своего рода нравственнымъ аристократизмомъ. И денежный вопросъ, вопросъ гонорара, былъ обойденъ чрезвычайно деликатно: онъ сводился къ довольно значительному, почетному вознагражденію въ видѣ жалованья, которое совѣтъ отъ имени народа выплачивалъ побѣдителю.

Эврипидъ. Мраморная статуя въ Ватиканѣ.

Всѣ отлично сознавали, что драматическія произведенія должны оказывать сильное вліяніе на духъ народа; вотъ почему, напр., на Фриниха была наложена пеня въ 1,000 драхмъ за то, что онъ позволилъ себѣ избрать сюжетомъ трагедіи, предназначенной для народа, такое горестное и возмутительное событіе, какъ взятіе Милета Персами въ 494 г. По замѣчанію одного изъ тончайшихъ умовъ этого, столь богатаго талантами времени, «*писатели для взрослыхъ то же, что учителя для юношей*»; и если мы уже знаемъ изъ предыдущаго, что Гомеръ и Гезіодъ создали для Грековъ образы божествъ, придали форму и опредѣленность ихъ еще грубымъ религіознымъ представленіямъ, то объ Эсхилѣ и Софоклѣ можно сказать, что они этому гомеровско-гезіодовскому міру боговъ и тѣмъ народнымъ представленіямъ, которыя были съ нимъ связаны, придали болѣе глубокое нравственно-религіозное содержаніе или извлекли изъ нихъ и раз-

Софоклъ. Мраморная статуя въ Ватиканѣ.



ОБЩІЙ ВИДЪ ДРЕВНЯГО ТЕАТРА ДІОНИСА ВЪ АѲИНАХЪ.
По проекту возстановленія развалинъ Г. Рэлендера.

вили ихъ нравственную сущность. Эсхилъ и Софоклъ и всѣ современные имъ творческіе умы, работавшіе въ другихъ областяхъ искусства и науки, несомнѣнно имѣютъ за собою то достоинство, что еще нѣсколько позадержали развитіе критики у этого народа, одареннаго необычайно яснымъ разумѣніемъ и наклоннаго къ скептицизму, и дали ему, въ періодъ его полной зрѣлости, полезный и цѣлительный противовѣсъ въ своихъ произведеніяхъ.

Историческое повѣствованіе. Геродотъ.

Они раздѣляли это достоинство съ человѣкомъ, который былъ первымъ творцомъ перваго историческаго труда въ Греціи:—то былъ *Геродотъ Галикарнасскій*. Родившись еще персидскимъ подданнымъ, но Эллинъ по духу и по плоти, Геродотъ умѣлъ трезво и серьезно усвоить себѣ рѣзкую противуположность эллинства и варварства, и борьбу между Эллинами и варварами положилъ въ основу большого историческаго сочиненія, въ которомъ онъ собралъ результаты цѣлой жизни, проведенной въ путешествіяхъ и пытливыхъ изслѣдованіяхъ. Онъ уже вполнѣ ясно сознаетъ разницу между вымысломъ и исторіей, и потому доискивается истины, дѣйствительности; что религія Персовъ, въ противуположность греческой, придавала важное значеніе правдивости,—это было ему извѣстно и произвело на него глубокое впечатлѣніе; и онъ уже пользуется критикой для твердой установки факта, и проявляетъ замѣчательную справедливость въ своихъ заключеніяхъ о людяхъ и вещахъ. Почти можно сказать, что, въ пониманіи чуждыхъ національностей (Египтянъ, Персовъ и многихъ другихъ), онъ остался единичнымъ явленіемъ, и ни одинъ изъ послѣдующихъ греческихъ историковъ его не только не превзошелъ, но и не сравнялся съ нимъ въ этомъ отношеніи. Онъ нашелъ себѣ отечество въ Аѳинахъ, насколько подобный ему изслѣдователь можетъ имѣть отечество; умеръ онъ въ Туріяхъ (въ Южной Италіи), въ младшей изъ аѳинскихъ колоній, немного лѣтъ спустя послѣ начала злосчастной Пелопоннезской войны.

Трагическая фигура греческаго актера. Античная статуэтка изъ пестрой слоновой кости.

Философія.

И философскія изслѣдованія, начавшіяся впервые въ Іоніи, не прекращались въ это время, полное независимости; по самому существу своему, разъ зародившись, этого рода изслѣдованія уже не могутъ быть остановлены. Наиболѣе замѣчательнымъ изъ философовъ въ этомъ вѣкѣ былъ *Анаксагоръ* Клазоменскій. Продолжая работу предшествовавшихъ ему изслѣдователей и доискиваясь «начала вещей»,—внѣ чувственныхъ ощущеній, внѣ «обмановъ зрѣнія и слуха»—стараясь опредѣлить сущность истиннаго бытія, онъ набрелъ на новое понятіе о всеобъемлющемъ духѣ, создавшемъ вселенную—понятіе, которое дало ему возможность выступить на новый путь изслѣдованій. Какъ смѣло шли этимъ путемъ изслѣдователи того времени, проникая до послѣднихъ границъ человѣческаго сознанія, это доказывается не только множествомъ великихъ мужей, про-

славившихся въ періодъ 560—430 гг. (Ииоагоръ, Зенонъ, Демокритъ, Эмпедоклъ, Парменидъ, Гераклитъ), но еще въ особенности тѣмъ, что тотчасъ по окончаніи этого періода, и даже еще въ концѣ его, явилось весьма оригинальное философское движеніе — *софистика*, ученіе радикальное, отвергающее всѣ религіозныя традиціи и гипотезы. Первые представители этого ученія— *Горгій* Леонтинскій и *Продикъ* Кеосскій—еще принадлежали вѣку Перикла.

Геродотъ. Бюстъ въ Неаполѣ.

Всѣ эти столь разнообразныя стремленія отражались въ *Аѳинахъ*, какъ въ общемъ фокусѣ. Анаксагоръ былъ учителемъ, Фидій другомъ Перикла, и Геродотъ, читавшій въ Аѳинахъ въ 445 г. свой историческій трудъ или, скорѣе, нѣкоторыя части его и подготовительныя къ нему работы, тоже принадлежалъ къ числу горячихъ поклонниковъ знаменитаго государственнаго мужа. Одновременно съ ними были живы и находились въ цвѣтѣ силъ Эсхилъ и Софоклъ, и множество выдающихся людей, второстепенныхъ и третьестепенныхъ, во всѣхъ областяхъ искусства и знанія; а среди подрастающаго поколѣнія было опять-таки не мало высокоталантливыхъ людей. Аѳины того времени были дѣйствительно умственнымъ центромъ Греціи, а всѣ красоты города, всѣ художественныя сооруженія, великолѣпіе театральныхъ и музыкальныхъ представленій, праздничныхъ шествій и процессій—все это служило могущественнымъ средствомъ къ объединенію эллинскаго народа, для котораго Аѳины должны были явиться столицею. Его политическія мысли дошли до насъ въ видѣ той рѣчи, которую онъ держалъ нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ начала рѣшительной борьбы со Спартой, давно ожиданной Периклемъ. Своею рѣчью онъ почтилъ первенцевъ между павшими въ этой войнѣ. Но рѣчь его стоитъ въ такомъ полномъ соотвѣтствіи съ политическимъ сознаніемъ современныхъ Периклу Аѳинъ; такъ полно выражаетъ сущность всего, пріобрѣтеннаго человѣчествомъ до этого періода, что мы должны привести здѣсь важнѣйшія мѣста изъ нея. Ораторъ, обращаясь въ своей рѣчи къ согражданамъ и родственникамъ павшихъ, утѣшаетъ ихъ напоминаніемъ, «за какой городъ» эти мужи пошли на смерть. «Начну съ предковъ», такъ говоритъ Периклъ,—«и справедливо, и вполнѣ при-

стойно въ данномъ случаѣ воздать имъ честь признательнаго воспоминанія. Предки наши, въ непрестанномъ чередованіи другъ за другомъ слѣдующихъ поколѣній, въ этой странѣ жили, и мужествомъ, и храбростью своею съумѣли донынѣ сохранить намъ страну независимою. И такъ, они достойны похвалы — и еще болѣе ея достойны наши отцы; они, ко всему, что отъ предковъ получили, пріобрѣли еще то выдающееся политическое положеніе, которымъ мы пользуемся, пріобрѣли не безъ труда, и передали его нынѣ живущимъ». ...«Дальнѣйшее», такъ продолжалъ онъ съ понятною гордостью,— «къ ихъ пріобрѣтенью добавили мы сами, мы, стоящіе въ расцвѣтѣ жизни, и эту жизнь во всѣхъ отношеніяхъ такъ устроили, что она и въ войнѣ, и въ мирѣ одинаково находитъ себѣ полное удовлетвореніе»... «Городъ нашъ не нуждается въ подражаніи другимъ въ своихъ законахъ; онъ самъ можетъ служить образцомъ для всѣхъ другихъ: демократія наша,

Аѳинскіе юноши, ѣдущіе въ торжественномъ шествіи. Съ фриза Парѳенона. Работа Фидія.

имѣющая въ виду не малое количество людей, а всѣхъ гражданъ, каждому даетъ одинаковыя права, въ какомъ бы онъ ни былъ положеніи; свободно живемъ мы въ нашемъ государствѣ, какъ равноправные члены одного цѣлаго, и среди ежедневныхъ нашихъ занятій мы не сѣтуемъ на того, кто живетъ для своего удовольствія или устраиваетъ жизнь по своему желанію. Добродушно относясь другъ къ другу въ нашихъ частныхъ сношеніяхъ, мы однакоже тщательно хранимъ въ себѣ истинную стыдливость, побуждающую избѣгать всего беззаконнаго въ общественныхъ дѣлахъ». И далѣе: «мы создали весьма много средствъ для развлеченія ума; весь годъ нашъ проходитъ среди празднествъ, жертвоприношеній и прекрасныхъ, благородныхъ препровожденій времени; и городъ нашъ великъ: къ нему притекаетъ отовсюду все, и мы можемъ одинаково пользоваться всѣмъ, что здѣсь произрастаетъ, и всѣмъ, что къ намъ привозится—какъ своимъ собственнымъ». Затѣмъ ораторъ хвалитъ свой городъ за его отношенія къ чужеземцамъ, порицаетъ въ этомъ смыслѣ Спарту за ея исключительность и добавляетъ: «нашъ городъ открытъ для всѣхъ». И военное дѣло, по указанію Перикла, ведется въ Аѳинахъ иначе, нежели въ Спартѣ: «ничто не дѣлается у насъ тайно, и при воспитаніи юношества не тре-

буется никакого тягостнаго воздержанія: мы сами любимъ жить и даемъ жить другимъ, и, несмотря на это, мы не теряемся въ опасности, и умѣемъ встрѣтиться съ нею лицомъ къ лицу». Весьма подробно распространяется онъ о военныхъ средствахъ своего города, его особенности, какъ большой морской державы,—и находитъ, что Аѳины заслуживаютъ еще удивленіе и во многихъ другихъ отношеніяхъ: «ибо мы любимъ прекрасное, не стараясь блистать имъ, мы занимаемся и науками, не впадая въ изнѣженность. Богатство мы затрачиваемъ тамъ, гдѣ оно необходимо на дѣло, а не ради хвастовства; мы не говоримъ, что бѣдность позоритъ человѣка — позоритъ человѣка только нежеланіе избавиться отъ бѣдности трудомъ». Иные смѣлы потому, что не знакомы съ дѣломъ, что бродятъ въ потемкахъ, а они, Аѳиняне, смѣлы потому, что дѣйствуютъ постоянно съ полнымъ сознаніемъ. «И я, сводя все во-едино, скажу такъ: весь этотъ городъ есть школа для Эллады»... «Смѣемъ сказать, что потомство будетъ намъ дивиться, и мы не нуждаемся въ Гомерѣ, чтобы насъ воспѣвать: наша смѣлость открыла намъ доступъ во всѣ моря и во всѣ земли, и всюду мы оставили другимъ по себѣ вѣковѣчные памятники».

Такъ могъ говорить этотъ гражданинъ-монархъ къ своему царственному городу: онъ только облекалъ въ слова то, что каждый Аѳинянинъ про себя думалъ, что думали даже и подчиненные имъ союзники ихъ. «Они не имѣютъ права сказать»—говоритъ Периклъ—«что подчиняются недостойнымъ».

Реставрированная группа Пергамскаго храма. Бой Зевса съ гигантами и океанидами.

ОБЩІЙ ВИДЪ РАЗВАЛИНЪ ДРЕВНЯГО АНРОПОЛЯ СЪ ЮЖНОЙ СТОРОНЫ. НА ПЕРВОМЪ ПЛАНѢ ЗДАНІЕ ОДЕОНА И ХРАМЪ АСКЛЕПІАДА.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Распаденіе Эллинской націи. Пелопоннезская война.

Города-государства.

Приступая къ изложенію ближайшаго періода, намъ придется говорить о борьбѣ двухъ важнѣйшихъ государствъ эллинскаго міра—о борьбѣ Спарты и Аѳинъ за преобладаніе политическое. По этому поводу, необходимо замѣтить, что, называя Спарту и Аѳины *государствами,* мы сознаемъ, однакоже, въ какой степени это слово оказывается неудобнымъ для передачи той идеи, которую мы желали бы выразить. Тотъ политическій организмъ,—весьма сложный и мудрёный, и весьма разнообразно устроенный,—который мы въ настоящее время называемъ «государствомъ», вовсе не соотвѣтствуетъ весьма простому и несложному понятію Грековъ о ихъ небольшихъ, тѣсно-сплоченныхъ и цѣльно-сложившихся политическихъ организмахъ. Не было въ то раннее время понятія о государствѣ, о державѣ, какъ политической единицѣ, въ нашемъ смыслѣ слова, — не было и слова для несуществующаго понятія; такъ какъ всѣ греческія государства развивались изъ того или другого городского центра, изъ *города* (*полисъ*—по-гречески), то и сложившаяся въ одно цѣлое страна, которая тянула къ этому городу и почитала его центромъ, тоже носила названіе *полисъ*, но уже не въ смыслѣ города, а именно въ смыслѣ маленькаго государственнаго организма. Вслѣдствіе этого и мы вынуждены всюду, подъ именемъ *одного* города (*Аѳинъ, Спарты, Ѳивъ* и т. д.) разумѣть, въ большей части случаевъ, всю ту совокупность гражданъ города и внѣгородского населенія, которая тѣмъ городомъ олицетворялась, составляя съ нимъ одно цѣлое.

Только уяснивъ себѣ понятіе объ этихъ маленькихъ государствахъ-городахъ, только вполнѣ отстранивъ отъ себя наше современное понятіе о государствахъ европейскихъ, мы можемъ постигнуть истинное значеніе той жизни общественной, которая развилась въ важнѣйшихъ центрахъ греческой цивилизаціи въ блестящій и высшій періодъ ея развитія (въ V вѣкѣ до Р. Х.). И только тогда, когда мы внимательно вглядимся въ жизнь этихъ маленькихъ городовъ-государствъ, когда мы вполнѣ проникнемся сознаніемъ ея тѣсныхъ рамокъ, вникнемъ въ относительное ничтожество матеріальныхъ средствъ, находившихся въ распоряженіи этихъ политическихъ общинъ — только тогда мы, съ одной стороны, будемъ въ состояніи понять истинное значеніе той интеллектуальной жизни, которая способна была въ нихъ развиться, а съ другой стороны — постигнемъ

истинный смыслъ той борьбы политическихъ партій, которая была въ состояніи вызвать во всѣхъ концахъ эллинскаго міра безпримѣрное броженіе и волненіе, выразившееся окончательно въ такъ-называемой Пелопоннезской войнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вся длинная и сложная эпопея этой Пелопоннезской войны представится намъ въ настоящемъ своемъ свѣтѣ только тогда, когда мы сообразимъ, что эта война происходила между важнѣйшими двумя государствами Эллады — Спартою и Аѳинами — на пространствѣ, которое не превышало по протяженію одну изъ небольшихъ по размѣрамъ губерній Россіи, и въ то же время ожесточенно велась въ отдѣльныхъ маленькихъ центрахъ, гдѣ, при полномъ преобладаніи личнаго элемента въ обще-эллинской городской жизни, поочередно брала верхъ то та, то другая политическая партія, поперемѣнно обращавшаяся за помощью то къ Спартѣ, то къ Аѳинамъ, для подкрѣпленія и поддержки своихъ слабыхъ, частныхъ попытокъ и усилій. Какого необычайнаго напряженія силъ должна была стоить эта борьба, проникавшая сверху и до низу во всѣ слои населенія, колебавшая всѣ основы не только общественныхъ, но и частныхъ, и личныхъ, и семейныхъ отношеній,—мы это видимъ по результатамъ Пелопоннезской войны, по тому страшному истощенію матеріальному и нравственному, къ которому она привела, по тому оскудѣнію идеаловъ и стремленій, которое выразилось въ гегемоніи Спарты, опиравшейся на грубую силу, и привело къ паденію выработанной вѣками и такъ пышно расцвѣтшей эллинской цивилизаціи.

435—338. Сто лѣтъ спустя, послѣ Перикла, никто не посмѣлъ бы вести ту гордую рѣчь, которую мы привели выше. Дивный цвѣтъ, расцвѣтшій на деревѣ человѣчества, на краткій срокъ собранный въ одно мѣсто для проявленія неподражаемой дѣятельности, былъ слишкомъ прекрасенъ, и потому не могъ быть прочнымъ. Въ основу Перикловой рѣчи несомнѣнно положена мысль, что родной его городъ и въ политическомъ отношеніи долженъ быть столицею всѣхъ эллиновъ: эта мысль была осуществима только при необычайномъ стеченіи счастливыхъ случайностей. Уже со смертью Перикла мысль эта оказалась неосуществимою: историкъ Ѳукидидъ очень тонко замѣчаетъ, что Аѳины при Периклѣ только по имени были демократіей, въ сущности же были государствомъ, въ которомъ первый гражданинъ аѳинскій правилъ какъ монархъ; отсюда и слабость этой державы, и неисполнимость идеаловъ, высказанныхъ Периклом. Человѣкъ, подобный Периклу, въ демократіи еще менѣе замѣнимъ, чѣмъ Александръ Великій въ своей монархіи.

Исторія греческаго народа въ періодъ 435—338 г. до Р. Х., или, если примемъ во вниманіе конечный пунктъ его автономнаго существованія, 322 г. до Р. Х., сама собою распадается на три отдѣла, изъ которыхъ первый захватываетъ время великой внутренней борьбы эллинскаго міра и паденіе Аѳинскаго государства; второй заключаетъ въ себѣ послѣдствія этого паденія и тотъ періодъ времени, которому Ксенофонтъ придаетъ названіе «безсуднаго»; а третій излагаетъ окончательную судьбу греческаго народа, т. е. уничтоженіе ихъ городскихъ *автономій* и *автархій*. Если смотрѣть на этотъ рядъ событій, какъ на исторію народа, и притомъ съ чисто-эллинской точки зрѣнія, т. е. со стороны такъ-называемой политической свободы, то эта исторія окажется очень печаль-

ною; утѣшительнѣе смотрѣть на этотъ періодъ съ точки зрѣнія всемірно-исторической, потому что мы тутъ видимъ, какъ прогрессъ все же продолжаетъ развиваться, какъ и за аѳинскимъ идеаломъ гражданской свободы, и за эллинскими художественными идеалами открываются еще обширные и громадные горизонты — и поступательное движеніе прогресса выражается въ томъ, что бѣдные землепашцы въ верхне-македонскихъ горахъ и угнетенныя, униженныя народности вырождающагося Персидскаго царства, достигаютъ наконецъ возможности сколько-нибудь сносно устроить свое существованіе.

Пелопоннезская война. Поводъ къ ней.

Самоубійственная борьба, въ теченіе 30 лѣтъ (съ небольшими перерывами) раздиравшая весь эллинскій міръ, которой съ аѳинской точки зрѣнія дано было не совсѣмъ вѣрное названіе «*Пелопоннезской войны*», началась съ одной изъ тѣхъ ничтожныхъ городскихъ усобицъ, которыя всюду въ Греціи такъ легко вызывались въ населеніи горячностью темперамента и страстною борьбою партій. Городъ Эпидамнъ на Адріатическомъ морѣ — колонія коринѳской колоніи *Коркира*—обратился къ своему родному городу съ просьбою о помощи въ своихъ внутреннихъ усобицахъ; когда же городъ Коркира отказалъ, не желая вступаться въ это дѣло, Эпидамнъ обратился съ тою же просьбою къ Коринѳу. Изъ-за этого завязалась ожесточенная борьба между Коринѳомъ и Коркирой, которая давно уже не ладила со своей метрополіей. Коринѳяне, въ качествѣ членовъ Пелопоннезскаго союза, завлекли въ это междоусобіе и Спартанцевъ, и вскорѣ эта усобица разгорѣлась на всю Грецію. У береговъ Эпира, близъ группы острововъ Сибота, дѣло дошло до ожесточенной битвы между флотомъ Коркирянъ и Коринѳянъ (433). Коринѳяне побѣдили и готовились уже воспользоваться своею побѣдою, когда аѳинская эскадра въ 20 кораблей—уже подъ вечеръ—явилась на мѣстѣ битвы. Оказалось, что Коркиряне, на случай крайней нужды, заручились союзомъ съ Аѳинянами. Коринѳяне не дерзнули на другой день возобновить нападенія на Коркирянъ, но сочли вмѣшательство Аѳинянъ за прямое нарушеніе перемирія, уже 12 лѣтъ длившагося между Пелопоннезскимъ и Аѳинскимъ союзами, и принесли жалобу въ Спартѣ, требуя созыва всѣхъ членовъ союза на конгрессъ. Положеніе оказалось еще было запутаннымъ, вслѣдствіе того, что около этого же времени коринѳская колонія *Потидея* (на полуостровѣ Халкидикѣ), принадлежавшая къ Аѳинскому союзу, отпала отъ Аѳинъ.

Начало войны.

На собраніи конгресса въ Спартѣ выказалось то страшное озлобленіе, которое Пелопоннезцы питали къ Аѳинамъ. Весьма сомнительно, чтобы въ этой ненависти главную роль играло племенное различіе между Дорянами и Іонянами; да и самая противуположность аристократическихъ стремленій Спарты и демократическихъ стремленій Аѳинянъ, по крайней мѣрѣ въ первое время борьбы, не имѣла большого значенія. Главнымъ образомъ здѣсь дѣйствовала непримиримая зависть къ городу, который, въ короткій періодъ, протекшій со времени окончанія Персидскихъ войнъ, успѣлъ такъ быстро опередить остальные города во всѣхъ отношеніяхъ, и, видимо, еще былъ не у конечной своей цѣли... «Аѳины — тираннъ надъ всѣми городами нашими!» злобно восклицали Пелопоннезцы, и ихъ ненависть съ первой же минуты была тѣмъ сильнѣе, что къ ней примѣ-

пивалась значительная доля опасенія, да притомъ еще Аѳинянъ никакъ нельзя было обвинить ни въ какомъ дѣйствительномъ правонарушеніи. Рѣчь Перикла, какъ мы видѣли выше, дышала спокойнымъ сознаніемъ полнаго превосходства Аѳинянъ надъ всѣми остальными Греками, и вотъ это-то именно сознаніе, въ одинаковой степени раздѣляемое всѣми согражданами Перикла, и приводило каждаго не-аѳинянина въ ярость! И чѣмъ болѣе Аѳиняне были правы въ своемъ сознаніи собственнаго достоинства, тѣмъ невыносимѣе казалось оно всѣмъ другимъ. Кажется, что и аѳинскій посолъ, случайно присутствовавшій на этомъ конгрессѣ (онъ былъ въ Спартѣ по другому дѣлу) и получившій разрѣшеніе говорить, высказался въ томъ же горделивомъ духѣ, въ какомъ говорилъ самъ Периклъ. И вотъ, на этомъ первомъ собраніи конгресса было положено, что перемиріе 445 г. аѳинянами нарушено; на второмъ — война въ принципѣ была рѣшена (432).

Въ Аѳинахъ уже ожидали этого рѣшенія. Изъ устъ въ уста передавались слова, сорвавшіяся у «Олимпійца» (какъ они тамъ называли Перикла): «вижу, какъ катится на насъ волною война отъ Пелопоннеза». И самъ Периклъ, и многіе вмѣстѣ съ нимъ давно уже поняли, что прежде чѣмъ осуществится великій планъ сліянія всей Эллады подъ главенствомъ Аѳинъ, какъ обще-эллинской столицы, борьба съ Пелопоннезомъ должна быть непремѣнно выдержана. Никто не заблуждался насчетъ того, что борьба эта будетъ очень трудною борьбою — на жизнь и на смерть; и замѣчательно, что всѣ точно какъ будто только и ожидали этой случайности, и весь эллинскій міръ, какъ по сигналу, разомъ раздѣлился на два лагеря. Даже и въ мѣстахъ очень отдаленныхъ отъ мѣста дѣйствія Пелопоннезской войны, напр., въ италійскомъ городѣ Туріи, явились двѣ партіи — спартанская и аѳинская, и граждане боролись крѣпко изъ-за вопроса, кого слѣдуетъ имъ признавать своей метрополіей, кого считать основателемъ города? Наконецъ обратились къ Дельфійскому оракулу и тамъ имъ было дано прекрасное рѣшеніе ихъ вопроса: «никого иного, кромѣ боговъ, не признавайте основателями вашего города». И отвѣтъ оракула, какъ мы имѣемъ свѣдѣнія, примирилъ бушующія страсти силою единой вѣры; въ самой же Элладѣ уже давно перестали слушаться ея укрощающаго голоса: сражающіеся, взаимно терзая другъ друга, взывали къ однимъ и тѣмъ же богамъ!

Аѳины и Спарта; ихъ военное могущество.

Однакоже, къ войнѣ, съ обѣихъ сторонъ, и въ особенности со стороны руководящихъ городовъ, приступали съ тяжкимъ раздумьемъ. Спартанцы начали дипломатическій походъ, обычно-предшествующій всякой кампаніи, съ требованья: чтобы Аѳиняне изгнали изъ города «Килоновское проклятіе», т. е. устранили бы систему Алкмеонида Перикла. И дѣйствительно, положеніе Перикла, на мгновеніе, было потрясено: партія, во главѣ которой нѣкогда стоялъ Кимонъ, требовавшій, «чтобы колесницу Эллады обязательно везли два коня», проявилась вновь въ силѣ. Ближайшія къ Периклу лица — скульпторъ Фидій, философъ Анаксагоръ, даже его подруга Аспазія — вдругъ подверглись озлобленнымъ нападкамъ; но Периклъ еще разъ одолѣлъ своихъ противниковъ. Онъ напомнилъ народу, что Спартанцы говорятъ съ ними, какъ повелители; онъ исчислилъ

имъ тѣ средства, которыми они обладали; указалъ на ихъ изумительно разросшіяся морскія силы, на ихъ громадный военный фондъ (6000 талантовъ или почти 14.000,000 рублей), хранившійся въ Парѳенонѣ на Акрополѣ; напомнилъ имъ о 300 триремахъ, которыя господствуютъ надъ морями; сухопутное войско исчислилъ онъ въ 29,000 гоплитовъ, изъ которыхъ 13,000 готовы были къ наступленію во всякое время. Онъ взвѣсилъ и силы противниковъ: противъ большой, но широко разбросанной до крайняго Запада силы аѳинянъ (около 300 большихъ и малыхъ городовъ) выступала плотная масса Пелопоннезскаго союза, который весь былъ въ сборѣ на полуостровѣ, представлявшемъ неприступную съ суши и мало приступную съ моря природную крѣпость; этотъ союзъ въ войскѣ Спартіатовъ обладалъ твердою основою своихъ воинскихъ силъ, и это войско во всей Греціи славилось своей непобѣдимостью. Вычислено было, что Пелопоннезскій союзъ могъ выставить въ поле 60,000 тяжело-вооруженныхъ воиновъ. Это превосходство силъ у противниковъ уже вынуждало Аѳинянъ избрать чисто оборонительный планъ войны, который мало согласовался съ характеромъ этого народа; однакоже Периклъ умѣлъ убѣдить народное собраніе въ необходимости этого плана.

Условія борьбы складывались для Аѳинъ невыгодно. Ничто не могло быть легче, какъ истолковать преобладающее положеніе Аѳинъ среди ихъ морского союза въ смыслѣ тиранніи (чѣмъ въ сущности это и было). Вѣчный, обязательный союзъ заключаетъ въ себѣ нѣчто принудительное, и въ особенности съ двухъ сторонъ это принудительное отношеніе было для союзниковъ невыносимо. Одною непріятною для союзниковъ стороною было то, что всюду въ Греціи болѣе всего цѣнили въ городахъ автономію, а потому и вступали въ союзы лишь на время, ради опредѣленной цѣли, а не на вѣкъ; другою стороною, весьма неудобною въ этомъ союзѣ, являлось то, что система *представительства*, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы ее теперь понимаемъ, была почему-то совершенно чужда тогдашнему греческому міру. Большинству союзниковъ, принимавшихъ въ Аѳинскомъ союзѣ участіе, не предоставлено было никакой дѣятельной роли, и потому они въ союзныхъ отношеніяхъ видѣли только стѣсненія,—обязательную дань, обязательную поставку войска—а всѣ преимущества, доставляемыя союзомъ, союзники упускали изъ виду потому, что они уже были слишкомъ для всѣхъ ясны и очевидны. Персовъ уже всѣ перестали опасаться, а Спарта для островитянъ представлялась очень удобною въ качествѣ преобладающей державы, да къ тому же во всей Греціи было очень много людей, которымъ казалось, что въ самихъ Аѳинахъ и во всей области ихъ вліянія демократическій элементъ ужъ черезчуръ развился и пріобрѣлъ слишкомъ выдающееся значеніе. Такимъ образомъ уже съ самаго начала борьбы на сторонѣ Спарты видимъ нѣчто въ родѣ политической программы, на основаніи которой Спартанцы являлись какъ бы освободителями Эллады отъ аѳинскаго гнета.

Периклов планъ войны.

Въ противоположность аѳинянамъ, Спартѣ приходилось вести войну наступательную и непосредственно дѣйствовать противъ Аѳинъ: если бы она не повела дѣла именно такъ, то нельзя было разсчитывать на отпаденіе союзниковъ отъ Іонійскаго союза. Въ противуположность этому, планъ Перикла заклю-

чался въ спокойной и неколебимой оборонѣ, разсчитанной на то, чтобы очень быстро истощить силы противника, у котораго войска было много, а денегъ, рабовъ и кораблей мало. Вторженіе пелопоннезскаго войска въ Аттику не имѣло бы никакого значенія, если бы все наиболѣе цѣнное имущество жителей удалось свезти въ Аѳины; городъ и гавани аѳинянъ были неприступны, пока аѳинскій флотъ господствовалъ надъ морями и держалъ союзниковъ въ уздѣ. Ясно, что бѣдствія войны должны были вскорѣ гораздо тягостнѣе отозваться на Пелопоннезѣ. Периклъ говорилъ: «боюсь не мощи противниковъ, а собственныхъ моихъ ошибокъ»... И болѣе всего боялся онъ той чисто-демократической ошибки, что пожалуй у аѳинянъ не хватитъ терпѣнья ждать, и они, во время оборонительной войны, задумаютъ дѣлать завоеванія.

Война началась, даже прежде объявленія ея, съ очень кроваваго эпизода. Ѳиванцы—естественные, ревностные и горячіе союзники Пелопоннезцевъ въ борьбѣ противъ Аѳинъ, вошли въ тайное соглашеніе съ олигархами городка Платеи, который уже издавна принадлежалъ къ Аѳинскому союзу. Въ темную, дождливую ночь передовой ѳиванскій отрядъ вступилъ въ городъ, въ томъ расчетѣ, что главныя ѳиванскія силы подоспѣютъ ему на помощь, прежде нежели граждане успѣютъ замѣтить малочисленность вступившихъ. Но этотъ расчетъ не удался: разливъ рѣки задержалъ наступавшее войско, а Платейцы замѣтили малочисленность передового отряда и вступили съ нимъ въ битву. Въ узкихъ, немощеныхъ улицахъ городка Ѳиванцы легко были осилены множествомъ, и 180 человѣкъ изъ числа ихъ достались живые въ плѣнъ Платейцамъ. Въ слѣпомъ озлобленіи Платейцы ихъ всѣхъ тотчасъ перебили, вмѣсто того, чтобы сохранить ихъ, какъ цѣнныхъ заложниковъ на случай превратностей войны.

432—421. Чума въ Аѳинахъ.

Спартанскій глашатай, посланный царемъ Архидамомъ, уже не былъ впущенъ въ Аѳины, и тотчасъ препровожденъ обратно черезъ границу Аттики. Первый періодъ этой продолжительной войны длился до 421 г., когда и закончился краткимъ и ненадежнымъ перемиріемъ. Въ 431 г. пелопоннезское войско вступило въ Аттику; но такъ какъ все населеніе сбѣжалось въ городъ, то враги могли вымещать свою злобу только надъ опустѣвшею страною. Они могли бы и еще нѣсколько разъ повторить то же вторженіе; но каждый разъ эти вторженія были бы для нихъ болѣе и болѣе убыточными, такъ какъ имъ все менѣе и менѣе оставалось матеріала для раззоренія. Какъ на бѣду для Аѳинянъ, Пелопоннезцы нашли себѣ союзника, на котораго менѣе всего могли разсчитывать: страшная эпидемія, занесенная на торговыхъ корабляхъ съ Востока, разразилась въ Аѳинахъ, переполненныхъ массою народа, и произвела большія опустошенія и въ городѣ, и во флотѣ аѳинскомъ. Іоняне, по самому характеру своему чрезвычайно энергичные тамъ, гдѣ приходилось принимать быстрыя и смѣлыя рѣшенія и бороться съ явными, осязательными опасностями, оказались совершенно неподготовленными къ борьбѣ со страшною болѣзнью, противъ которой и тогдашнія медицинскія средства оказывались совершенно безсильными. Болѣзнь разлагающимъ образомъ дѣйствовала и на нравственное настроеніе Аѳинянъ; это настроеніе отозвалось и на Периклѣ, который на нѣкоторое время впалъ въ немилость у народа; впрочемъ, отъ

его политики никто и не думалъ уклоняться и мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о попыткахъ къ примиренію.

Смерть Перикла.

Великимъ несчастіемъ для Аѳинянъ было то, что самъ Периклъ въ 429 г., на третій годъ войны, скончался. Незамѣнимыхъ людей не бываетъ на свѣтѣ и, все сообразивъ, нельзя даже сказать, чтобы война въ послѣдующіе годы съ аѳинской стороны велась дурно. Аѳиняне однакоже не слишкомъ строго держались методы Перикла въ веденіи войны; да и вообще сомнительно, чтобы одного плана можно было въ войнѣ слишкомъ долго держаться, такъ какъ каждый планъ войны необходимо долженъ измѣняться на основаніи случайныхъ событій и дѣйствій противника.

Митилены; Платея; Коркира.

Подробное изложеніе обоюдныхъ случайностей этой борьбы, раздробившейся на столько разныхъ театровъ войны, можетъ быть любопытно только для людей, спеціально изучающихъ греческую исторію. Чрезвычайно характерно то, что около 428—427 гг. борьба сосредоточилась около двухъ городовъ — Митиленъ на Лесбосѣ и Платеи въ Віотіи. Эолійскій городъ (по всей вѣроятности, вслѣдствіе временного перевѣса аристократической или, лучше сказать, «автономической» партіи) отпалъ отъ Аѳинъ. Однакоже спартанская помощь, на которую эта партія разсчитывала, не являлась; и вотъ городъ Митилены, осажденный аѳинскимъ отрядомъ сухопутнаго войска и аѳинской эскадрой, угрожаемый внутри мѣстнымъ демосомъ, которому само правительство въ крайности выдало вооруженіе гоплитовъ,—долженъ былъ сдаться на полную волю осаждающихъ, и люди, правившіе городомъ, должны были предоставить и судьбу города, и свою собственную на произволъ аѳинскаго народнаго собранія. Собраніе, побуждаемое однимъ изъ самыхъ задорныхъ вожаковъ народа, *Клеономъ*, Клеайнетовымъ сыномъ *), рѣшило всѣхъ плѣнныхъ мужского пола казнить: пусть молъ всюду узнаютъ союзники, что значитъ отпасть отъ союза съ Аѳинами. Корабль отплылъ съ этимъ кровавымъ повелѣніемъ къ начальнику эллинскаго войска; и едва только онъ успѣлъ прочесть, какъ прибылъ другой корабль съ другимъ приказомъ, который былъ результатомъ болѣе спокойныхъ разсужденій въ народномъ собраніи. Въ этомъ послѣднемъ приказѣ смертная казнь примѣнялась лишь къ болѣе виновнымъ; но и тѣхъ все же набралось слишкомъ 1000 человѣкъ, какъ свидѣтельствуетъ дошедшее до насъ донесеніе; приказъ этотъ и былъ безпощадно приведенъ въ исполненіе. Спартанцамъ вскорѣ представился случай отмстить за эту суровую кару, такъ какъ, послѣ долгой осады, остатки гарнизона, засѣвшаго въ *Платеѣ* (изъ него 220 успѣли пробраться черезъ непріятельскія линіи, воспользовавшись бурною декабрьскою ночью 428 г.), были вынуждены къ сдачѣ. Ненависть Ѳиванцевъ къ Платейцамъ, на судѣ, взяла верхъ; забыты были клятвы временъ Саламина и славной Платейской битвы! Времена измѣнились. Учрежденъ былъ особый военный судъ, изъ пяти Спартіатовъ, и несчастнымъ предложенъ былъ на разрѣшеніе насмѣшливый вопросъ: «удалось-ли Платейцамъ, съ самаго начала войны, хоть разъ

*) Онъ не принадлежалъ къ знатнымъ классамъ, до этого времени умѣвшимъ удержать за собою вліятельную роль въ управленіи.

оказать Спартанцамъ или ихъ союзникамъ какое-нибудь добро?» Въ самомъ вопросѣ этомъ уже заключался смертный приговоръ: и вотъ, 200 Платейцевъ и 25 Аѳинянъ были казнены, а городъ разрушенъ.

Въ то же самое время, на островѣ Коркирѣ яростно боролись партіи, олигархическая и демократическая, и изъ нихъ одна разсчитывала на помощь Спарты, другая—на помощь Аѳинъ. «Происходило все возможное и даже болѣе того», говоритъ Ѳукидидъ, историкъ этой войны, описывая отвратительную сцену въ храмѣ Геры, гдѣ были умерщвлены демократами 400 плѣнныхъ олигарховъ, которые не успѣли еще сами на себя наложить руки.

Занятіе Пилоса.

Въ 425 году война приняла вдругъ рѣшительный оборотъ, благопріятный для Аѳинъ, между тѣмъ какъ до той поры успѣхи и неудачи съ обѣихъ сторонъ распредѣлялись равномѣрно. Аѳинскій флотъ отплылъ въ Коркиру, чтобы установить тамъ, гдѣ усобица между партіями продолжалась, твердый порядокъ въ смыслѣ демократическомъ, и затѣмъ пуститься далѣе на островъ Сицилію, который уже въ значительной степени былъ вовлеченъ въ борьбу дорійскаго и іонійскаго племени. По пути, видъ покинутаго жителями юго-западнаго берега Мессеніи — превосходной военной позиціи — навелъ одного изъ низшихъ начальниковъ, геніальнаго Демосѳена *), на мысль — занять и укрѣпить господствующія высоты при Пилосѣ, такъ-называемый Корифазіонъ. Эта мысль приводится въ исполненіе, почти какъ шутка; Демосѳенъ съ сотней-другою бойцовъ остается на этой позиціи; флотъ идетъ далѣе. Этотъ маневръ оказался удивительно ловкимъ и удачнымъ; спартанское войско, уже въ пятый разъ вторгнувшееся въ Аттику, при извѣстіи о занятіи Корифазіона, тотчасъ возвратилось на полуостровъ; пелопоннезскій флотъ получилъ приказаніе взять позицію во что бы то ни стало; флотъ заграждаетъ на сѣверѣ и на югѣ входы въ узкій проливъ, отдѣляющій этотъ мессенскій берегъ отъ длиннаго и узкаго острова Сфактеріи, который вдоль него тянется, и на самый островъ высаживаетъ около 200 Спартіатовъ. Вся война вдругъ переносится на этотъ пустынный берегъ, а почва, на которой здѣсь утвердились аѳиняне, была *вулканическая* — почва древне-мессенской страны... Въ то время какъ пелопоннезскій флотъ дѣлаетъ рядъ отчаянныхъ и тщетныхъ попытокъ высадки войскъ на берегъ, въ рядахъ войска уже обнаруживаются побѣги плотовъ къ Аѳинянамъ; и въ то же время является аѳинскій флотъ, подъ предводительствомъ Эвримедона (около 50 кораблей); онъ форсируетъ оба входа въ проливъ, вынуждаетъ часть пелопоннезскихъ кораблей броситься къ берегу, а другую—искать спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ; и эта превосходная позиція въ мѣстѣ столь опасномъ для Спарты, остается въ рукахъ Аѳинянъ. Они владѣютъ неприступнымъ фортомъ Корифазіонъ, господствующимъ надъ всею страною, и обоими входами въ Наваринскій заливъ, а на островѣ Сфактеріи, безъ малѣйшей возможности бѣжать, сидятъ, какъ бы въ плѣну у нихъ, словно замкнутые, 420 человѣкъ спартанскаго войска, въ томъ числѣ 120 Спартіатовъ.

*) Онъ принималъ участіе въ экспедиціи въ качествѣ волонтера.

Это послѣднее условіе, а именно—большое количество Спартіатовъ на Сфактеріи, произвело сильное впечатлѣніе на правящіе круги въ Спартѣ, и тамъ было принято быстрое рѣшеніе. Они добились 20-ти-дневнаго перемирія и отправили въ Аѳины посольство съ предложеніемъ мира. Здѣсь въ это время боролись двѣ партіи; во главѣ одной стоялъ Клеонъ, во главѣ другой Никій, сынъ Никерата—богатый, знатный, умѣренный, проводившій политику Кимоновскихъ временъ и вполнѣ готовый вступить въ переговоры со Спартой; къ тому же и послы Спарты говорили въ томъ же умѣренномъ духѣ, выставляя на видъ, что если бы Аѳины теперь рѣшились примириться со Спартой и идти съ нею рука объ руку, въ ихъ рукахъ оказалась бы судьба всей Греціи. А между тѣмъ никакихъ опредѣленныхъ условій это посольство не предлагало: повидимому, въ основѣ переговоровъ лежала та мысль, что можно было бы просто вернуться къ statu quo 445 г. Но это значило бы пожертвовать весьма блестящимъ положеніемъ, достигнутымъ послѣ 6-ти-лѣтней, не Аѳинами начатой, войны и притомъ пожертвовать, не получивъ за это никакого осязательнаго вознагражденія; вотъ почему никакъ нельзя въ вину Клеону ставить то, что онъ условіемъ мира поставилъ возвращеніе Аѳинскому союзу уступленныхъ имъ въ 445 году городовъ: Низаіи при Саронической, Пагаи при Коринѳскомъ заливѣ, Трезена и др. ахейскихъ городовъ, а въ видѣ ручательства за установленіе прочныхъ мирныхъ переговоровъ потребовалъ немедленной сдачи блокированнаго на островѣ Сфактеріи спартанскаго отряда. Спартанцамъ, напротивъ того, поручено было потребовать немедленнаго освобожденія Спартіатовъ. Переговоры, такимъ образомъ, не привели ни къ чему; Клеону, конечно, надобно поставить въ заслугу то, что, по прекращеніи переговоровъ, онъ настоялъ на немедленномъ взятіи въ плѣнъ блокированнаго на Сфактеріи отряда и на препровожденіи плѣнныхъ въ Аѳины, какъ въ совершенно безопасное мѣсто. Онъ брался въ теченіе 20 дней привести это въ исполненіе; такъ оно и случилось: его самого туда отправили, и даже ранѣе истеченія этого срока аѳиняне удостоились блестящаго тріумфа: 292 человѣка Лакедемонскихъ плѣнниковъ, въ томъ числѣ 120 Спартіатовъ, привезены были въ Аѳины. Послѣ совершенно безнадежной борьбы, тѣснимые отъ позиціи къ позиціи на протяженіи острова, простирающагося не болѣе, какъ на полчаса пути, они 12 дней сряду выдерживали натискъ, и наконецъ сдались. Положеніе Спартанцевъ ухудшалось все болѣе и болѣе. Въ 424 г. Демосѳенъ овладѣлъ Низаей, Никій занялъ важный по положенію островъ Кѳеру на югъ отъ Лаконіи; позиція на Пилосѣ была передана Мессенцамъ изъ Навпакта, заклятымъ врагамъ Спарты; съ трехъ сторонъ Аѳиняне угрожали Пелопоннезу, и до какой степени положеніе Спарты было отчаяннымъ, доказываетъ отвратительная правительственная мѣра, на которую въ Спартѣ рѣшились: 2000 илотовъ, по вызову правительства, добровольно записавшихся на военную службу, исчезли около этого времени безслѣдно какимъ-то таинственнымъ образомъ.

Неудавшаяся попытка примиренія. Клеонъ.

По счастью, въ ту пору, явился въ Спартанскомъ государствѣ человѣкъ, далеко превосходившій собою всю обыденную тяжеловѣсную массу благородныхъ представителей дорійскаго племени. То былъ *Бразидъ*. Онъ

Бразидъ. Амфиполь въ рукахъ Спарты.

воспользовался удивительной военной организаціей Спарты, чтобы съ самою ничтожною затратою силъ нанести ударъ Аѳинянамъ вдали отъ ихъ центра, въ такомъ однакоже чувствительномъ мѣстѣ, которое имѣло для нихъ не менѣе важное значеніе, чѣмъ Пилосъ для Спартанцевъ. Задуманный геніальнымъ Бразидомъ походъ былъ чрезвычайно смѣлою попыткою, на успѣшный исходъ которой онъ разсчитывалъ именно потому, что хорошо былъ знакомъ съ этимъ диковиннымъ міромъ маленькихъ греческихъ государствъ. Съ отрядомъ въ 2000 гоплитовъ Бразидъ быстро перешелъ Пелопоннезъ, Віотію и Ѳессалію, направляясь къ Халкидикѣ, слѣдовательно въ ближайшее сосѣдство съ аѳинскими владѣніями въ этихъ мѣстностяхъ Ѳракіи. Быстрота и неожиданность, съ которою являлся Бразидъ, всюду приготовляли почву для выполненія спартанской программы освобожденія, возстановленія безусловныхъ городскихъ автономій въ Элладѣ, а чрезвычайно-привлекательная личность превосходнаго вождя Спартанцевъ всюду настраивала умы къ этому неожиданному повороту, къ которому города едва-ли обратились бы по собственному побужденію, такъ какъ у нихъ (насколько намъ извѣстно) не было особыхъ причинъ къ недовольству тѣми отношеніями, которымъ Спартанцы придавали названіе «аѳинскаго ига». Продвигаясь вдоль берега къ сѣверу, Бразидъ такимъ образомъ привлекъ на сторону Спарты Аканѳъ, Стагейру и даже драгоцѣннѣйшее изъ аѳинскихъ владѣній въ этой мѣстности, *Амфиполь* на Стримонѣ, несмотря на то, что аѳинская эскадра стояла почти въ виду города, у о. Тазоса, въ разстояніи полусуточнаго перехода. Амфиполь былъ основанъ Аѳинянами въ 437 г., но аѳинскій элементъ все же составлялъ здѣсь меньшинство, чѣмъ и объясняется возможность захвата города Спартанцами, за что пришлось отвѣтствовать и Ѳукидиду, сыну Олора, командовавшему аѳинской эскадрой у Тазоса. Онъ успѣлъ удержать во власти аѳинянъ только небольшое мѣстечко *Эйонъ*, близъ устья Стримона, и за свою нераспорядительность подвергся изгнанію, въ которомъ и былъ имъ написанъ важнѣйшій изъ историческихъ трудовъ древности послѣ Геродота.

Никіевъ миръ (421).

Эти утраты, за которыми можно было ожидать и дальнѣйшихъ въ той же мѣстности, а равно и пораженіе, нанесенное аѳинскимъ войскамъ при Делiонѣ въ Віотіи, выдвинули въ Аѳинахъ на первый планъ умѣренную партію и ея вождя, Никія; въ какой степени возросло ея значеніе, это доказывается намъ тѣми жестокими нападками, которыми Аристофанъ въ современныхъ комедіяхъ осыпаетъ предводителя сторонниковъ войны, «*живодёра Клеона*» *). Оказалось, что и въ Спартѣ, въ то же время, стало преобладать миролюбивое настроеніе, въ которомъ немаловажную роль играла зависть къ Бразиду, геніальному воину и политику, широкія задачи котораго не укладывались въ тѣсныя рамки спартанскаго государственнаго устройства. И вотъ установлено было перемиріе между Спартой и ея пелопоннезскими союзниками (Коринѳомъ, Эпидавромъ, Сикіономъ, Мегарой и т. д.) съ одной стороны, и Аѳинами и Аѳинскимъ союзомъ — съ другой; перемиріе, однакоже, не распро-

*) Эта кличка дана Клеону, т. к. у него было дѣйствительно кожевенное заведеніе.

странялось на Ѳракійскій театръ войны. Чтобы прійти тамъ къ какому-нибудь результату, Аѳины рѣшились отправить туда Клеона, который неоднократно выказывалъ уже свою энергію, хотя, повидимому, и не обладалъ полководческимъ дарованіемъ. Во время одной изъ рекогносцировокъ, вблизи Амфиполя, Клеонъ потерпѣлъ пораженіе отъ своего несравненно болѣе талантливаго противника. Онъ самъ палъ въ битвѣ, что послужило не на пользу ему въ потомствѣ, которое этого страстнаго, способнаго и патріотически-настроеннаго человѣка стало изображать безчестнымъ и наглымъ демагогомъ, къ чему дошедшія до насъ извѣстія, безпристрастно оцѣниваемыя, не даютъ ни малѣйшаго права. По какому-то особенному счастью, благопріятствовавшему въ данномъ случаѣ аѳинянамъ, въ той же стычкѣ въ числѣ семи павшихъ Спартанцевъ находился и опаснѣйшій противникъ ихъ въ этой войнѣ, *Бразидъ* (422 г.).

Смертью этихъ двоихъ людей устранялось и важнѣйшее препятствіе къ миру; въ одной изъ современныхъ комедій Аристофана они были представлены въ видѣ двухъ пестовъ, которыми демоны войны и междоусобія расплющивали большіе и малые города Эллады. Наибольшее значеніе пріобрѣлъ теперь Никій; истый аѳинянинъ древняго пошиба,—богачъ, патріотъ, человѣкъ вѣрующій,—онъ способствовалъ главнымъ образомъ установленію мира (421 г.). Мирный договоръ заключенъ былъ на 50 лѣтъ; обоюдныя завоеванія, по этому договору, должно было возвратить: крѣпость Панактъ, на віотійской границѣ, и Амфиполь—аѳинянамъ, занятые же аѳинянами пункты въ Пелопоннезѣ, а именно Пилосъ и Киѳеру—Спартанцамъ; всѣ остальныя владѣнія оставить въ прежнемъ составѣ; доступъ во всѣ храмы и на всѣ празднества, попрежнему, долженъ быть открытъ всѣмъ Эллинамъ.

421—413. Интриги и борьба въ Пелопоннезѣ.

Вторая часть Пелопоннезской войны обнимаетъ собою годы 421—413. «Никіевъ миръ», въ сущности, никого не примирилъ и не былъ продолженъ. Мы не знаемъ, дѣйствительно-ли были воздвигнуты тѣ мѣдные столпы въ память мира, которые рѣшено было поставить въ Аѳинахъ, Спартѣ, Дельфахъ, Олимпіи и на Истмѣ; знаемъ, однакоже, что договоръ никогда не былъ соблюдаемъ вполнѣ, и что затрудненія возникли тотчасъ же по заключеніи мира. Могущественнѣйшіе изъ союзниковъ Спарты, а именно Ѳиванцы, совсѣмъ этого мира не приняли, и ихъ примѣру послѣдовали многіе; проявилось нѣчто чрезвычайно оригинальное:—сильнѣйшее недовѣріе малыхъ и среднихъ государствъ по отношенію къ Аѳинамъ и Спартѣ. Это придало временно нѣкоторое значеніе пелопоннезскому городу *Аргосу*, который давно уже отодвинулся на задній планъ; стали поговаривать о томъ, что эпизодъ со Сфактеріей, по отношенію къ Спартанцамъ, а пораженіе при Деліонѣ, по отношенію къ аѳинянамъ, положительно лишали эти обѣ державы всякаго обаянія въ смыслѣ ихъ военнаго превосходства—и былъ даже такой моментъ, когда это настроеніе стало выказываться настолько грозно, что Аѳины и Спарта нашли себя вынужденными заключить между собою частный союзъ. Но въ то же время, какъ со стороны Спарты и Аѳинъ, такъ и со всѣхъ сторонъ, все было переполнено кознями и запутаннѣйшею игрою интригъ, направленной противъ всѣхъ и каждаго. Уже на третій годъ послѣ заключенія мира, война

возгорѣлась вновь и союзъ пелопоннезскихъ государствъ, состоявшій изъ Аргоса, Мантинеи, Элиды и поддерживаемый Аѳинами,—уже угрожалъ спартанскому могуществу. Только побѣдою, одержанною надъ этимъ союзомъ въ Мантинейской области, удалось Спартанцамъ вновь возстановить свое значеніе въ Пелопоннезѣ (іюнь 418 г.).

Аѳины. Аристофанъ.

Въ Аѳинахъ тоже ясно сказались моральныя послѣдствія послѣднихъ лѣтъ войны. Къ этому періоду времени относятся важнѣйшія изъ комедій Аристофана—425 *Акарняне*, 424 *Всадники*, 423 *Облака*, 421 *Миръ*,—и надо сказать, что онѣ служатъ однимъ изъ наиболѣе ясныхъ симптомовъ наступающей эпохи. Насколько мы изумляемся въ нихъ неописуемой геніальности автора, насколько мы даже должны признать въ основѣ ихъ патріотическое настроеніе и утверждать положительно, что всѣ благороднѣйшія побужденія души человѣческой были ему вполнѣ открыты и доступны,—настолько же, съ другой стороны, мы вынуждены сказать, что подобныя произведенія и самый успѣхъ ихъ на сценѣ заставляютъ предполагать и отчасти даже выказываютъ въ обществѣ чрезвычайно опасное расположеніе умовъ. Всякіе авторитеты, государственные дѣятели всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ — Периклъ, Клеонъ, Никій, Ламахъ и Демосѳенъ, даже столь всесильный въ то время демосъ, предъ лицомъ того же демоса, народъ передъ народомъ—подвергаются въ этихъ комедіяхъ самому необузданному осмѣянію; боги народа низвергаются авторомъ во прахъ; все божественное и человѣческое предается въ жертву всесильной насмѣшки, которая должна дѣйствовать тѣмъ болѣе разлагающимъ образомъ, что авторъ умѣетъ находить высокій и торжественный строй рѣчи для предметовъ возвышенныхъ; и, рядомъ съ этою бичующею, все разлагающею сатирой, превозносится чувство собственнаго достоинства этого народа, и безъ того уже возведенное на страшную высоту всѣмъ, что можетъ обольстить человѣка—могуществомъ, славою, богатствомъ, неисчерпаемыми сокровищами духа во всѣхъ его проявленіяхъ: въ искусствѣ, въ наукѣ, въ поэзіи... Только при томъ состояніи современнаго общества, которое вскрываетъ намъ Аристофанъ своею личностью и своими произведеніями, можно себѣ уяснить все сумасбродство того предпріятія, которое вскорѣ должно было привести аѳинянъ къ безпримѣрной катастрофѣ.

Алкивіадъ.

Около этого времени въ Аѳинахъ стало преобладать вліяніе личности, которая представляла собою смѣшеніе самыхъ блестящихъ и самыхъ опасныхъ особенностей аѳинскаго характера; личность эта—*Алкивіадъ*, сынъ Клейнія. Природа и счастье щедро надѣлили этого человѣка (въ 421 г. ему минуло 30 лѣтъ) всѣми преимуществами. Онъ былъ знатнаго рода, прекрасенъ собою, богатъ, уменъ:—лишившись отца въ ранней юности, онъ поступилъ подъ опеку и руководство перваго изъ гражданъ аѳинскихъ, Перикла (тотъ приходился Алкивіаду дядею); самъ по себѣ, какъ личность, Алкивіадъ былъ въ такой степени привлекателенъ и разностороненъ, что умнѣйшій, оригинальнѣйшій и благороднѣйшій изъ мыслителей древности, *Сократъ*, Софроніскова сынъ, вступилъ съ Алкивіадомъ въ тѣснѣйшую связь; у Потидеи и при Деліонѣ они стояли рядомъ въ войскѣ аѳинскомъ. Однакоже Сократъ неспособенъ былъ лучшимъ своимъ достояніемъ подѣлиться съ этимъ баловнемъ счастья, мелочно-самолюби-

вымъ и отъ ранней юности уже находившимъ удовольствіе въ томъ, чтобы быть предметомъ городскихъ толковъ. Алкивіаду были чужды и чувство справедливости, и сознаніе нравственной отвѣтственности за свои поступки; его тщеславіе удовлетворялось тѣмъ, что всѣ говорятъ о его необузданныхъ продѣлкахъ, и вскорѣ онъ сталъ этими продѣлками обращать на себя вниманіе народа, навязывать ему свою личность. При этомъ онъ былъ человѣкъ съ большою силою воли, умѣвшій при всякой обстановкѣ выдвинуться и выказать свои преимущества, вызывавшій среди своихъ соотечественниковъ самыя горячія ожиданія своими блестящими способностями, а также и своимъ необычайнымъ умѣньемъ подлаживаться къ обстоятельствамъ и пользоваться слабостями людей, угождая имъ и съ величайшею легкостью переходя отъ персидской распущенности къ спартанской строгости нравовъ. Особенно умѣлъ онъ поддерживать въ народѣ то монархическое стремленіе, которое и въ республикахъ побуждаетъ простолюдина увлекаться тою или другою выдающеюся личностью: когда, послѣ заключенія Никіева мира, въ 420 г., Аѳиняне впервые вновь явились на Олимпійскихъ празднествахъ, онъ добился того, что былъ выбранъ въ составъ торжественнаго посольства и въѣхалъ на арену на семи колесницахъ, запряженныхъ четверками; этимъ великолѣпіемъ онъ хотѣлъ доказать, что его родной городъ не обѣднѣлъ отъ войны.

Алкивіадъ. Мраморный бюстъ въ Ватиканѣ.

Сицилійская экспедиція.

Онъ-то и увлекъ народъ аѳинскій къ невѣроятно-смѣлому предпріятію, извѣстному подъ названіемъ *Сицилійскаго похода*. Поводъ къ этому предпріятію былъ поданъ усобицей между двумя весьма незначительными городами острова Сициліи; одинъ изъ нихъ, *Эгеста*, обратился за помощью въ Аѳины потому, что другой, *Селинунтъ*, опирался на Сиракузы, колонію дорійскую. Это ходатайство о помощи, указывая дальновидной политикѣ новое поле дѣйствія, привело къ важному кризису въ жизни аѳинскаго народа. Та часть аѳинскаго общества, которую можно было бы назвать на новѣйшемъ историческомъ языкѣ «молодыми Аѳинами», и во главѣ ея Алкивіадъ,—жаждали политики въ величавомъ стилѣ, и подъ стать ихъ идеямъ, въ массѣ приверженцевъ подобной политики давно уже сдѣлалось общимъ желаніе утвердиться на такомъ удобно-расположенномъ и плодородномъ островѣ, какъ Сицилія, и даже обладать имъ. Эти юные государственные мужи, не затрудняясь и не останавливаясь ни передъ чѣмъ, уже простирали виды на Италію и Африку, Этрурію и Карѳагенъ, пренебрегая и осмѣивая старыя традиціи и осторожную политику Перикла... Экспедиція въ Сицилію—на помощь Эгестѣ—была рѣшена. Броженіе въ Аѳинахъ было чрезвычайное: юношество и толпа страстно ухватились за мысль о подобномъ походѣ, на который всѣ смотрѣли, какъ на предпринимаемый съ цѣлью завоеваній; приливъ добро-

вольцевъ, желавшихъ поступить въ ряды войска, былъ громадный,—можно было подумать, что наступаетъ новая эра въ жизни государства. И напрасно противился Никій, представитель традицій Кимонова и Аристидова временъ, осуществленію этой экспедиціи, которая должна была отвлечь военныя силы Аѳинъ вдаль, въ такое время, когда въ самой Греціи нельзя было ручаться ни за одинъ день. Порицанія Никія и его указанія на то, что это предпріятіе будетъ стоить огромныхъ затратъ, только еще болѣе повредили дѣлу; народъ удвоилъ затраты, предположенныя Никіемъ, и избралъ его самого, Алкивіада и Ламаха (довольно извѣстнаго полководца) предводителями экспедиціи, вручивъ имъ весьма обширныя полномочія.

Кощунство надъ статуями Гермеса.

Какъ велико было возбужденіе въ средѣ кружковъ консервативныхъ, это доказывается загадочною продѣлкою—извѣстнымъ кощунствомъ надъ статуями Гермеса. Незадолго до отплытія экспедиціи, въ одно утро оказалось, что всѣ Гермы, т. е. священные камни съ головою Гермеса, бога торговли и мореплаванія, всюду въ городѣ воздвигнутыя въ качествѣ символовъ мирныхъ торговыхъ сношеній, были изуродованы; и это кощунство привело въ ужасъ всю еще весьма наивно-вѣровавшую массу аѳинскаго народа. То, что не могла даже и въ то время (или не хотѣла) выяснить аѳинская полиція, то конечно останется неразъясненнымъ и для современнаго изслѣдователя, работающаго по матеріаламъ весьма недостаточнымъ; но есть основаніе думать, что этимъ чрезвычайнымъ злодѣяніемъ, этимъ несчастнымъ предзнаменованіемъ желали возбудить въ народѣ опасеніе противъ экспедиціи, а затѣмъ и навлечь подозрѣніе на ревностнѣйшаго поборника этой экспедиціи, Алкивіада, легкомысліе котораго уже не разъ проявлялось въ осмѣяніи священныхъ обрядовъ. Довольно яснымъ представляется намъ и то, что злодѣяніе было совершено немногими участниками, и притомъ приведено въ исполненіе быстро, умно и тайно, и что никакого безпристрастнаго разслѣдованія не было произведено. Но цѣль, къ которой стремились лица, совершившія злодѣяніе (кто бы они ни были), не была достигнута (415).

Осада Сиракузъ (415).

Съ удивительнымъ мастерствомъ рисуетъ намъ Ѳукидидъ рядъ картинъ этой трагической экспедиціи, цѣлью которой былъ первый изъ сицилійскихъ городовъ—дорійскій г. *Сиракузы*; при этомъ онъ самымъ величавымъ образомъ доказалъ, что историкъ, проникнутый сознаніемъ своихъ высокихъ обязанностей, можетъ найти въ себѣ силу для точнаго, правдиваго и безпристрастнаго изложенія даже того, что ему особенно горько и тягостно излагать, какъ патріоту. Едва-ли до насъ дошла отъ древности другая, подобная же картина, настолько же сохранившая всю свѣжесть своихъ красокъ? По Ѳукидиду мы можемъ прослѣдить это предпріятіе, начиная отъ ранняго утра того іюльскаго дня (415 г.), когда войска изъ города направились къ гавани и, послѣ жертвоприношеній, вознесенныхъ необозримою толпою народа, направились на ожидавшіе ихъ корабли, которые пустились въ свой гибельный путь, весело обгоняя другъ друга; затѣмъ, по прибытіи флота въ италійскія воды, мы видимъ нерѣшительность и несогласіе въ средѣ вождей, мы видимъ перстъ судьбы въ прибытіи того государственнаго корабля, который долженъ

былъ увезти въ отечество Алкивіада — единственного человѣка, способнаго провести это предпріятіе до конца или во-время отъ него отказаться *). И вотъ, честный, преданный своему отечеству, но ограниченный Никій видитъ себя вынужденнымъ принять за руководство предпріятіемъ, которое онъ положительно не одобрялъ, которое по самому существу своему вполнѣ противурѣчило и его природнымъ свойствамъ, и его политическимъ воззрѣніямъ. Онъ подступаетъ къ городу послѣ долгаго промедленія, въ теченіе котораго Сиракузяне имѣли возможность приготовиться къ оборонѣ. Весною 414 г. начинается осада, ведется усиленно, побѣда уже близка; но вскорѣ все измѣняется. Злой духъ Аѳинъ, Алкивіадъ, съ безпримѣрной наглостью перешедшій на сторону враговъ и бѣжавшій въ Спарту, вступается въ дѣло; по его наущенію, спартанскій военачальникъ, *Гилиппъ*, прибылъ въ Сицилію съ небольшимъ отрядомъ, проникъ черезъ аѳинскія линіи въ осажденный городъ, принялъ начальство надъ Сиракузянами, успѣлъ ободрить ихъ, и осенью того-же года положеніе осаждающихъ ухудшилось настолько, что самую осаду уже можно было продолжать съ надеждою на успѣхъ только въ случаѣ присылки сильныхъ подкрѣпленій изъ Аѳинъ. Подкрѣпленія были посланы, но Никій не былъ отозванъ обратно: — народъ, жаждавшій успѣха экспедиціи и увѣренный въ томъ, что въ ней затронута честь «имени Аѳинъ», къ сожалѣнію, слишкомъ довѣрялъ своему малоспособному вождю. Демосѳенъ, приведшій подкрѣпленія изъ Аѳинъ, послѣ первой же неудачи, призналъ, что слѣдуетъ отказаться отъ несчастнаго предпріятія; но Никій никакъ не можетъ рѣшиться на этотъ шагъ. Наконецъ и онъ рѣшается на это; но тутъ лунное затменіе (27 авг. 413 г.) довершаетъ дѣло: жрецы объявляютъ, что отплытіе можетъ совершиться только черезъ трижды-девять дней! Тогда Сиракузяне, пользуясь этимъ невозвратно утраченнымъ временемъ, загораживаютъ входъ въ гавань, гдѣ стоятъ аѳинскіе корабли, и только побѣдою могутъ они проложить себѣ путь въ открытое море — единственный путь къ спасенію. Послѣдовала битва въ большой Сиракузской гавани; описаніе ея у Ѳукидида живо переноситъ насъ въ то отдаленное время и заставляетъ переживать тѣ ощущенія, которыя, во время этой страшной битвы, переживали Сиракузяне, слѣдившіе за ходомъ ея со стѣнъ города и съ окружающихъ его высотъ. Приближался-ли къ берегу, въ общей сутолокѣ, аѳинскій корабль и экипажъ его собирался искать спасенія по берегу,—стоявшіе тамъ спрашивали его: не думаетъ-ли онъ сухопутьемъ вернуться въ Аѳины? Когда въ такомъ же положеніи находился сиракузскій корабль, Сиракузяне кричали землякамъ своимъ съ берега, что смерть есть жребій всѣхъ людей, и что нѣтъ смерти прекраснѣе, какъ на водахъ родного города!— Въ концѣ концовъ аѳинянамъ не удалось прорваться въ море — единственный путь къ спасенію былъ утраченъ.

Послѣднія движенія аѳинскаго войска, попытка отступленія внутрь острова для соединенія съ дружественными племенами—все это было не Катастрофа 413 г.

*) Враги Алкивіада воспользовались его отсутствіемъ, чтобы возбудить противъ него народъ и вызвать его въ судъ, по обвиненію въ преступленіи противъ религіи.

болѣе, какъ содроганія умирающаго. Побѣдители преслѣдовали Аѳинянъ по пятамъ; сначала была обезоружена окруженная въ оливковомъ саду Сиракузянами часть аѳинскаго войска, подъ предводительствомъ Демосоена; въ 5 часахъ пути отъ Сиракузъ, на берегахъ маленькой рѣчки *Азинара*, войско Никія остановилось; порядокъ былъ нарушенъ окончательно; это уже не войско, а толпа несчастныхъ людей, измученныхъ лишеніями и жаромъ, отчаянныхъ бѣглецовъ, которымъ Никій, проявившій въ крайности большое самообладаніе, еще разъ предлагаетъ сразиться, и—когда они ему въ томъ отказываютъ—предоставляетъ себя и ихъ великодушію того Спартіата, который руководилъ Сиракузянъ въ побѣдѣ. Сиракузяне не послушали Гилиппа, который хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, спасти вождей аѳинскаго войска: — Никій и Демосоенъ пали жертвами народной мести. Тѣ изъ плѣнныхъ, которые не погибли въ Сиракузскихъ каменоломняхъ, были проданы въ рабство; «скачущій конь» — гербъ города Сиракузъ, былъ у нихъ выженъ на лбу и указывалъ на то, что свободные граждане аѳинскіе отнынѣ стали собственностью города Сиракузъ. Немногіе изъ жертвъ этой катастрофы, которыхъ можно было мѣстами встрѣтить на островѣ, старались снискать себѣ смягченіе своей горькой доли тѣмъ, что читали вслухъ трогательные стихи изъ трагедій Эврипида, въ то время любимѣйшаго трагика аѳинянъ.

Не трудно вычислить, что долгая осада и заключительная катастрофа ея стоила Аѳинянамъ не менѣе 8000 аѳинскихъ гражданъ и около 200 триремъ; можно сказать, что едва-ли когда-либо высокомѣріе демократіи, избалованной долгимъ періодомъ счастія, наказывалось болѣе страшнымъ ударомъ! И едва-ли когда-либо болѣе яснымъ представлялось всѣмъ и каждому неудобство такого государственнаго устройства, при которомъ, въ рѣшеніи трудныхъ вопросовъ и положеній внѣшней политики, послѣднее, рѣшающее слово принадлежитъ народному собранію. Каждый видѣлъ наступленіе бѣдствія; никто—и менѣе всего сами полководцы — не сознавалъ въ себѣ мужества или права это бѣдствіе во-время отклонить или отъ него отстраниться. И если мы въ данномъ случаѣ должны обвинить аѳинянъ, то, съ другой стороны, справедливость побуждаетъ насъ признать, что, напротивъ того, способъ дѣйствій аѳинянъ, послѣ пережитой ими ужасной катастрофы, былъ достоинъ лучшихъ временъ аѳинской республики и лучшихъ дѣяній прошлаго. Вскорѣ послѣ того, какъ аѳинскіе граждане справились съ первымъ, потрясающимъ впечатлѣніемъ катастрофы, они одумались и приготовились къ одной изъ славнѣйшихъ въ исторіи человѣчества оборонительныхъ войнъ, только девять лѣтъ спустя закончившейся взятіемъ Аѳинъ Спартанцами, послѣ всевозможныхъ колебаній счастья то въ ту, то въ другую сторону.

Отчаянное положеніе и героизмъ Аѳинъ.

Такъ начался *третій* періодъ войны (413—404), главный интересъ которой вращается преимущественно около этой изумительной обороны. Несчастливый исходъ сицилійскаго похода, конечно, тотчасъ-же вызвалъ противъ Аѳинъ цѣлую коалицію хищныхъ враговъ, желавшихъ поживиться богатою добычею. Прежніе противники Аѳинянъ въ самой Греціи получили новое подкрѣпленіе со стороны Сиракузянъ, еще не пресыщенныхъ местью и явившихся доказать свою признатель-

ность дорійскимъ союзникамъ, оказавшимъ помощь ихъ городу; къ коалиціи примкнули и города, участвовавшіе въ Делосскомъ союзѣ, отпавшіе отъ Аѳинъ вслѣдствіе понесеннаго ими пораженія или просто пользовавшіеся случаемъ выбиться изъ-подъ ихъ власти, потому что подъ вліяніемъ Спарты во главѣ управленія этихъ городовъ явилась партія олигархическая. Особенно чувствительнымъ для Аѳинъ было отпаденіе отъ нихъ *Хіоса* (412), который все же занималъ въ союзѣ положеніе выдающееся. Къ этимъ противникамъ Аѳинъ присоединились, наконецъ, и Персы. На быстро долетѣвшее до Сузы извѣстіе о пораженіи Аѳинянъ въ Сициліи, правительство персидское отвѣтило очень странною мѣрою: царская казна вновь потребовала отъ двоихъ сатраповъ Малой Азіи внесенія тѣхъ даней, которыя нѣкогда платили царю Персидскому греческіе малоазійскіе города. И уже въ 412 году между сатрапомъ Тиссаферномъ и Спартою былъ заключенъ оборонительный и наступательный союзъ, по которому постановлено было, что Артаксерксу I, царю Персидскому (съ 465 г.), слѣдуетъ возвратить всѣ его прежнія владѣнія на берегахъ Малой Азіи.

Спартанцы въ Аттикѣ.

По счастью, всѣ эти противники выказали себя медлительными, и Аѳиняне успѣли далеко обогнать ихъ въ приготовленіяхъ къ войнѣ: уже къ концу 412 года они снова обладали флотомъ, состоявшимъ изъ 104 триремъ, тогда какъ въ пелопоннезскомъ флотѣ ихъ было всего 94. Хуже всего было то, что Спартанцы, по совѣту Алкивіада, вмѣсто ежегодныхъ своихъ вторженій въ Аттику, заняли въ этой области мѣстечко *Декелейю* *), укрѣпили его и помѣстили въ немъ сильный гарнизонъ. Это не повело непосредственно къ столкновенію, но было все же чрезвычайнымъ стѣсненіемъ для аѳинянъ; не даромъ Аристофанъ, въ знаменитой своей комедіи «Облака», влагаетъ въ уста Стрепсіада жалобу на то, что «теперь нельзя даже и рабовъ своихъ выпороть всласть—того и гляди, что убѣгутъ въ спартанскій лагерь». Мы знаемъ, что и дѣйствительно между рабами въ Аѳинахъ эти побѣги сдѣлались обычнымъ дѣломъ. Вообще же говоря, война около этого времени велась очень вяло, и всѣ были гораздо менѣе заняты войной, нежели интригами, въ которыхъ вскорѣ Алкивіаду опять пришлось играть главную роль.

Алкивіадъ.

Послѣ того, какъ Алкивіадъ въ теченіе долгаго времени пользовался при спартанскомъ правительствѣ вліятельнымъ положеніемъ полезнаго совѣтника, пришло и такое время, въ которое недовѣріе къ нему, никогда вполнѣ не проходившее, стало вновь преобладать. Человѣкъ онъ былъ въ Спартѣ безправный, да притомъ сталъ признаваться неудобнымъ—такъ съ нимъ и не церемонились: эфоры изготовили ему смертный приговоръ. Но хитрый Іонянинъ не дался имъ въ руки: онъ бѣжалъ къ сатрапу Тиссаферну и вѣроятно при его дворѣ чувствовалъ себя лучше, чѣмъ среди Спартанцевъ, которыхъ презиралъ отъ души, какъ истый аѳинянинъ. И вотъ онъ задумалъ примириться со своимъ роднымъ городомъ и даже готовъ былъ предложить своимъ согражданамъ награду за это примиреніе: онъ надѣялся склонить въ ихъ пользу сатрапа, у котораго вскорѣ сталъ пользоваться большимъ значеніемъ.

*) Декелейя находилась въ пяти часахъ пути къ С. отъ Аѳинъ.

Политическая борьба въ Аѳинахъ.

Повидимому, однакоже, Тиссаферн, въ видѣ ручательства, потребовалъ измѣненія демократическаго правленія въ Аѳинахъ въ смыслѣ преобладанія аристократическаго принципа. И такому измѣненію дѣйствительно способствовали въ данное время многія обстоятельства. Послѣ того, какъ многіе изъ новыхъ людей, подобныхъ Клеону, Гиперболу и др., вышедшіе изъ низшихъ слоевъ народа, привели демократію къ цѣлому ряду неудачъ, древне-аѳинскіе, аристократическіе элементы сплотились тѣснѣе; явились въ обществѣ *гетэріи* или клубы; припомнили и то, что несчастная сицилійская экспедиція не одобрялась однимъ изъ представителей аристократическаго сословія, честнымъ и вѣрнымъ правительству Никіемъ. Многимъ демократическая форма правленія стала казаться неудобною, и это направленіе нашло себѣ горячаго сторонника въ талантливѣйшемъ и остроумнѣйшемъ изъ всѣхъ аѳинскихъ писателей—въ *Аристофанѣ*. Миръ былъ необходимъ: но какъ же могло демократическое правленіе прійти къ какому бы то ни было соглашенію со Спартой? Алкивіадъ, повидимому, надѣялся добиться своего возвращенія въ Аѳины при помощи олигархической партіи, которая временно получила нѣкоторую точку опоры въ довольно распространенномъ настроеніи массы. Но эти надежды рухнули потому, что Алкивіаду не удалось переманить Персовъ на сторону Аѳинъ, и ему стали не довѣрять, даже опасаться его; олигархическая партія рѣшилась дѣйствовать и помимо его, и—отчасти при помощи насилія, отчасти при помощи ловкой интриги—произвела такой государственный переворотъ, при помощи котораго солоновское государственное устройство было устранено и замѣщено олигархическимъ способомъ правленія. Эту перемѣну старались нѣсколько прикрыть тѣмъ, что въ механизмѣ новаго правленія оставили мѣсто и для экклезіи, состоявшей изъ 5000 зажиточнѣйшихъ гражданъ (слѣдовательно, народное собраніе, и притомъ на довольно широкой демократической основѣ); но эта экклезія никогда не собиралась, потому что право созывать ее было предоставлено особому *совѣту четырехсотъ* (411 г.) Вѣсть объ этомъ переворотѣ въ правленіи вызвала возстаніе въ аѳинскомъ флотѣ, въ то время находившемся близъ береговъ Самоса. Слова, нѣкогда высказанныя Ѳемистокломъ наканунѣ Саламинской битвы, не утратили своего значенія для этихъ аѳинянъ: они пришли къ убѣжденію, что здѣсь, за стѣнами кораблей, сохранилось настоящее аѳинское государство и весь строй ихъ родного города; что «не они, возставая противъ новыхъ порядковъ, отпадаютъ отъ города, а городъ отъ нихъ отпадаетъ». Такъ выразился одинъ изъ вождей ихъ, Ѳразивулъ; затѣмъ аѳинскіе моряки побратались съ гражданами Самоса, державшими сторону демократіи; всѣ поклялись держаться демократическаго способа правленія и обязались вести войну съ Пелопоннезомъ, не щадя никакихъ усилій. А такъ какъ имъ нуженъ былъ вождь съ громкимъ именемъ, и Алкивіадъ пользовался славою человѣка, который можетъ добиться всего, чего захочетъ,—то они его призвали и онъ принялъ надъ ними начальство.

Возвращеніе Алкивіада. Побѣды Аѳинянъ.

И можно сказать, что онъ именно былъ человѣкомъ, вполнѣ подходящимъ для такого запутаннаго положенія. Онъ выказалъ и знаніе людей, и осмотрительность, и патріотизмъ, и съумѣлъ отстранить тѣ крайнія

мѣры, къ которымъ, какъ извѣстно, люди тогда именно выказываютъ наибольшую склонность, когда они наименѣе способны привести ихъ въ дѣйствіе. Пока онъ посредничалъ, новый переворотъ произошелъ въ Аѳинахъ; олигархія была низвержена и прежнее государственное устройство возстановлено, при чемъ партія, взявшая верхъ, выказала большую умѣренность. Тяжеловѣсная спартанская политика не съумѣла воспользоваться и этимъ опаснымъ кризисомъ. И вотъ, счастье какъ будто вновь улыбнулось утѣсненнымъ Аѳинамъ: подъ предводительствомъ Ѳразивула и Ѳразилла, Аѳиняне одержали при Абидосѣ побѣду надъ пелопоннезскимъ флотомъ, который все это время оставался празднымъ; въ слѣдующемъ (410) году, уже при содѣйствіи Алкивіада, они одержали вторую, болѣе полную, побѣду при *Кизикѣ* (въ Пропонтидѣ) надъ пелопоннезскимъ флотомъ и войсками персидскаго сатрапа Фарнабаза. Донесеніе спартанскихъ начальниковъ, заступившихъ мѣсто убитаго въ сраженіи Миндара, дошло до насъ въ своей первоначальной формѣ и даетъ отличное понятіе о лаконическомъ дѣловомъ слогѣ Спартанцевъ: «кораблей нѣтъ, Миндаръ убитъ; люди голодаютъ; мы безпомощны; что дѣлать?»

Лизандръ. Союзъ съ Персіей.

Эти побѣды способствовали окончательному примиренію Алкивіада съ его согражданами и въ 408 году онъ торжественно возвращенъ былъ въ Аѳины. Весь городъ—свободные граждане и рабы—сбѣжался въ гавань въ тотъ день, когда ожидали его прибытія, и толпа отнеслась къ нему съ тѣмъ беззавѣтнымъ довѣріемъ, которое она и въ республикахъ, и въ монархіяхъ одинаково питаетъ къ великимъ именамъ. Однакоже, того довѣрія, которое бы его одного уполномочило стоять у кормила правленія, довѣрія не къ таланту, а къ характеру, довѣрія, котораго не могъ бы подорвать временный неуспѣхъ,—такого довѣрія онъ не встрѣтилъ въ Аѳинахъ; да, можетъ-быть, и не заслуживалъ? Такой именно неуспѣхъ, постигнувшій одного изъ второстепенныхъ его военачальниковъ (онъ самъ тутъ былъ ни при чемъ!), привелъ къ его паденію уже въ слѣдующемъ (407) году, подъ вліяніемъ того страшнаго деспотизма, который присвоила себѣ толпа, въ это время уже расположенная считать всякое обманутое ожиданіе, всякую неудачу—за государственную измѣну. Такимъ образомъ былъ устраненъ единственный человѣкъ, способный успѣшно вести борьбу съ коалиціей, преобладавшей въ послѣдній годъ этой войны, и основанной на тѣсной связи спартанскаго наварха Лизандра съ однимъ изъ младшихъ князей дома Ахэменидовъ, съ Киромъ-Младшимъ. Эти оба дѣятеля, и Спартіатъ изъ рода Гераклитовъ, и младшій братъ наслѣдника персидскаго престола (сынъ Дарія II, царствовавшаго съ 424 г.), были ярые честолюбцы; они и тогда уже задумали—каждый у себя дома—забрать власть въ свои руки, и потому легко сблизились между собой. Они оба, въ противуположность традиціямъ ихъ народовъ, были людьми новѣйшей формаціи. Въ Лизандрѣ высокомѣріе Спартіата и суровая безпощадность дорійскаго знатнаго вельможи соединялись съ самоновѣйшимъ софистическимъ невѣріемъ, которое давало ему возможность, въ интересахъ-ли государства, или въ интересахъ собственнаго преобладанія, какъ ни по чемъ, приносить вѣроломныя клятвы всѣмъ богамъ, либо пускать въ обращеніе ложныя изреченія

оракуловъ. Онъ былъ, можно сказать, вторымъ Алкивіадомъ на спартанской почвѣ, съ тою только разницею, что ему не пришлось поднять оружія противъ своей родины. Киръ-Младшій, съ другой стороны, былъ однимъ изъ тѣхъ весьма немногихъ Персовъ, которые были расположены ко всему, что составляло основу эллинизма: къ «свободѣ», которой онъ до извѣстной степени завидовалъ,—завидовалъ, не понимая ея сущности, наравнѣ съ большинствомъ всѣхъ восточныхъ людей, но признавая въ то же время всѣ преимущества, какія эта свобода давала Эллинамъ при каждой борьбѣ съ Азіатами. При этомъ у него не было недостатка ни въ персидской національной гордости, ни въ умѣньи пользоваться восточнымъ деспотизмомъ:—кому случалось проѣзжать по управляемой имъ провинціи, тому не трудно было убѣдиться въ быстротѣ обычной у него короткой расправы по множеству встрѣчавшихся на пути людей съ обрѣзанными ушами или съ изуродованными руками. Какъ истый Персъ, Киръ-Младшій раздѣлялъ и ту злобную ненависть къ аѳинянамъ, которую питали всѣ Персы со временъ пораженій, нанесенныхъ имъ во время великой войны за освобожденіе Греціи. Лизандръ съумѣлъ воспользоваться денежными средствами молодого князя, какъ подспорьемъ для обще-пелопоннезскаго дѣла, но затѣмъ на нѣкоторое время удалился съ театра войны, потому что однимъ изъ основныхъ правилъ спартанскаго правительства была обязательная замѣна одного наварха другимъ, послѣ годового командованія. Его смѣнилъ *Калликратидъ*, котораго не даромъ называютъ справедливѣйшимъ изъ Спартанцевъ; это былъ дѣйствительно одинъ изъ немногихъ избранныхъ людей Спарты, который еще былъ проникнутъ духомъ древне-эллинскаго, обще-эллинскаго патріотизма, и потому не пожелалъ унижаться передъ персидскими вельможами. Онъ заперъ весь аѳинскій флотъ въ Митиленской гавани. Однакоже аѳиняне, доведенные до крайности, еще разъ съумѣли сдѣлать невозможное возможнымъ. Путемъ величайшихъ усилій они успѣли быстро создать новый флотъ, который нанесъ Пелопоннезцамъ страшное пораженія при *Аргинузскихъ островахъ* (406), и самъ Калликратидъ палъ въ этой битвѣ.

Истощеніе Аѳинъ.

О немъ разсказываютъ, будто онъ сказалъ, что, по возвращеніи изъ похода, онъ почтетъ своею обязанностью позаботиться о примиреніи Эллиновъ. Но, послѣ его смерти, объ этомъ не было и рѣчи; одинъ изъ двоихъ противниковъ долженъ былъ пасть прежде, чѣмъ можно было думать о возстановленіи мира. А между тѣмъ въ Аѳинахъ наступили тяжелые дни: полководцы, побѣдившіе при Аргинузскихъ островахъ, были приговорены къ смерти возбужденною противъ нихъ толпою (безъ соблюденія всякихъ законныхъ формъ) и казнены за то, что они, будто бы, послѣ побѣды не приняли мѣръ къ спасенію погибавшихъ въ волнахъ, въ чемъ однакоже препятствовала имъ буря. А Спартанцы между тѣмъ поставили вновь Лизандра во главѣ флота: онъ былъ въ сущности главнымъ начальникомъ, а другое лицо носило только титулъ наварха.

Битва при Эгоспотамосѣ (405 г.)

Въ 405 г. нанесенъ былъ послѣдній, рѣшительный ударъ. Близъ Лампсака, на Геллеспонтѣ, при Эгоспотамосѣ (Козьей рѣкѣ), Лизандръ внезапно напалъ на аѳинскій флотъ, обманувъ аѳинянъ цѣлымъ рядомъ

пеловкихъ маневровъ, которые могли свидѣтельстововать о весьма плохомъ состоянiи спартанской армады; Аѳиняне дались въ обманъ, и Лизандръ засталъ ихъ врасплохъ, въ состоянiи полной безпечности и безпомощности, такъ что дѣло, собственно говоря, даже вовсе и не дошло до сраженiя. Изъ большого аѳинскаго флота—180 триремъ—лишь весьма немногiя суда успѣли уйти подъ предводительствомъ отличнаго моряка Конона, и между ними одинъ изъ трехъ государственныхъ почтовыхъ кораблей, Паралосъ. Этотъ корабль и привезъ въ Аѳины страшное извѣстiе о пораженiи: всѣмъ стало ясно, что конецъ близокъ. Не было болѣе никакихъ вспомогательныхъ средствъ и никакой надежды, когда, позднею осенью того же года, Лизнадръ, съ 150 триремами, сталъ блокировать Пирей и въ то же время царь Павзанiй подступилъ къ городу съ С. съ сухопутнымъ войскомъ. Аѳины долго выдерживали осаду, но, наконецъ, голодъ вынудилъ городъ къ сдачѣ (404 г.).

Миръ былъ даромъ Спартанцевъ. «Аѳины взяты нами»,—такъ сообщалъ Лизандръ своему правительству объ этомъ событiи. «Удовольствуемся этимъ взятiемъ»,—такъ отвѣчало ему правительство. Этотъ отвѣтъ касался, главнымъ образомъ, тѣхъ дикихъ плановъ мщенiя, которые теперь высказывались съ разныхъ сторонъ. Коринѳяне и Ѳиванцы добивались даже прямо разоренiя Аѳинъ, которыя, по ихъ мнѣнiю, слѣдовало обратить «въ овечье пастбище». Но это вовсе не входило въ расчеты Спартанцевъ: они нуждались въ Аѳинахъ, какъ въ противовѣсѣ противъ тѣхъ же черезчуръ ревностныхъ союзниковъ, которые современемъ могли явиться ихъ врагами. Въ виду этого Спартанцы удовольствовались разрушенiемъ арсенала и уничтоженiемъ матерiаловъ для кораблестроенiя; разрушена была также довольно значительная часть городскихъ стѣнъ. Паденiе аѳинской демократiи и подчиненiе Аѳинъ Спартѣ было также весьма точно обусловлено. Спартанцы настаивали на томъ, чтобы Аѳины возвратились къ государственному устройству своихъ отцовъ, и всѣмъ при данныхъ условiяхъ было понятно, чего собственно они добивались. И вотъ, худшiе люди послѣдняго олигархическаго переворота были призваны къ кормилу правленiя и образовали правительственную комиссiю, состоявшую изъ 30 членовъ. Послѣ того, какъ и Самосъ, гдѣ демократы противились Спартѣ, былъ захваченъ Лизандромъ и переданъ въ руки тамошнихъ олигарховъ, преобладанiе аристократическаго принципа и господство Спартанцевъ въ Элладѣ было окончательно установлено.

Миръ (404 г.).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Преобладаніе Спартанцевъ.—Возвышеніе Ѳивъ.—Возстановленіе могущества Аѳинъ.

Миръ.—Спартанская гегемонія.

Нѣсколько десятилѣтій подъ-рядъ Спарта стояла во главѣ Греціи. Въ *одномъ* только смыслѣ Спарта могла дѣйствительно господствовать надъ этимъ чрезвычайно разнообразнымъ и разрозненнымъ міромъ: въ распоряженіи ея было небольшое, но постоянное войско, состоявшее изъ настоящихъ воиновъ, притомъ еще не просто обладавшихъ военною техникою, но и воодушевленныхъ сознаніемъ собственнаго достоинства. Слава, предшествовавшая всюду этому войску, удесятеряла его значеніе; сверхъ того, Спартанцы всюду въ городахъ встрѣчали болѣе или менѣе сильную аристократическую партію, среди которой не было недостатка въ личностяхъ выдающихся. Что же касается до большинства населенія, то оно, какъ и послѣ каждой большой войны, было искалѣчено, запугано, подавлено, да къ тому же и Лизандръ былъ въ это время для Спарты наиболѣе подходящимъ человѣкомъ. Онъ собственно и былъ главнымъ руководителемъ судебъ Греціи: около него группировались по городамъ вожди олигархической партіи, всѣ лично ему извѣстные; и онъ, въ ближайшіе годы послѣ паденія Аѳинъ, игралъ точно такую же роль, на какую нѣкогда имѣлъ притязаніе Павзаній; но только Лизандръ былъ къ ней гораздо болѣе способенъ и умѣлъ подчинять окружающихъ дѣйствію своей личной тиранніи, прикрываясь именемъ Спарты.

Олигархи въ Аѳинахъ.

Аѳины представляли зрѣлище оригинальное. Положеніе аѳинскаго общества, отчасти, было подготовлено олигархическими клубами, давно уже существовавшими въ Аѳинахъ. Пять комиссаровъ, которымъ безъ дальнихъ околичностей дано было спартанское названіе *эфоровъ*, побудили народное собраніе, еще находившееся подъ гнетомъ только что перенесенныхъ страданій, къ выбору 30 человѣкъ, которые должны были одновременно и управлять Аѳинами, и набрасывать планъ новаго государственнаго устройства. Совѣтъ былъ оставленъ въ прежнемъ видѣ, но не смѣлъ и пикнуть, потому что спартанскій гармостъ, съ отрядомъ войска, занималъ Акрополь, да, сверхъ того, въ распоряженіи олигарховъ состояло извѣстное количество наемниковъ, большею частью чужеземцевъ, всегда готовыхъ на всякое насиліе. Эмиграція, возвращавшаяся въ Аѳины, ликовала. Вскорѣ дѣло дошло до того, что насилія стали совершаться уже не

по политическимъ причинамъ, а по чисто-личнымъ побужденіямъ, по ненависти, корыстолюбію и другимъ низкимъ пристрастіямъ. При этомъ, утонченная злоба правителей доказывалась и на практикѣ: такъ, напримѣръ, тридцать правителей ввели въ обычай, чтобы всѣ насильственныя мѣры, принятыя по ихъ приказанію, приводились бы въ дѣйствіе именитыми гражданами, которыхъ этимъ путемъ правители хотѣли опорочить въ глазахъ народа, и вынужденнымъ участіемъ въ ихъ злодѣйствахъ— заставить перейти на свою сторону.

Ихъ насильственное господство.

Большимъ счастьемъ было то, что среди этихъ 30-ти правителей ни одинъ не пользовался своей неограниченной властью съ безусловнымъ авторитетомъ: власть эта дробилась между двумя умными злодѣями, *Критіемъ* и *Ераменомъ*. Послѣдній, принимавшій личное участіе въ недавнихъ мирныхъ переговорахъ въ Спартѣ и въ главной квартирѣ войскъ, осаждавшихъ Аѳины, отлично зналъ аѳинскій народъ: цѣль его заключалась въ томъ, чтобы создать прочное положеніе, подготовить мало-по-малу почву для олигархіи въ самомъ народѣ. Онъ стремился къ тому, чтобы привлечь на сторону аристократическаго государственнаго устройства всѣхъ зажиточныхъ гражданъ, т. е. тѣ 3,000 человѣкъ изъ «высшаго слоя» аѳинскаго населенія, которые имѣли возможность изъ собственныхъ средствъ запастись полнымъ вооруженіемъ гоплита. Этотъ Ераменъ, былъ, по складу ума, человѣкъ государственный; Критій же былъ, напротивъ того, весьма способный, но жесткій и дурной человѣкъ, который не затруднялся съ величайшимъ цинизмомъ открыто заявлять, что «гдѣ сила заступаетъ мѣсто права, тамъ слѣдуетъ силою и пользоваться». Быть-можетъ, онъ былъ и правъ; мудрено было передѣлать старую демократію въ олигархію путемъ полюбовныхъ соглашеній и тонкостей. Болѣе же всего онъ признавалъ необходимымъ установленіе единства среди 30-ти правителей; и вотъ, съ необычайною дерзостью человѣка, готоваго на всякое преступленіе, онъ приказалъ схватить Ераменa у подножія того алтаря, который находился въ помѣщеніи совѣта, произнести надъ нимъ смертный приговоръ и свести его въ тюрьму, гдѣ ему тотчасъ же поднесенъ былъ кубокъ съ ядомъ.

Ихъ паденіе.

Но эта побѣда террористической партіи привела вскорѣ къ такому положенію, когда—по весьма мѣткому выраженію одного новѣйшаго историка—самый страхъ уже внушаетъ мужество людямъ. 30 правителей составили списокъ 3,000 гражданъ, которымъ, по ихъ мнѣнію, они могли довѣриться; имъ они оставили оружіе, между тѣмъ какъ всѣ прочіе граждане были обезоружены. Послѣднихъ стали мало-по-малу выселять изъ города; многіе изъ нихъ были даже тайно казнены. Свободное слово само собою замерло на устахъ у всѣхъ, а тамъ, гдѣ оно случайно доносилось до ушей правителей, дерзнувшій открыто высказываться вскорѣ испытывалъ на себѣ ихъ тяжелую руку. Такъ, о Сократѣ было имъ донесено, что онъ сказалъ: «плохой тотъ пастухъ, который свои стада сокращаетъ». Его призываютъ къ отвѣту, и одинъ изъ тридцати намекаетъ ему, что ему не мѣшаетъ поостеречься, «а не то можетъ случиться», добавилъ онъ съ напускнымъ остроуміемъ,—«что и ты попадешь въ число сокращаемыхъ». Начинаются побѣги изъ Аѳинъ: бѣгутъ сотнями; а спар-

танское правительство воспрещаетъ своимъ союзнымъ городамъ принимать у себя бѣглецовъ изъ Аѳинъ. Но изъ числа этихъ союзныхъ городовъ, Ѳивы и Коринѳъ, были ужъ и безъ того раздражены грубостью и безцеремонностью, съ которой спартанцы пользовались своимъ главенствомъ; даже и въ самой Спартѣ старо-спартанская партія была крайне недовольна своеволіемъ Лизандра, который, по личному произволу, разрѣшалъ всѣ вопросы внѣшней политики. Въ виду этого недовольства, весьма большое количество аѳинскихъ бѣглецовъ собралось въ Ѳивахъ. Среди нихъ находился и Ѳразивулъ—человѣкъ, пользовавшійся значеніемъ: когда около него собралось достаточное количество аѳинянъ, онъ перешелъ вмѣстѣ съ ними границу Аттики и воспользовался удобнымъ случаемъ, чтобы овладѣть весьма удобно расположенной горной крѣпостью *Филе*. Жалкому правительству тридцати не удалось выбить аѳинянъ изъ этой крѣпости, и, между тѣмъ какъ они пытались еще болѣе подтянуть бразды правленія въ Аѳинахъ, Ѳразивулъ въ одну ночь перешелъ разстояніе, отдѣлявшее Филе отъ Пирея, и тамъ укрѣпился при храмѣ Артемиды. Сторонники тридцати, подъ начальствомъ самого Критія, двинулись противъ Ѳразивула изъ Аѳинъ. Произошла схватка, въ которой Критій палъ, а его сторонники отступили въ Аѳины. Здѣсь, однакоже, между ними произошелъ раздоръ: часть тридцати правителей удалилась въ Элевзисъ; другая осталась въ Аѳинахъ выжидать спартанской помощи. Помощь эта и явилась: самъ Лизандръ, братъ его Либисъ, а немного позже и одинъ изъ двоихъ царей, Навзаній, который сталъ принимать жалобы на хозяйничанье 30-ти правителей, и притомъ жалобы отъ людей вполнѣ надежныхъ, расположенныхъ и къ Спартѣ, и къ аристократическому строю. Всѣ они имѣли полное право жаловаться, потому что правленіе тридцати, въ своемъ ослѣпленіи, не щадило и этихъ людей. Положеніе дѣлъ, установившееся въ Аѳинахъ, въ сущности, было весьма выгоднымъ для спартанскихъ интересовъ:—олигархія въ Элевзисѣ и демократія въ Аѳинахъ... Спартанцы и рѣшились предоставить дѣло на произволъ судьбы, и не препятствовали Ѳразивулу и его сторонникамъ занять Аѳины, между тѣмъ какъ остатокъ тридцати правителей утвердился въ 4-хъ часахъ пути отъ Аѳинъ, въ Элевзисѣ. При этомъ спартанскіе вожди, не ладившіе между собою, выказали себя очень не искусными политиками; имъ пришлось убѣдиться въ томъ, что городъ Аѳины легче было обратить въ «овечье пастбище», какъ того нѣкогда желали коринѳяне, нежели въ подчиненный городъ, покорный велѣніямъ Спарты. Въ самое короткое время олигархи были окончательно сломлены, а древнее территоріальное единство Аттики, равно какъ и Солоновское государственное устройство—возстановлены (403 г.).

Возстановленіе Солоновскаго государственнаго устройства (403).

Въ высшей степени способнымъ, въ политическомъ смыслѣ, какъ и въ высшей степени умѣреннымъ выказалъ себя въ этомъ случаѣ аѳинскій народъ и тѣ мужи, которые приняли на себя заботы по общественному управленію во время этого кризиса; и мы даже склонны думать, что они дѣйствовали по соглашенію съ вліятельнѣйшими представителями умѣренной партіи въ Спартѣ. Уничтожено было все, что произошло во время «правленія тридцати»; пересмотрѣны были всѣ законы (что было также нѣкоторою уступкою по отношенію къ спартанцамъ), и демократія по край-

ней мѣрѣ настолько ограничена, что было постановлено: никакое рѣшеніе совѣта или народнаго собранія не должно быть приведено въ дѣйствіе иначе, какъ на основаніи закона.

Въ то же самое время была провозглашена полная *амнистія* и всѣ выборные присяжные, вошедшіе въ составъ возстановленной *геліи*, должны были выдать обязательство въ томъ, что будутъ соблюдать ее. Все это совершилось въ теченіе одного года, и архонтство *Эвклида* (онъ придалъ свое имя и самому году) получило вслѣдствіе этого весьма важное значеніе (403 г.).

Легко можетъ быть, что такому обороту дѣлъ много способствовали всякія личныя отношенія, а въ особенности то обстоятельство, что спартанскому правительству крайне докучала вся эта возня со всевозможными интригами, которыми была переполнена жизнь всѣхъ греческихъ государствъ: Спарта довольствовалась уже и тѣмъ, что городъ Аѳины на долгое время былъ теперь исключительно предоставленъ заботамъ о своемъ внутреннемъ устройствѣ; и дѣйствительно, Аѳины за это время какъ бы вовсе не участвовали въ политической жизни Греціи. Однакоже, въ 339 г. тамъ случилось крупное, выдающееся по значенію событіе, которое, впрочемъ, гораздо болѣе привлекло къ себѣ вниманіе потомства, нежели было замѣчено современниками: мы говоримъ о знаменитомъ процессѣ философа *Сократа*.

Софистика.

И въ самыхъ Аѳинахъ, конечно, это событіе выдавалось изъ ряда обыкновенныхъ, такъ какъ чудакъ-«софистъ», Сократъ, Софроникова сынъ, былъ личностью весьма извѣстною. Это былъ истый аѳинянинъ, никогда не покидавшій своего города, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ долженъ былъ выступать въ походъ вмѣстѣ съ другими, несшими обязательную военную службу:—такъ видимъ мы его подъ стѣнами Потидеи, при Амфиполѣ, при Деліонѣ. Подраставшему поколѣнію аѳинянъ онъ, можетъ-быть, былъ и нѣсколько болѣе чуждымъ, однакоже, всѣ знали о немъ, что онъ, во время суда надъ полководцами въ 406 г. и при тридцати тиранахъ, не разъ выказывалъ себя неустрашимо-мужественнымъ и независимымъ въ своихъ мнѣніяхъ, и въ одной изъ комедій Аристофана, *Облакахъ*, карикатура Сократа набросана такъ мѣтко, что должна была несомнѣнно врѣзаться въ сознаніе толпы. Ѳукидидъ очень умно и очень вѣрно называетъ войну «суровымъ учителемъ»; выраженіе это оказывается въ особенности вѣрнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда война, по продолжительности и значенію, походитъ на войну пелопоннезскую, и дѣйствительно, является «суровымъ учителемъ» въ томъ смыслѣ, что разрушаетъ всякіе идеалы. Она безпощадно вынуждаетъ человѣка ограничиваться одною грубою дѣйствительностью; а война пелопоннезская разразилась именно въ такое время, когда греческая жизнь, въ особенности въ Аѳинахъ, витала въ сферахъ очень высокихъ. Самый способъ правленія демократическаго—правленія, *убѣждающаго путемъ разумныхъ доводовъ*,—уже вынуждаетъ къ критикѣ, къ различенію дѣйствительно существующаго отъ того, что существуетъ только въ воображеніи, и прямымъ выразителемъ этого критическаго духа представляется намъ *Эврипидъ* въ своихъ произведеніяхъ (жилъ отъ 480—406 г.). Онъ не могъ тягаться на по-

принцѣ поэзіи съ современными ему трагиками Эсхиломъ и Софокломъ; не часто выпадала на его долю награда за его поэтическое творчество, но онъ далеко превосходилъ ихъ по непосредственному значенію своему въ толпѣ. Онъ обязанъ былъ этою популярностью тому, что самъ лишь весьма немного возвышался надъ этою толпою обыкновенныхъ смертныхъ; онъ мыслитъ, философствуетъ или разсуждаетъ, какъ они; онъ то проявляетъ себя вѣрующимъ, то легкомысленнымъ, а нерѣдко и чувствительнымъ и даже воодушевленнымъ, какъ и всѣ люди толпы. И вотъ это-то направленіе, которое всюду вносило свое критическое отношеніе къ традиціямъ и тѣсно связаннымъ съ ними религіознымъ гипотезамъ, и называютъ *софистикой*, хотя и ранѣе уже слышали о *софистахъ*, о «*мужахъ мудрости*» по профессіи, объ учителяхъ и преподавателяхъ «мудрости», хотя и довольно трудно опредѣлить, что именно разумѣютъ подъ этими двумя словами. И тогда, какъ и въ наше время, между этими мудрецами были хорошіе и дурные люди, благородные и своекорыстные, глубокіе мыслители и поверхностные, ничтожные шуты. Въ числѣ выдающихся софистовъ слѣдуетъ упомянуть о *Протагорѣ* изъ Абдеры, *Горгіи Леонтинскомъ* (изъ Сициліи) и *Продикѣ Кеосскомъ*. Первому принадлежитъ извѣстное положеніе: «*человѣкъ представляетъ собою мѣру всего существующаго*»—и это положеніе заключаетъ въ себѣ цѣлую программу софистическаго ученія; при этомъ Протагоръ выражался о богахъ, что онъ не знаетъ, существуютъ-ли они, и если они дѣйствительно существуютъ, то онъ о существѣ ихъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія; въ Аѳинахъ, гдѣ онъ училъ, онъ, конечно, не могъ ужиться съ сословіемъ жрецовъ и былъ удаленъ изъ города, какъ безбожникъ. Горгій Леонтинскій особенно выдавался между софистами своимъ искусствомъ изложенія, и когда онъ въ 424 г. явился въ Аѳины въ качествѣ посла отъ своего роднаго города, то это пребываніе его въ столицѣ Аттики осталось неизгладимо въ памяти всѣхъ, кто проявлялъ расположеніе къ высшей и утонченной образованности. Продикъ Кеосскій, въ нѣкоторомъ смыслѣ, былъ популярнѣйшимъ изъ софистовъ, и его аллегорія о Геракловѣ, пришедшемъ на распутье, до нашего времени сохранила свой нравственный смыслъ. Не трудно видѣть (и въ особенности ясно видимъ мы это въ твореніяхъ весьма консервативнаго въ политическомъ смыслѣ *Аристофана*), какъ, подъ вліяніемъ этого духовнаго направленія, весьма и весьма многіе порвали совершенно съ прежними наивными вѣрованіями въ боговъ, и какъ, вслѣдствіе того, что они не только не могли выразить своихъ вольнодумныхъ мнѣній во всеуслышаніе, но даже не рѣшались и самимъ себѣ въ нихъ сознаться, неправда вторглась во всѣ проявленія ихъ жизни. Честный, но старинѣ вѣрующій, строго-нравственный патріотъ, подобный Никію, который мѣриломъ всего существующаго считалъ не свой личный произволъ, а и законы божескіе, и обычаи роднаго города,—къ такому человѣку люди, подобные Алкивіаду, Критію, Ѳерамену или Лизандру относились уже съ насмѣшкой и пренебреженіемъ. И это настроеніе широко распространилось въ обществѣ: — оно было настолько же модными, насколько матеріализмъ въ прошломъ или даже въ нынѣшнемъ столѣтіи; а во всемъ томъ, въ чемъ это настроеніе не согласовалось съ

существующими воззрѣніями, новѣйшіе мудрецы старались отдѣлаться ловко обернутой фразой, путемъ діалектики и реторики, которыми софисты занимались весьма усердно и при посредствѣ которыхъ (по мѣткому замѣчанію древнихъ) они научали искусству «обращать слабѣйшую рѣчь въ сильнѣйшую».

Сократъ.

Наиболѣе опасною стороною этого настроенія было то, что въ немъ была частичка истины и справедливости. Главною заслугою Сократа было именно то, что онъ съумѣлъ сохранить для человѣчества эту частичку истины и справедливости. Онъ родился въ 469 г., и былъ сынъ второстепеннаго скульптора, какихъ было много въ Аѳинахъ; мать Сократа была повивальная бабка. Первоначально онъ тоже занимался скульптурой, а затѣмъ, подъ вліяніемъ мощныхъ духовныхъ побужденій времени, онъ выступилъ на такую дорогу, для которой на современномъ языкѣ не было опредѣленнаго названія: — онъ занялся философствованьемъ, исканіемъ мудрости и истины. Этому исканію онъ тѣмъ болѣе могъ предаться, что съумѣлъ ограничить свои потребности наименьшимъ возможнымъ: «къ божеству, не имѣющему никакихъ потребностей»,—такъ утверждалъ онъ,—«болѣе всего приближается тотъ, кто умѣетъ наиболѣе ограничить свои потребности». Не подлежитъ никакому сомнѣнію то, что этотъ замѣчательный человѣкъ былъ проникнутъ влеченіемъ къ истинѣ, къ полному самосознанію и къ согласованію самосознанія съ волею, и проникнутъ былъ въ такой степени, что эта духовная сторона его преобладала надъ всѣмъ его существомъ. Прекрасно характеризуетъ Сократа тотъ извѣстный случай, когда одинъ изъ самыхъ восторженныхъ поклонниковъ его запросилъ дельфійскаго оракула о своемъ учителѣ и получилъ въ отвѣтъ, что «ни одинъ изъ эллиновъ не можетъ по уму тягаться съ Сократомъ»; но Сократъ не повѣрилъ божеству, которое говорило устами оракула, и всѣмъ своимъ философскимъ разсужденіямъ придалъ такую странную форму, какъ будто онъ доискивался человѣка, который бы очевидно былъ умнѣе его. При этомъ исканіи, которое привело его къ чисто-греческому, чисто-аѳинскому оспариванью всѣхъ и каждаго, онъ пришелъ къ парадоксальному положенію, весьма знаменательному: «иные»—говорилъ онъ—«считаютъ себя знающими даже и въ томъ, что имъ вовсе неизвѣстно; я же, по крайней мѣрѣ, твердо знаю *одно*—что ничего не знаю»; и это положеніе послужило какъ бы первымъ шагомъ къ дѣйствительному, осязательному знанію и полному познаванію. Отъ излюбленной предшествующими изслѣдователями натуральной философіи Сократъ уклонился, признавъ, что она не можетъ его привести къ тѣмъ выводамъ, которыхъ онъ собственно добивался — и обратился онъ къ этикѣ, къ созерцанію человѣка и его обязанностей, стараясь въ этой области добиться вѣрныхъ опредѣленій, и это привело его къ безпощадной критикѣ обычнаго

Сократъ.
Оригиналъ въ Неаполѣ.

міросозерцанія. Въ своемъ философскомъ ученіи онъ ясно различалъ четыре стороны: положительную и отрицательную, созидательную и критическую. Этой послѣдней сторонѣ придалъ онъ названіе *иронiи*; а сторону положительную въ шутку сравнивалъ съ ремесломъ своей матери,— такъ какъ она предназначена вызывать къ жизни здравыя понятія о вещахъ; онъ и назвалъ эту сторону своей *мэевтикой*. Наиболѣе величавымъ выводомъ изъ всѣхъ его этическихъ воззрѣній слѣдуетъ считать выставленное имъ положеніе: «добродѣтель, сама по себѣ, есть знаніе: тотъ, кто уяснилъ себѣ ея сущность, сущность всего добраго, тотъ уже долженъ быть добродѣтельнымъ». И въ немъ самомъ эти теоретическая и практическая стороны находились въ гораздо бо́льшемъ соотвѣтствіи, чѣмъ когда-либо до того времени въ комъ-либо изъ смертныхъ.

Дѣятельность Сократа.

Мы, люди новѣйшаго времени, при чрезвычайно сложныхъ условіяхъ нашей жизни, не можемъ себѣ представить изслѣдованія помимо книгъ, и дѣятельности учительской, проповѣднической—безъ каѳедры университетской или церковной. Сократъ же очень просто воспользовался свободными формами отношенія и общественной жизни въ современныхъ ему Аѳинахъ, стараясь многихъ привлечь къ участію въ его собственной духовной дѣятельности. Съ каждымъ приходившимъ къ нему, и съ тѣми, отъ кого онъ надѣялся услышать нѣчто дѣльное, Сократъ вступалъ въ разговоръ и въ споръ, при чемъ многіе (притомъ же люди самыхъ разнообразныхъ наклонностей, напр. Платонъ и Ксенофонтъ, Алкивіадъ и Критій) вскорѣ уже замѣчали, что̀ можно было извлечь изъ сношеній съ этимъ своеобразнымъ мыслителемъ, у котораго, даже и въ тогдашнихъ Аѳинахъ, нашлось бы пожалуй поболѣе ума, нежели у двадцати другихъ умниковъ. Наиболѣе своеобразно было въ немъ то, что онъ не стремился ни къ одной изъ обычныхъ человѣческихъ цѣлей, не бралъ за свое ученіе никакой платы, и вовсе не желалъ быть софистомъ, т. е. учителемъ мудрости по профессіи. При этомъ всѣмъ бросалась въ глаза его внѣшность, его лицо, напоминавшее типъ Силена, его большіе, вдумчивые глаза; вскорѣ онъ сталъ извѣстенъ всѣмъ въ Аѳинахъ, гдѣ и безъ того всѣ полномочные граждане такъ часто между собою встрѣчались, что всѣ сколько-нибудь выдающіеся навѣрно были между собою лично знакомы.

Процессъ и смерть Сократа.

Конечно, это знакомство было лишь весьма поверхностнымъ; дѣйствительно знать и понимать такого человѣка, какъ Сократъ, могли, конечно, очень немногіе. А что большинство знало Сократа весьма поверхностно, это доказывается тою комедіею Аристофана, въ которой онъ (только потому, что его фигура легко поддавалась карикатурѣ) выведенъ былъ на сцену въ качествѣ представителя того самаго ученія, противъ котораго онъ именно боролся; онъ тамъ является чѣмъ-то въ родѣ новѣйшихъ адвокатовъ, ярымъ софистомъ, которому ничего не сто́итъ доказать, что сынъ долженъ сѣчь отца. Но эти нападки Аристофана нимало не повредили ему, и онъ еще четверть вѣка продолжалъ свою дѣятельность. Онъ былъ женатъ и у него были сыновья. Частная домашняя жизнь не была доступна аѳинскому гражданину, и о Сократѣ слышимъ мы и во время суда надъ полководцами, и во время правленія тридцати тирановъ, ко-

торымъ онъ былъ особенно неудобенъ. До серьезнаго столкновенія между тиранами и этимъ представителемъ свободнаго слова и непреклоннаго убѣжденія не дошло только потому, что олигархія такъ быстро пала, и только уже по возстановленіи демократіи на Сократа, уже переступившаго предѣлъ старости, была подана жалоба. Существенные поводы къ подачѣ этой жалобы намъ не достаточно извѣстны; по существу самой жалобы и и по тому, что извѣстно о лицахъ, подавшихъ ее, кажется, можно прійти къ тому заключенію, что эта жалоба исходила изъ старо-аѳинской демократической среды. «Сократъ не вѣритъ въ боговъ-покровителей города»,— такъ гласила жалоба,—«вводитъ новыя божества и портитъ юношество». Процессъ былъ чисто-тенденціознымъ: въ лицѣ Сократа, который неодобрительно отзывался о нѣкоторыхъ основныхъ учрежденіяхъ аѳинскаго государственнаго устройства (напр., о замѣщеніи должностей по жребію), хотѣли, видимо, поразить всѣхъ недовольныхъ или, можетъ-быть, дать имъ нѣкоторое предостереженіе. По крайней мѣрѣ изъ всего хода процесса съ полною очевидностью явствуетъ, что Сократъ весьма легко могъ бы избѣгнуть своей участи: ему стоило только, подобно всѣмъ другимъ обвиняемымъ, защищать себя смиренно преклоняясь передъ судомъ геліастовъ— сборищемъ самыхъ простыхъ аѳинскихъ гражданъ. Очевидно, онъ этого не сдѣлалъ; онъ, напротивъ того, воспользовался этимъ случаемъ только для того, чтобы во всеуслышанье возвѣстить новую и великую истину, а именно: что существуетъ возложенная божествомъ на него и на всякаго другого человѣка безусловная, непремѣнная обязанность, которую слѣдуетъ почитать выше всякаго государственнаго закона. «Я буду повиноваться богу, а не вамъ!» воскликнулъ онъ въ заключеніе своей защитительной рѣчи, и хотя она должна была представляться разуму простыхъ аѳинскихъ гражданъ чѣмъ-то непостижимымъ, однакоже, обвинительный приговоръ былъ произнесенъ лишь весьма незначительнымъ большинствомъ. Этотъ фактъ можетъ служить доказательствомъ того, что въ Аѳинахъ еще умѣли цѣнить «свободу слова», а можетъ-быть даже и доказательствомъ того, что новыя идеи уже успѣли пустить глубокіе корни въ Аѳинахъ. Только тогда, когда Сократъ съ явною насмѣшкою отнесся къ аттическому закону, допускавшему различныя снисхожденія въ пользу осужденнаго, — смертный приговоръ былъ произнесенъ значительнымъ большинствомъ, и едва-ли какой бы то ни было судъ могъ поступить иначе при данныхъ условіяхъ. Но еще и до приведенія этого приговора въ исполненіе Сократу представлялась возможность спастись. Ни одна казнь не могла быть совершена въ дни древняго паніонійскаго празднества въ честь Аполлона,—въ то время, когда отплывшій въ Делосъ корабль съ съ аѳинскими ѳеорами или священными послами находился въ пути къ острову и обратно въ Аѳины. Притомъ же, никому изъ друзей Сократа не препятствовали нимало посѣщать его въ темницѣ и, судя по этому, есть основаніе предположить, что въ правящихъ сферахъ ничего не имѣли бы противъ того, чтобы Сократъ избѣгъ смертной казни посредствомъ бѣгства или добровольнаго изгнанія. Партія, признававшая дѣятельность Сократа вредною, была бы гораздо болѣе довольна подобнымъ исходомъ, чѣмъ тою геройскою смертью, которою онъ увѣнчалъ свой величавый, спокойный и

самоувѣренный способъ дѣйствій. Но Сократъ и не подумалъ избѣгать смерти; въ стѣнахъ аѳинской тюрьмы произошла та неописуемо торжественная сцена, которую такъ трогательно описываетъ намъ Платонъ, называя Сократа «лучшимъ, справедливѣйшимъ, мудрѣйшимъ изъ людей». Смертью, которой онъ не искалъ, но которую свободно принялъ, мудрецъ запечатлѣлъ святость обязанности—повиноваться законамъ родной земли—и неколебимости убѣжденій своихъ (399).

Эта смерть, въ кругу ближайшихъ къ Сократу людей представлявшаяся громаднымъ событіемъ, была едва замѣчена среди общаго теченія жизни большого города, и вскорѣ даже забыта всѣми. Почти смѣшно слышать, когда говорятъ, будто аѳиняне впослѣдствіи оплакивали смертный приговоръ, произнесенный надъ Сократомъ. Не слѣдуетъ забывать, что не аѳиняне приговорили Сократа къ смерти, а аѳинскій судъ присяжныхъ, и, надо полагать, что каждый геліастъ подалъ свой голосъ на основаніи той клятвы, которую они приносили, вступая въ должность присяжныхъ, и та клятва гласила: «клянемся судить по законамъ, а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ бы нельзя было примѣнить законовъ, — по чистой совѣсти». Но въ томъ-то и дѣло, что люди, подобные Сократу, не отъ аѳинскаго суда присяжныхъ получаютъ свое оправданіе. Замѣтимъ, что не только въ Аѳинахъ, но и во всей Греціи смерть Сократа была замѣчена только въ немногихъ кружкахъ людей мыслящихъ и ученыхъ.

Гнетъ спартанскаго господства.

Демократическое правленіе утвердилось въ Аѳинахъ, не приведя къ столкновенію со Спартой. И Аѳины не тревожили Спарты, и въ теченіе цѣлаго двадцатилѣтія спартанцы безпрепятственно поддерживали свое господство надъ всею Грецією. Господство это, конечно, опиралось не на общемъ довольствѣ подчиненныхъ ему государствъ и городовъ, и даже нѣсколько напоминало собою господство чужеземное. Во многихъ мѣстахъ, небольшіе отряды спартанскаго войска, подъ командою гармоста (человѣка, конечно, простого и мало образованнаго), поддерживали господство незначительной кучки мѣстныхъ олигарховъ, и тѣмъ самымъ способствовали не только многимъ насиліямъ со стороны олигархіи, но и широко распространяющейся порчѣ нравовъ. Къ тому же, каждый спартіатъ, въ городахъ, занятыхъ спартанскими гарнизонами, привыкалъ смотрѣть на себя, какъ на господина и повелителя; и вслѣдствіе этого всюду являлось полное безправіе, невольно заставлявшее сожалѣть о прежней аѳинской гегемоніи, которую промѣняли на спартанскую. Само собою разумѣется, что у спартанцевъ всюду были свои добровольные шпіоны, и спартанцы узнавали своевременно, гдѣ именно недовольные пытались сплотиться для того, чтобы произвести насильственный переворотъ. Пока во главѣ спартанскаго управленія стоялъ зоркій и энергическій Лизандръ, онъ умѣлъ еще издалека предвидѣть и предупреждать всѣ опасности; такъ, напр., не ушелъ отъ руки его и опасный врагъ Спарты, Алкивіадъ, который палъ отъ предательской стрѣлы во владѣніяхъ сатрапа Фарнабаза. Алкивіада устранили изъ опасенія, что онъ могъ бы воспрепятствовать выполненію большого плана, къ осуществленію котораго, при помощи Лизандра, готовился старый союзникъ Спарты, Киръ-Младшій.

Персидскія дѣла. Артаксерксъ II и Киръ.

Братъ Кира, Артаксеркс II, еще съ 404 г. вступилъ на персидскій престолъ. Киръ-Младшій принадлежитъ къ числу немногихъ личностей позднѣйшаго персидскаго міра, способныхъ возбудить къ себѣ живѣйшій интересъ; мы знаемъ его не по имени только, а по отзывамъ очевидцевъ, лично его знавшихъ. Послѣ несчастнаго сицилійскаго похода, для Персіи наступило время вступиться въ войну, столь гибельную для эллинскаго міра, и Киръ съ величайшею готовностью вступилъ въ борьбу съ ненавистными ему Аѳинами. Онъ горѣлъ желаніемъ отмстить за все то зло, которое аѳиняне когда-то сдѣлали Персіи; не довольствуясь этимъ, онъ питалъ и гораздо болѣе обширные планы: онъ мечталъ о возстановленіи древне-персидскаго могущества и величія. Съ братомъ онъ жилъ не въ ладахъ, и однажды дерзнулъ въ такой степени прогнѣвить царя, что его могло спасти только преобладающее вліяніе царицы Паризатисъ, ихъ общей матери. Артаксерксъ былъ настолько слабъ, что вновь отправилъ его въ Сарды, въ его сатранію. Но, конечно, сообразно общепринятымъ воззрѣніямъ всѣхъ восточныхъ монархій, Киръ, провинившійся и навлекшій на себя подозрѣніе брата-царя, долженъ былъ постоянно опасаться за свою жизнь. И вотъ онъ задумалъ свергнуть брата своего съ престола, и твердо увѣренный въ томъ, что Спарта поможетъ ему въ выполненіи его намѣренія, надѣялся на успѣхъ своего замысла. Такъ и дошло дѣло до того знаменитаго похода грековъ въ Персію, который дастъ намъ возможность заглянуть въ весьма важныя области внутренней жизни греческихъ племенъ, а равно и знакомитъ насъ съ различными сторонами быта Персіи.

Битва при Кунаксѣ.

Продолжительная пелопоннезская война очень многихъ грековъ во всѣхъ мѣстностяхъ Эллады выбила изъ ихъ обычной колеи, и такимъ образомъ способствовала развитію *наемничества на военную службу*, которое, уже и до войны, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (напр., въ Аркадіи) было дѣломъ обычнымъ. При помощи такого-то наемнаго греческаго войска Киръ-Младшій и задумалъ осуществить свой планъ. 13.000 грековъ-наемниковъ собралъ онъ подъ свои знамена и присоединилъ къ гораздо болѣе многочисленному варварскому войску. Наиболѣе вліятельнымъ начальникомъ греческаго отряда былъ бѣжавшій изъ Спарты Клеархъ, котораго Ксенофонтъ изображаетъ намъ какъ человѣка невыносимо-надменнаго и безчестнаго, но какъ весьма способнаго и мужественнаго военачальника. Онъ былъ изгнанъ изъ отечества, но спартанское правительство, тайно поддерживавшее съ Киромъ сношенія, нимало не противилось тому, чтобы Клеарху было поручено начальство надъ греками. Походъ, весьма опасный для грековъ, закончился вскорѣ неудачею, въ которой большинство персовъ было почти увѣрено. Въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ Вавилона, при деревнѣ Кунаксѣ, на лѣвомъ берегу Евфрата, войско Кира сошлось съ царскимъ войскомъ, при которомъ находился самъ Артаксерксъ. Войско это было громадно по численности своей; однакоже, и здѣсь еще съ гораздо бо́льшимъ блескомъ, чѣмъ въ великихъ битвахъ персидскихъ войнъ, выказалось военное превосходство грековъ; непріятель не выдерживалъ ихъ натиска и бѣжалъ какъ стадо барановъ передъ хорошо обученными воинами, которыми начальствовалъ

Клеархъ. Но битва была рѣшена на томъ концѣ поля, гдѣ вовсе и не было грековъ. На другое утро послѣ битвы, изъ которой греки вышли побѣдителями, они узнали, что въ центрѣ сраженія, между обоими братьями, царемъ Артаксерксомъ и Киромъ-Младшимъ, и ихъ ближайшею свитою произошла ожесточенная схватка, въ которой Киръ былъ убитъ. И вотъ, положеніе грековъ-побѣдителей оказалось вдругъ совсѣмъ безнадежнымъ; но, по дальнѣйшему ходу дѣла, выказалась полная несостоятельность персидскихъ порядковъ и та неподражаемая нравственная сила грековъ, на которой, главнымъ образомъ, и основывалъ свои расчеты потерпѣвшій неудачу Киръ.

Низкое коварство сатрапа Тиссаферна лишило грековъ всѣхъ ихъ начальниковъ—и они очутились за 300 миль отъ родины въ положеніи самомъ отчаянномъ. У нихъ не было ни проводниковъ, ни кавалеріи, ни обезпеченнаго продовольствія: казалось, что они обречены на неизбѣжную гибель среди враждебной имъ страны. Но, по счастью, порядки въ Персидскомъ царствѣ оказались настолько плохими, что, при всемъ своемъ военномъ могуществѣ, оно не въ силахъ было уничтожить этотъ 10.000-й отрядъ греческихъ воиновъ. Греки избрали себѣ новыхъ начальниковъ, и, преодолѣвъ нескончаемое множество всякихъ препятствій, достигли все же, въ количествѣ 10.000 человѣкъ, береговъ «гостепріимнаго» Чернаго моря, усѣяннаго греческими колоніями. Въ Трапезундѣ они принесли жертву Гераклу и Зевсу-спасителю, и, по эллинскому обычаю, отпраздновали свое избавленіе отъ опасности большими воинскими играми и состязаніями. Эта экспедиція вообще доказала самымъ блестящимъ образомъ, какими превосходными качествами Эллада надѣляла сыновъ своихъ, и служитъ замѣчательнымъ примѣромъ эллинскаго единства въ такое время, когда на самой греческой почвѣ все было полно тайной злобы и явныхъ междоусобій.

Едва-ли соглашеніе со Спартой, доставившей Киру возможность осуществить эту экспедицію, приняло бы какія-либо болѣе опредѣленныя формы впослѣдствіи; если бы попытка Кира окончилась удачей, то, вѣроятно, малоазійскіе греческіе города были бы возвращены Персіи, а господство Спарты надолго бы утвердилось надъ всею европейскою Грепіею. Но попытка не удалась, и эта неудача повлекла за собою естественныя послѣдствія: къ Спартѣ при персидскомъ дворѣ стали относиться очень враждебно, и, напротивъ того, весьма охотно принимали всякихъ интригановъ изъ враждебныхъ Спартѣ греческихъ городовъ. Съ другой стороны, спартанцы получили возможность во-очію убѣдиться въ жалкомъ положеніи воинской силы въ Персіи. И вотъ, благодаря этому, политическія условія заново и совершенно измѣнились; когда сатрапъ Тиссаферпъ, врагъ Кира, вернулся въ свою сатранію и сталъ готовиться къ завоеванію іонійскихъ городовъ, для спартанскаго правительства защита этихъ городовъ стала непремѣнною обязанностью. Спартанскія войска уже явились въ Азіи, и возвращавшіеся изъ своего похода «наемники Кира» послужили имъ желаннымъ подкрѣпленіемъ.

Спарта. Царь Агезилай.

Эта политика получила болѣе рѣшительный характеръ при новомъ царѣ спартанскомъ, *Агезилаѣ*. То былъ одинъ изъ немногихъ царей

спартанскихъ, личность котораго представляется намъ въ опредѣленныхъ очертаніяхъ: небольшого роста, некрасивый, на одну ногу хромой, сорокалѣтній мужчина, очень привлекательный по характеру, чрезвычайно простой въ жизни, очень остроумный и въ то же время превосходный воинъ и искусный дипломатъ, пожалуй, еще похитрѣе самого Лизандра. А Лизандръ тѣмъ временемъ носился съ очень дальновидными планами; самъ будучи Гераклидомъ, но не изъ царственной линіи этого рода, онъ задумалъ было добиться того, чтобы при посредствѣ народнаго избранія царское достоинство могло быть доступно всѣмъ Гераклидамъ, слѣдовательно и ему; однакоже непосредственное удовлетвореніе его честолюбивыхъ желаній оказалось невозможнымъ — и вотъ онъ задумалъ править царствомъ черезъ лично ему обязаннаго Агезилая, въ которомъ онъ опять-таки жестоко ошибся. Въ этихъ видахъ, въ 398 г., Лизандръ съумѣлъ возвести Агезилая на тронъ при первомъ удобномъ случаѣ и даже помимо дѣйствительнаго порядка престолонаслѣдія.

Походъ Агезилая въ Азію.

Агезилай, которому, тотчасъ по вступленіи его на престолъ, удалось подавить весьма опасный заговоръ низшихъ, угнетенныхъ классовъ народа противъ знати, рѣшился указать этимъ опаснымъ спламъ исходъ и ради этой цѣли создалъ цѣлый планъ весьма внушительной внѣшней политики. Онъ собралъ отличное войско, и приготовился къ чисто-національному, обще-эллинскому походу. Еще впервые явилось въ спартанской политикѣ нѣчто романтическое: Агезилай рѣшился посадить свое войско на корабли въ той самой Авлидѣ (въ Віотіи), откуда нѣкогда Агамемнонъ пустился въ свой легендарный походъ противъ Трои.

По прибытіи въ Азію, Агезилай занялъ тамъ весьма видное положеніе. Онъ очень ловко отдѣлался отъ Лизандра и заставилъ уважать себя. Съ какого рода противниками ему приходилось имѣть дѣло, мы это можемъ видѣть изъ того весьма характернаго обстоятельства, что одинъ изъ двоихъ мѣстныхъ персидскихъ сатраповъ ежемѣсячно платилъ Агезилаю извѣстную субсидію только за то, чтобы онъ не воевалъ въ предѣлахъ его провинціи. Между тѣмъ Агезилай сталъ готовиться къ настоящимъ завоеваніямъ, и зимою 396 — 395 года принялся въ Эфесѣ за обширныя приготовленія къ походу внутрь Персіи. Однакоже выполненіе этого замысла, по крайней мѣрѣ подъ спартанскимъ руководствомъ, почти тотчасъ же оказалось невозможнымъ. При персидскомъ дворѣ нашлись необходимыя денежныя средства и ловкій эллинъ — и этого оказалось совершенно достаточно, чтобы вызвать въ Греціи вооруженное возстаніе, которое и вынудило Агезилая къ возвращенію въ отечество. «Для того, чтобы произвести это чудо»—говорилъ насмѣшливо Агезилай—«достаточно было 30.000 *стрѣлковъ*!» *)

Коринѳская война.

Тимократъ, изъ Родоса, отправился съ этими «стрѣлками» въ Ѳивы, Коринѳъ, Аргосъ, гдѣ и безъ того довольно было поводовъ для недовольства Спартою; оказалось, что и на Аѳины можно было разсчитывать. Прежде всего разразилась война между Спартою и Ѳивами; предъ вратами віо-

*) Агезилай въ этой шуткѣ намекаетъ на то, что персидскія золотыя монеты носили на себѣ изображеніе стрѣльца, натягивающаго лукъ.

тійскаго городка *Галіарта* палъ Лизандръ (395 г.) и останки этого знаменитаго воина и вождя аристократической партіи пришлось выкупать у побѣдителей при посредствѣ договора, весьма позорнаго для Спартанцевъ. Эта удача Віотіи послужила для другихъ большихъ городовъ, вмѣстѣ съ примкнувшими къ нимъ меньшими городами — сигналомъ къ возстанію. Коринѳъ принялъ на себя руководство этимъ движеніемъ и тамъ собралось войско новой коалиціи, которое быстро направилось къ Спартѣ, для того, чтобы (по выраженію одного Коринѳскаго оратора) «сжечь шершня въ самомъ гнѣздѣ его». Спартанцы оказались еще достаточно сильными для того, чтобы одержать надъ союзными войсками побѣду при Немеѣ (394, іюнь). Побѣда вывела Спартанцевъ изъ очень затруднительнаго положенія; однакоже къ Агезилаю уже было отправлено предписаніе—немедленно возвратиться изъ Азіи въ отечество, которому угрожала неминуемая опасность. Агезилай повиновался; быстро перейдя съ войскомъ своимъ черезъ Ѳракію, Македонію и Оессалію, онъ достигъ Віотіи; онъ сознавалъ, что ему надо будетъ мечомъ проложить себѣ дорогу въ Пелопоннезъ сквозь ряды стройнаго союзнаго войска. И вдругъ онъ узналъ, что его зять Пейзандръ, съ 120 триремами, при о. Книдѣ, вступилъ въ битву съ персидскимъ флотомъ, которымъ командовалъ аѳинскій выходецъ Кононъ — потерпѣлъ пораженіе, и самъ палъ въ битвѣ (августъ, 394 г.); онъ скрылъ дурную вѣсть отъ своего войска, и двинулся впередъ. При Коронеѣ, на большой дорогѣ, пролегающей черезъ Віотію, онъ вынужденъ былъ принять неизбѣжную битву; произошла ожесточенная сѣча между ѳивскими и спартанскими гоплитами, которые, по описанію Ксенофонта—«сходились, сшибались щитами, рубились, убивали, и падали мертвые» — и окончилась побѣдою, которая открыла Агезилаю путь къ Истму.

Анталкидовъ миръ. 387.

Шесть лѣтъ тянулась эта война, при перемѣнномъ счастіи и всякихъ случайностяхъ, и получила названіе *Коринѳской* потому, что Коринѳъ въ теченіе ея былъ главнымъ центромъ всѣхъ военныхъ дѣйствій. Озлобленные противники, при довольно равныхъ силахъ, не могли прійти къ примиренію, и потому случилось нѣчто совсѣмъ невѣроятное: миръ былъ предписанъ обѣимъ сторонамъ персидскимъ царемъ (387). *Анталкиду*, ловкому посреднику, отправленному Спартанцами въ Сузу, удалось вновь переманить персидскій дворъ на сторону Спарты. Расположеніе Персіи было куплено формальнымъ отреченіемъ Спарты отъ всякаго общенія съ греческими городами въ Азіи; съ другой стороны — всѣ большіе и малые города въ Элладѣ были объявлены вполнѣ автономными — слѣдовательно, этимъ самымъ, уничтожены всѣ союзы; этимъ путемъ Спартѣ, какъ городу, владѣвшему двумя большими землями—Лаконіей и Мессеніей, была обезпечена гегемонія. Внѣшняя форма этого мирнаго трактата была въ высшей степени унизительна для эллинской національной гордости. «Царь Артаксеркъ за благо разсудилъ» — такъ начинался этотъ документъ, и заканчивался угрозою войны противъ всѣхъ тѣхъ, кто бы вздумалъ не принять этого мира. Аѳиняне, которымъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ (393 г.) удалось на персидскія деньги возстановить стѣны своего города, подчинились условіямъ этого мира, тѣмъ болѣе, что по трактату они получали

кое-какія новыя пріобрѣтенія: острова Лемносъ, Имбросъ, Скиросъ; согласились на миръ и Ѳиванцы, послѣ того, какъ Агезилай пригрозилъ имъ, что будетъ дѣйствовать по отношенію къ нимъ на основаніи заключительной статьи договора. Этотъ *Анталкидовъ* миръ, разсчитанный на прирожденное греческому народу стремленіе къ разъединенію, еще разъ подкрѣпилъ гегемонію Спарты. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого трактата было почти повсемѣстное возвышеніе олигархической партіи. Между двухъ строевъ спартанскихъ воиновъ предводители демократической партіи направились изъ аркадскаго города Мантинеи въ изгнаніе, а самое населеніе города, по срытіи стѣнъ его, было распредѣлено по нѣсколькимъ деревнямъ. Самою дурною стороною этого трактата, исходившаго отъ имени персидскаго царя, было то, что редакція его изложена была Спартанцами, которые ради своихъ выгодъ допустили позорное вмѣшательство варваровъ во внутреннія дѣла Греціи.

Спартанцы въ Ѳивахъ. 381.

Иногда представляется намъ, что весь полуостровъ, занятый греческими государствами, находился около этого времени подъ гнетомъ какого-то тайнаго олигархо-аристократическаго союза, и мы видимъ, что гдѣ бы ни касалось дѣло интересовъ этихъ олигархическихъ, тѣсно связанныхъ и сплоченныхъ между собою кружковъ, — всѣ остальные интересы отодвигались на задній планъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ установившагося въ Греціи порядка вещей было повсемѣстное уничтоженіе союзовъ, которое, между прочимъ, въ Віотіи вызвало сильную оппозицію, принявшую по необходимости демократическую окраску. Случилось, что около этого времени, въ 382 г., отрядъ спартанскаго войска проходилъ на Сѣверъ, дабы тамъ, на основаніи условій Анталкидова мира, воспрепятствовать образованію союза городовъ въ Халкидикѣ. Спартанцы, по пути, приблизились къ Ѳивамъ, и тутъ-то было приведено въ исполненіе вѣроятно давно уже задуманное предательство. Глава ѳиванскихъ олигарховъ, Леонтіадъ, самъ ввелъ спартанское войско и ихъ гармоста Ѳевида въ древній ѳиванскій замокъ Кадмею, и, хотя гармостъ былъ вскорѣ отозванъ въ Спарту и даже присужденъ къ денежной пенѣ за то, что дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ самовольно, однакоже спартанскій гарнизонъ оставленъ въ Кадмеѣ. Въ то же самое время, Исменій, глава ѳиванской демократической партіи, былъ казненъ въ Спартѣ за то, что «состоялъ въ сношеніяхъ съ варварами и получалъ деньги отъ Персовъ», т. е. провинился въ томъ самомъ преступленіи, на которомъ основывалось временное могущество Спарты.

Освобожденіе Ѳивъ. 379.

При такихъ порядкахъ, положеніе Аѳинъ было весьма затруднительнымъ, но за то и весьма знаменательнымъ; великимъ счастьемъ для города было то, что онъ вновь былъ укрѣпленъ, и что именно въ это время, при помощи искусныхъ военачальниковъ и собственной сообразительности, Аѳинянамъ удалось провести нѣкоторыя военныя реформы, которыя не были по достоинству оцѣнены Спартанцами. Въ послѣднюю, Коринѳскую, войну произошло событіе, въ высшей степени важное по своему военному значенію: организованное и предводимое аѳинянином̀ъ Ификратомъ новое войско, полкъ *пельтастовъ* — легкихъ пѣхотинцевъ съ круглыми щитами и метательными копьями — подкрѣпляемый небольшимъ количе-

ствомъ гоплитовъ, вблизи Коринѳа, въ открытомъ полѣ, разсѣялъ и въ большей части уничтожилъ отрядъ въ 600 человѣкъ страшныхъ спартанскихъ гоплитовъ. Этотъ военный эпизодъ показалъ ясно, что спартанская тяжело вооруженная пѣхота уже не была въ настоящее время такою непреодолимою силою, какъ въ прежнія времена. Вообще же въ послѣднее время городъ Аѳины успѣлъ опять-таки поправиться; притомъ въ Аѳинахъ нашли себѣ пріютъ и многіе изъ ѳиванскихъ бѣглецовъ — сторонники демократической партіи въ Ѳивахъ, и аѳинскіе граждане, честные и признательные, отклонили требованіе Спарты о выдачѣ этихъ бѣглецовъ. Спартанскому правительству въ данное время пришлось отказаться отъ своего требованія; а укрытые Аѳинянами Ѳиванцы продолжали поддерживать сношенія съ остальными своими сторонниками въ Ѳивахъ, гдѣ, среди демократіи, много было лицъ, пользовавшихся большимъ значеніемъ, и противъ которыхъ олигархи не могли ничего предпринять. Тиранны изъ олигарховъ,—при вооруженной силѣ спартанской, занимавшей Кадмею и при полномъ согласіи съ всесильною Спартою — считали себя вполнѣ обезпеченными отъ всякихъ случайностей, и ничего не замѣчали; а между тѣмъ, въ одинъ изъ зимнихъ дней 379 г., нѣкоторая часть ѳиванскихъ выходцевъ, переодѣтыхъ охотниками и землепашцами, покинули Аѳины и перешли черезъ Киѳеронъ. Незамѣченные никѣмъ, они достигли своего родного города и условились здѣсь со своими единомышленниками о нѣкоторыхъ необходимыхъ приготовленіяхъ. Въ тотъ же вечеръ нѣкоторые изъ заговорщиковъ, переодѣтые въ женскую одежду, проникли въ залъ пиршества, гдѣ ѳиванскіе правители веселились на свой ладъ. Разыгралась истинно-трагическая сцена: въ рукахъ женщинъ вдругъ блеснули кинжалы и всѣ олигархи (въ томъ числѣ Архій, Филиппъ, Кабейрихъ, Леонтіадъ) были разомъ умерщвлены, отчасти на этомъ пиршествѣ, отчасти въ домахъ своихъ. На другое утро граждане ѳиванскіе узнали о случившемся; а между тѣмъ изъ Аѳинъ прибывали новыя толпы ѳиванскихъ выходцевъ и приняты были уже мѣры къ штурму Кадмеи. Спартанскій начальникъ гарнизона, Сфодрій, не сталъ ожидать его, и капитулировалъ. На обратномъ пути ему пришла въ голову несчастная мысль загладить свою неудачу внезапнымъ захватомъ аѳинской гавани; но попытка его, однако, не удалась, и послѣдствіемъ ея было лишь то, что Ѳиванцы и Аѳиняне заключили между собою союзъ противъ пылающей мщеніемъ Спарты.

Аѳины. Новый морской союзъ.

Спартанцы сначала обратили гнѣвъ свой противъ Ѳивъ, и Аѳины воспользовались благопріятнымъ временемъ, для *возобновленія* своего прежняго Іонійскаго *морского союза*. Къ союзу примкнула довольно значительная часть городовъ, расположенныхъ по прибрежью и островамъ Эгейскаго моря. И этотъ второй союзъ былъ уже основанъ на началахъ гораздо болѣе либеральныхъ, нежели первый. Важнымъ условіемъ въ новыхъ отношеніяхъ аѳинянъ и ихъ союзниковъ было то, что окончательное рѣшеніе всѣхъ насущныхъ вопросовъ было предоставлено союзному совѣту, состоявшему изъ уполномоченныхъ всѣхъ городовъ союза. При этомъ допущено было не только либеральное, но даже и не совсѣмъ разумное положеніе, по которому каждый изъ городовъ союза, и большой,

и малый, одинаково пользовался правомъ *одного* голоса въ союзномъ совѣтѣ. Въ то же самое время внутреннія реформы, военныя и финансовыя, шли въ Аѳинахъ своимъ чередомъ, и вскорѣ у Аѳинъ явился весьма значительный флотъ, противъ котораго Спарта ничего не могла выставить. Вообще говоря, это государство, разбросавшее свои силы въ разныя стороны для выполненія весьма широкихъ и сложныхъ плановъ внѣшней политики, теперь находилось въ положеніи затруднительномъ,—и лишь съ трудомъ могло защищаться отъ ѳиванцевъ, которые отъ первоначально оборонительной войны собирались перейти къ наступленію.

Возвышеніе Ѳивъ. Эпаминондъ.

Намъ очень немногое извѣстно о внутреннихъ условіяхъ жизни ѳиванскаго государства: въ дошедшихъ до насъ свѣдѣніяхъ особенно выставлена на видъ необычайная тѣлесная крѣпость Ѳиванскаго народа, воинственный духъ, присущій ему, и въ связи съ нимъ сильно развитое чувство собственнаго достоинства. Вообще же говоря, Віотія, среди остальныхъ грековъ, и въ особенности среди аѳинянъ, не пользовалась особенно лестною славою. Віотяне слыли за людей вялыхъ и не очень способныхъ, пристрастныхъ къ чувственнымъ наслажденіямъ, предававшихся до излишества объяденію и пьянству, чего вообще за остальными греками не водилось. Однакоже, народъ былъ честолюбивъ, какъ это мы можемъ ясно видѣть въ произведеніяхъ ѳиванца *Пиндара* (521—447 г.), который всю свою поэзію посвятилъ исключительно прославленію побѣдителей на народныхъ состязаніяхъ въ Олимпіи, Коринѳѣ, Дельфахъ и Немеѣ; и, можетъ-быть, не по волѣ народа, а по винѣ особыхъ условій его жизни, врожденное этому народу честолюбіе до того времени не находило себѣ надлежащаго удовлетворенія. Теперь же условія представились къ тому самыя благопріятныя, да сверхъ того на долю города выпало особенное счастье:—между выдающимися вождями ѳиванцевъ явились два въ высшей степени замѣчательныхъ мужа — *Пелопидъ* и *Эпаминондъ*, которые и всему народу своему съумѣли передать тотъ пламень одушевленія, который ихъ самихъ оживлялъ. Пелопидъ игралъ главную роль въ эпизодѣ освобожденія Ѳивъ отъ олигархіи (въ 379 г.); Эпаминондъ же либо преднамѣренно былъ оставленъ въ сторонѣ заговорщиками, чтобы избавить его отъ послѣдствій весьма возможной неудачи, либо по другой какой-нибудь причинѣ самъ держался вдали отъ заговора, и принялся за дѣло уже только на другой день послѣ умерщвленія олигарховъ, когда поднятъ былъ вопросъ объ упроченіи успѣха устраненіемъ спартанцевъ. Но именно Эпаминондъ-то и былъ наиболѣе замѣчательнымъ изъ этихъ двоихъ дѣятелей: духъ его надъ всѣмъ преобладалъ и всѣмъ давалъ направленіе... Его дѣянія побуждаютъ насъ видѣть въ немъ мужа необычайныхъ дарованій, подобно Периклу, отмѣченнаго отъ природы печатью царственнаго величія. Подобно Периклу, и Эпаминондъ былъ въ равной степени надѣленъ и необычайною широтою взгляда и замысла, и необычайною настойчивостью въ выполненіи задуманнаго. По складу ума—философъ и патріотъ-идеалистъ, онъ даже не представлялся опаснымъ въ глазахъ своихъ товарищей-олигарховъ, людей недалекихъ и беззаботныхъ, и не возбуждалъ въ нихъ никакихъ подозрѣній. Этотъ-то человѣкъ теперь и выступилъ впередъ во всей своей мощи.

Эпаминондъ и Агезилай. Война.

Само собою разумѣется, что послѣ переворота 379 г. Ѳивы стали во враждебное отношеніе къ Спартѣ. Непріязненныя отношенія продолжались нѣсколько лѣтъ сряду и не приводили ни къ чему рѣшительному. Между тѣмъ, ѳиванцы не теряли времени: по указанію Эпаминонда—хотя и противъ условій Анталкидова мира—они заняли свое прежнее положеніе во главѣ союза віотійскихъ городовъ. Несчастный городъ Платея еще разъ сдѣлался жертвою этой ѳиванской политики (372), и его населеніе еще разъ вынуждено было искать себѣ защиты за стѣнами дружественныхъ ему Аѳинъ. Аѳиняне, нѣсколько напуганные тѣмъ, что творилось у нихъ по сосѣдству, послѣ раззоренія Платеи, даже выказали нѣкоторую склонность къ сближенію со спартанцами. Весною 371 г. выборные отъ городовъ Пелопоннезскаго союза, по обычаю, собрались въ Спартѣ, которая умѣла по-своему понимать условія Анталкидова мира. Такъ какъ на это собраніе явились посланные и уполномоченные отъ другихъ государствъ, то засѣданія этого собранія обратились въ конгрессъ мира, и, по предложенію аѳинскаго посла Каллистрата, условія Анталкидова мира были приняты за основу общаго соглашенія. Эта основа, сама по себѣ, уже исключила всѣ такъ-называемыя гегемоническія притязанія; было даже постановлено, что пелопоннезскіе союзники Спарты не могли быть вынуждаемы къ оказанію помощи спартанцамъ въ ихъ войнахъ. Но это постановленіе, конечно, было только простою формальностью и нимало не могло измѣнить отношеній могущественной Спарты къ ея мелкимъ и слабымъ союзникамъ. Но главнымъ ядромъ всѣхъ обсужденій былъ вопросъ о положеніи *віотійскихъ* городовъ и ихъ отношеній къ Ѳивамъ; вопросъ этотъ, однакоже, былъ поднятъ только уже по окончаніи совѣщаній конгресса, когда уже всѣ собирались присягою скрѣпить его рѣшеніе. На вопросъ о віотійскихъ городахъ, Эпаминондъ отвѣчалъ, что они поставлены въ такое же точно отношеніе къ Ѳивамъ, какъ и лакедемонскіе города къ Спартѣ; при этомъ онъ, въ качествѣ ѳиванскаго посла, заявилъ, что желаетъ присягнуть въ соблюденіи мира на сушѣ и на морѣ не иначе, какъ отъ имени *всей Віотіи*. Но большинство присутствовавшихъ на конгрессѣ не считали возможнымъ допущенія той аналогіи, на которую указывалъ Эпаминондъ; это большинство, главнымъ образомъ, стремилось именно къ уничтоженію віотійскаго союза, и если бы это не удалось—къ обвиненію ѳиванцевъ въ честолюбивыхъ замыслахъ: такимъ образомъ, оказалось бы, что ѳиванцы, или, по крайней мѣрѣ, ихъ правители, являются главнымъ препятствіемъ къ общему умиротворенію Греціи. Поднялись споры—раздоръ обнаружился явно, и дѣло дошло до личностей; Эпаминондъ, далеко превосходившій Агезилая во всѣхъ отношеніяхъ, давно уже возбудилъ къ себѣ ненависть этого Спартанскаго царя, который и позволилъ себѣ очень рѣзкую выходку: когда Эпаминондъ, на вопросъ объ автономіи віотійскихъ городовъ, поднялъ, въ видѣ противовѣса, вопросъ объ автономіи городовъ лакедемонскихъ, царь Спартанскій вычеркнулъ Ѳивы изъ списка городовъ, которые должны были пользоваться миромъ.

Битва при Левктрѣ 371 г.

Въ сущности, это было равносильно объявленію войны, и начало военныхъ дѣйствій не замедлило. Спартанскій царь *Клеомбротъ*, который

находился съ войскомъ въ Фокидѣ, получилъ приказаніе двинуться противъ Ѳивъ, и вѣроятно также—постараться найти себѣ союзниковъ между віотійскими городами. Впрочемъ, всѣ вообще полагались на военную мощь Спарты, и тѣмъ болѣе могли полагаться, что у ѳиванцевъ не было союзниковъ. Предстояло обоимъ государствамъ вступить въ единоборство, въ исходѣ котораго почти не сомнѣвались, предполагая, что побѣда останется на сторонѣ того, кто постоянно являлся сильнѣйшимъ. Тѣ же неблагопріятныя предположенія существовали у многихъ и въ лагерѣ Эпаминонда; всѣмъ бросились въ глаза различныя дурныя предзнаменованія—старались даже обратить на нихъ вниманіе Эпаминонда. «Конечно», отвѣчалъ онъ,—«на знаменья боговъ слѣдуетъ обращать вниманіе, но можетъ-ли быть что-либо лучше смерти за отечество!» Всѣ, предсказывавшіе неблагопріятный исходъ предстоящей битвы, упускали изъ виду, что военное искусство въ послѣднее время пошло впередъ и давало возможность геніальному полководцу свободнѣе распоряжаться своими силами, допуская многія новыя и неожиданныя комбинаціи ихъ. На этомъ именно основаніи битва, которая произошла въ іюлѣ 371 года при віотійской деревнѣ *Левктра*,—оказалась вовсе не похожею ни на какія другія битвы, когда-либо происходившія въ Греціи. Въ прежнихъ битвахъ, обыкновенно, дѣло рѣшалось на правомъ крылѣ, гдѣ ставились лучшія силы, почему правое крыло считалось даже почетнымъ мѣстомъ въ строю; Эпаминондъ же, наоборотъ, правому крылу своему придалъ значеніе части, предназначенной только для обороны, а рѣшительный ударъ подготовилъ на лѣвомъ крылѣ; это лѣвое крыло онъ чрезвычайно усилилъ и выдвинулъ впередъ, а правое, слабѣйшее, нѣсколько отодвинулъ назадъ: въ этомъ-то и заключалось построеніе знаменитой «косой фаланги» — и успѣхъ ея былъ на этотъ разъ блистательнымъ. Пораженіе спартанцевъ, если станемъ разбирать его съ матеріальной стороны, было весьма тяжкимъ, потому что въ битвѣ палъ ихъ царь и 400 спартіатовъ; но гораздо болѣе ужаснымъ, почти смертельнымъ, для Спарты было нравственное дѣйствіе этого пораженія. Это была еще первая побѣда малаго войска надъ значительно сильнѣйшимъ спартанскимъ войскомъ въ открытомъ полѣ. Послѣ такой побѣды, для давно уже всюду накипѣвшей ненависти противъ Спарты открылась полная возможность проявиться во всей силѣ... Пораженіе при Левктрѣ было таково, что Спарта уже никогда болѣе не могла отъ него оправиться и вернуться къ своему прежнему значенію.

Походы Эпаминонда въ Пелопоннезъ.

Всего же страшнѣе для Спарты было то, что побѣдителемъ ея являлся человѣкъ, рѣшившійся безпощадно воспользоваться плодами своей побѣды и вполнѣ на это способный. Эпаминондъ добылъ себѣ отъ суда Амфиктіоній произнесенный имъ обвинительный приговоръ противъ Спарты за нѣкогда совершенный ею совершенно безправный захватъ Кадмеи, и занялся послѣдними приготовленіями къ тому, чтобы въ самомъ Пелопоннезѣ нанести смертельные удары въ самое сердце спартанскаго могущества. Въ 369 г. онъ двинулся черезъ Истмъ: теперь у него уже не было недостатка въ союзникахъ, и даже въ самомъ Пелопоннезѣ примкнули къ нему аргивяне, аркадійцы и другіе. Онъ смѣло прошелъ черезъ тѣснины,

нѣкогда такъ тщательно охраняемыя, съ сильнымъ войскомъ вступилъ въ Лаконію — и впервые еще женщинамъ Спарты пришлось увидѣть на лакедемонской почвѣ огни непріятельскаго стана.

Новыя государства: Аркадія и Мессенія.

На этотъ разъ, однакоже, завоеваніе Спарты не удалось «хитроумному мужу»—такъ называлъ его Агезилай, врагъ его, руководившій защитою Спарты; или же, можетъ-быть, и самъ Эпаминондъ разсчиталъ, что это завоеваніе будетъ стоить слишкомъ большихъ пожертвованій, которыхъ, въ сущности, завоеваніе Спарты не заслуживало, тѣмъ болѣе, что у него было всегда въ рукахъ средство подорвать могущество этого враждебнаго Ѳивамъ государства. Пройдя черезъ весь полуостровъ, до города Гиѳейонъ, самой крайней гавани лакедемонскаго южнаго побережья, Эпаминондъ, всегда оригинальный и изобрѣтательный въ своей политикѣ, вызвалъ къ жизни два новыхъ государства. Онъ образовалъ федерацію изъ *Аркадскихъ городовъ* и создалъ для нея особый, искусственный центръ, въ видѣ главнаго города вновь возникшей Аркадіи, *Мегалополя*. Одновременно съ этимъ возстановлено было давно разрушенное государство *Мессенское,* и среди него созданъ новый городъ *Мессана*. Давнымъ-давно погашенный жертвенный огонь на алтарѣ Итомейскаго Зевса былъ вновь возженъ, и отовсюду стали возвращаться потомки храбраго и несчастнаго народа на прекрасную родину, возвращенную имъ великимъ ѳиванцемъ. Новый городъ воскресъ въ самомъ центрѣ Мессеніи, у подошвы Итомэ.

Этихъ утѣшительныхъ послѣдствій безконечной войны не могли поколебать ничьи новыя интриги и происки, которые въ концѣ-концовъ привели къ новому союзу между Аѳинами, Коринѳомъ, Спартою и нѣкоторыми другими пелопоннезскими городами. Военное превосходство Ѳиванцевъ, равно какъ и необходимость ихъ поддержки для ихъ собственныхъ союзниковъ въ Пелопоннезѣ высказалось во *второмъ* (369 г.) и *третьемъ* (367 г.) походѣ Эпаминонда въ Пелопоннезъ; съ другой стороны, на Сѣверѣ, Ѳивы стали подчинять своей власти Ѳессалію и Македонію. Сверхъ того, Эпаминондъ счелъ необходимымъ обезпечить себѣ союзъ съ Персіей, и ѳиванскіе послы, Исменій и Пелопидъ (въ 367 г.), выставившіе на видъ при персидскомъ дворѣ достаточно вѣскіе доводы (заимствованные ими изъ исторіи Ѳивъ) въ пользу сближенія Персидскаго царства съ ихъ роднымъ городомъ,—добились-таки въ Сузѣ такого акта, которымъ Персія признавала ново-созданныя въ Пелопоннезѣ государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и за Ѳивами утверждала значеніе руководящаго государства, какъ нѣкогда за Спартою, при заключеніи Анталкидова мира. Вскорѣ послѣ того, одинъ изъ двоихъ вождей ѳиванскихъ, Пелопидъ, сошелъ со сцены (въ 364 г.). Въ одномъ изъ походовъ въ Ѳессалію, противъ Ферейскаго тиранна Александра, Пелопидъ слишкомъ поддался порыву своего рыцарскаго мужества и своей ненависти къ врагу, врубился въ ряды непріятелей и палъ, прежде чѣмъ свои успѣли прійти ему на помощь; ожесточенная битва завязалась надъ трупомъ его—и окончилась побѣдою ѳиванцевъ. Эпаминондъ-же былъ въ это время въ полномъ расцвѣтѣ силъ и носился со смѣлымъ планомъ созданія морской силы для ѳиванцевъ, которые всюду начинали уже проявлять свое могущество и

охотно шли вслѣдъ за великимъ своимъ вождемъ по пути смѣлой завоевательной политики, къ которой воодушевлялъ ихъ геній Эпаминонда.

Смерть Эпаминонда. Миръ.

Само собою разумѣется, что дѣла въ Пелопоннезѣ вскорѣ вновь запутались, потому что у каждой изъ этихъ маленькихъ областей были свои старые пограничные счеты или племенные раздоры съ сосѣдями. Однажды, въ 364 году, дѣло дошло даже до того, что и на самыхъ олимпійскихъ играхъ (во время 104 олимпіады), въ самомъ священномъ мѣстѣ всей Эллады, разразилась кровавая распря между аркадянами, аргивянами и частью аѳинянъ, съ одной стороны, противъ элидянъ и ахейцевъ—съ другой. Въ четвертый разъ вступилъ тогда Эпаминондъ (362 г.) со стройнымъ войскомъ своимъ въ Пеполоннезъ; въ его войскѣ, кромѣ віотійцевъ, были и ѳессалійцы, и локры, и отряды изъ другихъ частей Греціи. Еще разъ попытался онъ, обманувъ Агезилая ловкимъ маневромъ, напасть врасплохъ на Спарту. Но быстроногій вѣстникъ успѣлъ еще вò-время извѣстить Агезилая объ опасности, грозившей Спартѣ, и Эпаминондъ, уже достигнувшій торговой площади города, долженъ былъ повернуть назадъ. Рѣшительная битва произошла на плоской возвышенности, между аркадскими городами *Тегей* и *Мантинеей*, и получила названіе *Мантинейской* (362 г.). Побѣда въ этой битвѣ осталась на сторонѣ ѳиванцевъ и ихъ союзниковъ, но Эпаминондъ не пережилъ этой побѣды; въ упорной, ожесточенной битвѣ между ѳиванскою и спартанскою пѣхотами, которая долго не приводила ни къ какому ясному результату, Эпаминондъ былъ смертельно раненъ копьемъ. Разсказываютъ, что въ то время, когда онъ услышалъ, что въ битвѣ пали многіе мужи, пользовавшіеся его довѣренностью (но о которыхъ намъ ничего, кромѣ ихъ именъ, не извѣстно), то сказалъ: «ну, такъ вы должны заключить миръ». И дѣйствительно, не было никого, ктò-бы могъ его замѣстить—и потому миръ былъ заключенъ. Но это былъ миръ только чисто-формальный, такъ какъ онъ только призналъ существующее положеніе дѣлъ и, такъ сказать, узаконилъ его временное существованіе.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Вѣкъ Александра Великаго.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Македонское царство и эллинская самоправность. Филиппъ и Демосѳенъ.

Введеніе.

Всѣ авторы, излагавшіе исторію грековъ въ видѣ отдѣльнаго, самостоятельнаго цѣлаго, совершенно правильно заканчивали ее 338 г. до Р. Х., — тѣмъ годомъ, въ который эллинская свобода была сражена «Македонскимъ Аресомъ» на упитанной кровью равнинѣ западной Віотіи; трагическою личностью аѳинскаго оратора Демосѳена заключается исторія грековъ. Далѣе, при Александрѣ Великомъ и его преемникахъ, видимъ Элладу уже иною, просвѣтленною, одухотворенною, проникнутою не автополитическими, а космополитическими стремленіями. Многіе изъ историковъ, занимавшіеся исключительно исторіею Греціи (напр., Нибуръ, Гроте, Курціусъ), послѣдніе годы ея, вмѣщающіе въ себѣ борьбу греческой самоправности съ македонскимъ царствомъ, излагаютъ съ тѣмъ же теплымъ сочувствіемъ къ побѣжденнымъ, съ какимъ разсказываютъ намъ о побѣдоносной борьбѣ грековъ съ персами. Но при изложеніи Всеобщей Исторіи, въ которую исторія Греціи входитъ лишь какъ часть, задача изложенія нѣсколько видоизмѣняется. Исторія человѣчества есть исторія прогресса: эта-же геройская борьба противъ подавляющей исторической судьбы, борьба, которой величавая и прекрасная личность аттическаго оратора придаетъ столько достоинства и благородства, — была не болѣе какъ агоніей. Историческое право, право новаго, многообѣщающаго, животворнаго развитія было на сторонѣ македонскаго оружія, а потому и будетъ правильнѣе, утѣшительнѣе и справедливѣе, если мы станемъ разсматривать эти послѣдніе дни греческой независимости, какъ вступленіе, какъ подготовительный актъ новаго, наступающаго вѣка.

Духовная жизнь Эллиновъ.

Въ памяти людей съ бо̀льшимъ блескомъ сохраняются воспоминанія о томъ времени, когда проявляется творчество немногихъ, но великихъ первоклассныхъ геніевъ, нежели о томъ, въ теченіе котораго многіе, вызванные къ жизни геніями второстепенные таланты начинаютъ распро-

странять среди общества новѣйшія пріобрѣтенія въ области творчества въ видѣ разнообразныхъ подражаній, примѣненій и слѣпковъ. Вспоминая объ этихъ послѣднихъ временахъ, о нихъ говорятъ, какъ о временахъ упадка только потому, что искусства въ эти періоды не достигали высшаго предѣла развитія, хотя Гомеры, Софоклы и Фидіи, сообразно съ законами человѣческой ограниченности, являются отдѣльными и рѣдкими единицами. Вообще же говоря, греческіе города и области въ 350 г. до Р. Х. представляли собою зрѣлище гораздо болѣе утѣшительное, нежели въ 450 г.; произведенія греческаго ума, проявившіяся въ дивный вѣкъ, непосредственно послѣдовавшій за эпохою персидскихъ войнъ, явились для послѣдующаго вѣка образцами и многихъ увлекли къ подражанію.

После пелопоннезской войны.

Если начнемъ нашъ обзоръ съ чисто-духовной области — съ произведеній искусства,—то увидимъ, что всюду окончательно исчезла прежняя наивность геніальнаго творчества. Произведенія Эсхила, Софокла и Аристофана еще держатся на сценѣ и читаются всѣми; но на сценѣ преобладаетъ гораздо ниже ихъ всѣхъ стоящій *Эврипидъ*, и мы не слышимъ ни о какихъ другихъ новыхъ авторахъ, хотя сколько-нибудь выдающихся по значенію. Авторы такъ-называемой средней комедіи—Антифанъ, Алексисъ, Александридъ, Эвбулъ—въ противуположность творчески-сильному, образному, оригинальному юмору Аристофана, старались дѣйствовать на публику, заставляя ее смѣяться, вплетая намеки и двусмысленности, приправляя свои произведенія плохимъ остроуміемъ, внося въ нихъ пародію и карикатуру; среди современныхъ писателей не видимъ ни лирическаго пафоса, свойственнаго Пиндару, ни юношески-свѣжей простоты «историческихъ разсказовъ» Геродота; не создаетъ этотъ вѣкъ ни іонійскихъ, ни дорійскихъ колоній. Но этого мало: во всемъ греческомъ обществѣ, послѣ пелопоннезской войны, замѣчается недостатокъ въ томъ, что каждой человѣческой жизни придаетъ какую-то особенную силу и свѣжесть — недостаетъ ощущаемаго всѣми вездѣсущія высшей, всѣми признаваемой силы. Такою силою можетъ быть только религія—и вотъ ея-то мы и не видимъ въ руководящихъ классахъ общества, или же видимъ разбитою, потрясенною, расшатанною. Когда въ 373 г., въ Пелопоннезѣ, большое землетрясеніе поглотило ахейскіе города Гелике и Буру, вмѣстѣ съ ихъ населеніемъ, многіе приписывали это несчастіе гнѣву бога Посейдона, между тѣмъ какъ другіе и слышать объ этомъ не хотятъ и все объясняютъ только вліяніемъ физическихъ причинъ, и споры по этому поводу повторяются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и при всевозможныхъ случаяхъ. Съ воззрѣніями народными только примирялись — такъ поступали Сократъ и Эпаминондъ, и каждый изъ дѣятелей въ общественной жизни; эти воззрѣнія принимали за символы, за идеалы, за тайныя олицетворенія разумныхъ истинъ и всячески отъ нихъ отдѣлывались, но уже не раздѣляли ихъ. Въ натурахъ низменныхъ это безвѣріе вызывало легкомысліе и приводило къ безнравственности; строгость нравовъ поколебалась не въ однѣхъ только Аѳинахъ, между потомками мараѳонскихъ героевъ; и въ Ѳивахъ, и въ Ѳессаліи невоздержность начинала преобладать. Но съ другой стороны не слѣдуетъ забывать, что, въ общемъ, жизнь, даже и умственная, была уже гораздо богаче и разностороннѣе, и

Гермесъ по Праксителю. Мраморная статуя (изъ германскихъ раскопокъ Олимпіи). Нынѣ въ Аѳинахъ.

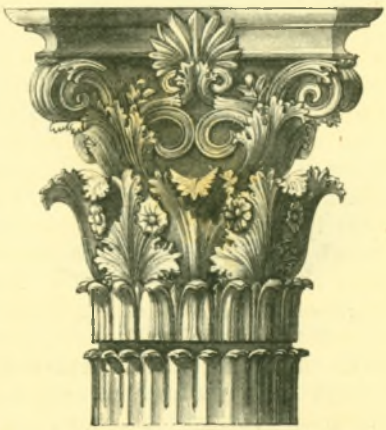
что наслажденіе духовными и матеріальными благами стало доступнѣе для бо́льшаго числа людей. Нельзя, во всякомъ случаѣ, не считать шагомъ впередъ то, что пьесы Эсхила и Софокла читаются многими, между тѣмъ какъ въ прежнее время ихъ лишь немногіе могли видѣть на сценѣ, и что, напр., хоры трагедій гораздо болѣе были доступны пониманію спокойнаго, вдумчиваго читателя, нежели разсѣяннаго и возбужденнаго зрителя. Въ нѣкоторыхъ же отдѣлахъ искусства только теперь, въ это время вполнѣ *сознательнаго* отношенія къ выполненію задачъ, и достигнута была высшая точка развитія; и если предшествующая эпоха была прославлена дивными произведеніями Фидія, то, напр., группа Ніобидъ—приписываемая то *Праксителю*, то *Скопасу*—мало въ чемъ уступаетъ лучшимъ произведеніямъ цвѣтущей эпохи греческаго искусства. Въ этой группѣ особенно хорошо лицо приведенной въ отчаяніе матери; если мы сравнимъ это лицо съ лицами юношей и юныхъ дѣвъ на фризѣ Парѳенона, то придемъ къ убѣжденію, что предшествующій вѣкъ, при всей красотѣ

и достоинствахъ своихъ произведеній, все же еще много оставлялъ неразрѣшенныхъ художественныхъ задачъ для вѣка послѣдующаго. Наконецъ, живопись только въ этомъ послѣднемъ періодѣ и достигла такой высоты, на которой она стала рядомъ съ другими искусствами, какъ ровня ихъ, въ лицѣ такихъ представителей, какъ *Зевксисъ* изъ Гераклеи, *Парразій* изъ Эфеса, какъ *Тиманѳъ* изъ Сикіона.

Изображеніе Ніобы. Мраморная статуя въ Уффици, во Флоренціи.

Религіозность. Критика.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что всѣмъ этимъ геніальнымъ художникамъ и, въ особенности, высокообразованнымъ людямъ міръ боговъ представляется уже въ иномъ видѣ, нежели предшествующимъ поколѣніямъ; но и въ этомъ смыслѣ замѣтенъ шагъ впередъ, и религіозность высшаго разряда видимъ мы не только у Сократа и Платона, а даже у того суроваго и безчестнаго предводителя греческихъ наемниковъ, Клеарха, котораго такъ живо рисуетъ намъ Ксенофонтъ. «Кто нарушаетъ клятвы и вступаетъ въ борьбу съ богами, о томъ не съумѣлъ бы я сказать, съ какою быстротою онъ долженъ бы убѣжать, и въ какую тьму укрыться, и какой твердыней оградиться отъ ихъ силы, которой все и всюду подчинено, и которая равномѣрно дѣйствуетъ на всемъ пространствѣ земли», — такъ Ксенофонтъ заставляетъ говорить Клеарха, и эти идеи, даже если онѣ только вложены авторомъ въ уста спартанскаго вождя, были дѣйствительно ходячими идеями того времени. Богатство идей Сократа, прекрасный расцвѣтъ духа, стремящагося къ свѣту въ діалогахъ его великаго ученика *Платона*, — такія произведенія, какъ *Фэдонъ*, *Критонъ* и *Апологія* — невозможны тамъ, гдѣ стремящійся къ просвѣтленію духъ человѣка не пройдетъ черезъ критику, черезъ скепсисъ, че-



Капитель Коринѳскаго стиля.

резъ самосознаніе; точно такъ же, какъ невозможенъ былъ бы большой историческій трудъ *Ѳукидида*, если бы авторомъ его не руководилъ такой суровый учитель, какъ междоусобная война, устранившая всѣ цѣльныя и нетронутыя ощущенія юности этого народа. То же самое явленіе можно было бы прослѣдить и въ другихъ областяхъ искусства, — даже въ характерномъ для этого вѣка роскошномъ *коринѳскомъ* орденѣ колоннъ; и если одинъ изъ аѳинскихъ ораторовъ указываетъ на то, что «нынѣ и дома частныхъ лицъ превосходятъ общественныя зданія великолѣпіемъ», то и въ этомъ укорѣ — какъ онъ ни справедливъ — намъ слышится намекъ на рѣшительный и естественный прогрессъ. Въ бытѣ массы народа — въ пищѣ, въ устройствѣ жилищъ, въ одеждѣ, въ богатствѣ и удобствахъ индивидуальной жизни — во всемъ замѣтны также несомнѣнные успѣхи культуры. Это особенно ясно сказывается намъ въ одной чертѣ современныхъ нравовъ (въ другихъ отношеніяхъ она была, конечно, шагомъ назадъ) — въ той неохотѣ, съ которою граждане греческихъ городовъ, даже и въ Аѳинахъ, поступаютъ на личную военную службу, что и побуждало государство чаще прибѣгать къ помощи наемниковъ, такъ-называемыхъ *технитовъ*, т. е. ремесленниковъ военнаго дѣла, преимущественно для всѣхъ дальнихъ военныхъ предпріятій.

Платонъ. Мраморный бюстъ. Оригиналъ въ Неаполѣ.

Въ особенности же важно то, что уже многіе изъ грековъ этого времени — и между ними даже выдающіеся умы — въ области чувства и этическаго сознанія уже не довольствуются тѣсными гранями своего округа или узкими рамками своей городской жизни; къ такому критическому отношенію естественно должно было привести размышленіе о самомъ существѣ государства, и передъ этимъ размышленіемъ, конечно, долженъ былъ исчезнуть патріотизмъ городской и областной. Политическіе принципы, которые уже не могли уложиться въ границы отдѣльныхъ государствъ, стали выступать на первый планъ, и большинство эллиновъ (не изъ однихъ только личныхъ или узкихъ партійныхъ побужденій) поставило ихъ выше своихъ непосредственныхъ обязанностей къ родному городу. Философы этого времени уже создавали свои воображаемыя «идеальныя государства», и въ этихъ идеалахъ очень немногое уже напоминало о дѣйствительности эллинскаго государственнаго устройства. Искали чего-то новаго, и очень знаменательныя черты наступающаго новаго времени встрѣчаемъ мы въ томъ идеалѣ государства, который созидается Платономъ; въ его государствѣ сословія распредѣлены такъ: во главѣ государства стоятъ люди идеи, философы, которые всѣмъ правятъ и руководятъ; земле-

пашцы и ремесленники заботятся объ удовлетвореніи нуждъ общества, и потому не несутъ на себѣ воинской повинности; защита же государства поручена особому сословію «стражей». Однакожъ, самъ философъ, который и по рожденію, и по высокимъ качествамъ ума болѣе чѣмъ кто-либо имѣлъ права на политическую роль въ своемъ родномъ городѣ Аѳинахъ *), не захотѣлъ о подобной роли и слышать, и предпочелъ ей политико-педагогическую дѣятельность при дворѣ сиракузскаго тиранна Діонисія, гдѣ, конечно, и потерпѣлъ неудачу.

Эллинское самосознаніе.

Чрезвычайно любопытно то, что именно въ періодъ времени, послѣдовавшій за пелопоннезскою войною, и въ тѣ самые годы, въ которые, казалось, конца не было партійнымъ раздорамъ и междоусобіямъ,—вдругъ проявилось обще-эллинское *сознаніе единства*, и сила этого сознанія явно выказалась во время похода греческихъ наемниковъ въ Азію, на помощь Киру-Младшему. Это сознаніе единства коренилось, однакоже, не на политическихъ соображеніяхъ, а на болѣе глубокихъ основахъ. На эти основы съ рѣдкою выразительностью указываетъ Аристофанъ, говоря, что «всѣ эллины совершаютъ возліянія безсмертнымъ изъ *одной* общей жертвенной чаши»; менѣе сильно, но не менѣе вѣрно высказываетъ ту же мысль риторъ *Исократъ* въ похвальномъ словѣ своему родному городу Аѳинамъ (онъ окончилъ его въ 380 г.), указывая на то, что именемъ эллина характеризуется въ его время не одно только физическое происхожденіе, но также и связанная съ этимъ именемъ идея: «оно обозначаетъ», по словамъ Исократа, «скорѣе тѣхъ, которые раздѣляютъ съ нами наше образованіе, нежели тѣхъ, которые принадлежатъ къ одному племени съ нами». Въ этихъ словахъ идея и программа *эллинизма:* первую побѣду этого новаго эллинизма надъ старою Греціею одержалъ царь *Филиппъ Македонскій*, воцарившійся въ 359 г. надъ страною, которая лишь вскользь упоминалась до того времени среди путаницы, раздоровъ и битвъ греческаго міра.

Гиматіонъ. Верхняя одежда грека. Съ греческихъ вазъ.

Царство Македонское (около 1200 кв. м. общей площади) лежало къ С. отъ Ѳессаліи и вообще находилось внѣ кругозора грековъ. Съ трехъ сторонъ окруженная суровыми горными кряжами, съ четвертой стороны

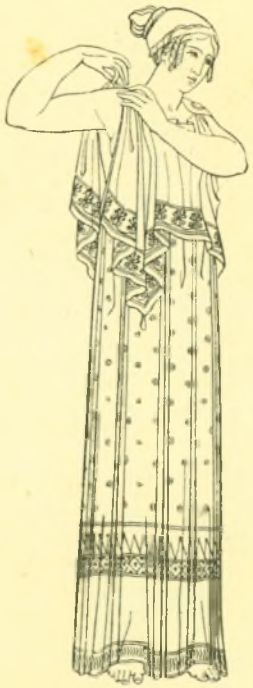
Царство Македонское.

*) Онъ родился въ Аѳинахъ въ 429 г.,—въ годъ смерти Перикла.

Македонія обращена къ морю. Въ этой части, съ равниною посрединѣ, орошаемою четырьмя рѣками—Галіакмономъ, Лудіемъ, Аксіемъ, Стримономъ—земледѣліе вознаграждало трудъ земледѣльца и питало населеніе болѣе многочисленное, нежели въ горныхъ частяхъ Македоніи, и болѣе развитое, сообразно болѣе легкимъ условіямъ жизни. Береговую полосу греки заняли своими колоніями, и изъ нихъ, въ особенности, греческіе города на *Халкидикѣ* (полуостровѣ, который тремя зубцами далеко вдается въ море) служили центромъ весьма развитой и богатой культурной жизни, которая хотя и медленно проникала внутрь страны, однакоже, все-таки постепенно оказывала на нее свое вліяніе. Македонскій царствующій домъ поддерживалъ въ странѣ единство между разнородными элементами и нѣкоторую устойчивость условій внутренней жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ способствовалъ и дальнѣйшему прогрессу страны; этотъ царственный домъ, по преданію, вышедшій изъ Аргоса, почиталъ своимъ родоначальникомъ Геракла. Эллинское происхожденіе этой династіи не подлежало сомнѣнію и признавалось всѣми; представители ея постоянно посылали торжественныя посольства на обще-эллинскія торжества въ Олимпіи и вообще усердно заботились о поддержаніи сношеній съ эллинскимъ міромъ. Македонія пошла быстрѣе по пути прогресса только со временъ царя *Архелая* (412—398), который направилъ эллинизацію страны по опредѣленному плану и вводилъ ее вполнѣ сознательно; при его дворѣ видимъ греческія знаменитости: поэта Эврипида, живописца Зевксиса; онъ проложилъ дороги во всѣхъ направленіяхъ, укрѣпилъ страну въ наиболѣе удобныхъ пунктахъ, учредилъ арсеналы, и при этомъ поощрялъ земледѣліе и торговлю. Мѣстная знать, вообще говоря, еще очень самостоятельная, мало-помалу свыклась и сжилась съ этою царственною властью, которая здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо, олицетворяла собою единство, прогрессъ и порядокъ; и масса населенія крѣпко держалась своей династіи, хотя среди представителей ея, почти при каждомъ замѣщеніи трона новымъ царемъ, происходили династическія усобицы. Настоящаго царя Македонія получила въ лицѣ *Филиппа*,

Короткій хитонъ и гиматіонъ. Костюмъ грека съ греческихъ вазъ.

третьяго сына царя Аминта. Рѣшающимъ событіемъ его юности было то, что онъ нѣкоторое время долженъ былъ провести въ качествѣ заложника въ Ѳивахъ, при чемъ жилъ въ одномъ родственномъ Эпаминонду семействѣ, и еще въ такое время и въ такой обстановкѣ, въ которой очень многому могъ научиться юноша, одаренный не совсѣмъ обыкновенными способностями. Онъ не предназначенъ былъ царствовать, такъ какъ несовершеннолѣтній племянникъ его имѣлъ гораздо болѣе правъ на тронъ; но онъ не очень этимъ затруднился, да притомъ и времена были бурныя, и вотъ въ 359 г. онъ вступилъ на тронъ, помимо всякихъ правъ. Устранивъ кое-какихъ болѣе или менѣе опасныхъ соперниковъ, отразивъ толпы варваровъ, вторгнувшіяся въ Македонію съ явнымъ намѣреніемъ воспользоваться неурядицами, сопряженными съ перемѣною правленія, и вполнѣ утвердившись на престолѣ, Филиппъ сталъ приводить въ исполненіе свои обширные завоевательные планы, о которыхъ ни одинъ изъ его предшественниковъ и помыслить не смѣлъ. Отъ такого проницательнаго человѣка, какъ Филиппъ, конечно, не могла укрыться чрезвычайная слабость греческихъ республикъ, а съ другой стороны и полное безсиліе Персидскаго царства; не ускользнуло отъ него и то, хотя и тайное, но общераспространенное монархическое вѣяніе, которое сказывается во всѣхъ явленіяхъ времени, и болѣе всего очевидно выразилось въ томъ значеніи, которое такъ неожиданно получилъ царь персидскій въ рѣшеніи вопросовъ внутренней политики Греціи. Ксенофонтъ не даромъ называетъ свой вѣкъ періодомъ неурядицъ и *безсудности* (акризія); и дѣйствительно, этотъ міръ мелкихъ греческихъ государствъ нуждался именно въ судьѣ и рѣшителѣ ихъ нескончаемыхъ тяжбъ.



Обычный костюмъ гречанки. По изображеніямъ на греческихъ вазахъ.

Царь Филиппъ.

Въ этомъ мірѣ дальновидному честолюбію открывалось громадное поле дѣйствій, и для осуществленія самыхъ обширныхъ плановъ требовалась даже вовсе небольшая, но безусловно-надежная сила. Такую-то безусловно надежную силу безъ особеннаго труда создалъ себѣ Филиппъ у себя на родинѣ. Здѣсь, до Филиппа, царила такая безтолковая путаница, что всѣ охотно пошли вслѣдъ за царемъ, который наконецъ положитъ предѣлъ этой, для всѣхъ равно гибельной, смутѣ. Въ частности мы не знаемъ тѣхъ средствъ, которыми онъ съумѣлъ привязать къ себѣ знать и народъ такъ, что всѣ силы страны находились въ безусловномъ его распоряженіи; легко можетъ быть, что онъ приманилъ къ себѣ высшіе классы надеждою на весьма еще отдаленное увѣнчаніе его плановъ,

которое рисовалось ему въ видѣ большого похода въ Персію съ цѣлью завоеваній и обогащенія; несомнѣнно, однакоже, то, что онъ, съ одной стороны, сплотилъ всѣ военныя силы страны, придавъ имъ изумительную войсковую организацію, а съ другой стороны, въ то же время, не упускалъ изъ вида возможнаго распространенія своей власти и на морѣ, побуждая греческіе города то силою, то ласкою къ тому, чтобы они оказывали ему помощь при созданіи македонскаго флота. Если же у него былъ замыселъ (а для насъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что онъ зародился уже давно) отнять у персовъ М. Азію до р. Галиса или даже до сирійскихъ проходовъ, то для этого было необходимо, чтобы онъ былъ не только царемъ македонскимъ, но и владыкою всей Греціи: — онъ не могъ оставить у себя въ тылу этотъ міръ безпокойныхъ маленькихъ государствъ, доступный всякому возбужденію. Мало того: вся политика македонскихъ государей издавна вела къ тому, чтобы непосредственно подчинить себѣ богатыя силы грековъ,— силы, изъ которыхъ многія уже можно было прямо купить на рынкѣ, а другія не трудно было пріобрѣсти иными, болѣе утонченными способами. Притомъ, положеніе дѣлъ и въ сосѣдней Ѳессаліи, и собственно въ Греціи, было таково, что для государя сильнаго, который бы захотѣлъ искать случая къ вмѣшательству, не трудно было найти для того и предлогъ, и всегда готовыхъ союзниковъ.

Праздничный костюмъ гречанки. По изображеніямъ на греческихъ вазахъ.

Греція съ 362 г.

Въ Греціи же, въ моментъ вступленія Филиппа на престолъ, дѣла находились въ такомъ положеніи: значеніе Спарты было окончательно подорвано побѣдами Эпаминонда и ихъ послѣдствіями; Онвы, несмотря на эти побѣды, послѣ смерти своихъ великихъ вождей, не могли удержать за собою свое первенствующее гегемоническое положеніе; Аѳины же были вовлечены въ весьма опасную борьбу отпаденіемъ нѣкоторыхъ городовъ новооснованнаго ими морского союза (357 г.), и эта война въ 355 г. закончилась весьма невыгоднымъ для Аѳинъ миромъ, по которому должны были признать эти отпавшіе отъ нихъ города и острова (Косъ, Хіосъ, Родосъ и Византію) за независимыя государства. Затруднительнымъ положеніемъ Аѳинъ (единственнаго государства, у котораго была ясная политическая программа и вполнѣ опредѣленные интересы) Филиппъ воспользовался, чтобы пріобрѣсти на Сѣверѣ основанный нѣкогда аѳинянами городъ *Амфиполь*, и не возвратилъ его, хотя по поводу его и вступилъ въ переговоры.

Третья священная война (356 г.).

Въ это время (356 г.), въ самомъ сердцѣ Греціи, разразилась война, которая вызвала всеобщее разстройство и тѣмъ самымъ привела Филиппа къ цѣли его желаній — дала возможность вмѣшаться въ эти эллинскія дѣла настолько, насколько было ему выгодно. То была *третья священная война,* которая и по самому началу своему, и по ходу, и по слѣдствіямъ была одинаково характерною при современномъ положеніи Греціи. Судъ амфиктіоній въ Дельфахъ,— тѣнь суда, съ которою, однакоже, издавна связано было нѣкоторое значеніе, — въ теченіе нѣкотораго времени служилъ немаловажнымъ политическимъ орудіемъ въ рукахъ ѳиванцевъ. Этотъ судъ, за какую-то ничтожную вину, присудилъ фокейцевъ къ весьма тяжелой денежной пенѣ. Тѣ взялись за оружіе, напали на Дельфы, и наложили руку на храмъ и его священную казну; и вотъ вся Греція тотчасъ раздѣлилась на партіи: віотійцы, локры, ѳессалійцы, доряне, фтіолійскіе ахеяне, магнеты — вступились за святыни; аѳиняне же, спартанцы и нѣкоторые другіе изъ пелопоннезцевъ— приняли сторону фокейцевъ. Когда фокейцы увидѣли, что ѳиванцы съ союзниками своими сильнѣе ихъ, то они рѣшились на слѣдующій вынужденный шагъ. Главнымъ вождемъ фокейцевъ былъ *Филомелъ;* онъ вынудилъ у дельфійской пиѳіи благопріятное для себя рѣшеніе боговъ, которое гласило: «Филомелъ можетъ исполнить задуманное имъ». Тогда фокейцы сдѣлали заемъ въ казнѣ захваченнаго ими Аполлонова святилища и на эти деньги призвали подъ свои знамена наемниковъ, которыхъ въ то время не трудно было найти въ достаточномъ количествѣ. Эти толпы наемниковъ, доходившія до 10.000 человѣкъ, и ихъ предводители очень хорошо поняли, что они полные господа въ странѣ и что золотой источникъ не даромъ отданъ подъ охрану ихъ меча; они стали дальше да больше почерпать въ казнѣ храма, а потомъ, наконецъ, ужъ и распродавать и расточать стародавнія его святыни и сокровища. Одинъ изъ этихъ вождей наемнаго войска, *Ономархъ,* пріобрѣлъ большое значеніе: съ одной стороны, онъ захватилъ віотійскій городъ *Орхоменъ,* съ другой—занялъ Ѳермопильскій проходъ; затѣмъ онъ двинулся, по призыву одной изъ партій, въ Ѳессалію, между тѣмъ какъ другая призвала на помощь сосѣдняго царя македонскаго, Филиппа (353 г.). Филиппъ тотчасъ сообразилъ, что ему не можетъ представиться лучшій случай для того, чтобы выказать себя эллиномъ. Его воины бились за одну изъ величайшихъ святынь Эллады, шлемы ихъ были обвиты лаврами дельфійскаго бога; они бились, защищая, сверхъ того, общественный порядокъ противъ хищническаго деспотизма наемниковъ, который уже нѣсколько лѣтъ тяготѣлъ, какъ страшное зло, надъ государствами Средней Греціи. Рѣшительная битва произошла въ южной Ѳессаліи и была одною изъ самыхъ страшныхъ битвъ, какія когда-либо происходили на почвѣ Греціи. Какъ нелегко досталась царю Филиппу побѣда, можно судить по тому,

Греческая монета IV в. до Р. Хр. съ изображеніемъ дельфійскаго треножника и служенія Аполлону. Берлинскій мюнцъ-кабинетъ.

что не менѣе 6.000 фокейцевъ пало въ битвѣ; съ плѣнниками поступлено было какъ съ святотатцами: они были потоплены, тѣла ихъ не были удостоены погребенія. Эта побѣда привлекла на сторону Филиппа всю Оессалію, въ которой онъ все устроилъ сообразно своимъ интересамъ; но онъ не могъ тотчасъ же воспользоваться своею побѣдою и вступить въ самую Грецію—ему воспрепятствовалъ въ томъ аѳинскій флотъ, крейсировавшій въ Малейскомъ заливѣ и охранявшій проходы, передъ которыми, на этотъ разъ, онъ остановился (352 г.).

Аѳины и Демосѳенъ.

Изъ этого мы можемъ прійти къ тому заключенію, что въ Аѳинахъ еще не совсѣмъ разучились понимать политику въ широкомъ смыслѣ; къ тому же, около этого времени, она получила себѣ истолкователя въ молодомъ еще (едва-ли 30-ти-лѣтнемъ) дѣятелѣ, *Демосѳенѣ*, который, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, выступилъ впервые со своею рѣчью въ народномъ собраніи при разборѣ важнаго по политическому значенію финансоваго вопроса. Демосоенъ, путемъ долгаго и ревностнаго изученія, подготовился къ призванію оратора въ вопросахъ государственныхъ и достойно заключаетъ собою рядъ великихъ государственныхъ мужей свободной Греціи. Онъ имѣлъ полное право на это высокое назначеніе, такъ какъ въ его лицѣ идеальныя воззрѣнія соединились съ практическимъ смысломъ и способностью вѣрно оцѣнивать все достижимое и возможное. Напрасно многіе старались оспаривать это, приходя къ противному выводу по конечному результату дѣятельности Демосоена:—политика, которую онъ предлагалъ своему народу, легко могла привести его къ успѣху, какого можно было ожидать въ тогдашнемъ политическомъ мірѣ, тѣмъ болѣе, что планы Филиппа были исключительно его личными планами. Но, конечно, съ той минуты, когда борьба противъ Македоніи стала руководящею идеею его политики, на пути ея выполненія явилась большая помѣха для Демосоена: онъ не могъ быть дѣятельнымъ участникомъ этой борьбы, какъ нѣкогда были Мильтіадъ, Оемистоклъ, Кимонъ, Периклъ и какъ былъ его противникъ, царь Филиппъ; не могъ потому, что онъ не былъ ни воиномъ, ни полководцемъ... Онъ былъ только ораторомъ и знатокомъ финансовъ, управленія, внѣшнихъ отношеній государства и, можетъ-быть, именно потому былъ склоненъ придавать недостаточную оцѣнку тому, что составляло силу Филиппа, а именно *военному* элементу. Въ этомъ отношеніи онъ, кажется,

Демосоенъ. Статуя въ Ватиканѣ. Эпоха Праксителя и Скопаса.

былъ дѣйствительно идеалистомъ. Онъ вѣрилъ въ возможность порыва, который бы вновь, какъ въ оные дни, увлекъ гражданъ на поле битвы, и даже побуждалъ ихъ къ тому пламенными рѣчами своими: онъ какъ будто не понималъ, что тѣ времена давно минули, и что поле битвы принадлежало теперь постояннымъ, правильно-обученнымъ арміямъ. Другую трудность онъ, конечно, не могъ не признавать, но не могъ ее устранить, хотя въ ней, собственно, и заключалась вся тайна окончательнаго рѣшенія борьбы. Филиппъ, въ кругу своей дѣятельности, *одинъ* произносилъ рѣшающее слово, и могъ хранить его въ тайнѣ ото всѣхъ, пока не наступало время привести его въ исполненіе;—въ Аѳинахъ же ни о какой тайнѣ не могло быть и рѣчи, и прежде чѣмъ могло быть принято какое-либо рѣшеніе, нужно было выдержать изъ-за него цѣлую словесную битву, исходъ которой иногда былъ настолько же сомнителенъ, насколько онъ бываетъ и на дѣйствительномъ полѣ сраженія; и то же самое повторялось почти въ каждомъ греческомъ городѣ, который желательно было привлечь къ союзу. А между тѣмъ и въ Аѳинахъ, и во всей Греціи было не мало людей, которые все это отлично соображали и которые либо тотчасъ же отправлялись ко двору Филиппа, или же, подобно Фокіону, вступали въ борьбу, не имѣя ни малѣйшей надежды на успѣхъ ея. Главною отличительною чертою Демосѳена слѣдуетъ признать глубокую патріотическую вѣру въ свой родной городъ, который, въ теченіе всего своего историческаго существованія, ни въ комъ изъ отдѣльныхъ гражданъ своихъ не вызывалъ проявленія такой одушевленной энергіи, какъ въ Демосѳенѣ.

Паденіе Олинѳа (348 г.).

Въ весьма скоромъ времени Филиппъ добился такого положенія, которое, именно по отношенію къ Аѳинамъ, являлось весьма опаснымъ. Онъ овладѣлъ въ Ѳессаліи важнымъ портомъ *Пагазэ*, и оттуда сильно вліялъ на Эвбею; на С. онъ угрожалъ *Херсонссу*, обладаніе которымъ было вопросомъ жизни и смерти для Аѳинъ по отношенію къ сѣверной торговлѣ и къ подвозу съѣстныхъ припасовъ, привозимыхъ оттуда въ Аѳины. Важнѣйшимъ изъ греческихъ городовъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ отъ Филиппа, былъ *Олинѳъ*; олинѳяне сначала дозволили Филиппу обольстить себя, потомъ стали опасаться за свою независимость, и, наконецъ, обратились къ аѳинянамъ за помощью. Здѣсь Демосѳенъ давно уже указывалъ гражданамъ на опасность, грозившую со стороны Филиппа; неоднократно, въ то время, какъ царь македонскій готовился къ осадѣ города, была въ Олинѳъ посылана помощь — 4,000 гоплитовъ-гражданъ, 10,000 наемниковъ; пришлось сражаться противъ Филиппа и на Эвбеѣ; но общей, послѣдовательной войной, какой требовалъ Демосѳенъ, эту войну нельзя было назвать, и въ 348 г. Олинѳъ палъ, уступивъ неуклонной энергіи македонскаго царя, въ помощь которому въ самомъ городѣ дѣйствовали разные предатели, какихъ было не мало и во всей Греціи.

Продолженіе священной войны.

Завоеваніе этого могущественнаго города на С. не мало способствовало распространенію Филиппова могущества въ этихъ мѣстностяхъ; но, съ другой стороны, это завоеваніе затруднило его политику, потому что теперь во всей Греціи, а въ особенности въ Аѳинахъ, его стали прямо опасаться. Стало ясно, что дѣло не можетъ идти далѣе, какъ оно шло

доселѣ. Взятіе Олинѳа и безпощадное отношеніе побѣдителя къ побѣжденнымъ, въ высшей степени возбудившимъ гнѣвъ Филиппа своею упорною обороною города, произвели переворотъ въ общественномъ мнѣніи Аѳинъ. Демосѳенъ и его партія выступили теперь на первый планъ и даже доселѣ господствовавшая партія примкнула къ политической программѣ Демосѳена и стала дѣлать попытки къ созданію обще-эллинской коалиціи противъ Филиппа. Эти попытки—искреннія или только демонстративныя — не привели ни къ какому результату. Объ общемъ возстаніи противъ Филиппа, о «пробужденіи городовъ» напрасно было и думать, пока въ Средней Греціи, въ самомъ сердцѣ Эллады, продолжалась несчастная война.

Здѣсь, послѣ несчастной битвы 352 г., новый предводитель, *Фаиллъ*, вновь собралъ наемное войско въ Фокидѣ и для этого окончательно исчерпалъ дельфійскую казну; благодаря этому, фокеяне продолжали борьбу противъ не менѣе ожесточенныхъ ѳиванцевъ, которые, наконецъ, обратились къ посредничеству македонскаго царя, хотя до того времени отвергали упорно всякое посредничество. При этомъ случаѣ Филиппъ выказалъ себя необычайно-тонкимъ дипломатомъ.

Обманчивое посольство и миръ (346 г.).

Послѣ паденія Олинѳа, онъ самъ сдѣлалъ первые шаги къ установленію желаннаго соглашенія между нимъ и Аѳинами. Въ его олинѳской военной добычѣ находились плѣнные аѳинскіе граждане, а въ греческихъ городахъ, по обще-установившемуся обычаю, всегда такіе сограждане, находившіеся во власти враговъ, были предметомъ самыхъ похвальныхъ заботъ; къ тому же и самое время, и интересы торговли, и пристрастіе къ удобствамъ жизни,—все побуждало желать мира; даже и самъ Демосѳенъ долженъ былъ примириться съ этимъ мирнымъ настроеніемъ, тѣмъ болѣе, что сознательно-враждебная Македоніи партія всюду еще только начинала складываться, и какъ ему самому, такъ и этимъ его единомышленникамъ нужно было нѣкоторое время на то, чтобы пріобрѣсти извѣстнаго рода значеніе въ городахъ. Трудно было уладить въ особенности два слѣдующіе пункта: оградить отъ Филиппа союзнаго аѳинянамъ ѳракійскаго князя *Керсовлепта*, противъ котораго Филиппъ уже предпринялъ походъ, и затѣмъ—порѣшить дѣло съ фокейцами. Съ аѳинской стороны предполагалось настоять на томъ, чтобы какъ тотъ, такъ и другіе были включены въ условія общаго мира. Это было тѣмъ болѣе важно, что съ рѣшеніемъ этихъ двухъ вопросовъ связаны были вопросы объ обладаніи Геллеспонтомъ и Ѳермопильскимъ проходомъ. Въ мирномъ посольствѣ аѳинянъ уже были на-лицо представители обѣихъ партій, которые выступали въ данную минуту опредѣленнѣе: Эсхинъ и Филократъ съ одной стороны, Демосѳенъ и Ктезифонъ,—съ другой. Результатъ посольства получился совершенно неожиданный; большинство аѳинскихъ пословъ, намѣренно или ненамѣренно, дало Филиппу возможность провести ихъ и допустило оттянуть окончательное заключеніе мира до тѣхъ поръ, когда онъ, въ военномъ смыслѣ, уже вполнѣ овладѣлъ положеніемъ, и все войско его въ полной боевой готовности было выставлено въ Ѳессаліи, гдѣ, наконецъ, въ двухъ часахъ пути отъ Ѳермопилъ, Филиппъ принесъ клятву въ соблюденіи мира,—безъ малѣйшаго упоминанія въ договорѣ о

Керсовлептѣ и съ особенно настоятельнымъ исключеніемъ изъ него фокеянъ. И такъ, мудреная задача была теперь рѣшена въ его пользу. Съ настоящими-же святотатцами, съ толпами наемниковъ, онъ раздѣлался очень легко. Онъ предложилъ имъ весьма для нихъ выгодную капитуляцію, и легко можетъ быть, что вскорѣ весьма многіе изъ этихъ наемниковъ вступили въ ряды его собственнаго войска: они очистили ему Ѳермопильскій проходъ и вмѣстѣ съ лакедемонскимъ вспомогательнымъ отрядомъ удалились въ Пелопоннезъ. Такимъ образомъ путь въ Фокиду былъ открытъ для Филиппа: — въ Аѳинахъ, конечно, и не помышляли о подобныхъ послѣдствіяхъ мира, заключеннаго съ Филиппомъ! Поэтому и настроеніе здѣсь быстро измѣнилось: — аѳиняне приготовились къ защитѣ своихъ укрѣпленій, и вообще къ войнѣ, такъ какъ, по общему мнѣнію, можно было, въ ближайшемъ будущемъ, ожидать нападенія со стороны Филиппа. Но онъ былъ уменъ и всегда отлично умѣлъ сообразить, въ какой степени ему слѣдуетъ разсчитывать на успѣхъ, а потому и не подумалъ о нападеніи на Аѳины; онъ нанчестнѣйшимъ образомъ выполнилъ свою клятву, и аѳинскіе военноплѣнные, отпущенные имъ, согласно договору, прибыли въ свое отечество; онъ исполнилъ только наказаніе, предназначенное осквернителямъ храма. Для несчастныхъ фокейцевъ не было пощады; есть основаніе думать, что разоряя и опустошая Фокиду, Филиппъ гораздо менѣе дѣйствовалъ по внушеніямъ своего корыстолюбія и мстительности, нежели допускалъ безчинства и грабежи озлобленныхъ враговъ Фокиды, изъ ихъ же сосѣдей и земляковъ. Самъ же онъ, въ высокой степени разумѣвшій искусство самообладанія и высокой умѣренности, удовольствовался только одной наградой, въ которой, впрочемъ, находившееся подъ его давленіемъ амфиктіонійское собраніе не могло ему и отказать: тѣ два голоса въ амфиктіонійскомъ совѣтѣ, которые дотолѣ принадлежали фокейцамъ, были переданы ему,— ему и его потомкамъ, и такимъ образомъ, македонскій царствующій домъ былъ признанъ чистоэллинскимъ владѣтельнымъ домомъ. Въ данную минуту это признаніе было только ручательствомъ за дѣйствительное пополненіе дельфійской храмовой казны тяжкими взысканіями, которыя были наложены на несчастныхъ фокейцевъ. И Филиппъ не спѣшилъ; онъ зналъ, что должно наступить время, когда онъ съумѣетъ воспользоваться своими амфиктіонійскими правами; для него въ высшей степени было важно уже и то, что онъ такъ прямо былъ признанъ эллиномъ, царемъ эллинскаго племени, эллинскою силою,—если бы такъ можно было выразиться (346 г.).

Аѳинскія дѣла и партіи.

Этотъ миръ Аѳинъ съ Филиппомъ, который названъ въ исторіи *Филократовымъ*, по имени Филократа, самаго двуличнаго изъ десяти аѳинскихъ пословъ, продолжался, конечно, не долго, не какъ ненарушимый миръ, а какъ въ высшей степени ненадежное перемиріе—всего до 340 г.; такъ смотрѣла на него образовавшаяся уже въ Греціи національная партія, такъ смотрѣлъ и самъ Филиппъ. Отношеніе партій и политическія теченія въ Аѳинахъ этого времени намъ до нѣкоторой степени извѣстны, и таковы же были они и вездѣ въ остальной Греціи. Были и такіе люди, которые прямо состояли на жалованьѣ у Филиппа, какъ Филократъ и другой, очень талантливый ораторъ, *Эсхинъ*, вышедшій изъ простого званія. Под-

куность была вообще не рѣдкимъ явленіемъ среди политическихъ дѣятелей Эллады, и люди, подобные только что упомянутымъ, у которыхъ низменное честолюбіе, желаніе играть видную роль, можетъ быть, дѣйствовало не менѣе, чѣмъ деньги — такіе люди встрѣчались во всѣхъ независимыхъ городахъ Греціи. Самою невыгодною стороною демократій, подобныхъ Аѳинамъ, было то, что такимъ людямъ, какъ Эсхинъ и Филократъ, не трудно было отвести глаза большинству ловкою лестью, шуткою, рѣзкою выходкою. Въ этомъ смыслѣ очень характерны одни возраженія Филократа или Демада на одинъ изъ нападковъ Демосѳена: «не диво, что мы съ Демосѳеномъ не сходимся: онъ вѣдь пьетъ только воду, а я—вино!» Изъ этого мы видимъ, что демократія аѳинянъ вступила въ такую стадію развитія, въ которой и самая веселость, привѣтствовавшая подобныя остроты, была явленіемъ весьма характернымъ. Въ сущности говоря, эти продажные люди были даже не очень и опасны, и становились опасны только потому, что могли укрываться за спиною хорошихъ людей. Была, сверхъ того, въ Аѳинахъ и партія мира, составленная изъ очень разнообразныхъ элементовъ. *Одни*, къ которымъ, напр., принадлежалъ Эвбулъ, выше всего ставили матеріальное благосостояніе и благоустроенное управленіе, которое, конечно, было нѣсколько поколеблено воинственной политикой; сторонниковъ Эвбула, конечно, было болѣе всего въ кружкѣ людей состоятельныхъ; были и такіе, которые, вообще, относились пессимистически не только къ положенію дѣлъ въ Аѳинахъ, но и во всей Греціи, и были, пожалуй, только потому настроены въ пользу установленія сносныхъ отношеній къ царю македонскому, чтобы избѣжать опаснаго опыта войны съ подобною воинскою силою. Между такими пессимистами *Фокіонъ* былъ однимъ изъ самыхъ честныхъ, а потому и самыхъ опасныхъ. Онъ знакомъ былъ съ войною и всюду довольно счастливо исполнялъ свой долгъ; въ житейскомъ отношеніи онъ былъ безукоризненъ, отличался солдатскою простотою и полною неподкупностью; какъ бы въ восполненіе за эти добрыя качества, онъ позволялъ себѣ относиться съ величайшимъ презрѣніемъ къ толпѣ и ко всѣмъ великимъ мастерамъ ораторскаго искусства. Въ качествѣ человѣка опытнаго въ военномъ дѣлѣ, онъ отлично понималъ, что главное преимущество Филиппа заключается въ его превосходно-устроенномъ и обученномъ войскѣ; но онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые способны иное отрицать только потому, что это мнѣніе

Эсхинъ. Антично-мраморная статуя въ Неаполѣ.

большинства, мнѣніе толпы, мнѣніе «многихъ», а между ними и весьма ограниченныхъ и даже просто глупыхъ людей... Когда его рѣчь встрѣчала одобреніе, онъ каждый разъ спрашивалъ у своихъ слушателей: «развѣ я сказалъ какую-нибудь глупость?» — и этотъ каламбуръ достаточно характеризуетъ его нездоровый способъ воззрѣнія на вещи. Нѣчто иное представлялъ собою риторъ *Исократъ*, человѣкъ мирныхъ стремленій, исключительно преданный своему перу, не бывшій вовсе представителемъ какой-бы то ни было партіи, а только выразителемъ извѣстныхъ модныхъ мыслей и настроеній. То былъ человѣкъ безталанный, но очень тщеславный по отношенію къ своему стилистическому искусству; прирожденный аѳинянинъ, который однакоже считалъ возможнымъ, въ весьма округленныхъ фразахъ, совѣтовать своимъ землякамъ, чтобы они отказались отъ своего *морского могущества*—отъ своей несчастной *θαλασσοκρατίη*, въ которой онъ видѣлъ главную причину всѣхъ бѣдъ. Болѣе же всего онъ хлопоталъ о распространеніи въ обществѣ мысли, которая несомнѣнно пущена была въ ходъ изъ кружка приближенныхъ къ Филиппу лицъ:—мысли обще-эллинскаго похода противъ персовъ, подъ предводительствомъ царя македонскаго, предназначеннаго судьбою быть отмстителемъ за всѣхъ Грековъ. Такъ могъ, конечно, думать царь македонскій (и вскорѣ послѣ того эта мысль, чрезъ посредство великаго человѣка, обратилась въ великое историческое событіе), но такъ не долженъ былъ думать аѳинянинъ уже по самымъ простымъ патріотическимъ побужденіямъ: это значило, въ ту пору, подчинить и Аѳины, и всю Элладу волѣ чуждаго царя, даже и не попытавшись вступить съ нимъ въ борьбу. Не такъ думалъ Демосѳенъ,—идеалистъ, но истинно-государственный человѣкъ! Разница въ воззрѣніяхъ между нимъ и Исократомъ заключалась въ томъ, что послѣдній изъ преданій о великой борьбѣ съ персами вынесъ только ненависть къ персамъ (которые давно уже перестали быть опасными для Греціи!), какъ къ варварамъ; а Демосѳенъ всей душой жилъ еще въ духѣ этой великой минувшей эпохи. То величіе, которое присуще городской общинѣ, подобной солоновскимъ Аѳинамъ, при самоуправленіи городскомъ и господствѣ одного только закона,—вотъ что было ближе всего душѣ Демосѳена. «Развѣ деспотъ не есть уже самъ по себѣ врагъ свободнаго народа?»—восклицалъ онъ съ гордостью республиканца-аѳинянина, который не могъ примириться съ мыслью, что «дѣлами эллиновъ правитъ царь Македоніи, — страны, изъ которой прежде, бывало, нельзя было даже добыть себѣ порядочнаго раба!» А ему представлялось, что первенствующее мѣсто въ Элладѣ должно принадлежать, какъ почетное право, его родному городу, свободному, просвѣщенному, преобладающему надъ всѣми и въ мирѣ, и въ войнѣ, — городу, на который онъ все еще смотрѣлъ глазами Перикла. Только такъ и могъ говорить истинный патріотъ того времени, незнакомый съ путями Провидѣнія; и думать могъ онъ только объ общей *коалиціи* многихъ, а если возможно, то и всѣхъ элементовъ государства, въ связи съ *Персіей, какъ союзницей* — противъ Македоніи.

Война на Сѣверѣ.

Ему наконецъ удалось образовать въ Аѳинахъ значительную партію, которая и стала во всей Греціи поддерживать сношенія со своими едино-

мышленниками. Филиппъ воспользовался мирнымъ временемъ, чтобы окончательно утвердиться въ Θессаліи, гдѣ онъ сначала правилъ, пользуясь вліятельными партіями между знатью, а съ 342 года сталъ уже распоряжаться ею, какъ своею провинціей; онъ даже и раздѣлилъ ее на четыре *тетрархіи*, въ которыя самъ назначалъ *тетрарховъ*. Затѣмъ, въ Средней Греціи онъ, временно, не воспользовался преимуществами своего положенія: только въ Эвбеѣ онъ поддерживалъ тираннію своихъ приверженцевъ въ нѣкоторыхъ городахъ, да въ Пелопоннезѣ навязался въ покровители недавно-основанныхъ тамъ новыхъ городовъ—Мессаны и Мегалополя—а также стараго противника Спарты, Аргоса, и новаго ея врага, Элиды. Въ 342 году онъ однакоже не шутя задумалъ овладѣть водными путями на С., или, лучше сказать, городами *Перинѳомъ* и *Византіей*, которые служили ключами къ Пропонтидѣ и Босфору. Если-бы это ему удалось, то ему бы ничего не стоило принудить городъ Аѳины къ добрымъ отношеніямъ, такъ какъ ихъ важнѣйшій торговый путь на С. былъ-бы у него въ рукахъ, и, въ то же время, онъ могъ бы въ ближайшемъ будущемъ начать свой натискъ на Персію въ Малой Азіи, тѣмъ болѣе, что время къ этому натиску, по его мнѣнію, уже приспѣло. Онъ, конечно, зналъ, что выступая противъ этихъ городовъ, онъ долженъ будетъ прійти въ столкновеніе съ Аѳинами; но, уже по опыту Олинѳской войны, онъ зналъ также, что ему, имѣющему войско подъ-бокомъ, нечего особенно пугаться издали-посылаемой аѳинской помощи. Однакоже, онъ ошибся въ своемъ расчетѣ и изъ этого мы можемъ видѣть, какъ еще не легко было справиться съ Греціей: — отъ обоихъ городовъ, Перинѳа и Византіи, Филиппъ долженъ былъ отказаться и признать, что онъ неизбѣжно долженъ вступить въ борьбу съ Аѳинами непосредственно и воевать въ Средней Греціи. Тамъ, въ самомъ сердцѣ Эллады, лежало разрѣшеніе предстоящей борьбы, и, не поборовъ Эллады, нечего было, конечно, и думать о завоеваніи Малой Азіи.

Четвертая Священная война (339).

Неудача, понесенная Филиппомъ въ войнѣ съ обоими сѣверными городами, была преувеличена въ Греціи, въ кругахъ враждебныхъ Македоніи. Стали уже дѣйствительно думать, что на время можно будетъ отдохнуть отъ опасеній, внушаемыхъ честолюбіемъ Филиппа, и всѣ радовались тому, что Аѳинамъ въ борьбѣ за сѣверные города удалось соединить нѣсколько мелкихъ эллинскихъ государствъ и что даже помощь, оказанная Персіей — способствовала неуспѣху македонскаго царя. На этого общаго врага въ Греціи ужъ и рукой махнули: разсказывали, что и флотъ его уплылъ куда-то далеко на сѣверъ, и что онъ самъ, около устьевъ Дуная, ведетъ войну съ какимъ-то княземъ скиѳскимъ... А онъ именно въ это время и собиралъ силы для нанесенія рѣшительнаго удара. Не подлежитъ никакому сомнѣнію то, что поводъ къ вступленію Филиппа въ Элладу былъ данъ ему подкупленными имъ приверженцами, между которыми самымъ ловкимъ и хитрымъ былъ аѳинскій посолъ къ амфиктіонійскому собранію (весною 339 г.), Эсхинъ. Чисто-греческій споръ изъ-за жалчайшаго клочка земли подалъ поводъ къ бурнымъ преніямъ на этомъ собраніи:—буря поднялась изъ-за поля, принадлежавшаго нѣкогда жителямъ города Кирры; на этомъ полѣ долгое время тяготѣло проклятіе, но

такъ какъ черезъ это поле постоянно шли толпы поклонниковъ изъ Пелопоннеза и съ Запада, направляясь къ дельфійскому святилищу, то амфисскіе Локры запахали это поле, застроили его домами, гостиницами и инымъ образомъ воспользовались имъ. По этому поводу бурное засѣданіе повело даже къ кровавому столкновенію, при которомъ амфиктіонійскимъ посламъ нанесено было оскорбленіе со стороны разгнѣванныхъ амфиссянъ. Возбужденіе, вызванное этимъ эпизодомъ, не утихало, и въ осеннемъ засѣданіи амфиктіонійскаго совѣта интрига вышла наружу:—царю Филиппу поручено было наказать амфиссянъ. Онъ назначенъ былъ главнокомандующимъ въ этой четвертой изъ Священныхъ войнъ (339 г.).

Македонскія войска въ Элатеѣ.

Конечно, онъ уже давно былъ готовъ къ исполненію этого рѣшенія, подготовленнаго и проведеннаго стараніями его приверженцевъ, и прежде, чѣмъ въ остальной Греціи успѣли сообразить, къ чему приведутъ эти амфиктіонійскія рѣшенія, Филиппъ со своимъ войскомъ уже перешелъ Ѳермопилы. Намъ сохранилось описаніе Демосѳена, которое даетъ намъ возможность на нѣсколько минутъ перенестись въ тогдашнія Аѳины и знакомитъ насъ съ тѣмъ возбужденіемъ, которое тамъ было вызвано этими событіями. Пританы (выборные изъ совѣта, облеченные исполнительною властью) сидѣли въ зданіи своихъ обычныхъ засѣданій за ужиномъ; не трудно себѣ представить, что они были заняты обсужденіемъ весьма натянутаго положенія. Вдругъ возвѣщаютъ имъ о прибытіи гонца съ важною вѣстью: войска царя Филиппа стоятъ уже въ *Элатеѣ* *). Пританамъ не пришлось истолковывать, что̀ это значило—въ особенности, если Ѳиванцы уже были заодно съ Филиппомъ. Во всякомъ случаѣ нельзя было терять ни минуты: врагъ отдаленъ былъ отъ аттической границы 80 верстами торной военной дороги. Въ теченіе той же ночи собрался среди взволнованнаго города совѣтъ на засѣданіе и созваны были стратеги. Сигнальные огни возвѣстили сельскому населенію, что на ближайшее утро назначено собраться народному собранію. Рано утромъ оно и собралось въ зданіи театра на ю. в. отъ Акрополя, и было уже необычайно многолюдно, еще прежде появленія совѣта, который долженъ былъ изложить собранію положеніе дѣлъ. Гражданамъ предстояло обсуждать политическій вопросъ первѣйшей важности! Съ гордымъ и вполнѣ-справедливымъ сознаніемъ собственнаго достоинства, великій ораторъ впослѣдствіи подробно останавливался на этомъ величайшемъ моментѣ своей жизни: «вотъ явился совѣтъ; гонецъ повторилъ принесенную имъ вѣсть предъ лицомъ всего народа; герольдъ громкимъ голосомъ сталъ вызывать желающихъ держать рѣчь: и вотъ—только тогда, когда герольдъ въ третій разъ повторилъ свой вопросъ—поднялся Демосѳенъ». Онъ заявилъ, что, насколько ему извѣстно, рѣшеніе, котораго такъ опасаются Аѳиняне, еще не принято Ѳиванцами, что еще есть время воспрепятствовать присоединенію этого государства къ Македоніи, и что теперь не время толковать о тѣхъ мелочныхъ вопросахъ, которые нѣкогда разъединили оба сосѣднія государства. Какъ онъ сказалъ, такъ и поступили: послѣ его мощной рѣчи,

*) Это первый важный стратегическій пунктъ по сю сторону Ѳермопилъ,—фокейскій городокъ, господствовавшій надъ дорогою въ Ѳивы.

союзъ съ Ѳивами былъ рѣшенъ безповоротно; и между тѣмъ какъ самъ Демосѳенъ спѣшитъ туда (ему предстояло тамъ вступить въ ораторское состязаніе съ выдающимся македонскимъ дипломатомъ, Пиѳономъ), другіе Аѳиняне спѣшатъ въ другія мѣста—въ Коринѳъ, въ Мегару—всѣхъ взывать къ войнѣ противъ царя македонскаго, который уже стоитъ въ самомъ центрѣ Греціи, какъ врагъ. Въ Ѳивахъ Демосѳену дѣйствительно пришлось бороться съ македонскимъ посломъ, но въ этой борьбѣ онъ призвалъ на помощь гордый духъ независимости города, у котораго было громкое прошлое: сила его рѣчи побѣдила: «подобно облаку разсѣялась» непосредственно-грозившая опасность, такъ какъ Филиппъ, у котораго еще не всѣ войска были въ сборѣ, не рѣшился немедленно вступить въ борьбу.

Аѳинско-ѳиванскій союзъ.

Намѣреніе его было такое:—отнять у Аѳинъ всѣхъ союзниковъ, и тѣмъ застращать ихъ; объ осадѣ Аѳинъ и завоеваніи ихъ, онъ, конечно, не думалъ. Это намѣреніе не могло быть приведено въ исполненіе именно вслѣдствіе того, что два наиболѣе важныхъ города Средней Греціи вступили между собою въ союзъ. Приходилось, слѣдовательно, уже оружіемъ рѣшать вполнѣ ясно поставленный вопросъ—можно-ли было, на будущее время, допустить, чтобы эллинскіе города и области могли самовольно распоряжаться своею судьбою, или-же нѣтъ? Но, даже и въ виду предстоящей борьбы, незамѣтно, чтобы національное одушевленіе овладѣло греческими городами—хотя бы и настолько, насколько это было во время Персидскихъ войнъ. Одушевленіе и способность къ самопожертвованію въ Греціи проявлялись не по поводу обще-эллинскихъ вопросовъ, а преимущественно по поводу вопросовъ узкаго, городского или областного партикуляризма. И если бы кто-нибудь спросилъ, способно-ли было бы это аѳинско-ѳиванское войско биться за великое дѣло, важное для всего человѣчества—мы должны были-бы на это отвѣтить отрицательно. Конечно, намъ вполнѣ понятенъ энтузіазмъ, одушевлявшій Демосѳена, и было бы дѣйствительно очень дурно, если бы городъ Аѳины, послѣ такого славнаго прошлаго, сдался безъ борьбы... Но все же мы должны признать, что сражался онъ за дѣло, которое уже нельзя было назвать вполнѣ справедливымъ, хотя тутъ граждане и бились за отечество, или, по меньшей мѣрѣ, за родной городъ. Наступило время отвлечь силы эллинскаго народа, неисчерпаемо-богатыя и разнообразныя, отъ ихъ безконечныхъ самоубійственныхъ распрей; волею судебъ было рѣшено соединить подъ единою сильною властью тѣхъ, которые сами не могли совладать съ собою.

Побѣда Филиппа при Херонеѣ (336 г.).

Союзныя эллинскія войска счастливо отбивались отъ Филиппа въ теченіе года. Затѣмъ, въ августѣ 338 года, они потерпѣли страшное пораженіе при *Херонеѣ*, близъ віотійско-фокейской границы. Въ недавнее время отрыты были останки избраннаго ѳиванскаго войска—такъ-называемаго «священнаго» отряда; они пали при натискѣ македонянъ, которыхъ велъ въ битву 19-ти-лѣтній сынъ Филиппа, Александръ. По дошедшимъ до насъ источникамъ, мы не можемъ въ подробности прослѣдить ходъ всего сраженія; знаемъ только отдѣльные эпизоды. Но изъ вышепомянутой находки (изъ 300 человѣкъ, составлявшихъ священный отрядъ, отрыты уже останки 118 человѣкъ) видно, что союзники бились

упорно и съ полнымъ сознаніемъ значенія этой битвы. Разсказываютъ, что и самъ Демосѳенъ — ему было тогда 42 года—также сражался въ рядахъ аѳинскихъ гоплитовъ. Но постоянное войско одолѣло здѣсь, разъ навсегда, ополченіе, составленное изъ гражданъ. На сторонѣ Филиппа видимъ твердо-сплоченный организмъ, хорошо-обученное войско, въ которомъ все было прочно, и всѣ части между собою согласованы; видимъ стройное цѣлое, подчиненное безусловной волѣ царя-полководца; а на сторонѣ союзниковъ ощущаемъ недостатокъ именно въ этой силѣ, хотя воины были и храбры, и разумны, и одушевлены одной общей идеей. Пораженіе было полное, и впечатлѣніе, произведенное имъ въ Аѳинахъ, было ужасающее; однакоже тамъ никто не потерялъ голову, никто даже и не подумалъ о перемѣнѣ политики, и самъ Демосѳенъ получилъ въ это время особенно почетное и въ политическомъ смыслѣ важное порученіе—сказать надгробную рѣчь своимъ павшимъ соратникамъ. По предложенію Гиперида, принадлежавшаго къ одной партіи съ Демосѳеномъ, были приняты всѣ мѣры къ энергической оборонѣ Аѳинъ. Одновременно съ этимъ начаты были мирные переговоры, которые и закончились благополучнымъ исходомъ, такъ какъ Филиппъ, на первыхъ порахъ отуманенный побѣдой и позабывшій объ умѣренности, совладалъ съ собой и рѣшилъ весьма осторожно воспользоваться своимъ успѣхомъ. Онъ только занялъ македонскимъ гарнизономъ Кадмею въ Ѳивахъ и тѣмъ совершенно обезпечилъ свое военное положеніе въ Средней Греціи. Аѳины были избавлены побѣдителемъ отъ этого внѣшняго униженія: отъ занятія города или его области иноземнымъ войскомъ. Филиппъ теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы ласкою привлечь Аѳинянъ и всѣхъ Грековъ на свою сторону; онъ не хотѣлъ ихъ довести до того положенія, въ которомъ они находились послѣ битвы при Эгосъ-Потамосѣ, не хотѣлъ и такого мира, какой былъ заключенъ Ѳераменомъ. Наступило уже то время, когда онъ могъ привести въ исполненіе свои замыслы противъ Персіи. Онъ вступилъ со своимъ войскомъ или значительною частью его въ Пелопоннезъ, гдѣ никто и не думалъ о сопротивленіи ему, и, послѣ такого очевиднаго доказательства своей мощи, онъ созвалъ всѣ греческія государства на большой конгрессъ въ *Коринѳѣ* (337 г.). Одни только Спартанцы не откликнулись на его призывъ, и Филиппъ очень умно отвѣчалъ на этотъ протестъ ихъ презрительнымъ невниманіемъ. На конгрессѣ онъ объявилъ уже формально о своемъ намѣреніи идти походомъ въ Персію, и всѣми городами былъ онъ избранъ «полномочнымъ полководцемъ» (военнымъ стратегомъ). Такимъ образомъ новая мысль была внесена въ греческій міръ—мысль, которая могла до извѣстной степени сдѣлаться популярною и во всякомъ случаѣ должна была увлечь многихъ. Вооруженія начаты были тотчасъ же; предполагалось начать походъ лѣтомъ 336 г.

Коринѳскій конгрессъ. 337 г.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Смерть Филиппа; первые годы царствованія Александра и паденіе царства Ахэменидовъ.

Положеніе Персидскаго царства.

Планы, осуществленіемъ которыхъ такъ заняты были въ Пэллѣ, и на которые уже давно эллинскіе публицисты указывали въ своихъ писаніяхъ—были хорошо извѣстны въ Сузѣ. Но тамъ къ этой угрозѣ давно уже привыкли; и, повидимому, до самой битвы при Херонеѣ, все утѣшали себя тѣмъ, что до исполненія этихъ плановъ еще много пройдетъ времени, да и вообще эти планы, какъ и все въ Греціи, зависитъ отъ случайностей. Издавна уже Персы отдѣлывались только тѣмъ, что поддерживали враговъ Филиппа извѣстнаго рода субсидіями, — и мы даже сомнѣваемся, чтобы эти деньги цѣликомъ доходили по назначенію; только уже во время борьбы за Перинѳъ и Византію, Персы приняли дѣятельное участіе въ ней. Полное усыпленіе, овладѣвшее всѣми частями этого великаго царства, отозвалось и на внѣшней политикѣ Персіи, и то обновленіе персидскаго могущества, о которомъ мечталъ нѣкогда Киръ Младшій—оказалось, послѣ несчастной битвы при Кунаксѣ, неосуществимою фантазіей. Артаксеркъ II процарствовалъ, въ прямой ущербъ своему царству, очень долго — до 362 г. Уже изъ Ксенофонтова разсказа объ отступленіи 10.000 греческихъ наемниковъ, мы узнаемъ, въ какомъ положеніи было въ то время Персидское царство. Никто не дерзаетъ напасть открыто на небольшой греческій отрядъ, противъ котораго рѣшаются дѣйствовать только средствами трусливаго невѣжества, — и эти греческіе воины, пройдя сотни миль по персидскимъ владѣніямъ, должны были повѣдать Западу тайну великой слабости громадной имперіи. Въ *Мемфисѣ*, еще при Даріи Нотѣ, предшественникѣ Артаксеркса, уже снова правилъ туземный царь, начавшій собою новую, 29-ю и 30-ю династію. При Артаксерксѣ отпаденія отъ царства стали еще болѣе частыми; возстаніе слѣдовало за возстаніемъ, на Кипрѣ, въ Финикіи, на малоазійскомъ берегу, въ Каріи, на берегахъ Понта; въ самомъ царствѣ явились независимыя отъ царя персидскаго племена, и для того, чтобы спокойно проѣхать отъ Персеполя до Сузы, онъ долженъ былъ каждый разъ посылать денежный подарокъ тѣмъ горцамъ, которые владѣли горными проходами, а этотъ подарокъ немногимъ отличался отъ обязательной дани. При наслѣдникѣ Артаксеркса II, *Артаксерксѣ III*, положеніе дѣлъ нѣсколько измѣнилось къ лучшему, потому что руководителемъ этого царя явился

нѣкій *Багоасъ*, энергическій правитель на восточный ладъ, съумѣвшій на время возстановить значеніе царской власти; когда же царь выказалъ желаніе уклониться отъ его вліянія, Багоасъ безпощадно истребилъ весь родъ Ахэменидовъ, кромѣ одного, *Арзеса*, отъ имени котораго и продолжалъ править царствомъ. Только уже слѣдующему царю (наслѣдовавшему престолъ по боковой линіи), *Дарію Кодоманну*, удалось устранить страшнаго визиря, поднеся ему отраву. Это случилось какъ разъ въ тотъ самый годъ, когда македонско-греческій походъ долженъ былъ начаться (336). Но судьбѣ угодно было еще на нѣкоторое время отсрочить паденіе этого жалкаго царства: въ то время какъ всюду велись самыя оживленныя приготовленія къ походу, царь Филиппъ былъ убитъ однимъ изъ начальниковъ своего отряда тѣлохранителей (зимою 337—6 г.). Это событіе произвело потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ современниковъ и на ближайшее поколѣніе. Актеръ Неоптолемъ, одинъ изъ эллинскихъ технитовъ, которыми такъ охотно окружалъ себя Филиппъ, былъ очевидцемъ этого трагическаго эпизода, и говоритъ, что никакое впечатлѣніе трагедіи Софокла или Эсхила не можетъ съ нимъ сравниться по впечатлѣнію. Онъ палъ — достигнувъ верха могущества и счастья, во время празднества по случаю свадьбы его дочери Клеопатры *), на порогѣ театра, въ который вступалъ среди праздничнаго шествія, въ которомъ торжественно несли передъ царемъ изображенія 12-ти олимпійскихъ божествъ.

Царь Филиппъ убитъ (336 г.).

Этотъ эпизодъ даже и въ Македоніи отозвался общимъ колебаніемъ. Въ Македоніи въ это время существовала партія приверженцевъ сына Филиппова отъ второго брака, и другая—стоявшая за Филиппова племянника Пердикку, нѣкогда устраненнаго имъ отъ престола. Предвидя замѣшательство по престолонаслѣдію, сосѣднія варварскія племена вторглись въ Македонію съ сѣвера, а на западной границѣ ея разразилось возстаніе между горцами. Само собою разумѣется, и въ Греціи всѣ держались того мнѣнія, что со смертью Филиппа должна пасть и вся задуманная имъ Коринѳская конвенція.

Царь Александръ.

Но всѣ эти затрудненія и сомнѣнія были быстро разрѣшены новымъ царемъ македонскимъ, *Александромъ*, сыномъ Филиппа отъ его брака съ Олимпіадой, дочерью эпирскаго князя. Въ самой Македоніи ему нечего было пугаться: онъ выросъ въ такихъ условіяхъ, что могъ смѣло быть наслѣдникомъ своего могущественнаго отца, и все войско, уже знавшее его, было ему безусловно предано. Два-три смертныхъ приговора противъ главныхъ противниковъ, приведенные въ исполненіе прежде, чѣмъ они были произнесены — все разомъ привели въ порядокъ въ Македоніи; и Ѳессалія легко подчинилась Александру, и въ Греціи его постоянное войско и быстрота его дѣйствій предупредили всякое мятежническое движеніе. На *второмъ съѣздѣ* въ Коринѳѣ за Александромъ утвержденъ былъ тотъ же почетный титулъ, который данъ былъ его отцу, но предѣлы его власти и значенія, на этотъ разъ, повидимому, были точнѣе и полнѣе опредѣлены. Самый документъ не дошелъ до нашего времени, но положенія этого второго Коринѳскаго съѣзда были въ высшей степени

Второй съѣздъ въ Коринѳѣ.

*) Свадьба праздновалась въ г. Эгэ, древнѣйшей столицѣ македонскихъ царей.

важны для внутренняго устроенія Греціи. Всѣмъ городамъ были гарантированы полная ихъ автономія и существующій въ нихъ порядокъ управленія; притомъ же установленъ всеобщій миръ на сушѣ и на морѣ между всѣми союзными государствами; важнымъ шагомъ впередъ было то, что учреждена была постоянная комиссія наблюдателей, которые должны были присматривать за соблюденіемъ общаго мира и за непремѣннымъ выполненіемъ всѣхъ постановленій съѣзда. Этотъ общій договоръ, согласно современному обычаю, былъ изсѣченъ на каменныхъ столпахъ, и эти столпы развезены по городамъ и поставлены всюду на самыхъ видныхъ мѣстахъ во всеобщее свѣдѣніе. Торговыя сношенія и на морѣ, и на сушѣ были освобождены отъ всякаго запрета и стѣсненій: — такимъ образомъ, грекамъ было дано гораздо болѣе, нежели они когда-либо сами себѣ могли доставить.

Возстаніе въ Ѳивахъ. Коринеская конвенція.

Послѣ всего этого, Александръ повернулъ съ войскомъ своимъ на сѣверъ, чтобы усмирить тамошнія варварскія племена и обезопасить отъ нихъ страну на нѣкоторое время. Это удалось ему вполнѣ, и всѣхъ особенно поразило то, что онъ переправился черезъ Истръ (Дунай) и заставилъ покориться власти своей даже и тамъ жившее варварское племя *Гетовъ*; отовсюду стали приходить къ нему посольства этихъ племенъ съ изъявленіями покорности. Онъ уже считалъ здѣсь дѣло законченнымъ, какъ вдругъ—въ Пеліонѣ, на западной границѣ Македоніи,—получилъ извѣстіе о возстаніи въ Ѳивахъ. Кто-то распустилъ слухъ о смерти юнаго царя, и ѳиванцы, увлекшись воспоминаніями о своихъ славныхъ герояхъ, задумали вернуться къ прежней вольности; но Александръ былъ живъ, и съ невѣроятной быстротою явился подъ стѣнами Ѳивъ. Борьба ѳиванцевъ оказалась совершенно безнадежною, такъ какъ македонскій гарнизонъ тѣснилъ ихъ изнутри, а извнѣ городъ осажденъ былъ 30.000 пѣшаго войска и 3000 конницы Александра, съ которыми невозможно было тягаться въ воинскомъ искусствѣ. Возстаніе было подавлено и городъ взятъ послѣ краткаго, но жестокаго боя, и раззоренъ, — что въ данныхъ условіяхъ было дѣломъ политической необходимости. При этомъ соблюдена была нѣкоторая формальность: Александръ предоставилъ рѣшеніе участи города служившимъ въ его войскѣ гражданамъ віотійскихъ городовъ—Ѳеспіи, Платеи, Орхомена и фокеянамъ, и эти граждане, много претерпѣвшіе подъ гнетомъ ѳиванскаго владычества, не затруднились произнести желаемый смертный приговоръ надъ городомъ. Александръ позволилъ себѣ смягчить этотъ приговоръ лишь настолько, насколько допускалось государственною необходимостью,—онъ приказалъ пощадить домъ Пиндара и храмы боговъ. Послѣднее условіе подавало надежду на то, что въ будущемъ, и даже можетъ быть въ близкомъ будущемъ, городъ можетъ быть возстановленъ: надежду весьма исполнимую, такъ какъ намъ достовѣрно извѣстно, что ни одинъ ѳиванецъ, впослѣдствіи обращавшійся къ Александру съ просьбою, не былъ отпущенъ имъ неудовлетворенный. Отъ Аѳинъ, гдѣ, по счастью, возстаніе не успѣло еще проявиться, Александръ потребовалъ только выдачи ораторовъ, возбуждавшихъ народъ противъ Македоніи; аѳиняне предложили осудить ихъ по закону, и Александръ этимъ удовольствовался; пощадивъ въ Ѳивѣ домъ Пиндара,

Александръ не могъ желать разрушенія Аѳинъ... И вотъ теперь, послѣ того какъ всѣ греческія дѣла улажены были на *третьемъ* съѣздѣ въ Коринѳѣ, ничто не препятствовало уже ему приступить къ выполненію того великаго предпріятія, которое однимъ представлялось дѣйствительно національнымъ подвигомъ, другимъ нравилось потому, что они связывали съ этимъ предпріятіемъ смутныя надежды на возможность возвращенія себѣ прежней свободы, и, наконецъ, очень многихъ привлекало возможностью отличиться и удовлетворить своему корыстолюбію.

Планы Александра.

Важнымъ историческимъ переворотомъ было то, что монархическій принципъ вдругъ получилъ преобладающее значеніе среди этого міра республиканскихъ общинъ. Юный царь (ему тогда только что минуло 22 года) былъ главнымъ центромъ всѣхъ интересовъ, и потому мы знаемъ лишь очень немногое и притомъ совершенно не имѣющее никакого значенія о томъ, что происходило въ Греціи въ ближайшіе послѣдующіе годы. Въ первое время, послѣ начала похода, всѣхъ сдерживалъ ужасъ, наведенный раззореніемъ Ѳивъ, и опасеніе передъ той весьма значительной воинской силой *), которую Александръ оставилъ въ распоряженіи своего намѣстника, Антипатра: а вскорѣ послѣ того, ходъ событій въ Азіи привлекъ къ себѣ общее вниманіе, и никому уже въ голову не приходило непосредственное возстаніе противъ Македонскаго царя.

Выступленіе войска (334 г.).

Положеніе это, конечно, быстро измѣнилось-бы, если бы Александръ потерпѣлъ пораженіе. Дѣйствительно, онъ былъ въ такомъ положеніи, при которомъ ему нельзя было потерпѣть неудачи, и потому весьма многіе, даже и замѣчательные историки позволили себѣ говорить о великомъ предпріятіи,—которое началось весною 334 г. переходомъ войска черезъ Геллеспонтъ,—какъ о безумно-смѣломъ приключеніи, которое будто-бы удалось только благодаря цѣлому ряду невѣроятнѣйшихъ случайностей. Но такой взглядъ оказывается совершенно ложнымъ, и мы выказали бы полнѣйшее непониманіе личности великаго македонскаго монарха, если бы исключительно приняли въ соображеніе только тотъ энтузіазмъ, тотъ юношескій, поэтическій порывъ, который несомнѣнно руководилъ его дѣйствіями вначалѣ, и проявился въ немъ, какъ во многихъ истинно-великихъ людяхъ—и при этомъ не признали бы, что лишь весьма немногіе дѣятели въ исторіи человѣчества были одарены въ равной степени съ Александромъ способностью ясно видѣть и сознавать ту дѣйствительность, которая ихъ окружала. Онъ совершенно реально относился и къ людямъ, и къ жизненнымъ явленіямъ; это вполнѣ ясно выказывается намъ не только въ воинской сторонѣ его дѣятельности, но и еще болѣе въ томъ, какъ онъ устроилъ завоеванное имъ царство, и какъ имъ управлялъ.

Персидскія вооруженія.

Никогда еще навстрѣчу азіатскому войску не выступало даже и приблизительно-равное Александрову, и притомъ такъ прекрасно-дисциплинированное войско. Въ немъ было около 40.000 чел. тяжело- и легко-вооруженныхъ войскъ, при полной соразмѣрности отношенія между пѣхотою и

*) Этотъ корпусъ состоялъ изъ 12.000 пѣхоты и 1.500 человѣкъ кавалеріи, которая въ это время только-что начинала получать значеніе особаго рода оружія.

конницею; ядро македонскихъ національныхъ войскъ, при немъ легковооруженныя войска изъ подчиненныхъ Македоніи земель, и весьма умѣренное количество эллинскихъ союзныхъ войскъ, 7.000 гоплитовъ, 600 тяжеловооруженныхъ всадниковъ, 5.000 наемныхъ гоплитовъ и 1.500 ѳессалійской конницы. Главное начальство надъ этой арміей Александръ принялъ на себя не только по имени, но и на дѣлѣ; для предводительствованія отдѣльными частями у него были въ распоряженіи опытнѣйшіе военачальники, выросшіе подъ знаменами его отца; сверхъ того, онъ могъ воспользоваться всѣми успѣхами, какіе были сдѣланы военнымъ искусствомъ въ послѣднюю четверть вѣка. Онъ сосредоточилъ всѣ свои силы, готовясь нанести ударъ на сушѣ, и тотъ небольшой флотъ, который былъ въ его распоряженіи, игралъ лишь весьма незначительную роль.

И персы не уступали ему въ своихъ военныхъ приготовленіяхъ; мы уже видѣли выше, что при персидскомъ дворѣ греческіе бѣглецы играли видную роль, и что ихъ совѣта слушались въ военныхъ дѣлахъ. Особеннымъ вліяніемъ у царя пользовались около этого времени два выходца съ Родоса, Ментеръ и его братъ, Мемнонъ—люди весьма способные. Успѣли воспользоваться и опытомъ похода Кира Младшаго, и благопріятнымъ временемъ, и набрали довольно значительное число греческихъ наемниковъ; на это потратили лишь небольшую часть безполезно и безсмысленно нагроможденныхъ въ царской казнѣ грудъ металла, которыя позднѣе, въ большей своей части, достались въ добычу побѣдителю. Но противовѣсомъ къ вліянію греческаго элемента служило самомнѣніе, предразсудки и необычайная медлительность въ дѣлахъ, присущія туземной персидской знати—и оба эти вліянія безпрестанно сталкивались то въ томъ, то въ другомъ вопросѣ, такъ что нерѣдко рѣшеніе зависѣло исключительно отъ прихоти царя: вотъ почему одинъ изъ аѳинскихъ выходцевъ, Харидэмъ, дерзнувшій не во-время, со свойственнымъ аѳинянину свободомысліемъ, подать совѣтъ о замѣнѣ туземныхъ войскъ наемными греческими—былъ тотчасъ же казненъ. Разгнѣванный царь схватилъ его за поясъ и тѣмъ подалъ рабамъ своимъ знакъ, чтобы они его прикончили.

Побѣда при Граникѣ.

Первая побѣда на азіатской почвѣ была одержана при маленькой фригійской рѣчкѣ Граникѣ, впадающей въ Пропонтиду, верстахъ въ 20 отъ Кизиля. Александръ выстроилъ свое войско по правому берегу рѣчки, въ виду весьма растянутой линіи персидской конницы. Онъ лично началъ наступленіе, во главѣ коннаго отряда македонской знати, при чемъ прежде всего пришлось переправиться черезъ рѣчку. На противуположномъ берегу ему тотчасъ же пришлось вступить въ опасный и горячій бой съ персидской знатью, которую нельзя было упрекнуть въ недостаткѣ личной храбрости. Діодоръ разсказываетъ намъ, что сатрапъ Іоніи, — родственникъ царя, хотѣлъ здѣсь именно поддержать славу Персіи и предполагалъ, что ему именно суждено отвратить отъ Азіи грозящую ей опасность. Но въ общемъ предводительствѣ ощущался такой недостатокъ, что при второмъ натискѣ, лучшая часть войска, многочисленный и хорошо-обученный отрядъ греческихъ наемниковъ, вовсе не былъ введенъ въ дѣло, и вступилъ въ битву уже только тогда, когда персидская кон-

ница была разсѣяна и всѣ македонскія силы обратились противъ этого отряда. Такъ это первое персидское войско, сатрапское войско, не имѣвшее никакой внутренней связи, было разогнано и уничтожено. Съ плѣнными греческими наемниками поступлено было сурово: они были отосланы въ Македонію какъ рабы, за то, что сражались на сторонѣ варваровъ, противно обще-эллинскимъ рѣшеніямъ: вообще говоря, во всей этой первой части своего предпріятія, Александръ особенно выставлялъ на видъ національно-эллинскій характеръ войны; въ этихъ же видахъ, онъ относился чрезвычайно любезно къ Аѳинамъ, отправивъ городу въ даръ 300 вооруженій изъ военной добычи. Въ этой первой битвѣ уже выяснилось, какъ ничтожно можетъ быть значеніе сопротивленія, оказываемаго грекамъ персидскими войсками. Состоявшіе въ персидской службѣ греки, какъ напр., Мемнонъ, совѣтовали избѣгать битвы и сосредоточить все вниманіе на дѣйствіяхъ сильнаго флота въ Эгейскомъ морѣ. Къ сожалѣнію, этотъ разумный планъ, который могъ-бы отсрочить рѣшительныя дѣйствія, былъ отвергнутъ благодаря самомнѣнію и даже предразсудкамъ персидскихъ вельможъ.

Завоеваніе М. Азіи.

Побѣда, одержанная Александромъ надъ сатрапами *), предала въ его руки весь западный берегъ Малой Азіи. И г. Сарды покорился побѣдителю, который весьма разумно привлекъ мѣстное населеніе на свою сторону, возстановивъ старые лидійскіе порядки управленія, точно такъ же, какъ и іонійскимъ городамъ возвратилъ онъ демократическія учрежденія. Только въ двухъ мѣстахъ встрѣтилъ онъ сопротивленіе: *Милетъ* былъ взятъ быстрымъ натискомъ, а *Галикарнассъ* — послѣ упорной осады, которою руководилъ опаснѣйшій и весьма рѣшительный противникъ Александра, Мемнонъ. Затѣмъ походъ продолжался безостановочно до февраля слѣдующаго 333 года, и только уже въ *Гордіи*, столицѣ Фригіи, Александръ дозволилъ себѣ и войску своему нѣкоторый отдыхъ. Этотъ пунктъ былъ избранъ чрезвычайно разумно въ смыслѣ военныхъ соображеній, такъ какъ отсюда всего удобнѣе было кратчайшимъ путемъ сноситься съ Македоніей. Въ результатѣ перваго похода получилось обладаніе всей западной частью М. Азіи. На морѣ все еще господствовалъ персидскій флотъ: Мемнонъ, перешедшій изъ Галикарнасса на флотъ, дѣйствовалъ настолько успѣшно въ Эгейскомъ морѣ, что при персидскомъ дворѣ на время даже явилась надежда на то, что театръ войны вскорѣ можно будетъ изъ Азіи перенести въ Европу. Но Александръ отлично понималъ все, чего требовало отъ него занимаемое имъ положеніе, и очень разумно отклонилъ ходатайство аѳинянъ о ихъ согражданахъ, взятыхъ въ плѣнъ при Граникѣ, — отклонилъ только для того, чтобы его согласіе на эту просьбу не было принято аѳинянами за доказательство его слабости и неувѣренности въ успѣхѣ.

Походъ 333 года.

Въ слѣдующемъ году смерть Мемнона избавила Александра отъ его опаснаго противника въ то самое время, когда тотъ опять начиналъ пользоваться очень большимъ вліяніемъ на общій ходъ дѣлъ. Ближайшею задачею Александра было—завершить завоеваніе побережья Средиземнаго

*) Одинъ изъ нихъ, Арзитъ, не пережилъ пораженія и наложилъ на себя руки.

моря, дабы обезпечить свой операціонный базисъ, а также и пресѣчь всякія сношенія персовъ съ мятежнымъ элементомъ Греціи; при этомъ предстоящемъ походѣ, онъ надѣялся также наткнуться на главную царскую армію, которую Дарій тѣмъ временемъ собралъ и велъ подъ своимъ личнымъ предводительствомъ *). Дарій, вообще слывшій за человѣка храбраго, произвелъ своей арміи смотръ на обширныхъ равнинахъ близъ Вавилона, и этотъ смотръ даже внушилъ ему большую увѣренность въ своихъ силахъ. Александръ, сравнительно, довольно поздно выступилъ ему навстрѣчу изъ Гордіи; повидимому, греческія дѣла временно наводили его на нѣкоторыя сомнѣнія; но затѣмъ онъ открылъ кампанію блестящимъ успѣхомъ, который можетъ быть объясненъ только полнѣйшею неурядицею въ общемъ планѣ веденія войны со стороны персовъ. На пути его лежали три прохода, представлявшихъ весьма твердую оборонительную позицію, — такъ называемыя «Киликійскія ворота», «Аманскія ворота» и «Сирійскія ворота»,—и армія Александра, направляясь изъ М. Азіи въ Сирію, не могла миновать этихъ проходовъ; и вотъ первыя изъ этихъ-то трохъ воротъ (въ Таврскихъ горахъ) Александръ прошелъ, не потерявъ ни одного человѣка, а между тѣмъ здѣсь тѣснины, въ самомъ узкомъ мѣстѣ своемъ, едва даютъ возможность пройти въ рядъ четыремъ воинамъ. Оказывается, что персы, едва заслышавъ въ полночь македонскіе сигналы, и не подумали ни о какой оборонѣ, — и вотъ все войско македонское спокойно вступило въ Киликійскую равнину. Прибывъ въ Тарсъ, Александръ вдругъ заболѣлъ, и вѣсть объ этомъ опять-таки замедлила движеніе войска впередъ. Однакоже, искусный врачъ, акарнанецъ Филиппъ, быстро поднялъ царя съ одра болѣзни; онъ выздоровѣлъ ранѣе, чѣмъ полагали, и вскорѣ послѣ того пройденъ былъ такъ же счастливо и другой не менѣе опасный проходъ въ горахъ Аманскихъ, которыя тянутся параллельно съ Тавромъ. Тутъ войско повернуло на югъ, чтобы, перейдя черезъ третій проходъ («Сирійскія ворота»), въ одномъ изъ отроговъ того же Аманскаго хребта, двинуться прямо противъ непріятельскаго войска, которое тѣмъ временемъ подошло и расположилось немного восточнѣе, въ равнинѣ. И этотъ третій проходъ пройденъ былъ Александромъ безпрепятственно; но тутъ послѣдовало стратегическое передвиженіе персидскаго войска, которое, во всякомъ случаѣ, при другихъ условіяхъ могло бы быть весьма опасно для Македоніи. Дарій двинулся въ сѣверо-западномъ направленіи черезъ боковой проходъ въ Аманскихъ горахъ и расположился со всѣмъ своимъ войскомъ въ равнинѣ Исса, въ тылу Александра. Это передвиженіе было дѣйствительно недурно задумано, и слухъ о немъ, достигнувшій Аѳинъ (гдѣ охотно вѣрили тому, чего желали), привелъ всѣхъ къ тому убѣжденію, что Александръ отрѣзанъ отъ своей отчизны и что гибель его несомнѣнна.

Битва при Иссѣ.

Но самъ Александръ совсѣмъ иначе взглянулъ на свое положеніе:

*) По старому и хорошему обычаю царь персидскій, въ минуты большой опасности, всегда становился во главѣ своего войска. Но, конечно, то благопріятное дѣйствіе, которое бы онъ могъ оказать своимъ присутствіемъ въ войскѣ, совершенно парализовалось тѣмъ блескомъ и этикетомъ, которыми личность царя была окружена и которые трудно было согласовать съ потребностями войны.

онъ увидѣлъ только возможность покончить съ непріятельской арміей *однимъ* ударомъ. Онъ тотчасъ перемѣнилъ фронтъ войска, и битва при Иссѣ (333 г.) вполнѣ оправдала его смѣлыя надежды. Эта битва представляетъ собою характерную картину побоища съ варварами. Тамъ, гдѣ съ непріятельской стороны достаточно было бы 10.000 хорошаго войска, было выставлено 50.000 плохого; ничто не происходило кстати и во́-время, и малѣйшая случайность могла привести къ катострофѣ, — гдѣ-нибудь произвести бѣгство, которое поколебало бы близъ стоящія массы и вскорѣ всѣхъ увлекло бы неудержимо; а при такомъ составѣ войска, какъ персидское, отступленіе правильное оказывается невозможнымъ, бѣгство-же прямо гибельнымъ. Александръ наступалъ съ юга, фронтомъ къ сѣверу; лѣвымъ, оборонительнымъ крыломъ командовалъ Парменіонъ, старѣйшій изъ военачальниковъ Филиппа; самъ же царь находился на правомъ наступательномъ крылѣ, и, высмотрѣвъ слабое мѣсто противника, быстро перешелъ съ отборною дружиной, составленной изъ македонской знати, черезъ небольшую рѣчку и ударилъ на тяжело-вооруженную персидскую пѣхоту. Эта пѣхота дрогнула и побѣжала, открывъ для нападенія центръ, въ которомъ находилась колесница царя (персы сражались еще на колесницахъ, какъ во времена Рамзеса). Александръ обратился противъ центра, и много нашлось на персидской сторонѣ храбрецовъ, которые, противясь его наступленію, пожертвовали собою, лишь бы дать возможность повернуть царскую колесницу и отвезти въ безопасное мѣсто священную особу царя:—ибо въ эту рѣшительную минуту ни у кого изъ персовъ не было иной мысли. Та сумятица, которая тутъ неудержимо овладѣла всѣми, охватила вскорѣ и другое, непоколебленное еще крыло персидской арміи, и ужъ никакая попытка противостать гибели или отвратить ее—не была возможна. И какъ поразительно проявилась, при этомъ случаѣ, противуположность между восточнымъ, мишурнымъ царемъ и настоящимъ царемъ, Александромъ; онъ и на этотъ разъ, какъ всегда, одержалъ побѣду, благодаря личному участію своему въ битвѣ, и самъ велъ преслѣдованіе бѣгущаго непріятеля; полное разстройство персидской арміи было главнымъ образомъ его заслугою. Несчастный царь персидскій долженъ былъ вскочить на коня, чтобы уйти отъ своего грознаго гонителя, и когда Александръ уже гораздо позднѣе вернулся на поле битвы и въ свою главную квартиру—то узналъ, что и матеръ царя персидскаго, а въ немъ его мать, супруга и дѣти достались въ руки побѣдителя: — добыча въ высшей степени цѣнная, унизившая значеніе Дарія въ глазахъ азіатовъ и значительно ослабившая въ немъ желаніе сопротивляться Александру. Побѣдитель же обошелся со своими плѣнницами чрезвычайно внимательно, и въ ту же ночь успокоилъ ихъ насчетъ царя Дарія.

Послѣдствія побѣды.

Битва была, во всѣхъ смыслахъ, рѣшительная. Побѣда при Иссѣ, открывшая побѣдителю путь въ Сирію и Финикію, отозвалась и на флотѣ персидскомъ, составленномъ большею частью изъ сирійскихъ и финикійскихъ кораблей, которые тотчасъ отдѣлились отъ флота. И надежды греческихъ патріотовъ на освобожденіе отъ македонскаго владычества тоже разомъ рухнули. Греки, собравшіеся на Истмійскія игры, отправили къ Александру посольство съ пожеланіемъ счастья въ формѣ обычнаго дара—

золотого вѣнка; и отъ членовъ комиссіи, наблюдавшей за выполненіемъ условій коринѳскаго договора, переданы были такія же поздравленія и пожеланія. Не мудрено было предвидѣть, что Дарій дастъ полную возможность Александру къ завоеванію побережья Средиземнаго моря, которое и безъ того не представляло особенныхъ затрудненій; въ виду этого, лишь только Александръ двинулся впередъ, въ область финикійскихъ городовъ, какъ ужъ къ нему явилось посольство царя персидскаго, чтобы вступить въ переговоры съ царемъ македонскимъ. Эти переговоры не лишены интереса. Дарій жаловался на нападеніе, къ которому онъ не давалъ никакого повода, но такъ какъ судьба рѣшила битву не въ его пользу, то просилъ вернуть ему его царское семейство, находившееся въ плѣну у Александра, и изъявлялъ готовность на весьма значительныя пожертвованія. Александръ отвѣчалъ на это укорами, въ которыхъ, съ чисто эллинской точки зрѣнія, не могло быть недостатка; можно было, пожалуй, указать на то, что и самое убіеніе Филиппа было дѣломъ персидскаго подкупа. Но важнѣе всего было то, что, при этихъ переговорахъ, выяснилось совершенно новое политическое понятіе и новая точка зрѣнія. Александръ, между прочимъ, приказалъ Дарію сказать, что теперь онъ считаетъ *себя владыкою всей Азіи* и потому не слѣдуетъ Дарію вести переговоры съ нимъ, Александромъ, какъ равному съ равнымъ: — пусть, молъ, Дарій самъ къ нему явится, чтобы получить то, что Александръ ему пожалуетъ. Этотъ рѣзкій отвѣтъ, впрочемъ, очень понравился приближеннымъ къ Александру лицамъ; они еще не предвидѣли тогда послѣдствій, которыя должны были для нихъ произойти изъ новаго положенія, принятаго Александромъ: о царствѣ азіатскомъ не было рѣчи при дворѣ Филиппа, ни когда-либо до этого времени.

Переговоры. Взятіе Тира.

Между тѣмъ, приблизившись къ стѣнамъ *Тира*, Александръ встрѣтилъ такое сопротивленіе, которое напомнило ему, что существуютъ еще на землѣ независимыя отъ него силы. Не совсѣмъ ясно для насъ, почему именно этотъ старый финикійскій городъ такъ упорно противился новому порядку вещей, который, по меньшей мѣрѣ, сулилъ ему такія же выгоды, какими онъ пользовался прежде. Горячо разгорѣлась здѣсь старая вражда между финикійскимъ и эллинскимъ племенемъ, и семь мѣсяцевъ сряду здѣсь истощались всѣ усилія и средства, какъ со стороны защиты, такъ и со стороны нападенія. Соединенныя силы сухопутнаго войска и наскоро собраннаго флота долго и тщетно осаждали сильно укрѣпленный островный городъ, изъ котораго своевременно высланы были моремъ въ Карѳагенъ всѣ безполезные для борьбы элементы—старики, женщины и дѣти. Отмѣтимъ при этомъ любопытную, чисто семитическую черту, характеризующую мѣстное богопочитаніе: кому-то изъ горожанъ въ Тирѣ представилось въ сонномъ видѣніи, что одинъ изъ боговъ, главный защитникъ города, сбирается его покинуть,—и вотъ граждане рѣшили приковать истуканъ божества желѣзными цѣпями къ тому основанію, на которомъ онъ былъ поставленъ... Въ лагерѣ Александра слышались уже многіе голоса въ пользу того, что пора идти впередъ, покинувъ осаду Тира... И вотъ, въ самый разгаръ осады, явилось вдругъ посольство отъ Дарія, съ болѣе опредѣленными предложеніями:—10,000

талантовъ выкупа за царское семейство, уступка всѣхъ земель до самаго Евфрата, и дочь Дарія, въ супруги,— вотъ что предлагалъ царь персидскій. Говорятъ, что Парменіонъ, старшій и знатнѣйшій изъ сановниковъ и полководцевъ Филиппа, сказалъ, узнавъ объ этихъ условіяхъ: «я бы это принялъ, если бы я былъ Александромъ» *),— слова знаменательныя, ясно указывающія на то, что завоевательные планы Филиппа не простирались далѣе Евфрата или даже далѣе р. Галиса. Для его военныхъ товарищей, для македонской знати, — это было бы, конечно, наиболѣе выгодно; они могли бы остаться, по отношенію къ царю своему, въ томъ же положеніи, какъ и доселѣ,—но только стали бы богаче, знатнѣе прежняго и больше бы имѣли средствъ для наслажденія роскошною жизнью. Но эта цѣль уже была достигнута. Для Александра казалось уже невозможнымъ остановиться на полупути, и потому онъ отпустилъ и второе посольство Дарія съ отвѣтомъ, который былъ лишь подтвержденіемъ перваго.

Взятіе Тира.

Между тѣмъ осада Тира близилась къ концу. Штурмъ удался: послѣ долгой битвы въ самыхъ улицахъ города, послѣдніе защитники его пали у храма Ваала. Страшная кара постигла городъ, который однакоже былъ не весь разрушенъ; въ немъ разыскали одного изъ потомковъ стариннаго рода мѣстныхъ царей, служившаго поденщикомъ у кого-то изъ тирянъ, и жившаго въ предмѣстьи; его и возвели въ цари (332), по волѣ Александра.

Взятіе Газы, 332.

Взятіемъ Тира положенъ былъ конецъ существованію персидскаго флота. Отъ Тира войско Александрово двинулось на Ю. Сопротивленіе, оказанное ему древнимъ филистимлянскимъ городомъ *Газой*, загражданшимъ путь въ долину Нила, носило на себѣ военный характеръ, а не національный, какъ въ Тирѣ. Мужественный персидскій военачальникъ защищалъ порученную ему крѣпость до послѣдней крайности: такіе вѣрные слуги еще были у царя персидскаго, хотя ихъ было и немного.

Занятіе Египта.

Зато завоеваніе Египта оказалось чрезвычайно легкимъ. Египетъ постоянно относился къ персамъ враждебно и все болѣе и болѣе ихъ чуждался; при всѣхъ своихъ возстаніяхъ онъ постоянно получалъ или ожидалъ помощи отъ Эллады; притомъ греческія религіозныя воззрѣнія и міросозерцаніе были гораздо болѣе близкими и подходящими къ египетскимъ воззрѣніямъ, нежели недоступная египтянамъ религіозность персовъ, съ ея сухимъ дуалистическимъ дѣленіемъ добра и зла. Замыселъ греческаго отряда наемниковъ, удалившихся сюда съ поля битвы при Иссѣ, и пытавшихся захватить страну въ свои руки,— окончился неудачей; но когда въ Египетъ вступили войска Александра, Мемфисъ былъ сданъ ему персидскимъ намѣстникомъ безъ сопротивленія, и все населеніе приняло царя македонскаго почти какъ законнаго государя. И здѣсь Александръ съумѣлъ доказать свою чрезвычайную мудрость государственную, удержавъ древнее раздѣленіе страны, не смѣстивъ египетскихъ чиновниковъ, правившихъ отдѣльными округами, и не коснувшись важ-

*) Говорятъ, что Александръ отвѣчалъ на это Парменіону, съ оттѣнкомъ насмѣшки: «и я бы взялъ, если бы былъ Парменіономъ».

нѣйшихъ правительственныхъ учрежденій. Въ особенности же двумя дѣяніями своими онъ привлекъ къ себѣ расположеніе всего населенія Египта: онъ заложилъ новый, громадный городъ и посѣтилъ расположенное въ оазисѣ древнее святилище бога Аммона. Персы, повидимому, очень мало обращали вниманія на страсть египтянъ къ колоссальнымъ постройкамъ: Александръ же, напротивъ, выказалъ большое знаніе людей и тонкое пониманіе политическихъ и природныхъ условій страны въ томъ, что, вскорѣ по вступленіи въ Египетъ, сдѣлалъ необходимыя распоряженія по постройкѣ города въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и самымъ выборомъ мѣста для этой *Александріи* (Александровъ городъ) уже обезпечилъ его будущее процвѣтаніе. Посѣщеніе храма Аммонова въ оазисѣ также послужило доказательствомъ проницательности Александра и того умѣнья приспособляться къ воззрѣніямъ египтянъ, какими не обладали ни персы, ни вообще восточные завоеватели. Древнее святилище, воздвигнутое въ оазисѣ, окруженное густою рощею высокихъ деревьевъ, и самый оазисъ съ его селеніями, его крѣпкимъ замкомъ и священнымъ источникомъ,—давно уже были извѣстны грекамъ; мѣстнымъ жрецамъ, обитателямъ этого уединеннаго оазиса, не въ диковину были греки-путешественники, заглядывавшіе изрѣдка въ этотъ источникъ египетской мудрости. Понятно, что могущественнаго царя, побѣдителя ненавистныхъ персовъ, они встрѣтили съ величайшимъ торжествомъ, съ божескими почестями, какъ сына бога Аммона; понятно, что они предсказали ему и господство надъ всѣмъ міромъ,—что было совершенно въ духѣ тѣхъ напыщенныхъ изъявленій покорности, которыми испещрены всѣ стѣны древнихъ зданій Египта. Несомнѣнно, что Александру очень по вкусу пришлись, по отношенію къ его новымъ восточнымъ подданнымъ, тѣ слухи, которые связаны были съ его посѣщеніемъ этого всемірно-извѣстнаго оракула; тамъ, гдѣ привыкли падать ницъ передъ монархомъ, какъ передъ божествомъ, подобные слухи все равно явились бы со временемъ, или даже готовы уже были явиться еще и прежде Александрова вступленія въ Египетъ. Излишнимъ считаемъ здѣсь доказывать, что ни самъ Александръ, ни его приближенные, не придали значенія тѣмъ таинственнымъ откровеніямъ, которыя имъ пришлось услышать отъ жрецовъ Аммонова храма; но все же посѣщеніе его было очень ловкимъ выраженіемъ милостиваго вниманія къ египетскому народу, и Александръ покинулъ страну совершенно успокоенной и удовлетворенной, предоставивъ управленіе ею вновь установленной имъ власти, которая подраздѣлялась такъ: македонянинъ завѣдывалъ военными силамъ, грекъ — финансами, и египтянинъ — всѣмъ остальнымъ *).

Послѣдняя битва при Гавгамелѣ. 331.

При всей чрезвычайной быстротѣ своихъ дѣйствій, Александръ никогда ничего не дѣлалъ наполовину, а потому и оставался довольно долгое время въ Египтѣ, стараясь умиротворить страну и утвердить въ ней свою власть; наконецъ, уже лѣтомъ 331 г., онъ двинулся съ войскомъ къ Ев-

*) Любопытнымъ доказательствомъ того, что эллины уже давно пустили корни въ Египтѣ, можетъ служить учрежденіе Александромъ въ Мемфисѣ общественныхъ игръ по греческому обычаю; когда онъ установлялъ подобныя же игры въ Тирѣ, были даже разыграны на сценѣ—трагедіи, въ которыхъ заискивавшія въ Александрѣ кипрскіе князья приняли на себя обязанности хорэговъ.

БИТВА АЛЕКСАНДРА. Мозаика, отысканная въ 1831 г. въ Помпеѣ, теперь въ Національномъ музеѣ въ Неаполѣ.

Римская мозаика изображаетъ битву при Иссѣ, и именно тотъ ея моментъ, когда Александръ прокалываетъ копьемъ персидскаго полководца, который, защищаясь, бросился между Александромъ и Даріемъ, отовсюду тѣснимымъ на своей военной колесницѣ. Лѣвая сторона мозаики въ особенности попорчена. (Болѣе подробное описаніе этой битвы смотри выше, на стр. 228—229).

Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ.

Печат. въ Артистич. завед. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

фрату, перешелъ и эту рѣку, и Тигръ, нигдѣ не встрѣчая серьезнаго сопротивленія. На В. отъ города Ниневіи, въ нѣсколькихъ дняхъ пути оттуда, при ассирійской деревнѣ *Гавгамела* *), произошло послѣднее сраженіе, окончательно рѣшившее участь царства Ахэменидовъ. Поле битвы, на этотъ разъ, было болѣе благопріятно для громадной массы персидскаго войска, нежели узкая береговая равнина при Иссѣ; было даже замѣтно нѣчто въ родѣ воинскаго устройства и разумнаго руководства воинскими силами на сторонѣ персовъ; были даже произведены коекакія военныя упражненія и маневры, и часть войска была даже лучше прежняго вооружена, такъ какъ неудачу «киликійской» битвы приписывали персы, главнымъ образомъ, лучшему вооруженію грековъ. Но, несмотря на это, вполнѣ основательная увѣренность въ побѣдѣ была до такой степени велика въ Александрѣ, что его съ трудомъ могли добудиться въ утро передъ битвою. Правда, лѣвое оборонительное крыло, которымъ и здѣсь, какъ при Иссѣ, командовалъ Парменіонъ, должно было выдержать страшный натискъ и было почти сломлено; но тотъ же способъ дѣйствій Александра привелъ и здѣсь къ побѣдѣ. На обширномъ пространствѣ, покрытомъ массами персидскаго войска, Александръ зорко намѣтилъ себѣ одну цѣль: неудержимо устремился онъ къ тому мѣсту поля битвы, гдѣ находился самъ Дарій. У Дарія, когда онъ увидѣлъ, что жестокая сѣча завязывается уже вблизи отъ него, не хватило мужества вступить лично въ опасный поединокъ съ Александромъ:—онъ повернулъ свою колесницу, и пораженіе его было рѣшено. Во многихъ мѣстахъ поля бой еще кипѣлъ,—на сторонѣ македонской, по одному современному свидѣтельству, было много раненыхъ, хотя и немного убитыхъ,—но побѣда была полною и несомнѣнною. Уже въ полночь (дозволивъ себѣ лишь самый краткій отдыхъ послѣ этого тяжкаго дня) Александръ вновь принялся за преслѣдованіе бѣгущаго непріятеля; въ результатѣ этого преслѣдованія—военная добыча была громадна.

Александръ въ Вавилонѣ; Суза.

Мѣстности, въ которыя теперь вступило войско македонское, а именно Вавилонія и Сузіана, не были самостоятельными областями царства Персидскаго; притомъ, Вавилонія, населенная народомъ вовсе не воинственнымъ, не имѣла никакого повода особенно вступаться за побѣжденнаго царя Персидскаго. Изъ древняго колоссальнаго города Вавилона, навстрѣчу новому царю «*Аликсаандиру*» **), все населеніе выступило въ торжественномъ шествіи,—и здѣсь, точно такъ же, какъ въ Египтѣ, Александръ съумѣлъ привлечь къ себѣ всѣхъ снисходительнымъ, даже почтительнымъ отношеніемъ своимъ къ мѣстной, національной религіи. Здѣсь далъ онъ своему войску нѣкоторый отдыхъ, котораго самъ не зналъ, ибо, именно его пребываніе въ Вавилоніи (по современнымъ извѣстіямъ) было преимущественно посвящено административной и организаторской дѣятельности. Здѣсь же онъ рѣшился на такой шагъ, который несомнѣнно долженъ былъ произвести непріятное впечатлѣніе въ македонскихъ и эллинскихъ

*) Ближайшимъ къ Гавгамелѣ городомъ на большой государственной дорогѣ былъ г. Арбела, съ знаменитымъ храмомъ древне-ассирійской богини войны (Истары).

**) Въ такомъ видѣ сохранилось имя побѣдителя на вавилонскихъ кирпичныхъ таблицахъ.

кружкахъ:—онъ назначилъ сатрапомъ вавилонскимъ того перса Мазэя, который сдалъ ему Мемфисъ, однакоже, выдѣливъ изъ-подъ его власти управленіе финансовой и военной частью и предоставивъ то и другое, какъ и въ Египтѣ, македонскимъ грекамъ. Точно такъ же, какъ Вавилонъ, покорилась Александру и Сузіана, и населеніе ея столицы, Сузы, приняло побѣдителя съ выраженіемъ глубокаго уничиженія и готовности служить ему. Здѣсь еще разъ можно было учредить обычныя греческія общественныя игры, и было чѣмъ за нихъ заплатить, такъ какъ во власть побѣдителя перешли нетронутыми сокровищницы обѣихъ столицъ Персіи, въ которыхъ персидское правительство безъ пользы накопило громадныя массы благородныхъ металловъ.

Персеполь.

Только на дорогѣ въ *Персеполь* и *Пасаргадъ*, настоящіе конечные центры храбраго племени, два съ половиною вѣка тому назадъ создавшаго обширное персидское царство, Александръ встрѣтилъ сопротивленіе. Горное племя Уксійцевъ вздумало и новаго царя заставить платить за прохожденіе черезъ горы; одинъ изъ проходовъ, называемый «великою лѣстницею» или «персидскими воротами», былъ загражденъ Александру храбрымъ *Аріобарзаномъ*, который и послѣ столькихъ неудачъ еще дорожилъ честью своего народа. Новый государь далъ Уксійцамъ понять, что отнынѣ во всемъ царствѣ будетъ только *одна* власть—власть правительства, и приказалъ обложить ихъ данью; храбрый же Аріобарзанъ, съ мечомъ въ рукѣ, палъ при защитѣ Персеполя. Въ этомъ городѣ нашелъ Александръ нѣсколько греческихъ плѣнниковъ, съ которыми по-своему расправились персы, жестоко ихъ изувѣчивъ. Александръ отнесся къ нимъ чрезвычайно милостиво и щедро озаботился объ ихъ обезпеченіи. Персеполь онъ предалъ пламени, въ ознаменованіе полной своей побѣды надъ персами и въ подтвержденіе того, такъ сказать, официальнаго воззрѣнія на его походъ, по которому Александръ являлся отмстителемъ за походы Ксеркса въ Грецію.

Кончина Дарія.

Александръ могъ уже не опасаться Дарія; осталось только одно имя его, которое, быть-можетъ, способно было бы послужить поводомъ къ народному возстанію. И такъ, Александръ поспѣшилъ, принявъ нѣкоторыя важнѣйшія мѣры, въ погоню за этимъ несчастнымъ государемъ, который бѣжалъ въ восточныя сатрапіи и, повидимому, въ Экбатанѣ вновь пытался собрать кое-какія силы для дальнѣйшей борьбы. Отъ этого соперника Александръ былъ вскорѣ избавленъ заговоромъ, который составили окружающіе Дарія; заговоръ закончился тѣмъ, что заговорщики захватили его, связали и везли въ своемъ караванѣ, какъ плѣнника, а когда Александръ погнался за ними по пятамъ, они закололи Дарія и бросили его на дорогѣ умирающаго, въ его повозкѣ. Александръ приказалъ этого послѣдняго Ахэменида похоронить съ почестями въ Пасаргадѣ, рядомъ съ гробницами другихъ персидскихъ царей. По восточнымъ воззрѣніямъ, онъ былъ теперь законнымъ государемъ Персіи. Нежданно явился у него довольно опасный противникъ: сатрапъ Бактріи, *Бессъ*, стоявшій во главѣ заговора противъ Дарія; онъ принялъ царское имя Артакшатра (Артаксеркса) и заявилъ свои притязанія на престолъ. Александру удалось, наконецъ, его захватить и казнить, сообразно съ персидскими законами; но

и послѣ того, въ *Бактріи* и *Согдіанѣ*, Александру пришлось вести долгую и опасную борьбу, которой значительно способствовали и природа гористой страны, и самый политическій строй этихъ областей: они распадались на нѣсколько независимыхъ княжествъ и получали поддержку отъ скиѳскихъ племенъ, жившихъ по ту сторону Яксарта.

Александръ на сѣв.-востокѣ Азіи (330—327).

Съ 330—327 г. Александръ пребывалъ въ этомъ сѣверо-восточномъ углу Персидскаго царства, заложилъ городъ Александрію на берегахъ Яксарта, какъ на сѣверной границѣ своихъ владѣній; мѣстное же населеніе онъ усмирилъ въ такой степени, что тамъ оказалось даже возможно установить благоустроенное и вліятельное управленіе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Царство Александра Великаго.

Новая правительственная система.

Мы очень немногое знаемъ о тѣхъ трехъ годахъ, которые Александръ провелъ на отдаленномъ Сѣверо-востокѣ Азіи, болѣе или менѣе вдали отъ грековъ; но и это немногое убѣждаетъ насъ въ томъ, что онъ уже и въ это время приступилъ къ чрезвычайно-важной перемѣнѣ, которая, при нынѣшнемъ его положеніи, являлась дѣломъ настоятельной необходимости, и, въ бо̀льшей ея части, даже осуществилъ эту перемѣну. Надо замѣтить, что ее нелегко было привести въ исполненіе и что при этомъ пришлось Александру выдержать тяжкія испытанія и пережить весьма опасные перевороты.

Александръ, царь Азіи.

Эта перемѣна заключалась въ превращеніи македонской царственной власти—въ абсолютную монархическую власть азіатскаго владыки. Его прежняя царская власть, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ получилъ ее отъ отца своего, Филиппа, носила на себѣ еще весьма опредѣленный патріархальный характеръ. Царь, какъ первый между равными, принималъ участіе въ пиршествахъ своихъ вельможъ, которые даже носили офиціальное названіе «товарищей» (гетэри) его, среди которыхъ ближайшія къ царю лица отличались еще названіемъ «друзей» (фили). То, что случайно дошло до насъ объ этомъ кружкѣ приближенныхъ къ царю лицъ, удостовѣряетъ насъ въ томъ, что они на своихъ сходкахъ проводили время почти такъ же, какъ гомеровскіе герои въ своемъ лагерѣ подъ стѣнами Иліона. Всѣ важнѣйшія дѣла обсуждались въ государственномъ совѣтѣ, который носилъ названіе «*совѣта друзей*», и если мы постоянно видимъ Александра, во время битвъ, на конѣ, и во главѣ конной дружины македонской рати, то это вовсе не было военною случайностью, а установившимся обычаемъ. Способъ обращенія царя съ македонскою знатью былъ тѣмъ болѣе свободнымъ, что Александръ былъ еще молодъ, а между старшими его военачальниками было много такихъ, которые отличались

еще при Филиппѣ и потому были твердо увѣрены въ томъ, что они необходимы. Надо предполагать, что въ виду общей борьбы съ міромъ варварскимъ, македонскій элементъ значительно сблизился съ элементомъ греческимъ. Александръ, съ своей стороны, не допускалъ между ними никакого различія. Но, конечно, въ ближайшемъ будущемъ, можно было ожидать, что этотъ македонско-греческій элементъ придетъ въ столкновеніе съ новой политикой царя, тѣмъ болѣе, что онъ былъ вынужденъ необходимостью избирать для управленія обширнымъ царствомъ людей изъ среды покоренныхъ имъ народовъ (преимущественно—арійскаго племени). Онъ тѣмъ болѣе былъ къ тому вынужденъ, что никто изъ македонянъ и эллиновъ, повидимому, не подумалъ о томъ, чтобы изучить персидскій языкъ или хоть сколько-нибудь ознакомиться съ особенностями покоренныхъ странъ и народовъ. Александръ же, напротивъ того, съ самаго начала относился къ побѣжденнымъ мягко: онъ тотчасъ же привлекъ варваровъ—и туземцевъ различныхъ областей, и персовъ—къ участію въ управленіи, вездѣ поощрилъ національныя учрежденія, даже самъ озаботился объ ихъ возстановленіи, точно такъ же, какъ, по вступленіи въ Вавилонъ, способствовалъ возобновленію древне-вавилонскаго храма Бэла. Мало-по-малу пришлось македонскимъ сановникамъ и гордымъ, вольнолюбивымъ эллинамъ убѣдиться въ томъ, что дѣло принимаетъ оборотъ еще болѣе серьезный... Уже во время пребыванія своего въ Маракандѣ, столицѣ Драгіаны, т. е. на крайнемъ Востокѣ, Александръ рѣшился привести въ исполненіе новую систему отношеній къ окружающимъ, состоявшую, прежде всего, въ томъ, чтобы на большихъ праздникахъ и пріемахъ при дворѣ—и македоняне, и греки, и новые его подданные становились вмѣстѣ. Затѣмъ, онъ повелѣлъ, чтобы на будущее время, при всѣхъ придворныхъ торжествахъ,—напримѣръ, во время пріемаословъ,—церемоніалъ для всѣхъ былъ одинаковый: и греки, и македоняне, привѣтствуя царя, должны были передъ нимъ преклонять колѣна, по варварскому обычаю. Это было необходимо потому, что различіе въ отношеніяхъ царя къ его подданнымъ было непостижимо для азіатовъ, и онъ, очевидно, долженъ былъ бы пасть въ ихъ глазахъ, если бы ближайшіе къ царю сановники отказались воздать ему эту почесть; но эта почесть сильно возмутила македонянъ и грековъ, какъ и всѣ тѣ внѣшнія формальности, за которыми слѣдовалъ большой внутренній переворотъ. Можно себѣ представить, какъ невыносимо было это новое требованіе Александра для македонскихъ сановниковъ! Даже и греческіе софисты, давно привыкнувшіе ко всякимъ видамъ лести и всегда готовые кадить власти, все же возмутились противъ нововведенія, которое равняло ихъ съ «презрѣнными» азіатами.

Заговоры. Кровавыя дѣянія.

Въ войскѣ явилась весьма вліятельная партія недовольныхъ и наступилъ довольно опасный кризисъ, который выразился не только тѣмъ, что въ короткое время было составлено два заговора противъ жизни Александра, но также и въ томъ, что недовольные элементы, проявившіеся въ это время, сообщили свою окраску событіямъ этой эпохи:—всѣ утверждали въ то время (а многіе еще и теперь рѣшаются утверждать), что Александръ забылся на той высотѣ, на которую онъ вознесенъ былъ своимъ изумительнымъ счастьемъ, что онъ и дѣйствительно болѣе или

менѣе обратился въ это время въ азіатскаго деспота. Такое заключеніе совершенно невѣрно: результаты, какихъ до этого времени успѣлъ достигнуть Александръ, достижимы только для ума, способнаго стать выше всѣхъ подобныхъ, низменныхъ увлеченій, для ума яснаго и холоднаго, для человѣка, одареннаго самообладаніемъ въ высшей степени. А что таковъ именно былъ умъ Александра и что онъ такимъ оставался до конца жизни,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Такъ, напр., всѣми уже признано, что въ сношеніяхъ съ женщинами онъ былъ полонъ самообладанія и вообще темперамента холоднаго, и въ значительной степени на этихъ именно свойствахъ основывалось то безпримѣрное личное преобладаніе Александра, которому этотъ совсѣмъ еще молодой человѣкъ умѣлъ подчинить свое разноплеменное войско. Но въ средѣ его окружающихъ были люди, которымъ то именно и казалось невыносимо, что онъ несомнѣнно первенствовалъ передъ всѣми, не только какъ царь, но и какъ человѣкъ; и хотя частности этихъ отношеній переданы намъ не вполнѣ достовѣрно, однакоже, столько-то знаемъ мы навѣрно, что *Филотасъ*, сынъ Парменіона, начальникъ отборнаго отряда знати, и греческій философъ *Каллисѳенъ*, племянникъ Аристотеля, наставника Александрова, — были наиболѣе выдающимися въ средѣ недовольныхъ царемъ. Надо предполагать, что Александру грозила въ это время большая опасность, и это доказывается тѣмъ, что Филотасъ былъ приговоренъ къ смерти военнымъ судомъ македонскимъ по обвиненію въ тяжкомъ преступленіи: онъ былъ уличенъ въ томъ, что зналъ о существованіи заговора противъ жизни царя и не донесъ о томъ; а послѣ того, какъ Филотасъ былъ казненъ, Александръ приказалъ тайно умертвить и Парменіона, который находился въ Экбатанѣ при царской казнѣ. Обѣ эти мѣры были, очевидно, вынужденными. И еще одинъ изъ полководцевъ Александра палъ въ это критическое время, хоть и не состоялъ ни въ какомъ соотношеніи съ заговорами. Во время одного изъ пиршествъ въ Маракандѣ, *Клитъ* — тотъ самый, который во время сѣчи подъ Граникомъ спасъ жизнь своему государю — забылся до такой степени, что сталъ громко и оскорбительно обсуждать дѣянія Филиппа, и въ личномъ спорѣ съ царемъ сталъ грозить ему рукою. Его вывели изъ залы; но онъ опять въ нее ворвался и, разгоряченный виномъ, въ пылу гнѣва, продолжалъ свои издѣвательства: — тогда Александръ вышелъ изъ себя, вырвалъ копье изъ рукъ ближайшаго тѣлохранителя и закололъ Клита. Въ этомъ фактѣ важенъ не его почти случайный трагическій исходъ, а то, что̀ ему предшествовало. Мы уже знаемъ, до какой степени допускалась свобода рѣчи въ кружкѣ приближенныхъ къ Александру лицъ, и какъ далеко она могла зайти. И вотъ именно подобныя-то отношенія и стали отнынѣ невозможными. Человѣкъ, поставленный во главѣ новаго громаднаго царства, долженъ былъ полновластно править македонянами, эллинами и варварами, не спрашиваясь у ветерановъ своего отца:—другими словами, абсолютная монархія стала для царства Александрова необходимостью. Разсказываютъ, что Александръ, послѣ несчастнаго эпизода съ Клитомъ, приказалъ позвать къ себѣ одного изъ философовъ, бывшихъ въ его свитѣ, Анаксарха,—но весьма естественному желанію найти себѣ утѣшеніе, при тягостныхъ

обстоятельствахъ жизни, въ бесѣдѣ съ однимъ изъ этихъ мужей слова Говорятъ, что Анаксархъ съумѣлъ выйти изъ этого затрудненія, давъ отвѣтъ Александру совершенно въ духѣ его новой монархіи. «Не напрасно», такъ сказалъ онъ царю, «древніе ставили статую *права* (дике) рядомъ съ трономъ Зевса: что отъ него исходитъ, отъ высшаго изъ боговъ, то и есть *право:* такъ же точно должно считать правымъ все то, что исходитъ отъ великаго, всемогущаго царя; такъ долженъ думать онъ самъ, а за нимъ и всѣ остальные люди».

Походъ въ Индію.

Одно выяснилось вполнѣ для Александра изъ того противодѣйствія, которое онъ встрѣчалъ: онъ понялъ, что на Маракандѣ онъ еще не могъ остановиться. *Походъ въ Индію*, въ который онъ выступилъ лѣтомъ 327 г. изъ Бактры, многими почитается за фантастическую прихоть Александра, а въ сущности былъ дѣломъ существеннѣйшей политической необходимости. Главнымъ образомъ онъ былъ придуманъ Александромъ для персовъ, которыхъ войска вошли въ составъ войска Александрова. Онъ рѣшился воскресить передъ ними громадныя предпріятія ихъ древнихъ великихъ государей, Кира и Дарія: — завоеваніе прибрежій Инда должно было явиться первымъ оплотомъ подвигомъ побѣдителей и побѣжденныхъ (30.000 персовъ были двинуты въ этотъ походъ), предводимыхъ новымъ могущественнымъ владыкою Азіи, который и на войну, и на военную славу смотрѣлъ только какъ на средства къ достиженію иныхъ высшихъ цѣлей.

Положеніе Индіи.

Своеобразный міръ, лежавшій по ту сторону снѣжныхъ вершинъ Гиндукуша (къ подошвѣ котораго войско прибыло лѣтомъ 326 г.), былъ дотолѣ вовсе чуждымъ для грековъ и очень мало возбуждалъ ихъ интересъ. Только въ новѣйшее время, и то окольнымъ путемъ научнаго изслѣдованія, Индія стала оказывать нѣкоторое, довольно, впрочемъ, второстепенное вліяніе на духовный міръ западно-европейскихъ народовъ. По научнымъ разслѣдованіямъ оказывается, что вѣковъ за двадцать до Р. Х., какъ уже мы упоминали выше, въ долину Инда произведено было выселеніе арійскихъ племенъ. Древнѣйшіе письменные памятники, изъ которыхъ мы почерпаемъ свѣдѣнія объ этомъ народѣ и его жизни въ «Пятирѣчіи» — гимны Веды или «Откровенія»—по духу своему напоминаютъ гомеровскій эпосъ; но тамъ все роскошнѣе, причудливѣе и страдаетъ отсутствіемъ чувства мѣры, все служитъ живымъ отраженіемъ мѣстной природы, въ странѣ жаркой, обильно-орошаемой водами, которыя текутъ съ высокихъ горъ, окаймляющихъ горизонтъ. Народъ, потомъ придавшій свое наименованіе всему полуострову, сложился здѣсь и здѣсь развилъ свои особенности: и воинственная знать, и трудолюбивый народъ, и жреческое сословіе, которое осталось въ своихъ строго-опредѣленныхъ рамкахъ. Большая перемѣна произошла въ средѣ этого народа, когда онъ, размножившись, перешелъ въ долину Ганга и оттуда сталъ далѣе разселяться по полуострову. Противуполагая себя темнокожему и слабому племени туземцевъ, которые покорены были безъ особеннаго труда, арійцы положили здѣсь основаніе рѣзкому раздѣленію на *касты* (*варнани* — т. е. цвѣта), что въ свою очередь повело къ чрезвычайному усиленію жреческой или *браминской* касты, которая изъ зародышей Веды развила свою особую

теологію (и догматику, и этику), представляющую смѣсь глубокомыслія съ сумасбродствомъ. Тягостный гнетъ, наложенный на жизнь народную раздѣленіемъ на касты и брамінской теологіей, вызвалъ въ VI вѣкѣ до Р. Х. сильный переворотъ въ видѣ быстро распространившагося ученія *Будды* (буддизмъ). Буддизмъ—на мѣсто невѣроятно запутаннаго брамаизма, который налагалъ на человѣка узы при жизни и потомъ на безчисленные міріады лѣтъ по смерти — противупоставилъ новое, правда, не особенно привлекательное, не особенно свѣжее и утѣшительное, но по крайней мѣрѣ менѣе сложное міровоззрѣніе, и весьма успѣшно повелъ борьбу съ грубыми предразсудками кастъ.

Битва при Гидаспѣ.

Обо всѣмъ этомъ мы ничего не узнаемъ изъ греческихъ источниковъ, потому что Александръ не проникъ въ ту часть Индіи, гдѣ развивались эти мудреныя религіозныя ученія. Онъ воспользовался сосѣдскими распрями двухъ царей сѣверо-западной Индіи, и, при помощи одного изъ нихъ, *Таксила*, своего сторонника, одолѣлъ другого, болѣе могущественнаго. Этого царя изъ династіи Павравовъ — греки называютъ его *Поромъ*—онъ разбилъ въ большомъ сраженіи, описаніе котораго у Арріана напоминаетъ намъ яркія краски древне-индійскихъ героическихъ эпопей; живо рисуетъ передъ нами этотъ авторъ и переправу Александра черезъ рѣку, разлившуюся отъ тропическихъ дождей (Гидаспъ или Витасѳу); смерть царевича въ схваткѣ между конными развѣдчиками, высланными изъ обоихъ лагерей, и богатырскую борьбу съ Александромъ этого рослаго красавца, храбраго раджи Пуру, который неутомимо мечетъ дротики въ ряды непріятелей съ высоты своего боевого слона,—и этихъ громадныхъ слоновъ, которые, подобно башнямъ, стояли на извѣстныхъ разстояніяхъ между рядами пѣхоты... Но вотъ, наконецъ, царь Пуру, раненый и плѣнный, приведенъ къ Александру, и на его вопросъ: «какъ онъ желаетъ, чтобы съ нимъ обращались» — отвѣчаетъ съ глубокимъ сознаніемъ собственнаго достоинства: «по-царски». И онъ получилъ, подобно Таксилу, свое царство обратно, изъ рукъ Александра, уже какъ вассалъ его.

Возвратъ отъ Гифазиса.

По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, походъ Александра окончился на берегахъ *Гифазиса* (одного изъ восточныхъ притоковъ Инда) непроизвольно. Дальнѣйшій переходъ черезъ пустыню, отдѣлявшую долину Инда отъ долины Ганга, и вообще продолженіе войны оказались невозможными потому, что войско отказалось идти далѣе. Не входя въ разборъ того, какъ это могло случиться, замѣтимъ только, что Александръ не пошелъ далѣе Гифазиса; а затѣмъ, утвердивъ за собою всю страну вплоть до этой рѣки, разслѣдовалъ Индъ до самого моря, чѣмъ и доказалъ, что онъ и здѣсь вполнѣ ясно понялъ и опредѣлилъ свою задачу. Эту рѣку избралъ онъ естественною цѣлью своего похода и назначилъ юго-восточною границею своего царства. Страна, по сю сторону примыкающая къ Инду, обращена была въ особую сатрапію, а по ту сторону лежали дружественныя Александру царства Таксила и Пора. На берегахъ Инда были заложены двѣ Александріи, и Александръ тотчасъ озаботился объ установленіи связующаго морского пути между Индіей и остальными западными странами, такъ какъ по сухому пути сообщенія были и трудны, и медленны. Намъ извѣстно, что по сухому пути были доставлены въ Индію весьма значи-

тельные транспорты ѣ, между прочимъ, не менѣе 25.000 полныхъ гоплитскихъ вооруженій и большое количество медикаментовъ, что и указываетъ намъ, какъ превосходно было при этой экспедиціи все военное устройство; для этихъ транспортовъ путь сократился бы втрое и вчетверо, если бы оказалось возможно установленіе морского пути.

Возвращеніе. 325.

Александръ поручилъ разрѣшеніе этой задачи очень способному человѣку, одному изъ своихъ друзей юности, *Неарху*, начальнику одного изъ отрядовъ арміи; и съ той поры, какъ Неархъ благополучно выполнилъ это мудреное дѣло, онъ навсегда остался въ его глазахъ главнымъ авторитетомъ во всѣхъ вопросахъ мореплаванія. Самъ же Александръ повелъ свое сухопутное войско обратно, къ западнымъ странамъ царства, черезъ «Гедрозійскую» пустыню (Белуджистанъ) и выдержалъ 60-ти-дневный, страшно утомительный походъ, сопряженный съ большимъ урономъ въ людяхъ (325). И во всемъ царствѣ тотчасъ же стало ощутительно, что царь вновь вернулся и принялъ бразды правленія въ свои руки. Тотъ зоркій и проницательный взглядъ, отъ котораго ничто не ускользало, котораго одинаково боялись и полководцы, и намѣстники, и слуги, служившіе за царскимъ столомъ—обратился теперь на своеволія и превышенія власти, къ которымъ подало поводъ двухлѣтнее пребываніе царя на крайнемъ Востокѣ. И вотъ онъ сталъ обдумывать лучшіе способы къ правильному устройству и управленію царствомъ, собраннымъ въ его рукахъ завоеваніями.

Правительственная дѣятельность Александра.

Послѣдніе три года своей жизни (325 — 323) Александръ почти исключительно посвятилъ этому достославному дѣлу. Несмотря на чрезвычайную скудость дошедшихъ до насъ источниковъ, именно по отношенію къ этой сторонѣ дѣятельности Александра, все же оказывается возможность, хотя бы и въ самыхъ общихъ чертахъ, набросать то, что можно назвать *правительственной системой* этого великаго государя. Собственно противодѣйствія онъ не встрѣчалъ уже нигдѣ. Въ Греціи извѣстіе о побѣдѣ при Гавгамелѣ произвело двоякое дѣйствіе: одни пришли къ тому убѣжденію, что судьба изрекла свой послѣдній приговоръ надъ дальнѣйшею исторіею Греціи, и съ этимъ примирились; другіе, напротивъ, нашли, что окончательное пораженіе персовъ должно повлечь за собою окончательную гибель всякой свободы, и потому возстали. *Агисъ*, сынъ Архидама, царь спартанскій, человѣкъ горячій и увлекающійся, сталъ во главѣ подобнаго движенія. Но вся эта затѣя (Александръ въ шутку называлъ ее «мышиной войной») уже весною 330 г. была окончательно подавлена правителемъ Александра Антипатромъ, послѣ пораженія при аркадійскомъ *Мегалополѣ*. Съ другой стороны, и въ самомъ царствѣ Александровомъ, высшіе сановники вскорѣ, изъ нѣсколькихъ примѣровъ, убѣдились, что забываться нельзя, что намѣстникъ Александра не то же, что сатрапъ Дарія; и когда нѣкоторые изъ нихъ дерзнули набирать себѣ отряды наемниковъ, этимъ дѣяніямъ ихъ былъ положенъ быстрый конецъ. Одинъ изъ нихъ, казнохранитель Гарпалъ, провинившійся въ разныхъ неказистыхъ дѣяніяхъ, поспѣшилъ избѣгнуть непосредственной кары, грозившей ему со стороны Александра, и спасся бѣгствомъ въ Грецію, со своими сокровищами и отрядомъ набранныхъ имъ наемниковъ; и лишь весьма

короткое время удалось ему здѣсь найти себѣ пріютъ въ Аѳинахъ, которыя въ послѣдній разъ, при этомъ случаѣ, воспользовались своимъ правомъ убѣжища... Послѣднее, что долженъ былъ сдѣлать царь для успокоенія царства, это—предупредить всякую возможность возстанія въ войскѣ, которое можно было отчасти совершенно правильно назвать «вооруженнымъ македонскимъ народомъ». Для достиженія этой цѣли необходимо было соединеніе той высшей осторожности съ непреклонной энергіей, которыми отличался Александръ,—и почти систематически сталъ онъ осуществлять планъ, по которому этотъ самовольный организмъ долженъ былъ обратиться въ дѣятельнѣйшее изъ всѣхъ орудій общаго, правительственнаго объединенія.

Переустройство войска.

Уже въ 330 г. Александръ отдалъ приказъ набрать 30,000 мальчиковъ въ Персіи и смежныхъ съ нею областяхъ для подготовленія ихъ къ военной службѣ въ будущемъ. По возвращеніи изъ Индіи, онъ женился на одной изъ дочерей Дарія, Статирѣ; ближайшаго изъ друзей своихъ, Гефестіона, онъ женилъ на ея младшей сестрѣ, а нѣкоторое количество своихъ вельможъ и 10,000 воиновъ македонянъ переженилъ на азіатскихъ женщинахъ. Этотъ союзъ двухъ націй былъ отпразднованъ въ Сузѣ блестящимъ празднествомъ. Первый шагъ былъ прекрасно обдуманъ, и Александръ съ удивительно-яснымъ, вполнѣ реальнымъ расчетомъ сталъ стремиться къ тому, чтобы связать съ новымъ порядкомъ вещей возможно бо́льшее количество интересовъ. Другимъ шагомъ его по тому же пути было обнародованное Александромъ повелѣніе всѣмъ царскимъ кассамъ объ *уплатѣ долговъ* царскаго войска, къ которой полную возможность давало громадное накопленіе богатствъ въ казнѣ государственной еще со временъ царей изъ рода Ахэменидовъ. Весьма любопытно дошедшее до насъ извѣстіе, что этотъ царственный подарокъ не по душѣ пришелся многимъ изъ военачальниковъ: они подумали, и можетъ быть не безъ основанія, что царь этою мѣрою желаетъ только убѣдиться въ томъ, кто именно изъ нихъ живетъ слишкомъ роскошно, и они даже медлили подавать свои счеты *). Но никто не угадалъ ближайшей цѣли этого мѣропріятія: Александръ своимъ царственнымъ подаркомъ хотѣлъ такъ повліять на общее настроеніе въ войскѣ, чтобы задуманные имъ планы переустройства военной силы не встрѣтили въ средѣ ея слишкомъ большихъ затрудненій. Самою важною мѣрою въ этомъ смыслѣ была отставка 10,000 ветерановъ и замѣна ихъ такимъ же количествомъ новобранцевъ, при чемъ солдаты-персы и другіе азіаты были поставлены въ ряды фаланги—этого національнаго войска македонскаго—слѣдовательно составили вмѣстѣ съ македонянами смѣшанную военную силу. Когда эту мѣру предстояло привести въ исполненіе въ *Опись* (городѣ на лѣвомъ берегу Тигра) и о томъ было объявлено македонскимъ ветеранамъ, дѣло дошло до открытаго бунта. Александръ усмирилъ бунтовщиковъ съ обычнымъ своимъ умѣньемъ, просто воспретивъ посылать свои приказы въ возмутившіяся части войска, и, поручивъ свою личную охрану и всѣ необ-

*) Изъ этого мы можемъ видѣть, что въ македонскомъ военномъ быту обращалось вниманіе и на этотъ пунктъ. Александръ дѣйствительно неоднократно укорялъ многихъ изъ своихъ полководцевъ въ томъ, что они ведутъ безумно роскошную жизнь.

ходимыя служебныя отправленія азіатскимъ частямъ войска, сталъ относиться къ своимъ ветеранамъ вполнѣ равнодушно, какъ бы порвавъ съ ними всѣ связи. Нѣсколько дней спустя, бунтовщики уже раскаялись и какъ милости искали возможности вновь увидѣть своего государя. Затѣмъ, щедро награжденные деньгами и почетными преимуществами, ветераны двинулись на западъ, въ отечество, а всѣ остальные македоняне подчинились новымъ служебнымъ порядкамъ, благодаря которымъ войско стало средою приравнивавшею и сближавшею разнородныя національности,— стало дѣятельнымъ орудіемъ объединенія въ общемъ государственномъ строѣ. Въ то-же время Александръ озаботился о распространеніи знанія греческаго языка, которое, конечно, удобнѣе всего могло совершиться путемъ военной службы.

Положеніе царя.

Царствовать—значитъ объединять, и мы невольно изумляемся, видя, съ какимъ искусствомъ Александръ осуществлялъ въ жизни то, чего даже и величайшіе изъ персидскихъ царей,—такіе, какъ Киръ и Дарій I,— достигали только чисто-механически, путемъ стѣсненія свободы дѣйствій. Первою и важнѣйшею основою единенія въ этомъ царствѣ была личность самого царя: и въ этомъ всецѣло выразилось то громадное различіе, которое существовало между властью Александра и царственною властью Ахэменидовъ и всякихъ иныхъ восточныхъ владыкъ. Своею личностью придавалъ онъ жизненное значеніе своей власти, въ своей личности олицетворялъ царя. Въ вопросѣ о «колѣнопреклоненіи»—какъ о соблюденіи древне-персидскаго придворнаго церемоніала — онъ настоялъ на исполненіи своей воли, и сверхъ того еще приказалъ, чтобы на будущее время Эллины посылали къ нему своихъ пословъ не иначе, какъ въ видѣ «θеоровъ», окруженными всею пышностью и облеченными характеромъ посольствъ, отправляемыхъ для участія въ празднествахъ въ честь божествъ и храмовъ. Но онъ и не помышлялъ (да и самой природѣ его было бы это въ высшей степени противно) о томъ, чтобы укрыться въ тотъ мистическій полумракъ, среди котораго персидскіе цари проводили всю жизнь свою. Напротивъ того, и на высотѣ величія, онъ все же оставался всеоживляющимъ центромъ—душою всего государственнаго организма: онъ былъ не только прозорливѣе всѣхъ, но и дѣятельнѣе всѣхъ. Вотъ почему онъ уже очень рано сталъ пользоваться огромнымъ авторитетомъ:—этимъ онъ былъ обязанъ тому рѣдкому соединенію качествъ, которыя въ общемъ и составляли преобладающее величіе Александра, столь неудержимо покорявшее ему всѣхъ еще задолго до начала его побѣдъ. Онъ былъ молодъ и одаренъ самою счастливою наружностью и сложеніемъ; неутомимъ былъ въ бѣгѣ и во всѣхъ иныхъ упражненіяхъ греческаго гимнастическаго искусства. Послѣ всѣхъ тягостей дня, проведеннаго въ битвахъ, — вечеромъ-ли, ночью-ли, онъ уже снова былъ на конѣ, дабы лично руководить преслѣдованіемъ непріятеля; подобно Ахиллу Гомеровскихъ пѣсенъ, онъ былъ и по личному мужеству, и по безумной храбрости первымъ въ рядахъ такого войска, въ которомъ храбрость и жажда славы были развиты въ высшей степени. Зоркій глазъ былъ въ то время болѣе необходимъ полководцу, нежели въ настоящее время; но очень многіе и зоркіе глаза не многое умѣютъ видѣть; а этому царю былъ

АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ.
Бюстъ-портретъ въ Капитолійскомъ музеѣ въ Римѣ.

свойственъ такой взглядъ, отъ котораго ничто не могло укрыться. Извѣстный анекдотъ изъ юности Александра, объ усмиреніи того дикаго оессалійскаго коня,—знаменитаго Буцефала, впослѣдствіи возившаго его на себѣ къ побѣдамъ,—уже характеризуетъ намъ этотъ здравый, острый взглядъ Александра. Еще будучи юношей, онъ уже способенъ былъ подмѣтить въ степномъ жеребцѣ то свойство, которое было упущено изъ виду опытными знатоками коневодства. Ту же вѣрность взгляда постоянно проявлялъ Александръ и впослѣдствіи, даже въ весьма затруднительныхъ положеніяхъ, то въ выборѣ дѣятелей, пригодныхъ для выполненія его предначертаній, то въ удачномъ выборѣ времени для выполненія каждаго задуманнаго имъ дѣла. При своей чрезвычайной храбрости, онъ еще тѣмъ въ особенности привлекалъ къ себѣ почти суевѣрное пристрастіе своихъ воиновъ, что онъ успѣвалъ болѣе видѣть, нежели всѣ другіе, а потому и болѣе былъ способенъ разумѣть, чѣмъ всѣ его окружавшіе. Такъ, напримѣръ, разсказываютъ, что, послѣ побѣды, онъ первый являлся къ осмотру раненыхъ, и нерѣдко скорѣе и лучше самихъ врачей умѣлъ оказать имъ помощь. Этой зоркости и вѣрности Александрова взгляда большою помощью была его замѣчательная память и—наоборотъ. Въ особенности же замѣчательно, что онъ, этотъ юноша, этотъ «мальчикъ Александръ»,—какъ называли его въ насмѣшку эллинскіе патріоты, пока онъ не выказалъ имъ своей мужественной силы въ ея полномъ развитіи,—не подчинился вліянію какой бы то ни было страсти и ни одной изъ нихъ не далъ отвлечь себя въ сторону. Казалось, что ему была извѣстна только одна страсть —страсть къ неутомимой дѣятельности. Онъ ощущалъ потребность въ обществѣ, даже въ дружбѣ, какъ это доказывается непринужденностью его отношеній къ своимъ полководцамъ, вопреки тому персидскому церемоніалу, который онъ удерживалъ только для торжественныхъ пріемовъ. Современники рисуютъ намъ его обычно мягкимъ, ласковымъ, въ бесѣдѣ занимательнымъ, даже

Аристотель. Статуя въ палаццо Спада въ Римѣ.
По фотографіи съ оригинала.

остроумнымъ:—но въ гнѣвѣ онъ бывалъ ужасенъ. Можно себѣ представить, какъ необъятна была подвижность этого человѣка, который долженъ былъ однимъ взглядомъ окидывать Аѳины, Египетъ, Македонію и Индію, и который никогда не отказывался отъ безчисленныхъ мелочныхъ вопросовъ, вызываемыхъ новымъ переустройствомъ внутреннимъ на этомъ необъятномъ пространствѣ земель,—и въ то же время въ своихъ письмахъ не забываетъ упомянуть о бѣглыхъ рабахъ того или другого изъ своихъ приближенныхъ; или же заботится о посылкѣ старому учителю своему Леониду арабскихъ благовоній, дабы онъ не скупился на нихъ при воскуреніи богамъ, какъ въ то время, когда Александръ былъ еще мальчикомъ, а его учитель бранилъ его за слишкомъ большую затрату благовоній! Особенно плодотворною являлась его дѣятельность потому, что онъ все дѣлалъ, вникая въ суть дѣла, съ полнымъ сознаніемъ цѣли, къ которой онъ стремился, и въ этомъ въ особенности было замѣтно благотворное вліяніе его знаменитаго воспитателя, грека *Аристотеля*. Мы знаемъ, что Александръ принималъ личное участіе въ естественно-историческихъ изслѣдованіяхъ своего воспитателя; что онъ самъ въ рощѣ при Таксилѣ собиралъ свѣдѣнія объ оригинальныхъ воззрѣніяхъ индійцевъ на покаяніе; что онъ часто посѣщалъ мастерскія художниковъ—Лизиппа, Апеллеса—и если искалъ развлеченія, то чаще всего въ оживленной бесѣдѣ, которая, конечно, представлялась ему въ такомъ разнообразіи и въ такомъ выборѣ, какъ, вѣроятно, немногимъ смертнымъ до него и послѣ него.

Аристотель.

Весьма умѣстно будетъ здѣсь уклониться отъ нашего историческаго разсказа, чтобы въ краткихъ чертахъ ознакомиться съ личностью и дѣятельностью знаменитаго учителя и воспитателя Александрова. *Аристотель* родился въ 384 г. до Р. Хр. въ г. Стагирѣ, греческой колоніи, основанной во Ѳракіи, при устьѣ р. Стримона. Отецъ Аристотеля, Никомахъ, былъ придворнымъ врачомъ македонскаго царя Аминта II (393—369), и сына своего также предназначалъ быть врачомъ. Предполагаютъ, что этому первоначальному обученію врачебной наукѣ Аристотель обязанъ *опытнымъ* направленіемъ своихъ позднѣйшихъ философскихъ изслѣдованій и наблюденій. Царь Филиппъ, младшій сынъ Аминта, былъ друженъ съ Аристотелемъ, почти ровесникъ ему, и потому впослѣдствіи назначилъ его воспитателемъ своего великаго сына. Семнадцатилѣтнимъ юношей Аристотель прибылъ въ Аѳины и поступилъ въ школу Платона, ученика Сократова, который былъ пораженъ талантливостью своего ученика и называлъ его «разумомъ своей школы». Не вполнѣ согласный съ понятіями Платона о происхожденіи идей, Аристотель, еще при жизни своего учителя, уже относился критически къ его ученію, «съ нѣкоторою скорбью принося свою личную привязанность въ жертву любви къ истинѣ»—по его собственному выраженію. Однакоже, при жизни Платона, онъ не открывалъ своей школы, и былъ извѣстенъ въ Аѳинахъ только своими уроками краснорѣчія. Эти блестящіе уроки и выказавшаяся въ нихъ необычайная ясность и опредѣленность преподаванія,—какъ полагаютъ,—и обратили вниманіе Филиппа на Аристотеля, какъ на педагога. Но, до сближенія съ македонскимъ дворомъ, Аристотель много путешество-

валъ, жилъ долгое время въ Малой Азіи, у своего ученика, тиранна Гермія въ Атарнеѣ, потомъ даже женился на его дочери и переселился на житье въ богатый, прекрасный и просвѣщенный городъ Митилены, на островѣ Лесбосѣ. Преданіе гласитъ, что царь Филиппъ, вскорѣ послѣ рожденія у него сына Александра, писалъ къ Аристотелю: «извѣщаю тебя, что у меня родился сынъ, но я благодарю боговъ не столько за то, что они даровали мнѣ сына, сколько за то, что они мнѣ его даровали при жизни Аристотеля; ибо я надѣюсь, что твои наставленія сдѣлаютъ его достойнымъ наслѣдовать мнѣ и повелѣвать македонянами». Послѣ того, въ теченіе четырехъ лѣтъ, Аристотель постоянно жилъ со своимъ царственнымъ воспитанникомъ то въ Пеллѣ, столицѣ Македоніи, то въ родномъ городѣ Стагирѣ, и это воспитаніе много способствовало развитію ума и характера въ юномъ Александрѣ. Главныя науки, которымъ Аристотель обучалъ своего воспитанника, были: нравоучительная философія, политика, риторика и піитика. Музыка, естественная исторія, физика и даже медицина также входили въ составъ преподаванія Аристотеля, насколько это было необходимо для пополненія образованія Александрова. Многія науки Аристотель излагалъ спеціально для своего воспитанника, и Александръ, впослѣдствіи, даже сердился на то, что Аристотель нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій (напр. метафизику) обнародовалъ. Съ 17-ти-лѣтняго возраста ходъ учебныхъ занятій Александра часто прерывался, потому что онъ уже принималъ участіе въ походахъ отца и даже въ битвахъ; но зато и по вступленіи на престолъ-онъ еще три года не переставалъ заниматься науками подъ руководствомъ Аристотеля, который, повидимому, сопровождалъ царя Александра въ его первыхъ походахъ. Только съ 335 г. до Р. Хр., передъ началомъ похода въ Персію, Аристотель переселился въ Аѳины, гдѣ и открылъ школу философіи въ Ликеѣ *), невдалекѣ отъ города. Ученики его, впослѣдствіи, получили названіе *перипатетиковъ* (отъ *перипатейнъ*—гулять, двигаться), такъ какъ Аристотель имѣлъ обыкновеніе преподавать свои уроки на-ходу, во время прогулки. Въ высшей степени замѣчательно то сочувствіе и вниманіе, съ какимъ Александръ, признательный своему воспитателю, постоянно относился къ его трудамъ и неутомимой дѣятельности. Зная страсть Аристотеля къ изученію природы, Александръ приказалъ нѣсколькимъ тысячамъ человѣкъ заниматься собираніемъ разнаго рода животныхъ и растеній въ Азіи и пересылать ихъ оттуда Аристотелю. При такомъ содѣйствіи Александра Аристотель имѣлъ возможность составить настолько значительную по тому времени естественную исторію животныхъ, что ученые и до сихъ поръ еще цѣнятъ въ этомъ трудѣ наблюдательность и талантъ его знаменитаго автора. При содѣйствіи Александра, Аристотель составилъ и другой объемистый трудъ: обозрѣніе политическаго устройства всѣхъ извѣстныхъ тогда греческихъ и варварскихъ государствъ. Сверхъ того, Александръ, по одному современному извѣстію, подарилъ своему наставнику 800 талантовъ (т. е. около милліона рублей) въ видѣ пособія для его ученыхъ трудовъ и для составленія библіотеки.

*) Эта мѣстность называлась такъ отъ бывшаго въ ней храма Аполлона Ликейскаго.

Дѣятельность Аристотеля въ Аѳинахъ, и какъ преподавателя, и какъ многосторонняго ученаго, составляетъ эпоху не только въ исторіи философіи, но и въ исторіи науки вообще. Весьма любопытны нѣкоторыя подробности устройства его ликейской школы, сохранившіяся въ различныхъ запискахъ и сочиненіяхъ современниковъ о знаменитомъ ученомъ. Подобно нѣкоторымъ изъ своихъ предшественниковъ-философовъ, Аристотель ввелъ въ своей школѣ извѣстную дисциплину, требуя отъ своихъ учениковъ строгаго соблюденія правилъ поведенія и училищнаго порядка. Для наблюденія за этой дисциплиной въ школѣ ликейской поставленъ былъ особый начальникъ (архонтъ), который, черезъ каждые десять дней, чередовался съ двумя другими, подобными же архонтами. Преподаваніе Аристотеля распадалось на двѣ рѣзко-отдѣльныя половины: до полудня онъ занимался съ лучшими изъ своихъ учениковъ истолкованіемъ труднѣйшихъ частей науки; послѣ полудня преподавалъ болѣе обширному кругу слушателей, допуская даже постороннихъ лицъ, и избирая для своего преподаванія вопросы, касавшіеся общественной и обыденной жизни, стараясь при этомъ говорить языкомъ для всѣхъ доступнымъ и понятнымъ.

Аристотелю было уже за пятьдесятъ лѣтъ, когда онъ началъ свое преподаваніе въ ликейской школѣ и внесъ въ него богатый опытъ своей разнообразной и плодовитой жизни и дѣятельности. Онъ, первый изъ философовъ и ученыхъ древняго міра, могъ служить образцомъ *универсальнаго* знанія, могъ дѣлать выводы изъ обширнаго круга наблюденій, доставляемыхъ ему основательнымъ знаніемъ нѣсколькихъ наукъ, — и въ теченіе тринадцати лѣтъ, проведенныхъ въ Аѳинахъ, создалъ и написалъ всѣ тѣ большія творенія, которыя дошли до нашихъ временъ.

По смерти Александра, дальнѣйшее пребываніе Аристотеля въ Аѳинахъ оказалось невозможнымъ. Вожди анти-македонской партіи, Демосѳенъ и Гиперидъ, опасаясь обширнаго государственнаго ума и связей Аристотеля, стали преслѣдовать его на всѣ лады и способы. Вѣроятно, не безъ ихъ участія, Аристотель былъ обвиненъ въ богохульствѣ жрецомъ Эвримедономъ и гражданиномъ Демофиломъ, и поспѣшилъ удалиться изъ Аѳинъ, остроумно замѣтивъ при этомъ, что «онъ хочетъ избавить аѳинянъ отъ вторичнаго преступленія противъ философіи» *). Онъ переселился съ большею частью своихъ учениковъ въ Халкиду, что на о. Эвбеѣ, къ своимъ родственникамъ со стороны матери, предоставивъ управленіе ликейскою школою ученику Ѳеофрасту. Въ Халкидѣ онъ и умеръ, въ 322 г., стало-быть, незадолго до Демосѳеновой плачевной кончины. Послѣднія распоряженія свои онъ поручилъ передать Антипатру, и знаменитый полководецъ и намѣстникъ Александровъ свято исполнилъ волю великаго ученаго. Не мѣшаетъ добавить, что при жизни своей Аристотель не забывалъ своей родины и постоянно заботился объ улучшеніи участи своихъ земляковъ, стагиритовъ, точно такъ же, какъ и объ украшеніи самого города. При жизни своей онъ завелъ въ Стагирѣ гимназіи и училища; и даже во время Плутарха путешественникамъ еще показывали въ Стагирѣ

*) Онъ намекалъ этими словами на подобный же процессъ Сократа, окончившійся такъ печально.

общественные бульвары, съ каменными скамьями, устроенные Аристотелемъ.

Весьма поучительна участь, постигнувшая драгоцѣнныя рукописи, оставшіяся послѣ смерти Аристотеля. Писалъ онъ невѣроятно много; но при жизни обнародовалъ лишь весьма немногое. Затѣмъ рукописи перешли къ Ѳеофрасту, его ученику и преемнику въ ликейской перипатетической школѣ. Отъ Ѳеофраста эти рукописи перешли къ Нелею, наслѣдники котораго не соглашались продать ихъ ни за какія деньги Птолемею-Филадельфу, пожелавшему помѣстить ихъ въ Александрійской библіотекѣ; точно такъ же не согласились они ихъ уступить и царямъ пергамскимъ, когда тѣ задумали превзойти Птолемеевъ въ щедрости и любви къ собиранію памятниковъ литературы и науки. То, что нельзя было пріобрѣсти покупкою, пергамскіе цари предполагали отнять силою; тогда владѣльцы рукописей Аристотеля стали укрывать ихъ въ тайныхъ хранилищахъ, въ погребахъ, и драгоцѣнныя рукописи сильно пострадали за это время отъ сырости и червей. Затѣмъ онѣ куплены Апелликономъ Теосскимъ, а отъ него опять-таки перекуплены потомками Ѳеофраста; Сулла же, по завоеваніи Греціи, взялъ ихъ и привезъ съ собою въ Римъ. Здѣсь они были разсмотрѣны и приведены въ порядокъ ученымъ грекомъ Тиранніо; однакоже, судя по сохранившемуся каталогу всѣхъ сочиненій Аристотеля, оказывается, что мы теперь не обладаемъ даже и третьею долею ихъ.

Не вдаваясь въ перечисленіе сочиненій Аристотеля по логикѣ, физикѣ (въ самомъ общемъ смыслѣ, какъ науки, занимающейся изслѣдованіемъ міра физическаго), метафизикѣ и практической философіи *),— извлечемъ изъ обширной области его научныхъ изслѣдованій тѣ немногіе выводы, которые указываютъ, какъ быстро и далеко пошли въ это время науки умозрительныя и опытныя.

Вся сущность ученія Аристотелева, главнымъ образомъ, выражается въ его ученіи о душѣ, ея свойствахъ и положеніи, занимаемомъ въ природѣ человѣкомъ.

«Органическая природа отъ неорганической отличается жизненною силою, или»,—какъ выражается Аристотель,—«душою, въ которой заключается внутренняя причина и конечная цѣль всякаго органическаго движенія и развитія. На этомъ основаніи *степень тѣлеснаго совершенства въ каждомъ органическомъ существѣ* обусловливается *степенью совершенства жизненной силы или души*, а не наоборотъ, какъ это утверждали нѣкоторые изъ прежнихъ греческихъ мыслителей (напр. Анаксагоръ). Образованіе органическихъ тѣлъ идетъ послѣдовательно, по тремъ степенямъ, отъ общаго, къ особенному, къ видовому; разрушеніе же происходитъ въ обратномъ порядкѣ—отъ особаго къ общему, къ элементарному». Въ органической природѣ Аристотель видитъ какъ-бы оборотъ, въ которомъ восходящее теченіе жизни и бытія переходитъ въ нисходящее; но и въ неорганической природѣ Аристотель допускаетъ нѣкоторую степень жизни. «Степеней души», отъ которыхъ зависитъ извѣстная степень совершенства въ развитіи органической природы, Аристотель различаетъ три, а именно:

*) Аристотель называетъ ее иногда «философіею человѣческихъ дѣлъ».

душу растительную, душу животную и *душу разумную* или *человѣческую*.

Высшею ступенью въ развитіи органической жизни Аристотель почитаетъ человѣка. Что остальная природа есть какъ бы приготовленіе къ происхожденію человѣка, что цѣль ея въ человѣкѣ—это доказывается, по мнѣнію Аристотеля, отчасти тѣмъ, что все въ природѣ служитъ человѣку, преимущественно же — совершеннѣйшею формою его жизни, къ которой видимо стремится вся органическая жизнь по предыдущимъ ступенямъ живыхъ существъ.

Высшимъ свойствомъ души человѣческой Аристотель признаетъ *разумъ* или *душу разумную*. Это высшее свойство человѣческой души, по отношенію къ проявленіямъ въ жизни и дѣйствительности, Аристотель подраздѣляетъ на *разумъ страдательный* и *разумъ дѣятельный*. Толкователи Аристотеля не безъ основанія полагаютъ, что подъ «страдательнымъ» разумомъ слѣдуетъ понимать низшую познавательную дѣятельность души (въ воззрѣніи, представленіи и воображеніи), имѣющую дѣло только съ чувственными предметами и образами ихъ; а подъ «дѣятельнымъ»— чистое мышленіе, вполнѣ сознающее гармонію жизни со своими собственными законами. Въ разумѣ «дѣятельномъ», какъ соединенномъ съ божественною жизнью и сознающемъ это единство, Аристотель полагаетъ *безсмертную часть нашей души*. А затѣмъ совершенно правильно и вѣрно разсматриваетъ душу, *какъ микрокосмъ, въ которомъ отражается весь міръ* *).

Своимъ ученіемъ о душѣ и ея безсмертномъ началѣ, Аристотель болѣе всего повліялъ на современниковъ и нашелъ себѣ сочувствіе въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ ученыхъ и мыслителей; даже въ учителяхъ возникшаго впослѣдствіи христіанскаго ученія **).

Управленіе государствомъ.

Весь внѣшній механизмъ управленія—дороги, укрѣпленія, почтовыя учрежденія, финансовое устройство для сбора податей и тому подобное— былъ уже завѣщанъ Александру персидскими царями, и весь этотъ механизмъ нуждался только въ улучшеніи, подновленіи и усовершенствованіи; но для того, чтобы воспользоваться этимъ механизмомъ и доставить населенію на всемъ необъятномъ пространствѣ царства великія блага порядка и благоустройства,—государю приходилось съ строжайшею послѣдовательностью добиваться *одного*—объединенія власти. Независимыя горныя племена, самымъ тягостнымъ образомъ препятствовавшія свободѣ и безопасности сношеній въ государствѣ, получили весьма внушительное напоминаніе о томъ, что они—царскіе подданные; даже и самая скорбь, вызванная смертью его единственнаго друга, Гефестіона, не воздержала его отъ такого грознаго разгрома горнаго племени Коссаевъ (грабившихъ на пути изъ Мидіи къ прибрежьямъ Евфрата), что нѣкоторые историки, гоняющіеся за эффектами, рѣшаются видѣть въ этомъ разгромѣ даже нѣчто въ родѣ кровавой тризны надъ прахомъ Гефестіона. Сатрапы, попрежнему, оставались царскими чиновниками, главноуправляющими; но рядомъ

*) Философскій лексиконъ. Составл. С. Гогоцкимъ. Томъ первый Кіевъ. 1857.

**) Въ нашихъ древне-русскихъ преданіяхъ Аристотель играетъ важную роль, на ряду съ Соломономъ, Сивиллами, Виргиліемъ и нѣкоторыми другими выдающимися личностями древняго міра. Изображеніе Аристотеля видимъ даже на древнихъ фрескахъ паперти Благовѣщенскаго собора въ Москвѣ.

съ ними, при новомъ устройствѣ, стояли еще два чиновника, назначенные царемъ — для управленія военною частью и финансами. Писалось уже очень много; такъ мы знаемъ, что Кратеру, которому поручено было отвести отставшихъ ветерановъ на родину, дана была весьма подробная письменная инструкція; и сверхъ того, знаемъ о приказахъ царскихъ, разсылаемыхъ ко всѣмъ сатрапамъ, о царскихъ журналахъ и иныхъ письменныхъ документахъ. Самостоятельность македонской знати отошла въ область минувшаго; она сама собою съ теченіемъ времени обратилась въ обычную сановную и придворную знать, и ея прежнее независимое положеніе было уже такъ поколеблено, что она должна была добиваться почестей и вліянія, соперничествуя съ вельможами весьма различныхъ національностей. Прежній «совѣтъ друзей» обратился теперь въ совѣтъ царскій или государственный, въ которомъ, по волѣ государя и желанію, могъ временно или постоянно принимать участіе каждый свѣдущій человѣкъ. Вскорѣ и Грекамъ пришлось убѣдиться въ томъ, что Александръ уже не тотъ «полноправный стратегъ», который былъ возведенъ въ этотъ санъ Коринѳской конвенціей, не главнокомандующій созданнаго нѣкогда военнаго союза,—а дѣйствительный повелитель ихъ на сушѣ и на морѣ. Случай съ Гарпаломъ,—котораго Аѳиняне укрыли и отказались выдать по требованію Александра, хотя онъ постоянно относился къ Аѳинамъ благосклонно,—ясно указалъ, какого пути слѣдуетъ держаться по отношенію къ Грекамъ. Пока сохранялась въ прежнемъ своемъ значеніи автономія этихъ старыхъ греческихъ городовъ, каждый мятежникъ могъ въ нихъ найти убѣжище, и, сверхъ того, Александръ не былъ бы въ состояніи такъ полновластно распоряжаться богатыми силами эллинскаго міра, столь необходимыми ему въ интересахъ его новаго царства. Вотъ почему онъ, вслѣдъ за первымъ декретомъ своимъ, устанавливавшимъ церемоніалъ для посольствъ, присылаемыхъ изъ Греціи въ его резиденцію, издалъ еще другой, обнародованный на олимпійскомъ празднествѣ 324 г.: — въ немъ Александръ просто *приказывалъ* Эллинамъ принять вновь въ ихъ города всѣхъ гражданъ, бѣжавшихъ оттуда по политическимъ причинамъ. Ихъ оказалось не менѣе 20,000 человѣкъ,—цифра весьма внушительная!—и всѣ они, конечно, подкрѣпили собою ряды македонской партіи. Но декретъ этотъ имѣлъ значеніе не простой временной мѣры: онъ подрывалъ весь строй этой жизни, устарѣлой и утратившей всякій смыслъ. Въ новомъ царствѣ Александровомъ ни малѣйшаго значенія не могла имѣть та борьба демократіи съ олигархіей, которая до сихъ поръ волновала весь греческій міръ. Города греческіе являлись въ этомъ царствѣ центромъ самоуправленія муниципіями: это самоуправленіе и было имъ оставлено, и правъ ихъ царь Александръ не коснулся лишь настолько же, насколько оставилъ нѣкоторую долю самостоятельности и Лидіи, и Финикійскимъ областямъ, и Кипрскимъ князьямъ, и корпораціямъ Іонійскихъ городовъ въ Малой Азіи, которые могли сохранять свое прежнее положеніе и даже учрежденія,—но лишь настолько, насколько все это не нарушало единства въ царствѣ и не мѣшало бы стройной работѣ правительственнаго механизма.

Этотъ правительственный механизмъ и каждому частному лицу представлялъ нѣкоторое восполненіе за безвозвратно утраченныя положенія выдающихся главъ въ политическихъ партіяхъ греческихъ городовъ, или за титулъ мелкихъ владѣтельныхъ князей Македоніи, Ѳессаліи и Ѳракіи:— это восполненіе представлялось всѣмъ въ видѣ государственныхъ и дворскихъ почестей и знаковъ отличія и въ видѣ всѣмъ открытой и быстрой, блестящей *служебной карьеры.*

Постройка новыхъ городовъ.

Но этотъ правительственный механизмъ былъ лишь орудіемъ для осуществленія дальнѣйшихъ, болѣе обширныхъ предначертаній. Великій государь вполнѣ сознательно заботился о томъ, чтобы всѣми мѣрами установить глубокую и прочную связь между частями царства, и ни одною изъ этихъ мѣръ не пренебрегалъ. Онъ всячески поощрялъ, какъ мы уже видѣли выше, смѣшанные брачные союзы между македонянами, греками и азіатскими уроженцами; планы о переселеніи азіатскихъ племенъ на Западъ и европейскихъ народовъ въ Азію—отысканы были послѣ смерти Александра въ его бумагахъ; онъ же поощрялъ и введеніе большихъ общественныхъ игръ, на греческій ладъ, что для восточныхъ народовъ было новостью и именно потому казалось привлекательнымъ:—но въ особенности важны были для обоюднаго исправленія и сближенія задуманное Александромъ построеніе *новыхъ городовъ* и *новое устройство войска.* Древніе насчитывали около семидесяти такихъ «Александрій», воздвигнутыхъ на пространствѣ обширнаго царства въ важнѣйшихъ пунктахъ, избранныхъ съ величайшею прозорливостью и военнымъ расчетомъ; той же цѣли должна была служить новая организація войска, законченная Александромъ въ Вавилонѣ (въ 324 г.), гдѣ онъ поселился на болѣе долгое время.

Значеніе арміи.

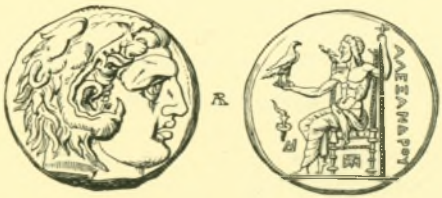
Еще никогда до этого времени войску не бывала вручена столь величавая политическая миссія: оно предназначено было служить дѣлу распространенія однородной цивилизаціи—быть главнымъ орудіемъ тѣснаго сближенія національностей. Само собою разумѣется, что эта цивилизація носила на себѣ греческій отпечатокъ. Самъ Александръ сознавалъ себя эллиномъ, и греческому языку и всему, что на этомъ языкѣ написано, предстояло занять выдающееся мѣсто въ новомъ царствѣ: — ему предстояло быть языкомъ правительственнымъ, языкомъ военнаго быта и въ особенности языкомъ торговли, и таковымъ онъ дѣйствительно былъ впослѣдствіи, несмотря даже на то, что по смерти Александра поддержка единства въ царствѣ сильно поколебалась. *Торговлѣ* по преимуществу могъ бы Александръ предоставить завершеніе начатаго имъ великаго дѣла: ибо для нея открывались теперь необъятныя пространства и нескончаемые торные и мирные пути, въ нее вносились теперь капиталы, въ видѣ денегъ и новыхъ силъ человѣческихъ, прибывавшихъ отовсюду... Низейскіе кони и индійскіе быки уже проложили себѣ дорогу въ Македонію — и точно такъ же эллинскія произведенія искусства и творенія писателей нашли бы возможность проникнуть въ далекую Индію...

Преждевременная смерть Александра. 323 г.

Этой цѣли—размноженія и обезпеченія безопасности торговыхъ путей—были посвящены послѣдніе труды Александра; внезапно заболѣвъ на одномъ изъ пировъ, въ тѣ дни, когда усиливавшійся недугъ начиналъ

одолѣвать его, онъ еще выслушивалъ подробные доклады о морскомъ плаваніи кругомъ Аравіи, объ основаніи новой Финикіи, о значеніи прибрежій воднаго пути, который, по его предположенію, долженъ былъ соединить Вавилонію съ Египтомъ; объ огромныхъ постройкахъ судовъ для будущихъ флотовъ, предназначенныхъ къ плаванію въ Финикійскомъ, Гирканскомъ морѣ и близъ Вавилона. Какъ изумителенъ для насъ величавый образъ этого геніальнаго монарха, который въ побѣдоносномъ шествіи прошелъ отъ Коринѳа до Гифазиса—и затѣмъ, съ тою-же неутомимою энергіей и непрерывною дѣятельностью объѣзжалъ свое необъятное царство, всюду создавая или вызывая новую жизнь, гдѣ бы онъ ни являлся—въ Вавилонѣ или въ Сузѣ, въ Тирѣ или Александріи, въ Аѳинахъ или въ Пеллѣ! Наиболѣе изумительною стороною въ этомъ единственномъ человѣкѣ представляется намъ именно то, что онъ самъ создалъ себѣ почву для своей цивилизаторской дѣятельности, что онъ побѣдами своими положилъ только основу для своей правительственной дѣятельности.

Александръ скончался въ самый славный періодъ расцвѣта своихъ жизненныхъ силъ; едва переступивъ грань мужественнаго возраста, онъ уже увидѣлъ себя на краю гроба. Острая болѣзнь въ нѣсколько дней свела въ могилу 32-хъ-лѣтняго государя, который скончался въ Вавилонѣ, въ первой половинѣ іюня 323 года до Р. Х.



Серебряная монета Александра Великаго.
Изъ Берлинскаго мюнцъ-кабинета.

Капитолійская волчица.
Древняя бронзовая фигура, отрытая
въ Палатинскомъ холмѣ; нынѣ
въ Капитолійскомъ музеѣ.

КНИГА ПЯТАЯ.

Италія и Западъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Населеніе Италіи. — Основаніе Рима и первые вѣка его существованія.

Западъ.

Древнее сказаніе передастъ намъ, что Александръ, на смертномъ одрѣ, на вопросъ — кому завѣщаетъ онъ царство свое? — отвѣчалъ: «сильнѣйшему». Въ самомъ дѣлѣ, тотчасъ послѣ его смерти поднялись продолжительныя войны изъ-за громаднаго наслѣдства, оставленнаго безъ главы и безъ всякаго прямого наслѣдника. Въ всемірно-историческомъ смыслѣ, наслѣдованіе великому человѣку предоставлено было цѣлому государству, которое образовалось на западномъ берегу Средней Италіи: во время нежданной кончины Александра оно переживало уже четвертый вѣкъ своего существованія и готовилась распространить свою власть на всѣ государства Средней Италіи, лежавшія между Тирренскимъ и Адріатическимъ морями.

Италія. Страна и населеніе.

Сомнительно, чтобы названіе этого государства, *Римъ*, когда-либо дошло до свѣдѣнія Александрова: лишь незадолго до его времени мы впервые находимъ упоминаніе о Римѣ у одного изъ греческихъ писателей. Средній изъ трехъ полуострововъ, заканчивающихъ Южную Европу, — заселенный уже издавна постепенными переселеніями племенъ съ сѣвера,— получилъ свое общее названіе *Италіи* довольно поздно, и притомъ совер-

шенно случайно, отъ имени маленькаго народца, жившаго на югѣ полуострова. Различаютъ три различныхъ главныхъ племени среди народовъ, заселяющихъ полуостровъ: *Япиговъ*—на югѣ, стоявшихъ въ ближайшемъ сродствѣ съ греками; *Этрусковъ*—на сѣверѣ и западѣ, до самаго Тибра, и третье, важнѣйшее, которому обыкновенно придаютъ названіе *Умбро-сабелльскаго*: ему-то преимущественно и обязана страна своимъ развитіемъ и объединеніемъ различныхъ племенъ въ одинъ народъ. Его проникновеніе въ восточную часть полуострова составляло лишь одно звено въ общей цѣпи тѣхъ великихъ, цѣлыми вѣками длившихся, выселеній изъ восточной Азіи, которымъ и европейская Греція, и греческая часть Малой Азіи, и острова между ними обязаны были своимъ заселеніемъ. Племена или толпы, изъ которыхъ въ Италіи произошли отдѣльные народы умбро-сабелльскаго племени *), были родственны грекамъ по происхожденію, насколько можно судить по сродству языковъ и по общности извѣстныхъ элементовъ развитія. Какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ земледѣліе и винодѣліе были главными основами жизни; и тѣ, и другіе почитали ту же богиню очага, *Гестію* (или Весту), и, въ общихъ чертахъ, даже изображали ее одинаково; почитали того же бога неба, и богиню неба; видимъ и тутъ, и тамъ тѣ же мѣры поверхности, тѣ же вооруженіе и одежду. Даже и условія жизни были у нихъ, отчасти, тѣ же самыя. Мѣстность Италіи гориста, какъ и Греціи, и, въ равной степени съ Греціей, способствуетъ дробленію на малыя области, и только въ восточной своей части представляетъ достаточный просторъ для образованія бо̀льшихъ государствъ; и, вообще говоря, развитіе народной жизни шло здѣсь инымъ путемъ, нежели въ западной части. При своемъ первона-

Бюстъ весталки на Римскомъ форумѣ, въ Римѣ.

*) Въ позднѣйшей исторіи полуострова мы встрѣчаемъ около 20-ти такихъ народовъ.

чальномъ поселеніи на Италійскомъ полуостровѣ, поселенцы не встрѣчали здѣсь слѣдовъ какой бы то ни было древнѣйшей культуры, въ родѣ, напримѣръ, финикійской, которую нашли въ Греціи древнѣйшіе поселенцы арійскаго племени. Мореплаваніе не получило здѣсь никакого значенія, такъ какъ на восточномъ берегу Италіи мало хорошихъ гаваней и нѣтъ большихъ рѣкъ, и широкое, не покрытое островами, водное пространство Адріатическаго моря отдѣляло ихъ отъ соплеменниковъ, съ которыми они, наконецъ, и утратили всякое соотношеніе.

Средняя Италія: латиняне, сабиняне.

Въ Аппенинскихъ горахъ, гдѣ благодатная почва вознаграждаетъ трудъ земледѣльца даже на высотѣ тысячи метровъ надъ уровнемъ моря, а въ тогдашнихъ лѣсахъ и на луговыхъ склонахъ удобно было заниматься разведеніемъ скота,—эти переселенцы разрослись въ небольшіе народцы, которые, подобно всѣмъ пастушескимъ и земледѣльческимъ народамъ, тщательно хранили древніе, завѣщанные стариною, обычаи, и лишь весьма медленно достигали высшихъ ступеней культуры, съ особеннымъ отвращеніемъ относясь къ городской жизни и предпочитая ей привольное житье въ отдѣльныхъ, широко разбросанныхъ, хуторахъ и поселкахъ. Иначе шло развитіе культуры у *латинянъ*, т.-е. тѣхъ пришельцевъ, которые ранѣе другихъ пришли на полуостровъ и заняли или вынуждены были занять наиболѣе обширную равнину Италіи, у западныхъ береговъ ея, на югъ отъ Тибра. Страна эта не можетъ быть названа ни особенно плодородною, ни особенно здоровою; притомъ и берегъ ея однообразенъ по очертаніямъ, не имѣетъ гаваней, покрытъ сыпучимъ пескомъ. Но дѣло-то въ томъ, что поселившіеся здѣсь пришельцы подвергались нападеніямъ съ различныхъ сторонъ,—изъ-за горъ съ востока и со стороны моря на западѣ, а вскорѣ послѣ того и съ сѣвера, и съ юга,—и благодаря этимъ условіямъ явилась необходимость въ защищенныхъ стѣнами городахъ, которые мало-по-малу обратились въ городскіе центры маленькихъ общинъ, образуя нѣчто въ родѣ греческихъ городовъ-государствъ (полисъ); такихъ общинъ въ отдаленнѣйшую эпоху извѣстной намъ исторіи Италіи (въ VIII в. до Р. Хр.) насчитывалось уже около тридцати.

Начало Рима.

Среди этихъ городовъ, тѣсно связанныхъ между собою общимъ языкомъ, обычаями, государственными учрежденіями, общими святынями и общею враждою съ сосѣдями,—главнымъ, преобладающимъ городомъ былъ *Альба-Лонга*, построенный на высокой мѣловой скалѣ, господствовавшей надъ обширною равниной. Уже по самому положенію своему городъ естественно долженъ былъ получить значеніе столицы. Однакоже, на самой сѣверной оконечности той же территоріи, въ низовьяхъ Тибра, миляхъ въ пяти отъ его устья, вскорѣ стало возрастать и достигло самостоятельнаго значенія латинское мѣстечко, *Рома* (Римъ). Въ позднѣйшія времена, подъ греческимъ вліяніемъ, явились всевозможные разсказы о первоначальномъ зарожденіи этой городской общины, которой предназначена была такая великая будущность: и о *Ромулѣ* и *Ремѣ*, братьяхъ-близнецахъ, сыновьяхъ бога войны, и о ихъ дивномъ дѣтствѣ и юности, и о томъ, что случилось при самомъ основаніи города... Указывали даже день его основанія—21 апрѣля—въ 4-мъ году VI Олимпіады, т.-е. 753 г. до Р. Хр. Гораздо болѣе правильно разсуждаетъ объ основаніи этого города римскій

историкъ Ливій, влагая въ уста одному изъ своихъ героевъ слѣдующія слова: «не безъ основанія избрали себѣ боги и люди это мѣсто для постройки на немъ города; благопріятные для здоровья холмы, рѣка, способствующая удобному подвозу хлѣбныхъ запасовъ изнутри страны и товаровъ съ моря; и къ морю, доставляющему всякія удобства, городъ лежитъ близко, хотя и не настолько, чтобы долженъ былъ опасаться нападенія чужеземныхъ флотовъ; притомъ же, мѣстность (Рима) находится въ центрѣ Италіи и какъ бы предназначена заранѣе къ тому, чтобы на ней выросъ большой городъ». Вначалѣ, однакоже, это было поселеніе, ничѣмъ не отличавшееся отъ другихъ поселеній латинянъ, съ населеніемъ преимущественно земледѣльческимъ, вполнѣ схожее со всѣми остальными городами Лаціума въ общемъ строѣ внутренней жизни. Поселеніе состояло изъ опредѣленнаго числа семей, при строжайшемъ соблюденіи единобрачія; глава семьи—отецъ, правитъ семьей безусловно, ограничиваемый не законоположеніями, а только религіей и обычаемъ въ примѣненіи своей власти, которая оканчивается только со смертью его, такъ что ей подлежитъ и женатый уже сынъ. Жена является хозяйкой дома, хотя и подчиненной мужу, но все же съ нимъ равноправной: древнія надгробныя надписи, въ качествѣ женскихъ добродѣтелей, восхваляютъ намъ чистоту нравственную, повиновеніе, прямоту, домовитость, умѣлость въ обработкѣ шерсти. Къ кругу домашнихъ принадлежатъ въ каждой семьѣ рабы, которые могутъ быть отпускаемы на волю, и подлежащіе защитѣ домохозяина, подчиненные ему *кліенты*, происхожденіе которыхъ объяснить довольно трудно. Народная община образуется, собственно, изъ совокупности самостоятельныхъ или взрослыхъ членовъ этихъ старыхъ родовъ, изъ *отцовъ* (patres) и *отеческихъ дѣтей* (patricii); во главѣ общины является избранный «отцами» правитель, царь или «владыка народа» — *magister populi*. Онъ не наслѣдственный царь, однакоже, въ государствѣ пользуется такою же обширною властью, какъ отецъ семейства въ своемъ домѣ; онъ назначаетъ чиновниковъ, сзываетъ общину на собраніе и предлагаетъ имъ вопросы, касающіеся народа; онъ начальствуетъ и войскомъ въ случаѣ войны. Посредствующимъ звеномъ, между этимъ главой народа и всею народною общиною, служитъ совѣтъ старцевъ, *сенатъ*, въ составъ котораго входили первоначально только «отцы», т. е. самостоятельные представители семей или родовъ. Но и тѣ могли только отвѣчать на вопросы, заданные царемъ, и такъ совершалась эта внутренняя жизнь общины, проявляясь въ весьма простыхъ и вполнѣ ясныхъ правовыхъ формахъ. Царю надлежитъ повелѣвать; высшая правительственная власть есть совѣтъ старцевъ, всякое же исключительное опредѣленіе—все, что не подходитъ подъ установившійся правовый порядокъ, должно быть предоставлено на одобреніе всенародной общины, которая, собственно говоря, и есть представительница высшей рѣшающей власти. Эта община раздѣлена на 30 попечительствъ или *курій*, и во главѣ каждой изъ нихъ видимъ своего особаго попечителя (*куріо*); по куріямъ община и собирается, созываемая на собранія царемъ или отъ имени царя.

Условія древнѣйшей государственной жизни.

Средній изъ трехъ, прилегающихъ къ рѣкѣ, холмовъ, *Палатинскій*, былъ мѣстомъ древнѣйшаго поселенія, и первымъ шагомъ къ дальнѣйшему росту этого поселенія было соединеніе этой палатинской общины съ другою самостоятельною общиною, образовавшеюся на противоположномъ, *Квиринальскомъ*, холмѣ. Послѣдняя, какъ вообще предполагаютъ, была основана *сабинянами*, которые, хотя и были родственны латинянамъ, однакоже, съумѣли придать своему греко-италійскому характеру особое, отличное отъ латинянъ, развитіе. Къ тремъ древнимъ колѣнамъ или подраздѣленіямъ народа, которыя носили загадочныя для насъ имена *Рамновъ*, *Тиціевъ* и *Луцеровъ*, прибавились еще «вторые Рамны, Тиціи и Луцеры»; благодаря такому соединенію, и составъ войска усилился соотвѣтственно; нѣкоторыя жреческія должности были удвоены; вообще говоря, это соединеніе двухъ общинъ было такимъ шагомъ, который придалъ всей жизни оживленіе и воздѣйствовалъ на всѣ ея стороны освѣжающимъ образомъ.

Времена царей.

По другую сторону Тибра простиралась область Этрусковъ (*Турсковъ* или, какъ они сами себя называли, *Разеновъ*), которые поселились здѣсь, постепенно подвигаясь съ сѣвера, еще во времена, ускользающія отъ историческаго наблюденія; этотъ народъ и по обычаямъ, и по языку, и по государственнымъ учрежденіямъ былъ совершенно чуждъ латинянамъ и сабинянамъ и всѣмъ ихъ родственнымъ племенамъ, которыя начинали даже опасаться возрастающаго могущества Этрусковъ. Этотъ загадочный народъ (языкъ котораго до сихъ поръ не поддается еще изученію, несмотря на то, что такъ много сохранилось этрусскихъ надписей *) широко раскинулъ свои поселья: они простирались отъ р. По до Тибра, и даже въ нѣсколькихъ миляхъ повыше Рима у нихъ, на лѣвомъ берегу Тибра, былъ городъ Фиденэ. И во внѣшнихъ средствахъ, во внѣшнихъ проявленіяхъ цивилизаціи Этруски стояли гораздо выше и сабелльскихъ народовъ, и Латинянъ, такъ какъ городская жизнь въ Этруріи была уже давно преобладающею формой быта, и, благодаря мореплаванію и мѣстной промышленности, которыми этруски занимались издавна,—эта жизнь этрусскихъ городовъ представлялась болѣе богатою, нежели жизнь городовъ латинскихъ. Эта болѣе богатая, болѣе роскошная жизнь необходимо должна была дѣйствовать возбуждающимъ образомъ на населенія ближайшихъ южныхъ мѣстностей, и древнее названіе одной изъ улицъ Рима—«улица Тусковъ», или такое названіе урочища, какъ *vicus Tuscus*,—указываютъ намъ на довольно развитыя торговыя сношенія съ Этруріей; однакоже, вліяніе этрусское было далеко не въ такой степени глубокимъ и сильнымъ, какъ это предполагали долгое время, и главнымъ образомъ ограничивалось только чисто-внѣшними сторонами быта. Духъ этихъ обоихъ народовъ былъ совершенно различенъ и различіе это никогда не могло изгладиться, да и съ другихъ сторонъ тоже не проявилось никакого вліянія настолько сильнаго, чтобы оно могло серьезно воспрепятствовать своеобразному развитію новой общины. *Финикіяне*, правда, имѣли свою факторію около этрусскаго города *Цэры* (они, на своемъ языкѣ, называли

*) Мы знаемъ только по звуку нѣкоторыя изъ этрусскихъ словъ, въ родѣ: *меклэ, утуце, эльхзантре;* различаемъ въ надписяхъ имена *Менелая, Одиссея, Александра*—и только.

его *Аггеллой*, т.-е. круглымъ городомъ, по виду города съ моря) и занимались здѣсь торговлею. Колоніи же эллиновъ, уже начинавшихъ вступать въ западныхъ моряхъ въ конкуренцію съ Финикіянами и Этрусками, еще едва только издали соприкасались съ берегомъ Кампаніи и предѣлами Лаціума. И вотъ, Римъ, благодаря своему благопріятному положенію, вскорѣ, изъ простого земледѣльческаго поселенія, обратился въ центръ сношеній всѣхъ сосѣдственныхъ народовъ и въ важный торговый городъ.

Позднѣйшіе римскіе писатели преувеличиваютъ въ своихъ разсказахъ о *временахъ царей* (753—510 г. до Р. Хр.) значеніе крошечнаго государства до чрезвычайности. Эти разсказы называютъ намъ семь царей: Ромула, Нуму Помпилія, Тулла Гостилія, Анка Марція, Тарквинія Приска, Сервія Туллія, Тарквинія Гордаго, и каждому изъ этихъ семи царей приписываютъ особыя заслуги по отношенію къ расширенію города, къ преобразованію его внутренняго строя, упорядоченію богослуженія и т. п.— и многое въ этихъ разсказахъ картинно, ярко и привлекательно. Въ дѣйствительности же, по отношенію къ этимъ первымъ вѣкамъ Рима, оказывается возможнымъ установить лишь очень немногія событія, а развитіе политической и общественной жизни Рима можно прослѣдить только въ самыхъ общихъ чертахъ.

Расширеніе Рима и его предѣловъ.

Одно несомнѣнно, что городъ быстро сталъ возрастать въ составѣ населенія и крѣпнуть, и вскорѣ захватилъ всѣ семь холмовъ, которые вслѣдъ затѣмъ и были обнесены одною общею стѣною, такъ что составили одно цѣлое; что городъ присоединилъ къ себѣ многія изъ окрестныхъ селъ, и для этого, въ случаѣ нужды, прибѣгалъ даже къ оружію; что возникающій Римъ быстро занялъ преобладающее положеніе въ Лаціумѣ, далеко обогнавъ въ развитіи старую столицу страны Альба-Лонгу, а затѣмъ вступилъ съ нею въ борьбу и разгорилъ ее. Тогда уже Римъ сталъ во главѣ союза латинскихъ городовъ, и только тутъ эта связь, до того времени слабая, стала крѣпкою и прочною. Союзъ предоставлялъ всѣмъ участникамъ его право водворенія въ Римѣ, и это въ особенности благопріятно повліяло на возрастаніе новой столицы, которой населеніе, въ самое непродолжительное время, возросло до весьма значительныхъ размѣровъ.

Внутренній бытъ Рима: патриціи и плебеи.

Это привело къ явленію противоположному, которое повліяло на всю дальнѣйшую исторію государства и обусловило все его политическое развитіе. Къ древнимъ, первоначальнымъ посельцамъ Рима, къ *патриціямъ*, примкнули новые посельцы его—*плебеи*. Это приращеніе города значительно возвысило могущество древнихъ, основныхъ родовъ римскихъ гражданъ. Каждый изъ новыхъ посельцевъ становился къ тому или другому изъ старыхъ гражданъ въ отношенія *клієнтства* или покровительственной близости; *патронъ* или защитникъ былъ представителемъ своихъ клієнтовъ, которые не обладали никакими политическими правами по отношенію къ государству, при чемъ клієнтъ, конечно, долженъ былъ оказывать извѣстныя услуги патрицію, подъ покровительствомъ котораго онъ состоялъ. Вскорѣ, однакоже, стало ощутительнымъ то несоотвѣтствіе, которое существовало между численностью, собственностью и дѣйствитель-

нымъ вліяніемъ плебеевъ—и ихъ правовымъ положеніемъ въ государствѣ. Внутренній строй маленькаго городка оказывался уже непригоднымъ для разросшейся столицы Лаціума, и сильнымъ царямъ,—которыхъ стѣсняло могущество и притязанія старыхъ гражданъ,—должна была показаться очень удобною возможность опереться на эти новые элементы населенія, на присельцевъ-плебеевъ. Воинскіе успѣхи приводили Римъ не однажды къ массовымъ пересажденіямъ населенія изъ окрестностей въ городъ—къ вступленію цѣлыхъ поселеній въ среду плебеевъ, и потому уже въ непродолжительномъ времени положеніе древнихъ родовъ гражданъ (которые одни только и обладали правами и несли на себѣ всѣ обязанности) должно было видоизмѣниться въ смыслѣ весьма неблагопріятномъ. Это вынудило прибѣгнуть къ *преобразованію древняго государственнаго строя*, которое, въ позднѣйшемъ Римѣ, приписывали шестому изъ вышепомянутыхъ царей—*Сервію Туллію*; ему же приписывалось и обнесеніе города стѣнами.

Государственное устройство Сервія Туллія.

Это преобразованіе состояло въ новомъ раздѣленіи и расчисленіи пришлой части населенія. Весь народъ—патриціи трехъ древнѣйшихъ трибъ и плебеи—былъ подраздѣленъ по имущественному своему положенію (т.-е. по количеству земли и скота, находившихся во владѣніи) на *пять классовъ*, а въ составѣ этихъ классовъ на *центуріи* или сотни. Это была реформа, подобная той, которую, около того же времени, удалось провести Солону въ Аттикѣ; но только эта реформа, гораздо болѣе солоновской, была пригодна и для военныхъ цѣлей. Первый классъ составляли вполнѣ покрытые броней тяжело-вооруженные воины, изъ которыхъ состояли четыре первыя шеренги; второй и третій классъ—не въ полномъ вооруженіи—составляли слѣдующіе, средніе ряды; въ заднихъ шеренгахъ становились легко-вооруженные изъ четвертаго и пятаго классовъ. Двѣ центуріи состояли изъ ремесленниковъ; въ составъ двухъ другихъ входили трубачи и музыканты, игравшіе на рогахъ; одна составилась изъ людей, предназначавшихся для всѣхъ остальныхъ потребностей и для пополненія убыли въ войскѣ; изъ людей наиболѣе богатыхъ было сформировано 18 центурій конницы. Въ войскѣ различались два комплекта людей: *первый* и *второй*, или центуріи *молодыя* (отъ 17-ти-лѣтняго до 46-ти-лѣтняго возраста) и центуріи *старыя* (отъ 46-ти-лѣтняго до 60-ти-лѣтняго возраста). Расширеніе обязательной службы, которое и дало, собственно говоря, первый толчокъ къ этой весьма важной реформѣ, привело къ необходимости еще одного подраздѣленія всего народа безъ различія происхожденія—на *трибы* или *части*, *соотвѣтствующія мѣсту жительства*. Въ самомъ городѣ насчитывалось четыре трибы, а въ ближайшихъ окрестностяхъ его двадцать шесть такихъ же выборныхъ округовъ, и по числу такихъ трибъ предполагаютъ не безъ основанія, что, во времена этой реформы, римская область равнялась по пространству своему приблизительно 20 квадратнымъ милямъ, и, слѣдовательно, по размѣрамъ представлялась государствомъ весьма небольшимъ.

Быстрые успѣхи.

Единственная выгода этого «*государственнаго строя Сервія Туллія*» заключалась въ томъ, что плебеи были при этомъ привлечены къ военной службѣ вмѣстѣ со старыми гражданами, рядомъ съ ними стояли въ строю, и, такимъ образомъ, добились нѣкотораго политическаго значенія. Это

было важно не въ томъ только смыслѣ, что городъ, который они призваны были защищать оружіемъ, уже становился ихъ отечествомъ въ политическомъ смыслѣ слова; но еще и потому, что извѣстнаго рода вопросы и рѣшенія сами собою представлялись всенародному множеству, собиравшемуся по центуріямъ, и, вслѣдствіе этого, оказалось для другихъ различныхъ условій необходимымъ—дать народу возможность собираться еще и по округамъ, въ видѣ comitia tributa. Въ числѣ правъ, которыми пользовался народъ въ своихъ собраніяхъ по центуріямъ (comitia centuriata), было одно право, важное по своему принципіальному и символическому значенію: то было *право помилованія* преступника, осужденнаго царскими судьями, если только царь дозволялъ преступнику представить произнесенный надъ нимъ приговоръ на судъ народнаго собранія, которое могло этотъ приговоръ утвердить или отвергнуть. О происхожденіи этого права разсказывали очень трогательную легенду, восходившую къ временамъ третьяго изъ баснословныхъ римскихъ царей. Давній споръ между двумя могущественнѣйшими латинскими городами—Римомъ и Альбой—по этой легендѣ, долженъ былъ разрѣшиться единоборствомъ трехъ братьевъ Гораціевъ и трехъ братьевъ Куріаціевъ, избранныхъ въ Римѣ и въ Альбѣ изъ двухъ семействъ, связанныхъ между собою узами родства и дружбы. Двое изъ братьевъ-римлянъ, сыновья Горація, уже пали; третій, оставшійся въ живыхъ, убилъ всѣхъ троихъ Куріаціевъ и тѣмъ утвердилъ право господства за своимъ роднымъ городомъ. Въ то время, когда онъ возвращался въ Римъ побѣдителемъ, въ воротахъ повстрѣчала его сестра, обрученная съ однимъ изъ убитыхъ имъ Куріаціевъ, и осыпала проклятіями убійцу своего жениха; тогда братъ ея, упоенный побѣдой и пылающій гнѣвомъ, закололъ сестру свою. Этотъ поступокъ привелъ его передъ судей, поставленныхъ царемъ для разбора дѣлъ уголовныхъ, и тѣ присудили его къ смерти. Тогда царь, — проникнутый состраданіемъ къ побѣдителю и вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣя отца, который долженъ былъ въ тотъ же день потерять и третьяго своего сына,—дозволилъ Горацію обратиться къ суду народному, и народъ помиловалъ его. Такъ произошло важнѣйшее изъ правъ римскихъ гражданъ, право *провокаціи*.

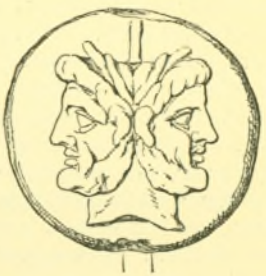
Положеніе народа.

Реформа Сервія Туллія была, однакоже, вовсе не такъ демократична, какъ она съ перваго взгляда можетъ казаться. Были приняты мѣры къ тому, чтобы центуріи первыхъ трехъ классовъ, безусловно многочисленнѣйшія, вмѣстѣ съ всадниками (слѣдовательно, патриціи и богатѣйшіе землевладѣльцы изъ плебеевъ), постоянно имѣли при голосованіи перевѣсъ даже и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда центуріальнымъ собраніямъ, въ древнѣйшую эпоху, приходилось принимать важныя рѣшенія. Притомъ же всѣ права старыхъ гражданъ оставались неприкосновенными и корпорація «отцовъ», составлявшая Сенатъ, сохраняла вполнѣ свой прежній авторитетъ, хотя, во времена царей, плебеи являлись въ Сенатъ въ качествѣ приписныхъ его членовъ (conscripti) или призывались къ участію въ его засѣданіяхъ. Въ особенности ошибочно было бы думать, что политика въ это отдаленное время уже играла такую же важную роль въ римской жизни, какъ въ послѣдующее время. Римская почва требовала старательной и тщательной работы, и эта работа земледѣльца при-

давала особый отпечатокъ всему теченію римской жизни: умѣнье обращаться съ землею составляло красу и честь для каждаго римлянина. Болѣе богатый землевладѣлецъ дробилъ свою землю на мелкіе участки, предоставляя ихъ обработку своимъ подначальнымъ людямъ; семьянинъ обрабатывалъ свою землю самъ со своими сыновьями и немногими наемниками. Все то, что въ позднѣйшую эпоху составляло особое ремесло, какъ, напр., печеніе хлѣба, обработка шерстяной пряжи, врачебное искусство,—все это, въ древнѣйшую эпоху, еще относилось къ обычнымъ занятіямъ домашняго обихода. Остальными промыслами и ремеслами занимались преимущественно переселившіеся въ Римъ иноземцы, и этимъ объясняется то нѣкотораго рода пренебреженіе, съ которымъ постоянно относились римляне къ этого рода дѣятельности. Не развилось здѣсь и такое сословіе купцовъ, которое бы способно было стоять на одной степени съ сословіемъ землевладѣльцевъ. А между тѣмъ въ Лаціумѣ изстари были *торжки*, *mercaturae* (напр., на Соракте, въ рощѣ Феронін и др.), посѣщаемые и гражданами римскими, и поселянами. Предметы роскоши привозились съ Востока, чрезъ посредство грековъ. Но средства обмѣна были еще очень первобытными, ограничивались рогатымъ скотомъ и овцами, а настоящая торговля, подобная той, что была у этрусковъ и привела тѣхъ къ обогащенію и роскоши, была еще совсѣмъ не развита. Мѣры и числа внесены были въ Италію уже древнѣйшими поселенцами; весьма древними были также и нѣкоторые условные знаки, какъ, напр., вытянутый палецъ, обозначавшій *единицу*, рука съ пятью пальцами—обозначавшая *пять*, двѣ сложенныя руки — вмѣсто *десятка*; есть основаніе думать, по нѣкоторымъ выраженіямъ (какъ, напр., древнѣйшее названіе плебеевъ *приписными*, *conscripti*), что и самое *звуковое* письмо, нѣкоторыми возводимое даже къ 1300 г. до Р. Х., введено было здѣсь очень рано. Понятія о законѣ были очень строги, болѣе же всего строги въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло шло о нарушеніи правъ собственности, о томъ, что *твое*, и что *мое*; взысканіе долговъ, въ концѣ концовъ, приводило къ тому, что кредиторамъ приходилось дѣлить между собою самого должника, т.-е. вырученную отъ продажи его сумму. Всѣ гражданскія сношенія совершались на широкой и либеральной основѣ: собственность свободно переходила изъ рукъ въ руки и договоры заключались безъ особенныхъ формальностей; власть исполнительная была очень сурова и расправа производилась быстро. Каждый пользовался своимъ правомъ безъ снисхожденія, но зато и произволъ былъ невозможенъ. Искусство и поэзія еще не украшали жизнь въ эту отдаленную эпоху, и во время празднествъ пляски предпочитались пѣнію, какъ это можно видѣть изъ одного драгоцѣннаго отрывка древней римской пѣсни, которая состоитъ изъ простѣйшихъ взываній къ Ларамъ и Марсу, и заканчивается *тріумпомъ* («прыжкомъ»—triumpe).

Главнымъ украшеніемъ жизни, главною прелестью и оживленіемъ ея простѣйшихъ формъ была *религія*; въ кругъ понятій религіозныхъ, однакоже, не вносилось еще ничего ни поэтическаго, ни художественнаго, и духовная дѣятельность въ созданіи миѳовъ и образовъ выражалась очень слабо. Даже въ названіи мѣсяцевъ или въ подысканіи именъ дѣтямъ не

хватало изобрѣтательности, и послѣ четырехъ первыхъ начинались уже повторенія: Quintilis, Quintus, Sextilis, Sextus. Будничная трудовая жизнь поселянина прерывалась только жертвоприношеніями и празднествами: въ честь Юпитера, Марса и его—быть-можетъ сабинскаго — двойника Квирина; богини Земли (Tellus), богини жатвы (Цереры), богини домашняго очага (Pales); *сатурналіи* — празднества сѣва, *терминаліи*—празднества межевыхъ камней, *луперкаліи*—празднества волковъ, и другія подобныя же. Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ очень вѣрно отмѣчаетъ «отчасти весьма почтенную, отчасти же очень странную прямолинейность римской теологіи», которая доходитъ даже до того, что создаетъ «бога всякихъ начинаній, бога отверзающаго»—Януса—и, придавая ему значеніе божества, соблюдающаго вхожденіе въ домъ, съ него и начинаетъ придавать пластическія изображенія богамъ, изображая его двуликимъ. Служеніе этимъ богамъ—во главѣ которыхъ стоитъ «*высшій и превосходнѣйшій Юпитеръ* (Jupiter Optimus Maximus *) — носило на себѣ преимущественно веселый, свѣтлый, ничуть не мрачный характеръ. Едва-ли правы тѣ, которые въ нѣкоторыхъ обрядахъ римскаго богослуженія видятъ остатки будто бы существовавшихъ нѣкогда человѣческихъ жертвоприношеній. Въ служеніи богамъ видимъ чрезвычайную точность въ соблюденіи мелочныхъ обрядовыхъ подробностей съ нѣкоторою примѣсью наивнаго страха, при чемъ, однакоже, довольно ясно выказывается и желаніе провести, перехитрить божество. Чтобы выполнять всѣ сопряженные съ богослуженіемъ обряды правильно, необходимо было прибѣгать къ посредству свѣдущихъ людей, и потому въ жрецахъ не было недостатка. Первоначально существовало два разряда такихъ свѣдущихъ людей: пятеро *священнослужителей* (pontifices) съ однимъ высшимъ представителемъ во главѣ (pontifex Maximus), и *авгуры*, умѣвшіе отгадывать волю боговъ по полету и крику птицъ. Къ этимъ двумъ разрядамъ жрецовъ примыкалъ еще третій—*феціалы* или *вѣстники*, на которыхъ возложено было рѣшеніе вопросовъ о войнѣ и мирѣ, а также и всякія внѣшнія сношенія: имъ до тонкости были извѣстны тѣ точныя формы, въ какихъ, согласно исконному обычаю, слѣдовало требовать или давать сосѣдямъ удовлетвореніе, объявлять войну или заключать мирные договоры между государствами. Несмотря на то значеніе, которымъ жрецы пользовались въ римской жизни, они никогда не достигали въ римскомъ государствѣ значенія самостоятельной силы, и даже частныя лица — при всемъ своемъ желаніи и готовности всегда и вездѣ воздавать «божія богови» — не подпадали зависимости отъ жрецовъ. Религіозныя потребности большинства удовлетворялись вполнѣ служеніемъ домашнимъ богамъ—*пенатамъ* или



Асъ. Римская мѣдная монета съ головою Януса. Въ берлинскомъ мюнцъ-кабинетѣ.

*) Ему уже очень рано, быть-можетъ, отчасти и подъ греческимъ вліяніемъ, былъ воздвигнутъ отдѣльный храмъ на Капитолійскомъ холмѣ.

ларамъ—благоволеніе которыхъ пріобрѣталось весьма простыми жертвоприношеніями: горстью муки, щепоткой соли, небольшимъ количествомъ вина, которое выплескивалось на огонь очага. Замѣчательно было то, что именно этотъ недостатокъ въ творческой, образной силѣ фантазіи, который не давалъ возможности латинянамъ создать свой яркій и вполнѣ опредѣленный міръ боговъ,—дѣлалъ ихъ чрезвычайно воспріимчивыми ко всякимъ религіознымъ вѣяніямъ изъ чужбины и ко всякимъ иноземнымъ богослуженіямъ. Такъ, напр., вполнѣ чуждаясь и не понимая жизни Этрусковъ въ ея различныхъ проявленіяхъ, Латиняне, однакоже, поддались, до нѣкоторой степени, вліянію ихъ мрачныхъ и запутанныхъ религіозныхъ обрядовъ: они заимствовали отъ Этрусковъ различные способы предсказанія будущаго или предупрежденія всякаго рода бѣдствій—напр. *гаруспиціи*, или искусство гаданія по внутренностямъ животныхъ, и самое умѣнье отклонять удары молніи при посредствѣ особыхъ ямъ или колодцевъ, выложенныхъ камнемъ. Но ужъ издревле гораздо болѣе глубокое впечатлѣніе производили греческія религіозныя воззрѣнія, занесенныя въ Лаціумъ греческими купцами и корабельщиками. Эллины прекрасно понимали свою выгоду: они, вмѣстѣ съ товарами своими, заносили сюда и разсказы о дивныхъ пророчаніяхъ и откровеніяхъ своихъ оракуловъ, и весьма вѣроятно, что къ знаменитѣйшему изъ нихъ—Аполлону Дельфійскому—уже во времена царей бывали отправляемы правительствомъ посольства.

У римлянъ этой отдаленной эпохи мы не видимъ, конечно, той глубокомысленной и благородной житейской мудрости, которая сквозитъ въ каждомъ отдѣльномъ изъ тѣхъ изреченій дельфійскаго оракула, которымъ мѣстное жреческое сословіе умѣло придавать формы, соотвѣтствующія религіознымъ вѣрованіямъ народа. Древняя римская религія не была нравственною силою въ высшемъ значеніи этого слова, хотя, конечно, и она (точно такъ же, какъ и другія, еще гораздо менѣе ея развитыя религіи) противополагала пошлой дѣйствительности міръ идеальный, хотя и она освѣщала своими скудными лучами душу человѣка и дѣлала ее воспріимчивою къ откровеніямъ изъ круга болѣе чистой духовной жизни.

Несомнѣнно то, что во времена двухъ послѣднихъ царей (слѣдовательно, въ III вѣкѣ отъ такъ-называемаго основанія Рима) жизнь въ столицѣ Лаціума уже была не та, какою жили латиняне вѣка полтора назадъ: она была и богаче, и привольнѣе. На это вліяла, конечно, быстро распространившаяся колонизація эллиновъ, которая именно въ этотъ періодъ времени дала такой сильный толчокъ развитію народной жизни въ Сициліи и Южной Италіи, да и вообще во всемъ Западномъ мірѣ. Можетъ быть, нѣкоторое значеніе въ этомъ оживленіи имѣло и то соревнованіе, которое проявилось между эллинами и преобладавшими на Западѣ Этрусками и Финикіянами, которые, въ своемъ «новомъ городѣ», Карѳагенѣ, въ Сѣверной Африкѣ, тоже заняли положеніе выдающееся.

Устраненіе царской власти.

По весьма мало вѣроятному и позднѣе сложившемуся сказанію, кроткому и правдивому царю Сервію Туллію наслѣдовалъ жестокій Тарквиній Гордый, который заставилъ, будто бы, трепетать и Этрусковъ, жившихъ по ту сторону Тибра, и равно тѣснилъ подъ игомъ своей власти и Лати-

нянъ и нѣкоторыя сосѣдственныя племена (Герниковъ и Вольсковъ на югѣ), и даже собственный народъ, въ лицѣ патриціевъ и плебеевъ. Далѣе, преданіе гласитъ, что около 510 г. до Р. Х. дерзкое насиліе, совершенное сыномъ Тарквинія надъ благородной римлянкой, послужило поводомъ къ возстанію, которое въ *одинъ* день покончило съ жестокимъ правленіемъ Тарквинія и обратило римскую общину въ государство свободное—въ *республику*.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Внутренній и внѣшній ростъ римской республики до Лициніева законодательства.

(510—367 до Р. Х.).

Отмѣна царской власти. 510.

Паденіе царской власти въ Римѣ было въ тогдашнемъ историческомъ мірѣ не единичнымъ явленіемъ: во многихъ мѣстностяхъ Греціи и Италіи около того же времени совершился тотъ же самый переворотъ и сопровождался здѣсь бо́льшими, а въ другомъ мѣстѣ меньшими насиліями. Судя по различнымъ и весьма многословнымъ разсказамъ о томъ, какія попытки дѣлалъ изгнанный римскій царь, стараясь возвратить себѣ власть то путемъ открытыхъ переговоровъ, то тайныхъ заговоровъ, то вооруженною рукою, при помощи Латинянъ и Этрусковъ,—можно придти къ тому заключенію, что переворотъ совершился не такъ быстро, и не разомъ, какъ намъ сообщаетъ о немъ преданіе. «Изгнаніе царей»—ему была даже придана извѣстнаго рода законная форма, въ видѣ приговора объ изгнаніи изъ Рима всего «рода Тарквиніевъ» (gens Tarquinia) на вѣчныя времена—послужило въ римской исторіи эрою, съ которой введена была республиканская форма правленія. Эта эра начинается 510 г. до Р. Х.

Консулы. Правленіе патриціевъ.

Переворотъ произведенъ былъ, очевидно, высшими классами, патриціями, и потому ближайшая, послѣдовавшая за переворотомъ, эпоха носитъ на себѣ несомнѣнно аристократическій характеръ. Пожизненная власть царей была замѣнена властью двоихъ сановниковъ, *консуловъ*, которые избирались и смѣнялись ежегодно. Но правящее сословіе, для нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ случаевъ, увидало себя вынужденнымъ сохранить нѣкоторую тѣнь царскаго полновластія, въ видѣ власти выборнаго *диктатора*, который избирался не болѣе какъ на 6 мѣсяцевъ; и во время такой диктатуры всѣ остальные сановники уже бездѣйствовавали или вполнѣ подчинялись волѣ диктатора. Консулы (какъ и цари, въ былое время) назначали себѣ преемниковъ, но при этомъ выборы должны были ограничиваться только тѣмъ кружкомъ лицъ, который имъ былъ указанъ гражданами: слѣдовательно, въ дѣйствительности, эти высшіе представители

власти были *избираемы*, да еще въ комиціяхъ центуріальныхъ, которыя именно въ данное время и пріобрѣли преобладающее значеніе. А въ этихъ комиціяхъ, какъ мы уже упоминали выше, перевѣсъ былъ на сторонѣ высшихъ, наиболѣе зажиточныхъ классовъ: такимъ образомъ и консульства, и диктатура оказывались доступными только патриціямъ.

Положеніе плебеевъ.

Сенатъ, на долю котораго, послѣ устраненія царской власти, естественно выпадало наиболѣе важное и наиболѣе вліятельное положеніе въ государствѣ, нѣсколько измѣнился въ своемъ составѣ, когда къ нему были присоединены, въ качествѣ *приписныхъ* членовъ, нѣкоторые изъ наиболѣе именитыхъ плебеевъ. Однакоже, этимъ приписнымъ членамъ не даны были ни одежда, ни внѣшнія почетныя права «отцовъ», и даже право на участіе въ преніяхъ сената они получали только тогда, когда предсѣдатель обращался къ нимъ съ вопросомъ и требовалъ ихъ мнѣнія. Сверхъ того, на консуловъ возложена была обязанность, каждые четыре года, провѣрять списокъ членовъ Сената, и они легко могли производить эту провѣрку въ духѣ своего патриціанскаго сословія, такъ какъ были проникнуты его узкими, эгоистическими стремленіями. Тѣмъ не менѣе, однакоже, этимъ учрежденіемъ *приписныхъ* членовъ положено было основаніе *плебейской аристократіи*, рядомъ съ старинною патриціанскою, и этимъ-то людямъ, вышедшимъ изъ именитыхъ плебейскихъ семей, принадлежало будущее въ гораздо бо́льшей степени, нежели то могла предполагать близорукая знать.

Прежде всего—въ средѣ этихъ людей находились естественные вожди всего того слоя населенія, къ которому они сами принадлежали; а этотъ слой вовсе не имѣлъ поводовъ радоваться тому перевороту, который, вмѣсто насильственной власти *одного* лица, навязывалъ гнетущую и безсердечную тиранію цѣлаго сословія патриціевъ. Самое участіе ихъ въ куріяхъ и даже право подачи голосовъ по центуріямъ не приносили имъ существенной пользы, такъ какъ въ центуріяхъ всѣ вопросы въ сущности рѣшались голосами крупныхъ землевладѣльцевъ, а куріи не пользовались почти никакимъ политическимъ значеніемъ; во всякомъ случаѣ, участіе плебеевъ и тутъ и тамъ ни мало не облегчало той матеріальной нужды, которая очень быстро охватила большинство плебеевъ. Этотъ чисто экономическій вопросъ и придалъ вскорѣ политической жизни Рима болѣе быстрое и болѣе бурное теченіе. Общая воинская повинность и частыя войны, со своими неизбѣжными опустошеніями, привели мало-по-малу многихъ плебеевъ въ такое положеніе, что они должны были прибѣгать къ займамъ у богатыхъ людей, а эти долги, при высокихъ процентахъ и строгомъ правѣ взысканія, скоро совсѣмъ одолѣли бѣдняковъ; даже и счастливо кончавшіяся войны не помогали имъ, такъ какъ отвоеванная у непріятеля земля хотя и носила названіе *земли общественной* (ager publicus), въ сущности же попадала исключительно въ руки аристократовъ и ими обрабатывалась, за что они вносили въ казну лишь самый ничтожный и притомъ очень туго выплачиваемый налогъ. Такое положеніе дѣлъ, не рѣдко выражавшееся въ возмутительныхъ частныхъ случаяхъ—въ засаживаніи должника въ темницу кредиторомъ, въ продажѣ его жены и дѣтей въ рабство, когда уже все остальное имущество должника было распро-

дано—привело, уже вскорѣ послѣ изгнанія царей (около 494 г.), къ весьма важнымъ событіямъ.

Удаленіе плебеевъ изъ Рима. Борьба изъ-за устройства правленія.

Случилось, что понадобилось набрать войско противъ Вольсковъ, и масса плебеевъ при этомъ отказалась нести военную службу. Консулу удалось, однакоже, различными обѣщаніями сломить ихъ сопротивленіе; дважды выводили войска въ поле и бились съ врагомъ счастливо; но когда и послѣ возвращенія изъ второго похода обѣщанія, подтвержденныя дружественнымъ народу диктаторомъ Маніемъ Валеріемъ Волузомъ, не были сенатомъ приведены въ исполненіе, плебеи рѣшились на весьма смѣлый шагъ. Построившись въ воинскіе ряды, въ полномъ боевомъ порядкѣ, они переправились черезъ Аній, впадающій въ Тибръ на нѣсколько часовъ пути повыше Рима, и заняли возвышенность, которая позднѣе получила названіе Священной горы (Mons Sacer); тамъ они стали готовиться къ постройкѣ своего особаго плебейскаго города. Эта внушительная демонстрація вынудила Сенатъ къ тому, чтобы вступить съ ними въ переговоры. Мененій-Агриппа, человѣкъ доброжелательный, съумѣлъ подѣйствовать на плебеевъ весьма извѣстною притчею о спорѣ членовъ тѣла съ головою и желудкомъ, убѣдилъ ихъ въ крайнемъ вредѣ междоусобій, и плебеи обусловили свое возвращеніе въ Римъ формальнымъ договоромъ, на основаніи котораго учреждена была новая и весьма важная должность народныхъ *трибуновъ* (tribuni plebis). Такимъ образомъ, у сословія плебеевъ явились въ государствѣ свои представители, свой, и притомъ весьма дѣятельный, органъ для выраженія ихъ дальнѣйшихъ желаній и происковъ. Эти *народные трибуны* (сначала двое, а потомъ уже пятеро), избираемые ежегодно, имѣли право защищать каждаго изъ плебеевъ противъ любого распоряженія правительственнаго чиновника и тѣмъ самымъ кассировать его исполненіе. Изъ этого права трибуновъ и изъ самой неприкосновенности ихъ особы, которая по закону считалась «священною», развились впослѣдствіи самые нежелательные результаты: трибунъ могъ сзывать народъ и вліять на его рѣшеніе, на подготовку выборовъ; онъ являлся присутствовать при сенатскихъ засѣданіяхъ въ куріи, и никто не смѣлъ отогнать его отъ порога; самое право защиты каждаго плебея отъ распоряженій правительства, въ сущности, было равносильно праву—избавлять народъ отъ тягостей военной службы и взысканія налоговъ. Такой результатъ оказывался весьма опаснымъ даже и съ точки зрѣнія общественнаго блага, и внутренняя борьба—трибуновъ противъ консуловъ, чиновниковъ-плебеевъ противъ чиновниковъ-патриціевъ — продолжалась попрежнему съ величайшимъ ожесточеніемъ. Много способствовало раздраженію и то, что вопросъ о землѣ общественной (ager publicus) все еще оставался нерѣшеннымъ, хотя весьма видный государственный дѣятель, *Спурій Кассій*, во время своего третьяго консульства (486 г.), и пытался рѣшить его при посредствѣ перваго аграрнаго закона. Много сохранилось объ этомъ времени разсказовъ, довольно запутанныхъ и украшенныхъ вымыслами, однакоже, характеризующихъ общее положеніе дѣлъ республики въ это смутное время: узнаёмъ изъ нихъ объ изгнаніи патриція, лютаго врага плебеевъ, К. Марція Коріолана, который возвращается подъ стѣны Рима съ войскомъ Вольсковъ, пріютившихъ его у себя, и осаждаетъ родной го-

родъ; узнаемъ и о сабинскомъ выходцѣ, Аппіѣ Гердоніѣ, который, предводительствуя шайкою изгнанниковъ и вспомоществуемый своими соумышленниками въ Римѣ, захватываетъ во время ночного нападенія Капитолій, и о томъ, что граждане должны были изгонять его оттуда вооруженною рукою; слышимъ и о происках патриціевъ, которые въ теченіе шести лѣтъ (485—479) предоставляютъ почти диктаторскую власть одному изъ своихъ родовъ, роду Фабіевъ, постоянно выбирая одного изъ нихъ въ консулы; узнаемъ объ умерщвленіи одного изъ трибуновъ, Кн. Генуція (473), съ цѣлью политическою. И несмотря на всѣ подобныя колебанія, плебеи все же начинаютъ мало-по-малу пріобрѣтать бо́льшее и бо́льшее значеніе. Особенно важенъ 471 годъ въ исторіи развитія плебейскихъ вольностей Трибунъ *Публилій Волеро*, въ предшествующемъ году, внесъ такого рода предложеніе: плебейскія власти (т. е. народные трибуны и плебейскіе *эдилы* или полицеймейстеры) должны выбираться въ собраніяхъ плебеевъ по округамъ, въ *comitia tributa*, а не въ куріяхъ, гдѣ перевѣсъ вліянія былъ всегда на сторонѣ патриціевъ. Въ 471 году, когда Волеро былъ вновь выбранъ въ трибуны, ему удалось провести этотъ законъ. Несмотря на это, однакоже, общее положеніе дѣлъ было неутѣшительно, потому что патриціи со своимъ консуломъ и плебеи съ трибунами относились другъ къ другу враждебно и эта внутренняя усобица должна была, конечно, въ значительной степени ослаблять государство по отношенію къ его внѣшней политикѣ.

Внѣшніе враги.

Въ этой внѣшней политикѣ, въ послѣднія 40 лѣтъ, протекшія со времени паденія царской власти, Римъ значительно отсталъ. Все, что мы знаемъ объ этихъ внѣшнихъ сношеніяхъ, основывается на сказаніяхъ, которымъ нельзя довѣрять въ подробностяхъ, но, въ общемъ, ходъ этой внѣшней политики прослѣдить не трудно. Опаснѣйшимъ врагомъ являются *Этруски* на сѣверѣ, и, по преданіямъ, мы знаемъ о весьма опустошительномъ походѣ этого народа, подъ предводительствомъ царя Ларса Порсэны изъ Клузіума, въ связи съ попытками возстановленія царской власти въ пользу Тарквинія. Какъ ни стараются преданія выставить на видъ различные геройскіе подвиги, совершенные римскими воинами, не оказывается, однакоже, ни малѣйшей возможности скрыть то тяжкое пораженіе, которое тогда было нанесено Риму; торжествующій врагъ довелъ побѣжденный имъ городъ даже до такого униженія, что римляне должны были обязаться не употреблять желѣзо ни на что иное, кромѣ земледѣльческихъ орудій. Однакоже, это преобладаніе Этрусковъ въ Лаціумѣ было непродолжительно; наступило время великаго столкновенія между Востокомъ и Западомъ, выразившагося въ персидскихъ войнахъ, и исходъ этихъ войнъ отразился до нѣкоторой степени и на этихъ отдаленныхъ западныхъ странахъ. Въ то же самое время, когда у аттическихъ береговъ персидская армада потерпѣла пораженіе при Саламинѣ (480), карѳагенское войско было разбито при Гимерѣ въ западной Сициліи арміею знаменитаго сиракузскаго тиранна Гелона. Это пораженіе карѳагенянъ навлекло грозу и на ихъ союзниковъ, Этрусковъ, и наслѣдникъ Гелона, Гіеронъ, шесть лѣтъ спустя, одержалъ большую побѣду при Кимэ надъ этрусскимъ флотомъ (474). Около того же времени и римляне начали вести на сушѣ войну

противъ самаго южнаго изъ этрусскихъ городовъ, могущественнаго г. *Вейи*—войну, которая, среди всякихъ случайностей и прерываемая временными перемиріями, длилась очень долго. Одновременно съ этой войной, изъ года въ годъ, упоминается о непрерывной борьбѣ противъ *Сабинянъ* и *Эквовъ*, производившихъ хищническіе набѣги изъ-за горъ, съ востока, и противъ *Вольсковъ* на югѣ (племенъ между собою родственныхъ); эти часто повторявшіеся набѣги, вѣроятно, не представляли собою ничего особенно важнаго, и война противъ вольсковъ тоже долго тянулась безъ всякихъ рѣшающихъ событій. Эта постоянная борьба привела къ тому, что римляне, Латиняне и небольшое племя Герниковъ заключили между собою тѣсный оборонительный союзъ для отпора общаго врага (493—486); но при этомъ Римъ вовсе не занималъ того преобладающаго и гордаго положенія, какое приписывается римскими преданіями послѣднему изъ потомковъ царей въ его отношеніяхъ къ Латинянамъ. Сверхъ того, эти нескончаемыя войны доставили политическимъ партіямъ въ Римѣ полнѣйшую возможность къ обоюднымъ обвиненіямъ и подозрѣніямъ, и внушили, наконецъ, государственнымъ людямъ и патріотамъ мысль о необходимости такъ или иначе покончить несчастную распрю внутреннюю, которая выражалась съ одной стороны въ дѣятельности консуловъ, съ другой—въ дѣятельности трибуновъ.

Законы 12 таблицъ. Дѣятельность Валерія и Горація. 449.

Сообразно съ такимъ настроеніемъ умовъ, трибунъ *Терентилій Гарса*, въ 462 г., внесъ предложеніе, по которому консульскую власть надлежало опредѣлить или ограничить прочными законами. Послѣ небольшого замедленія, Сенатъ уступилъ этому требованію, и послѣ нѣкоторыхъ пріуготовительныхъ мѣръ были избраны изъ числа патриціевъ *десять мужей* (децемвиры); они-то и должны были создать писанный законъ, на основаніи котораго страна могла бы быть управляема (451). Цѣль этого мѣропріятія, повидимому, заключалась въ томъ, чтобы устранить весьма опасныхъ для общественнаго спокойствія народныхъ трибуновъ и, вмѣсто ихъ, дать плебеямъ прочныя ручательства законной свободы, выраженныя въ точно-опредѣленномъ и ненарушимомъ законѣ, который былъ бы одинаково обязателенъ для всѣхъ представителей власти. Но попытка эта не удалась. Децемвиры сначала очень ревностно принялись за выполненіе своей задачи, и въ теченіе года, на десяти таблицахъ, нанесли облеченныя въ законную форму опредѣленія различныхъ вопросовъ права—сюда входили и законы о торговлѣ, и наказанія за воровство, за ростовщичество, за лжесвидѣтельство, волшебство, преступленія противъ личности и имущества. Но въ средѣ децемвировъ, едва-ли не умнѣйшимъ изъ всѣхъ, былъ *Аппій Клавдій*, который задумалъ воспользоваться данною ему и его товарищамъ властью въ смыслѣ противуположномъ воззрѣніямъ плебеевъ—такъ по крайней мѣрѣ изображаютъ намъ это позднѣйшіе историки—и такимъ образомъ дѣло, затѣянное ради примиренія партій, привело къ еще худшему раздору. Рѣзкими чертами передаютъ дошедшіе до насъ разсказы извѣстную исторію свободной римлянки, *Виргиніи*, дочери одного весьма извѣстнаго плебея и невѣсты бывшаго народнаго трибуна Иціллія, которая имѣла несчастіе понравиться Аппію Клавдію; Виргинія, по этимъ разсказамъ, при посредствѣ жестокаго судейскаго приговора, была отдана

во власть одного изъ кліентовъ Аппія Клавдія, заявившаго на нее свои права, какъ на родную дочь; отецъ ея, вызванный изъ военнаго стана, напрасно старался противиться этой несправедливости, и видя, что у него обманомъ отнимаютъ дочь, рѣшился вонзить ей ножъ въ сердце, чтобы избавить ее отъ позора. Далѣе, изъ тѣхъ же разсказовъ узнаемъ, что войско, услышавъ о случившемся, вернулось изъ лагеря въ Римъ и заняло Авентинскій холмъ (крайній изъ юго-западныхъ римскихъ холмовъ), въ 456 г., какъ полвѣка назадъ занимало оно Священную гору. Какъ бы то ни было, ясно одно, что попытка замѣны трибунства писаннымъ закономъ привела къ полной неудачѣ и закончилось катастрофой. Аппій Клавдій лишилъ себя жизни въ темницѣ, а консулы *Л. Валерій* и *М. Горацій*, благорасположенные къ народу, въ 449 году, пришли, наконецъ, къ такому соглашенію, которое было несомнѣнно весьма выгоднымъ для плебеевъ. Выработанные децемвирами законы *12 таблицъ* были утверждены, но и должность трибуновъ также сохранена, и сверхъ того, по законамъ Валерія и Горація, было опредѣлено, что не могъ быть избранъ такой сановникъ, котораго приговоры не подлежали бы провокаціи предъ лицомъ народа. И власть консульская въ это же время была ограничена тѣмъ, что для управленія военною кассою на будущее время были приставлены *два квестора* или казначея, кромѣ двоихъ, уже прежде приставленныхъ къ управленію остальными финансами; и этихъ квесторовъ велѣно было избирать въ комиціяхъ по трибамъ. Трибуны же не только уцѣлѣли, но еще получили новыя права, или, лучше сказать, все то, что они присвоили себѣ произвольно, было теперь узаконено: и никто уже, послѣ попытки, кончившейся такъ неудачно, не дерзалъ болѣе колебать это учрежденіе. Сверхъ того, по закону, проведенному трибуномъ Иціліемъ, было постановлено, что удаленіе плебеевъ на Авентинскій холмъ никому не должно быть поставлено въ вину (449).

Дальнѣйшіе успѣхи плебеевъ.

Такимъ образомъ, борьба между сословіями была рѣшена, но она еще не была окончена. Патриціи еще пытались нѣкоторое время продолжать ее всякими мелочными способами. Тогда плебейская аристократія (а таковая давно уже явилась рядомъ съ патриціанскою въ Римѣ), теперь пользовавшаяся властью трибуновъ какъ орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей, стала добиваться того, чтобы консульство было доступно и для плебеевъ. Патриціи, однакоже, отклонили это требованіе; въ томъ же 445 г. — въ которомъ *закономъ Канулея* разрѣшены были браки между патриціями и плебеями — патриціи провели другую мѣру: ежегодно, вмѣсто консуловъ, положили выбирать неопредѣленное число *военныхъ трибуновъ* съ консульскою властью, и до самаго 400 г. съумѣли, при помощи своего вліянія, добиться того, что въ эту должность почти исключительно выбираемы были патриціи. Сверхъ того, они старались ослабить власть этихъ трибуновъ еще инымъ способомъ: часть консульскихъ обязанностей — изготовленіе списковъ для пополненія войска и собиранія податей — они обратили въ особую должность, возложивъ эту обязанность на *цензоровъ* (443 г.), которые могли быть избираемы только изъ патриціевъ; иногда они прибѣгали даже и къ открытому насилію, какъ, напр., 439 г., когда начальникъ всадниковъ, диктаторъ Л. Квинкцій Цинциннатъ, закололъ на форумѣ

одного изъ благодѣтелей народа, подъ предлогомъ его виновности въ государственной измѣнѣ.

Но въ послѣдующую эпоху всѣ эти противоположенія — хотя они и выказывались при каждомъ избраніи должностныхъ лицъ, при каждомъ общегосударственномъ предпріятіи и по римскому обычаю находили себѣ внѣшнее выраженіе въ подробностяхъ одежды и этикета — стали относительно менѣе замѣтными, потому что на первый планъ выдвинулись задачи и событія внѣшней политики. Борьба съ Сабинянами, Эквами и Вольсками, въ особенности же съ двумя послѣдними народами, закончилась несомнѣннымъ преобладаніемъ Рима, которое потомъ ощутительно выразилось и въ отношеніи къ союзнымъ Латинянамъ и Гернпкамъ; и, наконецъ, окрѣпнувшая мощь народа съ возрастающею рѣшимостью была направлена противъ сосѣдственной *Этруріи*. Въ 435 г. былъ разрушенъ городъ Фиденэ—единствен-

Этрусскій саркофагъ, найденный въ Кьузи, нынѣ въ Этрусскомъ Музеѣ во Флоренціи.

На этомъ саркофагѣ видимъ въ благородномъ одѣяніи изображеніе самой покойной. Самый саркофагъ любопытенъ для насъ не столько по своей двойной этрусской надписи, сколько тѣмъ, что въ немъ были отысканы данныя для приблизительнаго опредѣленія времени сооруженія его, а это при бо́льшей части этрусскихъ древностей оказывается невозможнымъ. Дѣло все въ томъ, что внутри саркофага, кромѣ костей и другихъ предметовъ, былъ отысканъ римскій *асъ*. По этой монетѣ можно заключить, что саркофагъ былъ воздвигнутъ около половины II в. до Р. Х. Онъ такъ превосходно сохранился, что даже краски, оттѣнявшія орнаменты на немъ, оказались при открытіи саркофага лишь немного поблѣднѣвшими. Формы почти исключительно греческія, и это произведеніе искусства служитъ яснымъ доказательствомъ всеобщаго распространенія греческаго искусства въ Этруріи во II вѣкѣ до Р. Х. Замѣчательна въ этомъ и другихъ саркофагахъ сравнительно большая длина нижней части тѣла въ фигурѣ.

ный этрусскій городъ на правомъ берегу *Тибра;* въ 427 г. центуріальныя комиціи рѣшили возобновить войну противъ г. *Вейи:* и еще разъ заключено было перемиріе на 20 лѣтъ; но, по истеченіи его въ 407 г., война противъ этого главнаго города южной Этруріи была ведена рѣшительно и смѣло.

Паденіе могущества этрусковъ. Взятіе г. Вейи.

О внутреннемъ бытѣ этого многочисленнаго народа въ разсматриваемую нами эпоху, да и вообще, извѣстно лишь очень немногое. Ни одинъ изъ писателей, на которыхъ основывается наше знаніе римской исторіи, ничего не смыслитъ въ ихъ языкѣ, и во всей римской литературѣ не осталось отъ него ни малѣйшаго слѣда: — ясное доказательство того, какъ чужда была народность этрусская итало-сабелльскому и греческому племени. Многочисленные города Этруріи, среди которыхъ важнѣйшими были *Вейи* на Ю. и *Клузіумъ* на С., составляли между собою нѣчто въ родѣ союза; выборные отъ всѣхъ этихъ городовъ люди собирались на совѣщанія при одномъ святилищѣ на Вадимонскомъ озерѣ. Но мы знаемъ, что при этихъ собраніяхъ прежде всего, обычно, поднимался вопросъ — устоитъ-ли союзъ этрусскихъ городовъ въ случаѣ нападенія, напр., римлянъ на Вейи; и изъ подобнаго вопроса можемъ заключить, что связь между городами была слабою и ненадежною. Весьма легко можетъ быть, что, въ то время, какъ римляне напирали съ Ю., этруски, избалованные и изнѣженные своимъ благосостояніемъ, уже вынуждены были обращать взоры на С., откуда имъ грозилъ еще гораздо болѣе страшный врагъ, съ которымъ намъ вскорѣ придется ознакомиться. Какъ бы то ни было, но г. Вейи не былъ поддержанъ остальными городами и вполнѣ предоставленъ на произволъ судьбы, въ надеждѣ на толстыя стѣны и крѣпкую его позицію (городъ лежалъ на скалѣ, между двухъ рѣчекъ, которыя сливались передъ городомъ). Десять лѣтъ подъ-рядъ городъ отбивался отъ нападенія римлянъ; однакоже, на этотъ разъ римляне рѣшились довести дѣло до конца. Въ этой войнѣ римляне являются намъ уже не тѣмъ народомъ, какимъ мы знали ихъ прежде,—они уже проникнуты сознаніемъ своего государственнаго значенія, и это мощно-развитое сознаніе нашло себѣ выраженіе въ сильной личности патриція *М. Фурія Камилла*, избраннаго въ 396 г. до Р. Х. въ диктаторы, дабы нанести послѣдній ударъ уже потрясенному городу. При этомъ мы случайно узнаемъ, какъ ничтожны были прежнія войны и прежнее пониманіе государственныхъ задачъ, такъ какъ въ этотъ 396 г. войско римское впервые не было распущено по домамъ въ концѣ лѣта, а и всю зиму продержано въ полѣ, слѣдовательно, и война продолжена была до окончательнаго взятія города въ томъ же году.

Побѣдитель Камиллъ удостоенъ былъ весьма торжественнаго тріумфа при въѣздѣ въ Римъ, и та богатая добыча, которую Римъ пріобрѣлъ по окончаніи этой десятилѣтней войны, была наименьшею изъ выгодъ побѣды. Дѣло въ томъ, что *завоеваніе южной Этруріи* было первымъ шагомъ на пути величавой и смѣлой политики, хотя и нельзя сказать, чтобы Римъ, захвативъ оба берега низовьевъ Тибра и продвинувъ свою сѣверную границу до Циминскаго лѣса, преступилъ линію мудрой и прозорливой *политики оборонительной*. Уже приспѣло время для образованія сильной государственной общины въ срединѣ итальянскаго полуострова, такъ какъ ему уже давно грозило тяжкое бѣдствіе, которое и разразилось нѣсколько лѣтъ спустя послѣ паденія г. Вейи— въ видѣ нашествія *Кельтовъ* (или Галловъ—*Гаэль*, какъ они себя называли).

Во времена, лежащія за предѣлами всякихъ историческихъ воспоми- Галлы.
наній, это племя переселилось въ Европу изъ Азіи, заняло крайній Западъ, собственно Галлію, Британскіе острова и часть Испаніи. Въ прекрасной Галліи, которая отъ нихъ и получила свое имя, населеніе вскорѣ разрослось настолько, что ему стало тѣсно, и Кельты стали мало-по-малу перебираться за горную преграду, отдѣлявшую ихъ отъ сѣверной Италіи. По самому характеру своему болѣе склонные къ войнѣ и тревогѣ, нежели къ спокойному и терпѣливому труду земледѣльца, они давно уже обращали взоры на югъ, въ ту страну, изъ которой этрусскіе и греческіе торговцы вывозили нѣжные плоды и крѣпкія вина, а равнина, простирающаяся по берегамъ рѣки По, давно уже соблазняла это пастушеское племя своими богатыми пастбищами. И вотъ, съ 400 г. до Р. Х. началось это новое переселеніе кельтовъ изъ-за Альпъ: толпа за толпою надвигались эти дикари, мощные силою, непреодолимо-храбрые, необузданные, какъ варвары, въ проявленіи своихъ бурныхъ страстей. Вскорѣ они овладѣли городомъ *Мельпумъ* въ Этруріи, ближайшимъ къ ея сѣверной границѣ; потомъ захватили всю равнину р. По, вытѣснили отсюда Этрусковъ, наконецъ, перешли рѣку, и одно изъ кельтійскихъ племенъ, *Зеноны*, подъ начальствомъ одного князька или «бренна» явилось подъ стѣнами *Клузіума*, могущественнѣйшаго города на с.-в. Этруріи (390). Повидимому, въ Римѣ не сообразили, какъ велика была надвигавшаяся опасность и въ какой степени она была уже близка. Когда жители Клузіума стали просить римлянъ о помощи или по крайней мѣрѣ о посредничествѣ (вотъ въ какой степени уже успѣло въ это время возрасти значеніе Рима!), римскій Сенатъ рѣшилъ отправить пословъ: плохое средство для предупрежденія опасности, если бы даже послы, вопреки международному праву, и не приняли (какъ о томъ разсказываютъ) участія въ битвѣ съ варварами и тѣмъ не подали имъ повода, покинувъ Клузіумъ, непосредственно двинуться къ Риму.

Это произошло такъ быстро, что въ Римѣ даже не успѣли надлежа- Галлы въ Римѣ. 390 г.
щимъ образомъ изготовить войско; къ тому же у войска не было настоящаго вождя, такъ какъ Камиллъ, — жертва все еще продолжавшагося раздора партій, — находился въ изгнаніи, въ Арденѣ. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Рима, при ручьѣ *Аллія*, римское войско сошлось съ Галлами. Вооруженные римскіе граждане и селяне, составлявшіе римское ополченіе, еще не имѣли понятія о войнѣ съ этими кельтійскими дикарями, и потому, когда тѣ, съ оглушительнымъ крикомъ, при рѣзкомъ звукѣ своихъ боевыхъ роговъ, яростно устремились впередъ — паническій страхъ напалъ на римлянъ; ряды ихъ войска разстроились и большая часть ихъ искала спасенія въ бѣгствѣ, открывая непріятелю путь къ Риму. Въ Римѣ воспользовались тѣмъ краткимъ промежуткомъ времени, въ теченіе котораго Галлы, упоенные побѣдой, грабили, что могли, и, по обычаю своему, отрѣзали головы убитымъ; приняты были быстрыя и рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы все населеніе Рима и его святыни переправить за Тибръ и укрѣпить для обороны капитолійскій холмъ, такъ какъ весь остальной городъ невозможно было удержать за собою. И дѣйствительно, Галлы-побѣдители вскорѣ подошли къ городу, вступили въ него и принялись изби-

вать все, что тамъ еще было живого. Преданія римскія, не имѣя возможности отрицать страшный фактъ завоеванія Галлами города, впослѣдствіи столь знаменитаго, стараются украсить это печальное событіе разсказами объ отдѣльныхъ проявленіяхъ геройства гражданъ римскихъ. Весьма вѣроятно, что Галлы и дѣйствительно дѣлали попытки овладѣть Капитоліемъ въ видѣ открытаго штурма или ночного внезапнаго нападенія, и что бдительные и храбрые стражи его, подобные *М. Манлію*, при этомъ совершили подвиги, спасшіе Капитолій; еще болѣе вѣроятно то, что не замедлили собрать на правомъ берегу Тибра всѣхъ, кто способенъ былъ владѣть оружіемъ, и что Камиллъ при этомъ оказалъ незабвенныя услуги; можетъ-быть, даже и дѣйствительно ему вручена была диктаторская власть, подтвержденная правительствомъ и «народомъ римскимъ», осажденнымъ въ Капитоліи. Но въ сущности оказывается, что Галлы и не думали основаться въ Римѣ, и, пробывъ нѣкоторое время среди развалинъ полуразрушеннаго города, да пострадавъ отъ лихорадки въ нездоровые осенніе мѣсяцы, весьма охотно дали себя склонить къ удаленію изъ Рима. Тѣ, что засѣли въ Капитоліи, уже были близки къ концу своихъ запасовъ (по позднѣйшимъ разсказамъ), тоже весьма легко согласились отвѣсить имъ ту денежную сумму, какой Галлы требовали въ видѣ окупа, и дикари, захвативъ свое золото, удалились на С., въ долину р. По, куда и безъ того уже вынуждало ихъ двинуться вторженіе еще одного народа, Венетовъ, надвинувшихся съ сѣверо-востока (390).

Освобожденный Римъ.

Это было тяжкое испытаніе, глубоко запечатлѣвшееся въ народной памяти, тѣмъ болѣе, что оно такъ неожиданно и внезапно обрушилось на Римъ. И особенно тяжкимъ являлось одно изъ послѣдствій погрома: погибъ при этомъ не только старый городъ, но и вся его древнѣйшая исторія развѣяна была прахомъ. Когда вновь проснулась въ народѣ страсть къ историческому изслѣдованію, къ изученію старины—въ обновленномъ городѣ уже немного оказалось внѣшнихъ признаковъ этой старины, еще менѣе лѣтописей, старыхъ зданій и иныхъ памятниковъ прошлаго; чтобы возстановить о немъ воспоминаніе, приходилось прибѣгать въ значительной степени къ вымыслу или къ поверхностнымъ соображеніямъ, либо опираться на весьма двусмысленную помощь греческихъ разсказчиковъ, которые не столько заботились объ изслѣдованіи дѣйствительно случившагося, сколько о гладкомъ изложеніи занимательныхъ повѣствованій. А тутъ, при этомъ галльскомъ погромѣ, представлялось столько чертъ для богатой исторической картины: — Галламъ отвѣшиваютъ золото позорнаго окупа, среди развалинъ города; но варвары взвѣшиваютъ неправильнымъ вѣсомъ и римляне жалуются на это; тогда галльскій «бреннъ» еще бросаетъ свой громадный мечъ на чашку вѣсовъ, дабы и онъ былъ уравновѣшенъ золотомъ, и тотъ возгласъ: «горе побѣжденнымъ!» который тутъ впервые раздался, сдѣлался однимъ изъ наиболѣе понятныхъ возгласовъ для всѣхъ позднѣйшихъ временъ и народовъ. Но римскіе боги не могутъ потерпѣть, чтобы столь ужасное совершалось безнаказанно: раздается звукъ воинскихъ трубъ, Камиллъ приближается съ собраннымъ имъ войскомъ и разбиваетъ враговъ на развалинахъ самого города, который этою побѣдою искупленъ отъ позора. Такъ гласитъ позднѣйшее римское преданіе; но

трезвая правда гласитъ иное: галлы вполнѣ разумно приняли золото, которое также разумно было имъ предложено римлянами, или можетъ-быть наоборотъ: галлы предложили покинуть Римъ, если имъ будетъ выплачена опредѣленная сумма, и римляне на это охотно согласились. Во всякомъ случаѣ, этотъ погромъ италійскаго города — который мало-по-малу начиналъ уже привлекать къ себѣ вниманіе даже и со стороны греческихъ городовъ—надѣлалъ много шума. То было первое событіе изъ римской исторіи, о которомъ узнали современные греки или ихъ ближайшіе потомки: «эллинскій городъ Римъ взятъ и разоренъ войскомъ варваровъ, пришедшимъ изъ странъ Гиперборейскихъ».

Значеніе Рима въ Италіи.

Однакоже, вынесенное Римомъ опустошеніе не коснулось собственно жизненныхъ корней римскаго возникающаго могущества. Первое смущеніе, глубокое уныніе возвращавшагося въ Римъ населенія, при видѣ развалинъ города, выразилось въ отчаянномъ намѣреніи—покинуть городъ и переселиться въ Вейи, которое едва-ли было подвергнуто серьезному обсужденію, да и не заслуживало того: жизнь народная проявляется не въ одномъ только нынѣ живущемъ поколѣніи, но и въ предшествующемъ ему, и въ послѣдующемъ. Главное пріобрѣтеніе послѣдняго десятилѣтія, завоеванная Римомъ южная Этрурія, оставалась неприкосновенною собственностью Рима, и только тутъ, впервые, римляне сознали истинное значеніе Рима по отношенію ко всей остальной Италіи, и поняли, что главною задачею является созданіе такого оплота, который бы могъ защитить Италію отъ дальнѣйшихъ хищническихъ и опустошительныхъ набѣговъ галльскихъ. Въ южной Этруріи были заложены двѣ крѣпости—*Сутріумъ* (383) и немного позднѣе *Непетъ*, а вся страна, до самаго Циминскаго лѣса, была раздѣлена на четыре новые гражданскіе округа или трибы. Мѣстныя попытки возстанія были суровыми мѣрами подавлены, а въ 351 г., еще самостоятельною Этруріею, заключенъ мирный договоръ—по этрускому обычаю на 400 мѣсяцевъ. О ближайшихъ событіяхъ, послѣдовавшихъ непосредственно за галльскимъ погромомъ, извѣстно лишь очень немногое. Наиболѣе важно то, что М. Фурій Камиллъ вновь выдвинулся на первый планъ и что правительственная власть, все еще главнѣйшимъ образомъ находившаяся въ рукахъ патриціевъ, на время опять стянула бразды правленія, что можетъ-быть было даже и необходимо послѣ событій 390 года. Противъ этого возсталъ М. Манлій, прославившійся во время обороны Капитолія *). Разсказъ о томъ, какъ онъ возбуждалъ плебеевъ къ перевороту и отчаянной борьбѣ противъ консульства и диктаторской власти, какъ онъ былъ схваченъ, объявленъ государственнымъ измѣнникомъ и свергнутъ съ Тарпейской скалы — все это не болѣе, какъ отголосокъ бурнаго періода борьбы и волненій, который однакоже скоро миновалъ и уступилъ мѣсто правильной работѣ законныхъ властей.

Законы Лицинія и Секція. Конецъ борьбы между сословіями.

Вожди плебейской оппозиціи тоже не дремали. Они направили всѣ усилія къ тому, чтобы проложить и плебеямъ путь къ достиженію высшей

*) Имя его было извѣстно и въ Греціи, точно такъ же, какъ и совершенный имъ подвигъ. О немъ упоминаетъ и Аристотель.

должности въ республикѣ, а также и къ упорядоченію вопроса объ общественныхъ земляхъ (ager publicus); къ послѣднему въ особенности побуждало ихъ значительное расширеніе государственной территоріи вслѣдствіе завоеваній въ Этруріи, а съ другой стороны возрастающая нужда и задолженность средняго сословія, вслѣдствіе галльскаго погрома. Вождями народа въ этой послѣдней борьбѣ сословій явились два трибуна (377) *К. Лициній Столонъ* и *Л. Сексцій Латеранъ*. Они представили на усмотрѣніе правительства три предложенія, изъ коихъ первое имѣло цѣлью — оказать немедленную помощь невыносимому бѣдствію, другое — прочно искоренить зло на будущее время, а третье — окончательно прекратить борьбу сословій обоюднымъ соглашеніемъ. Первое предложеніе заключалось въ томъ, чтобы «уплаченные уже должниками проценты были вычислены изъ капитальной суммы долга, а уплата капитала производилась бы въ опредѣленные сроки»; второе—въ томъ, «чтобы участки, занимаемые частными лицами или уже занятые ими на «общественной землѣ», не превышали бы 500 югеровъ, а излишекъ этой земли былъ бы подѣленъ между нуждающимися плебеями»; третье касалось «уничтоженія должности военныхъ трибуновъ, при чемъ предлагалось возвратиться къ правильнымъ ежегоднымъ выборамъ двухъ консуловъ, изъ которыхъ *одинъ* долженъ быть постоянно избираемъ изъ плебеевъ, и *одинъ* изъ патриціевъ». Еще разъ дѣло дошло до жестокой борьбы: много разъ передовой боецъ патриціевъ, старый Камиллъ, былъ избираемъ диктаторомъ, чтобы совладать съ разбушевавшимися волнами народныхъ страстей; съ другой стороны и плебеи изъ года въ годъ выбирали обоихъ ходатаевъ своихъ въ трибуны. Наконецъ, послѣ десятилѣтней упорной борьбы, плебеи одержали побѣду. Сенатъ согласился на предложенія, и одинъ изъ обоихъ трибуновъ, Л. Сексцій, знатный плебей, былъ первымъ плебейскимъ консуломъ (367).

Государственное устроиство (350 г.).

Такимъ образомъ борьба сословій была покончена, насколько, вообще, могутъ быть покончены такія противуположенія, лежащія въ самой природѣ вещей и въ основѣ историческихъ отношеній. Временныя отмѣны завоеваннаго права не могли уже имѣть важнаго значенія: такъ, напр., случилось, что однажды патриціямъ удалось-таки провести обоихъ консуловъ изъ своего сословія; затѣмъ изъ обязанности консульской была выдѣлена еще одна новая должность: двумъ *преторамъ* изъ патриціевъ предоставленъ былъ надзоръ за судебными учрежденіями (367), а къ эдиламъ изъ плебеевъ присоединены были двое *курульскихъ* или патриціанскихъ торговыхъ старостъ... Но все это не имѣло никакого существеннаго значенія:—послѣ того, какъ самое консульство стало доступно для плебеевъ, мудрено-ли было имъ добиться должности претора или цензора? Храмъ Согласія воздвигнутъ былъ на Форумѣ *), и полное единеніе между сословіями установилось и окончательно окрѣпло въ тѣхъ испытаніяхъ послѣдующихъ годовъ, которыя были отмѣчены страшными эпидеміями и хищническими набѣгами галловъ.

Эти набѣги уже не представляли въ данное время серьезной опас-

*) Говорятъ, что самъ старецъ Камиллъ участвовалъ въ его освященіи.

ности: напротивъ того, при случаѣ этихъ набѣговъ, римская республика представлялась именно передовымъ оплотомъ противъ варварства. Римъ въ это время оказывался уже далеко опередившимъ всѣ остальные государственные центры, основанные великимъ умбро-сабелльскимъ племенемъ. Здѣсь уже установился непоколебимый политическій строй, рѣдкій въ тогдашнемъ историческомъ мірѣ, и если гдѣ устанавливался подобный же, то не иначе, какъ цѣною стѣсненія свободы; здѣсь же этотъ строй и порядокъ былъ установленъ не мощнымъ монархомъ или тираномъ, при посредствѣ постоянной военной силы, а созданъ самимъ народомъ, который ежегодно выбиралъ свои должностныя лица въ комиціяхъ, и не обсуждалъ проекты законовъ въ общественныхъ собраніяхъ (какъ это было въ въ Аѳинахъ), а торжественно и сознательно принималъ ихъ или отрицалъ, послѣ того, какъ они нѣкоторое время были уже обнародованы во всеобщее свѣдѣніе. Самыя должностныя лица въ Римѣ и въ особенности высшія, какъ, напримѣръ, консулы, строго придерживались закона, — писаннаго права страны,—но они вовсе не были слугами государства—какъ явствуетъ изъ самаго названія «*Magistratus*» (повелѣвающій) — были полными господами въ государствѣ въ теченіе того времени, на которое они были избраны, и къ отвѣтственности могли быть привлечены только тогда, когда истекалъ срокъ ихъ полномочій. Особеннымъ счастіемъ для этого государства было то, что переворотъ, устранившій пожизненность и единоличность высшей государственной власти, не коснулся силы и значенія самого правительственнаго начала. Въ высшей степени характернымъ и полнымъ значенія было то, что даже внѣшніе признаки и вся обстановка высшей власти остались тѣ же, что были издревле: тѣ же связки прутьевъ со вложеннымъ въ нихъ топоромъ — символъ власти надъ жизнью и смертью — въ рукахъ тѣхъ же ликторовъ, составлявшихъ свиту консуловъ и другихъ высшихъ чиновниковъ. Когда они появлялись въ народѣ,

Ликторы съ колонны Марка Аврелія въ Римѣ.

передъ ними всюду шествовали одинъ за другимъ 12 ликторовъ со своими пучками (fasces) въ рукахъ. И даже это вполнѣ одинаково способствовало тому, чтобы въ римскомъ народѣ поддержать совсѣмъ иной взглядъ на власть, нежели въ городахъ греческихъ: здѣсь сила государства была настолько велика, что передъ нею исчезала и стиралась въ ничто воля каждаго частнаго лица, а воля государства по временамъ находила себѣ завѣтное и убѣдительнѣйшее выраженіе въ диктатурѣ. Изъ всѣхъ государственныхъ учрежденій Рима, *Сенатъ*, въ особенности, убѣждалъ гражданъ римскихъ въ прочности, неизмѣнности и непоколебимости ихъ государственнаго устройства. Это государственное учрежденіе было самымъ старымъ изъ всѣхъ и оставалось неизмѣннымъ среди всѣхъ общественныхъ переворотовъ и новшествъ; члены, засѣдавшіе въ немъ, были пожизненными, знатными, независимыми, и въ полномъ составѣ своемъ они съумѣли въ двоякомъ смыслѣ вызвать въ народѣ уваженіе къ Сенату. Съ одной стороны они никогда не поддавались тотчасъ искательствамъ народа и, напротивъ того, мужественно и твердо противились каждому нововведенію; съ другой стороны, однакоже, они никогда не противились настолько, чтобы вынудить народъ къ открытому насилію и вызвать его къ революціоннымъ движеніямъ. Даже и та перемѣна въ государственномъ устройствѣ, которая была произведена Лициніемъ и Секстіемъ, прошла такъ, что уваженіе къ Сенату осталось непоколебленнымъ: каждому честолюбивому патріоту былъ теперь открытъ путь къ высшимъ должностямъ государственнымъ и, тѣмъ самымъ, обезпечено мѣсто въ Сенатѣ. Искусство управленія кормиломъ государственнымъ распространилось въ средѣ обширнаго аристократическаго (патриціанскаго и плебейскаго) слоя именитыхъ семействъ, стоявшихъ во главѣ государства; для каждаго государственнаго дѣла были теперь готовы храбрые, свѣдущіе, патріотическіе дѣятели, и вся эта разнообразная сила была соединена въ одномъ большомъ городскомъ центрѣ, какъ въ общемъ очагѣ.

Самнитскій народъ.

Вотъ въ какомъ положеніи были дѣла, когда въ 343 г. римская республика вступила въ борьбу съ родственнымъ народомъ *самнитскимъ*, наиболѣе сильнымъ и значительнымъ изъ племенъ Средней Италіи. Самниты занимали холмистую и гористую страну, пролегавшую между равнинами Кампаніи и Апуліи, а также и среднюю, наиболѣе возвышенную часть Аппенинскаго хребта, который тянется черезъ весь полуостровъ; ихъ территорія среднимъ и нижнимъ теченіемъ р. Лириса (нынѣ Гарильяно) отдѣлялась отъ территоріи римской, которая около этого времени уже простиралась отъ Циминскаго лѣса до мыса Цирцейскаго, и даже нѣсколько далѣе его. Масса воинственнаго и сильнаго самнитскаго народа, распадавшагося на извѣстное число независимыхъ племенъ, общинъ и волостей, жила простою жизнью всѣхъ горцевъ. Они не стремились сплотиться въ какое-нибудь политическое цѣлое или предпринять что-нибудь сообща: лишь отдѣльныя части самнитскаго народа, побуждаемыя къ тому нуждою или жаждою захвата земель и добычи, выполняли блестящія военныя предпріятія. Цѣлью ихъ походовъ обычно были расположенные на западномъ берегу Италіи старые и богатые этрусскіе и греческіе города. Такъ, въ 424 г., самниты отняли г. Капую у Этрусковъ, въ 420 г. захватили

г. Кумы у грековъ, между тѣмъ какъ другое племя, Луканы, побѣдоносно проникло въ область, занятую на югѣ Италіи греческими колоніями. Всюду Самниты весьма легко принимали обычаи побѣжденныхъ ими народовъ, но не къ выгодѣ послѣднихъ, которые быстро грубѣли—и характерными явленіями этого огрубѣнія являлись *наемничество въ военную службу* и *гладіаторство*, которое нигдѣ такъ не процвѣтало, какъ въ Кампаніи, гдѣ этрусско-греческая роскошь смѣшалась съ грубою воинственностью самнитскаго племени. Замѣчательно, что Самниты, спустившіеся съ горъ и поселившіеся въ завоеванныхъ ими городахъ, очень быстро начинали чуждаться своихъ земляковъ-горцевъ — даже вскорѣ вступали съ ними во враждебныя отношенія.

Капуя покоряется Риму. Первая Самнитская война (343—341).

Такое именно враждебное отношеніе Самнитовъ къ ихъ выродившимся землякамъ, выразившееся въ нападеніи на *Капую*, господствовавшую надъ прекраснѣйшею изъ равнинъ Италіи—привело къ столкновенію римлянъ съ Самнитами. Капуанцы послали въ Римъ пословъ, просить о помощи, и когда римляне медлили рѣшеніемъ, потому что до этого времени постоянно дружили съ Самнитами — послы капуанскіе предложили полное подчиненіе г. Капуи и всей его области римскому владычеству. Это вынудило римлянъ рѣшиться: римское правительство предложило Самнитамъ воздержаться отъ дальнѣйшихъ нападеній на Капую, отдавшуюся подъ покровительство Рима. Самниты, уже воевавшіе съ капуанцами, приняли римское посредничество за объявленіе войны, и отвѣчали на него новымъ ожесточеннымъ нападеніемъ на Капую. Тогда возгорѣлась *первая* война между римлянами и Самнитами, которая, однакоже, два года спустя (343—341) закончилась миромъ, при чемъ обѣ стороны удержали то, чѣмъ уже владѣли.

Война въ Лаціумѣ (340—338).

Пріобрѣтеніе Капуи было необычайно выгодно для Рима: не говоря уже о превосходной территоріи города, которая слыла «садомъ Италіи», Римъ и съ этой стороны пріобрѣталъ господствующее положеніе въ Лаціумѣ и во всей области Вольсковъ. А между тѣмъ, въ городахъ Лаціума, конечно, весьма хорошо помнили, что Римъ нѣкогда былъ городомъ, равнымъ со всѣми остальными старыми городами латинскаго союза, и даже въ договорѣ, заключенномъ въ консульство Спурія Кассія (493), Римъ никоимъ образомъ не былъ признанъ городомъ *господствующимъ*: напротивъ того, между Римомъ и союзными городами существовала полнѣйшая равноправность — и завоеванныя земли, и военную добычу дѣлили на равныя доли между всѣми городами. При этомъ и отношенія между Римомъ и союзниками, основанныя на равенствѣ интересовъ и на общемъ военномъ успѣхѣ, были наилучшими. Внутреннее устройство латинскихъ союзныхъ городовъ было сколкомъ съ римскаго, и аристократическій элементъ преобладалъ въ нихъ, какъ и въ Римѣ. Но когда опаснѣйшіе изъ общихъ враговъ союза, *Вольски*, были покорены (377 г.), тогда отношенія Рима къ союзникамъ измѣнились. Римское преобладаніе стало болѣе ощутительнымъ; возстанія отдѣльныхъ городовъ (Ланувій, Пренесты, Тускулума) были подавлены и самые города лишены самостоятельности; точно такъ же отнесся Римъ и къ Герникамъ, которые ранѣе (486) занимали третье мѣсто въ союзѣ (362—358), и тутъ ужъ Римъ сталъ стяги-

вать бразды: граница Лаціума была точно опредѣлена и союзническія отношенія сохранены только съ тридцатью старѣйшими городами. Договоръ 348 г., заключенный между Римомъ и г. Карѳагеномъ, въ Сѣверной Африкѣ, ясно опредѣляетъ современное положеніе Рима въ Италіи. Карѳагеняне обязуются не наносить никакого ущерба латинянамъ, состоящимъ въ зависимости отъ Рима; если бы случилось имъ овладѣть городомъ Лаціума, отпавшимъ отъ Рима, они обязуются возвратить его Риму нераззореннымъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ общемъ житьѣ-бытьѣ и въ частной жизни, и въ области правовыхъ отношеній—всѣ члены союза были совершенно равны и это естественно должно было навести латинянъ на мысль о такомъ видоизмѣненіи союзническихъ отношеній, которое было какъ бы продолженіемъ только что успокоенныхъ плебейскихъ волненій:—союзники пришли къ тому убѣжденію, что одинъ изъ консуловъ и половина сенаторовъ (составъ которыхъ могъ бы быть увеличенъ ради этой цѣли) должны были избираться изъ союзническихъ городовъ. Въ какомъ собственно видѣ представлялась имъ эта комбинація—мы этого не можемъ прослѣдить съ полною ясностью; но основная мысль, встрѣтившая вѣроятно наиболѣе сочувствія въ аристократическихъ кружкахъ союзническихъ городовъ, была сама по себѣ плодотворна и не лишена справедливости; мало того, въ этихъ кружкахъ должны были считать ее одинаково желательною и для той, и для другой стороны. Мысль эта была въ Римѣ заявлена посольствомъ и, какъ кажется, съ большою самоувѣренностью, такъ какъ было основаніе предполагать, что Римъ, въ виду предстоявшихъ ему военныхъ затрудненій, отнесется благосклонно къ доброму желанію своихъ ближайшихъ соплеменниковъ. Но предложеніе союзниковъ было въ Римѣ самымъ рѣзкимъ образомъ отвергнуто, именно потому, что римляне не хотѣли выказать себя вынужденными на него согласиться. Тогда города Лаціума возстали съ оружіемъ въ рукахъ и это опасное возстаніе нашло себѣ поддержку въ нѣкоторыхъ городахъ Вольсковъ и въ городѣ Капуѣ, которому тяжело показалось подчиненіе Риму. Борьба противъ латинянъ оказалась весьма тяжкимъ испытаніемъ военной готовности Рима, и разсказы, сохранившіеся отъ этого времени, ясно указываютъ намъ на то, что Риму не легко было пережить эту эпоху. Одинъ консулъ (340 г.) *Т. Манлій Торкватъ* приказываетъ казнить родного сына за то, что онъ, противъ приказанія, вступилъ въ единоборство съ однимъ изъ знатныхъ латинянъ; а другой—*П. Децій Мусъ*—посвятилъ себя даже «подземнымъ богамъ и Землѣ», чтобы одержать побѣду, за которую онъ заплатилъ жизнью. И дѣйствительно, та безусловная энергія въ выполненіи военныхъ приказаній и то громадное самоотверженіе, которыя выставляются въ вышеприведенныхъ разсказахъ о Манліи и Деціи — доставили римлянамъ возможность довольно быстро справиться съ врагомъ (340). Врагъ былъ совершенно истощенъ, такъ что не было уже болѣе надобности ни въ побѣдахъ, ни въ новыхъ войнахъ. Союзъ латинскихъ городовъ распался и, вмѣсто прежняго общаго союзнаго договора, Римъ заключилъ уже частные договоры съ отдѣльными городами, и притомъ еще такъ, что часть этихъ городовъ была введена въ составъ римскаго гражданства, съ иными было поступлено по

всей строгости военнаго права, другіе поставлены въ болѣе благопріятное отношеніе къ Риму; но всѣ они разрознены и лишены возможности дѣйствовать заодно. Въ то же самое время довершено полное покореніе городовъ въ области Вольсковъ и въ Кампаніи: города Фунди, Форміи, Капуя, Кимэ и др. получили «римское гражданство безъ правъ», т. е. должны были нести на себѣ всѣ тягости, налагаемыя закономъ на римскихъ гражданъ, и не пользоваться преимуществами ихъ. Въ то же самое время, въ важнѣйшіе пункты завоеванной территоріи (какъ, напримѣръ, въ *Анціумъ* и *Террацину*) были высланы римскія колоніи, которыхъ и вообще теперь явилось много во владѣніяхъ Рима, притомъ расположенныхъ по совершенно правильному стратегическому плану. Эти колоніи были не что иное, какъ укрѣпленія, и составляли, собственно, основныя точки опоры римскаго могущества. Граждане римскіе, заявившіе желаніе поселиться въ колоніи, являлись въ мѣсто назначенія вполнѣ организованными въ политическомъ и военномъ отношеніи; тамъ получали они одну треть мѣстныхъ земель, между тѣмъ какъ двѣ другія трети оставались во владѣніи мѣстныхъ жителей. По отношенію къ нимъ, колонисты, которые несли на себѣ всѣ обязанности и сохраняли всѣ права римскихъ гражданъ, получали нѣкоторое господствующее положеніе,— становились какъ-бы патриціями.

Самниты смотрѣли со стороны на это расширеніе и утвержденіе римскаго могущества, и ничего противъ Рима не предпринимали, да и не могли предпринять. Все вниманіе ихъ привлекали въ это время войны на югѣ. Тарентинцы для веденія войны противъ Луканцевъ пригласили было спартанскаго царя *Архидама*, который однакоже палъ въ томъ-же 338 году, когда на Херонейской равнинѣ рѣшена была участь Греціи. Затѣмъ начальство надъ наемными войсками богатаго Тарента принялъ на себя *Александръ Молосскій* (дядя Александра Великаго) и при Пэстумѣ нанесъ пораженіе соединеннымъ силамъ Самнитовъ и Луканцевъ. Онъ занялъ такое выдающееся положеніе въ Тарентѣ, что подъ конецъ вступилъ въ борьбу съ самими тарентинцами. Въ борьбѣ съ ними онъ и палъ (при Пандозіи, въ 332 г.). Италія ок. 338 г. до Р. Хр.

Смерть этого военачальника развязала руки Самнитамъ; но дѣло-то въ томъ, что въ немногіе годы, протекшіе со времени первой самнитской войны, Римское государство успѣло окрѣпнуть, пріобрѣсти первенствующее положеніе въ Средней Италіи; притомъ это было государство тѣсно сплоченное, всегда готовое къ войнѣ, и правительство римское имѣло полную возможность подтвердить на дѣлѣ каждое изъ своихъ распоряженій— а Самниты, попрежнему, оставались многочисленнымъ и храбрымъ народомъ, которому при всѣхъ его прекрасныхъ качествахъ все же недоставало единства въ дѣйствіяхъ и разумномъ руководствѣ. Однако же избѣжать новаго столкновенія съ Римомъ Самниты не могли. Основаніе города и заложеніе крѣпости *Фрегеллы* (на р. Лирисѣ, 328 г.) Самниты сочли дѣйствіемъ, прямо направленнымъ противъ нихъ. Но собственно поводомъ къ большой италійской войнѣ, которую называютъ *второй Самнитской* войной — послужило нападеніе на г. *Неаполисъ* въ Кампаніи, на которое самниты отвѣчали занятіемъ *Палеополиса*, другой,

старѣйшей части того же города, въ которой они помѣстили свой гарнизонъ.

Вторая Самнитская война. 326—304 г.

Эта большая война, охватившая всю Италію, длилась двадцать лѣтъ (326—304 г.), и римскіе историки совершенно справедливо смотрятъ на нее, какъ на героическое время своего народа, потому что тутъ римлянамъ пришлось грудью отстаивать все пріобрѣтенное ими въ предшествовавшіе вѣка и вновь бороться со всѣми, уже побѣжденными Римомъ, народами, за господство въ Италіи. До 314 года римлянамъ приходилось воевать только съ Самнитами, и притомъ съ перемѣннымъ счастьемъ. Въ народной памяти твердо сохранились громкія имена вождей этой войны, мощнаго воителя *Л. Папирія Курзора*, и смѣлаго, счастливаго полководца, изъ дома Фабіевъ, *К. Фабія Максима Рулліана*; удержалось въ ней и крупное имя самнитскаго вождя, *К. Понція*, и то, какъ онъ (въ несчастнѣйшій изъ годовъ этой долгой войны) заманилъ римское войско въ засаду, въ *Каудинскія* ущелья, вынудилъ положить оружіе, и безоружное заставилъ, по древне-италійскому обычаю, пройти подъ игомъ (jugum) — подъ копьемъ, положеннымъ поперекъ двухъ воткнутыхъ въ землю копій (321); помнили римляне также и то, что это позорное пораженіе было заглажено побѣдою Папирія, послѣ которой римляне завладѣли *Луцеріей* въ Апуліи. Война принимала громадные размѣры, и римскіе военачальники вели ее по чрезвычайно смѣлому плану, одновременно съ сѣверо-запада и юго-востока, охватывая Самніумъ съ двухъ сторонъ. Они уже были близки къ полной побѣдѣ, когда возстаніе этрусковъ дало возможность оправиться храбрымъ горцамъ. Но помощь пришла уже слишкомъ поздно: значительныя пораженія, нанесенныя этрускамъ при *Вадимонскомъ* озерѣ (310), при *Перузіи* (309), вынудили ихъ смириться. Отдѣльныя возстанія мелкихъ народцевъ, также упустившихъ благопріятное къ тому время (Марзовъ, Пелигновъ, Умбровъ, Герниковъ и Эквовъ), ужъ не могли сломить римскаго могущества; всѣ они были побиты, одинъ за другимъ; въ 305 г. взятъ былъ важнѣйшій городъ въ Самніумѣ, *Бовіанумъ*, расположенный въ неприступной горной мѣстности,—и Самниты, наравнѣ съ другими меньшими народами, должны были примириться со своей участью и преклониться передъ всесильною волею римскаго народа (304).

Третья Самнитская война. 298—290.

Когда римляне, желая воспользоваться плодами своей побѣды и утвердить за собою свои завоеванія, стали пролагать военныя дороги и ставить крѣпости въ завоеванной территоріи, храбрые горцы самнитскіе рѣшились еще разъ попытать счастіе и начали *третью* войну съ Римомъ (298—290). Они защищались отчаянно и еще разъ вывели въ поле многочисленное войско, съ которымъ соединились Этруски и Галлы. При *Сентинѣ*, въ Умбріи, произошло большое сраженіе (295); римляне побѣдили и стали неоспоримыми владыками всей Средней Италіи. Одни только галлы въ долинѣ р. По да греческіе города на Ю. Италіи еще сохраняли свою независимость.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Положеніе дѣлъ на Востокѣ, по смерти Александра Великаго.—Война между Римомъ и Тарентинцами.

Та трудная и продолжительная борьба, при помощи которой республика римская добилась господства надъ большею частью Италіи и укрѣпила его за собою, совпадаетъ съ тѣмъ періодомъ времени, въ теченіе котораго совершился и другой важный переворотъ по ту сторону Адріатическаго моря: царь Филиппъ македонскій добился гегемоніи въ Элладѣ, а затѣмъ Александръ Великій совершилъ завоеваніе своего громаднаго царства. Эти событія въ такой степени исключительно приковывали къ себѣ вниманіе греческаго міра, что они очень мало заботились обо всемъ, совершавшемся въ Италіи, и даже самые выдающіеся изъ ихъ политическихъ дѣятелей вовсе понятія не имѣли о значеніи возрастающаго римскаго могущества. Съ своей стороны и римляне тоже мало обращали вниманія на побѣдоносное шествіе македонскаго героя, хотя правители римскіе и имѣли понятіе о томъ, что происходило на Востокѣ. Сохранилось извѣстіе, изъ котораго мы узнаемъ, что Александръ Великій, возвратившись въ Вавилонъ изъ индійскаго похода, принималъ многія посольства при дворѣ своемъ, и въ томъ числѣ посольство *римское*. Въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго или невозможнаго, тѣмъ болѣе, что посольства не всегда отправляютъ ради важныхъ политическихъ интересовъ, а и по весьма многимъ инымъ поводамъ. Мы не знаемъ, простиралъ-ли Александръ свои планы и на Западъ: всегда занятый ближайшимъ, подлежавшимъ немедленному исполненію, едва-ли онъ строилъ какіе-нибудь планы относительно Запада, едва-ли и высказывался въ этомъ смыслѣ; тѣмъ не менѣе однакоже тотъ оборотъ, который приняли дѣла вскорѣ по смерти Александра (323), имѣлъ несомнѣнно-важное значеніе и для Западнаго міра, для Италіи, для Рима. Востокъ, послѣ Александра Великаго.

Насмѣшливые аѳиняне тотчасъ же нашли весьма удачное сравненіе для выясненія того въ высшей степени необычайнаго и страннаго положенія, въ какомъ оказалось царство Александрово послѣ его внезапной смерти: аѳиняне сравнивали это царство съ гомеровскимъ великаномъ, циклопомъ Полиѳемомъ, котораго какая-то таинственная и враждебная сила лишила единственнаго глаза... По другимъ разсказамъ и самъ Александръ—проникнутый воззрѣніями Иліады, много разъ припоминалъ тѣ воинскія игры, которыя совершались въ честь героевъ надъ ихъ пра-

хомъ — говаривалъ, что и надъ его прахомъ тоже разыграются «большія воинскія игры».

Положеніе дѣлъ послѣ Александровой смерти. 323.

Кажется, что Александръ дѣйствительно не оставилъ никакихъ распоряженій о наслѣдованіи; да если бы даже и оставилъ, то едва-ли могъ бы этимъ воспрепятствовать естественному теченію событій: у Александра было двѣ жены арійскаго племени и высокаго происхожденія: *Роксана*, дочь бактрійскаго владѣтельнаго князя, и *Статира* — дочь царя Дарія; отъ Роксаны ожидали рожденія наслѣдника, который однакоже еще не родился, когда Александръ уже умеръ. Ближайшее рѣшеніе вопроса о наслѣдованіи, конечно, находилось въ рукахъ македонской части войска и его вождей. Вожди, принадлежавшіе къ македонской знати, конечно, болѣе клонили на сторону ожидаемаго наслѣдника и управленія царствомъ отъ его имени; войско же македонское (фаланга), сообразно съ исконными національными обычаями, твердо держалось династіи и, не придавая особеннаго значенія законности правъ наслѣдника, требовало царя:—такимъ царемъ желало оно видѣть незаконнаго сына Филиппова, побочнаго брата Александрова, *Филиппа Арридея*.

Наконецъ, македонское войско и знать—сошлись на двухъ царственныхъ именахъ—слабоумнаго Филиппа Арридея и того младенца, который родился нѣсколько мѣсяцевъ спустя, и былъ названъ *Александромъ II*. Отъ имени этихъ двоихъ царей царствомъ сталъ править одинъ изъ именитѣйшихъ генераловъ македонскихъ, *Пердикка*, который, по праву или безъ права, присвоилъ себѣ царскій перстень съ печатью: онъ раздавалъ сатрапіи, онъ распредѣлялъ начальство надъ войскомъ между военачальниками, и, тѣмъ самымъ, открылъ поприще для безпощадной игры честолюбія. И греческій, и восточный элементы царства, которыми такъ премудро умѣлъ пользоваться великій государь для поддержки своего могущества,—были одинаково устранены.

Греческія дѣла.

Но на первыхъ порахъ идея царства Александрова еще держалась прочно, и прежде всего въ этомъ должны были убѣдиться греки. Не даромъ Фокіонъ сказалъ нѣкогда, при полученіи извѣстія о смерти Филиппа: «сила, побѣдившая насъ при Херонеѣ, уменьшилась *только однимъ* человѣкомъ». Такъ точно и теперь—монархъ скончался, а монархія его стояла твердо, Но въ Аѳинахъ вообразили, что теперь настало время вновь возвратить себѣ прежнюю свободу, и Демосѳенъ, не задолго передъ тѣмъ принесенный въ жертву политической необходимости, возвратился въ Аѳины изъ своего изгнанія. Аѳинскій воевода *Леосѳенъ* успѣлъ еще заблаговременно собрать около 8,000 воиновъ, изъ тѣхъ наемниковъ, которые, на основаніи Александрова приказа сатранамъ, были оставлены безъ хлѣба и слонялись безъ дѣла въ спартанскихъ владѣніяхъ, близъ мыса Тэнаронъ. Къ этому наемному войску примкнули этолійцы, ѳессалійцы и др., и образовалась коалиція, съ которой царскій намѣстникъ въ Македоніи, *Антипатръ*, не рѣшился вступить въ битву, въ виду численнаго превосходства ея силъ, и заперся въ крѣпости *Ламіи*. Война,—изъ-за этой именно крѣпости получившая названіе *Ламійской*,—затянулась; но вскорѣ явилось изъ Азіи на подмогу войско ветерановъ, подъ начальствомъ Кратера, и между тѣмъ какъ значительная часть греческаго войска разошлась по

домамъ, македонскіе полководцы собрали сильное войско, въ которомъ насчитывали до 40,000 гоплитовъ, 3,000 легковооруженныхъ и пращниковъ, 5,000 конницы. Въ 322 г. при *Краннонѣ* (въ Оессаліи) войско это сошлось, въ самый день Херонейской битвы, съ эллинскимъ, которое все только еще поджидало подкрѣпленій и уже дѣйствовало несогласно. Греки потерпѣли пораженіе, и когда на другой день прислали въ македонскій лагерь уполномоченное для переговоровъ лицо, Антипатръ заявилъ ему, что онъ вступитъ въ переговоры не съ союзомъ городовъ, а съ отдѣльными городами. Слѣдствіемъ этого пораженія было то, что Аѳины должны были принять македонскій гарнизонъ, измѣнить свой демократическій образъ правленія—въ тимократическій, при которомъ богатые граждане, призванные къ участію въ правленіи, цѣлымъ рядомъ новыхъ учрежденій обезпечили македонянамъ спокойное обладаніе Аѳинами. Послѣдній изъ государственныхъ людей аѳинскихъ, Демосоенъ, покончилъ жизнь, отравившись ядомъ, — въ Посейдоновомъ храмѣ (на островкѣ Калавріи), гдѣ онъ искалъ себѣ убѣжища: онъ только смертью могъ избѣгнуть унизительной казни или еще болѣе унизительнаго помилованія, которыхъ онъ могъ ожидать отъ Антипатра.

Не мудрено было предположить, что согласіе не долго продержится между полководцами Александра, которыхъ взаимная зависть и при жизни его сдерживалась только мощною волею царя; а послѣ его кончины, когда они получили возможность выражать и проявлять свои чувства, — дѣло очень скоро дошло между ними до вооруженнаго столкновенія. Провинціи царства были подѣлены между знатнѣйшими изъ Александровыхъ полководцевъ, при чемъ Македонія и Греція достались Антипатру и Кратеру, Египетъ и Ливія—Птолемею, Памфилія, Ликія, Великая Фригія—Антигону, Ѳракія и Виѳинія—Лизимаху; но этотъ раздѣлъ, конечно, не удовлетворилъ никого изъ этихъ дѣятелей вполнѣ, такъ какъ всѣ они были весьма обыкновенными честолюбцами, и это ихъ честолюбіе тотчасъ же побудило Антипатра, Антигона и Птолемея заключить между собою союзъ противъ Пердикки, котораго они считали равнымъ себѣ, а между тѣмъ онъ задумалъ ими повелѣвать. Азіатскій намѣстникъ, Пердикка, выступилъ съ войскомъ противъ правителя Египта, Птолемея, Лагіева сына, и противъ Антигона, между тѣмъ какъ сторонникъ Пердикки, грекъ *Эвменъ Кардійскій*, обратился противъ Кратера и Неоптолема, сатрапа Арменіи. Эвменъ одержалъ побѣду, но когда извѣстіе объ этомъ громкомъ успѣхѣ въ М. Азіи достигло береговъ Нила, куда Пердикка уже успѣлъ передвинуться,—катастрофа уже совершилась: извѣстіе о побѣдѣ не застало Пердикку въ живыхъ — онъ былъ умерщвленъ. Но единство царства еще признавалось всѣми, и Антипатръ — старѣйшій и именитѣйшій изъ Александровыхъ полководцевъ или «діадоховъ»—замѣнилъ Пердикку, въ качествѣ намѣстника царства отъ имени царей Филиппа и Александра. Въ г. *Трипарадизѣ* (въ верхней Сиріи) былъ произведенъ новый, второй раздѣлъ провинцій (321).

Изображеніе Птолемэя I на монетѣ. Въ Берлинскомъ мюнцъ-кабинетѣ.

Борьба діадоховъ.

Въ 318 г., когда Антипатеръ умеръ, поднялись новыя усобицы. По его завѣщанію, обязанность защищать государство передана была *Полисперхону*, одному изъ старѣйшихъ полководцевъ Александра, уроженцу Эпира, а сыну Антипатра, *Кассандру*, назначена была второстепенная роль. Въ этой борьбѣ Полисперхона, его союзницы Олимпіады, матери Александра Великаго, которая только теперь добилась желанной роли, и Эвмена—противъ Кассандра, единство царства болѣе и болѣе отодвигалось на задній планъ, и ужъ въ этомъ второмъ періодѣ войны за Александрово наслѣдіе сходятъ со сцены нѣкоторыя изъ тѣхъ лицъ, которыя еще въ нѣкоторомъ родѣ имѣли право заявить свои притязанія на престолъ, а именно: Арридей, братъ Александра, и Олимпіада, его мать, — и тотъ, и другая кончили насильственною смертью. Очень характеренъ, по отношенію къ тому времени, былъ конецъ Олимпіады, на голову которой пало ею же совершенное преступленіе. Послѣ того какъ она долго отсиживалась въ Пидиѣ, она попала въ руки Кассандра; на нее подаютъ жалобу войску,—высшему народному судилищу, по древне-македонскому обычаю,—и войско приговариваетъ ее къ смерти. Но исполненіе приговора встрѣчаетъ затрудненіе, такъ какъ изъ 200 человѣкъ, избранныхъ для этой цѣли въ войскѣ, ни одинъ не рѣшался поднять руку на мать своего обожаемаго царя-героя. Нашлись однакоже люди, которые охотно взялись за исполненіе приговора: родственники тѣхъ, которые годъ тому назадъ были казнены по приказанію Олимпіады. Въ томъ же 316 г. палъ и умный, изворотливый Эвменъ Кардійскій, довѣренный секретарь Александра, который долѣе всѣхъ стремился къ поддержанію цѣлости и единства Александрова царства; въ то время, какъ онъ задумалъ еще разъ попытать счастіе и собралъ большія силы противъ Антигона, правителя Великой Фригіи и Ликіи (который уже замыслилъ распространить свою власть на всю Азію), македонское войско, ненавидѣвшее Эвмена, какъ грека, выдало его врагамъ. Тогда уже открылся полный просторъ для борьбы честолюбцевъ, которые смѣло могли снять личины; о подъемѣ какой бы то ни было націи, о какой бы то ни было идеѣ,—не было уже болѣе и рѣчи; міръ принадлежалъ хитрому и храброму, и даже послѣдняя тѣнь высшаго вида честолюбія,—желаніе обладать всѣмъ нераздѣльнымъ царствомъ Александра, — исчезло постепенно. Честолюбіе этихъ воиновъ-выскочекъ уже удовлетворялось возможно большимъ кускомъ добычи.

Битва при Ипсѣ. 301.

Высшее положеніе между діадохами принадлежало около этого времени *Антигону*, стремившемуся пріобрѣсти то значеніе, которымъ пользовались до него Пердикка и Антипатръ; его многолѣтняя военная опытность (онъ былъ уже старъ) дополнялась еще геніальною смѣлостью и изобрѣтательнымъ умомъ его сына *Дмитрія*. Противъ него само собою образовалась коалиція изъ остальныхъ полководцевъ—Кассандра, Лизимаха, Птолемея и Селевка, — и эта борьба составляетъ третій актъ неутѣшительной драмы (315—301). Душою этой коалиціи былъ умный *Птолемей*, по титулу правитель, а на самомъ дѣлѣ уже несомнѣнный повелитель Египта, ранѣе всѣхъ постигнувшій неизбѣжную судьбу Александрова царства, которое не могло сохраниться въ цѣлости и должно

ЛАОКООНЪ. Знаменитая мраморная группа въ Ватиканѣ, въ Римѣ, работы художниковъ Агезандра, Аѳанодора и Полидора въ Родосѣ.

Точно такъ же, какъ въ малоазійскомъ Пергамѣ занесенное туда изъ іонійскихъ Аѳинъ греческое искусство расцвѣло вновь и пережило блестящій, позднѣйшій періодъ, такъ и на о. Родосѣ, на дорійской почвѣ, оно свило себѣ прочное гнѣздо. И родосская школа, на-равнѣ съ пергамскою, отличается благородствомъ и смѣлымъ реализмомъ. Величайшимъ художественнымъ произведеніемъ родосской школы почитается группа Лаокоона и его сыновей; со времени появленія въ свѣтъ основательнаго изслѣдованія Лессинга о древнемъ искусствѣ, эта группа, болѣе всякаго иного произведенія искусства, занимала изслѣдователей и критиковъ. Предполагаютъ, съ большою вѣроятностью, что эта группа относится къ концу III в. или къ началу II в. до Р. Хр.

было распасться на извѣстное число независимыхъ государствъ. Правителя Вавилоніи, *Селевка*, Антигонъ вооружилъ противъ себя, потребовавъ отъ него отчета по управленію; Селевкъ рѣзко отвѣчалъ ему, что не намѣренъ давать отчета по управленію страною, которую дали ему македоняне за его службу при царѣ Александрѣ. Съ нимъ соединились и *Кассандръ*, повелѣвавшій Македоніей, и *Лизимахъ*, утвердившійся на Геллеспонтѣ въ Виѳиніи. Для всеобщей исторіи не имѣютъ ни малѣйшаго значенія воспослѣдовавшая за этимъ борьба на сушѣ и на морѣ, побѣды и пораженія, обманчивыя заключенія мирныхъ договоровъ и безконечныя интриги. Въ этомъ третьемъ періодѣ борьбы пали отъ руки убійцъ и Роксана, и юный царь Александръ (311), и Клеопатра, сестра Александра Великаго, и Гераклъ, второй его сынъ. Послѣ одной изъ побѣдъ, въ 307 г., Димитрій провозгласилъ своего отца *царемъ* и, слѣдуя этому примѣру, всѣ его противники съ этого времени стали также величать себя *царями*. Окончательное рѣшеніе борьбы послѣдовало въ сраженіи при фригійской деревнѣ *Ипсѣ*, лѣтомъ 301 г. Войско союзниковъ было значительно сильнѣе войска Антигонова (между прочимъ, Селевкъ, благодаря своимъ связямъ съ Индіею, могъ ввести въ битву громадную силу—400 военныхъ слоновъ); счастье измѣнило 80-ти-лѣтнему царю Антигону, и онъ палъ въ общей сѣчѣ смертью солдата.

Государственная система Востока.

Мало-по-малу новый порядокъ вещей установился: 20 лѣтъ спустя послѣ смерти Александра, его монархія распалась на три большихъ царства и на нѣсколько меньшихъ владѣній. Три большія царства были: *Египетъ*, подъ властью династіи *Птолемеевъ*; *Азія* (отъ Геллеспонта до Инда) подъ властью *Селевка Никатора* и его наслѣдниковъ, *Селевкидовъ;* и *Македонія*, подъ властью *Антигона Гоната* *), внука Антигонова (съ 278 г. до Р. Хр.) и его наслѣдниковъ. Вскорѣ мы узнаемъ о дальнѣйшей судьбѣ этого третьяго царства, такъ какъ она оказалась тѣсно связанною съ исторіей Запада, и Рима, который былъ его центромъ. Наиболѣе цвѣтущимъ изъ этихъ трехъ царствъ былъ *Египетъ*, для котораго первый Птолемей оказался самымъ подходящимъ правителемъ. Династія Птолемеевъ здѣсь вполнѣ сроднилась съ народомъ и со всей страною, которая болѣе, чѣмъ всѣ другія, способна была удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ. Резиденція Птолемеевъ,—этотъ первый изъ александровскихъ городовъ, придала и всему тому вѣку прославленное имя «*вѣка александрійскаго*». Замѣчательно умно и ловко съумѣли эти первые цари изъ династіи греческихъ фараоновъ (31-й по мѣстному, египетскому счету)—Птолемей I, Птолемей Филадельфъ и Птолемей Эвергетъ—слить воедино давно уже укоренившійся въ этой странѣ элементъ греческій съ элементомъ туземнымъ. Путемъ торговли и при посредствѣ своего превосходнаго, господствующаго положенія въ восточной части Средиземнаго моря, Египетъ быстро достигъ необычайнаго богатства, и здѣсь-то, въ Александріи, среди полнаго мира и безопасности, какихъ нигдѣ не было въ окерстныхъ странахъ, наука свила себѣ гнѣздо, стала

*) Антигонъ Гонатъ былъ сынъ Дмитрія, который окончилъ свою бурную и тревожную жизнь плѣнникомъ Селевка.

собирать и разрабатывать сокровища греческаго ума и, по крайней мѣрѣ, сохранила хотя немногое изъ того, что нѣкогда представлялось великому завоевателю конечною цѣлью его жизни.

Рядомъ съ тремя большими царствами, намъ остается еще только припомнить въ Азіи небольшія государства: *Арменія*, *Каппадокія*, *Понтійское царство*, *Вивинія*. Между всѣми этими владѣніями, собственно, греческія владѣнія были не болѣе, какъ игрушкою, зависѣвшею отъ прихоти болѣе крупныхъ и могущественныхъ государствъ. Никто не хотѣлъ ихъ уступить и всѣ желали владѣть ими—этими издревле-прославленными городами, мѣстностями и островами, утратившими всякое политическое значеніе, тогда какъ съ другой стороны, напротивъ того, самимъ грекамъ, ихъ образованію и способностямъ, всюду открывалось обширнѣйшее поприще. Духъ греческой, эллинской, или,—какъ ее правильнѣе называютъ вслѣдствіе различныхъ посторонніхъ примѣсей—*эллинической* цивилизаціи сталъ господствующимъ на всѣхъ побережьяхъ Средиземнаго моря и распространился отсюда вширь и вдаль; но этотъ духъ совершенно утратилъ ту творческую силу, которая нѣкогда вызывала къ жизни государства на родной почвѣ Греціи, и тѣ блистательныя царства, которыя произошли изъ Александровой монархіи, должны были пасть предъ Римомъ, болѣе односторонне, но за то и болѣе прочно-развившимся изъ твердой національной основы. А Римъ именно теперь впервые и вступалъ въ непосредственное политическое соприкосновеніе съ эллинскимъ міромъ.

Италійскіе греки. Тарентъ.

Римское правительство, вскорѣ послѣ окончанія послѣдней Самнитской войны, вошло въ пререканія съ могущественнѣйшимъ изъ нижне-италійскихъ греческихъ городовъ, богатымъ торгово-промышленнымъ городомъ *Тарентомъ* или Тарасомъ, какъ онъ слылъ среди туземнаго населенія, состоявшаго изъ пелопоннезскихъ дорянъ. Эллинское, гордое сознаніе свободы и стремленіе къ независимости, одушевлявшее всѣ эти колоніи, преобладало и здѣсь; но и здѣсь, такъ же, какъ и вездѣ, между городами греческими не существовало никакой прочной политической связи. Внутреннее устройство въ самомъ Тарентѣ носило на себѣ чисто-демократическій характеръ. Успѣхи римскаго могущества въ борьбѣ противъ италійскихъ народовъ возбуждали опасенія тарентинцевъ, но они все же не рѣшились оказать непосредственную и сильную поддержку самнитамъ, которые одни только и могли положить предѣлъ этимъ успѣхамъ; такъ же равнодушно отнеслись они и къ другой, болѣе близкой задачѣ: не оказали помощи и сосѣдственному городу Туріямъ противъ нападеній со стороны луканцевъ. Трудно даже опредѣлить почему? Дѣйствовала-ли въ данномъ случаѣ близорукая племенная или даже торгашеская зависть противъ сосѣдственной іонійской колоніи, или просто распущенность, такъ какъ древне-эллинская энергія была усыплена въ тарентинцахъ богатствомъ и удобствами жизни. И вотъ г. Турій обратился къ тому же средству спасенія, къ какому нѣкогда прибѣгла Капуя: онъ отдался подъ покровительство Рима. Это, конечно, должно было дурно настроить тарентинцевъ по отношенію къ Риму, и въ 282 г. это настроеніе, по совершенно случайному поводу, привело къ такому насилію, которое должно было немедленно вызвать войну.

Римская эскадра, состоявшая изъ нѣсколькихъ военныхъ кораблей, на обратномъ пути изъ Адріатическаго моря, направилась къ тарентинской гавани, повидимому, случайно вынужденная или побуждаемая къ тому, чтобы временно въ этой гавани остановиться. Одинъ видъ римскихъ кораблей уже раздражилъ населеніе и вызвалъ съ его стороны подозрѣніе: а такъ какъ городское управленіе построено было на весьма либеральной демократической основѣ, то никто и не думалъ сдерживать свои чувства. Граждане тотчасъ собрались по греческому обычаю въ театръ, и ораторамъ-демагогамъ не мудрено было внушить толпѣ, что римскіе корабли пришли не даромъ, что подъ этимъ приходомъ кроются опаснѣйшія намѣренія, и что, сверхъ того, явно нарушеннымъ оказывается старинной договоръ, по которому «варвары» обязались не заплывать въ Тарентинскихъ водахъ далѣе мыса Лациніума. Разгоряченный этимъ рѣчами народъ бросился въ гавань и безъ всякихъ дальнѣйшихъ переговоровъ и предупрежденія, вступилъ въ бой съ римскими судами, изъ которыхъ очень немногимъ (и притомъ лишеннымъ своего вождя, убитаго во время схватки) удалось уйти въ открытое море и тѣмъ спастись отъ гибели. Первое столкновеніе, въ 282 г.

И до сихъ поръ еще весьма распространенное мнѣніе приписываетъ римскому народу и его вождямъ какую-то ненасытимую алчность къ завоеваніямъ. При болѣе точномъ изслѣдованіи фактовъ, это воззрѣніе, по отношенію ко всему дальнѣйшему періоду великихъ внѣшнихъ войнъ Рима, оказывается неосновательнымъ; а по отношенію къ этому первому столкновенію съ эллинскимъ міромъ (столь важному по своимъ послѣдствіямъ), даже и совершенно невѣрнымъ. Но прежде чѣмъ мы это докажемъ, намъ необходимо остановиться на мгновеніе для обзора послѣднихъ событій внутренней жизни Рима. Внутреннее состояніе Рима.

Полное и окончательное приравненіе правъ патриціевъ и плебеевъ произошло именно во время большой средне-италійской войны. По закону *Публилія Филона* (Philo), проведенному въ 339 г., было постановлено, чтобы *плебисциты*, т. е. рѣшенія общинъ, были одинаково обязательны для «всѣхъ квиритовъ» — для всего народа. По другому закону того же Публилія, всякія постановленія центуріальныхъ комицій (напр., выборы должностныхъ лицъ) не могли быть кассированы патриціанскимъ *veto*, такъ какъ Публилій потребовалъ, чтобы согласіе Сената было испрошено прежде, нежели вопросъ о томъ или другомъ предложеніи будетъ рѣшенъ въ комиціяхъ. По третьему закону, около того же времени, было положено, чтобы одинъ изъ двухъ въ пятилѣтній періодъ выбираемыхъ цензоровъ былъ непремѣнно плебей. Долгая и тяжкая италійская война, не одинъ разъ принимавшая такой опасный оборотъ для Рима, болѣе чѣмъ всякая иная изъ прежнихъ войнъ, заставила римлянъ весьма осмотрительно относиться къ своимъ силамъ, и потому именно побудила руководящіе кружки римскаго государства отодвинуть на задній планъ вопросъ о различіи патриціевъ и плебеевъ, старыхъ и новыхъ гражданъ, утратившій уже всякій смыслъ и значеніе. Вотъ почему именно въ 300 г. удалось провести *законъ Огульніевъ* (двухъ трибуновъ народныхъ, Кв. и Кн. Огульніевъ), закончившій собою долгую борьбу: по этому закону, и

жреческія должности,—на которыя, весьма естественно, патриціи долѣе всего отстаивали свои права,—стали доступны и плебеямъ; рѣшено было, чтобы къ четыремъ патриціанскимъ авгурамъ избиралось еще пять плебейскихъ, а къ четыремъ высшимъ жрецамъ (pontifices) изъ патриціевъ—четверо же изъ плебеевъ. Этимъ все было закончено. Неоцѣненно было то, что такое полное преобразованіе первоначальнаго устройства въ существеннѣйшихъ чертахъ было произведено законнымъ путемъ, правда, медленно, но безъ насильственныхъ правонарушеній, безъ революціонныхъ переворотовъ; это тѣмъ болѣе должно было придавать Риму громадное преимущество надъ другими государствами, что подобное развитіе государственнаго организма есть явленіе весьма рѣдкое въ исторіи человѣчества.

Внѣшняя политика.

Послѣ покоренія Этруріи и всѣхъ соплеменныхъ Риму народовъ, власть римскаго государства распространилась на всю Среднюю Италію, и въ Римѣ были очень озабочены тѣмъ, чтобы обезпечить за собою это господство—плодъ долгой и тяжкой борьбы. Уже во время самой войны дополнена была система колоній или укрѣпленій: въ 314 г. основана была Луцерія въ Апуліи, въ 313 г. — Суесса, Понціи; въ 303 г., годъ спустя послѣ окончанія второй войны—Сора и Альба; въ 302 г.—Карзеоли; въ 299 г., на границѣ Умбріи, Нарнія; десять лѣтъ спустя, въ 289 г.,—Сена, Каструмъ и Гатрія у Адріатическаго моря, гдѣ незадолго передъ тѣмъ (291 г.) основанъ былъ очень важный и крѣпкій пунктъ *Венузія*, далѣе всѣхъ продвинутый въ южномъ направленіи. Въ то же время все еще продолжались войны съ Галлами, которые въ 285 году, въ союзѣ съ нѣкоторыми этрусскими городами, еще сохранившими свою независимость, собрались отмстить римлянамъ за свое пораженіе при Сентинѣ. И, дѣйствительно, въ 284 г. они, при Арреціумѣ, нанесли римскому войску страшное пораженіе, вслѣдствіе котораго война опять возгорѣлась на Сѣверѣ. Только уже въ слѣдующемъ году (283) удалось римлянамъ одолѣть оба галльскихъ племени, Сеноновъ и Бойевъ, и бывшихъ съ ними въ союзѣ Этрусковъ.

Римъ и Тарентъ.

Что же касается отношеній Рима къ *греческому міру*, то они до этого времени были дружественными. Какъ разъ около этого времени эллинская образованность и утонченность нравовъ стали болѣе и болѣе проникать въ Римъ. Тѣмъ болѣе непріятно было римлянамъ кровавое столкновеніе, происшедшее въ тарентинскихъ водахъ, и римляне старались всѣми силами уладить это дѣло полюбовнымъ соглашеніемъ, зная, что война съ Тарентомъ, какъ и полвѣка тому назадъ, привлечетъ изъ-за моря какого-нибудь честолюбца, который можетъ задаться мыслію о завоеваніи Италіи.

Римское посольство явилось въ Тарентъ требовать удовлетворенія, и у тарентинцевъ было рѣшено — отнестись къ этому случаю, какъ къ несчастному недоразумѣнію. Разсказываютъ, что посольство прибыло въ Тарентъ не въ пору: во время празднованія «Діонисій», и населеніе города, какъ и всегда въ эти дни, предавалось шумному разгулу и веселью; что одному изъ римскихъ пословъ нанесено было грубое оскорбленіе, а когда онъ, въ зданіи театра, въ народномъ собраніи сталъ

излагать требованія своего правительства, то былъ осмѣянъ. Тарентинцы наотрѣзъ отказали въ требуемомъ отъ нихъ удовлетвореніи, и римляне двинули войска въ ихъ область. Тарентинцы, въ возмездіе за это, напали на г. Туріи, состоявшій подъ покровительствомъ Рима, и нанесли значительный ущербъ городу. Тогда римляне еще разъ предложили миръ, съ тѣмъ, чтобы г. Туріи былъ приведенъ въ свое прежнее состояніе, римскіе плѣнники были отпущены на волю, и Риму дано было серьезное удовлетвореніе. Римляне надѣялись на перемѣну направленія политики въ городѣ, гдѣ богатые граждане съ досадою смотрѣли на эту войну, которая свалилась, какъ снѣгъ на голову. Но перемѣны никакой не произошло, а случилось именно то, чего болѣе всего опасались: царь *эпирскій Пирръ*, съ которымъ тарентинцы вели переговоры, рѣшился предложить Таренту свои услуги, чтобы вести войну съ Римомъ.

Царь Пирръ эпирскій.

Этотъ царь *) успѣлъ уже пріобрѣсти себѣ до этого времени извѣстность въ тѣхъ непрерывныхъ войнахъ, которыя бушевали въ странахъ, лежавшихъ за Адріатическомъ моремъ. Его первоначальное наслѣдственное владѣніе состояло изъ небольшого царства эпирскаго, которое со своими «пеласгическими» порядками представлялось совершенно отсталымъ по сравненію съ блестящимъ государственнымъ строемъ окружающихъ странъ. Но и этого небольшого наслѣдія онъ лишился: когда его отецъ Аякидъ сталъ на сторону одного изъ діадоховъ Александра, это не понравилось могущественнѣйшему изъ эпирскихъ племенъ и оно короля Аякида смѣстило, а его сына Пирра—тогда еще мальчика—едва успѣли добрые люди спасти отъ преслѣдованія враждебной партіи. Впослѣдствіи много разъ призываемый на царство и вновь изгоняемый, Пирръ, наконецъ, удалился къ Дмитрію, Антигонову сыну, знаменитѣйшему и геніальнѣйшему изъ современныхъ полководцевъ, съ которымъ онъ состоялъ въ родственныхъ отношеніяхъ; въ рѣшительной битвѣ при Ипсѣ онъ сражался съ нимъ рядомъ; затѣмъ попалъ заложникомъ къ египетскому двору, гдѣ онъ своею прямотою и рыцарскимъ характеромъ пріобрѣлъ благосклонность умнаго царя Птолемея, который выдалъ за него дочь въ замужество и относился къ нему, какъ къ своему сыну. Въ 296 г. до Р. Х. онъ возвратился въ Эпиръ, нѣсколько лѣтъ спустя ввязался въ войну со своимъ бывшимъ покровителемъ Дмитріемъ, который съ 294 года былъ царемъ македонскимъ, и, нѣкоторое время, въ 287 г., былъ даже самъ царемъ Македоніи. Когда до него дошло воззваніе тарентинцевъ, онъ опять уже сидѣлъ на своемъ родовомъ престолѣ и правилъ своимъ царствомъ, которое узкою полосою тянулось вдоль береговъ Адріатическаго моря, — а это царство было слишкомъ тѣснымъ поприщемъ для такого энергическаго и сильнаго дѣятеля, для его тревожнаго духа, постоянно и неутомимо строившаго все новые и новые планы. Предложеніе тарентинцевъ вызывало его на Западъ, гдѣ тотчасъ же представлялся Пирру цѣлый рядъ новыхъ комбинацій. Легко можетъ быть, онъ льстилъ себя надеждою, что въ странахъ Запада явится тѣмъ же, чѣмъ Александръ Великій явился на Востокѣ;

*) Онъ былъ тогда въ цвѣтѣ лѣтъ: ему только что минулъ 38-й годъ.

къ тому же, вѣроятно, ко двору Пирра уже проникли и посланцы отъ побѣжденныхъ въ послѣдней войнѣ Самнитовъ и Этрусковъ, а также и галльскіе предводители наемниковъ. И сосѣдніе правители, вѣроятно, поощряли Пирра въ выполненіи его плана, такъ какъ этимъ путемъ надѣялись на долгое время избавиться отъ безпокойнаго сосѣда или противника.

Пирръ въ Италіи. Война съ нимъ.

Одинъ изъ подчиненныхъ Пирра, нѣкто Кинеасъ, осенью 281 г. переправилъ въ Италію отрядъ въ 3,000 человѣкъ; весною 280 г. высадился тамъ же и онъ самъ съ 20,000 гоплитовъ, 2,000 стрѣлковъ и 500 пращниковъ, 3,000 конницы и 20 слонами,—никогда еще невиданными здѣсь. Въ Римѣ вполнѣ понимали опасность и готовились къ войнѣ весьма дѣятельно. Одно войско направилось въ Этрурію, въ столицѣ оставленъ былъ запасный отрядъ, а одинъ изъ консуловъ 280 г., П. Валерій Лэвинъ, съ главными силами двинулся въ Луканію, гдѣ городъ Туріи былъ вновь отнятъ у тарентинцевъ. А между тѣмъ, царь эпирскій распоряжался въ Тарентѣ по-солдатски и возбудилъ сильное неудовольствіе среди гражданъ роскошнаго торговаго города, которыхъ онъ, нестѣсняясь, самыми энергическими мѣрами привлекалъ къ исполненію воинскихъ обязанностей. Ему нужна была битва, потому что нужна была побѣда, чтобы поднять на ноги италійскихъ враговъ Рима и утвердить свое значеніе въ Италіи,—и вотъ битва не замедлила. Римляне не избѣгали ея, такъ какъ они и своему народу, и врагамъ своимъ хотѣли показать, что они не боятся заморскихъ враговъ и ихъ знаменитаго вождя. Они перешли черезъ небольшую рѣчку Сирисъ, впадающую на югъ отъ *Гераклеи* въ Тарентинскій заливъ: и эта переправа была совершена въ виду непріятеля и въ отличномъ порядкѣ. Говорятъ, что самъ Пирръ не могъ при этомъ воздержаться отъ замѣчанія: «это не варварскій военный строй».

Битва при Сирисѣ, 280 г.

Римское войско выступило противъ македонской фаланги въ своемъ древнемъ боевомъ порядкѣ, по которому легіонъ дѣлился на три рода оружія (hastati, principes, triarii) съ добавленіемъ небольшого числа легковооруженныхъ (velites) и 300 тяжеловооруженныхъ всадниковъ; въ связи съ легіономъ дѣйствовали отдѣльные когорты союзниковъ, почти въ такомъ же вооруженіи; каждая когорта носила названіе той общины, которая ее поставила. Двѣ первыя шеренги (*hastati* и *principes*), которыхъ было въ каждомъ легіонѣ по 1,200 человѣкъ, были вооружены исключительно римскимъ метательнымъ орудіемъ, *pilum* (нѣчто въ родѣ короткаго копья или дротика), и когда всѣ эти дротики были выпущены въ непріятеля, эти передніе ряды выхватывали свои короткіе мечи и устремлялись на непріятеля; если ихъ натискъ не пробивалъ непріятельскаго строя, то слѣдомъ за ними вступалъ въ битву третій рядъ воиновъ легіона, *тріаріи* (ихъ было по 600 въ каждомъ легіонѣ), опытные воины, вооруженные длинными копьями. Таковъ былъ римскій способъ наступленія, испытанный въ войнахъ противъ Самнитовъ и Галловъ. Но на этотъ разъ всѣ усилія римлянъ, пытавшихся пробить фалангу Эпиротовъ—въ безчисленныхъ бояхъ Востока испытанный боевой порядокъ македонско-греческой тактики—оказались тщетными; а когда атака римской конницы оказалась удачною, то

Пирръ выдвинулъ противъ нея слоновъ, которые произвели величайшее смятеніе въ конномъ строю. И такъ, послѣ мужественной борьбы, битва закончилась пораженіемъ римлянъ, которые потеряли 7,000 убитыми. Пирръ пріобрѣлъ этою побѣдою значеніе; южные греческіе города къ нему примкнули, а Самниты, Луканцы, Бруттіи ободрились и стали присылать къ нему подкрѣпленія: но важнѣйшая въ этой мѣстности римская крѣпость, Венузія, не думала сдаваться, и среди городовъ древне-римской области не выказывалось ни малѣйшаго стремленія примкнуть къ непріятелю. Пирръ задумалъ напугать римлянъ, вступилъ въ Кампанію, переправился черезъ р. Лирисъ и дошелъ до Ананьи (въ 8 миляхъ отъ Рима). Однакоже онъ былъ достаточно прозорливъ для того, чтобы сознавать, что здѣсь онъ имѣетъ дѣло съ силою, гораздо прочнѣе сплоченною, чѣмъ представлялась она въ разсказахъ тарентинцевъ о Римѣ. И вотъ онъ отправилъ въ Римъ своего довѣреннѣйшаго совѣтника, Кинея, съ предложеніемъ мира.

Мирныя предложенія.

Въ Римѣ пораженіе при Сирисѣ произвело очень сильное впечатлѣніе и среди правителей нашлись люди, которые были бы не прочь принять весьма снисходительныя условія мира, предложенныя царемъ. Еще не всѣ въ ту пору (особенно въ массѣ народа) успѣли сродниться съ мыслью, что Римъ предназначенъ быть столицей всей Италіи, что онъ, въ сущности, уже и есть столица. Разсказываютъ, что даже въ Сенатѣ только энергическая рѣчь знаменитаго старца, Аппія Клавдія Слѣпца *), внушила всѣмъ твердость и устранила колебанія. Старый и слѣпой сановникъ на этотъ разъ приказалъ принести себя въ курію на носилкахъ и заявилъ, что онъ «желалъ бы, сверхъ слѣпоты, еще оглохнуть, чтобы не слышать рѣчей о мирѣ, нашептываемыхъ трусостью». Нашлись однакоже кромѣ него люди, которые припомнили многовѣковую исторію города Рима и нашли невозможными переговоры о мирѣ съ царемъ, который (по выраженію А. Клавдія) «былъ не болѣе, какъ оруженосцемъ одного изъ тѣлохранителей Александра Великаго». Отвѣтъ Пирру, принесенный Кинеемъ изъ Рима, выказывалъ съ полною ясностью великій политическій замыселъ: «никакой миръ невозможенъ до тѣхъ поръ, пока Пирръ не покинетъ Италіи».

Битва при Аскулумѣ.

Римское государственное и военное устройство произвело глубокое и сильное впечатлѣніе на Кинея и на самого Пирра, который, будучи мужественнымъ и проницательнымъ воиномъ, съумѣлъ оцѣнить воинскую готовность Рима и вывелъ изъ этого свое заключеніе. Римскіе писатели съ понятною гордостью передаютъ намъ рѣчи посла Пиррова, въ которыхъ онъ передавалъ царю вынесенныя имъ изъ Рима наблюденія и, между прочимъ, выразился, что «римскій Сенатъ показался ему собраніемъ царей». И самъ царь былъ не мало пораженъ другого рода явленіемъ: римскіе плѣнники, которыхъ онъ на честное слово отпустилъ въ Римъ на празднованіе Сатурналій, всѣ вернулись въ его лагерь въ назначенное время. Въ этомъ фактѣ, впрочемъ, скорѣе слѣдуетъ изумляться чрезмѣрному

*) Аппій Клавдій происходилъ изъ гордаго патриціанскаго рода Клавдіевъ; въ 312 г., будучи цензоромъ, онъ прославился геніальными новшествами, которыя были имъ проведены, и необычайною энергіею въ исполненіи своихъ обязанностей. Старость и постигшая его слѣпота вынудили его оставить службу государственную.

рыцарству Пирра, допустившаго такой отпускъ военноплѣнныхъ, если только фактъ не былъ вызванъ тѣмъ, что онъ очень хлопоталъ въ это время о мирѣ съ Римомъ и нѣкоторое время могъ даже питать основательныя надежды на заключеніе его. Въ дѣйствительности его положеніе уже начинало становиться весьма шаткимъ, такъ какъ война весьма быстро истощила его средства, и онъ не имѣлъ возможности пополнить ихъ въ достаточной степени ни изъ казны своего маленькаго царства, ни изъ богатствъ Тарента, которому отъ войны уже солоно приходилось, ни поборами съ италійскихъ областей, страшно истощенныхъ и доведенныхъ до полнѣйшей крайности. Однакоже, для похода 279 г. ему еще удалось собрать порядочное войско, въ которомъ насчитывалось 70,000 человѣкъ. Театръ войны былъ перенесенъ на самый югъ Италіи, такъ какъ онъ вынужденъ былъ отступить. При *Аскулумѣ*, на самнитской землѣ, сошелся онъ съ римскимъ войскомъ, почти равнявшимся войску Пирра по численности (въ томъ числѣ было 20,000 римскихъ гражданъ, т. е. 4 легіона). Благодаря своему воинскому искусству, послѣ двухдневной битвы, онъ одержалъ еще разъ побѣду, которая однакоже была недостаточно рѣшительною и полною, чтобы существенно измѣнить его весьма шаткое политическое и военное положеніе. Эта слабость въ значительной степени зависѣла отъ неудовлетворительности его операціоннаго базиса, — и онъ вдругъ задумалъ (совершенно въ духѣ своего учителя Дмитрія и борьбы діадоховъ) разомъ оборвать войну свою въ Италіи и обратиться предварительно *къ завоеванію Сициліи*, чтобы придать хоть какую-нибудь прочную основу своимъ дѣйствіямъ.

Пирръ въ Сициліи.

Островъ Сицилія, расположенный между Европой и Африкой, въ самой срединѣ Средиземнаго моря, которое онъ раздѣляетъ на двѣ половины— восточную и западную,—притомъ и отъ природы чрезвычайно плодородный и изобилующій превосходными гаванями, казалось бы, предназначенъ быть повелителемъ и владыкой всего Средиземнаго моря; но именно вслѣдствіе этого слишкомъ выгоднаго положенія своего, островъ Сицилія никогда и не могъ добиться независимаго національнаго существованія. Отовсюду открытый для колонизаціи, онъ во всѣ времена привлекалъ къ себѣ переселенцевъ отовсюду, и эти переселенцы постоянно боролись между собою за господство надъ всѣмъ островомъ. Древнѣйшій слой туземнаго населенія состоялъ изъ Сикеловъ или Сикановъ, которые, какъ предполагаютъ, переселились сюда изъ Италіи. Затѣмъ явились Финикіяне, и когда ихъ время миновало, ихъ дѣло колонизаціи продолжали естественные преемники ихъ, карѳагеняне (пунійцы или сѣверо-африканскіе финикіяне), и прочно основались на западной сторонѣ острова, начиная отъ Лилибеи (т. е. «къ Либіи обращенной»), которая не была старѣйшею, но была важнѣйшею ихъ колоніею въ Сициліи. Немного спустя, въ цвѣтущій періодъ эллинской колонизаціи, быстро заселился греческими колоніями восточный берегъ острова: здѣсь явились Мессана, Сиракузы (735 г.), Катана, Леонтина, Мегара, Гела, Селинунтъ, Акрагасъ (580 г.), и всѣ онѣ быстро достигли цвѣтущаго состоянія и, въ свою очередь, дали отъ себя новые отпрыски, въ видѣ новыхъ поселеній. Съ той поры нескончаемая борьба между обоими этими элементами, пунійцами и греками, составляла главную основу ихъ

исторіи; и рядомъ съ этою борьбою шли неизбѣжные раздоры между различными племенами эллиновъ, поселившихся въ Сициліи, и внутреннія усобицы и перевороты въ самихъ городахъ греческихъ. Въ ихъ средѣ уже очень рано дорійскій городъ Сиракузы пріобрѣлъ выдающееся положеніе на юго-восточномъ берегу, какъ опорный пунктъ борьбы противъ карѳагенянъ; а для карѳагенянъ онъ сдѣлался главною цѣлью ихъ военныхъ предпріятій. Внутренняя исторія Сиракузъ представляетъ непрерывную цѣпь переворотовъ, при которыхъ демократія и тираннія чередуются: такъ, вскорѣ послѣ того, какъ городъ отстоялъ свою независимость противъ нападенія іонійскихъ Аѳинъ (415—413), наступила тираннія двоихъ *Діонисіевъ* (406—343), а затѣмъ съ 315 г. тираннія *Агаѳокла*. Самая борьба съ пунійцами постоянно вынуждала сосредоточивать всѣ силы въ рукахъ *одного* правителя. И вотъ, по смерти Агаѳокла, пунійцы стали опять одолѣвать сиракузянъ и посольство отъ нихъ явилось къ Пирру и приглашало его вступиться за эллиновъ противъ ихъ исконнаго врага. Онъ охотно взялся за это дѣло, тѣмъ болѣе, что былъ женатъ на дочери умершаго тиранна сиракузскаго, да притомъ вынужденъ былъ искать выхода изъ своего неловкаго и не особенно почетнаго положенія въ Италіи.

Монета Сиракузская. Въ Берлинскомъ мюнцъ-кабинетѣ.

Между тѣмъ какъ карѳагеняне уже приступили къ осадѣ Сиракузъ, Пирръ (278) еще разъ попытался вступить съ римлянами въ переговоры, но получилъ такой же отвѣтъ, какъ и ранѣе. Въ Римѣ уже и слышать не хотѣли ни о какомъ вмѣшательствѣ или посредничествѣ эпирскаго царя, который былъ уже не страшенъ римлянамъ. Естественнымъ слѣдствіемъ новаго положенія дѣлъ, наступившаго теперь, было заключеніе оборонительно-наступательнаго союза между обѣими республиками, Римомъ и Карѳагеномъ, противъ ихъ общаго врага, царя Пирра. По этому союзному договору, оба государства обязывались не заключать съ Пирромъ отдѣльнаго мира, и, въ конечномъ своемъ развитіи, договоръ этотъ долженъ былъ привести Римъ къ обладанію Тарентомъ, т. е. всей Италіей, а карѳагенянъ къ обладанію Сиракузами, т. е. Сициліей. Союзъ Рима съ Карѳагеномъ.

Царь Пирръ переплылъ въ Сиракузы (278), и война тотчасъ же охватила широкое пространство. Пунійцамъ тотчасъ пришлось почувствовать на себѣ, что за дѣло взялась сильная и умѣлая рука. Они должны были снять осаду съ Сиракузъ, и вскорѣ были доведены до того, что, несмотря на договоръ, заключенный съ Римомъ, предложили Пирру миръ, отказываясь отъ всякихъ притязаній на Сицилію и удержавъ за собою только Лилибею, важнѣйшее изъ своихъ владѣній, въ которомъ, притомъ же, Возвращеніе Пирра.

преобладалъ пунійскій элементъ въ населеніи (277). Но Пирръ, ободренный быстрымъ успѣхомъ войны, пришелъ къ тому убѣжденію, что война, веденная имъ, не достигнетъ существеннѣйшей цѣли своей, если пунійцы не будутъ окончательно изгнаны изъ Сициліи,—и миръ съ Карѳагеномъ не состоялся; при этомъ Пирръ собралъ сильный флотъ, который могъ оказать ему важныя услуги при возобновленіи войны въ Италіи, и можно почти сказать, что лѣтомъ 276 г. онъ, болѣе чѣмъ когда-либо, былъ близокъ къ достиженію своей цѣли, если только вообще ее, понятно, считать достижимою. Но и среди сицилійскаго населенія ему пришлось испытать то же, что уже испыталъ онъ въ своихъ сношеніяхъ съ италійскими греками. Греки, призвавшіе его на помощь и болѣе всего на свѣтѣ цѣнившіе свою свободу во внутреннемъ городскомъ управленіи, подчинились весьма неохотно правленію Пирра, сильному и энергическому, поставленному на военную ногу. Притомъ же и невозможно было надолго соединить подъ одною властью эти греческіе города, вѣчно враждовавшіе между собою; началось мало-по-малу отпаденіе ихъ отъ общаго дѣла. Карѳагенское войско снова явилось на островѣ и стало даже довольно успѣшно дѣйствовать, и потому Пирръ, уже не вполнѣ добровольно, долженъ былъ рѣшиться на возвращеніе въ Италію и на возобновленіе тамъ войны, которая, тѣмъ временемъ, конечно, успѣла принять оборотъ, весьма неблагопріятный для его итальянскихъ союзниковъ.

Пораженіе Пирра при Беневентѣ, 275. Его конецъ, 272.

Здѣсь Римъ, еще въ 280 г., въ годъ перваго пораженія, заключилъ миръ съ этрусскими городами; въ 278 г. тарентинская колонія, *Гераклея*, заключила миръ съ Римомъ; въ слѣдующемъ году Кротонъ и Локры склонились на сторону Рима, во власти котораго и безъ того уже находился весь южно-италійскій берегъ, за исключеніемъ самаго Тарента и г. Регіума, который, вслѣдствіе солдатскаго бунта въ рядахъ римскаго войска, попалъ въ руки возмутившейся его части, именно «кампанскаго» легіона. Самнитская область находилась въ полной зависимости отъ расположенныхъ въ ней римскихъ войскъ, и населеніе ея даже и помышлять не могло о какомъ бы то ни было возстаніи. Единственный успѣхъ, какого могъ добиться Пирръ по возвращеніи въ Италію, было завоеваніе города Локры, въ то самое время, когда все сдѣланное имъ въ Сициліи рухнуло и разбилось въ прахъ. Еще разъ задумалъ онъ попытать счастья въ битвахъ: походъ 275 года онъ началъ съ того, что устремился съ войскомъ въ Самніумъ, и на самнитской территоріи, на полупути отъ Тарента до Рима, наткнулся на римское войско при *Беневентѣ*. Войскомъ предводительствовалъ плебейскій консулъ того года, *Маній Курій Дентатъ*—ветеранъ самнитскихъ войнъ. Въ послѣдовавшей битвѣ счастье покинуло Пирра; на этотъ разъ римскіе легковооруженные воины (велиты) съумѣли даже управиться съ его слонами, которые пугались ихъ стрѣлъ, обвернутыхъ горящею паклею, и, поворачивая тылъ непріятелю, распространяли смятеніе въ рядахъ Пиррова войска. Потерявъ сраженіе, Пирръ поспѣшилъ закончить и войну; покинувъ Италію, онъ оставилъ въ ней только одного изъ своихъ военачальниковъ, *Милона*, съ 3,000 гарнизона въ тарентской цитадели. Напрасно взывалъ онъ къ восточнымъ дворамъ, прося ихъ о помощи. Едва вернувшись въ отчизну, онъ тотчасъ же всту-

пилъ въ новую борьбу, и во время одного похода въ Пелопоннезъ, палъ въ битвѣ у воротъ Аргоса (272).

Характеристика Пирра.

Одинъ изъ талантливыхъ писателей древности изображаетъ намъ воинственнаго и благороднаго царя эпирскаго, какъ идеалиста, и удивительно вѣрно замѣчаетъ, что онъ «постоянно расточалъ въ упованіяхъ то, что успѣвалъ пріобрѣсти дѣяніями». Между историческими героями ему нельзя указать мѣсто, такъ какъ весь его походъ на Западъ былъ воиною несправедливостью. Въ этой войнѣ всѣ наши симпатіи несомнѣнно должны быть на сторонѣ Рима, который тщетно требовалъ отъ тарентинцевъ удовлетворенія за грубое правонарушеніе и затѣмъ мужественно съумѣлъ отстоять свое вѣками пріобрѣтенное положеніе и свою свободу противъ иноземнаго вонтеля... Въ этой борьбѣ онъ, наконецъ, сознался и проявилъ свое истинное призваніе — быть руководителемъ судебъ Италіи.

Вся Италія подъ властью Рима.

Милонъ, узнавши о кончинѣ своего царя, не замедлилъ сдать тарентинскую цитадель римскому консулу Л. Папирію Курзору (272). Очевидно, это произошло, если не по предварительному распоряженію Пирра, то совершенно въ его духѣ: его военачальникъ передалъ цитадель римлянамъ, честнымъ врагамъ, которые до конца честно воевали съ Пирромъ, а не карѳагенянамъ, какъ того желала нѣкоторая часть тарентинскихъ гражданъ, опасавшихся возмездія римлянъ. Съ этою цѣлью карѳагенская эскадра даже зашла въ тарентинскую гавань, но тотчасъ послѣ заключенія Милономъ договора съ римлянами, направилась обратно во-свояси. Древній дорійскій городъ былъ обезоруженъ; его корабли были уведены римлянами; укрѣпленія срыты, а управленіе оставлено неприкосновеннымъ. Послѣ этого, тѣ немногіе города и мѣстности Италіи, которые еще готовы были обороняться, — или вынуждены были сложить оружіе передъ Римомъ, или добровольно его сложили. Въ 271 году г. *Регіумъ*, все еще находившійся въ рукахъ кампанскихъ мятежниковъ, былъ взятъ штурмомъ, и остальные изъ этихъ кампанцевъ (еще таки около 300 человѣкъ), уцѣлѣвшіе послѣ отчаянной обороны, были отведены въ Римъ и тамъ обезглавлены на форумѣ. Послѣ этихъ событій, римляне не замедлили закрѣпить за собою территорію, пріобрѣтенную такими тяжелыми усиліями, и для этой цѣли прибѣгли къ испытанному уже средству повсемѣстнаго распространенія своихъ колоній. Въ 273 г. были основаны Пестумъ и Коза въ Луканіи, въ 268 — Беневентъ въ Самніумѣ, Ариминумъ на берегу Адріатики, для обороны отъ галловъ, а затѣмъ, въ два послѣдующіе года, и другіе: Фирмумъ, Каструмъ-Новумъ и Эзернія въ Самніумѣ.

Общее политическое положеніе.

Повсемѣстное распространеніе этихъ колоній, предназначаемыхъ не для однѣхъ только военныхъ цѣлей, а вмѣстѣ съ тѣмъ служившихъ и разсадникомъ римской цивилизаціи черезъ посредство населяемыхъ въ колоніи и прикрѣпляемыхъ къ землѣ римскихъ гражданъ, — служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что промежутокъ времени отъ 343—264 г. не былъ для Италіи только эпохою опустошеній и насилій, но и прогресса, и дальнѣйшаго преуспѣянія. То же самое можно сказать и о Востокѣ, въ періодъ, послѣдовавшій за смертью Александра Великаго: — съ перваго взгляда видимъ только спутанную борьбу разнузданнаго себялюбія, смѣ-

шеніе эллинскихъ и восточныхъ пороковъ при новыхъ царственныхъ дворахъ, паденіе идеаловъ и условій народной жизни, напоминавшихъ о лучшемъ и болѣе здравомъ времени. На самомъ же дѣлѣ это было не совсѣмъ такъ. Не многихъ лѣтъ завоевательной и правительственной дѣятельности Александра Великаго было достаточно, чтобы уничтожить преграды, существовавшія между народами, чтобы проложить во всѣ стороны новые пути для торговли и международныхъ сношеній, и въ особенности для того, чтобы открыть весь міръ, какъ громадное торжище и поприще для развитія безконечной дѣятельности эллинскаго духа, до того времени находившаго себѣ примѣненіе только въ ничтожныхъ усобицахъ, внутреннихъ смутахъ, племенной ненависти или борьбѣ политическихъ партій. Безчисленные походы, битвы, раззореніе городовъ и опустошеніе областей, въ теченіе 40-лѣтней борьбы діадоховъ, не способны были изгладить то, что пробужденное къ энергической дѣятельности человѣчество, поднятое въ Александровское царствованіе на высшую степень культуры, способно было произвести въ одинъ годъ путемъ частной предпріимчивости и трудолюбія. Объ этой частной дѣятельности — объ усердномъ трудѣ милліоновъ безъименныхъ людей — исторія не можетъ намъ ничего сообщить; въ сохранившихся намъ лѣтописяхъ отдаленнаго прошлаго, лишь изрѣдка, и то случайно, лучъ свѣта освѣщаетъ намъ эту сторону исторической жизни. Мы можемъ однакоже представить ее себѣ во всей полнотѣ и плодовитости, если сообразимъ, сколько новыхъ городовъ, въ сравнительно краткій періодъ времени, было основано на громадномъ пространствѣ Александрова царства! На этомъ пространствѣ возросло теперь нѣсколько большихъ и много меньшихъ самостоятельныхъ государствъ, которыя, при всемъ своемъ разнообразіи, должны были во всякомъ случаѣ не препятствовать, а напротивъ,—способствовать распространенію извѣстнаго рода одинаковой эллинистической культуры, съ ярко-греческою окраскою. Распространенію этой культуры долженъ былъ способствовать въ значительной степени и тотъ монархическій характеръ, который носили на себѣ всѣ новыя, возникшія на Востокѣ государства. Если эта эллинистическая культура и для самого Александра являлась однимъ изъ средствъ объединенія, однимъ изъ способовъ управленія его обширною монархіею, то тѣмъ болѣе должна она была имѣть значеніе для новыхъ монарховъ, которые и для войны, и для мира, и для пополненія войска, и для украшенія своихъ резиденцій, нуждались во всякаго рода «технитахъ»— наемникахъ и ученыхъ, художникахъ и ремесленникахъ, — и находили ихъ преимущественно на древне-греческой почвѣ. Частыя войны также вызывали потребность въ своихъ спеціальныхъ технитахъ, въ видѣ наемныхъ и постоянныхъ войскъ, и благодаря именно такимъ войскамъ, войны эти не прерывали мирныхъ занятій гражданъ, какъ это бывало во время войнъ между греческими городами. То отвращеніе отъ политической дѣятельности, которое мы могли уже примѣтить въ аѳинскомъ обществѣ Демосоеновскаго времени,—проявилось въ новѣйшихъ эллинистическихъ или «александровскихъ» монархіяхъ еще сильнѣе. Та сила нравственная, которая обращаема была на политическую дѣятельность и часто расточалась на нее по-пустому, теперь обратилась

на частную дѣятельность болѣе производительнаго характера; люди сдѣлались гораздо болѣе своекорыстными, матеріальными, болѣе пристрастными къ наслажденіямъ, но за то и болѣе старательными и болѣе искусными въ своей трудовой дѣятельности.

Западъ: Римъ. Эллинское вліяніе.

Въ противуположность этому монархическому и космополитическому развитію въ восточной части современнаго историческаго міра, на Западѣ, изъ основъ строго замкнутой народности, возникалъ республиканскій Римъ, и возросъ до значенія державы, которая, въ особенности со времени послѣдней войны, болѣе и болѣе начинала привлекать къ себѣ вниманіе всѣхъ царей и народовъ. И самый городъ Римъ, и государство римское въ послѣдніе полвѣка существенно успѣли преобразиться. Жизнь среди стѣнъ, которыми царь Сервій Туллій обнесъ семь римскихъ холмовъ, приняла уже совсѣмъ иной характеръ съ тѣхъ поръ, какъ Римъ сталъ столицею союза областей и городовъ, простиравшагося отъ сѣверныхъ отроговъ Аппенинъ до Регійскаго пролива на югѣ. Этотъ характеръ жизни стоялъ, главнымъ образомъ, въ зависимости отъ двухъ началъ: отъ религіознаго культа и политики. Праздничныя богослуженія и процессіи, жертвоприношенія предъ алтарями быстро-возраставшихъ въ Римѣ святилищъ, совѣщанія жрецовъ, вызываемыя какими-нибудь явленіями, требовавшими тщательнаго обсужденія съ религіозной точки зрѣнія,—и рядомъ съ этимъ жизнь дѣловая, гражданская, въ видѣ засѣданій Сената, народныхъ собраній, торжественныхъ вступленій въ должность или сложенія съ себя должностей высшими сановниками; или же военная жизнь — наборъ войскъ и торжественное принесеніе присяги новобранцами, выселенія изъ Рима военныхъ колоній... Изрѣдка же радостное и трогательное зрѣлище тріумфальнаго вступленія въ Римъ полководца-побѣдителя, за колесницею котораго слѣдовало его торжествующее войско *),—вотъ тѣ впечатлѣнія, которыя являлись въ Римѣ ежедневными, происходили на глазахъ у всѣхъ гражданъ и у постоянно возраставшаго наплыва заѣзжихъ иноземцевъ. Подъ этими же впечатлѣніями вырастало и римское юношество... Въ городѣ, въ это время, всѣ улицы уже были вымощены, два водопровода уже проводили въ него воду; въ особенности же измѣнился форумъ—этотъ главный центръ города: прежнія деревянныя лавчонки мясниковъ замѣнились палатами мѣнялъ; статуи именитыхъ мужей, также и греческихъ знаменитостей, украшали форумъ; здѣсь же находилась особая трибуна, которая называлась *грекостазисъ* и предназначалась для именитыхъ гостей изъ иноземцевъ, которымъ почему-либо было интересно взглянуть на форумъ и послушать, что на немъ говорилось. Въ этой трибунѣ появлялись и иноземные послы; такъ, напр., здѣсь въ 273 г. всѣ видѣли пословъ, присланныхъ въ Римъ изъ Александріи, отъ двора Птолемеевъ. Вообще говоря, греческое вліяніе около этого времени видимо начинало возрастать. Съ 269 года, со введенія цѣнности на серебро, Римъ вступилъ въ кругъ эллинской монетной системы, и въ то же время монетнымъ дворамъ въ союзныхъ и подвластныхъ Риму общинахъ было дозволено чеканить только размѣнную монету. Даже и въ области

*) Такъ, напр., вступилъ въ городъ побѣдитель при Беневентѣ, М. Курій Дентатъ, въ 275 г. до Р. Хр.

Денаръ.

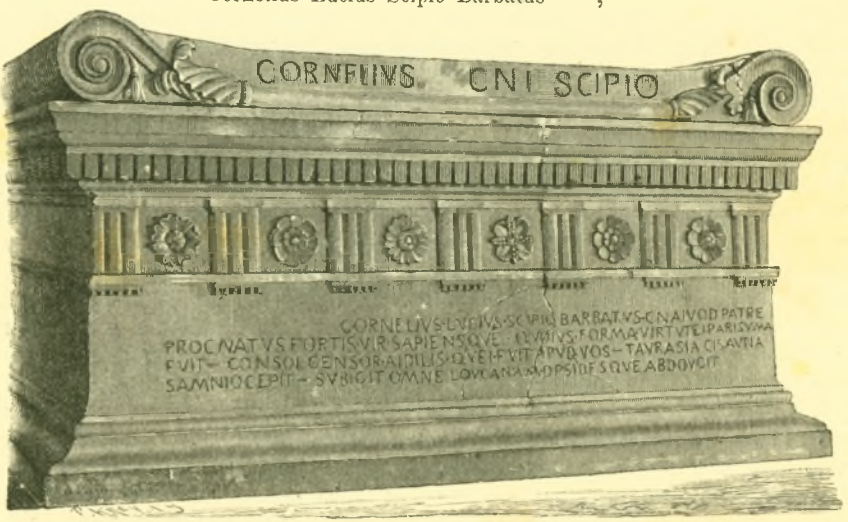
Квинаръ.

Сестерція.

Римскія монеты въ патуральную величину. Берлинскій мюнцъ-кабинетъ.

народныхъ нравовъ и народныхъ увеселеній подражаніе грекамъ становилось все болѣе и болѣе замѣтнымъ: возлежаніе за столомъ, вмѣсто сидѣнья, надгробныя надписи, бѣгъ колесницъ во время главнаго празднества «римскихъ игръ»; и уже съ 364 г. явились на площадяхъ Рима деревянныя подмостки для всякаго рода свободныхъ художниковъ (spatiatores, grassatores), выступавшихъ для забавы народа; а эти забавы вскорѣ послѣ того были сначала дополнены, а потомъ и вытѣснены настоящими театральными зрѣлищами. О поэзіи, да и вообще о литературѣ, почти еще не слышно: изъ поэтическихъ формъ извѣстенъ только одинъ, въ высшей степени однообразный размѣръ, такъ-называемый *сатурнинскій* стихъ, который былъ умѣстенъ только на надгробныхъ надписяхъ, для приданія имъ бо́льшей торжественности, напр.:

Cornēlius Lūcius Scipio Barbātus-- —,



Древнѣйшій римскій саркофагъ Луція Корнелія Сципіона Бородатаго, нынѣ находящійся въ Ватиканѣ, въ Римѣ.

По самой формѣ и орнаментамъ своимъ этотъ саркофагъ принадлежитъ къ дорійскому стилю и служитъ доказательствомъ того, что уже въ 298 г. до Р. Хр., когда этотъ Л. К. Сципіонъ былъ консуломъ, эллинское искусство уже было внесено въ Римскую жизнь.

Надпись на саркофагѣ, кромѣ полнаго имени покойнаго, сообщаетъ намъ, что этотъ дѣятель, вовсе неизвѣстный исторіи, происходилъ изъ знаменитой фамиліи Сципіоновъ, отличался и мужествомъ, и мудростью, что его внѣшняя красота соотвѣтствовала внутреннимъ достоинствамъ, что онъ былъ консуломъ, цензоромъ и эдиломъ, и что онъ особенно отличился во время Самнитскихъ войнъ.

но не годился для поэтическаго вдохновенія. Жалки были и начинанія историческаго повѣствованія, которыя относятся именно къ этому времени, когда и народъ, и его руководители дожили до полнаго государственнаго самосознанія и вмѣстѣ съ тѣмъ до убѣжденія, что божество удостоиваетъ ихъ родной городъ своего особаго благоволенія; эти начинанія не заслуживаютъ даже и названія литературы, такъ какъ и они находились на той ступени развитія, когда еще не могутъ служить для чтенія или для цѣлей внутренняго развитія, а только для удовлетворенія непосредственно-практическихъ потребностей. Писали въ Римѣ много и писать стали очень рано; такъ, напр., неизбѣжно приходилось вести списки должностныхъ лицъ, и они послужили основаніемъ краткой хроники, веденіе которой входило въ кругъ обязанностей жреческаго сословія. Но этого было недостаточно для того, чтобы сохранить въ народной памяти свѣдѣнія о древнѣйшемъ періодѣ его исторіи, который и тогда уже заслуживалъ серьезнаго изслѣдованія. О такомъ изслѣдованіи и помину не было; но за то не было недостатка въ литературномъ усердіи грековъ, которые весьма охотно принялись за пополненіе римской исторіи своими троянскими сагами и родословными таблицами, своими истолкованіями и измышленіями своей смѣлой фантазіи. Въ 296 году было выставлено на форумѣ мѣдное изображеніе обоихъ боговъ-близнецовъ (Ромула и Рема) съ волчицею, будто бы вскормившею ихъ,—слѣдовательно, легенда объ основаніи Рима въ эту пору получила уже извѣстнаго рода значеніе; она тотчасъ же глубоко укоренилась въ народѣ, такъ какъ вызвана была къ жизни греческимъ искусствомъ и стояла въ полномъ соотвѣтствіи со всѣми вѣяніями времени, отовсюду наносившими сѣмена эллинской культуры. Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 293 г., изъ расплавленнаго оружія и доспѣховъ самнитянъ отлито было на Капитолійскомъ холмѣ колоссальное мѣдное изваяніе Юпитера, которое видно было даже съ окрестныхъ высотъ. Около того же времени, видимъ, что художникъ изъ патриціевъ, принадлежащій къ древнѣйшей патриціанской семьѣ Фабіевъ, берется за кисть, чтобы расписать стѣны одного изъ капитолійскихъ храмовъ,—ясное доказательство того, какъ уже сильно дѣйствовало греческое вліяніе на высшіе слои римскаго общества. Что же касается греческаго языка, который пріобрѣлъ въ то время значеніе всемірное и былъ понятенъ всѣмъ отъ Геркулесовыхъ столповъ до устьевъ Инда, то потребность въ немъ уже въ такой степени ощущалась въ Римѣ, что сюда стали стекаться греческіе преподаватели (grammatici) для обученія римлянъ греческому языку. Объ одномъ изъ нихъ, нѣкоемъ Андроникѣ, знаемъ мы даже столько, что въ общихъ чертахъ можемъ прослѣдить его жизнь. Этотъ Андроникъ находился въ числѣ тѣхъ военноплѣнныхъ, которыхъ въ 272 г. римляне увели изъ Тарента. Въ качествѣ раба попалъ онъ въ домъ весьма значительнаго человѣка, *М. Ливія Салинатора* (объ немъ намъ еще придется говорить впослѣдствіи), обучалъ дѣтей, и когда былъ отпущенъ на волю, то принялъ имя своего господина. М. Ливій *Андроникъ*—и послѣ своего освобожденія отъ рабства—жилъ на средства, доставляемыя преподаваніемъ греческаго языка, какъ, вѣроятно, и многіе другіе; въ видѣ пособія къ своему преподаванію, онъ составилъ учебную книгу, нѣчто въ родѣ пере-

вода Одиссея сатурнинскимъ стихомъ; сверхъ того, онъ былъ и актеромъ, и авторомъ произведеній для сцены; и несмотря на то, что онъ, повидимому, былъ человѣкъ необширнаго ума и весьма ограниченнаго образованія, ему все же выпало на долю важное назначеніе, — быть первымъ посредникомъ въ пересажденіи произведеній греческаго духа на римскую почву.

Римская своеобразность.

Но какъ глубоко ни проникало въ римскую жизнь греческое вліяніе, оно все же нимало не касалось внутренняго существа римской народности. И въ порывахъ радостнаго чувства, и въ минуты серьезнаго, сосредоточеннаго созерцанія, римляне проявлялись совсѣмъ иначе, нежели греки. На форумѣ не слышно было оживленнаго говора, не видно было возбужденія и быстрой жестикуляціи, какъ на эллинскихъ рынкахъ, на народныхъ собраніяхъ, даже тамъ, гдѣ не принималось никакихъ рѣшеній, имѣющихъ законную силу, а рѣчь шла только о домашнихъ дѣлахъ, предсѣдательствуетъ непремѣнно чиновникъ, который одинъ только и можетъ руководить обсужденіемъ поднимаемыхъ на собраніи вопросовъ, и ни тотъ, кому онъ даетъ слово, ни слушатели не предаются сильному волненію. Въ законодательныхъ собраніяхъ, въ комиціяхъ, ни о чемъ не спорятъ, а только подаютъ голоса — отвѣчаютъ на вопросы, которые ставитъ представитель власти, консулъ, преторъ, трибунъ, и ставитъ ясно и опредѣленно: «хотите-ли и приказываете-ли, квириты, — —?» Дѣло въ томъ, что этотъ представитель власти, наканунѣ ночью, совѣщался въ Капитоліи съ авгуромъ, и авгуръ, по его желанію, дѣлавшій наблюденія надъ полетомъ птицъ, удостовѣрилъ его, что со стороны боговъ не встрѣчается препятствій къ выполненію важнаго дѣла, задуманнаго на завтра. Этотъ римскій народъ, который во всемъ привыкъ опираться на надежный авторитетъ, еще очень твердо придерживается своей религіи, хотя служеніе богамъ, и общественное, и домашнее, представляется чисто внѣшнимъ, обрядовымъ. Если сенаторъ возвращается съ засѣданія или пріѣзжаетъ съ выборовъ въ свое имѣніе, то, вступивъ въ атріумъ своего дома, онъ прежде всего идетъ къ тому углу, гдѣ стоитъ небольшое изваяніе домашняго божества (lar familiaris), и кланяется ему; точно такъ же и дневная работа, и простая обѣденная трапеза начинается съ того, что лару или ларамъ возносится куреніе или въ честь ихъ на огонь очага бросаютъ щепотку соли или горсточку муки. Праздниковъ, въ смыслѣ дней, посвященныхъ на служеніе богамъ, было еще немного и они еще рѣдко прерывали строго распредѣленную работу. Воля отца преобладаетъ безусловно, и рядомъ съ отцомъ, въ своемъ особомъ кругу дѣятельности, и мать пользуется почтеніемъ, такъ какъ положеніе женщины еще не поколеблено какимъ бы то ни было вліяніемъ греческой испорченности нравовъ. Взаимныя отношенія супруговъ между собою и дѣтей къ родителямъ подчинены извѣстнымъ правиламъ, извѣстному церемоніалу твердо установленныхъ формъ, которыя римскій народъ вноситъ всюду. Такимъ образомъ, видимъ, что серьезное отношеніе къ работѣ, спокойное послушаніе—являются въ этомъ народѣ какъ-бы прирожденными или воспитаніемъ привитыми качествами, и это воспитаніе заканчивается въ военномъ лагерѣ, обязательною воинскою службою, черезъ которую пролегаетъ путь

къ государственнымъ почестямъ и которая придаетъ свой особый отпечатокъ даже и жизни самаго простого смертнаго. Безъ всякаго ропота подчиняется римлянинъ государственной власти, и, въ противуположность грекамъ, онъ съ глубокимъ уваженіемъ взираетъ на представителей власти—чиновниковъ; строгій полицейскій надзоръ обуздываетъ всѣ проявленія обыденной жизни и зорко слѣдитъ за проникающими въ Римъ греческими искусствами. Уже законы 12-ти таблицъ воспрещаютъ смѣхотворныя и волшебныя пѣсни и многое другое, такъ какъ на римской почвѣ все опредѣленно и ничто не предоставляется на произволъ судьбы. Въ 275 г. И. Корнелій Руфинъ подвергается взысканію и вычеркивается изъ сенаторскаго списка за то, что онъ обладалъ серебрянымъ сервизомъ, цѣною въ 360 рублей, а это по древне-римскимъ понятіямъ превышало мѣру дозволенной роскоши. И, несмотря на подобныя строгости, благосостояніе народа все же, видимо, возрастаетъ, хозяйство начинаетъ пріобрѣтать значительные размѣры, внутренняя торговля Италіи поднимается точно такъ же, какъ и городскія ремесла, которыми занимается уже множество рабовъ и вольноотпущенниковъ. Во всей Италіи уже совершился переходъ отъ обмѣна къ денежному обращенію.

Государственная жизнь.

Римское *государственное устройство*, въ существеннѣйшихъ чертахъ своихъ, уже было закончено. Немного позднѣе разсматриваемаго нами времени, одинъ изъ именитыхъ государственныхъ людей римскихъ, похваляя это устройство, говоритъ о немъ, что «оно не было дѣломъ одного законодателя, какого-нибудь Миноса или Солона, а скорѣе дѣломъ многихъ поколѣній и медленно назрѣвающаго опыта». Изъ трехъ элементовъ, — демократическаго, монархическаго и аристократическаго, — о которыхъ греческіе теоретики справедливо говорятъ, что эти элементы въ разумномъ смѣшеніи даютъ главную суть хорошаго государственнаго устройства, — демократическій элементъ, на первый взглядъ, какъ бы преобладалъ въ Римѣ. Это можно заключить изъ того, что каждый совершеннолѣтній гражданинъ имѣлъ право избирательнаго голоса и доступъ къ почетнымъ должностямъ, и въ комиціяхъ всѣ голоса были равны, по крайней мѣрѣ въ *комиціяхъ по трибамъ*, т. е. собраніяхъ по мѣсту жительства, въ силу принадлежности по рожденію къ одной изъ 35 трибъ. Изъ двухъ другихъ формъ подачи голосовъ, наиболѣе благопріятная для патриціата подача голосовъ *по куріямъ*, утратила всякое значеніе; а подача голосовъ по *центуріямъ* (въ которой имущественный цензъ давалъ такія большія преимущества) уже близилась къ преобразованію въ демократическомъ смыслѣ, и сверхъ того, по отношенію къ вопросамъ внутреннимъ, положительно уступала мѣсто вполнѣ демократическимъ комиціямъ по трибамъ. Во всякомъ случаѣ, и самый ничтожный изъ гражданъ участвовалъ въ избраніи высокихъ сановниковъ и могъ себѣ сказать, что у него, для защиты отъ этихъ сановниковъ, есть свой сословный сановникъ, трибунъ его общины; такимъ образомъ, каждому римскому гражданину было вполнѣ присуще сознаніе того, что онъ свободенъ и составляетъ часть правящей народной общины—и это сознаніе въ особенности возросло съ той поры, какъ римскій гражданинъ, по отношенію къ союзникамъ и подданнымъ Рима, увидѣлъ себя членомъ *народа господ-*

Изображеніе древнеримскаго супружества (извѣстное подъ названіемъ Катона и Порціи), помѣщавшееся на могильномъ памятникѣ. Нынѣ въ Ватиканскомъ музеѣ.

ствующаго, привилегированной части населенія Италіи. Такъ, напр., право обращенія ко всему народу, по поводу каждаго произнесеннаго должностнымъ лицомъ приговора (провокація) тѣмъ болѣе способствовало подъему его демократическаго сознанія, что онъ пользовался этимъ правомъ наравнѣ съ самыми знатными и богатыми согражданами своими, между тѣмъ какъ и самый выдающійся изъ союзниковъ этимъ правомъ не пользовался.

Монархическіе, демократическіе, аристократическіе элементы.

И несмотря на все это кажущееся преобладаніе, демократическій элементъ вовсе не былъ особенно силенъ. Такъ, напр., трибунство съ теченіемъ времени обратилось въ орудіе именитыхъ плебеевъ, плебейской аристократіи, которая гораздо болѣе имѣла общихъ интересовъ съ патриціанской аристократіей, чѣмъ со своими менѣе зажиточными собратіями. Въ сущности же, *монархическое* начало осталось въ государствѣ римскомъ не нарушено, если подъ этимъ разумѣть силу правительства, единство и настойчивость исполнительной власти. Это начало яснѣе всего высказывалось въ томъ полновластіи, которое народъ вручалъ своимъ чиновникамъ. Большой политическій смыслъ народа доказывается именно тѣмъ, что онъ допустилъ временныя возстановленія монархической власти въ видѣ *диктатуры:* да и вообще всѣ должностныя лица въ Римѣ, въ теченіе ихъ должностного года, были въ своей законной сферѣ до такой степени независимыми, какъ ни въ какомъ иномъ государствѣ; смѣщеніе

сановника въ теченіе его служебнаго (должностного) года было немыслимо, а вынужденное, вслѣдствіе моральнаго давленія, насильственное удаленіе его—было величайшею рѣдкостью, такъ какъ отъ всякаго злоупотребленія служебною властью оберегалъ своеобразный принципъ коллегіальности:—то, что одинъ изъ консуловъ, преторовъ, цензоровъ всегда могъ парализовать дѣятельность своего товарища, сдѣлавъ противоположное его мѣропріятіямъ распоряженіе (каждый изъ нихъ обладалъ полнымъ и нераздѣльнымъ полномочіемъ по своей должности). Къ отвѣтственности каждый чиновникъ могъ быть привлеченъ не ранѣе, какъ по окончаніи его должностного года. То высокое значеніе, которымъ пользовались въ Римѣ всѣ должностныя лица, наглядно выражалось и внѣшними знаками отличія: при появленіи ихъ въ народѣ, у всѣхъ высшихъ чиновниковъ одежда была обшита пурпуровой каймой по краямъ (это такъ-называемая Toga praetexta), консулы же, при всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, являлись въ пурпурной одеждѣ. По креслу, выложенному слоновою костью, по ликторамъ, съ ихъ пучками прутьевъ и топорами, можно было издали узнать претора, «консула римскаго народа» — и этому внѣшнему почету соотвѣтствовали знаки уваженія, изъявляемаго сановнику со стороны встрѣчныхъ прохожихъ: передъ сыномъ-консуломъ, старикъ-отецъ подымался съ мѣста или сходилъ съ коня. Само собою разумѣется, что значеніе консульской власти еще болѣе возвышалось правомъ, въ теченіе должностного года, быть и главнокомандующимъ. Всѣ эти почести, конечно, были очень желательными, были приманкою для молодыхъ честолюбцевъ; но до консульства было не легко добраться: надо было пройти черезъ квестуру—въ эдилы, а изъ эдиловъ попасть въ преторы, и только послѣ преторства можно было добиваться консульства. И далеко не всѣ могли питать эти честолюбивыя мечты въ римскомъ государствѣ, которое на видъ казалось такимъ демократическимъ; потому что *аристократическій* элементъ больше по формѣ и на словахъ, нежели на дѣлѣ, утратилъ свое прежнее значеніе. Насколько намъ извѣстно, общественная жизнь носила еще на себѣ вполнѣ аристократическій отпечатокъ. Патриціанскія фамиліи, тѣсно-сплоченныя, сохранили еще за собою нѣкоторыя особыя права и особыя почести: — изъ патриціевъ выбирался одинъ изъ каждогодныхъ консуловъ, одинъ изъ цензоровъ, двое изъ четверыхъ эдиловъ; имъ же принадлежала почетная должность *старшаго изъ сенаторовъ* (princeps senatus)—перваго подававшаго голосъ—и нѣкоторыя жреческія должности; и въ Сенатѣ, и на улицѣ сенатора изъ патриціевъ можно было тотчасъ узнать по пряжкѣ изъ слоновой кости, въ видѣ полумѣсяца (lunula), которою скрѣплены были черные ремни его красной обуви. Но еще болѣе важно было то, что къ старому патриціату—благороднымъ по рожденію—присоединилось потомъ знатное плебейство, пріобрѣтавшее видное положеніе въ обществѣ посредствомъ службы. Плебей, добившійся консульства, вступалъ уже въ кругъ прирожденной аристократіи; также и его семейство наслѣдовало и его положеніе въ обществѣ, и всѣ преимущества, и всѣ притязанія высшаго сословія; и не мало было уже въ Римѣ семействъ, которыхъ интересы положенія, интересы *благороднаго сословія*, выросшаго рядомъ и почти

вмѣстѣ съ патриціанскимъ сословіемъ, связывали въ очень тѣсный и строго замкнутый кругъ. Аристократизмомъ отзывалось и то, что всѣ курульскія должности были должностями почетными, не сопряженными ни съ какимъ жалованьемъ.

Сенатъ. Но самымъ своеобразнымъ явленіемъ въ этомъ своеобразномъ государственномъ организмѣ былъ, конечно, его *Сенатъ*,—учрежденіе, которому во всемъ свѣтѣ нельзя было найти подобнаго. Не будучи учрежденіемъ представительнымъ, въ современномъ смыслѣ слова, римскій сенатъ былъ полнѣйшимъ воплощеніемъ націи, какое когда-либо существовало у народа. Учрежденіе было древнѣйшее, сросшееся съ жизнью народа, въ основѣ своей демократическое, никогда не переживало оно никакихъ насильственныхъ преобразованій, и все же шло впередъ вмѣстѣ съ народомъ, благодаря своевременному привлеченію плебейскаго элемента въ среду *приписныхъ* (conscripti) членовъ, рядомъ съ *отцами* (patres); первоначальная форма обращенія къ Сенату: «отцы, приписные члены» («patres, conscripti!») слилось потомъ въ несовсѣмъ понятчую для позднѣйшихъ поколѣній формулу: «Patres Conscripti». Его составъ, впрочемъ, теперь и дѣйствительно стоялъ въ зависимости отъ чисто-демократическаго принципа *народныхъ выборовъ*, хотя и производившихся косвеннымъ образомъ: каждое пятилѣтіе цензоры пересматривали списки сенаторовъ и дополняли корпорацію сенаторовъ бывшими сановниками, слѣдовательно, такими людьми, которые уже были удостоены общественнаго довѣрія, уже избраны народомъ, уже указаны общимъ голосованіемъ, и которые притомъ же способны были подать дѣльный совѣтъ, такъ какъ сами уже занимали нѣкогда важную и отвѣтственную должность. Такимъ образомъ, это собраніе «отцовъ» соприкасалось съ народомъ, который многимъ избранникамъ своимъ открывалъ путь для вступленія въ эту высшую корпорацію,—и въ этомъ именно смыслѣ Сенатъ можно было назвать учрежденіемъ демократическимъ, хотя, въ общемъ, онъ и носилъ на себѣ отпечатокъ аристократизма. Сенатъ состоялъ изъ бывшихъ сановниковъ, и сенаторы даже и садились, и голоса подавали по совершенно опредѣленному порядку чиновъ: прежде—бывшіе консулы, за ними преторы и т. д.; засѣдали они въ Сенатѣ пожизненно; отвѣтственности никакой не подлежали; корпорація сама соблюдала извѣстнаго рода дисциплину въ средѣ своихъ сочленовъ, и пренія Сената хотя и не были публичными, однакоже, не составляли тайны. И, постепенно, обстоятельства сложились такъ, что корпорація Сената представляла собою *монархическое* начало въ государствѣ—единство и непрерывность высшей государственной власти. Исторія среднихъ и новѣйшихъ временъ повѣствуетъ намъ о столкновеніяхъ и борьбѣ совѣщательныхъ собраній и учрежденій, облеченныхъ исполнительною властью; ничто подобное въ римскомъ Сенатѣ было немыслимо: здѣсь и совѣщательные, и исполнительные органы государства дѣйствовали заодно. Собраніе сенаторовъ, составленное изъ дѣйствительныхъ и бывшихъ чиновниковъ, относилось съ уваженіемъ къ власти и праву чиновниковъ, состоявшихъ при должности, а тѣмъ паче консуловъ, которые были постоянными предсѣдателями сената; и консулы, въ свою очередь, помыслить не могли коснуться правъ корпораціи, въ среду ко-

торой они должны были вновь вступить, по истеченіи своего должностного года. Притомъ, для предупрежденія каждаго превышенія власти существовало весьма острое орудіе: право цензоровъ исключать недостойныхъ или обходить ихъ при пополненіи списковъ Сената; а это право довѣрялось цензорамъ потому именно, что цензорами могли быть только бывшіе консулы, слѣдовательно, лица, закончившія свою государственную карьеру и вполнѣ независимыя отъ расположенія или нерасположенія народа. Въ быстромъ потокѣ событій и явленій политической жизни это собраніе осталось непоколебимо, и собиралось по-прежнему въ старой «куріи» на форумѣ: оно было главою государства и въ немъ сосредоточивалось все, что государство имѣло лучшаго въ смыслѣ дѣловитости, любви къ отчизнѣ, энергіи и осмотрительности.

Союзники и подданные Рима.

Союзное царство, во главѣ котораго стоялъ Римъ, было такимъ способомъ сплочено или сращено, что можно было только съ почтеніемъ отнестись къ созидательному смыслу господствующаго римскаго народа, насколько созданное имъ могло быть приписано мудрости отдѣльныхъ дѣятелей. На первомъ мѣстѣ въ этомъ союзномъ царствѣ стояли *общины полноправныхъ гражданъ*, изъ коихъ большая часть (начиная отъ Цэры на С. до Форміи на Ю.) составляла какъ бы одну область, а многія другія были разбросаны на территоріи всей федераціи. Среди «союзниковъ», слѣдовательно, среди подчиненныхъ Риму общинъ, нѣкоторыми преимуществами пользовались союзники *латинскаго племени*, которые въ области частнаго права были приравнены къ римлянамъ; къ тому же и во внутреннія дѣла ихъ римляне не вступались. Весьма мудрою мѣрою было то, что всѣмъ лицамъ, занимавшимъ общественныя должности въ латинскихъ городахъ, давались права полнаго римскаго гражданства, которыхъ въ разсматриваемую нами эпоху не легко было добиться: такимъ образомъ, и самое римское гражданство пополнялось постепенно лучшими элементами латинской націи. Второе мѣсто занимали *граждане безъ права голоса и права быть избранными* — формальные подданные Рима, у которыхъ посланный изъ Рима префектъ чинилъ судъ и расправу, хотя они въ управленіи частными дѣлами своихъ общинъ особенно стѣснены не были. Третье мѣсто занимали *союзники не-латинскаго племени*. Ихъ положеніе было не одинаково; оно основывалось на первоначальномъ союзническомъ договорѣ, сообразно которому, каждая изъ этихъ городскихъ общинъ болѣе или менѣе добровольно или не добровольно вступала въ союзъ; поэтому, одному городу (напр., Неаполю) было дано очень много правъ, а другому (напр., Капуѣ и Таренту) очень мало оставлено правъ и вольностей. Отдѣльные союзы народовъ или федераціи городовъ, которые, при прежнемъ положеніи дѣлъ, играли такую важную роль въ Италіи, были, конечно, уничтожены; и тѣ контингенты солдатъ, которые должна была поставлять въ войско каждая союзная община, держались порознь, и, какъ мы уже упоминали выше, не сводились въ болѣе крупныя части войскъ: изъ нихъ не составлялись цѣльныхъ легіоновъ. При этомъ, однакоже, всюду старались очень ловко связать съ Римомъ интересы руководящихъ и богатыхъ классовъ общества, благопріятствуя, по мѣрѣ возможности, переустройству италійскихъ общинъ въ смыслѣ аристо-

кратическомъ. Военное преобладаніе въ странѣ (которая, конечно, лишь весьма постепенно привыкала къ одному общему названію Италіи) обезпечивали Риму большія военныя дороги, которыя, начинаясь у римскаго форума, шли и на С., и на Ю., отъ крѣпости къ крѣпости; между этими дорогами *первою* была проложенная въ 312 году геніальнымъ цензоромъ Аппіемъ Клавдіемъ такъ-называемая *Аппіева дорога*, которая шла въ южномъ направленіи къ Капуѣ и далѣе потомъ къ Беневенту, къ Венузіи, Таренту и Брундузіуму. Сенатъ, однакоже, пользовался этимъ военнымъ могуществомъ весьма умѣренно; римскіе полноправные граждане несли на себѣ главную долю тягостей, возлагаемыхъ на это сословіе господствующимъ положеніемъ, и, можно сказать не обинуясь, что римское господство, внесшее миръ и порядокъ во всей Италіи и избавившее населеніе ея отъ нескончаемыхъ усобицъ городовъ и племенъ, было истинно благодѣтельнымъ для страны. Нельзя, однакоже, не замѣтить, что это благодѣяніе, ощущаемое весьма многими, было, въ дѣйствительности, признаваемо лишь очень немногими. Ни одна великая нація никогда не возникала по добровольному соглашенію элементовъ, вошедшихъ въ составъ ея.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Римъ и Карѳагенъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первая Пуническая война (264—241 до Р. Х.).—Возстаніе карѳагенскихъ наемниковъ; Истрійская и Галльская войны.—Вторая Пуническая война (218—201).

Положеніе странъ на прибрежьи Средиземнаго моря.

Около того времени, когда Милонъ сдалъ римлянамъ Тарентинскую цитадель, установилось нѣчто въ родѣ политическаго равновѣсія между великими державами, образовавшимися на берегахъ Средиземнаго моря; можно было даже подумать, что миръ установится надолго, именно на основѣ системы равновѣсія между этими государствами, изъ которыхъ ни одно само по себѣ не въ силахъ было одолѣть противника, и изъ которыхъ каждому въ его дѣйствіяхъ мѣшало извѣстное число малыхъ и среднихъ государствъ. Соглашеніе между этими двумя государственными общинами было бы теперь легче установить, чѣмъ когда-либо, какъ ни были разнородны національности, входившія въ составъ ихъ: греческій языкъ и образованность со дня на день скрѣпляли связь между культурными народами того времени, а быстро развивавшіяся торговыя сношенія и невѣроятно возраставшая промышленная дѣятельность, шире и шире распространявшаяся отъ множества городскихъ центровъ, вызывали потребность въ мирѣ и мирныхъ, вполнѣ упорядоченныхъ, сношеніяхъ, болѣе, чѣмъ когда-либо. Надежды на такой миръ, повидимому, возросли съ тѣхъ поръ, какъ римская федеративная держава окончательно округлилась. Теперь на Западѣ Европы преобладали два государства, управляемыя двумя большими республиканскими городами: Римъ—на западномъ берегу Италіи и Карѳагенъ—на сѣверномъ берегу Африки. Интересы обоихъ государствъ, до того времени, еще никогда не приводили ихъ къ враждебнымъ столкновеніямъ; многіе торговые трактаты (348, 306 гг.), составленные, повидимому, безъ всякаго затрудненія и на довольно либеральной основѣ,

указываютъ на дружественныя отношенія, и среди посольствъ, присланныхъ дружественными державами въ 340 г. въ Римъ съ поздравленіями по поводу окончательнаго пріобрѣтенія Капуи, мы видимъ также карѳагенское посольство *). И въ только-что законченной войнѣ съ Пирромъ общая опасность даже побудила Римъ и Карѳагенъ къ заключенію союза. Несмотря на все это, дѣло приняло совсѣмъ иной оборотъ, ни для кого неожиданный. Вмѣсто прочнаго мира, между Римомъ и Карѳагеномъ послѣдовало цѣлое столѣтіе почти непрерывныхъ войнъ, которыя создали всемірную монархію, далеко превышавшую всѣ самые смѣлые замыслы Александра,—и центромъ ея явилась та самая курія, въ которой, близъ форума, собирался на совѣщанія римскій сенатъ.

Мессанская коммуна.

Событіе, повидимому, имѣвшее вполнѣ мѣстный характеръ, какъ оказалось, носило въ себѣ зародыши этого гибельнаго будущаго. Въ 282 г. случилось какъ-то, что шайка кампанскихъ наемниковъ (сыновей Мамерта, бога войны, по ихъ понятіямъ), *мамертинцевъ*, состоявшихъ на службѣ сиракузскаго тиранна Агаѳокла, захватила городъ Мессану при Сицилійскомъ проливѣ, перебила всѣхъ жителей мужескаго пола, а женщинъ, дѣтей и имущество ихъ присвоила себѣ; здѣсь, подобно состоявшему на римской службѣ кампанскому легіону, захватившему Регію (279), и въ связи съ нимъ, мамертинцы завели разбойничье гнѣздо, которое, даже и помимо преступнаго своего происхожденія, оказалось въ высшей степени тягостнымъ для сосѣдей. Хозяйничанью мятежнаго легіона въ Регіи римляне положили суровый конецъ; но вступаться въ дѣла сицилійскія они не имѣли ни малѣйшаго права; и такъ, мамертинцы въ Мессанѣ продолжали разбойничать. Это повело къ войнѣ съ Сиракузами. Талантливому молодому человѣку, *Гіерону*, Гіероклесову сыну, удалось нанести имъ тяжкое пораженіе. Къ тому же, вскорѣ послѣ этого, побѣдитель мамертинцевъ былъ провозглашенъ царемъ, и они поняли, что при всеобщей ненависти, съ которою относились къ нимъ всѣ сосѣднія, законоправныя государства, они не въ силахъ будутъ бороться противъ Сиракузъ. Стали они высматривать себѣ союзниковъ, вполнѣ сознавая, что положеніе занятаго ими города очень важно, и что потому именно союзъ съ ними не лишенъ нѣкотораго значенія. Долго колебались они между союзомъ съ Римомъ или съ Карѳагеномъ, и вѣроятно бурные споры происходили между ними на тѣхъ собраніяхъ, на которыхъ этотъ вопросъ рѣшался. Римская партія одержала верхъ, и въ Римъ отправлено было посольство съ униженною просьбою—защитить своихъ соплеменниковъ противъ враждебныхъ имъ сицилійцевъ.

Посольство мамертинцевъ. Совѣщанія въ Римѣ.

Кажется, что болѣе вѣскій вопросъ внѣшней политики никогда еще не былъ предложенъ на разрѣшеніе Сената и народа римскаго. Положеніе, само по себѣ, было, конечно, достаточно ясно: — подать помощь, значило вступить во вражду съ карѳагенянами, потому что вмѣшательство въ дѣла Сициліи было бы въ Карѳагенѣ принято за вызовъ; не подать—такъ ее

*) По установившемуся обычаю, такія посольства, являвшіяся въ Римъ съ поздравленіями, приносили отъ имени города золотой вѣнокъ и возлагали его на алтарь главнаго храма столицы—Юпитера Капитолійскаго.

подадутъ карѳагеняне, и ихъ придется видѣть своими близкими сосѣдями, да еще въ опасномъ мѣстѣ.

Уже событія послѣдней войны вынудили римскихъ правителей обратить вниманіе на сицилійскія дѣла, а также и на самое значеніе Карѳагена, какъ державы, и на средства, которыми онъ обладалъ. Говорятъ, что уже царь Пирръ указывалъ на Сицилію, какъ на будущій театръ войны между Римомъ и Карѳагеномъ, и въ Римѣ нисколько не заблуждались насчетъ намѣреній, съ которыми флотъ карѳагенянъ явился въ водахъ Тарента въ 272 году, хотя и прикинулись, что почитаютъ эти намѣренія вполнѣ дружественными, во избѣжаніе дальнѣйшихъ усложненій въ отношеніяхъ къ пунійцамъ. И вотъ, при изображеніи всемірно-историческаго столкновенія этихъ двухъ державъ — въ нѣкоторомъ смыслѣ второй борьбы между Востокомъ и Западомъ, — мы видимъ себя въ такомъ же неблагопріятномъ положеніи, какъ и при описаніи персидскихъ войнъ, перваго подобнаго столкновенія. Исторія Пуническихъ войнъ написана побѣдителями, а отъ побѣжденныхъ до насъ не дошло не только никакихъ оригинальныхъ источниковъ, но лишь весьма жалкіе обрывки источниковъ второстепенныхъ,—слѣдовательно, лишь весьма немногія замѣтки, могущія насъ ввести въ кругъ воззрѣній, настроеній и правовыхъ убѣжденій противуположной, пунической стороны. Однакоже, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что какъ въ первой, такъ и во второй борьбѣ Востока съ Западомъ, высшее право, право лучшаго,—на сторонѣ западной державы.

Карѳагенъ и его предшествующая исторія.

Полагаютъ, что поводомъ къ основанію Карѳагена на томъ удивительно благопріятномъ мѣстѣ, какое онъ занималъ—послужилъ внутренній переворотъ въ финикійскомъ городѣ Тирѣ. Нѣкоторое число бѣглецовъ изъ Тира, предводимыхъ царственною женою Дидоною, пріобрѣло покупкою небольшой клочокъ земли (въ Туниссомъ заливѣ, при низовьяхъ рѣки Багадрасъ) отъ ливійскаго племени, владѣвшаго сѣвернымъ берегомъ Африки, основало здѣсь поселеніе и дало ему весьма многозначительное въ данномъ случаѣ названіе «*Карт-Хадачъ*» — Новый городъ. Колоніи финикіянъ въ древнія времена не были особенно прочными и устойчивыми—это были скорѣе торжки, факторіи, съ немногими постройками для цѣлей торговыхъ, съ храмомъ Астарты и товарными амбарами—и только. Но въ этомъ новомъ поселеніи соединились многія условія, вслѣдствіе которыхъ оно вскорѣ пріобрѣло выдающееся политическое значеніе. Прежде всего его несравненное положеніе, одинаково благопріятное и для торговли, и для земледѣлія, почти на самой серединѣ длинной и безплодной линіи сѣверо-африканскаго берега, какъ разъ противъ Сициліи, между восточною и западною частями Средиземнаго моря,—вотъ что вскорѣ сдѣлало Карѳагенъ центромъ всѣхъ финикійскихъ факторій на Западѣ. Городъ, однакоже, довольно долгое время, и притомъ весьма смиренно, на финикійскій ладъ, платилъ туземному населенію небольшую подать за землю. Однакоже, нападенія туземцевъ и могущественная конкуренція грековъ въ западныхъ водахъ Средиземнаго моря,—все это вынудило, наконецъ, карѳагенянъ взяться за мечъ, или, лучше сказать, нанять тѣхъ, которые за нихъ и по ихъ приказу взялись за мечъ. При посредствѣ

такой наемной силы, они покорили себѣ ливійскія селенія, окружавшія Карѳагенъ, защитились отъ кочевниковъ пустыни, и городъ ихъ мало-помалу обратился въ столицу царства, которое захватывало въ свои предѣлы въ самой Африкѣ всѣ финикійскія поселенія (кромѣ Утики, все это были мѣста неукрѣпленныя) и всю полосу покоренной Карѳагеномъ земли, до самыхъ границъ великой пустыни, а равно и внѣ Африки лежавшія колоніи, разбросанныя по берегамъ Андалузіи и Гренады, на Балеарскихъ и Питіузскихъ островахъ, въ Сардиніи и Сициліи. Въ *Сициліи* греки оттѣснили древне-финикійскій элементъ, какъ и вообще они всюду уже начинали его одолѣвать на Западѣ. Но Карѳагенъ вступилъ здѣсь съ ними въ борьбу, которая длилась изъ поколѣнія въ поколѣніе, постоянно видоизмѣняясь въ своихъ проявленіяхъ:—и то пунійскія войска являлись подъ стѣнами Сиракузъ, то мощные правители Сиракузъ, въ родѣ, напримѣръ, Агаѳокла, переправлялись на ливійскій берегъ и водили свои побѣдоносныя войска къ стѣнамъ Карѳагена. Среди этой постоянной борьбы развился въ пунійскомъ городѣ и политическій смыслъ, и чувство господства. Когда въ 332 году на метрополію Карѳагена — на древній Тиръ— обрушилась страшная катастрофа и нѣсколько знатныхъ семей переселились оттуда въ Карѳагенъ — новый городъ почувствовалъ себя преемникомъ достославнаго имени финикійской націи, хотя, конечно, это гордое сознаніе не могло здѣсь вызвать того государственнаго настроенія и того патріотизма, какой мы видѣли въ большихъ греческихъ городахъ или какой выросъ и развился въ Римѣ. Весьма важно было то, что государственное устройство въ Карѳагенѣ основано было на началахъ, совершенно противуположныхъ государственнымъ началамъ Рима. Римляне какъ бы срослись со своей почвой; большинство римскаго народа состояло изъ земледѣльцевъ, ихъ благородное сословіе—изъ небогатыхъ землевладѣльцевъ; въ Карѳагенѣ же, напротивъ, вся жизнь держалась на торговлѣ и промышленности (и семиты, и карѳагеняне и слышать не хотѣли о земледѣліи), и только богатѣйшіе изъ карѳагенянъ-торговцевъ, обрабатывая обширныя свои земельныя владѣнія при посредствѣ многочисленныхъ рабовъ, занимались земледѣліемъ, какъ и всякимъ инымъ крупнымъ оборотомъ, ради получаемой отъ него ренты. Риму его господство въ Италіи досталось путемъ долгихъ и тяжкихъ усилій, но навсегда, и правилъ онъ народами Италіи строго, но не произвольно, не жестоко, и его правленіе было для нихъ благодѣтельнымъ; пунійцы же, напротивъ того, оставались чужаками на ливійской почвѣ, и мѣстное населеніе ихъ ненавидѣло и боялось, какъ господъ жестокихъ и жадныхъ. Государственное устройство Карѳагена, въ подробностяхъ, не въ такой степени ясно и извѣстно намъ, какъ римское:—несомнѣнно только то, что тамъ могущество обусловливалось богатствомъ, что «совѣтъ старѣйшинъ», по семитическому обычаю (нѣчто въ родѣ олигархической герузіи или правительственной коллегіи), стоялъ во главѣ правленія; а исполнительная власть и предводительство войсками на войнѣ сосредоточивались въ рукахъ двухъ «шоффетовъ», ежегодно избираемыхъ царей или судей, которые обязаны были отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ предъ совѣтомъ старѣйшинъ и за успѣхъ отвѣчали головою. Вслѣдствіе внутренней борьбы съ одной изъ знатныхъ

фамилій, которой главы нѣкоторое время руководили политикою Карѳагена, пользуясь почти царственною властью, явилось еще одно учрежденіе—«корпорація ста-четырехъ», на которую всѣ смотрѣли, какъ на главный оплотъ аристократіи, и которая всюду вмѣшивалась со своими аристократическими притязаніями. Масса народа, собственно граждане, обладала политическими правами, но такъ какъ подкупъ былъ въ большомъ ходу, то права эти ни къ чему не приводили. О духовной жизни карѳагенянъ извѣстно намъ очень немногое. Изъ ихъ литературы, служившей, конечно, отраженіемъ этой жизни, до насъ не дошло ничего, кромѣ немногихъ надписей и извѣстія о какомъ-то сочиненіи по сельскому хозяйству, которое было настолько важно, что переведено было на греческій языкъ, а по приказу римскаго Сената—и на латинскій. Но объ этой духовной жизни мы не можемъ получить благопріятнаго мнѣнія уже и потому, что этотъ могущественный, богатый, широко раскинувшійся народъ все же нигдѣ не оказалъ глубокаго вліянія на другіе народы, да и самъ не воспринялъ ничего ни откуда; а тотъ же культъ Астарты и Ваала, который пунійцы принесли изъ своей хананейской отчизны, укоренился и въ новомъ городѣ со всѣми ужасами сладострастія и жестокости его обрядовой стороны: при большихъ народныхъ бѣдствіяхъ приносились даже громадныя человѣческія жертвоприношенія всепожирающему, безпощадному Молоху. Тѣ благородныя доблести, которыя служатъ лучшимъ украшеніемъ народовъ арійскаго племени—у семитовъ-пунійцевъ не пользовались почетомъ. Никто среди нихъ и понятія не имѣлъ о той общей воинской повинности гражданъ, которая была общераспространеннымъ явленіемъ у грековъ, римлянъ и италійцевъ, вошедшихъ въ составъ союзническаго государства римлянъ; карѳагеняне и утверждали, и распространяли свое могущество при посредствѣ продажныхъ наемниковъ, которые и расплодились-то, главнымъ образомъ, изъ-за того, что спросъ на нихъ въ Карѳагенѣ былъ постоянно очень бойкій. Громадная денежная сила, которою карѳагеняне обладали,—а Карѳагенъ несомнѣнно былъ богатѣйшимъ городомъ древности,—давала возможность карѳагенскому правительству во всякое время собрать потребное ему количество войскъ; а для вооруженія въ самомъ Карѳагенѣ, защищенномъ отъ всякаго нападенія неприступными укрѣпленіями, всегда готовы были громадные склады всякаго воинскаго матеріала; мало того: у подошвы Бирзы,—холма, увѣнчаннаго цитаделью, съ котораго открывается видъ на оживленный городъ, на богатый ландшафтъ окрестностей, на гавани и заливъ,—устроены были помѣщенія для многихъ сотенъ военныхъ слоновъ. И несмотря на всѣ эти громадныя средства, сила карѳагенянъ была не въ ихъ сухопутномъ войскѣ: болѣе всего вынуждалъ опасаться ихъ сосѣдства тотъ мощный военный флотъ, которымъ они обладали; римляне же страшились его тѣмъ болѣе, что даже и тотъ небольшой флотъ, какой у нихъ былъ, пришелъ въ запущеніе; только уже въ 311 г. въ Римѣ было установлено постоянное морское вѣдомство въ видѣ двоихъ чиновниковъ (duumviri navales), и даже послѣ тарентинской войны флотъ у римлянъ развивался очень туго. Не безъ основанія похвалялись карѳагеняне тѣмъ, что безъ ихъ разрѣшенія римлянамъ «нельзя и рукъ въ морѣ умыть».

Рѣшеніе вопроса о помощи мамертинцамъ. Война съ Карѳагеномъ.

Вопросъ о подачѣ помощи мамертинцамъ, какъ и всякій иной вопросъ внѣшней политики, былъ такимъ дѣломъ, которое требовало не долгихъ обсужденій, а энергическаго рѣшенія. Сенатъ предоставилъ этотъ вопросъ на рѣшеніе народа, и самая форма, въ которую въ подобныхъ случаяхъ облекались народныя собранія (по сотнямъ, какъ вполнѣ военный организмъ, и въ полномъ вооруженіи), уже очень много могла способствовать принятію мужественныхъ рѣшеній. Въ центуріальныхъ комиціяхъ большинство отвѣчало на заданный правительствомъ вопросъ положительно. Помощь мамертинцамъ была подана, хотя ихъ дѣло было далеко не чистое, и тѣмъ самымъ уже была объявлена война Карѳагену,—*первая* изъ трехъ *Пуническихъ*, которую древніе называли иначе *сицилійской* войной, такъ какъ въ этой первой войнѣ наградою побѣдителя и естественнымъ объектомъ войны былъ именно островъ Сицилія, изъ-за обладанія которою арійцы и семиты, греки и карѳагеняне боролись уже много вѣковъ сряду.

1. Первая Пуническая война (264—241).

Первая Пуническая война.

Эта борьба обоихъ народовъ изъ-за прекраснаго острова, который лежалъ какъ разъ посреди̇нѣ между ихъ государствами, длилась 24 года. Какъ только римляне рѣшились вступиться въ сицилійскія дѣла, такъ тотчасъ же новый правитель сиракузскій вступилъ въ союзъ съ Карѳагеномъ и въ самой Мессанѣ произошелъ внутренній переворотъ: карѳагенская партія взяла верхъ и даже впустила въ городъ карѳагенскій гарнизонъ. Это тѣмъ болѣе побудило римлянъ дѣйствовать энергически: передовой отрядъ римскаго войска удалось быстро и благополучно переправить черезъ проливъ (длина его около 30 верстъ, а ширина отъ 3—14 верстъ) и командовавшій отрядомъ военный трибунъ съумѣлъ хитростью выманить карѳагенскій гарнизонъ изъ Мессаны. Затѣмъ уже переправились и главныя силы римлянъ, подъ начальствомъ консула Аппія-Клавдія Каудекса (264), разбили соединенное войско карѳагенянъ и сиракузянъ, и ихъ союзъ, послѣ новой побѣды консула М. Валерія, распался въ слѣдующемъ же году (263).

Война въ Сициліи (264).

Правитель Сиракузъ, Гіеронъ, понялъ, что въ борьбѣ пунійцевъ и римлянъ сицилійскимъ грекамъ весьма естественно принять сторону послѣднихъ. Въ слѣдующемъ году (262), послѣ семимѣсячной осады, въ руки римлянамъ досталась главная крѣпость пунійцевъ — *Акрагасъ*, на югѣ острова. Тогда-то выяснилось, что римлянамъ необходимъ сильный флотъ военный, и этотъ флотъ былъ созданъ съ обычною энергіею: разсказываютъ, что въ теченіе двухъ мѣсяцевъ римляне построили 100 пентеръ и 20 триремъ. Римское правительство ни мало не смутилось тѣмъ, что при первомъ испытаніи, какое пришлось выдержать новому флоту, одинъ изъ консуловъ, вмѣстѣ со своей эскадрой, попался въ руки карѳагенянъ. Главныя морскія силы римлянъ, со вторымъ консуломъ, К. Дуиліемъ, около того же времени, при *Милэ* (на сѣверо-восточной сторонѣ острова), вступили въ битву съ болѣе многочисленнымъ флотомъ Ганнибала и произошло нѣчто никѣмъ не ожидаемое: карѳагенскій флотъ былъ побитъ и потерялъ 50 кораблей. Этимъ успѣхомъ римляне были обязаны весьма остроумному изобрѣтенію—

подвижнымъ помостамъ съ крючьями (такъ-называемымъ «Дуліевымъ крючьямъ»), которые въ надлежащій моментъ быстро опускались, захватывали крючьями бортъ приблизившагося непріятельскаго корабля и обращали морское побоище, въ которомъ карѳагеняне славились своимъ искусствомъ, въ простую схватку между воинами, при чемъ, конечно, всѣ преимущества были уже на сторонѣ римлянъ. Эта первая морская побѣда

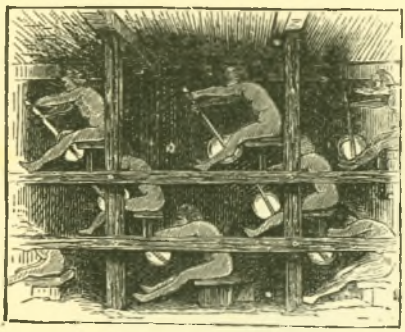
Реставрація римской триремы, временъ Пуническихъ войнъ, съ перекиднымъ мостомъ.

была отпразднована въ Римѣ весьма торжественно, какъ событіе, составляющее эпоху въ римской исторіи (260). Но какъ ни было оно славно, оно все же не привело ни къ чему рѣшительному, и четыре ближайшіе года прошли въ осадахъ и бояхъ на сушѣ и на морѣ, безъ всякаго рѣшительнаго перевѣса на той или на другой сторонѣ.

Такъ длилась война въ теченіе восьми лѣтъ; тогда было рѣшено въ Римѣ придать войнѣ оборотъ рѣшительный, нанеся ударъ въ самое сердце Карѳагена, и война была перенесена на африканскій берегъ. Собранъ былъ громадный флотъ въ 330 судовъ; двое способныхъ полководцевъ, оба консула (256), *Л. Манлій Вульзо* и *М. Атилій Регулъ*, приняли на себя начальствованье надъ экспедиціей, и должны были морскою побѣдою открыть себѣ путь въ Ливію. Столкновеніе произошло въ водахъ *Экномоса*, между Акрагасомъ и Гелой (на южномъ берегу острова); то было громадное морское побоище, — 330 римскихъ кораблей бились въ немъ противъ 350 карѳагенскихъ, а число сражающихся съ обѣихъ сторонъ достигало громадной цифры 300.000 человѣкъ—и римляне послѣ долгой и упорной борьбы побѣдили. Шестьдесятъ четыре карѳагенскихъ корабля остались въ римскихъ рукахъ, тридцать кораблей было римлянами потоплено; остальные вновь собрались въ Туниссомъ заливѣ, выжидая тамъ римскій флотъ для новой битвы. Но римскій флотъ принялъ направленіе болѣе восточное и при Клупеѣ высмотрѣлъ мѣсто, удобное для высадки войскъ на берегъ. Исторія этого достославнаго похода об-

Въ Ливіи. 256.

ставлена въ разсказахъ римлянъ всякими вздорными вымыслами, въ родѣ разсказовъ о гигантскихъ змѣяхъ, съ которыми приходилось вступать въ борьбу, какъ будто бы сѣверный берегъ Африки былъ въ то время какою-нибудь невѣдомою страною; а между тѣмъ этотъ походъ въ высокой степени любопытенъ по тѣмъ перемѣнамъ военнаго счастія, которыя его характеризуютъ. Карѳагеняне, прослышавъ о приближеніи римлянъ, тотчасъ же стянули всѣ войска внутрь своей столицы и прикрыли только ближайшіе къ ней пункты, ибо всюду поднялось противъ пунійцевъ порабощенное ими мѣстное ливійское населеніе и перешло на сторону римлянъ. Положеніе представлялось римлянамъ настолько блестящимъ, что количество войскъ показалось имъ слишкомъ велико, и потому одинъ изъ консуловъ, Манлій, съ весьма значительною частью войска былъ отосланъ въ Италію, между тѣмъ какъ карѳагеняне, провѣдавъ объ этомъ, немедленно вызвали изъ Сициліи своего полководца Гамилькара съ нѣкоторою частью тамъ находившихся пунійскихъ войскъ. Римляне, подъ начальствомъ М. Атилія Регула, продвинулись до Адеса (за два дня пути къ югу отъ Карѳагена): карѳагенское войско, встрѣченное здѣсь римлянами, было отброшено съ большимъ урономъ, и пунійское правительство, никогда не любившее доводить дѣло до крайности, а главное, озабоченное скорѣйшимъ удаленіемъ римлянъ изъ Ливіи, предложило миръ. Условія мира предложены были самыя выгодныя:—очищеніе всей Сициліи. Это было все, чего Римъ могъ въ ту пору желать, оставаясь въ предѣлахъ благоразумія; слѣдуетъ, однакоже, предположить, что Регулъ,—отличный полководецъ въ полѣ,—былъ въ то же время весьма недальновиднымъ государственнымъ человѣкомъ. Одинъ изъ греческихъ историковъ справедливо выражается о немъ, что «его счастье оказалось для него невыносимою ношею». Онъ оскорбилъ карѳагенскихъ пословъ (знатнѣйшихъ представителей государства) своимъ рѣзкимъ отношеніемъ къ нимъ и поставилъ такія невозможныя условія для заключенія мира, которыя должны были бы поставить Карѳагенъ въ совершенно зависимое отъ Рима положеніе, приравнявъ его къ Капуѣ или Таренту; и эти-то условія онъ почиталъ въ своемъ высокомѣріи какъ бы желаннымъ даромъ для Карѳагена. Тогда переговоры были прерваны и пунійское правительство нашло себѣ весьма полезнаго полководца въ одномъ изъ недавно прибывшихъ въ Карѳагенъ вождей наемнической дружины: то былъ нѣкто *Ксантиппъ*, лакедемонянинъ, который съумѣлъ придать новую организацію упавшей духомъ пунійской арміи, а главное—правильно воспользоваться лучшею частью ея, многочисленной конницей. Это войско вновь явилось въ открытомъ полѣ. Римскій проконсулъ принялъ битву (255) въ *равнинѣ Тунеса* и былъ въ такой степени увѣренъ въ побѣдѣ, что даже



Гребцы внутри римской триремы.

не обезпечилъ себѣ отступленія къ своему укрѣпленному лагерю при Клупеѣ. Однакоже, на этотъ разъ дѣло рѣшила масса конницы—4.000 коней при небольшомъ количествѣ пѣхоты, въ 12.000 человѣкъ, нападавшая на римлянъ съ обоихъ фланговъ—и побѣда осталась за карѳагенянами. Изъ всего римскаго войска спаслось не болѣе 2,000 чел., и на долю города выпало необыкновенное счастье:—тотъ самый горделивый полководецъ, который предлагалъ Карѳагену быть данникомъ Рима, попался въ руки пунійцевъ и съ торжествомъ былъ приведенъ въ Карѳагенъ въ числѣ другихъ плѣнниковъ.

Опять въ Сициліи.

Война, такимъ образомъ, вновь перенесенная въ Сицилію, тянулась еще нѣкоторое время безъ рѣшительныхъ результатовъ. Много разъ были выстраиваемы сильные флоты, для которыхъ тогдашняя Италія могла доставлять строевой лѣсъ въ бо́льшемъ количествѣ, нежели обезлѣсенная нынѣшняя; но море не давалось въ руки римлянамъ: много разъ разбивало римскіе флоты сильными бурями, такъ что римляне, наконецъ, совсѣмъ покинули морскую войну, и тѣмъ подали карѳагенянамъ примѣръ, которому они имѣли неосторожность послѣдовать. И вотъ война продолжалась на сушѣ: осады слѣдовали за осадами, сраженія за сраженіями. Никто бы не могъ сказать, на которой изъ двухъ сторонъ преимущество, но и къ миру ни одна изъ сторонъ не выказывала расположенія. Наконецъ, лѣтомъ 250 г., произошло рѣшительное сраженіе, которое выяснило положеніе дѣлъ: проконсулъ Л. Цецилій Метеллъ, при *Панормѣ* (въ сѣверо-западной Сициліи), одержалъ большую побѣду надъ пунійскимъ войскомъ подъ предводительствомъ Газдрубала. Карѳагенское правительство озаботилось о мирныхъ переговорахъ. Ради этой цѣли отправлено было въ Римъ посольство, какъ бы для того, чтобы договориться о размѣнѣ плѣнныхъ и затѣмъ перейти къ переговорамъ о мирѣ. Къ этому посольству карѳагеняне присоединили и консула Регула, знатнѣйшаго изъ своихъ римскихъ плѣнниковъ, а это и служитъ доказательствомъ того, что дѣло шло не о простомъ обмѣнѣ плѣнныхъ. Почти нельзя сомнѣваться въ томъ, что̀ именно воспрепятствовало удачному исходу переговоровъ, хотя нигдѣ не сохранилось намъ объ этомъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній. Карѳагеняне предлагали Риму, какъ и нѣкогда Пирру (въ 275 г.) уступку всей Сициліи, за исключеніемъ Лилибея; а римляне желали, чтобы имъ былъ безусловно уступленъ весь островъ. Регулъ, призванный въ Сенатъ на совѣщаніе, былъ настолько великодушенъ, что, въ прямомъ духѣ римской политики, отсовѣтовалъ римскому правительству вступать въ переговоры съ Карѳагеномъ на основаніи сдѣланнаго Риму предложенія, а также—и принять предлагаемый ему размѣнъ плѣнныхъ, который долженъ былъ послужить началомъ переговоровъ. Такъ онъ и вернулся, ничего не сдѣлавъ, вмѣстѣ съ карѳагенскими послами въ Карѳагенъ, гдѣ онъ, вскорѣ послѣ того (между 249—248 гг. до Р. Х.), и умеръ. Римское правительство, чтобы обезпечить и дальнѣйшее почтительное отношеніе къ Регулу въ Карѳагенѣ, дало его семьѣ въ Римѣ двоихъ знатныхъ карѳагенскихъ плѣнниковъ въ заложники. Атиліи, узнавъ о смерти Регула, приписали ее дурному обращенію съ нимъ или, можетъ-быть, слышали нѣчто подобное,—и самымъ низкимъ образомъ стали вы-

мещать свою злобу на этихъ заложникахъ, противъ чего однакоже Сенатъ тотчасъ принялъ мѣры. Надо замѣтить, что хотя въ теченіе этой долгой войны и были допущены съ той и другой стороны нѣкоторыя крайности со стороны частныхъ лицъ, однакоже, вообще говоря, государство съ государствомъ вело войну достойнымъ цивилизованныхъ націй образомъ.

Гамилькаръ Баркасъ. Битва при островахъ Эгатскихъ, 242.

Вѣроятно, въ Римѣ не вполнѣ вѣрно оцѣнили силы, оставшіяся у карѳагенянъ для отпора. Послѣ битвы при Панормѣ и неудачи мирныхъ переговоровъ, послѣдовавшихъ за этой битвой, война тянулась еще цѣлыхъ девять лѣтъ (250—241). Прежде всего война сосредоточилась именно около важной пунійской крѣпости, *Лилибеи* (на западномъ берегу Сициліи), но безуспѣшно для Рима. Городъ не былъ завоеванъ римлянами, и во время осады его консулъ П. Клавдій Пульхеръ, въ 249 г., понесъ при *Дрепано*, къ сѣверу отъ Лилибеи, пораженіе, которое можетъ быть названо однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ въ теченіе этой войны: 93 его корабля достались въ руки карѳагенянъ, и только 30 остальныхъ едва успѣли спастись бѣгствомъ къ берегу. Война казалась безконечной. На сушѣ ее поддерживалъ молодой карѳагенскій военачальникъ *Гамилькаръ*, прозванный *Баркасъ* (молнія), который оказался впослѣдствіи отличнымъ полководцемъ и замѣчательнымъ государственнымъ дѣятелемъ; онъ укрѣпился на неприступной скалѣ *Гегикте* (нынѣ извѣстна подъ названіемъ Монте-Пеллегрино) и оттуда непрерывно тревожилъ римлянъ внезапными нападеніями, безпрестанными набѣгами и битвами, и наносилъ имъ громадный ущербъ. Обѣ стороны были страшно истощены, но ни одна не хотѣла уступить другой. Однакоже, въ Римѣ нашлась возможность нанести противнику послѣдній ударъ: чего уже не могло сдѣлать истощенное государство, то было довершено достопамятнымъ и достославнымъ порывомъ горячаго патріотизма частныхъ лицъ. Составилось въ Римѣ общество, которое, въ видѣ добровольнаго займа, предложило государству средства къ постройкѣ и вооруженію еще одного большого флота (242). Консулъ 241 г., *Кв. Лутацій Катулъ*, вывелъ этотъ флотъ въ море и сошелся съ карѳагенскимъ флотомъ (карѳагеняне около этого времени тоже успѣли дополнить и обновить свой флотъ) у острова Эгузы, одного изъ самыхъ большихъ между *Эгатскими* островами. Пунійскій флотъ долженъ былъ принять на бортъ Гамилькара и его сподвижниковъ, занявшихъ позицію на ближайшей горѣ Эриксъ. Но до этого дѣло не дошло: Лутацій напалъ на тяжело-вооруженные корабли, и предводитель карѳагенскаго флота *Ганнонъ* долженъ былъ принять сраженіе. Оно вскорѣ рѣшилось: позднѣйшій историкъ уподобляетъ это сраженіе кавалерійской схваткѣ—первый натискъ рѣшилъ дѣло. Карѳагеняне, потерпѣвъ пораженіе, послали единственному полководцу своему, не потерпѣвшему пораженій, Гамилькару, полномочія вести съ Римомъ переговоры.

Миръ, 241.

То былъ человѣкъ, съумѣвшій поддержать достоинство своего государства и въ моментъ неудачи. Онъ не согласился ни положить оружіе, ни выдать римскихъ перебѣжчиковъ; его отрядъ, не побѣжденный, сошелъ съ горы Эриксъ. Важнѣйшимъ условіемъ мира была уступка Сициліи; остальныя были установлены безъ всякихъ затрудненій. Сверхъ того кар-

ѳагеняне обязались не вступать со своими судами въ сиракузскія воды и не вербовать новыхъ солдатъ въ римскихъ областяхъ; они возвратили римскихъ плѣнниковъ и въ восполненіе военныхъ издержекъ уплатили римлянамъ 3.200 эвбейскихъ талантовъ (около 6.700.000 руб. с.). Этотъ миръ, положившій конецъ 24-лѣтней борьбѣ, былъ названъ по имени побѣдителя «*Лутаціевымъ миромъ*».

2. Событія между окончаніемъ первой Пунической войны и началомъ второй (241—218 до Р. Х.).

Послѣдствія: первыя провинціи—Сицилія.

При обзорѣ этой первой Пунической войны болѣе всего поражаетъ насъ ея необычайная продолжительность: эту продолжительность только тѣмъ и объяснить можно, что въ Римѣ очевидно еще не успѣли примѣниться къ тѣмъ задачамъ, которыя приносила съ собою подобная война, веденная внѣ Италіи. Такъ, видимъ, что римское государство то выказываетъ громадную энергію, какъ, напримѣръ, при постройкѣ флота въ 260 г. или еще въ 256 г., когда тоже былъ высланъ въ море огромный флотъ; то вдругъ, непосредственно вслѣдъ за этими порывами энергіи, допускается такая ребяческая ошибка, какъ отсылка домой половины арміи, послѣ удачной высадки полководцевъ въ Африку. То видимъ быстрыя и смѣлыя дѣйствія, то нескончаемую медлительность и растягиванье въ веденіи войны. И дѣйствительно, прошло еще не мало времени, пока внѣшняя политика римскаго сената поднялась до высоты ея новаго, самыми событіями указаннаго положенія. Въ одномъ только она была вполнѣ ясною: въ томъ, что не потерпѣла дальнѣйшаго пунійскаго господства въ Сициліи; и, послѣ уступки острова, римляне приняли въ свое непосредственное управленіе западную, нѣкогда занятую карѳагенянами, часть острова, а юго-восточную, съ добавкою нѣкоторой части территоріи, оставили во власти царя Гіерона Сиракузскаго, который выказалъ себя вѣрнымъ и неизмѣннымъ союзникомъ Рима во время войны. Новое римское пріобрѣтеніе получило новую форму внутренняго устройства: ей придали видъ *провинціи* и въ началѣ ею управляли консулы, а затѣмъ съ 227 г.— особый преторъ, одинъ изъ четверыхъ, ежегодно избираемыхъ въ это время. Преторъ, которому поручалось управленіе Сициліей, отправлялся туда со своимъ квесторомъ, своимъ генералъ-квартирмейстеромъ и, смотря по надобности, съ бо́льшимъ или меньшимъ количествомъ войскъ, и поселялся въ Лилибеѣ. Тамъ и пребывалъ онъ, какъ высшій представитель власти Рима: и когда онъ являлся народу, то не иначе, какъ окруженный ликторами, которые несли передъ нимъ свои пучки прутьевъ съ топорами. Сицилійскія городскія общины утратили право содержать свои войска и чеканить свою монету, обязаны были платить десятину со всѣхъ доходныхъ статей Риму, которому принадлежали и судовыя пошлины съ кораблей, приходившихъ въ гавани; управленіемъ руководилъ квесторъ, но городамъ, въ ихъ внутреннихъ дѣлахъ, все же многое предоставлено было вершить своею властью, такъ какъ имъ была оставлена значительная доля самоуправленія. Но въ періодъ, непосредственно послѣдовавшій за окончаніемъ войны, Сицилія, въ теченіе 200 лѣтъ бывшая театромъ войны,

была до такой степени истощена, что даже не въ силахъ была воспользоваться тѣми выгодами, которыя несомнѣнно должны были произойти для мѣстнаго населенія вслѣдствіе изгнанія пунійцевъ.

Война наемниковъ карѳагенскихъ.

Повидимому, въ Римѣ вскорѣ сложилось такое мнѣніе, что карѳагеняне, при заключеніи Лутаціева мира, отдѣлались слишкомъ дешево, и что награда, полученная Римомъ, не вполнѣ соотвѣтствовала продолжительности и пожертвованіямъ войны. Это воззрѣніе, можетъ-быть, и не лишенное нѣкотораго основанія, вскорѣ подтвердилось событіемъ, происшедшимъ непосредственно вслѣдъ за войною и ясно выказавшимъ всю внутреннюю несостоятельность Карѳагена. Правительство карѳагенское совершило замѣчательную ошибку: вмѣсто того, чтобы перевозить свои наемныя войска изъ Сициліи въ Африку небольшими отрядами и тамъ ихъ разсчитывать и отпускать,—оно задумало ихъ собрать всею массою, потомъ, не разсчитавъ ихъ, направить внутрь Ливіи, въ одинъ изъ городовъ, гдѣ одинъ изъ уполномоченныхъ правительства предложилъ имъ отказаться отъ нѣкоторой части ихъ требованій. А ихъ собралось 20.000 человѣкъ; можно же себѣ представить, какъ они подобное предложеніе приняли. Сознавая свою силу, они прямо пошли къ Карѳагену, гдѣ, конечно, изъявили готовность удовлетворить ихъ требованіямъ, которыя они теперь повысили. Пока еще съ ними велись переговоры, нѣкоторые изъ этихъ негодяевъ (одинъ кампанецъ, слуга наемниковъ, и другой — природный ливіецъ) стали во главѣ разноплеменнаго скопища, и, вѣроятно, безъ особаго труда истолковали своимъ подчиненнымъ, что карѳагенское правительство теперь у нихъ въ рукахъ. И они были правы, потому что они нашли себѣ союзника въ туземномъ населеніи, съ которымъ, послѣ возстанія 255 г., карѳагенскія власти обходились съ удвоенною жестокостью и алчностью. Поднялось возстаніе; карѳагеняне, высланные для переговоровъ, были захвачены; все населеніе ближайшей къ Карѳагену территоріи примкнуло къ мятежникамъ, и только города Гиппо и Утика затворили имъ ворота. Раскинувши лагерь около Тунеса, часть наемниковъ преградила путь всякимъ сношеніямъ съ внутренними областями: Карѳагену стала угрожать судьба, постигнувшая въ 282 г. несчастное населеніе Мессаны вслѣдствіе возстаній мамертинцевъ. Тогда карѳагенскіе вербовщики поспѣшили собрать нѣсколько новыхъ наемническихъ полковъ. При этомъ и Римъ оказалъ имъ самымъ честнымъ образомъ помощь, такъ какъ тамъ очень хорошо понимали, что со стороны этихъ смѣшанныхъ наемническихъ шаекъ, не принадлежавшихъ ни къ какой опредѣленной національности, могла угрожать большая опасность для всѣхъ цивилизованныхъ государствъ, въ особенности, если бы ихъ попытка осталась безнаказанною и поданный ими примѣръ побудилъ къ подражанію. Вопреки одному изъ пунктовъ Лутаціева трактата, карѳагенянамъ дозволено было вербовать себѣ наемниковъ для этой войны и на римской территоріи. Призваны были и въ самомъ Карѳагенѣ на службу всѣ способные носить оружіе и, на мѣсто *Ганнона*, во главѣ войска явился недавній герой Генркте и Эрикса — *Гамилькаръ Баркасъ*. Чрезвычайно ловко, смѣло и осторожно дѣйствовалъ онъ со своимъ небольшимъ войскомъ противъ гораздо болѣе многочисленныхъ скопищъ мятежныхъ наем-

никовъ. Онъ одержалъ первую побѣду и подалъ имъ надежду на прощеніе ихъ вины: начались побѣги изъ ихъ войска; послѣ второй побѣды Гамилькара, предводители мятежниковъ прибѣгли къ мѣрамъ террора, чтобы воспрепятствовать побѣгамъ. Во главѣ ихъ сталъ теперь галлъ Автаритъ; по его приказанію, плѣнные карѳагеняне были страшно изувѣчиваемы или убиваемы, и въ отвѣтъ на эти ужасы Гамилькаръ тоже долженъ былъ отказаться отъ всякой гуманности и эллинской мягкости, и приказалъ растаптывать слонами всѣхъ плѣнныхъ наемниковъ, доставшихся въ руки карѳагенянамъ. Дѣла еще разъ приняли опасный для Карѳагена оборотъ, когда и города Утика и Гиппо перешли также на сторону мятежниковъ, да притомъ и по отношенію къ Риму наступило охлажденіе, такъ какъ римское правительство вступилось за италійскихъ купцовъ, которые подвозили мятежникамъ военные запасы, за что нѣкоторые изъ нихъ и были схвачены карѳагенянами и посажены въ тюрьму. Однакоже, это уладилось: дальнѣйшая торговля съ мятежниками была воспрещена римскимъ правительствомъ, и мятежники вскорѣ доведены были до положенія отчаяннаго. Въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ Карѳагена, около гряды холмовъ, извѣстной подъ названіемъ *тилы*, Гамилькаръ, съ чисто-пунійскою хитростью, заманилъ ихъ въ западню, прикинувшись, что хочетъ съ ними вступить въ переговоры. Большая часть мятежнаго скопища полегла здѣсь и послѣ ужаснѣйшей бойни было при этомъ случаѣ перебито не менѣе 40.000 человѣкъ. Вскорѣ послѣ того, нѣсколько далѣе на В., при Лептисѣ, было уничтожено другое скопище мятежниковъ; Гиппо и Утика были вновь завоеваны и такимъ образомъ эта болѣе чѣмъ трехлѣтняя страшная война была закончена полнымъ истребленіемъ мятежниковъ (238).

Римляне въ Сардиніи.

Между тѣмъ какъ эта война бушевала въ Африкѣ, искра большого пожара войны запала и въ среду тѣхъ карѳагенскихъ наемниковъ, которые стояли постоянно въ Сардиніи. Они убили своего карѳагенскаго командира; войско, присланное изъ Карѳагена, присоединилось къ бунтовщикамъ, а туземцы возстали одновременно и противъ мятежныхъ наемниковъ, и противъ карѳагенскаго владычества. Нѣкоторое время на островѣ господствовало полное безначаліе. Неизвѣстно кѣмъ—мятежными-ли наемниками, или населеніемъ острова — римляне среди этой сумятицы были призваны на помощь и дѣйствительно явились на острову; на это они могли даже предъявить нѣкоторое право,—а именно обязанность защитить италійскіе берега отъ вторженія съ этой стороны — до тѣхъ поръ, пока карѳагеняне были вынуждены справляться со своими мятежниками въ Африкѣ. Когда же они были побѣждены, карѳагенское правительство попыталось было вернуть себѣ и Сардинію. Однакоже, въ Римѣ и не думали этого допустить. Слишкомъ заманчива была возможность дополнить трактатъ Лутація пріобрѣтеньемъ Сардиніи вмѣстѣ съ Сициліею, и потому въ ходъ была пущена не совсѣмъ честная политика: карѳагенянамъ пригрозили немедленной войной или даже объявили ее. Карѳагенянамъ оставалось только одно: купить миръ уступкою Сардиніи и новымъ денежнымъ окупомъ (238).

Римъ отъ 241 до 218.

Помимо этихъ осложненій, которыя болѣе привлекали вниманіе прави-

тельства, нежели народа, Римъ и Италія, послѣ окончанія первой Пунической войны, довольно долгое время пользовались относительнымъ спокойствіемъ, и въ 235 г. наступилъ даже и такой въ послѣднее время весьма рѣдкій случай, что и храмъ Януса на форумѣ былъ запертъ, такъ какъ у республики нигдѣ не было выведено войска въ поле. Такое явленіе даже и въ это относительно спокойное время было исключительнымъ, и въ Сардиніи, и въ Корсикѣ, и противъ Бойевъ и Лигурійцевъ на С., и даже противъ этрусскаго города Фалеріи приходилось и около этого времени употреблять оружіе. Гораздо важнѣе было то, что въ 230 г. Сенатъ нашелъ себя вынужденнымъ выступить противъ *иллирійскихъ морскихъ разбойниковъ* въ Истрійскомъ архипелагѣ (въ сѣверо-восточной части Адріатики). Риму уже давно приходилось заботиться объ охранѣ своихъ интересовъ на Адріатическомъ морѣ, и еще во время войны съ Карѳагеномъ (въ 244 г.) римляне заложили колонію *Брундузіумъ* въ мѣстѣ, удобномъ для переправы въ Грецію. Такъ какъ греческіе города и федераціи никакъ не могли совладать съ морскимъ разбойничествомъ, все усиливавшимся въ Адріатическомъ морѣ, то отовсюду стали обращаться въ Римъ съ жалобами на это зло. Въ то время варварами правила царица *Тевта*, при которой разбойничество процвѣтало болѣе, чѣмъ когда-либо. Римское посольство застало эту царицу передъ эпирскимъ городомъ Иссой; она дала посламъ дерзкій отвѣтъ такого рода, что она «не можетъ воспрепятствовать мужамъ своего народа, по общепринятому обычаю, извлекать пользу изъ моря»; римскій посолъ имѣлъ неосторожность возразить ей, что у римлянъ еще лучше есть обычай: а именно—отвѣчать на грубость грубостью, а гдѣ это нужно—вносить въ страну иные лучшіе обычаи. На него, на возвратномъ пути, разбойники напали и убили его. Не безпокоясь вовсе о томъ, что произошло, иллирійцы снарядились въ большой хищническій набѣгъ на Югъ, и вновь всюду распространили ужасъ и опустошеніе по прибрежьямъ, пока, наконецъ, не явился давно ожидаемый римскій флотъ передъ Корцирой. Тогда дѣла тотчасъ же приняли совсѣмъ иной оборотъ: иллирійскій правитель этого острова, Деметрій Фаросскій, подчинился тотчасъ; нигдѣ римляне не встрѣтили серьезнаго сопротивленія; сама царица Тевта изъявила покорность, и въ концѣ лѣта 228 г. эта война была уже закончена. На царицу Тевту наложена была дань и для ея народа городъ Лисса былъ положенъ предѣльнымъ пунктомъ, далѣе котораго они могли являться не болѣе, какъ въ числѣ двухъ кораблей, и то не вооруженныхъ.

Уничтоженіе морского разбойничества въ Иллиріи.

Этотъ миръ, о которомъ всюду, на востокъ отъ Адріатики, возвѣстило особое римское посольство, всею Греціею былъ принятъ съ радостью. Здѣсь всѣ наперерывъ спѣшили отвѣчать всякаго рода любезностями на великое благодѣяніе, оказанное Римомъ эллинскому народу. Въ Римъ были присланы декреты, которыми римлянамъ разрѣшался доступъ на истмійскія игры въ Коринѳѣ, на элевзинскія таинства аѳинянъ, — и эти декреты были приняты въ Римѣ не безъ нѣкотораго удовольствія, такъ какъ ими торжественно признавалось, что латиняне и всѣ ихъ соплеменники—были не варвары, а принадлежали къ священному кругу цивилизованныхъ народовъ—къ эллинскому міру (228).

Нѣсколько времени спустя республикѣ Римской пришлось на дѣлѣ примѣнить свое цивилизаціонное призваніе въ гораздо болѣе опасной и трудной войнѣ съ *сѣверно-италійскими Кельтами*. Эти Кельты, съ той поры, какъ римляне уже преградили имъ дальнѣйшій путь движенія на югъ, осѣли окончательно въ долинѣ рѣки По, постоянно подкрѣпляемые новыми переселенцами изъ-за Альпъ,—племенами *Лайевъ* и *Либиковъ*, *Инсубровъ* и *Ценомановъ*, *Ананова* (или *Анамаровъ*), *Бойевъ* и *Лингоновъ* (остатка *Зеноновъ*); западнѣе ихъ поселился народъ, близкій къ Галламъ по нравамъ и обычаямъ, хотя и не галльскаго племени—*Венеты*. Общительные по самой природѣ своей, они жили во множествѣ селъ, изъ конхъ многія были настолько населены, что ихъ можно было принять за города; въ этихъ селахъ упоминается о гостинницахъ, въ которыхъ цѣны на все были поразительно дешевы, такъ какъ плодоносная почва страны производила все въ изобиліи и все продавалось за безцѣнокъ. Въ обширныхъ рощахъ, тогда покрывавшихъ всю эту страну, паслись и тучнѣли огромныя стада дикихъ свиней, составлявшія главное богатство страны: одинъ изъ современныхъ сельскихъ хозяевъ-римлянъ разсказываетъ съ особеннымъ удовольствіемъ, что въ области Инсубровъ свиньи были настолько жирны, что не могли ни стоять, ни ходить. Среди народа была въ сильнѣйшей степени развита страсть къ золотымъ украшеніямъ, къ пестрымъ одеждамъ и ко всякимъ уборамъ, добытымъ грабежами въ отдаленныхъ странахъ, гдѣ многіе изъ Кельтовъ перебывали въ качествѣ наемниковъ. Нравы ихъ были грубы; необузданная страстность, а иногда и простое тщеславіе побуждали къ частымъ поединкамъ; отрубленная голова противника, убитаго въ подобномъ поединкѣ, прибивалась въ знакъ побѣды надъ дверьми жилья. Духовнымъ потребностямъ (насколько онѣ проявлялись въ этомъ, впрочемъ, весьма остроумномъ, любознательномъ и болтливомъ народѣ) удовлетворяли пѣвцы, *барды*, которыхъ всюду встрѣчали съ радостью, а также и ихъ жрецы, *друиды*, которые, сплотившись въ тѣсно-связанное сословіе, въ извѣстнаго рода іерархію, пользовались большимъ вліяніемъ на умы суевѣрныхъ Кельтовъ.

Великая война съ Кельтами.

Отъ римлянъ изстари отдаляла Кельтовъ глубокая ненависть, которая теперь тѣмъ болѣе усилилась, что теперь къ ненависти примѣшивалось еще опасеніе. Съ 283 г. не доходило до серьезной борьбы съ Галлами, но въ 232 г. въ Римѣ было принято предложеніе трибуна *К. Фламинія*, по которому территорія на взморьѣ, нѣкогда отвоеванная отъ Зеноновъ, а именно пограничная область *Пиценумъ*, предназначена была для обширной колонизаціи, при чемъ землю предстояло подѣлить по жребію на участки между римскими гражданами, которые такимъ образомъ становились ближайшими сосѣдями могущественнаго племени Бойевъ. Это вызвало среди Кельтовъ большое волненіе; оба могущественнѣйшія племени — Бойи и Инсубры—договорились между собою и призвали къ себѣ на помощь многочисленныя толпы *гэзатовъ*, наемныхъ воиновъ, изъ-за Альпъ, и во всей Италіи тоже принялись готовиться какъ бы къ большой національной войнѣ—первой со времени возсоединенія Италіи подъ главенствомъ Рима. При этомъ случаѣ была статистически выяснена точная цифра набора всѣхъ годныхъ къ военной службѣ людей и вообще военныхъ средствъ

Побѣда при Теламонѣ. Кельты покорены.

всей федераціи, и эта цифра свидѣтельствуетъ о весьма значительномъ развитіи благосостоянія и культуры на территоріи областей, составлявшихъ Римское государство. Оказывается, что эта римская федерація, въ случаѣ нужды, могла выставить въ поле громадную силу въ 700.000 пѣхотинцевъ и 70.000 всадниковъ. Оказалось, однакоже, что вовсе не было необходимости выставлять въ поле такія огромныя силы. Въ слѣдующемъ году (225), удачно нанесенный ударъ, при *Теламонѣ* въ Этруріи, на западной береговой дорогѣ, сломилъ главныя силы Галловъ. Они уже вторглись въ римскія владѣнія съ большими воинскими силами, захватили огромную добычу, нанесли тяжелое пораженіе отряду римскихъ войскъ; но когда они прослышали о приближеніи войска подъ начальствомъ консула Эмилія, то стали отступать, чтобы уберечь свою добычу. А тутъ вдругъ оказалось, что съ другой стороны, имъ навстрѣчу, идетъ другое консульское войско, которое высадилъ около Пизы вызванный изъ Сардиніи консулъ *К. Атилій Регулъ*; такъ какъ онъ велъ свое войско на югъ по той же дорогѣ, по которой Галлы отступали на сѣверъ, то оказалось, что они идутъ прямо къ нему въ руки. Попавъ въ середину между двумя римскими арміями, Галлы увидѣли, что имъ нѣтъ спасенія:— напрасно показали они чудеса храбрости; ихъ мужественный натискъ разбился о несокрушимый напоръ ихъ старыхъ враговъ римлянъ. Битва закончилась страшнымъ пораженіемъ, при чемъ галлы потеряли 40.000 убитыми и 10.000 плѣнными. Еще три года длилась отчаянная борьба, и становилась все болѣе и болѣе неравною. Въ 222 г., одинъ изъ двоихъ консуловъ, *М. Клавдій Марцеллъ*, одержалъ побѣду надъ Галлами при *Кластидіумѣ*, другой, *Кн. Корнелій Сципіонъ*, взялъ штурмомъ главный городъ Инсубровъ, *Медіоланумъ*, и такимъ образомъ область римскихъ владѣній была продвинута до самыхъ Альпъ. Римляне поспѣшили закрѣпить за собою это крупное завоеваніе, заложивъ въ самомъ центрѣ галльской земли, на правомъ и на лѣвомъ берегу средняго теченія рѣки По, двѣ сильныя крѣпости, *Плаценцію* и *Кремону* (219).

И это закрѣпленіе было произведено какъ разъ во-время, ибо въ томъ же году, на крайнемъ Западѣ, въ Испаніи, дѣла приняли такой оборотъ, по которому можно было предполагать, что съ карѳагенянами придется еще разъ воевать въ близкомъ будущемъ.

Карѳагеняне въ Испаніи.

Въ Карѳагенѣ, послѣ Лутаціева мира и окончательнаго усмиренія возстанія наемниковъ, мы видимъ двѣ партіи, хотя не знаемъ ни побудительныхъ причинъ къ образованію ихъ, ни состава ихъ, ни взаимныхъ отношеній, какъ и вообще очень мало знаемъ обо всей внутренней жизни пунійскаго города. Одна изъ нихъ стояла за миръ, который хотя и былъ весьма мало почетнымъ, однакоже обезпечивалъ неприкосновенность двухъ главныхъ жизненныхъ условій финикійца—торговые обороты и наслажденіе. Уступка Сициліи и Сардиніи нисколько не вліяла на несравненныя выгоды положенія Карѳагена, на плодородіе его области, на тѣ неисчислимые барыши, которые доставляла имъ торговля, распространенная по необъятному пространству морей. Это воззрѣніе, повидимому, преобладало въ правящихъ сферахъ, и мы въ правѣ думать, что опасеніе войны вызывалось еще въ средѣ ихъ и тѣмъ, что успѣшное веденіе войны было

немыслимо безъ существенной реформы въ государственномъ управленіи. А именно правящіе-то классы болѣе всего и опасались подобной реформы; существующія злоупотребленія были для нихъ выгодны. Существовала однакоже и другая партія, еще до войны, которая въ своихъ воззрѣніяхъ на государство и управленіе имъ приближалась къ воззрѣніямъ римлянъ и грековъ; эта партія составляла оппозицію къ господствовавшей въ Карѳагенѣ торговой аристократіи и стремилась именно къ той основательной реформѣ, которой такъ боялись въ правящихъ кружкахъ. Во главѣ этой партіи стоялъ Гамилькаръ Баркасъ, который, сверхъ всѣхъ своихъ прежнихъ подвиговъ, еще болѣе прославился спасеніемъ своего города отъ опасной смуты наемническаго войска; и эта партія значительно разрослась и усилилась, благодаря той ненависти, которую возбудили противъ себя римляне, оттягавшіе у карѳагенянъ еще и Сардинію, сверхъ Сициліи, уступленной имъ по Лутаціеву договору. Гамилькаръ, впрочемъ, былъ не единственнымъ карѳагенянином, который заставилъ сына своего поклясться именемъ высшаго бога въ вѣчной ненависти къ римлянамъ. Въ какой степени это настроеніе было сильно, доказывается тѣмъ высокимъ положеніемъ, которое Гамилькаръ занялъ во главѣ войска и которому римляне придаютъ значеніе *диктатуры*. Онъ воспользовался этимъ положеніемъ и—не знаемъ, по волѣ или противъ воли карѳагенской герузіи—задумалъ вознаградить свою родину новыми пріобрѣтеніями въ *Испаніи* за утраченные ею оба большіе острова.

Гамилькаръ, Гасдрубалъ, Ганнибалъ.

Туда еще не достигала въ то время римская власть, и Гамилькару въ нѣсколько лѣтъ удалось изъ тѣхъ немногихъ карѳагенскихъ колоній, какія изстари были въ Иберіи, распространить власть Карѳагена въ ширь и въ глубь, пріобрѣсти большія пространства земель, а изъ мѣстныхъ воинственныхъ племенъ образовать армію, гораздо болѣе надежную, нежели всѣ доселѣ бывшія на службѣ у Карѳагена наемныя войска. При этомъ Гамилькаръ такъ искусно управлялъ новопріобрѣтеннымъ царствомъ, что изъ доходовъ его могъ дѣлать вклады въ карѳагенскую казну и, сверхъ того, доставлять существенныя выгоды многимъ изъ карѳагенской знати. Положеніе его было въ такой степени независимымъ, что, при своей кончинѣ, онъ передалъ его своему зятю *Газдрубалу* (его собственные сыновья *Ганнибалъ*, *Гасдрубалъ* и *Магонъ* были еще не на возрастѣ), который съумѣлъ весьма умно распространить карѳагенское вліяніе и далѣе, привлекъ на свою сторону значительное количество иберійскихъ племенъ и заставилъ ихъ дѣйствовать за-одно на пользу Карѳагена; онъ же, въ весьма удобномъ мѣстѣ восточнаго берега Испаніи, основалъ новый городъ, *Новый Карѳагенъ*, который долженъ былъ служить центромъ и оплотомъ пунійской власти въ Испаніи. Эти быстрые успѣхи пунійцевъ въ Испаніи обратили на себя вниманіе римскаго правительства. Въ 228 г. былъ уже заключенъ договоръ между Римомъ и, какъ кажется, самимъ Гасдрубаломъ, который уже самъ по себѣ свидѣтельствуетъ о быстромъ и успѣшномъ ростѣ Гамилькарова царства; по этому договору, р. Эбро была принята за грань, далѣе которой не должны были распространяться обоюдныя вліянія. Въ 221 г. Гасдрубалъ палъ отъ руки мстительнаго туземца. Какъ бы естественнымъ слѣдствіемъ этого событія было то, что

Гасдрубалу наслѣдовалъ старшій сынъ Гамилькара, *Ганнибалъ*, который, между тѣмъ, успѣлъ достигнуть 26-лѣтняго возраста и былъ посвященъ во всѣ планы отца своего и Гасдрубала. Войско избрало его, или, какъ разсказываютъ, провозгласило его своимъ полководцемъ, а высшее правительство и граждане карѳагенскіе подтвердили этотъ выборъ.

Ганнибалово нападеніе на Сагунтъ. 219.

Въ Римѣ знали или, по крайней мѣрѣ, предвидѣли, что этотъ выборъ не обѣщаетъ ничего добраго для Италіи. Всѣ знали, что Ганнибалъ былъ юноша талантливый, и не обманывали себя насчетъ того, что онъ выросъ недругомъ Риму. Но теперь, когда Италія, отъ Альповъ и до Этны, повиновалась римскому владычеству, въ Римѣ ничего не опасались, а къ какому бы то ни было вмѣшательству не было ни малѣйшаго повода. Ганнибалъ же со своей стороны подтвердилъ доброе мнѣніе о себѣ среди своихъ войскъ нѣсколькими походами противъ возмутившихся испанскихъ племенъ; а тамъ вдругъ повернулъ къ городу *Сагунту*, греческой колоніи, которую уже за то ненавидѣли пунійцы, что она была греческою, и въ этой мѣстности была особенно неудобна для пунійцевъ; а между тѣмъ Сагунтъ уже и прежде поддерживалъ сношенія съ Римомъ (который, со времени истрійской войны и ея послѣдствій, пользовался симпатіями всѣхъ эллиновъ) и слылъ за городъ, если и не вполнѣ эллинскій, то все же дружественный эллинамъ. Сагунтинцы, конечно, не замедлили обратиться въ Римъ за помощью. Быть-можетъ, Ганнибалъ этого хотѣлъ, потому что представлялъ себя уже достаточно мощнымъ для того, чтобы привести въ исполненіе давнишній замыселъ «своей партіи». Въ Римѣ же, около этого времени, еще не додумались до большой войны и первоначально попытались уладить дѣло путемъ дипломатическаго вмѣшательства. Такъ полагала умѣренная партія; въ Сенатѣ же одни стояли за немедленное объявленіе войны, а другіе, напротивъ, думали, что все это сагунтинское дѣло вовсе не касалось Рима; вообще говоря, римскій Сенатъ и италійскій народъ никакъ не могутъ быть обвинены въ томъ, чтобы они тотчасъ и безъ всякаго разумѣнія хватались за каждый предлогъ для войны и любили воевать. Между тѣмъ какъ шли переговоры съ карѳагенскимъ правительствомъ, Сагунтъ палъ, послѣ долгой и мужественной обороны. Тогда въ Карѳагенъ было отправлено второе посольство съ требованіемъ, чтобы Ганнибалъ и его совѣтчики были выданы римлянамъ; а Ганнибалъ между тѣмъ довершилъ разореніе города, который отдался подъ защиту Рима; тогда уполномоченный послѣдняго римскаго посольства, *К. Фабій Максимъ*, послѣ оживленной сцены, объявилъ войну Карѳагену (218). Такъ началась война, которую римскій историкъ не безъ основанія называетъ «значительнѣйшею изо всѣхъ, какія когда-либо были ведены до того времени».

Война съ Римомъ.

3. Вторая Пуническая война (218—201).

Ганнибаловъ походъ въ Италію.

На сторонѣ Ганнибала по отношенію къ его противникамъ была большая выгода: власть въ его рукахъ была вполнѣ монархическая и планъ его дѣйствій былъ издавна обдуманный, какъ бы готовый для дѣйствующей уже арміи. Въ Италіи же у него былъ союзникъ, на котораго

онъ вѣрнѣе могъ разсчитывать, нежели Пирръ на своихъ: едва только пронесся слухъ о томъ, что война объявлена, едва успѣлъ онъ долетѣть въ долину рѣки По, какъ уже ярая ненависть незадолго предъ тѣмъ усмиренныхъ Кельтовъ едва могла быть сдерживаема. Бойи, Инсубры покинули на произволъ судьбы своихъ заложниковъ, находившихся въ рукахъ у римлянъ, и возстали разомъ. Уже весною 218 г. юный пунійскій вождь твердою рукою принялся за организацію военныхъ дѣйствій. Въ Римѣ собирались перенести войну за море: одинъ консулъ, *Тиберій Семпроній Лонгъ*, двинулся со своимъ войскомъ въ Лилибею и задумывалъ оттуда вскорѣ переправиться въ Африку, при помощи надежнаго союзника римскаго, Гіерона Сиракузскаго; другой, *П. Корнелій Сципіонъ*, собралъ свое войско въ Пизѣ и переправилъ его на ожидавшемъ уже тамъ флотѣ въ дружественный греческій городъ Массилію на галльскомъ берегу. Онъ предполагалъ, опираясь на этотъ городъ, предпринять походъ въ долину рѣки Эбро. Но, прибывъ въ Галлію, онъ долженъ былъ услышать, что пунійское войско стоитъ уже по сю сторону Пиренеи. Ганнибалъ съ большою арміею (90.000 пѣхоты и 12.000 конницы) двинулся изъ Сагунта на сѣверъ, оставивъ своего брата Гасдрубала замѣстителемъ своимъ въ Испаніи; перейдя рѣку Эбро, онъ оставилъ здѣсь часть своего войска подъ начальствомъ Ганнона:—едва съ 60.000 человѣкъ перешелъ онъ черезъ Пиренеи и прибылъ къ р. Ронѣ, въ область Авеніо, гдѣ переправа черезъ рѣку была оберегаема туземнымъ кельтійскимъ племенемъ, которое стояло въ зависимости отъ города Массиліи. Черезъ нѣсколько дней римское войско, между тѣмъ успѣвшее высадиться на берегъ, могло бы подоспѣть къ берегамъ Роны. Но Ганнибалъ послалъ небольшой отрядъ вверхъ по рѣкѣ; онъ тамъ переправился черезъ рѣку безпрепятственно, затѣмъ по лѣвому берегу спустился снова внизъ по рѣкѣ, напалъ на Кельтовъ и такимъ образомъ открылъ главной арміи путь черезъ рѣку. Послѣ краткаго отдыха онъ двинулся далѣе, и когда Сципіонъ со своимъ войскомъ достигъ кельтійскихъ поселеній близъ Авиньона, то узналъ, что пунійское войско покинуло ихъ уже три дня тому назадъ. Ему пришлось только имѣть небольшую стычку съ развѣдочнымъ отрядомъ Ганнибаловыхъ нумидійскихъ всадниковъ, и стало ясно, что пунійское войско направляется по старой дорогѣ, которою галлы проходили въ былое время въ Италію черезъ Альпы, и что вторженію Ганнибала онъ уже не въ силахъ воспрепятствовать.

Сципіонъ имѣлъ неосторожность раздѣлить свое войско, и большую часть его отправилъ съ братомъ своимъ Кнеемъ Сципіономъ въ Испанію, а съ остальнымъ сѣлъ на суда и поплылъ обратно въ Пизу. Когда же онъ, стянувъ къ себѣ кое-какія подкрѣпленія, вновь принялся за военныя дѣйствія, Ганнибалъ уже успѣлъ совершить переходъ черезъ Альпы и стоялъ на италійской территоріи. Переходъ отъ Роны до западной подошвы Альповъ онъ совершилъ безъ всякаго урона, такъ какъ онъ уже заранѣе вошелъ въ сношенія съ галльскими племенами, и перешелъ черезъ Альпы, какъ преимущественно предполагаютъ, направляясь на малый С.-Бернаръ; другіе же, не безъ основанія, указываютъ, что онъ шелъ черезъ Монъ-Сенисъ. Трудности этого перехода были велики и по-

тери его весьма ощутительны. Но все же сохранившееся намъ описаніе этого перехода и борьбы съ его природными препятствіями и съ дикими горными племенами, какъ кажется, сильно преувеличиваетъ ужасы, встрѣченные Ганнибаломъ на пути. На девятый день Ганнибалъ достигъ вершины Альповъ, на пятнадцатый вступилъ въ область Тавриновъ, у восточной подошвы хребта: и какъ бы ни были велики его потери, онъ все же явился въ Италію съ отличнымъ войскомъ—20.000 пѣхоты, 6.000 конницы и 20 слонами.

Первыя впечатлѣнія.

Но послѣднимъ событіямъ всѣ уже были въ Римѣ подготовлены къ вторженію Ганнибала, и все же положеніе никому не представлялось отчаяннымъ. Вѣдь и Пирръ тоже нѣкогда приходилъ въ Италію съ войскомъ, и тоже имѣлъ въ Италіи союзниковъ, притомъ еще тогда, когда римское владычество было далеко не въ такой степени утверждено въ Италіи, какъ теперь. Горячіе, увлекающіеся люди уже пророчили вторгнувшемуся врагу быструю и вѣрную гибель; болѣе спокойные и разумные—готовились къ нѣсколькимъ годамъ тяжелой борьбы, но никому и въ голову не приходило, чтобы предстояла такая страшная война, и чтобы Италіи было предназначено въ теченіе шестнадцати лѣтъ служить театромъ ея.

Галлы на сторонѣ Ганнибала. Первыя битвы: при Тициніѣ и Требіи, 218.

Однакоже, положеніе признавалось настолько серьезнымъ, что консулъ Семпроній получилъ приказаніе тотчасъ же отказаться отъ своего сицилійско-африканскаго похода и вести свое войско черезъ Аримінумъ на помощь своему товарищу Сципіону, которому уже нелегко было сдерживать галльское населеніе въ долинѣ р. По, такъ какъ среди него приближеніе пунійцевъ вызвало величайшее возбужденіе. При *Тициніи*, одномъ изъ самыхъ сѣверныхъ притоковъ По, произошло первое столкновеніе съ конницей Ганнибала. Важность, которую придавали этому первому столкновенію, доказывается тѣмъ, что оба полководца лично руководили битвою. Но тутъ сейчасъ же и обнаружилось значительное превосходство Ганнибала именно въ этомъ родѣ оружія. Римское войско не умѣло защититься отъ своеобразнаго натиска нумидійской конницы, которая безпрестанно налетала на него съ обоихъ фланговъ, нанося ударъ за ударомъ, и лишь съ величайшимъ трудомъ удалось спасти самого консула изъ общей сѣчи. Тотчасъ послѣ этого неудачнаго дѣла начались побѣги галловъ, находившихся въ римскомъ лагерѣ. Второе пораженіе должно было охватить пламенемъ возстанія всю Сѣверную Италію, гдѣ старая ненависть къ Риму и такъ уже едва сдерживалась страхомъ, который онъ внушалъ. Между тѣмъ, Семпроній успѣлъ примкнуть съ войскомъ къ войску своего товарища; сорокъ дней потребовалось на передвиженіе его войска изъ Сициліи, черезъ Аримінумъ, въ Италію. Соединившись, консулы (а въ особенности Семпроній) предположили, что теперь у нихъ силъ достаточно для наступленія: да его и откладывать было невозможно, въ виду общаго настроенія войска, въ виду ожиданій, волновавшихъ столицу и тѣхъ надежныхъ и ненадежныхъ союзниковъ, которыми войско было окружено. Отъ Плаценціи консулы двинулись по правому берегу р. Требіи, впадающей въ р. По, на нѣсколько миль выше этого города. При этомъ первомъ большомъ сраженіи на берегу Требіи явно выказалось превос-

ходство Ганнибала, какъ полководца. Римскіе вожди не сходились во мнѣніяхъ, и притомъ ни одинъ изъ нихъ не возвышался надъ среднимъ уровнемъ того круга способностей, какой былъ обычнымъ въ средѣ людей, призываемыхъ къ занятію высшихъ государственныхъ должностей. Принявшій главное начальство надъ войскомъ консулъ Семпроній началъ съ того, что въ виду непріятеля переправилъ сначала конницу, а потомъ и все остальное войско черезъ рѣчку на противуположный берегъ: не слѣдуетъ забывать, что это происходило въ холодный декабрьскій день (въ 218 г.), что рѣчка была вздута ночнымъ ливнемъ и что переправа черезъ ея быстрину была нелегка для войска, которое было къ тому-же плохо подготовлено для участія въ большомъ сраженіи. Когда Семпроній построилъ свое войско на томъ берегу, то его конница (и вообще гораздо болѣе слабая, нежели конница Ганнибалова) была уже истомлена все утро длившимися стычками съ нумидійцами. О возможности засады среди ровной, безлѣсной мѣстности Семпроній и не подумалъ; а между тѣмъ Ганнибалъ, искусный въ военныхъ хитростяхъ и обладавшій острымъ взглядомъ человѣка, съ дѣтства привычнаго къ войнѣ, тотчасъ съумѣлъ воспользоваться для засады небольшимъ волнообразнымъ возвышеніемъ почвы. Въ особенности же важною ошибкою Семпронія было то, что въ центрѣ, гдѣ находилась главная масса римской и союзнической пѣхоты, битва еще упорно продолжалась даже и тогда, когда сраженіе было уже очевидно проиграно. Оба крыла были уже окончательно разбиты и разсѣяны, а къ правильному и стройному отступленію центра было уже упущено время. Нѣкоторая часть его, около 10.000 человѣкъ, пробилась сквозь ряды враговъ и выше мѣста битвы, переправившись черезъ рѣчку, проложила себѣ путь къ крѣпости Плаценціи, куда затѣмъ укрылись и многіе изъ отдѣльныхъ бѣглецовъ на голову разбитаго римскаго войска. Этимъ тяжкимъ пораженіемъ окончился первый походъ противъ Ганнибала. Плаценцію римляне удержали за собою, а вся остальная территорія была для нихъ утрачена. Послѣ этого, Кельты массами поспѣшили двинуться въ пунійскій лагерь, хотя уже и въ битвѣ при Требіи въ рядахъ Ганнибалова войска многіе кельтійскіе витязи бились противъ римлянъ. Чрезвычайно оригинальнымъ и грознымъ по отношенію къ Риму было то, что узнали объ отношеніяхъ Ганнибала къ военноплѣннымъ: римскихъ гражданъ онъ приказывалъ отдѣлять отъ другихъ и оставлялъ подъ строгой охраной; союзниковъ же онъ повелѣвалъ безъ выкупа отпускать на родину. При этомъ онъ объявилъ во всеуслышаніе, что пришелъ воевать ради освобожденія Италіи отъ римскаго ига.

Въ теченіе всей этой зимы жрецамъ римскимъ было очень много дѣла: всѣ были такъ напуганы гнѣвомъ боговъ, такъ много отовсюду наносили всякихъ слуховъ о страшныхъ и изумительныхъ знаменіяхъ, что жрецамъ приходилось всѣхъ утѣшать. При этомъ, странно сказать, самыя воинскія приготовленія оказывались далеко не соотвѣтствующими чрезвычайности положенія. Сенатъ не рѣшался даже прибѣгнуть къ излюбленному цѣлительному средству во всѣхъ чрезвычайныхъ положеніяхъ, — къ диктатурѣ, — такъ какъ ему и безъ того приходилось бороться съ сильнымъ демократическимъ и оппозиціоннымъ теченіемъ. И самый-то горячій, 217 годъ.

да очевидно и самый рѣшительный изъ вождей этой популярной оппозиціи, *К. Фламиній* *), вмѣстѣ съ однимъ патриціемъ изъ рода Сервиліевъ, *Кн. Сервиліемъ Геминомъ*, былъ избранъ въ консулы на слѣдующій (217) годъ.

Битва при Тразименскомъ озерѣ, 217 г.

Консулы выступили въ походъ, несогласные ни въ чемъ и подѣливъ между собой войско. Войско Сервилія собралось близъ *Аримину́ма*, на берегу Адріатическаго моря; Фламиній со своимъ войскомъ стоялъ при *Арре́ціумѣ*, въ верховьяхъ р. Арно. Предполагали, что вся Этрурія, въ области долины р. Арно, покрыта водами весенняго разлива. Однакоже, это препятствіе не испугало Ганнибала, котораго и Альпы не могли остановить: послѣ тягостнаго перехода по странѣ, охваченной разливомъ, онъ при *Фэзулэ*, вступилъ въ богатую страну, которую и принялся опустошать. Тогда, не ожидая прихода войскъ своего товарища изъ Аримину́ма, К. Фламиній горячо и рьяно двинулся впередъ. Съ тѣхъ поръ, какъ въ 223 г. ему удалось, благодаря мужеству своихъ войскъ, одержать въ войнѣ противъ Инсубровъ блестящую побѣду въ такомъ дурномъ положеніи, въ которомъ ему слѣдовало бы понести пораженіе, — К. Фламиній, повидимому, слишкомъ много надѣялся на себя и свое войско. Кстати сказать, римскіе историки, вообще скупые на похвалы Ганнибалу, рѣшаются восхвалять въ немъ только самыя обычныя доблести вождя и воина: смѣлость, смѣтливость, способность переносить лишенія и чрезмѣрныя усилія, неутомимую дѣятельность; но, очевидно, самою страшною изъ его способностей была та необычайная прозорливость, съ которою онъ умѣлъ насквозь видѣть своего противника, и та неисчерпаемая многосторонность его духа, благодаря которой онъ никогда не затруднялся въ выборѣ средствъ для достиженія цѣли и никогда не заблуждался по отношенію къ своему положенію или значенію достигнутаго имъ успѣха. Для того противника, который теперь на него наступалъ, Ганнибалъ съумѣлъ подыскать такое поле битвы, на которое стоило только заманить непріятельское войско и вынудить его къ битвѣ, чтобы уже нанести ему пораженіе. На югъ отъ Кортоны, на востокъ отъ одного изъ большихъ этрурійскихъ озеръ, *Тразименскаго*, Ганнибалъ нашелъ то, что ему было нужно: — то было ровное, не очень широкое пространство, налѣво примыкавшее къ озеру, направо — къ цѣпи холмовъ, а съ южной стороны, гдѣ пролегаетъ дорога въ Римъ, замыкавшееся возвышенностью. На этой возвышенности, на виду у наступающихъ римлянъ, стояли главныя силы Ганнибала, за цѣпью холмовъ скрыта была остальная часть его войска. Выславъ свой авангардъ противъ римлянъ, Ганнибалъ заставилъ его отступать передъ ними, вынуждая ихъ къ наступленію и заманивая ихъ въ равнину между возвышенностью, цѣпью холмовъ и озеромъ. Когда они поддались на эту хитрость и зашли въ равнинѣ довольно далеко, нападеніе пуніійцевъ послѣдовало вдругъ со всѣхъ сторонъ. Фламиній палъ въ числѣ первыхъ— онъ былъ убитъ кельтійскимъ витяземъ. Послѣ трехчасового мужественнаго, но безнадежнаго боя, римлянамъ нанесено было полное пораженіе:—

*) Уже и при первомъ своемъ командованіи, въ 223 г., предводительствуя войскомъ въ походѣ противъ галловъ, онъ дозволилъ себѣ не выполнить приказъ Сената.

уничтожено было цѣлое консульское войско, ибо даже и 6.000 отрядъ, который, какъ и при Требіи, проложилъ себѣ дорогу мечомъ, — и тотъ былъ настигнутъ конницей Ганнибала и вынужденъ къ сдачѣ (въ апрѣлѣ 217). Неудача была еще значительно усилена тѣмъ обстоятельствомъ, что и конница Сервиліева войска, высланная на помощь Фламинію, не ушла отъ рукъ Ганнибала: узнавъ о пораженіи Фламинія, эта конница задумала отступить, но путь къ отступленію ея уже оказался отрѣзаннымъ. Начальникъ Ганнибаловой конницы, Магарбалъ, разбилъ ее совершенно и день спустя вынудилъ отовсюду окруженный остатокъ ея къ сдачѣ; лишь очень немногіе изъ этой части войска успѣли спастись бѣгствомъ. Тутъ ужъ положеніе Рима оказалось весьма серьезнымъ. Событія какъ бы оправдали недовѣріе Сената къ ненавистному консулу, и Сенатъ прибѣгъ къ испытанному вѣками спасительному средству:—въ центуріальныхъ комиціяхъ былъ избранъ диктаторъ или, скорѣе, *продиктаторъ*, такъ какъ не было на-лицо консула, который бы могъ диктатора наименовать съ предписанными закономъ формальностями. То былъ человѣкъ древне-римскаго склада, изъ фамиліи Фабіевъ, *Кв. Фабій Максимъ*, мужъ несокрушимой твердости, упорный, пунктуальный исполнитель всѣхъ формъ правительственной практики и обрядовъ богослуженія: но и онъ не могъ совладать съ положеніемъ дѣлъ.

Фабій диктаторъ.

Въ Римѣ извѣстіе о страшномъ пораженіи вызвало панику: — всѣмъ ужъ казалось, что вотъ-вотъ покажутся вдали нумидійскіе всадники; а между тѣмъ походъ, направленный противъ самаго Рима, еще вовсе не входилъ въ замыслы Ганнибала, который отличался постоянно умѣньемъ трезво относиться къ дѣйствительности. Онъ двинулся сначала въ южномъ направленіи, до Сполеціума, попытался было взять эту крѣпость внезапнымъ нападеніемъ, что ему однакоже не удалось, и затѣмъ направился въ область Пиценумъ на берегу Адріатическаго моря. Здѣсь онъ далъ кратковременный отдыхъ своему войску и воспользовался этимъ временемъ для того, чтобы перевооружить и преобразовать часть своей пѣхоты по римскому образцу. Вся эта мѣстность, съ ея недавно-основанными колоніями, была жесточайшимъ образомъ опустошена, къ великому удовольствію галльскихъ союзниковъ Ганнибала. Затѣмъ онъ перенесъ войну въ южныя мѣстности, въ Апулію, и въ сѣверо-восточной части ея устроилъ свою главную квартиру. Ему не удалось сманить на битву римское войско подъ начальствомъ Фабія, такъ какъ диктаторъ держался строжайшаго оборонительнаго положенія; позднѣйшіе римляне восхваляютъ его именно за то, что онъ ставилъ «спасеніе своей родины выше своей воинской славы». Тогда Ганнибалъ покинулъ опустошенную страну и вторгнулся въ Кампанію. Фабій послѣдовалъ за нимъ; ему даже удалось, или случайно такъ пришлось *), что Ганнибалъ при Казилинумѣ былъ имъ поставленъ въ такое положеніе, въ которомъ римляне могли бы дать ему сраженіе при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Но пунійскій полководецъ обманулъ Фабія: ночью приказалъ онъ гнать въ опредѣленномъ направленіи

*) Проводники, плохо понимавшіе италійскія названія мѣстностей въ пунійскомъ выговорѣ Ганнибала, сбились съ указанной имъ дороги.

большое стадо воловъ, подвязавъ имъ пучки зажженаго хвороста между рогъ, и этими огнями и шумомъ возбудилъ въ римлянахъ подозрѣніе, что Ганнибалово войско пытается проложить себѣ путь именно по этому направленію; римляне сосредоточили въ этомъ направленіи свои силы, а между тѣмъ Ганнибалъ успѣлъ отступить со своимъ войскомъ въ направленіи противуположномъ, которое они оберегали болѣе небрежно. Вернувшись въ Апулію, Ганнибалъ опять принялся за ту же опустошительную войну; этимъ способомъ веденія войны онъ хотѣлъ доказать римскимъ подданнымъ, которымъ сулилъ освобожденіе отъ римскаго ига, что римляне не въ силахъ защитить ихъ отъ раззоренія. И Фабій, командованіемъ котораго всѣ были недовольны и въ Римѣ, и въ войскѣ, со своей стороны, приказалъ уничтожать запасы и села кругомъ пунійской арміи; такимъ образомъ онъ далъ новую пищу недовольству, такъ какъ этимъ приказомъ онъ осуждалъ на позорную бездѣятельность свое войско, по призванію своему обязанное защищать жизнь и собственность союзниковъ Рима. Это привело къ положенію въ высшей степени запутанному, которое, болѣе чѣмъ что-нибудь иное, свидѣтельствуетъ о томъ состояніи, въ которое Италія была приведена въ это время; дѣло дошло до того, что въ Римѣ плебейскій начальникъ всадниковъ М. Минуцій—главный герой и ораторъ оппозиціи—былъ избранъ вторымъ диктаторомъ. По счастью, нѣсколько времени спустя, этотъ второй диктаторъ весьма благоразумно подчинился верховной власти Фабія, которому удалось спасти М. Минуція отъ неминуемаго пораженія.

216 годъ. Такъ годъ пришелъ къ концу, безъ успѣха, но и безъ новаго пораженія. Великимъ счастьемъ для Рима было уже и то, что Ганнибалъ не получалъ подкрѣпленія ни изъ Испаніи, ни изъ Африки. Въ Испаніи Гасдрубалъ и самъ съ трудомъ оборонялся отъ римлянъ, которые проникли почти до самаго Сагунта. Намъ не извѣстно, что именно препятствовало въ Карѳагенѣ энергичному веденію войны:—враждебная-ли Гамилькарову дому партія, или иное что? Но что у Ганнибала, на случай его торжества надъ Римомъ, были въ запасѣ весьма обширные политическіе планы, — объ этомъ можно заключить уже изъ того, что онъ обѣщалъ всѣмъ либійцамъ, служившимъ въ его войскѣ, въ случаѣ побѣдоноснаго возвращенія домой,—дать права карѳагенскаго гражданства.

Римскія вооруженія. Но и въ Римѣ условія внутренней жизни вызывали на размышленія. Перекоры между знатью и народомъ, постоянно проявлявшіеся въ новыхъ формахъ и потрясавшіе спокойствіе государства, уже и передъ войною принявшіе характеръ страстной политической борьбы,—еще болѣе обострились вслѣдствіе несчастнаго хода войны. Эта борьба обозначилась особенно рѣзко въ комиціяхъ при выборѣ консуловъ на слѣдующій годъ, и привела къ выбору въ консулы двоихъ дѣятелей, между которыми не могло быть ничего общаго: *Л. Эмилія Павла*, патриція изъ древняго рода, близкаго по убѣжденіямъ къ Фабію, и плебея низкаго происхожденія, *К. Теренція Варрона*, который и въ люди-то вышелъ благодаря страстной борьбѣ своей противъ знати (216 г.). На этотъ разъ вооруженія были предприняты чрезвычайныя: набрано было не менѣе восьми легіоновъ съ соотвѣтствующими союзническими контингентами (насчитываютъ 80.000 ч.

пѣхотинцевъ и 6.000 конницы), т. е. войско по крайней мѣрѣ вдвое болѣе того, на которое Ганнибалъ могъ разсчитывать, и воинственно настроенный Варронъ не даромъ говорилъ, что подобная воинская сила предназначена не для однихъ только воинскихъ передвиженій, а именно для нанесенія мощнаго, сокрушительнаго удара врагу. Когда римское войско, вблизи апулійскаго городка *Канны*, на р. Авфидѣ, стало сходиться съ непріятелемъ, тогда Варронъ выказалъ рѣшимость — въ первый же день, когда командованіе будетъ принадлежать ему *),—воспользоваться этимъ правомъ для нанесенія врагу этого «сокрушительнаго удара».

Битва при Каннахъ (216).

Такъ дошло въ іюнѣ 216 г. до знаменитой *битвы при Каннахъ*, которая, до Седанской битвы, не имѣла еще подобной себѣ въ исторіи. Если по нынѣшней дорогѣ изъ Канозы въ Барлету пройти нѣсколько часовъ, то дойдешь до поворота дороги налѣво, гдѣ она спускается черезъ виноградники въ долину р. Офанто или Авфида. Здѣсь виднѣются и теперь на правомъ, южномъ берегу рѣки два холма: на западномъ изъ этихъ холмовъ, гдѣ теперь выстроена дача, расположенъ былъ самый городокъ Канны, на восточномъ—его замокъ; съ высоты этихъ холмовъ видно поле битвы, простирающееся по лѣвому берегу незначительной, медленно-текущей рѣчонки; пейзажъ заканчивается на сѣверъ и на западъ отдаленными грядами возвышеній, а на востокѣ вдали блещутъ воды залива Манфредонія. Пунійское войско утромъ перешло обильную бродами рѣчку и безпрепятственно вступило на позицію. Лѣвое крыло его арміи, подъ командою Гасдрубала, составляла кельтійская и иберійская кавалерія; центръ, которымъ начальствовалъ самъ Ганнибалъ, состоялъ въ первой линіи изъ галльской пѣхоты, во второй же, въ нѣкоторомъ отдаленіи, направо и налѣво, находилось 15.000 отборнаго войска—ливійской пѣхоты въ римскомъ вооруженіи; на правомъ крылѣ поставлена была нумидійская конница. На римской сторонѣ, противъ нумидійцевъ, стояла союзническая конница, подъ командою Варрона; въ центрѣ—грозная масса пѣхотныхъ легіоновъ, подъ командою Сервилія, консула прошлаго года; на правомъ крылѣ, противъ Гасдрубала, римская конница подъ командою Эмилія Павла. Тутъ-то, послѣ первыхъ передовыхъ стычекъ, и завязалась битва, которая длилась здѣсь не долго и приняла направленіе неблагопріятное для римлянъ, такъ какъ окончилась бѣгствомъ остатковъ римской конницы. Между тѣмъ, въ центрѣ густыми колоннами стала наступать римская пѣхота, и Галлы уступили ея натиску; но справа и слѣва врѣзались въ ряды римлянъ ливійцы и остановили ихъ натискъ, при чемъ массы римской пѣхоты толпились безъ толку и мѣшали первымъ рядамъ сражающихся. Позади ихъ Гасдрубалъ перебросилъ свою конницу на лѣвое крыло римлянъ; и безъ того уже утомленное атаками нумидійцевъ, это крыло не выдержало новаго натиска и дрогнуло. Нумидійцы, бросившись вслѣдъ за ними, нигдѣ не дали имъ остановиться, пока ихъ не разсѣяли. Битва, такимъ образомъ, какъ нѣкогда въ равнинѣ Тунеса или при Требіи, была проиграна, но

*) По весьма дурному римскому обычаю, консулы въ военное время командовали войскомъ по-очередно—одинъ день одинъ, другой день другой.

все еще продолжалась въ центрѣ, гдѣ враги бились съ невѣроятнымъ ожесточеніемъ; и вдругъ, въ тылу легіоновъ явилась конница Гасдрубала, вновь успѣвшая собраться и построиться. Тогда ужъ все было для легіоновъ потеряно; окруженные отовсюду, они съ часу на часъ, съ минуты на минуту таяли въ неравной битвѣ, которая закончилась ужаснѣйшей бойней:—изъ нея очень немногіе успѣли ускользнуть и спастись бѣгствомъ; большинство же спаслось только плѣномъ. Сохранилось фамильное преданіе, которое гласитъ слѣдующее о кончинѣ консула Эмилія Павла:—потерпѣвъ пораженіе на правомъ крылѣ, онъ направился въ центръ. Военный трибунъ, Кн. Лентулъ, еще видѣлъ его, какъ онъ, обливаясь кровью, сидѣлъ среди поля, на камнѣ; онъ хочетъ спѣшиться, предлагаетъ ему собственную лошадь, чтобы дать ему возможность бѣжать и чтобы столь печальный день не закончился еще болѣе печально—смертью консула; но Павелъ Эмилій отклоняетъ это предложеніе, и когда новая толпа бѣглецовъ увлекаетъ трибуна за собою, консулъ кричитъ ему вслѣдъ, что Сенату «надлежитъ озаботиться о загражденіи пути къ Риму».

Уронъ римлянъ исчисляется различно: въ результатѣ все же оказалось полнѣйшее истребленіе большой римской арміи. Консулъ Варронъ домчался да крѣпости Венузіи едва-ли съ 70-ю всадниками; въ общемъ едвали наберется 10.000 человѣкъ спасенныхъ отъ пораженія; и самому побѣдителю битва эта стоила не менѣе 8.000 убитыми.

Послѣдствія побѣды.

Мысль о томъ, чтобы непосредственно съ поля битвы идти къ Риму и слѣдовательно покончить войну однимъ ударомъ, могла, конечно, явиться на время въ пунійскомъ войскѣ подъ первымъ впечатлѣніемъ безпримѣрной побѣды; легко можетъ быть, что и въ Римѣ, въ первый моментъ возбужденія и тревоги—такого непосредственно слѣдующаго за побѣдой нападенія и ожидали, и опасались. Но, всматриваясь ближе въ дѣло, мы убѣждаемся въ томъ, что эта мысль не могла быть приведена въ исполненіе, и римское правительство очень вѣрно сообразило свое положеніе. Тутъ-то и проявилась несравненная сплоченность римскаго Сената, состоявшаго изъ бывшихъ на службѣ сановниковъ, которые умѣли повелѣвать, знали толкъ въ войнѣ, были знакомы и съ ея случайностями: и вотъ, совѣщательное собраніе обратилось въ органъ исполнительной власти. Сенатъ тотчасъ же съумѣлъ сдержать въ извѣстныхъ границахъ потрясенный до основанія городъ, твердо взялъ въ руки бразды правленія, предписалъ нѣкотораго рода осадное положеніе и сталъ въ тѣсное единеніе съ консуломъ Варрономъ, который явился въ глазахъ Сената не виновникомъ пораженія, а лишь законнодѣйствовавшимъ высшимъ сановникомъ римскаго народа. Поразительныя подробности бѣдственнаго пораженія, которыя узнавались лишь постепенно,—въ одномъ Сенатѣ насчитывалось до 80 павшихъ въ битвѣ при Каннахъ,—не сбили «отцовъ» съ толку и они стали дѣйствовать съ увѣренностью, которую придавалъ имъ не одинъ только гордый патріотизмъ здравомыслящей аристократіи, но также и весьма правильное пониманіе того, что общее положеніе Ганнибала было далеко не такимъ блестящимъ, какъ многіе думали, судя по его успѣхамъ на полѣ битвы.

Побѣдитель же гораздо менѣе заблуждался относительно своего положенія, нежели думало о немъ потомство и его окружающіе: не замедливъ обезпечить за собою дѣйствительные плоды побѣды, онъ въ то же время предложилъ миръ своему великому сопернику. Въ той же формѣ, какую мы уже видѣли выше, предложилъ онъ выкупъ плѣнныхъ римскихъ гражданъ и придалъ къ ихъ делегаціи знатнаго карѳагенянина изъ своей свиты на случай переговоровъ о мирѣ. Мы не знаемъ условій, которыя собирался предложить Ганнибалъ, и можемъ только въ самыхъ общихъ чертахъ предположить, что цѣлью этихъ переговоровъ могло быть установленіе системы равновѣсія государствъ, прилегавшихъ на западѣ къ Средиземному морю, намѣсто римскаго господства; утвержденіе подобной системы предполагало, конечно, возстановленіе независимости Галловъ въ Сѣверной Италіи, а слѣдовательно и уничтоженіе всѣхъ недавно выстроенныхъ тамъ укрѣпленій, и исключительное обладаніе Испаніею для Карѳагена; на этой основѣ, конечно, соглашеніе представлялось возможнымъ; но до переговоровъ дѣло вовсе и не дошло. Пунійскій посолъ, Картало, не былъ даже допущенъ въ городъ; а делегація отъ плѣнныхъ хотя и была допущена, но лишь для того, чтобы сенатъ отказалъ имъ въ выкупѣ. Быть-можетъ, этотъ отвѣтъ былъ лишь демонстраціей со стороны Сената (въ засѣданіи, которое, по всемірно-историческому значенію своему, едвали можетъ быть уподоблено какому-либо иному), которая должна была обозначать, что Сенатъ мира не желаетъ, а потому и выкупъ плѣнныхъ не оказывался возможнымъ. Но, въ данномъ случаѣ, и подобная демонстрація была уже подвигомъ,—и эта демонстрація произвела сильнѣйшее впечатлѣніе не только въ римскомъ народѣ, но и въ средѣ союзниковъ, и даже въ иноземныхъ государствахъ.

Положеніе занятое римскимъ сенатомъ.

Невзгоды этого года дополнились еще однимъ пораженіемъ, которое понесъ на Сѣверѣ консулъ Л. Постумій со своими двумя легіонами въ войнѣ противъ Галловъ, и смертью вѣрнаго друга и союзника римлянъ, Гіерона, что могло повести къ утратѣ Сиракузъ; въ то же время въ еще болѣе чувствительномъ мѣстѣ сказались послѣдствія пораженія при Каннахъ. Отпаденіе римскихъ союзниковъ, на которыхъ основывалась окончательная побѣда Ганнибала, уже началось. Второй по значенію въ Италіи городъ, *Капуя*, перешелъ на сторону пунійскаго союза. И это отпаденіе совершилось помимо воли высшихъ сословій, волею народа и демократической партіи: и весьма легко могло случиться, что и во многихъ другихъ союзныхъ городахъ народъ могъ-бы подняться противъ поощряемой Римомъ аристократіи, и что такимъ образомъ подготовлялась для Рима громадная катастрофа. Еще болѣе важно, и на ту пору еще болѣе многозначительно, было то, что на театръ войны грозилъ явиться совсѣмъ новый противникъ: царь *Филиппъ V Македонскій*, четвертый македонскій государь изъ династіи Антигонидовъ (вступилъ на престолъ въ 221 г.). Царь, человѣкъ еще молодой,—такъ разсказываетъ Полибій,—присутствовалъ какъ разъ въ это время въ Пелопоннезѣ на праздничномъ съѣздѣ въ Аргосѣ по поводу немейскихъ игръ; съ нимъ вмѣстѣ былъ тамъ тотъ самый Деметрій Фаросскій, иллирійскій разбойничій князь, который сначала подчинился римлянамъ и былъ ими пощаженъ, и позднѣе, когда

Отпаденіе Капуи; Македонія, Сиракузы.

онъ нарушилъ миръ, — былъ изгнанъ римлянами съ острова Корциры. Царь смотрѣлъ на игры, какъ вдругъ явился курьеръ изъ Македоніи: онъ привезъ письмо съ важными вѣстями о пораженіи, нанесенномъ римлянамъ; въ письмѣ выяснялось, что однѣ только крѣпости остались за римлянами, а вся остальная страна уже покорилась власти Ганнибала. Царь передалъ письмо Деметрію, но приказалъ ему умолчать объ его содержаніи. Тотъ, пораженный полученнымъ извѣстіемъ, тотчасъ же сталъ совѣтовать царю, чтобы царь заключилъ миръ съ этолійскимъ союзомъ и думалъ только объ одномъ, какъ бы поскорѣе переправить войско въ Италію. И дѣйствительно, въ 215 г., между имъ и Ганнибаломъ былъ заключенъ тѣсный союзъ, и какъ разъ въ то самое время, когда преемникъ Гіерона въ Сиракузахъ, его внукъ *Іеронимъ*, едва достигнувшій отроческаго возраста, склонился на сторону союза съ пунійцами по наущенію нѣкоторыхъ агентовъ Ганнибала, ловко подготовившихъ его къ этому рѣшенію.

Война 215—207 г. Новые театры войны.

Такимъ образомъ, война приняла самые обширные размѣры, и ея театромъ одновременно были—Италія и Сицилія, Испанія и Греція, и въ теченіе восьмилѣтняго періода, до 207 г., римляне могли всего опасаться. Весь вопросъ былъ въ томъ—удастся-ли Ганнибалу перебросить въ Италію новыя силы съ одного изъ этихъ театровъ войны. Съ римской стороны этому слѣдовало попытаться всячески препятствовать, и потому мы и видимъ, что римское правительство съ изумительною энергіею ведетъ войну въ Сициліи, Испаніи и Греціи наступательно, между тѣмъ какъ въ Италіи, опираясь на многочисленныя крѣпости и на почти непоколебимую вѣрность союзниковъ италійскаго племени, римляне, во всѣ послѣдующіе годы, упорно придерживались по отношенію къ Ганнибалу оборонительнаго способа войны, который становился все болѣе и болѣе опаснымъ для Ганнибала. Для веденія этой войны въ Италіи у Рима былъ какъ разъ подходящій человѣкъ въ лицѣ *М. Клавдія Марцелла*, который во время перваго своего консульства въ 222 г. побѣдоносно дѣйствовалъ противъ галловъ и даже собственною рукою убилъ въ поединкѣ ихъ предводителя Виридомара; теперь, до 208 г., онъ не менѣе четырехъ разъ являлся въ числѣ избранныхъ консуловъ. Онъ съумѣлъ организовать тѣ весьма ограниченныя воинскія силы, которыя послѣ 216 г. остались въ распоряженіи римлянъ, и, ловко умѣя соединить смѣлость съ осторожностью, достигъ того, что въ римскомъ войскѣ опять возродилась нѣкоторая самоувѣренность. Югъ полуострова былъ однакоже во всякомъ случаѣ утраченъ для Рима въ большей своей части:—Бруттія, большая часть Луканцевъ и почти весь Самніумъ, равно какъ и важнѣйшіе города Апуліи примкнули къ Ганнибалу, который во время зимы 216—215 г. квартировалъ въ Канузѣ. Но ближе къ Риму союзники не отпадали отъ него, и въ самой Кампаніи, въ непосредственной близости къ отпавшей столицѣ этой области, римляне удержали за собою важный городъ *Нолу*.

Въ результатѣ всего, что случилось на внѣ-италійскихъ театрахъ войны, было то, что до 207 г. Ганнибалъ не получилъ отъ веденія на нихъ войны никакого существеннаго облегченія. Непосредственно изъ

самаго *Карѳагена* присылаемая помощь была очень незначительна, даже и въ то время, когда въ Сиракузахъ правила карѳагенская партія, даже и тогда, когда въ 212 г. *Тарентъ* попалъ во власть Ганнибала; *царь Филиппъ* Македонскій недостаточно быстро успѣлъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами и вскорѣ увидѣлъ себя отовсюду запутаннымъ въ борьбу съ мелкими врагами, которыхъ возбудила противъ него римская дипломатія—съ этолянами, съ ѳракійскими и иллирійскими разбойничьими шайками, съ королемъ Атталомъ Пергамскимъ. Въ Сициліи, правда, явилось карѳагенское войско, которое завоевало важный городъ Акрагасъ на югѣ, и въ самыхъ Сиракузахъ карѳагенская партія одержала верхъ только послѣ сверженія и убіенія юнаго тиранна, вслѣдствіе переворота, произведеннаго буйной демократіей сиракузской. Но уже въ 214 г. Марцеллъ могъ снова начать на острову (гдѣ пунійцевъ ненавидѣли еще болѣе, чѣмъ въ Италіи) войну наступательную, и *завоевалъ Сиракузы* послѣ упорной осады, которая была еще значительно затруднена изобрѣтательностью знаменитаго механика Архимеда и замедлена фанатизмомъ наемниковъ и перебѣжчиковъ изъ римскаго лагеря (212). Такимъ образомъ, островъ былъ пунійцами утраченъ, хотя Ганнибалъ и дѣлалъ все возможное, чтобы хоть какъ-нибудь поддержать войну въ Сициліи и занять тамъ римлянъ. Ни облегченія, ни помощи оттуда онъ ожидать не могъ, и это повліяло неблагопріятно на его положеніе въ Италіи. Здѣсь ему удалось (въ самый годъ взятія Сиракузъ) овладѣть чрезвычайно важнымъ городомъ Тарентомъ, при посредствѣ тайнаго соглашенія съ одной изъ городскихъ партій: но цитадель осталась въ рукахъ римлянъ. И хотя во многихъ отдѣльныхъ успѣшныхъ битвахъ Ганнибалъ и выказалъ за это время замѣчательное превосходство своего военнаго искусства, однакоже это ничуть не могло измѣнить затруднительности его положенія. Войска у него было слишкомъ мало, чтобы вести войну наступательную въ большихъ размѣрахъ, какъ онъ велъ ее вначалѣ, и сверхъ того, большимъ препятствіемъ для него было то явное отвращеніе, которое онъ всюду встрѣчалъ въ населеніи противъ пунійскихъ обычаевъ. Вотъ почему онъ никакъ не могъ сплотить въ надежную и твердую коалицію даже и тѣ города, которые держали его сторону, и въ 211 г. римляне уже могли принять мѣры къ обратному завоеванію Капуи. Напрасно Ганнибалъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы вынудить римлянъ къ снятію осады съ Капуи. Когда его нападеніе на римскія линіи было отражено, Ганнибалъ рѣшился на послѣднее средство—двинулъ войско къ стѣнамъ Рима; но правящіе круги Рима не испугались этой угрозы, и войска, осаждавшія Капую, не были отозваны. Городъ, наконецъ, палъ, и страшная кара обрушилась на горожанъ, которые льстили себя нѣкоторое время надеждою на то, что, при пунійской помощи, ихъ городъ, намѣсто Рима, будетъ столицею Италіи. Правители города либо сами на себя наложили руки, либо погибли подъ топорами римскихъ ликторовъ; граждане были проданы въ рабство, выселены; только малозначительные люди, не опасные ни для какого порядка, оставлены были въ Капуѣ, и отнынѣ посаженный Римомъ префектъ долженъ былъ править этою городскою общиною, лишенною всякихъ правъ.

Такимъ образомъ непосредственная опасность войны для Рима окончательно миновала; но миръ все же не давался и территорія Италіи страшно страдала отъ войны, которая велась не только на ея почвѣ, но и на ея средства. Въ Южной Италіи образовалось даже цѣлое военное государство, подъ властью все еще грознаго противника, и Ганнибалъ правилъ имъ такъ, что даже и національный историкъ римскій съ невольнымъ изумленіемъ отмѣчаетъ фактъ, достойный вниманія: въ войскѣ, составленномъ изъ самыхъ разнородныхъ и ненадежныхъ элементовъ, все же ни одинъ человѣкъ не измѣнилъ ему, даже и тогда, когда потеряна была всякая надежда на побѣду. Да и дѣйствительно для многихъ, войною лишенныхъ отчизны, пунійскій лагерь являлся послѣднимъ убѣжищемъ и второй отчизной; вотъ почему его войско и держалось такъ кучно въ своемъ полномъ составѣ; рѣшительнаго оборота нужно было теперь ожидать только съ одной стороны: со стороны *Испаніи*.

Борьба въ Испаніи.

Въ этой странѣ война велась почти внѣ всякой зависимости отъ остальныхъ ея театровъ и при весьма измѣнчивомъ счастьи; римляне отлично поняли, что имъ слѣдуетъ отстаивать Италію въ Испаніи, и вплоть до 212 г. имъ это вполнѣ удавалось. Но въ этомъ году наступила большая катастрофа. Въ Испаніи войскомъ римскимъ предводительствовали двое братьевъ Сципіоновъ—Публій и Кней. Гасдрубалъ, сынъ Гамилькара, сначала разбилъ перваго изъ нихъ, а потомъ и второго; при этихъ пораженіяхъ оба вождя были убиты, и только уже за р. Эбро удалось римскому всаднику *К. Марцію* собрать остатки римскаго войска. Новый главнокомандующій, пропрэторъ *К. Клавдій Неронъ* опять повелъ войну наступательно; но рѣшительный оборотъ произошелъ въ ней только тогда, когда сынъ одного изъ Сципіоновъ, *П. Корнелій Сципіонъ*, занялъ въ испанской арміи важное и отвѣтственное мѣсто главнокомандующаго, на которое не находилось въ Римѣ охотниковъ. Въ ту пору П. Корнелій Сципіонъ не достигъ еще законнаго возраста для занятія этого важнаго поста, да притомъ и замѣщеніе его близкимъ родственникомъ одного изъ полководцевъ, погибшихъ при такой безпримѣрной неудачѣ, было даже противно римскимъ обычаямъ; но ужъ, видно, этотъ юноша былъ исключеніемъ изо всѣхъ правилъ. Весьма привлекательный по внѣшности, онъ былъ проникнутъ непоколебимѣйшею вѣрою въ счастливую звѣзду Рима и въ свое собственное счастье. По сравненію съ людьми прежняго времени, Фабіемъ или Марцелломъ, онъ былъ представителемъ новой эпохи, въ которой личное значеніе и геній смѣло заявляли свои права, помимо всякаго отношенія въ происхожденіи. Такъ, единогласно избранный, несмотря на свои юныя лѣта, онъ направился въ Испанію, и въ самое короткое время ему уже удалось совершить тамъ изумительный подвигъ, который всѣмъ представлялся

Публій Корнелій Сципіонъ Африканскій. Бронзовый бюстъ въ національномъ музеѣ въ Неаполѣ.

почти чудомъ: онъ овладѣлъ *Новымъ Карѳагеномъ* — столицею и главнымъ военнымъ центромъ пунійцевъ въ Испаніи. А между тѣмъ это чудо онъ совершилъ очень просто: въ Испаніи стояло три пунійскихъ арміи, но некому было принять надъ ними главное начальство для общаго ихъ руководства, и Сципіонъ зналъ, что всѣ онѣ были удалены отъ Новаго Карѳагена на десять дней перехода. Эта важная крѣпость, которая, какъ всѣмъ казалось, находилась внѣ всякой опасности нападенія со стороны непріятеля, была защищена недостаточнымъ количествомъ гарнизона; а между тѣмъ она была, при нѣкоторыхъ благопріятныхъ условіяхъ, весьма доступна внезапному нападенію и захвату — и если Сципіону удалось захватить эту крѣпость врасплохъ, то подобный фактъ свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о смѣломъ мужествѣ римскаго полководца, а съ другой — о вопіющихъ недостаткахъ и промахахъ пунійскихъ властей, которыя могли допустить подобный фактъ. Среди несмѣтной добычи Новаго Карѳагена, наиболѣе цѣнною частью ея были заложники испанскихъ племенъ, которые жили въ крѣпости подъ строгой охраной и которыхъ Сципіонъ съ весьма великодушною предусмотрительностью отпустилъ на волю. И вотъ, въ короткое время, все вдругъ обратилось въ Испаніи къ этому «богоподобному» человѣку; всѣ кіюскія племена привѣтствовали его какъ царя, и хотя онъ, какъ римлянинъ, этого титула не принялъ, но въ сущности сталъ править этою отдаленною страною, какъ полновластный государь, въ чемъ ему не препятствовали и римскія власти, среди которыхъ его имя также пріобрѣло громкую извѣстность. И между тѣмъ какъ братъ Ганнибаловъ, Гасдрубалъ, вынужденъ былъ отступить передъ непреодолимою силою Сципіонова вліянія на самый крайній Западъ Испаніи, въ область низовьевъ р. Тахо, Сципіонъ успѣлъ уже завести сношенія и по ту сторону пролива, въ Ливіи, съ нумидійскимъ царемъ Сифаксомъ. Тогда и послѣдняя надежда Ганнибала на то, что его братъ приведетъ къ нему изъ Испаніи войско, которое дастъ ему возможность измѣнить судьбу войны, — теперь рухнула вполнѣ, и побѣда Рима казалась уже близкою. Даже самый Тарентъ въ 209 г. былъ вновь отвоеванъ римлянами, и Ганнибалъ уже только съ трудомъ могъ держаться въ Апуліи.

Истощеніе Италіи.

Но онъ все еще стоялъ на почвѣ Италіи, и эта страна, которая уже въ теченіе 10 лѣтъ источала кровь изъ безчисленныхъ ранъ своихъ, начинала выказывать ясные признаки истощенія. Въ 209 г., при случаѣ новаго набора, 12 латинскихъ городовъ заявили, что они дошли до послѣдней степени крайности, что у нихъ нѣтъ болѣе ни солдатъ, ни денегъ, и даже въ самомъ Римѣ кое-кто рѣшился заговорить о мирѣ. Сильная оппозиція поднялась противъ Марцелла, стоявшаго за войну до послѣдней крайности, и противъ аристократіи, стоявшей во главѣ правленія; не безъ труда удалось провести его въ консулы на 208 годъ. Вѣроятно, къ этому времени относится тотъ поэтическій разсказъ о сновидѣніи, которое будто бы видѣлъ Ганнибалъ на пути своего перваго движенія къ берегамъ Эбро: богоподобный юноша явился передъ нимъ, въ качествѣ проводника, и приказалъ ему слѣдовать за собою, не оглядываясь назадъ. Когда же онъ, несмотря на это предупрежденіе, оглянулся, то увидѣлъ

позади себя громадную змѣю, которая ползла за нимъ слѣдомъ, среди громовъ и молній уничтожая все кругомъ на пути своемъ; тогда онъ спросилъ своего спутника, что можетъ обозначать это странное явленіе? «Это *опустошеніе Италіи*», отвѣчалъ ему спутникъ и приказалъ въ молчаніи ожидать исхода событій.

Гасдрубалъ въ Италіи.

Годъ 208 начался для римлянъ довольно благопріятно. Съ Востока не грозила болѣе никакая опасность; Сицилія въ такой степени была упрочена за римлянами, что проконсулъ М. Валерій имѣлъ даже возможность предпринять экспедицію въ Африку и вернулся съ изрядною добычею изъ Клупеи въ Лилибею. Затѣмъ оба консула двинулись съ сильнымъ войскомъ въ Апулію. Но въ то время, когда уже ожидали извѣстій о побѣдѣ изъ лагеря обоихъ консуловъ съ апулійско-луканской границы, а вмѣстѣ съ побѣдою и объ окончательномъ рѣшеніи войны—оттуда пришла вѣсть о томъ, что оба консула попали на засаду, въ которую Ганнибалъ ихъ заманилъ, при чемъ Марцеллъ былъ убитъ, а его сынъ и его сотоварищъ консулъ Криспинъ, оба раненые, едва ускользнули отъ гибели. И даже эта вѣсть показалась ничтожною въ сравненіи съ тѣми вѣстями, которыя шли съ Запада и, казалось, грозили тѣмъ, что дѣла могутъ опять принять тотъ же неблагопріятный оборотъ, который пришлось переживать 11 лѣтъ тому назадъ, при вторженіи Ганнибала. Братъ Ганнибала, Гасдрубалъ, приближался къ границамъ Италіи, и притомъ съ такимъ войскомъ, которое по численности своей не уступало войску, приведенному въ Италію Ганнибаломъ въ 218 году. А между тѣмъ Италія была уже не та, что въ ту пору, когда она еще изобиловала незатраченными силами и въ Римѣ были увѣрены въ прочности связи составныхъ ея частей: городъ Римъ не могъ-бы теперь перенести пораженіе, подобное пораженію при Каннахъ. Намъ неизвѣстны въ подробностяхъ тѣ воинскія движенія и условія, при которыхъ Гасдрубалъ могъ выполнить этотъ смѣлый планъ; несомнѣнно лишь то, что выполненіе его оказалось возможно только благодаря самымъ грубымъ ошибкамъ Сципіона, который совсѣмъ упустилъ врага изъ вида... Увлекшись своимъ планомъ перенесенія войны въ Африку, онъ не принялъ мѣръ къ тому, чтобы заградить Гасдрубалу путь въ Италію. Гасдрубалъ же, едва перешелъ Пиренеи, какъ очутился на торной дорогѣ въ Италію: черезъ Альпы перешелъ онъ съ большею легкостью, чѣмъ нѣкогда переходилъ его братъ, такъ какъ мѣстное населеніе успѣло уже убѣдиться, что война его не касалась, и что подобный переходъ войска, при умѣньи имъ воспользоваться, могъ даже принесть свои выгоды; Галлы въ долинѣ По, конечно, присоединились къ его знаменамъ, такъ какъ между ними и римлянами никакое примиреніе уже не оказывалось болѣе возможнымъ: и когда Гасдрубалъ, весною 207 года, спустился съ Альпъ на почву Италіи, — тогда наступилъ опаснѣйшій моментъ изо всей войны. Положеніе римлянъ оказалось болѣе опаснымъ, нежели послѣ пораженія при Каннахъ; на этотъ разъ, дѣйствительно, судьба Рима, Италіи и всего западнаго міра зависѣла отъ случайностей и превратностей *одной* битвы. Весьма любопытно для характеристики общаго настроенія, господствовавшаго среди населенія Италіи, было то, что и теперь, какъ зимою 217 года, отовсюду доносились

слухи о самыхъ устрашающихъ знаменіяхъ и всюду по-прежнему съ величайшимъ усердіемъ прибѣгали къ тѣмъ же искупительнымъ жертвамъ и покаянію, во избѣжаніе грозящихъ бѣдъ. При избраніи консуловъ главнымъ образомъ было обращено вниманіе на то, чтобы консульства были удостоены только люди, испытанные въ военномъ искусствѣ, — и были избраны: *М. Клавдій Неронъ*, уже предводительствовавшій войскомъ подъ стѣнами Капуи и въ Испаніи, и *М. Ливій Салинаторъ*, уже въ 219 г. бывшій консуломъ, затѣмъ удалившійся въ уединеніе, изъ котораго опять его вызвали, возлагая большія надежды на этого замѣчательнаго дѣятеля.

Рѣшительная битва послѣдовала вблизи *Сены*, при р. Метаврѣ; отсюда Гасдрубалъ, во главѣ своего почти 50.000 войска, задумывалъ двинуться черезъ Умбрію на соединеніе съ Ганнибаломъ. Но гонцы Гасдрубала не достигли Ганнибалова стана: уже почти достигнувъ цѣли, въ самой Тарентинской области, они попались въ руки разъѣздовъ консула Клавдія. Сенская катастрофа, 207.

Тогда Клавдій, провѣдавъ тайный замыселъ врага, задумалъ и выполнилъ смѣлый планъ. Для наблюденія за Ганнибаломъ онъ оставилъ одного легата съ самымъ ограниченнымъ количествомъ войска, а самъ съ сильнымъ отрядомъ отборныхъ воиновъ двинулся на С. и благополучно прибылъ въ лагерь своего сотоварища Ливія. Когда Гадсрубалъ, по двойнымъ сигналамъ и другимъ знакамъ, узналъ, что ему приходится имѣть дѣло съ двумя консульскими арміями, онъ попытался избѣгнуть сраженія; но былъ задержанъ римскими войсками еще до переправы черезъ р. Метавръ и вынужденъ принять битву, которая, послѣ долгаго колебанія, закончилась полнымъ его пораженіемъ. Самъ Гадсрубалъ палъ въ битвѣ (207). Въ Римѣ, гдѣ знали о предстоящемъ великомъ событіи, всѣ ожидали рѣшенія судьбы съ лихорадочнымъ напряженіемъ: — это напряженное состояніе, при извѣстіи о побѣдѣ, обратилось въ неномѣрное ликованіе, ибо всѣ чувствовали, что теперь — только теперь окончательно устранена опасность, грозившая Риму и Италіи. Разсказываютъ, что когда Ганнибалу, черезъ валъ его стана, была переброшена голова его брата, онъ будто бы сказалъ, что «ему теперь извѣстна судьба Карѳагена». Варварство этого поступка хотя и объясняется намъ страшною ненавистью римскаго населенія къ пунійцамъ, однакоже, представляется непростительнымъ со стороны полководцевъ-побѣдителей, тѣмъ болѣе, что стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи къ Ганнибалову способу веденія войны. Ганнибалъ, даже и по свидѣтельству враговъ своихъ, никогда не забывалъ того основного правила, которое нѣкогда было высказано отцомъ его, Гамилькаромъ, въ извѣстномъ его изреченіи: «я живу въ мирѣ съ мертвыми».

И вотъ—торговая и промышленная жизнь и даже правильная обработка полей какъ бы вновь проявилась въ странѣ, пережившей страшное испытаніе. Въ слѣдующемъ 206 г. не случилось въ военномъ смыслѣ ничего значительнаго. И только теперь, когда, быть-можетъ, было ужъ слишкомъ поздно, въ Карѳагенѣ рѣшились пустить въ ходъ величайшія усилія, такъ какъ тамъ поняли, что война вскорѣ будетъ уже перенесена въ Африку и что она здѣсь не продлится цѣлый десятокъ лѣтъ, какъ длилась война въ Италіи. *Магонъ*, младшій изъ трехъ братьевъ, долженъ былъ покинуть Испанію, въ которой уже не было возможности держаться Ганнибалъ остается въ Италіи.

долѣе (одинъ Гадесъ еще принадлежалъ тамъ пунійцамъ), и, со всѣми находившимися въ его распоряженіи войсками — долженъ былъ повторить попытку Гасдрубала; со стороны карѳагенскаго правительства были сдѣланы македонскому царю большія обѣщанія, чтобы побудить его къ новымъ усиліямъ и, если возможно, къ высадкѣ въ Италіи; попытались даже отправить подкрѣпленія къ Ганнибалу.

Сципіонъ консулъ.

Около этого времени вернулся изъ Испаніи Сципіонъ, чтобы участвовать въ консульскихъ выборахъ на слѣдующій (206) годъ; онъ не сомнѣвался въ томъ, что ему предназначено богами закончить эту долгую войну, и народъ, увлекавшійся своимъ любимымъ избранникомъ, не колеблясь, раздѣлялъ увѣренность Сципіона. Комиціи, весьма единодушно, избрали его въ консулы. Онъ потребовалъ, чтобы Африка была назначена ему обязательнымъ полемъ дѣйствія; онъ даже не совсѣмъ деликатно далъ понять Сенату, что, если его желаніе не будетъ исполнено, онъ постарается достигнуть своей цѣли путемъ народнаго голосованія. И Сенатъ дѣйствительно медлилъ, и дѣятельный Фабій, заслуженный представитель старо-республиканской партіи, не пощадилъ горькихъ укоровъ, обращенныхъ къ Сципіону: прежде молъ слѣдовало одолѣть Ганнибала въ Италіи, а за успѣхъ африканской экспедиціи мудрено ручаться, какъ это доказалъ примѣръ Регула... И дѣйствительно, вопросъ о перенесеніи войны въ Африку былъ очень спорнымъ вопросомъ. Однакожъ, послѣ споровъ, пришли къ извѣстнаго рода соглашенію: Сципіонъ формально подчинился рѣшенію Сената, и Сенатъ назначилъ ему Сицилію въ провинцію, уполномочивъ его однакоже переправиться и въ Африку, если онъ найдетъ это нужнымъ и полезнымъ. Между тѣмъ, военныя дѣйствія въ Италіи были прекращены и съ Филиппомъ Македонскимъ въ Финикѣ (въ Эпирѣ) былъ заключенъ миръ. Ганнибалу пришлось удалиться въ самый крайній уголъ Италіи, въ Бруттіумъ, и даже Локры, важнѣйшій изъ тамошнихъ городовъ, не удержался въ его власти; въ 204 г. Сципіонъ уже закончилъ всѣ свои приготовленія къ экспедиціи въ Ливію. Въ Лилибеѣ былъ готовъ и флотъ, и сухопутное войско: послѣ торжественнаго жертвоприношенія, сопровождавшагося обычною молитвою за римскій народъ, за латинскую націю, за всѣхъ союзниковъ и друзей Рима, войска вступили на суда и, на третій день плаванія, высадились на живописномъ мысу, къ сѣверо-востоку отъ Карѳагена.

Сципіонъ въ Африкѣ.

Такъ начался послѣдній актъ долгой борьбы. Войско Сципіона было немногочисленно и у него не было въ Африкѣ другихъ союзниковъ, кромѣ *Масиниссы*, нумидійскаго князька, который явился въ римскій лагерь, какъ бѣглецъ, со свитою, состоявшею всего изъ нѣсколькихъ всадниковъ. Прежній же другъ римлянъ, царь Массэсиловъ *Сифаксъ*, теперь уже стоялъ на сторонѣ карѳагенянъ. Нѣкоторое время война и въ Италіи, и въ Африкѣ какъ бы пріутихла: только въ слѣдующемъ (203) году Сципіонъ добился важныхъ результатовъ, разбивъ на-голову соединенное войско карѳагенянъ и ихъ союзника, царя Сифакса. Карѳагенское государство неспособно было выдержать долгую войну въ Африкѣ, гдѣ туземное населеніе, въ общей массѣ своей, было такъ враждебно противъ Карѳагена настроено; поэтому было рѣшено отправить посольство съ

мирными предложеніями къ Сципіону, и, въ то же время, вызвать изъ Италіи Ганнибала и его младшаго брата Магона, который, хотя въ это время уже и высадился въ Генуѣ, но, при малочисленности своего войска, не могъ бы, конечно, придать иной, болѣе благопріятный оборотъ войнѣ въ Италіи. Послы, присланные къ Сципіону, нашли его расположеннымъ къ миру:—для него было важно добиться быстраго и почетнаго окончанія войны. Условія, предложенныя имъ, были умѣренны, и онъ согласился на перемиріе, подъ охраною котораго карѳагенское посольство могло отправиться въ Римъ.

Ганнибалъ вызванъ въ Африку.

Между тѣмъ и приказанія, посланныя карѳагенскимъ правительствомъ къ обоимъ полководцамъ, также достигли своего назначенія. Магонъ, тяжело раненый въ одной изъ стычекъ, умеръ на переѣздѣ изъ Европы въ Африку; Ганнибалъ же благополучно переправился въ Африку изъ Кротоны и высадился близъ Лептиса, послѣ тридцатилѣтней разлуки съ родиною, послѣ 16-ти-лѣтняго пребыванія среди враждебной страны... Извѣстіе о его прибытіи воспламенило карѳагенскую чернь воинственнымъ рвеніемъ, и, неразумно поддавшись внушеніямъ своей ненависти къ Риму, карѳагеняне не только нарушили перемиріе, но даже нанесли оскорбленіе римскимъ посланцамъ... Таково было положеніе дѣлъ около того времени, когда Ганнибалъ возвратился на родину; даже и послѣдній изъ союзниковъ Карѳагена на ливійской почвѣ, царь Сифаксъ, успѣлъ уже около этого времени попасть въ плѣнъ къ римлянамъ; его соперникъ, Масинисса, ѣ-бокъ съ римскимъ легатомъ Лэліемъ, вступилъ въ Сифаксову столицу Цирту. Со сказаніями о паденіи карѳагенскаго могущества тѣсно связанъ довольно своеобразный романъ: знатная карѳагенянка, Софонизба по имени, женщина замѣчательной красоты и притомъ образованная, была нѣкогда обручена съ Масиниссой, а затѣмъ выдана замужъ за Сифакса, который этимъ брачнымъ союзомъ и былъ привлеченъ на сторону Карѳагена; страстная патріотка съумѣла привязать слабохарактернаго царя къ союзу со своимъ роднымъ городомъ; теперь же она досталась въ награду побѣдителю, и Масинисса поспѣшилъ вступить съ нею въ бракъ. Но тутъ вмѣшалась въ дѣло безпощадная римская политика, которой дѣла не было ни до сердечной склонности, ни до страсти. Римскій полководецъ опасался, какъ бы эта дальновидная женщина не оказала вліянія и на Масиниссу, въ смыслѣ отчужденія его отъ римлянъ, а потому объявилъ ее военно-плѣнною римскаго народа. Масинисса не рѣшался противиться велѣнію римскаго полководца, а между тѣмъ его понятія о чести не дозволяли ему выдать Софонизбу римлянамъ. Великодушная женщина вывела его изъ этого постыднаго положенія: чтобы не быть плѣнницей во власти враговъ ея народа, она приняла ядъ, присланный ей Масиниссою. Сверженный нумидійскій царь Сифаксъ такъ и умеръ въ плѣну у римлянъ.

Битва при Замѣ. 202 г.

Сохранились ясныя доказательства того, что самъ Ганнибалъ считалъ войну проигранною и всего охотнѣе заключилъ бы миръ, не испытывая еще разъ измѣнчивое счастье битвъ. Но вся будущая возможность патріотической его дѣятельности зависѣла отъ мнѣнія о немъ народа, и все прошлое вынуждало его къ тому, чтобы еще разъ вступить въ битву

съ римлянами. Войско, выведенное имъ изъ Италіи, весьма немногочисленное *), онъ долженъ былъ, по необходимости, вновь дополнить остатками войска Сифаксова, новобранцами изъ Карѳагена и его окрестностей и македонскимъ войскомъ, состоявшимъ на службѣ у карѳагенскаго правительства. Присоединивъ къ этому войску своихъ ветерановъ, онъ образовалъ хотя и довольно многочисленную, но неструю по составу и далеко не надежную армію, которую онъ изъ Гадрумета повелъ на западъ, въ область г. *Замы*, отдаленную дней на пять пути отъ Карѳагена. Лагерь Сципіона находился именно вблизи этого города. Ганнибалъ еще таки попытался, путемъ личнаго свиданія и переговоровъ съ римскимъ военачальникомъ, добиться хоть какого-нибудь мира, не вступая въ битву; но Сципіонъ отклонилъ всякія мирныя предложенія, ссылаясь на то, что нарушеніе перемирія требуетъ искупленія; у него было полнѣйшее основаніе желать битвы, такъ какъ простое сравненіе обоихъ войскъ уже заставляло не сомнѣваться въ побѣдѣ. А пораженіе послѣдняго пунійскаго войска и великаго вождя его должно было поставить Сципіона полновластнымъ распорядителемъ судебъ Карѳагена, чего онъ желалъ, быть-можетъ, менѣе по отношенію къ карѳагенянамъ, чѣмъ по отношенію къ Сенату и народу римскому. Въ 202 году (день событія не извѣстенъ) близъ Замы или Нарагарры дѣло дошло до послѣдней битвы этой долгой и измѣнчивой войны. Сохранились подробныя описанія битвы; Полибій, который могъ получить свѣдѣнія о ней изъ семейныхъ преданій побѣдителя, да и вообще былъ знатокомъ въ военномъ дѣлѣ, свидѣтельствуетъ о Ганнибалѣ, что онъ сдѣлалъ все возможное, что онъ превзошелъ себя въ руководительствѣ битвою; но въ пунійскомъ войскѣ всѣ составныя части были ненадежны, между тѣмъ какъ въ рядахъ римлянъ все дышало увѣренностью въ побѣдѣ. Битва закончилась ожесточенною сѣчей между римскими тріаріями и ветеранами Ганнибаловыхъ италійскихъ походовъ, и затѣмъ натискъ многочисленной римской конницы, ударившей съ флаиговъ, довершилъ уже несомнѣнное пораженіе пунійцевъ. Ганнибалъ съ жалкими остатками своей арміи достигъ Гадрумета, а оттуда пробрался въ Карѳагенъ, гдѣ послѣ этого удара нельзя было уже и думать серьезно о продолженіи борьбы. Существуетъ анекдотъ, едва-ли передающій намъ дѣйствительность, но во всякомъ случаѣ вѣрно характеризующій то, что всюду случается въ подобныхъ положеніяхъ; разсказываютъ, что какой-то карѳагенскій демагогъ, даже и послѣ этого перваго пораженія, понесеннаго Ганнибаломъ въ открытомъ полѣ въ теченіе долгой войны, дерзнулъ громко требовать продолженія войны, и что самъ Ганнибалъ, услышавъ его рѣчь, столкнулъ его съ каѳедры. Великій вождь долженъ былъ бороться съ неразумнымъ народнымъ собраніемъ и требовать отъ него согласія на миръ, какъ нѣкогда боролся съ ограниченной и трусливой аристократіей, чтобы вынудить ее къ войнѣ.

Тридцать высшихъ сановниковъ, облеченныхъ полномочіями своего правительства, явились въ Тунесъ, къ Сципіону. Онъ предложилъ имъ

*) Тѣхъ изъ воиновъ, которые не захотѣли за нимъ слѣдовать за море, Ганнибалъ, повинуясь жестокой военной необходимости, приказалъ перебить.

слѣдующія условія мира: городъ Карѳагенъ сохраняетъ свою внутреннюю самостоятельность и удерживаетъ за собою всѣ свои африканскія владѣнія въ томъ же объемѣ, какъ и до войны; римляне не помышляютъ объ оккупаціи какого бы то ни было пункта въ Африкѣ; бѣглецы и военноплѣнные размѣниваются съ обѣихъ сторонъ; городу Карѳагену оставляетъ Римъ 10 военныхъ слоновъ и 10 военныхъ кораблей—остальные выдаются римлянамъ и карѳагеняне обязуются не увеличивать вышеуказаннаго количества этого военнаго матеріала; внѣ Африки, Карѳагенъ не имѣетъ права вести войну съ кѣмъ бы то ни было, а въ самой Африкѣ можетъ вести войну только съ разрѣшенія римлянъ; Масиниссѣ возвращаются всѣ его владѣнія, какія когда-либо принадлежали ему или его предкамъ. Вознагражденіе военныхъ издержекъ Рима исчислено въ 10,000 талантовъ или 25.000,000 рублей, разсроченныхъ на 50 лѣтъ; сто заложниковъ должны были служить ручательствомъ мира.

Сципіонъ посовѣтовалъ только карѳагенскимъ уполномоченнымъ не- Миръ. 201.
медля молить боговъ, чтобы римскій народъ могъ принять эти мирныя условія; и, дѣйствительно, послѣ такой долгой борьбы, подобныя условія не могутъ быть названы несправедливыми. Въ особенности же былъ важенъ принципъ, на которомъ эти условія были основаны. Государственные люди, стоявшіе во главѣ правленія (Сенатъ и граждане римскіе утвердили миръ), болѣе всего желали, чтобы этотъ миръ былъ прочнымъ, дабы они могли долгое время не опасаться нарушенія его со стороны Карѳагена. Страшная война достаточно ясно показала, въ чемъ именно заключалась главная опасность, грозившая Риму: далеко вдающійся въ Средиземное море полуостровъ Италія, обитаемый множествомъ разнородныхъ народовъ, почти со всѣхъ сторонъ представлялъ открытый фронтъ для нападенія; и съ запада, и съ сѣвера, и съ юга, и съ востока приходилось почти до послѣдней минуты опасаться попытокъ высадки; вторженіе Ганнибала, попытка высадки, произведенная Магономъ, роль, выпавшая на долю Филиппа Македонскаго,—доказывали это ясно, и римскій Сенатъ въ этой величавой и страшной войнѣ достаточно успѣлъ научиться высшимъ политическимъ соображеніямъ, чтобы знать, что эта война была не послѣднею войною Рима, что Риму предстоятъ на Востокѣ задачи, при разрѣшеніи которыхъ было необходимо обезпечить себя отъ одновременнаго нападенія съ флангова и съ тыла. Вообще этотъ миръ съ карѳагенянами ничего не имѣлъ общаго съ завоевательными стремленіями римлянъ. Это отчасти доказано было и тѣмъ, что они, овладѣвъ непріятельскимъ флотомъ, который былъ весьма удобенъ для всякихъ морскихъ экспедицій, не присвоили его себѣ, а вывели его, одну часть за другою, въ открытое море—и тамъ сожгли ихъ.

Послѣ этой экзекуціи, наиболѣе страшной для побѣжденныхъ карѳагенянъ, Сципіонъ вернулся обратно въ Италію, и на пути въ Римъ, черезъ страну, избавленную отъ всякихъ опасеній, испыталъ всѣ радости такого тріумфальнаго шествія, передъ которымъ меркло все, доселѣ испытанное въ томъ же отношеніи другими побѣдителями. Въ этомъ царственномъ мужѣ народъ привѣтствовалъ не только побѣдителя, но и миротворца; въ дѣйствительности же не онъ, не одинъ этотъ дѣятель, побѣ-

дилъ величайшаго изъ всѣхъ враговъ Рима, а побѣдила его нація и ея Сенатъ; онъ съумѣлъ провести эту борьбу до конца, вопреки всѣмъ ошибкамъ полководцевъ, вопреки всѣмъ препятствіямъ и извращеніямъ государственнаго строя, не подготовленнаго къ рѣшенію подобныхъ задачъ, вопреки недовольству населенія, громко требовавшаго мира,—и довершилъ борьбу силою непреклонной національной гордости, при посредствѣ воинскихъ средствъ народа храбраго, пріученнаго къ повиновенію, готоваго на всѣ жертвы. Не даромъ говоритъ Ливій, что онъ «собирается описать достопамятнѣйшую изъ всѣхъ войнъ, какія когда-либо велись,—ту войну, которую карѳагеняне, подъ предводительствомъ Ганнибала, вели съ римскимъ народомъ». И то была дѣйствительно война, въ которой великій человѣкъ боролся съ великимъ народомъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Войны на Востокѣ: Кинокефалы (197), Магнезія (190), Пидна (168).

(200—168).

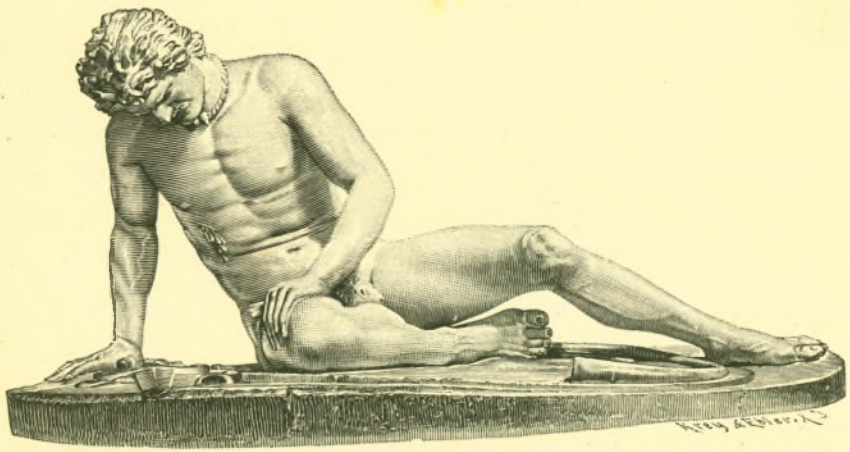
Эта громаднѣйшая война, доведенная послѣ 18-ти-лѣтняго періода борьбы до благополучнаго конца, не принесла за собою продолжительнаго мирнаго періода, какъ этого можно было ожидать. Но если миръ и былъ нарушенъ, то вовсе не потому (какъ это часто представляютъ историки), чтобы римскому Сенату и народу, тотчасъ по уничтоженіи карѳагенскаго могущества, вздумалось произвольно перенести свое побѣдоносное оружіе по ту сторону Адріатическаго моря. Тамъ были у римлянъ, вслѣдствіе сцѣпленія особыхъ обстоятельствъ, еще со временъ иллирійской войны, даже еще со временъ Пирра, союзники—да и вообще весь восточно-европейскій міръ, съ той поры, мало-по-малу вступилъ въ область политики римскаго Сената.

Восточно-европейскія дѣла.

Между тѣмъ какъ Пирръ занятъ былъ своимъ причудливымъ предпріятіемъ на Западѣ, на Грецію и Малую Азію обрушилось большое хищническое нападеніе Галловъ, отраженіемъ котораго эпирскій царь могъ бы пріобрѣсти себѣ гораздо болѣе почетную славу, нежели своимъ походомъ въ Италію. Сынъ перваго Птолемея, Птолемей Кераунъ, слѣдовательно, египетскій принцъ, тогда (280 г.) правившій Македоніей, былъ убитъ въ войнѣ съ Галлами. Затѣмъ они разлились по всей Греціи, гдѣ имъ могли противиться только укрѣпленные города; ихъ грабежи были главнымъ образомъ обращены на святилища, и, ограбивъ все, что было имъ доступно, они направили свой опустошительный набѣгъ на Азію, гдѣ царскія резиденціи сулили имъ еще большую добычу. Здѣсь они наткну-

лись на сирійское войско, и *Антіохъ I* нанесъ имъ жестокое пораженіе. Нѣкоторой части Галловъ удалось осѣсть въ одной изъ внутреннихъ областей Малой Азіи, которая получила отъ нихъ названіе *Галатіи*; впрочемъ, они и тамъ продолжали свое военное бродяжничество, только въ другой формѣ: какъ наемники въ войскѣ различныхъ правителей этихъ малоазійскихъ областей.

Общее положеніе дѣлъ въ восточномъ мірѣ, конечно, ненадолго измѣнилось отъ этого хищническаго набѣга. Тамъ объединились и выдѣлились три большихъ государства: Египетъ, Сирія и Македонія. Великимъ несчастіемъ для спокойствія Востока было то, что всѣ эти страны когда-то, при Александрѣ Великомъ, составляли *одно* царство. Благодаря этому



Умирающій Галлъ. Мраморная статуя III вѣка до Р. Хр. въ Капитолійскомъ музеѣ въ Римѣ.

Прежде всѣ предполагали, что эта фигура представляетъ собою умирающаго бойца. Теперь же совершенно правильно предполагаютъ, что эта статуя стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ цѣлымъ рядомъ художественныхъ произведеній, представляющихъ Галловъ сражающимися, ранеными или даже убитыми. Всѣ эти произведенія принадлежатъ пергамской художественной школѣ и обязаны своимъ происхожденіемъ тѣмъ побѣдоноснымъ войнамъ, которыя были ведены противъ Галловъ пергамскими царями въ III и II вв. до Р. Хр. Вся эта школа отличается тѣмъ, что умѣетъ представлять отдѣльныя фигуры или группы въ различные потрясающіе моменты съ замѣчательною смѣлостью и реализмомъ.

обстоятельству, и такъ какъ они, притомъ же, не были устроены на основѣ какой-нибудь одной національности, въ каждомъ изъ государей этихъ еще юныхъ династій поддерживалось постоянно влеченіе къ пріобрѣтенію земель, къ расширенію своего могущества, и, буде возможно, къ возстановленію великой единой монархіи Александра. Менѣе всего это мелочное честолюбіе проявлялось въ египетскихъ государяхъ, благодаря положенію страны въ высокой степени самостоятельной и весьма разумной рѣшимости перваго правителя изъ династіи Птолемеевъ. Въ противуположность Птолемеямъ, это честолюбіе было до нѣкоторой степени есте-

ственнымъ свойствомъ государей *македонскихъ* и *сирійскихъ*, которые до нѣкоторой степени имѣли право смотрѣть на себя, какъ на наслѣдниковъ притязаній Александра. Изъ Македоніи нѣкогда направился Александръ въ свои завоевательные походы; центромъ и главнымъ мѣстопребываніемъ Александра въ Азіи были именно тѣ страны, которыя теперь находились во власти Селевкидовъ. Для римской политики особенно важна была та судьба, которая ожидала *Грецію*, подобно Италіи еще сохранившую республиканское устройство среди этихъ трехъ могущественныхъ государствъ.

Македонія и Греція.

Тамъ проявились новыя политическія коалиціи. Въ Средней Греціи Аѳины давно уже утратили свое руководящее политическое положеніе: но ихъ значеніе въ области искусства и литературы было по-прежнему весьма важно, и, среди общей военной сумятицы, здѣсь одинъ за другимъ чередовались главы философскихъ школъ, преимущественно по двумъ главнымъ направленіямъ — платоновскому и аристотелевскому. Среди непрерывной работы духа, здѣсь развились два міровоззрѣнія, весьма важныхъ для исторіи человѣческаго духа: школа *Эпикура* и школа *Зенона*. Первая изъ нихъ направляла взглядъ человѣка отъ общественныхъ и государственныхъ дѣлъ къ частной жизни, и стремленіе къ счастью объясняла внутренней гармоніей души; вторая, прозванная *стоической* (отъ той пестрой залы, въ которой Зенонъ преподавалъ свое ученіе), побуждала человѣка къ болѣе мужественной мудрости, къ разумному представленію объ общихъ жизненныхъ вопросахъ, къ практическому осуществленію философіи въ государствѣ и въ обществѣ. Міровоззрѣніе Эпикура болѣе соотвѣтствовало современному положенію Аѳинъ. Намѣсто этого важнаго древняго центра, во время войнъ противъ Антипатра и позднѣе противъ Галловъ, выдвинулась такая страна, которая прежде была вовсе не замѣтною — *Этолія*. Населеніе Этоліи, страны, заброшенной въ горахъ и лежавшей въ сторонѣ отъ главныхъ центровъ, сохранило въ значительной степени древнюю грубость нравовъ, но, вмѣстѣ съ нею, и свѣжую воинственную силу былого времени. Поэтому и самый *союзъ этолійскій*, который велъ свое начало отъ древнѣйшаго періода, по составу своему, былъ демократическимъ. Въ *Ѳермонѣ*, самой сѣверной части Этоліи, ежегодно собиралось народное собраніе и избирало союзныхъ чиновниковъ, стратега и его помощника, гиппарха, государственнаго секретаря и совѣтъ апоклетовъ. Къ этому, издревле установившемуся центру примкнули вскорѣ другіе города и области, преимущественно тѣ, которымъ наиболѣе угрожала Македонія; послѣ кончины Пирра Эпирскаго, этоляне вступили въ союзъ съ его сыномъ, Александромъ, противъ новаго македонскаго правителя — *Антигона Гоната*, и отнынѣ этолійскій союзъ былъ постоянной точкой опоры, постояннымъ союзникомъ всѣхъ стремленій, направленныхъ въ Греціи противъ македонской гегемоніи.

Ахейскій и Этолійскій союзъ.

Точно такъ же сложились дѣла и въ Пелопоннезѣ. И здѣсь, рядомъ съ древнимъ главенствующимъ государствомъ—*Спартой*, давно уже утратившимъ свое значеніе, возросла новая сила изъ государства, нѣкогда бывшаго вовсе незамѣтнымъ. Города сѣверо-западной узкой береговой полосы, *Ахайи*, изгнали отъ себя македонскіе гарнизоны (ок. 280 г.), постепенно возобновили старыя связи, и дважды въ годъ ихъ выборные

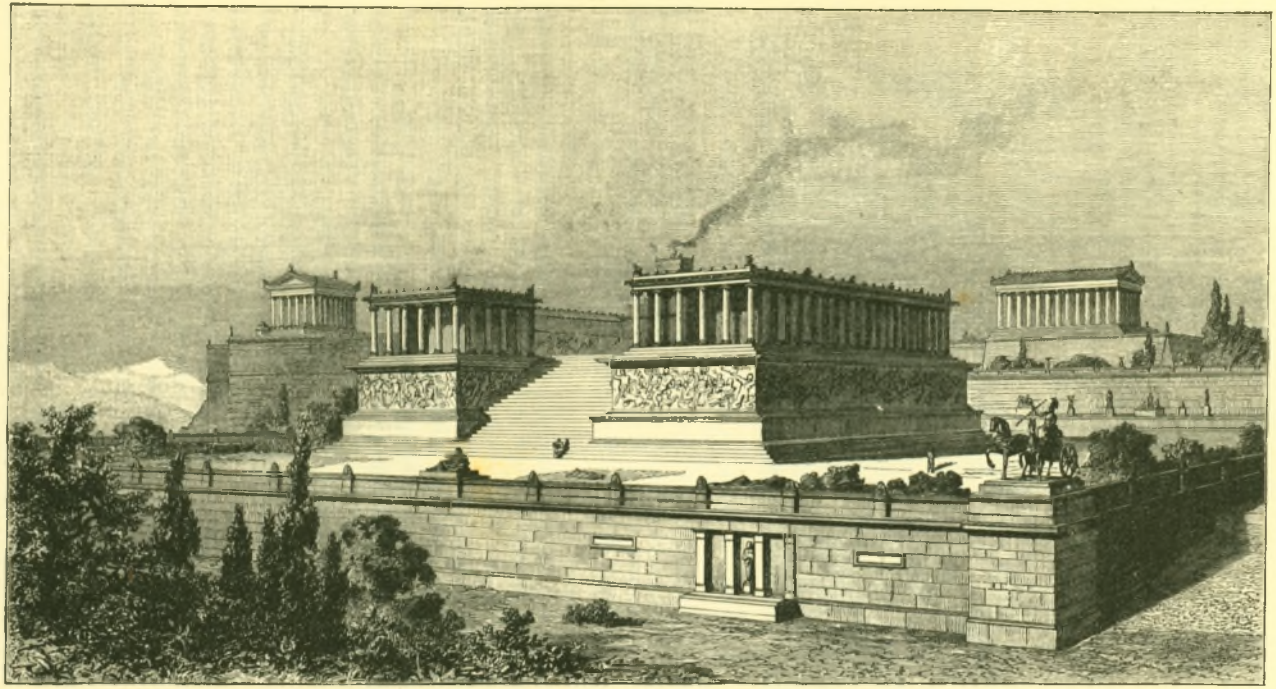
собирались на совѣщанія въ *Эгіумѣ*. Внутренній строй этихъ городовъ сложился подобно строю городовъ Этолійскаго союза. Эта федерація, *Ахейскій союзъ*, пріобрѣла болѣе видное значеніе съ тѣхъ поръ, какъ къ нему примкнулъ городъ *Сикіонъ* на востокѣ полуострова (251 г.). Это присоединеніе было несомнѣнною заслугою нѣкоего *Арата*, еще совсѣмъ молодого человѣка, принадлежавшаго по происхожденію къ одному изъ знатныхъ сикіонскихъ родовъ; онъ-то и свергъ тиранна, опиравшагося на Македонію. Въ Аратѣ воплотилось особаго рода честолюбіе этой новой державы, какое проявлялось на древней почвѣ мелкихъ государственныхъ интересовъ; когда Аратъ былъ избранъ въ стратеги, онъ съумѣлъ, сверхъ другихъ городовъ, присоединить къ союзу важный г. *Коринѳъ*, послѣ того, какъ онъ внезапно овладѣлъ его цитаделью, въ которой еще находился македонскій гарнизонъ (243 г.). И Аѳины тоже склонились къ этому союзу, такъ какъ тщеславіе аѳинянъ (замѣнившее у нихъ древнюю и вполнѣ основательную гордость) не дозволяло имъ примкнуть къ союзу Этолійскому. И вотъ, въ такой же степени, въ какой Этолійскій союзъ относился враждебно къ Аѳинамъ или къ Ѳивамъ, въ такой же и Спарта не ладила съ союзомъ Ахейскимъ. Въ Спартѣ нѣкоторые великодушные мечтатели или патріоты въ духѣ новой стоической школы, царь *Агисъ* (въ 242 г.), а 15 лѣтъ спустя послѣ того, какъ онъ погибъ въ борьбѣ съ древней олигархіей и древнимъ эфоратомъ, нѣсколько успѣшнѣе Агиса, царь *Клеоменъ III* (226 г.)—пытались возстановить древнее государство Ликурга. Они, прежде всего, устроили погашеніе долговъ и произвели новый передѣлъ земель, думая привлеченіемъ періэковъ къ политической жизни обновить старѣющую олигархію и въ то же самое время возстановить древне-ликурговскую выдержку и строй жизни. Это пришлось по душѣ множеству всякихъ обездоленныхъ, и не въ одной только Лаконіи, и Клеоменъ (отличный воинъ и благородное, утѣшительное явленіе въ этотъ развращенный вѣкъ) сталъ всюду популярнымъ: этою популярностью личною и политическимъ значеніемъ своимъ Клеоменъ угрожалъ превзойти Арата, политическаго вождя Ахейскаго союза. Дѣло дошло до войны; но оказалось, что Аратъ не могъ тягаться съ Клеоменомъ въ искусствѣ воинскомъ; тогда онъ рѣшился на пріемъ, весьма обычный среди современныхъ ему государственныхъ дѣятелей Греціи: онъ отрекся отъ своего прошлаго и призвалъ македонянъ на помощь. Акрокоринѳъ былъ имъ переданъ опекуну несовершеннолѣтняго царя Филиппа V, *Антигону Дозону*, и въ ущельи *Селассійскомъ* Клеоменъ потерпѣлъ пораженіе въ битвѣ съ многочисленнымъ войскомъ македонскимъ (221 г.). Съ немногими приближенными онъ удалился въ Египетъ, къ царю Птолемею III Эвергету, который былъ расположенъ къ его брату Гераклиту. Но Эвергетъ умеръ вскорѣ послѣ того, а лица, окружавшія новаго царя, *Птолемея Филопатора* (221—205 гг.), отнеслись къ спартанскимъ бѣглецамъ недовѣрчиво; ихъ положеніе при египетскомъ дворѣ показалось имъ тяжкимъ, недостойнымъ и безнадежнымъ — и они всѣ сами наложили на себя руки (219 г.). Въ Спартѣ же, около этого времени, правилъ жалкій царекъ Ликургъ, подъ непосредственнымъ вліяніемъ Македоніи и надзоромъ возстановленныхъ эфоровъ.

Азія; царство Селевкидовъ; Египетъ.

Такимъ образомъ Македонія явилась во главѣ всѣхъ государствъ Греціи; въ Азіи же, послѣ смерти Птолемея Эвергета, *Сирія* явилась могущественнѣйшимъ изъ всѣхъ государствъ. Здѣсь Селевку III, въ 222 г., наслѣдовалъ *Антіохъ III*, въ высокой степени обладавшій честолюбивою алчностью пріобрѣтенія и захвата земель. Однакоже, при первомъ его походѣ противъ Египта, ему не повезло: при *Рафіи*, между Газой и окраинной пустыни, защищающей границы Египта отъ вторженій, въ самый годъ битвы при Тразименскомъ озерѣ (217 г.), его войско потерпѣло пораженіе. Зато ему удалось, въ мало-азіатскихъ владѣніяхъ, около Тигра и Евфрата, твердо обосновать свое вліяніе и значеніе; даже и по ту сторону восточно-азіатскихъ горъ, на берегахъ Инда, побывалъ онъ со своимъ войскомъ, и эта воинственность Селевкидовъ являлась у нихъ какъ бы общею чертою ихъ характера. Но Антіохъ этими походами не удовольствовался: онъ рѣшился вновь приняться за выполненіе обширныхъ плановъ родоначальника его династіи Селевка Побѣдоносца, и когда въ 205 г. умеръ *Птолемей IV Филопаторъ*, онъ задумалъ воспользоваться малолѣтствомъ его наслѣдника, *Птолемея V Эпифана* (5-тилѣтняго мальчика), и возобновить нападеніе на Египетъ. Съ этою цѣлью онъ вступилъ въ союзъ съ Филиппомъ V Македонскимъ (съ 221 г.) — такимъ же безпокойнымъ честолюбцемъ, какъ онъ самъ. Разсказываютъ, что онъ относился весьма недружелюбно къ союзу съ Ганнибаломъ; кажется даже, что ему не хотѣлось дѣйствовать за-одно съ пунійцами, которыхъ торжества онъ боялся не менѣе, чѣмъ торжества римлянъ. Когда въ 205 г. ему удалось заключить съ римлянами миръ и не особенно почетно выпутаться изъ этой войны, онъ сталъ подумывать о томъ, чтобы обезпечить свое положеніе со стороны восточной. И вотъ, у *Хіоса*, онъ вступилъ въ битву противъ египтянъ и ихъ союзниковъ (царя *Пергамскаго*, младшаго среди малоазійскихъ государей, и *родосцевъ*, которые образовали нѣчто въ родѣ морского союза изъ нѣсколькихъ прибрежныхъ и островныхъ городовъ), разбилъ ихъ и завладѣлъ прибрежною малоазійскою страною, Каріей, которая тогда принадлежала Египту; и Антіохъ сражался не менѣе успѣшно. Вѣроятно, цѣлью этого союза обоихъ государей, до нѣкоторой степени, было желаніе вытѣснить римлянъ изъ тѣхъ позицій, которыя были ими заняты по сю сторону Адріатическаго моря. Оборотъ, который приняла великая римско-пунійская война, былъ очень неблагопріятенъ для Филиппа; его коварная и ничтожная политика выказалась достаточно ясно въ томъ, что македонскія войска (хотя и не царемъ непосредственно посланныя) сражались въ рядахъ карѳагенянъ въ битвѣ при Замѣ.

Римляне и Филиппъ V.

У римлянъ, тѣмъ временемъ, руки были развязаны, и вся Италія, послѣ рѣшительной Сенской битвы, избавленная отъ непосредственной военной опасности, успѣла до нѣкоторой степени вздохнуть. Весь западъ, Сицилія и другіе ближайшіе острова, и самая Испанія — были въ ихъ рукахъ; въ Италіи приходилось еще бороться съ Галлами, которые, въ отчаянной, послѣдней борьбѣ, безпрерывно хватались за оружіе, но эта борьба не могла уже задержать развитія силъ римскаго государства. На войну обоихъ царей-союзниковъ противъ Египта римляне смотрѣли со



Храмы въ Пергамскомъ замкѣ. По рисунку Р. Бока въ отчетахъ о раскопкахъ пергамскихъ.

Стараніями и заслугами дѣятельнаго и чуткаго къ художествамъ нѣмецкаго архитектора К. Гумана были разысканы разбросанные всюду остатки гигантскихъ храмовъ, нѣкогда возвышавшихся въ Пергамскомъ замкѣ, и пріобрѣтены имъ для Берлинскаго музея. Основою алтаря, въ одномъ изъ этихъ храмовъ, посвященнаго Зевсу, служила большая терраса замка. Съ этой террасы вела стройная открытая лѣстница къ открытой площадкѣ, среди которой и возвышался самый алтарь. Наверху, на платформѣ, находилась превосходная зала съ колоннадой, окружавшей внутреннее пустое пространство около алтаря. На обширной внѣшней облицовкѣ площадки шелъ кругомъ ея рядъ великолѣпныхъ рельефныхъ изображеній, представлявшихъ борьбу боговъ съ гигантами. Большая часть этихъ рельефныхъ изображеній битвъ съ гигантами разысканы и сохранились. Они-то и послужили, главнымъ образомъ, къ ознакомленію съ произведеніями пергамской художественной школы. Они отличаются необычайной смѣлостью замысла и выполненія и рѣзко выраженнымъ реализмомъ. Всѣ эти храмовыя постройки Пергама относятся, вѣроятно, къ началу II в. до Р. Хр. и, вѣроятно, были воздвигнуты по поводу побѣдъ пергамскихъ царей надъ Галлами.

Рельефная облицовка платформы, на которой выстроены пергамскіе храмы. Теперь въ Берлинскомъ музеѣ.

Эта группа можетъ служить образцомъ остальныхъ группъ рельефа; она представляетъ Аѳину, которая за волосы влечетъ вслѣдъ за собою поверженнаго гиганта. Изъ глубины появляется богиня Гея и молитъ богиню пощадить ея сыновей, гигантовъ. Навстрѣчу Аѳинѣ летитъ Никѣ—богиня побѣды.

стороны, но ничуть не равнодушно. Съ египетскимъ дворомъ, съ царемъ небольшого Пергамскаго государства, съ морскимъ союзомъ Родосцевъ, равно какъ и съ большею частью греческихъ городовъ — давно были завязаны у римлянъ дружественныя связи. Однакоже, Сенатъ и не думалъ воевать одновременно съ обоими царями—Филиппомъ и Антіохомъ—и поступалъ весьма осторожно, хотя и твердо рѣшился не допускать дальнѣйшаго распространенія могущества Филиппа. Ему не могли извинить того, что онъ, въ самую тяжкую для Рима годину, безъ всякаго повода къ войнѣ, вступилъ въ союзъ съ Ганнибаломъ, на погибель Рима.

Тотчасъ послѣ окончанія пунійской войны, римскіе послы явились въ лагерь Филиппа передъ гор. *Абидосомъ*, и предложили ему нѣчто въ родѣ ультиматума: возвращеніе всего, что отвоевано было у Египта, третейскій судъ по вопросу о вознагражденіи Родосцевъ и царя Пергамскаго за военные убытки, прекращеніе всякихъ наступательныхъ дѣйствій противъ городовъ греческихъ. Царь уклонился отъ прямого отвѣта; но вторженіе македонскаго войска въ аттическую область, вызванное враждебными дѣйствіями аѳинянъ противъ акарнанцевъ, союзниковъ Македоніи, привело къ разрыву съ Римомъ.

Вторая македонская война.

Въ Сенатѣ объявленіе войны было уже дѣломъ окончательно рѣшеннымъ; но не совсѣмъ было легко получить на это согласіе гражданъ, которые теперь уже имѣли формальное право произносить рѣшающее

слово въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ. Уже съ 241 г. Сервіева форма центуріальныхъ комицій была преобразована въ смыслѣ демократическомъ. Раздѣленіе по центуріямъ было такъ связано съ раздѣленіемъ по округамъ или трибамъ, что каждая изъ 35 трибъ стала содержать въ себѣ по 10 центурій, и изъ пяти достаточныхъ классовъ всякій разъ въ ней участвовали представители двухъ классовъ — одного изъ старѣйшихъ и одного изъ младшихъ; центуріи всадниковъ уцѣлѣли, но они утратили важное право подачи голосовъ прежде всѣхъ другихъ, которое, по жребію, стало теперь переходить къ одной изъ центурій перваго класса. Такимъ образомъ, перевѣсъ знати былъ здѣсь нарушенъ; въ ея безусловномъ распоряженіи осталась только одна пятая часть голосовъ. Но и самое значеніе этихъ собраній гражданства, въ силу измѣнившихся политическихъ обстоятельствъ, которыя бываютъ сильнѣе всякихъ формъ внутренняго устройства, въ значительной степени умалилось. А для этихъ обстоятельствъ форма первоначальныхъ собраній, въ которыя земледѣлецъ призывался отъ плуга, а ремесленникъ отъ своего верстака, — давно уже оказывалась непригодною. Всею внѣшнею политикою вѣдалъ теперь Сенатъ, въ которомъ засѣдали люди свѣдущіе, а въ ихъ средѣ держалась, передаваемая отъ отца къ сыну, какъ дорогое наслѣдство, государственная мудрость, служившая непоколебимо-твердою основою при обсужденіи дѣлъ; да притомъ, среди засѣдающихъ «отцовъ», всегда могли найтись люди, даже и по личному опыту и наблюденію знакомые съ иноземными странами, о которыхъ шла рѣчь. Такъ вотъ и на этотъ разъ, при вторичномъ созывѣ комицій, съумѣли добиться отъ нихъ объявленія войны Филиппу Македонскому, для которой не было недостатка въ поводахъ, и даже весьма вѣскихъ. Лучшимъ изъ нихъ было то соображеніе, которое послужило основаніемъ внѣшней политики римскаго Сената: оборона угрожаемыхъ иноземными вторженіями частей италійской территоріи при посредствѣ занятія береговыхъ областей въ сосѣднихъ странахъ, — политика, которая повела римлянъ далѣе, нежели они могли первоначально предполагать (200 г.). Походы 199 и 198 гг. не привели ни къ какому результату. Только уже консулу *Т. Квинкцію Фламинину*, быстро добившемуся высшихъ должностей (ему едва-ли было и 30 лѣтъ), удалось дать войнѣ благопріятный оборотъ и на нѣкоторое время привести греческія дѣла въ сколько-нибудь удовлетворительное положеніе. Долгое время оба войска стояли другъ противъ друга въ долинѣ Аооса, въ Эпирѣ; эпирскій князекъ указалъ, наконецъ, римскому консулу путь для обходнаго движенія, и Филиппъ отступилъ въ Македонію. Во время зимы начались переговоры; затѣмъ царь съѣхался съ римскимъ проконсуломъ и его союзниками-греками въ г. Никеѣ, при Малейскомъ заливѣ. Обусловлено было перемиріе; македонскіе послы отправились въ Римъ. Но оказалось, что они не были уполномочены согласиться на безусловное отреченіе отъ вмѣшательства въ дѣла Греціи, которую Филиппъ держалъ въ рукахъ, занимая въ ней три важныя крѣпости (*Коринѳъ*, *Халкиду на Эвбеѣ* и *Деметрію* при Пагазейскомъ заливѣ), а потому съ весны 197 г. война была возобновлена. Въ самомъ сердцѣ Ѳессаліи, къ сѣверу отъ г. Скотуссы, тамъ, гдѣ возвышается рядъ холмовъ, подъ названіемъ *Киноке-*

фалы,—послѣдовало рѣшительное столкновеніе между древне-македонскимъ и римскимъ военнымъ искусствомъ,—между фалангою и легіономъ. Битва, къ которой въ тотъ день не готовилась ни та, ни другая сторона, была проиграна Филиппомъ; съ римской стороны особенно отличилась этолійская конница. Филиппъ, не лишенный способности вѣрно оцѣнивать дѣйствительность, не пытался болѣе противустоять судьбѣ. Онъ принялъ предложенія, которыя сдѣланы были ему еще на никейскомъ съѣздѣ. Они были достаточно суровы: отреченіе отъ всѣхъ внѣ-македонскихъ владѣній—въ Греціи, Ѳракіи, Малой Азіи и на островахъ,—сокращеніе войска до 5,000-го состава, военнаго флота до пяти кораблей, уплата 1,000 талантовъ контрибуціи (около 25.000,000 руб.)... Но онъ все же остался царемъ македонскимъ. При этихъ средствахъ царь македонскій не могъ быть опасенъ ни для римлянъ, ни для ихъ союзниковъ. Послѣдніе (въ особенности же представители Этолійскаго союза), въ своей близорукой ненависти, потребовали было уничтоженія македонскаго царства; римскій проконсулъ очень разумно отвѣтилъ имъ на это, что уничтоженіемъ царства македонскаго они сами откроютъ свою границу вторженіямъ сѣверныхъ варварскихъ народовъ; а въ отвѣтъ на неискусныя и неразумныя рѣчи греческихъ ораторовъ замѣтилъ строго: «нечего шумѣть тамъ, гдѣ надо дѣло говорить!»

Миръ. Приведеніе греческихъ дѣлъ въ порядокъ.

Греческія дѣла были улажены Фламининомъ въ сообществѣ съ комиссіей изъ десяти мужей, присланныхъ въ его распоряженіе Сенатомъ. Самъ онъ принадлежалъ къ младшему поколѣнію римскихъ государственныхъ людей, выросшему подъ вліяніемъ эллинскаго образованія и одушевленному идеалами свободы въ этомъ древне-эллинскомъ смыслѣ. Въ Римѣ вовсе и не собирались прибирать Греціи непосредственно къ рукамъ, и въ римскомъ Сенатѣ прекрасно понимали, что греки нужны Риму только какъ союзники, что еще нельзя Риму обойтись безъ той нравственной силы, которая все еще исходитъ изъ этихъ древнихъ городовъ. Поэтому всѣ и сходились въ томъ мнѣніи, что Греція должна быть и автономна, и *свободна*, и на истмійскихъ играхъ 196 г. объ этомъ было торжественно заявлено собравшимся на празднество грекамъ. Непомѣрныя рукоплесканія были наградою тому герольду, который возвѣстилъ эту радостную вѣсть, и, на мгновеніе — признательность къ римскому проконсулу, къ римскому Сенату, къ римскому народу была просто безгранична. Но еще одинъ важный вопросъ оказывался неразрѣшеннымъ: выведутъ-ли римляне свои гарнизоны изъ трехъ главныхъ крѣпостей—Акрокоринѳа, Халкиды и Деметріи,—гдѣ прежде были гарнизоны македонскіе? Разрѣшеніе этого вопроса представлялось тѣмъ болѣе насущнымъ, что еще никто навѣрно не зналъ, возможно-ли будетъ избѣгнуть войны съ Антіохомъ, царемъ азіатскимъ, съ которымъ уже въ теченіе нѣкотораго времени шли переговоры о разныхъ важныхъ вопросахъ. Но и этотъ вопросъ разрѣшенъ былъ въ духѣ Фламинина и полной свободы Эллады. Оставалось еще только въ Пелопоннезѣ одно доброе дѣло: возстановленное въ *Спартѣ* подъ надзоромъ эфоровъ царское достоинство должно было уступить мѣсто господству тирановъ изъ военныхъ наемниковъ. Второй изъ подобныхъ тирановъ, *Набисъ*, жестоко правилъ въ знаменитомъ древнемъ городѣ, да еще при-

своилъ себѣ во время войны городъ Аргосъ, который, по рѣшенію только что заключеннаго мира, долженъ былъ принадлежать Ахейскому союзу. Сильное войско было собрано для того, чтобы выпудить этого тиранна къ повиновенію, и тотъ своимъ дерзновеннымъ способомъ дѣйствій довелъ дѣло до величайшихъ крайностей; тѣмъ не менѣе, однакоже, Фламининъ оставилъ его владѣть самымъ городомъ, и только тѣмъ сдѣлалъ его безвреднымъ, что всѣхъ потерпѣвшихъ отъ его насилій, въ качествѣ «свободныхъ лакедемонянъ», поселилъ на той же территоріи, которая вслѣдъ затѣмъ, вмѣстѣ съ Аргосомъ, присоединена была къ Ахейскому союзу.

До слѣдующаго 194 г. Фламининъ оставался въ Греціи. Онъ собралъ выборныхъ отъ всѣхъ городовъ на собраніе въ Коринѳѣ, гдѣ и возвѣстилъ имъ объ очищеніи крѣпостей и какъ бы извинялся передъ ними въ томъ, что обстоятельства вынудили его къ оставленію тиранна въ Спартѣ; затѣмъ, по свидѣтельству Ливія, въ весьма внушительной рѣчи, онъ совѣтовалъ присутствовавшимъ относиться къ свободѣ съ умѣренностью и всѣми силами поддерживать единодушіе. На глазахъ у всего собранія выборныхъ, римскій гарнизонъ вышелъ изъ крѣпости, вмѣстѣ съ проконсуломъ, который тотчасъ же, вмѣстѣ со своимъ войскомъ, отплылъ въ Италію. Онъ увезъ съ собою на родину нѣкоторое число римскихъ гражданъ и союзниковъ, которые, во время войны съ Ганнибаломъ, попались въ плѣнъ и были проданы въ Грецію, въ рабство, а нынѣ были всюду разысканы греческими городскими общинами и отпущены на волю. Они составляли лучшее украшеніе того тріумфа, которымъ, по возвращеніи въ Римъ, былъ удостоенъ побѣдитель при Кинокефалахъ.

Положеніе дѣлъ въ Римѣ.

И такъ, новый порядокъ, установленный въ Греціи миромъ 201 г., повидимому, былъ обезпеченъ. Тотъ же порядокъ, въ Сициліи, давно уже оказывался вошедшимъ въ плоть и кровь населенія; только въ Сѣверной Италіи, въ Испаніи и на промежуточныхъ станціяхъ, Корсикѣ и Сардиніи, еще встрѣчались нѣкоторыя затрудненія. Въ 200 г., въ долинѣ По, еще разъ, съ силою отчаянія, поднято было возстаніе Бойями и Инсубрами, и къ нимъ присоединились жившіе на сѣверо-западномъ прибрежьи Лигурійцы и даже дотолѣ расположенное къ римлянамъ кельтійское племя Цеономановъ. Одинъ изъ кароагенскихъ военачальниковъ, Гамилькаръ,—а можетъ-быть даже и не одинъ—игралъ при этомъ видную роль, и только въ 196 г., послѣ разныхъ военныхъ случайностей, римлянамъ удалось не безъ труда справиться съ возстаніемъ. Кельтамъ, по ту сторону рѣки По, оставлено было ихъ старинное внутреннее устройство, и только приняты были мѣры къ тому, чтобы никакія дальнѣйшія переселенія изъ Трансальпійской Галліи не были болѣе допускаемы. Собственно границею римскаго государства съ этой стороны былъ южный берегъ рѣки По, и по самую эту границу населеніе Италіи быстро стало принимать нравы и усвоивать себѣ языкъ побѣдителей: когда же, наконецъ, въ 191 г. и среди Бойевъ исчезли всякіе признаки противленія Риму, тогда страна была окончательно закрѣплена основаніемъ колоній—Бононіи, Мутины, Пармы и другихъ—и проведеніемъ дальнѣйшихъ военныхъ дорогъ. Борьба съ Лигурійцами—храбрымъ, бѣднымъ и нуждающимся народомъ, жившимъ въ горахъ около Генуэзскаго залива, и противъ дикихъ племенъ, жившихъ

внутри Сардиніи и Корсики, представляла своего рода поприще для упражненія войскъ, а отчасти и почетный поводъ къ тріумфамъ полководцевъ изъ знати. Впрочемъ, и италійская Галлія, и Сардинія, и Корсика получили *провинціальное* устройство (какъ и Сицилія съ 241 г.) и точно такъ же Испанія, насколько она уже находилась во власти римлянъ. Здѣсь образованы были двѣ провинціи (въ 205 г.), изъ которыхъ одна, въ долинѣ рѣки Эбро, захватывала Арагонію и Каталонію, другая же—земли, отвоеванныя у Карѳагена: Мурсію, Валенсію, Андалузію и Гранаду. Здѣсь римская власть съ перваго же раза нашла себѣ поддержку въ прибрежныхъ греческихъ городахъ, которые, со своей стороны, пріобрѣли въ глазахъ римлянъ значеніе именно тою стороною, которая составляла ихъ крупный недостатокъ—полнымъ отчужденіемъ своимъ отъ туземцевъ. Туземцы нимало не выказывали склонности—отказываться отъ своей независимости и относились къ грекамъ съ пренебреженіемъ, и подобныя условія жизни вызывали до нѣкоторой степени необходимость присутствія значительной воинской силы. Съ 197 г. пришлось въ обѣихъ испанскихъ провинціяхъ бороться съ возстаніями, и лишь консулу 195 года, *М. Порцію Катону*, который, какъ истый римлянинъ, умѣлъ соединять воинственную энергію съ храбростью и обѣими пользоваться въ управленіи честно и справедливо, — удалось, наконецъ, прекратить войну и установить миръ на болѣе долгое время въ странѣ, которою не легко было управлять.

Антіохъ III, царь сирійскій.

Такъ доведены были и на Востокѣ, и на Западѣ дѣла со славою до конца, и Катону, какъ и Фламинину, былъ устроенъ почетный тріумфъ при возвращеніи въ Римъ. Однакоже, великія рѣшенія судебъ проявились слишкомъ быстро, внѣшній видъ всего міра слишкомъ быстро, въ теченіе всего какихъ-нибудь 40 лѣтъ, измѣнился, чтобы цари и народы, застигнутые такъ нежданно этимъ новымъ порядкомъ вещей, покорились ему навсегда, безъ недовольства и не надѣялись бы втайнѣ вернуться къ прежнимъ порядкамъ. Всюду—въ Карѳагенѣ и въ Пеллѣ, въ Испаніи и въ Греціи—всѣ представляли себѣ, что римское господство установилось не вполнѣ непоколебимо. Взоры всѣхъ враговъ Рима обратились ко двору царя сирійскаго *Антіоха III*, съ которымъ уже издавна велись оживленные переговоры, касавшіеся положенія этого царя въ Европѣ, его крѣпости Лизимахіи во Ѳракіи и отношенія къ нему греческихъ малоазійскихъ городовъ, находившихся въ предѣлахъ сирійской монархіи. Римляне относились къ этимъ переговорамъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ и имѣли на то основанія, такъ какъ положеніе Греціи представлялось имъ далеко неудовлетворительнымъ.

Антіохъ III. Изображеніе на современной монетѣ.

Положеніе Греціи.

Главная причина недовольства римлянами въ Греціи заключалась въ томъ, что римская политика, какъ нѣкогда въ Италіи, такъ и теперь въ

Греціи, всюду выдвигала на первый планъ элементъ аристократическій, имущій, что обозначало въ то же время и предпочтеніе Ахейскаго союза всѣмъ остальнымъ элементамъ Греціи. Это вызвало недовольство среди многочисленной партіи демократической, и демократы нашли себѣ поддержку у руководителей Этолійскаго союза и полную возможность весьма необузданно выражать свое недовольство на этолійскихъ съѣздахъ и другихъ народныхъ сборищахъ. Жажда этолянъ къ военной наживѣ далеко не была удовлетворена при заключеніи мира Фламининомъ, такъ какъ они все же предполагали, что честь побѣды, одержанной надъ македонянами при Кинокефалахъ, принадлежитъ главнымъ образомъ имъ и римлянамъ (такъ гласитъ современная эпиграмма), и эти громкія слова вызывали здѣсь, на греческой почвѣ, воспоминанія объ отдаленномъ великомъ прошломъ. Къ этому еще прибавилась ненависть противъ прямого соперника этолянъ, Ахейскаго союза—ненависть, которую и тотъ тоже вполнѣ раздѣлялъ, и эта ненависть злобно высказывалась и развивалась въ самыхъ необузданныхъ рѣчахъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Стратегъ этолянъ, Ѳоасъ, и былъ ораторомъ и первымъ дипломатомъ той партіи, которая, при помощи азіятскаго царя, сулила Греціи доставить, вмѣсто римской, истинную свободу.

И другой дѣятель, поважнѣе Ѳоаса, явился при царскомъ дворѣ въ Эфесѣ: побѣдитель при Каннахъ, побѣжденный при Замѣ Ганнибалъ. По заключеніи мира, онъ пріобрѣлъ въ своемъ родномъ городѣ величайшее значеніе, такъ какъ человѣкъ съ его умомъ и способностями нигдѣ не могъ быть второстепеннымъ. Какимъ образомъ и въ какой именно формѣ добылъ онъ это значеніе и вліяніе, объ этомъ мы можемъ составить себѣ только весьма неопредѣленное понятіе, такъ какъ мы не имѣемъ возможности поглубже заглянуть во внутренній бытъ Карѳагена. Одно только намъ ясно, что аристократическая партія въ Карѳагенѣ, издавна враждебная роду Баркасовъ, не одобрявшая послѣдней пунійской войны и вмѣстѣ съ тѣмъ виновная въ ея несчастномъ исходѣ, не упускала случая даже и самихъ римлянъ возбуждать противъ своего противника. Напрасно Сципіонъ старался въ Римѣ противиться мелочнымъ преслѣдованіямъ, направленнымъ противъ великаго человѣка, принимая ихъ какъ бы за личное оскорбленіе себѣ: не онъ-ли самъ, этотъ Сципіонъ, не доказалъ-ли онъ, что Ганнибала, въ случаѣ нужды, можно одолѣть и въ открытомъ полѣ! Но нѣтъ, его не послушали: римское посольство отправлено было въ Карѳагенъ, и Ганнибалъ счелъ весьма умѣстнымъ—покинуть свой родной городъ, дабы избавить его отъ позорнаго произнесенія приговора о выдачѣ или объ изгнаніи Ганнибала по римскому приказу. Онъ отправился къ царю Антіоху, и это главнымъ образомъ ускорило начало войны:—гдѣ находился Ганнибалъ, тамъ, конечно, затѣвались противъ Рима громадные планы:—такъ думали римляне.

Ганнибалъ у Антіоха.

Война противъ Рима только тогда могла имѣть какой-нибудь смыслъ, если бы удалось соединить во-едино всѣ элементы, враждебные римскому могуществу въ тогдашнемъ политическомъ мірѣ и если бы притомъ великому пунійцу выпала на долю главная роль—если бы непремѣнно въ его рукахъ сосредоточены были всѣ нити подобной коалиціи. Планъ его,

насколько мы о немъ имѣемъ свѣдѣнія, главнымъ образомъ основанъ былъ, конечно, на высадкѣ въ Италію, съ которою соединены были всякія предварительныя условія, и каждое изъ этихъ условій имѣло свои особыя трудности. Первою изъ всѣхъ подобныхъ трудностей было, конечно, то, что самъ царь Антіохъ долженъ былъ бы быть совсѣмъ инымъ человѣкомъ. Онъ-же былъ настолько мелочно-тщеславенъ, что не способенъ былъ поступиться своимъ высокимъ царственнымъ положеніемъ и уступить первую роль пунійскому бѣглецу. Второю трудностью была необходимость принимать быстрыя рѣшенія, между тѣмъ какъ Антіохъ именно къ такимъ быстрымъ рѣшеніямъ былъ положительно неспособенъ.

Война противъ Антіоха, 191.

Война или, лучше сказать, вступленіе къ войнѣ началось съ нападенія спартанскаго тиранна Набиса на области Ахейскаго союза. Еще разъ попытались римскіе послы—и самъ Фламининъ при этомъ присутствовалъ—успокоить необузданные умы на одномъ изъ народныхъ собраній Этолійскаго союза; но и самъ Фламининъ ничего не могъ подѣлать противъ пышныхъ обѣщаній царскихъ посланцевъ и хвастливаго ораторства Ѳоаса. Принято было рѣшеніе, по которому царь Антіохъ призывался въ Грецію, какъ освободитель ея и какъ третейскій судья между этолянами и римской республикой, и когда римскій государственный дѣятель потребовалъ копію съ этого рѣшенія, тогда стратегъ того года отвѣчалъ ему фразою, отлично характеризующею эту политику мелочныхъ людей, болѣе способныхъ на слова, чѣмъ на дѣло: «мы изготовимъ вамъ декретъ этолійскаго собранія, когда раскинемъ нашъ станъ на берегахъ Тибра» (192 г.).

Война разразилась, и умѣренность римлянъ, слишкомъ долго длившаяся, была причиною того, что первый актъ войны разыгрался еще на европейской почвѣ. Въ то время, какъ Фламининъ, на собраніи Ахейскаго союза въ Эгіумѣ, вступалъ въ словопренія съ сирійскимъ посломъ, убѣждая ахейцевъ остаться вѣрными союзу съ Римомъ,—Антіохъ, съ весьма незначительнымъ отрядомъ (всего въ 12.000 человѣкъ), высадился въ Птелеонѣ, въ юго-восточной Ѳессаліи, облеченный, подобно Филиппу или Александру Великому, громкимъ титуломъ «стратега-автократора» эллинской коалиціи. Тогда римляне объявили войну (191). Настроеніе въ Римѣ было возбужденное; разнаго рода устрашающія знаменія призывали къ покаянію, ибо дѣйствительно Риму приходилось выступать на новый, необозримый путь, и римскія воззрѣнія на наступающія событія (римляне тогда еще не вполнѣ успѣли освоиться съ величавою политикою новѣйшаго періода) прекрасно характеризуются тѣмъ, что передъ началомъ войны еще могли происходить совѣщанія—не слѣдуетъ-ли Риму, передъ началомъ военныхъ дѣйствій, заявить о своихъ дружественныхъ чувствахъ къ этолянамъ и объявленіе войны направить только лично противъ царя Антіоха. Наконецъ, феціалы рѣшили, что достаточно будетъ сообщить объявленіе войны ближайшему посту царскихъ войскъ.

Битва при Ѳермопилахъ.

Первое столкновеніе обѣихъ армій произошло въ знаменитой мѣстности, *Ѳермопилахъ*. Консулъ 191 г. *М. Ацилій Глабріонъ* явился съ войскомъ въ Ѳессаліи и направился, вполнѣ обезпечивъ свой тылъ *), съ сѣвера

*) Говоримъ такъ потому, что царь Филиппъ Македонскій, ненавидѣвшій Антіоха, былъ далекъ отъ всякой мысли о союзѣ съ нимъ.

противъ Антіоха, который занялъ позицію позади знаменитаго прохода. Битва приняла почти такое же направленіе, какъ и 300 лѣтъ тому назадъ, съ тою только разницею, что теперь нападали римляне. Поутру началась битва, во время которой царскія войска постепенно пятились и отступали передъ римлянами. Тѣмъ временемъ, отрядъ римскаго войска, подъ начальствомъ испытаннаго консуляра М. Порція Катона, направился по той старой обходной дорогѣ на вершину Каллидромоса, по которой нѣкогда (480) было совершено подобное же движеніе Гидарна. По весьма похвальному древне-римскому обычаю, Катонъ примкнулъ къ этому походу въ качествѣ легата, хотя за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ и былъ въ Испаніи самостоятельнымъ начальникомъ цѣлаго консульскаго войска. Обходъ и на этотъ разъ увѣнчался успѣхомъ, такъ какъ этолійскій отрядъ, которому была поручена охрана важныхъ позицій, оказался не болѣе бдительнымъ, чѣмъ нѣкогда были фокейцы; а чуть только голова римскаго отряда показалась на высотахъ, во флангѣ главной позиціи, такъ царскія войска, тѣмъ временемъ уже оттѣсненныя до укрѣпленій, воздвигнутыхъ въ ущельи, сочли битву проигранною, и она завершилась пораженіемъ. Самъ Антіохъ возвратился въ Эфесъ; всѣ заявлявшіе въ Греціи свое сочувствіе иноземному царю, теперь поспѣшили выразить всю свою покорность римлянамъ. Съ этолянами, которые довольно долгое время мужественно защищались въ Гераклеѣ, было, наконецъ, заключено перемиріе, и это было не легко, такъ какъ этотъ горячій народъ не хотѣлъ повиноваться даже и своимъ собственнымъ властямъ. Перемиріе было заключено на неопредѣленное время: окончательно уладить отношенія къ нимъ возможно было только по окончаніи всей войны.

Битва при Магнезіи, 190.

Наиболѣе затруднительная часть войны, которую надо было вести въ Азіи, еще предстояла Риму. На этотъ разъ были выбраны въ консулы на 190 г. два человѣка сципіоновской партіи—*Л. Корнелій Сципіонъ* и *К. Лэлій*—братъ и другъ побѣдителя при Замѣ; первому изъ нихъ Востокъ былъ назначенъ провинціей, такъ какъ Публій Корнелій Сципіонъ заявилъ, что онъ будетъ сопутствовать своему брату (въ сущности, весьма незначительному человѣку) въ качествѣ легата. Но царь Антіохъ самъ облегчилъ побѣду римлянамъ; онъ не съумѣлъ воспользоваться такимъ счастьемъ, какъ пребываніе въ его лагерѣ величайшаго полководца того времени; услугами Ганнибала онъ пользовался только для выполненія второстепенныхъ по важности порученій. Ганнибалъ, однакоже, нашелъ случай выказать царю, что онъ еще все тотъ же, прежній Ганнибалъ: въ морской битвѣ, при Аспендосѣ, въ Памфиліи, гдѣ ему поручено было начальствованіе надъ однимъ крыломъ, онъ поразилъ непріятеля, хотя битва и была потеряна, потому что другое крыло не выдержало. Но онъ не имѣлъ возможности вліять на рѣшенія, принимаемыя царемъ Антіохомъ. А царь велъ войну безъ всякаго плана; онъ самъ, добровольно очистилъ важнѣйшую изъ своихъ позицій въ Европѣ—крѣпость *Лизимахію*, господствовавшую надъ Геллеспонтомъ, сталъ предлагать римлянамъ миръ, и когда они, поддерживаемые Филиппомъ Македонскимъ, двинулись къ этому проливу, Антіохъ уже не имѣлъ возможности воспрепятствовать ихъ переправѣ въ Азію. Перейдя Македонію, какъ дружественную страну,

римское войско вступило на почву Азіи, и теперь уже условія, предлагаемыя царемъ, не могли болѣе удовлетворить римлянъ. Публій Корнелій Сципіонъ, который, въ сущности, и былъ главнымъ руководителемъ войска и самыхъ переговоровъ, далъ царю «дружескій» совѣтъ *)—заключить съ Римомъ миръ «на какихъ бы то ни было условіяхъ». Дѣйствительно, это было лучшимъ изъ всего, что можно было придумать, ибо возможность придать войнѣ обширные, величавые размѣры (какъ того хотѣлъ Ганнибалъ) давно уже была пропущена; а растянуть войну надолго, отступая внутрь своихъ обширныхъ владѣній — у царя не хватало ни мужества, ни выдержки. Онъ спѣшилъ потерпѣть пораженіе, чтобы такимъ образомъ получить возможность поскорѣе закончить надоѣвшую ему войну на какихъ-бы то ни было условіяхъ. Римское войско, подъ предводительствомъ Луція Сципіона (Публій, по болѣзни, былъ далеко) и пергамскаго царя Эвмена, проникло въ область Сардъ, до г. *Магнезіи*, у сѣвернаго склона Сипильскихъ горъ. Въ многочисленномъ войскѣ Антіоха были перемѣшаны греко-македонскія и восточныя составныя части; тутъ были и фаланги въ 16.000 человѣкъ, рядомъ съ древне-азіатскими воинскими колесницами, которыя не могли имѣть никакого значенія въ битвѣ противъ правильно организованнаго римскаго войска. Побѣда досталась римлянамъ очень дешево; и когда она склонилась на ихъ сторону, азіатскіе элементы Антіохова войска тотчасъ же подались и вовлекли лучшія составныя части въ общее пораженіе. Самъ царь бѣжалъ въ Сарды: вслѣдъ за нимъ разсѣялось и все его войско, которое, уже по самому составу своему, неспособно было къ правильному отступленію. Эта легкая побѣда—первая, одержанная римлянами на азіатской почвѣ—тотчасъ же повела къ заключенію мира, который былъ принятъ царемъ «на полной волѣ римлянъ». Публій Сципіонъ и въ данномъ случаѣ поступилъ по основному принципу, уже и прежде имъ высказанному, — по которому побѣда или пораженіе, въ важныхъ вопросахъ, не могли вліять на рѣшенія римскаго народа. Условія мира были тѣ же самыя, какія еще и до битвы были указаны царю. Антіохъ уступилъ всѣ свои владѣнія на З. отъ Тавра и р. Галисъ, выплатилъ 33.000.000 р. за военныя издержки, выдалъ своихъ военныхъ слоновъ (конечно, значительно повредившихъ ему въ послѣдней битвѣ) и свои военные корабли, кромѣ десяти, выдалъ заложниковъ и отказался отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Запада. Мысъ Сарпедонъ, на южномъ берегу Малой Азіи, былъ ему указанъ крайнею западною границею, за которую не должны были заходить его военные корабли. Оставаясь царемъ въ своей сферѣ, въ восточномъ мірѣ, онъ, однакоже, съ другой стороны, долженъ былъ довольствоваться скромнымъ титуломъ «друга римскаго народа». Выдачи римскаго врага, Ганнибала, потребовали у него, кажется, только для соблюденія формальности и для вида.

Миръ 189 г. Раздѣленіе завоеваній.

Сенатъ римскій и отъ имени его назначенная имъ комиссія при пол-

*) Царь Антіохъ вступилъ въ личныя сношенія съ знаменитымъ римскимъ государственнымъ дѣятелемъ, отправивъ къ нему сына, случайно попавшагося въ плѣнъ Сирійцамъ.

ководцахъ, съ великимъ безкорыстіемъ распорядилась тѣми обширными земельными пріобрѣтеніями, которыя достались римлянамъ по этому миру (189 г.). Къ непосредственному обладанію этими отдаленными странами римляне вовсе и не готовились. *Карія* и *Ликія*, прекраснѣйшія мѣстности на ю.-з. малоазійскомъ берегу, были переданы республикѣ Родосской во владѣніе; эллинскіе города на берегу Малой Азіи, отъ *Иліона* (который уже былъ какъ бы официально признанъ метрополіею Рима) до *Милета* — были объявлены независимыми; вѣрнѣйшій и полезнѣйшій изъ римскихъ союзниковъ, царь Эвменъ Пергамскій, получилъ въ Азіи Мизію, Ликію, обѣ Фригіи и въ Европѣ оракійскій Херсонесъ съ Лизимахіей. Такимъ образомъ, весьма ловко, создана была посредствующая сила между Сиріей и Македоніей и установлено нѣчто въ родѣ системы равновѣсія въ восточныхъ странахъ. Меньшія государства—царство Виѳинское, царство Каппадокійское, Галатія—остались въ прежнемъ своемъ видѣ. Только царь Филиппъ Македонскій былъ вознагражденъ за свою помощь довольно скупо: — ему возвращенъ былъ г. Деметрія и нѣкоторыя сосѣдственныя мѣстности въ Ѳессаліи и Оракіи. Ахеянамъ достался Пелопоннезъ, вмѣстѣ со Спартою, который имъ удалось завоевать (послѣ того, какъ царь Набисъ палъ отъ руки одного изъ своихъ этолійскихъ союзниковъ) при помощи стратега *Филопэмена* — отличнаго воина. Этоляне, которые начали было вновь отчаянную войну въ своихъ горахъ, были наконецъ усмирены, получили миръ на довольно снисходительныхъ условіяхъ, но за то у ихъ правителей и стратеговъ окончательно было отнято право вступаться въ политику внѣшнюю. Римляне приняли въ свое непосредственное управленіе только острова Закинѳъ и Кефалленэ. Римскій писатель сообщаетъ намъ о рѣчи, которую посолъ дружественныхъ Аѳинъ держалъ въ Римѣ въ защиту этолянъ, и мы видимъ въ ней ужасающій примѣръ того рода краснорѣчія, которое теперь, въ періодъ паденія Греціи, было явленіемъ обычнымъ; по словамъ этого оратора, жизнь этолянъ, представлявшая собою вполнѣ спокойное море, вдругъ вздулась волнами, когда съ одной стороны поднялись два бурные вихря — Ѳоасъ и Дикэархъ, а съ другой стороны—Менестъ и Демокритъ, и возбудили тотъ ураганъ, который и произвелъ крушеніе народа о скалу Антіохъ.

Мирный періодъ послѣ 189.

По окончаніи азіятской войны, римскому народу удалось наконецъ воспользоваться болѣе продолжительнымъ періодомъ спокойствія, отъ 189—171 гг., въ теченіе котораго онъ могъ по крайней мѣрѣ освоиться со своимъ новымъ положеніемъ, могъ переработать впечатлѣнія послѣднихъ десятилѣтій. По сравненію съ страшною войною 218—201 гг., результаты послѣдняго десятилѣтія были достигнуты легко и вполнѣ были способны исполнить сердце народа сознаніемъ его могущества, а правящую аристократію—гордымъ сознаніемъ такого высокаго преобладанія, какого до этого времени не удавалось добиться ни одной политической корпораціи. Въ теченіе послѣднихъ 18 лѣтъ столичное населеніе Рима не менѣе 17 разъ могло наслаждаться зрѣлищемъ тріумфовъ, которое, какъ-бы часто ни повторялось, все же льстило народному самолюбію; среди этихъ тріумфовъ, рядомъ съ вполнѣ заслуженными и блестящими, было, конечно, не мало и весьма сомнительныхъ, какъ, напримѣръ, тріумфъ проконсула Кн.

Манлія, въ 187 г. *); были и такіе, о которыхъ происходили весьма горячіе споры въ Сенатѣ, при чемъ неоднократно въ тріумфѣ бывало и отказано. Однакоже, на утвержденіе притязаній различныхъ полководцевъ и на удостоеніе ихъ чести тріумфовъ смотрѣли уже теперь далеко не такъ строго, какъ прежде, и это доказывается изъ года въ годъ повторяющимися тріумфами надъ Лигурійцами и Кельтиберіянами, то-есть, чествованіемъ побѣды надъ нѣсколькими деревнями или нѣсколькими кланами, которой не трудно было добиться; каждый командиръ отдѣльнаго отряда, изъ знатныхъ, возвращаясь изъ подобной экспедиціи, имѣлъ право требовать себѣ этой чести, которая видимо начинала утрачивать свое значеніе.

Противуположности въ римской жизни. Катонъ и Сципіонъ.

Въ этотъ небольшой періодъ времени, свободный отъ большихъ войнъ, не было однакоже недостатка во внутреннемъ возбужденіи. Среди знати было много всякихъ раздоровъ и скандаловъ: древне-римская партія и партія новѣйшая боролись между собою, и эта борьба проявлялась не только въ Сенатѣ при обсужденіи всѣхъ важныхъ государственныхъ вопросовъ, но и во всякаго рода прискорбныхъ жалобахъ и процессахъ. Во главѣ партіи новѣйшаго направленія видимъ побѣдителя при Замѣ, который, однакоже, и теперь, какъ и прежде, ничуть не выказываетъ склонности поднимать голосъ противъ Сената или опираться на народъ. Онъ занялъ свое мѣсто въ Сенатѣ—съ 198 г. былъ даже *princeps Senatus*— и съ того времени уже не отдѣлялъ своихъ личныхъ интересовъ отъ интересовъ своего сословія; въ 194 г., будучи консуломъ, онъ даже способствовалъ проведенію одной весьма непопулярной новой мѣры, по которой сенаторамъ присуждено было отводить особыя мѣста на «римскихъ играхъ». Кромѣ этой, съ именемъ его не связано никакой сколько-нибудь заслуживающей упоминанія политической мѣры; онъ былъ въ сущности такой же знатный вельможа, какъ и многіе другіе, и отличался отъ остальныхъ только тѣмъ, что онъ, въ силу своихъ старыхъ заслугъ, и при новой своей дѣятельности (въ качествѣ легата при войнѣ съ Антіохомъ) выказалъ наклонность пойти далѣе буквы существующихъ порядковъ. Съ особенною рѣзкостью и враждебною страстностью выступалъ всюду противъ Сципіона и его партіи *М. Порцій Катонъ*, и по самой природѣ своей, и по воспитанію бывшій ярымъ его противникомъ и защитникомъ древнеримскихъ порядковъ. Сципіонъ, одинъ изъ Корнеліевъ, родившійся въ то время, когда почти ежегодно одинъ изъ представителей этого рода былъ избираемъ въ консулы, щедро одаренный всякими дарами природы, безпримѣрно поощряемый счастьемъ, былъ баловнемъ народа, который извинялъ ему всѣ промахи, избавлялъ его отъ соблюденія порядковъ и формъ, которымъ всѣ остальные должны были безусловно подчиняться. Противникъ его, Катонъ, былъ сыномъ плебея, землевладѣльца средней руки, былъ человѣкомъ безъ всякихъ родовыхъ связей; внѣшнимъ преимуществомъ и украшеніемъ его было только желѣзное здоровье; медленно, съ великимъ трудомъ, поднимался онъ со ступеньки на ступеньку

*) Этотъ проконсулъ, по простой прихоти, безъ всякаго повода, предпринялъ походъ противъ Галатовъ въ Малой Азіи, и при этомъ пріобрѣлъ много добычи, но и общее порицаніе со стороны людей честныхъ и опытныхъ въ военномъ дѣлѣ.

по служебной лѣстницѣ и, проникнувъ въ Сенатъ, присоединился къ тѣмъ, которые группировались около стараго Фабія, какъ своего главы; при этомъ, однакоже, онъ болѣе и болѣе пріобрѣталъ значенія своими несомнѣнными заслугами и твердостью своихъ убѣжденій, равно какъ и тѣмъ безстрашіемъ и безпощадностью, съ которою онъ ихъ проводилъ. Такъ и стояли эти два мужа, другъ къ другу лицомъ, какъ представители двухъ различныхъ эпохъ:—старой и новѣйшей. Катонъ, въ связи со своимъ сосѣдомъ по имѣнью, патриціемъ изъ рода Валеріевъ, уже очень рано избралъ себѣ задачею жизни—противодѣйствіе всѣми мѣрами врывавшемуся въ Римъ съ Востока греко-азіатскому развращенію нравовъ. Въ этомъ духѣ провелъ онъ и консульство, къ которому призванъ былъ въ 195 г., вмѣстѣ со своимъ другомъ-патриціемъ и единомышленникомъ *Л. Валеріемъ Флакком*ъ. Но, когда онъ сталъ въ 190 г. добиваться должности цензора, его кандидатура провалилась по интригамъ Сципіоновской партіи. Въ 187 г. онъ нашелъ возможность отплатить за это и возобновить борьбу противъ тиранніи или, какъ въ Римѣ говаривали, противъ «царственности» Сципіоновъ. То былъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ процессовъ того времени, который долгое время занималъ римское общество:—дѣло въ немъ шло объ укрытыхъ или же неправильно подсчитанныхъ казенныхъ деньгахъ во время веденія сирійской войны. Двое трибуновъ подали на это жалобу; въ Сенатѣ, въ народномъ собраніи дѣло дошло до весьма оживленныхъ сценъ, и Катонъ между прочимъ также держалъ рѣчь «о деньгахъ царя Антіоха»; всѣмъ извѣстно, какъ Сципіонъ отразилъ передъ лицомъ всего народа нападки трибуновъ, напомнивъ толпѣ, собравшейся на Форумѣ, что въ тотъ день праздновалась годовщина битвы при Замѣ, а потому и предложилъ народу — отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ Капитолій и благодарить боговъ за нѣкогда дарованную ему побѣду. Такимъ образомъ поднятая противъ него жалоба закончилась почти тріумфальнымъ шествіемъ; однакоже этой эффектной сценой дѣло не было исчерпано. Братъ Публія Сципіона, Луцій, былъ дѣйствительно осужденъ по этому дѣлу, въ которомъ, съ одной стороны, достаточно ясно выказалось слишкомъ легкомысленное отношеніе къ законнымъ порядкамъ, а съ другой—желаніе преслѣдовать изъ ненависти и партійныхъ соображеній. Наконецъ, это печальное дѣло было замято, благодаря весьма деликатному вмѣшательству трибуна Тиберія Семпронія Гракха. Послѣдніе годы своей жизни Публій Сципіонъ, разстроенный и больной, провелъ вдали отъ Рима, въ Литернумѣ (въ Кампаніи); тамъ онъ и скончался въ 183 году.

Смерть Ганнибала.

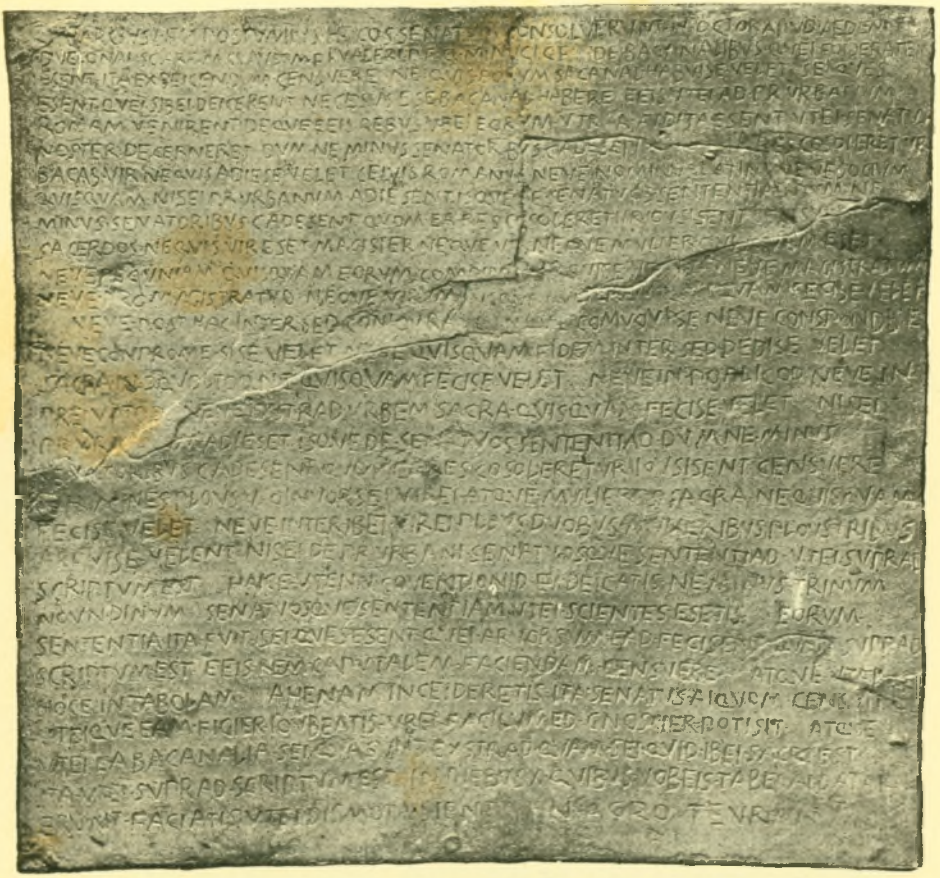
Разсказываютъ, что въ томъ же году умеръ и Ганнибалъ, нашедшій себѣ послѣднее убѣжище у виѳинскаго царя Прузія. Намъ не вполнѣ понятно, что̀ именно побудило римскій Сенатъ потребовать отъ Прузія выдачи своего давняго врага? Что заставило его «не подождать кончины старика»? Предполагаютъ, что это требованіе обращено было къ Прузію подъ вліяніемъ царя Пергамскаго, который постоянно находился съ Прузіемъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ и потому считалъ для себя пребываніе у него Ганнибала неудобнымъ. Настоятельному требованію римскаго правительства (Фламининъ явился къ царю съ этою далеко нелестною миссіей) Прузій вынужденъ былъ повиноваться... Однакоже, Ган-

нибалъ остался вѣренъ своему великому имени и своему дѣлу: въ послѣднюю минуту, когда римскіе воины уже окружили домъ, гдѣ онъ жилъ — Ганнибалъ принялъ ядъ, дабы (таковы были его послѣднія слова) «избавить римскій народъ отъ его опасеній». По свойственной имъ суетности, греческіе писатели, передающіе намъ о смерти Ганнибала, добавляютъ, что въ томъ же году умеръ и Филопэменъ, стратегъ Ахейскаго союза; то былъ здравый и смѣлый патріотъ, достойный древнихъ временъ, но среди современныхъ міровыхъ событій ему пришлось играть лишь очень скромную роль. Если же мы сравнимъ двоихъ дѣйствительныхъ соперниковъ, Сципіона и Ганнибала, то, безъ малѣйшаго сомнѣнія, придемъ къ тому заключенію, что послѣдній изъ нихъ далеко превышаетъ перваго. Онъ посвятилъ всю свою жизнь, всю свою необычайную силу духа выполненію одного громаднаго, но все же выполнимаго политическаго замысла:— спасти возможное равновѣсіе національныхъ элементовъ того времени отъ неудержимо возрастающаго преобладанія римской республики. Онъ былъ великимъ воиномъ, потому что въ то же время былъ великимъ государственнымъ человѣкомъ, и, неизмѣнно служа высокимъ политическимъ задачамъ, онъ всю жизнь свою провелъ въ заботахъ и тревогахъ, полныхъ смысла и значенія; самый конецъ его былъ трагически-величавъ. Сципіонъ же былъ государственнымъ дѣятелемъ второстепеннымъ или даже третьестепеннымъ, и конецъ его жизни былъ весьма обыденнымъ.

Годъ вакханалій. 186.

Греческо-азіатское развращеніе нравовъ, начавшее проникать въ жизнь и нравы всѣхъ сословій Рима, уже на слѣдующій годъ послѣ окончанія азіатской войны, т. е. въ 186 г., проявилось въ одномъ угрожающемъ симптомѣ—*въ тайномъ служеніи Вакху*, сопряженномъ со всякими ужасами и преступленіями. Служеніе это успѣло распространиться по всему Риму и Италіи, когда доносъ одного вольноотпущенника довелъ объ этомъ тайномъ культѣ до свѣдѣнія властей. Власти приступили къ энергическому разслѣдованію, и оказалось, что во всей Италіи этотъ культъ уже былъ принятъ слишкомъ 7,000 человѣкъ. Многіе были схвачены и съ ними покончено было быстрой и суровой казнью. Ужасною бытовою чертою въ этой мрачной картинѣ (знакомящей насъ съ тѣневыми сторонами быстро возрастающаго римскаго государства) представляется намъ то, что множество женщинъ, принимавшихъ участіе въ этомъ преступномъ культѣ, были переданы для казни въ дома ихъ родственниковъ, и только тогда, когда никто изъ близкихъ не рѣшался исполнить произнесенный надъ ними смертный приговоръ, — онѣ передавались въ руки палача.

Драгоцѣнный памятникъ, сохранившійся отъ этого времени, передаетъ намъ важный правительственный актъ Сената въ его оригинальной редакціи. Римскій сенатъ этимъ актомъ воспрещалъ всякія проявленія вакхическаго культа на территоріи соединеннаго римскаго государства, подъ страхомъ смертной казни; черезъ 10 дней послѣ опубликованія этого акта въ отдѣльныхъ округахъ, всякій слѣдъ вакханалій долженъ былъ исчезнуть. Тѣмъ не менѣе, однакоже, Сенатъ долженъ былъ признать, что въ странѣ, изобилующей виноградниками, этотъ важный культъ не могъ



Бронзовая таблица, съ запрещеніемъ ванханалій. По оригиналу, хранящемуся въ корол. имп. музеѣ антиковъ въ Вѣнѣ.

быть и даже не долженъ быть окончательно истребленъ; а посему онъ приказалъ, чтобы тамъ, гдѣ дѣло шло о дѣйствительно священныхъ сторонахъ культа, о древнихъ изображеніяхъ Вакха и Силена, объ алтаряхъ, посвященныхъ имъ, объ освященныхъ обычаемъ жертвоприношеніяхъ и т. п., — обо всемъ этомъ дано было знать городскому претору и черезъ него получено соотвѣтствующее разрѣшеніе Сената. Указъ Сената, воспрещающій вакханаліи, начертанный на мѣдной доскѣ, былъ въ такомъ видѣ разосланъ по всѣмъ округамъ и прибитъ всюду на видныхъ мѣстахъ во всеобщее свѣдѣніе. Въ 1640 году одна изъ подобныхъ таблицъ была открыта въ весьма уединенномъ мѣстѣ, въ древней странѣ Бруттіевъ.

Цензорство Катона и Флакка (185).

Эти безчинства вакханалій, конечно, были только однимъ изъ симптомовъ многихъ иныхъ темныхъ сторонъ римской жизни; цѣлительнымъ средствомъ противъ нихъ являлась строгая и суровая дѣятельность цензорская, и потому-то на ближайшіе годы были избраны выдающіеся сторонники древне-римскихъ нравовъ — М. Порцій Катонъ и Л. Валерій Флаккъ (185 г.). Это цензорство, съ его тягостными налогами на роскошь, съ безпощаднымъ изгнаніемъ изъ Сената недостойныхъ представителей знати, съ его быстро и безповоротно дѣйствовавшими полицейскими мѣрами — надолго сохранилось въ памяти народной, точно такъ же, какъ и отдѣльныя мѣткія выраженія Катона, въ родѣ, напримѣръ, извѣстнаго: «погибели обреченъ городъ, въ которомъ рыба стоитъ дороже пахотнаго вола!» Но это цензорство, конечно, могло только коснуться нѣкоторыхъ, рѣзко выдающихся симптомовъ быстро развивающагося недуга, но не главнаго источника его или, вѣрнѣе сказать, не тысячи его источниковъ.

Перемѣна правителей въ Македоніи. Царь Персей.

Важнѣйшимъ внѣшнимъ событіемъ этого времени была кончина царя Филиппа Македонскаго, послѣдовавшая въ 179 году. Миръ съ нимъ не нарушался уже съ 196 г., и въ этой второй половинѣ своей жизни онъ выказалъ себя способнымъ человѣкомъ и умнымъ правителемъ: при этомъ и царство его успѣло оправиться и окрѣпнуть; если дѣйствительно вѣрно то, что онъ (какъ опредѣленно утверждаютъ римскіе писатели) носился съ мыслью когда-нибудь еще разъ вступить въ борьбу съ римлянами, то его, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ похвалить за то, что онъ, умѣя выжидать, собралъ такія средства, при которыхъ способный наслѣдникъ могъ бы, конечно, весьма успѣшно провести необходимую войну. Но онъ въ семьѣ своей былъ несчастливъ. У него было два сына, и одинъ изъ нихъ, родившійся отъ законнаго брака, Димитрій, жилъ въ Римѣ заложникомъ, проникся всецѣло впечатлѣніемъ величія и могущества римской республики, и съумѣлъ завязать личныя хорошія отношенія съ правящими кружками Рима. Весьма было бы желательно, чтобы подобная примирительная политика получила значеніе въ Македоніи, послѣ смерти Филиппа. Однакоже, общее мнѣніе большинства правящихъ людей въ Македоніи и чувство всей націи было положительно противъ всякой дружбы съ Римомъ, и на этомъ настроеніи основывалъ свои надежды старшій сынъ, *Персей*, рожденный отъ брака съ женою не изъ царственнаго рода; притомъ, дѣло сложилось такъ, что Димитрій былъ устраненъ рукою убійцы, и такимъ образомъ Персей остался единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ Филиппа.

Изображеніе Персея, послѣдняго царя Македонскаго—на монетѣ. Въ величину оригинала, хранящагося въ Берлинскомъ музеѣ.

Положеніе Греціи.

И при этомъ наслѣдникѣ Филиппа, который, быть-можетъ, вовсе не настолько стремился къ войнѣ съ Римомъ, какъ онъ это выказывалъ, добившись престола, — миръ все же устоялъ въ теченіе 8 лѣтъ. Болѣе всего способствовало нарушенію мира еще при Филиппѣ, а затѣмъ и при его преемникѣ, общее крайне ненадежное положеніе дѣлъ во всей Греціи. Здѣсь давно уже управленіе въ отдѣльныхъ областяхъ было вполнѣ под-

чинено фразѣ и неразумнымъ порывамъ: только въ этомъ смыслѣ современные греки и понимали свободу общественную! Всюду, на ограниченномъ пространствѣ греческихъ областей, выступали на первый планъ рѣзкія противоположности партій, относившихся другъ къ другу съ величайшею ненавистью, а преобладавшее полное экономическое разстройство еще усугубляло ядовитую рѣзкость этихъ противоположностей. Такъ не предвидѣлось конца усобицамъ, если, и, наконецъ, являлась необходимость въ третейскомъ судѣ, то оставалось только обратиться къ римлянамъ, которые, конечно, не упускали случая указать грекамъ на противорѣчіе, существующее между мнимой свободой и фактическимъ рабствомъ. И если уже, по самой природѣ своей, человѣкъ вообще болѣе склоненъ обращать вниманіе на неудовлетворительность политическаго положенія, нежели на хорошія его стороны, то ужъ въ Греціи-то, при необузданной свободѣ слова, эта сторона выступала еще ярче, чѣмъ гдѣ-либо. Мало-по-малу, во всей Греціи не только образовалась сильная анти-римская партія, но и вообще мнѣніе общественное получило окраску, враждебную римлянамъ. Недовольство противъ римлянъ (на этой горячей почвѣ быстро перерождавшееся въ непримиримую ненависть) болѣе всего направлено было противъ ихъ друзей и въ особенности противъ царя пергамскаго Эвмена; само собою разумѣется, что анти-римская партія была въ то же время партіею македонскою, ибо только въ тѣсной связи съ Македоніей можно было разсчитывать хотя бы на какой-нибудь успѣхъ, а о Македоніи не безъ основанія думали, что она теперь значительно окрѣпла.

Царь Эвменъ Пергамскій.

Царь Эвменъ былъ затронутъ за живое быстрымъ паденіемъ своей популярности въ Греціи. Въ 172 году онъ лично поѣхалъ въ Римъ и тамъ о положеніи дѣлъ въ Греціи подробно донесъ Сенату, которому косчто уже было извѣстно; сверхъ того, онъ сообщилъ свѣдѣнія о тайныхъ вооруженіяхъ царя Персея, котораго въ одинаковой степени считалъ и своимъ врагомъ, и врагомъ Рима. Несомнѣнно было то, что онъ увеличилъ свое войско гораздо болѣе того состава, который былъ опредѣленъ для Македоніи въ мирномъ договорѣ 169 года; сверхъ того, по словамъ Эвмена, уже были приготовлены денежныя средства для найма 10.000 наемниковъ на 10 лѣтъ, а равно были собраны запасы оружія и продовольствія для весьма значительнаго войска. Покушеніе на жизнь Эвмена, при его обратномъ путешествіи въ Азію, еще болѣе ухудшило настроеніе. Римское посольство было принято при македонскомъ дворѣ очень холодно; на запросы его царь отвѣчалъ, что смотритъ на прежній договоръ, какъ на утратившій уже всякое значеніе, однакоже, онъ, молъ, не прочь заключить съ римлянами новый договоръ, на основѣ равноправности обѣихъ державъ; тогда съ другой стороны послѣдовало распоряженіе о назначеніи Македоніи провинціею для дѣятельности одного изъ консуловъ, избранныхъ на 171 годъ.

Третья македонская война, 171.

При этой *третьей македонской войнѣ* (171—168) царь Персей сразу выказалъ большую нерѣшительность, которая, въ борьбѣ съ такимъ врагомъ, какъ Римъ, оказалась вскорѣ пагубною. Ему бы слѣдовало проникнуться убѣжденіемъ, что, при подобной войнѣ, ему оставалось только одно на выборъ: или побѣдить, или потерпѣть пораженіе. Онъ не съумѣлъ воспользоваться богатыми, издавна припасенными средствами для нанесенія

быстраго и рѣшительнаго удара; онъ даже вступилъ въ тайные переговоры съ римскимъ посломъ Кв. Марціемъ, который былъ нѣкогда пріятелемъ его отца, и далъ себя сманить на перемиріе, которое оказалось полезно только для римскихъ вооруженій. Когда же, послѣ того, вступивъ въ Оессалію, онъ наткнулся на римское войско, уступавшее его войску и въ качествѣ, и въ количествѣ, онъ упустилъ случай къ побѣдѣ, приказалъ своей конницѣ отступать именно тогда, когда она уже одерживала рѣшительный перевѣсъ надъ конницей римской, и опять пытался вступить въ переговоры; онъ даже не съумѣлъ воспользоваться тѣмъ недовольствомъ, которое всюду въ Греціи возбудило дурное и со всякими хищничествами противъ союзниковъ сопряженное веденіе войны римлянами въ первый годъ ея. Не лучше шли дѣла и въ 169 году. На этотъ годъ командованіе римскимъ войскомъ перешло къ вышепомянутому Кв. Марцію; съ величайшею смѣлостью онъ вторгся черезъ Олимпъ въ Македонію, нимало не заботясь ни объ укрѣпленіяхъ, расположенныхъ на пути, ни объ опасностяхъ отступленія: онъ навѣрно погибъ-бы, если бы Персей рѣшился на него напасть. Но царь не рѣшился и далъ возможность римскому полководцу выпутаться изъ его неблагопріятнаго положенія. Не удался и другой планъ, конечно, основанный на совпаденіи цѣлаго ряда случайностей, по которому предполагалось внести войну въ самую Италію; упустилъ Персей возможность нанять и 20.000 галльскаго войска, только благодаря своей скупости; тѣмъ же, совсѣмъ не царственнымъ свойствомъ, оттолкнулъ онъ отъ себя и весьма важнаго союзника, разбойничьяго иллирійскаго князя *Генвія*, правителя *Скодрскаго*.

Какъ мало ни былъ искусенъ Персей въ умѣньи пользоваться своимъ счастьемъ, однакоже, и самая медлительность, съ которою велась противъ него война, уже начинала въ восточныхъ странахъ колебать довѣріе къ римской республикѣ. Опять всплыла тамъ мысль объ общемъ союзѣ противъ римскаго преобладанія, нѣкогда поднятая Ганнибаломъ во время войны римлянъ съ Антіохомъ, и даже Эвменъ Пергамскій не прочь былъ, въ теченіе нѣкотораго времени, оказать поддержку Персею въ его борьбѣ противъ Рима. Въ недобрый часъ пришло на мысль и *Родосцамъ* сунуться со своимъ посредничествомъ въ войну между двумя великими державами, такъ какъ эта война наносила значительный ущербъ ихъ торговлѣ, и они отправили посольства къ обѣимъ сторонамъ.

Битва при Пиднѣ. 168.

Въ Римѣ, и безъ всѣхъ подобныхъ указаній, давно поняли, что въ данномъ случаѣ медлить больше нельзя, что слѣдуетъ избрать человѣка, болѣе способнаго къ командованію, нежели всѣ, доселѣ бывшіе; выборъ этихъ малоспособныхъ людей только указывалъ на то, въ какой степени беззаботною и неосторожною начинала становиться правящая аристократія, ослѣпленная своимъ могуществомъ. Въ комиціяхъ на 168 годъ былъ, наконецъ, избранъ настоящій человѣкъ, вполнѣ пригодный для дѣла,—патриціанскій консулъ Л. Эмилій Павелъ, сынъ павшаго въ битвѣ при Каннахъ. То былъ человѣкъ выдающійся по своимъ достоинствамъ: опытный въ веденіи войны, свѣдущій въ дѣлахъ, добросовѣстный; одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые съ полнымъ сознаніемъ усвоили многостороннее и тонкое греческое образованіе и въ то же время съумѣли сохранить въ себѣ

древне-римскую простоту и правдивость. О немъ разсказываютъ, что онъ, прежде чѣмъ приняться за эту войну, занялся серьезнымъ изученіемъ условій, среди которыхъ ее предстояло вести; не менѣе характеристично и то, что Эмилій, прежде чѣмъ онъ отправился къ войску, счелъ долгомъ обратиться къ народу съ весьма строгою рѣчью: серьезно порицалъ онъ въ ней дипломатическія сужденія о военныхъ мѣрахъ, а также и безцѣльное резонерство, повидимому, весьма обычное въ современномъ римскомъ обществѣ.

Спокойная увѣренность человѣка знающаго, которую онъ проявилъ тотчасъ по вступленіи въ лагерь, въ нѣсколько недѣль дала возможность подготовиться къ выполненію его послѣдней задачи. Тотчасъ все двинулось впередъ: смѣлое движеніе части римскихъ войскъ противъ линіи отступленія Персея вынудило послѣдняго удалиться изъ Θессаліи, и рѣшительная битва, которой ужъ нельзя было откладывать далѣе, произошла (въ іюнѣ 168 года) близъ древняго города *Пидна* на Термайскомъ заливѣ. Сохранилось упоминаніе о томъ, что Эмилій, принадлежавшій къ коллегіи авгуровъ, наканунѣ битвы приносилъ жертвы Геркулесу—родоначальнику македонскихъ царей—и приказалъ приносить ихъ до тѣхъ поръ, пока, при закланіи 21-го жертвеннаго животнаго, не добился благопріятныхъ предзнаменованій. Какъ и во всемъ, онъ, и по отношеніи къ богамъ, дѣйствовалъ съ древне-римскою добросовѣстностью: это, однакоже, нимало не помѣшало тому, чтобы онъ дозволилъ одному изъ своихъ военныхъ трибуновъ, свѣдущему въ астрономіи, дать солдатамъ простое и естественное объясненіе наступавшаго луннаго затменія. На слѣдующій день послѣ этого затменія, 22 іюня 168 года, легіонъ и фаланга въ послѣдній разъ помѣрилась силами—и римляне остались побѣдителями въ этой горячей, но непродолжительной схваткѣ. И вотъ, самъ Персей покинулъ свое разбитое войско и отступилъ къ сѣверу во главѣ отряда своихъ конныхъ тѣлохранителей, но остановился лишь на нѣсколько часовъ въ своей столицѣ Пеллѣ, и бѣжалъ далѣе, за рѣку Аксіосъ. Римскій консулъ не замедлилъ двинуться за нимъ слѣдомъ; во время наступленія на Амфиполь, Эмилій получилъ отъ Персея письмо, отправленное съ острова Самоѳракіи, на которомъ онъ укрылся самъ, съ частью своихъ сокровищъ; на письмѣ стояла надпись: «царь Персей римскому императору *) Эмилію». Эмилій тотчасъ возвратилъ письмо посланному: въ адресѣ письма оказалось излишнее слово. Нѣкоторое время Персей еще пытался противиться могущественной судьбѣ, которая видимо рѣшилась положить конецъ македонскому царству. Но когда римскій флотъ причалилъ къ острову, когда послѣдняя попытка ускользнуть отъ римлянъ не удалась, Персей примирился со своею участью: вмѣстѣ со своимъ старшимъ сыномъ, онъ сдался римскому начальнику флота Октавію, который приказалъ препроводить его въ консульскій лагерь. Онъ не могъ сомнѣваться въ томъ, что ему предстоялъ самый страшный позоръ, какой только могъ постигнуть одного изъ преемниковъ Александра Великаго,—шествуя передъ колесницею побѣдителя, во время его тріумфа, онъ долженъ былъ доставить забавное зрѣлище галдящей толпѣ народа въ Римѣ. Отъ этого не могъ его

*) *Imperator*—въ первоначальномъ своемъ значеніи, былъ обычнымъ титуломъ *главнокомандующаго.*

избавить даже и самъ консулъ Эмилій, хотя, лично, онъ и не способенъ былъ сочувствовать этому варварскому обычаю древняго Рима. Однакоже, римскій консулъ оказался довольно гуманнымъ по понятію древнихъ, и приказалъ сказать царю, что отъ него самого вполнѣ зависитъ избавить себя отъ этой печальной крайности. Но послѣдній царь македонскій не нашелъ въ себѣ достаточно мужества для того, чтобы избрать смерть Демосѳена или Ганнибала. Такимъ образомъ онъ снизошелъ на одну ступень со своимъ союзникомъ, иллирійскимъ княземъ Генеіемъ, который сдался римскому претору Аницію, проклиная то корыстолюбіе, которое побудило его за ничтожную плату впутаться въ эту войну и утратить свои владѣнія.

Миръ. Новыя мѣры, принятыя для управленія Македоніею и Грецією.

Эмилій Павелъ былъ ненадолго задержанъ въ Греціи для приведенія въ порядокъ греческихъ дѣлъ, послѣ войны; вмѣстѣ съ комиссіею изъ 10 сенаторовъ приступилъ онъ къ введенію того устройства, которое Сенатъ призналъ необходимымъ. Республиканскій принципъ, рѣзко проведенный старымъ М. Порціемъ Катономъ (пріятелемъ Эмилія), былъ проведенъ здѣсь, при устройствѣ изстари-монархической страны, самымъ грубымъ образомъ и мало обѣщалъ добраго въ будущемъ: Македонія была подѣлена на четыре самостоятельныя свободныя государства—Амфиполь, Ѳессалонику, Пеллу и Пелагонію; и между ними еще установлено рѣзкое различіе: ни одинъ изъ гражданъ одной изъ этихъ республикъ не имѣлъ права пріобрѣтать земли въ области другой; даже заключеніе брачныхъ союзовъ между гражданами четырехъ республикъ было воспрещено. Данъ, уплачиваемая этими республиками Риму, была весьма умѣренна; изъ войскъ имъ оставлено было только такое количество, какое было необходимо для защиты границы отъ вторженія сѣверныхъ варваровъ; но, чтобы сохранить спокойствіе внутри страны, прибѣгли къ средству, почти напоминающему древне-ассирійское или вавилонское варварство: всѣ выдающіяся лица изъ государственныхъ дѣятелей и военачальниковъ были переселены въ Италію и поселены въ италійскихъ городахъ.

Тріумфъ Эмилія Павла.

Та же мѣра была примѣнена и къ Греціи, чтобы хотя нѣсколько успокоить эту страну, для которой болѣе прочная форма зависимости еще не была придумана. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ проявилась рѣшительная склонность къ царю Персею—въ Этоліи, Акарнаніи, Эпирѣ, Віотіи—указано было извѣстное число людей, которымъ предстояло сложить голову въ Римѣ; та же мѣра распространена была и на города Ахейскаго союза; около тысячи грековъ, которыхъ не трудно было разыскать, тѣмъ болѣе, что духъ партійной злобы и взаимной ненависти помогали въ этихъ розыскахъ, были увезены въ Италію, гдѣ участь ихъ вызвала зависть въ рабахъ и глубоко возмутила людей свободныхъ. Особому наказанію подверглись города Эпира, отпавшіе къ Персею и за это предоставленные войску римскому на разграбленіе. По дошедшимъ до насъ извѣстіямъ, 150.000 человѣкъ были при этомъ проданы въ рабство и составили такимъ образомъ наиболѣе цѣнную часть добычи. Эмилій не могъ этому воспрепятствовать: тамъ, гдѣ варварство овладѣваетъ цѣлымъ народомъ, воля одного человѣка оказывается безсильною; что касается лично Эмилія, то онъ проявилъ себя вполнѣ безкорыстнымъ человѣкомъ, вполнѣ соблюлъ свое достоинство, и на томъ тріумфѣ, котораго онъ былъ удо-

стоенъ по возвращеніи въ Римъ, онъ былъ едва-ли не единственнымъ утѣшительнымъ и радостнымъ явленіемъ во всемъ торжествѣ.

А между тѣмъ въ Римѣ еще никогда не видывано было зрѣлища, подобнаго этому тріумфу. Все, что досталось въ добычу побѣдителямъ,—сокровища греческаго искусства, картины и статуи, оружіе и воинскія машины, драгоцѣнная утварь и звонкая монета,—все это, въ теченіе трехъ дней, предназначенныхъ на торжество, носили и возили возами, въ громадномъ множествѣ, показывая народу. Драгоцѣннѣйшею приманкою тріумфа былъ несчастный царь македонскій со своими дѣтьми. Вслѣдъ за колесницею *императора* шло его побѣдоносное войско. И этотъ тріумфъ, дѣйствительно, былъ зрѣлищемъ необыкновеннымъ: современный греческій историкъ, Полибій, справедливо замѣчаетъ, что этотъ тріумфъ былъ заключительною сценою великаго историческаго развитія, увѣнчаніемъ и завершеніемъ котораго (*катастрофой*, какъ онъ выражается) было уничтоженіе македонскаго царства. Очень многимъ—по свидѣтельству Полибія—удалось еще не въ весьма преклонномъ возрастѣ пережить громадный переворотъ послѣднихъ 53 лѣтъ, происшедшій въ жизни Рима; болѣе всего отчетливымъ и яснымъ долженъ онъ былъ представляться сознанію самого тріумфатора, которому въ этотъ торжественный мигъ должна была неизбѣжно приходить на память одна изъ самыхъ потрясающихъ сценъ, въ исторіи римскаго государства вообще и въ фамиліи Эмиліевъ въ частности,—когда отецъ его, послѣ безнадежно потерянной битвы, кричалъ во слѣдъ трибуну Лентулу, что «теперь надо озаботиться только о защитѣ Рима, какъ столицы союзнаго государства». Въ ту пору, когда Римъ, послѣ битвы при Каннахъ, трепеталъ за свою жизнь, Эмилій Павелъ былъ 11-лѣтнимъ мальчикомъ; теперь, когда онъ вступилъ уже въ 61-й годъ и видѣлъ, какъ передъ его колесницею выступаетъ послѣдній потомокъ Александра Великаго, во всемъ тогда извѣстномъ мірѣ не было уже никого,—ни города, ни царства, ни федераціи,—которые бы, не потерявъ разсудка, рѣшились еще разъ вступить въ борьбу съ римскою республикою. Съ поразительною ясностью этотъ день гласилъ всѣмъ: Сенатъ и народъ римскій теперь стали преемниками правъ Александра Великаго.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Вліяніе и послѣдствія послѣдней борьбы. Начало римскаго всемірнаго владычества. Войны съ цѣлью раззоренія.

Рѣшительный переходъ Рима къ всемірному владычеству.

Въ данную минуту весь народъ и въ особенности его правящіе классы—все это поддалось одуряющимъ впечатлѣніямъ переживаемаго момента, а тѣ огромныя суммы звонкой монеты, которыя внесены были въ государственную казну послѣднимн войнами (одна только третья македонская война доставила около 23.000.000 р. с.), равно какъ и то, что досталось въ добычу участникамъ этихъ войнъ, возбудили въ массѣ даже обманчивое ощущеніе изобилія. Эти впечатлѣнія еще усиливались тѣми униженнѣйшими пожеланіями счастія, которыя отовсюду приходили въ Римъ. Изъ самыхъ различныхъ странъ являлись посольства съ золотыми вѣнками, или даже лично самыя владѣтельныя особы; такъ, явился братъ царя пергамскаго Атталъ, сынъ царя Масиниссы Масгаба, который прикинулся даже обиженнымъ, когда римляне заплатили за зерновой хлѣбъ, доставленный имъ Нумидянами, вмѣсто того, чтобы принять эти запасы, какъ должную дань отъ своего вассала; царь Прузій Виѳинскій, который всѣхъ превзошелъ въ льстивыхъ рѣчахъ, — онъ даже являлся всюду въ шапкѣ и тѣмъ старался всѣмъ показать, что онъ смотритъ на себя, какъ на вольноотпущенника римскаго народа. Тотъ же, кто, во время послѣдней войны, хоть на минуту поколебался или могъ быть заподозрѣнъ въ малѣйшемъ колебаніи, приближался теперь къ торжествующему Риму не иначе, какъ съ трепетомъ. Поразительнымъ примѣромъ той громадной мощи, какою обладала республика въ данную минуту, можетъ служить посольство К. Попилія Лэна къ царю Антіоху Эпифану Сирійскому, который, во время войны Рима съ Македоніей, рѣшился напасть на Египетъ, дабы на счетъ этой страны вознаградить себя за убытки, понесенные его отцомъ при заключеніи мира съ Корнеліемъ Сципіономъ. Антіохъ явился уже въ Нильской долинѣ, съ войскомъ; тогда совѣтники малолѣтняго государя, шестого изъ Птолемеевъ (*Филометора*), въ виду угрожающей опасности обратились въ Римъ и, въ то время, когда Сирійскій царь явился подъ стѣнами Александріи — римскій посолъ уже былъ на мѣстѣ. Царь, при свиданіи, протянулъ руку претору, который былъ ему знакомъ; Попилій, не принимая руки, передалъ царю грамоту отъ Сената, съ весьма опредѣленными требованіями. Онъ выжидалъ, пока царь читалъ; прочи-

Птолемей VI Филометоръ. Берлинскій мюнцъ-кабинетъ.

давъ грамоту, царь медлилъ отвѣтомъ, требовалъ времени на размышленіе; тогда римлянинъ очертилъ своимъ жезломъ на пескѣ кругъ около царя и его приближенныхъ. «Прежде чѣмъ ты выйдешь изъ этого круга», сказалъ Попилій, — «ты дашь мнѣ отвѣтъ, который бы я могъ передать Сенату». Такъ какъ это происходило послѣ сраженія при Пиднѣ, то размышлять долго не пришлось: царь принялъ римскій ультиматумъ, сказавъ: «я исполню желаніе Сената»,—и только послѣ этого римскій посолъ протянулъ ему руку, какъ другу и союзнику Рима. Новый самодержецъ, римскій Сенатъ, уже проявлялъ кое-какія деспотическія прихоти. Царю Эвмену Пергамскому, который во время войны поколебался на мгновеніе, хотя это колебаніе и не выказалось никакимъ яснымъ, осязательнымъ фактомъ,—Сенатъ явно выразилъ свою немилость; а *Родосцы*, такъ некстати сунувшіеся со своимъ посредничествомъ и тѣмъ самымъ заявившіе сомнѣніе въ могуществѣ Рима, могли отклонить отъ себя грозившую имъ войну только униженнѣйшею покорностью. По этому случаю, изъ множества дошедшихъ до насъ мнимыхъ рѣчей, сказанныхъ будто бы въ римскомъ Сенатѣ (а въ сущности представляющихъ риторическія упражненія позднѣйшаго времени), до насъ дошло только одно живое слово, дѣйствительно принадлежащее этому времени: рѣчь М. Порція Катона въ защиту Родосцевъ. Ораторъ еще представляетъ все переполненнымъ радостью, по случаю великой побѣды; онъ заявляетъ даже опасеніе, какъ бы «по поводу такого успѣха» всѣ не потеряли голову, что вообще весьма обычно между людьми. «Потому-то и говорю я, и тѣмъ болѣе—совѣтую, чтобы это дѣло (вопросъ о Родосцахъ) отложить рѣшеніемъ на нѣсколько дней, пока, послѣ такой великой радости, мы снова не совладаемъ съ собою». Весьма разумно и съ большою прямотою онъ указываетъ на то, что не одни Родосцы, а и «весьма многіе народы и націи» не желали бы такого «полнаго пораженія царя Персея»... «И можетъ быть даже вовсе не во вредъ намъ, а просто изъ опасенія, какъ бы не случилось нежелательное: когда мы никого изъ людей не будемъ болѣе бояться, то пожалуй мы только одни и будемъ господами, а всѣ остальные рабами». И затѣмъ продолжалъ: «официально Родосцы никогда бы не оказали поддержки Персею; даже и тотъ, кто хотѣлъ бы взвести на нихъ самое тяжкое обвиненіе, могъ бы только сказать: *они хотѣли бы быть нашими врагами:* ну, а съ которыхъ поръ такое желаніе можно считать заслуживающимъ наказанія? Какой законъ налагаетъ кару на человѣка, желающаго обладать болѣе чѣмъ 500 моргами земли? И если мы не оказывали особаго почета тому, кто и хотѣлъ-было нѣчто доброе сдѣлать, но все же не сдѣлалъ— го почему же мы станемъ съ особенною строгостью относиться къ Родосцамъ не за то, что они какое-либо зло сдѣлали, а за то, что зло сдѣлать хотѣли?» Въ возраженіяхъ оратору ссылались на высокомѣріе Родосцевъ... «А если бы даже и такъ?»—отвѣчалъ Катонъ,—«въ какомъ смыслѣ это насъ касается? Или ужъ васъ можетъ прогнѣвать даже то, что кто-либо можетъ быть высокомѣрнѣе васъ?»

По несчастію, былъ и такой вопросъ, въ рѣшеніи котораго большинство римскаго народа и даже самый этотъ честный и замѣчательный государственный дѣятель, такъ правдиво и разумно защищавшій Родосцевъ— Высокомѣріе народа.

не могли выказать того безпристрастія, которымъ дышала рѣчь Катона. Было на свѣтѣ такое государство, которому нельзя было извинить того, что нынѣ всепобѣдная республика должна была въ теченіе 20 лѣтъ трепетать передъ однимъ изъ его гражданъ; можно даже сказать болѣе: воспоминаніе о томъ времени, когда, по собственному выраженію Катона, «Ганнибалъ зубами терзалъ италійскую землю»—о тѣхъ страшныхъ пятнадцати годахъ, когда африкано-испано-галльское войско стояло въ Италіи,—лежало въ основѣ всей внѣшней политики мужей, которые, подобно Катону, провели юность и первые годы мужества въ этой тяжкой борьбѣ. Тотъ духъ страшной, непримиримой ненависти, который былъ вызванъ этою борьбою, проявлялся каждый разъ, когда рѣчь заходила о Карѳагенѣ.

Дѣла ливійскія.

До этого времени миръ съ Карѳагеномъ ничѣмъ не былъ нарушенъ, и карѳагеняне буквально выполняли всѣ свои обязательства по договору. Старательные, разсчетливые, изворотливые — они уже давно успѣли залѣчить тѣ раны, которыя войною были нанесены ихъ благосостоянію. Извѣстіе о томъ, будто бы карѳагенскій сенатъ давалъ ночную аудіенцію посольству Персея въ храмѣ бога-цѣлителя—въ такой же степени не заслуживаетъ довѣрія, въ какой степени вполнѣ вѣроятнымъ представляется намъ то, что многіе агенты Персея были, конечно, неоднократно приняты многими изъ вліятельнѣйшихъ представителей карѳагенской аристократіи. Собственно говоря, карѳагеняне даже и настолько не провинились, насколько провинились Родосцы, по вѣрному и точному замѣчанію Катона. Однакоже было нѣчто такое, что придавало особенную ядовитость *карѳагенскому вопросу* (если только мы можемъ употребить этотъ современный терминъ): эту окраску придавалъ вопросу нумидійскій царь *Масинисса*. Римляне возвеличили этого варварскаго князька, чтобы при его посредствѣ наблюдать за Карѳагеномъ и держать его подъ ударомъ; тотъ и исправлялъ эту обязанность, и воспользовался благорасположеніемъ къ себѣ Рима, чтобы нагло оттягать у карѳагенянъ такой клочокъ ихъ области, на который, по его воззрѣніямъ, онъ могъ заявить притязанія. Споръ изъ-за этого клочка затянулся: наконецъ, послѣ третьей македонской войны, послѣдовало въ Римѣ рѣшеніе дѣла въ пользу Масиниссы. Вскорѣ послѣ того, онъ, точно такъ же, захватилъ и другой клочокъ карѳагенской области. Карѳагеняне, которымъ воспрещена была даже самозащита, безъ разрѣшенія Рима, стали жаловаться въ Римѣ. Сенатъ медлилъ; наконецъ явилась комиссія, и возвратилась въ Римъ, не пріѣдя ни къ какому опредѣленному рѣшенію. Съ этой поры и до 160 г., этотъ карѳагенскій вопросъ сталъ жгучимъ, да притомъ онъ былъ и не очень простъ. Простымъ, можетъ быть, онъ являлся только для старшаго поколѣнія, для бойцовъ, сражавшихся при Каннахъ, подобно Катону; *альфою* и *омегою* подобныхъ дѣятелей, при каждомъ вопросѣ внѣшней политики, было только одно желаніе «*чтобы Карѳагенъ былъ раззоренъ*»—ибо они и въ дѣйствительности еще не могли отрѣшиться отъ опасенія, что этотъ ненавистный соперникъ Рима можетъ ожить въ грядущемъ. Въ противуположность этому, существовало и другое настолько-же простое воззрѣніе, проводимое однимъ изъ Сципіоновъ, родственникомъ побѣдителя при Замѣ—*П. Корнеліемъ Сципіономъ Назикой*, по которому *городъ Карѳагенъ именно слѣдовало сохра-*

нить, на томъ весьма вѣскомъ основаніи, которое Катонъ упомянулъ «въ защиту Родосцевъ»:—слѣдовало дѣйствительно опасаться того, что «Римъ все себѣ позволитъ, когда ему ужъ некого будетъ опасаться». Но и помимо этихъ различныхъ воззрѣній, каждый серьезный государственный дѣятель долженъ былъ прійти къ тому заключенію, что Карѳагенъ еще могъ представить опасность для Рима, даже и въ качествѣ столицы какого-нибудь царства Ливійскаго, подъ властью Масиниссы или одного изъ его преемниковъ. Что именно обладаніе Карѳагеномъ было крайнею цѣлью стремленій Нумидійца—варвара весьма честолюбиваго и лукаваго—это было слишкомъ явно для всѣхъ, а утонченная приниженность и льстивость, съ которыми онъ относился къ Сенату, конечно, не могли никому отвести глаза. Къ сожалѣнію, намъ очень немногое извѣстно изъ сенатскихъ обсужденій съ 160 по 150 гг., но, изъ событій предшествующихъ и послѣдующихъ, становится для насъ вполнѣ яснымъ, что именно около этого времени въ Римѣ начали убѣждаться въ полной непригодности той системы *вассальныхъ государствъ*, которая была допущена всюду на окраинахъ, и въ концѣ концовъ пришли къ такому выводу: слѣдуетъ отъ этой системы посредственнаго господства перейти къ системѣ господства непосредственнаго, т. е. превратить вассальныя государства въ *провинціи*. Стремленія, заявленныя Масиниссой, приводили къ тому, что примѣненіе этой системы и въ Африкѣ оказывалось не только желательнымъ, но даже необходимымъ: но это и должно было послужить смертнымъ приговоромъ Пунійскому городу; ибо этотъ городъ, съ этимъ населеніемъ, съ этою исторіею, съ этимъ положеніемъ, ни въ какомъ случаѣ не могъ-бы быть римскимъ провинціальнымъ городомъ,—настолько-же, насколько и въ гораздо болѣе позднее время не была имъ Александрія. Изъ всего хода дѣлъ видимъ, что въ Римѣ, въ теченіе нѣкотораго болѣе или менѣе долгаго періода времени, съ подобнымъ взглядомъ на участь Карѳагена вполнѣ освоились—и вотъ именно эта холодная безпощадность римской политики (гораздо болѣе, нежели самое раззореніе Карѳагена, весьма понятное послѣ трехъ-лѣтней ужаснѣйшей войны) и есть самое ужасное во всей этой исторіи.

Раззореніе Карѳагена рѣшено.

А это исторія одного изъ великихъ преступленій—исторія уничтоженія одного изъ живучихъ центровъ древняго міра! Римлянамъ очень кстати пришлись постепенно-возраставшія въ Карѳагенѣ неустройства, неурядица и борьба партій: — предлогомъ и поводомъ, въ особенности при новомъ поворотѣ въ политикѣ Сената, послужило неожиданное извѣстіе о томъ, что карѳагенское правительство, задираемое нумидійскимъ царькомъ, не находя себѣ защиты у римлянъ, которые не удостоивали его даже яснаго выраженія своей воли, рѣшилось наконецъ выступить противъ Нумидійцевъ съ оружіемъ въ рукахъ. Это было нарушеніемъ Сципіоновскаго договора; немедленно рѣшено было военное вмѣшательство въ дѣла Африки, и именно въ формѣ объявленія войны Карѳагену; слѣдуетъ однакоже замѣтить, что для этого вмѣшательства стали готовить войско весьма многочисленное и что это рѣшеніе не было измѣнено подоспѣвшимъ извѣстіемъ о томъ, что карѳагенское войско потерпѣло отъ Масиниссы полнѣйшее пораженіе. Несчастный городъ, которому предоставлено было на выборъ — либо безусловно подчиниться нумидійскому царю, либо—римлянамъ, пред-

почелъ подчиненіе римлянамъ; Утика, одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ карѳагенской области, уже отдѣлила судьбу свою отъ судьбы Карѳагена, и добивалась возможности попасть въ число союзныхъ римскихъ городовъ. Тѣмъ временемъ, римское войско, предводимое обоими консулами 149 года, переправилось въ Сицилію. Только оттуда уже данъ былъ отвѣтъ карѳагенскимъ посламъ: ихъ область, ихъ законы, собственность частная и государственная была имъ обезпечена: дальнѣйшихъ приказаній они должны были ожидать послѣ того, какъ представятъ консуламъ 300 заложниковъ. Это было исполнено; однакоже римское войско все-таки переправилось въ Ливію. Послѣднее слово все еще не было произнесено, хотя въ немъ почти не могло быть никакого сомнѣнія. Консулы *М. Манилій* и *Л. Марцій Цензоринъ*, которымъ предназначено было исполнить страшную обязанность палачей — потребовали обезоруженія, уничтоженія кораблестроительнаго матеріала, выдачи метательныхъ снарядовъ; и на это согласились;—и только тогда послѣдовалъ окончательный приговоръ: старый городъ подлежитъ очищенію и раззоренію, взамѣнъ чего Сенатъ дозволяетъ основать новый, но не ближе, какъ на разстояніи 10.000 шаговъ отъ моря.

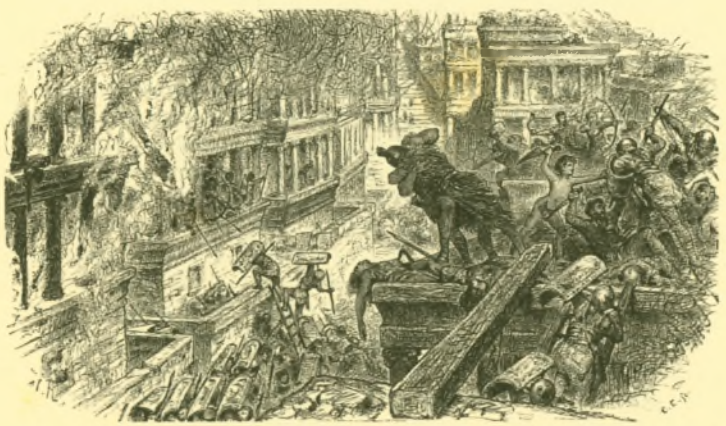
Карѳагенъ раззоренъ. 146.

Однакоже оказалось, по совершенно справедливому выраженію одного изъ карѳагенскихъ пословъ, что «легче убить народъ и оставить въ живыхъ городъ, чѣмъ убить городъ, пощадивъ народъ». Когда въ Карѳагенѣ прознали о неслыханномъ требованіи римлянъ, тогда весь этотъ народъ охваченъ былъ разомъ героизмомъ отчаянія и весь устремился къ послѣдней, съ самаго начала уже безнадежной и тѣмъ болѣе величавой борьбѣ на смерть. И этотъ народъ—о которомъ, если разсматривать его въ частности, можно немного разсказать достославнаго — показалъ теперь, что и кромѣ матеріальныхъ благъ (къ пріобрѣтенію которыхъ онъ такъ неутомимо и безпощадно стремился въ теченіе цѣлыхъ столѣтій) ему доступно было нѣчто высшее, облагораживающее человѣческую природу—его *національная честь*. Карѳагеняне съ ужасающею рѣшимостью и притомъ въ самое короткое время изготовились къ послѣднему бою, который долженъ былъ достославно закончить 800-лѣтнюю исторію города. Трехъ лѣтъ (149—146) борьбы стоило выполненіе смертнаго приговора, произнесеннаго Сенатомъ. Городъ Карѳагенъ лежалъ на полуостровѣ, который къ З. соединялся съ материкомъ узкимъ перешейкомъ, шириною въ $1^1/_2$ часа пути. Этотъ перешеекъ былъ защищенъ тройной стѣной въ пятнадцать метровъ вышины и въ десять — ширины. Восточная и сѣверная стороны города, обращенныя къ морю, были защищены одиночною стѣною; съ южной стороны городъ былъ прикрытъ Тунезскимъ озеромъ, которое было отдѣлено отъ моря лишь весьма узкою полосою земли. Здѣсь на Ю.-В. расположены были гавани карѳагенскія,—большая торговая гавань, которую запирали цѣпями, а позади ея, къ С., военная гавань; крайнимъ укрѣпленіемъ была Бирза, расположенная на С.-В. отъ военной гавани при морѣ, и высшимъ пунктомъ ея святилище, которое греческіе описатели называютъ храмомъ Асклепіада. Мы не беремся излагать случайности двухъ первыхъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ осада, повидимому, велась очень дурно. Старый царь Масинисса въ теченіе этого времени умеръ; точно также скончался и недальвидный сторонникъ раззоренія Кар-

Фагена, М. Порцій Катонъ; только на третій годъ, наконецъ, во главѣ войска явился начальникъ, который довелъ дѣло до конца. То былъ сынъ побѣдителя при Пиднѣ, одинъ изъ Эмиліевъ, черезъ усыновленіе перешедшій въ фамилію Сципіоновъ, *П. Корнелій Сципіонъ Эмиліанъ*. Онъ началъ съ того, что преобразовалъ (какъ нѣкогда отецъ его въ Оессаліи) разстроенное римское войско, затѣмъ пресѣкъ подвозъ припасовъ къ городу; тогда карѳагеняне рѣшились на послѣднюю попытку — проложить себѣ дорогу въ море, прорѣзавъ военную гавань каналомъ въ восточномъ направленіи, дабы внезапнымъ и быстрымъ нападеніемъ уничтожить римскій флотъ; но эта попытка не удалась, а болѣзни и голодъ сдѣлали свое дѣло — и тогда *Эмиліанъ* пошелъ на приступъ (весною 146 г.). Гавани, торговая площадь — были захвачены римлянами. Еще разъ произошла яростная битва въ улицахъ, которыя вели вверхъ къ Бирзѣ. Шесть дней, шесть ночей—такъ гласятъ источники—бушевали силы разрушенія, пока наконецъ не двинулось отъ замка шествіе несчастныхъ, молившихъ о пощадѣ; изъ 700.000 населенія оказалось на лицо всего 50.000 такихъ, которымъ еще можно было пощадить жизнь. Послѣднюю битву еще поддерживала укрывшаяся въ храмѣ бога-цѣлителя толпа отчаянныхъ храбрецовъ,—то были, вѣроятно, римскіе перебѣжчики или заклятые фанатики; послѣдній карѳагенскій полководецъ, Гасдрубалъ, вышелъ наконецъ изъ храма, умоляя побѣдителей о пощадѣ—и получилъ ее; не такъ поступила его супруга, которая, убивъ своихъ дѣтей, устремилась съ ихъ трупами въ пламя пылающаго храма и погибла подъ его развалинами, вмѣстѣ съ послѣдними защитниками Карѳагена.

Африка—провинція.

Послѣ того, какъ закончено было весьма мудреное дѣло полнаго раззоренія такого города, все городище его было вспахано плугомъ и жрецы римскіе произнесли надъ нимъ свои заклятія. Должно, однакоже, пред-



полагать, что дѣло раззоренія Карѳагена произведено было весьма основательно: кажется, какъ будто, вмѣстѣ съ городомъ, и народъ тоже былъ

убитъ, такъ какъ нигдѣ не уцѣлѣло даже и слѣда его. Вся территорія Карѳагенской области, съ этого времени, была уже управляема, какъ провинція; ея управитель, преторъ, поселился въ Утикѣ, и этой новой провинціи дано было названіе нынѣшней части свѣта—*Африка*.

Дѣла греческія.

Вполнѣ одинокимъ это возмутительное дѣяніе политики, безповоротно идущей по намѣченному пути къ опредѣленной цѣли—не осталось: новая система, усвоенная римскимъ Сенатомъ, требовала еще многихъ и многихъ жертвъ. *Восточныя* дѣла, находившіяся въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи, настоятельно побуждали къ введенію системы провинціальнаго управленія, вмѣсто системы непрерывныхъ вмѣшательствъ при посредствѣ римскихъ посольствъ. Въ высшей степени характеризующимъ эти отношенія является эпизодъ, побудившій аѳинянъ въ 155 г. отправить въ Римъ трехъ извѣстнѣйшихъ своихъ профессоровъ: знаменитаго академика *Карнеада*, стоика и перипатетика. Дѣло въ томъ, что городъ Аѳины, ради освобожденія себя отъ бѣдствія, весьма обычнаго въ Греціи, т. е. отъ тяжкаго безденежья, прибѣгъ къ средству весьма обычному въ Греціи, а именно, къ грабительскому набѣгу на г. *Оропосъ*, который въ давнія времена былъ постояннымъ яблокомъ раздора между Аттикой и Віотіей. По жалобѣ города, Аѳины были приговорены третейскимъ судомъ, устроеннымъ не безъ участія Рима, къ пенѣ въ 500 талантовъ:—и вотъ, задачею, предстоявшею тремъ философамъ для выполненія, были именно хлопоты о смягченіи этого пени. Они сдѣлали отличный оборотъ, и лично для себя, такъ какъ все юношество сбѣжалось къ нимъ учиться умѣнью говорить (учиться тому искусству діалектики и реторики, въ которомъ они еще не имѣли въ Римѣ соперниковъ), и городу своему принесли пользу, такъ какъ пеня, возложенная на Аѳины, была понижена до 100 талантовъ. И изъ этихъ 100 талантовъ оропейцы, конечно, ни одного и въ глаза не видали; пошли улаживанія, подкупы, обѣщанія, переливанія изъ пустого въ порожнее, и дѣло затянулось на нѣсколько лѣтъ... И это дѣло не было явленіемъ единичнымъ: полное экономическое разстройство рядомъ съ широко-распространившеюся и легковоспринимаемою способностью расплываться въ пышныхъ фразахъ—вызывало къ существованію массу людей отчаянныхъ и на всякое преступленіе способныхъ, и обоюдная ненависть одного округа къ другому, одного города къ другому, одной партіи противъ другой—постоянно держали страну въ состояніи напряженномъ. Римляне-же были, конечно, ненавистны этимъ обанкрутившимся людямъ, ибо они весьма естественно искали опоры порядку общественному въ классахъ имущихъ и ихъ всѣми силами поощряли и поддерживали.

Возстаніе въ Македоніи и Греціи.

И вотъ, въ 151 году, во *Ѳракіи*, въ тетрархіи *Амфипольской*, явился самозванецъ, который назвался Филиппомъ, сыномъ Персея. Нашелъ себѣ приверженцевъ, потому что республиканская форма правленія и разъединеніе македонской территоріи на четыре части были невыносимы для населенія. Въ 148 году, этотъ удалецъ, по имени Андрискъ *), былъ разбитъ

*) Младшій сынъ Персея, исправлявшій должность секретаря при одномъ изъ римскихъ чиновниковъ, умеръ незадолго передъ тѣмъ въ Италіи.

отрядомъ войскъ Кн. Цецилія Метелла. Этимъ римскимъ войскамъ тотчасъ отыскалась и другая работа: и въ Греціи, около того же времени, разразилось возстаніе, какъ и всегда, во имя свободы. Въ 150 году—послѣ многихъ неудавшихся попытокъ — и преимущественно по ходатайству Полибія (личными качествами и обширнымъ образованіемъ добившагося видной роли въ семьѣ Сципіоновъ), одного изъ ахейскихъ изгнанниковъ или выселенцевъ — удалось наконецъ добиться отъ Сената разрѣшенія, чтобы оставшіеся въ живыхъ ахейскіе изгнанники были наконецъ возвращены въ отечество. Благопріятному разрѣшенію этого вопроса много способствовала мѣткая фраза старика Катона: «мы цѣлый день тутъ сидимъ и совѣщаемся о вопросѣ важномъ: кому слѣдуетъ похоронить нѣсколько ахейскихъ стариковъ—нашимъ-ли римскимъ могильщикамъ, или ихъ, греческимъ?» Когда же эти изгнанники вернулись домой, то нашли все измѣнившимся. Оказалось, что Ахейскій союзъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на частныя права, которыя были предоставлены городу Лакедемону, хоть онъ и былъ переданъ во власть союза; тутъ велась война, одержана была побѣда, и, въ видѣ демонстраціи противъ Рима, на слѣдующій 150 годъ избранъ въ стратеги самый яростный противникъ ихъ, *Діэй*. Тогда римскій Сенатъ приказалъ, чтобы Лакедемонъ былъ выдѣленъ изъ союза. Этого ужъ въ Греціи никакъ не могли вынести; всѣ нашли въ высшей степени страннымъ, что римляне хотѣли воспрепятствовать ахеянамъ воспользоваться своимъ правомъ побѣдителей по отношенію къ Спартѣ, между тѣмъ какъ «вѣдь ахеянамъ и въ голову не приходило предписывать римлянамъ, какъ имъ слѣдуетъ поступить съ *Капуей*...» «Римлянъ желаемъ мы молъ видѣть своими друзьями, а не господами». На одномъ съѣздѣ, въ Коринѳѣ, ахейцы набросились на лакедемонцевъ, состоявшихъ уже подъ защитою римлянъ — и дѣло чуть не дошло до оскорбленія самихъ пословъ римскихъ. Радикальная партія наконецъ получила перевѣсъ надъ остальными и ахейскія войска уже изготовились къ захвату *Геркалеи* при Этѣ. Метеллъ, который только что успѣлъ справиться съ македонскимъ возстаніемъ, разбилъ ахейцевъ; предводитель отряда *Критолай* исчезъ, но былъ замѣненъ другимъ, еще болѣе радикальнымъ вождемъ, вышепомянутымъ *Діэемъ*, который даже и рабовъ сталъ освобождать для борьбы съ римлянами. Онъ имѣлъ даже дерзость, невдалекѣ отъ Коринѳа, при *Левкопетрѣ*, вступить въ открытомъ полѣ въ битву съ *Л. Мумміемъ*, преемникомъ Метелла (въ 146 г.), вмѣсто того, чтобы искать спасенія за стѣнами Коринѳа. Эта послѣдняя битва за какую-то мнимую свободу окончилась тѣмъ, что скопище Діэя было разсѣяно, а онъ самъ на себя наложилъ руки; Муммій вступилъ въ Коринѳъ и разорилъ городъ весьма основательно; большая часть находившихся въ городѣ сокровищъ искусства перенесена была въ Римъ. Вся Греція была принята въ непосредственное управленіе, подъ общимъ названіемъ *провинціи македонской*, во главѣ которой, цѣльной и нераздѣльной, какъ и прежде, поставленъ былъ преторъ римскій; управленіе отличалось мягкостью, и только на примѣрѣ Коринѳа (какъ во время Александра на городѣ Оивахъ) было указано всѣмъ въ назиданіе, чего именно должны ожидать всѣ ослушники воли великаго народа. Городъ Коринѳъ былъ

разворенъ, насколько можетъ быть разворенъ подобный городъ въ короткое время, а большая часть его населенія продана въ рабство. Нѣсколько поколѣній спустя, одинъ изъ римскихъ путешественниковъ описываетъ намъ печальныя развалины Кориноа; разорившій городъ консулъ Муммій, въ видѣ признательности за «удачно совершенныя имъ дѣянія», посвятилъ въ Римѣ особый храмъ Геркулесу (146 г.).

Македонская провинція. Борьба въ Испаніи.

Несравненно труднѣе было подчинить той же системѣ римской власти *Испанію*, и при борьбѣ съ тамошними племенами уже гораздо явственнѣе, чѣмъ прежде, стало въ римлянахъ выказываться то нравственное одичаніе и вырожденіе, которое одинаково охватывало и вождей римскихъ, и простыхъ воиновъ. По самому характеру страны и по ея населенію—*племенамъ кельтиберійскимъ*, очень неохотно покидавшимъ свои разбойническо-рыцарскіе набѣги и не легко примирявшимся съ мирнымъ теченіемъ жизни—оказалось необходимымъ постоянное содержаніе въ Испаніи сильнаго войска римскаго, тысячъ въ сорокъ. Однакоже энергическому консулу (195 г.) и прославленному безусловною своею справедливостью *Тиберію Семпронію Гракху*, удалось таки достигнуть (въ 179—178 гг.) нѣкотораго умиротворенія, которое, къ великому благу страны, и длилось до 154 года. Около этого времени, кельтиберійскія племена нашли себѣ поддержку въ новомъ возстаніи еще не покоренной юго-западной части полуострова, *Лузитаніи*; явился и вождь, достойный дѣла, въ лицѣ беззавѣтно храбраго *Виріата*, который совершилъ обычную въ Испаніи карьеру: былъ сначала разбойникомъ, потомъ предводителемъ нѣсколькихъ соединенныхъ шаекъ, затѣмъ народнымъ героемъ и царемъ цѣлаго народа. Легко можетъ быть, что возгорѣвшаяся въ Карѳагенѣ война, и столь плохое веденіе ея вначалѣ, повліяли на населеніе Испаніи. Восемь лѣтъ сряду (149—141) Виріатъ велъ весьма удачно войну противъ римскихъ войскъ, состоявшихъ подъ начальствомъ вождей неспособныхъ и нетвердыхъ въ словѣ. Только тогда, когда Виріатъ палъ отъ руки измѣнника изъ своихъ же приближенныхъ (ни мало не побѣжденный силою римскаго воинскаго искусства), эта *Лузитанская* война была наконецъ покончена, и южныя изъ испанскихъ провинцій могли быть успокоены.

Лузитанская и Нумантинская войны.

Между тѣмъ война не прерываясь продолжалась и въ сѣверной провинціи Испаніи. Вакцеи, Арваки и Нумантинцы—упоминаются здѣсь въ качествѣ племенъ руководящихъ, и вся борьба, мало-по-малу, сосредоточилась около главнаго города послѣднихъ—*Нуманціи*, въ верховьяхъ рѣки Дуэро. Римлянамъ нанесено было нѣсколько пораженій, и въ 137 году консулъ К. Гостилій Манцинъ могъ спасти и себя, и свое отовсюду окруженное войско, только при посредствѣ договора, написаннаго квесторомъ Тиберіемъ Семпроніемъ Гракхомъ, сыномъ претора 179 года; однакоже Сенатъ кассировалъ этотъ договоръ. Повидимому, въ Сенатѣ старались придать такой видъ всей этой борьбѣ, какъ будто тутъ вовсе никакой войны и не было, а только простой мятежъ: ну, а съ мятежниками развѣ можно вступать въ какіе бы то ни было государственные договоры? Только уже послѣ того, какъ борьба съ Нуманціей продолжалась еще два года, Сенатъ рѣшилъ наконецъ отправить въ Испанію *Сципіона Эми-*

ліана—раззорителя Карѳагена, о которомъ почти слѣдуетъ пожалѣть, что ему постоянно приходилось затрачивать свои выдающіяся силы на выполненіе такихъ недостойныхъ его задачъ. Онъ разрѣшилъ и эту задачу съ тою сосредоточенною и спокойною энергіей, которую унаслѣдовалъ отъ своего отца. И тутъ тоже ему пришлось начать съ пересозданія совершенно разстроенной и распущенной арміи въ настоящее римское войско. При этомъ случаѣ онъ ввелъ новый членъ въ организацію римскаго военнаго быта, и притомъ такой, который впослѣдствіи имѣлъ большое значеніе—то была *преторіанская когорта* (cohors praetoria)—отборный отрядъ изъ 500 человѣкъ, которые при особѣ полководца и его главной квартирѣ составляли ближайшую стражу тѣлохранителей. Собственно говоря, оборона Нуманціи уже сдѣлалась наконецъ совершенно безполезною, но борьба изъ-за стѣнъ все же продолжалась, такъ какъ испанцы и въ то время, и въ позднѣйшую эпоху славились своимъ умѣньемъ защищать твердыни. Наконецъ, однакоже, послѣ того, какъ нумантинцы все то сдѣлали, и все то вынесли, что доступно природѣ человѣческой, и даже болѣе того—оборона ослабѣла и городъ былъ взятъ; но для украшенія тріумфа побѣдителя—уцѣлѣло не многое; многіе изъ пощаженныхъ голодомъ, болѣзнями и римскимъ мечомъ, сами наложили на себя руки, чтобы не попасть въ плѣнъ къ побѣдителю. Городъ былъ раззоренъ (133), и это событіе, по отношенію къ внѣшней политики Рима, было до нѣкоторой степени заключительнымъ. Римлянамъ удалось наконецъ добиться мира и безопасности на всемъ томъ пространствѣ, которое до этой минуты составляло естественную сферу дѣятельности внѣшней политики Рима. Страшныя кары на Югѣ, Востокѣ и Западѣ, приведенныя въ исполненіе непреодолимыми римскими войсками—Карѳагенъ, Коринѳъ, Нуманція—достаточно ясно убѣдили народы въ ихъ полной немощи по отношенію къ далеко-превосходнѣйшей военной и государственной мощи Рима. Отнынѣ, съ полнѣйшею авторитетностью ежегодно высылаемые Сенатомъ и народомъ римскимъ правители—въ Лилибеѣ, Утикѣ, Кордубѣ и Ново-Карѳагенѣ, въ Ѳессаломикѣ, въ Аримининѣ и Сардиніи—правили указанными имъ областями, которыя несомнѣнно этимъ правителямъ были обязаны двумя великими благами: *миромъ* и *порядкомъ*. Тѣми же благами, хотя до извѣстной степени, пользовались и уцѣлѣвшія еще вольныя государства и государства союзническія, и даже государства, сохранившія свою независимость среди отдѣльныхъ римскихъ провинцій: ни одно изъ нихъ не дерзало затѣять ни военной сумятицы, ни иного какого-либо насилія, которое бы могло привести ихъ къ столкновенію съ Римомъ. Такимъ образомъ, достигнуто было многое: у тогдашняго культурнаго міра явился несомнѣнный центръ, резиденція высшей власти и авторитетной силы, къ которой обращались всѣ взоры, въ которую все стекалось—однимъ словомъ, столица въ совсѣмъ иномъ смыслѣ, нежели подобныя же столицы былого времени: Вавилонъ или Суза, или Ниневія, или даже Аѳины и Александрія.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Вѣкъ римскихъ междоусобныхъ войнъ.

(135 — 31 до Р. Х.).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Начало гражданскихъ смутъ въ Римѣ, вызванныхъ попытками реформъ Тиберія Семпронія и Кайя Семпронія Гракховъ. — Война съ Югуртой. — Кимвры и Тевтоны.

Вліяніе послѣднихъ событій на завоеванныя страны.

Мы прослѣдили весь ходъ внѣшнихъ событій, которыя привели къ такому величавому результату, какъ сліяніе всѣхъ странъ, по прибрежьямъ Средиземнаго моря, въ одно царство; мы ознакомились со всѣми этими войнами, битвами, мирными договорами, осадами и разореніями городовъ, и уже съ перваго же взгляда намъ должно было выясниться то, что всѣ эти событія должны были глубоко повліять на жизнь народовъ, вошедшихъ въ составъ этого царства, или хотя бы только съ внѣшней стороны соприкасавшихся съ ними. Для многихъ изъ числа этихъ народовъ это вліяніе было благодатнымъ—какъ напр. для *Испаніи*, гдѣ уже очень рано (206 и 171 г.) заложены были нѣкоторыя колоніи, напр. *Гиспалисъ* и *Картеха*, а послѣ окончательнаго завоеванія, уничтоженія разбоевъ на сушѣ и на морѣ, развилось оживленное торговое движеніе и латинскій языкъ сталъ быстро входить во всеобщее употребленіе. Не менѣе благодатнымъ было это вліяніе и для *Африки*, гдѣ гнетъ пунійцевъ, тяготѣвшій надъ мѣстнымъ ливійскимъ населеніемъ, смѣнился болѣе мягкими формами власти. Также и въ *Греціи*, и въ *Македоніи*, которыя уже неспособны были сами себя успокоить и которымъ мирныя занятія и обезпеченная промышленная дѣятельность были теперь какъ бы насильно навязаны римскимъ могуществомъ. Надо однакоже замѣтить, что, по особенно-счастливой случайности, римская власть нигдѣ слишкомъ глубоко не проникала во внутреннюю жизнь отдѣльныхъ городовъ, мѣст-

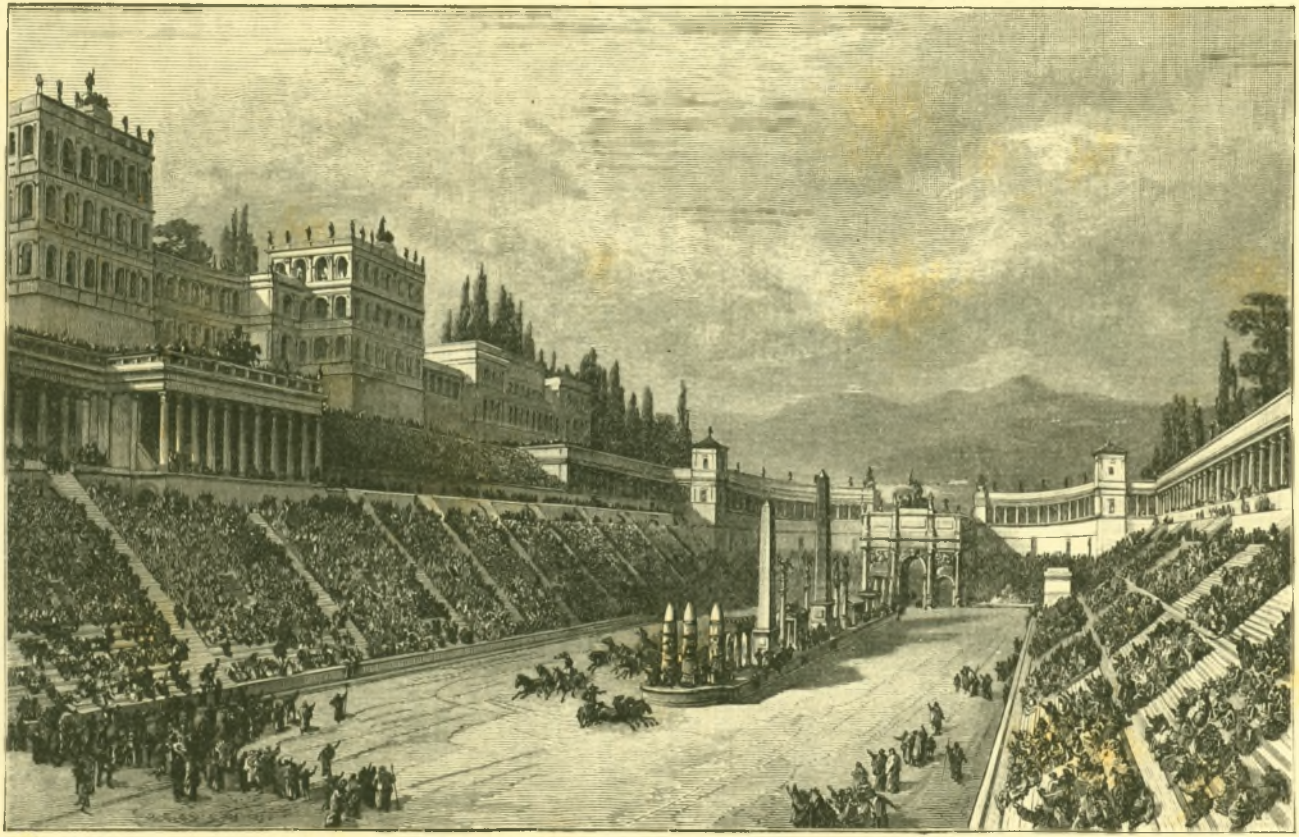
ностей, кружковъ населенія, и та перемѣна, которую всюду вносило новое политическое положеніе въ характеръ народовъ и въ бытовыя условія его жизни,—совершалась лишь медленно и постепенно. Совсѣмъ иное видимъ въ центральной мѣстности, въ господствующей надъ всѣмъ остальнымъ міромъ странѣ *Италійской*, гдѣ та же перемѣна произошла быстро и насильственно, въ краткій періодъ жизни нѣсколькихъ поколѣній, и потому самому вызвала во всѣхъ проявленіяхъ жизни самыя рѣзкія противорѣчія и противуположности.

Въ самой Италіи.

Въ особенности сильное измѣненіе произошло въ населеніи Италіи при посредствѣ громадной массы введенныхъ въ него рабовъ, что, можетъ-быть, было даже своего рода необходимостью во время второй Пунійской войны, при усиленной потерѣ въ людяхъ и ощутительномъ недостаткѣ въ рабочихъ силахъ. Мы узнаемъ, что въ теченіе одной только третьей македонской войны было продано въ рабство не менѣе 150.000 человѣкъ; при лигурійскихъ походахъ, охота за людьми была очевидно одною изъ главныхъ побудительныхъ причинъ къ войнѣ, которой помимо этого не трудно было бы положить конецъ, и то же самое, по крайней мѣрѣ, отчасти, слѣдуетъ замѣтить и о войнахъ въ Сѣв. Италіи, Сардиніи и Испаніи. Оптовая и розничная торговля рабами велась очень оживленно, и главнымъ рынкомъ оптовой торговли этимъ товаромъ былъ о. Делосъ въ Эгейскомъ морѣ; центромъ для розничной и мелкой торговли рабами служилъ храмъ Кастора въ Римѣ. Когда Катонъ отправлялся въ Испанію и ему показалось, что троихъ рабовъ, слѣдовавшихъ за нимъ, слишкомъ недостаточно для римскаго главнокомандующаго, онъ тотчасъ же, не замедляя своего отъѣзда, приказалъ прикупить еще двоихъ на форумѣ. Большинство этихъ рабовъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые оказывали непосредственное вліяніе на римскую внутреннюю жизнь, а именно — *рабы-ремесленники*, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, были греки или полу-греки и черезъ нихъ-то всѣ пороки утонченной культуры восточныхъ странъ, вмѣстѣ съ ихъ драгоцѣнными искусствами и знаніями, непосредственно проникали въ массу городского населенія, преимущественно римскаго; съ другой стороны, вмѣстѣ съ наплывомъ *полевыхъ рабовъ*, преимущественно изъ западныхъ и сѣверныхъ странъ — Галловъ, Испанцевъ, Сардинцевъ — въ римскую жизнь широкой волной вливалась грубость варварскихъ нравовъ. Эти вліянія гораздо болѣе непосредственно воздѣйствовали на высшіе классы общества, изъ среды которыхъ весьма многіе уже были знакомы съ греческою литературой, греческимъ искусствомъ и изяществомъ жизни на самой родинѣ ихъ, и охотно допускали это вліяніе. Мы уже видѣли, какъ сценическія представленія проникли на народныя празднества; тотъ Ливій Андроникъ, который поставилъ первую театральную пьесу на римской сценѣ, сдѣлалъ отличный оборотъ (240). Сначала преобладала *комедія*, и публика, присутствовавшая на представленіи, была далеко не избранною. Сюжеты пьесъ заимствовались преимущественно изъ такъ-называемой *средней* комедіи грековъ, изъ *Филемона* и *Менандра*, современниковъ Александра Великаго. Римскіе писатели, среди которыхъ *Т. Макцій Плавтъ* былъ знаменитѣйшимъ и значительнѣйшимъ, должны были, при переработкѣ, загрублять оригиналы,

Чуждыя вліянія въ жизни и литературѣ.

для того, чтобы они были лучше приняты публикой. Въ этой поэзіи проявлялся комизмъ испорченности и пошлости обыденной жизни; при этомъ не замѣчается даже и тѣни какихъ-нибудь высшихъ интересовъ (хотя бы въ формѣ политическихъ намековъ) и идеальное проявляется лишь въ нѣсколькихъ избитыхъ сентенціяхъ и этическихъ общихъ мѣстахъ. и эта *fabula palliata* («комедія въ греческомъ костюмѣ») совсѣмъ вытѣснила съ подмостовъ римско-латинскую національную комедію, такъ-называемую *fabula togata;* отъ этого послѣдняго литературнаго рода намъ уцѣлѣло всего только нѣсколько заглавій. Нѣкотораго рода успѣхомъ было уже и то, что, при посредствѣ *Кн. Нэвія*, прирожденаго Кампанца, участвовавшаго въ первой Пунійской войнѣ, явились подражанія и греческой *трагедіи* на римской почвѣ; но этотъ оригинальный талантъ не съумѣлъ поладить съ публикой (въ особенности знатныхъ классовъ) и его далеко превзошелъ своими успѣхами болѣе молодой его современникъ *Кв. Энній*, который какъ-то примѣнился къ вкусамъ правящихъ классовъ, съумѣлъ угодить нѣкоторымъ выдающимся лицамъ и семействамъ въ качествѣ литературнаго кліента и очень вѣрно угадать тонъ и направленіе современнаго высшаго римскаго общества. Онъ перевелъ на латинскій языкъ трагедіи Эврипида и для своихъ поэтическихъ *анналъ* (въ которыхъ воспѣвалъ великіе подвиги новѣйшихъ поколѣній) избралъ форму гекзаметрическую, а изложеніе историческихъ событій прикрашивалъ заимствованными изъ греческой поэзіи миѳами о богахъ и герояхъ. Такимъ образомъ духовный горизонтъ греческаго міра былъ расширенъ и на Италію, и въ особенности вся греческая миѳологія такъ тѣсно сплелась съ именами римскихъ и древнелатинскихъ божествъ и культовъ, что, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ классахъ сознаніе первоначальнаго значенія ихъ положительно стерлось. При этомъ чтеніе и изученіе научное давно уже стало въ Италіи широко распространившеюся потребностью, и между тѣмъ какъ между поэтами римскими ни одинъ не принадлежалъ къ высшимъ классамъ общества—первый сколько-нибудь заслуживающій вниманіи *историкъ, Кв. Фабій Пикторъ*, относится къ знаменитому роду Фабіевъ; любопытно, что и онъ, и ближайшіе его преемники писали по-гречески, и вынуждены были къ тому, такъ какъ старались распространить свои произведенія, носившія опредѣленный политическій характеръ, среди возможно бо̀льшаго круга образованныхъ читателей. Противъ подобнаго преобладанія греческаго вліянія во всѣхъ областяхъ поднялась наконецъ оппозиція, представителемъ которой и въ другихъ областяхъ, и въ литературной—явился *М. Порцій Катонъ*. Въ немъ, дѣйствительно, чистый древне-италійско-римскій типъ нашелъ себѣ послѣдняго представителя и защитника. Въ томъ немногомъ, что сохранилось намъ изъ его рѣчей, мы находимъ одобреніе всего непосредственно-практическаго и полезнаго, всѣхъ опредѣленныхъ знаній, всякаго серьезнаго плана жизни; мы видимъ въ нихъ свойственные ему полемическіе пріемы, поразительное остроуміе и юморъ вполнѣ своеобразный, совсѣмъ отличный отъ греческаго, и при этомъ послѣдовательное, ясное и въ общемъ даже весьма правдивое воззрѣніе на государственное дѣло и задачи; отъ него же дошли до насъ и отрывки историческаго труда, *Origines*,—въ которомъ онъ изображаетъ первоначальный, древнѣйшій



Circus maximus. Реконструкція по проекту Г. Релендера.

періодъ италійскаго національнаго государства, и доводитъ описаніе почти до своего времени; изъ этихъ отрывковъ убѣждаемся въ томъ, что въ лицѣ Катона древній родъ бойцовъ, выдержавшихъ ганнибаловскія войны, типъ древнихъ Римлянъ сошелъ въ могилу.

Соціальныя условія.

Протекло не мало времени, пока въ кружкахъ людей, руководившихъ обществомъ, обладавшихъ болѣе обширнымъ кругозоромъ и болѣе многостороннимъ свободнымъ, болѣе тонкимъ образованіемъ, явилось сознаніе того, что громадные военные успѣхи, что милліарды и милліоны сирійской, македонской и азіатской добычи, къ которымъ приходилось еще добавить частную добычу каждаго солдата,—что все это не оказало благопріятнаго вліянія на общее благосостояніе римскаго народа, какого пожалуй первоначально можно было-бы ожидать. Мало того: благосостояніе націи, въ совокупности своей, скорѣе даже рѣшительно подвинулось назадъ, несмотря на колоссальное возрастаніе богатства государственной казны, пополняемой возмѣщеніемъ военныхъ издержекъ, податями провинцій, доходами съ заморскихъ мѣстныхъ государственныхъ владѣній, несмотря на быстрое обогащеніе правящихъ фамилій и многихъ другихъ частныхъ лицъ. Сама столица, съ внѣшней стороны, представлялась все болѣе и болѣе блестящею. Уже въ 220 г. къ одному ристалищу, *Circus maximus*, — прибавилось другое, которое получило названіе *Фламиніева*, отъ имени полководца, потерпѣвшаго пораженіе при Тразименскомъ озерѣ, и къ однѣмъ торжественнымъ играмъ прибавились другія, такъ-называемыя *плебейскія* игры; около того же времени введено было празднество Цереры, а въ 212 г.—игры въ *честь Аполона*, въ 204 г., когда изъ Пессинунта въ М. Азіи былъ пересаженъ въ Римъ древній культъ «великой матери» *Кибэлы* (богини земли), установленъ былъ въ честь ея праздникъ *Кибэлы,* въ 173 г. ко всѣмъ этимъ празднествамъ добавленъ праздникъ Флоры. Населеніе города возрастало видимо и въ подавляющемъ количествѣ, и неоднократно случалось, что, для облегченія города, власти прибѣгали къ насильственному выселенію латинянъ, въ огромномъ количествѣ населявшихъ Римъ (въ 187 и 177 гг.). Между тѣмъ общее количество гражданъ, даже и въ мирное время съ 328.000 (159 до Р. Хр.) пало до 319.000 (131 г. до Р. Хр.), и тотъ, кто въ половинѣ II в. до Р. Хр. проѣзжалъ по Италіи, тотъ могъ уже по внѣшнему впечатлѣнію съ полною очевидностью замѣтить, въ какихъ нездоровыхъ общественныхъ и государственыхъ условіяхъ находилась вся страна. На всемъ Югѣ— въ Апуліи, Луканіи, Бруттіи — преобладало пастбищное хозяйство; громадныя стада съ весны перегонялись въ Самніумъ, въ горы, и съ наступленіемъ зимы возвращались снова въ Апулійскую равнину; небольшія владѣнія земледѣльцевъ-собственниковъ сократились въ числѣ не только въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя были особенно раззорены продолжительными войнами, но и вообще земледѣліе, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, исчезло. И изъ Средней Италіи земледѣліе было вытѣснено виноградарствомъ и маслиноводствомъ, и преобладающимъ типомъ землевладѣнія являлись большія имѣнія съ множествомъ рабовъ, среди которыхъ мѣстами уже видны были роскошные загородные дома владѣльцевъ и рядомъ съ ними жалкія хижины рабовъ и скромное жилье управителя (villicus). Въ Этру-

РИМСКІЙ ЛЕГІОНЕРЪ.

По модели, находящейся въ Римско-Германскомъ музеѣ въ Майнцѣ.

ріи — да вѣроятно и не въ ней одной — можно было всюду по дорогамъ видѣть, какъ работы производились въ поляхъ закованными въ цѣпи рабами, ни дать, ни взять, какъ на плантаціяхъ бывшей карѳагенской области. На сѣверѣ, въ долинѣ По, въ мѣстности чрезвычайно благопріятной для земледѣлія, невѣроятная дешевизна жизненныхъ припасовъ приводила къ тому, что трудъ земледѣльца уже не окупался. Это зло восходило еще ко временамъ ганнибаловскихъ войнъ; для пропитанія народа въ жестоко-раззоренной странѣ прибѣгли тогда къ помощи ввознаго заморскаго зерна—сицилійскаго, египетскаго, ливійскаго; многія имѣнія и усадьбы простыхъ землепашцевъ были тогда обезцѣнены и за безцѣнокъ скуплены людьми болѣе достаточными, а потомъ слиты въ болѣе обширные участки земель, для обработки которыхъ не мудрено было добыть себѣ дешевый рабскій трудъ на безчисленныхъ рынкахъ рабовъ, всюду открытыхъ войною. При этомъ оказалось на опытѣ, что на нѣкоторое время, и именно для крупнаго землевладѣнія, рабскій трудъ былъ выгоднѣе и дешевле труда свободнаго; какъ дешево было пропитаніе рабовъ, какъ не мудрено было держать массу ихъ въ уздѣ, какъ небезвыгодно можно было сбывать ихъ съ рукъ на аукціонахъ (вмѣстѣ со старымъ желѣзомъ и непригодными къ употребленію земледѣльческими орудіями), когда они становились старыми и болѣзненными—обо всемъ этомъ мы узнаемъ отъ такихъ представителей добраго стараго времени, какъ Катонъ, которые съ этою стороною новѣйшаго времени обжились довольно легко. Благодаря войнамъ, молодое земледѣльческое населеніе на долгое время отрывалось отъ своей земли и служба военная длилась настолько долго, что иногда и совсѣмъ отвлекала его отъ первоначальнаго призванія; и если даже онъ возвращался домой съ деньгами и съ вещевой добычей, то этого запаса не хватало, чтобы доставить ему возможность вступить въ борьбу противъ крупнаго землевладѣнія, между тѣмъ какъ проконсулу, претору, квестору, возвращавшемуся изъ побѣдоносной войны въ богатыя провинціи, ничего не стоило этому самому служакѣ и ему подобнымъ предложить какую вздумается, хотя бы даже и самую низкую, сумму за его трудъ, за его производство, и тотъ, ради своей пользы, долженъ былъ на все согласиться, хотя бы для того, чтобы попытать счастья на другихъ путяхъ — въ крайнемъ случаѣ даже въ Римѣ, гдѣ онъ хоть избирательнымъ-то голосомъ своимъ могъ воспользоваться, какъ извѣстнаго рода цѣнностью.

Внутреннее устройство государственное, какъ мы уже знаемъ, осталось демократическимъ и даже можно сказать сдѣлалось еще болѣе демократичнымъ въ своихъ формахъ. Въ сущности же, всемогущество власти, болѣе чѣмъ когда-либо, сосредоточивалось въ рукахъ немногихъ фамилій, среди которыхъ давно уже и въ силу высокаго общественнаго положенія, и въ силу унаслѣдованныхъ семейныхъ преданій, и въ силу разнообразной политической практики установилось извѣстнаго рода развитіе, которому много способствовали занимаемыя ими высокія государственныя должности и присутствованіе въ Сенатѣ; ко всѣмъ этимъ преимуществамъ и какъ бы удваивая ихъ значеніе, въ послѣднее время прибавилось еще и громадное обогащеніе. Эта знать состояла лишь въ самой незначительной своей части изъ древне-патриціанскихъ родовъ; среди патриціанскихъ консуловъ,

Внутреннее устройство.

въ періодъ времени отъ 366—173 гг. до Р. Хр., насчитываютъ представителей только 16 такихъ родовъ (gentes), среди которыхъ, напр., въ одномъ родѣ Корнеліевъ было не менѣе 30 именъ. Большую же часть составляли роды плебейскіе, поднявшіеся въ качествѣ служебной аристократіи и достигнувшіе положенія равнаго съ родовою аристократіею — такъ-называемое сословіе *благородныхъ*, которое, въ качествѣ замкнутаго кружка, стремилось все болѣе и болѣе къ тому, чтобы отстоять за своими семьями право на особое, привилегированное положеніе: а это положеніе—съ той поры, когда цари и народы отъ Гвадалквивира до Оронтеса стали униженно ухаживать за римскимъ Сенатомъ и каждымъ изъ его сочленовъ—это положеніе стало по-истинѣ царственнымъ, даже болѣе чѣмъ царственнымъ. И вотъ этотъ-то избранный кружокъ фамилій, съ завистливымъ соревнованіемъ постоянно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы всѣ выгодныя почести государственныя выпадали непремѣнно на долю одного изъ представителей ихъ кружка; и когда какой-нибудь неродовитый человѣкъ изъ народа стремился къ занятію одной изъ высокихъ должностей, которыя они себѣ отмежевали, то они всѣ, словно одинъ человѣкъ, возставали противъ него, какъ противъ дерзкаго нарушителя ихъ правъ. Клавдіевскій законъ 218 г. воспрещалъ сенаторамъ и сыновьямъ сенаторовъ вести морскую торговлю; законъ этотъ, который, конечно, не трудно было обойти, все же способствовалъ тому, что, рядомъ съ сословіемъ патриціанско-плебейской знати, образовался второй привилегированный классъ общества, классъ богачей, финансовыхъ тузовъ—сословіе *всадниковъ*. Въ новѣйшемъ періодѣ насталъ и на ихъ улицѣ праздникъ. Общій строй римскаго государства и быстрое распространеніе его могущества на громадныя пространства провинціальныхъ земель, почти вынудили правительство прибѣгнуть для собиранія даней, для эксплуатаціи заморскихъ казенныхъ земель къ той же *откупной* системѣ, которая давно уже примѣнена была въ Италіи для казенныхъ владѣній, для собиранія поземельныхъ податей и другихъ сборовъ. Крупные капиталисты или банкиры соединялись въ большія общества, которыя обезпечивали государственной казнѣ общую сумму дохода съ такого-то лѣса, такого-то пруда, съ такой-то провинціи, по приблизительному расчету, даже выплачивали этотъ доходъ впередъ, и за то получали право на *свой* счетъ и рискъ собирать подати съ такой-то провинціи и эксплуатировать ту или другую собственность. Интересы этихъ богачей и составляемыхъ ими акціонерныхъ обществъ не расходились съ интересами знати. Тому обществу, которое, напр., откупило подати въ Сициліи, былъ необходимъ преторъ этой провинціи и квесторъ, на которыхъ были возложены заботы о финансовой части въ управленіи этой провинціи. И это все способствовало къ достиженію одной и той же цѣли: нѣсколько расширить количество крупныхъ богачей, въ особенности же увеличить до невѣроятной цифры богатства этихъ богачей, а число собственниковъ средней руки и въ особенности благосостояніе этихъ мелкихъ собственниковъ болѣе и болѣе уменьшить.

Благородное сословіе. Всадники.

Народъ.

Постепенное *исчезновеніе средняго сословія* и въ особенности сословія свободныхъ землепашцевъ средняго состоянія, которое нѣкогда служило главною основою могущества республики, стало наконецъ бросаться въ

глаза, какъ тяжкое соціальное и политическое бѣдствіе. Римское правительство, Сенатъ и чиновники, не могли этого бѣдствія не замѣтить и даже пытались противъ него бороться обычными въ былое время средствами—напр. *основаніемъ новыхъ колоній*, которыхъ въ періодъ времени между 218—133 г. основано было не менѣе 45; но конечно это не приводило ни къ какому результату. Это зло, какъ и всѣ ему подобныя, переплелось и перепуталось съ цѣлою сѣтью подобныхъ же соціальныхъ золъ и вызвало необходимость реформы, которую могъ предпринять только человѣкъ дальновидный и увѣренный въ себѣ, только первоклассный человѣкъ государственный и притомъ съ такимъ вѣсомъ, который бы исключалъ всякія сомнѣнія. Такимъ человѣкомъ могъ быть развѣ *Сципіонъ Эмиліанъ*, и всѣмъ было извѣстно, что въ кружкѣ Сципіоновъ лелѣялись подобные замыслы великихъ реформъ. К. Лэлій, другъ Эмиліана, предложилъ, въ качествѣ народнаго трибуна, новый законъ о распредѣленіи земель, но тотчасъ же и взялъ его обратно, испугавшись громадныхъ трудностей его проведенія; къ тому же кружку принадлежалъ и совсѣмъ еще молодой человѣкъ, который теперь рѣшился взять этотъ вопросъ въ руки: Тиберій Семпроній Гракхъ, по матери своей, Корнеліи, внукъ побѣдителя при Замѣ.

Попытки реформъ; Тиберій Гракхъ.

Корнелія, мать юнаго Гракха, которую представляютъ женщиною необычайно-умною и развитою и притомъ высоконравственною, и отецъ его, который, по доброму римскому обычаю, во многихъ и различныхъ должностяхъ послужилъ на пользу обществу съ замѣчательнымъ безкорыстіемъ и тактомъ истинно-государственнаго человѣка (въ особенности же заслужилъ большую признательность своимъ управленіемъ въ Испаніи),—оба развили въ своихъ сыновьяхъ, старшемъ—Тиберіи, и младшемъ—Кайѣ, съ самой ранней юности, высокое, чисто-идеалистическое честолюбіе; у старшаго брата къ этому прибавилась еще дружба съ нѣсколькими благороднонастроенными мечтателями-греками, придерживавшимися стоическихъ воззрѣній, и когда въ 133 г. онъ сталъ добиваться трибуната, то уже не скрывалъ своего намѣренія — ознаменовать свое вступленіе въ должность крупнымъ реформаторскимъ мѣропріятіемъ. Это мѣропріятіе, съ которымъ онъ и выступилъ, какъ только былъ избранъ въ трибуны, состояло въ томъ, что онъ предложилъ возобновить знаменитый законъ Лициніи-Секціи (367 г.), по которому никто не могъ обладать болѣе какъ 500 югерами общественной земли. По этому *Семпроніевскому* аграрному закону, признавалось возможнымъ добавленіе еще 500 югеровъ для отцовъ, имѣющихъ болѣе одного сына; излишекъ же земли слѣдовало подѣлить между нуждающимися гражданами въ видѣ жребіевъ, размѣромъ доходящихъ до 30 югеровъ, которые, затѣмъ, уже не могли быть отчуждаемы продажею и должны были нести на себѣ самыя умѣренныя подати. Для приведенія закона въ дѣйствіе, плебсъ долженъ былъ ежегодно избирать комиссіи изъ трехъ выборныхъ.

Возбужденіе, вызванное этимъ предложеніемъ въ средѣ высшихъ сословій, было неописуемо. О Лициніевомъ законѣ всѣ давно уже и позабыли, а правящіе классы давнымъ давно уже перестали различать дѣйствительную личную собственность отъ захваченной ими казенной земли;

се и закладывали, и въ ипотечныя условія ставили, и дарили, и наслѣдовали,—и вотъ все общество поднялось противъ неслыханнаго новшества съ такою яростью, какъ будто нарушались вполнѣ законно-пріобрѣтенныя имъ права на владѣніе неоспоримою собственностью. Тиберію Гракху уже и то приноситъ великую честь, что онъ устоялъ въ этой первой бурѣ. Онъ и не остался безъ поддержки, такъ какъ многія высокопоставленныя лица высказались за него въ Сенатѣ, какъ, напримѣръ, знаменитѣйшій знатокъ права въ тогдашнемъ Римѣ, *П. Муцій Сцевола*, такъ какъ, съ точки зрѣнія юридической, предложеніе Гракха не представляло собою ничего противозаконнаго. Но у аристократовъ въ рукахъ было простое средство избавиться отъ ненавистнаго предложенія—*трибунское veto*, у котораго они давно уже отняли первоначальное значеніе, подчинивъ его своему произволу. Трибунство, въ теченіе весьма продолжительнаго періода времени, было сильнымъ орудіемъ въ рукахъ плебейской аристократіи противъ патриціата; но теперь предложеніе Гракха одинаково угрожало всей знати, а потому не трудно было найти трибуна (М. Октавія), который кассировалъ предложенный Гракхомъ законъ. Но Гракхъ приступалъ къ своей реформѣ съ полною серьезностью и полною непринужденностью человѣка, убѣжденнаго въ своей правотѣ и проникнутаго своею идеею; онъ пытался отговорить Октавія; по одному извѣстію, онъ дошелъ даже до такой наивности, что предлагалъ ему возмѣстить его возможные убытки изъ своихъ личныхъ, Тиберіевскихъ, средствъ, и когда Октавій устоялъ на своемъ, Гракхъ рѣшился испробовать еще одно орудіе былыхъ временъ: наложилъ запрещеніе на дѣятельность всѣхъ другихъ сановниковъ впредь до проведенія въ дѣйствіе его законнаго предложенія. Но оказалось, что орудіе это уже не дѣйствуетъ и что никто не желаетъ такому закону повиноваться. Однакоже, этотъ юноша съ кроткою внѣшностью и такимъ мягкимъ темпераментомъ оказался юношей весьма серьезнымъ; онъ съумѣлъ извернуться и поразить своекорыстную оппозицію въ самое сердце: онъ поднялъ вопросъ о томъ, можетъ-ли трибунъ, явно исправляющій свою обязанность въ ущербъ всему плебсу, оставаться далѣе трибуномъ? И предложилъ этотъ вопросъ на рѣшеніе комицій народныхъ, такъ какъ Октавій все еще упорствовалъ. Всѣ трибы высказались противъ Октавія, который тотчасъ же былъ смѣщенъ и замѣщенъ другимъ новоизбраннымъ трибуномъ. И вотъ, законъ прошелъ, комиссія была избрана: самъ Тиберій, его братъ Кай, находившійся въ отсутствіи, и его тесть—Аппій Клавдій Пульхеръ. Дальнѣйшій законъ, проведенный безъ всякихъ затрудненій, передалъ въ руки этихъ троихъ мужей и законное право произнесенія рѣшеній, по которымъ тотъ или другой участокъ земли могъ быть отнесенъ къ землямъ государственнымъ или къ частной собственности.

Гибель Гракха 133 г.

Смѣщеніе трибуна во время его служебнаго года было по меньшей мѣрѣ шагомъ революціоннымъ; тамъ, гдѣ можно взывать къ высшей власти большинства такимъ образомъ, и гдѣ простое голосованіе можетъ уже въ одно мгновеніе рѣшать всякія политическія задачи,—тамъ ужъ нѣтъ закона, тамъ господствуетъ произволъ народа и все зависитъ отъ благорасположенія того или другого народнаго вождя. И Тиберій Гракхъ

тоже не могъ остановиться на первомъ своемъ шагѣ. Ради своего дѣла и ради собственной безопасности, онъ обязанъ былъ выступить на выборы и въ слѣдующемъ году; но эти выборы не состоялись вслѣдствіе того, что противная Гракху сторона сослалась на законъ, по которому вторичное вступленіе въ ту же общественную должность могло быть допущено только послѣ 10-тилѣтняго промежутка (законъ 342 года); однакоже Гракхъ не унимался, и чтобы поддержать свои выборы, указывалъ въ будущемъ на многіе другіе, важные для народнаго блага, законы, которые собирался предложить. Одно изъ подобныхъ предложеній было даже проведено имъ: оно касалось казны царя Аттала III Пергамскаго, который умеръ бездѣтнымъ и потому назначилъ наслѣдникомъ своимъ римскій народъ; Гракхъ предлагалъ обратить эту богатѣйшую казну на первое обзаведеніе новосозданныхъ его закономъ землевладѣльцевъ. И не Сенатъ, а именно народъ долженъ былъ рѣшить, какъ надлежитъ поступить съ наслѣдствомъ, выпавшимъ на долю римскаго народа.

Именно въ этотъ день выбора трибуновъ и дошло уже до открытаго насилія. Огромное большинство Сената рѣшилось не допустить вторичнаго избранія опаснаго народнаго представителя и даже предполагало вовлечь его въ процессъ, какъ только священная его обязанность уже не будетъ ему служить защитой: въ этомъ случаѣ законъ былъ на ихъ сторонѣ. Сенатъ былъ въ полномъ сборѣ въ одномъ храмѣ, а на вершинѣ Капитолійскаго холма, противъ Юпитерова храма, собралась толпа противниковъ и сторонниковъ Тиберія Гракха, и въ той толпѣ находился онъ самъ налицо. Тутъ дѣло дошло до сумятицы и до насильственныхъ дѣяній между партіями, и жрецы храма поспѣшили затворить двери святилища; этимъ-то моментомъ и воспользовалась партія фанатиковъ Сената для насильственнаго переворота. Вопреки приказанію консула, предсѣдательствовавшій надъ жреческимъ сословіемъ *П. Корнелій Сципіонъ Назика* вскочилъ со своего мѣста и съ крикомъ: «кто хочетъ спасти республику, тотъ слѣдуй за мной!»—устремился съ прочими сенаторами на Капитолійскій холмъ. Въ той давкѣ и сумятицѣ, которая произошла при появленіи сенаторовъ или только возобновилась съ новымъ ожесточеніемъ, Тиберій былъ убитъ (133).

Смерть Сципіона Эмиліана.

А между тѣмъ революціонное движеніе, начавшееся смѣщеніемъ Октавія, не могло улечься даже и послѣ того, какъ тѣла убитыхъ въ этой схваткѣ гражданъ были брошены въ Тибръ. Самый вопросъ о передѣлѣ земель взбаломутилъ всѣ страсти и какъ бы вызвалъ на поверхность цѣлый рядъ политическихъ и общественныхъ задачъ. Какъ разъ въ разгаръ возбужденія, которое еще болѣе разжигалось и возрастало вслѣдствіе озлобленнаго преслѣдованія приверженцевъ погибшаго Гракха, Сципіонъ Эмиліанъ возвратился въ Римъ изъ Испаніи. Онъ положительно не одобрялъ ни средствъ, ни путей, которыми стремился къ цѣли его покойный родственникъ, и при извѣстіи о его смерти изрекъ ему свой приговоръ въ видѣ извѣстнаго гомеровскаго стиха: «такъ и другой да погибнетъ, кто подобное дерзко зачнетъ»;—однакоже онъ не могъ уклониться отъ обязанности опредѣленно высказаться въ самомъ вопросѣ о реформѣ, которая теперь настойчиво требовала разрѣшенія. Аграрный законъ, который уже

былъ въ полномъ примѣненіи, нанесъ прямой ущербъ интересамъ нѣкоторыхъ союзническихъ общинъ, владѣвшихъ римскою общественною землею, и Сципіонъ рѣшился принять на себя защиту ихъ интересовъ въ весьма широкомъ политическомъ смыслѣ. Вскорѣ послѣ того, по приговору народа, онъ съумѣлъ отнять у комиссіи, занимавшейся распредѣленіемъ земель, ея право юрисдикцію,—то-есть право рѣшенія вопроса, кому именно, государству-ли или частному лицу принадлежитъ извѣстный участокъ земли; по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ намѣревался этимъ путемъ придать дѣлу передѣла болѣе спокойное теченіе и направить его къ взаимному соглашенію, при чемъ и Сенату былъ бы возвращенъ весь его прежній авторитетъ. Однакоже, ему не было суждено провести это дѣло до конца: въ самый канунъ того народнаго собранія, въ которомъ онъ думалъ обратиться къ народу съ рѣчью, онъ умеръ внезапно. Былъ-ли онъ также жертвою партійной злобы, какъ вѣроятно это тотчасъ послѣ событія предположили и впослѣдствіи полагали,—это едва-ли можно выяснить безусловно. Политическій противникъ его, Метеллъ, побѣдитель лже-Филиппа, отпуская сыновей своихъ на похороны Сципіона, не даромъ сказалъ о немъ: «ступайте, дѣти мои, вамъ никогда не придется присутствовать на похоронахъ болѣе великаго гражданина».

Новое возникновеніе вопроса о союзникахъ.

На мгновеніе, *вопросъ о союзникахъ* вновь выдвинулся на первый планъ. Выборные люди изъ разныхъ латинскихъ общинъ въ большомъ количествѣ собрались въ Римъ. Партія реформы добилась того, что одинъ изъ ея сторонниковъ, *М. Фульвій Флаккъ*, былъ избранъ въ консулы на 125 годъ, и въ угоду латинянамъ провелъ такое предложеніе, по которому каждый латинянинъ имѣлъ право добиваться пріема въ полное римское гражданство у римскаго народа. Отверженіе этого предложенія повело къ возстанію латинскаго города *Фрегеллэ*, которое было подавлено послѣ кровавой борьбы; однакоже этотъ фактъ доказывалъ ясно, что и союзники теперь не прочь принять участіе въ общемъ движеніи.

Кай Гракхъ, его законодательство и государственные планы.

Это движеніе нашло себѣ и подходящаго вождя въ томъ государственномъ дѣятелѣ, который указалъ ему и пути, и цѣли:—въ младшемъ братѣ Тиберія, *Кайѣ Гракхѣ*, который дотолѣ былъ квесторомъ въ Сардиніи, а на 123 годъ сталъ добиваться трибунства. Какъ ораторъ и какъ государственный человѣкъ онъ былъ значительно выше Тиберія и къ тому же нашелъ уже до нѣкоторой степени организованную партію, въ которой проводимыя имъ идеи успѣли уже выясниться и укорениться; самъ онъ выросъ и развился въ тѣхъ мысляхъ, что онъ долженъ вести далѣе дѣло брата и въ то же время быть его мстителемъ. То былъ одинъ изъ тѣхъ счастливо-одаренныхъ людей, которые умѣютъ соединять въ себѣ, съ пылкостью страсти и юности полную трезвость сужденій зрѣлаго разума, привыкнувшаго взвѣшивать всѣ шансы дѣйствительности; поэтому онъ приступилъ къ дѣлу съ ясно-обдуманной политической программой. Вступивъ въ должность трибуна, онъ прямо выступилъ передъ народомъ съ цѣлымъ рядомъ законовъ: мы не знаемъ всей послѣдовательности ихъ, но ихъ общая связь и общее направленіе для насъ совершенно ясны. Одинъ *аграрный законъ* долженъ былъ въ нѣсколькихъ пунктахъ дополнить законъ его брата, которымъ вопросъ уже былъ рѣшенъ въ суще-

ственнѣйшихъ своихъ частяхъ; особый *зерновой законъ* (lex frumentaria) обязывалъ государство, за самую низкую цѣну, снабжать каждаго гражданина изъ общественныхъ магазиновъ извѣстнымъ количествомъ зерна; *законъ о военной службѣ* сокращалъ срокъ военной службы для римскихъ гражданъ и обмундированье воиновъ относилъ на счетъ государственной казны; еще другой законъ касался упорядоченія въ управленіи новой провинціей римскаго государства, *Азіей*, которая перешла во власть Рима со смертью послѣдняго Пергамскаго царя; и наконецъ *судейскій законъ* (lex judiciaria) требовалъ измѣненія въ устройствѣ суда въ томъ смыслѣ, чтобы рядомъ съ сенаторами (изъ нихъ составлялись комиссіи для гражданскихъ и уголовныхъ процессовъ) въ списокъ судей заносилось и равное число судей изъ *сословія всадниковъ*; по другой редакціи этого же закона сенаторы были даже вовсе исключены изъ списка судей и суды переданы въ руки всаднической сословія. Несчастный *зерновой* законъ привлекъ нищихъ изъ сословія римскихъ гражданъ со всей Италіи въ Римъ и положилъ основу столичному пролетаріату; но этотъ законъ трибуну былъ необходимъ, чтобы имѣть возможность постоянно разсчитывать на эту столичную толпу; безъ нея же онъ не могъ бы провести свои остальныя законныя предложенія, а между тѣмъ этимъ закономъ онъ отвлекалъ ее отъ вліянія нѣкоторыхъ сенаторовъ; *судейскимъ* закономъ онъ также отнялъ у государства одну изъ основныхъ опоръ его могущества, внесъ раздоръ между обоими привилегированными классами, сенаторами и всадниками, и послѣднихъ привлекъ на свою сторону. Та же тенденція—подрывъ могущественнаго положенія Сената—просвѣчивала и въ другомъ его предложеніи, по которому провинціи, назначаемыя въ управленіе ежегодно избираемымъ консуламъ, были бы уже назначаемы сенатомъ *до* консулярныхъ комицій, что должно было ставить выбранныхъ затѣмъ консуловъ въ гораздо болѣе независимое отъ Сената положеніе; самыя же комиціи онъ собирался преобразовать по образцу вполнѣ демократическому, такъ, чтобы порядокъ, въ которомъ на будущее время должно было происходить голосованіе по центуріямъ, не стоялъ бы ни въ какой зависимости отъ имущихъ классовъ и опредѣлялся бы просто жребіемъ. И другіе подобные же законопроекты, составленные все въ томъ же исключительно-демократическомъ направленіи, были внесены коллегами Кайя Гракха. Особенно важны были предложенія, касавшіяся выселенія колоній, при чемъ впервые задуманы были колоніи внѣ Италіи, и между ними колонія *Юнонія*, на почвѣ древняго Карѳагена; но важнѣйшій изъ всѣхъ Гракховскихъ законовъ (можетъ-быть, потому именно онъ и выступилъ съ нимъ позже всѣхъ остальныхъ) касался *союзниковъ* и предлагалъ даровать права полнаго римскаго гражданства всѣмъ латинянамъ, а права, которыми пользовались латиняне, притомъ съ облегченнымъ переходомъ къ полноправному римскому гражданству,—всѣмъ италійскимъ союзникамъ: однимъ словомъ, онъ проектировалъ установить обще-италійское право государственнаго гражданства намѣсто римскаго права городского гражданства.

Высокое положеніе К. Гракха.

Большую часть этихъ законовъ К. Гракхъ безъ особенныхъ усилій провелъ въ теченіе перваго года своего трибунства. А такъ какъ онъ въ то же самое время руководилъ и ихъ выполненіемъ, то онъ на самомъ дѣлѣ

явился правителемъ государства на все то время, пока могла продлиться его популярность: ибо ни одинъ прирожденный царь въ совершенно самодержавномъ государствѣ не можетъ быть могущественнѣе популярнаго народнаго вождя въ демократіи, нестѣсняемой никакими рамками. Созданіе новыхъ судовъ, выселеніе новыхъ колоній, организація раздачи зернового хлѣба, тѣсно-связанное съ новыми аграрными условіями проведеніе новыхъ дорогъ и путей, — все это ставило великаго трибуна въ обязательныя отношенія къ множеству служащихъ и должностныхъ лицъ, состоявшихъ въ его распоряженіи, и создавало ему массу кліентовъ; при этомъ онъ получалъ и полнѣйшую возможность выказать свой высокій умъ, свой организаторскій талантъ, всѣ лучшія стороны своей природы, какъ бы созданной для руковожденія обществомъ и господствованія надъ нимъ, и это совершенно исключительное, мощное, величавое положеніе, занятое Гракхомъ, еще гораздо болѣе, чѣмъ самое содержаніе всѣхъ его законовъ и законопроектовъ, напугало всю знать, а среди вожаковъ ея вызвало рѣшимость, во что бы то ни стало и какимъ бы то ни было способомъ избавиться отъ этого опаснаго человѣка.

Гибель К. Гракха.

Положеніе, подобное тому, которое занялъ К. Гракхъ, естественно возбуждало зависть и интриги со стороны посредственности, которая умѣетъ отлично разнюхать всѣ пробѣлы и всѣ слабыя стороны подобнаго положенія. Одна изъ подобныхъ слабыхъ сторонъ состояла въ томъ, что Кай, при выполненіи своихъ плановъ, опирался главнымъ образомъ на свою популярность среди столичной толпы, слѣдовательно, среди наименѣе надежной части римскаго гражданства, и тутъ именно явилась у Сената точка опоры противъ него. К. Гракхъ безъ малѣйшаго затрудненія избранъ былъ въ трибуны и на второй годъ (122 г.); между сотоварищами его находился между прочимъ и представитель плебейской аристократіи, *М. Ливій Друзъ*. При его-то помощи привилегированный классъ и задумалъ учредить то, что одинъ старый писатель называетъ *антидемагогіей*, т. е. превзойти самого Гракха популярными своими законопроектами и такимъ образомъ подорвать его значеніе въ глазахъ толпы. И вотъ Ливій обнародовалъ цѣлый рядъ законопроектовъ: первый изъ нихъ ограничивалъ карательную власть римскихъ сановниковъ по отношенію къ *союзникамъ* въ военное время; второй вносилъ нѣкоторыя незначительныя улучшенія въ Семпроніевъ аграрный законъ; по третьему законопроекту предполагалось въ самой Италіи поселить еще 12 колоній, по 3000 гражданъ каждую, о которыхъ, конечно, Ливій не говорилъ, гдѣ именно найдется для нихъ мѣсто. Грубая уловка удалась и начала оказывать вліяніе: и выяснилось, что популярность Кайя Гракха какъ разъ была поколеблена на той реформѣ, которую слѣдуетъ считать самою спасительною и самою дальновидною изъ всѣхъ имъ задуманныхъ,—на *законъ о союзникахъ;* а этотъ законъ имѣлъ цѣлью распространить римское правс гражданства на все свободное населеніе Италіи и этимъ самымъ дать римскому государству новую, болѣе широкую и болѣе здоровую основу. Что этотъ законопроектъ менѣе всего могъ быть популярнымъ среди столичнаго гражданства, само собою разумѣется. Привилегированное положеніе этого сословія, вдвойнѣ цѣнное со времени *зернового* закона, его

господствующее положеніе, наполнявшее гордостью «*римскаго гражданина*» (civis Romanus) даже и самаго жалкаго оборванца среди римскихъ пролетаріевъ,—и это-то положеніе раздѣлить съ милліонами новыхъ гражданъ! Само собою разумѣется, что этого никто не могъ желать... И вотъ въ то самое время, когда, по несчастію, Гракхъ на нѣкоторое время удалился изъ Рима для того, чтобы привести въ порядокъ дѣла новой колоніи Юноніи,—въ настроеніи столицы произошла быстрая перемѣна: одинъ изъ самыхъ горячихъ противниковъ Гракховскихъ нововведеній, *Л. Опимій*, былъ избранъ въ консулы на слѣдующій годъ, а К. Гракхъ не былъ избранъ даже и въ трибуны. А между тѣмъ человѣкъ, занимавшій такое положеніе, задѣвшій за живое интересы такого множества людей, возбудившій противъ себя столько страстей, не могъ оставаться долѣе въ качествѣ простого частнаго человѣка на этой вулканической почвѣ. Порученное Гракху выселеніе колоніи Юноніи, съ основаніемъ которой жреческое сословіе (какъ и всегда, тѣсно связанное со знатью) связывало всякія дурныя предзнаменованія и неодобренія въ смыслѣ религіозномъ, вновь вызвало сильный взрывъ: высокомѣріе одного изъ консульскихъ ликторовъ привело къ кровавому столкновенію, а сенаторская партія впередъ уже приняла свои мѣры. Самоохраненіе вынудило К. Гракха и еще другого вождя народной партіи, М. Фульвія Флакка, также принять мѣры предосторожности. Они заняли вмѣстѣ съ народомъ Авентинскій холмъ и окопались въ древнемъ святилищѣ Діаны. Правительство, уклоняясь отъ всякихъ переговоровъ, прямо захотѣло овладѣть позиціей силою оружія; ряды сторонниковъ Гракха стали быстро рѣдѣть; самъ Гракхъ вынужденъ былъ бѣжать на правый берегъ Тибра; но тамъ, по его собственному желанію, онъ принялъ смерть отъ руки раба. Въ домѣ одного ремесленника, въ одномъ изъ предмѣстій, былъ разысканъ и Фульвій Флаккъ, и также убитъ; такимъ образомъ знать одержала и вторую побѣду и спѣшила воспользоваться ея плодами, щедро разсыпая направо и налѣво смертные приговоры, конфискаціи имуществъ и вчиная судебные процессы.

Реакція.

Эта побѣда, одержанная надъ великимъ новаторомъ, который въ такое короткое время успѣлъ поколебать древній государственный строй на его основахъ, много содѣйствовала гордому и самодовольному успокоенію знати и даже внушила ей увѣренность въ томъ, что все осталось по старому и всякая опасность миновала. И дѣйствительно, пораженіе Гракховской партіи было весьма тяжкое. Она была лишена вождя, который, обладая выдающимся умомъ и энергіей, былъ необходимъ для введенія въ дѣйствіе новаго строя или законодательства, а потому и не замѣнимъ: и большинство тѣхъ, кого власть привлекаетъ, отвратилось теперь отъ дѣла народной партіи и опять стало заискивать въ Сенатѣ, который доказалъ еще разъ, какъ легко онъ умѣетъ расправляться со своими врагами. Прежде всего, знать воспользовалась своею возстановленною властью, чтобы обезпечить себя отъ аграрнаго закона. Въ 119 году комиссія, завѣдывавшая распредѣленіемъ земель, была распущена, а въ 111 году присужденные по дѣлежу участки земли прямо обращены въ продажную собственность и тѣмъ самымъ возстановленъ прежній порядокъ

вещей, по которому, весьма естественно, маленькія владѣнія должны были поглощаться большими, т. е. дѣлались добычею капитала и поприщемъ для рабскаго труда. Весьма ничтожнымъ и неимѣющимъ дальнѣйшаго значенія успѣхомъ было то, что въ 118 году партіи народа удалось выселить одну колонію въ *Нарбону* — въ южную часть Трансальпійской Галліи.

Правленіе знати.

Правленіе знати, однакоже, не осталось такимъ, какимъ оно было прежде: оно стало хуже, потому что, ужъ разъ затронутое, оно смотрѣло съ ненавистью и недовѣріемъ на каждую попытку улучшенія, да притомъ, справившись съ бурею, прониклось чувствомъ полной своей безопасности и не намѣрено было стѣсняться. Полная безталанность и нравственная испорченность этой аристократіи ясно выказались въ нѣкоторыхъ весьма немаловажныхъ событіяхъ, происшедшихъ въ ближайшія десятилѣтія. Однимъ изъ этихъ событій было *возстаніе рабовъ* въ Сициліи, длившееся отъ 105 до 101 года. Это, какъ мы уже видѣли, было второе возстаніе въ теченіе четверти вѣка, и длилось оно не менѣе перваго (135—132 г.). Какъ тогда, такъ и теперь шайкѣ взбунтовавшихся рабовъ дали разрости въ цѣлое войско, которое выбрало себѣ царька, неистовствовало, побуждаемое дикою жаждою мести, и наконецъ могло быть подавлено только при помощи весьма сильнаго войска. Гораздо еще долѣе (118—106 г.) длились смуты въ *Африкѣ*, которымъ древніе придавали названіе *Югуртинской войны*, и которыя одинъ изъ новѣйшихъ историковъ гораздо менѣе удачно назвалъ «войною за нумидійское наслѣдство». Для общаго хода человѣческаго развитія эта война имѣетъ очень мало значенія: точными свѣдѣніями о ней мы обязаны тому обстоятельству, что самый способъ веденія этой войны вновь возбудилъ озлобленіе противъ правленія Сената и въ связи съ различными происшествіями ея вновь возгорѣлась борьба партій.

Югуртинская война съ 118 г.

Дѣло шло о царствѣ Масиниссы, которое тотъ, въ 149 году, передалъ сыну своему *Миципсѣ*, а Миципса въ 118 г. обоимъ сыновьямъ своимъ *Адгербалу* и *Гіемпсалу* и племяннику *Югуртѣ*; послѣдній, еще со временъ нумантинской войны, пользовался нѣкоторою извѣстностью въ кругу римской знати, такъ какъ онъ тогда командовалъ нумидійскимъ вспомогательнымъ отрядомъ, состоявшимъ въ распоряженіи римскаго главнокомандующаго. Этотъ Югурта приказалъ Гіемпсала убить, а съ Адгербаломъ затѣялъ войну; когда же тотъ сталъ просить въ Римѣ о помощи, Югурта съумѣлъ обратить въ свою пользу рѣшеніе римской сенатской комиссіи; послѣ небольшого перерыва, война началась вновь. На этотъ разъ явился въ Ливію самъ *princeps senatus*, первѣйшій аристократъ, *М. Эмилій Скавръ;* варваръ разыгралъ передъ нимъ покорнѣйшаго слугу; но онъ очень хорошо зналъ, куда клонились въ то время всѣ стремленія римской знати, и обладалъ достаточными средствами для удовлетворенія ихъ: и чуть только римское посольство удалилось, ничѣмъ не обезпечивъ безопасность Адгербала, Югурта преспокойно продолжалъ войну, осадилъ и взялъ городъ Цирту, въ которомъ Адгербалъ искалъ убѣжища, умертвилъ его и кроваво отомстилъ населенію, укрывшему его; при этомъ погибло и нѣсколько италійскихъ купцовъ, пребывавшихъ въ Циртѣ по тор-

говымъ дѣламъ. Тутъ ужъ въ Римѣ прямо объявили войну Югуртѣ: отправлено было въ Ливію консульское войско, и тотчасъ разнесся слухъ о томъ, что Югурта покорился. Побѣда была быстрая и консулу Л. Кальпурнію Бестіи, а равно и совѣтнику-руководителю его, Эмилію Скавру, принесла много чести; но всѣ съ изумленіемъ узнали, что Югурта—убійца римскихъ гражданъ, несмотря на изъявленную имъ покорность, остался попрежнему царемъ Нумидіи, владыкою всего своего царства и всѣхъ своихъ сокровищъ. Народный трибунъ, *К. Меммій*, обжаловалъ дѣло передъ народомъ и заявлено было требованіе, чтобы Югурта самолично явился въ Римъ и далъ отвѣтъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Случилось то, чего никто не ожидалъ: нумидіецъ явился, твердо уповая на свои связи; передъ лицомъ народнаго собранія Меммій обратился къ нему со своимъ запросомъ;] тогда за него вступился другой трибунъ, К. Бэбій, и отвѣтъ, который бы могъ опозорить первѣйшихъ государственныхъ мужей, не воспослѣдовалъ. А варварскій царекъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Римѣ для того, чтобы избавиться еще отъ одного проживавшаго тамъ своего родственника, который могъ быть ему неудобенъ при извѣстныхъ случайностяхъ, и выѣхалъ изъ Рима, какъ разсказываютъ, заявивъ насмѣшливо, что «здѣсь за деньги можно все имѣть—можно бы и городъ весь купить, если бы только нашелся для него покупатель».

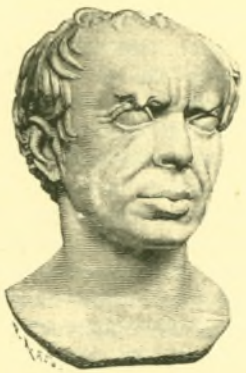
Югурта въ Римѣ.

Война началась сызнова (109). Но первые слухи съ театра войны были неутѣшительны: военныя дѣйствія затягивались, велись какіе-то переговоры, затѣмъ заговорили даже о возвращеніи въ Римъ консула Спурія Постумія Альбина ради присутствованія на комиціяхъ въ Римѣ, и потомъ вдругъ узнали о внезапномъ нападеніи на римскій лагерь, за которымъ послѣдовала позорнѣйшая капитуляція со стороны римскаго главнокомандующаго *Авла Постумія;* римское войско вынуждено было покинуть Нумидію, чуть-ли не пройдя подъ игомъ, и въ этотъ знаменательный день покрылось такимъ позоромъ, передъ которымъ блѣднѣли всѣ, самыя ужасныя и жестокія пораженія, когда-либо вынесенныя римскимъ войскомъ въ былое время (110).

Метеллъ и Марій.

Тутъ ужъ только командованіе войскомъ было поручено серьезному полководцу, патриціанскому консулу 109 г., *Кв. Цэцилію Метеллу*, которому прежде всего пришлось устроить и сдѣлать пригоднымъ къ войнѣ совершенно разстроенное войско. Подробности похода или даже походовъ Метелла — такъ какъ онъ въ 108 году продолжалъ войну въ качествѣ проконсула — несущественно важны для исторіи войны; Югурта умѣлъ отлично пользоваться выгодными природными условіями нумидійской земли и утомлялъ римское войско, то внезапно появляясь съ массами конницы и легкими, подвижными отрядами пѣхоты тамъ, гдѣ его и ожидать было невозможно, то также внезапно исчезая въ горахъ и пустыняхъ и избѣгая сраженія или преслѣдованія. Ему удалось еще переманить на свою сторону царя Бохуса Мавританскаго, своего тестя, который вступилъ съ нимъ въ союзъ, и легко можетъ быть, что дикимъ племенамъ пустыни онъ представлялся даже борцомъ за ихъ независимость противъ римскаго могущества; въ сущности же онъ просто велъ борьбу за свою жизнь, такъ какъ напослѣдокъ ему таки приходилось имѣть дѣло съ противни-

комъ безпощаднымъ и неподкупнымъ. Однакоже, не Метеллу было суждено окончить эту войну. Позорныя происшествія первыхъ лѣтъ этой войны подѣйствовали на народъ гораздо сильнѣе, чѣмъ это могли даже и предположить въ кругу аристократіи, и вотъ теперь всѣхъ смущало то обстоятельство, что и Метеллу, отъ котораго ожидали быстрыхъ успѣховъ, не удавалось покончить войну однимъ ударомъ. Это вызвало въ Римѣ усиленное движеніе противъ партіи Сената, которымъ успѣлъ ловко воспользоваться одинъ изъ легатовъ Метелла, *К. Марій*, честолюбіе котораго не удовлетворялось положеніемъ, въ то время уже достигнутымъ. Этотъ человѣкъ, которому суждено было въ будущемъ играть много значительную и гибельную роль въ судьбахъ Рима, — происходилъ изъ весьма низкой среды. Онъ былъ сынъ простого поселянина въ Арпинумѣ, городѣ древней земли Вольсковъ. Однакоже, путь къ возвеличенію былъ всегда открытъ въ Римѣ, въ видѣ службы въ войскѣ: онъ обратилъ на себя вниманіе главнокомандующаго во время нумантинской войны, затѣмъ былъ народнымъ трибуномъ, въ 115 г. — преторомъ, и теперь стремился къ высшей цѣли всѣхъ римскихъ честолюбцевъ — къ консульству. Онъ попросился въ отпускъ у своего главнокомандующаго, аристократа, какъ и всѣ другіе, и тотъ отпустилъ его съ насмѣшечкой; само собою разумѣется, что вся аристократическая партія въ Римѣ воспротивилась его избранію. Однакоже, на этотъ разъ тщетно: общественное мнѣніе и настроеніе, которое нерѣдко на выборахъ обманываетъ самыя пламенныя надежды, вдругъ такъ горячо возстало противъ аристократіи, что этотъ грубоватый, опытный въ военномъ дѣлѣ плебей-воинъ вдругъ сталъ цѣлою головою выше своихъ знатныхъ соперниковъ, тѣмъ болѣе, что, съ обычнымъ лукавствомъ простолюдина, отлично умѣлъ прикидываться человѣкомъ честнымъ и прямымъ, способнымъ всюду идти на-проломъ, и потому представлялся толпѣ именно такимъ человѣкомъ, который ей въ данномъ случаѣ былъ нуженъ.



Марій. Мраморный бюстъ въ Ватиканѣ.

Маріи консулъ.

Выборъ этого человѣка, который теперь принялъ на себя веденіе нумидійской войны, долженъ былъ имѣть гораздо болѣе серьезныя послѣдствія, нежели въ ту минуту предполагали. Вмѣстѣ со вступленіемъ его въ должность главнокомандующаго сопряжено было новшество, которое повлекло за собою весьма тяжкія послѣдствія. Римское войско до того времени, какъ нѣкогда гоплиты греческихъ государствъ, было до нѣкоторой степени учрежденіемъ аристократическимъ; отчасти потому, что положеніе легіонной пѣхоты, по отношенію къ союзническимъ когортамъ и къ вспомогательнымъ отрядамъ внѣ-италійскихъ странъ, было вполнѣ привилегированнымъ, отчасти и потому, что всѣ высшіе начальники войска избирались народомъ, т. е. ими же; но въ особенности привилегированнымъ

ихъ положеніе оказывалось именно потому, что граждане, не обладавшіе никакою собственностью, такъ-называемые *capite censi*, были совсѣмъ исключены изъ числа служащихъ въ военной службѣ. Вотъ это-то условіе Марій и измѣнилъ: онъ далъ возможность и этому классу гражданъ вступать въ службу въ качествѣ добровольцевъ, и этимъ путемъ создалъ въ войскѣ такой элементъ, который вполнѣ зависѣлъ бы отъ него, главнокомандующаго; явились такимъ образомъ въ войскѣ люди, которые на него возлагали всѣ свои надежды въ будущемъ и которые всегда готовы были служить ему, если бы ему вздумалось играть политическую роль.

Окончаніе войны.

Марій, конечно, не поскупился на обѣщанія въ своей выборной рѣчи. Но и онъ также одерживалъ лишь совершенно безплодныя побѣды, и мало-по-малу стало выясняться, что война можетъ быть окончена только тогда, когда самъ Югурта окажется во власти Римлянъ. Съ этою цѣлью уже вступили въ переговоры съ царемъ Бохусомъ, который, вѣроятно, около этого времени пришелъ къ тому убѣжденію, что война съ Римомъ можетъ привести его только къ утратѣ власти. При этихъ переговорахъ выдающуюся роль игралъ квесторъ Марія, происходившій изъ древне-патриціанской фамиліи Корнеліевъ Суллъ, нѣкто *Л. Корнелій Сулла*, который до того времени былъ извѣстенъ только своею родовитостью и распущенностью своей жизни. Здѣсь же, въ войнѣ, которая отъ обоихъ предводителей требовала лукавства и хитрости, Сулла тотчасъ выступилъ на первый планъ, какъ и потомъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось ему разрѣшать мудреныя задачи. Когда переговоры съ варварскимъ царькомъ зашли уже достаточно далеко, Сулла принялъ на себя выполненіе опаснаго порученія: отправился ко двору мавританца и убѣдилъ его, что ему слѣдуетъ выдать зятя Римлянамъ. И вотъ, съ плѣннымъ Югуртой, который наконецъ натолкнулся на человѣка похитрѣе его, Сулла возвратился въ римскій лагерь и война, длившаяся цѣлыхъ 5 лѣтъ, была такимъ образомъ закончена. Теперь, наконецъ, явилась возможность отомстить нумидійцу, который такъ долго издѣвался надъ римскимъ могуществомъ: онъ былъ удавленъ въ старой тюрьмѣ, у подошвы Капитолія. Часть его царства оставили во власти князьковъ изъ дома Масиниссы; другую часть его отдали въ награду Бохусу; остальное было присоединено къ провинціи Африка.

Эта война, въ основѣ своей представлявшая событіе весьма второстепеннаго значенія, не была нимало опасна для владычества Римлянъ въ Африкѣ, и даже трудно предположить, чтобы въ этомъ дерзкомъ и коварномъ варварскомъ царькѣ, который покончилъ жизнь позорною смертью преступника, таилась даже и часть того громаднаго честолюбія, которое когда-то руководило дѣйствіями Масиниссы. Но въ то же самое время, впервые послѣ пятисотлѣтняго періода, самому центру римскаго государства, самой Италіи, угрожала непосредственная, дѣйствительная опасность, и вотъ къ отвращенію ея и обратились теперь всѣ мысли и всѣ опасенія римскихъ государственныхъ людей.

Отношенія къ сѣвернымъ странамъ.

Поприщемъ нашего историческаго разсказа, до настоящей минуты, были расположенныя по прибрежьямъ Средиземнаго моря страны, слѣдовательно, по отношенію къ Европѣ, ея южная часть. Все же, что простиралось на

С. отъ Пиринеевъ, Альповъ и ихъ восточныхъ развѣтвленій, на С. отъ Балканъ, слѣдовательно, вообще по ту сторону горъ, которыя на крайнемъ З. у Атлантическаго океана начинаются и тянутся до Чернаго моря,—все это для Римлянъ представляло собою такъ-называемый варварскій міръ. Римская политика, до настоящей минуты, довольствовалась только тѣмъ, что если какія-нибудь племена изъ этого міра сѣверныхъ варваровъ продвигались въ сферу римскаго могущества, то на нихъ сейчасъ же обращаемо было вниманіе, ихъ старались выдѣлить изъ среды ихъ соплеменниковъ и, либо одолѣть ихъ мечомъ, либо совладать съ ними при помощи различныхъ способовъ римской культуры, дѣйствовавшихъ медленнѣе, но вѣрнѣе оружія. Новыя поселенія такихъ сѣверныхъ народовъ на римской государственной почвѣ не допускались. Когда въ 183 г. галльскія толпы попытались было осѣсть въ сѣверо-восточномъ углу Италіи, римское правительство рѣшительно имъ въ томъ воспрепятствовало и римское посольство было отправлено къ жившимъ между Пиринеями и Альпами трансальпійскимъ кельтическимъ племенамъ, дабы заявить имъ опредѣленнѣйшимъ образомъ, что Альпы составляютъ границу, которую ихъ соплеменники ни въ какомъ случаѣ не должны переступать. Въ то же время и доступъ съ В. былъ замкнутъ вновь заложенной крѣпостью *Аквилеей*. Но на этомъ дѣло не окончилось: Римлянамъ самимъ пришлось переступить указанную ими границу. Съ 125 г. римскія войска уже бьются съ племенемъ, живущимъ между Роной и Альпами — съ *Аллоброгами*. Тѣмъ стало помогать одно изъ могущественныхъ племенъ южной Галліи, *Арверны*; а другое племя, *Эдуевъ*, приняло сторону Рима. Въ 121 г. консулъ того года, *К. Фабій Максимъ*, внукъ Эмплія Павла, заслужилъ себѣ большою побѣдою, одержанною надъ Аллоброгами, почетное названіе «*Allobrogicus*», и вся Трансальпійская Галлія, между Альпами и Пиринеями, получила провинціальное устройство съ главнымъ городомъ *Нарбонной*. И вообще, по всей линіи, по которой варварскій міръ соприкасался на границахъ съ цивилизованнымъ римскимъ государствомъ—и въ Альпахъ, и во Ѳракіи, и въ Иллиріи — какъ это обычно, повелась непрерывная мелкая пограничная борьба: съ одной стороны безпрестанные набѣги и грабежи, съ другой—взысканія и экзекуціи за нихъ.

Начало переселенія народовъ. Кимвры, 113.

Въ 113 г. на среднемъ теченіи Дуная явился откуда-то изъ дальнихъ сѣверныхъ странъ новый народъ, называвшій себя *Кимврами* (или *бойцами*) — племя, вѣроятно, хотя и не вполнѣ достовѣрно, германскаго происхожденія, которое, вслѣдствіе какихъ-нибудь естественныхъ переворотовъ или иныхъ побужденій, вынуждено было искать себѣ новыхъ поселій. Они избѣгали столкновенія съ римлянами; консулъ *Кн. Папирій Карбонъ* хитростью вынудилъ ихъ къ битвѣ, близъ *Норейи* (въ Каринтіи), но потерпѣлъ страшное пораженіе. Этотъ бродячій народъ, въ составъ коего вошли еще и кое-какіе иные элементы, повернулъ теперь на З., и черезъ Рейнъ и Юрскія горы проникъ въ Галлію; и здѣсь-то, гдѣ это страшное вторженіе повело къ ужаснѣйшему положенію, дѣло дошло до вторичной битвы съ Римлянами, которымъ подобные сосѣди были не понутру (109). И опять результатъ былъ плачевный: консулъ М. Юлій Силанъ потерпѣлъ тяжкое пораженіе. Варвары, однакоже, желали воспольз-

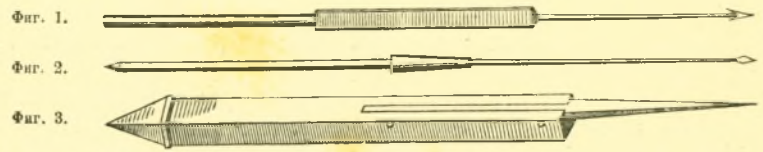
зоваться своею побѣдою только въ томъ смыслѣ, чтобы владѣнія, на которыхъ они осѣли, были за ними признаны Римомъ; съ этою цѣлью они прислали въ Римъ посольство, и при этомъ случаѣ мы впервые встрѣчаемъ среди кимврскихъ пословъ настоящаго германца, который невольно тѣшитъ насъ своимъ человѣческимъ юморомъ и своимъ искреннимъ заявленіемъ заставляетъ на мгновеніе забыть обо всѣхъ ужасахъ и войнахъ. Одному изъ пословъ показали на римскомъ форумѣ на одно изъ произведеній искусства—статую старика съ посохомъ, изображавшую Пиоагора или Нуму или другого кого,—и при этомъ спросили его, во сколько онъ то произведеніе цѣнитъ: варваръ отвѣчалъ, что онъ такого старичонку и живого не принялъ бы въ подарокъ.

Сенатъ отказалъ посольству въ его ходатайствѣ; а между тѣмъ войну повели дурно и вяло, и только въ 105 г. дѣло дошло до генеральнаго сраженія при Араузіо, на лѣвомъ берегу Роны. Консулъ *Кн. Манлій* и проконсулъ *К. Сервилій Цэпіо* (послѣдній хотя и принадлежалъ къ знати, но пользовался самою дурною славою) соединили свои силы для общаго удара, и войска ихъ были такъ жестоко истреблены Кимврами, что, по извѣстіямъ, можетъ-быть и преувеличеннымъ, однакоже, передающимъ первое впечатлѣніе пораженія — только 10 человѣкъ успѣли бѣжать съ поля битвы... И вотъ, теперь ужъ приходилось ожидать вторженія этихъ дикарей въ самую Италію. Пораженіе Римлянъ.

Этого, однакоже, не случилось: Кимвры перешли Пиринеи и вторглись въ Испанію. Но въ Римѣ, подъ впечатлѣніемъ *«кимврскаго ужаса»*, былъ избранъ вторично на 104 годъ въ консулы *К. Марій*, тотъ мужъ, въ которомъ народъ видѣлъ противника знати и уважалъ воина, напоминавшаго древне-римскихъ воиновъ, и обстоятельства сложились даже такъ, что, противъ всѣхъ существующихъ законовъ и притомъ самымъ необычайнымъ образомъ, и въ послѣдующіе четыре года сряду онъ же былъ вновь избранъ въ консулы. Дѣло въ томъ, что кимврская война въ 103 году отхлынула отъ Испаніи. Они тамъ не могли ничего добиться, такъ какъ туземцы встрѣтили ихъ упорнѣйшимъ сопротивленіемъ. Вотъ потянулись было они на сѣверъ вдоль океанскаго побережья, пока имъ и здѣсь не преградило путь храброе галльское племя *Белговъ*. Но именно тутъ-то и удалось имъ соединиться (утверждаемъ это, основываясь на однихъ только преданіяхъ) съ другимъ, крупнымъ германскимъ народомъ, *Тевтонами*, которыми предводительствовалъ какой-то храбрый витязь (король или герцогъ—неизвѣстно) *Тевтободъ*,—и тутъ рѣшились, наконецъ, эти сѣверные варвары соединенными силами вторгнуться въ Италію. Однакоже, многочисленность ихъ была настолько велика, что они должны были подраздѣлить свое войско: Кимвры и другія тѣсно-связанныя съ ними племена двинулись на востокъ, дабы вторгнуться въ Италію съ восточной стороны; а Тевтоны съ Тойгенами и отборною ордою Кимвровъ двинулись на югъ, противъ римской провинціи. Кимвры и Тевтоны.

Марій успѣлъ привести свое войско въ отличный порядокъ и пользовался среди него безусловнымъ довѣріемъ. Онъ превосходно понималъ всѣ нужды солдата и умѣлъ отлично подлаживаться подъ его настроеніе; онъ умѣлъ пользоваться даже суевѣріями солдатской среды, потому что Маріева побѣда надъ Тевтонами при Аквз-Сексціз. 102.

до извѣстной степени и самъ ихъ раздѣлялъ; такъ, напримѣръ, онъ, въ приближеніи къ себѣ, держалъ постоянно сирійскую прорицательницу Марту, словамъ которой (такъ думали въ войскѣ) онъ придавалъ большое значеніе. На пути движенія варваровъ Марій занялъ твердую позицію въ укрѣпленномъ лагерѣ, который они не могли обойти. Три дня сряду они возобновляли свои нападенія на него, и все же не выманили осторожнаго полководца на битву въ открытомъ полѣ. У него была на это



Фиг. 1. Модель римскаго *pilum'a* въ музеѣ римско-германскихъ древностей въ Майнцѣ.

Фиг. 2. Полибіанскій *pilum* (рис. заимствованный изъ «Mém. de la société des Antiquaires de France»).

Фиг. 3. Образецъ подвижного частокола, которымъ римляне обносили свои лагери.

своя цѣль:—пріучить своихъ воиновъ къ способу веденія войны Германцами и, сверхъ того—оставить варваровъ въ пріятномъ заблужденіи, будто римляне ими побѣждены. Такъ и случилось; Тевтоны двинулись далѣе по долинѣ Роны, направляясь къ мѣстности, въ которой, незадолго передъ тѣмъ, при горячихъ источникахъ, около небольшой крѣпости, выросла новая римская колонія, *Аквэ-Сексціэ*. Здѣсь-то авангардъ Марія, послѣдовавшаго за воинственными толпами Тевтоновъ, наткнулся на Амброновъ, отборное кимврское войско, которое, повидимому, составляло сторожевой полкъ въ арьергардѣ Тевтоновъ. Амброны были сбиты съ позиціи, и всю ночь въ римскомъ лагерѣ слышенъ былъ шумъ и вопли, походившіе на ревъ дикихъ звѣрей, и этотъ ревъ служилъ выраженіемъ самыхъ разнообразныхъ ощущеній и страстей—яростнаго ожиданія предстоящей битвы и сокрушеній о павшихъ въ битвѣ товарищахъ. И дѣйствительно, рѣшительная битва послѣдовала на другой же день. Римскіе легіоны, успѣвшіе снова пріобрѣсти все спокойствіе дисциплинированнаго мужества, были тѣсно связаны со своимъ полководцемъ твердою увѣренностью въ его искусствѣ: и тутъ-то, со всею своею страшною силою, проявилась, на встрѣчу безумному натиску варваровъ, вѣрно направляемая и съ несокрушимою правильностью совершаемая атака легіона. Римская пѣхота построена была въ три шеренги, притомъ такъ, что вторая замыкала сво-

Римскіе легіонеры, вооруженные копьями, короткими мечами и щитами. По изображеніямъ на базисѣ колонны Антонина.

Битва съ Кимврами.

Римскій саркофагъ съ изображеніемъ битвы противъ Германцевъ и Кельтовъ (въ Капитолійскомъ музеѣ, въ Римѣ). Различіе между обѣими варварскими національностями, несмотря на многія общія черты, проведено довольно рѣзко; для сравненія укажемъ, напримѣръ, слѣва, на связаннаго кельта и на падающаго съ коня германца, а съ правой стороны—на обоихъ поверженныхъ на землю. Изображеніе, между прочимъ, подтверждаетъ многократно упоминаемый писателями германскій обычай скидыванья верхней одежды во время боя.

ими рядами промежутки между рядами первой шеренги; вся эта пѣхота была вооружена метательными копьями (pilum) и—по испанскому образцу, принятому со временъ второй пунической войны — короткимъ мечомъ. При такомъ вооруженіи, бой издали и рукопашныя схватки быстро слѣдовали другъ за другомъ и должны были производить сокрушительное дѣйствіе. Длинное и тонкое желѣзное ратовище метательнаго копья, закопченнаго небольшимъ стрѣловиднымъ остріемъ, было пропущено сквозь деревянную рукоять настолько, что верхняя часть его наполовину торчала изъ деревяшки, а меньшая часть выставлялась снизу. Когда непріятель подступалъ на 15—20 футовъ къ римскому строю, или, наоборотъ, римскій строй приближался къ нему на такое разстояніе, то, по командѣ, или по сигналу трубы, метательныя копья разомъ бросались въ непріятеля. Передняя шеренга когорты, за нею вторая, даже третья—выполняли залпы, одинъ за другимъ. Сила метанія этихъ копій была настолько велика, что деревянныя рукояти отъ нихъ отлетали и копья падали внизъ всею своею тяжестью; и только что этотъ страшный градъ желѣзныхъ копій впивался въ передніе ряды непріятеля, какъ за нимъ слѣдовала рукопашная схватка, въ которой воины работали мечами. Когда первая устремившаяся на непріятеля центурія истощала свои усилія, сигналъ, данный рожкомъ, отзывалъ ее обратно, и вторая заступала ея мѣсто, опять начиная атаку съ залпа метательныхъ копій и продолжая ее въ видѣ рукопашной сѣчи мечами. Въ надлежащій моментъ, спокойнымъ размѣреннымъ шагомъ выступала вторая линія воиновъ въ интервалы первой линіи и возобновляла битву со свѣжими силами; при такой системѣ, въ особенности если полководецъ умѣлъ толково распорядиться своими силами, конечно, никакой натискъ варваровъ не могъ сломить римской пѣхоты и никакое скопище ихъ не могло устоять противъ ея натиска. Тевтонамъ, къ тому же, много вредили жара и пыль, отъ которыхъ они страдали не на шутку въ этой южной странѣ; обходное движеніе римлянъ завершило пораженіе, которое оказалось особенно сокрушительнымъ потому, что отступленіе непріятеля было не обезпечено. Но когда римляне проникли до обоза Тевтоновъ, то встрѣтили отчаянный отпоръ со стороны тевтонскихъ женщинъ, и для того, чтобы овладѣть обозомъ, должны были выдержать съ ними ожесточенный бой (102).

Побѣда надъ Кимврами при Верцэллѣ. 101.

Не въ такой же степени удачно велась борьба противъ остальной, смѣшанной массы варваровъ: Кимвровъ пришлось одолѣвать уже тогда, когда они нахлынули въ Италію. Патриціанскій сотоварищъ Марія во время его четвертаго консульства, *К. Лутаціи Катуллъ*, занялъ было позицію на правомъ берегу Эча; когда же Кимвры появились въ долинѣ рѣки, онъ снялся со своей позиціи и отступилъ за рѣку По. Но Кимвры не смыслили толка въ войнѣ; они преспокойно осѣли въ прекрасной странѣ, чуть-ли даже не завели переговоры. Между тѣмъ Марій, въ пятый уже разъ выбранный въ консулы на 101 годъ, соединилъ свое войско съ войскомъ Катулла, и тотчасъ же начаты были наступательныя дѣйствія. На лѣвомъ берегу По, въ равнинѣ на западъ отъ Милана, при *Верцэллѣ* (нынѣ станція желѣзной дороги между Миланомъ и Туриномъ), Марій вступилъ въ битву съ непріятелемъ, который потребовалъ отъ него на-

значенія дня и мѣста для нея. Битва произошла 30 іюля 101 года. И здѣсь также много способствовалъ побѣдѣ римлянъ сильный вѣтеръ, который гналъ облака пыли въ лицо сѣверныхъ витязей; ихъ строй, которому они придали видъ громаднаго четвероугольника, былъ пробитъ натискомъ римлянъ; бѣжать было некуда, да притомъ битва съ обѣихъ сторонъ велась съ такимъ ожесточеніемъ, что о бѣгствѣ никто и не думалъ. Тѣ, кто остались въ живыхъ послѣ окончанія битвы, были взяты въ плѣнъ, и множество этихъ плѣнныхъ германцевъ, захваченныхъ при Верцэллѣ и Аквэ-Сексціи, съ той поры обрабатывали италійскую почву въ качествѣ рабовъ или же, обращенные въ гладіаторовъ, тѣшили своихъ побѣдителей зрѣлищемъ кровавыхъ боевъ (101). Только тутъ уже Маріи принялъ, наконецъ, давно предлагаемый ему тріумфъ, котораго онъ вполнѣ заслуживалъ, освободивъ Италію отъ варварскихъ скопищъ и избавивъ государство отъ опасности. Его встрѣчали въ Римѣ и въ войскѣ съ восторгомъ, называя его то «вторымъ Камилломъ», то даже «Ромуломъ». И дѣйствительно, положеніе, занятое имъ во главѣ общества, было очень важнымъ и даже исключительнымъ: то былъ еще первый между всѣми римскими полководцами, который четыре года сряду сосредоточивалъ въ рукахъ своихъ и высшую государственную власть, и предводительствованіе войскомъ, и тѣмъ самымъ съумѣлъ пріобрѣсти со стороны войска безпримѣрную къ себѣ привязанность. Въ то же самое время онъ былъ и вождемъ партіи политической; ослѣпленный честолюбіемъ и самъ заблуждаясь насчетъ своихъ способностей, постоянно окруженный льстецами изъ народной партіи и легко поддававшійся ихъ лести—и онъ тоже задумалъ играть важную политическую роль, и дабы имѣть возможность къ выполненію ея, сталъ добиваться и въ шестой разъ, на 100 годъ, выбора въ консулы.

Гладіаторы. Реставрація сцены ихъ боя по античной мозаикѣ.

Ради этой цѣли онъ соединился съ двумя темными личностями, въ ту пору стоявшими во главѣ народной партіи и мутившими народъ: съ *К. Сервиліемъ Главціемъ*, добивавшимся преторства, и *Л. Апулеемъ Сатурниномъ*, вторично добивавшимся трибунства. Всѣ они добились своихъ цѣлей: выборы, какими бы то ни было средствами, прошли для нихъ благопріятно, и Сатурнинъ, отчаянный демагогъ, но человѣкъ истинно способный, принялся за обширную законодательную дѣятельность, въ духѣ идей Гракха. Онъ внесъ *аграрный законъ*, по которому требовалось раздѣленіе между гражданами кельтійской территоріи по ту сторону р. По, отвоеванной Маріемъ у Кимвровъ; затѣмъ и *фрументарный законъ*, понижавшій цѣну на зерновой хлѣбъ для гражданъ, которые хотѣли его употребить для посѣва, до минимальной цѣны $^5/_6$ асса за опредѣленную

Шестое консульство Марія. 100.

мѣру (modius); сверхъ всего этого имъ предложены выселенія *обширныхъ колоній въ заморскія страны.* При распредѣленіи земель заслуженные солдаты Маріева войска должны были стоять на первомъ планѣ, при чемъ италійскіе союзники приравнивались въ правахъ съ римскими гражданами, тѣмъ болѣе, что Марій и самъ уже, во время войны, собственною властью раздавалъ права полнаго римскаго гражданства италійскимъ частямъ войска. Всѣ эти законы прошли и были утверждены, несмотря на кое-какія возраженія трибуновъ и религіозныя препятствія, выставленныя на видъ сенатской партіей. Къ аграрному закону, сверхъ того, былъ присоединенъ еще одинъ параграфъ, главнымъ образомъ разсчитанный на то, чтобы какъ можно болѣе принизить Сенатъ, а именно: Сенатъ обязанъ былъ въ теченіе 5 дней присягнуть въ томъ, что этотъ законъ будетъ приведенъ въ исполненіе, а тѣ изъ сенаторовъ, которые не захотятъ принесть эту присягу, теряютъ право на присутствованіе въ Сенатѣ. Но именно тогда, когда дѣло дошло до принесенія этой присяги, Марій поколебался: онъ не былъ одаренъ краснорѣчіемъ и способностью руководить политическими преніями, да сверхъ того на него не трудно было подѣйствовать обращеніемъ къ его чувству справедливости или лестью, пріятною для его тщеславія. Онъ вступилъ было въ переговоры съ обѣими партіями; но, наконецъ, присяга была таки вынуждена у запуганнаго Сената, и только одинъ *Метеллъ Нумидійскій* (нѣкогда бывшій начальникомъ Марія) отказался принести присягу и покинулъ Римъ. Но оказалось, что Марію не подъ силу было теперь именно удержать твердою рукою бразды правленія въ страшно взволнованномъ городѣ, и править народомъ, и направлять его къ опредѣленнымъ цѣлямъ: онъ былъ слишкомъ хорошимъ солдатомъ, чтобы съумѣть выпутаться изъ этой мудреной политической смуты. Оба демагога вскорѣ убѣдились въ томъ, что они въ немъ ошиблись и принялись за политику по-своему, не разбирая никакихъ средствъ къ достиженію своихъ цѣлей; такъ, напримѣръ, при консульскихъ выборахъ на 99 годъ, соперникъ Главція, К. Меммій *), былъ прямо убитъ среди бѣла дня на одной изъ римскихъ улицъ. Городу стала угрожать полная анархія, и даже стала проявляться многими угрожающими явленіями. Вслѣдствіе этого, *всадническое сословіе* вновь сблизилось съ Сенатомъ, и всѣ, кому дорогъ былъ общественный порядокъ, стали взывать ко власти. Марій не могъ уклониться отъ этого призыва; и для него самого, привыкнувшаго къ солдатской дисциплинѣ, анархія представлялась чудовищною, и когда дѣло дошло до формальной уличной битвы противъ шаекъ Сатурнина и Главція, Марій, какъ консулъ, долженъ былъ, во главѣ правительственной силы и партіи порядка, выступить противъ тѣхъ, которые способствовали его возвеличенію и все еще называли его своимъ союзникомъ. Должно быть, въ надеждѣ на его снисхожденіе, они и сдались; но Марій не могъ ихъ спасти: захваченные въ плѣнъ анархисты были умерщвлены въ тюрьмѣ своими яростными противниками, «друзьями порядка». Оба они погибли 10 декабря 100 г.

*) Это былъ тотъ самый К. Меммій, который, будучи трибуномъ, потребовалъ Югурту къ отвѣту передъ народнымъ собраніемъ.

Гораздо важнѣйшимъ послѣдствіемъ этихъ событій было то, что партія народная убѣдилась въ полной политической несостоятельности великаго полководца:—появленіе Марія въ какихъ бы то ни было высшихъ должностяхъ оказалось на будущее время совершенно невозможнымъ, такъ какъ и торжествующая, и побѣжденная партіи относились къ нему съ одинаковымъ пренебреженіемъ. Онъ нашелъ за лучшее—на нѣкоторое время совсѣмъ скрыться съ политическаго горизонта и удалился въ Азію, между тѣмъ какъ Метеллъ Нумидійскій возвратился въ Римъ изъ своего краткаго изгнанія, которое провелъ на островѣ Родосѣ. И такъ, вотъ уже въ третій разъ, со времени гибельнаго трибунства Тиберія Гракха, партія Сената одержала побѣду, и эта послѣдняя побѣда была наиболѣе многозначительною: Маріи обладалъ по отношенію къ Каю и Тиберію Гракхамъ такимъ преимуществомъ, котораго они не имѣли—въ его рукахъ была воинская сила и положеніе его было совершенно исключительнымъ. И все же онъ потерпѣлъ пораженіе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Двадцатилѣтняя война и междоусобная война. — Война съ союзниками и полное единеніе Италіи. — Сулла и Маріи: — первая война съ Митридатомъ; первая междоусобная война. — Диктатура Суллы.

(100—78 до Р. Хр.).

Ливій Друзъ предлагаетъ реформы.

Въ данный моментъ правительственная мощь Сената возросла болѣе, чѣмъ когда-нибудь, и истинная государственная мудрость—столь рѣдкая между людьми—предписываетъ побѣдителю въ подобныя минуты несомнѣнно одержанной побѣды непремѣнно удовлетворять справедливымъ требованіямъ побѣжденныхъ; только такою цѣлительною и примиряющею политикою и оказывается возможно вновь возвратить потрясенное государство и общество къ ихъ прежнему здоровому состоянію. Но дѣло въ томъ, что для подобной политики необходимъ первоклассный государственный дѣятель—мужъ, подобный Солону напримѣръ,—а такая политика была не по плечу сенаторской олигархіи, которая въ большинствѣ своемъ состояла изъ политиковъ весьма посредственныхъ, весьма ограниченныхъ и потому именно чрезвычайно задорныхъ; въ средѣ ихъ существовало извѣстное количество вполнѣ способныхъ и по-своему даже честныхъ и патріотичныхъ дѣятелей второстепеннаго значенія, но выдающихся не было. Самымъ выдающимся изъ всѣхъ дѣятелей сенатской партіи былъ въ то время

Л. Корнелій Сулла, но онъ еще не обладалъ авторитетностью признаннаго главы партіи; онъ еще разъ доказалъ свои блестящія воинскія способности въ войнѣ съ варварами, сначала подъ начальствомъ Марія, потомъ подъ начальствомъ Катулла, но оба раза только въ положеніи человѣка подначальнаго. Въ данную же минуту онъ не занималъ никакой государственной должности. Дѣла однакоже шли кое-какъ въ ближайшіе годы: выборы происходили правильно и заканчивались безъ всякихъ анархическихъ происковъ, благодаря тому, что долговременная привычка пользоваться политическими правами въ опредѣленныхъ, традиціями установленныхъ формахъ никогда вполнѣ не утрачивалась въ Римѣ; къ тому же, во внѣшнихъ сношеніяхъ всюду господствовало полное спокойствіе; а въ 99 г. и сицилійская *невольническая* война была вполнѣ закончена.

Предполагаемое изображеніе Суллы. Мраморный бюстъ въ музеѣ Ньяра-Монти (по Бернулли).

Отношенія союзниковъ къ Риму.

Въ политическихъ агитаціяхъ и процессахъ, конечно, не было недостатка, и два важныхъ вопроса постоянно выступали на первый планъ: *реформа судовъ* и *отношенія къ союзникамъ*. Съ тѣхъ поръ какъ большіе государственные процессы (а въ нихъ, при объемѣ римскаго государства, никогда не могло быть недостатка) разбирались присяжными судьями отъ *всаднической сословія*, правосудіе не улучшилось и оставалось такимъ же, какимъ оно было и при судьяхъ-сенаторахъ. Жители провинціи находились въ очень дурномъ положеніи съ тѣхъ поръ, какъ гибельное вліяніе богатства и могущества уничтожило прежнюю, древнеримскую законность. И правители провинцій, и акціонерныя общества, откупившія въ Римѣ право на собираніе податей, наперерывъ обогащались насчетъ бѣдныхъ провинціаловъ. Въ законахъ, спеціально предназначенныхъ для защиты ихъ интересовъ, конечно, не было недостатка; да вся бѣда была въ томъ, что уже нельзя было найти судей, которые бы способны были безпристрастно и безкорыстно примѣнять эти законы. Когда же судами овладѣли люди, близко стоявшіе къ финансамъ, то оказалось, что именно тотъ добросовѣстный чиновникъ, который зорко слѣдилъ за плутнями сборщиковъ податей и защищалъ интересы подданныхъ римскаго народа,—болѣе всѣхъ рисковалъ попасть подъ судъ; такъ былъ въ процессѣ 92 года осужденъ «*за вымогательство*» честнѣйшій человѣкъ, *П. Рутилій Руфъ* *), и это тѣмъ болѣе надѣлало шума въ обществѣ, что судъ оправдывалъ людей, на которыхъ взведены были самыя тяжкія обвиненія. Само собою разумѣется, что много было и такихъ случаевъ, когда провинціалы не жаловались на происходившее въ провинціи, не надѣясь найти ни суда, ни расправы. Еще гораздо болѣе жгу-

*) Онъ служилъ легатомъ въ 98 г. при Кв. Муціѣ Сцэволѣ, во время его управленія провинціей Азія, при чемъ прославился образцовою честностью.

чимъ и важнымъ былъ *вопросъ объ отношеніи къ союзникамъ*. Въ точности намъ неизвѣстна численная пропорція гражданъ и союзниковъ италійскаго племени: можно однакоже на 400,000 полноправныхъ гражданъ, способныхъ носить оружіе, положить по меньшей мѣрѣ 500 или 600 тысячъ союзниковъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что они принимали огромную долю участія въ великихъ побѣдахъ, создавшихъ это изумительное царство, и что въ войнахъ, веденныхъ Римомъ, на ихъ долю постоянно выпадало выполненіе наиболѣе трудныхъ задачъ; вотъ почему они, конечно, и не помышляли о томъ, чтобы ихъ можно было смѣшивать съ жителями провинцій или съ «чужеземными подданными» иныхъ, внѣиталійскихъ національностей, и ихъ италійской національной гордости было очень больно видѣть, что Римъ и римскіе чиновники начинаютъ обращаться съ ними все болѣе и болѣе высокомѣрно. Но—увы!—всѣ попытки реформъ, начиная со временъ К. Гракха, терпѣли крушенье именно на *этомъ* вопросѣ, и положеніе союзниковъ только ухудшалось отъ этихъ попытокъ. Нѣсколько разъ уже, въ 126, въ 122 гг. до Р. Хр., примѣнялась въ Римѣ строгая мѣра высылки изъ города всѣхъ *не гражданъ* римскихъ; а въ 95 г. принятъ былъ даже весьма строгій законъ противъ всякаго присвоенія права римскаго гражданства (открытаго или пріобрѣтеннаго путемъ лукавства), и этотъ законъ былъ проведенъ однимъ изъ весьма умѣренныхъ людей:—каково же были въ Римѣ настроены всѣ остальные правители по отношенію къ притязаніямъ союзниковъ!

Гибель Друза.

Нашелся однакоже въ 91 г. такой государственный дѣятель, который, воспользовавшись періодомъ времени, повидимому, болѣе спокойнымъ, предложилъ-таки обширный планъ важныхъ реформъ,—то былъ *М. Ливій Друзъ*, сынъ того Ливія, который боролся противъ К. Гракха. Онъ предложилъ дополнить Сенатъ 300 членами изъ всаднической сословія и затѣмъ уже передать завѣдываніе судомъ Сенату въ этомъ усиленномъ составѣ:—такимъ образомъ онъ хотѣлъ примирить и слить во-едино оба привилегированные класса; а затѣмъ уже прямо предложилъ *даровать право полнаго римскаго гражданства всѣмъ италійскимъ союзникамъ Рима*. Однакоже и онъ наткнулся на упорное и близорукое противодѣйствіе, главнымъ образомъ, въ лицѣ одного изъ правящихъ консуловъ—въ *Л. Марціи Филиппѣ*. Броженіе, несомнѣнно уже проявлявшееся среди союзниковъ, не побудило правительство къ принятію предлагаемой ему великой и спасительной мѣры, а напротивъ послужило только средствомъ къ возбужденію умовъ противъ трибуна. Привязались къ несоблюденію какой-то формальности въ предлагаемыхъ имъ законахъ, а отъ самого М. Ливія отдѣлались подлымъ политическимъ убійствомъ.

Тайный союзъ въ Италіи.

Это злодѣйство, совершенное надъ человѣкомъ самыхъ чистыхъ стремленій, довело до величайшей крайности ту ненависть, которая давно уже таилась въ сердцѣ всего италійскаго населенія, и всѣмъ тотчасъ же стало очевидно, что среди ихъ давно уже приняты на всякій случай мѣры, весьма важныя и весьма обширныя, хотя римское правительство, по близорукости своей, ничего о нихъ и не подозрѣвало. Въ Римѣ только въ самыхъ неопредѣленныхъ чертахъ знали о какомъ-то большомъ «тайномъ союзѣ», который будто бы образовался между городами средней и южной

Италіи для поддержки плановъ Друза; когда же, послѣ его гибели, простая случайность—грубая выходка римскаго претора въ пиценскомъ городѣ *Аскулумъ*—подала первый поводъ къ возстанію, изумленный римскій Сенатъ вдругъ увидѣлъ передъ собою вполнѣ организованную силу, въ видѣ цѣлаго «*союзнаго государства Италіи*». У этого государства оказался и свой италійскій сенатъ, состоявшій изъ 500 членовъ, и своя столица *Италія* (*Корфиніумъ*, въ странѣ Пелигновъ), и италійскія комиціи, засѣдавшія въ этомъ городѣ, и *два италійскихъ* консула, и 12 своихъ преторовъ. Весь внутренній строй «Италіи» былъ, видимо, созданъ по римскому образцу; само собою разумѣется, что и этотъ италійскій сенатъ не былъ собраніемъ представителей народа въ современномъ смыслѣ слова, хотя уже и довольно близко подходилъ къ этому типу.

Война съ союзниками.

Въ Римѣ были, очевидно, поражены такимъ исходомъ, хотя въ немъ, судя по предшествующимъ событіямъ, не было ничего неожиданнаго. Но и въ этотъ опаснѣйшій моментъ проявилась съ самой лучшей стороны несравненная организація римскаго могущества и выказалось величайшее изъ ея преимуществъ: громадное число людей, которыхъ можно было поставить во главѣ того или другого дѣла. Притомъ и въ самомъ Римѣ, въ виду общей опасности, на мгновеніе смолкли всѣ раздоры, и даже политическіе противники, даже люди, состоявшіе въ личной враждѣ между собою, какъ Сулла и Марій, тотчасъ явились на зовъ правительства и отдались въ его распоряженіе. Война, быстро распространившаяся по всей средней Италіи, Кампаніи, по древнему Самніуму во всемъ его объемѣ и даже до крайняго Пиценума,—получила впослѣдствіи названіе *союзнической*. Въ безчисленныхъ стычкахъ и въ немногихъ большихъ битвахъ, въ которыхъ съ той и съ другой стороны сражалось не менѣе какъ по 70,000 человѣкъ,—сходились и мѣрялись силами противники, которые и по языку, и по обычаямъ, и по умѣнью владѣть оружіемъ были совершенно равносильными... Сходились биться изъ-за дѣла, которое уже и передъ началомъ войны было почти рѣшено. И среди государственныхъ людей, составлявшихъ на ту пору правительство, было несомнѣнно рѣшено, что эта борьба, какъ бы она ни велась, удачно или неудачно, все же должна была окончиться весьма значительнымъ расширеніемъ римскаго права гражданства, и другая, противная сторона, не стала бы поднимать такой бури, если бы не стремилась къ достиженію столь серьезной цѣли.

Слияніе италійской націи.

Первое столкновеніе—первый походъ 90 г.—въ общемъ былъ весьма благопріятенъ для Италіи: на монетахъ, выбитыхъ около этого времени италійской федераціей, видимъ вычеканенное изображеніе вола (древній гербъ сабельскаго племени), который добиваетъ рогами лежащую на землѣ волчицу. Въ Римѣ не замедлили высказать то, что должно было быть послѣднимъ словомъ этой войны. Консулъ *Л. Юлій Цесарь* предложилъ законопроектъ и провелъ его безъ всякихъ затрудненій, по которому римское право гражданства предоставлялось немедленно всѣмъ латинскимъ общинамъ, не принявшимъ участія въ вооруженномъ возстаніи; трибуны Плауцій и Папирій дополнили этотъ законъ еще другимъ, по которому всѣ тѣ граждане союзныхъ общинъ имѣли право на полученіе римскаго права гражданства, которые въ теченіе 60 дней подадутъ о томъ заявле-

ніе преторамъ въ Римѣ. Такимъ образомъ удалось положить предѣлъ дальнѣйшему распространенію опустошительнаго пожара, а на второй годъ даже и почти прекратить войну: лишь немногіе города и крѣпкіе пункты, подобные Нолѣ въ Кампаніи и Венузіи въ Апуліи, еще оказывали сопротивленіе. Опасность, собственно говоря, была устранена, но самый вопросъ еще не вырѣшенъ окончательно, такъ какъ все еще толковали о *самомъ способѣ подачи* голосовъ новыми гражданами: такъли, какъ они, вѣроятно, сами желали, чтобы голоса ихъ были подѣлены между всѣми существующими 35 трибами, при чемъ они могли оказывать нѣкоторую долю вліянія на голосованіе, или же такъ, какъ хотѣлось многимъ въ правительственныхъ кружкахъ, чтобы они были *распредѣлены на 8 трибъ* изъ числа старыхъ 35, или же вписаны въ новыя 8, добавленныя къ старымъ, при чемъ, конечно, значеніе ихъ голосованія было бы ограничено до крайней степени. Партіи еще спорили объ этомъ и, по несчастію, въ данную минуту Риму еще не суждено было искренно порадоваться великому политическому результату — завершенію политическаго единства Италіи, созданію *италійской націи*. Но хуже всего было то, что этотъ неразрѣшенный политическій вопросъ (и не одинъ только этотъ) роковымъ образомъ переплелся съ большою внѣшнею войною. Героемъ этой войны, какъ и въ войнѣ югуртинской, былъ одинъ изъ варварскихъ царьковъ, но только эта война касалась уже гораздо болѣе глубокихъ и болѣе обширныхъ интересовъ, почему и должна быть отнесена къ числу тѣхъ всемірно-историческихъ войнъ, которыя на пространствѣ всей исторіи человѣчества велись между Востокомъ и Западомъ. То была первая война съ *Митридатомъ VI*, царемъ *Понтійскимъ* (88—84).

Должно предположить, что римскій Сенатъ, занятый въ послѣднюю четверть вѣка внутренними смутами и вопросами, крѣпко запустилъ политику внѣшнюю и совсѣмъ упустилъ изъ виду строгое наблюденіе за римскими чиновниками, которые были представителями римской власти для подданныхъ римскаго государства на его отдаленныхъ окраинахъ. Въ особенности на положеніе дѣлъ въ странахъ, лежащихъ къ В. отъ Эгейскаго моря, Сенатъ даже и совсѣмъ рукой махнулъ, и въ теченіе цѣлой четверти вѣка мы узнаемъ только объ единственномъ положительномъ мѣропріятіи Сената въ вышепомянутой мѣстности — объ обращеніи *Киликіи* (на ю.-в. М. Азіи) въ римскую провинцію (102), въ тѣхъ видахъ, чтобы обуздать возрастающее морское разбойничество, которое именно здѣсь и находило себѣ пріютъ и убѣжище. И при этомъ римскій Сенатъ совершенно безучастно относился къ начинавшемуся распаденію громаднаго царства Селевкидовъ, какъ и къ династическимъ спорамъ и неурядицамъ въ

Дѣла восточныя. Митридатъ.

Изображеніе Антіоха IV Эпифана на современной монетѣ. По соч. Міонне.

Египтѣ. Сирійская монархія, послѣ пораженія при Магнезіи оттѣсненная къ З. и предоставленная преобладавшему въ ней восточному элементу, болѣе и болѣе приходила въ распаденіе: между тѣмъ какъ съ В. напиралъ воинственный народъ *Парѳяне*, овладѣвшій даже Мессопотаміей, одна часть царства за другою, отпадая, становились самостоятельными, и со временъ Антіоха Великаго, со времени битвы при Магнезіи (190 г.), этотъ процессъ отпаденія шелъ непрерывно. Уже при этомъ царѣ отпала *Арменія*; при второмъ его преемникѣ, *Антіохѣ IV Эпифанѣ* (175—164),—который увлекся несчастною идеею внесенія возможно-большаго единства въ царство при помощи ревностнаго и мѣстами даже насильственнаго распространенія эллинизма, въ видѣ языка, нравовъ и религіи Эллиновъ,—поднялось знаменитое возстаніе *Іудеевъ* подъ геройскимъ предводительствомъ рода Маккавеевъ. Возстаніе это также закончилось отпаденіемъ Іудеи, образовавшей самостоятельное цѣлое. Вскорѣ остатки обширнаго царства подверглись и дальнѣйшему расчлененію при посредствѣ безконечныхъ споровъ о престолонаслѣдіи. Въ М. Азіи еще держался кой-какой порядокъ, поддерживаемый опасеніемъ римскаго могущества, такъ какъ царство Пергамское (какъ уже выше было помянуто) обращено было въ римскую провинцію *Азія*. Здѣсь, рядомъ съ подчиненными Риму *Виѳиніей* и *Каппадокіей*, на юго-восточномъ побережьи Чернаго моря, существовало небольшое царство *Понтійское*, которое еще со временъ Артаксеркса II было самостоятельнымъ, а съ 120 г. тамъ правилъ царь *Митридатъ*— шестой государь этого имени. Митридатъ VI носилъ греческое прозваніе *Эвпатора* и въ его родословномъ древѣ дѣйствительно могли быть кое-какіе греческіе отпрыски. Когда послѣ юности, полной всякихъ приключеній, онъ, наконецъ, утвердился на своемъ тронѣ, то постарался выказать себя сторонникомъ и поклонникомъ эллинизма, хотя и въ добрѣ, и въ злѣ былъ вполнѣ восточнымъ деспотомъ. Отъ природы онъ былъ одаренъ богато: громадный ростомъ, несокрушимый по тѣлесной силѣ, которую невозможно было истощить никакими усиліями, никакими излишествами, онъ обладалъ еще притомъ превосходною памятью, и притомъ былъ способенъ усвоить себѣ такую именно долю греческаго образованія, какую могла воспринять его, въ сущности, очень грубая и дикая натура варвара. Онъ обладалъ честолюбіемъ произвольнаго, привычнаго къ насилію, необузданнаго деспота, и ему удалось даже нѣсколько расширить свое царство насчетъ его болѣе слабыхъ сосѣдей — Арменіи, Виѳиніи и Каппадокіи; и на С. отъ Чернаго моря, и на В. сдѣлалъ онъ также кое-какія пріобрѣтенія. Греческія колоніи, нѣкогда, въ лучшія времена, основанныя въ этихъ странахъ,—Діоскурія, Пантикапея, Фанагорія, Херсонесъ, — угрожаемыя скиѳскими племенами, покинутыя на произволъ судьбы своими земляками, не защищаемыя и Римлянами, весьма охотно подчинились власти государя, который хоть наполовину былъ Грекомъ или, по крайней мѣрѣ,

Изображеніе Митридата VI, Эвпатора, на современной монетѣ. Оригиналъ въ Берлинскомъ мюнцъ-кабинетѣ.

выказывалъ себя Грекомъ; онъ и соединилъ всѣ эти колоніи подъ названіемъ одного общаго *Воспорскаго царства*. При этомъ округленіи своихъ владѣній, онъ, однакоже, уже столкнулся съ Римлянами. Сулла, въ 92 г., будучи преторомъ въ Киликіи, изгналъ изъ Каппадокіи одного изъ военачальниковъ Митридата, а римскій уполномоченный *М. Аквиллій* тотчасъ явился въ Виѳинію и Пафлагонію, когда Митридатъ сталъ и туда проникать со своими кознями. Тѣмъ временемъ однакоже дѣла на Западѣ сложились именно такъ, что для дикаго честолюбія Митридатова, для его страсти къ пріобрѣтенію, для его ненависти противъ той силы, которая его сдерживала и стѣсняла, — открылись обширнѣйшіе горизонты.

Первая Митридатова война. 88.

Началась италійская союзническая война противъ Рима: одновременно съ нею, подняли голову и ненависть, и озлобленіе, которыя успѣло возбудить противъ себя вырождающееся римское господство въ М. Азіи и въ Греціи. У всѣхъ враговъ Рима и силы, и мужества поприбавилось. Пламенной фантазіи ихъ понтійскій царь явился уже какъ бы представителемъ если не всего эллинизма, то по крайней мѣрѣ — свободы народовъ, и лесть, неотступно окружающая сильныхъ міра, внушила и самому Митридату такое же воззрѣніе на его дѣятельность. Его агенты и вербовщики разсылались повсюду; онъ вошелъ въ сношенія даже и съ Италійцами. Но, конечно, онъ не съумѣлъ избрать ни удобнаго момента для начала своихъ дѣйствій противъ Рима, ни найти въ себѣ ту быструю рѣшимость, которая была необходима. И вышло такъ, что Римляне, покончивъ союзническую войну, объявили войну Митридату *сами*, такъ какъ всѣ поводы къ тому уже имѣлись на-лицо, въ видѣ враждебныхъ его дѣйствій противъ римскихъ вассаловъ—правителей Каппадокіи и Виѳиніи.

Борьба Суллы и Марія за Римъ.

На 88 г. были избраны въ консулы Л. Корнелій Сулла и Кв. Помпей, при чемъ первый былъ назначенъ главнокомандующимъ на войну въ Азіи. Его воинскіе таланты еще разъ самымъ блестящимъ образомъ выказались въ союзнической войнѣ, и ея окончаніе большинствомъ ставилось именно ему въ заслугу, между тѣмъ какъ Марій, ненавидѣвшій Суллу со временъ югуртинской войны, не нашелъ возможности ничѣмъ особеннымъ отличиться въ послѣдней войнѣ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что эта война для Суллы пришлась какъ нельзя болѣе кстати: дала ему возможность и проявить значительную дѣятельность, вполнѣ соотвѣтствовавшую его природнымъ наклонностямъ, дала возможность сблизиться и съ войскомъ, которое всюду готово было за нимъ слѣдовать, если бы внутреннія неурядицы Рима того потребовали. Думалъ-ли онъ самъ объ этомъ—это съ полною опредѣленностью сказать трудно, хотя и возможно предположить, по отношенію къ человѣку съ такимъ удивительно свѣтлымъ умомъ, какъ у Суллы, который спокойно и трезво смотрѣлъ на дѣйствительность; во всякомъ случаѣ, противники Суллы очень опасались его дальновидныхъ плановъ. Старѣющему Марію, при его громадномъ честолюбіи, было невыносимо даже помыслить о томъ, что не онъ, а другой, и что именно Сулла долженъ былъ вести большую войну въ Азіи; и это честолюбіе нашло себѣ поддержку въ стремленіяхъ другого честолюбца, трибуна *Сульпиція Руфа*, который до того времени принадлежалъ къ партіи Сената, а тутъ, по причинамъ неизвѣстнымъ,

вдругъ явился во главѣ партіи народной. Сульпицій, — уже въ то время, когда Сулла отправился въ Нолу, къ войску, — выступилъ съ двумя законопроектами: по одному законопроекту предлагалось раздѣлить новыхъ полноправныхъ гражданъ по существующимъ уже трибамъ; по другому—требовалось возвращеніе всѣхъ высланныхъ изъ Рима во время насильственной реакціи, послѣдовавшей за убіеніемъ Друза. Сулла возвратился изъ-подъ Нолы, чтобы противодѣйствовать проведенію этихъ законопроектовъ: однакоже, на форумѣ, сила оказалась на сторонѣ Сульпиція, который окружилъ себя весьма многочисленной свитой своихъ вооруженныхъ приверженцевъ (онъ называлъ эту свиту «анти-сенатомъ»); послѣ свалки, въ которой самая жизнь Суллы подвергалась весьма серьезной опасности, консулы были вынуждены отказаться отъ противодѣйствія законопроектамъ. Они были приняты народомъ; Сулла вторично поѣхалъ къ войску, отправленіе котораго на Востокъ было крайне необходимо, вслѣдствіе оборота дѣлъ въ Азіи и Греціи,—какъ вдругъ Сульпицій въ Римѣ выступилъ съ новымъ предложеніемъ, относительно котораго уже заранѣе условился съ Маріемъ,—по этому предложенію, надлежало у Суллы отнять его званіе главнокомандующаго и веденіе войны противъ Митридата поручить Марію, въ качествѣ проконсула. Комиціи были въ полной силѣ— и народъ принялъ предложеніе Сульпиція; и вотъ двое военачальниковъ, посланныхъ Маріемъ въ лагерь подъ Нолою, явились туда, чтобы отъ имени Марія вступить въ командованіе войскомъ Суллы. Но все войско было уже на сторонѣ Суллы. Сохранилось извѣстіе, по которому послы Пареянъ, при одномъ изъ съѣздовъ съ Суллою, выразили удивленіе, узнавъ, что этотъ человѣкъ—не первый въ Римѣ: «ну, да вѣрно онъ скоро тамъ первымъ будетъ!» — такъ заключили они. До такой степени производилъ онъ впечатлѣніе человѣка, рожденнаго для власти, и это чарующее впечатлѣніе его выдающейся личности уже въ полной силѣ подчинило ему все войско. Онъ ни на минуту не усумнился въ томъ, какъ ему здѣсь слѣдовало поступить: — въ краткихъ словахъ изложилъ передъ войскомъ своимъ то, что предполагалъ дѣлать, и изъ рядовъ раздались крики, выражавшіе готовность войска всюду за нимъ слѣдовать; и вотъ онъ со своими шестью легіонами двинулся къ Риму. Да и почему бы не двинуться? Насиліе было дѣломъ обычнымъ въ данное время. Сенатъ попытался было выслать къ нему навстрѣчу пословъ, предлагавшихъ ему посредничество; но онъ далъ имъ краткій отвѣтъ: «иду освободить городъ отъ его тирановъ»—и двинулся далѣе. Близъ города къ Суллѣ подоспѣлъ его сотоварищъ Помпей: затѣмъ произошла стычка между его войскомъ и войскомъ Марія и Сульпиція, которые надлежащимъ образомъ не успѣли подготовиться къ вооруженному столкновенію; послѣ краткаго, хотя и весьма ожесточеннаго боя въ Эсквилинскомъ предмѣстьи Рима, и Марій, и Сульпицій должны были спасаться бѣгствомъ черезъ одни изъ незагражденныхъ еще воротъ Рима,—а легіоны Суллы раскинули шатры свои на форумѣ.

Сулла приводитъ государственное устройство въ порядокъ.

Такимъ образомъ Сулла, благодаря своей спокойной энергіи, явился въ данную минуту полнымъ господиномъ положенія. Вовсе, однакоже, не въ томъ смыслѣ, чтобы теперь же, немедля, приняться за прочное переустройство государства. Нѣкоторыхъ предводителей противной партіи онъ

объявилъ «внѣ закона»—и вскорѣ голова Сульпиція, схваченнаго близъ Лауренціума и тотчасъ же казненнаго, была выставлена на форумѣ Рима. Затѣмъ Сулла постарался устранить наиболѣе вопіющіе поводы къ недовольству, какъ напримѣръ нужду въ деньгахъ и различныя неустройства въ кредитныхъ отношеніяхъ, наступившія вслѣдствіе происшествій въ Азіи; для комицій по центуріямъ онъ возстановилъ старый сервіевскій порядокъ голосованія, дополнилъ Сенатъ, при посредствѣ новыхъ чрезвычайныхъ избраній, 300 новыми сочленами, отъ вліянія которыхъ могъ ожидать твердой опоры для партіи порядка, и постановилъ, чтобы на будущее время законопроекты, предлагаемые трибунами, только съ одобренія или разрѣшенія Сената переносились въ народныя собранія. Сулла, конечно, и самъ не ожидалъ слишкомъ большой прочности установленнаго имъ положенія. Комиціи на будущій годъ избрали въ консулы консервативнаго *Кн. Октавія* и рядомъ съ нимъ—яраго демократа, *Л. Корнелія Цинну*, и уже отовсюду стали снова надвигаться бурныя тучи .. Но для него важнѣе всего было возстановленіе римскаго господства на Востокѣ: надо было сначала это выполнить—остальное пришло бы само собою. Онъ заставилъ обоихъ консуловъ присягнуть въ томъ, что они будутъ соблюдать только-что принятые законы, и затѣмъ, въ началѣ 87 года, покинулъ Италію со своимъ войскомъ.

Эфесскія убійства.

Митридатъ, между тѣмъ, успѣлъ воспользоваться тѣмъ досугомъ, который доставили ему эти смуты въ Римѣ. Съ войскомъ, по численности весьма значительнымъ, двинулся онъ къ малоазійскому побережью, гдѣ всѣ греческіе города (кромѣ родосскихъ, карійскихъ и ликійскихъ) встрѣчали его какъ освободителя, и изъ *Эфеса* всюду распространился указъ, по которому, съ чисто-восточною жестокостью, повелѣвалось избивать всѣхъ Италійцевъ, которыхъ тотъ указъ застанетъ въ странахъ, освобожденныхъ Митридатомъ отъ римскаго владычества. Указъ былъ разосланъ, въ видѣ запечатанныхъ писемъ, къ намѣстникамъ и начальникамъ царскихъ войскъ; его должны были всюду вскрыть въ одинъ и тотъ же день, и исполнителей нашлось достаточно: говорятъ, будто бы число избитыхъ такимъ образомъ Римлянъ и Италійцевъ доходило до 80.000 человѣкъ (цифра, конечно, преувеличенная). И европейская Греція также вступила въ Понтійскій союзъ. Одинъ изъ сыновей Митридата проникъ и въ Македонію; полководецъ Митридата, *Архелай*, явился съ флотомъ въ Эгейскомъ морѣ и на островахъ его примѣнилъ на дѣлѣ кровавый эфесскій указъ; когда же онъ высадился съ войскомъ въ Греціи, то и мѣстное населеніе послѣдовало примѣру малоазійскихъ городовъ и городовъ на островахъ Архипелага, и даже въ *Аѳинахъ*, столь многимъ обязанныхъ Римлянамъ, какой-то агентъ понтійскаго царя, философъ эпикурейской или перипатетической школы, *Аристіонъ*, захватилъ власть въ свои руки и учредилъ въ городѣ нѣчто въ родѣ тиранніи.

Сулла въ Греціи. 86.

Войско, съ которымъ Сулла явился на театръ войны, весною 87 г., было немногочисленно: для начала военныхъ дѣйствій у него было не болѣе 30.000 человѣкъ. Но уже и то было очень важно, что онъ въ Грецію явился; онъ одержалъ въ Віотіи побѣду надъ *Архелаемъ*, затѣмъ разослалъ въ разныя стороны отряды войскъ съ приказаніемъ всюду воз-

становить римскіе порядки, а одному изъ своихъ военачальниковъ, *Луцію Лицинію Лукуллу*, тотчасъ же приказалъ готовить военный флотъ. Однакоже, дальнѣйшія дѣйствія оказывались возможны только послѣ взятія Аѳинъ, которыя именно въ этой войнѣ, по своему положенію и своей гавани, пріобрѣли особенное значеніе. Осада позатянулась и нужда среди осажденныхъ оказалась настолько велика, что даже въ храмѣ Аѳины не хватило масла для лампады, возжигаемой передъ изображеніемъ богини. Къ веснѣ 86 года Сулла уже успѣлъ добиться того, что явилась возможность штурмовать городъ, и, когда штурмъ удался, солдаты Суллы вознаградили себя за всѣ тягости осады. Наконецъ и Пирей палъ; Архелай успѣлъ вывести гарнизонъ Пирея и присоединилъ его къ тому большому, 110.000 понтійскому войску, которое, подъ предводительствомъ *Таксила*, шло на выручку Аѳинъ и уже успѣло достигнуть Віотіи. Сулла, который тѣмъ временемъ успѣлъ вновь собрать всѣ свои войска во-едино, перешелъ къ наступленію, и одержалъ при *Херонеѣ* побѣду, которую навѣрно должна была одержать разумно-направляемая европейская армія противъ всякаго, хотя бы и гораздо многочисленнѣйшаго, азіятскаго войска.

Новыя смуты въ Италіи.

Однакоже эта война запуталась самымъ неожиданнымъ образомъ. Новый главнокомандующій, консулъ на 86 годъ, *Л. Валерій Флаккъ*, прибылъ въ Эпиръ, чтобы замѣнить Суллу и продолжать войну. Эта перемѣна была слѣдствіемъ того, что противная партія окончательно взяла верхъ въ Италіи. Дѣло въ томъ, что, какъ только Сулла удалился на Востокъ, консулъ Цинна, принадлежавшій къ народной партіи, — какъ и слѣдовало ожидать,—позабылъ данную имъ клятву и тотчасъ же предложилъ законопроектъ о возвращеніи изъ ссылки изгнанниковъ, и другой—о порядкѣ подачи голосовъ новыми гражданами въ смыслѣ кассированнаго сульпиціева закона. На возраженія нѣкоторыхъ трибуновъ онъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія; но другой консулъ, *М. Октавій*, съумѣлъ противупоставить силу насильственному введенію въ дѣйствіе законопроектовъ, навязываемыхъ его товарищемъ. Цинна вынужденъ былъ бѣжать; на его мѣсто былъ выбранъ въ консулы Корнелій Мерула. Однакоже, въ Италіи, при посредствѣ голосованія новыхъ гражданъ, противная партія получила значительный перевѣсъ: войска, стоявшія близъ Нолы, когда въ средѣ ихъ явился Цинна, объявили себя за него; всѣ вожди партіи, смирившіеся при Суллѣ, теперь подняли голову, и среди нихъ въ особенности Марій, у котораго теперь явилась надежда добиться того 7-го консульства, о которомъ предсказывали ему оракулы. Однажды онъ едва ускользнулъ отъ преслѣдованія всадниковъ, высланныхъ за нимъ въ погоню Суллою; наконецъ, они таки выслѣдили его убѣжище, гдѣ-то около устья Лириса, и заключили его въ тюрьму въ ближайшемъ городкѣ Минтурнэ. Смертный приговоръ уже былъ произнесенъ, но тотъ рабъ, которому поручено было его привести въ исполненіе, не дерзнулъ поднять руку на Марія:—говорятъ, этотъ рабъ былъ одинъ изъ Кимвровъ, взятыхъ въ плѣнъ при Верцеллѣ. Легко можетъ быть, что тамъ же, въ Минтурнэ, Марію доставлена возможность бѣжать, такъ какъ партію Сената нигдѣ не любили, а Марій, избавившій Италію отъ варваровъ, всюду имѣлъ тайныхъ приверженцевъ и возбуждалъ къ себѣ сочувствіе. Послѣ очень бурнаго плаванія, онъ

достигъ наконецъ африканскаго берега. Въ древне-карѳагенской области, среди развалинъ Карѳагена, онъ нашелъ себѣ временное убѣжище; но и оттуда сталъ его выживать преторъ провинціи... Но послѣ всего этого онъ вернулся въ Италію съ толпою приверженцевъ, а здѣсь его имя тотчасъ же привлекло къ нему новыя толпы; въ небольшой тусскской гавани высадился онъ на берегъ, захватилъ Остію и преградилъ всякій подвозъ къ Риму со стороны рѣки, между тѣмъ какъ Цинна подступалъ къ Риму съ юга. Аристократическая партія въ Римѣ, поспѣшившая призвать на помощь войска изъ Цисальпійской Галліи подъ предводительствомъ Кн. Помпея Страбона, видѣла себя совершенно изолированною; она увидѣла себя все болѣе и болѣе отовсюду стѣсняемою и не рѣшилась уже выступить въ открытое поле для битвы со своими противниками, у которыхъ силы росли не по днямъ, а по часамъ, тѣмъ болѣе, что они принимали подъ свои знамена всѣхъ безъ разбора, и по отношенію даже къ рабамъ—если только они принадлежали ихъ противникамъ—не скупились на обѣщанія освобожденія. Пришло, наконецъ, и такое время, когда аристократическая партія вынуждена была вступить въ переговоры. Она совершенно напрасно пыталась требовать отъ Цинны, чтобы онъ далъ обѣщаніе—не проливать крови; тотъ отвѣчалъ, что *по его волѣ* никакого кровопролитія не произойдетъ, но этотъ отвѣтъ никого не успокаивалъ: возвращеніе въ Римъ изгнанниковъ (а въ древности это слово было настоящимъ пугаломъ!) не могло обойтись безъ обильнаго кровопролитія. Наконецъ, ворота Рима были отворены: Цинна былъ вновь признанъ консуломъ, и, по волѣ его, ужъ черезчуръ поспѣшно отмѣненъ народнымъ собраніемъ приговоръ объ изгнаніи, нѣкогда произнесенный противъ Марія и его приверженцевъ.

Цинна и Марій въ Римѣ.

На слѣдующій годъ Цинна былъ выбранъ во второй разъ консуломъ, а Маріи—въ седьмой, какъ бы въ исполненіе предсказанія оракула. Тогда-то съ безпощадною яростью обрушилось мщеніе на побѣжденную аристократическую партію. Рядъ жертвъ начался съ обоихъ консуловъ—Октавія и Мерулы: одинъ былъ убитъ въ городѣ, другой, занимавшій санъ высшаго жреца, самъ лишилъ себя жизни у подножія Юпитерова алтаря. За ними послѣдовалъ цѣлый рядъ весьма видныхъ сенаторовъ, и всѣ они были жертвами Марія, который не стѣснялся въ удовлетвореніи своей личной мести. По счастью, Марій, вскорѣ по вступленіи въ свое седьмое консульство, умеръ, а одинъ изъ разумнѣйшихъ и наиболѣе патріотичныхъ представителей торжествующей партіи, *Кв. Серторій*, мощною рукою подавилъ дѣятельность тѣхъ шаекъ злодѣевъ, которыя были орудіемъ мести Марія, но, подъ этимъ предлогомъ, не упускали случая работать и на свою руку.

Цинна. Правленіе народной партіи.

Тутъ уже приняты были мѣры къ тому, чтобы твердо обосновать побѣду народной партіи и видоизмѣнить все правленіе государства въ ея духѣ. Вновь были открыты житницы для столичной раздачи зернового хлѣба, пріостановленной на время; долговыя отношенія были приведены въ порядокъ весьма радикальнымъ образомъ и приняты были мѣры къ внесенію новыхъ гражданъ въ старыя трибы,—что, повидимому, было работою весьма обширною и запутанною. Цинна,—который окончательно былъ

признанъ главою народной партіи, и въ ближайшіе годы былъ вновь и вновь избираемъ въ консулы, — приказалъ на мѣсто Марія избрать въ консулы *Л. Валерія Флакка*, и ему-то поручить веденіе войны противъ Митридата. Такимъ образомъ, торжествующая партія озабочена была, съ одной стороны, желаніемъ вырвать власть изъ рукъ Суллы, а съ другой — одолѣть внѣшняго врага.

Успѣхи Суллы на Востокѣ. Примиреніе съ Митридатомъ.

Сулла со своей стороны, безъ всякаго колебанія, принялъ вызовъ, и вскорѣ обѣ римскія арміи уже стояли въ Ѳессаліи, въ непосредственной близости одна отъ другой. Однакоже Флаккъ, разузнавъ о твердомъ настроеніи въ войскѣ своего противника, уклонился отъ битвы, и Сулла вскорѣ также двинулся къ югу, гдѣ, между тѣмъ, успѣло явиться новое понтійское войско, подъ начальствомъ *Дорилая*, новаго полководца Митридатовыхъ наемниковъ. Въ Віотіи, близъ Орхомена, дѣло дошло до сраженія, въ которомъ понтійское войско было окончательно разбито и разсѣяно, чѣмъ европейскій походъ противъ Митридата и былъ благополучно законченъ (85). Тѣмъ временемъ и въ Азіи началось отпаденіе союзниковъ отъ понтійскаго царя. Города успѣли уже убѣдиться въ томъ, что иго власти варварскаго царя оказывается гораздо болѣе обременительнымъ, нежели иго римское: изгнанія, смертные приговоры, произносимые противъ частныхъ лицъ и противъ цѣлыхъ общинъ, произволъ и грубость во всѣхъ видахъ и проявленіяхъ,—все это было явленіемъ обыденнымъ. И вотъ, обѣ римскія арміи — армія, присланная демократической партіей, и армія Суллы, хотя и не руководимыя общимъ планомъ, двинулись въ Азію противъ общаго врага. Первая перешла черезъ Геллеспонтъ, и легатъ *К. Флавій Фимбрія* (который насильственнымъ образомъ успѣлъ избавиться отъ своего главнокомандующаго и самъ сталъ на его мѣсто) вытѣснилъ Митридата отовсюду и вынуждалъ его двигаться въ южномъ направленіи, вдоль мало-азійскаго берега; въ то же время, легатъ Суллы, Л. Лициній Лукуллъ, успѣвшій наконецъ собрать военный флотъ, покорялъ острова Эгейскаго моря. Митридатъ вступилъ въ переговоры, стараясь извлечь кое-какія выгоды изъ раздора своихъ враговъ. Но это ему не помогло; онъ долженъ былъ Суллу признать своимъ настоящимъ побѣдителемъ и отъ него принялъ условія мира. Условія были довольно снисходительны: возвращеніе всѣхъ завоеваній, уплата военныхъ издержекъ, выдача плѣнныхъ и перебѣжчиковъ, дозволеніе сторонникамъ Рима возвратиться въ города той наслѣдственной понтійской области, которая оставлена была въ его владѣніи (84). О подчиненіи царя Сулла узналъ еще будучи въ Европѣ, однако онъ все же переплылъ въ Азію и явился въ Пергамскую область, гдѣ его римскій противникъ, легатъ Фимбрія, стоялъ со своими двумя легіонами. Никакой битвы между обѣими арміями здѣсь не произошло: Фимбрія потерялъ всякое значеніе въ глазахъ своихъ воиновъ, которые прямо перешли на сторону Суллы; тогда Фимбрія самъ лишилъ себя жизни.

Возвращеніе Суллы.

Сулла еще нѣкоторое время остался въ М. Азіи, гдѣ онъ щедро распредѣлялъ награды и наказанія. Отпавшіе отъ Рима города, сверхъ весьма тяжкаго воинскаго постоя, должны были единовременно уплатить подати за пять лѣтъ, и это поставило ихъ въ такую зависимость отъ римскихъ

сборщиковъ, которая, сама по себѣ, была хуже всякаго наказанія. Вассалы Рима, цари виѳинскій и каппадокійскій, вновь были возстановлены въ своихъ правахъ. Оба фимбріева легіона, подъ начальствомъ легата Л. Лициніи Мурены, оставлены были въ провинціи Азіи. И вотъ теперь, когда одна задача была рѣшена, наступило для Суллы время свести счеты и съ враждебной ему партіей, въ самой Италіи. Цинны, стоявшаго во главѣ ея, уже не было въ это время въ живыхъ: онъ намѣревался уже переправиться въ Грецію, чтобы тамъ вступить въ борьбу съ Суллой; но въ Арконѣ его войско возмутилось и онъ былъ убитъ солдатами (84), а предводительствованіе войскомъ на время перешло въ руки *Кн. Папирія Карбо*. Это былъ человѣкъ весьма посредственныхъ способностей, и въ распоряженіи партіи находился только *одинъ* человѣкъ, заслуживавшій вниманія, *Кв. Серторій*, который однакоже не ужился съ другими и воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы удалиться въ Испанію: это обстоятельство пришлось очень кстати для Суллы при той, далеко не легкой, задачѣ, которую ему предстояло рѣшить въ Италіи.

Первая междоусобная война. Побѣда Суллы.

Трудность задачи заключалась въ томъ, что его противники, въ теченіе четырехъ лѣтъ, имѣли полную возможность устроить свои дѣла, и при этомъ ни откуда не встрѣчали ни малѣйшаго противодѣйствія; въ Италіи ихъ дѣятельность была несомнѣнно популярною и даже западныя провинціи принимали сторону народной партіи; большинство и сила были на ихъ сторонѣ. Сулла, высадившійся на итальянскую почву въ Брундузіумѣ, могъ выставить противъ нихъ, относительно весьма небольшія силы—пять легіоновъ и 6,000 конницы—всего-на-все тысячъ 40 воиновъ. Правда, на его сторонѣ было то большое преимущество, что онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ этого войска, которое, въ теченіе четырехлѣтней войны, сплотилось въ изумительно-цѣльный военный организмъ. Война въ Италіи продолжалась два года сряду (83 и 82). Уже вскорѣ послѣ высадки, войска Суллы получили съ разныхъ сторонъ подкрѣпленія: эти новые отряды были собраны нѣкоторыми представителями знати, какъ напр. *Кв. Метелломъ Піемъ* и *Кн. Помпеемъ* (сыномъ того, что погибъ въ 86 г. подъ стѣнами Рима), въ мѣстностяхъ, гдѣ расположены были ихъ помѣстья и гдѣ они сами пользовались значеніемъ и вліяніемъ. Изъ двухъ армій, выставленныхъ противъ Суллы, одна потерпѣла серьезное пораженіе при горѣ *Тифата* въ Кампаніи, а другая, составленная изъ солдатъ молодыхъ и только что призванныхъ на службу, покинула знамена своего вождя и прямо перешла на сторону Суллы. Также безуспѣшно боролись противъ него и консулы слѣдующаго года, Папирій Карбо и Марій Младшій. Послѣдняго Сулла разбилъ при Сакрипортѣ, и вынудилъ его съ остаткомъ войскъ укрыться въ Пренэстѣ; затѣмъ Сулла вступилъ съ войскомъ въ Римъ, оставилъ въ немъ сильный гарнизонъ и направился далѣе на сѣверъ, чтобы, дѣйствуя за-одно съ Метелломъ и Помпеемъ, оградить себя отъ второго консула, Папирія, стоявшаго съ войскомъ въ Этруріи. Это ему вполнѣ удалось: войска Папирія были разсѣяны, самъ онъ вынужденъ бѣжать въ Африку; только неприступная Пренэста еще держалась и въ Самніумѣ еще уцѣлѣло небольшое войско, поддерживаемое мѣстными мятежниками. Предводившіе

этими мятежниками Понцій Телезинъ, М. Лампоній, да капуанецъ Гутта рѣшились на отчаянное геройство:—*идти на Римъ*, до котораго по прямому пути было не болѣе одного дня перехода, съ тѣмъ, что если дойти имъ не удастся, они всѣ полягутъ какъ одинъ человѣкъ. 25 октября 82 г. массы ихъ, около 60,000, со стороны Альбанскихъ горъ, стали приближаться къ городскимъ воротамъ Рима. Штурмъ былъ замедленъ мужественною вылазкою небольшого гарнизона; уже около полудня появилась часть конницы Суллы, а послѣ полудня—и онъ самъ подошелъ съ легіонами. И еще разъ, подъ самыми стѣнами Рима, возобновилась древняя борьба между Римлянами и Самнитянами; на одномъ крылѣ, гдѣ находился самъ Сулла, Самнитяне, въ теченіе нѣкотораго времени, еще одерживали верхъ, но въ то же время, на правомъ крылѣ М. Лициній Крассъ уже рѣшилъ побѣду въ пользу Рима. Битва продолжалась однакоже еще всю ночь, и ни съ той, ни съ другой стороны никто не просилъ и не давалъ пощады. И тѣ 4,000 Самнитянъ, которые очутились въ плѣну послѣ этой ужасной рѣзни, были казнены, нѣсколько дней спустя, на Марсовомъ полѣ; гулъ и шумъ этой бойни долеталъ до слуха засѣдавшихъ въ Сенатѣ, которыхъ безпощадный побѣдитель, какъ разъ въ это время, созвалъ въ храмъ Беллоны. Послѣ этого Сулла уже нигдѣ не встрѣчалъ сопротивленія. Маріи Младшій покончилъ самоубійствомъ; героическій предводитель Самнитянъ, Понцій Телезинскій, былъ въ числѣ казненныхъ плѣнниковъ. Не трудно было справиться и съ противодѣйствіемъ въ провинціяхъ, которыя довольно равнодушно относились къ перемѣнамъ власти въ Римѣ. Юный Кн. Помпей, легко овладѣвъ Сициліей и Африкой, дополнилъ новою заслугою свою службу на пользу дѣла Суллы; и Серторій въ Испаніи не долго могъ удержаться противъ значительныхъ воинскихъ силъ, предводимыхъ легатами Суллы.

Диктаторство Суллы. Возстановленіе правительственной дѣятельности Сената.

Такимъ образомъ Сулла явился безусловнымъ и неограниченнымъ владыкою, и не только въ рукахъ его сосредоточилось огромное могущество, но еще и самое положеніе, занятое имъ, обязывало его, такъ или иначе, устроить государство по своему уразумѣнію. Никакъ нельзя сказать, чтобы онъ, достигнувъ этой власти, достигъ и крайняго предѣла своихъ честолюбивыхъ стремленій; честолюбіе ни въ какомъ случаѣ и не было главною побудительною пружиною его дѣйствій: ему уже минуло 50 лѣтъ, когда онъ, собственно говоря, только что началъ свою карьеру. Роль, которую онъ теперь исполнялъ, была ему навязана обстоятельствами, — и онъ выполнилъ ее удивительно разумно, и притомъ съ холодностью и безсердечіемъ, которыя всегда составляли основу его натуры, а съ теченіемъ времени и еще болѣе въ немъ развились и усилились. И даже всѣ тѣ крайности, къ которымъ онъ прибѣгалъ, находили себѣ оправданіе въ жестокостяхъ противной партіи. Онъ не сразу, однакоже, удовольствовался достигнутыми результатами: это былъ человѣкъ, способный вполнѣ воспользоваться своею побѣдою и окончательно уничтожить своего противника... Вотъ почему ему и показалось необходимо, для окончательнаго обезпеченія результатовъ своей побѣды, *еще немного* пролить крови. Въ этихъ видахъ, онъ сначала озаботился о томъ, чтобы власти, въ сущности уже находившейся въ его рукахъ,—придать закон-

ную форму (или кажущуюся законною), и добился *диктатуры* на неопредѣленное время, при чемъ всѣ отправленія власти, и законодательной, и исполнительной, перешли въ его руки. Затѣмъ онъ издалъ указъ, по которому всѣ власти, гдѣ-либо поставленныя предшествовавшими ему консулами, и всѣ тѣ, которые въ какомъ бы то ни было смыслѣ были прикосновенны къ послѣднему возстанію,—объявлялись изгнанниками и ставились внѣ закона. Каждый имѣлъ право жизни и смерти надъ ними, и кто ихъ убивалъ, тотъ только поступалъ по указу, и даже имѣлъ право на награду за свой подвигъ. Имена этихъ несчастныхъ изгнанниковъ (proscripti), во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, были всюду обнародованы во всеобщее свѣдѣніе. На этихъ *проскрипціонныхъ спискахъ* было множество именъ: хотя самъ Сулла питалъ личную ненависть только по отношенію къ очень немногимъ изъ своихъ противниковъ, однакоже онъ не скупился на кровь ихъ тамъ, гдѣ дѣло шло объ удовлетвореніи его любимцевъ, которые заботились въ данномъ случаѣ не о личной только мести, но и о своемъ обогащеніи. По всей Италіи выискивали и выслѣживали жертвы; головы убитыхъ выставлялись въ Римѣ на-показъ при Сервиліевомъ прудѣ; сорокъ человѣкъ сенаторскаго сословія, 1.600 человѣкъ всадническаго — пали жертвами партійной ненависти и жажды къ наживѣ, которыя одинаково подстрекали къ этому омерзительному преслѣдованью ни въ чемъ неповинныхъ людей; а самъ диктаторъ смотрѣлъ на эти убійства, какъ на государственную необходимость, какъ на цѣлительное средство, и въ шутку называлъ ихъ «кровопусканіемъ Италіи». Но этого было мало. Имущества всѣхъ подвергнувшихся проскрипціи и тѣхъ, которые пали во время войны, сражаясь противъ Суллы, — были проданы съ публичнаго торга, и тотъ же варварски-жестокій законъ, который отнималъ у сыновей противниковъ Суллы ихъ имущество, тѣмъ же почеркомъ пера лишалъ ихъ права занимать какія бы то ни было общественныя должности, слѣдовательно низводилъ ихъ на степень второстепенныхъ гражданъ. Такъ посѣяно было сѣмя крови и ненависти, и изъ этого посѣва могли вырасти только новая кровь и новая ненависть.

Проскрипціи и законы.

Впрочемъ, о законодательной дѣятельности Суллы, для которой онъ такимъ кровавымъ способомъ расчищалъ и подготовлялъ почву, нельзя не отозваться съ нѣкоторымъ одобреніемъ; хотя въ ней не было ничего творческаго и открывающаго новые пути, однакоже была опредѣленная цѣль, къ которой онъ стремился: возстановить древне-римскій государственный строй съ его прежнимъ аристократическимъ отпечаткомъ, поднять значеніе государства въ завоеванной имъ странѣ. Въ этомъ отношеніи Сулла слѣдовалъ строго обдуманному плану, вполнѣ уже сложившемуся въ его сознаніи. Онъ самъ былъ аристократомъ, изъ древне-патриціанскаго дома, и не одною только родовитостью, не одною знатностью, не однимъ тонкимъ образованіемъ въ духѣ того времени, но и дѣйствительными преимуществами, и силою ума, и дальновидностью, и личнымъ значеніемъ своимъ превосходилъ онъ всѣхъ своихъ плебейскихъ противниковъ и въ особенности Марія, равно какъ и большинство равныхъ ему по общественному положенію современниковъ. Простымъ вождемъ партіи онъ не могъ быть уже потому, что былъ по самой природѣ своей созданъ

для обширной дѣятельности государственной; однакоже онъ не могъ вполнѣ освободиться отъ воззрѣній и даже предразсудковъ своего сословія, да и не желалъ того; быть реформаторомъ въ широкомъ смыслѣ слова, поставить римское государство на новую монархическую основу (а онъ не могъ не провидѣть необходимости такого преобразованія въ чисто-монархическомъ смыслѣ) ему казалось и трудно, и мудрено. Горячее, страстное стремленіе къ властвованью, къ упорядоченію, къ безпрерывному политическому созиданію и творчеству, — всѣхъ этихъ свойствъ великаго государственнаго дѣятеля, царственнаго генія, въ немъ не было. Лучшею характеристикою Суллы служитъ то, что онъ, даже въ самыя тревожныя эпохи своей жизни, даже и въ разгарѣ военныхъ дѣйствій, садясь за столъ, уже не выслушивалъ никакихъ докладовъ и не принималъ никакихъ рѣшеній: остальное время онъ посвящалъ на службу государству, но время обѣда принадлежало лично ему, Корнелію Суллѣ; и точно такъ же, въ періодъ диктаторскаго всемогущества, когда онъ одинъ всѣмъ правилъ и издавалъ законы, — онъ никогда не упускалъ возможности воспользоваться свободнымъ временемъ, когда положеніе государства это допускало, и удалялся отъ дѣлъ, чтобы въ полномъ спокойствіи насладиться тѣми радостями, которыя онъ могъ найти на днѣ кубка жизни.

Одинъ великій плодъ революціонныхъ движеній послѣдняго пятидесятилѣтія,—*великое дѣло единенія Италіи* путемъ дарованія полнаго права гражданства союзникамъ,— онъ призналъ существующимъ фактомъ и не пытался измѣнить въ немъ ни іоты. Напротивъ того, онъ быстро и съ корнемъ старался уничтожить всѣ тѣ учрежденія, которыя отзывались демократизмомъ Гракховъ и ихъ подражателей. Раздачи зернового хлѣба были прекращены; въ особенности же опаснѣйшее орудіе демократіи, народное трибунство, было притуплено при посредствѣ «Корнеліева закона о трибунской власти», по которому трибунамъ дозволялось обращаться съ предложеніемъ къ народному собранію не иначе, какъ на основаніи сенатскаго рѣшенія; въ трибуны, притомъ же, могли быть избираемы только люди изъ сенаторскаго сословія, и тотъ, кто побывалъ уже трибуномъ, не могъ болѣе добиваться никакихъ курульскихъ должностей. Такимъ образомъ, трибунство было обращено въ орудіе Сената для сношеній съ гражданами, а такъ какъ за трибунами сохранено было право оказывать помощь гражданамъ противъ превышенія власти со стороны магистратуры, то трибуны являлись тоже нѣкотораго рода орудіемъ для обузданія чиновничества. Законодательныя права народныхъ собраній Сулла не вполнѣ ограничилъ, и выборы оставилъ въ томъ же видѣ, въ какомъ они были прежде; но въ послѣдовательность поступательнаго восхожденія по служебной лѣстницѣ внесены были нѣкоторыя новыя ограниченія: — никто не могъ быть преторомъ, не бывши квесторомъ, никто не могъ быть консуломъ, не бывши преторомъ. Сенатъ былъ значительно дополненъ Суллою введеніемъ новыхъ 300 членовъ, избранныхъ имъ лично, и при этомъ существенно возвышено могущество и независимость этой древней корпораціи. На будущее время вступленіе въ Сенатъ обусловливалось вступленіемъ въ должность *квестора;* а такъ какъ ежегодно избиралось 20 квесторовъ, то ежегодно составъ Сената обновлялся 20 новыми

сочленами. Чрезвычайно мудреная обязанность, возложенная на цензоровъ, по отношенію къ просмотру списка сенаторовъ, была устранена и сенаторы явились несмѣняемыми и пожизненными; даже и власть высшихъ сановниковъ, консуловъ и преторовъ, была Суллою значительно ограничена. Военная власть была отдѣлена отъ политической: консулы и преторы (а ихъ теперь ежегодно избиралось восемь) оставались въ теченіе своего служебнаго года въ Римѣ и въ постоянныхъ сношеніяхъ съ гражданами, т. е. они правили Италіей и распоряжались судомъ и расправой; затѣмъ они отправлялись въ качествѣ *проконсуловъ* и *пропреторовъ* въ провинціи, которыхъ теперь было уже десять: Сицилія, Сардинія, двѣ Испаніи, Македонія съ Ахайей, Африка, Азія, Нарбоннская Галлія, Киликія и Цисальпійская Галлія; тамъ эти проконсулы и пропреторы, согласно распоряженію Сената, принимали на себя командованіе войсками. Въ законахъ, касавшихся финансовой и общей части управленія—напр., въ ограниченіи роскоши и т. п.—диктаторъ выказалъ весьма разнообразную предусмотрительность и оказалъ современникамъ услуги, которыя въ потомствѣ уже не могутъ найти себѣ правильной оцѣнки. Особенно важныя услуги оказаны были Суллою правосудію при посредствѣ учрежденія и дальнѣйшаго совершенствованія системы «*постоянныхъ отдѣленій суда*» (такъ-назыв. *Quaestiones perpetuae*), а также и тѣмъ, что отдѣлилъ процессъ уголовный, который предоставленъ былъ разбирательству суда присяжныхъ, отъ процесса гражданскаго, который подлежалъ рѣшенію одного присяжнаго, указаннаго предсѣдательствующимъ въ судѣ преторомъ. Не мѣшаетъ еще добавить, что около этого же времени выработались и формы управленія италійскими городскими общинами, по римскому образцу, такъ-называемые *муниципалитеты*: въ отдѣльныхъ городахъ видимъ народныя собранія, сенатъ изъ старшихъ представителей общины и чиновниковъ, представляющихъ собою власть исполнительную, административную и судебную, подобно тому, какъ это было въ Римѣ. Не слѣдуетъ забывать, что именно эту организацію и переустройство государства на новый ладъ, благодаря которымъ возстановлено было въ обществѣ нѣчто въ родѣ ощущенія порядка и безопасности,—и слѣдуетъ считать главною заслугою въ жизни и дѣятельности этого человѣка, минуя вызванныя лихорадочнымъ возбужденіемъ революціонной эпохи не извинительныя, но объяснимыя жестокости его. Для того, чтобы государственный механизмъ, вновь возстановленный Суллою, могъ работать спокойно и непрерывно, необходимо было Суллѣ озаботиться не только о своей личной безопасности, но и о безопасности партіи, вновь вызванной имъ къ кормилу правленія. Это произведено было путемъ обширной колонизаціи, при которой всѣ его ветераны получили участки земли въ Италіи*); а затѣмъ была принята другая, весьма практическая мѣра, совершенно въ духѣ Суллы — освобождено было 10,000 рабовъ, принадлежавшихъ лицамъ, подвергнутымъ проскрипціи и павшимъ въ войнѣ противъ Суллы: эти освобожденные рабы, какъ было въ данномъ случаѣ обычно, приняли имя освободившаго ихъ господина, прозвались

*) Въ источникахъ находимъ невозможную цифру 120,000 ветерановъ.

Корнеліями и, распредѣленные по трибамъ, представляли собою весьма надежную и преданную Суллѣ тайную полицію.

Удаленіе и смерть Суллы. 78.

Въ 81 году Сулла уже могъ произвести опытъ пригодности и прочности возстановленнаго имъ государственнаго строя; онъ допустилъ выборъ консуловъ, однакоже при этомъ не отказался отъ диктатуры. Въ 79 году онъ наконецъ сложилъ съ себя и диктатуру, и удалился въ свое имѣніе близъ *Путеоли*, гдѣ онъ сталъ жить, наслаждаясь по-своему, дѣля свое время между шумными пиршествами въ кругу людей весьма сомнительной нравственности, и составленіемъ своихъ мемуаровъ, да вѣроятно и еще какой-нибудь серьезной работой, которая была неизбѣжна, при его положеніи. Весьма многое, а по его воззрѣніямъ даже и все, случившееся съ нимъ въ жизни, приписывалъ онъ удачѣ; это-же воззрѣніе, которое отзывается не то довольно-своеобразною скромностью, не то довольно-страннымъ легкомысліемъ, выразилось и въ томъ, что Сулла самъ себѣ придумалъ прозваніе *счастливца*—Л. Корнелій Сулла-Счастливецъ—и этимъ прозваніемъ вполнѣ удовольствовался. Высокое положеніе, которое онъ занималъ и продолжалъ занимать даже и послѣ своего удаленія отъ дѣлъ, такъ какъ онъ могъ вновь возвратиться къ нему въ каждую данную минуту, — это положеніе никогда не составляло конечной цѣли стремленій его честолюбія: по волѣ счастья — если только подобное положеніе можно назвать *счастливымъ*—или въ силу неизбѣжно сложившихся обстоятельствъ и условій политическаго положенія Рима, Суллѣ пришлось быть первымъ *постояннымъ диктаторомъ* (dictator perpetuus)—первымъ монархомъ Рима. Такъ онъ и скончался въ своемъ имѣніи, либо скоропостижно, либо послѣ очень краткой болѣзни (78); останки его съ царственною пышностью были преданы землѣ на Марсовомъ полѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Общее положеніе дѣлъ: Кн. Помпей.—Война въ Испаніи.—Невольническая война.—Война съ морскими разбойниками.—Война на Востокѣ.—Третья Митридатова война.—Заговоръ Катилины.—Возвращеніе Помпея и первый тріумвиратъ.

(78—60 до Р. Хр.).

Общій взглядъ.

Тотчасъ послѣ кончины Суллы оказалось, какъ необходима была для римскаго государства монархическая власть въ родѣ той, какою онъ обладалъ. Вся внутренняя исторія Рима въ ближайшія десятилѣтія настоятельно требовала именно такой власти, и самыя разнообразныя попытки были сдѣланы въ этомъ направленіи, но всѣ безуспѣшно: и весь ходъ внѣшней исторіи, и успѣхи единичныхъ выдающихся дѣятелей общественныхъ,—все это стремилось къ той же цѣли; и самые дѣятели эти,

главнымъ образомъ, пріобрѣтали въ глазахъ современниковъ интересъ лишь настолько, насколько они обрисовывали собою съ большею или меньшею ясностью личность того будущаго монарха, котораго весь историческій міръ желалъ и искалъ. И этотъ вопросъ «исканія монарха» уже не составлялъ болѣе частный вопросъ, важный для правящихъ круговъ Рима или для римско-италійскаго населенія Италіи, — нѣтъ, онъ одинаково былъ насущнымъ вопросомъ для высшихъ классовъ всѣхъ народовъ, разселенныхъ на пространствѣ земель отъ береговъ Нила до береговъ Гвадалквивира: исторія города Рима уже обратилась въ это время въ исторію всѣхъ странъ, расположенныхъ по прибрежьямъ Средиземнаго моря—исторія небольшой италійской гражданской общины расширилась до предѣловъ исторіи всемірной.

Положеніе народовъ, жившихъ по прибрежьямъ Средиземнаго моря.

Происшествія этой исторіи, какъ уже разсказанныя нами, такъ и тѣ, которыя намъ далѣе предстоитъ разсказать, поочередно переходя отъ войнъ къ различнымъ переворотамъ и перемѣнамъ во внутреннемъ государственномъ устройствѣ—всѣ эти происшествія даютъ намъ понятіе лишь о весьма небольшой и въ сущности самой неутѣшительной части этой исторіи. И все же, даже во время всякихъ ужасовъ Маріева правленія, даже во время убійствъ и проскрипцій Сулловской диктатуры, прогрессъ человѣчества не былъ пріостановленъ, хотя проявленія его, весьма обильныя, весьма многозначительныя, конечно, болѣе принадлежали къ области частной жизни, къ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, и потому ихъ можно уловить или предположить только въ самыхъ общихъ чертахъ, но нельзя изобразить въ отдѣльности. Предполагаютъ, что, во времена Суллы, свободное населеніе Италіи простиралось отъ 7 до 8 милліоновъ, а число рабовъ—отъ 13 до 14 милліоновъ. Отдѣльныя насилія всякихъ правителей, захватывавшихъ власть въ руки, вовсе и не касались громаднаго большинства этихъ 20.000.000, и тѣ выгоды, которыя это большинство, въ общемъ, извлекало изъ существующаго порядка вещей, далеко превышали всѣ ущербы и убытки, какіе могли быть причинены ему Маріемъ или Суллою, или однимъ изъ ихъ пособниковъ. Городъ Римъ сталъ теперь столицею громаднаго государства, а вся Италія теперь представляла собою не болѣе какъ ея предмѣстье, ея городской округъ. Такое положеніе Рима вызвало громадное возрастаніе торгово-промышленной дѣятельности, и едва-ли когда-либо существовалъ на свѣтѣ городъ, на улицахъ и площадяхъ котораго кипѣла бы болѣе разносторонняя и болѣе шумная жизнь, нежели въ тогдашнемъ Римѣ. Вопросы политическіе, законодательные и правительственные составляли только весьма незначительную часть интересовъ, которые въ Римѣ, какъ въ міровомъ центрѣ, сосредоточивались. Весьма значительную часть населенія занимали главнымъ образомъ финансовыя послѣдствія событій—повышеніе и паденіе бумагъ, «биржевыхъ цѣнностей», какъ мы теперь говоримъ, стоявшее въ тѣсной связи съ извѣстіями о военныхъ дѣйствіяхъ въ Азіи или на другомъ театрѣ войны; еще бо́льшую массу населенія занимали свѣдѣнія о колонизаціяхъ, о новыхъ аграрныхъ или фрументарныхъ законахъ; чернь, которая здѣсь въ Римѣ была, весьма естественно, еще многочисленнѣе и еще пестрѣе по составу, чѣмъ гдѣ-либо, кромѣ заботъ о насущномъ заработкѣ, болѣе

всего занимали тѣ зрѣлища и увеселенія, которыя постепенно становились все болѣе и болѣе утонченными и все болѣе частыми, сообразно съ множествомъ празднествъ, вносимыхъ въ календарь и доставлявшихъ полный просторъ праздному досугу. Начиная съ 100 года, эдилы уже могли пріобрѣтать себѣ популярность среди римской черни, выписывая изъ-за моря разныхъ диковинныхъ звѣрей, въ родѣ львовъ, слоновъ и т. п., для украшенія игръ римскаго цирка.

Общую картину Рима набросать не трудно; не такъ легко набросать картину Италіи. Гракховское распредѣленіе земель—такъ, по крайней мѣрѣ, предполагаютъ—внесло около 80.000 новыхъ отдѣльныхъ поселеній, построенныхъ земледѣльческимъ сословіемъ; надѣленіе ветерановъ Суллы земельными участками добавило еще около 120.000 поселеній. Это не могло, конечно, пройти безслѣдно, хотя бы даже многіе изъ новопоселенныхъ, отвыкнувъ во время долгой военной службы отъ правильной работы, и были, конечно, плохими землепашцами, и подобныя поселенія, возобновляемыя часто, но случайно, не давали сословію свободныхъ землепашцевъ никакого постояннаго правильнаго прироста. Однакоже страна имѣла видъ тщательно обработанной и эксплуатируемой всѣми способами высокоразвитой цивилизаціи. Въ огромныхъ имѣніяхъ, паркахъ, садахъ, роскошно-построенныхъ виллахъ были вложены громаднѣйшіе капиталы; прекрасныя шоссированныя дороги пересѣкали страну во всѣхъ направленіяхъ; много заботъ было приложено и къ устройству водопроводовъ, мостовыхъ сооруженій, къ канализаціи для осушенія болотъ. Весьма значительная доля Италійцевъ проживала въ провинціи, занимаясь торговыми дѣлами и денежными оборотами—и мы всюду ихъ видимъ: такъ, напримѣръ, во время рѣзни въ Циртѣ и во время безчисленныхъ убійствъ, совершенныхъ по приказу Митридата, Италійцы, какъ мы видѣли, гибли во множествѣ, хотя въ дошедшихъ до насъ свѣдѣніяхъ цифра погибшихъ и преувеличена. Послѣднее событіе проливаетъ, конечно, довольно неблагопріятный свѣтъ на общее положеніе провинціи, а судебныя рѣчи современныхъ процессовъ, въ болѣе или менѣе темныхъ краскахъ, обрисовываютъ намъ и ростовщическія продѣлки спекулянтовъ, и козни, и насилія хищныхъ преторовъ и ихъ пособниковъ, и высокомѣріе знатныхъ Римлянъ при ихъ проѣздахъ по провинціи, гдѣ ихъ встрѣчали какъ полубоговъ, съ рабскою готовностью ко всякимъ услугамъ. Но, съ другой стороны, нельзя не признать и того, что всѣ тѣ недуги, отъ которыхъ римское владычество избавило покоренныя имъ страны, были гораздо значительнѣе и зловреднѣе тѣхъ недуговъ, какіе римское владычество имъ навязало; а тотъ относительный порядокъ и безопасность, которые были Римомъ въ провинціи созданы, представляли собою такія блага, которыхъ никакой хищникъ-преторъ, никакое жадное до наживы общество италійскихъ спекулянтовъ не могли не только упразднить, но даже и поколебать. Италійцы, впрочемъ, всюду составляли привилегированный классъ общества, который даже и судился по своимъ особымъ законамъ; но тѣмъ не менѣе, однакоже, римская провинція, управляемая даже и такимъ преторомъ, какъ Верресъ, управлялась все же несравненно лучше, нежели Ливія подъ властью карѳагенскихъ посаженниковъ или Испанія—

Остатки римскаго водопровода (акведука) въ Кампаньѣ. По оригинальной фотографіи.

князьками маленькихъ, вѣчно воюющихъ между собою племенъ, или та же Нумидія при Масиниссѣ и Югуртѣ.

Смѣшеніе народонаселенія въ Римѣ.

Насколько многочисленъ былъ всюду италійскій элементъ въ провинціи, настолько же громадно было количество чуждыхъ элементовъ, проникавшихъ въ Италію. Это должно было оказывать на духовную жизнь народа сильныя и глубокія впечатлѣнія, которыя отражались и въ массѣ населенія. Все болѣе и болѣе начинали проникать сюда религіозныя воззрѣнія съ Востока: среди культовъ, дозволенныхъ въ Римѣ, наибольшимъ значеніемъ пользовалось поклоненіе «великой матери» (землѣ), занесенное изъ Пессинунта; даже и самъ высшій жрецъ этой богини, Баттакесъ, пріѣзжалъ изъ Пессинунта въ Римъ во время войны съ Кимврами. Что же касается до полицейскихъ мѣръ запрещенія противъ культовъ недозволенныхъ *), то онѣ были совершенно безсильны противъ наплыва цѣлой массы рабовъ, ввозимыхъ изъ восточныхъ странъ, при безпрерывныхъ торговыхъ сношеніяхъ и при неискоренимой потребности толпы — искать себѣ утѣшенія въ томъ страхѣ, который внушали имъ новыя и чуждыя божества и духи. Это восходило даже и до высшихъ круговъ, въ которыхъ, впрочемъ, наиболѣе преобладало греческое вліяніе. Въ правящихъ кругахъ, напримѣръ, въ знатномъ домѣ Сципіоновъ, отдавали полнѣйшее предпочтеніе греческой литературѣ; нѣкоторые выдающіеся дѣятели, подобные, напримѣръ, Эмилію Павлу, умѣли въ домашнемъ воспитаніи своихъ семей сопрягать древне-римскую положительность съ греческимъ изяществомъ и утонченностью. Это стремленіе дѣлалось все болѣе и болѣе общимъ и постоянно возбуждало новыя попытки подражать греческому духу и возсоздавать его въ латинскихъ формахъ. По слѣдамъ Эннія направилъ свою творческую дѣятельность и *Пакувій*, а за нимъ и младшій *Л. Акцій* (170—103) въ своихъ трагедіяхъ; а начатое Плавтомъ пересажденіе греческихъ комедій на римскую почву продолжалъ для болѣе избранной публики *Теренцій*, прирожденный ливіецъ изъ финикійскихъ африканскихъ владѣній, прибывшій въ Римъ въ качествѣ раба. Сценическое искусство около этого времени значительно поднялось; и машины, и декораціи—все это улучшилось съ тѣхъ поръ, какъ сценическія представленія стали постоянно входить какъ составная часть въ общія «римскія игры»; въ обществѣ стали пользоваться извѣстностью имена знаменитыхъ актеровъ, какъ, напримѣръ, имя *Квинта Росція*, котораго особенно высоко цѣнилъ Сулла. Среди всѣхъ этихъ разнообразныхъ побужденій стала развиваться и оригинальная латинская поэзія, важнѣйшимъ представителемъ которой былъ *К. Луцилій* изъ Суессы (141—103); его «сатиры» производили сильное и внушительное впечатлѣніе. Греку трудно было бы истолковать, что такое *satura*, да оно и вообще не легко истолковать въ немногихъ словахъ. Этотъ родъ поэзіи основывается на моральномъ созерцаніи человѣческой жизни и разбираетъ современные пороки либо съ горечью, либо съ ироніей, слѣдовательно, главнымъ образомъ, прозаически; и вотъ именно эта способность относиться къ человѣческой

*) Такъ, въ 139 году до Р. Хр. были высланы изъ Рима халдейскіе прорицатели и гороскописты.

жизни и ея прозѣ съ юморомъ—была чисто-римскою особенностью, а литературное отраженіе этой способности было римскою особенностью этой эпохи. Ибо сатирическая поэзія постоянно выставляетъ на видъ то, что именно и характеризуетъ это время: рѣзкое различіе между сословіями—сильное интеллектуальное превосходство руководящихъ классовъ надъ классами рабочими и нуждающимися въ пропитаніи.

По отношенію къ эпохѣ междоусобныхъ войнъ слѣдуетъ отмѣтить одно весьма характерное явленіе. Господствующіе круги Рима рѣзко различались одинъ отъ другого и ото всѣхъ другихъ не богатствомъ, не привилегированнымъ политическимъ положеніемъ своимъ, а болѣе возвышеннымъ, болѣе многостороннимъ, болѣе обширнымъ образованіемъ. Кромѣ поэзіи и искусства, умственная дѣятельность искала себѣ наслажденія и въ наукѣ: правовѣдѣніи, филологіи, риторикѣ, исторіи; наука, однакоже, вовсе не была еще общимъ достояніемъ многихъ: доступная лишь очень небольшому меньшинству, она и этимъ меньшинствомъ пріобрѣталась лишь съ величайшимъ трудомъ. Но за то эти немногіе были проникнуты сознаніемъ своего превосходства, своей силы и своихъ правъ на господство въ обществѣ. Въ одномъ пунктѣ въ особенности выяснялась полная отчужденность высшихъ классовъ отъ народа:—*религія* массы уже вовсе не имѣла никакого значенія для высшихъ классовъ. Они, въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ, давно уже перешли за ту первую ступень раціонализма, которая выражалась въ воззрѣніяхъ *Эвгемера* или *Эпихарма* (современниковъ Александра Великаго), которые пытались наивно пояснить основу народныхъ вѣрованій въ божество простою идеализаціей смертныхъ. Въ данное время боги и герои древнихъ народныхъ вѣрованій (Римляне этой эпохи успѣли уже ознакомиться съ политеизмомъ и другихъ народовъ) признавались уже не обоготворенными людьми, а просто несуществующими или, лучше сказать, существующими въ воображеніи поэтическими образами, одухотвореніями. Надо однакоже признаться, что не особенно пріятно чувствовать себя освободившимся отъ вѣрованій и увлеченій большинства своихъ соплеменниковъ; не легко дышется человѣку въ разрѣженномъ и холодномъ воздухѣ громадныхъ высотъ; немногіе имѣютъ мужество не только передъ другими, но даже и передъ собой сознаться въ полномъ разрывѣ съ религіозными вѣрованіями своего народа. Этого мужества не хватало даже и у греческой философіи въ двухъ ея главныхъ направленіяхъ—стоическомъ и эпикурейскомъ—одинаково широко распространенныхъ среди римскаго общества. Какъ эпикуреизмъ, такъ и стоицизмъ должны были отвести въ своихъ системахъ хотя бы самое скромное мѣсто Олимпу «добраго стараго времени»; по воззрѣніямъ эпикурейцевъ, богамъ приписывалось идеальное существованіе въ праведномъ покоѣ и блаженствѣ, ненарушаемыхъ никакою связью съ міромъ и силами его созидающими и разрушающими; *стоики* также не отвергали существованіе боговъ, стараясь истолковывать миѳы и народныя представленія о богахъ съ символической и аллегорической точки зрѣнія. Вообще говоря, стоическая философія, болѣе подходившая къ характеру Римлянъ, была сильнѣе распространена въ высшемъ кругу римскаго общества, нежели эпикурейская, не совсѣмъ подходившая къ слишкомъ серьезному

Религія. Невѣріе.

взгляду Римлянъ на жизнь. Однакоже, хотя между правящими классами и не много можно было встрѣтить открытыхъ и явныхъ эпикурейцевъ—самый эпикуреизмъ съ его матеріалистическимъ стремленіемъ къ чувственному наслажденію и къ тѣмъ средствамъ, которыя могли его доставить, былъ широко распространенъ въ высшемъ римскомъ обществѣ. По отношенію же къ вѣрованіямъ народа, этотъ высшій классъ держалъ себя очень осторожно — признавалъ въ нихъ нѣчто въ родѣ государственной религіи, на которой, въ концѣ концовъ, основывался весь нравственный строй массы; съ внѣшней стороны, римская знать относилась къ ней съ великимъ уваженіемъ, и если осмѣивала въ ней тѣ или другія стороны, то осмѣивала очень осторожно и тайно. Среди знати, вступленіе въ коллегію авгуровъ, избраніе въ санъ высшаго жреца (pontifex), должность *Flamen dialis*—представляли собою почетныя отличія, весьма лестныя для честолюбцевъ; это нимало не мѣшало тому, что два авгура, встрѣтившись наединѣ, не могли глядѣть другъ на друга безъ смѣха...

Политическое положеніе по смерти Суллы.

Эту внутреннюю неправду и этотъ недостатокъ въ твердомъ нравственномъ принципѣ, въ непогрѣшимомъ нравственномъ авторитетѣ ощущалъ въ себѣ и Сулла, и потому не въ силахъ былъ этого измѣнить. То, что было имъ сдѣлано, можно назвать реставраціей, но не реформаціей: и едва только онъ успѣлъ умереть, какъ уже созданный имъ строй сталъ съ самыхъ различныхъ сторонъ подвергаться нападкамъ. Само собою разумѣется, что всякій новый распорядокъ, основанный на насильственномъ низверженіи и приниженіи большой политической партіи, всегда создастъ массу недовольныхъ. Къ этому элементу присоединилось еще много другихъ, вызываемыхъ къ жизни всякимъ переворотомъ, и общество очутилось въ такомъ положеніи, что каждому честолюбцу, который бы съ какой бы то ни было стороны сталъ въ оппозицію съ сулловскимъ строемъ, уже представлялась возможность создать себѣ видное положеніе въ политическомъ мірѣ. Такого рода оппозиціонную попытку рѣшился сдѣлать *М. Эмилій Лэпидъ*, избранный консуломъ въ самый годъ смерти Суллы (въ 78): возвращеніе изгнанныхъ, возстановленіе ихъ правъ или правъ ихъ дѣтей на ихъ имущества, возвращеніе правъ тѣхъ италійскихъ общинъ, которыя были подвергнуты карѣ за послѣднее возстаніе, возстановленіе народнаго трибунства во всемъ значеніи его прежней мощи,—вотъ что было написано на его знамени. Однакоже онъ потерпѣлъ неудачу и въ слѣдующемъ году уже умеръ (77). Гораздо болѣе опаснымъ для возстановленнаго Суллою правленія знати оказался одинъ изъ бывшихъ военачальниковъ Марія, *Кв. Серторій*, который сначала удалился изъ Испаніи, уступая численному перевѣсу войскъ, предводительствуемыхъ легатомъ Суллы, но въ 80 г. вернулся туда же и сталъ во главѣ народнаго возстанія Лузитанцевъ. Его лагерь явился опорою и убѣжищемъ для всѣхъ бѣглецовъ народной партіи, и притомъ онъ удивительно ловко умѣлъ слить во-едино римскіе и испанскіе элементы въ своемъ войскѣ. Въ 77 г. къ нему примкнули остатки войска Лэпидова, и тогда Серторій учредилъ въ Испаніи нѣчто въ родѣ настоящаго правительства, съ сенатомъ изъ 300 членовъ во главѣ, и въ то же самое время старался всѣми силами утвердить римскіе порядки въ провинціи и съ ея испанскимъ на-

Лэпидъ и Серторій.

селеніемъ съумѣлъ стать въ самыя лучшія отношенія: можно было не на шутку опасаться возстановленія демократизма на развалинахъ сулловскаго государственнаго строя, такъ какъ намѣстникъ Суллы, Кв. Метеллъ Піусъ, не могъ управиться съ Серторіемъ, и было весьма возможно, что этотъ способный вождь мятежниковъ явится, пожалуй, со своимъ войскомъ и въ Италіи, перешагнувъ Альпы, какъ нѣкогда перешагнулъ ихъ Ганнибалъ, съ которымъ туземцы его сравнивали.

Между высшими военачальниками, ближе всего стоявшими къ Суллѣ, первое мѣсто занималъ тотъ самый *Кней Помпей*, котораго Сулла привѣтствовалъ однажды прозваніемъ *Великаго* (Magnus), когда этотъ 23-хлѣтній юноша, по его приказанію, разомъ покончилъ съ попытками возстанія народной партіи въ Африкѣ. Что онъ не имѣлъ никакихъ правъ на это прозваніе — то было достаточно доказано всею его дальнѣйшею карьерою; большую безтактность выказалъ онъ тотчасъ же въ томъ, что потребовалъ для себя сразу того исключительнаго положенія, какого Сулла на нѣсколько лѣтъ добился послѣ многолѣтнихъ усилій и крупныхъ дѣяній. Однакоже Помпей пользовался довѣріемъ въ войскѣ, притомъ и знати тоже оказалъ услуги при подавленіи возстанія Лэпида; и вотъ, по выраженному имъ желанію, хотя онъ и не принялъ обязательныхъ служебныхъ степеней, и консуломъ тоже не былъ, — его назначили *проконсуломъ* въ Испанію, для окончанія войны съ Серторіемъ. Однакоже этого не такъ скоро удалось ему достигнуть, какъ онъ того ожидалъ. Вмѣстѣ съ Метелломъ, онъ годъ за годомъ велъ совершенно тщетную борьбу съ Серторіемъ, и только тогда, когда Серторій въ 72 году палъ жертвою заговора, затѣяннаго приближеннымъ къ нему военачальникомъ, Помпею удалось наконецъ одолѣть возстаніе и усмирить страну, оставшуюся безъ предводителя. Приведя въ нѣкоторый порядокъ дѣла провинціи, сообща съ сенатскою комиссіею, Помпей возвратился въ 71 г. въ Римъ. Кн. Помпей.

Во время пятилѣтняго отсутствія Помпея, государственный строй, установленный Суллою, въ важнѣйшихъ своихъ основахъ, успѣлъ установиться и окрѣпнуть; но не много можно было сказать хорошаго о реставрированномъ правленіи Сената. На Востокѣ вновь разразилась война съ царемъ *Митридатомъ* Понтійскимъ, именуемая *третьею* войною съ Митридатомъ (74—63 до Р. Хр.); *вторую* войну велъ съ нимъ легатъ Суллы *Л. Лициній Мурена*, открывшій военныя дѣйствія въ 83 г. безъ приказанія Суллы. Рядомъ съ этою войною, въ громадныхъ размѣрахъ проявилось и другое зло — *морское разбойничество*, развившееся среди сумятицы и внутреннихъ волненій и войнъ въ Азіи и поощряемое бездѣятельностью сенатскаго правленія и назначаемыхъ имъ правителей. Вторая и третья войны съ Митридатомъ, съ 74 до 63 г.

Въ самой Италіи загорѣлось (сначала около Капуи) страшное возстаніе гладіаторовъ, къ которому толпами стали отовсюду сбѣгаться рабы (73). Мятежники нашли себѣ энергичнаго и ловкаго предводителя въ лицѣ ѳракійца *Спартака*, и силы ихъ, благодаря нераспорядительности римскаго правительства, вскорѣ возросли до 100.000 человѣкъ, такъ что даже самый Римъ пришлось объявить на военномъ положеніи и охранять его стѣны и ворота войсками. Только уже въ 71 г., преторъ *М. Лициній Крассъ* Возстаніе гладіаторовъ. 71.

(тоже одинъ изъ учениковъ Суллы въ военномъ дѣлѣ) нанесъ рѣшительное пораженіе Спартакову скопищу, двинувшемуся на югъ. Какъ плохо до того времени велась война со Спартакомъ, можно судить по тому, что Крассъ, послѣ этого пораженія, отбилъ у мятежниковъ пять легіонныхъ орловъ и другіе трофеи сражавшихся противъ нихъ римскихъ войскъ. Затѣмъ онъ нанесъ мятежникамъ послѣднее пораженіе въ Луканіи; здѣсь самъ Спартакъ палъ смертью героя. Отдѣльный отрядъ мятежниковъ, воевавшій на С. Италіи, количествомъ въ 500 человѣкъ, вздумалъ было спастись, перебравшись за Альпы, но здѣсь наткнулся на Помпея, возвращавшагося съ войскомъ въ Италію, и былъ имъ разсѣянъ. Крассъ былъ, конечно, очень недоволенъ тѣмъ, что Помпей съумѣлъ и этотъ, въ сущности совершенно ничтожный, успѣхъ поставить себѣ въ особенную заслугу.

Римскій легіонный орелъ.

Помпей и Крассъ консулы. 70 г.

Оба побѣдоносныхъ вождя, которые, не довѣряя другъ другу, медлили даже распущеніемъ своихъ войскъ, пожелали быть избранными въ консулы на слѣдующій годъ; однакоже они вскорѣ сговорились между собою и предпочли, оставивъ борьбу въ сторонѣ, дѣйствовать за-одно для обоюдной пользы. Они оба были избраны. Крассъ, который удивительно счастливо умѣлъ спекулировать во время Сулловскихъ проскрипцій и пріобрѣлъ этимъ путемъ громаднѣйшее богатство, поражалъ народъ своею необычайною щедростью. Въ день какихъ-то важныхъ жертвоприношеній, онъ пригласилъ всѣхъ римскихъ гражданъ на обѣдъ и угостилъ ихъ, усадивъ за 10.000 столовъ. Онъ раздавалъ направо и налѣво, всѣмъ и каждому, зерно изъ житницъ въ видѣ трехмѣсячныхъ запасовъ; и этимъ путемъ добился того значенія въ глазахъ толпы, какое можетъ быть пріобрѣтено подобными средствами, а съ другой стороны, умнымъ и толковымъ управленіемъ и распоряженіемъ своими колоссальными богатствами, привязалъ къ себѣ массу частныхъ лицъ и частныхъ интересовъ. Но при всемъ этомъ умѣньи и ловкости, онъ далеко уступалъ въ значеніи Помпею. Поразительно, съ какимъ упорствомъ привязалась къ этому человѣку толпа, олицетворяя собою то монархическое влеченіе, которое жаждало подчиниться власти одного господина и повелителя! А между тѣмъ, до этого времени, тотъ не произвелъ ничего, что бы превышало кругъ дѣятельности человѣка, одареннаго недюжинными способностями; да и послѣднее его дѣяніе — усмиреніе Испаніи—ни въ какомъ случаѣ нельзя было назвать блестящимъ подвигомъ. Такое именно воззрѣніе на Помпея преобладало и въ Сенатѣ, который отнесся къ нему довольно холодно; но именно это и открыло Помпею путь къ счастью. Не поладивъ съ Сенатомъ, онъ сблизился съ народомъ, который былъ очень польщенъ ухаживаньемъ знатнаго человѣка и, конечно, отозвался на его происки весьма горячо. Отъ него ожидали, что ему удастся неудавшееся доселѣ другимъ:— устраненіе законовъ, внесенныхъ Корнеліемъ Суллой. Помпей, отчасти, исполнилъ это желаніе народа. Онъ возстановилъ власть трибуна въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала до Суллы, и сталъ на сторонѣ «за-

кона о судѣ», предложеннаго *Авреліемъ Коттой*, и устранявшаго исключительно сенаторскіе суды. Крайняя несостоятельность этихъ судовъ выказалась въ самомъ неказистомъ видѣ при разборѣ одного изъ современныхъ весьма громкихъ процессовъ, а именно процесса нѣкоего Верреса, бывшаго преторомъ въ Сициліи въ 73—70 гг.; процессъ этотъ былъ веденъ молодымъ еще адвокатомъ *Тулліемъ Цицерономъ* противъ знаменитѣйшаго изъ современныхъ адвокатовъ *Кв. Гортензія*, и противъ всѣхъ богатствъ обвиняемаго, точно такъ же, какъ и противъ усиленнаго вліянія многихъ знатныхъ фамилій,—и былъ имъ выигранъ. По закону Аврелія Котты, учреждены были три отдѣленія или декуріи судей—одно изъ сенаторовъ, другое изъ всадниковъ, и третье изъ такихъ лицъ, которыя, принадлежа, по имущественному положенію, къ первому классу гражданъ, уже были удостоены довѣрія въ своихъ трибахъ и избираемы въ различныя почетныя и отвѣтственныя должности. При этомъ и должность цензора была возстановлена, и кругъ ея власти остался тотъ же... Помпей воспользовался военнымъ смотромъ, который задумали устроить цензоры того года, чтобы заставить толпу говорить о себѣ. Онъ, консулъ, предшествуемый ликторами въ ихъ обычной обстановкѣ, явился вмѣстѣ со всадниками предъ цензора, велъ подъ уздцы его лошадь, какъ и всѣ другіе, и когда цензоръ къ нему, такъ же, какъ и ко всѣмъ другимъ, обратился съ вопросомъ, совершилъ-ли онъ положенное закономъ число походовъ, Помпей отвѣчалъ утвердительно и добавилъ: «подъ моимъ собственнымъ предводительствомъ». И эта казовая скромность пришлась какъ нельзя болѣе по вкусу толпы.

Но Помпей далѣе этихъ мѣръ не пошелъ въ нарушеніи строя установленнаго Суллой; народъ былъ и этимъ доволенъ и Сенатъ тоже успокоился, видя, что Помпей избѣгаетъ наиболѣе страшнаго для всѣхъ вопроса о возвращеніи изгнанниковъ, которое для Красса могло оказаться очень непріятнымъ. Затѣмъ, покинувъ консульство, Помпей опять вернулся въ частную жизнь: онъ необычайно ловко умѣлъ играть роль человѣка знатнаго, но удалившагося отъ дѣлъ; между тѣмъ какъ другіе изъ силъ выбивались, чтобы отличиться—онъ спокойно ждалъ того прилива или отлива въ общественныхъ дѣлахъ, который вновь долженъ былъ открыть ему доступъ къ высшему сану. И дѣйствительно, дѣла на Востокѣ вскорѣ сложились именно такъ, что Помпей дождался своей очереди.

Морское разбойничество въ Средиземномъ морѣ.

Настоятельнѣйшимъ вопросомъ времени, требовавшимъ безотлагательнаго рѣшенія, былъ несомнѣнно вопросъ о *морскомъ разбойничествѣ*. По прибрежьямъ Средиземнаго моря и въ различныхъ углахъ его, какъ намъ уже не разъ случалось указывать, было не мало такихъ странъ, которыя либо изстари занимались этимъ промысломъ, либо принимались за него весьма охотно, когда имъ въ томъ благопріятствовали условія. Однимъ изъ весьма благопріятныхъ условій для быстраго распространенія морскихъ разбоевъ по прибрежьямъ Средиземнаго моря послужили, конечно, происходившія въ Италіи междоусобныя войны со всѣми ихъ послѣдствіями, проскрипціями, преслѣдованіями и скитаніемъ изгнанниковъ. И вотъ эти изгнанники и отверженники, изъ ненависти противъ новыхъ

правителей и новыхъ порядковъ—принимались за морской разбой, на который изстари установился взглядъ, гораздо болѣе снисходительный, нежели на простое разбойничество на сушѣ. А такъ какъ за междоусобными войнами послѣдовала еще союзническая война, затѣмъ невольническая война и разные перевороты, то морское разбойничество, пользуясь бездѣйствіемъ римскихъ властей, мало-по-малу возросло до значенія силы, которая сама себѣ придавала названіе «плавучаго государства», и наконецъ распространилась по всему Средиземному морю. Уже ни одинъ купеческій корабль не могъ болѣе плавать вполнѣ безопасно. Награбленное добро разбойники укрывали въ неприступныхъ горныхъ замкахъ Тавра, а людей, захваченныхъ въ плѣнъ—если никто ихъ не выкупалъ—они продавали на невольничьихъ рынкахъ. Римское правительство выступало на борьбу съ морскими разбойниками, но только мимоходомъ, по частямъ, не придавая никакого единства своимъ дѣйствіямъ, довольствуясь полумѣрами и поручая эту борьбу личностямъ, не имѣвшимъ никакого значенія. Такимъ образомъ зло возросло до невѣроятія. Даже цѣны на хлѣбъ стали подыматься, потому что пираты перехватывали на морѣ хлѣбные грузы; греческіе прибрежные и островные города были пиратами разграблены, и вскорѣ той же участи подпали города сицилійскіе и италійскіе (напр. Мизенумъ, Кайета и т. д.); многіе именитые мужи римскіе, даже чиновники, плывшіе за море по дѣламъ общественной службы,—попадались въ руки пиратовъ, и легкія суда Киликійцевъ, такъ-называемыя «міопароны», иногда соединявшіяся въ громадныя разбойничьи эскадры, стали наконецъ появляться даже и передъ Остіей, въ самыхъ устьяхъ Тибра. Это великое зло—въ особенности теперь, когда война съ Митридатомъ опять разгорѣлась и тянулась изъ года въ годъ — представляло серьезную опасность и должно было даже возымѣть нѣкоторое значеніе для внутренней исторіи римскаго государства и его владѣній.

Габиніевъ законъ; Помпей главнокомандующій.

Одинъ изъ любимцевъ Помпея, народный трибунъ *А. Габиній*, выступилъ передъ народомъ въ 67 г. съ предложеніемъ—поручить борьбу съ морскимъ разбоемъ одному главнокомандующему, который всюду на морѣ и на 400 стадій отъ прибрежья внутрь страны пользовался бы проконсульскою властью на всемъ пространствѣ отъ Геркулесовыхъ столповъ до восточной границы римскаго государства; такой главнокомандующій (imperator) долженъ быть избранъ на три года, а ему подъ начало отряжены пятнадцать легатовъ, по его собственному выбору, и въ его распоряженіе должны поступить 200 военныхъ кораблей; а на соотвѣтствующія издержки должна быть отпущена сумма около 13.000,000 рублей. Этому предложенію, которое очевидно мѣтило на Помпея, большинство Сената противилось горячо, но тщетно, въ насмѣшку выставляя на видъ предлагавшему, что тутъ дѣло идетъ «о выборѣ наварха, а не монарха». Но всѣ эти политическія соображенія оказались безсильными въ виду того, что весь народъ непосредственно страдалъ отъ морского разбойничества. Когда дѣло поступило на рѣшеніе народнаго собранія, то трибунъ, который заявилъ было о томъ, что будетъ возражать противъ предложенія, не осмѣлился и рта открыть, и *Габиніевъ законъ*, принятый единогласно, предоставилъ главнокомандующему еще гораздо большія полномочія, не-

жели можно было ожидать: подъ его начальствомъ должны были находиться 24 легата и пятьсотъ кораблей! Уже самое принятіе этого закона тотчасъ отозвалось облегченіемъ въ общественной жизни:—цѣны на зерновой хлѣбъ разомъ понизились. А уже три мѣсяца спустя, Помпей, воспользовавшійся своими полномочіями энергично и разумно, дѣйствительно избавилъ римскій міръ отъ пиратства. Вытѣсненные изо всѣхъ морей и изо всѣхъ своихъ убѣжищъ, пираты наконецъ собрались близъ мыса Коракэзіонъ (на западномъ берегу Киликіи) для послѣдней, отчаянной битвы; но битва оказалась ненужною, потому что всѣ они рѣшились положить оружіе.

Усмиреніе морскихъ разбойниковъ.

Помпей блестящимъ образомъ доказалъ, какими силами обладаетъ римское государство, если только опытная рука съумѣетъ ихъ направить къ ясной и опредѣленной цѣли:—современные источники приводятъ громадныя цифры уничтоженныхъ Помпеемъ кораблей, убитыхъ и захваченныхъ въ плѣнъ враговъ, завоеванныхъ имъ замковъ и освобожденныхъ отъ порабощенія людей и городовъ. Мѣры, принятыя Помпеемъ послѣ одержанной побѣды, были, повидимому, разумны и справедливы. Лучшей части побѣжденныхъ имъ пиратовъ онъ даже далъ возможность возвратиться къ порядочной жизни, поселивъ ихъ въ новомъ городѣ въ Киликіи, который онъ, по своему имени, назвалъ *Помпейополь* (67).

Отъ этого успѣха уже не труденъ былъ переходъ къ принятію подобныхъ же энергическихъ мѣръ для болѣе важной войны, тянувшейся съ 74 года, и которая сначала велась Римлянами довольно успѣшно, а теперь, напротивъ, принимала оборотъ не особенно утѣшительный.

Война съ Митридатомъ; Лукуллъ.

Царь Митридатъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за римскими дѣлами послѣ кончины своего побѣдителя. Изъ числа изгнанниковъ Маріевой партіи нѣкоторая часть нашла себѣ пріютъ при дворѣ Митридата, и черезъ этихъ-то бѣглецовъ онъ вошелъ въ сношенія съ Серторіемъ, который даже отправилъ къ нему нѣсколькихъ военачальниковъ для устройства и обученія нѣкоторой части Митридатова войска по римскому образцу. Мощный деспотъ никакъ не могъ примириться съ мыслью, что онъ не болѣе, какъ Понтійскій царь; къ тому же, когда въ 75 году умеръ послѣдній царекъ мѣстной династіи, завѣщавъ свое царство Римлянамъ, они опять явились у него подъ бокомъ, угрожая ему и спѣша придать Виѳиніи провинціальное устройство. Тогда Митридатъ рѣшился перейти къ наступленію (74 г.); онъ на сушѣ и на морѣ нанесъ пораженіе небольшимъ римскимъ мѣстнымъ войнскимъ силамъ, захватилъ Виѳинію и съ сильнымъ войскомъ явился подъ стѣнами города Цицикусъ, господствовавшаго надъ Пропонтидой. Этотъ городъ входилъ въ составъ римской провинціи Азія. Городъ оборонялся геройски, до самаго того времени, когда консулъ того года, *Л. Лициній Лукуллъ*, которому вмѣстѣ съ его сотоварищемъ Авреліемъ Коттой поручено было вести эту войну, могли явиться на выручку города. Лукуллъ былъ уже не новичкомъ на этомъ театрѣ войны: мы знаемъ, что онъ здѣсь дѣйствовалъ и при Суллѣ. Ему удалось вынудить Митридата къ снятію осады съ города (весною 73 г.), а уже осенью того же года, разбивъ явившійся въ Эгейскомъ морѣ понтійскій флотъ, Лукуллъ со своимъ войскомъ вступилъ въ Пон-

тійское царство, между тѣмъ какъ Котта осаждалъ Гераклею, важнѣйшій изъ городовъ на сѣверномъ берегу. Весною 72 г., Митридатъ еще разъ собралъ большое войско при *Кабирѣ*, въ самой серединѣ Понта, но, не вступая еще въ битву, приказалъ войску отступить; во время этого отступленія, рѣшительный ударъ Лукулла разсѣялъ варварское войско; самому Митридату едва удалось спастись, перебравшись съ 2,000 всадниковъ за границы Арменіи. Царь этой страны, Тигранъ, былъ Митридату зятемъ; у него-то и нашелъ онъ себѣ временный пріютъ.

Понтійско-Арменская война.

Понтійское царство покорилось, за исключеніемъ немногихъ городовъ, которые оказывали упорное сопротивленіе. Даже и сынъ Митридата, *Махарезъ*, въ качествѣ сатрапа управлявшій Воспорскимъ царствомъ, заключилъ миръ съ Лукулломъ. Но при жизни Митридата войнѣ этой не могло быть положено конца, и Лукулла укоряли въ томъ, что онъ не съумѣлъ энергично добиться одного положительнаго результата:—обезпечить себя отъ главнаго врага. Между тѣмъ какъ римскій проконсулъ нашелъ нужнымъ заняться приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ въ провинціи Азія и здѣсь своимъ благодушіемъ оказалъ большія услуги провинціаламъ, которыхъ принялъ подъ свою защиту и оберегъ отъ ростовщическихъ продѣлокъ римскихъ капиталистовъ, Митридату удалось-таки убѣдить своего зятя Тиграна въ томъ, что онъ хорошо сдѣлаетъ, если самъ начнетъ войну съ Римлянами, такъ какъ ему недолго придется избѣгать ея. Тигранъ и принялъ это рѣшеніе, когда явился посланный отъ Лукулла требовать выдачи Митридата Римлянамъ и заговорилъ такимъ языкомъ, какого еще никогда не слыхивали при дворѣ царя арменскаго, въ Тиграноцертѣ. Тигранъ, по понятіямъ Востока, былъ правитель сильный. Арменская сатрапія, при Антіохѣ Великомъ, отпала и вновь стала государствомъ самостоятельнымъ; съ того времени, управляемая мѣстною династіею, она успѣла расшириться насчетъ распадающагося Сирійскаго царства; столицу далъ Арменіи именно этотъ Тигранъ (или Дикранъ) III, и создалъ ее на манеръ восточныхъ деспотовъ, насильственно переселивъ въ новоотстроенный городъ массу жителей изъ разныхъ мѣстъ. По той же странной системѣ, не спрашивая совѣтовъ и указаній отъ Митридата, онъ вздумалъ и войну вести: изъ разныхъ мѣстностей своего царства сгонялъ массы людей на вѣрную гибель и пораженіе. Около самой столицы, Тиграноцерты, произошла первая битва,—Римляне одержали легкую побѣду, а варварское войско разсѣялось разомъ. Еще одно сраженіе было дано близъ другой столицы, города *Артаксата*, гдѣ оба царя-союзника еще выставили войско, въ которомъ насчитываютъ до 70,000 пѣхоты и 35,000 конницы, и сражались также безуспѣшно. Лукуллъ могъ бы окончить войну; но какъ разъ среди этихъ побѣдъ, въ то время, когда онъ повелъ свое войско на югъ отъ *Низибиса* (въ верхней Мессопотаміи), онъ встрѣтилъ неожиданное препятствіе—его войско отказалось ему служить. Повидимому, Лукуллъ, будучи отличнымъ полководцемъ, не обладалъ способностью привлекать къ себѣ солдатъ, а это, при походѣ въ столь отдаленныя страны, было существенно-необходимо. Притомъ же главною составною частью его войска были тѣ два легіона, которыми нѣкогда начальствовалъ приверженецъ Марія, Фимбрія, и которые теперь,

послѣ 13 походовъ, съ полнымъ правомъ требовали себѣ отставки: а у этихъ безпокойныхъ и ненадежныхъ составныхъ частей войска, кстати сказать, не было недостатка и въ руководителяхъ, которые ихъ къ неповиновенію подстрекали, такъ какъ тѣ принципы, изъ-за которыхъ происходила борьба на римскомъ форумѣ, и въ лагерѣ Лукулла имѣли своихъ представителей. Такимъ образомъ дѣйствія Лукулла были окончательно парализованы; Митридатъ же, тѣмъ временемъ, вернулся въ свое понтійское царство, и при *Зелѣ* (въ юго-западной части своихъ владѣній) нанесъ тяжкое пораженіе (67) римскому легату *Тріарію*. А Лукуллъ, между тѣмъ, не могъ предпринять ничего важнаго при настроеніи, которое въ его войскѣ господствовало, и потому вынужденъ былъ думать о скорѣйшей отправкѣ его въ Италію: и когда явилась въ Азію сенатская комиссія, которая должна была заняться устройствомъ новой провинціи, Понта, прибывшіе должны были убѣдиться въ томъ, что бо́льшая часть завоеванной территоріи уже находилась вновь во власти Митридата.

Паденіе Лукулла; Манилiевъ законъ, 66.

Само собою разумѣется, что случившееся съ Лукулломъ пришлось какъ разъ на руку и личнымъ, и политическимъ его врагамъ въ Римѣ. Тѣмъ покровительствомъ, которое Лукуллъ оказывалъ провинціаламъ, онъ возбудилъ противъ себя гнѣвъ всѣхъ богачей, которые стали толковать, что продолжительность войны наноситъ прямой ущербъ законнымъ интересамъ промышленности и торговли. Народная партія относилась къ нему съ ненавистью, какъ къ посаженнику Суллы и аристократу, который, при неоспоримой своей талантливости и замѣчательной честности, оказывался гораздо менѣе уязвимымъ, нежели многіе представители того же сословія и той же партіи. Сторонники Помпея—особенно размножившіеся послѣ удачнаго окончанія войны съ морскими разбойниками—увидѣли, что Помпею представляется еще новый случай отличиться, еще новое военное порученіе, еще одинъ случай занять новое исключительное положеніе, много обѣщающее въ будущемъ. Въ то время, когда Помпей еще пожиналъ лавры своей побѣды надъ пиратами, одинъ изъ его приспѣшниковъ, народный трибунъ *К. Манилій*, вошелъ съ предложеніемъ объ отозваніи въ Римъ Лукулла и намѣстниковъ киликійскаго и виѳинскаго и самое веденіе войны противъ царей понтійскаго и арменскаго передать Кн. Помпею съ чрезвычайными полномочіями (66). Само по себѣ, это предложеніе, еще разъ передававшее въ руки Помпея почти единодержавную власть, было очень неудобно и для знати, и для демократической партіи. Однакоже послѣдняя, въ то время подыскавшая себѣ очень проницательнаго и умнаго вождя въ молодомъ человѣкѣ изъ высшей знати, изъ фамиліи Юліевъ—въ *К. Юліи Цесарѣ*—нашла, что ей будетъ выгодно прикинуться на этотъ разъ, будто для нея Помпей—свой человѣкъ. А всѣ тѣ, которые еще только начинали свою карьеру и не совсѣмъ были въ ней увѣрены *), поспѣшили, конечно, перейти на сторону мощнаго вельможи, который уже успѣлъ стать выше всѣхъ партій, потому что пользовался въ глазахъ на-

*) Въ числѣ ихъ находился *М. Туллій Цицеронъ*, который былъ уже преторомъ, но, въ надеждѣ на свои таланты, считалъ занимаемую имъ должность не конечною цѣлью своего честолюбія.

рода чрезвычайною популярностью и неограниченнымъ довѣріемъ. Слухъ о томъ, что Маніліево предложеніе принято, засталъ Помпея еще въ Азіи и, вѣроятно, не былъ для него неожиданностью.

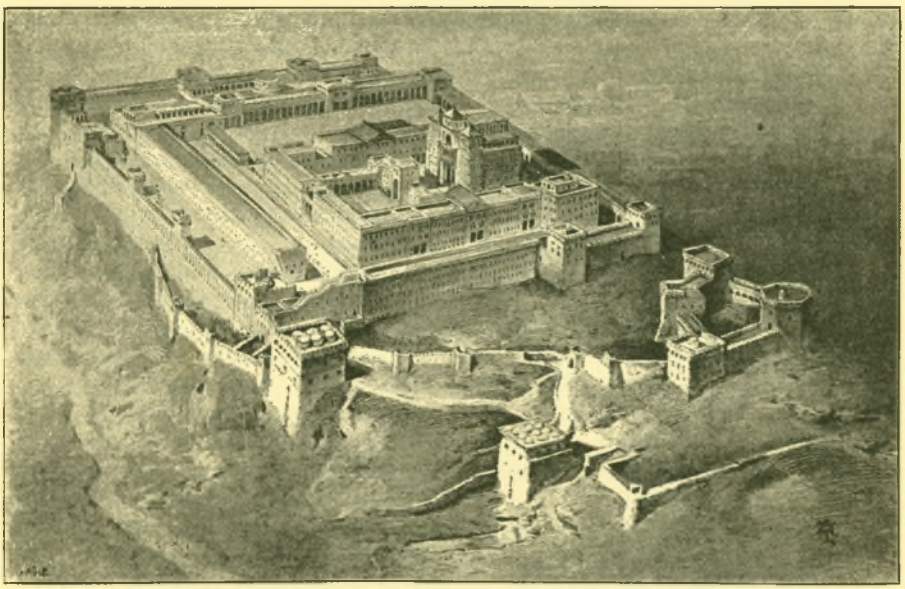
Помпей въ Азіи. Его успѣхи.

На сторонѣ Помпея, еще и до начала военныхъ дѣйствій, было такое преимущество, какого у Лукулла вовсе не было; а между тѣмъ это преимущество имѣло большое значеніе не только въ глазахъ его враговъ-азіатовъ, но и въ глазахъ его собственныхъ солдатъ. Преимущество это давало Помпею авторитетность той власти, которую возложилъ на него римскій народъ, еще разъ возвеличенный имъ и прославленный избавленіемъ всего тогдашняго міра отъ морскихъ разбойниковъ. Не было также у него недостатка и въ отличныхъ пособникахъ и совѣтникахъ, потому что около него теперь тѣснилось все, а Помпей несомнѣнно обладалъ однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ качествъ правителя — умѣньемъ изъ многихъ совѣтовъ выбирать лучшій. Онъ тотчасъ и доказалъ это, обративъ всѣ свои силы противъ Митридата, который, хотя имѣлъ въ распоряженіи своемъ не болѣе 30,000 человѣкъ, однакоже былъ опаснѣйшимъ изъ двухъ царей-союзниковъ. Въ Малой Арменіи, мѣстности, непосредственно примыкающей къ Понту съ востока, около верховьевъ Евфрата, Помпей напалъ на войско Митридатово ночью и уничтожилъ его совершенно. Самъ Митридатъ однакоже успѣлъ спастись. Тогда его союзникъ Тигранъ пересталъ быть опаснымъ для Рима. Сынъ Тиграна, также Тигранъ по имени, въ эту критическую минуту возсталъ противъ отца, опираясь на помощь Парѳянъ, но былъ отцомъ разбитъ, и тогда обратился къ римскому главнокомандующему. Туда же, въ тотъ же римскій лагерь, явился и отецъ, и такимъ образомъ Помпей, не воевавши, увидѣлъ себя избраннымъ въ третейскіе судьи между отцомъ и сыномъ. Діадему, которую Тигранъ-отецъ сложилъ къ ногамъ Помпея, тотъ поднялъ и вновь повязалъ ему на чело, назвавъ его и другомъ, и союзникомъ Римлянъ; его собственное владѣніе, *Арменія*, было ему оставлено, по основному правилу римской политики, которое мы уже не разъ имѣли случай видѣть въ примѣненіи на практикѣ; сыну его также были отданы во власть кое-какія земли, но затѣмъ Помпей вдругъ объявилъ его плѣнникомъ и отослалъ въ Римъ, вслѣдствіе какихъ-то не вполнѣ ясныхъ для насъ побужденій. Всѣ свои новѣйшія завоеванія и пріобрѣтенія Тигранъ-отецъ предоставилъ Римлянамъ въ полное ихъ распоряженіе.

Умиротвореніе Арменіи, Понта и Сиріи.

Тѣмъ временемъ Митридатъ, возвратившійся къ арменской границѣ, услышалъ о перемѣнѣ, происшедшей въ политикѣ Тиграна, и о томъ, что онъ даже назначилъ цѣну за голову своего бывшаго союзника, а потому и рѣшился бѣжать въ свое Воспорское царство, какъ единственную часть владѣній, въ которой онъ еще могъ укрыться. Помпей приготовился и тамъ его преслѣдовать. Однакоже, продвинувшись до береговъ р. Куры, и послѣ нѣсколькихъ удачныхъ, но безполезныхъ стычекъ съ мѣстными горскими племенами (Иверами и Албанами), отказался отъ предпріятія, не обѣщавшаго никакихъ выгодъ, и, въ то же время, представлявшаго непреодолимыя трудности въ виду перехода черезъ Кавказскія горы, которыя, словно каменная стѣна, тянулись отъ моря до моря, заграждая путь на сѣверъ. Онъ повернулъ войска, окончательно умиро-

творилъ Понтійское царство, и, не встрѣчая уже нигдѣ настоящаго сопротивленія, обратился на югъ. Римское могущество, проявившись въ этихъ отдаленныхъ странахъ, не могло, въ данную минуту, отказаться отъ выполненія выпадавшей на его долю задачи: отъ внесенія порядка въ громадное пространство земель, носившее названіе *Сирійскаго* царства, но въ которомъ, собственно говоря, давно уже не существовало ни единства, ни дѣятельной правительственной власти. То центробѣжное движеніе, которое проявилось уже давно въ видѣ отпаденій и образованія самостоятельныхъ царствъ въ Арменіи, въ Понтѣ и въ другихъ небольшихъ государствахъ, сначала покровительствуемыхъ Римомъ, а потомъ обращенныхъ въ римскія провинціи, — то же движеніе и далѣе продолжало проявляться на всемъ пространствѣ Сирійскаго царства, въ самыхъ разно-



Храмъ Іерусалимскій при царѣ Соломонѣ. По модели, воспроизведенной архитекторомъ Шиномъ въ Іерусалимѣ.

образныхъ формахъ. Здѣсь эллинскіе и полуэллинскіе города вдругъ становились вполнѣ автономными и не признавали надъ собою ничьей власти; тамъ, въ отдѣльныхъ крѣпкихъ замкахъ и въ отдѣльныхъ городахъ, какъ напр. въ Эдессѣ, Эмезѣ, проявлялись какіе-то новые владѣтельные князья, въ родѣ Абгара или Самсикерама, и самостоятельно правили захваченными областями; собственно же въ самой Сиріи, сосѣдившей на западѣ съ Римлянами, а на В. съ Парѳянами (которые уже успѣли продвинуться до Евфрата), до самой египетской границы, все распалось на отдѣльныя, болѣе или менѣе самостоятельныя общины, среди которыхъ съ всемірно-исторической точки зрѣнія наиболѣе важною, и можно даже сказать—единственно-важною представлялось государство *Іудейское.*

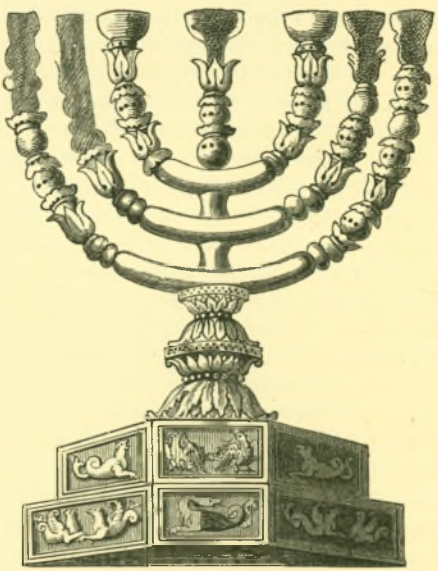
Государство іудейское.

Іудейскій народъ, въ своемъ возстановленномъ іерусалимскомъ святилищѣ, получилъ вновь точку опоры для своей національности, и эта опора, при Александрѣ Великомъ и при первыхъ сирійскихъ владыкахъ, выказалась весьма твердою и устойчивою: въ ту пору рѣзкій монотеизмъ этого народца еще не вступилъ въ борьбу съ весьма терпимымъ политеизмомъ. Между тѣмъ эллинскія воззрѣнія, вносимыя болѣе развитою культурою, поощряемыя могущественными владыками, распространяемыя ихъ придворною жизнью и бытомъ ихъ столицъ,—стали проникать всюду; проникли они и въ іудейскій народъ и вызвали среди него появленіе особой партіи или секты *саддукеевъ*, въ понятіяхъ которой все древне-іудейское и національно-іудейское отодвигалось на задній планъ. За то, въ противуположность имъ, остальные іудеи тѣмъ ревностнѣе держались закона и вѣрованій своихъ отцовъ; однакоже, возможно допустить сомнѣніе въ томъ, чтобы они могли долго бороться противъ наплыва вліяній, которыя отовсюду на нихъ надвигались. Мы встрѣчаемъ уже между первосвященниками, поставленными властью Селевкидовъ во главѣ іудейскаго народа, мужей, носившихъ греческія имена *Язона* и *Менелая*, и своеобразныя религіозныя воззрѣнія избраннаго народа уже видимо начинали подчиняться вѣяньямъ эллинистическаго духа. Восьмой царь изъ династіи Селевкидовъ *Антіохъ Эпифанъ* былъ настолько неразуменъ, что задумалъ насильственно ускорить этотъ процессъ сліянія, и вдругъ приказалъ приносить жертвы Зевсу Олимпійскому на алтарѣ іерусалимскаго храма, чѣмъ, конечно, раздражилъ партію *правовѣрныхъ (Хазидимъ)*, какъ они себя называли, среди которыхъ еще было живо древне-іудейское самосознаніе. Когда они воспротивились смѣшенію служенія Іеговѣ съ служеніемъ Олимпійскому Зевсу, и царь тоже перешелъ къ крутымъ мѣрамъ. Эти мѣры вызвали сильнѣйшее возстаніе, вначалѣ, повидимому, совершенно безнадежное; во главѣ возстанія сталъ одинъ изъ левитовъ, *Матаѳія*, съ сыновьями, и, противъ всякаго человѣческаго вѣроятія, съумѣлъ устоять противъ громаднаго перевѣса силъ Сирійскаго царства. Возстаніе началось съ 167 г., годъ спустя послѣ битвы при Пиднѣ. Іуда, третій сынъ Матаѳіи, явился для возставшихъ именно такимъ вождемъ, какой имъ былъ нуженъ; пламенная привязанность къ вѣрѣ отцовъ соединялась въ немъ съ изумительнымъ геройствомъ и положительнымъ талантомъ военачальника. Во время усобицъ изъ-за власти и престолонаслѣдія, проявившихся въ Сирійскомъ царствѣ послѣ смерти Антіоха Эпифана (164) — Маккавеи (мѣсто *Іуды* занялъ въ это время братъ его *Іонаѳанъ*, такой же храбрый и разумный) представляли собою уже такую силу, въ которой спорившіе о престолѣ стали даже заискивать. Третьему изъ Маккавеевъ, *Симону*, удалось овладѣть цитаделью Іерусалима (142), а сынъ его, *Гирканъ*, правилъ Іудеею, сначала какъ вассалъ Антіоха VII, а послѣ его смерти (128) былъ почти независимымъ. Съ Римлянами, съ которыми всѣмъ приходилось считаться, эти духовные правители съумѣли поладить; не доставало только внутренняго согласія, чтобы оберечь отъ смутъ этотъ народъ, вновь поднявшійся до нѣкотораго значенія. Стародавняя распря между партіями духовною и свѣтскою, между правителями и священствомъ, вновь обнаружилась и

проявилась даже въ средѣ семьи, правившей народомъ, когда Помпей и та власть Рима, которой онъ служилъ представителемъ, вынуждены были въ эти внутреннія дѣла Іудеи вмѣшаться.

Помпей въ Іерусалимѣ.

Въ 64 г. Помпей явился въ Сирію. Нигдѣ не встрѣтилъ онъ серьезнаго сопротивленія. Тогда и различныя іудейскія партіи обратились къ нему за разрѣшеніемъ своихъ споровъ—въ этой странѣ, изобиловавшей усобицами. Въ то время какъ онъ со своимъ войскомъ находился близъ Іерихона, къ нему явились посланцы съ С. съ извѣстіемъ о смерти Митридата. Оказалось, что, по прибытіи въ свое Воспорское царство, Митридатъ захватилъ своего мятежнаго сына, Махареса; но вскорѣ противъ него возсталъ другой его сынъ, *Фарнакъ*. Войско перешло на сторону его и, захвативъ старѣющаго тиранна, заключило его въ Пантикапейскомъ дворцѣ. Онъ просилъ пощадить ему жизнь: такъ какъ на эту просьбу не воспослѣдовало опредѣленнаго отвѣта, то Митридатъ попытался отравиться, и, когда отрава не подѣйствовала, принялъ смерть отъ руки одного изъ своихъ наемниковъ. Его царствованіе продолжалось 57 лѣтъ, и, благодаря современнымъ смутамъ, представлялось чѣмъ-то выдающимся, чѣмъ-то блестящимъ. На дѣйствительную, заслуженную славу этотъ правитель-варваръ не имѣлъ ни малѣйшаго права; онъ былъ упорнымъ врагомъ Рима, но велъ войну съ нимъ при посредствѣ коварства и восточнаго лицемѣрія, и только изъ ненависти къ нимъ, не изъ какихъ-либо иныхъ побужденій или цѣлей, собралъ на время въ рукахъ своихъ силу, которая, какъ и все чрезвычайное, способна вызвать въ насъ изумленіе, но не можетъ возбудить ни почтительнаго удивленія, ни сочувствія (63). Ближе всмотрѣвшись въ дѣла Іудейскаго государства, Помпей рѣшительно склонился на сторону древне-іудейской или (какъ она сама себя называла) *фарисейской* партіи; противники этой партіи, не уступавшіе ей въ фанатизмѣ, сплотились около іудейскаго царя Аристовула, утвердились на Храмовой горѣ и упорно отстаивали свою независимость. Но Римляне воспользовались субботнимъ отдыхомъ, который строго соблюдали Іудеи, и въ одну изъ субботъ двинулись на приступъ и рѣшили дѣло однимъ ударомъ. Повидимому, Помпей настойчиво желалъ вступить въ священную ограду храма, которому побѣжденные придавали громадное значеніе. Онъ не нашелъ внутри храма ничего



Золотой седмисвѣщникъ въ храмѣ Іерусалимскомъ. По изображенію на Титовыхъ воротахъ въ Римѣ.

особеннаго и не злоупотребилъ своимъ правомъ побѣдителя:—не коснулся до того, что въ храмѣ нашелъ—ни до золотого стола, ни до семисвѣщника изъ того же металла; но изъ дошедшихъ до насъ извѣстій о томъ, какъ римскій полководецъ входилъ въ «святая святыхъ» іудейскаго храма, не трудно замѣтить то глубокое впечатлѣніе, которое своеобразная религіозность этого народа произвела на Римлянъ-язычниковъ. «Они отъ другихъ людей вполнѣ отличаются по своему образу жизни, и еще по тому, что они не почитаютъ ни одного изъ извѣстныхъ намъ боговъ, а одному какому-то, неизвѣстному, — служатъ съ замѣчательнымъ усердіемъ. Въ Іерусалимѣ не было никакого изображенія этого Бога, но они ревностнѣйшимъ образомъ, болѣе чѣмъ всѣ люди, предаются служенію его, хотя и считаютъ его невидимымъ, и не произносятъ его имени»,—такъ пишетъ Діонъ Кассій, видимо подыскивая слова для выраженія понятій, не вполнѣ ему доступныхъ. Во главѣ государства Іудейскаго, которое съ этого времени стало платить Риму дань, Помпей поставилъ первосвященника *Гиркана*, главу фарисейской партіи; царь же Аристовулъ остался плѣнникомъ въ рукахъ Римлянъ.

Административная дѣятельность Помпея.

Такимъ образомъ, заслугами Помпея римская мощь распространилась до самаго Евфрата, и Помпей далъ этому громадному пространству земель извѣстнаго рода организацію, которая дѣлаетъ честь и тому издавна присущему римской аристократіи искусству «властвовать надъ народами», и лично самому Помпею. Въ этихъ странахъ вновь явилась власть, одинаково внушительная для всѣхъ и притомъ достаточно сильная для того, чтобы поддержать миръ и порядокъ среди разнообразнаго мѣстнаго населенія. Прочною основою этой власти служили римскія провинціи: *Азія* (западный берегъ М. Азіи), *Виѳинія*, *Понтъ*, *Сирія*, *Критъ*; къ этимъ провинціямъ тянули вассальные князья и государства, состоявшія подъ покровительствомъ Рима, и отчасти обладавшія, подобно Іудейскому, чрезвычайно оригинальнымъ внутреннимъ устройствомъ, въ которое однакоже Римляне не вступались, придерживаясь обычныхъ основъ своей политики. Весьма важнымъ элементомъ единства (это доказалъ еще Александръ Великій своимъ опытомъ) всюду служили *города*, и Помпей очень дѣятельно основывалъ города новые, а гдѣ было возможно и нужно—тамъ возстановлялъ и преобразовывалъ старые города, видя въ нихъ опору римскаго владычества: очень многіе изъ нихъ носили его имя или получили названія, напоминавшія объ его побѣдахъ.

Въ 62 г. онъ возвратился изъ Азіи и въ концѣ этого года высадился въ Брундузіумѣ на берегъ Италіи. Его не ожидала здѣсь междоусобная война, какъ нѣкогда ожидала она Суллу (21 годъ тому назадъ). Положеніе его было совершенно исключительнымъ: онъ обладалъ уже тѣмъ, что Сулла вынужденъ былъ пріобрѣсти оружіемъ,—онъ былъ безспорно и неоспоримо самымъ могущественнымъ представителемъ Рима, и это положеніе, уже давно занимаемое имъ, нимало не измѣнилось отъ всего, что въ Римѣ и въ Италіи произошло во время его отсутствія. Напротивъ того: это отсутствіе, само собою, помимо его воли и даже его вѣдѣнія, послужило только къ тому, чтобы еще усилить значеніе и могущество Помпея.

Происшествія въ Римѣ въ отсутствіе Помпея.

Отсутствіе Помпея дало въ нѣкоторомъ смыслѣ полную свободу борьбѣ партій, но обѣ партіи, и аристократическая, и народная, при своихъ обоюдныхъ мѣропріятіяхъ и интригахъ, постоянно должны были имѣть въ виду предстоящее возвращеніе Помпея. *Монархія*—одинаково не привлекательная и той, и другой партіи, грозно представлялась уже имъ въ близкомъ будущемъ; обѣ партіи изыскивали средства хоть какъ-нибудь противостать всесильному, но ни одна не оказывала поддержки другой—и потому обѣ другъ другу мѣшали дѣйствовать, размѣниваясь на взаимныя озлобленія, жалобы, процессы и обоюдныя политическія интриги. На сторонѣ народной партіи наиболѣе значительнымъ лицомъ былъ К. Юлій Цесарь. Онъ родился въ 102 г., по происхожденію былъ патриціи древнѣйшаго рода, и сразу сталъ на сторону народной партіи; женатый на дочери Суллы, онъ не рѣшился съ нею разстаться въ угоду Суллѣ. Поэтому онъ покинулъ Римъ, удалился на Востокъ и тамъ предался наукамъ; вернулся въ Римъ по смерти Суллы и составилъ себѣ громкое имя, какъ адвокатъ оппозиціи. Во время второго путешествія на Востокъ, онъ попался въ руки морскихъ разбойниковъ, и въ Римѣ разсказывали, какъ этотъ смѣлый молодой человѣкъ, откупившись отъ разбойниковъ, черезъ нѣсколько времени на нихъ же произвелъ внезапное нападеніе, захватилъ ихъ врасплохъ и пригвоздилъ къ крестамъ (77). Отличился онъ и во время третьей войны съ Митридатомъ, въ самомъ ея началѣ. Но мѣсто его было въ Римѣ, гдѣ онъ начиналъ занимать все болѣе и болѣе видное положеніе, не слишкомъ однакоже возбуждая зависть высшихъ представителей власти. Такъ, онъ съумѣлъ расположить къ себѣ Красса, который, не стремясь ни къ какой ясной политической цѣли, наслаждался тѣмъ вліяніемъ, которое доставляло ему его громадное состояніе: Крассъ вѣроятно даже думалъ, что этотъ талантливый, краснорѣчивый и притомъ весьма уживчивый молодой человѣкъ можетъ быть для него полезнымъ орудіемъ, и потому помогалъ ему при его дальнѣйшей карьерѣ. Цесарь былъ эдиломъ, потомъ квесторомъ въ Испаніи, потомъ достигъ и весьма вліятельнаго сана старшаго жреца (pontifex maximus). Ни въ чемъ не роняя своего достоинства, онъ съумѣлъ сблизиться и съ Помпеемъ и сблизить съ нимъ свою партію; но ему еще далеко было до той степени силы и вліянія, при которыхъ онъ могъ бы самостоятельно выступить противъ Помпея. У *оптиматовъ*, т. е. у аристократической партіи, по самой природѣ ея, не могло быть одного вождя — ихъ было нѣсколько, и между ними одни весьма посредственные, а другіе болѣе видные, и потому они съ трудомъ защищались отъ постоянныхъ агитацій и нападокъ, направленныхъ противъ строя, установленнаго Суллою. При такихъ неопредѣленныхъ условіяхъ, временно, достигъ большого значенія еще одинъ новый элементъ,—не партія собственно, а только отбросъ или осадокъ различныхъ партій: *анархисты*. Промотавшіеся аристократы, сбившіеся съ пути солдаты Суллы, которые не съумѣли удержаться на своемъ клочкѣ земли, всѣ отверженники большого города и порочной аристократіи—вступили въ тѣсный союзъ со всевозможными недовольными и неудовлетвореннымп бурною эпохою переворотовъ и сошлись въ одномъ дикомъ стремленіи къ ниспроверженію существующаго порядка вещей.

К. Юлій Цесарь.

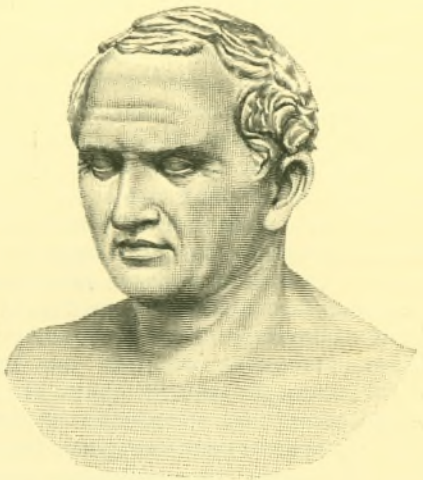
Заговоръ Катилины.

Нашелся у нихъ и какъ-бы предводитель въ лицѣ *Л. Сергія Катилины*, который во время проскрипцій былъ однимъ изъ безпощаднѣйшихъ орудій насилія, а потомъ, когда онъ въ распутной жизни успѣлъ промотать все то, что нажилъ такимъ постыднымъ образомъ, обѣднѣлъ, задолжалъ и опустился во всѣхъ смыслахъ,—то задумалъ воспользоваться благопріятными условіями времени, сулившаго успѣхъ смѣлому злодѣю. Такъ-называемый *заговоръ Катилины*, который, въ теченіе трехъ лѣтъ (съ 65—62 г.), держалъ всю Италію въ страхѣ, вовсе не былъ дѣйствительнымъ заговоромъ, т. е. тайнымъ, скрытымъ отъ всѣхъ соглашеніемъ: онъ состоялъ въ томъ, что вождь отчаяннѣйшихъ головорѣзовъ стремился къ консульству, и можно себѣ представить, чего слѣдовало ожидать отъ него, если бы онъ дѣйствительно консульства добился! Тогда его пособники и клевреты, захвативъ власть въ руки, стали бы править, не щадя ни грубости, ни насилія, и главною заботою ихъ, конечно, было-бы простѣйшее разрѣшеніе вопроса объ ихъ задолженности путемъ новыхъ проскрипцій. Самъ Катилина былъ въ нѣкоторомъ родѣ человѣкъ довольно крупный,—онъ былъ мужественъ, обладалъ въ извѣстной степени воинскимъ умѣньемъ и чрезвычайно ловко завлекалъ людей въ свои замыслы и развращалъ ихъ; при этомъ надо добавить, что онъ и понятія не имѣлъ о какихъ бы то ни было высшихъ политическихъ стремленіяхъ, ни помысла о какой бы то ни было общественной пользѣ. Однакоже, при существованіи принципа замѣщенія должностей по народному выбору и законодательства по общему соглашенію народнаго собранія, такой человѣкъ, постоянно имѣвшій массу приверженцевъ, былъ силою, съ которою приходилось считаться даже и вполнѣ чистымъ политическимъ дѣятелямъ. Катилинѣ, однакоже, не удалось добиться консульства, даже и въ слѣдущемъ 63 году; и кажется именно, по чрезвычайной противуположности съ нимъ, былъ избранъ *М. Туллій Цицеронъ*, который, такимъ образомъ, при помощи знати, достигъ наконецъ цѣли своихъ честолюбивыхъ притязаній.

М. Туллій Цицеронъ.

Цицеронъ, родившійся въ 106 году, въ Арпинумѣ (родинѣ Марія), былъ человѣкъ безродный,—то, что у Римлянъ называлось *homo novus*. Отецъ его былъ землевладѣлецъ изъ сословія всадниковъ; сынъ составилъ себѣ карьеру необычайною своею способностью все очень легко усвоивать и энергическимъ прилежаніемъ, которое онъ выказалъ въ пріобрѣтеніи серьезнаго и разнообразнаго образованія, а въ особенности—замѣчательнымъ ораторскимъ даромъ, который онъ съумѣлъ развить въ себѣ до великаго мастерства, чѣмъ вскорѣ и составилъ себѣ громкое имя. Благодаря умѣнью владѣть словомъ, какъ немногіе, онъ всѣми былъ очень высоко цѣнимъ, какъ защитникъ, и всѣмъ опасенъ, какъ обвинитель; впрочемъ, онъ, вообще, предпочиталъ первую роль, какъ болѣе выгодную и благородную. Первые шаги на ораторскомъ поприщѣ онъ совершилъ еще при Суллѣ, и выказалъ при этомъ даже нѣкоторую смѣлость; онъ принадлежалъ къ тѣмъ, у которыхъ честолюбіе преобладаетъ даже надъ осторожностью. Болѣе же всего его стремленія были направлены къ тому, чтобы поставить какъ можно большее количество людей въ обязательныя отношенія къ себѣ,—и вотъ, наконецъ, въ 75 году, онъ былъ назначенъ

квесторомъ въ Сицилію и управлялъ ею весьма добросовѣстно. Въ знаменитомъ процессѣ своемъ противъ Верреса онъ уже состязался съ первымъ изъ тогдашнихъ судебныхъ ораторовъ, Кв. Гортензіемъ, и доказалъ партіи Сената, что въ государствѣ есть еще нѣчто иное, кромѣ интригъ, происковъ и подкуповъ—что и краснорѣчіе, и онъ самъ, ораторъ, чего-нибудь да стоютъ въ современномъ Римѣ. Твердыхъ убѣжденій и неуклоннаго направленія въ немъ собственно не было, и вотъ онъ, наравнѣ съ многими другими, примкнулъ къ Помпею, который могъ способствовать его повышенію; тутъ-то онъ и сблизился съ партіей Сената, которая, повидимому, склонна была даже нѣсколько преувеличивать его достоинства, такъ какъ онъ всегда кстати умѣлъ вставить умное, энергическое слово, и такъ какъ онъ, дѣйствительно, былъ между ними всѣхъ умнѣе. Ради этого онъ былъ избранъ въ консулы, и, рядомъ съ нимъ, человѣкъ совершенно ничтожный, К. Антоній, былъ избранъ ему въ товарищи; замѣчательно, что въ такое критическое время рѣшились избрать въ консулы такого, совершенно непригоднаго для военной службы человѣка, какъ Цицеронъ. Между тѣмъ, анархисты, у которыхъ консульство ускользнуло изъ рукъ, рѣшились перейти къ самымъ энергичнымъ мѣрамъ. Они рѣшились, во что бы то ни стало, добыть консульство для Катилины, а Цицерона устранить. По соглашенію съ ними, тѣмъ временемъ, въ Этруріи, нѣкій Манлій, когда-то бывшій въ арміи Суллы центуріономъ, втихомолку сталъ собирать войско, которое подготовлялось на всякій случай. Все это ни для кого не было тайной, такъ какъ въ кружкѣ Катилины никто за словами не гнался, да не трудно было и черезъ всякихъ шпіоновъ и предателей узнать о томъ, что въ средѣ его творится; но у правительства не было никакого повода къ анархистамъ привязаться, и сознаніе опасности, угрожавшей государству, лишь весьма медленно и постепенно проникало въ различные слои общества. Катилина оставался въ Римѣ и продолжалъ еще посѣщать Сенатъ, даже и тогда, когда Манлій перешелъ уже къ открытому возстанію; и только послѣ того, какъ вторичное покушеніе противъ Цицерона не удалось, а Катилина долженъ былъ опасаться заключенія въ тюрьму (на которое до того времени у Цицерона не хватало мужества), только тогда онъ отправился въ лагерь Манлія, продолжая, однакоже, поддерживать сношенія со своими оставшимися въ Римѣ сообщниками, изъ которыхъ, впрочемъ, ни одинъ не



Цицеронъ. Античный мраморный бюстъ въ Ватиканскомъ музеѣ въ Римѣ.

имѣлъ настоящаго значенія. Противъ нѣкоторыхъ, наиболѣе знатныхъ изъ сообщниковъ Катилины, консулъ, черезъ пословъ галльскаго племени Аллоброговъ (съ ними анархисты вступили въ переговоры), получилъ доказательства, которыя побудили его арестовать четырехъ главныхъ вожаковъ катилинарской партіи; затѣмъ онъ приказалъ ихъ привести въ Сенатъ и тамъ доказалъ ихъ прикосновенность къ государственной измѣнѣ. То были люди сановитые—между ними два Корнелія (Корнелій Лентулъ, которому предсказано было, что ему предстоитъ въ будущемъ разыграть роль Цинны или Суллы, и Корнелій Цетэга); въ правительствѣ всѣ были того мнѣнія, что на нихъ слѣдуетъ показать примѣръ строгости. Въ Сенатѣ они были приговорены къ смертной казни; противъ этого постановленія сталъ возражать К. Юлій Цесарь, такъ какъ по законамъ нельзя было подвергать римскихъ гражданъ смертной казни, и вся народная партія заволновалась, когда дѣло приняло такой оборотъ; самъ Цицеронъ и большинство Сената поколебалось; только уже *М. Порцію Катону*—внуку знаменитаго Катона, человѣку ограниченному, но безстрашному и честно преданному старымъ порядкамъ—удалось ихъ образумить своею энергическою рѣчью и ободрить къ дѣйствію. Казнь была окончательно рѣшена и въ тотъ же вечеръ (5 декабря 63 года) приведена въ исполненіе въ присутствіи Цицерона. Эта мѣра, въ данную минуту, заслужила общее одобреніе, въ особенности между классами имущими, которые понимали, что имъ грозили пожары, убійства, грабежи и проскрипціи; съ другой стороны, эта мѣра осадила и анархистовъ, бывшихъ въ столицѣ. Что же касается опаснѣйшаго изъ нихъ, Катилины, которому не только дали полную возможность удалиться изъ Рима, но даже поощрили его къ тому, то противъ него теперь пришлось биться въ открытомъ полѣ.

Эту обязанность принялъ на себя другой консулъ, *Антоній*, котораго одно время даже подозрѣвали въ томъ, что онъ самъ благопріятствуетъ заговорщикамъ; при *Писторіи* (въ Этруріи) скопище Катилины, въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, вмѣстѣ съ вождемъ ихъ, было окружено и послѣ долгой, упорной битвы уничтожено. Они пали всѣ до одного, въ томъ числѣ и самъ Катилина, который бился со всѣмъ неистовствомъ отчаяннаго злодѣя.

Катилина и его сообщники побѣждены.

Такимъ образомъ, партія Сената, а съ нею и черезъ нее и партія порядка одержали побѣду и восхваляли своего консула чрезмѣрными, но не вполнѣ заслуженными похвалами. Въ какой степени эти похвалы были незаслуженными—это лучше всего доказываетъ намъ самъ Цицеронъ, впослѣдствіи и въ рѣчахъ, и въ сочиненіяхъ своихъ безмѣрно восхвалявшій себя и свое консульское управленіе, между тѣмъ какъ онъ, на самомъ-то дѣлѣ, выказалъ себя и не во-время нерѣшительнымъ, и не кстати энергичнымъ. Какъ бы то ни было, однакоже, но побѣда была одержана, и пораженіе (какъ это, впрочемъ, всегда бываетъ) повлекло за собою не только гибель анархистовъ и дѣйствительныхъ заговорщиковъ, но и на партіи народной, и на ея вождѣ отозвалось неблагопріятно, такъ какъ народъ, поддавшись какому-нибудь сильному влеченію, рѣдко бываетъ способенъ соблюдать тонкія различія между дѣятелями. При такомъ тревожномъ настроеніи ничего не стоило и Цесаря, и Красса обвинить

въ тайномъ соглашеніи съ катилинарцами, между тѣмъ какъ въ сущности никто бы, въ случаѣ побѣды заговорщиковъ, не пострадалъ столько, сколько народная партія.

Возвращеніе Помпея.

Въ остальномъ, положеніе оставалось, какъ и прежде, запутаннымъ; оно было даже хуже прежняго, такъ какъ и возстаніе катилинарцевъ, и подавленіе его привели только къ новому возбужденію, новымъ опасеніямъ и новымъ проявленіямъ ненависти. Въ данную же минуту, предстоящее возвращеніе Помпея занимало всѣ умы: «какъ-то онъ отнесется къ послѣднимъ событіямъ?» спрашивали себя всѣ. Но Помпей самъ объ этомъ не проговаривался. И вотъ, между тѣмъ какъ партія оптиматовъ пыталась показать видъ, что она по отношенію ко всѣмъ агентамъ Помпея съумѣетъ сохранить свою самостоятельность и даже по отношенію къ нему самому вела себя довольно холодно и сдержанно, въ противуположность этому умный вождь народной партіи, Цесарь, выказалъ себя по отношенію къ прославленному полководцу и предупредительнымъ, и привѣтливымъ; очевидно, что онъ успѣлъ уже составить себѣ правильное понятіе и о характерѣ Помпея, и о размѣрѣ его политическихъ способностей. Первое, что узнали о Помпеѣ, едва только онъ вновь ступилъ на италійскую почву, было извѣстіе о томъ, что онъ распустилъ свое войско; вскорѣ послѣ того, онъ прибылъ въ окрестности столицы, и спокойно, какъ частный человѣкъ, въ сопровожденіи самой небольшой свиты, поселился на своей виллѣ около Рима.

Общественное положеніе Помпея.

Это для всѣхъ было неожиданностью. Всѣ ожидали и должны были ожидать, что Помпей, подобно Суллѣ возвращавшійся въ Италію во главѣ побѣдоноснаго войска, пожелаетъ такъ же, какъ нѣкогда Сулла, чтобы ему были даны чрезвычайныя полномочія для внесенія болѣе прочнаго устройства въ республику, которая, по увѣреніямъ правящихъ кружковъ, еще недавно подвергалась такой неминуемой опасности; всѣ ожидали, что тому новому строю, который онъ внесетъ въ республику, онъ съумѣетъ придать такой видъ, при которомъ на его долю выпадетъ положеніе, до нѣкоторой степени, монархическое. При томъ же, Помпей находился въ положеніи гораздо болѣе благопріятномъ, нежели Сулла. Онъ не былъ, подобно Суллѣ, главою партіи: ему не нужны были ни побѣды надъ гражданами, ни проскрипціи, и, сверхъ того, было полное основаніе предполагать, что Помпей, только что закончившій миссію, которая состояла по бо́льшей части въ работахъ организаторскихъ и въ осуществленіи новыхъ политическихъ плановъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, конечно, ужъ припасъ готовый планъ для политическихъ реформъ римскаго государства. Если это предположеніе было вѣрно, то достаточно было одного присутствія его войска, чтобы уже обезпечить введеніе подобной реформы, даже безъ всякаго примѣненія вооруженной силы. Но теперь, когда Помпей свое войско распустилъ, онъ во всѣхъ возбудилъ сильнѣйшее подозрѣніе въ томъ, что у него нѣтъ въ запасѣ такого плана реформаторской дѣятельности, да такъ оно было и въ дѣйствительности; а если онъ рѣшился на такую мѣру, какъ распущеніе войска, то развѣ только потому, что ужъ слишкомъ много возлагалъ надеждъ на свою мощь; онъ вообразилъ себѣ, что и не будучи главнокомандующимъ и не имѣя войска подъ

рукою, онъ самъ по себѣ, даже какъ частное лицо, такъ и останется во всеоружіи своего могущества, что онъ и далѣе будетъ продолжать пользоваться тою же громадною властью, примѣняя ее, когда ему вздумается.

Тріумфъ Помпея.

Въ этихъ предположеніяхъ онъ, конечно, ошибся: во главѣ войска своего онъ былъ могущественнѣйшимъ изъ всѣхъ гражданъ Рима, а безъ войска—только знатнѣйшимъ между ними. Такимъ и явился онъ народу на своемъ тріумфѣ (въ ноябрѣ 61 года), противъ котораго, конечно, Сенатъ не предъявилъ никакихъ возраженій. Тріумфъ Лукулла въ 63 году, съ трудомъ допущенный правительствомъ, конечно, являлся довольно жалкимъ зрѣлищемъ; но за то тріумфъ Помпея представлялъ зрѣлище настолько великолѣпное, разнообразное и внушительное, что все подобное, прежде бывшее, меркло въ сравненіи съ этимъ тріумфомъ. Завоеванныя страны, замки, города, взятые у противника корабли,—все это было начерчено на таблицахъ и, вмѣстѣ съ большею частью остальной добычи, съ произведеніями искусства, оружіемъ и отдѣльными чудесами художественнаго мастерства, процвѣтавшаго въ восточныхъ столицахъ, за длиннымъ рядомъ знатныхъ плѣнниковъ, проходило чредою мимо толпы. Побѣдитель чувствовалъ себя вторымъ Александромъ Великимъ, сознавая, что онъ, послѣ побѣдъ въ трехъ частяхъ Свѣта, въ третій разъ съ тріумфомъ вступаетъ въ городъ.

Связь съ Цесаремъ и Крассомъ. 60 г.

Тѣ требованія, которыя онъ предъявилъ затѣмъ къ Сенату—надѣленіе его солдатъ землями, какъ онъ имъ это обѣщалъ, и простое утвержденіе принятыхъ имъ въ Азіи мѣръ и учрежденій безъ всякаго разслѣдованія ихъ въ частности—эти требованія встрѣтили затрудненія. Въ виду недѣятельности и очевидной нерѣшительности Помпея, оптиматы ободрились и оппозиція рѣшилась выступить со своими возраженіями; въ своихъ частныхъ письмахъ, упоминая о человѣкѣ, предъ которымъ они еще такъ недавно трепетали, они начинаютъ уже называть его (и, надо сказать, очень мѣтко) разными курьезными прозвищами, заимствованными отъ названій покоренныхъ имъ варварскихъ князьковъ или городовъ, въ родѣ, напримѣръ, Самписикерама или Іеросолимарія. Что думалъ этотъ величіемъ превознесенный человѣкъ о казни катилинарцевъ и о другихъ политическихъ принципіальныхъ вопросахъ—такъ никто и не дознался; онъ выдавалъ себя только за частнаго человѣка, что̀ и его самого поставило въ ложное и невѣрное положеніе, и для общественныхъ дѣлъ было большимъ несчастіемъ, такъ какъ это послужило только къ поддержанію и пріумноженію общей шатости и недовольства. Онъ не могъ и не долженъ былъ считать себя только частнымъ человѣкомъ: народъ ожидалъ отъ него, что онъ прямо таки займетъ извѣстное положеніе, и старался истолковать его уклоненіе отъ высокаго положенія различными тайными причинами и поводами, не угадывая главной изъ нихъ—полнаго недостатка въ творческой способности и въ иниціативѣ. Цесарь, который всегда отлично зналъ, чего онъ хочетъ, и всегда умѣлъ ограничивать свои желанія, со свойственною ему геніальностью воспользовался и ошибкою Помпея, не умѣвшаго примѣнить свое могущество на дѣлѣ, и ошибкою партіи оптиматовъ, вообразившей, что это могущество вовсе и не суще-

ствуетъ (только потому, что оно не проявляется). Цесарь тогда только что вернулся изъ Испаніи, куда онъ отправился въ 62 году какъ преторъ; тамъ онъ, отчасти, по обычаю всѣхъ римскихъ правителей, успѣлъ привести въ порядокъ свои весьма разстроенные финансы, отчасти же, разумнымъ и энергическимъ правленіемъ, успѣлъ доказать свои блестящія административныя способности. Онъ сблизился съ Помпеемъ и теперь, какъ нѣкогда въ 70-мъ году, ему удалось съ тѣмъ обаяніемъ, которому не многіе могли противустать—примирить Помпея съ Лициніемъ Крассомъ. Тутъ-то пустилъ онъ въ ходъ свою способность къ политической иниціативѣ, которой не имѣли ни Помпей, ни Крассъ, и создалъ политическую комбинацію впослѣдствіи столь извѣстную подъ названіемъ «*перваго тріумвирата*»: — комбинацію, которая просто состояла въ томъ, что эти три человѣка — Кн. Помпей, М. Лициній Крассъ и К. Юлій Цесарь—рѣшились соединить свое вліяніе и тѣмъ самымъ, въ дѣйствительности, явились правителями государства (60). Да, тріумвиратъ былъ не болѣе, какъ регентствомъ, въ той именно формѣ, въ какой оно проявляется всюду, гдѣ государство нуждается въ монархѣ, а настоящаго монарха еще себѣ не нашло.

Кн. Помпей. Изображеніе на современной монетѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Первый тріумвиратъ: консульство Цесаря. — Галльская война: Помпей въ Римѣ.—Лукская конференція.—Походъ Красса противъ Парѳянъ.—Распаденіе тріумвирата и новая междоусобная война.

Первымъ успѣхомъ этого взаимнаго соглашенія было то, что Цесарь, по уговору, былъ выбранъ въ консулы на 59 годъ; рядомъ съ нимъ аристократы посадили одного изъ своихъ, *М. Кальпурнія Бибулу*, — человѣка совершенно ничтожнаго. Цесарь вступилъ въ исполненіе своей должности съ великимъ спокойствіемъ и полною увѣренностью, провелъ аграрный законъ, по которому и Помпеевы ветераны добились исполненія своихъ притязаній; сотоварищъ Цесаря попытался было оказать ему сопротивленіе, и Цесарь попытался его уговорить и убѣдить ласковымъ словомъ, но когда увидѣлъ, что это невозможно, то приказалъ силою (но безъ поврежденія ихъ личности) удалить съ площади и консула Кальпурнія, и вождя крайнихъ оптиматовъ, М. Порція Катона, послѣ чего провелъ свои мѣры, не обращая ни малѣйшаго вниманія на безсильные протесты Кальпурнія Бибулы. Тогда присмирѣвшій Сенатъ подтвердилъ всѣ распоряженія Помпея въ Азіи, не входя въ разслѣдованіе подробно-

Первый тріумвиратъ. Консульство Цесаря.

стей, и не противорѣчилъ, когда, по предложенію трибуна *П. Ватинія*, народъ возложилъ на Цесаря, на 5-ти-лѣтній срокъ, сопряженное съ большими полномочіями проконсульство въ Цисальпійской Галліи, и даже еще подчинилъ его власти Трансальпійскую Нарбоннскую Галлію, въ качествѣ провинціи. Помпею и Крассу предстояло остаться въ Римѣ, дабы, вмѣстѣ съ особою комиссіею изъ двадцати членовъ, совершить распредѣленіе земель по состоявшемуся аграрному закону Юлія Цесаря. Одновременно, въ интересахъ тріумвирата, рѣшено было удалить изъ Рима нѣкоторыхъ безпокойныхъ людей: такъ, напримѣръ, Цицерона, которому поставили на видъ незаконное присужденіе катилинарцевъ къ смертной казни (и тщетно унижался онъ теперь передъ Помпеемъ, лишь бы какъ-нибудь избѣжать ссылки!), и М. Порція Катона, которому навязали почетное порученіе финансоваго характера и отправили въ Кипръ.

Когда, въ 58 г., Цесарь, какъ проконсулъ, отправился въ свою провинцію, онъ приступилъ къ разрѣшенію большой и трудной задачи внѣшней политики, и это разрѣшеніе должно было имѣть впослѣдствіи величайшее, всемірно-историческое значеніе.

Галлія и Галлы.

Юго-восточная часть нынѣшней Франціи (которую Римляне разумѣли подъ общимъ названіемъ страны Кельтовъ, *Галліи*), такъ-называемая *Нарбоннская* провинція, которая простиралась вверхъ по долинѣ Роны до гг. Віенны и Женевы, а на западѣ до Тулузы,—представляла собою страну вполнѣ цивилизованную, да еще цивилизованную на римскій ладъ. Жизнь здѣсь проявлялась въ такихъ формахъ, которыя вели свое начало еще отъ издревле-основаннаго здѣсь греческаго города Массиліи. Эта греко-римская культура до нѣкоторой степени перешла и на сосѣдственныя области *свободной* Галліи, съ которою велись весьма оживленныя торговыя сношенія; но, конечно, по мѣрѣ приближенія къ сѣверу Галліи, слѣды этой культуры становились все менѣе и менѣе замѣтными. Препятствіемъ къ воспринятію греко-римской культуры служилъ и политическій строй Галліи. На всемъ ея обширномъ пространствѣ господствовали тѣ же нравы и тѣ же условія общественной жизни: жрецы и знать всюду преобладали, а масса народа, находившаяся въ безусловномъ повиновеніи у жрецовъ и въ порабощеніи у знати, представляла собою нѣчто въ родѣ живой собственности — не болѣе; изъ этого уже само по себѣ становится ясно, что высшая, царская власть, по самой природѣ своей созданная для защиты слабаго отъ сильнаго, или совсѣмъ не существовала, или была низведена до полнаго безсилія. Весь народъ былъ подѣленъ на великое множество отдѣльныхъ племенъ, которыя тутъ и тамъ случайно соединялись въ болѣе обширные союзы, но въ большинствѣ случаевъ проводили жизнь въ раздорахъ и взаимныхъ усобицахъ. Ни о какомъ политическомъ единствѣ не могло быть и рѣчи. Только жреческое сословіе, каста *друидовъ*, представляла цѣльный, сплоченный организмъ, со своей особой іерархіей, во главѣ которой стоялъ *высшій друидъ*, и эта каста оказывала на духовную жизнь всего народа вліяніе однообразное, но ничуть не благодѣтельное и не способствовавшее прогрессу народа въ смыслѣ культурномъ:—всюду еще человѣческія жертвоприношенія были въ обычаѣ, и дикія, страстныя проявленія варварства нигдѣ и ничѣмъ

еще не обуздывались, хотя по временамъ и проявлялись слѣды какихъ-то болѣе утонченныхъ рыцарскихъ обычаевъ. Въ Средней Галліи, между Юрою и Рейномъ, до Луары, два племени боролись изъ-за власти, *Эдуи* на З. и *Секваны* на В.; послѣдніе, во время этой усобицы, рѣшились на такой шагъ, который оказался одинаково гибельнымъ для всей націи: призвали къ себѣ на службу предводителя нѣмецкихъ наемниковъ, *Аріовиста*, храбраго вождя изъ племени Свэвовъ. Съ военной дружиной, тысячъ въ пятнадцать человѣкъ, онъ переправился черезъ Рейнъ. Выполнивъ то, что ему было поручено — разбивъ Эдуевъ, — онъ затѣмъ и не подумалъ удалиться изъ Галліи, а потребовалъ отъ Секвановъ земли для своихъ воиновъ, а затѣмъ вызвалъ еще новыя тысячи своихъ земляковъ изъ-за Рейна въ область Секвановъ, которою вполнѣ и завладѣлъ: — распоряжался ею, какъ владыка, и требовалъ еще новыхъ земель для новыхъ выселенцевъ. И не въ одномъ только этомъ мѣстѣ Галліи угрожалъ наплывъ массы германскихъ переселенцевъ. То же самое было и въ низовьяхъ Рейна, и со стороны Боденскаго озера тѣ же германскіе народы напирали на кельтійское племя *Гельветійцевъ*, которое уже готовилось покинуть свою родину (западную часть нынѣшней Швейцаріи) и поискать себѣ новыхъ поселій въ Галліи, по ту сторону Юры.

дѣйствія Цесаря противъ Гельветійцевъ.

Именно этотъ замыселъ Гельветійцевъ и сопряженныя съ выполненіемъ его опасности и былъ первою задачею, которую предлежало Цесарю разрѣшить. Ихъ послы просили его о дозволеніи Гельветійцамъ перейти черезъ нѣкоторую часть римской провинціи. Цесарь отказалъ и укрѣпилъ намѣченное для перехода мѣсто отъ западнаго побережья Женевскаго озера и до Юры. Тогда Гельветійцы, числомъ около 263.000 человѣкъ (позднѣе, это число возросло даже до 368.000), избрали иной, болѣе сѣверный путь, который пролегалъ черезъ область дружественныхъ Римлянамъ Эдуевъ. Тѣмъ временемъ Цесарь успѣлъ стянуть свои войска—пять легіоновъ съ контингентами конницы союзныхъ народовъ и набранными имъ легкими отрядами, Нумидійцами, критскими стрѣлками, балеарскими пращниками и т. п. Онъ перешелъ черезъ границу провинціи, разсѣялъ одну изъ четырехъ гельветійскихъ толпъ, а именно Тигуринцевъ, съ которыми сошелся еще на лѣвомъ берегу р. Араръ. Затѣмъ, по наведенному мосту, перешелъ на правый берегъ, и, послѣ безполезныхъ переговоровъ, напалъ на главныя силы Гельветійцевъ, невдалекѣ отъ *Бибракты*, города Эдуевъ. Послѣ упорной битвы, день закончился полнымъ пораженіемъ Гельветійцевъ (58). Они тотчасъ же подчинились всѣмъ условіямъ побѣдителя, и, по приказанію Цесаря, должны были вновь вернуться на свою территорію, такъ какъ Цесарь ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ допустить, чтобы очищенная Гельветійцами страна была захвачена наплывомъ германскихъ племенъ.

Борьба съ Аріовистомъ.

Такое массовое вторженіе германскихъ народовъ,—по словамъ пословъ, явившихся къ Цесарю отъ лица всѣхъ галльскихъ племенъ, — было въ Средней Галліи уже въ полномъ ходу. Область Секвановъ была ужъ вполнѣ во власти Аріовиста, новоприбывшая орда варваровъ опустошала и грабила землю Эдуевъ, и въ то же время узнали, что наиболѣе воинственное изъ германскихъ племенъ собирается въ огромныхъ массахъ за

Рейномъ и готовится къ переправѣ черезъ эту рѣку. При такихъ условіяхъ, конечно, свиданіе Цесаря съ Аріовистомъ, на которое послѣдній наконецъ согласился, не могло привести ни къ какому результату. Нельзя, однакоже, отрицать того, что это свиданіе двоихъ мужей, которые прокладали новые пути для своихъ народовъ, было само по себѣ въ высшей степени любопытно. Свиданіе это происходило близъ города Везонціо, который былъ Цесаремъ занятъ прежде, нежели его успѣлъ занять Аріовистъ. Изъ современныхъ источниковъ намъ извѣстно, что въ римскомъ лагерѣ, подъ вліяніемъ воспоминаній о кимвро-тевтонской войнѣ, а отчасти и подъ впечатлѣніемъ преувеличенныхъ Кельтами разсказовъ о страшныхъ германскихъ воинахъ, явилось нѣкоторое опасеніе встрѣчи съ наступающими войсками Аріовиста. При этомъ случаѣ самъ Цесарь впервые указываетъ на несомнѣнное достоинство германскаго полководца, который весьма простыми средствами умѣлъ сообщить всему войску свои личныя качества — твердость и неустрашимость. Аріовистъ и дѣйствительно былъ не совсѣмъ обыкновеннымъ человѣкомъ: по тому отчету о переговорахъ съ нимъ, который сообщаетъ намъ Цесарь, въ этомъ германскомъ вождѣ видимъ и сознаніе собственнаго достоинства, и вполнѣ ясное пониманіе цѣлей, къ которымъ онъ стремился; онъ сказалъ римскому полководцу (а значеніе Цесаря было ему извѣстно), что права Римлянъ на ихъ часть территоріи галльской ничуть не отличаются отъ его правъ, и далъ ему понять, что въ Римѣ весьма многіе изъ «тамошнихъ князей» очень были бы довольны, если бы Цесарь палъ въ битвѣ съ нимъ, Аріовистомъ. И войну онъ велъ умѣючи: онъ толково руководилъ движеніями своего войска и умѣлъ избѣгать битвы, сдерживая между тѣмъ неистовое мужество своихъ собственныхъ воиновъ ссылкою на приговоръ вѣщихъ женъ, которыя

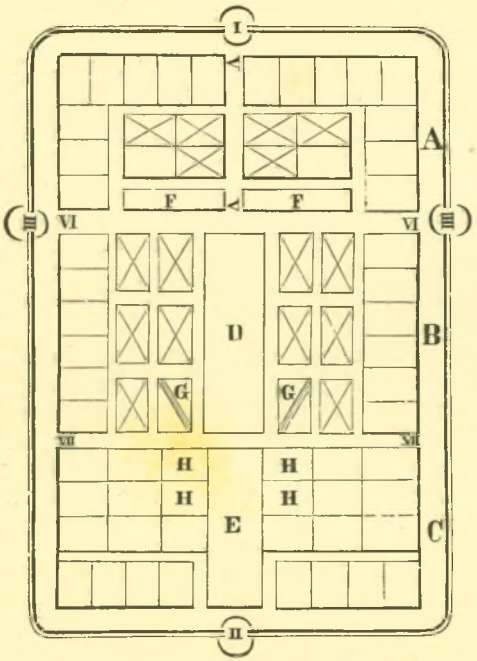
Римскій надгробный памятникъ далматинца Андеса, отысканный близъ Цальбаха; хранится въ Майнцскомъ музеѣ. На памятникѣ изображенъ Свэвъ, поверженный римскимъ всадникомъ. Что это именно Свэвъ,—видно по большому, подвязанному пучку волосъ на его головѣ. Искривленный кинжалъ или мечъ встрѣчается въ рукахъ Германцевъ и на другихъ памятникахъ римскихъ. Тѣло Свэва обнажено; только отъ пояса до щиколотки видно узкое исподнее платье.

будто бы воспрещали битву до нарожденія новаго мѣсяца, какъ противную волѣ боговъ. Наконецъ онъ битву принялъ: она произошла въ верхнемъ Эльзасѣ, недалеко отъ Мюльгаузена; противъ тройного строя римскихъ легіоновъ германское войско, болѣе многочисленное, выстроилось по племенамъ:—Гаруды, Маркоманны, Трибокцы, Вангіоны, Неметы, Седузіи, Свэвы стали рядомъ, а позади ихъ, по германскому обычаю, обозъ, охраняемый женщинами. Битва тотчасъ же, по всей линіи, обратилась въ ожесточенную сѣчу, въ которой Римляне одержали верхъ на одномъ крылѣ и поколебались на другомъ: только благодаря счастливой и смѣлой идеѣ одного изъ легатовъ, молодого П. Красса (сына тріумвирова), который разомъ двинулъ всю третью линію легіоновъ къ угрожаемому пункту, рѣшило дѣло въ пользу Римлянъ. Бѣгущее войско германское направилось къ Рейну (въ 8 верстахъ отъ поля битвы), но въ общей сумятицѣ, и при упорномъ преслѣдованіи римской конницы, немногіе успѣли перебраться за рѣку. Аріовисту удалось счастливо переправиться черезъ Рейнъ; въ современныхъ извѣстіяхъ не находимъ о немъ дальнѣйшихъ свѣдѣній. Есть однакоже основаніе думать, что этотъ исходъ смѣлыхъ плановъ Аріовиста (а мы знаемъ, что связи у него были весьма обширныя и простирались далеко на Востокъ) сильно озадачилъ всѣ племена, жившія по ту сторону Рейна. Велика была заслуга римскаго проконсула и по отношенію къ Риму, и по отношенію къ Галламъ, которымъ ужъ не подъ силу была борьба съ Германцами (58). Впрочемъ, поселенные Аріовистомъ на лѣвомъ берегу Рейна германскія племена — Трибокцы, Неметы, Вангіоны—сохранили свои поселья.

Положеніе, которое послѣ этой побѣды Цесарь занялъ въ Галліи, встревожило сѣверныя племена *Белговъ* и *Нервовъ*, а равно и многія другія, которыя стали опасаться за свою независимость, и не безъ основанія, такъ какъ Цесарь рѣшился воспользоваться даннымъ ему отъ римскаго народа многолѣтнимъ полномочіемъ для достиженія прочнаго успѣха. Предполагать, что Цесарь, воюя въ Галліи, заботился только о добычѣ или о блескѣ безсмысленныхъ завоеваній, или даже о томъ, чтобы закалить войско для тѣхъ политическихъ цѣлей, которыя впослѣдствіи думалъ преслѣдовать въ Римѣ,—это значитъ не понимать Цесаря, человѣка, одареннаго умомъ великимъ и проницательнымъ. Онъ именно имѣлъ въ виду разъ навсегда обезпечить Италію, центръ римскаго могущества, отъ опасностей, грозившихъ ей со стороны Германіи, и широкую рѣку положить вѣрною гранью между римскимъ и варварскимъ міромъ. Бельгійскія племена собрали весьма значительное войско, но одно изъ сѣверныхъ племенъ, Реміи, не примкнуло къ ихъ союзу и выдало Римлянамъ ихъ замыслы. Въ 57 году, Цесарь съ 8 легіонами направился къ Сѣверу. Союзъ Белговъ онъ уничтожилъ, даже не прибѣгая къ оружію. Остановившись на берегахъ р. Аксоны (Aisne), въ своемъ сильно-укрѣпленномъ лагерѣ, онъ въ то же время направилъ своихъ союзниковъ, Эдуевъ, въ набѣгъ противъ Белловаковъ, одного изъ племенъ, входившихъ въ составъ союза Белговъ. Белловаки, вслѣдствіе этого, вынуждены были отдѣлиться отъ союза, и связь между входившими въ составъ его союзниками ослабѣла: содержаніе большого войска обходилось не дешево, и когда Белло-

Походъ противъ Белговъ и Нервовъ.

ваки поспѣшили на защиту своей родины, ихъ примѣру послѣдовали и другіе: — а съ каждымъ племенемъ въ отдѣльности не трудно уже было справиться. Нѣсколько труднѣе было ему покорить *Нервовъ* (въ Геннегау), храбрѣйшее изо всѣхъ сѣверныхъ племенъ. На одной изъ высотъ въ Гомонскомъ (Haumont) округѣ, въ верховьяхъ Самбры, спускавшихся къ рѣчной долинѣ, римское войско стало разбивать по своему обычаю укрѣпленный лагерь; въ то же время римская конница билась съ отдѣльными кучками конныхъ Нервовъ и погнала ихъ за рѣку. А между тѣмъ, въ лѣсочкѣ, покрывавшемъ поднимавшіяся за рѣкою высоты, непріятель успѣлъ собраться въ значительныхъ силахъ: густыми толпами высыпалъ онъ изъ лѣсочка, быстро спустился съ высотъ, перебрался черезъ рѣку и такъ быстро ударилъ противъ Римлянъ, что тѣ едва успѣли построиться въ боевой порядокъ. Рѣзкій звукъ сигнальной трубы, призывавшей въ строй солдатъ, высланныхъ на работы, смѣшался съ ревомъ роговъ, подъ звуки которыхъ непріятель бѣшено наступалъ на высоты. Битва была продолжительная, серьезная и на мгновеніе даже отчаянная для Римлянъ, и самъ полководецъ римскій оставилъ намъ превосходное ея описаніе. На правомъ, наиболѣе угрожаемомъ крылѣ римскаго войска, гдѣ самъ Цесарь лично принималъ участіе въ сѣчѣ, опасность миновала только тогда, когда подоспѣли и приняли участіе въ битвѣ тѣ два легіона, которые на походѣ прикрывали обозъ; Нервы тѣмъ временемъ успѣли подняться на высоты и битва кипѣла уже у самыхъ окоповъ начатаго постройкою лагеря; такъ какъ Нервы не съумѣли во время битву окончить и отступить, а, напротивъ того, съ яростнымъ мужествомъ старались удержаться на томъ же мѣстѣ, все еще надѣясь сломить Римлянъ, то битва окончилась для нихъ полнымъ пораженіемъ (57).



Планъ римскаго лагеря (castrum), по описанію одного изъ современниковъ Траяна.
I. Врата преторскія. II. Porta decumana. III. Главныя правыя ворота. IV. Главныя лѣвыя ворота. V. Преторская дорога. VI. Главная дорога. VII. Via quintana. A. Передняя часть лагеря. B. Средняя часть. C. Задняя часть лагеря. D. Преторіумъ. E. Квесторіумъ. F. Легаты и трибуны. G. Штабъ. H. Вспомогательныя войска. [×] Конница. [ ] Пѣхота въ палаткахъ.

Положеніе дѣлъ въ Римѣ.

После этого побѣжденныя племена поспѣшили изъявить свою покорность Риму. Но, въ то же время, въ самомъ Римѣ дѣла шли далеко не такъ удачно, и наступило въ концѣ того же года такое положеніе, въ ко-

торомъ одновременно выказались самыя дурныя стороны различной формы внутренняго управленія. Объ одномъ изъ двухъ правителей, оставшихся въ Римѣ, именно о М. Крассѣ, ничего не было и слышно, кромѣ того, что онъ какъ-то воспрепятствовалъ Помпею, который будто бы заявилъ желаніе захватить власть въ свои руки: но и Помпей тоже выказалъ замѣчательную неспособность и неумѣлость по отношенію къ той политической роли, которую ему надлежало исполнять. Онъ не обладалъ ни малѣйшей авторитетностью, и, благодаря этому, въ столицѣ стала исчезать даже та обычная безопасность, которая присуща каждому благоустроенному центру. Ловкій, хитрый, наглый демагогъ второй руки, *П. Клодій*, народный трибунъ на 58 г., собравъ около себя шайку всякой сволочи, господствовалъ надъ комиціями и являлся положительнымъ тирапномъ Сената, который ни въ себѣ самомъ, ни въ Помпеѣ не могъ найти опоры; шайка Клодія даже и самого Помпея одно время держала въ его домѣ, какъ въ осадѣ, и единственная мѣра, которую рѣшились противъ него принять, заключалась въ томъ, что Клодію противопоставили другого подобнаго же демагога *Т. Аннія Милона*, который способенъ былъ пускать въ дѣло насиліе противъ насилія, и низость противъ низости. Эти внутреннія городскія смуты, конечно, не могли серьезно или непосредственно угрожать положенію Помпея. Легко можетъ быть даже, что онъ, — такъ сильно заблуждавшійся насчетъ своихъ личныхъ свойствъ,—руководился даже и такимъ тонкимъ политическимъ расчетомъ: пусть молъ анархія окрѣпнетъ до извѣстной степени, — тогда всѣ, конечно, должны будутъ обратиться къ нему, Помпею, какъ къ единственному человѣку, способному спасти городъ. Но вскорѣ проявился и другой симптомъ, къ которому онъ уже не могъ оставаться равнодушнымъ. Мало-по-малу, въ обществѣ распространилось убѣжденіе, что дѣло видимо клонится къ диктатурѣ, либо къ тираніи, либо даже къ монархическому перевороту; а между тѣмъ республиканскій строй государства уже до такой степени укоренился у всѣхъ въ понятіяхъ, что многіе, въ виду возможности подобнаго переворота, вновь стали на сторону Сената, въ которомъ все же видѣли воплощеніе республиканской идеи. Это настроеніе умовъ выразилось въ мѣропріятіи, которое не могло быть пріятно тріумвирамъ: Цицеронъ былъ вызванъ Сенатомъ изъ того изгнанія, которымъ онъ крайне тяготился: его путешествіе изъ Брундузіума въ Римъ представляло собою одну сплошную республиканскую демонстрацію. Помпею однакоже удалось добиться весьма вліятельнаго и чрезвычайнаго общественнаго положенія, сопряженнаго съ возможностью обставить себя массою чиновниковъ и служащихъ:— народъ поручилъ ему высшій надзоръ за хлѣбными запасами, сопряженный съ большими полномочіями. Но когда Помпей попытался было добиться того, чтобы ему было поручено возстановленіе власти царя египетскаго, который свергнутъ былъ съ престола, его исканія были отвергнуты не безъ содѣйствія со стороны Красса, который при этомъ получилъ нѣкоторое право подумать, что и онъ тоже—особа не малая, ничѣмъ не хуже Помпея.

Лукская конференція.

Отъ прозорливаго Цесаря не ускользнуло это положеніе дѣлъ, въ особенности переворотъ общественнаго настроенія или мнѣнія въ пользу Се-

ната. Онъ вполнѣ обезпечилъ себѣ возможность вліять на Помпея, выдавъ за него замужъ свою дочь Юлію, въ 59 г.; эта дочь Цесаря, женщина тонкая и умная, съумѣла привязать къ себѣ Помпея, привыкшаго къ лести, проникнутаго сильнѣйшимъ сознаніемъ собственнаго достоинства и легко поддававшагося всякому руководству. Необходимо было вновь еще тѣснѣе скрѣпить политическій союзъ тріумвировъ, дать всѣмъ почувствовать его вѣсъ и силу; поэтому и было рѣшено, что они, весною 56 г., съѣдутся всѣ для личнаго свиданія въ Луккѣ. Значеніе Цесаря, между тѣмъ, успѣло значительно возрасти, вслѣдствіе его побѣдъ, которыя Сенатъ удостоилъ 15-ти-дневной супликаціей; ему удалось еще разъ возстановить единодушіе между Крассомъ и Помпеемъ, и ихъ свиданіе обратилось въ нѣчто въ родѣ политической конференціи, на которой присутствовало множество политическихъ или личныхъ приверженцевъ и кліентовъ этихъ трехъ правителей и много всякаго рода людей, — стремившихся подняться при ихъ помощи, или такихъ, которые уже были имъ обязаны своимъ возвышеніемъ, и даже просто подкуплены ими. Результатомъ конференціи было принятое на ней рѣшеніе: осязательнѣе проявить власть и значеніе тріумвирата, какъ извѣстной формы государственнаго устройства; въ виду этого рѣшенія, Помпей и Крассъ должны были въ слѣдующемъ (55) году занять мѣста консуловъ, а затѣмъ, на пятилѣтній срокъ, Крассъ долженъ былъ принять на себя управленіе провинціей «Сирія», а Помпей—обѣими Испаніями, что и давало имъ обоимъ положеніе, весьма важное въ военномъ смыслѣ. Для самого себя Цесарь, умный и осторожный, скромно потребовалъ только продленія своего командованія въ обѣихъ Галліяхъ еще на пять лѣтъ; сверхъ того, онъ выхлопоталъ, чтобы расходы по вновь набраннымъ имъ легіонамъ были приняты на счетъ государственной казны.

Цесарь въ Германіи и Британніи.

Великая задача Цесаря на Сѣверѣ еще далеко не была выполнена. Пути сообщенія и живая связь новоприобрѣтенныхъ областей, съ одной стороны, съ Италіей, а съ другой стороны съ Испаніей, уже въ 57 и

Наглядное изображеніе перехода Римлянъ черезъ Рейнъ во времена Цесаря.

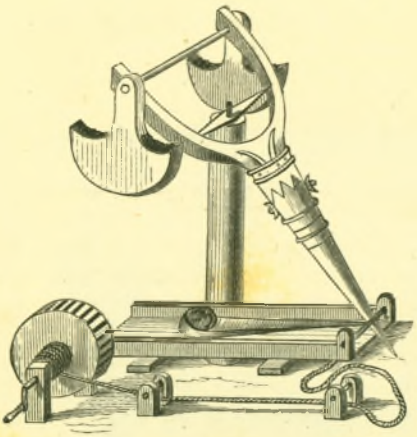
56 гг. были обезпечены удачными экспедиціями легатовъ Цесаря; въ томъ же году усмирено было и возстаніе Венетовъ (жившихъ въ Бретани и Нормандіи) и при этомъ случаѣ произошла первая на Атлантическомъ океанѣ морская битва; однакоже, спокойное обладаніе Галліей и мирное развитіе римскаго владычества въ этой странѣ было немыслимо, пока Галлы, съ одной стороны, могли разсчитывать на помощь германскихъ народовъ и привлекать ихъ толпы къ борьбѣ съ Римлянами, а съ другой стороны—могли опираться на независимыя родственныя Галламъ племена, жившія въ Британніи. Въ низовьяхъ Рейна, близъ Эммериха, явилась новая бродячая орда Германцевъ (предполагаютъ, будто ихъ было около 430,000 человѣкъ), которые не выдержали на своей, южнѣе лежавшей, родинѣ натиска грозныхъ Свэвовъ, потѣснила Менапіевъ и переправилась черезъ Рейнъ. То были *Узипеты* и *Тенктры*. Цесарь выступилъ противъ нихъ и одолѣлъ ихъ при помощи коварства, которое не оправдывалось никакою государственною необходимостью. Германцы пытались вступить въ переговоры съ опаснымъ соперникомъ; не уклоняясь отъ переговоровъ, Цесарь придвинулся къ нимъ ближе и повелъ дѣло такъ, что между ихъ конницей и конницей римской произошли незначительныя стычки; когда же ихъ князьки явились къ нему, чтобы разъяснить возникшее недоразумѣніе, Цесарь приказалъ ихъ схватить, а затѣмъ пошелъ на Германцевъ, лишившихся своихъ предводителей и не ожидавшихъ нападенія; онъ разбилъ, разсѣялъ ихъ и взялъ множество плѣнныхъ. Послѣ этого онъ приказалъ навести мостъ (около Нейвида) и перешелъ по этому мосту на противуположный берегъ рѣки, которая уже не могла защитить Германцевъ отъ нападенія грозныхъ Римлянъ. Ужасъ распространился тамъ повсюду; Свэвы, съ которыми, по мнѣнію разбитыхъ ими Узипетовъ и Тенктровъ, сами они не могли бы выдержать битвы, стали уже готовиться къ отчаянной оборонѣ; но Цесарь удовольствовался раззореніемъ области *Сигамбровъ*, кото-

Надгробный памятникъ римскаго воина, хранится въ музеѣ Сенъ-Жерменъ „en Laye".

Надпись, начертанная на немъ, гласитъ слѣдующее:
Albanus Excinci F(ilius) Eques Ala Asturum Natione Ubis Stip(endia) XII Annorum XXXV H(ic) S(itus) Est Rufus Frater E T(estamento) ?).
„Альбанъ, сынъ Эксинція, конный воинъ астурійскаго отряда, изъ племени Убіевъ; (совершилъ) 12 походовъ; (жилъ) 35 лѣтъ, лежитъ здѣсь погребенъ. Братъ его, Руфъ (воздвигъ это), согласно завѣщанію.

рые дали убѣжище бѣжавшимъ за Рейнъ остаткамъ Узипетовъ и Тенктровъ, затѣмъ вернулся опять за рѣку и уничтожилъ наведенный имъ мостъ. Въ 53 г. онъ еще разъ совершилъ тотъ же переходъ; германское племя *Убіевъ*, жившее противъ нынѣшняго Кёльна, присоединилось тогда къ римскому войску, изъ опасенія нападеній со стороны своихъ же соплеменниковъ.

Въ 55 г. перешелъ онъ и грань, отдѣлявшую Кельтовъ Британніи отъ ихъ соплеменниковъ, жившихъ на материкѣ. Какъ только онъ успѣлъ собрать необходимое ему количество судовъ, такъ тотчасъ же переправился черезъ проливъ и благополучно высадился (близъ Довера) со своими двумя легіонами; сильными метательными машинами онъ вынудилъ къ отступленію тѣ кельтійскія толпы, которыя вздумали было воспрепятствовать высадкѣ. Въ слѣдующемъ году онъ предпринялъ ту же экспедицію, въ бо́льшихъ размѣрахъ, съ пятью легіонами войска, которые переправилъ на 800 транспортныхъ судахъ. Кельтійскія племена избрали себѣ въ начальники одного изъ своихъ князьковъ, *Кассивелауна*, и Цесарь, непрерывно отражая нападенія, дошелъ до Темзы, черезъ которую переправился при Кингстонѣ, повыше Лондона. Галльское войско состояло изъ всадниковъ и воиновъ, сражавшихся на колесницахъ; пѣхота, плохо вооруженная и содержавшаяся въ намѣренномъ небреженіи преобладавшею мѣстною знатью *), была непригодна для военныхъ дѣйствій. Достаточно ясно доказавъ этому народу превосходство римскаго оружія и могущества и смиривъ Кассивелауна (т. е. взявъ заложниковъ и обязавъ Бриттовъ къ уплатѣ незначительной дани), Цесарь снова возвратился на материкъ.



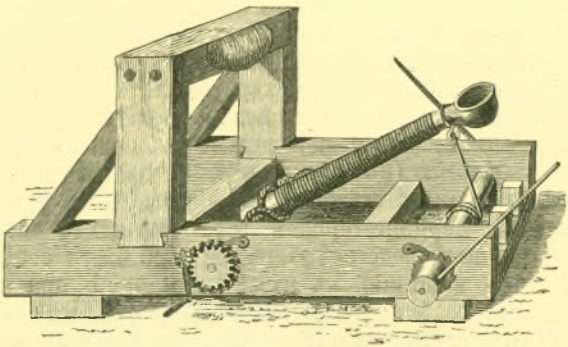
Приготовленная къ удару полевая баллиста (метательная машина).

Возстаніе Галліи. Верцингеторикс.

Покореніе Галліи въ значительной степени было облегчено Цесарю плохимъ политическимъ устройствомъ страны. Вся Галлія распадалась на множество отдѣльныхъ областей (между ними были даже и очень небольшія), племенъ и классовъ, и въ этихъ, даже и большихъ, владѣніяхъ сила и значеніе центральной правительственной власти подрывались постоянно выдающимся значеніемъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ вельможъ, которые, окруживъ себя своею дружиной, доходившей иногда до 10,000 человѣкъ, преобладали на съѣздахъ, при рѣшеніи общихъ вопросовъ управленія. Послѣдствіемъ такого порядка вещей было совершенно-анархическое состояніе обществъ и нескончаемыя усобицы, которыя проникали даже въ среду семейной жизни, а при врожденной Галламъ вос-

*) То же самое было и у Галловъ, жившихъ на материкѣ.

пріимчивости и живости, оказывалось, что никакая общественная жизнь у нихъ существовать не можетъ. Положеніе Галліи того времени, вообще говоря, очень напоминало позднѣйшую Польшу. При этомъ, однакоже, во всѣхъ Галлахъ, какъ и позднѣе въ Полякахъ, было сильно развито очень гордое сознаніе своего національнаго достоинства, основанное отчасти на свойственной племени личной храбрости, отчасти на преданіяхъ о воинской доблести и побѣдахъ Галловъ въ былое время. Это-то чувство національной гордости было глубоко возмущено тѣмъ чужеземнымъ владычествомъ, которое такъ внезапно обрушилось на Галлію; и со страшною ненавистью смотрѣли Галлы на символы этого владычества, на проконсульскіе *fasces* (связки прутьевъ съ топорами), въ значеніи которыхъ они нимало не сомнѣвались, просвѣщенные въ этомъ смыслѣ нѣсколькими казнями, послѣдовавшими по приговору проконсула. И вотъ среди знати завязалось множество отдѣльныхъ заговоровъ, и (хотя у насъ нѣтъ на это свидѣтельствъ) есть основаніе предполагать, что и жреческое сословіе этимъ заговорамъ благопріятствовало. Цесарь—неизвѣстно, по нуждѣ-ли, или просто по ошибкѣ, во время зимы 54—53 года, слишкомъ широко раскинулъ свои войска, и такое расположеніе было причиною гибели одного изъ легатовъ Цесаря, Титурія Сабина, который, вмѣстѣ съ полутора легіонами, находившимися подъ его командою, сдѣлался жертвою коварства двоихъ эбуранскихъ князей, Амбіорикса и Катуволька, подавившихъ небольшой римскій отрядъ громаднымъ превосходствомъ своихъ силъ. Тщетно пытался Цесарь навести ужасъ на Галловъ страшною карою, на которую онъ обрекъ Эбурановъ: волненіе среди галльской знати, которому Римляне не придавали большого значенія, продолжалось, и въ 53 г. разразилось возстаніе, которое еще разъ грозило уничтожить все то, чего Римляне успѣли до того времени добиться. Во главѣ возстанія явился одинъ изъ знатныхъ витязей, *Верцингеториксъ*, изъ племени Арверновъ—человѣкъ рѣшительный и притомъ выдающійся по энергіи и проницательности. Онъ собралъ большое конное войско изъ знати, и, предводительствуя имъ, постоянно угрожалъ сообщеніямъ отдѣльныхъ римскихъ отрядовъ между собою, а также затруднялъ подвозъ къ нимъ припасовъ; затягивая такимъ образомъ войну, онъ успѣлъ выиграть время и воспользовался имъ, чтобы набрать изъ массы народа сколько-нибудь сносную пѣхоту и обучить ее военному дѣлу. Нѣкоторое время Римляне



Тяжелая осадная баллиста. Метательная машина временъ Цесаря. (По сочиненію Риха).

находились въ весьма опасномъ положеніи. Лучшій изъ легатовъ Цесаря, *Т. Лабіенусъ*, задержанъ былъ осадою Лутеціи (на средней Сенѣ), города Паризіевъ, самъ Цесарь осаждалъ Герговію—и это замедлило общій ходъ военныхъ дѣйствій, а между тѣмъ даже и старѣйшіе изъ римскихъ союзниковъ, *Эдуи*, уже готовы были пристать, наравнѣ съ другими, къ общему дѣлу. Но, благодаря раздорамъ въ кельтійскомъ лагерѣ, удобнѣйшій моментъ былъ Галлами упущенъ. Цесарю удалось таки собрать воедино все свое войско, въ количествѣ десяти легіоновъ. Послѣдній актъ галльскаго возстанія закончился ожесточенною борьбою подъ стѣнами города *Алезіи* (въ верховьяхъ Сены), въ которомъ Верцингеторикъ укрылся и былъ осажденъ Цесаремъ. Пока римскія линіи еще не сомкнулись, Верцингеторикъ отпустилъ всю ту часть конницы, которая не была ему непосредственно нужна; этой части своего войска онъ поручилъ возбудить возстаніе въ массѣ народа, и при посредствѣ постоянныхъ нападеній велѣлъ тревожить Римлянъ, и, если возможно, вынудить ихъ къ снятію осады. Дѣйствительно, нѣсколько времени спустя, массы этихъ наскоро собранныхъ и плохо вооруженныхъ воиновъ появились въ тылу римскихъ линій; три дня сряду пришлось Римлянамъ отбиваться отъ нападеній съ фронта, съ фланговъ и съ тыла; но, конечно, крѣпко сплоченный военный организмъ одержалъ таки верхъ надъ вольницей, которая обращена была въ бѣгство. Городъ Алезія сдался, и послѣдній галльскій полководецъ или царь, Верцингеторикъ, сдался римскому проконсулу. Каждый солдатъ въ войскѣ Цесаря получилъ въ добычу по одному плѣннику (52). Таковъ былъ конецъ «галльской войны», послѣ семилѣтней борьбы. О самомъ главномъ, — объ организаціи покоренной страны, о правительственной дѣятельности Цесаря, объ его распоряженіяхъ въ этой области,—мы узнаемъ, къ сожалѣнію, лишь очень немногое: не можемъ однакоже отрицать того, что и въ этой правительственной дѣятельности Цесарь дѣйствовалъ замѣчательно удачно, такъ какъ въ Галліи, въ теченіе тѣхъ двухъ лѣтъ, которыя онъ еще оставался въ провинціи, спокойствіе установилось и утвердилось всюду, и онъ съ этой стороны уже не встрѣчалъ никакихъ затрудненій, при вступленіи въ новую и тяжкую борьбу, къ которой вынуждало общее положеніе дѣлъ въ самомъ Римѣ.

Пораженіе Красса при Каррэ, 53 г.

Съѣздъ тріумвировъ въ Луккѣ все же на нѣкоторое время способствовалъ скрѣпленію связи между ними, и, согласно принятымъ на съѣздѣ рѣшеніямъ, Помпей и Крассъ въ 55 году были избраны въ консулы. Въ 54 г. умерла Юлія, дочь Цесаря и супруга Помпея, и эта смерть самымъ пагубнымъ образомъ повліяла на слабохарактернаго Помпея и его отношенія къ Цесарю; еще болѣе неблагопріятно подѣйствовали въ томъ же смыслѣ событія 53 года. *Парѳяне*, на крайнемъ Востокѣ римской имперіи, явились настолько опасными врагами Рима, что съ ними, наконецъ, пришлось считаться, и Крассъ, во время съѣзда въ Луккѣ, вызвался принять на себя управленіе Сиріей, съ которой связана была и эта задача; настолько же жадный до почестей, насколько и до наживы, Крассъ думалъ, что, въ избранной имъ провинціи, онъ будетъ имѣть возможность удовлетворить этимъ обоимъ своимъ пристрастіямъ. Дина-

стическіе раздоры въ парѳянскомъ царствѣ подали поводъ Крассу къ вмѣшательству, и уже въ 54 году онъ двинулся на Востокъ. На пути Крассъ попользовался сокровищами храма Іеговы въ Іерусалимѣ; и еще болѣе богатую добычу сулила ему побѣда надъ Парѳянами, которую онъ считалъ весьма легкою. Онъ переправился черезъ Евфратъ; по совѣту одного арабскаго князька-измѣнника, Крассъ повелъ свое войско прямо впередъ, по безлѣсной равнинѣ Мессопотаміи, къ Тигру и къ большимъ городамъ Селевкіи и Ктезифону. Онъ только того и опасался, какъ бы враги отъ него не ускользнули и не захватили съ собою царскихъ сокровищъ; но тутъ-то, въ одной изъ самыхъ неблагопріятныхъ позицій, среди знойной долины, послѣ утомительнаго похода, Крассъ наткнулся на парѳянское войско, подъ предводительствомъ визиря или «суренаса» парѳянскаго царя Орода. Войско было конное, вооруженное длинными пиками или луками, и грозная римская пѣхота оказывалась совершенно безсильною передъ этими всадниками, которые оказывались неуязвимы. Ночь прекратила битву, въ которой палъ сынъ Красса, и вообще уронъ на сторонѣ Римлянъ былъ очень значителенъ; Крассъ поспѣшилъ направиться къ городу Каррэ, расположенному неподалеку отъ мѣста битвы, и отъ этого города двинулся опять къ сѣверу, чтобы, вступивъ въ гористую мѣстность, обезопасить себя отъ непріятельской конницы. На этомъ-то переходѣ и нанесено было Крассу страшное пораженіе. Войско Парѳянъ снова явилось въ виду, и тотъ же «суренасъ» предложилъ вступить въ переговоры, можетъ-быть, съ коварнымъ намѣреніемъ. При этихъ переговорахъ и самъ Крассъ, и окружавшіе его военачальники были измѣнически убиты, а затѣмъ войско римское, лишенное начальниковъ, было разсѣяно, перебито или взято въ плѣнъ. 10.000 плѣнныхъ Римлянъ отведены были на самый дальній Востокъ и тамъ поселены на житье.

Помпей и Цесарь.

Это пораженіе, впрочемъ, не могло имѣть особенно опасныхъ послѣдствій для римскаго владычества на Востокѣ; можно было, конечно, ожидать вторженія со стороны Парѳянъ, и такое вторженіе дѣйствительно послѣдовало въ 51 году; но за то смерть Красса воздѣйствовала непосредственно на положеніе дѣлъ въ Римѣ. Тріумвиратъ не существовалъ болѣе: вся власть сосредоточивалась теперь въ рукахъ двоихъ правителей. Помпей увидѣлъ, что Цесарь, пожалуй, станетъ выше его, между тѣмъ какъ онъ именно теперь-то и чувствовалъ себя на высотѣ величія. Какъ разъ около этого времени произошло столкновеніе между двумя извѣстными уже намъ демагогами, П. Клодіемъ и Т. Анніемъ Милономъ, и первый изъ нихъ былъ убитъ шайкою Милона на Аппіевой дорогѣ. Среди той дикой анархической сумятицы, которая за этимъ послѣдовала, когда шайка убитаго Клодія даже подожгла курію, Сенатъ увидѣлъ себя вынужденнымъ къ установленію власти съ чрезвычайными полномочіями, и вотъ Помпей, у котораго, какъ у проконсула Испаніи *), находилась въ распоряженіи воинская сила, былъ, противъ всѣхъ обычаевъ, назначенъ консуломъ, безъ товарища. Партія оптиматовъ тотчасъ же съ нимъ сбли-

*) Онъ правилъ Испаніей при посредствѣ легатовъ, а самъ продолжалъ преспокойно жить въ Римѣ.

зилась, и онъ призналъ ту выгоду, которую представляло ему возвращеніе къ прежнему положенію во главѣ партіи, къ его положенію во времена могущества Суллы. Эта новая связь между оптиматами и Помпеемъ не могла назваться особенно честною ни съ той, ни съ другой стороны, тѣмъ болѣе, что каждая изъ сторонъ смотрѣла на другую, какъ на орудіе для достиженія своихъ частныхъ цѣлей; но связь эта была несомнѣнна живою, такъ какъ она основывалась на одномъ общемъ интересѣ и но одномъ общемъ ощущеніи—*на опасеніи Цесаря*. То, что называется общественнымъ мнѣніемъ (то-есть, настроеніе, преобладающее въ высшихъ сферахъ населенія), въ данную минуту было на сторонѣ республики, иначе сказать—на сторонѣ Сената, который стоялъ за мирный и законный порядокъ вещей, въ противуположность военной диктатурѣ, «за тогу»—«противъ военной брони». И не только въ Римѣ, но и въ муниципіяхъ (какъ это доказываютъ намъ современныя стихотворенія веронца *Катулла*) преобладало то же настроеніе, и оно высказывалось тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ сознательнѣе начинало большинство относиться къ настоящему положенію дѣлъ и къ наступавшему въ немъ рѣшительному перелому; но съ другой стороны и вліяніе Цесаря тоже давало себя чувствовать. На народъ сильно дѣйствовали вѣсти объ его побѣдахъ, и простолюдинъ не могъ относиться равнодушно къ тому, что этотъ побѣдоносный полководецъ принадлежалъ къ партіи Марія, къ партіи народной—что онъ и всегда былъ ея сторонникомъ.

Помпей и оптиматы.

Цесарь тотчасъ провидѣлъ перемѣну въ настроеніи Помпея—да это было вовсе и не мудрено. Помпей отклонилъ предложеніе брачнаго союза, сдѣланнаго ему Цесаремъ, и женился на дочери Метелла Сципіона, котораго принялъ себѣ въ товарищи по консульству на 51 годъ; а этотъ М. Сципіонъ принадлежалъ къ самымъ строгимъ представителямъ аристократизма. Принимая его въ товарищи, Помпей сохранилъ за собою свое исключительное положеніе—продолжалъ, живя въ Римѣ, управлять двумя большими провинціями—и оптиматы ему въ этомъ не препятствовали; и вотъ для Цесаря наступило время обезпечить свое будущее отъ угрожавшихъ ему политическихъ комбинацій его могущественныхъ противниковъ. Онъ очень ясно выставилъ свои требованія: просилъ Сенатъ о дозволеніи ему, хотя бы и въ отсутствіи—слѣдовательно, при фактическомъ обладаніи своими провинціями—выступить кандидатомъ на консульское званіе на 48 годъ; при этомъ онъ, конечно, имѣлъ въ виду желаніе вынудить своихъ противниковъ къ дѣйствіямъ противозаконнымъ, и только того и ожидалъ, чтобы они съ законнаго пути свернули. А эти противники, съ консуломъ 51 года, М. Клавдіемъ, во главѣ, сдѣлали со своей стороны все возможное, чтобы выказать свою непріязнь къ Цесарю, а между тѣмъ все же медлили дѣломъ и приведеніемъ въ исполненіе тѣхъ мѣропріятій, которыя были имъ предложены въ Сенатѣ. А Цесарево дѣло принялся вести въ Римѣ, подъ личиною безпристрастія, одинъ очень талантливый, хотя и не очень почтенный политическій дѣятель—народный трибунъ *К. Куріонъ*, котораго Цесарь привлекъ на свою сторону, подкупивъ его крупною суммою денегъ. Трибунъ отстаивалъ такое положеніе:—оба представителя власти, и Помпей, и Цесарь, передъ которыми трепе-

талъ римскій народъ, должны были, по мнѣнію Куріона, одновременно отказаться отъ своихъ провинцій, слѣдовательно, и отъ своей военной власти. Въ отвѣтъ на это предложеніе, уже годъ спустя (въ теченіе котораго и та, и другая сторона усиленно подводили другъ другу всякіе подвохи и каверзы, и даже готовились къ непосредственному началу дѣйствія), 1 января 49 года, большинство Сената, отчасти ободренное къ дѣйствію, отчасти терроризуемое съ разныхъ сторонъ, рѣшило, что Цесарь долженъ сдать свои провинціи, а войска свои распустить, и назначило ему преемника. Помпей стянулъ войска въ городъ, и Сенатъ, наконецъ, произнесъ ту формулу, при посредствѣ которой онъ передавалъ консуламъ чрезвычайныя полномочія: «да блюдутъ они, чтобы республика не потерпѣла никакого ущерба». Трибуны, державшіе сторону Цесаря, тотчасъ протестовали; но затѣмъ покинули городъ и бѣжали въ Равенну, гдѣ Цесарь—все еще на почвѣ своей цисальпійской провинціи—стоялъ всего съ однимъ изъ своихъ легіоновъ. Рѣшеніе Сената, произнесенное послѣ столь долгаго медленія, и все же недостаточно-обдуманное, а въ особенности насиліе надъ трибунами (дѣйствительное-ли, или мнимое, или только грозившее имъ) развязывало Цесарю руки и—послѣ того, какъ мирныя и примирительныя его предложенія были отвергнуты—снимало съ него всякую отвѣтственность. Онъ отправилъ къ остальнымъ своимъ легіонамъ приказаніе—двинуться въ Италію; съ тѣмъ однимъ легіономъ, который у него былъ подъ рукою, онъ, безъ малѣйшаго колебанія, переступилъ черезъ границу: переправился на ту сторону рѣчки Рубикона, въ нѣсколькихъ миляхъ южнѣе города того же имени, гдѣ по тогдашнему разграниченію, начиналась уже италійская территорія.

Разрывъ: вторая междоусобная война. 49. Успѣхи Цесаря.

Такимъ образомъ, жребій былъ брошенъ и наступила пора войны—*второй междоусобной войны* (49—45 гг.), какъ ее обыкновенно называютъ. До этой минуты, Помпей считалъ себя сильнѣе Цесаря, и легко можетъ быть, что такъ оно и было. Весь легальный Римъ, и государственная казна, и Италія, и Сицилія, и Африка, и Испанія, и весь Востокъ—все это было въ его распоряженіи, между тѣмъ какъ у Цесаря не было ничего, кромѣ его легіоновъ. Но за то эти легіоны были въ полной боевой готовности, между тѣмъ какъ на сторонѣ Помпея всѣ военныя приготовленія запоздали на нѣсколько недѣль. Благодаря этому, быстрое приближеніе Цесаря, который, безъ всякаго сопротивленія, занималъ одинъ приморскій городъ за другимъ, привело всѣхъ въ величайшее смущеніе и уныніе; въ *Корфиніумѣ* Цесарь вынудилъ къ сдачѣ того Л. Доминція, котораго Сенатъ назначилъ ему преемникомъ въ управленіи провинціями, и только уже на югѣ, при *Брундузіумѣ*, побѣдоносное шествіе Цесаря было на нѣкоторое время замедлено. Помпею удалось кое-какъ отразить нападенія своего противника до тѣхъ поръ, пока онъ все свое войско не посадилъ на корабли, которые должны были везти это войско за море. И такъ, менѣе чѣмъ въ два мѣсяца, Цесарь съумѣлъ заставить своего противника удалиться изъ Италіи, и воинское искусство Помпея выказалось только въ томъ, что ему удалось вывести изъ Италіи войско, на которое опирались оптиматы; сама же Италія, Римъ, государственная казна, которую не успѣли укрыть въ сохранное мѣсто—все это, конечно, должно

было достаться въ руки Цесаря. Однакоже, при географическомъ положеніи Италіи, которая всюду была открыта для высадокъ противника, обладавшаго флотомъ, и положеніе Цесаря было далеко не такимъ блестящимъ, какъ оно могло казаться подъ впечатлѣніемъ его быстрыхъ успѣховъ. Цесарь прежде всего явился въ Римъ, сдѣлалъ тамъ всѣ необходимыя распоряженія для изготовленія флота, постарался всѣхъ успокоить относительно своихъ намѣреній, относительно полной неприкосновенности личной и имущественной; — затѣмъ разослалъ своихъ легатовъ на разные второстепенные театры войны,—въ Сицилію, Сардинію, Иллирію; а самъ направился съ 9-ю легіонами въ Испанію, гдѣ двое легатовъ Помпея, Афраній и Петрей, стояли со своими семью легіонами. И этихъ противниковъ онъ поразилъ своею быстротою дѣйствій: прежде чѣмъ они успѣли занять проходы въ Пиринеяхъ, онъ уже былъ въ Испаніи, и въ началѣ августа, не доведя дѣло до генеральнаго сраженія, онъ съумѣлъ ихъ поставить въ такое положеніе, при которомъ имъ оставалось только одно:—сдаться на капитуляцію. На сторону Цесаря перешелъ и третій легатъ Испаніи, *М. Теренцій Варронъ*, и городъ *Массилія*, который хотѣлъ было остаться нейтральнымъ въ борьбѣ, завязавшейся между бывшими тріумвирами.

Не вездѣ, однакоже, дѣло шло такъ благополучно. Легатъ Цесаря, *К. Куріонъ*, счастливо вынудившій Помпейцевъ, подъ начальствомъ М. Порція Катона, удалиться изъ Сициліи, а затѣмъ переплывшій въ Африку, здѣсь потерпѣлъ жестокое пораженіе отъ правителя провинціи и его союзника, царя *Юбы Нумидійскаго*; самъ Куріонъ палъ въ битвѣ, а остатокъ его войска сдался. Точно такъ же и въ Иллиріи, небольшое войско отправленное туда Цесаремъ, было подавлено превосходными силами Помпея. И Помпей, пользуясь покоемъ, который Цесарь, покамѣстъ, ему давалъ, озаботился о томъ, чтобы собрать отовсюду весьма внушительную воинскую силу. Главною квартирою Помпея и его партіи былъ г. *Θессалоники* въ Македоніи. Тамъ у нихъ засѣдалъ и свой Сенатъ, состоявшій изъ 200 членовъ, въ числѣ которыхъ находился и М. Туллій Цицеронъ, долго колебавшійся прежде, чѣмъ стать на сторону Помпея. Здѣсь, вообще, всѣ были такъ преисполнены увѣренностью въ побѣдѣ, что уже заранѣе дѣлили между собою имущество Цесаря и его приверженцевъ и не щадили громкихъ словъ. Одиннадцать легіоновъ и 7.000 конницы, вмѣстѣ со всякими иными вспомогательными войсками, стояли на-готовѣ у Помпея и его партіи, да сверхъ того еще и флотъ въ 500 кораблей, при посредствѣ котораго эти воинскія силы въ любой моментъ могли быть переправлены на берега Италіи.

Борьба въ Греціи. Диррахіонъ.

Наконецъ, Помпей стянулъ свои войска на Эпирскомъ побережьѣ, близъ Диррахіона; онъ, повидимому, предполагалъ, что отъ него будетъ зависѣть выборъ момента, когда онъ долженъ будетъ перейти къ наступательному способу дѣйствія. Между тѣмъ, Цесарь, возвратившись изъ Испаніи, лишь на самое короткое время остановился въ Римѣ, чтобы, въ качествѣ диктатора, провести нѣкоторыя важныя мѣропріятія, напримѣръ, распространеніе правъ римскаго гражданства и на тѣ части населенія Сѣверной Италіи, которыя жили за рѣкою По и которымъ онъ обѣщалъ

дать эти права; затѣмъ онъ добился выбора его на 48 г. въ консулы,— то-есть именно того, чему хотѣла воспрепятствовать противная ему партія. Собравъ нѣкоторое число кораблей, онъ благополучно переправилъ изъ Брундузіума въ Грецію первую половину своего войска, около 25.000 человѣкъ; также благополучно переправилъ потомъ М. Антоній въ Грецію и остальные четыре легіона. Онъ высадилъ ихъ на берегъ, но сѣвернѣе Помпеевой позиціи: и Богъ вѣсть какимъ чудомъ удалось ему эту позицію обойти и соединиться съ Цесаремъ. И вотъ въ окрестностяхъ Диррахіона оба войска сошлись и стали другъ противъ друга. Помпей весьма разумно избѣгалъ битвы, а Цесарь вынужденъ былъ ея искать, такъ какъ содержаніе его войска было не обезпечено. Такъ миновали первые мѣсяцы 48 года; между войсками происходили стычки, неблагопріятныя для Цесаря, и одна изъ нихъ чуть-чуть не привела къ катастрофѣ. Ему, однакоже, удалось отступить и сохранить все свое войско; но онъ однакоже удалился въ Ѳессалію и оттуда, въ теченіе нѣкотораго времени, наблюдалъ противника. Въ лагерѣ Помпея, гдѣ было много всякихъ знатныхъ знатоковъ воинскаго дѣла и еще болѣе военныхъ диллетантовъ, повидимому, пришли къ тому заключенію, что съ Цесаремъ дѣло покончено, а потому и предались полному бездѣйствію—ни въ Италію не двигались, ни за Цесаремъ вслѣдъ не шли. Только уже много времени спустя, Помпей, наконецъ, собравъ всѣ свои силы, направилъ ихъ по слѣдамъ Цесаря, и оба войска еще разъ сошлись близъ города *Фарсала* (въ началѣ августа 48 года), недалеко отъ того ряда Киноке-фальскихъ холмовъ, который былъ нѣкогда прославленъ побѣдою Фламинина (197 г.). Войско Цесаря, конечно, было гораздо надежнѣе войска Помпеева, но за то у Помпея насчитывали до 60.000 воиновъ, а у Цесаря не было и половины. Повидимому, Помпей и на этотъ разъ, весьма разумно, избѣгалъ битвы и былъ къ ней вынужденъ только недовольствомъ и высокомѣріемъ окружавшихъ его лицъ. 9 августа 48 года завязалась, наконецъ, битва, которая, благодаря мужеству войскъ Цесаря и его твердому и умѣлому руководству, приняла вскорѣ оборотъ, неблагопріятный для помпейцевъ. Но битва была еще далеко не потеряна, какъ Помпей уже махнулъ на нее рукой: онъ поѣхалъ въ лагерь и покинулъ войско, которое все слабѣе и слабѣе стало биться, съ тѣхъ поръ, какъ въ рядахъ Италійцевъ стало извѣстно, что Цесарь не собирается подвергать ихъ никакимъ взысканіямъ. Вѣроятно, вслѣдствіе этого, битва, ни по отношенію къ числу участвовавшихъ въ ней воиновъ, ни по отношенію къ громадному своему значенію, не была черезчуръ кровопролитною: убитыхъ было около 6.000; масса помпейцевъ, числомъ около 20.000 человѣкъ, на другой день положила оружіе.

Рѣшительная битва при Фарсалѣ.

Рѣшительный ударъ былъ нанесенъ—и къ крайнему удивленію Помпеевой партіи, восторжествовалъ Цесарь. Но, конечно, еще не всѣ надежды оптиматовъ были потеряны: у нихъ были еще и другіе театры войны. Цесарь, однакоже, слѣдилъ только за Помпеемъ, который поспѣшилъ, черезъ Лариссу, къ устью Пенея, и оттуда въ Амфиполь. Извѣстіе объ исходѣ битвы распространилось быстро, и Помпей встрѣтилъ въ Азіи (гдѣ обыкновенно преклонялись передъ побѣдителемъ) такое

Смерть Помпея.

настроеніе, которое ясно указывало, что здѣсь продолжать войну не мыслимо. Помпей направился далѣе, въ Египетъ, гдѣ правившій страною царь былъ ему обязанъ—такъ, по крайней мѣрѣ, казалось легковѣрному Помпею—тѣмъ, что его отецъ былъ нѣкогда возстановленъ на престолѣ,

Статуя Помпея, у подножія которой, какъ предполагаютъ, Цесарь былъ убитъ. Римъ. Палаццо Спада.

благодаря вліянію Помпея. Но Птолемей XII былъ еще мальчикъ, а его совѣтники угадали вѣрнымъ чутьемъ восточныхъ царедворцевъ, что сила теперь на сторонѣ Цесаря, и предположили, что даже окажутъ нѣкоторую услугу Цесарю устраненіемъ его побѣжденнаго соперника. И вотъ Помпей былъ, по ихъ приказанію, убитъ въ томъ самомъ челнокѣ, который

подвозилъ его съ корабля къ египетскому прибрежью. Такъ плачевно окончилась эта блестящая карьера, которая еще разъ доказала, какъ ненадежно бываетъ счастье и благорасположеніе людей; но еще яснѣе доказала она, какъ упорно привязываются люди къ громкому имени, которое, въ большей части случаевъ, ими же бываетъ и создано, и даже тогда еще остаются ему вѣрны, когда тотъ, кто носитъ это имя, давно уже доказалъ, что онъ неспособенъ къ выполненію большихъ задачъ. Нѣсколько блестящихъ успѣховъ въ очень ранней юности—въ пору самообольщенія—самому Помпею внушили ложный взглядъ на его способности и очень рано доставили ему важное положеніе, въ которомъ онъ былъ постоянно окруженъ льстецами и интриганами, питавшими надежду подняться при его помощи. Дальнѣйшіе успѣхи, достигнутые уже при посредствѣ чрезвычайныхъ мѣръ и необычайно счастливыхъ случайностей, еще болѣе увеличили вокругъ Помпея число его кліентовъ и льстецовъ. Этому упорному расположенію счастья и поклоненію толпы (которую онъ привлекалъ нѣкоторыми, даже блестящими качествами, при полномъ отсутствіи способности властвовать и повелѣвать) Помпей обязанъ былъ той блестящей карьерой, которая такъ неожиданно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ естественно должна была закончиться катастрофой.

Она случилась всего за нѣсколько дней до прибытія Цесаря въ Египетъ. Со свойственною ему быстротою, онъ успѣлъ уже воспользоваться плодами своей побѣды, не отвлекаемый въ сторону удовлетвореніемъ сустнаго желанія отмстить кому бы то ни было. Бумаги Помпея, принесенныя къ Цесарю послѣ битвы при Фарсалѣ, были имъ брошены въ огонь; и вотъ теперь, явившись на Востокѣ и въ лицѣ своемъ соединяя всю мощь римскаго владычества, онъ рѣшился укрѣпить его здѣсь на твердыхъ основахъ установленіемъ прочнаго внутренняго строя. Цесарь на Востокѣ.

Нельзя не обратить вниманіе на то, что ни одинъ изъ восточныхъ владыкъ не воспользовался внутренними усобицами римскаго государства, и не попытался именно въ это время возвратить себѣ свою самостоятельность. Такія вожделѣнія проявились уже только тогда, когда Цесарь, какъ кажется, слишкомъ поспѣшно вступился въ рѣшеніе династической распри между египетскимъ царемъ Птолемеемъ и его сестрой Клеопатрой, и тѣмъ самымъ поставилъ себя въ чрезвычайно-неловкое положеніе: очутился въ замкѣ Александріи какъ-бы въ плѣну у возмутившагося 300.000 населенія города. Но подоспѣвшія во-время подкрѣпленія выручили его изъ этой западни. Съ этими войсками онъ обратился противъ Митридатова сына, царя *Фарнака*, который задумалъ возстановить царство своего отца въ его прежнихъ предѣлахъ. Необычайно быстро настигъ онъ этого противника, и при Целѣ, гдѣ нѣкогда легатъ Лукулла потерпѣлъ пораженіе, Цесарь разгромилъ войско Фарнака. «Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ»—вотъ что доносилъ Цесарь въ Римъ объ этой побѣдѣ, такъ какъ дѣйствительно весь походъ противъ Фарнака былъ законченъ въ теченіе пяти дней. Братъ Фарнака (отъ другой матери) былъ посаженъ на его мѣсто царемъ въ Воспорскомъ царствѣ, а въ Малой Азіи былъ возстановленъ прежній порядокъ вещей (47).

Республиканцы въ Африкѣ.

Въ сентябрѣ того же года Цесарь былъ уже въ Римѣ. Въ отсутствіи своемъ назначенный диктаторомъ, онъ тотчасъ выяснилъ положеніе дѣлъ, нѣсколько запутанное въ его отсутствіе разными второстепенными честолюбцами и безпокойными людьми. По отношенію къ Помпейцамъ, насколько это было возможно, онъ выказалъ себя чрезвычайно снисходительнымъ; умѣреннѣйшіе изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Цицеронъ, уже возвратились въ Римъ, и масса населенія успокоилась отъ волновавшихъ ее опасеній и ожиданія суровыхъ мѣръ, въ видѣ проскрипцій и казней. Сенатъ опять вступилъ въ исправленіе своихъ обязанностей; необходимые выборы совершались своимъ чередомъ; нѣсколько законовъ было издано въ интересахъ соблюденія общественнаго порядка, и Цесарь приготовился покончить съ республиканской партіей, которая, тѣмъ временемъ, собравъ всѣ лучшіе свои силы и средства, рѣшилась еще разъ сразиться съ нимъ не на животъ, а на смерть—*въ Африкѣ*. Представилось этому нѣкоторое препятствіе: въ войскахъ Цесаря, расположенныхъ на Марсовомъ полѣ и не желавшихъ участвовать еще въ одномъ дальнемъ и трудномъ походѣ, поднялся бунтъ; они стали даже въ нѣсколько угрожающее положеніе. Ближайшіе начальники, которыхъ Цесарь послалъ къ нимъ для увѣщанія, ничего не могли подѣлать; но когда онъ самъ явился передъ ихъ строемъ, они не могли устоять противъ мощнаго обаянія его личности. Однимъ только словомъ Цесарь съумѣлъ задѣть ихъ за живое и привести ихъ къ сознанію того, какъ они были бы ничтожны, если бы онъ ихъ покинулъ. Когда онъ обратился къ нимъ съ вопросомъ: чего же они желаютъ?—изъ рядовъ послышались крики: «отставки!» Тогда онъ сказалъ имъ только: «*Квириты*, вы ее получите!..» Въ былое время онъ, обращаясь къ нимъ съ рѣчью, называлъ ихъ своими товарищами (commilitones, соратники) и вдругъ обратился къ нимъ съ такимъ словомъ, и такъ спокойно, не волнуясь, заявилъ имъ о своемъ желаніи съ ними разстаться. Настроеніе въ войскѣ тотчасъ измѣнилось — и уже въ октябрѣ 47 года Цесарь отплылъ изъ Лилибеи въ Африку.

Битва при Тапсѣ.

И здѣсь, какъ при Диррахіонѣ, Цесарь слишкомъ поспѣшилъ; подобно Александру Великому, онъ слѣпо вѣрилъ въ свою находчивость и въ счастье, т. е. слишкомъ разсчитывалъ на ошибки своихъ противниковъ. Съ тѣми 2.000 человѣкъ, съ которыми онъ высадился на побережье Африки, онъ сразу попалъ въ очень опасное положеніе, потому что войско у его противниковъ было многочисленное и во главѣ его стояли довольно искусные предводители *). Республиканцы имѣли полную возможность подготовиться къ борьбѣ и притомъ въ нумидійскомъ царѣ Юбѣ у нихъ былъ преданнѣйшій союзникъ, который не могъ надѣяться ни на какую награду со стороны Цесаря. Главное начальство надъ республиканскимъ войскомъ принялъ на себя тотъ Метеллъ Сципіонъ, который нѣкогда былъ товарищемъ Помпея при его третьемъ консульствѣ. Когда подоспѣли Цесаревы легіоны—изумительное войско подъ его командой—послѣдовала рѣшительная битва при *Тапсѣ*, невдалекѣ отъ берега, въ восточной части провинціи (въ февралѣ 46 г.). На этотъ разъ битва была гораздо крово-

*) Напримѣръ, хотя бы тотъ же Т. Лабіенъ, который нѣкогда былъ его легатомъ въ Галліи, но уже съ самаго начала войны принялъ сторону Помпея.

пролитіе, чѣмъ при Фарсалѣ, потому что Цесаревы воины, озлобленные продолжительной войной, никому не давали пощады. Съ своей стороны, вожди республиканскаго войска вовсе и не искали пощады: Метеллъ Сципіонъ Петрей (нѣкогда бывшій легатомъ Помпея въ Испаніи), царь Юба— сами наложили на себя руки; лишь немногіе искали спасенія, надѣясь еще разъ сразиться съ Цесаремъ въ будущемъ. Болѣе другихъ всѣ были поражены смертью М. Порція Катона; оставаясь вѣрнымъ идеѣ республиканскаго строя римскаго государства, которой онъ держался съ упорствомъ стоическаго философа и древне-римскаго сенатора,—онъ бросился на свой мечъ, когда убѣдился, что утрачена всякая надежда на возможность спасти республику отъ единовластія (46).

Правленіе Цесаря.

По возвращеніи Цесаря въ Римъ, въ маѣ 46 г., окончательная побѣда его была ознаменована четвернымъ тріумфомъ, который долженъ былъ напоминать о побѣдахъ Цесаря въ четырехъ странахъ — Галліи, Понтѣ, Египтѣ и Африкѣ; тріумфы сопровождались блестящими празднествами, приводившими въ восторгъ римскую чернь. На 22.000 столахъ Цесарь угощалъ римскихъ гражданъ, приглашенныхъ имъ въ гости; за этимъ пиршествомъ слѣдовала щедрая раздача денегъ и зернового хлѣба. Затѣмъ, не менѣе щедро вознаграждено было за свои труды и подвиги побѣдоносное войско: изъ громадныхъ денежныхъ средствъ, доставленныхъ Цесарю побѣдами, каждый простой солдатъ получилъ на свою долю не менѣе 2.100 р. (на наши деньги); начальство было вознаграждено соотвѣтственно; и послѣ всего этого, Цесарь не упускалъ ни одного случая, въ родѣ какихъ-нибудь празднествъ, освященія новыхъ храмовъ или закладки новыхъ зданій, — и вновь приказывалъ тѣшить толпу играми, травлями звѣрей въ циркѣ, примѣрными боями на морѣ и на сушѣ. Современныя извѣстія обо всѣхъ этихъ торжествахъ и празднествахъ заставляютъ насъ думать, что городская чернь могла быть ими совершенно ослѣплена и отуманена, и должна была, конечно, вполнѣ примириться съ новымъ порядкомъ вещей, при которомъ она (насколько этотъ порядокъ ея касался) могла только выиграть.

Юлій Цесарь. Мраморный бюстъ въ національномъ музеѣ, въ Неаполѣ.

Личность Цесаря.

И между тѣмъ какъ беззаботная толпа тѣшилась этими зрѣлищами, Цесарь съ изумительною настойчивостью ума предался разрѣшенію весьма важной задачи, которую возлагали на него и самое положеніе государства, и его собственныя природныя наклонности, какъ бы созданныя для господства надъ этимъ громаднымъ государствомъ. Неосмысленные фразёры

укоряли Цесаря въ властолюбіи; но вѣдь дѣло-то въ томъ, что въ такую революціонную эпоху, какую переживало римское государство въ послѣднія 90 лѣтъ, стремленіе къ властвованію, къ царствованію даже — есть несомнѣнное право и даже обязанность того, кто чувствуетъ себя болѣе другихъ способнымъ править. Одно уже было несомнѣнно: Цесарь въ данную минуту являлся центромъ, около котораго (какъ нѣкогда около Суллы) вращалась вся политическая жизнь. И Сулла былъ когда-то умнѣйшимъ человѣкомъ своего времени; но умъ у него былъ преимущественно критическій—умъ острый и проникнутый холоднымъ презрѣніемъ къ людямъ; у Цесаря же, напротивъ того, умъ былъ творческій, изобрѣтательный и быстро приходилъ къ смѣлымъ и правильнымъ выводамъ, безъ долгихъ колебаній и обдумываній. Какъ всѣ истинно великіе люди, онъ окидывалъ окружавшій его міръ своимъ легкимъ и проницательнымъ взглядомъ, и, опираясь на обширный опытъ своей дѣятельной жизни, тотчасъ умѣлъ въ своемъ разумѣ найти на каждый данный случай существенно-необходимое и вполнѣ правильное рѣшеніе и провести его съ неуклонною энергіею. Трудолюбіе и энергія, выказанныя имъ въ краткій періодъ 46—44 гг., при выполненіи затѣянныхъ имъ преобразованій, поистинѣ оказываются изумительными.

Законодательство Цесаря.

Въ современномъ Цесарю Римѣ произошло то, что происходитъ въ судьбахъ человѣчества каждыя 500 лѣтъ, что произошло, какъ мы видѣли, и за 300 лѣтъ до описываемой нами эпохи: — наиболѣе важнымъ и виднымъ дѣятелемъ эпохи являлся первый человѣкъ своего времени. Но благоустройство каждой государственной общины много зависитъ и отъ формы, въ которой оно проявляется, и въ Римѣ ясно ощущалось желаніе отыскать именно такую форму; для Цесарева-же единовластія эту форму не легко было подыскать. Съ царственнымъ саномъ Римляне еще не могли освоиться, хотя уже нѣкоторые новые, внѣшніе признаки власти, присвоенные Цесарю, не возбуждали болѣе непріязненнаго чувства. Въ 46 году Цесарь былъ провозглашенъ диктаторомъ на десять лѣтъ и число его тѣлохранителей, ликторовъ, было утроено: т. е., вмѣсто 24, ихъ дано было ему 72. Одновременно, въ Сенатѣ, ему дано было право возсѣдать на курульскомъ креслѣ между обоими консулами и прежде всѣхъ высказывать свое мнѣніе въ каждомъ данномъ вопросѣ. Болѣе же всего выдающеюся изъ почестей, предоставленныхъ Цесарю, былъ тотъ титулъ *императора* (т. е. главнокомандующаго), который былъ оставленъ за нимъ пожизненно, и притомъ такъ, что онъ долженъ былъ предшествовать его имени, а не слѣдовать за нимъ, какъ было до того; едва-ли нужно перечислять здѣсь чисто-внѣшнія почести, которыхъ Цесарь былъ удостоенъ: право носить постоянно лавровый вѣнокъ, одежду тріумфатора и т. д. Но и помимо этихъ почестей, въ рукахъ Цесаря мало-по-малу скоплялись всевозможныя полномочія и преимущества царственнаго полновластія: такъ, по волѣ народа и, вѣроятно, по почину Сената, Цесарю даровано было право создавать новые патриціанскіе роды; на него возложена была должность «судьи нравственности»—такъ-называемая *praefectura morum*—

Изображеніе Цесаря на современной монетѣ.

съ которою сопряжены были всѣ права цензоровъ; ему предоставлена была и трибунская власть, заключавшая въ себѣ и право кассаціи рѣшеній Сената, и право вчинанія всякихъ процессовъ, передачи ихъ на разбирательство другимъ судьямъ и, въ послѣдней инстанціи, положенія по нимъ рѣшеній собственною властью.

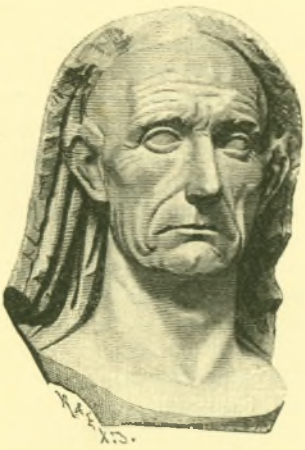
Государственное устройство и управленіе.

Сенатъ, въ которомъ до этого времени сосредоточивались всѣ правительственныя власти, былъ основательно преобразованъ. Составъ его сильно порѣдѣлъ отъ революцій послѣдняго времени, и Цесарь дополнилъ его своими приверженцами, центуріонами, вольноотпущенниками, даже иноземцами; многіе изъ этихъ введенныхъ Цесаремъ сенаторовъ были людьми очень способными, но главное—всѣ были ему людьми преданными. Число сенаторовъ доведено было до 900. Сенатъ такимъ образомъ обратился въ государственный совѣтъ монарха, для предварительнаго обсужденія законовъ, въ разсадникъ для замѣщенія высшихъ должностей всякаго рода; при этомъ Сенатъ являлся блестящимъ представителемъ государства тамъ, гдѣ нужно было поразить зрѣлищемъ внѣшняго величія; но собственно говоря, онъ уже не былъ дѣйствительнымъ представителемъ народа. Привлеченіе Цесаремъ знатныхъ Галловъ и Испанцевъ въ эту почтенную корпорацію (она была такъ тѣсно связана со всею исторіею Рима, что все же члены ея занимали высокое положеніе въ обществѣ) было не менѣе смѣло и разумно задумано, нежели допущеніе Александромъ Великимъ египетскихъ, бактрійскихъ и персидскихъ вельможъ въ кругъ приближенной знати. *Народныя комиціи* уцѣлѣли; законодательство не могло безъ нихъ обойтись. *Распоряженіе* Цесаря или того лица, которое съ его согласія занимало одну изъ высшихъ должностей, имѣло силу закона до того времени, пока то лицо сохраняло занимаемую имъ должность: дѣйствительные же *законы* могли являться только результатомъ предложенія со стороны императора, одобреннаго собраніемъ гражданъ. По самою важною и самою полезною мѣрою было то, что всѣ высшіе чиновники отнынѣ вполнѣ зависѣли отъ Цесаря:—какъ и при назначеніи воинскихъ чиновъ, половина изъ ежегодно назначаемыхъ 16 преторовъ и половина изъ таковыхъ же 40 квесторовъ—назначалась лично Цесаремъ или избиралась по старому порядку подъ его непосредственнымъ вліяніемъ. Этимъ путемъ создано было то, что доселѣ не существовало въ дѣйствительности,—строгій надзоръ и отвѣтственность, и тѣмъ оказано было всѣмъ величайшее благодѣяніе, въ особенности же провинціямъ, которыя даже и во время послѣдней войны въ Испаніи, Греціи и Африкѣ были открытымъ полемъ для безпощаднѣйшей эксплуатаціи и беззастѣнчиваго злоупотребленія. И эта сильная преобразовательная дѣятельность тотчасъ же отразилась на всѣхъ отрасляхъ государственной жизни: и въ *войскѣ*, которое Цесарь умѣлъ весьма умно и милостиво вновь слить съ общимъ гражданскимъ строемъ общества, оставивъ за собою право назначенія высшихъ начальниковъ — такъ-называемыхъ Legati pro praetore — и создавъ правильное военное чиноначаліе, совершенно независимое отъ какихъ бы то ни было политическихъ теченій; и въ *финансахъ*, которыя онъ избавилъ отъ невыносимой тягости безсмысленныхъ по своей расточительности раздачъ зернового хлѣба, строго опредѣливъ наибольшую цифру лицъ,

имѣющихъ право на полученіе такихъ подачекъ (150.000 человѣкъ); и на *правосудіи*, для котораго онъ создалъ *апелляціонную* инстанцію и самъ лично, на форумѣ и у себя дома, входилъ въ разбирательство всевозможныхъ тяжебъ; и точно такъ же во всѣхъ остальныхъ областяхъ общественной жизни—въ лучшемъ устройствѣ *полиціи*, *жреческаго сословія*, въ улучшеніи *общественныхъ построекъ*, даже — въ упорядоченіи *календаря*, который былъ сильно перепутанъ и представлялъ собою много неудобствъ для практической жизни. И всѣ эти преобразовательныя работы Цесаря были задуманы такъ широко и проведены въ жизнь такъ вѣрно и разумно, что должны были пережить его самого.

Послѣдняя борьба. Битва при Мундѣ.

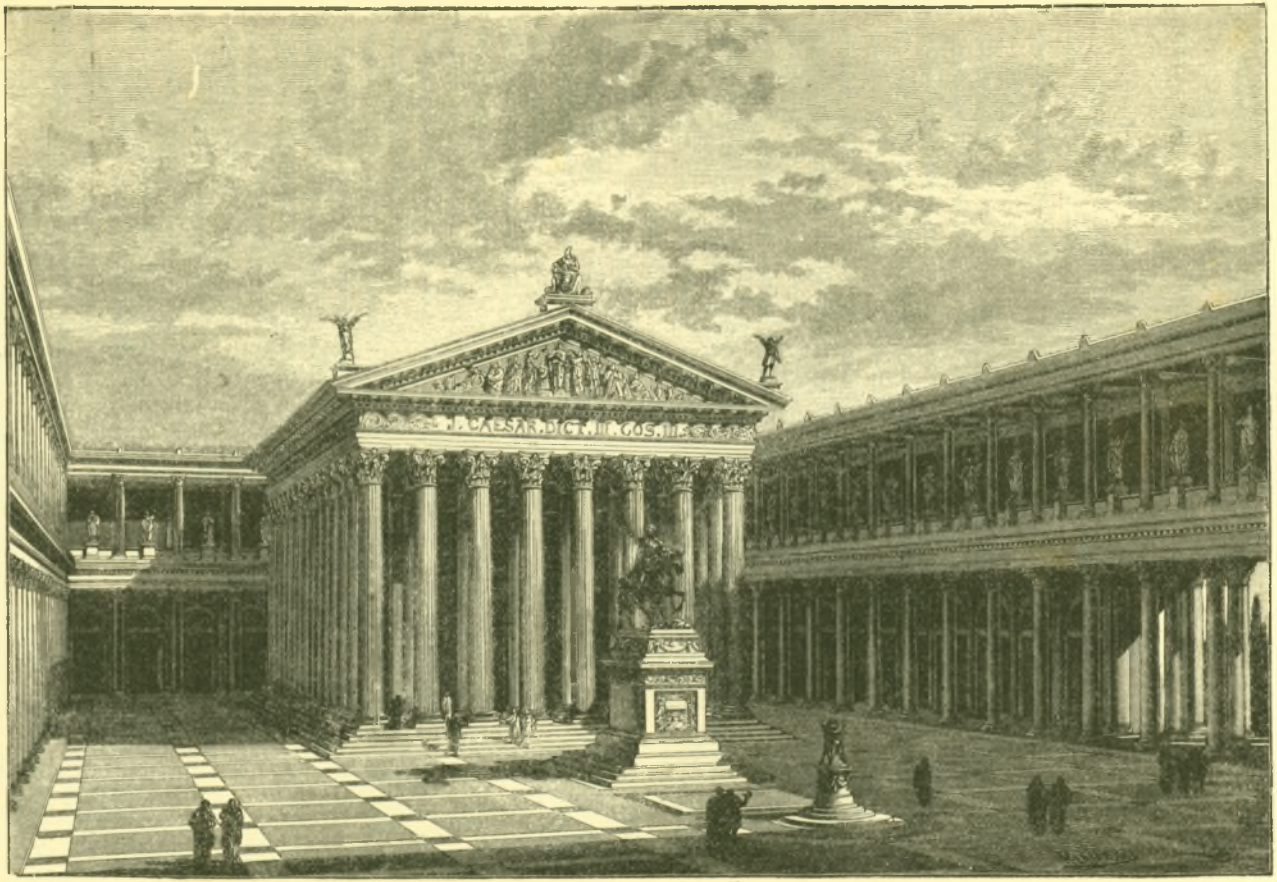
И еще разъ Цесарь былъ оторванъ отъ своей плодотворной и величавой творческой дѣятельности необходимостью прибѣгнуть къ военной силѣ. Остатки побѣжденной имъ партіи вновь собрались въ *Испаніи;* во главѣ ихъ явились сыновья Помпея—Кней и Секстъ. Силы ихъ стали возрастать такъ быстро, что Цесарь счелъ необходимымъ свое личное присутствіе на театрѣ войны. Война эта, однакоже, закончилась не такъ скоро, какъ онъ того ожидалъ. Только уже нѣсколько мѣсяцевъ спустя, 17 марта 45 г., войско противниковъ рѣшилось принять битву при *Мундѣ*, близъ Гиспалиса, и эта послѣдняя битва съ помпейцами была дѣйствительно самою жестокою и, можетъ-быть, опаснѣйшею изъ всѣхъ. Еще разъ Цесарю пришлось биться со своимъ непримиримымъ бывшимъ легатомъ, Лабіеномъ. Однакоже побѣда все же осталась на сторонѣ Цесаря: одинъ изъ сыновей Помпея, Кней, погибъ во время преслѣдованія его бѣгущей арміи, другой—спасся. Лѣтомъ того же года Цесарь возвратился въ Римъ.



Старѣющій Цесарь. Бюстъ-портретъ—въ Ватиканѣ.

Дальнѣйшіе планы Цесаря; его смерть. 44.

На всякія куренія лести и на восторги толпы, встрѣтившіе Цесаря въ Римѣ, онъ отвѣчалъ новыми играми, новыми празднествами и щедрыми дарами черни. Нѣкоторые изъ историковъ указываютъ, что въ тѣхъ планахъ, которые зародились въ головѣ Цесаря послѣ побѣды при Мундѣ, высказывалось уже нѣкоторое преувеличенно высокое мнѣніе о себѣ самомъ, какое-то желаніе быстро и неудержимо стремиться впередъ по намѣченному пути—и такое стремленіе было бы, пожалуй, объяснимо послѣ всего нескончаемаго ряда волненій и возбужденій, который пришлось пережить этой могучей и необычайно воспріимчивой натурѣ. Дѣйствительно, планы обширныхъ колонизацій, возстановленіе Коринѳа и Карѳагена, осушеніе Понтинскихъ болотъ, прорытіе Коринѳскаго канала, проложеніе дорогъ черезъ Аппенинскія горы, устройство громадной общественной библіотеки, собраніе законовъ въ одинъ обширный кодексъ, въ родѣ того *Corpus juris romani*, которое явилось 500 лѣтъ спустя,—вотъ что занимало этого неутомимаго правителя, который въ то же время обдумывалъ планъ большого похода противъ Парѳянъ.



Постройки Цесаря въ Римѣ: Форумъ Юлія (Forum Julianum). По проекту возобновленія его, составленному Г. Рэлендеромъ.

Занятый этими обширными замыслами, Цесарь, весьма естественно, упустилъ изъ виду столь необходимыя для осуществленія этихъ замысловъ заботы о своей личной безопасности. Ни о чемъ дурномъ не помышляя, онъ спокойно помиловалъ своихъ противниковъ и не думалъ ни о какихъ предосторожностяхъ. А между тѣмъ мало-по-малу накоплялись элементы для заговора, грозившаго его жизни: въ немъ приняли участіе и честные республиканцы, для которыхъ невыносима была сама мысль объ установленіи въ Римѣ монархической формы правленія, и обманутые въ своихъ надеждахъ честолюбцы, и корыстолюбцы изъ числа сторонниковъ Цесаря, и тѣ, которые не могли примириться съ новымъ порядкомъ вещей, съ новыми формами общественной жизни. Изъ этихъ элементовъ образовался тайный кружокъ, во главѣ котораго стали два человѣка недюжинные: зять Катона, *М. Юній Брутъ*, идеалистъ стоической школы, и *К. Кассій Лонгинъ*, человѣкъ честолюбивый и обладавшій воинскимъ талантомъ; оба были помпейцы, помилованные Цесаремъ и даже удостоенные особаго вниманія. Насчитывалось всего около 60 участниковъ въ этомъ заговорѣ, и представляется чрезвычайно страннымъ, что онъ, при такомъ количествѣ участвующихъ лицъ, могъ сохраниться въ тайнѣ и достигнуть выполненія своего замысла. Подробности этого событія переданы съ величайшею точностью и достовѣрностью. Мы можемъ прослѣдить всѣ тайныя приготовленія заговорщиковъ, назначившихъ для выполненія своего замысла 15 марта 44 г., день, въ который назначено было важное засѣданіе въ Сенатѣ; мы узнаемъ, что Цесарь, не совсѣмъ здоровый и притомъ непріятно настроенный какими-то дурными жертвенными предзнаменованіями или сновидѣніями своей супруги, уже готовъ былъ нейти въ Сенатъ, но одинъ изъ заговорщиковъ съумѣлъ поколебать это его рѣшеніе; какъ уже на пути къ куріи Помпея онъ получилъ предостерегавшее его письмо и даже не развернулъ его, приложивъ къ остальнымъ просьбамъ, которыя такъ часто ему подавали на улицѣ. Вотъ онъ входитъ и занимаетъ мѣсто на томъ золоченомъ курульскомъ креслѣ, которое еще недавно было отведено ему въ Сенатѣ; тогда нѣкоторые изъ заговорщиковъ подступаютъ къ нему и подаютъ ему просьбу о помилованіи одного изгнанника; одинъ изъ нихъ, стоящій позади Цесарева кресла, подаетъ условный знакъ другимъ, хватая диктатора за тогу, — и вдругъ всѣ разомъ бросаются къ нему, и онъ падаетъ подъ ударами ихъ кинжаловъ... Двадцать три раны были потомъ насчитаны на его тѣлѣ. Послѣднія слова, вложенныя въ его уста, были, конечно, сочинены впослѣдствіи. Мѣстомъ происшествія была курія Помпея, что на Марсовомъ полѣ. Предполагаютъ, что сохранилась та самая статуя Помпея (см. стр. 464), у подножія которой совершилось событіе, вновь повергнувшее весь римскій міръ въ состояніе хаоса и безначалія.

Монета съ изображеніемъ Брута. Отчеканена полководцемъ Плэторіемъ Цестіаномъ въ Азіи. На оборотной сторонѣ два кинжала и фригійскій колпакъ. По сочиненію Когена.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

Римская имперія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Смуты и борьба послѣ смерти Цесаря. — Второй тріумвиратъ. — Возстановленіе и утвержденіе единовластія Октавіаномъ Августомъ.

Положеніе Рима.

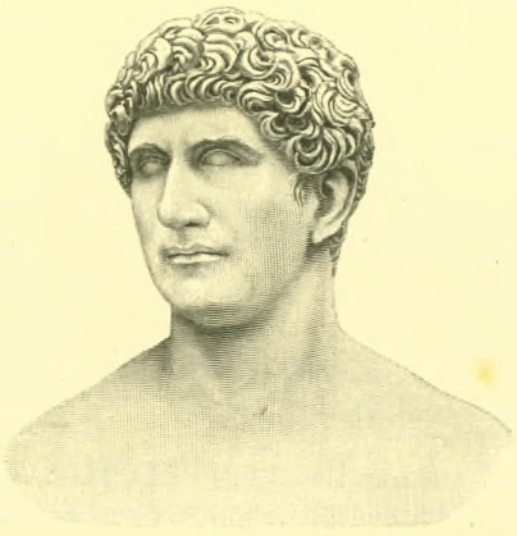
Положеніе римскаго міра послѣ кроваваго событія, совершеннаго во время мартовскихъ идъ, которымъ былъ устраненъ человѣкъ, державшій въ рукахъ своихъ всѣ нити разнообразныхъ и запутанныхъ отношеній общественной жизни, — очень напоминаетъ намъ событіе 323 г., когда почти такъ же внезапно на одрѣ болѣзни угасла столь же незамѣнимая жизнь другого великаго человѣка. Однакоже безурядица по смерти Цесаря длилась не такъ долго и была не въ такой степени гибельна, какъ войны діадоховъ Александра:—весь міръ давно уже былъ наученъ повиноваться Риму, и римское владычество всюду успѣло принять столь прочныя и устойчивыя формы, что ихъ уже не могла поколебать даже и новая предстоявшая борьба за главенство въ Римѣ.

Заговорщики и Антоній.

И дѣйствительно, вскорѣ выяснилось, что теперь въ Римѣ шло дѣло вовсе не о возстановленіи республики и ея аристократическаго элемента, а только о томъ, кто будетъ будущимъ монархомъ Рима, кто наслѣдуетъ Цесарю. Такъ какъ заговорщики ничего не приготовили для разрѣшенія этого вопроса, а при общемъ настроеніи народа, въ первые дни послѣ убіенія Цесаря, не рѣшались даже покинуть Капитолій, куда они укрылись, то власть тотчасъ же перешла въ руки нѣкоторыхъ ближайшихъ къ Цесарю лицъ—къ *М. Антонію*, какъ консулу, и къ *М. Эмилію Лепиду*, начальнику конницы при Цесарѣ; и тотъ, и другой, занимая офиціальное положеніе, могли разсчитывать и на поддержку ветерановъ Цесаря.

Изображеніе Лепида на соврем. монетѣ.

Хитрый Антоній удивительно ловко съумѣлъ отнестись въ примирительномъ духѣ къ дѣятелямъ 15 марта, и въ то же время побудилъ Сенатъ признать распоряженія Цесаря — назначеніе чиновниковъ на послѣдующіе годы и многое другое — законными; другими словами, узаконить существующій порядокъ вещей. Это было для него тѣмъ болѣе легко, что въ его рукахъ былъ и архивъ Цесаря, и его казна. При торжественномъ погребеніи останковъ великаго человѣка, которому не посмѣли воспрепятствовать изъ опасенія ветерановъ Цесаря, Антоній рѣчью своей въ такой степени воспламенилъ симпатіи къ Цесарю и такъ запугалъ заговорщиковъ и усерднѣйшихъ приверженцевъ ихъ среди оптиматовъ, что они поспѣшили удалиться изъ Рима и не могли воспрепятствовать его диктатурѣ или тираніи.



Маркъ-Антоній. Античный мраморный бюстъ въ Ватиканскомъ музеѣ.

Октавіанъ.

Прочный порядокъ и господство не могли, однакоже, установиться путемъ захвата власти человѣкомъ весьма способнымъ, умнымъ и энергичнымъ, но безнравственнымъ и легкомысленнымъ, не имѣвшимъ ни опредѣленной программы, ни серьезныхъ цѣлей въ политикѣ; и дѣйствительно, его сила была тотчасъ поколеблена, какъ только стало извѣстно, что Цесарь въ завѣщаніи назначилъ своимъ главнымъ наслѣдникомъ одного изъ молодыхъ своихъ родственниковъ *К. Октавія*—сына дочери младшей сестры своей, усыновленнаго имъ при жизни. При этомъ узнали, что этотъ наслѣдникъ Цесаря, находившійся въ моментъ катастрофы въ Греціи (онъ былъ отправленъ туда Цесаремъ, который собирался съ нимъ вмѣстѣ вести войну противъ Парѳянъ), теперь возвращался въ Италію. Вскорѣ, этотъ 19-ти-лѣтній юноша, *К. Юлій Цесарь Октавіанъ*, дѣйствительно прибылъ въ Римъ. Повидимому, ему все было очень хорошо извѣстно, и онъ держалъ себя удивительно умно. Онъ всѣхъ очаровалъ смѣлостью, съ какою онъ принялъ на себя въ ту пору далеко незавидное наслѣдство, налагавшее на него въ близкомъ будущемъ одни только тягостныя и опасныя обязательства; и вотъ всѣ тѣ, которые могли чего-нибудь ожидать отъ Цесаря по его завѣщанію, увидѣли въ юношѣ естественнаго представителя своихъ притязаній. Юность избавила Октавіана отъ необходимости занять опредѣленное политическое

положеніе, и всѣ находили весьма естественнымъ, что онъ старался держаться какъ можно дальше отъ убійцъ своего пріемнаго отца; и отношенія его къ Антонію, который разбросалъ весьма значительную долю оставленной Цесаремъ денежной суммы, тоже могли быть только холодными. На этомъ сенатская партія, во главѣ которой явился теперь М. Туллій Цицеронъ, основала свой планъ: юношею, который уже по самому имени своему, какъ сынъ Цесаря, пользовался большимъ значеніемъ и у ветерановъ Цесаря, и вообще среди войска, Сенатъ задумалъ воспользоваться какъ орудіемъ противъ Антонія, къ которому сенатская партія, и въ особенности Цицеронъ, питали величайшую ненависть. Одинъ изъ заговорщиковъ, *Децимъ Брутъ*, стоялъ съ войскомъ въ Италіи, при *Мутинѣ*; Антоній, который успѣлъ добиться отъ народа, чтобы ему была отдана въ управленіе Галлія Цисальпійская, собралъ войско, съ которымъ и выступилъ, чтобы выбить Брута изъ его позиціи. При этомъ онъ уже успѣлъ убѣдиться, что Октавіанъ пользовался въ войскѣ бо́льшимъ расположеніемъ, нежели онъ самъ: два легіона отказались служить подъ его начальствомъ, между тѣмъ какъ всѣ очень охотно становились подъ знамена Октавіана, который собиралъ войско съ одобренія сенатской партіи, воображавшей, что войско собирается именно въ ея интересахъ. Среди такой-то путаницы различныхъ отношеній промчался 44 годъ. Антоній уже успѣлъ поставить своего противника, Децима Брута, въ затруднительное положеніе, какъ вдругъ оба консула 43 года, *А. Гирцій* и *К. Бибій Панза*, а съ ними и Октавіанъ (Сенатъ далъ ему титулъ пропретора), — двинулись съ войскомъ противъ самого Антонія. Вскорѣ Цицеронъ, воображавшій, что ему предстоитъ вторично спасти республику и вновь занять то положеніе, которое онъ нѣкогда занималъ, послѣ того, какъ выпроводилъ Катилину изъ столицы, былъ обрадованъ вѣстью о побѣдѣ, одержанной двумя консулами и Октавіаномъ надъ Антоніемъ. Немного спустя, пораженіе Антонія было довершено новою побѣдою при Мутинѣ. При этомъ случилось, что оба консула—одинъ въ первой битвѣ 15 апрѣля, а другой во второй битвѣ 27 апрѣля—были убиты, и Октавіанъ подъ конецъ остался одинъ главнокомандующимъ. Наслѣдникъ Цесаря избавилъ убійцу Цесаря отъ бѣды, нанеся пораженіе знатнѣйшему изъ приверженцевъ Цесаря. Это было, дѣйствительно, въ своемъ

Юный Октавіанъ. Мраморный бюстъ въ Ватиканскомъ музеѣ.

родѣ замѣчательнымъ фокусомъ политической интриги, и среди оптиматовъ установилось даже общее мнѣніе, что теперь именно наступило то время, когда можно было устранить Октавіана, которому оптиматы никогда вполнѣ не довѣряли, да притомъ и самое имя его связывало имъ руки... Но оказалось, что они жестоко ошиблись; Октавіанъ очень хорошо зналъ цѣну той дружбѣ, которую они доселѣ ему выказывали; и Цицеронъ, довольно невоздержный на языкъ и изощрявшій свое остроуміе надъ тѣмъ «поощреніемъ», которое должно было оказать юношѣ,— далъ еще яснѣе понять Октавіану, какъ вообще смотрѣли на него оптиматы. И вотъ они, совершенно неожиданно, должны были, къ удивленію своему, узнать, какое именно значеніе должна была имѣть для нихъ побѣда при Мутинѣ

Прежде всего явилось изъ войска заявленіе, которымъ войско требовало назначенія молодого Цесаря консуломъ. Когда же Сенатъ отклонилъ это требованіе, Октавіанъ, во главѣ своихъ 8 легіоновъ, двинулся къ Риму, гдѣ, конечно, тотчасъ же всѣ примирѣли и не посмѣли ему противорѣчить, и новое положеніе дѣлъ выяснилось въ томъ, что принятъ былъ законъ, требовавшій наказанія убійцъ Цесаря. Этотъ оборотъ дѣлъ, при которомъ Октавіанъ прямо приступилъ къ выполненію своей задачи, какъ наслѣдникъ и мститель Цесаря, вынуждалъ къ перемѣнѣ въ политикѣ. Можно было ожидать, что республиканская партія и въ особенности убійцы Цесаря теперь напрягутъ всѣ свои силы, чтобы удержать за собою свое положеніе. Оба важнѣйшихъ вождя заговорщиковъ успѣли, тѣмъ временемъ, вступить въ управленіе провинціями, которыя давно уже были имъ назначены: Марку Бруту—Македонія, а К. Кассію—Сирія; а въ Сициліи правилъ Секстъ Помпей, сынъ Помпея, самовольно захватившій тамъ власть и утвержденный въ этой власти Сенатомъ, послѣ пораженія Антонія. Въ виду такого опаснаго положенія, и вожаки цесарьянской партіи рѣшились сплотить свои силы. Октавіанъ двинулся на сѣверъ, но вмѣсто того, чтобы нанести Антонію окончательное пораженіе, онъ вступилъ съ нимъ въ переговоры, какъ съ важнѣйшимъ изъ правителей въ западной части Римскаго государства, и въ октябрѣ того же года три главныхъ вождя цесарьянской партіи, *Антоній*, *Л. Лепидъ* и *Октавіанъ*, собрались на весьма важное совѣщаніе, близъ Болоньи, на островкѣ рѣчки, протекающей мимо этого города. Они сговорились между собою: результатомъ ихъ переговоровъ явилась между ними тѣсная связь, подобная первому тріумвирату Цесаря, Помпея и Красса,—*второй тріумвиратъ* (43). На первыхъ порахъ они на пятилѣтіе рѣшились принять въ свои руки управленіе всѣмъ римскимъ міромъ и добились того, что эта власть была формально и законнымъ порядкомъ передана имъ народнымъ собраніемъ.

Второй тріумвиратъ. 43 г.

Лепидъ получилъ въ удѣлъ Нарбоннскую Галлію и объ Испаніи; Антоній и Октавіанъ приготовились сломить могущество республиканской партіи на Востокѣ, и потому прежде всего рѣшились закрѣпить за собою Италію. Они условились между собою о необходимыхъ проскрипціяхъ и не скупились на кровь противниковъ и враговъ, которыхъ имущество должно было затѣмъ послужить для удовлетворенія весьма заманчивыхъ

Антоній, Октавіанъ, Лепидъ.

посуловъ, какіе пришлось сдѣлать войскамъ и ихъ важнѣйшимъ предводителямъ. Изобрѣтенныя Суллою проскрипціи возобновились, и для кровавыхъ приговоровъ нашлось столько же добровольныхъ исполнителей, какъ нѣкогда во времена проскрипцій 81 г. Жертвою ихъ палъ и М. Туллій Цицеронъ, который еще такъ недавно могъ считать себя однимъ изъ первыхъ гражданъ республики. Застигнутый врасплохъ событіями, не понимая наступившаго положенія дѣлъ, онъ, какъ и всегда, долго колебался, а потому слишкомъ поздно принялъ рѣшеніе бѣжать и при выполненіи его былъ настигнутъ убійцами; на пути изъ Формій въ Гайету, гдѣ онъ думалъ сѣсть на корабль, онъ былъ убитъ... Голова его была выставлена въ Римѣ, какъ разсказываютъ, около той самой каѳедры на форумѣ, съ которой онъ столько разъ произносилъ прославившія его рѣчи; такое грубое осмѣяніе его памяти, со стороны Антонія, было местью за тѣ нападки и насмѣшки, которыми еще недавно осыпалъ его въ рѣчахъ Цицеронъ, такъ глубоко его ненавидѣвшій.

Битва при Филиппахъ. 42.

Рѣшительная битва въ новой, *третьей* междоусобной войнѣ, произошла при Филиппахъ въ Македоніи, въ ноябрѣ 43 г.; тамъ стояло войско республиканской партіи, подъ командою Брута и Кассія, въ сильно укрѣпленной позиціи. Войско цесарской партіи, въ боевомъ смыслѣ, было несомнѣнно лучше; въ войскѣ Брутта и Кассія начальство надъ отдѣльными частями, по необходимости, было даже поручено знатнымъ юношамъ, которые въ Аѳинахъ занимались изученіемъ наукъ. Тѣмъ не менѣе, однакоже, первая битва имѣла благопріятный исходъ для республиканцевъ, и только вслѣдствіе какого-то непонятнаго недоразумѣнія, Кассій счелъ битву проигранною и поспѣшилъ заколоться. Участь республиканцевъ рѣшилась 20 дней спустя. Потерпѣвъ пораженіе, и Брутъ, по примѣру своего тестя Катона, отчаявшись и въ добродѣтели, и въ возможности спасти отечество, самъ наложилъ на себя руки. Такимъ образомъ дѣло республиканской партіи и оптиматовъ было окончательно проиграно.

Перузійская война. Антоній и Клеопатра.

Области дѣятельности государственной и провинціи римскія вновь подверглись передѣлу между тремя правителями; Лепидъ, не отличавшійся особеннымъ честолюбіемъ, сталъ болѣе и болѣе стушевываться и отодвигаться на задній планъ. Антоній избралъ себѣ Востокъ, гдѣ онъ могъ найти средства для удовлетворенія корысти своихъ солдатъ и своей собственной разнузданной испорченности и расточительности: тамъ вскорѣ онъ далъ себя запутать въ близкія отношенія съ египетской царицей Клеопатрой и послѣдовалъ за нею въ Александрію, гдѣ закружился до полнаго забвенія среди упоенія роскошныхъ празднествъ. Самую трудную и наиболѣе важную задачу принялъ на себя Октавіанъ, который вернулся въ Италію и тамъ занялся раздачею земель ветеранамъ, а эта раздача могла быть произведена только путемъ самыхъ возмутительныхъ насилій надъ населеніемъ. Немного прошло времени, какъ уже между обоими тріумвирами началась распря. Фульвія, супруга Антонія, и его братъ, Луцій, дерзнули поднять въ Италіи знамя бунта, который въ 40 г. былъ усмиренъ и законченъ взятіемъ г. *Перузіи*, гдѣ мятежники поспѣшили укрыться. Отсюда и вся эта небольшая война получила названіе *Перузійской*. Антоній, напуган-

ный пораженіемъ своихъ близкихъ, подплылъ къ берегамъ Италіи со своимъ флотомъ, и война уже готова была разразиться между двумя правителями, которые никогда не были между собою особенно дружны; однакоже имъ еще разъ удалось сговориться, и въ *Брундузіумѣ* они заключили новый договоръ, скрѣпленный брачнымъ союзомъ, въ нѣкоторомъ родѣ династическимъ. Антоній, у котораго жена умерла около этого времени, сочетался бракомъ съ сестрою Октавіана, *Октавіей*, которую дошедшія до насъ современныя извѣстія рисуютъ намъ какъ выдающееся между всѣми современными знатными римлянками явленіе, какъ по красотѣ, такъ и по образованности, и по добродѣтели. Ей, дѣйствительно, удалось на нѣкоторое время поддержать хорошія отношенія между ея братомъ и супругомъ. Этотъ договоръ въ слѣдующемъ (39) году былъ еще дополненъ новымъ договоромъ съ Секстомъ Помпеемъ, четвертымъ правителемъ; по послѣднему договору, заключенному въ *Мизенумѣ*, Сицилія была закрѣплена за С. Помпеемъ въ качествѣ провинціи, при чемъ онъ обязался доставлять въ Италію тѣ транспорты зерна, которые ей были такъ существенно необходимы. Этими двумя договорами, брундузійскимъ и мизенскимъ, былъ вновь возстановленъ миръ въ римскомъ государствѣ; само собою разумѣется, что надолго этотъ миръ не могъ удержаться между четырьмя правителями, изъ которыхъ каждый заявлялъ свои притязанія и притомъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи значительныя военныя силы. Октавіану, который болѣе и болѣе вникалъ въ самую суть своей задачи, былъ особенно невыносимъ С. Помпей. Въ 37 году, сговорившись съ Антоніемъ, котораго Октавія съумѣла забрать въ руки, Октавіанъ покончилъ съ С. Помпеемъ. *М. Випсаній Агриппа*, лучшій изъ полководцевъ, состоявшихъ въ распоряженіи Октавіана, одержалъ надъ С. Помпеемъ рѣшительную морскую побѣду при *Навлохѣ* (на сѣв.-вост. берегу Сициліи); послѣ этой побѣды и сухопутное войско С. Помпея положило оружіе, а онъ самъ, въ 35 г., покончилъ свою тревожную жизнь въ Виѳиніи, гдѣ ему нанесъ пораженіе одинъ изъ подначальныхъ Антонію полководцевъ. Такимъ образомъ, Сицилія, нѣкогда бывшая первымъ большимъ пріобрѣтеніемъ Римлянъ, теперь вновь явилась театромъ войны и наградою побѣды. На обладаніе Сициліей заявилъ свои права даже Лепидъ, вдругъ вспомнившій въ Африкѣ о своихъ правахъ тріумвира. Съ сильнымъ войскомъ высадился онъ въ Лилибеѣ и дошелъ до Мессаны; но оказалось, что его войско и не думало за него сражаться и перешло на сторону Октавіана; битва оказалась ненужною, и Лепидъ безъ преко-

М. Антоній и Октавія. Изображеніе ихъ на современной монетѣ.

Мѣдная монета съ портретомъ Агриппы. Въ Берлинскомъ мюнцъ-кабинетѣ.

словія принялъ изъ рукъ своего болѣе счастливаго соперника санъ высшаго жреца (pontifex maximus) и жилъ въ Римѣ еще много лѣтъ, даже и послѣ того, какъ великая борьба за Цесарево наслѣдство была окончена въ пользу Октавіана и приговоръ судьбы былъ окончательно произнесенъ.

Рѣшительная борьба между Антоніемъ и Октавіаномъ. Битва при Акціумѣ. 31 г. до Р. Хр.

Миръ держался еще нѣсколько времени между двумя оставшимися соперниками. Антоній еще порывался раза два пускаться въ походъ противъ Парѳянъ и нимало не сомнѣвался въ томъ, что онъ всегда можетъ, если того пожелаетъ, занять первое мѣсто въ государствѣ, такъ какъ онъ считалъ себя гораздо болѣе способнымъ полководцемъ, чѣмъ Октавіанъ. Но онъ подпадалъ все болѣе и болѣе подъ зависимость египетской волшебницы; онъ съ нею прижилъ много дѣтей, которыхъ теперь предполагалъ надѣлить римскими провинціями. Благодаря этой связи, онъ до такой степени отсталъ и отъ римской жизни, и отъ римскихъ доблестей, что въ немъ смолкло даже его честолюбіе, и только желаніе удовлетворить честолюбивымъ замысламъ Клеопатры побуждало его къ дѣйствію. А въ Римѣ между тѣмъ только и было разговоровъ, что о разныхъ неказистыхъ исторіяхъ, происходившихъ въ столицѣ Египта, о забавной пышности восточныхъ празднествъ Александріи, о возмутительныхъ притѣсненіяхъ народа для удовлетворенія тамошней безсмысленной роскоши; наконецъ, Октавіанъ (лично оскорбленный Антоніемъ, который прислалъ Октавіи разводное письмо), объявилъ войну египетской царицѣ (32). И всѣ, кому дорога была честь римскаго имени, отнеслись сочувственно къ этому шагу Октавіана. На этотъ разъ древняя борьба между Востокомъ и Западомъ возобновилась въ новой и очень странной формѣ. Войско и флотъ, выставленные Антоніемъ, совсѣмъ не походили на римскія войска и носили на себѣ вполнѣ восточный характеръ; лѣтомъ 31 г. онъ занялъ позицію въ южномъ Эпирѣ, близъ Амбракійскаго залива. И когда у мыса *Акціума* (при южномъ входѣ въ Амбракійскій заливъ) сошлись флоты владыкъ Востока и Запада — отъ исхода битвы зависѣло многое! Со стороны Октавіана битвою руководилъ опытный Агриппа, и судамъ его флота, болѣе легкимъ и болѣе подвижнымъ, приходилось пробиваться сквозь линію громадныхъ и неуклюжихъ кораблей, оснащенныхъ и вооруженныхъ по-восточному. На восточный ладъ битва и окончилась: въ самый критическій моментъ ея, царица Клеопатра вдругъ оробѣла; она обратилась въ бѣгство со своими 60 кораблями именно въ то время, когда нужно было напрячь всѣ силы для нанесенія удара. Антоній за нею послѣдовалъ, предоставивъ побѣду своему противнику и покинувъ на произволъ судьбы свое сухопутное войско, которому даже не пришлось и сражаться: нѣсколько дней спустя, оно сдалось побѣдителю. Побѣдитель, прежде всего, озаботился о награжденіи своихъ войскъ и своихъ приверженцевъ, а затѣмъ занялся приведеніемъ въ порядокъ

Изображеніе Клеопатры на серебряной монетѣ, вѣроятно выбитой въ Сиріи. Хранится въ Берлинскомъ мюнцъ-кабинетѣ. На обратной сторонѣ изображеніе Антонія.

тѣхъ областей Востока, которыя достались ему послѣ побѣды при Акціумѣ. И только тогда, когда это было окончено, онъ изъ Сиріи направился въ Египетъ, гдѣ не встрѣтилъ серьезнаго сопротивленія. Антоній кончилъ позорно: получивъ извѣстіе, будто Клеопатра наложила на себя руки, онъ нанесъ себѣ смертельную рану; но прожилъ достаточно долго, чтобы узнать, что извѣстіе было ложно, и умеръ на глазахъ Клеопатры, которая (въ этомъ никто не сомнѣвался) вѣроятно привязала его къ себѣ какими-нибудь волшебными чарами. Она надѣялась на то, что Октавіанъ ее помилуетъ — и не ошиблась: онъ пощадилъ ей жизнь, но только затѣмъ, чтобы Клеопатра могла послужить украшеніемъ его тріумфа. Узнавъ объ этомъ, она лишила себя жизни, чтобы избѣгнуть позора.

Возвращеніе Октавіана.

Въ 29 году Октавіанъ, обративъ Египетъ въ римскую провинцію, вернулся въ Римъ, и, по особенно счастливой случайности (счастливой и для него, и для государства), правилъ Римомъ сорокъ три года, и умеръ 75-ти лѣтнимъ старикомъ, хотя смолоду не отличался ни особенною силою физическою, ни особеннымъ здоровьемъ. Это единовластіе не было какою-нибудь особою формою правленія, придуманною геніальнымъ умомъ, навязанною посредствомъ вооруженной силы или введенною какимъ-нибудь законодательнымъ актомъ: — это былъ просто новый порядокъ вещей, подготовленный событіями послѣдняго столѣтія, и теперь окончательно сложившійся, въ силу простой, естественной необходимости. Но большимъ счастьемъ и большою заслугою этого человѣка было то, что новый порядокъ былъ установленъ имъ безъ всякаго шума, съ большою умѣренностью и спокойствіемъ, какъ нѣчто такое, что должно было совершиться само собою. Во время его правленія было нѣсколько заговоровъ, были кое-какія покушенія на его жизнь: но, вообще говоря, онъ уже не встрѣчалъ сопротивленія.

Принципатъ Августа.

Вначалѣ онъ правилъ, какъ консулъ, избранный въ эту должность въ пятый и шестой разъ, раздѣляя власть съ сотоварищами-консулами, имъ самимъ избранными; въ 28 году, по случаю переписи народной *), онъ побудилъ М. Випсанія Агриппу, чтобы тотъ (въ качествѣ сотоварища его по обязанности цензора), съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей, провозгласилъ его «предсѣдательствующимъ въ Сенатѣ» — princeps Senatus—и съ той поры большею частью подъ именемъ «*принципата*» и разумѣютъ ту чрезвычайную власть, какую онъ соединялъ въ своей особѣ. Однакоже, самъ Октавіанъ ощущалъ потребность въ ясновыраженной и вполнѣ законной санкціи своей власти: его желаніе исполнилось, когда въ началѣ 27 года онъ задумалъ торжественно снять съ себя и передать Сенату и народу порученныя ему полномочія, командованіе войскомъ и управленіе провинціями, и—принялъ все это вновь на себя, вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ, обращенныхъ къ нему всѣми. При этомъ ему придано было наименованіе *Августа* (augustus—священный, величественный), которое облекло его полномочіе извѣстнаго рода святостью; и затѣмъ

*) Изъ этой переписи мы узнаемъ, между прочимъ, что въ римскомъ государствѣ насчитывалось 4.000.000 способныхъ носить оружіе, и 17 милліоновъ полноправныхъ римскихъ гражданъ.

такое же мнимое отреченіе (за которымъ торжественное обновленіе его полномочій, вслѣдствіе единогласной просьбы Сената и народа) повторялось черезъ каждыя десять лѣтъ. Власть, сосредоточенная въ рукахъ Августа, по содержанію и объему, была громадная; но она все же не была деспотическою, и никому деспотическою не представлялась. Августъ обладалъ умѣньемъ пользоваться ею чрезвычайно умѣренно и проявлять ее въ формахъ почти незамѣтныхъ. Неизбѣжною основою его власти было, конечно, его положеніе во главѣ войска. Какъ «императоръ» (т. е. главнокомандующій), онъ былъ главнымъ начальникомъ войска, легіоновъ и вспомогательныхъ войскъ, число которыхъ въ 16 г. ограничивалось 250.000 человѣкъ — цифрою очень умѣренною по отношенію къ громадности государства. Августъ и назначалъ, и смѣнялъ начальниковъ надъ отдѣльными частями войска; всѣ войска воздавали ему высшія почести; онъ руководилъ наборами и формировалъ отдѣльные отряды войскъ. При весьма продолжительной службѣ, войско нуждалось ежегодно въ пополненіи, которое не превышало 20.000 человѣкъ; и этотъ составъ покрывался большею частью лицами, добровольно изъявлявшими желаніе поступить на службу, которыхъ привлекало хорошее содержаніе солдатъ и полное обезпеченіе на старости лѣтъ. Для службы собственно въ Римѣ и въ Италіи образована была гвардія— девять когортъ, по 1.000 человѣкъ каждая; изъ нихъ только одна треть стояла въ Римѣ, а остальныя двѣ трети были расположены гарнизонами въ Италіи. Личную стражу Августа составлялъ особый отрядъ, составленный изъ Германцевъ. Флотъ, къ развитію котораго онъ прилагалъ весьма похвальную заботливость, распадался на три эскадры, изъ которыхъ для одной постояннымъ мѣстомъ стоянки былъ портъ Равенны, для другой — портъ Мизенумъ, для третьей—портъ Форумъ-Юлія.

Управленіе. Провинціи.

Перемѣны, происшедшія въ управленіи государственномъ послѣ того, какъ создалось это единовластіе, особенно благопріятно отозвались на управленіи *провинціями*, слѣдовательно, на девяти десятыхъ всего государства. Въ нѣкоторой части 20 провинцій, на которыя государство было подѣлено, въ важнѣйшихъ, такъ-называемыхъ «цесарскихъ» провинціяхъ, самъ Августъ числился намѣстникомъ, и управлялись онѣ его намѣстниками, т. е. чиновниками, имъ самимъ назначенными, ему лично отвѣтственными, облеченными властью пропреторскихъ легатовъ; точно такъ же и въ менѣе важныхъ, *сенаторскихъ* провинціяхъ, которыя только формально состояли въ управленіи Сената, ему съ 23 года предоставлена была проконсульская власть. Уже съ 27 года намѣстники стали получать опредѣленное содержаніе изъ государственной казны, и такимъ образомъ былъ положенъ конецъ позорной системѣ хищеній, которая была столь обычною во времена существованія республики. Далѣе пребываніе Августа въ Галліи и Испаніи, въ 27—24 гг., имѣло величайшее значеніе для всего Запада; точно такъ же, въ 22—19 гг., мы видимъ Августа на Востокѣ; а если что-либо задерживало его въ Римѣ и онъ не могъ лично ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ той или другой мѣстности, то онъ посылалъ туда лицо близкое къ нему, напр. Агриппу или кого-нибудь изъ родственниковъ — изъ *князей* своего дома, если можно такъ выразиться. Римское вліяніе утверждалось всюду весьма многочисленными *колоніями*,

которыя Августъ повсемѣстно основывалъ, а также и тѣмъ условіемъ, что Римъ былъ теперь дѣйствительною столицею всемірнаго римскаго государства: въ немъ, какъ въ центрѣ, сходились всѣ пути, пролегавшіе отъ Рима во всѣ стороны міра, и по этимъ путямъ правильно устроенная государственная почта разносила правительственныя распоряженія къ намѣстникамъ и поддерживала сношенія путемъ непрерывной, сильно-развитой дѣловой корреспонденціи. Только теперь различныя страны современнаго міра могли сознательно понять, чѣмъ именно онѣ были обязаны Риму: — миромъ и спокойствіемъ (pax et otium); вотъ почему именно въ провинціяхъ и стало быстро развиваться безусловное преклоненіе передъ самодержавіемъ, образовался даже цѣлый культъ его: всюду стали воздвигаться святилища въ честь *Рима* и *Августа*.

Столица. Если такъ поднялось благосостояніе въ провинціяхъ, то въ такой же степени повысилось и значеніе столицы и значеніе самой Италіи, и все государство дивилось тому искусству, которое выказывалъ Октавіанъ въ управленіи этимъ центромъ государства. Новою и своеобразною особенностью этого единовластія было именно то, что оно соединяло въ себѣ весьма серьезныя задачи и принимало на себя труды самыхъ различныхъ республиканскихъ должностей. Трибунство народное, во всемъ его національномъ значеніи, со всею его чрезвычайно многосложною компетенціей, со всею растяжимостью его правъ — было перенесено на Октавіана; онъ состоялъ членомъ всѣхъ высшихъ жреческихъ коллегій, а въ 12 году, по кончинѣ Лепида, принялъ на себя и должность «высшаго жреца» (pontifex maximus), слѣдовательно, весьма важную обязанность наблюденія за богослуженіемъ и культомъ вообще; съ 31 по 23 г. онъ ежегодно заставлялъ избирать себя въ консулы и все управленіе велось на основаніи его эдиктовъ (указовъ); и въ какой бы области управленія ни являлась потребность въ особенномъ упорядоченіи дѣла или въ чрезвычайныхъ полномочіяхъ,—какъ, напримѣръ, въ распоряженіи *хлѣбными запасами*, въ управленіи *большими военными дорогами* или же *городскими водопроводами*,— тамъ онъ побуждалъ Сенатъ и народъ поручить ему эту чрезвычайную обязанность, хотя въ то же время о диктатурѣ не было и помина, такъ какъ она въ дѣйствительности, при новомъ порядкѣ, правильномъ и законномъ, вовсе и не была нужна. Весьма важно было то, что и *судебная власть* состояла подъ его же высшимъ надзоромъ; отъ него вполнѣ зависѣло указать инстанцію, которой слѣдовало вѣдать тотъ или другой процессъ: самъ-ли онъ займется его разборомъ, или Сенату разборъ предоставитъ, или обыкновеннымъ судамъ, при чемъ въ послѣдней инстанціи являлась возможность апелляціи къ нему же, Цесарю, какъ къ народному трибуну.

Сенатъ. Въ положеніи Сената, уцѣлѣвшаго несмотря ни на какія превратности, съ внѣшней и формальной стороны, не произошло никакихъ измѣненій; уцѣлѣли также и *народныя комиціи*. Цесарь въ качествѣ prïncerps'а относился и къ Сенату, и къ комиціямъ очень внимательно: и если дважды въ теченіе всего своего правленія, въ 29 и 18 гг., онъ и подвергъ Сенатъ очищенію, то произвелъ это вовсе не изъ желанія унизить Сенатъ, а напротивъ, желая возвысить его значеніе удаленіемъ многихъ недостойныхъ

Такъ-называемая „Gemma Augustea", рѣзной оникъ, представляющій торжество Августа. Одна изъ самыхъ большихъ и наилучше-сохранившихся гэммъ древности. Снята въ величину оригинала, хранящагося въ Вѣнскомъ Императорско-королевскомъ мюнцъ-кабинетѣ и музеѣ антиковъ.

Объясненіе содержанія Августовой гэммы. «На тронѣ сидитъ богиня-покровительница города Рима и императоръ Августъ. Надъ ними, въ кругу, знакъ Козерога, подъ которымъ императоръ родился: позади ихъ группа олицетвореній его счастливаго правленія. Съ тріумфальной колесницы, которою правитъ богиня Побѣды, сходитъ пасынокъ императора, Тиберій, дабы доложить Цесарю объ усмиреніи возстанія паннонскихъ и иллирійскихъ племенъ. (6—9 гг. по Р. Х.). Около колесницы стоитъ Германикъ. На нижнемъ фризѣ, легіонеры воздвигаютъ столпъ съ трофеями, въ знакъ побѣды, надъ опечаленной Паннопіей и связаннымъ Дунаемъ; союзники Римлянъ тащатъ къ этому столпу плѣнниковъ за волосы».

сочленовъ. Участіе Сената въ законодательствѣ нимало не уменьшилось, хотя конечно вліяніе, оказываемое имъ на управленіе, и должно было уступить мѣсто полновластію правителя, назначавшаго представителей исполнительной власти. Притомъ же Сенатъ попрежнему остался разсадникомъ высшихъ сановниковъ и составлялъ государственный совѣтъ главы государства, который, при посредствѣ небольшого числа избранныхъ изъ среды его, подготовлялъ всѣ доклады, подлежавшіе внесенію въ ближайшее засѣданіе Сената.

И такъ, первое и послѣднее слово всюду принадлежало Цесарю, около котораго самъ собою образовался болѣе тѣсный кружокъ приближенныхъ къ нему лицъ; въ числѣ этихъ лицъ, кромѣ его главнаго восначальника Випсанія Агриппы, въ особенности выдается Кай Цильній Меценатъ — оба люди *новые*, положеніе которыхъ, главнымъ образомъ, основывалось на ихъ личномъ отношеніи къ Августу; о вліяніи этихъ обоихъ людей мы, конечно, знаемъ очень немногое, такъ какъ уже по самому свойству своему правленіе Цесаря носило чисто-личный характеръ. Вообще же говоря, Октавіанъ, какъ во внутреннемъ управленіи, такъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ съумѣлъ вполнѣ усвоить себѣ идею своего великаго дѣда, не имѣя его геніальности, но за то обладая яснымъ, разсчетливымъ умомъ и весьма здравымъ пониманіемъ того, что на практикѣ исполнимо и достижимо.

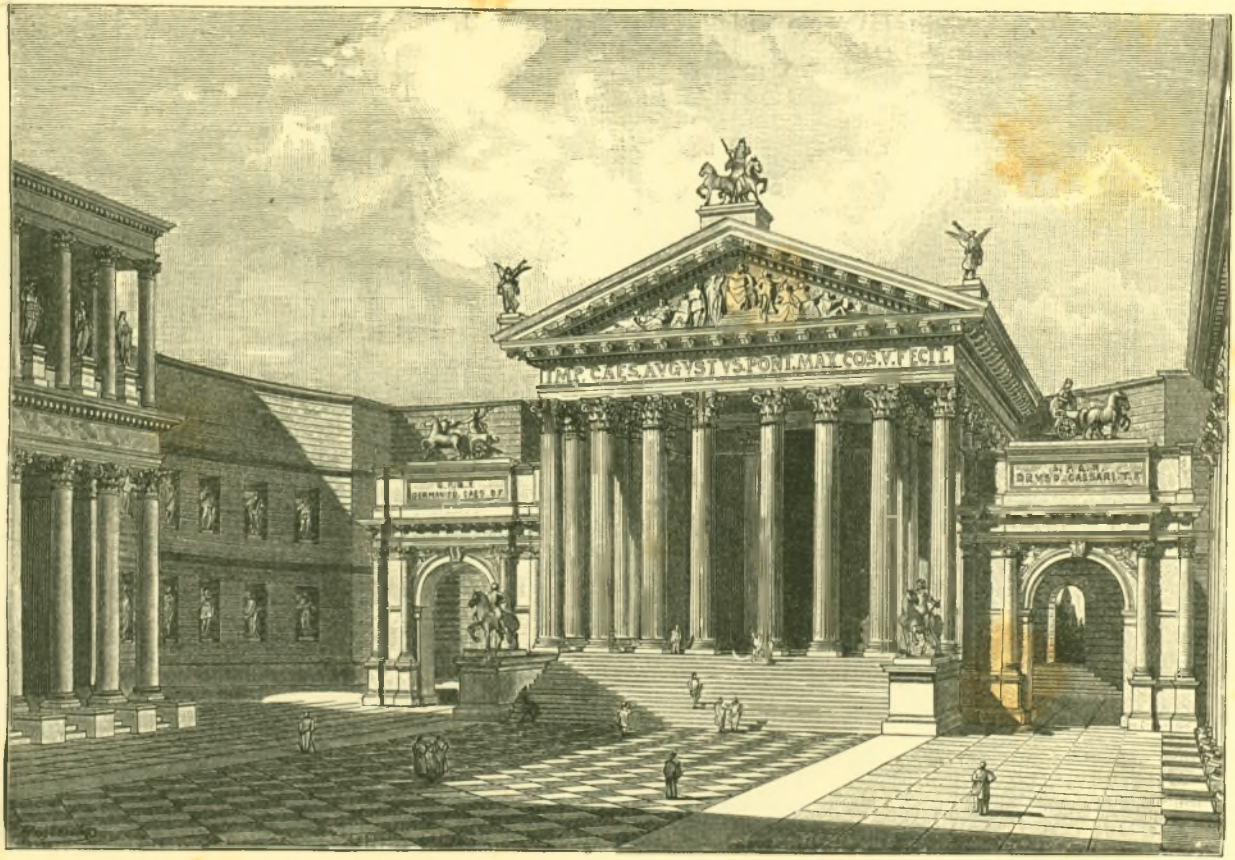
Управленіе Римомъ. Духовныя стремленія.

Много такихъ практическихъ задачъ представляло ему самое управленіе столицею, въ которой—при ея быстро-возрастающемъ разноплеменномъ населеніи, при массѣ черни, которая стала особенно буйною и разнузданною во время междоусобныхъ войнъ—не легко было поддержать порядокъ, особенно при маломъ количествѣ войска, находившагося въ распоряженіи власти. Октавіанъ далъ новое устройство полицейскому управленію, установилъ новую, постоянную должность *городского префекта*, образовалъ конную полицію и пожарную команду, особыя *городскія когорты* и *ночную стражу* (vigiles), придавъ имъ вполнѣ военную организацію, и раздѣлилъ весь городъ на 40 кварталовъ; даже и нищенство—это плохое наслѣдство революціонной поры, и раздачи зернового хлѣба,—все это было подчинено извѣстному распорядку. Въ то же время Августъ заботился и объ увеселеніи, и о развлеченіи столичной толпы всякими играми и зрѣлищами, раздачами подарковъ, грандіозными постройками, празднествами, освященіями храмовъ и всѣмъ, что могло занять такой большой городъ, центръ государства, захватившаго полміра въ свои предѣлы, поддержать въ его населеніи веселое настроеніе и отвлечь его отъ политики. Когда Августъ однажды укорялъ одного изъ знаменитыхъ пантомимовъ за его тяжбы съ товарищемъ по искусству, тотъ возразилъ ему: «ты самъ, государь, не понимаешь своей выгоды: предоставь толпѣ заниматься нами, актерами, и нашимъ соперничествомъ». Въ области искусствъ Августъ болѣе всего пользовался *зодчествомъ* и до извѣстной степени *поэзіей*, какъ средствами вліять на толпу; въ старости онъ любилъ даже хвалиться тѣмъ, что «принялъ Римъ кирпичнымъ, а оставилъ его мраморнымъ». Своему приближенному, Меценату, онъ предоставлялъ собирать около себя поэтовъ, которые, въ отплату за оказы-

ваемое имъ расположеніе и милости, усердно восхваляли новые порядки и превозносили главнаго виновника ихъ, Августа, въ своихъ произведеніяхъ, чѣмъ оказывали благотворное вліяніе на общее настроеніе всего народа.

Поэзія. Среди весьма многочисленныхъ писателей этого времени, которые уже могли писать на языкѣ, достигнувшемъ полной зрѣлости развитія, и притомъ писать для общества, уже воспринявшаго все богатство греко-римской культуры, первое мѣсто занимаютъ трое: *П. Овидій Назонъ*, *П. Виргилій Маронъ*, *Кв. Горацій Флаккъ*, оказавшіе болѣе или менѣе глубокое вліяніе и на всѣ послѣдующіе вѣка. Первый изъ нихъ, Овидій, принадлежалъ по рожденію къ руководящимъ классамъ общества; одаренный счастливымъ умѣньемъ легко и красиво писать стихи, онъ не обладалъ ни глубиною взгляда на жизнь, ни стремленіемъ къ какой-либо серьезной цѣли, и потому представляетъ собою поэта, который характеризуетъ намъ свой вѣкъ съ самой непривлекательной стороны. Распущенная жизнь столицы, ея безчисленныя любовныя интриги и прочія приманки и интересы нравственной испорченности, ея потребность въ пустомъ литературномъ развлеченіи — вотъ что доставляло главныя тэмы его поэзіи, пока самъ поэтъ, постоянно воскурявшій Августу ѳиміамъ тончайшей лести, не подвергся опалѣ: за проступокъ, не подлежавшій никакому извиненію, онъ былъ, по приказу Цесаря, удаленъ изъ Рима въ ссылку, въ городъ Томи на Черномъ морѣ, гдѣ онъ и умеръ въ 17 году по Р. Хр. Другой поэтъ, Виргилій, въ прекрасныхъ четырехъ поэмахъ, посвященныхъ земледѣлію (въ четырехъ книгахъ *Георгикъ*), выказываетъ тонкое пониманіе жизни природы и самое искреннее расположеніе къ древне-италійскимъ національнымъ занятіямъ—сельскому хозяйству, плодоводству, садоводству и скотоводству—и это расположеніе, производя на насъ самое отрадное впечатлѣніе, даетъ намъ возможность заглянуть въ жизнь и ознакомиться съ образомъ мыслей современныхъ, чуждыхъ политикѣ людей, то-есть огромнаго большинства. Скромный и признательный авторъ, которому Цесарь оказалъ личное одолженіе, отплатилъ за это Цесарю весьма любезною услугою: въ обширномъ эпосѣ, въ *Энеидѣ*, онъ изложилъ давно уже всѣми усвоенное сказаніе о началѣ Рима и троянцѣ Энеѣ, его предполагаемомъ основателѣ, котораго выставилъ предкомъ знаменитой семьи Юліевъ, великаго Цесаря и его преемника. Прекрасный языкъ, полный

Бюстъ, изображающій Виргилія. Въ Капитолійскомъ музеѣ въ Римѣ.



Форумъ Августа. По проекту возобновленія его, составленному Г. Рэлендеромъ.

реторическаго паѳоса, производилъ нѣкотораго рода впечатлѣніе на публику, которая уже настолько привыкла къ подражанію греческимъ образцамъ, что ее даже не поражало непріятно то неуклюжее и наивное повтореніе Иліады и Одиссеи, которое представляла собою Энеида, эта довольно складная, но вполнѣ искусственная героическая поэма, по достоинствамъ своимъ такъ мало напоминавшая собою настоящій древній эпосъ. Наиболѣе талантливымъ изъ трехъ вышепомянутыхъ поэтовъ былъ Горацій, который съумѣлъ удивительно тонко понять измѣнившееся положеніе общества и явиться истолкователемъ идей новой эпохи. Исторія его жизни отражаетъ на себѣ со многихъ сторонъ это замѣчательное время. Онъ родился въ 65 году въ Венузіи (въ Апуліи) и былъ единственнымъ сыномъ вольноотпущенника, обладавшаго весьма небольшими средствами; на родинѣ получилъ онъ и школьное образованіе. Отецъ Горація—вѣроятно, одинъ изъ многихъ современныхъ отцовъ—захотѣлъ дать своему талантливому сыну хорошее образованіе, дабы тѣмъ улучшить въ будущемъ его общественное положеніе; онъ обратилъ свою небольшую недвижимость въ деньги и отправился съ сыномъ въ Римъ, гдѣ и съумѣлъ доставить сыну такое образованіе, какое получали только представители высшаго сословія, сыновья всадниковъ и сенаторовъ. Знатная римская молодежь для усовершенствованія своего научнаго образованія отправлялась обыкновенно на нѣкоторое время въ Грецію—въ Аѳины или Родосъ—славившіеся своими знаменитыми школами и знаменитыми преподавателями; точно такъ же и Горацій, закончивъ свое образованіе въ Римѣ, отправился для усовершенствованія его въ Аѳины. Тутъ въ жизнь 23-хъ лѣтняго юноши нежданно вторглась политика. Смерть Цесаря, несомнѣнно, въ кружкѣ этой учащейся молодежи въ Аѳинахъ встрѣчена была, какъ событіе радостное, какъ смерть тиранна, и когда, два года спустя, Брутъ кликнулъ кличъ, взывая къ борьбѣ противъ тріумвировъ, то кличъ его встрѣченъ былъ сочувственно знатною римскою молодежью, обучавшеюся въ Аѳинахъ. Горацій, раздѣлявшій республиканскія воззрѣнія этой молодежи, вмѣстѣ съ многими изъ своихъ сотоварищей, вступилъ въ ряды Брутова войска и сразу удостоенъ былъ высокаго званія военнаго трибуна, что, конечно, не служитъ вовсе доказательствомъ его военныхъ талантовъ, а только указываетъ на крайній недостатокъ лицъ, которымъ бы можно было поручить начальство надъ республиканскимъ войскомъ. Его военная карьера была, впрочемъ, очень непродолжительна: пораженіе при Филиппахъ положило ей конецъ и въ то же время отрезвило юношу отъ его республиканскаго идеализма. Онъ возвратился въ Италію, гдѣ и послѣдніе остатки владѣнія отцовскаго поглощены были новыми раздачами земель ветеранамъ; пробившись кое-какъ нѣкоторое время въ скромной должности квесторскаго секретаря (scriba quaestorius), онъ обратилъ на себя вниманіе своимъ умомъ, прекраснымъ образованіемъ и выдающимся поэтическимъ даромъ, который сначала проявлялъ только среди небольшого кружка друзей. На него обращено было вниманіе Мецената, и вскорѣ Горацій занялъ при немъ такое положеніе, которое приблизило его къ высшимъ, правящимъ кружкамъ—«къ богамъ», какъ онъ въ шутку выражается. Онъ съ полнымъ убѣжденіемъ перешелъ на сторону новаго

порядка вещей, хотя и съумѣлъ сохранить за собою независимость развитаго и умѣреннаго въ своихъ желаніяхъ человѣка. Важною заслугою его, какъ писателя, было то, что онъ пересадилъ на римскую почву многія, высоко-развитыя формы греческой лирики, и въ то же самое время умно и тонко умѣлъ разработать своеобразныя римскія формы поэзіи—«сатиру» и «посланія». Не можетъ подлежать сомнѣнію и то, что онъ стоялъ въ непосредственномъ соотношеніи съ внутренней политикой Августа, которой его покровитель Меценатъ служилъ весьма виднымъ орудіемъ. Горацію весьма близко были извѣстны замыслы этой политики, хотя онъ этого нигдѣ и не высказываетъ; въ его произведеніяхъ находимъ откликъ даже и на тѣ планы, которые случайно зарождались въ правящихъ кружкахъ и были тамъ предметомъ споровъ и обсужденій *); а въ одахъ своихъ онъ серьезно поддерживалъ основныя тенденціи Августова законодательства, направленнаго главнымъ образомъ на исцѣленіе глубокихъ моральныхъ язвъ, столь разрушительно подѣйствовавшихъ на жизнь римскаго общества во времена междоусобныхъ войнъ.

Законодательство.

Октавіанъ счелъ совершенно правильнымъ сохранить то, что еще уцѣлѣло отъ древне-римской религіозности и, насколько возможно, внести новую жизнь въ эти остатки вѣрованій. По его приказанію, очень много разрушенныхъ святилищъ были вновь возстановлены и вновь освящены съ большимъ великолѣпіемъ; въ то же время онъ старался отстранить проникнувшіе въ Римъ новые культы (напр., египетскій культъ *Изиды*) и, по крайней мѣрѣ, изгнать ихъ изъ столицы. Съ этимъ тѣсно связано было стремленіе—положить предѣлъ ужасающей распущенности нравовъ и вновь ввести въ общество хоть какое-нибудь подобіе древне-римской сдержанности и строгимъ доблестямъ. Къ этой области общественной жизни относились *Юліевскіе* законы, изданные въ 18 г. до Р. Хр., для обузданія того безбрачія, которое все болѣе и болѣе начинало преобладать среди знати, для побужденія къ упорядоченію семейной жизни, прекращенію безмѣрной роскоши и возрастающей безнравственности во взаимныхъ отношеніяхъ между полами. Въ концѣ его правленія законъ былъ повторенъ, дополненъ и подтвержденъ (въ 9 г. по Р. Хр. — lex Papia-Poppaea) и этимъ доказана тщетность подобныхъ попытокъ. Извѣстный стихъ Горація, который, оплакивая полный упадокъ древне-римской добродѣтели, восклицаетъ: «что намъ и въ законахъ, когда они не находятъ себѣ опоры въ нравахъ!» — указываетъ на внутреннее противорѣчіе, о которое должны были разбиться важнѣйшіе замыслы внутренней политики Августа. Рабство издавна уже способствовало массовому вторженію въ Римъ и Италію различныхъ національностей, а вмѣстѣ съ ними и самыхъ разнообразныхъ иноземныхъ культовъ, и это болѣе всего приводило къ полному уничтоженію древне-италійской строгости нравовъ. Возстановленіе нравственнаго порядка оказывалось возможнымъ только на почвѣ иныхъ, новыхъ нравственныхъ воззрѣній, — на почвѣ новой религіи; что именно такая религія, какъ новое откро-

*) Напримѣръ, пресловутое перенесеніе столицы въ Иліонъ, о которомъ слухи носились въ обществѣ еще во времена Цесаря.

веніе, явилась около этого времени на одной изъ отдаленныхъ и забытыхъ окраинъ римскаго государства,—это никому еще и въ голову не приходило.

Внѣшняя политика.

Гораздо менѣе сложными оказываются задачи внѣшней политики Августова времени. Одинъ изъ современныхъ поэтовъ указываетъ Римлянамъ, какъ на ихъ призваніе, на то, что они должны «руководить народами, предписывать имъ прочный миръ, щадить побѣжденныхъ и попирать гордыхъ», и, надо сказать, что труднѣйшая часть этой миссіи давно уже была исполнена, а потому и продолжительное царствованіе Августа было по преимуществу царствованіемъ мирнымъ. Завоеванія были уже не нужны; военную силу приходилось употреблять лишь на то, чтобы обезопасить уже давно пріобрѣтенное. Трижды во время всего этого правленія былъ запертъ храмъ Януса. На Востокѣ, какъ мы уже упоминали, древняя страна фараоновъ была окончательно обращена въ римскую провинцію и совершенно обезпечена отъ всякихъ нападеній какъ со стороны Аравіи, такъ и со стороны Эѳіопіи; во время одного изъ путешествій своихъ на Востокъ, Августъ удостоенъ былъ чрезвычайной почести: *Фраатъ IV*, царь грозныхъ Парѳянъ, добровольно возвратилъ ему римскіе трофеи, которые хранились у него еще со временъ несчастнаго похода Красса. Возстанія *испанскихъ племенъ*, *Кантабровъ* и *Астурійцевъ*, въ западныхъ Пиринеяхъ, уже не составляли теперь важнаго вопроса внѣшней политики, и можно было даже дивиться тому, какъ мало такихъ мѣстныхъ возстаній происходило вообще на громадномъ пространствѣ этого государства, возникшаго на развалинахъ столькихъ національныхъ автономій.

Отношенія къ германскому міру.

Гораздо болѣе мудреною и важною задачею внѣшней политики Рима было распространеніе государства въ сторону германской земли. Во время великой, рѣшающей борьбы за главенство въ римскомъ государствѣ (48—31 гг. до Р. Хр.) съ этой стороны не послѣдовало никакого натиска. Побѣды Цесаря сдѣлали свое дѣло: торговыя сношенія завязались у Римлянъ и по ту сторону обѣихъ большихъ рѣкъ, отдѣлявшихъ германскій міръ отъ римскаго, и мы видимъ даже германскихъ князьковъ, вступающихъ на службу въ римское войско; пользуясь этимъ мирнымъ временемъ, Римляне нашли возможность укрѣпить важнѣйшіе пункты своей границы и эти укрѣпленія соединить между собою военными дорогами. Въ 37 году Октавіанъ послалъ Агриппу намѣстникомъ въ Галлію, и онъ былъ вторымъ римскимъ полководцемъ, который переходилъ за Рейнъ; 12 лѣтъ спустя такой же переходъ за Рейнъ былъ совершенъ однимъ изъ Цесаревыхъ легатовъ послѣ полученія извѣстія объ убіеніи Германцами нѣсколькихъ италійскихъ купцовъ. Но съ 16 года до Р. Хр. дѣла принимаютъ уже болѣе серьезный оборотъ. Сначала *Сигамбры* вторглись въ Бельгійскую область; легатъ М. Лоллій Паулинъ потерпѣлъ отъ нихъ пораженіе и даже оставилъ одинъ изъ легіонныхъ орловъ въ рукахъ варваровъ. Затѣмъ начались набѣги кельтійскихъ народцевъ, жившихъ въ Альпахъ, незначительные сами по себѣ, но все же вынуждавшіе къ принятію болѣе энергическихъ мѣръ на границѣ. Это дало возможность обоимъ пріемнымъ сыновьямъ Августа (родившимся въ первомъ бракѣ отъ Ливіи, супруги Цесаря) *Клавдію Друзу* и *Тиберію Клавдію Нерону*, прославиться воинскими подвигами. Можетъ-быть, даже противъ

Августъ. Тріумфальная статуя въ Ватиканскомъ музеѣ.

воли Цесаря, военныя дѣйствія противъ западно-германскихъ племенъ между Рейномъ и Везеромъ пріобрѣли, подъ начальствомъ талантливаго и предпріимчиваго Друза, до нѣкоторой степени характеръ завоевательной войны: начиная съ 12 г. до Р. Хр., въ цѣломъ рядѣ походовъ онъ доказалъ Германцамъ превосходство римскаго оружія. И на правомъ берегу Рейна явились римскія крѣпости: *Ализо*—въ Нидерландахъ, *Кастель*—въ верховьяхъ Рейна; а въ 9 году Друзъ проникъ и до береговъ Эльбы; на обратномъ пути изъ этого похода Друзъ умеръ, и его братъ Тиберій принялъ начальство надъ войскомъ. Походы не возобновлялись болѣе, правительство удовольствовалось улучшеніемъ пограничной организаціи, и мирныя сношенія съ германскимъ міромъ возобновились; два главные пункта, занятые Римлянами на Рейнѣ,—*Могунтіакумъ* и *Колонія* (Майнцъ и Кёльнъ)—резиденціи легатовъ римскихъ, быстро достигли цвѣтущаго состоянія. Среди самихъ Германцевъ постепенно стали появляться слѣды римскаго вліянія, и люди, уже усвоившіе себѣ римскую культуру. Однимъ изъ такихъ дѣятелей явился лично-извѣстный Августу знатный маркоманнъ, по имени *Марбуодъ*, который утвердился въ Богеміи и сталъ отсюда распространять свое владычество во всѣ стороны. Это побудило Августа вновь передать управленіе германскими дѣлами въ руки своего пріемнаго сына, Тиберія, который одно время жилъ вдали отъ двора и въ немилости, а теперь, когда онъ остался почти единственнымъ представителемъ Цесарева дома, онъ былъ вновь вызванъ изъ своего уединенія. Съ той поры этотъ способный человѣкъ болѣе и болѣе сталъ пріобрѣтать вліянія на дѣла. Тиберій дѣйствительно очень ловко умѣлъ управляться съ внѣшней политикой и велъ ее чрезвычайно удачно: такъ напр. онъ долго и тщательно скрывалъ свою главную цѣль—уничтоженіе могущества Марбуода; воевалъ противъ западно-германскихъ племенъ, проникъ до береговъ Эльбы и только на третій годъ (6 по Р. Хр.) обратился противъ своего главнаго и опаснѣйшаго противника. Съ двухъ сторонъ готовился онъ ударить на Марбуода, какъ вдругъ опасное возстаніе, разразившееся въ *Панноніи* и сосѣдственной Далмаціи, разрушило всѣ его планы. Тиберій предложилъ Марбуоду миръ, и тотъ былъ настолько недальновиденъ, что на него согласился, вмѣсто того, чтобы воспользоваться паннонско-далматской смутой. И сѣверныя, и западныя германскія племена тоже не подумали этимъ воспользоваться и дали Римлянамъ возможность окончить далматско-паннонскую войну, длившуюся не одинъ годъ (6—8 послѣ Р. Хр.). Нѣсколько лѣтъ спустя, произошло событіе, которое страшнымъ образомъ проучило Римлянъ и указало, кого слѣдуетъ имъ опасаться со стороны Германіи. Въ 7 году въ Германію былъ посланъ *Кв. Варръ*, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ правилъ Сиріей.

Онъ нашелъ страну почти спокойною; разнообразныя, вполнѣ мирныя, сношенія были въ полномъ ходу; германскіе князьки выказывали покорность, и въ виду этого, Варръ рѣшилъ, что можетъ, не колеблясь, ввести въ странѣ обычныя формы римскаго управленія, римскаго судоустройства и римскаго обложенія пошлинами; тамъ-же, гдѣ встрѣчалъ противодѣйствіе, дѣйствовалъ съ тою грубою жестокостью, которую посредственные люди обычно не различаютъ отъ энергіи. О той ненависти, ко-

Римскій бюстъ, изображающій германца, по преданію — Армина.
Въ Капитолійскомъ музеѣ въ Римѣ.

торая разгоралась среди Германцевъ, недальновидный и самодовольный Варръ даже и не подумалъ, и германскимъ вождямъ національной партіи удалось провести его весьма наивною хитростью:— они прикинулись, что новые римскіе порядки имъ очень нравятся. А между тѣмъ, втайнѣ, устроили заговоръ, во главѣ котораго стоялъ *Арминъ*, юный князекъ изъ племени Херусковъ. Онъ самъ состоялъ на римской службѣ и такъ ловко умѣлъ вкрасться въ довѣренность Варра, что тотъ даже и не захотѣлъ вѣрить *Сегесту* (вождю римской партіи между Херусками), когда Сегестъ сообщилъ ему весьма точныя свѣдѣнія о заговорѣ. Между тѣмъ пришло извѣстіе о мѣстномъ возстаніи въ землѣ Каттовъ, и Варръ двинулся туда съ тремя легіонами молодыхъ, недавно еще присланныхъ въ Германію солдатъ, придавая своему походу скорѣе значеніе большихъ маневровъ, предпринимаемыхъ для практики войскъ. Это было въ сентябрѣ 9 г. по Р. Хр.; при этомъ и всѣмъ дружественнымъ германскимъ князькамъ дано было знать, чтобы они тоже собрали свои вспомогательныя войска. Подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ, который самъ врагъ имъ доставлялъ, германскіе князьки закончили свои приготовленія. Они привели свои отряды; а когда численность этихъ сборныхъ отрядовъ значительно превысила численность римскаго войска — союзники обратились въ враговъ, и при переходѣ черезъ дремучій лѣсъ (предполагаютъ, что около нынѣшняго Детмольда) всѣ три римскіе легіона были предательски уничтожены. Только часть конницы успѣла пробиться и достигнуть Рейна; легіоны бились съ Германцами двое сутокъ; на третьи — когда они уже находились на полъ-дня пути отъ крѣпости Ализо — дальнѣйшая битва оказалась невозможною. Всякій порядокъ исчезъ; Варръ самъ закололъ себя мечомъ и многіе послѣдовали его примѣру: этимъ самоубійствомъ они избавили себя отъ мести Германцевъ, которые были озлоблены отчаяннымъ сопротивленіемъ Римлянъ и позволили себѣ совершить всякаго рода звѣрства надъ римскими плѣнниками.

Вѣсть объ этой катастрофѣ произвела на всѣхъ въ Италіи удручающее впечатлѣніе, и хотя, конечно, правительство смотрѣло на событіе спокойнѣе, однакоже въ народномъ воображеніи возникали уже всѣ ужасы якобы предстоящаго нашествія Кимвровъ и Тевтоновъ. А между тѣмъ, несмотря на случившееся, союзныя Римлянамъ германскія племена — Хауки, Фризы, Батавы — и не подумали ни о какомъ возстаніи, и даже Марбуодъ, которому Арминъ прислалъ въ даръ голову несчастнаго римскаго легата, не съумѣлъ воспользоваться даннымъ случаемъ. Участвовавшія въ избіеніи римскихъ легіоновъ племена, повидимому, удовольствовались одержанной побѣдой, отмщеніемъ и добычей, и Армину не удалось даже собрать ихъ силы и побудить къ походу на Рейнъ: — Римляне были только вынуждены покинуть крѣпость Ализо. Затѣмъ Тиберій вновь принялъ власть въ свои руки, и первый годъ прошелъ спокойно; въ 11 году начались работы надъ выполненіемъ обширной системы пограничныхъ укрѣпленій, которыя предназначены были для обезпеченія съ этой стороны спокойствія государства. Это доказываетъ, что Тиберій, нимало не преувеличивая непосредственное значеніе пораженія, нанесеннаго въ Тевтобургскомъ лѣсу, все же ясно сознавалъ грозящую опас-

Надгробный памятникъ Манія Целія, павшаго при пораженіи легіоновъ Варра.

Отысканъ въ 1633 г. при Ксантенѣ; теперь въ музеѣ отечественныхъ древностей въ Боннѣ.

Надпись гласитъ слѣдующее:

Manio Caelio, Titi filio, Lemonia (tribu)
Манію Целію, сыну Тита, изъ Лемонійской трибы,
Bon (onia), legat)o legionis duodevicesimae,
родомъ изъ Боновіи, легатъ 18 легіона,
Annorum, quinquaginta trium semis. (Ce)
пятидесяти трехъ съ половиною лѣтъ,
cidit bello Variano. Ossa (i)nferre licebit.*) Pub-
палъ въ войнѣ Варра. Можно положить-бы сюда кости. *) Пуб-
lius Caelius, Titi filius Lemonia (tribu) frater fecit.
лій Целій, сынъ Тита, изъ Лемонійской трибы, приказалъ это сдѣлать, какъ братъ (усопшаго).

*) Могила оказалась пустою, хотя и вполнѣ приспособленною къ тому, чтобы служить гробницею.

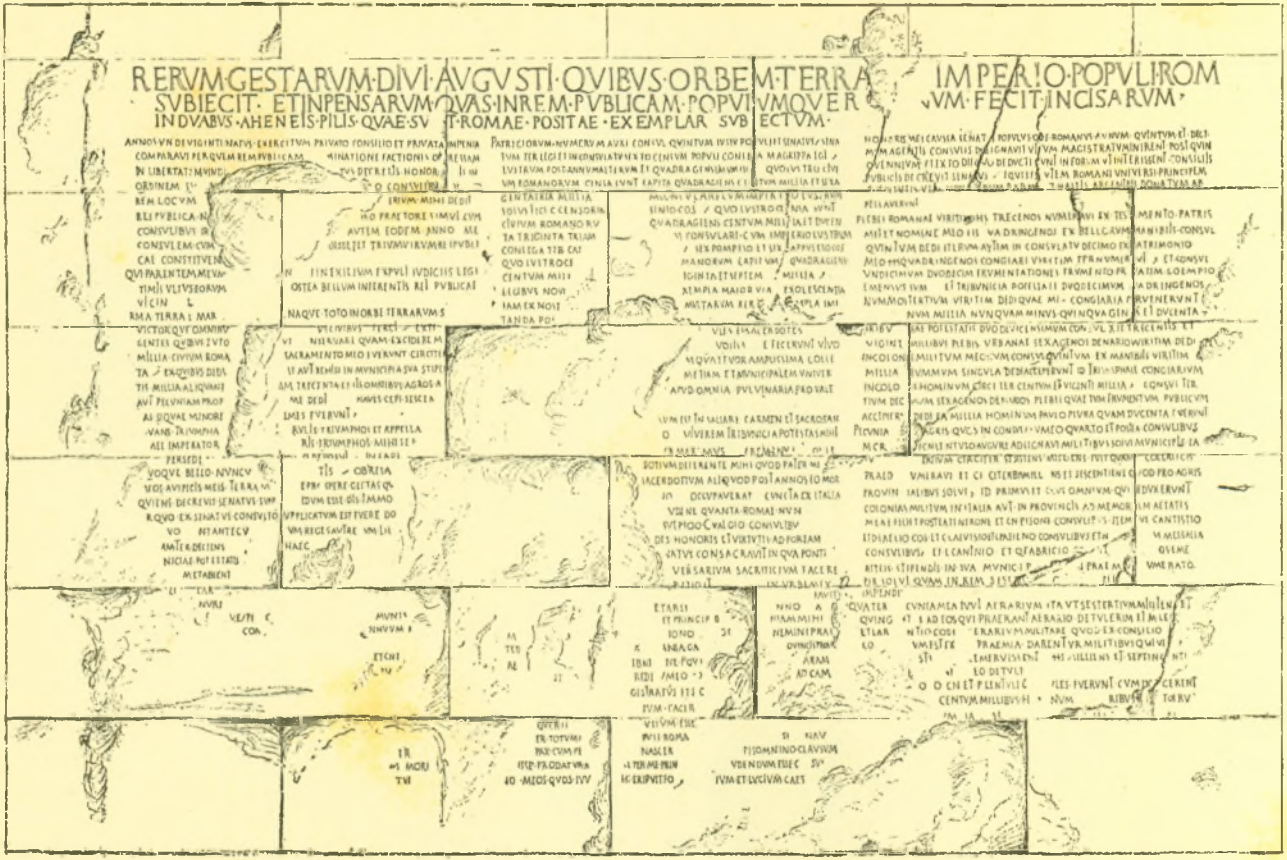
ность. Онъ видѣлъ, что этотъ мощный варварскій народъ, на который одинъ изъ римскихъ писателей указывалъ испорченному римскому обществу, какъ на образецъ простоты и чистоты нравовъ,—что этотъ народъ перешелъ къ наступленію и даже началъ пріобрѣтать кое-какія понятія о политикѣ:—и вотъ разумные и наблюдательные люди принялись теперь серьезно за изученіе нравовъ и характера этихъ народовъ, о которыхъ, до того времени, римлянинъ средняго образованія зналъ только то, что сообщилъ о нихъ Цесарь.

Кончина Августа. 14 г. по Р. Хр.

Тиберій вскорѣ, однакоже, возвратился въ Римъ, передавъ главное начальство на германской границѣ сыну своего ранѣе умершаго брата, *Друзу Германику;* самъ Тиберій вынужденъ былъ политическимъ положеніемъ дѣлъ къ тому, чтобы постоянно находиться вблизи Августа, которому уже недолго оставалось жить и которому Тиберій назначенъ былъ наслѣдовать. Судьбѣ неугодно было дать Августу родного сына и весьма тяжкій рокъ тяготѣлъ надъ всѣмъ его домомъ. Дочь свою, *Юлію,* онъ выдалъ замужъ въ 25 году за М. Марцелла, сына сестры своей Октавіи отъ перваго брака съ К. Марцелломъ; но этотъ молодой человѣкъ, на котораго всѣ возлагали большія надежды, вскорѣ умеръ; умерли и тѣ сыновья *(Кай* и *Луцій Цесари)*, которые родились у Юліи отъ ея второго брака съ Агриппой, и умерли едва достигнувъ юношескаго возраста. Существуетъ предположеніе, будто-бы Ливія, вторая супруга Августа, способствовала смерти этихъ юношей, чтобы очистить дорогу своимъ сыновьямъ отъ перваго брака; но это предположеніе не выдерживаетъ серьезной критики. Затѣмъ бракъ Тиберія съ Юліей былъ тоже очень несчастливъ: эта безразсудная, необузданная женщина до такой степени много причиняла огорченій отцу своему Августу, что онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ удалить ее отъ двора и отправить въ изгнаніе на островъ Пандатарію. Клавдій Друзъ, какъ уже было упомянуто, умеръ еще въ 9 г. по Р. Хр.—одинъ Тиберій Клавдій Неронъ остался наслѣдникомъ Августа. Августъ, какъ предполагаютъ, не питавшій къ нему личнаго расположенія, поступилъ, однакоже, такъ, какъ того требовалъ интересъ государственный: онъ усыновилъ Тиберія, а тотъ, въ свою очередь, усыновилъ своего племянника, юнаго Германика. Затѣмъ его вліяніе стало болѣе и болѣе выказываться въ управленіи государственными дѣлами. Отправившись въ служебную поѣздку по Иллиріи, Тиберій былъ внезапно возвращенъ съ пути и вызванъ въ Нолу, гдѣ заболѣлъ Августъ, съ которымъ Тиберій разстался въ Беневентѣ. Но Тиберій уже не засталъ его въ живыхъ: 19 августа 14 года по Р. Хр. Августъ скончался, на 75 году многознаменательной жизни, и ровно 57 лѣтъ спустя послѣ вступленія въ то первое консульство, котораго добились для него его войска.

Ливія. Изображеніе на современной монетѣ.

Изображеніе Августа на современной монетѣ. Берлинскій мюнцъ-кабинетъ.



Изображеніе одного изъ отчетовъ о личныхъ дѣяніяхъ Августа, самимъ Августомъ составленнаго и при жизни его обнародованнаго. Найдено на Августовомъ храмѣ въ Анцирѣ (въ Малой Азіи).

Августъ передалъ этотъ отчетъ весталкамъ; онъ былъ изсѣченъ на мраморныхъ таблицахъ, которыя были помѣщены на Августовой гробницѣ въ Римѣ и повторены на стѣнахъ храма, воздвигнутаго въ честь Августа въ Анцирѣ. Съ этого списка, состоящаго изъ 6 рядовъ сильно поврежденныхъ мраморныхъ таблицъ, снято помѣщаемое нами изображеніе.

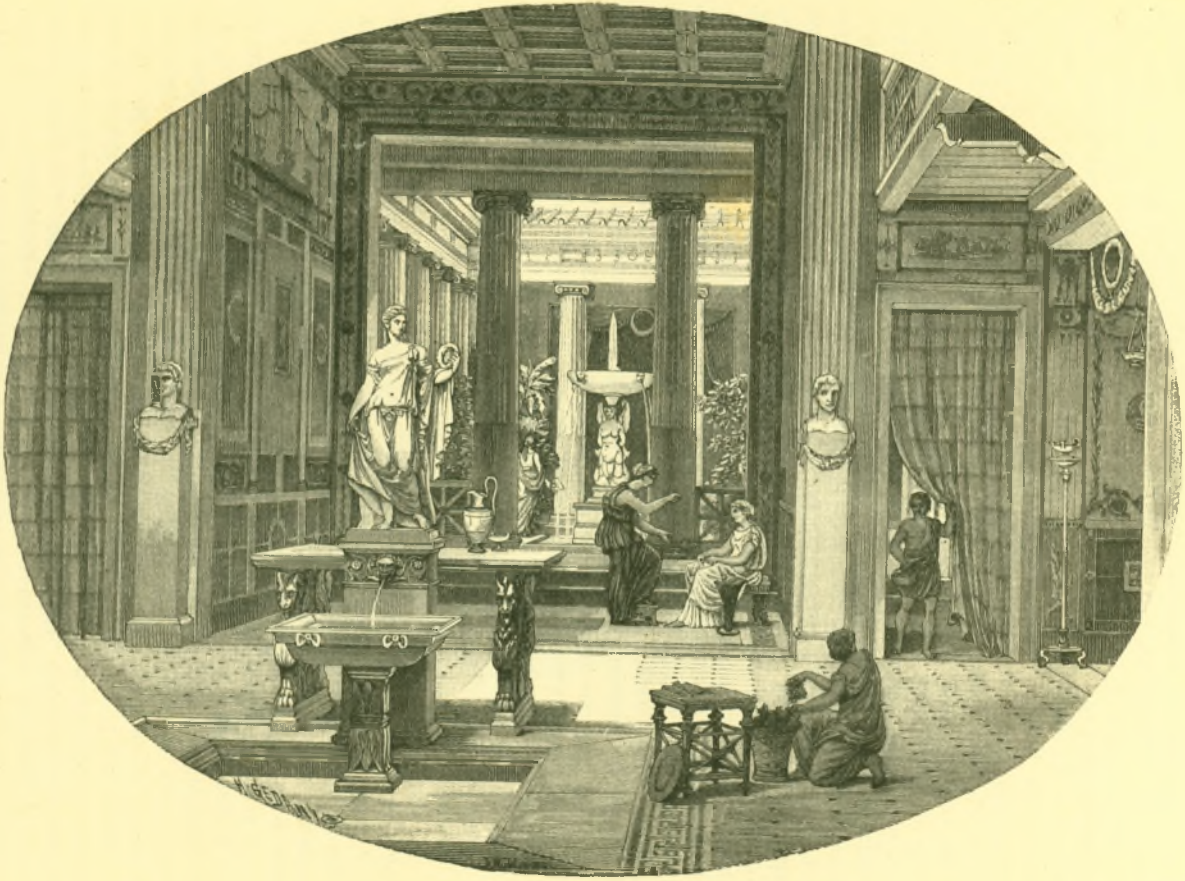
Изображеніе Тиберія на монетѣ. Въ Берлинскомъ мюнцъ-кабинетѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Утвержденіе принципата. Домъ Цесарей и его паденіе. Возвышеніе Флавіевъ.

Августъ Тиберій императоръ.

Извѣстный анекдотъ заставляетъ Цесаря на смертномъ одрѣ говорить объ *актерствѣ въ жизни* и даже влагаетъ въ его уста вопросъ о томъ, хорошо-ли сыгралъ онъ свою роль въ жизненной комедіи? Мы полагаемъ, что ни о комъ невозможно было распустить болѣе неправдоподобнаго и болѣе несправедливаго анекдота, и что менѣе всего можетъ онъ быть отнесенъ къ Августу. На него, уже въ самой ранней юности, возложена была задача въ высшей степени важная и въ высшей степени трудная, при этомъ назначены и самыя условія ея выполненія, и въ теченіе долгой жизни, полной трудовъ и опасностей, онъ эту задачу разрѣшилъ блистательно. Онъ обязанъ былъ своими успѣхами той глубокой общественной необходимости, которая лежала въ самомъ существѣ общаго положенія дѣлъ и настойчиво требовала соединенія правительственной власти въ рукахъ одного правителя; но онъ въ то же время обязанъ былъ этими успѣхами и полной безстрастности своей натуры, и тому государственному уму, съ которымъ онъ, равнодушный къ внѣшнему блеску и великолѣпію власти, съумѣлъ ее удержать въ рукахъ и направить къ достиженію ясно-опредѣленныхъ цѣлей. Его домашній бытъ почти ничѣмъ не отличался отъ быта другихъ вельможъ, которые, точно такъ же, какъ и онъ, имѣли дома въ древне-патриціанской части города, и, по обычаю римской знати, имѣли многочисленную дворню изъ рабовъ, которая, сама по себѣ, уже составляла нѣкоторое подобіе двора; на внѣшнюю обстановку своей жизни онъ, повидимому, обращалъ даже очень мало вниманія. Тѣмъ не менѣе, власть его возрастала съ каждымъ годомъ; его похороны напоминали собою похороны монарха, правившаго огромнымъ царствомъ, а тѣ божескія почести, которыя впослѣдствіи были ему возданы, были только соотвѣтствующимъ воззрѣнію древнихъ выраженіемъ того, что и самъ Августъ, и все совершенное имъ заслуживаетъ памяти и признательности въ потомствѣ.



Внутренность римскаго дома.
Видъ изъ атріума черезъ таблинумъ на перистиль.
Возстановлено по проекту профессора І. Бюльмана.

Внутреннія дѣла.

По самому свойству той своеобразной власти, какою обладалъ Августъ, было невозможно установить съ полною опредѣленностью фактъ наслѣдованія ему *Тиберіемъ*, его пріемнымъ сыномъ; но для всѣхъ это было совершенно ясно, и самъ Тиберій, послѣ краткой и довольно лицемѣрной нерѣшительности, оказался вполнѣ къ наслѣдованію готовымъ (онъ правилъ отъ 14 по 37 г. по Р. Хр.). Пятидесяти-пятилѣтній Тиберій—новый правитель Рима—былъ полнѣйшимъ представителемъ всѣхъ доблестей и всѣхъ пороковъ того древняго патриціанскаго рода, изъ котораго онъ исходилъ. Онъ давно уже успѣлъ выказать, занимая самыя разнообразныя и весьма трудныя должности, что онъ обладаетъ большими способностями, что онъ отличный воинъ и выдающійся государственный человѣкъ; но онъ не умѣлъ заставить себя любить, да и не искалъ этого, и такимъ образомъ онъ представлялся всѣмъ въ потомствѣ мрачнымъ и жестокимъ тираномъ, при чемъ свѣтлыя, несомнѣнно присущія ему, стороны совсѣмъ скрываются подъ тѣневыми сторонами его типа. Во *внутреннемъ* строѣ государства монархическое начало при немъ проявилось еще рѣзче. Комиціи и другія выборныя собранія народныя исчезли, и съ тѣмъ вмѣстѣ угасло одно изъ важнѣйшихъ началъ древне-римской жизни: народъ отнынѣ сталъ сходиться только въ амфитеатрѣ, въ циркѣ, на театральныхъ представленіяхъ, гдѣ онъ иногда могъ подурачиться, а иногда дозволить себѣ и болѣе серьезную демонстрацію. Самъ правитель (princeps), въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже превосходившій личными достоинствами своего предшественника, еще болѣе его явился господствующимъ центромъ въ государствѣ и въ обществѣ въ такой степени, что даже избѣгалъ вступать въ дѣловыя сношенія съ Сенатомъ, который преклонялся передъ его властной волей, передъ его проницательнымъ разумомъ и большою опытностью въ дѣлахъ. Впрочемъ, онъ, по отношенію къ сенаторамъ, придерживался строго формъ вѣжливости, обычныхъ между знатными людьми: такъ, напримѣръ, если у него обѣдалъ консулъ, то онъ, провожая его, самъ доводилъ до дверей, точно такъ же, какъ и принималъ его у дверей, при встрѣчѣ. Главнымъ образомъ уронили его въ глазахъ современниковъ и очернили во мнѣніи потомства тѣ многочисленные *процессы*, направленные противъ заговоровъ и «оскорбленій величества», которые при немъ пришлось вести Сенату, защищая «величество» всего государства, всего римскаго народа, въ лицѣ его представителя; процессы же эти не пользовались въ римскомъ обществѣ популярностью уже потому, что выслѣживаніе виновныхъ и показанія противъ нихъ на судѣ были спеціальнымъ занятіемъ всѣмъ ненавистнаго класса людей—*доносчиковъ* (delatores) по ремеслу. Такихъ процессовъ въ царствованіе Тиберія насчитываютъ до 147, хотя и нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ свѣдѣній о томъ, сколькіе изъ нихъ окончились обвинительными и сколькіе—оправдательными приговорами. Большимъ вліяніемъ пользовалась его мать Ливія, которой Тиберій оказывалъ величайшее почтеніе. Особеннымъ довѣріемъ Тиберія (вообще въ высшей степени недовѣрчиваго) долгое время пользовался *Эмилій Сэянъ*, префектъ преторіянцевъ; впослѣдствіи, удалившись изъ Рима, сначала въ Кампанію, а потомъ на островъ *Капри*, Тиберій даже и съ Сенатомъ сносился не иначе, какъ черезъ посредство Сэяна; но когда

Тиберій.
Античная мраморная статуя въ Ватиканскомъ музеѣ.

этотъ любимецъ, ободренный столькими милостями императора, дерзнулъ просить у него руки Ливиллы (вдовы Тиберіева сына Друза*), то расправа съ нимъ была короткая. Тиберій изъ Капри прислалъ Сенату приказаніе немедленно схватить тутъ-же засѣдавшаго Сэяна, и казнить его безотлагательно.

Внѣшняя политика.

Эти происшествія занимаютъ въ большомъ историческомъ трудѣ Тацита (нашемъ главномъ источникѣ) весьма видное мѣсто. Гораздо болѣе

Германскіе всадники въ битвѣ съ римскими легіонерами.
Съ Антониновой колонны въ Римѣ.

*) Въ Римѣ ходили слухи о томъ, что Сэянъ, при помощи Ливиллы, умертвилъ Друза.

Германикъ.
Античная мраморная статуя въ Латеранскомъ музеѣ въ Римѣ.

Римская тріумфальная статуя германки, по преданію Туснельды. Оригиналъ во Флоренціи.

важныя и болѣе достойныя вниманія стороны этого правленія, напримѣръ, разумное и бережливое управленіе финансами, строгій надзоръ за намѣстниками, заботы о развитіи благосостоянія провинцій и твердое направленіе внѣшней политики — обо всемъ этомъ мы скорѣе можемъ дѣлать предположенія, можемъ догадываться, но никакъ не можемъ сказать, чтобы мы все это знали въ подробности. Важнѣйшую сторону внѣшней политики составляли отношенія къ *германскому* міру, и эти отношенія Тиберій, конечно, имѣлъ полную возможность вести болѣе, чѣмъ кто-либо, разумно и съ полнымъ знаніемъ дѣла. Въ этихъ-то именно пограничныхъ провинціяхъ перемѣна правленія и вызвала очень опасный бунтъ въ войскѣ; главнымъ центромъ этого движенія были: галльскій городъ Лугдунумъ и рейнскіе города Колонія и Ветера (Ксантена); возмутившіеся легіоны выказывали склонность провозгласить императоромъ своего главнокомандую-

щаго, Германика, и тотъ только съ великимъ трудомъ, и то уже путемъ значительныхъ послабленій, могъ, наконецъ, усмирить этотъ бунтъ. Тиберію очень нежелательно, но, въ то же время, необходимо было прибѣгать къ различнымъ военнымъ предпріятіямъ только для того, чтобы не оставлять легіоны праздными. Въ три похода, 14, 15 и 16 годовъ по Р. Хр., юный Германикъ (украшенный всѣми благороднѣйшими римскими доблестями и безусловно проникнутый преданностью къ императору) повоевалъ всѣ племена германскія, во главѣ которыхъ шли противъ Римлянъ *Херуски*. Въ этомъ племени борьба между римскою партіею и національною партіей обострилась до весьма серьезной личной усобицы, которая даетъ намъ вполнѣ ясное понятіе о томъ первобытномъ и хаотическомъ положеніи общественномъ, въ которомъ эти племена жили. Глава свободныхъ Германцевъ, побѣдитель легіоновъ Варра, Арминъ, похитилъ *Туснельду*, дочь *Сегеста*, вождя, преданнаго Римлянамъ, и женился на ней. Въ распрѣ, которая изъ-за этого завязалась, сначала Арминъ попался въ руки Сегеста, а вскорѣ послѣ того самъ Сегестъ въ руки Арминовой дружины. При этомъ случаѣ, Сегесту удалось опять вернуть дочь къ себѣ; но римскій отрядъ освободилъ Сегеста отъ Арминовой дружины, а Туснельду захватилъ въ плѣнъ. Благодаря этому, борьба съ Арминомъ возгорѣлась съ новою силою, и онъ выказалъ себя въ ней опаснымъ противникомъ Римлянъ. Но въ битвѣ при *Идиставизо* (иначе *Идисіавизо*), въ 16 году по Р. Хр., Германикъ нанесъ Германцамъ страшное пораженіе; съ трудомъ ускользнули съ поля битвы Арминъ и дядя его Ингвіомеръ, начальствовавшіе германскимъ войскомъ. Пораженіе было полное и служило достойнымъ отмщеніемъ за роковую битву въ Тевтобургскомъ лѣсу. Германцы были еще разъ разбиты въ другой битвѣ (тутъ уже не Арминъ ими начальствовалъ), и тотъ памятникъ побѣды, который римскія войска воздвигли на мѣстѣ побоища Марсу, Юпитеру и Августу, ясно доказываетъ, что всѣ германскія племена между Эльбой и Рейномъ были окончательно покорены. Тогда Тиберій пришелъ къ тому, совершенно правильному выводу, что ужъ честь римскаго оружія достаточно удовлетворена, и рѣшился вернуться къ разумнѣйшему принципу внѣшней политики:—не надо болѣе никакихъ завоеваній, надо только защищать свои границы. И вотъ онъ отозвалъ Германика, который и вернулся въ Римъ въ началѣ 17 года, и въ маѣ мѣсяцѣ того же года праздновалъ тріумфъ, во время котораго, среди прочихъ знатныхъ германскихъ плѣнниковъ, передъ колесницею тріумфатора шла и Туснельда, у которой въ плѣну родился сынъ отъ Армина. О сынѣ Армина знаемъ, что онъ умеръ въ Равеннѣ еще мальчикомъ, и притомъ «*очень страннымъ и смѣшнымъ образомъ*», по выраженію Тацита; но какимъ именно?—намъ неизвѣстно, потому что та часть труда, на которую Тацитъ ссылается, не дошла до насъ. О смерти Туснельды не имѣется никакихъ свѣдѣній.

Арминъ и Марбуодъ.

У Тиберія былъ свой особый взглядъ на отношенія Рима къ Германцамъ, и взглядъ этотъ вполнѣ выразился въ его словахъ: «эти народы слѣдуетъ предоставить ихъ собственной страсти къ раздорамъ». Онъ этимъ доказалъ, что отлично зналъ Германцевъ. И дѣйствительно, мы видимъ, что всѣ внутреннія области Германіи разомъ охватываются общимъ пла-

менемъ междоусобной войны: сѣверно-германскія и южно-германскія племена, Арминъ и Марбуодъ,—все приняло участіе въ общей распрѣ. Въ равнинѣ между Эльбой и Заалой произошла большая битва, въ которой Марбуодъ былъ разбитъ. Это пораженіе, за которымъ послѣдовало отпаденіе нѣсколькихъ племенъ и князей, сильно поколебало власть Марбуода. *Катуальдъ*, князекъ изъ племени Готоновъ, захотѣлъ отомстить ему, собралъ войско и пошелъ на Марбуодову столицу. Тогда предводитель Маркоманновъ увидѣлъ себя вынужденнымъ къ переходу на римскую территорію, и Тиберій (въ 19 году по Р. Хр.) указалъ ему жить въ Равеннѣ, гдѣ онъ и жилъ послѣ того еще 18 лѣтъ.

Немного лѣтъ спустя и Арминъ палъ жертвою внутреннихъ усобицъ. Извѣстно только то, что онъ, во время какихъ-то распрей, былъ коварно убитъ своими приближенными. Римскій историкъ говоритъ, будто онъ стремился къ единовластію, и его земляки вооружились противъ него, отстаивая свою свободу. Такъ оно вѣроятно и было на самомъ дѣлѣ: будучи врагомъ Римлянъ, испытавъ на себѣ ихъ желѣзное, тѣсно-сплоченное могущество, Арминъ, можетъ-быть, и самъ задумалъ побороть необузданный духъ независимости племенъ и вождей германскихъ—и палъ жертвою своего замысла. Римскій историкъ, какъ тонкій наблюдатель, чувствовалъ, что этотъ князь Херусковъ и по отношенію къ Римлянамъ, и по отношенію къ своему собственному народу представляетъ явленіе новое, еще небывалое.

Кончина Тиберія.

На *Востокѣ* не надо было даже и походовъ для обезпеченія границъ. Тиберій послалъ Германика, по возвращеніи его изъ Германіи, въ М. Азію, гдѣ надлежало поддержать миръ съ Парѳянами, которому угрожала новая династическая распря между двумя претендентами на престолъ, Артабаномъ и Вонономъ (укрывшимся на римской территоріи). Но эти событія не представляютъ общаго интереса. Гораздо важнѣе было то, что Германикъ вступилъ въ сильныя пререканія съ цесарскимъ легатомъ Сиріи, Кн. Пизономъ, и когда вскорѣ послѣ того онъ заболѣлъ и умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ, то всѣ заговорили въ Римѣ, что Германикъ былъ отравленъ легатомъ, по тайному приказу Тиберія, который будто-бы былъ проникнутъ недовѣріемъ и завистью къ юному Германику. Этотъ слухъ, однакоже, ни на чемъ, кромѣ народной молвы, не основанъ, но зато со стороны честолюбивой и гордой вдовы Германика, *Агриппины*, Тиберію грозила опасность, къ которой онъ не могъ оставаться равнодушнымъ. Агриппина была племянницей Октавіана Августа, дочерью его родной дочери Юліи, слѣдовательно, стояла къ нему ближе, чѣмъ его пріемный сынъ, Тиберій; окруженная прекрасными дѣтьми, любимая и народомъ, и войскомъ, которое бывало не разъ поражено тѣмъ величавымъ спокойствіемъ, которое она выказывала въ Германіи, въ минуты опасности; при этомъ живая и страстная, неспособная къ лицемѣрію — она сразу стала почти во враждебныя отношенія

Агриппина старшая. Изображеніе на современной монетѣ.

къ Тиберію при его же дворѣ, такъ что Тиберій, однажды, обращаясь къ ней, съ колкимъ сарказмомъ произнесъ греческій стихъ: «еще не слѣдуетъ считать обидой то, что мы не всѣ созданы царями». Но онъ въ то же время видѣлъ въ ней опасную для себя соперницу, и зналъ, что не въ одномъ только Римѣ у Агриппины и ея дѣтей есть рьяные приверженцы. Въ виду этого, послѣ смерти Ливіи, которую Тиберій и уважалъ, и слушался,—онъ рѣшился, отчасти подъ вліяніемъ Сэяна, принять суровыя мѣры противъ Агриппины *). Она была изгнана и отвезена на какой-то островъ (29 г.); ея два старшихъ сына были убиты, а она сама, не желая преклониться передъ тиранномъ, заморила себя голодомъ; уцѣлѣлъ только одинъ изъ сыновей Германика, *Кай*, который, несмотря на всѣ эти событія, оставался безусловно преданнымъ Тиберію. Его соперникомъ, по наслѣдованію цесарской власти, можно было считать еще только Тиберія Гемелла, Друзова сына, слѣдовательно, родного внука Тиберіева.

Послѣ паденія Сэяна, *Макронъ* былъ назначенъ префектомъ преторіанцевъ; по общепринятому современному извѣстію, этотъ Макронъ игралъ нѣкоторую роль и при кончинѣ Тиберія. Тиберій продолжалъ жить въ своемъ капрійскомъ уединеніи, и народная фантазія на всѣ лады старалась истолковывать себѣ причины его удаленія изъ Рима: — одни говорили, что онъ старается ото всѣхъ скрыть тѣ старческіе недуги, которые обезобразили его, нѣкогда стройнаго и красиваго; другіе утверждали, какъ водится, что онъ предается всякимъ постыднымъ порокамъ, и что капрійское уединеніе даетъ ему для этого полный просторъ. Само собою разумѣется, что могли быть и совсѣмъ иные, и гораздо болѣе естественные, поводы къ увлеченію уединеніемъ, которое, конечно, не представляетъ ничего чрезвычайнаго. Отъ времени до времени онъ пріѣзжалъ со своего острова на берегъ, и, во время одного изъ такихъ прі-

Калигула. Бронзовый бюстъ въ Капитолійскомъ музеѣ.

*) Говорятъ, что поводомъ къ тому послужилъ слѣдующій случай: Тиберій, за столомъ, предложилъ ей какой-то плодъ, а она рѣзко отказалась его отвѣдать, явно выказывая, что опасается отравы.

ѣздовъ, заболѣлъ въ Мизенумѣ. Чрезвычайно странно, что, и въ данномъ случаѣ, кончина 70-ти-лѣтняго старика обставляется и объясняется всякаго рода разсказами, въ которыхъ окончательнымъ поводомъ ея являются то происки Кайя, его будущаго наслѣдника, то испугъ Макрона... Разсказываютъ, напримѣръ, будто бы Макронъ, предполагая, что Тиберій уже умеръ, вздумалъ привѣтствовать новаго Цесаря, и когда Тиберій, въ эту минуту, зашевелился на смертномъ одрѣ, то Макронъ поспѣшилъ его прикончить, задушивъ подушками... Но уже самое различіе этихъ извѣстій можетъ служить доказательствомъ того, что это — не болѣе, какъ вымыселъ, которымъ прикрашивается часто кончина крупныхъ историческихъ дѣятелей. Наиболѣе вѣроятнымъ представляется намъ то извѣстіе о кончинѣ Тиберія, которое болѣе всего подходитъ и къ характеру его; по этому извѣстію, во время своей предсмертной болѣзни, ему, для какой-то важной цѣли, понадобился слуга; онъ сталъ его кликать, и, когда тотъ не явился, онъ самъ поднялся съ постели; но, отойдя нѣсколько шаговъ, потерялъ сознаніе, упалъ и разбился на смерть (37). И наслѣдникъ Тиберія, *Кай Цесарь* (37—41 гг.),—въ шутку прозванный солдатами *Калигула* (сапожокъ) *),—невѣрно рисуется намъ современными извѣстіями. Намъ представляютъ его въ какомъ-то карикатурномъ видѣ, тогда какъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, что онъ былъ просто ненормальнымъ человѣкомъ и нерѣдко доходилъ прямо до сумасшествія. Онъ вступилъ въ управленіе государствомъ совершенно спокойно, среди общихъ изъявленій радости. Твердое и разумное правленіе Тиберія довело государство до значительнаго матеріальнаго благосостоянія, и теперь, когда Цесаремъ явился молодой человѣкъ, повидимому, весьма простой и привѣтливый, всѣ, конечно, были очень довольны; одно только было въ немъ странно: чрезвычайная страсть его къ коннымъ ристаніямъ на колесницахъ въ циркѣ, которую онъ вполнѣ раздѣлялъ съ римскою чернью; а къ тѣмъ большимъ богатствамъ, которыя были накоплены его бережливымъ предшественникомъ, онъ относился очень беззаботно, разбрасывая ихъ направо и налѣво. Однакоже первые шаги его въ управленіи государствомъ пріобрѣли ему общее расположеніе. Но оказалось, что его слабый разсудокъ не могъ справиться съ соблазнами, которые на каждомъ шагу представляла ему неограниченная власть. Вскорѣ онъ избавился отъ Макрона, который, вѣроятно, казался ему очень докучнымъ по тому серьезному отношенію къ занятіямъ государственными дѣлами, къ какому онъ пріученъ былъ Тиберіемъ; а вскорѣ дѣло дошло уже и до того, что онъ не сталъ терпѣть никакихъ противорѣчій, и сталъ отдавать жестокія приказанія только для того, чтобы выказать свое всемогущество. Затѣмъ онъ предпринялъ походъ или, лучше сказать, военную прогулку на правый берегъ Рейна, но удовольствовался тѣмъ, что приказалъ выполнить при себѣ кое-какіе маневры; потомъ двинулся на Западъ, и въ войскѣ даже прошли слухи о походѣ въ Британнію; но походъ не состоялся, и Калигула удовольствовался очень незначительной военной добычей:—приказалъ легіонамъ собирать раковины на берегу моря... Несомнѣнно только одно:

*) Онъ родился въ то время, когда его отецъ, Германикъ, воевалъ на Рейнѣ.

съ какимъ-то дѣтскимъ упорствомъ онъ всюду, неосторожно вмѣшиваясь во все, старался всѣмъ дать почувствовать силу римскаго владычества и цесарскаго полновластія. Онъ очень былъ занятъ проектомъ перенесенія Фидіева Зевса изъ Олимпіи въ Римъ, а также и постановкою своего собственнаго изображенія въ Іерусалимскомъ храмѣ. Іудейскому посольству онъ выразилъ свое недовольство на то, что они, Іудеи, не желаютъ почитать въ своемъ храмѣ никакого божества *рядомъ* со своимъ Богомъ, котораго сами даже и по имени назвать не умѣютъ. Если кто-либо изъ подначальныхъ людей, въ своемъ обращеніи къ нему, называлъ его Кайемъ, то это вызывало его неудовольствіе, а того шутливаго прозвища *Калигулы*, которое нѣкогда дано было ему солдатами, онъ и слышать не могъ. Много разсказывали анекдотовъ объ его безумствахъ. Такъ, нѣкоего Помпея Пенна онъ избавилъ отъ смертной казни; когда же тотъ явился его благодарить—Калигула протянулъ ему лѣвую ногу и указалъ на унизанную жемчугомъ туфлю, которую тотъ долженъ былъ поцѣловать; во время страшной грозы, нарушившей его пиршество, онъ обратился къ Юпитеру-громовержцу и патетически произнесъ стихъ изъ Гомера: «убей ты меня—или я тебя!» Всего хуже было то, что онъ сталъ смотрѣть на казни и насилія, какъ на средства для пополненія казны, которую онъ безумно расточалъ на свои ничтожныя увеселенія; казалось, надъ нимъ сбывалось предсказаніе его суроваго предшественника, который о будущемъ правленіи своего наслѣдника говорилъ, что онъ «будетъ править государствомъ, какъ Фаэтонъ правилъ колесницею солнца». Не удивительно, что при такомъ способѣ правленія, окружавшіе Калигулу приближенные, вынужденные ежеминутно трепетать за свою жизнь, зависѣвшую отъ прихоти Цесаря,—рѣшились сами прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ: трибунъ преторіанцевъ, Кассій Хэреа, избавилъ римскій міръ отъ новѣйшаго Фаэтона (41).

Подъ первымъ впечатлѣніемъ событій руководящими кружками Сената овладѣло республиканское стремленіе, и личное честолюбіе нѣкоторыхъ лицъ тоже заговорило: но преторіанцы, составлявшіе гвардію Цесарей, уже рѣшили по-своему вопросъ о наслѣдованіи. Они провозгласили императоромъ брата Германика (слѣдовательно дядю Калигулы), *Клавдія Друза*, который издавна жилъ въ уединеніи, предаваясь занятіямъ науками; когда они его разыскали и къ нему явились, несчастный вообразилъ себѣ, что они пришли лишить его жизни. Тогда всякіе помыслы о возстановленіи правительственной власти Сената исчезли сами собою, тѣмъ болѣе, что и римское населеніе ни о чемъ подобномъ и слышать не хотѣло, опасаясь возобновленія междоусобныхъ войнъ. Монархическій порядокъ сдѣлался неизбѣжною потребностью, до нѣкоторой степени даже естественною необходимостью; притомъ же и новый Цесарь серьезно взглянулъ на свою задачу. Онъ отнесся къ Сенату съ уваженіемъ, озаботился о томъ, чтобы загладить несправедливости, совершенныя его деспотическимъ предшественникомъ; ему же приписываютъ и нѣкоторыя весьма разумныя распоряженія. Будучи весьма трудолюбивымъ по самой природѣ, онъ, можетъ-быть, болѣе, чѣмъ слѣдовало бы правителю большого государства, обращалъ вниманіе на мелочныя подробности управленія. Однакоже, для нѣ-

Клавдій, 41.

которыхъ частей государства (напр., для *Галліи*, которая была его родиной и которою онъ особенно интересовался, а также и для *Британніи*) его правленіе было благодѣтельно. При немъ приведено было наконецъ въ исполненіе (въ 45 г.) давно уже задуманное покореніе

Клавдій. Тріумфальная статуя въ Ватиканскомъ музеѣ.

Британніи, и самъ Цесарь, хотя и на короткое время, являлся на театръ войны. Его легаты, А. Плауцій (47) и преемникъ Плауція, вполнѣ овладѣли новой провинціей и, покрывъ ее цѣлою сѣтью военныхъ дорогъ, оказали тѣмъ услугу мѣстной торговли, для которой и тогда уже г. *Лондиніумъ* на р. Тамезѣ (Темзѣ) представлялъ важное складочное мѣсто. Во внутреннемъ управленіи и Клавдій не могъ избѣжать тираническихъ мѣръ, хотя, по природѣ своей, и не былъ къ нимъ склоненъ; отличительною чертою его правленія является то преобладающее вліяніе, которымъ пользовались нѣкоторые вольноотпущенники Цесаря — Палласъ, Полибій, Нарциссъ. Всѣ они были не болѣе, какъ министрами его двора, орудіемъ его верховной власти, а въ сущности, благодаря слабохарактерности Клавдія, онъ былъ покорнымъ исполнителемъ ихъ воли, при чемъ они дѣлили свое вліяніе на него съ его супругами. Первая изъ нихъ, *Мессалина*, была олицетвореніемъ того новѣйшаго типа Римлянокъ, которыя находили особенное удовольствіе въ полной разнузданности. Очень долго пользовалась она своею властью надъ Цесаремъ,

Клавдій. На монетѣ Берлинскаго мюнцъ-кабинета.

Клавдій и Агриппина младшая. Ливія и Тиберій.

Рѣзной на ониксѣ камей съ портретами императора Клавдія и его супруги Агриппины Младшей; противъ нихъ—портретъ его дяди Тиберія и его матери Ливіи. Превосходная работа, относящаяся, вѣроятно, къ 49 г., году свадьбы Клавдія. Хранится въ Вѣнѣ, въ императорской сокровищницѣ.

пока въ припадкѣ какого-то изступленнаго безстыдства не рѣшилась на неслыханное дѣло: во время отсутствія своего супруга, она открыто повѣнчалась съ однимъ изъ своихъ любовниковъ — римскимъ всадникомъ К. Силіемъ; а такъ какъ она въ это время вступила во вражду съ вольноотпущенными любимцами Цесаря, то это привело къ ея низверженію. Ея мѣсто заступила «младшая» *Агриппина*, дочь Германика, до нѣкоторой степени, сама навязавшаяся въ супруги (49 г.) своему старѣющему дядѣ, который не могъ обойтись безъ женскаго вліянія; и Агриппина вскорѣ пріобрѣла надъ нимъ значительную власть. Она ввела въ цесарскій домъ своего сына отъ перваго брака, Домиція Нерона, женила его на дочери Клавдія, Октавіи, и заставила Клавдія усыновить его, подъ именемъ *Нерона-Клавдія-Цесаря-Друза-Германика*, при чемъ ей удалось вислиѣ оттереть на задній планъ *Британника*, Клавдіева сына отъ перваго брака. Въ 54 г. Клавдій умеръ, говорятъ, будто бы отравленный Агриппиной, хотя мы и тщетно стараемся объяснить поводы, которые могли-бы руководить ею въ данномъ случаѣ. Ея преобладающей страсти, безграничному властолюбію, унаслѣдованному отъ матери,

Римская монета съ изображеніемъ Мессалины.

было, конечно, легче проявляться во время правленія слабаго старика, нежели въ правленіе юноши, которому, какъ и слѣдовало ожидать, захочется идти своимъ путемъ.

Неронъ. 54. Вступленію во власть ея сына, Домиція *Нерона*, никто и не подумалъ препятствовать: онъ правилъ съ 44—68 г. по Р. Хр. При описаніи его правленія, какъ и вообще при повѣствованіи о временахъ первыхъ римскихъ императоровъ, историки нерѣдко забываютъ о томъ, что исторія отдѣльныхъ Цесарей и ихъ двора не есть исторія ихъ государства, которое, въ большей своей части, даже и при Неронѣ, — этомъ чудовищно-извращенномъ представителѣ власти, — конечно, находилось въ несравненно лучшемъ состояніи, нежели во времена республиканскихъ проконсуловъ и пропреторовъ и италійскихъ откупщиковъ и сборщиковъ податей. Въ пользу этого предположенія долженъ свидѣтельствовать уже тотъ простой фактъ, что, по послѣдней общей переписи — еще при Клавдіи — числилось уже не менѣе 25.000.000 полноправныхъ римскихъ гражданъ. При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что Неронъ, воспитанный подъ надзоромъ двухъ превосходныхъ руководителей — философа *Эннэя Сенеки* и префекта преторіанцевъ *Афранія Бурра* — въ первыя пять лѣтъ своего правленія не давалъ повода ни къ какому заслуженному порицанію. Въ теченіе этого времени и во внѣшней политикѣ были достигнуты кое-какіе благопріятные результаты. Еще при Клавдіи покорена была *Мавританія* и обращена въ римскую провинцію; на *Востокѣ* также граница парѳянскаго царства была укрѣплена и защищена отъ нападенія Парѳянъ; а важнѣйшею изъ странъ Арменіей, правилъ царь Тиридатъ въ качествѣ римскаго вассала. Въ Британніи пришлось оружіемъ бороться противъ сильнѣйшаго возстанія, которое было возбуждено фанатизмомъ вліятельной касты друидовъ и началось (59 г.) съ звѣрскаго избіенія поселившихся въ Британніи римскихъ гражданъ. Масса мятежниковъ возросла до 120.000 человѣкъ, и во главѣ ихъ явилась предводительницею женщина, королева *Боадицея*—героиня въ полномъ смыслѣ слова. Всѣ силы ея были направлены противъ важнѣйшей изъ римскихъ колоній, *Камулодунумъ*. Однакоже начальствовавшій въ Британніи полководецъ, *Свѣтоній Паул-*

Неронъ. Античный мраморный бюстъ въ Ватиканскомъ музеѣ.

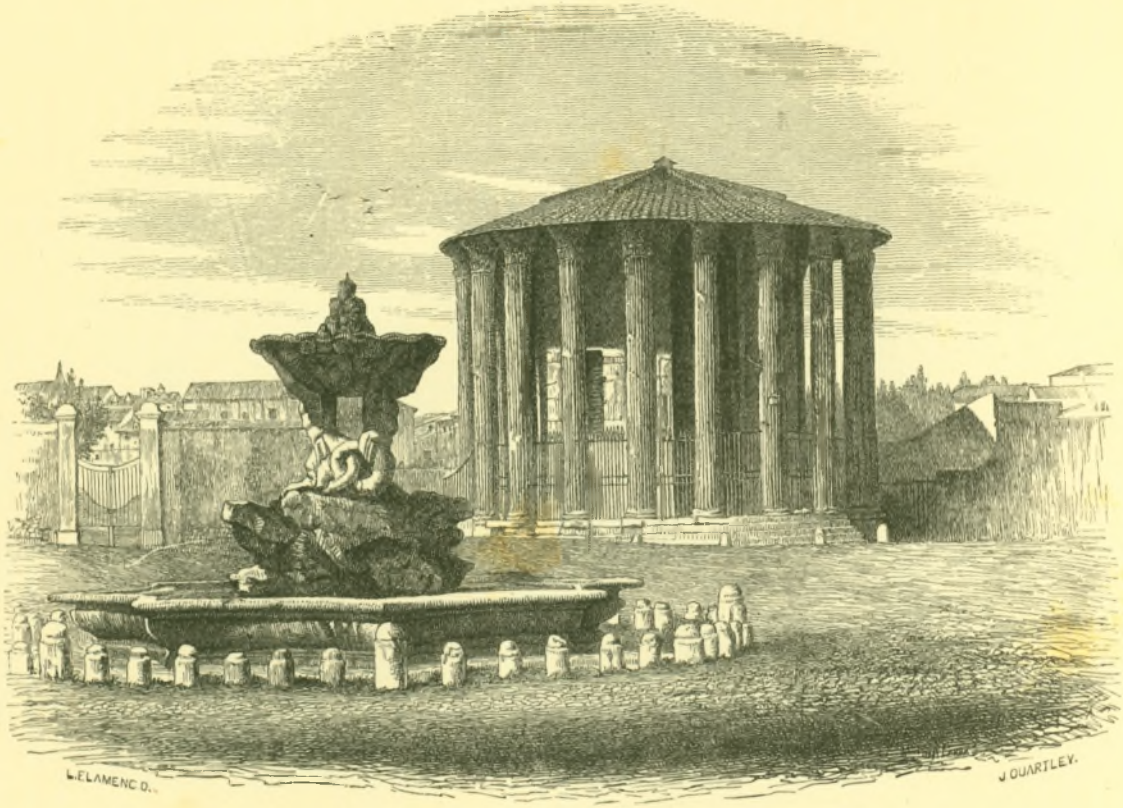
линъ, оказался искуснымъ воиномъ: онъ нанесъ Бриттамъ жестокое пораженіе и тѣмъ устранилъ опасность; Боадицея сама себя лишила жизни, и власть Римлянъ была возстановлена въ провинціи. И со стороны Германіи также все было спокойно. Грандіозная система воздвигнутыхъ здѣсь укрѣпленій приносила несомнѣнно свою пользу: эти укрѣпленія состояли изъ пограничнаго вала (*limes*—собственно, *порогъ*), за которымъ тянулся глубокій ровъ, наполненный водою, и непрерывная цѣпь сторожевыхъ пунктовъ и укрѣпленныхъ замковъ, которая охватывала огромныя пространства между среднимъ теченіемъ Рейна и Дуная, а мѣстами шла и параллельно этимъ рѣкамъ. За этою непрерывною цѣпью укрѣпленій, на западномъ берегу Рейна и на южномъ берегу Дуная, красовался цѣлый рядъ цвѣтущихъ римскихъ городовъ, увѣковѣчившихъ своими названіями времена Римской Имперіи. Изъ-за Дуная и Рейна, изъ-за мощной линіи римскихъ пограничныхъ укрѣпленій, долетали лишь изрѣдка изъ независимой Германіи темные слухи о междоусобныхъ войнахъ какихъ-нибудь Хауковъ и Ампсиваріевъ, Хаттовъ и Гермундуровъ—войнахъ, въ которыхъ безплодно расточались силы этихъ племенъ.

Воображаемый видъ нѣкоторой части пограничнаго вала—по уцѣлѣвшимъ остаткамъ и описаніямъ.

Неронъ очень скоро поддался однакоже соблазнамъ громадной власти, сосредоточенной въ его рукахъ, и побужденіямъ своего легкомыслія, которое неспособно было полагать разумные предѣлы его произволу и желаніямъ. Вскорѣ между нимъ и его властолюбивой матерью установились натянутыя отношенія, и когда она стала ему угрожать возможностью выставить ему соперника въ Британникѣ, Неронъ немедленно велѣлъ его умертвить. Онъ отдалилъ отъ себя супругу свою, Октавію, и попалъ подъ власть знаменитой красавицы того времени—*Поппэи Сабины*, которая не захотѣла подчиняться Агриппинѣ. Тогда свершилось нѣчто ужасное: — Неронъ, не долго думая, тотчасъ же избавился и отъ своей матери при посредствѣ убійства. Затѣмъ вліяніе Поппэи стало возрастать: въ 62 г. умеръ Бурръ, а Сенека вынужденъ былъ удалиться; въ томъ же году умерщвлена была и Октавія. И при всемъ этомъ, Неронъ ничуть не походилъ на мрачнаго тиранна. По общему мнѣнію римской черни, правленіе его было превеселое: въ играхъ не было недостатка, и Неронъ, не стѣсняясь, выступалъ на нихъ самъ, то правя конями, какъ возница, то потѣшая публику игрою на лирѣ, какъ музыкантъ. Очень любилъ онъ также воздвигать великолѣпныя постройки, и потому именно, когда въ 64 г. большой пожаръ опустошилъ значительную часть города, въ народѣ прошла молва, будто Римъ былъ подожженъ самимъ Цесаремъ, чтобы очистить поболѣе простора для удовлетворенія его страсти къ построй-

Пожаръ Рима.

камъ; многіе утверждали даже, будто Римъ былъ подожженъ Нерономъ только для того, чтобы онъ могъ получить вѣрное представленіе о пожарѣ Трои и подъ этимъ впечатлѣніемъ воспѣть въ стихахъ ея разрушеніи. Хотя и мудрено было придумать что-нибудь болѣе неправдоподобное, однакоже, при томъ крайнемъ возбужденіи, которое вызвано было въ народѣ страшнымъ бѣдствіемъ, намъ отчасти становится понятнымъ и появленіе подобныхъ слуховъ, и то, что они могли нѣкоторое время держаться въ народѣ. Самъ Неронъ счелъ за лучшее подавить эти слухи, направивъ народное озлобленіе къ опредѣленной и осязательной цѣли. Съ нѣкотораго времени много было толковъ о какой-то новой религіозной общинѣ, зародившейся на почвѣ іудейства; члены этой общины называли себя *христіанами*—послѣдователями Христа. То, что было о нихъ извѣстно,—непонятое, переиначенное, извращенное,—внушило римской полиціи понятіе о христіанахъ, какъ о людяхъ, питающихъ «ненависть противъ всего человѣчества» и, слѣдовательно, способныхъ на все зловредное. Такое воззрѣніе полиція сочла за нѣчто вполнѣ достовѣрное и приняла противъ христіанъ самыя суровыя мѣры. При этомъ очень не трудно было ихъ же обвинить въ пожарѣ Рима, такъ какъ другихъ виновниковъ этого бѣдствія не находилось: поэтому нѣкоторое число ихъ было схвачено и умерщвлено самымъ звѣрскимъ образомъ — этихъ несчастныхъ обматывали горючими веществами и затѣмъ они были заживо сожжены на столбахъ, къ которымъ были привязаны. Легко можетъ быть, что около этого времени погибъ въ Римѣ и апостолъ Павелъ; но при этомъ мучительствѣ, впервые, имя христіанъ распространилось вширь и вдаль по всему пространству римскаго міра. Едва-ли можно порицать Нерона за то, что онъ, принявъ при помощи нѣкоторыхъ знатоковъ дѣла весьма разумныя мѣры къ возсозданію погорѣвшей части Рима, не упустилъ случая и для себя построить великолѣпный дворецъ; при этомъ узнаемъ, что возобновленіе разрушенныхъ зданій столицы производилось на чрезвычайныя средства и на дополнительные налоги, собранные со всей Италіи и провинцій, хотя въ то же время не находимъ извѣстій ни о какихъ суровыхъ мѣрахъ, которыя были бы, при этомъ случаѣ, приняты Нерономъ. Но эти излишніе поборы все же произвели всюду непріятное впечатлѣніе, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ Палестинѣ, еще болѣе усилили уже ранѣе начавшееся броженіе; и въ самомъ Римѣ проявилось недовольство. Ребяческія увлеченія Нерона художествами, хотя и никому не вредившія, въ связи съ его порочною и возмутительною частною жизнью, вызвали наконецъ въ обществѣ оппозицію и справедливыя порицанія. Къ чести того времени надо сказать, что въ современномъ высшемъ кругу и между сенаторами было не мало людей, руководившихся въ жизни строгими нравственными основами стоическаго ученія; они-то и не стали скрывать своего недовольства поведеніемъ Цесаря, и въ особенности значительнѣйшій изъ нихъ, *Пэтъ Тразея*. Дѣло дошло до заговора, цѣлью котораго была замѣна Нерона болѣе достойнымъ и болѣе надежнымъ дѣятелемъ, *К. Кальпурніемъ Пизономъ* (65). Заговоръ былъ открытъ и подалъ Нерону поводъ къ новымъ жестокостямъ. Бывшій учитель его, Сенека, самъ лишилъ себя жизни, и Тразея—также (въ 66 г.); до насъ



Круглый храмъ Весты (въ его нынѣшнемъ состояніи).

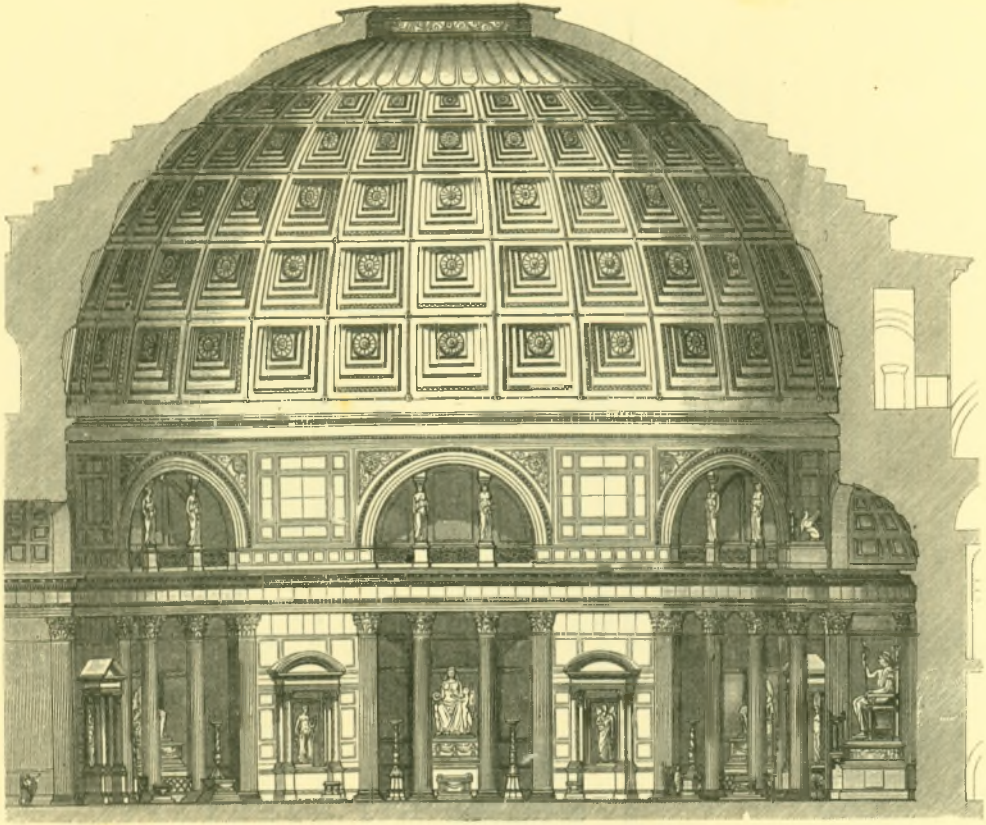
дошли даже разсказы и о такихъ добровольныхъ самоубійствахъ, къ которымъ весьма почтенные люди прибѣгали, какъ къ единственному дозволенному имъ протесту противъ тиранніи.

Конецъ правленія Нерона.

Въ 66 г. Неронъ задумалъ отправиться въ Грецію, гдѣ надѣялся встрѣтить болѣе справедливую оцѣнку своимъ наклонностямъ къ художническимъ затѣямъ. Дѣла на Востокѣ, въ то время, находились въ положеніи довольно удовлетворительномъ, и только изъ Палестины доходили дурныя вѣсти. Тамъ, отчасти вслѣдствіе появленія христіанства, отчасти вслѣдствіе того, что вообще безпокойный и подвижной іудейскій народъ былъ около этого времени проникнутъ ожиданіемъ какихъ-то чрезвычайныхъ, грядущихъ событій—религіозное возбужденіе достигло высшей степени. Къ тому же, притѣсненія цесарскаго прокуратора *Гессія Флора* вызвали возстаніе, и правитель Сиріи, *Цестій Галлъ*, двинувшій было войско къ Іерусалиму, не рѣшился однакоже перейти къ наступленію въ виду общаго настроенія всей страны. Тогда возстаніе быстро разрослось, и столица очутилась въ рукахъ мятежниковъ («ревнителей» или «зелотовъ»), а власть римская разомъ утратила всякое значеніе. Неронъ удовольствовался тѣмъ, что въ важнѣйшіе пункты отправилъ надежныхъ людей; управленіе Сиріею онъ поручилъ *К. Лицинію Муціану*, а войну съ Іудеями—*Т. Флавію Веспасіану*, родомъ плебею, но прославившемуся воинскими подвигами въ Британніи. Самъ же онъ остался въ провинціи Ахайя, гдѣ изощренные въ лести Греки вполнѣ удовлетворяли его исканію славы своими горячими и шумными одобреніями. Въ 67 г. положено было начало весьма полезному предпріятію—работамъ по прорытію Коринѳскаго перешейка, которыя были освящены въ присутствіи Цесаря. Повидимому, самъ Неронъ и не предвидѣлъ тѣхъ опасностей, какія ему грозили. А между тѣмъ онъ уже потерялъ всякое значеніе и въ средѣ своего народа, и въ средѣ его правящихъ классовъ. Никто не оцѣнивалъ по достоинству ни его умѣнье править конями, ни его музыкальную виртуозность: напротивъ, именно эти качества, которыми самъ Неронъ такъ гордился, и признавались невыносимымъ позоромъ въ кружкахъ, которые еще оставались вѣрны древне-римскимъ традиціямъ. Къ этому примѣшалось еще и своеволіе любимцевъ Нерона изъ вольноотпущенниковъ,—которое проявилось особенно рѣзко во время его отсутствія,—и опасеніе за будущее. У Нерона не было прямыхъ наслѣдниковъ—Поппэя Сабина, отъ которой онъ ожидалъ наслѣдника, умерла (въ 65 г.). Въ войскахъ, на которыя Неронъ не обращалъ особеннаго вниманія, уваженіе къ цесарской власти почти утратилось, и вскорѣ послѣ того, какъ онъ вернулся изъ Греціи со своими лавровыми вѣнками, весною 68 г., изъ Галліи былъ поданъ знакъ къ возстанію. Легатъ Лугдунской Галліи, Юлій Виндексъ, былъ первымъ отказавшимся отъ повиновенія волѣ императора Нерона.

Паденіе Цесарскаго дома. Гальба.

Это привело къ краткому бурному періоду времени, событія котораго мы здѣсь изложимъ только вкратцѣ. Виндексъ вошелъ въ сношенія съ другими легатами западныхъ провинцій, и наиболѣе способнаго изъ нихъ, испанскаго легата *Сервія Сульпиція Гальбу*, убѣдилъ стать во главѣ движенія, направленнаго противъ Нерона. Въ апрѣлѣ 68 г. онъ обнародовалъ свое воззваніе, и къ нему пристали всѣ легіоны, расположенные



Внутренній видъ и разрѣзъ Римскаго Пантеона, въ его нынѣшнемъ состояніи, мало-измѣненномъ противъ прежняго.

въ Лузитаніи, Бэтикѣ и Африкѣ. На нѣкоторое время, войска, стоявшія въ верховьяхъ Рейна, заняли особое положеніе; дѣло дошло даже до кровавой битвы (при Везонціо) между ними и войсками Виндекса. Но затѣмъ всѣ присоединились къ Гальбѣ. Неронъ, въ виду этого движенія, не выказалъ никакой энергіи, и вскорѣ измѣна обнаружилась въ средѣ его приближенныхъ. Онъ покинулъ столицу, гдѣ всеобщее возбужденіе выказывалось слишкомъ рѣзко; тогда и преторіанцы, побуждаемые къ тому самыми заманчивыми обѣщаніями, и Сенатъ, нѣсколько ободрившійся, перешли на сторону Гальбы. Смертный приговоръ былъ произнесенъ надъ Нероном, который окончательно растерялся, пытался укрыться бѣгствомъ, и наконецъ рѣшился принять смерть отъ руки своего раба, близъ виллы одного изъ своихъ вольноотпущенниковъ (68 г.). Тогда Гальба принялъ бразды правленія, и въ октябрѣ того же года вступилъ въ Римъ. Это былъ человѣкъ строгій, бережливый, добросовѣстный въ исполненіи своихъ обязанностей и, можетъ-быть, именно этими свойствами отдалилъ отъ себя и преторіанцевъ, и многихъ вліятельныхъ людей; и нѣкоторыми промахами своими, и многими похвальными качествами онъ ускорилъ свою гибель и продлилъ несчастныя смуты, при которыхъ особенно знаменательнымъ явленіемъ было положеніе, занятое *войсками*. Одинъ изъ пріятелей Нерона, *Сальвій Отонъ*, первый мужъ Поппэи, питалъ надежду на то, что Гальба его усыновитъ и назначитъ своимъ наслѣдникомъ; Гальба же избралъ себѣ въ наслѣдники Пизона Лициніана, характеръ котораго внушалъ ему болѣе довѣрія. Это привело въ Римѣ къ возстанію, во время котораго Гальба и его избранникъ были убиты, а Отонъ провозглашенъ императоромъ. Сенатъ призналъ его (въ январѣ 69 г.); признали и легіоны придунайскихъ провинцій; но прирейнская армія уже объявила себя на сторонѣ другого избранника — *Авла Вителлія*, котораго самъ Гальба туда отправилъ. Человѣкъ это былъ самый дюжинный: пьяница и расточитель; но двое подначальныхъ ему полководцевъ, *Валентій* и *Цэцина*, соединили во имя его верхне- и нижне-германскіе легіоны, двинули ихъ въ Италію и здѣсь, при м. *Бедріакѣ* (близъ Кремоны), произошла ожесточенная битва между этими легіонами и войсками Отона, которыя потерпѣли пораженіе. Хотя эта битва далеко не могла назваться рѣшительною, но пораженіе въ такой степени сильно подѣйствовало на Отона, что тотъ, въ отчаяніи, лишилъ себя жизни (въ апрѣлѣ 69 г.). Вителлій же, который не особенно спѣшилъ, явился къ своему побѣдоносному войску и повелъ его прямо къ Риму (въ іюлѣ 69 г.). Но и его правленіе было непродолжительно, такъ какъ личность его никому не внушала довѣрія; въ обществѣ говорили о немъ, что онъ цѣнитъ высшую власть только какъ удобный предлогъ къ роскошнымъ пирамъ и веселью. Восточные легіоны, отчасти за-

Гальба. Изображеніе его на современной монетѣ.

Отонъ. Изображеніе на современной монетѣ.

Отонъ и Вителлій.

нятые серьезною борьбою съ Іудеями, до этого времени воздерживались отъ всякаго участія въ политикѣ. Но тутъ они спохватились и пришли къ тому заключенію, что ужъ если войску дано право распоряжаться врученіемъ высшей власти правителю, то между ихъ вождями найдутся люди, болѣе пригодные для этой цѣли, нежели Отоны и Вителліи; въ виду такого общаго настроенія, высшіе начальники восточныхъ легіоновъ провозгласили императоромъ *Т. Флавія Веспасіана* (іюль 69). Иллирійскіе легіоны, подъ начальствомъ Антонія Прима, двинулись немедленно въ Италію, чтобы вступить въ битву съ войсками Вителлія,—и дѣйствительно разбили ихъ при томъ же м. Бедріакѣ. Вителлій готовъ былъ выпутаться изъ своего непріятнаго положенія: онъ вступилъ въ переговоры съ братомъ Веспасіана, Флавіемъ Сабиномъ, и изъявлялъ полнѣйшую готовность отречься отъ своего сана (декабрь 69).

Правленіе Веспасіана. 70.

Но на это никакъ не могли согласиться его приверженцы: они умертвили Сабина, и среди наступившихъ смутъ величайшая святыня римскаго государства, храмъ Юпитера въ Капитоліи, сдѣлался жертвою пламени. Антоній Примъ, съ иллирійскими легіонами, двинулся къ Риму, и въ самомъ Римѣ еще разъ пришлось имъ вступить съ приверженцами Вителлія въ битву, на которую населеніе Рима смотрѣло какъ на зрѣлище—какъ на бой гладіаторовъ въ циркѣ. Вечеромъ 20 декабря (сатурналіи какъ разъ шли къ концу) Веспасіановъ сынъ Домиціанъ и веспасіанцы овладѣли городомъ; Вителлій былъ умерщвленъ, а на слѣдующій день собрался Сенатъ, дабы на законномъ основаніи передать высшую власть въ руки Флавія Веспасіана.

Вителлій. Изображеніе его на современной монетѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Веспасіанъ и домъ Флавіевъ. — Процвѣтаніе Римскаго государства въ теченіе столѣтія съ 70 года по Р. Хр. до смерти Коммода.

Мѣдная монета Веспасіана, послѣ паденія Іерусалима.

Возвышеніе Веспасіана, 70.

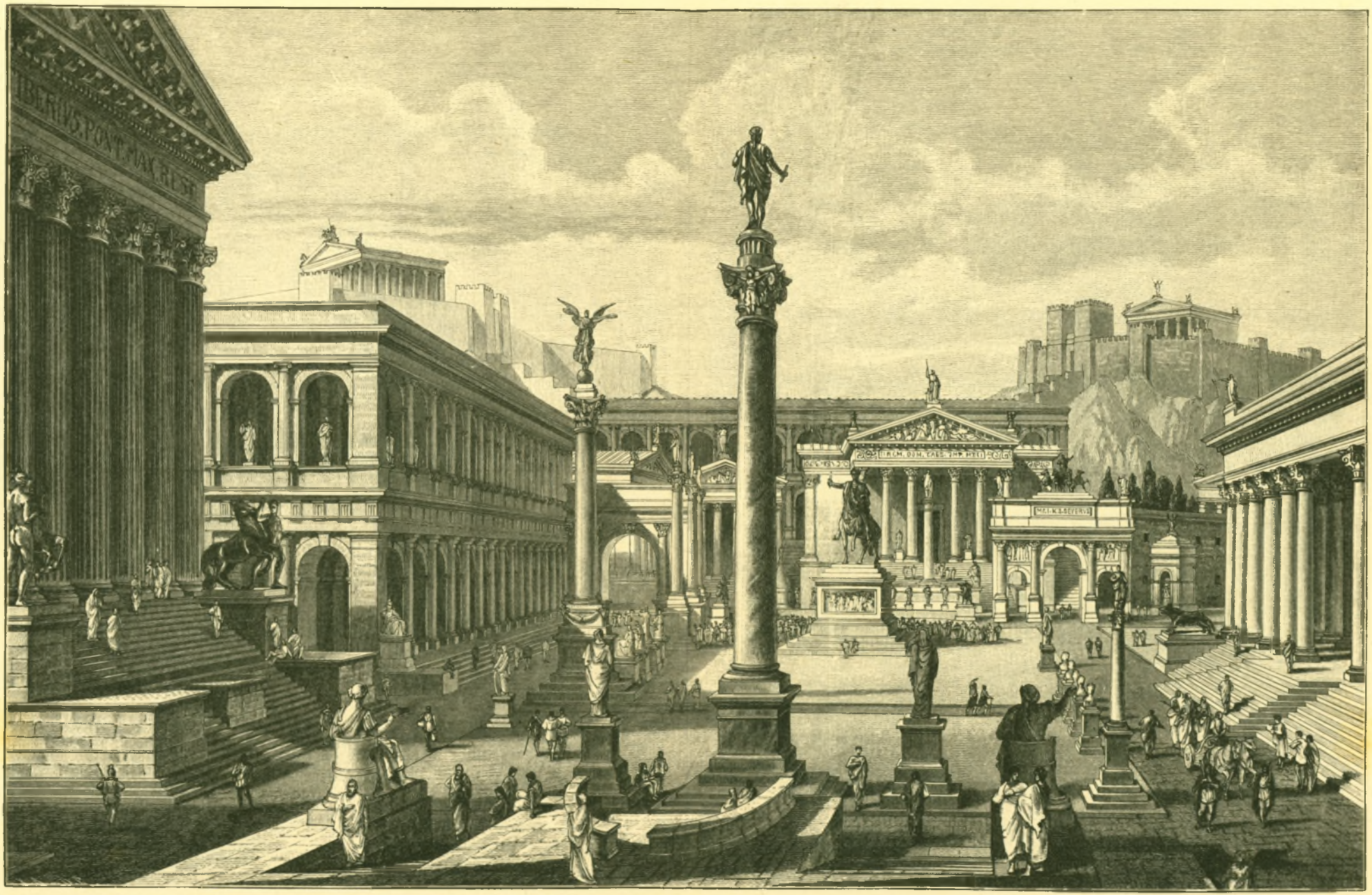
Съ Веспасіана, въ 70 г. вступившаго на почву Италіи, начался для государства счастливый періодъ, почти столѣтній; въ теченіе этого періода, послѣ окончательнаго устраненія Цесарева дома и его притязаній, представители высшей власти, хотя и получали эту власть какъ бы по наслѣдственному праву, однако все же старались выказать себя достойными ея, относясь къ своимъ обязанностямъ серьезно и добросовѣстно. И нельзя не отдать справедливости Веспасіану—или императору Цесарю Веспасіану Августу, какъ онъ теперь именовался, — что онъ подалъ примѣръ всѣмъ императорамъ вступившей съ нимъ второй династіи и

Веспасіанъ.
Античный мраморный бюстъ въ Капитолійскомъ музеѣ.

Капитолій съ храмомъ Юпитера.

Табуларій.

Замокъ съ храмомъ Юноны Монетской.



Юліева базилика.

Храмъ Сатурна.

Храмъ Веспасіана.

Храмъ Согласія.

Мамертинская темница.

Тріумфальная арка Тиберія.

Конная статуя Домиціана. Тріумфальная арка Септимія Севера. Храмъ Януса.

Храмъ Діоскуровъ

Базилика Эмилія.

Колонна Цесарева храма.

ВОЗОТАНОВЛЕННЫЙ ФОРУМЪ РИМОНІЙ.

даже придалъ особый характеръ новому періоду развитія высшей власти. Онъ былъ уже не молодъ; родился еще при Августѣ, въ 9 г. по Р. Хр., въ небольшомъ мѣстечкѣ Сабинской земли; будучи незнатнаго происхожденія, онъ, одинъ изъ способныхъ и надежныхъ людей, одинъ изъ тѣхъ, которые и при деспотическомъ правленіи бываютъ необходимы, подвигался впередъ трудовою, служебною дорогою. Во время путешествія въ Ахайю, куда онъ сопровождалъ Нерона, однажды случилось, что Веспасіанъ уснулъ при исполненіи музыкальнаго произведенія императора; а между тѣмъ, будучи императоромъ, онъ принадлежалъ къ числу самыхъ трудолюбивыхъ людей въ Римѣ, и пріемы у него начинались еще до солнечнаго восхода. И самый императорскій санъ свой онъ принялъ, какъ важную, отвѣтственную должность, въ силу формальнаго, за-одно съ Сенатомъ обнародованнаго закона *о государственномъ управленіи* (lex de imperio); при этомъ онъ былъ опытенъ въ дѣлахъ, находчивъ, обладалъ нѣкоторымъ юморомъ и былъ не односторонне, не исключительно солдатскомъ духѣ, воспитанъ.

Двѣ войны, имѣющія всемірное значеніе, были при немъ закончены: война *Іудейская* и *Батавійская*—война по поводу возстанія въ Батавіи, обозначившая собою новый періодъ въ развитіи германскаго міра. Окончаніе Іудейской войны онъ предоставилъ сыну своему, *Титу*, и тому уда-

Война съ Іудеей: разрушеніе Іерусалима. 70.

Рельефное изображеніе тріумфа на вратахъ Тита, представляющее несеніе завоеванныхъ Римлянами сокровищъ храма Соломонова. Особенно выдѣляются седмисвѣщникъ и жертвенникъ.

лось взять Іерусалимъ (сентябрь 70), послѣ такой твердой и упорной обороны, къ какой способенъ только фанатизмъ, доведенный до высшей степени напряженія. Долгое время защитники Іерусалима съ пренебреженіемъ относились и къ голоду, и къ мечамъ противниковъ, подкрѣпляемые увѣ-

Титовы врата въ Римѣ, воздвигнутыя послѣ смерти императора Веспасіана въ воспоминаніе о войнѣ противъ Іудеевъ.

ренностью, что храмъ Іеговы не можетъ пасть, что еще и въ послѣднюю минуту гибели можетъ свершиться чудо спасенія. Побѣдитель обошелся съ побѣжденными соотвѣтственно ихъ упорству. Множество плѣнныхъ

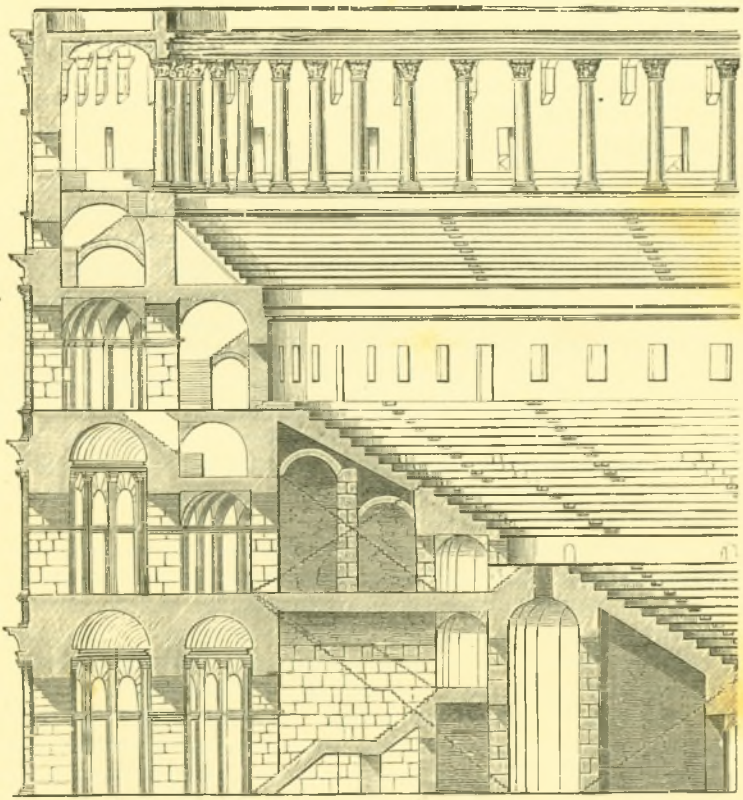
Римскій Колизей (амфитеатръ Веспасіана) въ его нынѣшнемъ видѣ.

было казнено; часть ихъ сами себя лишали жизни; насчитываютъ нѣсколько сотъ тысячъ такихъ, которые погибли во время войны и долгой осады, и сверхъ всего этого масса плѣнныхъ была продана въ рабство или осуждена служить забавою публикѣ въ главныхъ городахъ, при случаѣ звѣриныхъ травлей или гладіаторскихъ игръ, которыя постоянно требовали все новыхъ и новыхъ жертвъ. Городъ и храмъ, насколько это было возможно, сравненъ былъ съ землею. Но несокрушимая вѣра этого народа, которому ввѣрено было неоцѣнимое благо почитанія Единаго Невидимаго Бога,—эта вѣра пережила все. Даже и въ послѣднія минуты гибели, когда уже было несомнѣнно, что святилище Іеговы не устоитъ противъ напора враговъ, одинъ изъ непреклоннѣйшихъ вождей-фанатиковъ сказалъ не даромъ, что у Бога и кромѣ этого храма есть еще иной храмъ—«*весь міръ*»! И городъ палъ, и храмъ палъ, а между тѣмъ выходцы изъ Іудеи, провозвѣстники зародившейся здѣсь міровой религіи, уже спѣшили, среди языческихъ городовъ и царствъ, осуществить пророческое слово своего Великаго Учителя, Который сказалъ, что «кроткіе наслѣдятъ землю».

Галльско-германская война. 69.

Въ то самое время, когда на Востокѣ шла борьба на смерть съ Іудеями, въ западныхъ странахъ тоже ходили въ народѣ предсказанія, возвѣщавшія, что отнынѣ владычество надъ всѣмъ міромъ должно перейти къ *трансальпійскимъ* народамъ; въ этомъ именно смыслѣ въ кружкахъ *галльскихъ друидовъ* истолковывался пожаръ Капитолійскаго храма, сгорѣвшаго во время смуть бурнаго 69 года. Что эти смуты волновали умы въ Галліи и Германіи — само собою разумѣется. Знатный батавіецъ, *Клавдій Цивилисъ*, состоявшій и въ римской службѣ, съумѣлъ очень ловко воспользоваться этимъ натянутымъ и запутаннымъ положеніемъ дѣлъ: прикидываясь, что ревностно принимаетъ сторону Веспасіана, онъ подъ этимъ видомъ скрылъ свои приготовленія къ общему возстанію свободныхъ германскихъ племенъ противъ римскаго владычества. Это возстаніе Батавовъ началось съ пораженія, нанесеннаго сравнительно слабому римскому войску, какое оставалось въ при-рейнскихъ странахъ. Къ этому возстанію, съ одной стороны, пристали сѣверо-западныя племена свободной Германіи, а съ другой стороны, оно нашло себѣ отголосокъ и въ Галліи, гдѣ разные знатные Кельты, воспитанные на римскій ладъ, мечтали уже о возможности основать въ Галліи самостоятельное государство. Однакоже, въ Галліи мнѣнія на этотъ счетъ очень расходились. Партія мира совершенно справедливо утверждала, что Галлія обязана римскому господству по крайней мѣрѣ однимъ: миромъ и порядкомъ въ странѣ, которая передъ тѣмъ была терзаема непрерывными войнами. Другіе утверждали даже, что стоитъ только устранить римское господство и по всей землѣ начнется общая война между всѣми народами. Вообще говоря, уже и съ самаго начала возстанія, между Галлами и Германцами, да и въ собственной средѣ обоихъ народовъ, не было надлежащаго единства, а между тѣмъ та усобица, которая происходила на римской сторонѣ, окончилась гораздо скорѣе, нежели возставшіе могли ожидать. Едва только Веспасіанъ вступилъ во власть, какъ уже отправилъ на Сѣверъ отличнаго полководца *Петилія Цереала*, который нашелъ тамъ уже значительную

перемѣну въ общемъ настроеніи. Важный римскій городъ *Колонія* (Кёльнъ) перешелъ на сторону возставшихъ, которые приписывали этотъ переходъ прямо волѣ боговъ, и, въ особенности, бога войны. Однакоже римская партія, опиравшаяся на весьма вѣскіе интересы, была все же сильна, и вскорѣ тамъ произошелъ переворотъ, вслѣдствіе котораго городъ вновь отпалъ отъ Германцевъ. Война длилась еще нѣсколько времени, и въ ней нѣкоторую роль играла Велледа, прорицательница въ странѣ Бруктеровъ. Наконецъ, Батавамъ и самимъ надоѣла война: они пришли къ тому убѣ-



Разрѣзъ Колизея.

жденію, что *одной* націи не подъ силу сломить иго рабства, охватывающее весь міръ; наконецъ, дѣло дошло до переговоровъ между Цивилисомъ и Цереаломъ, и упорная война была закончена почетнымъ миромъ. Миру всѣ были рады, и одинъ изъ батавійскихъ вельможъ выразился о немъ, что хотя онъ и не доставляетъ Батавамъ полной свободы, но все же — ужъ если она не достижима — даетъ имъ такое положеніе, которое немногимъ хуже свободы.

Правленіе Веспасіана.

Кромѣ этихъ двухъ войнъ, правленіе Веспасіана прошло мирно. По-видимому, соглашеніе, состоявшееся между Веспасіаномъ и Сенатомъ, оказывало свое дѣйствіе: въ немъ права высшей власти были точнѣе установлены и такимъ образомъ, послѣ паденія Цесаревой династіи, государству была вновь дана прочная правовая основа, а потому согласіе между представителями высшей государственной власти могло быть ничѣмъ не нарушаемо. Особенно удачно съумѣлъ Веспасіанъ возвратить войска къ подобающему имъ положенію въ государствѣ, хотя въ послѣдніе годы они и постигли значеніе своей силы; въ то же время онъ привелъ въ порядокъ и финансы, сильно потрясенные смутами послѣднихъ лѣтъ. Самъ онъ былъ привыченъ къ весьма умѣренному и простому домашнему быту, и единственный укоръ, какой могли взвести на него злые языки столичной молвы, заключался въ томъ, что онъ свою мѣщанскую бережливость переносилъ изъ домашняго обихода и въ самую область государственнаго управленія: смѣялись преимущественно надъ тѣмъ, что онъ не брезгалъ нѣкоторыми статьями доходовъ. Но эти насмѣшники были несправедливы: онъ выказывалъ себя щедрымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о полезныхъ затратахъ или же о такихъ, которыя могли доставить занятіе толпѣ. Онъ первый назначилъ въ Римѣ риторамъ содержаніе отъ казны, т. е. придалъ государственное значеніе высшему образованію; ему же принадлежитъ постройка громаднаго амфитеатра, *Колизея*, вмѣщавшаго въ себѣ 87,000 зрителей,—этотъ величавый и несокрушимый памятникъ Веспасіанова правленія. Въ особенности же благодѣтельно вліяло на всѣхъ его личное отношеніе къ занимаемому имъ высокому положенію и чрезвычайная простота его собственной жизни. При немъ наступила реакція противъ роскоши, достигшая при Цесарѣ до невѣроятнаго безумія въ высшихъ классахъ,— и эта реакція держалась довольно долго.

Титъ, 79. Домиціанъ, 81.

По кончинѣ Веспасіана, въ 79 году, сынъ его *Титъ* продолжалъ править государствомъ совершенно въ духѣ отца; до вступленія своего во власть, онъ велъ жизнь довольно разгульную, но совершенно измѣнилъ образъ жизни, принявъ бразды правленія; при этомъ, по сравненію съ отцомъ своимъ, онъ обладалъ важнымъ преимуществомъ: былъ чрезвычайно пріятенъ и привѣтливъ въ личныхъ сношеніяхъ. Большія общественныя бѣдствія, въ родѣ, напримѣръ, перваго изверженія Везувія въ августѣ 79 года, при которомъ были залиты лавою и засыпаны пепломъ города Геркуланумъ и Помпея, дали ему полную возможность выказать свое милосердіе и готовность оказать помощь страждущимъ. Къ несчастію, правленіе Тита продолжалось всего два года. По смерти его, ему наслѣдовалъ третій изъ Флавіевъ—его братъ, *Домиціанъ* (81—96). Его вступленіе во власть было встрѣчено съ недовѣріемъ; онъ не съумѣлъ поддержать хорошихъ отношеній къ Сенату и больше старался повернуть дѣло на старую дорогу первыхъ Цесарей. Его обвиняютъ въ томъ, что его подозрительность побуждала его къ жестокостямъ; доносчики опять выступили на первый планъ, и самъ императоръ находилъ постыдное наслажденіе въ личномъ присутствіи при казняхъ. О немъ разсказываютъ, что онъ тщательно изучалъ бумаги Тиберія, и вѣроятно изъ чтенія актовъ

этого весьма способнаго правителя вынесъ кое-что и разумное. Во время его правленія, внѣшняя политика опять стала обращать на себя преимущественное вниманіе. Въ 84 году онъ предпринялъ походъ противъ германскаго племени Хаттовъ и праздновалъ окончаніе его тріумфомъ. Ему же приписываютъ нѣкоторое округленіе границъ и усовершенствованіе пограничныхъ укрѣпленій. *Кн. Юлій Агрикола*, намѣстникъ *Британніи*, правившій этой провинціей съ 78 года, значительно расширилъ предѣлы римскаго владычества и задумывалъ уже овладѣть и островомъ Гиберніей (Ирландіей). Но Домиціанъ, дѣйствуя въ данномъ случаѣ, можетъ-быть, по принципамъ Тиберія и не терпѣвшій около себя никакой выдающейся личности,—отозвалъ Агриколу изъ Британніи, и тотъ въ 93 г. скончался въ опалѣ.

Титъ. Мраморная статуя въ Ватиканѣ.

Внѣшняя политика: война съ Даками. Гибель Домиціана.

Особенно затруднительно было положеніе Римлянъ на Дунаѣ. Вся мѣстность на сѣверъ отъ средняго теченія Дуная, на востокъ отъ рѣки Тиссы до самаго Чернаго моря, которую Римляне обозначали подъ общимъ названіемъ *Дакіи*, была заселена нѣкоторымъ числомъ племенъ, которыя, взирая на римское единство и могущество, задумали тоже соединиться въ одно государство, какъ нѣкогда Арминій задумывалъ слить во-едино племена германскія. Уже во времена Августа ихъ пришлось съ праваго берега Дуная, изъ Мизіи, вновь вытѣснять на лѣвый берегъ: теперь, предводимые королемъ своимъ *Децебаломъ*, они вновь попытались утвердиться въ Мизіи, по сю сторону рѣки. Нѣсколько лѣтъ борьба съ ними велась съ перемѣннымъ счастьемъ, и, наконецъ, *Домиціанъ* (послѣ неудачной кампаніи противъ южно-германскихъ племенъ, *Маркоманновъ*) самъ отправился къ войску въ Мизію и заключилъ съ Децебаломъ миръ; этотъ договоръ, который онъ съумѣлъ ознаменовать блестящимъ тріумфомъ и присоединеніемъ къ имени своему титула *Дакійскаго* (Dacicus), былъ въ сущности не болѣе, какъ денежною сдѣлкою, на которую пожалуй можно даже смотрѣть какъ на тайную уплату условленной дани (90 г.). При всемъ этомъ отношенія Сената къ Домиціану не улучшались. Сенатъ находилъ, что онъ черезчуръ балуетъ солдатъ; и весьма легко можетъ быть, что онъ въ войскѣ искалъ себѣ той точки опоры, которую уже не находилъ въ кружкѣ сенаторовъ. Трудно рѣшить, кто именно былъ болѣе виновенъ въ этихъ несогласіяхъ между императоромъ и Сенатомъ; но

Домиціанъ. Античная мраморная статуя въ Ватиканскомъ музеѣ.

вскорѣ образовался противъ него заговоръ, въ которомъ приняла участіе и его супруга. Въ сентябрѣ 96 года, къ великому удовольствію Сената и значительной доли гражданъ, Домиціанъ палъ жертвою заговора; и всюду съ радостью были разбиваемы его статуи и медальоны, съ ненавистнымъ его изображеніемъ.

Нерва, 96 г. На этотъ разъ дѣло было хорошо подготовлено: у заговорщиковъ подъ руками былъ въ самомъ Сенатѣ весьма почтенный мужъ *М. Кокцэй Нерва*, готовый принять на себя труды правленія и вести его въ духѣ сенатскаго большинства. Нерва происходилъ изъ семьи, которая уже дала многихъ сановниковъ на службу государственную; однакоже, онъ не могъ достигнуть никакого вліятельнаго положенія; вотъ почему, побуждаемый съ одной стороны Сенатомъ къ насильственнымъ мѣрамъ противъ всего, что связано было съ послѣднимъ правленіемъ, онъ, въ то же время, вынужденъ

былъ предоставить, на произволъ недовольныхъ преторіанцевъ, тѣхъ убійцъ Домиціана, которымъ былъ обязанъ своею властью. Ему было въ это время уже 64 года; особеннымъ честолюбіемъ онъ не отличался, и самою большою заслугою его было именно то, что онъ усыновилъ и приблизилъ къ себѣ лучшаго и замѣчательнѣйшаго изъ современныхъ дѣятелей—*М. Ульпіана Траяна*, командовавшаго легіонами на Рейнѣ.

Изображеніе Домиціана на серебряной монетѣ 85 г. На оборотной сторонѣ Римъ, со сциптромъ и статуей побѣды на рукѣ. Подъ лѣвою рукою Рима — щитъ, поддерживаемый плѣннымъ германцемъ.

Этотъ человѣкъ—представляющій собою въ высшемъ развитіи типъ, вызванный къ жизни новымъ порядкомъ вещей, начавшимся со временъ Августа—былъ однимъ изъ величайшихъ правителей, какіе когда-либо являлись въ исторіи. Онъ происходилъ изъ семьи, поселившейся въ Испаніи. Когда, въ октябрѣ или ноябрѣ 97 года, Траянъ получилъ извѣстіе объ усыновленіи его Нервой-Цесаремъ, у него было уже свое весьма обильное дѣятельностью и многозначительное прошлое. Родился онъ въ 53 году въ *Италикѣ*, набрался житейской опытности и въ войнѣ, и въ мирѣ, и въ 91 году, въ правленіе Домиціана, былъ уже консуломъ; его авторитетность была уже такъ прочно установлена, что когда его имя было произнесено въ связи съ будущимъ его назначеніемъ—всѣ успокоились, и онъ имѣлъ полнѣйшую возможность довершить свою задачу на Рейнѣ; только уже осенью 99 года (Нерва умеръ въ 98 году) Траянъ лично явился въ Римъ. Намъ сохранилась небольшая частица его корреспонденціи съ однимъ изъ его высшихъ сановниковъ—120 писемъ и записокъ, изъ того времени, когда этотъ сановникъ, *Плиній Младшій* (К. Цецилій Плиній Второй), управлялъ необширною и не очень важною провинціею—Виѳиніей. Этого небольшого отрывка его переписки достаточно, чтобы дать намъ понятіе о его предусмотрительности, о его практическомъ и здравомъ умѣ, и въ то же время о его справедливости и гуманности, а въ особенности о громадномъ объемѣ его административной дѣятельности. Строгій приверженецъ законовъ, Траянъ въ то же время былъ человѣкомъ энергическимъ и доброжелательнымъ, и какъ ни вычурны похвалы, расточаемыя ему Плиніемъ въ извѣстныхъ панегирикахъ, Траянъ и въ этомъ произведеніи предстаетъ передъ нами во всей простотѣ великаго человѣка, который всѣ силы своего несравненнаго царства умѣетъ привести въ тѣснѣйшее соотношеніе, умѣетъ оживить ихъ, и своимъ собственнымъ примѣромъ пробудить во всѣхъ благороднѣйшее соревнованіе. Плиній не преувеличиваетъ, выставляя на видъ, что «только теперь можно радоваться громадности римскаго могущества—теперь, когда во главѣ государства стоитъ правитель, который умѣетъ распредѣлять изобиліе отдѣльныхъ странъ, перенося его избытки туда, гдѣ въ нихъ могла быть

Траянъ, 98. Его правленіе.

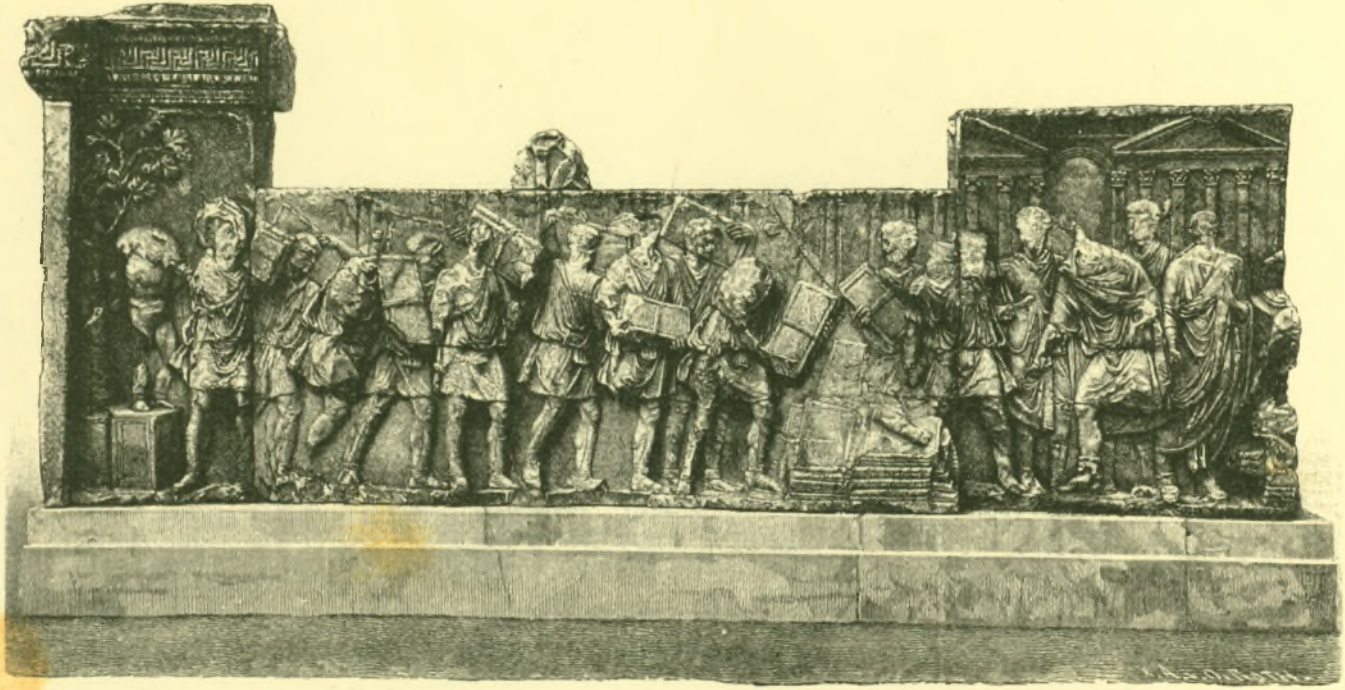
Траянъ. Античная мраморная статуя въ Національномъ музеѣ въ Неаполѣ.

нужда» *). Да и во всѣхъ письмахъ панегириста представляется намъ утѣшительная картина многосторонней культурной работы, совершавшейся всюду, при чемъ не были упущены изъ вида и заботы о бѣдныхъ, о благотворительныхъ и всякаго рода иныхъ полезныхъ заведеніяхъ. Самъ императоръ побуждалъ всѣхъ къ такого рода дѣятельности, учрежденіемъ въ Италіи большого благотворительнаго заведенія для *пропитанія нуждающихся дѣтей*.

Войны Траяна.

Идеальное значеніе Траяна, какъ правителя римскаго государства, дополнялось еще тѣмъ, что онъ былъ и воиномъ замѣчательнымъ, и въ качествѣ воина способствовалъ разрѣшенію послѣднихъ военныхъ задачъ, какія еще представлялись государству. Такъ, въ 101—106 годахъ разрѣшилъ онъ Дакійскій вопросъ: нѣсколькими послѣдовательными походами онъ довелъ Децебала Дакійскаго до того, что тотъ, не предвидя возможности продолженія борьбы, самъ лишилъ себя жизни; и вся страна Даковъ,

*) Плиній этими словами намекаетъ на тотъ случай, когда заботами Траяна былъ отвращенъ голодъ, грозившій Египту.

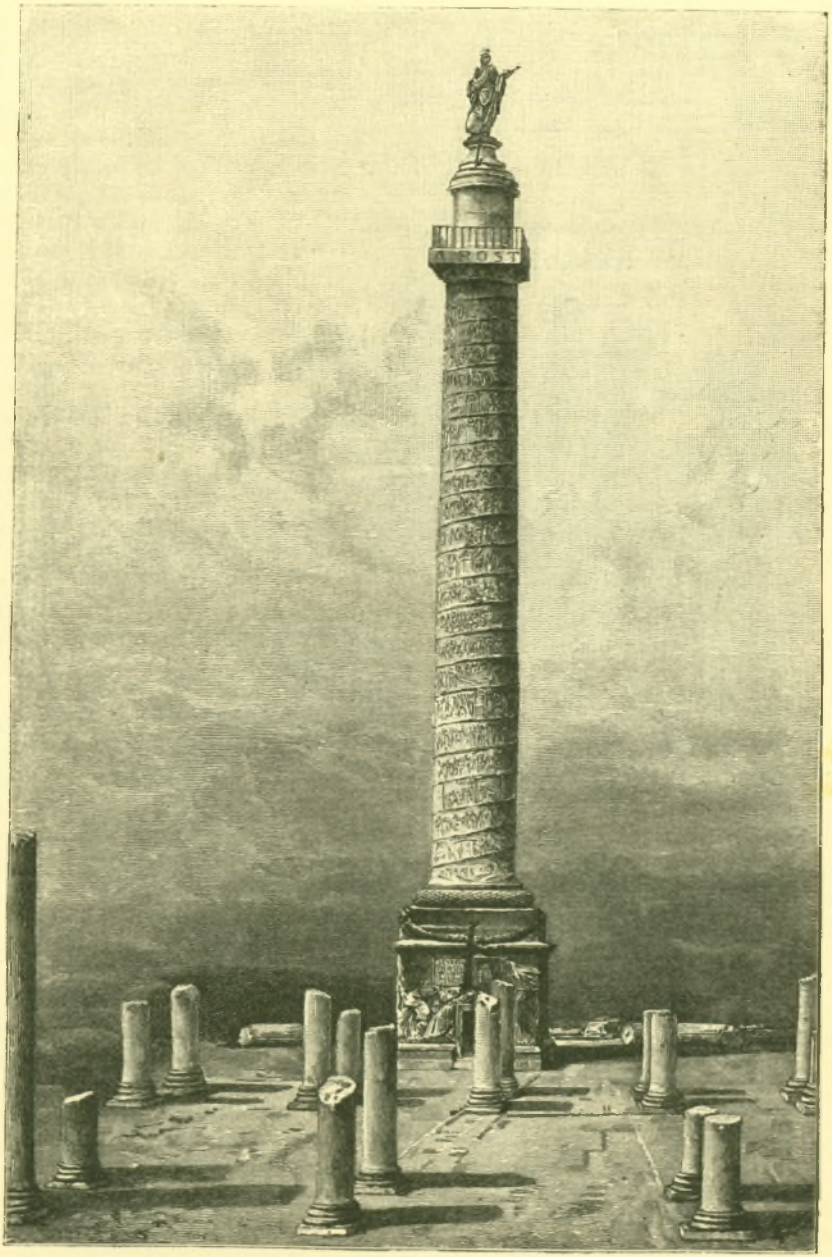


Мраморный рельефъ на форумѣ.

Ликторы сносятъ для сожженія связки документовъ по тѣмъ государственнымъ податямъ, отъ которыхъ императоръ Траянъ избавилъ свой народъ.

соединенная съ Мизіей (на южномъ берегу Дуная) посредствомъ постояннаго моста, могла быть обращена въ провинцію. Въ томъ же году (106), когда въ Римѣ праздновали эту успѣшно-оконченную войну, одинъ изъ легатовъ Траяна покорилъ *Каменистую Аравію* и обратилъ ее въ римскую провинцію. Эти войны въ двухъ противуположныхъ концахъ государства нимало не препятствовали мирнымъ занятіямъ: постройкамъ, водопроводамъ, улучшенію и усовершенствованію торговыхъ путей, рѣшенію безчисленныхъ мѣстныхъ вопросовъ во всѣхъ провинціяхъ: все шло своимъ чередомъ, и провинціи все тѣснѣе и тѣснѣе сживались съ духомъ, законами и обычаями римскаго государства. Въ 113 году Сенатъ и народъ римскій воздвигли въ честь своего великаго государя ту колонну, которая и донынѣ украшаетъ устроенный Траяномъ форумъ, возвѣщая и современному поколѣнію о его славѣ. Въ 114 году онъ двинулся въ походъ противъ давняго врага Римлянъ—противъ Парѳянъ—собираясь съ ними свести старые счеты. Онъ и *Арменію*, и *Месопотамію* обратилъ въ римскія провинціи. Въ 116 году онъ завоевалъ Ктезифонъ; среди этихъ войнъ ему пришлось заботиться и объ удовлетвореніи нуждъ населенія Сиріи, которая около этого времени пострадала отъ страшнаго землетрясенія. Послѣ того, какъ онъ возвелъ въ цари парѳянскіе одного изъ ихъ князей—Парѳанаспата, онъ вернулся въ Антіохію, гдѣ находилась его главная квартира во время этой войны; неподалеку оттуда разразилось бѣшеное возстаніе Іудеевъ, о которомъ разсказываютъ самые невѣроятные ужасы; передавъ начальство надъ войсками своему родственнику Элію Адріану, онъ собрался уѣхать въ Италію, но уже не могъ туда доѣхать: онъ умеръ въ *Селинунтѣ* (въ Киликіи) въ августѣ 117 года.

Адріанъ, 117. Будучи бездѣтнымъ, Траянъ усыновилъ *П. Элія Адріана*, въ качествѣ своего наслѣдника (117—138 гг.). Самый актъ усыновленія его относится едва-ли не къ послѣднимъ днямъ жизни Траяна. Сенатъ поспѣшилъ признать новаго правителя, который, подобно своему предшественнику, съумѣлъ поддержать добрыя отношенія къ Сенату. Конечно, мудрено было замѣнить такого государя какъ Траянъ—«быть лучше Траяна», какъ обычно желали позднѣйшимъ императорамъ при ихъ вступленіи въ правленіе. Однако, все же Адріанъ былъ человѣкъ даровитый и многосторонній и умѣлъ ознаменовать свое правленіе важными и своеобразными заслугами. Отъ завоеваній своего предшественника онъ весьма благоразумно отказался; съ Парѳянами вступилъ въ договоръ, и снова стянулъ римскія войска за Евфратъ, который на будущее время долженъ былъ служить юго-восточной границей государства; Арменія была вновь предоставлена во власть царя изъ дома Арзакидовъ, правившаго страной въ качествѣ римскаго вассала; за то Адріанъ обратилъ все свое вниманіе на усиленіе системы громадныхъ пограничныхъ укрѣпленій, въ Германіи и Британніи. Правленіе его было чисто личнымъ, и онъ не жалѣлъ своихъ силъ на выполненіе своихъ обязанностей; безпрестанно видимъ его въ разъѣздахъ, постоянно-дѣятельнымъ, постоянно-занятымъ умственно, побуждающимъ и другихъ работать по всѣмъ направленіямъ своей необычайно-многосторонней натуры: въ 119 и 121 годахъ мы видимъ его въ Галліи и на Рейнѣ, весною 122—въ Британніи, въ 123—въ Испаніи, а



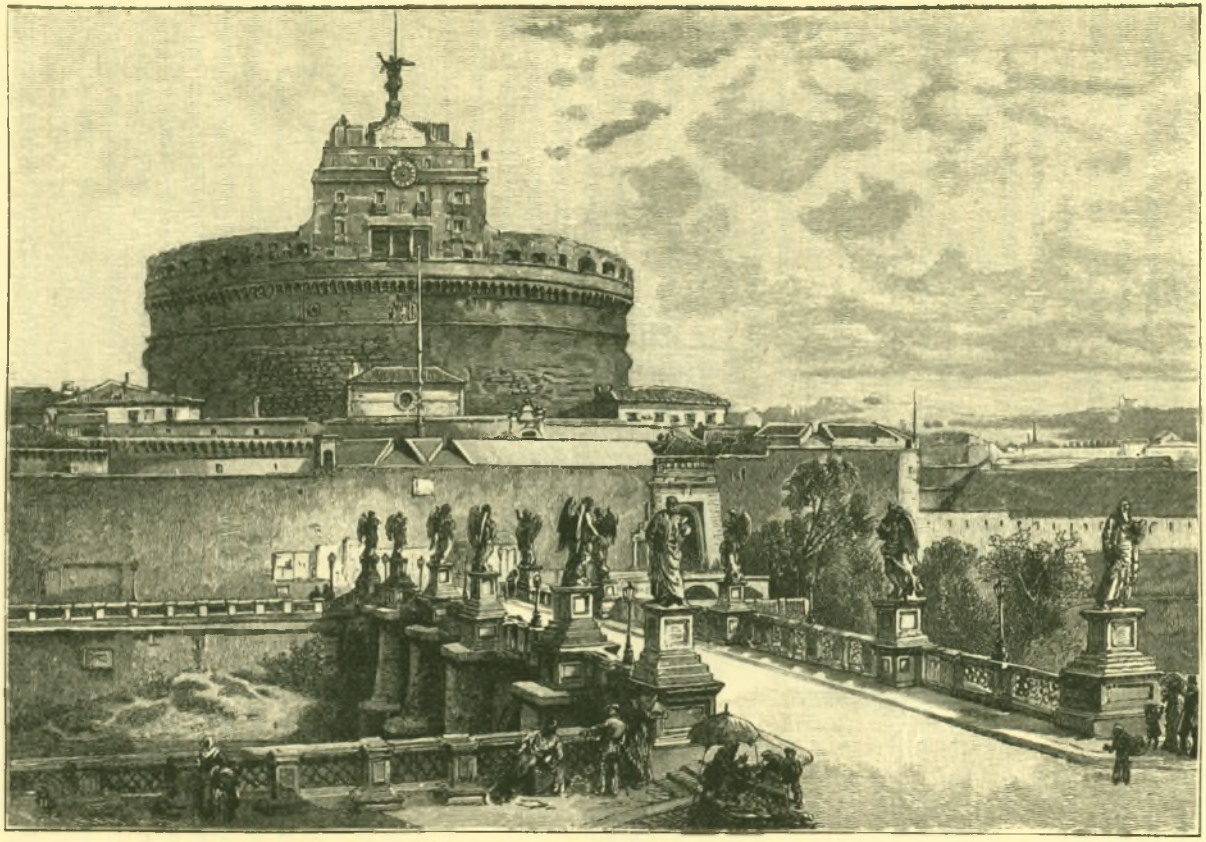
Траянова колонна въ Римѣ въ ея нынѣшнемъ состояніи.

нѣкоторое время даже и въ Мавританіи, въ 123—124 годахъ онъ странствуетъ изъ конца въ конецъ Малой Азіи, до самаго Евфрата; лѣтомъ 125—мы встрѣчаемъ его въ Аѳинахъ, потомъ, въ 126—въ Римѣ, затѣмъ, на короткое время онъ появляется въ Африкѣ, въ 129—опять на Востокѣ, въ Аѳинахъ, въ Александріи. Повсюду онъ оставлялъ слѣды своей дѣятельности, въ особенности же любилъ постройки; въ 132 году, послѣднее возстаніе Іудеевъ (окончательно подавленное только въ 135 году) подало ему поводъ увѣковѣчить свое имя и на этой территоріи, гдѣ онъ основалъ новую римскую колонію, *Элію Капитолійскую*, въ которой на мѣстѣ древняго храма Іеговы заложилъ громадный храмъ Юпитера. Эти далекія путешествія Адріана имѣли, конечно, громадное значеніе: чѣмъ болѣе, подъ вліяніемъ мира, распространялось всюду высшее образованіе, и города, подобные Аѳинамъ или Александріи, вновь достигали извѣстнаго рода процвѣтанія, тѣмъ болѣе пріобрѣтала значенія провинціальная жизнь, и единственнымъ дѣйствительнымъ центромъ всеобщаго единенія являлся императоръ. Съ 134 года Адріанъ не выѣзжалъ изъ Рима; его тревожная дѣятельность угомонилась. Изъ его построекъ выдающееся мѣсто занимаютъ его мавзолей (нынѣшняя крѣпость Св. Ангела) и его вилла въ Тибурѣ; но онъ обращалъ вниманіе и на другія области общественной жизни. Онъ умѣлъ вникнуть въ интересы и потребности военнаго быта, въ правосудіе, въ подробности управленія, въ финансы; гуманный указъ, отнимающій у рабовладѣльцевъ право надъ жизнью и смертью своихъ рабовъ, характеризуетъ и самого Адріана, и его время, на которомъ уже болѣе и болѣе начинало становиться замѣтнымъ вліяніе христіанскихъ идей. И Адріанъ также, не имѣя прямыхъ наслѣдниковъ, долженъ былъ озаботиться объ усыновленіи лица, которому бы могъ передать свою власть. Первый избранникъ его умеръ еще при жизни Адріана. Затѣмъ, въ 138 году, его выборъ, при назначеніи себѣ преемника, палъ весьма удачно на всѣми уважаемаго представителя знатной фамиліи Авреліевъ, *Т. Аврелія*, котораго онъ и усыновилъ, подъ условіемъ, что и тотъ, въ свою очередь, долженъ усыновить другого, не менѣе способнаго и прекраснаго человѣка,—*М. Аннія Вера* (позднѣе извѣстнаго подъ именемъ Марка Аврелія).

Адріанъ. Античный мраморный бюстъ Ватиканскаго музея.

Антонинъ Благочестивый, 138. Маркъ Аврелій.

Такимъ образомъ, когда Адріанъ, послѣ тяжкихъ страданій, скончался въ Баяхъ (мѣсто купанья въ Кампаніи), ближайшее будущее римскаго государства было обезпечено правителями: монархическое правленіе было



Мавзолей Адріана, нынѣшній замокъ Сантъ-Анджело въ Римѣ.

вполнѣ прочно установлено, и средину II вѣка по Р. Хр. слѣдуетъ именно считать временемъ процвѣтанія римскаго государства. О первомъ изъ двухъ Антониновъ, Т. Авреліи Антонинѣ, иначе: *Антонинѣ Благочестивомъ*, вступившемъ во власть на 51 году жизни и правившемъ отъ 138—161 гг., до насъ дошло весьма мало свѣдѣній; очень далекій отъ тревожной и разносторонней дѣятельности своего предшественника, онъ всю жизнь прожилъ въ Римѣ и Италіи; но и на дальнѣйшія провинціи, при какихъ бы то ни было общественныхъ бѣдствіяхъ, проливались его благодѣянія, всѣмъ и всюду напоминая объ общей связи съ могущественною римскою имперіею, управляемою благороднымъ правителемъ. Потомство единогласно восхваляетъ Антонина*). Современники говорили, что при Антонинѣ Римъ вернулся къ временамъ Нумы — баснословнаго царя, который въ древне-римскихъ сказаніяхъ представляется идеаломъ государя: — въ такой полной гармоніи являлись всѣ качества въ этомъ рѣдкомъ человѣкѣ, который притомъ былъ весьма простъ въ обращеніи со всѣми, удивительно добросовѣстенъ и при этомъ мягокъ и доброжелателенъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ это время задачи управленія государствомъ были болѣе чѣмъ когда-либо затруднительными; оно именно теперь достигло своего наибольшаго распространенія и по размѣрамъ своимъ едва-ли имѣетъ подобное себѣ государство въ средѣ нынѣ извѣстныхъ. На крайнемъ сѣверо-западѣ, въ Британніи, римское владычество распространилось до крайнихъ предѣловъ:—эти предѣлы указываются намъ гробницею римскаго солдата, отысканною сѣвернѣе шотландскаго городка Стирлинга. Оттуда и до устьевъ Рейна, и по этой рѣкѣ вверхъ

Антонинъ Благочестивый. Античный мраморный бюстъ въ Національномъ музеѣ въ Неаполѣ.

*) Несущественною, но все же весьма знаменательною чертою этого правленія слѣдуетъ считать тотъ любопытный фактъ, что, начиная отъ 140—159 г., постъ префекта преторіанцевъ былъ занятъ однимъ и тѣмъ-же лицомъ.

до Кобленца — шла римская граница въ юго-восточномъ направленіи; отсюда, слѣдуя линіи укрѣпленій Адріана, она уклонялась отъ Рейна къ Дунаю, въ который упиралась немного выше нынѣшняго Регенсбурга; далѣе она слѣдовала по теченію этой рѣки до того мѣста, гдѣ рѣка круто поворачиваетъ на югъ; простираясь далѣе по прямому направленію, она переходила черезъ Карпаты и упиралась здѣсь въ сѣверо-западный уголъ Чернаго моря, бассейномъ котораго и заканчивалась сѣверо-восточная окраина громадной территоріи римскаго государства. Евфратъ и пустыня Аравійская составляли юго-восточную границу, линія которой отсюда, загибая на западъ, охватывала все сѣверо-африканское побережье, и, достигнувъ океана, тянулась по прибрежьямъ Испаніи, Галліи и Британніи, и заканчивалась на сѣверо-западѣ въ окрестностяхъ нынѣшняго Глазгова.

Общее положеніе имперіи.

Никогда еще, на всемъ пространствѣ исторіи человѣческаго рода, такая громадная часть его не входила въ составъ *одного* обширнаго царства; и это необъятно обширное царство, вотъ уже въ теченіе двухъ вѣковъ, пользовалось, въ общемъ, почти непарушимымъ миромъ, и всѣ многоразличныя его части могли свободно обмѣниваться своими произведеніями, своими товарами и своими мыслями. Всѣ давно уже привыкли пересказывать исторію этихъ вѣковъ, какъ исторію царства, клонящагося къ упадку и распаденію, и не можетъ подлежать никакому сомнѣнію то, что у всѣхъ, даже и у самыхъ блестящихъ періодовъ въ исторіи человѣчества, есть свои рѣзкія тѣни. Но все же это *государство Римское* — Imperium Romanum—есть величавѣйшее изъ всѣхъ міровыхъ государствъ, какія до того времени возникали, да и долгое время спустя оно не имѣло себѣ подобныхъ; мало того, еще очень долгое время послѣ описываемаго нами періода, говоря о римскомъ государствѣ, мы должны будемъ болѣе говорить объ его процвѣтаніи и прогрессѣ, нежели объ упадкѣ и разрушеніи. Этотъ міръ народовъ обладалъ несомнѣннымъ, для всѣхъ одинаково общимъ центромъ въ Римѣ, который многіе совершенно вѣрно называютъ то вѣчнымъ, то величественнымъ, то царственнымъ или золотымъ Римомъ. И дѣйствительно, впечатлѣніе, которое городъ производилъ на чужестранца, было поразительное, хотя городъ и не обладалъ такими роскошными улицами, какъ Александрія или Антіохія: — Римъ представлялся каждому міровою гостинницею, переполненною громаднымъ наплывомъ иноземцевъ, съ почти двухмилліоннымъ населеніемъ, съ вѣчною суетолокою на главныхъ улицахъ города. Здѣсь стекались всѣ извѣстія и новости, всѣ достопримѣчательности природы и человѣчества. Большіе сады и парки прерывали и разнообразили всюду нагроможденныя массы домовъ. Центромъ этого мірового, срединнаго города былъ дворъ Цесарей и дворецъ ихъ, возвышавшійся на господствующемъ среди другихъ Палатинскомъ холмѣ, у подошвы котораго простирался *Forum Romanum*. Характеръ власти Цесарей естественно становился все болѣе и болѣе монархическимъ: съ теченіемъ времени выработался и церемоніалъ, создалась и придворная клика, и міръ придворной челяди, и даже самые друзья Цесарей стали подраздѣляться на принадлежащихъ къ первой категоріи и такихъ, которые принадлежали ко второй категоріи. Въ осо-

бенности строго соблюдалось при этомъ дворѣ то различіе сословій,—сенаторы, всадники, плебеи,—которое давно уже утратило всякое значеніе въ смыслѣ политическомъ. Число старыхъ сенаторскихъ фамилій значительно уменьшилось и императорамъ очень часто приходилось изъ своей казны поддерживать обѣднѣвшихъ потомковъ старинной знати, у которыхъ состоянія не хватало уже и для минимума сенаторскаго ценза (т. е. не было даже и 1.000,000 сестерцій); съ другой стороны новѣйшіе выскочки изъ силъ выбивались, чтобы возвести свое родословное древо до царя Нумы, или до какого-нибудь иного италійскаго царька, или же старались обратить на себя вниманіе иными способами: пожертвованіями на народныя нужды, устройствами игръ, угощеніемъ множества кліентовъ, или же добивались какой-нибудь курульской должности, довольствуясь даже и одними ея внѣшними знаками, а не то пріобрѣтали на италійской территоріи богатое земельное владѣніе—лишь бы придать себѣ видъ знатныхъ господъ и пользоваться почетомъ знатныхъ. Сенаторъ былъ обязательно гражданиномъ Рима; всадники же вовсе не были обязаны непремѣнно жить въ Римѣ и вообще были свободны въ выборѣ дѣятельности и занятій: торговля, промышленность, всякія мѣста и должности были открыты для римскаго всадника (eques romanus); въ этомъ сословіи было множество богачей и оно доставляло своимъ сочленамъ много такихъ преимуществъ, которыя были гораздо цѣннѣе золотого кольца или пурпурной каймы на тогѣ, или даже привилегированнаго мѣста въ театрѣ. Что же касается третьяго сословія, то упоминаніе о немъ тотчасъ приводитъ на память все разнообразіе тѣхъ жизненныхъ положеній и заработковъ, которые представлялись для этого сословія въ римской жизни: отъ нищенства въ его разнообразныхъ, болѣе или менѣе пристойныхъ формахъ, до мелкой торговли и ремеслъ, съ ихъ развѣтвленіями; а затѣмъ музыка, учительство, художества, врачебное искусство, или же земледѣліе, заморская торговля, военная служба, всякія низшія служебныя должности, — вотъ то поприще, на которомъ свободно и безпрепятственно дѣйствовало плебейское сословіе, предлагая свою работу тамъ, гдѣ въ ней было болѣе спроса и гдѣ за нее дороже платили.

Путешествія и иныя сношенія.

Величіе римской имперіи выказывалось главнымъ образомъ въ полной безопасности сношеній съ одного конца свѣта на другой и въ постоянно оживленномъ обмѣнѣ товаровъ и всякихъ произведеній, не исключая духовныхъ и умственныхъ. И дѣйствительно, въ описываемое нами время, какъ сухопутные, такъ и морскіе пути были всюду несравненно болѣе безопасны, чѣмъ когда-либо. И пиратство, и разбойничество, въ большихъ размѣрахъ, какъ выгодный промыселъ, повсемѣстно совсѣмъ исчезли, хотя, конечно, были возможны частные случаи и того, и другого. Особенно страннымъ представляется намъ то, что государственная почта, со всѣми своими главными и второстепенными станціями, предназначена была только для службы общественной, а не для частныхъ сношеній; но все же эти сношенія облегчались превосходными дорогами, которыя пролегали непрерывными линіями и черезъ высокія горы, и черезъ самыя широкія рѣки, и всюду были обставлены удобствами для проѣзжающихъ и даже изрядными гостинницами, въ которыхъ, впрочемъ, достаточные люди не останавлива-

лись, всюду пользуясь чрезвычайно развитою системою обоюднаго гостепріимства. И къ путешествіямъ въ это время побуждали уже не только оживленныя торговыя сношенія и непосредственная нужда: многіе путешествовали уже изъ удовольствія, какъ туристы, или ради перемѣны климатическихъ условій. Только поѣздки въ горы не были у древнихъ обычными: они предпочитали въ природѣ пріятное и уютное всему возвышенному и мрачному; и духъ изслѣдованія также не былъ еще въ нихъ достаточно развитъ. Но за то историческая любознательность была сильно развита и находила себѣ полное удовлетвореніе при путешествіи по Греціи и Египту: словоохотливые проводники и тогда, какъ въ настоящее время, пользуясь легковѣріемъ заѣзжихъ чужеземцевъ, показывали имъ много разныхъ диковинокъ. Такъ, напримѣръ, на священномъ городищѣ древняго Иліона указывали мѣсто, гдѣ Ганимедъ вознесенъ былъ орломъ на Олимпъ, или жертвенникъ, на которомъ Пріамъ былъ убитъ; въ Херонѣ желающіе могли видѣть скипетръ Агамемнона, а въ Сикіонѣ—знаменитую ткань Пенелопы, либо клочокъ кожи, содранной Аполлономъ съ Марсія; а въ фокейскомъ городкѣ Панопеѣ—даже комокъ той самой глины, изъ которой нѣкогда Прометей создалъ перваго человѣка! Истинное пристрастіе къ художествамъ въ путешествіяхъ Римлянъ играло лишь весьма второстепенную роль.

Это, впрочемъ, было вовсе не удивительно: хотя греческій геній уже издавна вліялъ на Римлянъ—вкусы обоихъ народовъ были совершенно различными, и это яснѣе всего выказывалось въ ихъ *играхъ и зрѣлищахъ*. Театръ и драматическія представленія занимали въ столицѣ видное мѣсто: но большинство публики забавлялось преимущественно грубыми, пошлыми, а нерѣдко и безнравственными фарсами ателлановъ, а на большія представленія привлекаемо было скорѣе роскошною обстановкою, нежели содержаніемъ пьесъ. Очень небольшой кружокъ избранныхъ и образованныхъ людей способенъ былъ оцѣнить трагедію, да еще и изъ нихъ многіе предпочитали тѣ интермедіи и пантомимы на весьма пикантные сюжеты (напримѣръ, въ родѣ суда Париса), которыми представленія сопровождались. И чисто греческія народныя гимнастическія игры, до императора Коммода, не прививались въ Римѣ. Любимымъ зрѣлищемъ римской публики въ эти времена были скачки на колесницахъ въ циркѣ, травли звѣрей и бои гладіаторовъ въ амфитеатрѣ. При этихъ представленіяхъ столичная публика болѣе всего наслаждалась зрѣлищемъ своего всенароднаго множества, а въ томъ великолѣпіи и расходахъ, которыхъ Цесари не жалѣли на эти представленія, толпа видѣла нѣчто въ родѣ вниманія и даже преклоненія передъ нею, передъ тѣмъ *populus Romanus*, который здѣсь, послѣ уничтоженія комицій, наслаждался еще послѣднею тѣнью сознанія своего величія. Что же касается до увлеченія, возбуждаемаго въ публикѣ скачкою колесницъ, знаменитыми конями, ѳессалійской, испанской, гирпинской или сицилійской ихъ выѣздкой, самими возницами и разноцвѣтными отличіями ихъ одеждъ,—то это увлеченіе доходило до болѣзненной страсти даже и въ средѣ высшихъ классовъ римскаго общества. Люди изъ себя выходили, горячо вступаясь за того или другого изъ ѣздоковъ и предлагая заклады за синяго и зеленаго, за бѣлаго и краснаго,

Игры.

и даже тѣ, въ душу которыхъ уже запали сѣмена христіанства, не могли противостать этому очарованію. Такимъ же обаяніемъ пользовались бои со звѣрями и травли звѣрей, для которыхъ непрерывно шли цѣлые транспорты звѣрей изо всѣхъ провинцій; сохранилось извѣстіе, что во времена императора Тита, въ одномъ только представленіи, участвовало 5.000 иноземныхъ звѣрей, и единственное благо, проистекавшее изъ этого пристрастія римской публики къ кровавымъ зрѣлищамъ, заключалось въ томъ, что, какъ въ Сѣверной Африкѣ, такъ и въ другихъ провинціяхъ, количество дикихъ звѣрей быстро уменьшалось при такомъ массовомъ вывозѣ ихъ въ Италію. Но эта выгода дорого искупалась тѣмъ дурнымъ вліяніемъ, которое подобныя зрѣлища оказывали на характеръ народа. Объ этомъ не трудно судить по тѣмъ слабымъ остаткамъ подобныхъ зрѣлищъ, какіе мы видимъ и понынѣ въ испанскомъ боѣ быковъ. Но все это было ничтожно въ сравненіи съ боями гладіаторовъ, которые начались въ 264 г. до Р. Хр. поединкомъ между тремя парами бойцовъ, а затѣмъ стали все разрастаться и принимать все болѣе и болѣе утонченный характеръ—и, наконецъ, обратились въ любимѣйшее зрѣлище озвѣрѣвшей толпы. Къ великой чести Грековъ служитъ то, что эта омерзительная потѣха, въ которой главный интересъ заключался въ томъ, что дѣло шло о жизни и смерти бойцовъ,—въ Греціи никогда не могла установиться и получить значеніе. Торговля хорошо-подготовленными къ бою гладіаторами шла очень бойко, и среди самихъ рабовъ карьера гладіаторская избиралась весьма охотно, такъ какъ сопряжена была съ хорошимъ содержаніемъ и кормомъ, а при удачѣ обѣщала даже своего рода знаменитость и въ лучшемъ случаѣ богатую награду и освобожденіе отъ рабства. По окончаніи гладіаторскаго боя, послѣ того, какъ среди ликованій безчеловѣчной толпы, нѣкоторое число бойцовъ, еще недавно выступившихъ на арену въ блестящемъ вооруженіи, успѣло уже пасть—на аренѣ являлось нѣсколько человѣкъ въ маскахъ миѳологическаго Харона, перевозчика мертвыхъ, и, подходя поочередно къ убитымъ, испытывали каленымъ желѣзомъ, точно-ли они мертвы, и затѣмъ уже убирали ихъ съ арены.

Роскошь. Эти явленія, конечно, принадлежатъ къ самымъ отвратительнымъ изъ всего, что рабство произвело въ этомъ обществѣ, на которомъ, за многія и многія его прегрѣшенія, уже тяготѣло своего рода проклятіе. Гораздо менѣе основательнымъ представляется намъ другой укоръ, часто обращаемый къ римскому обществу временъ императоровъ, и, во всякомъ случаѣ, заслуженный только наименьшею его частью. Такъ часто порицаемая *роскошь* временъ Цесарей въ общемъ не превосходитъ роскоши нашего времени или даже роскоши европейскаго общества послѣднихъ столѣтій. Высказанное нами—такъ какъ исключительныя безумства не могутъ быть принимаемы за общее правило—относится почти ко всѣмъ проявленіямъ роскоши. Мы укоряемъ Римлянъ въ роскоши ихъ *стола*, а между тѣмъ эта роскошь составляетъ теперь у насъ обыденное явленіе: и они тоже, какъ мы, пользовались удобствомъ торговыхъ сношеній для того, чтобы отовсюду добывать лучшее для праздничнаго или параднаго угощенія; укоряемъ ихъ въ роскоши *одежды* и украшеній, тогда какъ они въ этомъ отношеніи далеко отстали отъ знатныхъ кружковъ христіанскаго общества

въ XVIII, XVII и XVI вѣкахъ; укоряемъ въ роскоши *жилищъ*—виллъ и садовъ, и домашней обстановки, тогда какъ въ этой области они, конечно, далеко отстали отъ нашего XIX столѣтія. Только въ двухъ условіяхъ жизни—одномъ, весьма предосудительномъ, и другомъ, весьма похвальномъ—Римляне дѣйствительно роскошествовали болѣе насъ: у нихъ было болѣе роскоши въ прислугѣ и болѣе роскоши въ отношеніи къ чистоплотности. Роскошь въ прислугѣ обусловливалась рабствомъ, которое, внося нѣкоторыя удобства въ жизнь, сопряжено было съ множествомъ неудобствъ и тягостей; роскошь въ отношеніи къ чистоплотности обусловливалась тѣми громадными купальнями, величавыя развалины коихъ и въ Римѣ, и повсюду служатъ живымъ укоромъ современной Европѣ. Не безъ основанія было многими указано и на то, что низшіе слои общества принимали весьма широкую долю участія въ пользованіи большими состояніями своихъ богатыхъ согражданъ, въ особенности же богатствами Цесарей, такъ какъ ихъ затрачиваніе богатствъ или даже ихъ расточительность носили преимущественно демократическій характеръ. Въ обычаѣ были (упоминаемые во множествѣ) подарки народу, отчасти весьма цѣнные и широко задуманные, и не только въ большихъ, но даже и въ малыхъ городахъ, и это стояло въ тѣсной связи съ тѣмъ, что всѣ жили открыто, не такъ замкнуто какъ теперь, и ближе стояли къ народу.

Искусства.

Что эти первые вѣка нашей эры были временемъ процвѣтанія, въ теченіе котораго ничто не мѣшало мирному и спокойному труду, и путемъ его примѣненія было выработано множество цѣнностей, такъ какъ этому труду не грозили ни опустошенія, ни войны, ни вторженія непріятельскія—это ясно доказывается намъ остатками этого времени: величавыми развалинами въ такихъ мѣстахъ, которыя давно уже обратились въ пустыни, а также и раскопками Помпеи (съ 1721 года), представляющей намъ типъ средняго размѣра городовъ южной Италіи и дающей намъ весьма благопріятное понятіе о благосостояніи и удобствахъ, которыми пользовалась даже и весьма скромная городская община. Замѣтно, что въ устройствѣ внутренняго быта всюду старались подражать Риму:—у каждаго города былъ свой капитолій, свой циркъ, свои термы, свой амфитеатръ; всюду выказывалось нѣкотораго рода однообразіе жизни, которое проявлялось въ художественномъ ея украшеніи и обстановкѣ. И это художество, въ общемъ, не носило уже на себѣ прежній отпечатокъ творческаго, аристократическаго характера; оно какъ бы понизилось уровнемъ и цѣною, но за то тѣснѣе слилось съ жизнью: и надгробные памятники весьма простыхъ людей не обходятся безъ художественнаго украшенія, и всѣмъ живописцамъ и скульпторамъ работы вдоволь. Въ особенности пластическое изображеніе отдѣльныхъ лицъ было въ большомъ ходу. Невѣроятно было количество статуй и бюстовъ тѣхъ Цесарей, которые удостоены были особаго культа; еще болѣе было статуй, воздвигнутыхъ въ честь того или другого лица. Чиновники, провинціальныя товарищества, общины, частныя лица, наперерывъ другъ передъ другомъ, воздвигали эти статуи. Спросъ на такія произведенія былъ великъ и разностороненъ, и, чтобы удовлетворить ему, искусство соединилось съ ремесломъ. Въ этомъ упрощенномъ видѣ искусство распространилось по всему простран-

ству Римской имперіи, проявляясь преимущественно въ воспроизведеніяхъ, въ копіяхъ со старыхъ образцовыхъ произведеній искусства, равномѣрныхъ и въ общемъ исполненіи, и въ техникѣ; только въ Египтѣ, рядомъ съ новѣйшимъ греко-римскимъ искусствомъ, удержалась и древне-египетская школа. Хуже всего раскупались произведенія художества въ *Палестинѣ* и среди іудейства, разсѣявшагося по всему пространству Римскаго государства, такъ какъ, по своимъ религіознымъ воззрѣніямъ, Іудеи враждебно относились къ пластическимъ искусствамъ, которыя, напротивъ того, всюду стояли въ тѣснѣйшей связи съ религіей и поклоненіемъ. Надо замѣтить, однакоже, что въ области искусствъ вообще Греки, попрежнему, занимали первое мѣсто, и только развѣ въ живописи нѣкоторый перевѣсъ былъ на сторонѣ римскихъ дилетантовъ и мастеровъ; интересъ къ искусствамъ въ римскомъ обществѣ долгое время оставался чисто внѣшнимъ— почти роскошью, и Греки, пользуясь этимъ, втайнѣ эксплуатировали невѣжество своихъ богатыхъ римскихъ покровителей, и навязывали имъ весьма посредственныя произведенія искусства, выдавая ихъ за произведенія Поликлета или Мирона. Собственно римскимъ искусствомъ была *архитектура*—искусство практически-полезное, которое, при множествѣ возникающихъ городовъ, при страсти Римлянъ вообще и въ особенности Римскихъ императоровъ къ постройкамъ, всюду находило себѣ весьма обширное примѣненіе.

Изъ остальныхъ искусствъ особеннымъ уваженіемъ въ Римскомъ обществѣ пользовалась *музыка*, какъ это довольно ясно видно уже изъ сравнительно большого числа музыкальныхъ дилетантовъ въ средѣ самихъ Римскихъ императоровъ. Неронъ былъ изъ нихъ наиболѣе выдающимся, затѣмъ слѣдовали: Адріанъ, Каракалла, Элагабалъ, Александръ Северъ; но и музыка не была искусствомъ самостоятельно-римскимъ, и она была перенесена въ Римъ съ греческой почвы, и уже очень рано заглушила древне-италійскіе мѣстные музыкальные элементы. Музыкальный аккомпаниментъ струнныхъ инструментовъ при декламаціи лирической поэзіи и даже такихъ произведеній, какъ буколики Виргилія, былъ весьма обычнымъ; но онъ предназначался только для того, чтобы предрасположить слушателей къ настроенію, вызываемому чтеніемъ, а при музыкѣ вокальной игралъ болѣе существенную роль. Инструментальная музыка Римлянъ, по нашимъ понятіямъ, должна представляться очень жалкою; изъ инструментовъ были извѣстны только флейты и нѣсколько родовъ струнныхъ инструментовъ; изъ духовыхъ инструментовъ— только *tuba* (длинная труба); однакоже, не было недостатка въ концертахъ, съ участіемъ множества исполнителей; было уже много и весьма прихотливыхъ виртуозовъ, жадныхъ и до похвалъ, и до денегъ, переѣзжавшихъ съ мѣста на мѣсто и получавшихъ хорошія деньги за свое исполненіе музыкальныхъ пьесъ; и при богослуженіи музыка также имѣла нѣкоторое значеніе, хотя разница между свѣтской и священной музыкой еще не существовала или, по крайней мѣрѣ, не сознавалась. Позднѣйшій историкъ Амміанъ представляетъ намъ общество римское очень расположеннымъ къ музыкѣ, но весьма равнодушнымъ по отношенію ко всѣмъ остальнымъ духовнымъ интересамъ: и онъ, вѣроятно, совершенно правъ, такъ какъ и въ современномъ об-

ществѣ замѣчается такое же соотношеніе между пристрастіемъ къ музыкѣ и къ остальнымъ проявленіямъ духовной жизни человѣка.

Нечего говорить о томъ, что описываемое нами время не было благопріятно для *поэзіи*, требующей одушевленія, энтузіазма и безсознательно, но мощно дѣйствующей внутренней силы. Повторялось то же, что и у насъ въ настоящее время: по классикамъ первыхъ временъ имперіи, по Виргилію и Горацію, обратившимся уже въ классиковъ школьныхъ, учились красотамъ языка и умѣнью красиво и образно выражать свою мысль— и ничего новаго не производили; а для такого школьнаго изученія классиковъ въ каждой мѣстности былъ уже свой риторъ, отъ казны получавшій жалованье.

Положеніе дѣлъ въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи.

Такъ, непрерывно развиваясь, продолжалась культурная работа на всемъ необъятномъ пространствѣ имперіи, въ видѣ *романизаціи* страны, которой слѣды и вліяніе мы видимъ всюду. Такъ было даже и въ *Британніи*, западная часть которой отчасти была еще покрыта первобытными лѣсами; далѣе же всѣхъ, по этому пути, среди западныхъ странъ, продвинулась *Галлія*, важнѣйшіе города которой—Віенна, Массилія, Нарбонна, Немаузъ и Толоза—каждый самъ по себѣ чѣмъ-нибудь особеннымъ отъ другихъ отличался. Медленнѣе, но глубже проникала римская культура въ *испанскія* области, гдѣ поклоненіе Августу и богоподобному олицетворенію Рима (Roma) было очень распространено въ народѣ, а знаменитыя школы въ Кордубѣ, Бильбилисѣ, Тарраконѣ способствовали романизаціи страны. Въ *Италіи*, древнѣйшей изъ римскихъ колоній въ Испаніи, видимъ издавна поселившіяся тамъ почтенныя и высокообразованныя фамиліи Ульпіевъ и Эліевъ, изъ которыхъ незадолго до описываемаго нами времени вышли два замѣчательнѣйшихъ римскихъ императора. И въ Африкѣ также римскій культъ вытѣснилъ всѣ мѣстные культы, и здѣсь, исходя изъ римскихъ колоній на мѣстѣ Кароагена, образовалась даже особая разновидность романскаго характера. Не менѣе самостоятельно принялась та же культура и на *лѣвой сторонѣ* Рейнскаго и на *правой сторонѣ* Дунайскаго бассейновъ, распространяясь весьма далеко въ глубь страны и на противуположномъ берегу тѣхъ же рѣкъ; то же самое движеніе проявилось и въ новѣйшихъ провинціяхъ между Дунаемъ и Балканами, въ *Панноніи*, *Мизіи*, *Дакіи*: именно около этого времени (157 г.) былъ воздвигнутъ амфитеатръ въ городкѣ *Поролиссумѣ* (въ сѣверной части Дакіи), который служилъ временно резиденціей римскаго прокуратора. Во всѣхъ этихъ западныхъ и сѣверныхъ провинціяхъ *латинскій* языкъ былъ уже разговорнымъ языкомъ высшихъ образованныхъ классовъ общества; рядомъ съ нимъ вездѣ удерживается въ народѣ первоначальный мѣстный языкъ. На востокъ отъ Адріатическаго моря, во всѣхъ странахъ, сосѣдственныхъ съ Греціею — въ Малой Азіи, Сиріи, Египтѣ — преобладалъ языкъ *греческій*, что, однакоже, нимало не препятствовало общему обмѣну мыслей. Напротивъ того, этотъ двуязычный характеръ Имперіи дѣйствовалъ *какъ поощряющее средство* на развитіе культуры: онъ вынуждалъ всѣхъ причислявшихъ себя такъ или иначе къ высшимъ классамъ общества—купцовъ, чиновниковъ, учителей, врачей, военачальниковъ—непремѣнно усваивать себѣ знаніе обоихъ языковъ.

Духовныя стремленія. Литература.

Оживленнѣйшій обмѣнъ и товаровъ, и воззрѣній, и идей происходилъ на всемъ обширномъ и разноплеменномъ пространствѣ великой имперіи, и, благодаря именно этому обмѣну, Греція и Азія, такъ низко павшія во времена римской республики, теперь вновь успѣли подняться. Съ одной стороны, греческая жизнь проявила и въ литературѣ, и въ искусствѣ свою прежнюю силу, и спросъ на греческихъ художниковъ—технитовъ рѣзца, слова, врачебнаго и всѣхъ иныхъ искусствъ—былъ въ данное время сильнѣе, чѣмъ когда-либо; съ другой стороны и Греки, и все населеніе восточныхъ странъ кое-что восприняли въ себя отъ солидныхъ и практическихъ Римлянъ. Великія сокровища ума, собранныя въ Александріи, великіе учители, трудившіеся на пользу преподаванія въ Аѳинахъ, — привлекали къ себѣ невольно. Тамъ лучше всего изучалось высшее ораторское искусство, которое потомъ находило себѣ столько примѣненій на всемъ пространствѣ римскаго государства. Торжественныя рѣчи при освященіяхъ всевозможныхъ полезныхъ учрежденій, школъ, библіотекъ и т. д., всякія публичныя чтенія, декламація стихотвореній, написанныхъ на тотъ или другой случай, историческія изложенія и отчеты,—все это было въ большомъ ходу, почти какъ и теперь, и, въ связи съ этимъ, процвѣтала также книжная торговля, которая—при посредствѣ рабскаго труда, допускавшаго возможность быстро воспроизводить рукопись въ сотняхъ экземпляровъ—доставляла публикѣ книги по цѣнамъ, которыя не слишкомъ отличались отъ нынѣшнихъ. И древнія, и новыя произведенія литературныя въ изобиліи исходили изъ этихъ рукописныхъ фабрикъ; для нашей цѣли обще-

Древне-римская школа изъ временъ императоровъ.

По рисунку съ натуры, исполненному Г. Кнакфусомъ съ помѣщенія такой школы, весьма хорошо сохранившагося, вскорѣ послѣ его раскопки, на *via Merulana* въ Римѣ.

историческаго обзора достаточно будетъ здѣсь только вскользь упомянуть нѣкоторыхъ важнѣйшихъ римскихъ и греческихъ авторовъ этихъ обоихъ первыхъ вѣковъ. Писатели, конечно, лучше всего характеризуютъ свой

вѣкъ, и, въ данномъ случаѣ, эта истина находила себѣ подтвержденіе въ томъ смыслѣ, что самыми выдающимися писателями разсматриваемой нами эпохи являются сатирики или эпиграмматисты, *Д. Юній Ювеналъ*, *М. Валерій Марціалъ*, *А. Персій Флаккъ*. И дѣйствительно, этотъ вѣкъ, въ изобиліи преисполненный всѣми благами высоко-развитой культуры, но вмѣстѣ съ тѣмъ изобиловавшій и всѣми ея слабостями, давалъ богатый матеріалъ сатирѣ, но не въ силахъ былъ заронить искру чистаго вдохновенія въ душу талантливаго поэта. Вотъ почему тѣ роды поэзіи, которые требовали извѣстнаго рода наивности творчества и творческаго восторженнаго настроенія,—какъ *эпосъ* и *трагедія*,—положительно не могли въ этомъ вѣкѣ процвѣтать. Были и въ данное время *эпическія произведенія*, но даже и лучшія изъ нихъ, какъ напримѣръ «Фарсалія» *Лукана*, возбуждаютъ нашъ интересъ только со стороны проведенной въ нихъ тенденціи—прославленія и идеализаціи республиканскаго настроенія умовъ, которое уже ничего не имѣло общаго съ дѣйствительностью; появлялись изрѣдка и *драматическія произведенія*, въ которыхъ излагались прекрасныя мысли и весьма громкія сентенціи, но они не оказывали никакого вліянія на народъ, такъ какъ не изъ народной почвы они и выросли; болѣе всего писалось сочиненій по исторіи, по теоріи ораторскаго искусства, по естественнымъ и юридическимъ наукамъ, по географіи, по медицинѣ и энциклопедизму, а также и по нравоучительной, популярной философіи. Представителемъ послѣдней изъ этихъ наукъ былъ *Сенека*, учитель Нерона, который весьма изящнымъ и краснвымъ языкомъ излагалъ идеи о Богѣ и о мірѣ, основанныя уже на болѣе чистыхъ, монотеистическихъ воззрѣніяхъ, далекихъ отъ матеріальнаго политеизма; обширною ученостью и громаднымъ прилежаніемъ собирателя прославился около этого же времени *Плиній Старшій* (дядя Траянова панегириста), который, занимая высшія государственныя должности, съ честью и пользою для дѣла управленія, находилъ еще время прочитывать горы рукописей, отовсюду извлекая и накопляя выписки; при страшномъ изверженіи Везувія въ 79 г. онъ палъ жертвою своего научнаго рвенія. Между теоретиками ораторскаго искусства первое мѣсто занимаетъ *М. Фабій Квинтильянъ*, который, въ числѣ многихъ другихъ знатныхъ испанскихъ Римлянъ, въ 68 г. явился въ Римъ съ Гальбой, а затѣмъ, въ теченіе 20 лѣтъ работалъ въ Римѣ, какъ судебный ораторъ и риторъ, а впослѣдствіи и какъ писатель. Онъ отлично знаетъ и тонко умѣетъ понимать древніе образцы: изъ его сочиненій, какъ и изъ сочиненій Младшаго Плинія и многихъ другихъ, мы видимъ, какое чистое и благородно-гуманное развитіе могъ получить въ это время каждый, заботившійся о своемъ внутреннемъ совершенствованіи. Въ области *историческаго бытописанія*, рядомъ съ грекомъ *Аріаномъ* (онъ былъ при Адріанѣ намѣстникомъ въ Каппадокіи), историкомъ Александра Великаго, и *Плутархомъ Хэронейскимъ*, выступаетъ *Корнелій Тацитъ*, оказавшій въ высшей степени важное вліяніе на всю послѣдующую эпоху; ему мы обязаны грандіозной, мастерски-набросанной картиной первыхъ ста лѣтъ имперіи, которая, однакоже, благодаря особымъ, отличительнымъ свойствамъ писателя, получила въ его изложеніи совершенно-особую окраску: самъ онъ жилъ во времена Траяна, этого лучшаго

и благороднѣйшаго изъ представителей цесарской власти, и потому именно не могъ отнестись объективно къ предшествующему періоду первыхъ Цесарей.

Переходя отъ обзора литературы къ вопросу о нравственномъ состояніи общества за этотъ періодъ, мы находимъ, что въ данномъ случаѣ трудно, если не совсѣмъ невозможно, прійти къ какому-нибудь общему выводу; это, можетъ-быть, даже вдвойнѣ трудно на почвѣ политеистическихъ религій древности, которыя, какъ извѣстно, не давали древнимъ никакихъ идеаловъ нравственности. Но не слѣдуетъ забывать, что тѣ безнравственные мнѣнія о богахъ, которыми изобиловала теогонія древнихъ, были не болѣе, какъ вымыселъ, игра фантазіи, а не откровеніе—и менѣе всего были откровеніемъ человѣку основы его житейской мудрости. Направленіе нравственной жизни человѣка давала *философія*, и въ этомъ смыслѣ кое-какія «крохи со стола» богатыхъ и знатныхъ попадали и въ народъ, въ средѣ котораго нравственность поддерживалась уваженіемъ къ государственному закону и опасеніемъ прогнѣвить боговъ, которые, несмотря на все то, что разсказывалось о нихъ въ миѳологіи, все же представляли собою міръ идеальный, неземной, священный для толпы. Въ нѣкоторомъ смыслѣ, философы (въ особенности *стоики*) дѣйствовали на общество, какъ дѣйствуетъ въ настоящее время духовенство,—они заботились о развитіи души, о воспитаніи и обученіи юношества въ высшихъ слояхъ общества, а во II в. по Р. Хр. видимъ и философовъ-циниковъ, которые, странствуя всюду, распространяли свое ученіе живымъ словомъ, почти какъ и позднѣйшіе монахи, наложившіе на себя обѣтъ нищенства. Въ средѣ послѣднихъ не было недостатка въ представителяхъ всѣми уважаемыхъ, обнаруживавшихъ большое благородство души, какъ напримѣръ циникъ Демонаксъ, жившій во II вѣкѣ въ Аѳинахъ и прославленный всѣми за безупречную добродѣтель и чистоту жизни. Эти философскія теоріи старались кое-какъ подлаживаться къ распространеннымъ въ народѣ религіознымъ вѣрованіямъ. Такое рѣзкое и убѣжденное невѣріе, какое высказываетъ напримѣръ поэтъ Лукрецій, было явленіемъ рѣдкимъ, и процессъ постепеннаго вымиранія политеистическихъ вѣрованій совершался чрезвычайно медленно, что несомнѣнно доказывается надписями надгробныхъ камней и всѣхъ прочихъ памятниковъ, относящихся къ этому періоду римской имперіи. Эти политеистическія вѣрованія были замѣчательно живучи: кругъ боговъ, около котораго они вращались, пополнялся непрерывно новыми образами. Тамъ, гдѣ эти вѣрованія, связанныя съ однимъ божествомъ, начинали слабѣть, тамъ легко создавалось божество новое, и тотъ, кто изъ Рима и Италіи попадалъ въ какую-нибудь отдаленную или чуждую страну—въ Галлію, Испанію, на Востокъ—тотъ всюду находилъ какое-нибудь мѣстное божество, къ которому приспособлялъ свои религіозныя потребности или обращался со своимъ благочестивымъ настроеніемъ. Даже и новые боги, завѣдомо и сознательно придуманные разными обманщиками, находили себѣ и вѣрующихъ, и жертвенные дары. Даже и въ концѣ II вѣка древнія народныя вѣрованія были, въ сущности, еще весьма мало поколеблены. Непрерывно продолжалось еще общее участіе въ языческомъ богослуженіи, а также и проявленія усердія къ богамъ

Маркъ Аврелій, милующій маркоманнскихъ вождей.

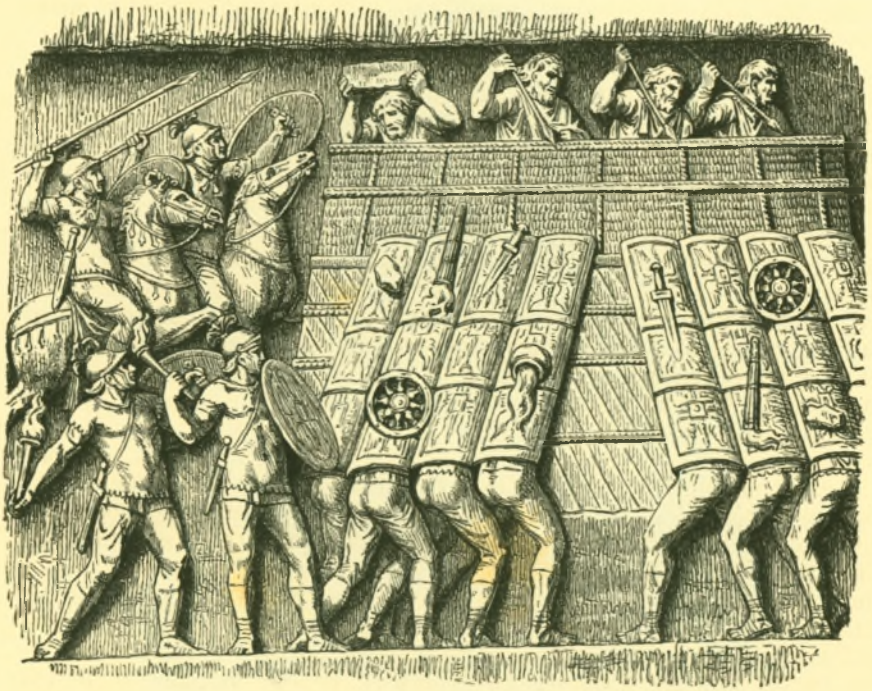
Съ тріумфальной арки Марка Аврелія, теперь въ римскомъ Капитоліи.

жертвоприношеніями, постройками храмовъ, постановкою статуй боговъ и всякаго рода учрежденіями, посвященными ихъ культу. Во II вѣкѣ замѣтенъ даже какъ бы нѣкоторый подъёмъ, нѣкоторое оживленіе въ этихъ политеистическихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Языческіе писатели начинаютъ уже удостаивать новое явленіе христіанства нѣкоторымъ вниманіемъ. Поворотъ къ лучшему въ нравахъ высшихъ классовъ становится несомнѣнно замѣтнымъ со временъ Веспасіана, и хотя съ одной стороны нѣтъ недостатка въ очень непривлекательныхъ явленіяхъ общественной жизни, за то, съ другой, поражаетъ большое число благородныхъ и честныхъ людей, которые смотрятъ на жизнь серьезно и прямо, съ точки зрѣнія этической задачи, возложенной божествомъ на человѣка.

Правленіе Марка Аврелія, 161. Опасности.

Къ такимъ именно людямъ принадлежалъ и *Маркъ Аврелій*, въ 161 г. наслѣдовавшій Антонину: серьезный и благороднѣйшій сторонникъ стоической философіи въ той новой формѣ, которую придалъ этому ученію *Эпиктетъ Гіерапольскій*. Прекрасное и сильно-развитое чувство долга присуще было и этому государю, правленіе котораго не можетъ быть отнесено къ числу счастливыхъ (161 — 180 г.). Страшная моровая язва распространилась по многимъ областямъ римскаго государства, и это бѣдствіе повсюду возбудило ненависть противъ христіанъ, такъ какъ язву приписывали гнѣву боговъ на быстрое повсемѣстное возрастаніе числа ихъ и упорное уклоненіе отъ языческихъ обрядовъ; впервые слышимъ о настоящихъ гоненіяхъ противъ христіанъ. И на горизонтѣ внѣшней политики явились кое-какія тучи. На Востокѣ пришлось воевать съ Парѳянами, но эта война окончилась удачно, даже повела къ пріобрѣтенію (въ 165 г.) новой территоріи (части Месопотаміи вплоть до древней Мидійской стѣны). Но за то на среднемъ теченіи Дуная, тамъ, гдѣ римскія владѣнія примыкали къ областямъ независимыхъ Германцевъ, дѣло приняло довольно опасный оборотъ. Уже много десятковъ лѣтъ между Римлянами и Германцами царило полное спокойствіе. Съ римской стороны придерживались весьма благоразумной оборонительной политики, а Германцы остерегались переходить къ наступленію. И вдругъ все это измѣнилось: въ 167 г. послѣдовало массовое вторженіе *Маркоманновъ* и *Квадовъ*, которые и нанесли тяжкое пораженіе цесарскому легату. Самъ Цесарь съ братомъ и соправителемъ своимъ Л. Веромъ отправились на границу, чтобы отклонить опасность; лично предводительствовалъ онъ войсками во многихъ походахъ и одержалъ нѣсколько побѣдъ; изъ нихъ особенно памятною осталась побѣда 173 г., въ которой Римлянамъ способствовала гроза — и эту грозу христіане, уже весьма многочисленные въ войскѣ Цесаря, приписывали своимъ молитвамъ, а язычники и самъ императоръ—Юпитеру Дождливому (Jupiter pluvius). Въ 174 г. былъ заключенъ миръ. Взятые Германцами въ плѣнъ или похищенные Римляне были возвращены; Маркоманнами была уступлена пограничная полоса земли, на которую они не смѣли вступать; для торговыхъ сношеній были указаны опредѣленные пункты, и Римляне сами заняли нѣкоторыя военныя позиціи внутри ихъ страны. Такимъ образомъ, на время, опасность была отклонена; но причины ея устранены не были. Уже во времена Августа прозорливые люди съ тревогою слѣдили за плодородіемъ брачныхъ союзовъ

среди Германцевъ, примѣчая въ то же время, что населеніе Италіи или возрастало очень медленно, или вовсе не возрастало. Выселеніе на В. для германскихъ племенъ было немыслимо, такъ какъ тамъ жило много славянскихъ и финнскихъ племенъ: поэтому они чувствовали невольное тяготѣніе въ сторону римскихъ владѣній, и странствованіе народа *Готовъ* отъ береговъ Балтійскаго моря по направленію къ низовьямъ Дуная еще болѣе усилило это тяготѣніе. Въ явномъ соотношеніи съ этими внѣшними событіями, во внутренней жизни Германіи стояло какое-то движеніе, ко-



Римскіе солдаты берутъ приступомъ германское укрѣпленіе.
Съ побѣдной колонны М. Аврелія въ Римѣ.
(Любопытна въ этомъ изображеніи ясно-обозначенная конструкція германскаго укрѣпленія, построеннаго изъ балокъ и плетня).

торое мы не имѣемъ возможности прослѣдить въ подробностяхъ, но которое уже ясно высказывается въ томъ, что германскія племена начинаютъ вступать въ большія федераціи или *племенные союзы*. Съ римской же стороны, напротивъ того, проявился симптомъ весьма тревожнаго характера, который довольно мудрено объяснить только однимъ опасеніемъ эпидемій: легіоны на границахъ стали уменьшать численностью, найдя какія-то затрудненія къ поддержанію ихъ въ полномъ составѣ. Осенью 176 г. М. Аврелій возвратился въ Римъ и ревностно посвятилъ себя мирнымъ занятіямъ, заботился о поправленіи финансовъ государства, поощрялъ вся-

кія гуманныя стремленія, подобныя Траянову воспитательному дому, и многія иныя; но уже въ 178 г. вновь угрожавшая Риму опасность вынудила его опять отправиться съ войскомъ къ низовьямъ Дуная, и въ 180 г., въ лагерѣ при Виндобонѣ, онъ умеръ отъ моровой язвы, противъ которой оказалось безсильнымъ искусство Галена, знаменитѣйшаго врача того времени и друга М. Аврелія.

Бюстъ Коммода въ видѣ Геракла. Оригиналъ въ Капитолійскомъ музеѣ.

Коммодъ, 180.

Л. Веръ скончался еще въ 168 г.; власть отъ М. Аврелія перешла такимъ образомъ къ его единственному сыну, *Коммоду* (180—193 г.), который при кончинѣ отца своего былъ 19-ти-лѣтнимъ юношей. Не станемъ здѣсь приводить разсказовъ объ его страсти къ нарядамъ и къ участію въ различныхъ всенародныхъ зрѣлищахъ, напоминающей Перона: это не относится къ исторіи римскаго государства, которому подобное пристрастіе не причиняло никакого ущерба. Онъ былъ человѣкъ ничтожный и плохо воспитанный, не занимался дѣлами и предоставлялъ управленіе государ-

ствомъ своимъ любимцамъ и вольноотпущенникамъ, которыхъ, впрочемъ, и предавалъ въ жертву народной ярости, когда случайныя бѣдствія—моровая язва или непомѣрная дороговизна—вызывали волненія въ народѣ. Покушеніе на его жизнь (въ 183 г.), отъ котораго онъ едва спасся, побудило его быть недовѣрчивымъ и жестокимъ. Наконецъ, его страсть выступать въ амфитеатрѣ передъ народною толпою, въ качествѣ фехтовальщика и отличнаго стрѣлка изъ лука (страсть, доходившая почти до сумасшествія), стала оскорблять достоинство всѣхъ благомыслящихъ людей: въ народѣ стала даже ходить молва о томъ, что онъ сынъ не Цесаря М. Аврелія, а простого гладіатора. Въ 193 г. составился новый заговоръ среди его приближенныхъ; разсказываютъ, что они подкупили того борца, съ которымъ онъ любилъ упражняться въ борьбѣ, и тотъ задушилъ его (193 г. по Р. Хр.).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Императоры III вѣка, до Діоклетіана.—Начало и успѣхи христіанства и первыя преслѣдованія.—Поступательное движеніе Германцевъ.

Быстрая смѣна правителей.

Большимъ несчастіемъ было то, что съ устраненіемъ отъ власти такого недостойнаго и неспособнаго представителя ея, какъ Коммодъ, былъ нарушенъ тотъ спокойный переходъ власти изъ рукъ одного, почившаго правителя, въ руки другого, всѣми уже признаннаго представителя власти,—великое благо, которымъ уже болѣе ста лѣтъ пользовалась Римская Имперія. Тотчасъ послѣ гибели Коммода, заговорщики провозгласили было императоромъ весьма способнаго и почтеннаго человѣка, *Гельвія Пертинакса*, римскаго префекта полиціи; но онъ не съумѣлъ поладить съ преторіанцами, и, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, палъ жертвою ихъ ненависти. Дѣло дошло до смѣшныхъ и постыдныхъ крайностей: знатный сенаторъ, обладавшій громаднымъ состояніемъ, нѣкто *Дидій Юліанъ*, мучимый честолюбіемъ, былъ провозглашенъ императоромъ преторіанцами, послѣ того, какъ онъ каждому изъ нихъ обѣщался дать весьма щедрый подарокъ—по 1.800 р. на человѣка.

Септимій Северъ и его противники.

Но это привело къ такому же положенію дѣлъ, какъ и въ 68 году. Сознаніе собственнаго достоинства, а отчасти и честолюбіе нѣкоторыхъ полководцевъ, и зависть легіоновъ къ преторіанцамъ не допустили установленія подобнаго порядка вещей. Иллирійскіе легіоны провозгласили императоромъ Септимія, и Сенатъ вполнѣ одобрилъ это избраніе; послѣ весьма слабой попытки сопротивленія, Дидій вынужденъ былъ уступить, и былъ обезглавленъ по приказанію Сената. Септимій явился въ Римъ,

тотчасъ распустилъ всѣхъ преторіанцевъ, и изъ легіоновъ всѣхъ провинцій образовалъ новую гвардію; но весьма плохой латини ихъ надгробныхъ надписей, можно судить о томъ, что варварскій элементъ широкою волною вторгся въ среду этого новаго состава преторіанцевъ. Тѣмъ временемъ, въ двухъ мѣстахъ явились С. Северу противники и соискатели его власти. Первымъ изъ нихъ былъ нѣкто *Песценній Нигеръ*,

Изображеніе Дидія на одной изъ современныхъ бронзовыхъ монетъ.

провозглашенный сирійскими войсками, и, судя по отзывамъ современниковъ, это былъ способной полководецъ; борьба съ нимъ затянулась надолго: битвы произошли при Цизикѣ, при Никеѣ, при Иссѣ—и послѣ этого третьяго пораженія Песценній былъ убитъ во время бѣгства; только уже въ 196 г. Северъ могъ возвратиться въ Римъ. Второй изъ соперниковъ Севера былъ *Клодій Альбинъ*, провозглашенный британскими легіонами; сначала Северъ вступилъ съ нимъ въ соглашеніе, но затѣмъ К. Альбинъ двинулся въ Галлію. Близъ *Лугдунума*, въ февралѣ 197 г., произошла рѣшительная битва между двумя большими римскими арміями: Альбинъ потерпѣлъ пораженіе и также былъ убитъ во время бѣгства.

Домъ С. Севера, 194—235.

Такимъ образомъ, *Септимій Северъ* сталъ неоспоримо обладателемъ императорской власти (194 — 211) и новая династія установилась до 234 года. Северъ (severus — строгій) не уронилъ чести своего имени: онъ правилъ сурово, съумѣлъ заставить себя уважать строгимъ наказаніемъ своихъ противниковъ и къ Сенату относился очень рѣзко. Недолго пробывъ въ Римѣ, онъ былъ вынужденъ вновь отправиться на Востокъ, гдѣ Парояне и ихъ царь *Вологезъ IV*, воспользовавшись смутами въ Римскомъ государствѣ, вторглись въ Месопотамію; онъ и здѣсь выказалъ себя энергич-

Септимій Северъ. Античный мраморный бюстъ въ Капитолійскомъ музеѣ.

нымъ и способнымъ, завоевалъ Вавилонъ и Ктезифонъ, и послѣ долгаго пребыванія на Востокѣ, только уже въ 202 г. могъ вернуться въ Римъ. По природѣ своей онъ вовсе не въ такой степени былъ воинственнымъ, какъ его вообще старались представить: въ душѣ онъ былъ юристомъ и состоялъ въ дружественныхъ сношеніяхъ со всѣми современными ему замѣчательнѣйшими знатоками права: Эмиліемъ Папиніаномъ, Юліемъ Павломъ, Домиціемъ Ульпіаномъ, но въ то же время онъ былъ сторонникомъ строгой единой власти и зналъ, что новой династіи прежде всего слѣдуетъ заручиться симпатіями войска. Хотя Римъ и Италія съ давнихъ уже временъ обходились безъ всякихъ мѣстныхъ войскъ, Северъ задумалъ измѣнить это положеніе и расположилъ одинъ изъ легіоновъ (второй парѳянскій) близъ Рима, на Альбанской горѣ. Уже въ преклонныхъ лѣтахъ, въ 208 году, онъ отправился въ Британнію, занялся реформою дисциплины въ тамошнемъ римскомъ войскѣ, возстановилъ укрѣпленія Адріанова времени, и въ 210 г. вынудилъ Каледонійцевъ къ заключенію мира. Онъ скончался въ Эборакѣ (211 г.), оставивъ по себѣ двоихъ сыновей: Антонія, котораго солдаты прозвали *Каракалла,* и Гету. Северъ былъ родомъ изъ Африки, изъ колоніи Лептисъ, и многіе находятъ въ характерѣ Септимія суровыя черты типа, общаго всѣмъ африканскимъ Римлянамъ; еще рѣзче тѣ же черты выступаютъ въ его старшемъ сынѣ, который, нимало не стѣсняясь, въ присутствіи своей матери, Юліи Домны, убилъ или приказалъ убить младшаго брата своего, Гету, чтобы закрѣпить за собою единовластіе. Говорятъ, что С. Северъ, умирая, увѣщевалъ сыновей своихъ жить въ согласіи, обогащать солдатъ и презирать всѣхъ людей, безъ различія. Часть этой программы — баловство солдатъ — Каракалла выполнилъ буквально: онъ съ особеннымъ удовольствіемъ проводилъ все время въ войскѣ, что, можетъ-быть, отчасти, вызывалось и необходимостью.

Каракалла. Античный мраморный бюстъ въ Ватиканскомъ музеѣ.

Около этого времени въ южной Германіи образовался новый народъ или, можетъ-быть, старый племенной союзъ Свэвовъ возобновился подъ именемъ *Аллемановъ*; въ низовьяхъ Майна они прорвались сквозь линію пограничныхъ укрѣпленій и напали на *agri decumates*—на «*десятинныя земли*» между верховьями Дуная и среднимъ теченіемъ Рейна, предоставленныя во владѣніе галльскимъ и германскимъ переселенцамъ подъ условіемъ взноса небольшой подати. Каракалла явился на Дунаѣ (213) и ему удалось вновь изгнать Аллемановъ изъ «десятинныхъ» земель и вновь

Каракалла, 211.

усилить пограничныя укрѣпленія. Но лучшіе лавры свои Каракалла думалъ пожать на Востокѣ, въ войнѣ съ Парѳянами. Онъ затѣялъ противъ нихъ громадный походъ, воображая себя чуть-ли не вторымъ Александромъ Великимъ, и разсчитывалъ на успѣхъ предпріятія, въ виду тѣхъ тревогъ и волненій, которыя проявились въ царствѣ парѳянскомъ. Въ 214—215 г. онъ зимовалъ въ Никомидіи, и въ 216 г. выступилъ въ свой широко задуманный походъ; но уже въ самомъ началѣ его онъ палъ жертвою (какъ кажется) чисто-личной мести одного изъ своихъ приближенныхъ. Во внутреннемъ управленіи государствомъ ему принадлежитъ честь введенія только одной важной мѣры: онъ даровалъ права полнаго римскаго гражданства всѣмъ свободнымъ людямъ, жившимъ въ предѣлахъ римскаго государства. Эта мѣра, вызванная необходимостью, была тѣмъ не менѣе весьма разумною и заслуживающею одобренія, хотя вообще неблагопріятное императору мнѣніе столицы и объясняло ее побужденіями исключительно финансоваго и фискальнаго свойства.

Элагабалъ. Александръ Северъ.

Значеніе древне-римскихъ фамилій, Сената и въ особенности города Рима было отодвинуто на задній планъ династіею Севера. Послѣ смерти Каракаллы, префектъ преторіанцевъ *Макринъ* (на него главнымъ образомъ падало подозрѣніе въ томъ, что императоръ былъ убитъ по его наущенію) вздумалъ было въ 217 г. объявить себя императоромъ: онъ заключилъ миръ съ Парѳянами и охотно былъ признанъ Сенатомъ. Но онъ не съумѣлъ привлечь на свою сторону войско, которое было очень привязано къ династіи Северовъ, и вскорѣ ему противупоставленъ былъ противникъ, который, по ничтожеству своему, уже ясно указывалъ на то, какъ мало древне-римскаго оставалось въ римскомъ государствѣ. Новый претендентъ былъ выставленъ женщинами изъ дома Северовъ: то былъ юноша *Авитъ*, племянникъ вдовы императора Каракаллы. Мать Авита была дочь Юліи Мэзы, умнѣйшей изъ всѣхъ въ семьѣ Северовъ. Еще ребенкомъ, Авитъ былъ посвященъ въ санъ высшаго жреца солнечнаго бога Элагабала (весьма важное святилище его находилось въ *Эмезѣ*) и его умной и рѣшительной матери удалось убѣдить войско въ томъ, что этотъ юноша, по имени своего божества прозванный Элагабаломъ, — есть сынъ Каракаллы. Войска приняли его съ распростертыми объятіями и узаконили его побѣдой, одержанной надъ Макриномъ (218 г.), послѣ чего и Сенатъ тоже призналъ его императоромъ. Въ 219 г. Элагабалъ прибылъ въ Римъ, и странное, даже прискорбное зрѣлище сирійскаго первосвященника, который въ то

Изображеніе Элагабала на современной монетѣ. Бронзовый медальонъ 222 г. На оборотной сторонѣ колесница, запряженная четверкою коней; на ней идолъ солнечнаго бога изъ Эмезы.

же время былъ и главою Сената, и императоромъ, въ теченіе нѣкотораго, весьма непродолжительнаго времени какъ бы ослѣпило народъ своею новизною и даже произвело на него нѣкоторое впечатлѣніе своимъ полувосточнымъ характеромъ и обстановкою власти. Однакоже та же самая Юлія Мэза, которая способствовала возвышенію Элагабала, сознала необходимость замѣны Элагабала болѣе достойнымъ отпрыскомъ Септиміева дома; она стала настаивать на томъ, чтобы Элагабалъ усыновилъ и призналъ своимъ наслѣдникомъ юнаго Алексіана, двоюроднаго брата своего, а когда тотъ на это не согласился и даже попытался отъ него насильственнымъ образомъ отдѣлаться, то Мэза не задумалась отъ него избавиться, и онъ былъ по ея приказанію убитъ, вмѣстѣ со своею матерью, Соэмидой.

Со вступленіемъ во власть этого Алексіана или (какъ онъ назвался, будучи императоромъ) *Александра Севера* (222—235 г.) римское государство вновь вернулось къ древне-римскимъ формамъ правленія. Такъ какъ Александру было тогда всего 14 лѣтъ, то надъ нимъ назначено было регентство, и во главѣ его поставленъ старый Ульпіанъ; Сенатъ при этомъ вновь пріобрѣлъ значеніе; правосудіе, управленіе, финансы — все было приведено въ порядокъ; юный Цесарь и по воспитанію, и по природнымъ задаткамъ обѣщалъ много хорошаго въ будущемъ. Когда онъ достигъ совершеннолѣтія, то долженъ былъ пережить тягостное испытаніе: на его глазахъ преторіанцы убили Ульпіана, котораго они ненавидѣли, какъ человѣка не военнаго, и потому не хотѣли ему подчиняться, какъ своему префекту (228). Александръ вывелъ изъ этого факта такое заключеніе, что ему слѣдуетъ стать во главѣ войска, которое въ 231 г. выступило противъ стариннаго врага Римлянъ, противъ Парѳянъ, получившихъ теперь новое наименованіе *Персовъ*. Дѣло въ томъ, что въ парѳянскомъ царствѣ произошелъ переворотъ, исходившій изъ Персиды: династія Арзакидовъ была свергнута и новая возведена на ея мѣсто. Артаксеркъ, сынъ Папека (иначе: Адширъ Бабеканъ) нанесъ рѣшительное пораженіе послѣднему изъ парѳянскихъ царей, Артабану, въ 226 г., и новый домъ *Сассанидовъ*, воскресивъ въ народѣ древне-персидскія воспоминанія о временахъ Кира и Дарія, возбудилъ въ немъ жажду къ завоеваніямъ на Западѣ. Александръ Северъ, повидимому, воевалъ довольно счастливо, въ 233 г. воротился въ Римъ, а затѣмъ, въ 234 г. уже снова двинулся въ походъ, чтобы защитить границу римскаго государства отъ Аллемановъ; но здѣсь, близъ Майнца, молодой императоръ былъ умерщвленъ возмутившимися солдатами (235 г.).

Александръ Северъ. Изображеніе его на современной монетѣ.

Войска были недовольны тѣмъ, что А. Северъ намѣревался въ ближайшемъ будущемъ вновь двинуть ихъ на Востокъ. Они провозгласили императоромъ *Максимина*, германца родомъ, великана ростомъ, одареннаго богатырскою силою и прославленнаго своими воинскими подвигами; принималъ-ли онъ какое-нибудь участіе въ умерщвленіи благороднаго Александра Севера—это неизвѣстно. Онъ успѣшно воевалъ съ Аллеманами и далеко проникъ во владѣнія независимыхъ Германцевъ (въ 237 г.); но избраніе въ императоры полу-варвара и человѣка столь низкаго происхож-

Солдатскіе императоры. 235—285.

денія не по-нутру пришлось для большинства римскаго народа. Недовольство проявилось и въ Римѣ, и во всей западной половинѣ государства. Тутъ ясно обозначился новый и весьма своеобразный политическій элементъ, которому предстояло въ близкомъ будущемъ пріобрѣсти большое значеніе:— этотъ элементъ былъ *провинціальный партикуляризмъ*, вызванный тѣмъ сильнымъ культурнымъ развитіемъ, которому провинціи были обязаны тѣсной связью съ имперіей. Въ Африкѣ не захотѣли признать Максимина императоромъ и провозгласили 80-ти-лѣтняго намѣстника провинціи, *Гордіана*—человѣка всѣми уважаемаго. *Гордіанъ*, принявъ въ соправители своего 46-ти-лѣтняго сына, тоже Гордіана по имени, сталъ хлопотать объ утвержденіи своего избранія Сенатомъ. Сенатъ, обрадованный этимъ поводомъ къ непризнанію Максимина, произнесъ противъ него приговоръ, ставившій его внѣ закона. Но тотъ, несмотря на это, двинулся къ столицѣ со своими легіонами. Какъ разъ около этого времени оба Гордіана,—и отецъ, и сынъ,—пали въ битвѣ противъ намѣстника Мавританіи, который оказался приверженцемъ Максимина. А между тѣмъ самъ Максиминъ уже приближался къ Риму, гдѣ всѣ трепетали его гнѣва: онъ уже дошелъ до Аквилеи. Съ мужествомъ отчаянія Сенатъ поспѣшилъ избрать двоихъ правителей, Максима и Бальбина, къ которымъ онъ присоединилъ внука *Гордіанова*, Гордіана III. По счастью, еще прежде чѣмъ дѣло дошло до рѣшительной битвы, войско Максимина взбунтовалось, и онъ, вообразивъ себѣ, что его дѣло проиграно, самъ лишилъ себя жизни. Но смятеніе и послѣ этого не улеглось, и два императора — *Гордіанъ III* и *М. Юлій Филиппъ*, явившись на короткій срокъ у власти, такъ же быстро сошли со сцены и были замѣщены третьимъ императоромъ, *Деціемъ*, котораго дунайскіе легіоны почти насильно заставили (въ 249 г.) принять бразды правленія. И вотъ онъ энергично взялся за управленіе и всю энергію свою направилъ противъ двоихъ враговъ: противъ *христіанъ* и *Готовъ*, которые казались ему одинаково опасными.

Гордіанъ III. Мраморная статуя въ Луврскомъ музеѣ.

Положеніе христіанъ — которые при послѣднихъ правителяхъ, со временъ Александра Севера, чрезвычайно усилились — теперь сдѣлалось важнымъ государственнымъ вопросомъ, и мы съ удовольствіемъ отвращаемъ взоры отъ печальнаго однообразія войнъ и узурпацій, отъ безпрестанныхъ перемѣнъ правительства, солдатскихъ возстаній и всякаго рода кровавыхъ дѣяній, чтобы прослѣдить, какъ среди всѣхъ этихъ печальныхъ явленій совершился одинъ изъ поразительнѣйшихъ, величавѣйшихъ и благотворнѣйшихъ переворотовъ.

Императоръ Деціи.

Децій. Изображеніе его на современной монетѣ.

Христіане въ римскомъ государствѣ.

Великое событіе, составляющее главный центръ исторіи человѣчества— явленіе Спасителя, Его земная жизнь, ученіе, страданія и смерть—прошло почти незамѣченнымъ внѣ тѣхъ ближайшихъ кружковъ, среди которыхъ оно совершилось. Все это случилось въ одной изъ отдаленнѣйшихъ провинцій римскаго государства, только тѣмъ привлекавшей вниманіе римскихъ и греческихъ бытописателей и государственныхъ людей, что ея населеніе, по своимъ религіознымъ воззрѣніямъ, рѣзко и странно отличалось отъ всѣхъ остальныхъ народовъ; по приказанію Понтія Пилата (бывшаго прокураторомъ Іудеи при Тиберіи), желавшаго угодить наиболѣе вліятельной партіи—фарисеямъ, ревнителямъ древне-іудейскаго закона,—Христосъ, основатель и глава новаго религіознаго ученія, былъ распятъ на крестѣ въ Іерусалимѣ. Римлянинъ, произнесшій приговоръ, приказалъ прибить на крестѣ Христовомъ надпись: «Іисусъ-Назарянинъ, Царь Іудейскій»— и этою надписью не только обозначилъ то, что въ глазахъ римскаго чиновника являлось виною пострадавшаго, но и горько насмѣялся надъ національными упованіями іудейскаго народа. И цесарскій прокураторъ, и та партія фанатиковъ, которая добилась казни, одинаково думали, что этимъ будетъ покончено дѣло, возбудившее въ населеніи изумительное, непонятное язычнику волненіе. Имъ и въ голову не приходило, что ученики распятаго Христа, увѣровавшіе въ то, что Онъ есть Сынъ Бога Живаго, разнесутъ Его проповѣдь по всему міру, и что это ученіе, укоренившись въ сердцахъ вѣрующихъ, сплотитъ ихъ въ такую тѣсную общину, противъ которой безсильною явится всякая мощь человѣческая. Сначала доступъ въ эту общину открытъ былъ только Іудеямъ, и первые апостолы — люди простые и неученые, рыбаки съ того Генисаретскаго озера, на берегу котораго любилъ пребывать ихъ Учитель,—весьма естественно распространяли ученіе Христово только между земляками своими. Но вскорѣ нашелся человѣкъ, который рѣшился шире раздвинуть грани ученія Христова: то былъ Савлъ, урожденецъ г. Тарса въ Киликіи, сначала ревностный гонитель христіанъ, а затѣмъ, просвѣщенный чудомъ, горячій провозвѣстникъ Слова Христова. Онъ первый рѣшился выступить на борьбу съ язычествомъ въ самыхъ избраннѣйшихъ центрахъ его—въ Эфесѣ, Аѳинахъ, Коринѳѣ и Римѣ—и сталъ распространять новое ученіе съ тою смѣлостью, какою могъ обладать только человѣкъ, глубоко проникнутый сознаніемъ своего призванія, а потому съ одинаковымъ жаромъ проповѣдывавшій Слово Распятаго и Воскресшаго Христа и передъ шу-

мящей толпой, потревоженной среди своихъ обыденныхъ заботъ и предразсудковъ, и передъ лицомъ насмѣшливыхъ и скептическихъ представителей господствующихъ философскихъ школъ.

Апостолъ Павелъ.

Результатомъ дѣятельности апостоловъ, въ томъ числѣ и *Павла* (это римское имя онъ носилъ такъ же, какъ и свое еврейское), было возникновеніе небольшихъ христіанскихъ общинъ въ различныхъ мѣстахъ: Іерусалимѣ, Антіохіи, Эфесѣ, Колоссахъ, Филиппахъ, Коринѳѣ и даже въ Римѣ, гдѣ было много евреевъ; общины эти были чрезвычайно просто устроены — во главѣ ихъ стоялъ совѣтъ старѣйшинъ, діаконы завѣдывали подъ его руководствомъ собираніемъ милостыни, и всѣ общины стояли между собою въ тѣсной связи, которую первоначально поддерживали сами апостолы, въ особенности Павелъ, какъ посланіями, такъ и личными посѣщеніями... Существовали въ этихъ зародившихся общинахъ кое-какія различія въ воззрѣніяхъ на частности новой вѣры; но основаніе, на которомъ она стряслась, было общее:—всѣ одинаково вѣрили въ невозможность грѣховнаго человѣка спастись безъ помощи Божіей и въ то, что Спаситель Своими страданіями и смертью открылъ человѣчеству путь ко спасенію.

Христіанство.

Разрушеніе Іерусалима и уничтоженіе іудейскаго государства должно было вскорѣ доставить христіанству новыхъ приверженцевъ и дать огромный перевѣсъ тому направленію проповѣди, которое проводилъ апостолъ Павелъ. Новое ученіе такъ быстро распространилось несомнѣнно потому, что многіе окончательно охладѣли къ обрядовой сторонѣ политеизма и что въ римскомъ мірѣ не мало было людей, которые уже давно обращали взоры въ сторону іудейства, потому что оно представлялось имъ истинною религіею, способною удовлетворить религіознымъ потребностямъ души человѣка; въ новомъ же христіанскомъ ученіи, главнымъ образомъ, привлекала всѣхъ та внутренняя правда, которая всѣмъ была въ немъ очевидна, и та простота воззрѣнія на міръ и на жизнь, которую христіанство проповѣдывало. Пестрому разнообразію боговъ и духовъ оно противуполагало одного Бога, создавшаго небо и землю, и такимъ образомъ шло какъ бы навстрѣчу тому монотеистическому влеченію, которое уже и безъ того стало проявляться во всѣхъ глубокомысленныхъ людяхъ, а теперь какъ будто еще яснѣе представлялось ихъ сознанію. Притомъ новая вѣра значительно отличалась отъ іудейства тѣмъ, что оно, оберегая свое сверхъестественное поклоненіе Іеговѣ, отталкивало отъ себя всѣ чуждые народы, а христіанство, напротивъ того, представляло своего Бога «Сыномъ Человѣческимъ», Который и жилъ на землѣ, и страдалъ, какъ человѣкъ, и умеръ на крестѣ, и затѣмъ, Своимъ Воскресеніемъ, доказалъ приближеннымъ и вѣрнымъ Своимъ, неоднократно являясь имъ, что Онъ есть «Единосущенъ Отцу». Религіозному чувству вѣрующихъ Онъ представлялъ полный и существенный образъ Божій, между тѣмъ какъ политеистическія религіи предлагали для поклоненія только созданія фантазіи, миѳы, идолы (хотя и художественно исполненные, но все же «идолы»). Сильно дѣйствовало на умы и самое ученіе о близкомъ концѣ міра, о свѣтопреставленіи, о второмъ пришествіи распятаго Сына Божія. Эта вѣра въ близкое, въ скорое пришествіе «*Господа*» направляла всѣ помыслы отъ житейскихъ потребностей

въ область нравственной дѣятельности и всѣхъ настоятельно побуждала слѣдовать опредѣленнымъ нравственнымъ правиламъ: ибо Господь придетъ судить живыхъ и мертвыхъ, и только «чистые сердцемъ» могли разсчитывать на спасеніе. И здѣсь-то, въ области нравственной, христіанство тотчасъ же проявило всю свою дивную силу. Служеніе христіанъ Отцу Небесному проявлялось не въ видѣ дорогихъ и мудреныхъ жертвоприношеній, не въ нескончаемыхъ молитвахъ и пѣснопѣніяхъ, какъ это было въ обычаѣ у Іудеевъ и въ языческихъ богослуженіяхъ, не въ соблюденіи мучительнаго и тягостнаго «дня субботняго»:—служеніе Ему должно было главнымъ образомъ заключаться въ благочестивой и непорочной жизни. И путемъ этой жизни къ достиженію Царства Божія призывался каждый изъ людей, безъ всякаго исключенія: «нѣсть бо Эллинъ, ни Іудей, варваръ—ни Скиѳъ, рабъ ни свободъ—но всяческая и во всѣхъ Христосъ». Притомъ вѣра христіанская не требовала никакого насильственнаго или немедленнаго измѣненія существующаго порядка вещей: «Царство Божіе въ васъ самихъ есть»; Самъ Христосъ напоминалъ ученикамъ Своимъ, что слѣдуетъ отдавать «Кесарево Кесареви», а Его ученики поучали женъ, чтобы онѣ «повиновались мужьямъ своимъ», и рабовъ, чтобы они «повиновались господамъ своимъ». Но уже по самой идеѣ «Царствія Божія»—всѣ угнетенные, плѣненные, порабощенные получали свободу, которую они обрѣтали въ своемъ собственномъ сознаніи, въ сознаніи возможности общенія съ Богомъ, и эта свобода представлялась имъ несравненно болѣе цѣнною, нежели «элевферія» Грековъ или полноправная свобода римскаго гражданства (civitas), ибо всѣ они были равноправны предъ Господомъ, всѣ были одинаково «*Сынами Божіими*». Этой простотѣ нравственнаго ученія соотвѣтствовала въ христіанствѣ и чрезвычайная простота культа съ весьма немногочисленными и несложными обрядами. Вступающихъ въ общину христіанскую окропляли св. водой, существовало крещеніе, да еще общія трапезы вѣрующихъ, въ воспоминаніе послѣдней трапезы Христа съ учениками Его, — трапезы, за которыми всѣхъ присутствующихъ обносили хлѣбомъ и виномъ.

Изображеніе Крещенія Господня.
Фреска II вѣка изъ Санта-Лючина.

Полное распаденіе іудейской національности окончательно отрѣшило христіанство отъ связи съ этой первоначальной его родиной; съ другой стороны, по мѣрѣ того какъ идея близкаго и непосредственнаго второго пришествія Господня стала мало-по-малу отодвигаться на задній планъ, христіане стали болѣе и болѣе сближаться въ исповѣданіи вѣры своей съ жизнью и дѣйствительностью. При этомъ христіанство нашло себѣ въ римскомъ государствѣ подготовленную почву. Уже одинъ изъ древнѣйшихъ хри-

Судьбы христіанства; его распространеніе.

стіанскихъ писателей высказываетъ замѣчаніе, что христіанство явилось въ такой періодъ, когда люди, послѣ долгаго мирнаго времени, чувствовали

Изображеніе трапезы христіанской. Въ одной изъ часовенъ Св. Каллиста въ Римѣ. Фреска начала III вѣка.

себя болѣе склонными къ кротости и добродѣтелямъ, — и, главнымъ образомъ, выставляетъ онъ на видъ *одно*, въ чемъ мы должны видѣть величайшій результатъ римской цивилизаціи. Путемъ христіанства *идея человѣчества* (genus humanum) сдѣлалась общимъ достояніемъ всѣхъ тѣхъ, кто способенъ былъ мысленно отрѣшаться отъ непосредственныхъ и матеріальныхъ интересовъ. Не мѣшаетъ также замѣтить, что и въ греческой философіи, въ преобладающихъ ея системахъ стоиковъ и эпикурейцевъ (какъ ни были они, по сущности своей, противуположны христіанству) и затѣмъ и въ послѣдующей, характерной для даннаго времени философской системѣ *эклектиковъ* *) было много пунктовъ соприкосновенія съ христіанскимъ ученіемъ; поэтому, насъ вовсе и не удивляетъ то, что у одного изъ эклектиковъ, Сенеки, мы встрѣчаемъ въ его ученіи идеи и выводы, непосредственно стоящіе въ связи съ христіанскими воззрѣніями. Любопытнымъ явленіемъ по отношенію къ христіанству было и то, что оно не во всѣхъ классахъ распространялось одинаково: менѣе въ низшихъ и высшихъ классахъ общества, болѣе въ среднихъ, въ тѣхъ, которые жили трудомъ своихъ рукъ и которые, съ одной стороны, отрѣшившись отъ нелѣпыхъ предразсудковъ массы, съ другой стороны не обладали ни досугомъ, ни умственной свободой настолько, чтобы усваивать себѣ мудреныя философскія идеи и системы и замѣщать ими въ сознаніи своемъ древнюю народную религію.

Христіанство при Траянѣ.

Мы видѣли, какъ, при Неронѣ, христіанство было впервые замѣчено; большинство тогда впервые о немъ услышало. Сорокъ лѣтъ спустя Пли-

*) *Эклектицизмъ* училъ тому, что «хорошее» или «кажущееся намъ пригоднымъ» слѣдуетъ заимствовать изо всѣхъ философскихъ системъ.

ній, намѣстникъ Виѳиніи, уже пишетъ императору своему Траяну о широкомъ распространеніи этого «суевѣрія» и именно его вліянію приписываетъ запустѣніе нѣкоторыхъ языческихъ святилищъ и даже уничтоженіе нѣкоторыхъ празднествъ; онъ замѣчаетъ при этомъ, что находится въ сомнѣніи—какъ слѣдуетъ ему поступать съ этими людьми, которые и численностью своею, и своимъ распространеніемъ во всѣхъ сословіяхъ ставятъ его въ немалое затрудненіе. Кромѣ непонятнаго, извращеннаго суевѣрія, Плиній въ христіанствѣ ничего дурного не нашелъ. Къ этому онъ добавляетъ, что многіе, подозрѣваемые въ принадлежности къ христіанству, опровергали это обвиненіе, принося жертвы предъ изображеніемъ Цесаря и произнося хулу на Христа, къ чему, сколько ему извѣстно, истинныхъ христіанъ ничѣмъ вынудить нельзя. Отвѣтъ Траяна былъ въ высшей степени гуманнымъ:—онъ не приказывалъ за ними строго слѣдить, и тѣмъ изъ нихъ, на которыхъ будетъ указано, что они принадлежатъ къ христіанству, слѣдуетъ всѣми способами облегчать оправданіе отъ этого обвиненія; но тамъ, гдѣ христіане будутъ указаны и принадлежность ихъ къ этому ученію будетъ доказана положительно, тамъ ихъ слѣдуетъ наказывать. Но чѣмъ болѣе увеличивалось число христіанъ, тѣмъ рѣзче должна была выступать противуположность ихъ религіозныхъ убѣжденій по отношенію ко всѣмъ остальнымъ религіямъ, къ тому, что представляли собою всѣ остальныя многоразличныя формы политеизма въ римскомъ государствѣ. Эта противуположность должна была выясняться во всѣхъ явленіяхъ частной жизни: за званымъ обѣдомъ, за жертвеннымъ пиромъ, при каждомъ событіи въ домашней жизни; вскорѣ та же противуположность стала выказываться уже и при явленіяхъ общественной жизни. Вся жизнь древняго міра — работа и досугъ, военная и гражданская служба — все это было тѣсно связано съ обычаями культа, которыхъ христіанину предписывалось избѣгать, и въ этомъ заключалась его священнѣйшая обязанность; и христіанинъ уже не равнодушно относился къ языческому богослуженію—онъ уже не просто только отрицалъ существованіе этихъ боговъ: онъ уже вступалъ въ борьбу съ ними и выражалъ свое презрѣніе къ нимъ, какъ къ существамъ демоническимъ, осыпая ихъ проклятіями.

Изображеніе Христа въ катакомбахъ Св. Каллиста. Временъ Адріана.

Вотъ въ какомъ положеніи находилось христіанство во второй половинѣ II вѣка, когда наконецъ уже и писатели языческіе стали литературнымъ путемъ бороться противъ новаго ученія; одни изъ нихъ, какъ напримѣръ эпикуреецъ *Цельзъ* (Celsus), строго порицали это ученіе; другіе, подобно остроумному *Лукіану Самосатскому*, осыпали его насмѣшками въ сатирахъ, издѣваясь надъ легковѣріемъ этихъ «безбожниковъ», которые придавали важное значеніе какому-то распятому въ Сиріи волшебнику, или же противуполагая Христу и превознося похвалами Аполлонія Тіанскаго, мудреца пиѳагорейской или платоновской школы. Замѣчательно,

Терпимость по отношенію къ христіанству. Борьба съ нимъ. Преслѣдованія.

что лучшіе изъ государей римскихъ, какъ напримѣръ Маркъ Аврелій, относились къ христіанамъ съ рѣшительнымъ нерасположеніемъ; однакоже до всеобщаго преслѣдованія христіанъ дѣло не доходило и ограничивалось только мѣстными вспышками противъ нихъ народной ярости, отъ которой власти римскія считали долгомъ защищать христіанъ. Тѣмъ временемъ христіанство также успѣло развиться настолько, что уже могло пользоваться литературою, какъ орудіемъ для своей защиты. Выдающіеся писатели изъ среды самихъ христіанъ стали талантливо и горячо излагать сущность новаго міровоззрѣнія и въ то же время взывать къ основному положенію религіозной свободы, по которому допускались въ римскомъ государствѣ многоразличныя религіи. Этимъ воззваніемъ къ вѣротерпимости они какъ бы предугадали такое настроеніе въ обществѣ, которое уже начинало выказываться въ средѣ образованныхъ классовъ. Въ этомъ кругу стремились къ одухотворенію народной религіи при помощи Пиѳагора и Платона, и самые философы этой *неоплатонической* школы считали, что имъ всего выгоднѣе бороться съ христіанствомъ (съ которымъ у нихъ было менѣе общаго въ воззрѣніяхъ), дѣлая ему нѣкоторую уступку: поэтому они признавали Христа выдающимся мудрецомъ и высоконравственнымъ человѣкомъ, подобно Пиѳагору и другимъ, и только одного не желали, чтобы Ему поклонялись, какъ Богу. Это направленіе, само по себѣ уже поощрявшее вѣротерпимость, преобладало и въ отношеніяхъ къ христіанству Цесарей, слѣдовавшихъ за Коммодомъ. Объ Александрѣ Северѣ мы знаемъ даже, что онъ въ своемъ *лараріумѣ* (домашней молельнѣ), рядомъ съ изображеніями Орфея и Аполлонія Тіанскаго, хранилъ также изображенія Авраама и Христа, точно такъ же, какъ и его предшественникъ, въ томъ Пантеонѣ, который онъ собирался воздвигнуть своему солнечному богу, хотѣлъ соединить и іудейскія, и христіанскія святыни.

Указъ Деція, 250 г.

Съ вступленіемъ во власть Деція, который возводилъ свой родъ до знаменитыхъ древне-римскихъ Деціевъ, наступила реакція въ древне-римскомъ смыслѣ: Деній, въ 250 г., издалъ указъ ко всѣмъ намѣстникамъ, въ которомъ онъ повелѣвалъ имъ, подъ страхомъ наказанія, принуждать христіанъ къ принятію ихъ прежней вѣры. Этимъ указомъ, собственно, и начался періодъ дѣйствительныхъ гоненій на христіанъ.

Готы.

Этотъ указъ не достигъ своей цѣли уже потому, что Деній, въ слѣдующемъ же году, палъ во время похода противъ Готовъ, этого опаснѣйшаго врага римской имперіи. Этотъ германскій народъ, къ которому примкнуло множество другихъ болѣе мелкихъ племенъ и всякій иной сбродъ, послѣ долгихъ переходовъ съ мѣста на мѣсто, обрушился на Дакію, и, овладѣвъ этою провинціею, сталъ оттуда вторгаться въ области, расположенныя южнѣе Дуная. Деній явился въ Мизію съ другомъ своимъ Валеріаномъ и принялъ на себя главное начальство; всѣ ожидали полнаго пораженія Готовъ; но оказалось, что у Готовъ былъ весьма искусный полководецъ, и первая же битва съ ними кончилась пораженіемъ римскаго войска, при чемъ и самъ Деній былъ убитъ (251).

Правленіе Галліена. Смуты. 251—268.

Затѣмъ наступило страшное время: — чума, войны, насильственные захваты власти, — все это чередовалось безъ перерыва до 268 г. Между тѣми, которые, среди этой сумятицы, достигали императорской власти послѣ

Сапоръ торжествуетъ надъ Валеріаномъ.

Рельефъ на царскихъ могилахъ, въ Персеполѣ. По оригинальной фотографіи рисовано К. Л. Бекеромъ.

смерти Деція, или, по крайней мѣрѣ, заявляли на нее права, наконецъ утвердился на тронѣ *Валеріанъ* (253 г.), который принялъ къ себѣ въ соправители своего 35-ти-лѣтняго сына *Галліена*. Послѣдній правилъ западными провинціями, между тѣмъ какъ самъ онъ отправился на Востокъ, гдѣ Готы продолжали свои хищническіе набѣги, а Персы, подъ предводительствомъ Шапура или *Сапора* одного изъ выдающихся представителей новой династіи, грозили нападеніемъ на пограничныя земли. До 260 г. Галліенъ кое-какъ справлялся съ возложенной на него задачей, и въ этомъ же году нанесъ пораженіе Аллеманамъ, но, конечно, уже на италійской почвѣ, около Милана. Но за то въ томъ же году Римской Имперіи пришлось пережить величайшій позоръ: самъ императоръ Валеріанъ попался въ плѣнъ къ Персамъ. Подробности этого событія намъ мало извѣстны; но послѣдствія его были во всякомъ случаѣ гибельны, такъ какъ императорская власть изъ твердыхъ и опытныхъ рукъ перешла въ руки *Галліена* — человѣка слабаго и ненадежнаго. Это несчастное правленіе длилось цѣлыя восемь лѣтъ, которыя были непрерывнымъ рядомъ смутъ, междоусобныхъ войнъ, раздоровъ и возмущеній въ провинціяхъ; изъ нихъ многія на болѣе или менѣе короткое время даже и совсѣмъ отпали отъ имперіи (съ одной стороны—Британнія, Галлія и часть Испаніи; съ другой — часть Сиріи, съ городомъ Пальмирой). Наконецъ, вопіющая необходимость вынудила высшихъ сановниковъ смѣстить Галліена и на мѣсто его возвести въ императоры *Клавдія*, намѣстника имперіи, человѣка, пользовавшагося общимъ довѣріемъ.

Портретъ Галліена на бронзовомъ медальонѣ.
На оборотной сторонѣ оба Валеріана и Галліенъ изображены говорящими рѣчь войску. Подъ эстрадою—два плѣнныхъ Германца.

Клавдій II. Авреліанъ. 268 г.

Императоръ Клавдій II тотчасъ же оправдалъ возлагаемыя на него надежды. Во второй половинѣ 269 г. онъ нанесъ Готамъ при *Наиссѣ* (Нишѣ) въ области верхней Моравы, такое пораженіе, которое на долгое время обезпечило имперію отъ ихъ вторженій. Но уже въ 270 г. императоръ Клавдій скончался въ Сирміумѣ, гдѣ онъ устроилъ свою главную квартиру. Тѣмъ же способомъ, какимъ избранъ былъ Клавдій, избранъ былъ и преемникъ ему—другой знаменитый воитель, *Авреліанъ*. Онъ продолжалъ дѣло Клавдія, и, между прочимъ, принялъ двѣ мѣры, которыя столько же дѣлаютъ чести его проницательности, сколько свидѣтельствуютъ о весьма затруднительномъ положеніи имперіи. Разбивъ неоднократно Германцевъ (Вандаловъ и Югунговъ), онъ все же увидѣлъ себя вынужден-

нымъ очистить *Дакію* и предоставить ее во владѣніе готѳскимъ племенамъ, а романскую часть населенія этой провинціи перевелъ на сю сторону Дуная, въ Мизію; затѣмъ, нанеся еще разъ пораженіе вторгнувшимся въ Италію Германцамъ (на этотъ разъ *Аланамъ*) при Павіи, Авреліанъ озаботился объ укрѣпленіи Рима и обвелъ его новыми стѣнами. Затѣмъ онъ направился на Востокъ, чтобы покончить съ возникшимъ тамъ весьма своеобразнымъ *Пальмирскимъ* царствомъ, которымъ правила въ это время царица *Зиновія*, женщина выдающагося ума и способностей, съумѣвшая расширить предѣлы своего царства и въ сторону Египта, и въ сторону М. Азіи. Разбитыя въ нѣсколькихъ битвахъ, войска Зиновіи стянулись къ Пальмирѣ. Напрасно надѣялась Зиновія на помощь со стороны Египта или Персіи; во время бѣгства ея, недалеко отъ береговъ Евфрата, эта вторая Клеопатра была поймана и приведена въ римскій лагерь (272). Точно такъ же быстро уладилъ онъ дѣла въ Египтѣ, гдѣ нѣкій *Фирмъ*, богатый папирусный фабрикантъ въ Александріи, захватилъ было власть въ свои руки; а затѣмъ вернулъ имперіи и временно отпавшую отъ нея Галлію (274). Послѣ всѣхъ этихъ подвиговъ, онъ явился въ Римъ, и здѣсь вскорѣ палъ жертвою столь обычнаго въ то время военнаго заговора (275). Той же участи подверглись и оба его преемника: избранный Сенатомъ *Тацитъ*, а по его смерти—братъ его *Флоріанъ*. Трудная задача, надъ выполненіемъ которой трудились Клавдій II и Авреліанъ, перешла въ руки *М. Авреліа Пробы*, равнаго имъ по достоинству полководца и государственнаго человѣка (276—282). Съ величайшими усиліями пришлось ему отражать постоянно возобновлявшіяся вторженія Германцевъ; въ то время, какъ онъ самъ сражался противъ Аллеманновъ, его подручные полководцы бились противъ другого смѣшаннаго изъ разныхъ племенъ германскаго народа, *Франковъ* (277 г.); остервенѣніе въ этой борьбѣ доходило до того, что Пробъ приказывалъ выдавать по червонцу за каждую отрубленную и принесенную ему голову Германца (277). Однакоже ему удалось обезпечить границы имперіи и въ низовьяхъ Дуная, и со стороны Персіи; съ Персами онъ заключилъ миръ, а во Оракіи и Мизіи поселилъ 100.000 Бастарновъ (279 годъ),—прямое доказательство того, что населеніе въ обѣихъ областяхъ очень поредѣло около этого времени. Къ чести его надо сказать, что хотя онъ былъ и весьма искуснымъ полководцемъ, однакоже съ особенною любовью предавался вопросамъ и задачамъ чисто-культурнымъ, съ величайшимъ благородствомъ поддерживая значеніе Сената, и вообще стремился достигнуть только одного идеала — общаго умиротворенія. Въ заслугу ему ставятъ то, что

Клавдій Готическій. Изображеніе на современной монетѣ.

Авреліанъ. Изображеніе на современной монетѣ.

Пробъ. Изображеніе на современной монетѣ.

онъ способствовалъ распространенію виноградарства въ Галліи, на Рейнѣ и Мозелѣ, и погибъ жертвою этихъ своихъ прекрасныхъ стремленій, къ осуществленію которыхъ онъ побуждалъ и солдатъ своихъ, крайне этимъ недовольныхъ (онъ былъ убитъ въ Сирміумѣ, 284 г.). Въ томъ же году, и такъ же печально, окончилъ жизнь преемникъ его, Каръ (Carus), во время похода въ Персію, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, Цесаремъ Нумеріаномъ; и только тогда, когда на съѣздѣ полководцевъ, въ *Халкедонѣ*, избранъ былъ въ императоры далматинецъ *Діоклесъ*, государству въ лицѣ его былъ данъ правитель, который въ теченіе 20 лѣтъ съумѣлъ поддержать спокойствіе и хоть до нѣкоторой степени возстановить въ немъ порядокъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Діоклетіанъ и его организація.—Гоненія на христіанъ и торжество христіанства.—Константинъ и его династія.

Діоклетіанъ, 285—305.

К. Авреліи Валерій Діоклетіанъ (285—305) — таково было полное наименованіе, принятое новымъ императоромъ—былъ, наравнѣ съ многими изъ своихъ ближайшихъ предшественниковъ, человѣкъ самостоятельный, личными своими заслугами выбившійся изъ низкаго состоянія и поднявшійся до своего положенія путемъ долгой государственной и военной службы. Тотчасъ по избраніи, ему пришлось воевать съ Кариномъ, старшимъ сыномъ Цесаря Кара, который заявилъ свои права на титулъ императора, и палъ во время борьбы съ Діоклетіаномъ (285). Новый императоръ организовалъ управленіе своего громаднаго государства по-новому: онъ въ соправители избралъ наиболѣе способнаго изъ числа своихъ военныхъ товарищей, *Максиміана* (который признавалъ его умственное превосходство и охотно подчинялся ему, какъ послушное орудіе), сначала, какъ Цесаря, а потомъ даже и какъ *второго Августа* (286). Большою заслугою Максиміана было то, что онъ съумѣлъ положить конецъ долго длившейся въ Галліи междоусобной войнѣ высшихъ и среднихъ классовъ съ низшимъ слоемъ населенія, причины которой намъ не вполнѣ ясны. И затѣмъ Максиміанъ продолжалъ править западною частью Имперіи, избравъ себѣ Миланъ резиденціею, между тѣмъ какъ Діоклетіанъ основался въ Никомидіи, городѣ, весьма удобномъ по своему центральному положенію для управленія большимъ государствомъ. Весьма благоразумно было именно то, что онъ, настоящій владыка всего государства, поселился на Востокѣ, и что ни Максиміанъ, ни который-либо изъ Цесарей, избранныхъ обоими императорами себѣ въ помощники (въ 293 г.),—не поселились въ Римѣ.

При этомъ Діоклетіанъ намѣревался дать вполнѣ новое устройство правительственной власти и всему государству, рѣшившись нимало не затрудняться древне-римскими традиціями, тѣсно связанными съ Римомъ, какъ центромъ государства. Римъ, по его замыслу, совершенно утрачивалъ значеніе столицы древняго міра и Италія обращалась въ такую же провинцію, какъ и всѣ прочія.

Діоклетіанъ.
Современный бюстъ въ Капитолійскомъ музеѣ.

Устроеніе престолонаслѣдія и самаго государства.

Ближайшею потребностью, безъ сомнѣнія, было противодѣйствіе въ будущемъ возможности новыхъ захватовъ власти въ отдѣльныхъ провинціяхъ, и Діоклетіанъ думалъ противодѣйствовать подобнымъ попыткамъ посредствомъ особаго договора, заключеннаго съ Максиміаномъ. По этому договору, они, оба Августа, въ опредѣленное заранѣе время, должны были отказаться отъ своего сана, и на мѣсто ихъ должны были вступить избранные ими обоими Цесари:—*Галерій*, Цесарь Діоклетіана, и *Флавій Констанцій*, Цесарь Максиміана; при этомъ, всѣ четверо должны были править, каждый своею частью, совершенно самостоятельно. Эта система несомнѣнно имѣла свои выгодныя стороны. Совсѣмъ было отставшая отъ имперіи Британнія была вновь возсоединена съ нею; укрѣпленія пограничныя были всюду возстановлены и дополнены; самъ Діоклетіанъ подавилъ возстаніе въ Египтѣ, а Галерій успѣшно сражался противъ Персовъ, съ которыми въ 297 г. заключенъ былъ миръ на болѣе продолжительное время.

Бронзовый медальонъ съ изображеніемъ Максиміана.

И Максиміанъ тоже выказалъ себя дѣятельнымъ воиномъ, но болѣе всѣхъ отличился Констанцій—Цесарь, правившій Западомъ. Тѣмъ не менѣе, однакоже, для того, чтобы эта система управленія могла удержаться въ силѣ, нуженъ былъ императоръ съ такою силою воли и авторитетомъ, какъ Діоклетіанъ. Нельзя однакоже укорять его въ томъ,

чтобы онъ не имѣлъ въ виду и будущее время, когда ужъ онъ не самъ будетъ слѣдить за порядкомъ, установленнымъ его усиліями. Онъ намѣревался придать высшей власти тотъ исключительно монархическій характеръ, ту недоступность и величіе, которыми отличались восточные государи, между тѣмъ какъ римская императорская власть, до этого времени, все еще носила на себѣ отпечатокъ своего полугражданскаго, полусолдатскаго характера. Онъ желалъ, чтобы власть государя почиталась всѣми, какъ бы установленная самимъ божествомъ: передъ *владыкой* (Dominus), передъ священнѣйшимъ владыкой—*Dominus sacratissimus*—всѣ должны были падать на колѣни; онъ носилъ и повязку восточныхъ монарховъ, которая такъ долго была въ Римѣ строжайше воспрещена; онъ окружилъ себя дворомъ, дворцовыми чиновниками, строгоопредѣленнымъ церемоніаломъ.

Деспоты. Къ этому исключительно-монархическому принципу стало приспособляться и все остальное. Римскій Сенатъ обратился только въ собраніе богатыхъ и родовитыхъ людей, которое еще могло имѣть нѣкоторое значеніе для Рима, но уже не имѣло никакого для государства; а за нимъ и всѣ остальныя республиканскія должности обратились въ то, что онѣ были нѣкогда—въ простыя городскія должности. Вскорѣ Сенатъ замѣненъ былъ простымъ совѣтомъ (Consilium)—государственнымъ совѣтомъ Августа, а вся республиканская магистратура (насколько она еще уцѣлѣла) замѣнена была новой чиновничьей іерархіей, которая сильно разжигала честолюбіе, хотя и понижала уровень прежняго значенія республиканскихъ властей. Это стояло въ тѣсной зависимости отъ совершенно новаго раздѣленія государства, которое не имѣло ничего общаго съ прежнею республиканскою областною системою управленія. Вся имперія подѣлена была на 12 *діоцэзовъ*, изъ которыхъ наибольшимъ былъ *Восточный* (Oriens) и наименьшимъ *Британнія*; а эти діоцэзы, въ свою очередь, распадались на 101 *провинцію*, слѣдовательно на меньшіе округа, скорѣе департаменты, нежели провинціи въ прежнемъ смыслѣ слова. Во главѣ діоцэзовъ стояли *викаріи*—высшіе управители, которыхъ положеніе было весьма важнымъ; имъ были подчинены *консуляры*, *корректоры* и *предсѣдатели* (praesides). Такимъ образомъ Діоклетіанъ, хотя и подраздѣлилъ имперію на четыре части, управляемыя отдѣльными правителями, но этимъ новымъ административнымъ дѣленіемъ тѣснѣе, чѣмъ когда-либо, слилъ всѣ части имперіи во-едино, и тѣмъ самымъ подготовилъ почву для своихъ дальнѣйшихъ реформъ—военной, финансовой, монетной и административной. Съ самымъ духомъ его управленія знакомитъ насъ указъ 301 г., которымъ, при возрастающей дороговизнѣ, назначались максимальныя цѣны на всѣ важнѣйшіе жизненные продукты; за нарушеніе постановленій указа грозила смертная казнь.

И вотъ какимъ путемъ доброжелательный, разумный и въ высшей степени дѣятельный государь, нимало не находившій лично удовольствія ни во власти, ни въ блескѣ, ее окружавшемъ,—счелъ однакоже необходимымъ осуществить цѣлую систему строжайшаго единовластія и полной монархической недоступности. Во всѣхъ дѣйствіяхъ этого замѣчательнаго человѣка рѣзко выступаетъ одна преобладающая черта его

характера: наклонность къ доктринёрству, къ систематизаціи; эта черта, вѣроятно, привела его и къ несчастной политикѣ, которой онъ держался по отношенію къ христіанамъ, тогда какъ христіанство, въ теченіе послѣдняго столѣтія, достигло такой степени силы и распространенія, что противъ него уже должны были оказаться тщетными всякія преслѣдованія и полицейскія ограниченія.

Діоклетіаново гоненіе на христіанъ.

Гоненіе, поднятое по повелѣнію *Деція* и, послѣ его смерти, временно поднявшееся само собою или по чьему-либо повелѣнію, уже не могло остановить возрастанія Христіанской Церкви, и Галліенъ отказался отъ насильственныхъ мѣръ противъ христіанъ, болѣе склоняясь на сторону терпимости. Вслѣдствіе этого, число христіанъ вдругъ такъ возросло, что, къ началу IV вѣка, какъ предполагаютъ, двѣнадцатая часть всего населенія имперіи уже исповѣдывала эту новую вѣру; въ особенности же, благодаря самымъ гоненіямъ, возросла и окрѣпла ихъ внутренняя связь и организація. Весьма естественно, что именно во время гоненій, когда «пастырь отвѣчалъ за овецъ своихъ», а епископъ выступалъ представителемъ за всю свою общину,— въ это время долженъ былъ усилиться *монархическій элементъ* въ устройствѣ церковной общины. Первоначальное равенство всѣхъ членовъ общины исчезло; изъ общей массы вѣрующихъ выдѣлилось, въ видѣ особаго сословія, *духовенство* (clerus) и вмѣсто прежняго совѣта старѣйшинъ или *пресвитеровъ* власть надъ общиною христіанскою перешла въ руки одного лица. Такимъ лицомъ явился *епископъ*, бывшій первоначально лишь главою собранія пресвитеровъ, а теперь уже глава и руководитель всей общины, ея представитель въ сношеніяхъ съ внѣшнимъ міромъ, духовный отецъ во внутреннемъ быту общины, въ отношеніяхъ къ своимъ духовнымъ чадамъ. Съ интересами религіозными, конечно, издавна должны были слиться и весьма важные интересы мірского характера: и такимъ образомъ незамѣтно успѣла возрасти среди Римскаго государства «*Христіанская Церковь*»,—новое, вполнѣ организованное и весьма могущественное государство, вліяніе котораго давало себя чувствовать во всемъ, и даже весьма настойчиво. Не стѣсняясь, стала эта Церковь всюду воздвигать и утверждать внѣшніе символы своей мощи — свои мѣста поклоненія, храмы, часовни, кресты; въ самой Никомидіи у христіанъ былъ воздвигнутъ прекрасный соборъ, и всюду — при дворѣ, въ войскѣ, въ высшемъ управленіи—христіанъ было множество.

Христіане, въ качествѣ обвиняемыхъ, передъ судьею.

Древне-христіанское изображеніе въ С. Каллисто, въ Римѣ; относится къ половинѣ III вѣка.

Такое положеніе дѣлъ должно было представляться главѣ государства

весьма важною, можно почти сказать—страшно важною задачею. Не говоря уже о томъ, что и въ общественной, и въ частной жизни всѣ явленія были такъ тѣсно связаны съ формами политеизма, что ихъ невозможно было разъединить, не поколебавъ основы общественной жизни; но этого мало: становилась невозможною даже и самая вѣротерпимость, весьма распространенная въ римскомъ мірѣ, при множествѣ различныхъ религій и культовъ, существовавшихъ рядомъ. Та горячая ревность, съ какою христіане проповѣдывали свое ученіе, разожгла и язычниковъ, и тѣ же самые боги, къ которымъ они прежде относились съ равнодушной ироніей, теперь—въ виду борьбы съ христіанствомъ—пріобрѣли вновь нѣкоторое значеніе и цѣну въ глазахъ толпы. Для многихъ эти боги только теперь явились впервые дѣйствительно-существующими, тѣмъ болѣе, что и христіане не отрицали ихъ существованія, предполагая въ нихъ демоновъ, т. е. хотя и злую, но дѣйствительно существующую силу, противъ которой они вступали въ борьбу.

Возрастаніе и могущество христіанъ.

Цесарь Галерій, главнымъ образомъ, былъ сторонникомъ того воззрѣнія, что христіанство должно быть подавляемо насильственными мѣрами, исходящими отъ правительства; онъ-то, въ 298 г., добился отъ Діоклетіана (который долго медлилъ, обдумывая и этотъ вопросъ), чтобы изданъ былъ во всѣхъ войскахъ указъ, повелѣвавшій всѣмъ начальникамъ изъ христіанъ: или участвовать въ жертвоприношеніяхъ, или немедленно покинуть службу. Точка зрѣнія указа казалась вполнѣ ясною: предполагали, что христіанство нарушаетъ единство духа въ войскѣ. Въ 302 г., вслѣдъ за этимъ указомъ, изданы были, одинъ за другимъ, *четыре указа*, одинъ строже другого. Первымъ изъ этихъ указовъ повелѣвалось конфисковать Св. Писаніе и прочее имущество церквей, сами христіане лишались права занимать общественныя должности и даже воспрещалось рабовъ-христіанъ отпускать на волю; и, между тѣмъ, какъ три первыхъ указа были главнымъ образомъ направлены противъ завѣдывавшихъ христіанскими общинами епископовъ, послѣдній изъ указовъ (304) уполномочивалъ всѣхъ имперскихъ чиновниковъ къ величайшимъ строгостямъ противъ *всѣхъ* христіанъ. Это развязывало руки жестокости, а мѣстами и корысти; но это гоненіе вскорѣ ослабло, да и вообще не получило того распространенія, какое предполагали придать ему Діоклетіанъ и его совѣтники. Во многихъ мѣстахъ число христіанъ было уже настолько велико, что о приведеніи указовъ въ исполненіе не посмѣли и подумать; въ другихъ же — ихъ было такъ мало, что за гоненіе ихъ и приниматься не стоило. Во многихъ случаяхъ имѣло значеніе и личное положеніе самихъ представителей исполнительной власти: въ той части имперіи, которою правилъ, напр., Констанцій Хлоръ, настоящаго гоненія даже и вовсе не было, такъ какъ самъ Цесарь, хотя и не былъ христіаниномъ, но держался монотеистическихъ воззрѣній, которыя гораздо ближе сходились съ христіанствомъ, чѣмъ съ государственною религіей.

Удаленіе Діоклетіана. Смуты.

Діоклетіанъ не могъ довершить дѣло, которое уже съ самаго начала представлялось безнадежнымъ. Въ 305 г. онъ рѣшился, на основаніи договора, нѣкогда заключеннаго между имъ и Максиміаномъ, отказаться отъ правленія; и Максиміанъ также долженъ былъ отказаться, одновременно

Усыпальница римскихъ епископовъ III в. въ катакомбѣ св. Каликста.

съ Діоклетіаномъ, согласно договору, въ соблюденіи котораго онъ нѣкогда поклялся въ храмѣ Юпитера Капитолійскаго. Цесари *Галерій* и *Констанцій* возвышены были теперь въ санъ *Августовъ*. Однакоже, искусственный порядокъ престолонаслѣдія, установленный Діоклетіаномъ, не оправдалъ возложенныхъ на него упованій. Еще при жизни Діоклетіана (онъ умеръ въ 313 г.), до его уединенія въ *Салонѣ* донесся громъ военной тревоги, вызванной отчаянною борьбою честолюбцевъ, которые заявили всюду свои права на власть.

Семь императоровъ; борьба за престолонаслѣдіе.

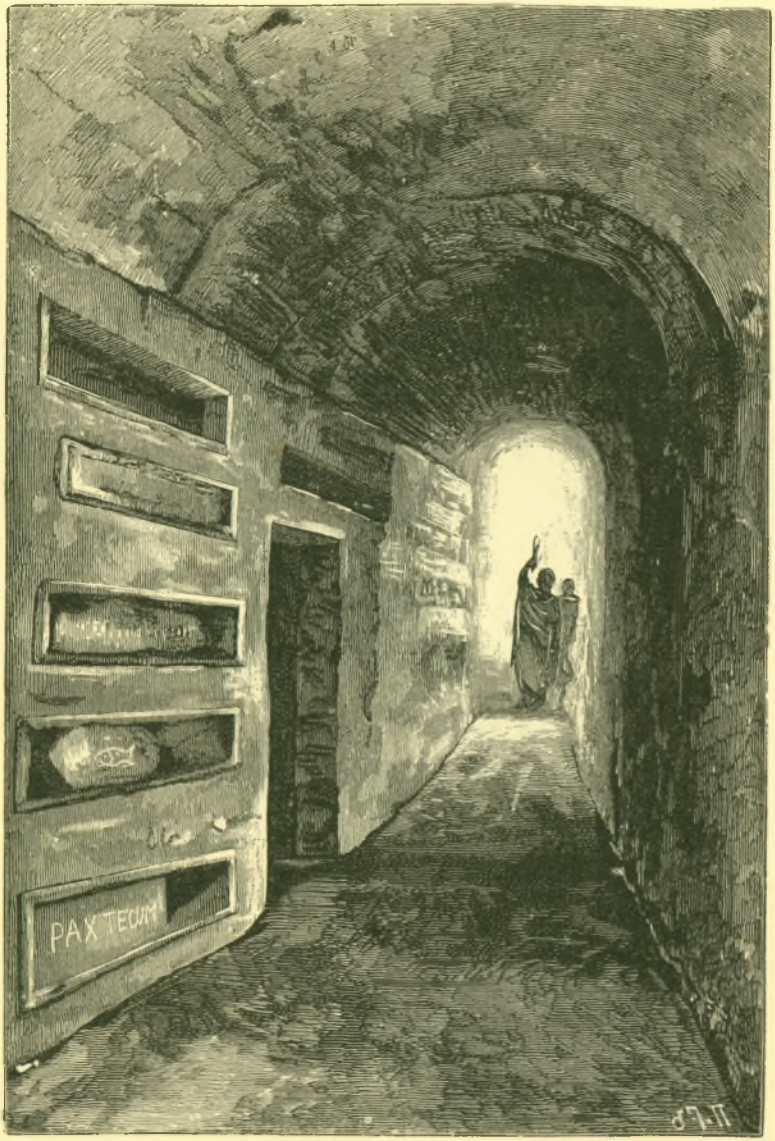
Семь разныхъ претендентовъ выступали на поприще этой борьбы еще при жизни Діоклетіана: *Галерій* и его новый Цесарь *Северъ*; послѣ его смерти *Лициній* и *Максиминъ; Максенцій*, сынъ бывшаго Августа Максиміана, и, наконецъ, самъ *Максиміанъ*, весьма неохотно отказавшійся отъ власти; послѣднимъ, въ числѣ ихъ, выступилъ *Константинъ*, сынъ Констанція Хлора, умершаго въ 306 г. и завѣщавшаго сыну своему, Константину, ту любовь, которою онъ самъ пользовался въ средѣ христіанъ.

Бронзовый медальонъ съ изображеніемъ Галерія. Обратная сторона относится къ прославленію его похода противъ персидскаго царя Нарзеса.

Отдѣльныя стадіи этой борьбы за престолъ между отдѣльными претендентами не представляютъ въ общемъ обзорѣ никакого интереса; нельзя не обратить особеннаго вниманія только на то, что среди этихъ смутъ стала очевидною безполезность гоненій, воздвигнутыхъ противъ христіанъ, почему въ 311 г. Галерій, Лициній и Константинъ и издали общій отъ ихъ имени указъ *о вѣротерпимости, данный въ Никомидіи;* въ этомъ указѣ, сначала хотя и высказывается въ довольно темныхъ выраженіяхъ порицаніе христіанамъ, но затѣмъ и на нихъ распространяется милость цесарская, и имъ поставляется въ обязанность, чтобы они молились своему Богу за благо Цесаря. Немного уже лѣтъ оставалось Церкви Христіанской до полнаго ея торжества.

Константинъ единодержавецъ, 324 г.

Иначе, впрочемъ, и быть не могло, такъ какъ христіанство пріобрѣло уже въ это время громадную силу, и въ междоусобной борьбѣ различныхъ претендентовъ изъ-за высшей власти было очень важно имѣть христіанъ на своей сторонѣ. И вотъ замѣчательный и тонкій политикъ, *Флавій Валерій Константинъ*, отлично съумѣлъ оцѣнить значеніе этой новой силы въ государствѣ. Когда Галерій умеръ, Константинъ громко заявилъ свои притязанія на высшую власть; на Западѣ противникомъ его являлся только Максенцій, сынъ Максиміана, человѣкъ высокомѣрный, но не отличавшійся ни способностями, ни энергіей.



Видъ одного изъ внутреннихъ переходовъ въ катакомбѣ св. Каликста.

Предлогъ къ войнѣ съ нимъ не трудно было найти—и вотъ Константинъ двинулся противъ Максенція черезъ Альпы съ тѣмъ войскомъ, которое успѣлъ уже закалить въ своихъ удачныхъ войнахъ противъ германскихъ народовъ. При Сакса Рубра (второй почтовой станціи на Фламиніевой дорогѣ, слѣдовательно, близёхонько отъ Рима) оба войска, весьма многочисленныя, сошлись на битву (въ октябрѣ 312 г.) Объ этой битвѣ сложились и языческія, и христіанскія легенды; во всякомъ случаѣ, въ ней всѣ симпатіи христіанъ были на сторонѣ Константинова знамени, и побѣда осталась за нимъ; Максенцій погибъ во время бѣгства, и побѣдитель торжественно вступилъ въ Римъ. Самъ еще не переходя окончательно на сторону христіанской вѣры, Константинъ, однакоже, болѣе и болѣе открыто становился во главѣ движенія, благопріятствующаго христіанамъ, и въ 313 году, вмѣстѣ со своимъ восточнымъ союзникомъ, *Лициніемъ*, онъ обнародовалъ въ *Миланѣ указъ*, въ которомъ христіанство уже является не только терпимою въ имперіи религіею, но и вполнѣ равноправною съ древней языческой: для себя

Константинъ.
Колоссальная статуя въ портикѣ Латеранской базилики въ Римѣ.

лично Константинъ, первоначально, удовольствовался только единобожіемъ, которое было очень близко къ христіанству, но не совпадало съ нимъ вполнѣ. Поддерживаемый Константиномъ, Лициній въ 313 году одолѣлъ своего соперника на Востокѣ, *Максимина*, и сталъ неоспоримымъ владыкою восточной половины имперіи, какъ Константинъ былъ владыкою западной. Хотя уже и въ слѣдующемъ году между ними обоими дѣло дошло до вооруженнаго столкновенія, и Константинъ даже нанесъ Лицинію пораженіе при *Адріанополѣ*, но вслѣдъ за этимъ пораженіемъ между ними установилось соглашеніе и довольно продолжительный миръ. Константинъ тѣмъ временемъ продолжалъ выказывать свое расположеніе Христіанской Церкви. Онъ видѣлъ, что имперія можетъ сохранить связь и единство только въ томъ случаѣ, если будетъ опираться на мощную опору христіанства, и потому въ 320 году особымъ указомъ были воспрещены апелляціи епископскихъ судовъ къ свѣтскимъ и другимъ государственнымъ учрежденіямъ и Церкви дано право принимать завѣщанныя ей наслѣдства: когда же въ 323 г. дѣло опять дошло до разрыва между обоими Цесарями, Константинъ уже смѣло могъ разсчитывать на расположеніе къ нему христіанъ, даже и въ части имперіи, управляемой Лициніемъ; въ особенности—на расположеніе епископовъ, къ которымъ онъ выказывалъ себя особенно милостивымъ. Новая побѣда при Адріанополѣ поколебала положеніе Лициніа; другая, при *Хризополѣ*, на азіятскомъ берегу пролива, окончательно способствовала паденію Лициніа—и Константинъ явился единодержавнымъ владыкою всей имперіи. Его несчастный противникъ въ слѣдующемъ (324) году былъ умерщвленъ въ Оессалоникѣ, по приказанію самого Константина.

Бронзовая медаль съ изображеніемъ Константина, выбитая по поводу его побѣды надъ Лициніемъ.

Богословскіе споры. Арій и Аѳанасій.

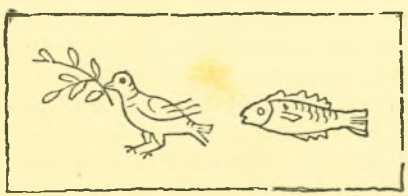
Такимъ образомъ единство имперіи было вновь возстановлено, и Константинъ правилъ царствомъ единодержавно еще въ теченіе 14-ти лѣтъ (до 337 г.). Покровительство, оказываемое имъ христіанству, исходило, въ значительной степени, изъ политическихъ соображеній, и онъ умѣлъ чрезвычайно умно извлечь свои выгоды изъ *теологическаго спора*, который тогда взволновалъ весь современный христіанскій міръ къ великой радости язычниковъ. Въ подобныхъ спорахъ уже изначала не было недостатка, тѣмъ болѣе, что христіанство принимало въ свое лоно людей изо всѣхъ національностей, изо всѣхъ странъ, изо всѣхъ классовъ общества, и эти разнородные элементы, конечно, могли расходиться въ своихъ воззрѣніяхъ на разрѣшеніе важнѣйшихъ религіозныхъ вопросовъ. Въ данное время споръ поднялся между пресвитеромъ *Аріемъ*, въ Александріи,

и александрійскимъ епископомъ *Александромъ*. Арій утверждалъ, что Христосъ, Сынъ Божій, не Единосущенъ Отцу, что Онъ Богомъ созданъ, и что было такое время, когда Сына Божія не было; а его противникъ, дьяконъ *Аѳанасій* изъ Александріи, доказывалъ, что Сынъ Божій единосущенъ Отцу, и такъ же вѣченъ, какъ Богъ Отецъ, и такъ же нераздѣленъ съ Нимъ, какъ лучъ свѣта отъ свѣтильника. Мѣстный соборъ смѣстилъ Арія за его лжеученіе, въ 321 году, но споръ продолжался и вносилъ раздвоеніе въ Церковь. Тогда Константинъ созвалъ всѣхъ восточныхъ епископовъ на соборъ въ *Никеѣ*, гдѣ они и собрались въ числѣ 318. Выслушавъ изложеніе мнѣній обѣихъ сторонъ, Константинъ принялъ сторону Аѳанасія Александрійскаго и его примѣръ преклонилъ на ту сторону всѣхъ еще колебавшихся, такъ что только Арій и еще двое египетскихъ епископовъ отказались скрѣпить своею подписью рѣшеніе собора. Константинъ, вѣрно понимавшій высокое значеніе христіанства вообще, въ то же время сознавалъ, что оно можетъ быть великою силою только *при полномъ единствѣ*. Способствуя сохраненію единства, Константинъ принялъ сторону епископовъ въ спорѣ съ Аріемъ и тѣмъ пріобрѣлъ въ глазахъ всего христіанства важное значеніе.

Константинополь.330 г.

Въ связи съ этою религіозною политикою Цесаря, явилась необходимость и еще одного важнаго шага, который въ 330 году и былъ сдѣланъ: а именно въ избраніи новаго центра управленія для имперіи. Городъ Римъ, котораго значеніе было въ особенности сильно поколеблено во время Діоклетіана, уже не могъ быть столицею имперіи, въ которой христіанство получало значеніе официальной религіи: въ Римѣ были слишкомъ живучи вѣками установленныя тамъ языческія воззрѣнія и вся почва была пропитана воспоминаніями о всевозможныхъ богахъ и герояхъ. Мысль о перенесеніи столицы уже и въ прежнее время представлялась многимъ и на мгновеніе занимала сначала Юлія Цесаря, а потомъ и самого Августа; теперь привести ее въ исполненіе было уже не трудно,—даже необходимо. Долгое время, однакоже, искали такого подходящаго центра,—указывали даже на *Иліонъ*, при Цесарѣ и Августѣ: теперь новый центръ былъ отысканъ невдалекѣ оттуда, на почвѣ древней *Византіи*, въ изумительно-удобномъ мѣстѣ, какъ бы самою природою указанномъ для столицы; здѣсь и основалось она, начи-

Христосъ въ образѣ „Пастыря добраго". Фреска III вѣка въ катакомбахъ Св. Калиста въ Римѣ. По сочиненію де-Росси: Roma sotterranea.



Голубь и рыба, какъ христіанскіе символы. Изъ древнѣйшей части храма Св. Присциллы, II в.

пая съ 328 года. Старый городъ былъ заново укрѣпленъ, расширенъ, и на мѣстѣ его явилась новая столица, городъ Константиновъ, *Константинополь*, въ которомъ христіанскія церкви возникали рядомъ съ языческими храмами. Рядомъ со святынями языческими, перенесенными въ новый городъ тайно, изъ древняго Рима, видимъ здѣсь и величайшую святыню христіанскую—часть креста Господня, обрѣтеннаго благочестивою матерью императора Константина, Еленою, во время ея пребыванія въ Іерусалимѣ, и привезеннаго ею въ Константинополь. Даже и торжественное освященіе города (11 мая 330 года) носило на себѣ еще двое-вѣрный характеръ: и христіане, и язычники, каждый по-своему, возносили молитвы за благоденствіе города. Въ горожанахъ не было въ немъ недостатка, такъ какъ жителей привлекали сюда отвсюду привилегіями: здѣсь были для народа тѣ же приманки, что и въ Римѣ—раздача зернового хлѣба и зрѣлища, и тѣ же ристанія въ циркѣ; не хватало только гладіаторскихъ боевъ. Былъ тутъ на-лицо и Сенатъ, въ который прежде всего попадали законы, исходившіе отъ императора. Сюда же были перенесены и произведенія древняго искусства, такъ какъ не скоро еще можно было здѣсь дождаться развитія искусства новаго, тѣмъ болѣе, что христіанское искусство еще не рѣшалось стать рядомъ съ древне-языческимъ. Впрочемъ, новая вѣра, мало-по-малу, начинала овладѣвать и этою областью жизненныхъ явленій, и ея символы—крестъ и пальмовая вѣтвь, пастырь добрый, несущій овцу, корабль, виноградная лоза, рыба и голубь—чаще и чаще начинали являться всюду.

Древне-христіанская бронзовая лампа IV вѣка. (Христосъ, какъ кормчій, направляетъ корабль Церкви къ пристанищу вѣчности. Человѣкъ, какъ пловецъ, стоитъ на носу корабля).

Организація имперіи.

Во внутреннемъ устройствѣ имперіи онъ продолжалъ начатое Діоклетіаномъ. Всю имперію онъ раздѣлилъ на четыре большія *префектуры*: префектуру *Востока* съ пятью діоцэзами, 46 провинціями; префектуру *Иллирійскую* (Illyricum) съ двумя діоцэзами, 11 провинціями; префектуру *Италійскую* съ четырьмя діоцэзами, 30 провинціями, и префектуру *Галльскую*, а въ ней три діоцэза и 29 провинцій. Обѣ столицы имперіи и проконсульскія провинціи Азія и Африка составляли особые округа управленія. Абсолютизмъ императорской власти выказался еще рѣзче, чѣмъ при Діоклетіанѣ: всѣ усилія его были явно направлены къ тому, чтобы удовлетворить честолюбцевъ безконечнымъ рядомъ почестей, титуловъ и промежуточныхъ степеней достоинства, и отвлечь ихъ отъ попы-

токъ узурпаціи власти. Во главѣ этой чиновничьей іерархіи стояли пять высшихъ государственныхъ сановниковъ: управитель священнаго дворца государева, *magister officium*, квесторъ или кабинетъ-министръ, который дѣлалъ устные доклады государю, *comes* священныхъ издержекъ и *comes* священнаго частнаго имущества государева. Изъ этого прилагательнаго «священный» мы уже видимъ, что монархическая власть успѣла сильно развиться за послѣднее столѣтіе и какъ бы обновилась связью съ наиболѣе живучимъ элементомъ новѣйшаго времени — христіанствомъ. Къ этимъ пяти высшимъ сановникамъ примыкали еще два префекта императорскихъ тѣлохранителей, великій нотаріусъ, члены императорскаго консисторіума (или совѣта) и высшіе чины провинціальнаго управленія—префекты Константинополя, Сирміума, Милана и Трира; и затѣмъ, въ каждомъ діоцэзѣ— викарій префекта, консуляріи, предсѣдатели, корректоры провинцій и еще множество низшихъ чиновниковъ, засѣдавшихъ въ различныхъ канцеляріяхъ (scrinia). Всѣ эти чиновники, конечно, получали жалованье и даже не малое; притомъ и титулы, сопряженные съ чинами, играли роль значительную. По современной табели о рангахъ тщательно отличались *Gloriosi* (достославные) отъ *Illustres* (именитыхъ), и *Spectabiles* (достопочтенные) отъ *Clarissimi, Perfectissimi, Egregii*: — цѣлью стремленій всѣхъ служащихъ стало достиженіе титула *comes* (соотвѣтствовавшаго нашему *тайному* и *дѣйствительному тайному* совѣтнику), и полученіе этого титула оказывалось не слишкомъ затруднительнымъ. И служба военная подчинена была подобнымъ же условіямъ: въ войскѣ видимъ двоихъ *Magistri militum*, то-есть главнокомандующихъ; подъ ихъ начальствомъ состоятъ полководцы, командующіе отдѣльными частями арміи (duces), въ свою очередь начальствующіе легіонами *префекты* и ихъ *замѣстители* (praepositi). Когда мы слышимъ всѣ эти новыя названія, намъ становится ясно, что мы уже не на древне-римской почвѣ. Легіоны (числомъ 175, изъ которыхъ только 28-ми оставлены были ихъ древнія историческія названія) были значительно сокращены въ своемъ численномъ составѣ: часть ихъ (auxiliarii и отборныя войска) вошла въ составъ такъ называемаго *палатинскаго* войска, другая—въ составъ гарнизоновъ; какъ на отличительное явленіе эпохи слѣдуетъ указать на то, что масса Германцевъ уже состояла въ это время на римской военной службѣ, притомъ многіе изъ нихъ даже въ высшихъ чинахъ.

Нельзя не изумляться такому энергическому сосредоточенію всѣхъ силъ государства, которое, въ свою очередь, требовало сильнаго напряженія всѣхъ податныхъ силъ населенія. Свободѣ гражданской, конечно, уже не осталось мѣста въ этомъ, строго централизованномъ единодержавномъ государствѣ, хотя собранія именитыхъ гражданъ въ провинціяхъ, пользовавшіяся правомъ отсылать съ особыми курьерами въ собственныя руки императора свои прошенія и жалобы, не лишены были нѣкотораго значенія въ государственномъ организмѣ. Муниципальныя вольности прежнихъ временъ, при этой системѣ управленія, тоже не могли удержаться:—попасть въ число *декуріоновъ* города, завѣдывавшихъ сборомъ податей и отвѣчавшихъ за этотъ сборъ своимъ имуществомъ, почиталось и неизбѣжною честью, и великою тягостью.

Древне-христіанское изображеніе Страстей Господнихъ (IV в.). Изсѣчено на мраморномъ саркофагѣ, извлеченномъ изъ римскихъ катакомбъ. Нынѣ въ Латеранскомъ музеѣ въ Римѣ.

Среднее изображеніе, съ монограммою Христа, представляетъ торжество христіанства; а боковыя, направо и налѣво, напоминаютъ о земныхъ страданіяхъ Христа.

Направо отъ средняго изображенія мы видимъ Христа. Котораго солдатъ ведетъ къ правителю страны. Христосъ изображенъ кудрявымъ юношей; лицо Его спокойно; правая рука его нѣсколько приподнята и ея средній и указательный пальцы вытянуты впередъ—этимъ жестомъ Онъ какъ бы сопровождаетъ рѣчь свою; самъ Пилатъ является въ слѣдующемъ изображеніи: онъ собирается умыть руки въ доказательство своей невиновности. Въ раздумьи онъ опирается подбородкомъ на руки и обращаетъ лицо свое вслѣдъ Христу, Котораго онъ только что разрѣшилъ предать смерти. Рядомъ съ нимъ сидитъ второй римлянинъ; передъ тѣмъ стоитъ слуга, держащій въ лѣвой рукѣ тазъ, а въ правой кувшинъ. На заднемъ планѣ, зданіе въ родѣ башни, съ зубцами—вѣроятно изображающее замокъ Антонія, въ которомъ жили правители римскіе въ Іерусалимѣ.

Налѣво отъ средняго изображенія видимъ вѣнчаніе Христа терновымъ вѣнкомъ. Любопытно, что этотъ эпизодъ трактованъ художникомъ не какъ актъ осмѣянія и приниженія Христа, а, напротивъ того, какъ возвеличеніе Его, какъ настоящее Его вѣнчаніе. Римскій легіонеръ осторожно и почтительно возлагаетъ на главу Господу терновый вѣнецъ, и Господь спокойно и величественно принимаетъ возлагаемое на Него. Такое представленіе о страданіяхъ Христа совершенно согласно съ древне-христіанскими воззрѣніями первыхъ вѣковъ христіанства. Оно, очевидно, руководило художникомъ и при выполненіи крайней лѣвой сцены. Крестъ несетъ не Самъ Христосъ, а кто-то иной (по всѣмъ вѣроятіямъ, Симонъ Киренскій), сопровождаемый и погоняемый римскимъ солдатомъ. Но замыселъ сцены тѣмъ не менѣе ясенъ: она должна была служить напоминаніемъ о крестныхъ страданіяхъ Господа.— Есть основаніе думать, что эти изображенія принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ въ христіанской иконографіи.

Окончательное торжество христіанства.

Но этотъ новый государственный механизмъ имѣлъ и свои выгодныя стороны. Высокое, исключительное положеніе императора много способствовало усиленію и распространенію Христіанской Церкви. Та вѣра, на сторону которой склонился монархъ, конечно, должна была привлечь къ себѣ многихъ; Константинъ же, въ самомъ концѣ своей жизни, принялъ крещеніе и тѣмъ окончательно придалъ христіанству положеніе господствующей религіи во всей имперіи, хотя язычество и не преслѣдовалось, и самъ Константинъ, до кончины своей, не слагалъ съ себя почетнаго титула *высшаго жреца* (pontifex maximus), общаго всѣмъ римскимъ Цесарямъ.

Кончина Константина. Его сыновья. 337.

Уже съ 335 г. онъ возвелъ своихъ троихъ сыновей (отъ второго брака съ Фаустою) въ санъ *Цесарей* и передалъ имъ въ управленіе соотвѣтственныя части государства. Рядомъ съ ними — съ *Констанціемъ*, *Константиномъ* и *Константомъ*—возведены были въ санъ Цесарей еще два сына его своднаго брата *). Затѣмъ, въ маѣ 337 г., Константинъ умеръ. Въ Римѣ память его, по языческому обычаю, удостоена была торжественнаго апоѳеоза; Христіанская же Церковь, со своей стороны, изъявила Константину свою признательность, причисливъ его впослѣдствіи къ лику святыхъ.

Порядокъ государственный, установленный Константиномъ на основѣ Діоклетіановыхъ идей, оказался весьма недолговѣчнымъ. Изъ его сыновей ни одинъ не унаслѣдовалъ его ума и способностей. Первое совмѣстное дѣйствіе ихъ, исполненное ими въ видахъ обезпеченія своей власти, было проявленіемъ чисто-восточной жестокости: въ сентябрѣ 337 г. было совершено предумышленное и заранѣе подготовленное избіеніе всѣхъ побочныхъ родственниковъ Константина и его дома. Затѣмъ въ слѣдующемъ году, на съѣздѣ въ Сирміумѣ, три императора подѣлили между собою управленіе государствомъ: *Констанцій*, избравъ себѣ резиденціей Константинополь, отдѣлилъ себѣ Востокъ, Ѳракію, Азію, Египетъ; *Константъ*—избралъ Иллирійскую префектуру и Италію; *Константинъ II*—Галльскую префектуру и западную половину Сѣверной Африки. И этотъ Константинъ — первый сошелъ со сцены; въ 340 г. онъ затѣялъ войну противъ брата своего Константа, и былъ убитъ въ первой сшибкѣ съ его арміей, при Аквилеѣ. Констанцій былъ отвлеченъ войною съ Персами; а между тѣмъ возсталъ противъ Константа опасный соискатель власти его, Магненцій, и въ борьбѣ съ нимъ Константъ погибъ въ 350 г. *Констанцій*, по смерти обоихъ братьевъ достигнувшій единодержавія, вступилъ въ борьбу съ Магненціемъ, побѣдилъ его, и тотъ покончилъ жизнь самоубійствомъ. Между тѣмъ положеніе дѣлъ на Западѣ (гдѣ рейнская граница не сдерживала вторженія варваровъ и даже лѣвый берегъ Рейна съ городомъ *Колоніей* былъ захваченъ Франками) вынуждало къ передачѣ управленія въ руки лица, близкаго къ императорскому дому. Но изо всей родни только одинъ *Флавій Клавдій Юліанъ* былъ пощаженъ въ 337 г., по усиленнымъ просьбамъ императрицы Евсевіи; онъ и былъ отправленъ (въ 355 г.) правителемъ въ Галлію **), и здѣсь выказалъ административныя

*) У Константина былъ еще старшій сынъ, *Криспъ*, отъ перваго брака; но въ 326 г. онъ приказалъ его умертвить, по причинамъ, которыя довольно трудно себѣ уяснить.

**) Онъ былъ женатъ на сестрѣ императора Констанція, Еленѣ.

и военныя способности, какихъ въ немъ даже нельзя было и предполагать. Онъ отвоевалъ Колонію у Франковъ, а въ 357 г. предпринялъ даже походъ противъ Аллемановъ, надъ которыми одержалъ при *Аргенторатѣ* (нынѣ Страсбургъ) рѣшительную побѣду. Эти успѣшныя дѣйствія онъ еще упрочилъ войною противъ Салическихъ Франковъ, которые признали надъ собою главенство Рима, утвердилъ связь съ Британніей и, такъ славно возстановивъ значеніе и власть правительства на западной окраинѣ, сталъ править тамъ спокойно, одинаково-уважаемый и любимый, какъ въ войскѣ, такъ и въ народѣ.

Тѣмъ временемъ Констанцій былъ занятъ устройствомъ церковныхъ дѣлъ и улаженіемъ религіозныхъ вопросовъ, которые не мало вызывали затрудненій. Съ 353 г. христіанство было признано государственной религіей; закономъ были воспрещены языческія жертвоприношенія, храмы язычниковъ заперты, и строгія кары грозили тѣмъ, кто бы вздумалъ этимъ мѣрамъ противиться. Въ 357 г. изъ залы засѣданій римскаго Сената былъ вынесенъ жертвенникъ и древняя статуя Побѣды. А между тѣмъ богословскіе споры не прекращались въ средѣ самой Христіанской Церкви и предметомъ ихъ былъ все тотъ же догматъ о божественности Христа; соборы слѣдовали за соборами: въ 341 г. *Антіохійскій*, направленный *противъ* Аѳанасія Александрійскаго, въ 347 г. въ *Сардикѣ—за* него, въ 355 г. въ *Миланѣ*, *противъ* Аѳанасія, который даже вынужденъ былъ удалиться изъ Александріи. Аріанство раздробилось на отдѣльныя ереси; и въ противуположномъ лагерѣ также появились различныя мнѣнія — и только при непосредственной помощи императора, въ 359 г., церковное единство было опять возстановлено.

Констанцій и Юліанъ.

Именно въ этомъ году война съ Персами (начатая еще въ 358 г.) приняла такой опасный оборотъ, что Констанцій нашелъ нужнымъ потребовать подкрѣпленій изъ Галліи. Повидимому, это требованіе было обусловлено и опасеніями, которыя мелочному и подозрительному Констанцію внушалъ Цесарь Юліанъ. Лицо, отправленное въ Галлію съ этимъ порученіемъ, должно было тотчасъ вывести оттуда часть войскъ. Но въ Галліи такое распоряженіе было встрѣчено крайнимъ недовольствомъ: — тамъ войска были болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, необходимы, да притомъ и самый походъ изъ Галліи на Востокъ никому не представлялся привлекательнымъ. Тогда галльскія войска провозгласили Юліана *Августомъ*, и тотъ, зная характеръ Констанція, счелъ за лучшее — принять этотъ санъ. Онъ сдѣлалъ было попытку уладить свои отношенія къ Констанцію путемъ договора, но тотъ отвѣчалъ на это высокомѣрнымъ отказомъ; тогда Юліанъ двинулся противъ него, во главѣ войска, и дошелъ уже до *Наисса* (Ниша) въ Мизіи, когда получилъ извѣстіе о смерти Констанція (361 г.). Въ декабрѣ того же года Юліанъ вступилъ въ Константинополь.

Императоръ Юліанъ. 361. Возстановленіе язычества.

Юліанъ былъ воспитанъ въ христіанскихъ убѣжденіяхъ, наравнѣ съ сыновьями Константина Великаго. Но онъ изначала не выказывалъ особеннаго расположенія къ христіанскому богословію и болѣе проявлялъ склонности къ неоплатонической идеализаціи древней языческой вѣры. Съ трудомъ спасенный отъ злодѣйскаго замысла своихъ родныхъ, онъ по-

томъ занимался науками въ Аѳинахъ, и еще болѣе утвердился въ томъ же направленіи философскаго мышленія, которое у него стояло въ тѣсной связи съ серьезнымъ пониманіемъ нравственныхъ задачъ и строгимъ воззрѣніемъ на обязанности правителя. Вступивъ на престолъ, онъ устранилъ дорого стоившее содержаніе обширнаго придворнаго штата и облегчилъ тягость податей. Затѣмъ ревностно обратился онъ къ преобразованіямъ разнаго рода. Къ сожалѣнію, онъ не обладалъ тѣмъ свѣтлымъ умомъ своего дяди, Константина, который далъ тому возможность угадать въ христіанствѣ господствующую идею времени и сознать, что никакой, даже и могущественнѣйшій императоръ не въ силахъ былъ бы съ нею бороться. Юліанъ, напротивъ того, какъ ревностный ученикъ неоплатоническихъ мистиковъ, въ родѣ Плотина, Порфирія и Ямблиха, воображалъ себѣ, что онъ призванъ возстановить древнюю языческую вѣру и вновь положить ее въ основу государства. Прежде всего онъ объявилъ полную свободу вѣроисповѣданій, чѣмъ способствовалъ до нѣкоторой степени и распространенію зародившихся въ христіанствѣ ересей; а затѣмъ уже прямо выступилъ противъ христіанства, потребовавъ возвращенія язычникамъ тѣхъ храмовъ и тѣхъ городскихъ имуществъ, которыя были дарованы Церкви его предшественниками. Указомъ 362 г. воспрещено было христіанамъ занимать мѣста риторовъ, грамматиковъ и преподавателей въ общественныхъ заведеніяхъ; этимъ путемъ Юліанъ думалъ возвратить юношество вновь подъ руководство учителей изъ язычниковъ. Онъ попытался даже придать языческому жреческому сословію новую организацію, установить въ немъ нѣчто подобное христіанской церковной іерархіи, даже устроить и нѣчто въ родѣ благотворительности во имя своихъ боговъ, но никакъ не могъ достигнуть въ средѣ языческихъ жрецовъ того высокаго уровня нравственности, какимъ отличалось христіанское духовенство. И онъ добился только мнимаго успѣха въ средѣ тѣхъ немногихъ, которые готовы были все одобрить, лишь бы угодить Цесарю; въ массѣ народа попытка Юліана была встрѣчена полнымъ равнодушіемъ и индифферентизмомъ:— никто и не подумалъ поддержать его, всѣ только предоставляли ему дѣлать то, что ему угодно. Вскорѣ дѣло дошло и до положительныхъ преслѣдованій христіанства, отъ которыхъ, однакоже, онъ былъ отвлеченъ войною противъ Персовъ, начавшеюся весной 362 г.

Юліанъ II. Изображеніе на современной монетѣ.

Походъ этотъ сначала былъ весьма удаченъ. Побѣдоносно шелъ онъ впередъ, одержалъ въ 363 г. близъ Ктезифона большую побѣду надъ Персами и двинулся далѣе внутрь страны. Вынужденный наконецъ предпринять обратный походъ, онъ очень ловко руководилъ отступленіемъ, но во время одного удачнаго дѣла былъ смертельно раненъ стрѣлою. Войско отмстило за его смерть побѣдой; но Церковь Христіанская заклеймила память этого послѣдняго потомка Флавіевъ позорнымъ названіемъ *Отступника* (Апостата).

Походъ противъ Персовъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Утвержденіе христіанства и правовѣрія въ Римскомъ государствѣ.—Раздѣленіе имперіи на Восточную и Западную и послѣднія времена Западно-Римской имперіи.

(363 — 476 по Р. Хр.).

Іовіанъ, христіанинъ.

Преемникъ Юліана, *Іовіанъ*, избранный совѣтомъ высшихъ военачальниковъ, былъ человѣкъ неблестящихъ способностей, но честный и христіанинъ по убѣжденію. Онъ тотчасъ же отказался отъ плодовъ Юліановыхъ побѣдъ, заключивъ съ Персами миръ, по которому онъ уступилъ имъ и завоеванія Діоклетіана по сю сторону Тигра, а вмѣстѣ съ тѣмъ и *Арменію*, постоянно служившую яблокомъ раздора. Онъ оставилъ въ силѣ основное положеніе о свободѣ вѣроисповѣданій, но, собственно говоря, не успѣлъ выказать себя ни добрымъ, ни злымъ, потому что уже на обратномъ пути изъ Персіи, въ началѣ 364 года, скончался, даже еще не достигнувъ Константинополя. Высшіе сановники государства избрали Іовіану преемникомъ *Валентиніана*, префекта императорской гвардіи, и выборъ ихъ былъ удаченъ: принявъ бразды правленія, онъ назначилъ себѣ въ соправители брата своего, *Валента*, который сталъ во главѣ Восточной префектуры съ Ѳракіей и Египтомъ, между тѣмъ какъ новый Августъ принялъ въ свое управленіе три остальныя префектуры, слѣдовательно, Западъ.

Валентиніанъ I. 364. Общее положеніе дѣлъ.

Валентиніанъ I правилъ имперіей до 375 г. Ему тоже, какъ и многимъ изъ его предшественниковъ, пришлось бороться съ претендентомъ, въ удобную минуту захватившимъ власть въ свои руки. Въ связи съ этимъ, онъ объявилъ *Августомъ* своего 8-ми-лѣтняго сына *Граціана*, желая такимъ образомъ утвердить на престолѣ свою династію и успокоить народъ относительно престолонаслѣдія. Внутри государства важнѣйшею задачею все же еще являлись вопросы религіозные. Валентиніанъ съумѣлъ съ ними справиться. Онъ принялъ строгія мѣры только противъ главнаго изъ современныхъ недуговъ — противъ страсти къ волшебству и маги-

ческимъ жертвоприношеніямъ; въ остальномъ же объявилъ однимъ изъ указовъ своихъ полную свободу всѣхъ исповѣданій и не дозволилъ ни гоненій противъ язычества, ни преслѣдованій, направленныхъ въ средѣ христіанства противъ различныхъ лжеученій. Эта вѣротерпимость нанесла язычеству послѣдній ударъ; гоненія, быть-можетъ, еще пробудили бы въ немъ кое-какія, неокончательно изсякнувшія жизненныя силы; теперь же оно, при громадномъ нравственномъ превосходствѣ христіанства, утратило всякій смыслъ и значеніе, и мало-по-малу низошло на степень суевѣрія, пригоднаго только для низшихъ слоевъ населенія (pagani—paganismus). Торжество христіанства было полное, но въ самомъ лонѣ христіанскаго міра все еще продолжались раздоры. Споръ, поднятый Аріемъ, еще все не оканчивался, хотя уже значительное большинство склонялось на сторону противниковъ Арія, во главѣ которыхъ стоялъ сильный духомъ и словомъ епископъ миланскій *Амвросій*. Въ особенности непривлекательно было положеніе церковныхъ дѣлъ въ Африкѣ, гдѣ, съ 311 г., догматическіе споры привели уже прямо къ формальной религіозной войнѣ. Тогдашній епископъ карѳагенскій, Цециліанъ, былъ посвященъ въ санъ епископскій духовнымъ лицомъ, котораго общественное мнѣніе называло «предателемъ» (traditor) за то, что онъ, наравнѣ со многими другими, во времена гоненій на христіанъ, спасъ себѣ жизнь тѣмъ, что выдалъ св. книги языческимъ властямъ. Ревнители вѣры, по одному изъ своихъ вождей получившіе названіе *Донатистовъ*, поэтому не захотѣли признавать Цециліана епископомъ, исходя изъ того воззрѣнія, что *Церковь должна состоять только изъ чистыхъ* людей. Отъ подобнаго воззрѣнія до полнаго разрыва съ существующею Церковью былъ только одинъ шагъ, такъ какъ Церкви приходится постоянно имѣть дѣло со множествомъ людей нечистыхъ или невполнѣ чистыхъ. Государственная власть вступилась было въ это дѣло, но это не привело ни къ чему хорошему: толпы фанатиковъ-донатистовъ разрушали церкви, грабили и убивали. Къ донатистамъ пристало въ Мавританіи и Нумидіи простонародье, и они вели со своими противниками ожесточенную борьбу, сопровождавшуюся большими жестокостями. Наконецъ, Валентиніану удалось сыскать человѣка, который, въ сравнительно короткое время, съумѣлъ умиротворить эту провинцію, взволнованную религіозными смутами: — то былъ Флавій *Ѳеодосій*, родомъ испанецъ, который уже въ 368—370 г. отличился тѣмъ, что отстоялъ римское господство въ Британніи, выдержавъ упорную борьбу съ Пиктами и Скоттами.

Внѣшнія событія.

Въ то же время Валентиніанъ дѣйствовалъ противъ Германцевъ. Войну противъ *Вестготовъ* онъ закончилъ благопріятнымъ для имперіи миромъ (369); *Аллеманновъ*, безпрерывно возобновлявшихъ свои вторженія, онъ разбилъ при *Шалонѣ*, и съ ними, подъ конецъ своего правленія, вступилъ въ соглашеніе; въ *Панноніи*, въ Брегеціо, онъ умеръ, во время пріема посольства отъ Квадовъ и Язиговъ (375 г.). Одинъ изъ полководцевъ Валентиніана I, Меробаудъ, родомъ франкъ, провозгласилъ *Августомъ* Валентиніанова младшаго сына, еще мальчика, и такимъ образомъ у власти одновременно явились три императора: *Валентиніанъ II*, *Граціанъ* и *Валентъ*.

Граціанъ и Валентъ.

Граціанъ и Валентъ не сходились въ важнѣйшихъ изъ современныхъ религіозныхъ вопросовъ: Валентъ былъ аріянинъ, Граціанъ—противникъ Арія. Строжайшимъ указомъ воспретилъ Граціанъ всякія сходки «еретиковъ» (т. е. аріянъ). Такимъ образомъ видимъ, что между высшими представителями власти не было единства въ такое именно время, когда съ Востока вдругъ нагрянула такая бѣда, которая привела къ послѣднему акту въ исторіи Римскаго государства.

Вторженіе Гунновъ въ 375 г.

Начиная съ 371 г., въ странахъ, лежавшихъ на С. отъ Чернаго и Каспійскаго морей, замѣтно было усиленное передвиженіе народовъ. *Гунны*—смѣсь пастушескихъ и охотничьихъ монголо-туркменскихъ и татаро-чудскихъ племенъ, собранныхъ во-едино и предводимыхъ ханомъ Баламиромъ—одолѣли германо-сарматское кочевое племя *Алановъ*, и затѣмъ въ 373 г. обратились противъ Готовъ. Всѣми восточными племенами Готовъ, Остготами, Остроготами, жившими на С. отъ Чернаго моря (къ В. до Днѣпра и за Днѣпръ), правилъ въ то время царь Эрманарихъ, которому было въ то время, какъ говорятъ, болѣе ста лѣтъ. Эти племена не могли дать отпоръ дикимъ Гуннамъ, которые налетѣли какъ буря на царство Остготское и развѣяли его прахомъ. Противъ мощнаго натиска этихъ степныхъ кочевниковъ не устояло и германское мужество. Верхомъ на своихъ малорослыхъ, быстрыхъ, выносливыхъ коняхъ, съ которыми они сами какъ бы срослись съ дѣтства, и сами малорослые, нескладные,

грязные, некрасивые, съ безбородыми лицами, несоразмѣрно большими головами на крѣпкомъ коренастомъ тѣлѣ,—Гунны представлялись западнымъ народамъ скорѣе злыми духами, нежели людьми, и одинъ ужасъ, внушаемый ихъ новой, еще неизвѣстной тактикой, ихъ звѣрскою дикостью, уже подрывалъ всякое сопротивленіе имъ. Въ 375 г. они устремились на *Вестготовъ*, ближайшихъ сосѣдей Римской имперіи. Среди нихъ происходили большіе раздоры, отчасти возбуждаемые и христіанствомъ, которое, незадолго до этого времени, было проповѣдано имъ аріанскимъ епископомъ *Ульфилою* (311—381). Они не смогли выдержать натиска Гунновъ; часть ихъ, совсѣмъ оробѣвъ, рѣшилась молить о защитѣ Римлянъ,

съ которыми ихъ уже связывала общая обоимъ народомъ христіанская религія:—они задумали переселиться за Дунай и такимъ образомъ оградиться широкою рѣкою отъ страшныхъ Гунновъ. Предводимые своими вождями, Фритигерномъ и Алавивомъ, въ числѣ 200.000 человѣкъ, съ женами, дѣтьми, рабами и имуществомъ расположились они на сѣверномъ берегу Дуная и просили императора Валента о дозволеніи имъ переселиться на южный берегъ рѣки. Валентъ дозволилъ имъ, предложивъ свои, довольно суровыя условія; однакоже дозволилъ охотно. Переходъ совершился, но варвары оказались не слишкомъ расположены къ повиновенію, а римскіе чиновники оказались и подкупными, и корыстными,—и вотъ въ 377 г. вновь возгорѣлась война съ Готами, но уже на почвѣ самой Римской имперіи.

Переселеніе Готовъ въ предѣлы имперіи.

Вообще 378 г. былъ гибельнымъ для Римской имперіи. Императоръ Валентъ, правившій Востокомъ, только что заключилъ миръ съ Персами, а Граціанъ, правившій Западомъ, только что закончилъ тяжкую борьбу съ Аллеманами, нанеся имъ при Кольмарѣ сокрушительный ударъ. Такимъ образомъ, у нихъ обоихъ руки были развязаны для борьбы со страшнымъ врагомъ, забравшимся въ самое сердце имперіи. Валентъ, передъ самымъ началомъ войны съ Готами, прибылъ изъ Азіи въ Константинополь; не выждавъ прибытія Граціана, онъ выступилъ противъ Готовъ, вступилъ съ ними въ битву при *Адріанополѣ*, и эта долгая, упорная битва окончилась страшнымъ пораженіемъ Римлянъ. Самъ Валентъ погибъ во время бѣгства; сохранилось даже и такое извѣстіе, будто онъ задохся отъ дыма въ хижинѣ, зажженной преслѣдовавшими его Готами.

Битва при Адріанополѣ. 378.

Этотъ ударъ былъ ужасенъ тѣмъ, что подорвалъ значеніе Рима въ глазахъ германскихъ варваровъ, и, по нравственному впечатлѣнію, которое это пораженіе произвело на всѣхъ, его можно сравнить, пожалуй, только съ битвою при Каннахъ; можно почти сказать, что Римская имперія уже и не могла отъ него оправиться. Граціанъ, послѣ смерти Валента единодержавный, весьма благоразумно избралъ себѣ въ соправители (379 г.) *Ѳеодосія*—человѣка молодого, энергичнаго и мужественнаго*); онъ и былъ возведенъ въ санъ *второго Августа*, при чемъ Граціанъ предоставилъ ему въ управленіе Востокъ и южную часть Иллирійской префектуры. Основавшись въ Ѳессалоникѣ, какъ въ главной квартирѣ, и ловко пользуясь раздорами Готовъ, Ѳеодосій удачно разрѣшилъ свою мудреную задачу и привелъ къ тому, что въ октябрѣ 382 г. миръ былъ повсюду возстановленъ. Ѳеодосій былъ ревностнѣйшимъ христіаниномъ и противникомъ аріанизма; поэтому онъ задался мыслью во что бы то ни стало искоренить язычество и установить христіанство на незыблемой основѣ, какъ единую общую вѣру. Въ своемъ указѣ 380 г. онъ говоритъ

Императоръ Ѳеодосій. 380.

Ѳеодосій I. Изображеніе на современной монетѣ.

*) Этотъ Ѳеодосій былъ сынъ того знаменитаго полководца *Ѳеодосія* (при Валентиніанѣ I), который, послѣ своихъ побѣдъ въ Африкѣ, палъ жертвою придворной интриги.

о христіанствѣ, какъ о религіи, преподанной Римлянамъ св. Петромъ, и заявляетъ во всеобщее свѣдѣніе о своемъ намѣреніи установить единство вѣры въ имперіи. Согласно этому намѣренію, онъ собралъ въ Константинополѣ соборъ (381), на которомъ 150 съѣхавшихся отовсюду восточныхъ епископовъ установили еще разъ догматъ о единосущіи Бога-Сына съ Богомъ-Отцомъ, а также и ученіе о Пресвятой Троицѣ, какъ главную основу «каѳолической Церкви» (catholicae ecclesiae). Мірянамъ были воспрещены всякіе богословскіе споры и суровыя наказанія наложены на всякое некаѳолическое богослуженіе. Въ то же время Ѳеодосій выказалъ себя безпощаднымъ гонителемъ древнихъ культовъ. Въ 381 и 383 гг. онъ издалъ чрезвычайно строгіе указы противъ всякихъ возвратовъ къ язычеству и отпаденій отъ христіанства. Воспрещены были и языческіе обычаи и языческія увеселенія. Высшей степени достигли преслѣдованія язычества въ 391 г. въ Александріи, когда разоренъ былъ знаменитый храмъ Сераписа, при чемъ погибли и многіе изъ языческихъ философовъ, не пожелавшіе разстаться со своею вѣрой. Граціанъ послѣдовалъ на Западѣ примѣру Ѳеодосія. Тщетно просилъ его Сенатъ, въ большинствѣ еще состоявшій изъ язычниковъ, о возвращеніи той статуи Побѣды, которая издревле украшала залу его засѣданій; императоръ отклонилъ ихъ просьбу, а въ 383 г. даже сложилъ съ себя навсегда санъ «высшаго жреца» (pontifex maximus). Но его власть вскорѣ была поколеблена тѣмъ, что онъ отдалилъ отъ себя каѳолическую партію явнымъ поощреніемъ возникшей въ Испаніи аскетической секты «*присцилліанистовъ*», а въ войскѣ вызвалъ недовольство предпочтеніемъ, которое отдавалъ Германцамъ. Въ Британніи возсталъ противъ императора (въ 383 г.) весьма любимый тамошними войсками вождь, *Клеменцій Максимъ*; Граціанъ вступилъ съ нимъ въ битву близъ Парижа и потерпѣлъ пораженіе, и, вскорѣ затѣмъ, былъ умерщвленъ въ Лугдунумѣ. Максимъ былъ ревностнымъ христіаниномъ и сторонникомъ каѳолическихъ постановленій, и въ Трирѣ (его резиденціи) была впервые пролита кровь еретиковъ-присцилліанистовъ; это вызвало общее неодобреніе въ средѣ христіанъ и въ особенности заслужило порицаніе со стороны Амвросія, епископа миланскаго, и просвѣщеннаго Мартина, епископа турскаго. Юный Цесарь Валентиніанъ II, опасаясь могущества Максима, спасся бѣгствомъ къ Ѳеодосію, который принялъ сторону юноши, когда тотъ отрекся отъ аріанизма. Ѳеодосій пошелъ войною противъ Максима (388 г.), разбилъ его, и вскорѣ послѣ того Максимъ былъ убитъ, въ Аквилеѣ, воинами одного изъ полководцевъ Ѳеодосія, франка *Арбогаста*. Послѣ этого и на Западѣ Ѳеодосій принялся за искорененіе древняго языческаго культа, противъ котораго сталъ издавать указъ за указомъ. Тогда же императоръ Ѳеодосій, стоявшій въ данное время на высотѣ своего величія и могущества, выказалъ себя смиреннымъ и покорнымъ сыномъ Церкви: по приказанію архіепископа Амвросія, за тяжкое кровопролитіе, совершенное отъ имени императоровъ въ Ѳессалоникѣ, самъ императоръ явился въ Миланъ въ одеждѣ кающагося грѣшника.

Язычество попрано.

Еще разъ пришлось Ѳеодосію бороться противъ возстанія, когда вышепомянутый нами франкъ *Арбогастъ* возсталъ противъ Валентиніана II,

который и погибъ въ войнѣ съ нимъ. Франкъ-язычникъ не могъ присвоить себѣ титула императорскаго и потому возвелъ въ этотъ санъ одного изъ знатныхъ вельможъ имперіи, нѣкоего *Евгенія*. Въ 394 г. Осодосій явился къ войскамъ своимъ въ Сирміумъ, выступилъ противъ мятежниковъ и, благодаря предательству, одержалъ надъ ними побѣду. Еще во время битвы, Евгеній былъ выданъ ему и немедленно умерщвленъ. Арбогастъ самъ покончилъ съ собою; въ лицѣ его — этого послѣдняго вождя-язычника — пала послѣдняя опора языческихъ боговъ. Въ этомъ же 393 г., въ 293 олимпіаду, въ послѣдній разъ были отпразднованы и Олимпійскія игры.

Въ 395 г. умеръ Осодосій. Онъ оставилъ двоихъ сыновей, *Гонорія* и *Аркадія*, давно уже носившихъ титулъ *Августовъ*; изъ нихъ Гонорій принялъ на себя управленіе западною, а Аркадій—управленіе восточною частью Римской имперіи; оба они были еще почти мальчиками, и потому каждый изъ нихъ правилъ подъ руководствомъ старшаго сановника. Взаимная зависть этихъ министровъ-совѣтниковъ, *Стиликона* и *Руфина*, Гонорій и Аркадій. 395 г.

Стиликонъ и его супруга.

Медальонъ на Стиликоновомъ саркофагѣ въ С. Амброджіо, въ Миланѣ.

повергла имперію въ новыя смуты, и, благодаря различнымъ случайностямъ, способствовала окончательному раздѣленію имперіи на *Западную* и *Восточную*, какъ самостоятельныя государства.

Аларихъ, царь вестготскій.

Кончина могущественнаго императора Ѳеодосія, много разъ дававшая чувствовать *Вестготамъ* тягость своей десницы, ободрила этихъ варваровъ и вождя ихъ Алариха къ новымъ попыткамъ. Въ 395 г., когда были отвергнуты заявленныя ими требованія о принятіи ихъ въ союзники (foederati), они нахлынули на Грецію и произвели въ ней страшныя опустошенія, проникнувъ до самой южной оконечности Пелопоннеза.

Вандалъ Стиликонъ, правившій отъ имени Гонорія его половиною имперіи, разбилъ войско Алариха въ Пелопоннезѣ; но въ 397 г. разбитый Гоноріемъ вождь Вестготовъ Аларихъ былъ отъ имени Гонорія назначенъ префектомъ Иллиріи, и такимъ образомъ очутился на грани обѣихъ частей государства, равно грозный для той и другой. И вотъ тогда-то, по древнему обычаю Вестготовъ, онъ былъ поднятъ на щиты и провозглашенъ ихъ королемъ.

Стиликонъ.

Аларихъ довольствовался своимъ положеніемъ до 401 г., и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ миръ не нарушался въ имперіи. Правленіемъ Стиликона были всѣ довольны; онъ и въ церковныхъ вопросахъ выказывалъ достохвальную умѣренность, и къ Сенату римскому относился внимательно. Возстаніе мавританскаго князя Гильда, приписываемое проискамъ Евтропія (правившаго въ Восточной Римской имперіи намѣсто Руфина), вынудило его въ 397 г. отправиться въ Африку, гдѣ онъ вскорѣ возстановилъ спокойствіе. Но въ 401 г. вестготскій король Аларихъ приступилъ къ выполненію давно уже взлелѣяннаго имъ плана нападенія на Италію. Стиликонъ защищался отъ этого нападенія чрезвычайно ловко, привелъ Римъ въ оборонительное положеніе и создалъ даже весьма недурное войско, что уже было въ ту пору сопряжено съ большими затрудненіями, такъ какъ воинственный духъ вымиралъ на Западѣ, да и самая численность населенія постепенно уменьшалась въ угрожающей прогрессіи. Чтобы выдержать борьбу съ Аларихомъ, пришлось очистить отъ войскъ Британнію, хотя положеніе этой провинціи ничѣмъ не было обезпечено отъ нападенія непріятелей. Аларихъ былъ дѣйствительно разбитъ Стиликономъ при *Поленціи* (недалеко отъ Турина) и пораженіе нанесено было ему настолько полное, что Аларихъ былъ вынужденъ къ отступленію (402 г.); въ 403 г., когда онъ только что успѣлъ оправиться, ему было нанесено вторичное пораженіе на р. Эчѣ, послѣ чего онъ удалился въ Эпиръ. Но Стиликону не суждено было вложить мечъ въ ножны. Въ 404 г., въ тотъ годъ, когда на Западѣ происходили послѣдніе бои гладіаторовъ, съ сѣверо-востока вдругъ обрушилось на Западную Римскую Имперію полчище всякаго германскаго сброда (ихъ насчитывали до 200.000 ч.), подъ предводительствомъ германскаго князька *Радагайса*. Стиликонъ выступилъ противъ нихъ и дѣйствовалъ удивительно осторожно, сознавая, что пораженіе его будетъ гибельно для Западной Римской имперіи. Его дѣйствія были такъ искусны, что ему наконецъ удалось окружить германское полчище со всѣхъ сторонъ и вынудить къ сдачѣ голодомъ; тогда онъ приказалъ умертвить всѣхъ ихъ вождей, а всѣхъ плѣнныхъ, принадлежавшихъ къ различнымъ германскимъ національностямъ, распродалъ въ рабство.

Однакоже такіе частные успѣхи и военныя удачи не могли уже болѣе

сдерживать постоянно напиравшій съ С. приливъ германскихъ вторженій. Въ январѣ 406 г. Аланы и Вандалы перешли Рейнъ по льду; они потерпѣли пораженіе отъ Франковъ, которые смотрѣли уже на галльскую землю, какъ на свое достояніе. Но, несмотря на это, вся Галлія была

Плѣнные Готы. Съ Галберштадтскаго консулярнаго диптиха (IV—V в.).

(Рельефъ вырѣзанъ изъ слоновой кости, а потому болѣе выдающіяся на немъ лица стерты, видимо, отъ употребленія).

залита новыми и новыми толпами вторгавшихся въ нее Алановъ, Вандаловъ и Свэвовъ, и рейнская граница была навсегда утрачена для имперіи среди этого безпрерывнаго передвиженія народовъ; точно такъ же отпала отъ имперіи и Британнія, гдѣ, воспользовавшись общей сумятицей, какой-то Константинъ провозгласилъ себя даже императоромъ.

Вестготы въ Римѣ. 410.

О какой бы то ни было поддержкѣ со стороны Восточной Римской Имперіи нечего было и помышлять. Тамъ, по смерти *Аркадія*,—о которомъ нечего и сказать, кромѣ того, что онъ былъ слабымъ правителемъ, и что этимъ пользовались всѣ окружающіе,— вступилъ на престолъ Ѳеодосій II (до 450 г.), еще отрокъ. Отчасти подъ вліяніемъ восточно-римскихъ происковъ совершилась въ Равеннѣ, резиденціи Гонорія, та катастрофа, которая лишила Западную имперію послѣдней опоры: Стиликонъ, возбудившій противъ себя недовѣріе императора, былъ умерщвленъ подосланнымъ къ нему убійцей. Это повлекло за собою вторичное нападеніе Аларіха на Италію, и уже въ 408 г. онъ стоялъ подъ стѣнами Рима. Городъ, — покинутый на произволъ судьбы императоромъ, который пользовался только тѣнью власти и сидѣлъ въ Равеннѣ, — на этотъ разъ откупился отъ варваровъ, но не надолго. Когда требованія, предложенныя Аларихомъ Гонорію, какъ условія мира, не были удовлетворены, то, при посредствѣ римскаго Сената, онъ низложилъ Гонорія, затѣмъ возвелъ на его мѣсто нѣкоего *Аттала*, низложилъ и этого, овладѣлъ Римомъ въ августѣ 410 г. и предалъ его страшному ограбленію. Можно было бы пожалуй и закончить исторію Западной Римской Имперіи на этомъ событіи, которое указываетъ уже на полное преобладаніе Германцевъ, но цѣлый

рядъ случайностей долженъ былъ растянуть агонію этой имперіи еще на 60 лѣтъ. Войско варваровъ, насытившись грабежомъ, вновь покинуло Римъ; нѣсколько дней спустя и Аларихъ, видимо, задумалъ направить свои полчища изъ Рима въ Южную Италію, Сицилію и Африку. Но онъ умеръ въ томъ же году. Говорятъ, что воины Алариха погребли его останки въ руслѣ одной калабрійской рѣчки, Бурентина, и на мѣсто его избрали въ короли *Атаульфа*. Западная Римская Имперія, въ то время, доведена была до такого состоянія, что соглашеніе съ Равеннскимъ дворомъ стало возможнымъ. И дѣйствительно: британскій узурпаторъ Константинъ уже успѣлъ захватить всю Галлію; Вандалы, Аланы и Свэвы, въ 409 г., перешли черезъ Пиринеи и воевали въ Испаніи; въ 411 г. Константинъ погибъ, но на мѣсто его уже выступилъ другой хищникъ, *Іовинъ*, и поднялъ знамя бунта противъ имперіи въ

Галла Плацидія и ея юный сынъ Валентиніанъ III.

(Рельефное изображеніе на современномъ диптихѣ изъ рѣзной слоновой кости, въ соборной ризницѣ въ Монцѣ). Лицевая сторона.

Аэцій.

(Современное рельефное изображеніе на томъ же диптихѣ изъ рѣзной слоновой кости, въ соборной ризницѣ въ Монцѣ). Обратная сторона.

Могунтіакѣ. Противъ него-то выступилъ Атаульфъ и одолѣлъ его, по соглашенію съ Равеннскимъ дворомъ; въ награду за это онъ получилъ руку княжны императорскаго дома Плацидіи, и въ Южной Галліи, избравъ г. Тулузу столицею, образовалъ готское королевство, которое, однакоже, только уже при его наслѣдникѣ, по соглашенію съ Равеннскимъ дворомъ, достигло нѣкотораго умиротворенія. Въ 449 г. здѣсь явился королемъ сынъ Алариха, *Теодорикъ*.

Вестготы въ Галліи. Вандалы въ Африкѣ. 429.

Гонорію наслѣдовалъ Валентиніанъ III, сынъ Плацидіи отъ второго брака (съ 423г.); это также былъ отрокъ, отъ имени котораго правила его мать. Можно было сказать, что Западная Имперія уже не существовала самостоятельно: Британнія была покинута на произволъ судьбы, въ Галліи и Испаніи господствовали боровшіяся между собою германскія племена; при Валентиніанѣ III отпала отъ

имперіи и Африка. Вслѣдствіе личныхъ раздоровъ между обоими римскими военачальниками *Аэціемъ* и *Бонифаціемъ*, послѣдній вызвалъ въ Африку изъ Испаніи *Вандаловъ* съ ихъ королемъ *Гейзерихомъ* (429); мѣстное населеніе возстало противъ вторгнувшихся варваровъ, которые притомъ же и по вѣроисповѣданію принадлежали къ аріанству, и завязалась десятилѣтняя борьба, закончившаяся въ 439 г. тѣмъ, что Гейзерихъ занялъ Карѳагенъ и основалъ Вандальское государство въ Африкѣ. А непримиримые противники, Аэцій и Бонифацій, отправились заканчивать свою борьбу на италійской и галльской почвѣ.

Гунны подъ властью Аттилы.

Начиная съ 432 г., когда Бонифацій былъ смертельно раненъ въ битвѣ противъ своего противника, Аэцій сталъ во главѣ правленія и добился почетнаго мира съ Вестготами,—мира, который былъ отчасти вызванъ общимъ уже въ это время опасеніемъ, возбуждаемымъ *Гуннами*. Съ этимъ народомъ послѣ перваго его вторженія не происходило еще никакого непосредственнаго столкновенія. Но вотъ власть надъ гуннскими ордами перешла въ руки грознаго честолюбца и весьма способнаго вождя—*Аттилы*, Мунцукова сына. Мечъ его,—по преданію, мечъ самого бога войны, откопанный какимъ-то пастухомъ,—обрушился прежде всего на Персовъ; затѣмъ съ 441 г. онъ обратился и противъ Восточной Римской имперіи; страшныя полчища гуннскихъ всадниковъ явились подъ самыми стѣнами Константинополя, и трепещущій императоръ Ѳеодосій II могъ купить миръ только цѣною тяжкой дани (448 г.).

До насъ дошелъ докладъ грека Приска, который вмѣстѣ съ посольствомъ восточно-римскаго императора Ѳеодосія II, въ 446 г., побывалъ въ воинскомъ станѣ грознаго воителя, расположенномъ въ Панноніи, въ обширной равнинѣ между Дунаемъ и Тиссой:—этотъ докладъ ярко и живо рисуетъ передъ нами слабость глубоко-павшаго византійскаго романизма и дикую мощь побѣдоноснаго варварства. Видимъ, что и въ воинскомъ станѣ Аттилы существовалъ уже извѣстнаго рода этикетъ: когда послы императора, прибывъ къ стану Гунновъ, раскинувшемуся безконечными рядами палатокъ на необозримое пространство, задумали было разбить свои шатры на возвышеніи—Гунны, сопровождавшіе ихъ, этого не дозволили, замѣтивъ, что неприлично было бы посламъ поставить свои шатры на высотѣ, когда шатеръ ихъ повелителя находился въ равнинѣ. Во время общаго пиршества, между послами и ихъ хозяевами-Гуннами дѣло дошло до спора: Гунны восхваляли Аттилу, а Греки своего императора Ѳеодосія, и съ обычнымъ своимъ риторическимъ умѣніемъ разомъ осадили Гунновъ замѣчаніемъ: «человѣческое и божеское нельзя и сравнивать—Аттила не болѣе, какъ человѣкъ, а Ѳеодосій—богъ». Наконецъ, они приведены были къ самому Аттилѣ, который принялъ ихъ, сидя на деревянномъ креслѣ; онъ очень горячо сталъ укорять пословъ за то, что дворъ Константинопольскій даетъ убѣжище Гуннамъ-перебѣжчикамъ, однакоже принялъ подарки, переданные ему посольствомъ, и приказалъ озаботиться о томъ, чтобы послы ни въ чемъ не нуждались. Затѣмъ они вынуждены были, вмѣстѣ съ нимъ, двинуться далѣе на С., на нѣсколько дней пути, до его обычнаго мѣстопребыванія, и въ теченіе этого времени имѣли полную возможность наблюдать нравы варваровъ. Прискъ встрѣтилъ среди

этой орды и своего земляка-грека, который до того успѣлъ одичать, что ему уже нравилось житье-бытье Гунновъ: онъ находилъ здѣсь жизнь привольною, и особенно радовался тому, что не приходилось терпѣть отъ преслѣдованій со стороны сборщиковъ податей. Затѣмъ послы были приглашены къ столу Аттилы: всѣ гости были разсажены по чинамъ, въ строгомъ порядкѣ, и сидѣли около стѣнъ на стульяхъ, между тѣмъ какъ владыка и повелитель помѣщался на софѣ средп залы. Виночерпій приближается къ царю и подноситъ ему кубокъ вина; Аттила, не поднимаясь съ мѣста, кланяется знатнѣйшему изъ своихъ гостей, который тотчасъ вскакиваетъ и осушаетъ кубокъ, поднесенный ему виночерпіемъ; затѣмъ отдаетъ обратно кубокъ, и та же церемонія повторяется по отношенію къ каждому изъ приглашенныхъ. Всѣмъ гостямъ подавались изысканнѣйшія блюда на серебрѣ, а вина подносились въ серебряныхъ и золотыхъ сосудахъ; самъ же Аттила ѣлъ мясо съ простыхъ деревянныхъ тарелокъ, а вино пилъ изъ деревянной чаши; и одежда его не была украшена золотомъ, какъ у прочихъ знатныхъ Гунновъ. Когда завечерѣло—зажжены были факелы, и двое пѣвцовъ стали воспѣвать подвиги своего царя; затѣмъ явился какой-то забавникъ, а за нимъ уродливый карлпкъ, любимецъ Блэды (брата Аттилы), но самъ Аттила не удостоилъ ихъ никакого вниманія. Прискъ разсказываетъ, что онъ все время держалъ себя очень серьезно и пристойно, и что только тогда, когда къ нему подошелъ его сынъ Ирнахъ, лицо Аттилы приняло болѣе ласковое выраженіе.

Битва на Каталаунскихъ поляхъ. 451.

Императоръ Ѳеодосій II умеръ въ 450 г. Одною изъ цѣлей отправки этого посольства было желаніе разузнать о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ Аттилы. При дворѣ Константинопольскомъ, конечно, желали обрушить эту грозу на Персію; но оказалось, что Аттила задумывалъ походъ на Западъ, и что онъ къ тому былъ побуждаемъ княжною Гоноріей (дочерью Плацидіи), недовольною условіями жизни, въ которыя поставила ее мать. Въ 451 г. онъ двинулся со своего становища: громадная орда, въ 500—700 тысячъ человѣкъ, хлынула на Западъ и безъ всякаго препятствія, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія, достигла до Генабума (нынѣ Орлеана). Гибель города уже была близка:—передовые отряды Гунновъ уже успѣли вторгнуться въ городъ, когда явилось на освобожденіе его римско-вестготское войско, собранное Аэціемъ. Аттила отодвинулся къ Марнѣ. Страшная битва—одна изъ большихъ битвъ въ неизбѣжной борьбѣ Востока съ Западомъ — произошла близъ *Мавріака*, на Каталаунскихъ поляхъ (около Шалона-на-Марнѣ). Смѣшанная варварская орда Аттилы сразилась здѣсь съ римскимъ войскомъ, подъ начальствомъ Аэція, и съ Вестготами, старинными врагами Гунновъ, подъ начальствомъ царя Теодорика, сына Аларихова. Битва закончилась тѣмъ, что Аэцій побѣдилъ:—такъ, по крайней мѣрѣ, можно предположить потому, что Аттила не пошелъ далѣе на З. и вернулся въ Паннонію. Но уже въ слѣдующемъ году онъ возобновилъ нападеніе, и направилъ свой натискъ противъ Аквилеіи въ Италіи. Аэцій и новый императоръ константинопольскій, *Маркіанъ*, вступили между собою въ соглашеніе и отъ ихъ совмѣстныхъ дѣйствій можно было ожидать многаго, если бы только Аэцію удалось

выдержать натискъ Аттилы до того времени, когда Маркіанъ напалъ бы на Гунновъ съ другой стороны. Однакоже Равеннскій дворъ оробѣлъ ранѣе времени и вступилъ въ переговоры: *Левъ I* (440—461 г.), тогдашній епископъ римскій, очень ловко съумѣлъ отклонить грозу и уговорить Аттилу отъ нападенія на Италію, да и самъ Аттила согласился на его уговоры тѣмъ болѣе охотно, что понималъ всю трудность своего положенія. Вскорѣ послѣ того, страшная гроза разсѣялась: уже въ слѣдующемъ 453 году, Аттила умеръ еще въ цвѣтѣ силъ (56 лѣтъ), и все царство его распалось само собою.

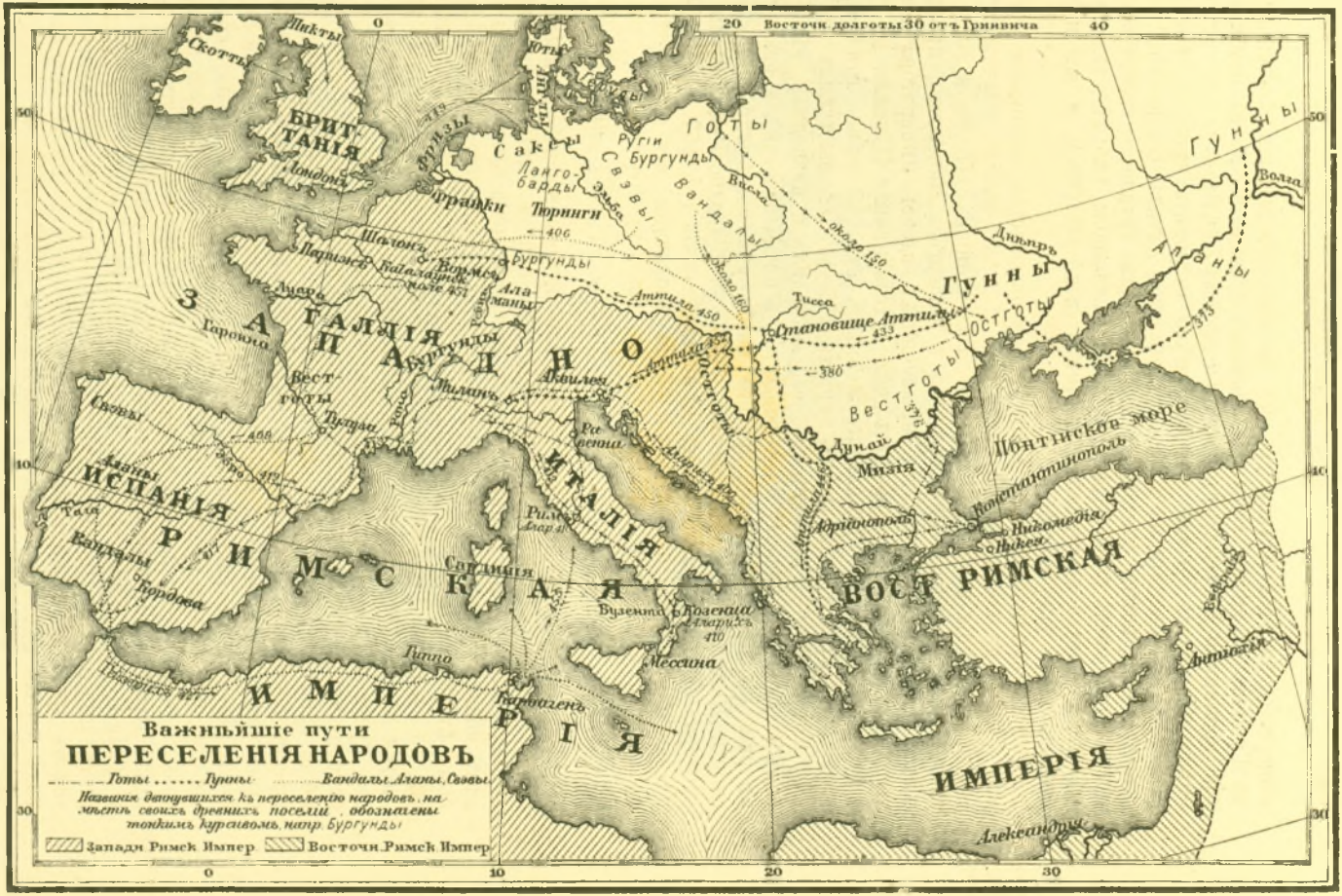
Вандалы въ Римѣ. 455. Послѣдній императоръ.

Римъ счастливо избѣгъ нашествія и ограбленія, которыми грозили ему Гунны; но когда вскорѣ послѣ того и Аэцій сошелъ обычнымъ способомъ со сцены и самъ императоръ Валентиніанъ III былъ убитъ патриціемъ Максимомъ,—Римъ не избѣгъ нашествія *Вандаловъ*, предводимыхъ *Гейзерихомъ* и, кажется, призванныхъ вдовою императора Валентиніана, Евдокіею. Четырнадцать дней похозяйничали Вандалы въ Римѣ, а затѣмъ, на своихъ тяжелонагруженныхъ судахъ, вновь отплыли въ Африку. Въ слѣдующій затѣмъ періодъ 459—472 г. выступилъ на первый планъ Свэвъ *Рицимеръ*, который возводилъ и низводилъ императоровъ по своему произволу и соображаясь съ преобладаніемъ и значеніемъ въ римской жизни того или другого изъ германскихъ народовъ. Послѣ смерти Рицимера, на мгновеніе, судьбами Западно-Римской имперіи распоряжался императоръ Левъ I, наслѣдовавшій (съ 457 г.) Маркіану, но власть его здѣсь оказалась настолько непрочною, что одинъ изъ военачальниковъ (magister militum), *Орестъ*, возставъ противъ него, возвелъ на римскій престолъ своего сына *Ромула*, собираясь править отъ его имени.

Одоакръ и императоръ Ромулъ. 476.

Тогда выступилъ на сцену одинъ изъ вождей войска, стоявшаго въ Италіи, *Одоакръ* (или Одовакаръ), незадолго передъ тѣмъ вступившій въ военную службу при Рицимерѣ:—ему предназначено было судьбою положить конецъ Западно-Римской Имперіи. Такъ какъ германскій элементъ былъ въ данное время преобладающимъ среди войскъ, стоявшихъ въ Италіи, то въ средѣ Германцевъ явилось весьма естественное желаніе утвердиться въ Италіи, пріобрѣсти осѣдлость. Они потребовали себѣ отъ Ореста треть всѣхъ земель италійскихъ въ полную собственность. Когда тотъ отказалъ, Одоакръ принялъ надъ ними начальство, призвалъ на помощь новыя толпы Германцевъ и былъ провозглашенъ королемъ (476). Орестъ поспѣшилъ укрыться въ Павіи, но лѣтомъ того же года городъ былъ взятъ приступомъ и Орестъ во время битвы убитъ. Войска Ромула попытались было еще оказать кое-какое сопротивленіе, но, конечно, тщетно, и Одоакръ одолѣлъ. Онъ не коснулся порфироноснаго отрока, и только указалъ ему для житья виллу, нѣкогда принадлежавшую Лукуллу, близъ Неаполя. Новый императоръ не былъ избранъ. Въ 480 г. умеръ и Юлій Непотъ, посаженный въ Августы Львомъ I—послѣдній, носившій, этотъ титулъ; вотъ почему этотъ годъ и принято считать заключительнымъ годомъ древне-римской исторіи, хотя уже съ 476 г. въ Италіи властвовалъ король Одоакръ и здѣсь установились тѣ же порядки, которые уже давно существовали въ Галліи, Британніи, Испаніи и Африкѣ:—и здѣсь

ЕВРОПА ВО ВРЕМЯ ПЕРЕСЕЛЕНІЯ НАРОДОВЪ.



также, во главѣ правленія страною, отвыкнувшей отъ военныхъ тревогъ, утратившей прежній духъ и силу нравственнаго преобладанія, истощенной деспотизмомъ, тягостями податей и страданіями всякаго рода, явился германскій король, опиравшійся на военную силу, окруженный своею дружиною, которой онъ роздалъ участки земли во владѣніе. Такимъ установленіемъ германскаго военнаго владычества въ Италіи совершенно правильно заканчивается исторія древности: начинается иное время, выступаютъ на сцену новые дѣятели и теченіе всей исторической жизни принимаетъ новое направленіе.

Германскіе тѣлохранители позднѣйшихъ Цесарей. Съ Траяновой колонны.

Конецъ Древней Исторіи.

Wyższa Szkoła Pedagogiczna BIBLIOTEKA GŁÓWNA w Kielcach

Указатель къ первому тому.

Абгаръ, 437.
Абидосъ, 118, 179, 350.
Авгуры, 261, 300, 428.
Августъ (К. Октавій или К. Юлій Цесарь Октавіанъ), 474—484, 487, 488, 490, 494, 496, 498, 503, 504, 541, 574. Рис.: бюстъ, 475; статуя, 489; монета, 494; его форумъ, 485; изображ. отчета о его дѣяніяхъ, 495.
Авеніо, 325.
Авентинскій холмъ, 268, 393.
Авессаломъ, 32, 33.
Авиньонъ, 325.
Авитъ (Элагабалъ), 552, 553. Монета, рис., 552.
Авлида, 193.
Авлъ Вителлій, 516, 517. Монета, рис., 517.
Авлъ Постумій, 395.
Авраамъ, 28, 29, 560.
Авреліанъ, 562, 563.
Аврелій Т. (Антонинъ Благочестивый), 532, 534. Рис., 534.
Аврелій Валерій Діоклетіанъ, К., 564—566, 568, 570, 580. Рис., 565.
Аврелій Котта, 431, 433, 434.
Аврелій Маркъ (М. Анній Веръ), 532, 546—548, 560. Рис.: сцена съ тріумфальной его арки, 545; съ побѣдной его колонны, 547.
Аврелій Пробъ, М., 563. Монета, рис., 563.
Автаритъ, 319.
Авфида, 331.
Агамемнонъ, 83, 193, 537.
Агавоклъ, 293, 308, 310.
Агезилай, 192, 193, 194, 195, 198, 200, 201.
Агеладъ Аргосскій, 145.
Агилла (Цэры), 257.
Агисъ, 240, 347.
Агоракритъ, 149.
Агрикола, Кн. Юлій, 525.
Агриппа, М. Випсаній, 478—481, 483, 488, 494. Монета, рис., 478.
Агриппа Мененій, 265.
Агриппина младшая, 509, 511. Рис., 509.
Агриппина старшая, 504, 505. Монета, рис., 504.
Адаръ, 26.
Адгербалъ, 394.
Адесъ, 314.
Адонія, 33.
Адріанополь, 573, 583.
Адріанъ Элій, 530, 532, 540. Рис.: бюстъ, 532; мавзолей, 533.
Адріатическое море, 78, 79, 163, 252, 254, 288, 289, 295, 320, 328, 329.
Азинаръ, 176.
Азія, провинція Рима, 391, 410, 440, 575, 577.
Азовское море, 101.
Азопосъ, 126.
Аканоъ, 170.
Акарнанія, 140, 368.
Аквилейя, 398, 554, 577, 584, 591.
Аквиллій М., 411.
Аквэ-Сексціэ, 400, 403.
Акрагасъ, 149, 292, 312, 313, 335.
Акрокориноъ, 138, 347, 352.
Акрополь Аѳинскій, 93, 97, 121, 122, 139, 148, 182. Рис.: 1) проэктъ возстановленія, прил. IX, 2) общаго вида развалинъ, прил. XI.
Аксій, 208.
Аксіосъ, 367.
Аксона, 451.
Акцій Л., 426.
Акціумъ, 479, 480.
Алавивъ, 583.
Аланы, 563, 582, 587, 588.
Аларихъ, 586—589.
Албанская гора, 551.
Албаны, 436.
Алезія, 458.
Александридъ, 203.
Александрія, въ Африкѣ, 232, 285, 297, 370, 465, 477, 479, 532, 535, 542, 563, 573, 574, 578, 584; библіотека, 247;—въ Азіи, 235;—на Индѣ, 239.
Александръ, царь Македонскій, 125.
Александръ Великій (Македонскій), 26, 162, 202, 220, 223—246, 248—252, 281, 282, 285, 295 296, 346, 369, 438, 440, 466, 469. Его серебр. монета, рис., 251.
Александръ II, сынъ Ал. Вел. 282—285.
Александръ Молосскій, 279.
Александръ Северъ, 510, 553, 560. Монета, рис., 553.
Александръ, еписк., 574.
Александръ, сынъ Пирра, 346.
Александръ, тиранъ Ферейскій, 200.
Алексисъ, 203.
Ализо, 490, 492.
Алилатъ, 24.
Аліатъ, 50.

Алкаменъ, 149.
Алкей, 102.
Алкивіадъ, 172—175, 177—180, 186, 188, 190. Рис., 173.
Алкмеониды, 98, 134, 144.
Аллеманы, 551, 553, 562, 563, 578, 581, 583.
Аллія, 271.
Аллоброги, 398, 444.
Алфей, 107, 139.
Альба-Лонга, 254, 257, 259.
Альба, 288.
Альбинъ Клодій, 550.
Альбинъ Спурій Постумій, 395.
Альпеной, 121.
Альпы, 322, 324—326, 328, 338, 398, 488.
Амазисъ (Амесъ), 16, 68, 69.
Амазонки, битва съ ними. Рис., 92.
Амалекитяне, 29, 31.
Аманскія ворота, 228.
Аманскія горы, 228.
Амбіорикъ, 457.
Амбракійскій заливъ, 479.
Амброны, 400.
Амвросій, 581, 584.
Аменема III. 10.
Амени, 8.
Аменотепъ, 17.
Аменофисъ IV, 21.
Амесъ, см. Амазисъ.
Амеша-Цпенды, 59.
Аминлэ, 86.
Аминтъ, 209, 241.
Аммонитяне, 28, 31, 52.
Аммонъ, 34, его святилище, 232.
Аморитяне, 27, 30, 52.
Ампсиварій, 511.
Амфиполь (Амфиполисъ). 144, 169, 170, 171, 185. 210, 367, 368, 376, 463.
Амунъ, 12, 22, 36. Рис., на древне-египетскихъ памятникахъ, 14.
Анакреонъ Теосскій, 102. 145.
Анаксагоръ Клазоменскій, 157, 158, 164, 247.
Анаксархъ, 237.
Анаксименъ, 106.
Ананы (Анамары), 321.
Ананья, 291.
Ангра-Майнисъ, см. Ариманъ.
Андалузія, 310, 354.
Андрискъ, см. Филиппъ-лжс.
Андроникъ М. Ливій, 299, 381.
Анницій, 368.
Аній, 265.
Анкъ Марцій 257.
Анкона, 117.
Аннній Милонъ Т., 453, 459.
Анталкидъ, 194 — довъ миръ, 194, 195, 198, 200.
Антеноръ Аѳинскій, 145. Рис., мраморная копія съ его мѣдной группы, 147.
Антигонъ, 283—285.
Антигонъ Гонатъ, 285, 346.
Антигонъ Досонъ, 347.
Антикиръ, 120.
Антипатръ, 225. 240, 246. 282, 283, 284.
Антифанъ, 203.
Антіохія, 530, 535, 556.—скій соборъ, 578.
Антіохъ I, 345.
Антіохъ III, Великій, 348, 352, 354—359, 410, 434.
Антіохъ IV, Эпифанъ, 370, 410, 438. Рис., 409.
Антіохъ VII, 438.
Антоній К., 443, 444; см. Каракалла,—Маркъ, 463, 473—480; рис.: бюстъ, 474; монета, 478: — Примъ 517.
Антонинъ Благочестивый, Т. Аврелій, 532, 534. Рис., 534.
Анцира, 495.
Анціумъ, 279.
Аоосъ, 351.
Апеллесъ, 244.
Апелликонъ Теосскій, 247.
Аполлоній Тіанскій, 559. 560.
Аполлонъ, 80, 82, 150, 189. Дельфійскій, 62, 105, 127, 262. Ликейскій, 245. Бельведерскій, рис., 83; храмы его: въ Фигалеѣ, 149; въ Ликеѣ, 245; въ Дельфахъ, 107, 211. Оракулъ, см. Дельфійскій оракулъ. Его треножникъ. въ память Платейской битвы, рис., 127. Римскія въ честь его игры, 384.
Аппенины, 254, 276, 297, 470.
Аппіева дорога, 306, 459.
Аппій: Гердоній, 266; Клавдій, 267, 268;—Клавдій Слѣпецъ, 291.
Апулей Сатурнинъ, Л., 403, 404.
Апулія, 276, 280, 288, 329, 330, 334, 337, 338, 384. 409, 486.
Арабы, 24, 28, 69, 118.
Аравійскій заливъ («Счастливая Аравія»), 23.
Аравійская пустыня, 535.
Аравія, 23, 251,—Каменистая, 530,—Южная, 24, 33.
Арагонія, 354.
Арадосъ см. Арвадъ.
Арадъ, 52.
Аракоты, 57.
Араръ, 449.
Аратъ, 347.
Араузіо, 399.
Арбела, 233.
Арбогастъ, 584, 585.
Арвадъ (Арадосъ), 27.
Арваки, 378.
Арверны, 398, 457.
Аргенторатъ, 578.
Аргинузскія о-ва, 180.
Арголида, 129, 138.
Аргосъ, 79, 80, 89, 111, 171, 172, 193, 208, 218, 295, 333, 353.
Ардея, 271.
Арсопагъ, 93, 97.
Аресъ, 82, 133. Рис., 85.
Арзакиды, 553.
Арзессъ, 223.
Арзитъ, 227.
Аргивяне, 130, 131, 136.
Ариманъ (Ангра - Майнинсъ), 58, 59. Рис., 59.
Ариминумъ, 295, 326, 328. 379.
Аристагоръ, 110, 111.
Аристидъ, 114, 115. 127, 131—133, 174.
Аристіонъ, 413. Его надгробіе, прил. VII.
Аристовулъ, 439, 440.
Аристогитонъ, 98, 145. Рис., 147.
Аристотель 98, 244 — 248. Рис., 243. Его рукопись «Государства Аѳинянъ», прил. VI.
Аристофанъ, 170—172. 177, 178. 185, 186, 188, 203, 207.

Арій, 573, 574, 578, 581, 582.
Арійцы, 56, 57.
Аріобарзанъ, 234.
Аріовистъ, 449—451.
Аріонъ, 102.
Аркадій, 585, 587.
Аркадія, 80, 89, 134, 139, 191, 200.
Арменія, 24, 71, 283, 286, 410, 434, 436, 437, 510, 530, 580; Малая, 436.
Арминъ, 492, 503, 504. Предполаг. его изобр., рис., 491.
Арно, 328.
Арнпумъ, 396, 442.
Арреціумъ, 288, 328.
Арріанъ, 543.
Артабанъ, 122, 504, 553.
Артаксатъ, 434.
Артаксерксъ I, 136, 137, 177 — II, 191, 192, 194, 222—III, 222.
Артаксерксъ-Бессъ, 234.
Артаксерксъ, сынъ Папека (Адширъ Бабеканъ), 553.
Артафернъ, 110—112.
Артемида (Діана), 82, 184. Рис., 84. Ея священная роща, 120.
Артемизій, 120.
Архелай, 208, 413, 414.
Архидамъ, 134, 166, 240, 279.
Архилохъ Паросскій, 102.
Архимедъ, 335.
Архипелагъ, 413.
Архій, 196.
Архонты, 92, 93, 96, 97, 99.
Асклепіада храмъ, 374.
Аскулумъ, 292, 408.
Аспендосъ, 357.
Ассаргадонъ, 43, 44, 60.
Ассирія, Ассиріяне, 25, 28, 36, 38—40, 43, 44, 46—48, 50, 51, 53, 55, 56, 60, 118.
Ассирійскихъ царей дворецъ въ Ниневіи, рис., 45.
Аспазія, 141, 164.
Ассурбанипалъ (Сарданапалъ), 44, 46—48, 50, 51, 55, 60, 109. Рис., 44.
Ассуръ-идиль-или, 50, 51.
Ассурназирпалъ, 38. Рис., 39.
Ассуръ, 44, 56.
Астарта, 23, 30, 52, 79, 309, 311.
Астіагъ, 60, 61.
Астурійцы, 488.
Асъ, монета, рис., 261.
Аталія, 39.
Атарнея, 245.
Атаульфъ, 588, 589.
Атилій Регулъ, М., 313—315; К., 322.
Атлантическій океанъ, 455.
Атосса, 146.
Атосъ (Аѳонъ), 112.
Атридовъ сокровищница въ Микенахъ, рис., 81.
Атталъ I, 335.
Атталъ III, 370, 389.
Атталъ, ставленникъ Алариха, 587.
Аттика, 80, 91—93, 95, 96, 98, 99, 102, 105, 108, 112—114, 122—124, 126, 135, 138, 140, 143, 144, 166, 168, 177, 184, 186, 376.
Аттическихъ юношей военный танецъ, рис., 143.
Аттила, 590—592.
Афраній, 462.
Африка, провинція Рима, 376, 380, 384, 394, 397, 418, 429, 461, 466, 467, 478, 516, 532, 541, 554, 575, 577, 581, 586, 588, 590, 592.
Афродита, 79, 82. Милосская, рис., 82.
Ахавъ, 38, 40.
Ахазія, 38.
Ахайя, 129, 346, 421, 514.
Ахеяне, 80, 86, 359.
Ахейскій союзъ, 347, 353, 354, 356, 368, 377.
Ахиллесъ (Ахиллъ), 80, 83, 149, 242.
Ахура-Мазда, см. Ормуздъ.
Ахэмениды, 58, 60, 68, 70, 75, 112, 119, 179, 223, 233, 234, 242.
Ацилій Глабріонъ, М., 356.
Аэдій, 590, 591, 592. Рис. 589.
Аякидъ, 289.
Аѳанасій, 574, 578.
Аѳина (Паллада), 82, 94, 121, 141, 149, 350; Парѳеносская, рис., 152.
Аѳины храмъ: въ Эгинѣ, рис., 104, 146, на Акрополѣ, рис. 148.
Аѳины, Аѳиняне, 81, 86, 91—94, 97—99, 111—115, 117, 121, 122, 124—127, 131—138, 140, 144, 145, 148, 149, 155, 157—191, 193, 194, 196—198, 200, 203, 206, 207, 210, 212—221, 224, 225, 227, 228, 241, 244—246, 249, 275, 281—283, 346, 347, 359, 376, 413, 414, 477, 486, 530, 542, 544, 555.
Аѳинскій древній театръ Діониса, прил. X.
Аѳинскій союзъ, 163, 166, 169, 170.
Аѳинянокъ поминальная жертва, рис., 141.
Аѳинянки, вступающія въ храмъ, рис., 142.
Аѳонъ, см. Атосъ.
Ваальтисъ, 28.
Баб-илу, см. Вавилонъ.
Багадрасъ, 309.
Багистанъ, 69, 71.
Багистанскій памятникъ Дарію, рис., 70.
Багасъ, 223.
Базилевсъ, 95.
Баи, 532.
Бактрія, Бактрійцы, 57, 58, 60, 118, 124, 234, 235, 238.
Баламиръ, 582.
Балеарскіе острова, 310.
Балканскій полуостровъ, 76—78.
Баллисты: 1) полевая, приготовленная къ удару, рис., 456; 2) тяжелая, осадная, рис., 457.
Бальбинъ, 554.
Бардижъ, см. Смердисъ.
Барды, 321.
Барка, 69.
Баръ-эль-Абьядъ, см. Нилъ Бѣлый.
Баръ-эль-Азрекъ, см. Нилъ Голубой.
Бастарны, 563.
Батавія, 519.
Батавы, 492, 522, 523.
Батзэба, 33.
Баттакосъ, 426.
Бедріакъ, 516, 517.
Белги, 399—451.
Белита, 26.
Белловаки, 451.
Беллоны храмъ, 418.
Белуджистанъ, 240.

Бе(э)ль, см. Ваалъ.
Бельгійская область, 488.
Беневентъ, 294, 295, 306, 494.
Бени-Гассанъ, 10.
Бессъ, 234.
Бестія Л. Кальпурній, 395.
Бибій Панза, К., 475.
Бибракта, 449.
Бибула, М. Кальпурній, 447.
Билита, 28.
Бильбилисъ, 541.
Биль-саръ-уссуръ (Валтазаръ), 64.
Бинъ-Нираръ, см. Рамманирарь III,
Бирза, 311, 374, 375.
Бирзъ-Нимрудъ, рис., 26.
Бледа, 591.
Боадицея, 510, 511.
Бовіанумъ, 280.
Богемія, 490.
Боденское озеро, 449.
Бойи, 288, 320, 321, 325, 353.
Бонифацій, 590.
Бононія, 353.
Босфоръ, 218.
Бохусъ Мавританскій, 395, 397.
Бразидъ, 169—171.
Брегеціо, 581.
Бретань, 455.
Британникъ, 509, 511.
Британнія, 455, 506, 507, 510, 514, 525, 530, 534, 535, 541, 551, 562, 565, 566, 578, 581, 584, 586, 587, 589, 592.
Британцы, Бритты, 456, 511.
Бруктеры, 523.
Брундузіумъ, 306, 320, 417, 440, 461, 463, 478.
Бруттія (Бруттіумъ), 334, 340, 384.
Бруттіи, 291.
Брутъ Децимъ, 475.
Брутъ М. Юній, 472, 476, 477, 486. Монета, рис., 472.
Будда, 239.
Бура, 203.
Бурентинъ, 588.
Бурръ Афраній, 510, 511.
Буцефалъ, 243.
Бэбій К., 395.
Бэла храмъ, 236.
Бэтика, 516.
Ваалъ (Бель, Бэль), 22, 24, 26, 28, 30, 37, 38, 51, 52, 54, 231, 311. Мелькартъ, 79, его культъ, 56. Рис., храмъ Бэля, 26.
Вавилонъ (Баб-илу), Вавилонія, Вавилоняне, 25, 28, 36, 40, 42—44, 47, 50—56, 60, 62, 64, 65, 71, 118, 191, 228, 233, 234, 236, 250, 251, 281, 285, 551, рис., камей вавилонскій, 52.
Вадимонское озеро, 270, 280.
Вакхъ, 362, 363.
Вакханаліи, 362 — 364. Бронзовая таблица съ запрещеніемъ вакханалій, рис., 363.
Вакцеи, 378.
Валенсія, 354.
Валентій, 516.
Валентиніанъ I, 580, 581.
Валентиніанъ II, 581, 584.
Валентиніанъ III, 589, 592. Рис., 588.
Валентъ, 580, 581, 582, 583.
Валеріанъ, 560, 562.
Валеріи: Л., 268;—М., 312, 338;—Волузъ, М., 265;—Лэвинъ, П., 290—Флаккъ, Л., 361, 364, 414, 416;—Марціалъ, М. 543.
Валтазаръ, см. Биль-сарь-уссуръ.
Вангіоны, 451.
Вандалы, 562, 587, 588, 590, 592.
Варронъ, Теренцій, К., 330—332; М., 462.
Варръ Кв., 490, 492.
Варуна, см. Уранъ.
Ватимій П., 448.
Везерь, 490.
Везонціо, 450, 516.
Везувій, 524, 543.
Вейи, 267, 269, 270, 273.
Велледа, 523.
Венеты, 272, 321, 455.
Веніаминово колѣно, 31.
Венузія, 288, 291, 306, 332, 409, 486.
Веретрангъ, 58.
Верресъ, 424, 431, 443.
Верцингеторигсъ, 457, 458.
Верцэллэ, 402, 403.
Веръ Л., 546, 548.
Веспасіанъ, Т. Флавій, 514, 517—519, 522, 524, 546. Рис.: бюстъ, 518; монета, 518; его Колизей, 521, 523.
Веста (Гестія), 253. Рис. круглаго храма Весты, 513.
Весталки, рис. 253, 495.
Вестготы, 581, 586, 590, 591.
Ветера (Ксантена), 502.
Вефиль, 37.
Видарна (Гидарнесъ), 119, 121.
Византія, 110, 130, 210, 218, 222, 574.
Виндексъ, Юлій, 514, 516.
Виндобона, 548.
Випсаній Агриппа, М., 478—481, 483, 488, 494. Монета, рис., 478.
Виргилій (Вергилій) Маронъ, П. 484. Рис., 484.
Виргинія, 267.
Виридомаръ, 334.
Виріатъ, 378.
Вистаспъ (Гистаспъ), 70.
Вителлій Авлъ, 516, 517. Монета, рис., 517.
Вифинія, 283, 285, 286, 359, 410, 411, 433, 440, 478, 527.
Віасъ, 62.
Віенна, 448, 541.
Віотія, Віотійцы, 78, 108, 121, 122, 124—127, 129, 138, 140, 149, 167, 170, 193, 194, 197, 198, 202, 368, 376, 416.
Волеро Публилій, 266.
Вологезъ IV, 550.
Волузъ, М. Валерій, 265.
Вольски, 263, 264, 267, 269, 277—279.
Вононъ, 504.
Воспорское царство, 411, 434, 436, 439, 465.
Вульзо, Л. Манлій, 313, 314.
Габиній, А., 432; его законъ, 432.
Габріасъ, 71.
Гавгамела, 232, 233, 240.
Гада колѣно, 30.
Гадесъ, 82, 340.
Гадруметъ, 312.
Газа, 65, 231, 348.
Гакапта (Hakapta), 12.
Галатія, 345, 359.

Галаты, 360.
Галенъ, 548.
Галерій, 565, 567, 570. Медальонъ, рис., 570.
Галисъ, 50, 62, 210, 231, 358.
Галикарнасъ, 227.
Галіакмонъ, 208.
Галіартъ, 194.
Галіатъ, 61.
Галліенъ, 562, 567. Медальонъ, рис., 562.
Галлія, 271, 325, 354, 398, 448, 449, 454—457, 467, 481, 488, 507, 514, 522, 530, 535, 541, 544, 562—564, 575, 577, 578, 587—589, 592. Трансальпійская (Нарбонинская), 421, 448, 476; Цисальпійская, 448, 475.
Галлы (Кельты), 101, 270—273, 280, 288, 290, 321, 322, 325—327, 331, 333, 338, 344, 345, 348, 353, 381, 451, 458, 469, 522. Умирающій галлъ, рис., 345.
Галлъ Цестій. 514.
Гальба Сервій Сульпицій, 514, 516. Монета, рис., 516.
Гамадъ, 52.
Гамилькаръ, 353.
Гамилькаръ Баркасъ, 314. 316, 318, 319, 323, 339.
Гамунъ, 57.
Гангъ, 57, 238.
Ганимедъ, 537.
Ганнибалъ, 312, 323—331, 333—342, 353, 355, 357, 358, 361, 362, 366, 372.
Ганнонъ, 316, 318, 325.
Гармодій, 98, 145. Рис., 147.
Гарпалъ, 240, 249.
Гарса Теренгилій, 267.
Гаруды, 451.
Гасдрубалъ, зять Гамилькара, 315, 323.
Гасдрубалъ, сынъ Гамилькара, 323, 330, 331, 336—339.
Гасдрубалъ, послѣдній карѳагенскій полководецъ, 375.
Гатрія, 288.
Гаубарува, 111.
Гаумата, 70.
Гедрозійская пустыня, 240.
Гезіодъ, 84, 85, 156.
Геиркте (Монте-Пеллегрино), 316.
Гейзерихъ, 590, 592.
Гела, 155, 292, 313.
Гелике, 203.
Геликонъ, 85, 140.
Геліополь, 12.
Гелія, 96, 99.
Геллеспонтъ, 111, 118, 124, 130, 180, 214, 225, 285, 357.
Гелонъ, 117, 128, 266.
Гельветійцы, 449.
Гельвій Пертинаксъ, 549.
Гемеллъ Тиберій, 505.
Геминъ, Кн. Сервилій, 328, 329, 331.
Генабумъ, 591.
Геннегау, 452.
Генузій Кней, 266.
Генузэскій заливъ, 353.
Генуя, 341.
Геній, 366. 368.
Гера, 82, 144. Прил. IV, ея храмъ, 168.
Гераклея, 290, 294, 357, 377, 434.
Гераклиты, 158, 179, 193, 347.
Геракль, 79, 80, 186, 192, 208. Рис., 106; его роща, 113.
Геракль (сынъ Алекс. Македонск.), 285.
Герговія, 458.
Гердоній Аппій, 266.
Геркуланумъ, 524.
Геркулесовы столпы, 27, 68, 432.
Геркулесъ, 367, 378. Фарнезскій, рис., 106.
Германикъ Друзъ, 494, 503—505, 509. Рис., 501.
Германія, 451, 490, 492, 503, 511. 522, 530, 546, 551.
Германцы, 399, 400, 449—451, 455, 481, 488, 490, 492, 502, 503, 523, 546, 547, 553, 562, 563, 581, 584, 587, 592. Германскіе всадники съ римскими легіонерами, рис., 500.
Гермесъ, 77, 82, 106, 174. Рис. 204.
Гермій, 245.
Гермополисъ, 8.
Гермундуры, 511.
Гермы. 174.
Герники 263, 267, 269, 277, 280.
Геродотъ (Галикарнасскій). 10, 26, 43, 48, 49, 60, 61, 68, 71. 74, 105, 106, 108. 109, 112, 121, 130, 157. 158, 170, 203. Рис., 158.
Гессій Флоръ, 514.
Гестія, см. Веста.
Гета, 551.
Геты, 224.
Гефестіонъ, 241, 248.
Гефестъ, 82.
Гея, 350.
Гибеонъ, 30.
Гиберія (Ирландія), 525.
Гигесъ, 44, 50, 68.
Гидарн(ъ)есъ, см. Видарна.
Гидаспъ(Витасѳу).рис., 239.
Гидеонъ, 30.
Гизэ, 9.
Гиксы, 16. Головы сфинксовъ, изобр. ихъ царей. рис., 16.
Гилиппъ, 175, 176.
Гильдъ, 586.
Гимера, 128, 266.
Гиндукушъ, 238.
Гиперволъ, 178.
Гиперидъ, 221, 246.
Гиппархъ, 98, 145.
Гиппеи, 95.
Гиппій, 98, 99, 112, 114, 115, 122.
Гиппо, 318, 319.
Гиппонаксъ, 145.
Гирканское море, 251.
Гирканцы, 57, 60, 71, 118.
Гирканъ Маккавей, 438, 440.
Гирцій А., 475.
Гиспалисъ, 380, 470.
Гистаспъ, см. Вистаспъ.
Гистіей, 110, 111.
Гифазисъ, 239, 251.
Гиѳейонъ, 200.
Гіемпсалъ, 394.
Гіероглифъ, камень, Лаозетты, рис., 12.
Гіеронъ, 266, 308, 312, 317, 325, 333.
Глабріонъ, М. Ацилій, 356.
Главкъ Хіосскій, 62.
Главкъ Спартіатъ, 105, 106.
Главцій, К. Сервилій, 403, 404.
Гластовъ, 535.
Гобрій, 111.
Гозенъ (Гессемъ), 28.

Гокшазы, см. Гиксы.
Гомеръ, 80—85, 101, 104. 106, 143, 149, 156. 160. Рис. 81.
Гомонъ, 452.
Гонорій, 585, 586, 587.
Гонорія, 591.
Горацій, 259.
Горацій М., 268.
Горацій Флаккъ, Кв., 484, 486, 487.
Горгій Леонтинскій, 158, 186.
Горгона, 148.
Гордіанъ I, 554.
Гордіанъ II, 554.
Гордіанъ III, 554. Статуя, рис., 554.
Гордія, 227, 228.
Гортензій Кв., 431, 443.
Гостилій Туллъ, 257.
Гостилій Манцинъ, К., 378.
Готоны, 504.
Готы, 547, 554, 560, 562, 582, 583. Плѣнные, рис., 587.
Гракхи: Тиберій Семпроній — дѣдъ, 361, 378; внукъ, 387, 389, 424; Кай, 387, 388, 390—393. 424; Корнелія, 387.
Гранада, 310, 354.
Граникъ, 226, 227, 237.
Граціанъ, 580, 581, 582. 583, 584.
Греція, Греки, Эллада, Эллины, 50, 55, 61, 62, 68, 76—78, 80, 81, 83, 84, 86, 88—91, 94—96, 100. 101, 103—105, 107—118. 120 — 131. 133 — 140. 143—147, 149, 154, 156—158, 160—165, 169—171. 174, 176, 180—182, 185. 190—195, 198, 199, 201. 202, 209—223, 225, 228—230, 240, 242, 247, 249, 253, 254, 257, 262, 263, 277, 281, 283, 286, 292—294, 312, 320, 334, 344. 346—348, 351—354, 356, 357, 359, 364—366, 368. 376, 377, 380, 410—413. 463, 486, 514, 538, 540, 542, 586, 590, Рис.: воины, вооружающіеся, 109; въ полномъ вооруженіи. 113; трагическая фигура актера, 157; мужской и женскій костюмы, 207—210; монета IV вѣка, 211; вазы: Памѳеева, приложеніе V, Дурисова, приложеніе VIII.
Гротъ, 202.
Гуманъ, 349.
Гунны, 582, 583, 590—592. Рис., 582.
Гутта, 418.
Гэзаты, 321.
Давидъ, 31—33, 36, 51.
Дагонъ, 25.
Дакія, 525, 528, 541, 560. 563.
Далмація, 490.
Дамаскъ, 32, 33, 38. 40. 52.
Даніилъ. 64.
Данъ, 37.
Дарій (Дараявушъ) I, 70—72, 74, 75, 109—111. 114—115, 146, 242. Рис.: памятникъ ему въ Багистанѣ, 70; дворецъ его въ Персеполѣ, 72; Дарій со свитой, 74; мѣсто погребенія его близъ Персеполя. 116; дарейки—золотая и серебряная, 73.
Дарій II, Нотъ, 179, 222.
Дарій III, Кодоманъ, 223. 228—230, 233. 234.
Даскиліонъ, 63.
Датисъ, 112, 119.
Дейокъ, 60.
Декелейя, 177.
Деліонъ, 170—172. 185.
Делосъ, 80, 133, 136, 189, 381.
Делосскій союзъ. 135. 177.
Дельфы, 105, 122, 128. 140. 171. 197, 211.
Дельфійскій оракулъ. 62. 90, 98. 105. 121, 140, 164. 187, 262.
Дельфійская община. 137.
Дельфійскій храмъ, 144, 219.
Дельфійскій судъ амфиктіоній, 211.
Демадъ, 216.
Демаратъ, 115.
Деметра, 82, 105.
Деметрія, 351, 352, 359.
Демокедъ, 110. 145, 146.
Демокритъ, 158, 359.
Демонаксъ. 544.
Демосѳенъ, 168, 169, 172. 175, 176. 202, 212—214. 216, 217, 219—221, 246, 282, 283. Рис., 212.
Демофилъ, 246.
Денаръ, монета, рис., 298.
Дентатъ, Маній Курій, 294. 297.
Детмольдъ, 492.
Децебалъ, 525, 528.
Децимъ Брутъ, 475.
Децій Мусъ, П., 278.
Децій, 554, 560, 562, 567. Монета, рис., 555.
Дидій Юліанъ, 549. Монета, рис., 550.
Дидона, 309.
Дикэархъ, 359.
Димитрій, сынъ Антигона, 284, 285, 289, 292.
Димитрій, сынъ Филиппа V, 364.
Димитрій Фаросскій, 320, 333, 334.
Диррахіонъ. 462, 463.
Діакрія, 93.
Діана Версальская (Артемида), рис., 84.
Діаны храмъ, 393.
Діодоръ, 226.
Діоклетіанъ, К. Авреліи Валерій, 564—566, 568. 570, 580. Рис., 565.
Діомедъ, 83.
Діонисій—тираннъ Сиракузскіе, 207, 293.
Діонисій Фокейскій, 111.
Діонисъ (Вакхъ), 102, 103, 105. Рис., 102; его храмъ, 148. — празднества, 149. 152. — праздникъ, рис., 103. — театръ, приложеніе X.
Діонъ Кассій, 449.
Діоскурія, 410.
Діосъ, см. Зевсъ.
Діэй, 377.
Днѣпръ, 582.
Доверъ, 456.
Додонскій оракулъ, 79.
Домиціанъ, 517, 524, 525. 526; статуя, рис., 526; монета, рис., 527.
Домицій Л., 461.
Домицій Неронъ, 509, 510, 511, 512, 514. 516, 540. Рис. 510.
Домицій Ульпіанъ, 551, 553.
Донатисты, 581.
Донъ, 48.
Дорида, Доряне, 79, 80,

86, 89, 92, 108, 134, 140, 163.
Дорійская капитель, рис., 103.
Дорійскій стиль, 104.
Дорилай, 416.
Дорискъ, 110.
Драконъ, 93, 95.
Дранґіана, 236.
Дрепано, 316.
Друзы: М. Ливій—отецъ, 392, сынъ 407, 408;— Клавдій, 488, 490, 494, 507—510. Рис.: статуя, 508; монета, 508; камей, 509; — Германикъ, 494, 503—505, 509; рис., 501; сынъ Тиберія, 500, 505.
Друиды, 321, 448.
Дунлій К., 312.
Дунай (Истръ), 48, 110, 218, 224, 398, 511, 525, 530, 535, 546, 548, 551, 563, 583, 590.
Дурисова ваза, прил. VIII.
Дуэро, 378.
Евгеній, 585.
Евдокія, 592.
Евреи, Израиль, сыны Израиля, Израильтяне (Изри), Іудея, Іудеи, 26, 28—32, 34—37, 40, 52, 53, 55, 56, 64, 65, 410, 507, 514, 517, 522, 530, 532, 540, 555, 557.—предъ Салманассаромъ, рис., 41.
Евреевъ переселеніе въ Египетъ, приложеніе II.
Евсевія, 577.
Евтропій, 586.
Евфратъ, 17, 24, 28, 33, 36, 38, 47, 48, 50, 52—55, 57, 191, 230, 232, 233, 248, 348, 436, 437, 530, 532, 535, 563.
Египетъ, Египтяне, 5, 6, 8, 12, 14, 16—18, 20—25, 28, 29, 33, 35—37, 40, 42, 44, 46, 47, 49, 51—54, 62, 64, 68, 69, 71, 72, 101, 103, 110, 115, 119, 124, 133, 135, 137, 145, 157, 231—234, 251, 283—285, 345, 347, 348, 350, 370, 410, 464, 465, 467, 479, 480, 540, 541, 565, 577, 580. Верхній (или Южный) 7, 11, 16, 44. Нижній, 7, 16, 36, 44. Древне-египетскія изображенія: сѣва, 6; жатвы, 6; пастьбы, 7; выдѣлыванія кирпича, 8; нильскій кирпичъ, 8; писецъ, 11; судъ надъ умершими, 14; пѣхота, 18; стрѣлки, 20; садъ, 20; пиршество, 22.
Еламъ, 24.
Елена, мать Константина Великаго, 575.
Елена, дочь Константина Великаго, 577.
Елисей, 38.
Ефремово колѣно, 30.
Женева, 448.
Женевское озеро, 449.
Жешонкъ, см. Зизакъ I.
Жомромъ см. Самарію.
Ваала, 504.
Закинѳъ, 137, 359.
Зама, 342, 348.
Зевксисъ изъ Гераклеи, 205, 208.
Зевсъ (Діосъ) Олимпійскій, 77, 82, 90, 91, 94, 107, 149, 150, 192, 238, 438, 507. Итомейскій, 200. Отриколійскій, приложеніе I. Его храмъ въ Олимпіи, 148, 149, рис., 151; въ Пергамѣ, 349.
Зела, 435.
Зенонъ, 158
Зендъ-Авеста, 58.
Зеноны, 271, 321.
Зизакъ I (Жешонкъ), 37; рис., 37; имя его, рис., 37.
Зиновія, 553.
Зороастръ (Заратустра), 58, 59, 60, 73.
Зоръ, см. Тиръ.
Иберія, Иберійцы, 101, 323, 331.
Иверы, 436.
Ивикъ, 145.
Идиставизо (Идисіавизо), 503.
Изида, 21, 22, 487.
Израиль, Израиля сыны, Израильтяне (Изри), см. Евреи.
Израильское царство, 36—40.
Икарія, 102.
Иктинъ, 148.
Иліонъ, 359, 487, 537, 574.
Илія, 38.
Иллирійскіе морскіе разбойники, 320.
Иллирія, 398, 462, 494, 575, 577, 583, 586.
Иль, 26.
Имаин, 71.
Имбросъ, 110, 195.
Ингвіомеръ, 503.
Индійскій океанъ, 23.
Индія, 57, 60, 238, 239, 250, 285.
Индусы, 57, 58, 72, 118, 124.
Индъ, 33, 57, 65, 66, 74, 75, 238, 239, 348.
Инсубры, 321, 322, 325, 328, 353.
Инса, 285, 289.
Иранъ, 24, 43, 58.
Ирнахъ, 591.
Исагоръ, 99.
Исаія, 40, 42, 47.
Исменій, 195, 200.
Исократъ, 207, 217.
Испанія, 101, 271, 322, 323, 330, 333, 334, 336, 337, 339, 348, 353, 354, 378, 380, 381, 387, 399, 418, 421, 424, 428, 429, 441, 454, 459, 461, 462, 469, 470, 476, 481, 530, 535, 541, 544, 562, 584, 588—590, 592.
Иссъ, 228, 229, 231, 233, 320, 550.
Истара, 26, 44, 56.
Истары храмъ, 233.
Истмъ (Истмійскій перешеекъ), 92, 117, 118, 120—122, 124, 136, 137, 140, 171, 194, 199.
Истмійскія игры, 114, 125, 229, 352.
Истрія, 320.
Истръ, см. Дунай.
Италика, 527, 541.
Италія, 101, 144, 145, 157, 173, 252—255, 260, 262, 263, 271, 273, 276—278, 280, 288, 290—295, 301, 302, 305—307, 310, 314, 315, 320, 321, 324, 326, 327, 330, 333—336, 338—340, 343, 346, 348, 353, 356, 362, 366, 368, 372, 381, 382, 384, 385, 391, 392, 398, 399, 402, 403, 408, 409, 414, 415, 417, 419—421, 423, 424, 426,

429—432, 440, 442, 451, 454, 461, 462, 475—478, 481, 482, 487, 492, 512, 516, 518, 528, 538, 544, 547, 551, 563, 565, 575, 577, 586—588, 591—593.
Итомэ, 134, 137, 200.
Ификратъ, 195.
Ицилій, 267, 268.
Іаванъ, 588.
Іаковъ, 30.
Іегова, 28, 30, 35, 37—39, 51, 52, 65, 522, 556.
Іегу, 38, 39.
Іезавель, 38.
Іезекіиль, 65.
Іезекія, 42, 43, 51.
Іеремія, 52, 53.
Іерихонъ, 30, 439.
Іеровоамъ, 36, 37.
Іеронимъ, 334.
Іерусалимъ, 31—35, 37, 42, 43, 51, 53, 65, 438—440, 514, 519, 520, 555, 556, 575.
Іерусалимскій храмъ, 64, 459, 507, 509, 520, 532; рис., 427; седмисвѣчникъ храма, рис., 439.
Іессей, 31.
Іисусъ Навинъ, 30.
Іоавъ, 33.
Іоакимъ, 52.
Іовіанъ, 580.
Іонаѳанъ, 438.
Іоническій стиль, 104; капитель, рис., 103, союзъ, 165, морской союзъ, 196.
Іонійское море, 137.
Іонія, Іоняне, 68, 75, 80, 86, 108, 110—112, 114, 119, 124, 127, 133, 157, 163, 166, 249.
Іорамъ, 38.
Іорданъ, 28, 30, 33.
Іосія, 51, 52.
Іуда Малекъ, рис., 37.
Іуда, сынъ Матаѳіи, 438.
Іудея, Іудеи, см. Евреи.
Іудейское царство, 36—40, 51, 52, 410, 437—440, 519, 556.
Іудино колѣно, 31, 36.
Кабейрихъ, 196.
Кабира, 434.
Кавказскія горы, 436.
Кадмея, Кадмейцы, 78, 79, 195, 196, 199, 221.
Казилинумъ, 329.
Кайета, 432.
Кай Цесарь, 494.
Калаврія, 283.
Калди см. Халдеи.
Каледонійцы, 551.
Калигула (Кай Цесарь), 505—507. Рис., 505.
Каликста Св. катакомба-усыпальница римскихъ епископовъ III в., рис., 569, 571.
Каллидромосъ, 357.
Калликратидъ, 180.
Калликратъ, 148.
Каллистратъ, 198.
Каллисѳенъ, 236.
Кальпурніи: Бестія, Л., 395; Бибула, М., 447; Пизонъ, К., 512.
Камбизъ (Камбуджія), 60, 61, 69, 70.
Камиллъ, М. Фурій, 270—274.
Камосъ, 34, 52.
Кампанія, 257, 276, 277, 279, 291, 329, 334, 361, 408, 409, 417, 498, 532. Остатки римскаго водопровода въ Кампаніи, рис. 425.
Камулодунумъ, 510.
Канахъ Сикіонскій, 145.
Канны, 331, 332.
Кантабры, 488.
Канулея законъ, 268.
Капитолій, 266, 272, 273, 300, 361, 397, 473. Капитолійскій холмъ, 261, 271, 299, 389. Капитолійская волчица, рис., 252.
Каппадокія, 286, 359, 410, 411, 543.
Капри, 498.
Капуя, Капуанцы, 276 279, 286, 305, 306, 308, 314, 333—335.
Каракалла (Антоній), 540, 551, 552. Рис., 551.
Карбонъ, Кн. Папирій, 398, 417.
Карзеолн, 288.
Каринтія, 398.
Каринъ, 564.
Карія, Карійцы, 68, 111, 119, 222, 348, 359.
Карнакъ, 18.
Карнакскіе: дворецъ, 18; храмъ, 15, 37; съ развалинъ храма, рис.: средняя колоннада, 15; царь Зизакъ I, 37; имя царя Зизака, 37; Іуда Малекъ (царственный Іуда), 37.
Карнеадъ, 376.
Карпаты, 535.
Каррэ, 459.
Картало, 333.
Картеха, 380.
Карт-Хадачъ, 309.
Кархемышъ, 52, 68.
Каръ, 564.
Карѳагенъ, Карѳагеняне, 69, 101, 117, 128, 173, 230, 262, 278, 292—294, 307—316, 318, 319, 322—324, 330, 333, 335, 339—343, 354, 355, 373—376, 379, 391, 415, 470, 590. Взятіе его, рис., 375.
Каспійское море, 72, 582.
Кассандръ, 284, 285.
Кассивелаунъ, 456.
Кассіи: Лонгинъ, К., 472, 476, 477; Спурій, 265, 277; Хэреа, 507.
Кастель, 490.
Кастора храмъ въ Римѣ, 381.
Каструмъ, 288.
Каструмъ-Новумъ, 295.
Каталаунскія поля, 591.
Каталонія, 354.
Катана, 292.
Катилина, Л. Сергій, 442—444.
Катонъ, М. Порцій, 354, 357, 360, 361, 364, 368, 371—373, 375, 377, 381, 382, 384, 385, внукъ, 444, 447, 448, 462, 467. Катонъ и Порція, рис. 302.
Катуальдъ, 504.
Катуволькъ, 457.
Катуллъ, 460.
Катуллъ, К. Лутацій, 316, 402.
Каудексъ, А. Клавдій, 312.
Каудинскія ущелья, 280.
Квады, 546, 581.
Квинаръ, монета, рис. 298.
Квинкцій Фламининъ, Т., 351—356, 361.
Квинкцій Цинцинатъ, Л., 268.
Квинтильянъ, М. Фабій, 543.
Квинтъ Росцій, 426.

Квиринальскій холмъ, 256.
Квиринъ, 261.
Кедоръ Лаомеръ, 24.
Кельтиберіяне, 360.
Кельты, см. Галлы.
Кенхрея, 138.
Керсовлептъ, 214, 215.
Кефалленэ, 359.
Кефаллонія, 137.
Кефизосъ, 92.
Кибэла, 384.
Кизикъ, 179.
Кизиль, 226.
Кикладскіе о—ва, 76, 80.
Киликійская равнина, 228.
Киликійскія ворота, 228.
Киликія, Киликійцы, 63, 119, 409, 411, 421, 432, 433, 530, 555.
Килонъ, 93, 98.
Кимвры, 398, 399, 402, 414, 426. Битва съ ними, рис., 401.
Кимонъ, 133, 134, 136, 137, 164, 169, 174.
Кимоновъ миръ, 137.
Кимэ, 266, 279.
Кингстонъ, 456.
Кинсасъ, 290.
Кинэй, 291.
Кинокефалы, 351—353, 353, 463.
Киприръ, Киприяне, 27, 40, 101, 111, 119, 133, 137, 222, 249, 448.
Киренэ, 101, 110.
Кирра, 218.
Киръ (Куру) Старшій, 61, 63 — 68, 72, 110, 142. Зданіе, воздвигнутое въ его честь, рис., 67.
Киръ Младшій, 179, 180, 190—192, 207, 222, 226.
Киссонъ, 38.
Кисъ, 31.
Китіонъ, 137
Киѳера, 169, 171.
Киѳеронъ, 126, 140, 196.
Кіаксаръ (Уваксатара), 50, 60.
Клавдіи: Аппій, 267, 268, 306; Готическій, 562, монета, рис., 563: Друзъ, 488, 490, 494, 507—510; рис.: статуя, 508; монета, 508; камей, 509; Каудексъ, Аппій, 312; М., 460; Марцеллъ, М., 322, 334 — 338; Неронъ, К., 336; Неронъ, М., 339; Пульхеръ, А., 388; Пульхеръ, П., 316; Слѣпецъ, Аппій, 291; Цивиллисъ, 522, 523.
Клазомены, 80.
Кластидіумъ, 322.
Клеархъ, 191, 192, 205.
Клейній, 172.
Клейторъ, 139.
Клеменцій Максимъ, 584.
Клеомбротъ, 198.
Клеоменъ, 99, 115.
Клеоменъ III, 347.
Клеонъ, 167, 169—172, 178.
Клеонэ, 130.
Клеопатра, сестра Алекс. Вел., 223, 285.
Клеопатра, сестра Птолемея, 465, 477, 479, 480. Монета, рис., 479.
Клитъ, 237.
Клисѳенъ, 98, 99.
Клодій, П., 453, 459.
Клодій Альбинъ, 550.
Клузіумъ, 266, 270, 271.
Клупея, 313, 315, 338.
Книдъ, 194.
Кней Помпей, см. Помпей.
Кобленцъ, 535.
Кодръ, 92, 94.
Кòза, 295.
Койста, 477.
Кокцэй Нерва, М., 526, 527.
Колизей, 524. Рис.: въ настоящемъ видѣ, 521; разрѣзъ, 523.
Колонія (Кельнъ), 490, 502, 523, 577, 578.
Колоссъ, 556.
Колофонъ, 62, 80.
Кольмаръ, 583.
Коммодъ, 548, 549. Бюстъ, рис., 548.
Кононъ, 181.
Константинополь, 128, 575, 577, 578, 583, 584, 590.
Константинъ Великій, Флавій Валерій, 127, 570, 572—575, 577. Рис.: статуя, 572, медаль, 573.
Константинъ II, 577.
Константинъ, узурпаторъ, 587, 588.
Константъ, 577.
Констанцій, 577, 578.
Констанцій Флавій, 565.
Констанцій Хлоръ, 568, 570.
Копаисъ, 140.
Кора, 105.
Коракэзіонъ, 433.
Кордуба, 379, 541.
Коринѳъ, Коринѳяне, 89, 99, 131, 137, 138, 163, 170, 181, 184, 193, 194, 196, 197, 200, 220, 221, 223, 225, 251, 347, 351, 353, 377—379, 470, 555, 556. Коринѳская война, 193 — 195. Коринѳскій заливъ, 80, 137, 138, 169; — каналъ, 470; — конвенція, 223, 249; — перешеекъ, 514; — аго стиля капитель, 205.
Корифазіонъ, 168.
Коріоланъ, Кай Марцій, 265.
Коркиръ, 163, 168.
Корнеліи, 422.
Корнелій Лентулъ, 444.
Корнелій Меруллъ, 414, 415.
Корнелій Руфинъ, II., 301.
Корнелій Сулла, Л., 397, 406, 408, 411—414, 416—422, 424, 426, 428—431.
Корнелій Тацитъ, 543.
Корнелій Цетэга, 444.
Корнелій Цинна, Л., 413 — 415, 417.
Корнелія мать Гракха, 387.
Коронея, 138, 194.
Корсика, 320, 353, 354.
Корфиніумъ, 408, 461.
Корцира, 320, 334.
Коссаи, 248.
Косъ, 132, 210.
Котта Аврелій, 431, 433, 434.
Котты, 492.
Краннонъ, 283.
Красное море, 7, 27, 32, 33, 68.
Крассъ, М. Лициній, 418, 429—431, 441, 447, 448, 453, 454, 458, 459.
Крассъ, II., 451.
Кратеръ, 249, 282, 283.
Крезъ, 61—63, 108.
Кремона, 322. 516.
Криспинъ, 338.
Криспъ, 577.
Критій, 183, 184, 186, 188.
Критолай, 377.
Критъ, 27, 32, 80, 92, 440.
Кротона, 328, 145, 146, 294.

Ксантиппъ, 127, 134, 314.
Ксенофонтъ, 162, 188, 191, 194, 205, 209, 225.
Ксерксъ (Кшіярша) I, 115—117, 120, 122—124. Воины его, рис., 119.
Ксизутръ, 25.
Ктезифонъ, 214, 459, 530, 551, 579.
Кумы, 277.
Кунакса, 191, 222.
Кура, 436.
Куріаціи, 259.
Курзоръ, Л. Папирій, 280, 295.
Курій Дентатъ, М., 294, 297.
Куріонъ, К., 460—462.
Курціусъ, 202.
Кушиты, 17.
Кушъ, 7, 44.
Кшіярша, см. Ксеркс.
Лабиниетъ, см. Набунахидъ.
Лабіенъ, Т., 458, 466, 470.
Лавріонъ, 115.
Лайи, 321.
Лакедемоній, Лакедемоняне, 133, 169, 377.
Лаконія, 80, 86, 134, 139, 169, 194, 200, 347.
Ламахъ, 172, 174.
Ламія, 282.
Лампоній, М., 418.
Лампсакъ, 180.
Лапувія, 277.
Ларисса, 463.
Ларсъ Порсена, 266.
Лары, 260, 262, 300.
Латеранъ, Л. Секстій, 274.
Латиняне, 254, 256, 262, 263, 267, 269, 277, 278, 305, 320, 337, 384, 390, 391.
Латинскій союзъ, 254, 257, 278.
Лауренціумъ, 413.
Лациніумъ, 287.
Лаціумъ, 255, 257, 258, 260, 262, 266, 277, 278.
Лебедосъ, 80.
Левитъ, 34.
Левіино колѣно, 34.
Левкопетра, 377.
Левктра, 198, 199.
Левъ I, 592.
Лемносъ, 110, 195.
Лентулъ Кн., 332, 369.
Лентулъ Корнелій, 444.
Леонидъ, 120, 121, 244.
Леонтина, 292.
Леонтіадъ, 195, 196.
Леосѳенъ, 282.
Леотихидъ, 115, 127.
Лепидъ, М. Эмилій, 428, 473, 476—478, 482. Монета, рис., 473.
Лептисъ, 319, 341, 551.
Лесбосъ, 63, 80, 102, 136, 167, 245.
Лехэонъ, 138.
Либики, 321.
Либисъ, 184.
Ливанъ, 27.
Ливилла, 500.
Ливій, 255.
Ливій Андроникъ, М., 299, 381.
Ливій Друзъ, М., 392, 407, 408.
Ливій Салинаторъ, М., 299, 339.
Ливія, Ливійцы, Либійцы, 18, 68, 118, 283, 309, 310, 313, 314, 318, 330, 331, 337, 340, 373, 374, 380, 394, 395, 424.
Ливія, супруга Августа, 488, 494, 498, 505. Рис.: монета, 494; камей, 509.
Лигурійцы, 320, 353, 360.
Лидія, Лидійцы, 44, 50, 54, 61—64, 74, 249.
Лизандръ, 179—182, 184, 186, 190, 193, 194.
Лизимахъ, 114, 283—285.
Лизимахія, 354, 357, 359.
Лизиппъ 85, 244.
Ликдамъ Наксосскій, 98.
Ликея, 245.
Ликійцы, 63, 119.
Ликія, 283, 284, 359.
Ликургъ, 86, 97, 101. Его законодательство, 87, 347.
Лилибея, 292, 293, 315, 316, 317, 325, 338, 340, 379, 466, 478.
Лингоны, 321.
Лирисъ (Гарильяно), 276, 279, 291, 414.
Лисса, 320.
Литернумъ, 361.
Лициніанъ Пизонъ, 516.
Лициній, 570, 572, 573.
Лициній Крассъ, М., 418, 429—431, 441, 447, 448, 452, 454, 458, 459.
Лициній Лукуллъ, Л., 414, 416, 432—436, 446, 592.
Лициній Мурена, Л., 417, 429.
Лициній Муціонъ, К., 514.
Лициній Столонъ, К., 274, 276.
Лициніи законъ, 387.
Локры, 108, 137, 219, 294, 340.
Лоллій Паулинъ, М., 488.
Лонгинъ, К. Кассій, 472, 476, 477.
Лонгъ, Тиберій Семпроній, 325—327.
Лондиніумъ, 508.
Лондонъ, 456.
Луара, 449.
Лугдунумъ, 502, 550, 584.
Лудій, 208.
Лузитанія, 378, 516.
Лузитанцы, 428.
Луканія, Луканцы, 277, 279, 286, 290, 291, 295, 334, 384, 430.
Луканъ, 543.
Лукка, 454, 458.
Лукрецій, 544.
Луксоръ, 18.
Лукуллъ, Луцій Лициній, 414, 416, 433—436, 446, 592.
Лутацій Катуллъ, К., 316, 402.
Лутаціевъ миръ, 317, 318, 322, 323.
Лутеція, 458.
Луцерія, 280, 288.
Луцеры, 256.
Луціанъ Самосатскій, 559.
Луцилій К., 426.
Луцій, 477.
Луцій Цесарь, 494.
Лэвинъ, П. Валерій, 290.
Лэлій, 341, 357, 387.
Лэнъ, К. Попилій, 370, 371.
Лядэ, 111.
Мавританія, 510, 532, 554, 581.
Мавріакъ, 591.
Магарбалъ, 329.
Магнезія, 132, 145, 358, 410.
Магненцій, 577.
Магонъ, 323, 339, 341.
Магушъ (Магаванъ—маги), 60.
Мадай, см. Мидія.
Мазэй, 234.
Майнцъ, 553.
Майнъ, 551.

Македонія, Македоняне, 194, 200, 207—209, 212, 214, 217—220, 223, 224, 226—228, 245, 250, 282, 283, 285, 289, 334, 345—348, 350—352, 357, 359, 364—366, 368, 380, 413, 421, 462, 476, 477.
Маккавеи, 410, 438.—Гиркапъ, 438, 440.—Симонъ, 438.
Макринъ, 552.
Макронъ, 505, 506.
Максенцій, 570, 572.
Максиминъ, 553, 554, 570, 573.
Максиміанъ, 564, 568. Медальонъ, рис., 565.
Максимъ, 554, 592.
Максимъ Клеменцій, 584.
Максимъ, К. Фабій, 324, 329, 330, 340, 361, 398.
Макцій Плавтъ, Т., 381.
Малейскій заливъ, 212, 351.
Мамертинцы, 308.
Мамертъ, 308.
Манассіи колѣно, 30.
Манассія, 43, 51.
Мандана, 60.
Манетонъ, 16.
Манліи, К, 435; М. 374.
Манліи: 443; Вульзо, Л., 313, 314; Кн., 360, 399; М. 272, 273; Торкватъ, Т., 278.
Манія Целія надгробный памятникъ, рис., 493.
Мантинейя, 139, 172, 195, 201.
Манфредонійскій заливъ, 331.
Манцинъ, К. Госцилій, 378.
Мараѳонъ и битва при Мараѳонѣ, 113. 115, 117, 140, 148, 155.
Марбуодъ, 490, 492, 504.
Маргіана, 71.
Мардоній, Мардуниджа, 111, 116, 119, 123—126.
Марзы, 280.
Марій, Кай, 396, 397, 399, 400, 402—405, 408. 411, 412, 414, 415, 433. Рис., 396.
Марій Младшій, 417, 418.
Маркіанъ, 591, 592.
Маркоманны, 451, 525, 546.
Маркъ Аврелій (М. Анній Веръ). 532, 546, 547, 548; 560. Рис.: сцена съ его тріумфальной арки, 545; съ побѣдной его колонны, 547.
Маркъ Антоній, 473—480. Рис.: бюстъ, 474; монета, 478.
Марна, 591.
Маронъ, П. Виргилій, 484. Рис., 484.
Марсій, 537.
Марсово поле, 418, 422, 466, 472.
Марсъ, 260, 261, 503.
Марта, прорицательница, 400.
Мартинъ, 584.
Марцеллъ М. Клавдій, 322, 334—338.
Марцеллы: К. и М., 494.
Марціалъ, М. Валерій, 543.
Марціи: Анкъ—257; К.—336; Кв.—366; Кріоланъ, К.—265; Филиппъ, Л.—407; Цензоринъ, Л.—374.
Масгаба, 370.
Масинисса, 340, 341, 343, 372—374.
Массилія, 101, 325, 448, 462, 541.
Матаѳія, 438.
Махаресъ, 434, 439.
Мегалополь, 200, 218, 240.
Мегара, Мегарида, Мегаряне, 89, 94, 98, 133, 136, 138, 140, 270, 220, 292.
Медіоланумъ, 322.
Медуза, 148, 149.
Мельпумъ, 271.
Меммій, К., 395, 404.
Мемнонъ, 226, 227.
Мемфисъ, 7, 9, 10, 12, 16, 20, 69, 74, 222, 231, 232, 234.—скій періодъ, 22.
Мелькартъ, 28.
Менапіи 455.
Мененій Агриппа, 265.
Менестъ, 359.
Менесъ, 7.
Менефта I, 17. Рис., 29.
Менкера, 10.
Ментеръ, 226.
Меридовое озеро, 10.
Меробаудъ, 581.
Мероэ, 44.
Мертвое море, 27.
Меруллъ Корнелій, 414, 415.
Мессалина, 508. Рис. 509.
Мессана, 200, 218, 292, 308, 312, 478.
Мессенія, Мессенцы, 80, 88, 130, 134, 139, 140, 168, 169, 194, 200.
Мессенская война, 139.
Мессопотамія, 17, 24, 57, 410, 434, 530, 546, 550.
Метавры, 339.
Метеллы: Пій, Кв. — 417, Піусъ, Кв.—429; Цецилій Кн.—377, 390; Цэцилій Кв.—395, 396, 404; 405; Цецилій Л.—315.
Меценатъ К. Цильній, 483, 486, 487.
Мидіанитяне, 28, 29.
Мидія, Мидійцы, 28, 29, 40, 48, 50, 53, 54, 58, 60, 61, 62, 64, 66, 70, 71, 112, 118, 120, 248.
Мидо-Вавилонскій союзъ, 50.
Мизенумъ, 432, 478, 481, 506.
Мизія, 359, 525, 530, 541, 560, 563, 578.
Мизраимъ, 29.
Микалэ, 127, 129, 134.
Микены, 81.
Миконъ Аѳинскій, 148.
Миланъ, 562, 564, 572, 578, 584.
Милезіонтейхосъ, 68.
Милетъ, Милетцы, 62, 63, 68, 80, 101, 110, 111, 141, 156, 227, 359.
Милита, 26, 28; ея культъ, 56.
Милонъ, 146, 294, 295, 307.
Милонъ, Т. Анній, 453, 459.
Милькомъ, 52.
Мильтіадъ, 113, 114, 133.
Милэ, 312.
Мимнермъ, 145.
Миндаръ, 179.
Минійцы, 79.
Минтурнэ, 414.
Минуцій, М., 330.
Миронъ, 540.
Миронъ Элевѳерійскій, 149.
Митилены, 167, 180, 245.
Митра, 58.
Митридатъ VI Эвпаторъ, 409, 410, 411, 413, 416, 429, 432—436, 439, 441. Рис. 410.

Миципса, 394.
Міусъ, 80.
Мнезиклъ, 148.
Моабъ, 34.
Моавитяне, 28, 31, 52.
Могунтіакумъ, Могунтіакъ (Майнцъ), 490, 589.
Мозель, 564.
Моисей, 29, 30, 35. Его пятикнижіе, 51.
Молохъ, 28, 34, 52, 311.
Монте - Пеллегрино, см. Генрикте.
Монъ-Сенисъ, 325.
Морава, 562.
Мумія египетская, рис., 23.
Муммій Л., 377, 378.
Мундъ, 470.
Мургабъ, 67.
Мурена, Л. Лициній, 417, 429.
Мурсія, 354.
Мусъ, П. Децій, 278.
Мутина, 353, 475, 476.
Муцій Сцевола, П., 388.
Муціанъ, К. Лициній, 514.
Мюльгаузенъ, 451.
Набисъ, 352, 356. 359.
Набополассаръ (Набупалусуръ), 50, 52.
Набупахидъ (Лабинитъ), 64.
Наваринскій заливъ, 168.
Навлоха, 478.
Навпактъ, 137, 169.
Навуходоносоръ (Небукаднессаръ, Набукудурусуръ), 52—54, 64, 109. Кирпичъ изъ его построекъ, рис., 53, его вѣкъ, 56.
Навуходоносоръ-Лже, 71.
Назонъ, П. Овидій, 484.
Наиссъ (Нишъ), 562, 578.
Наксосъ, 135.
Накши-Рустемъ, 69.
Напата, 68, 69.
Нарагарра, 342.
Нарбонна, 394, 398, 541.
Нарнія, 288.
Нарциссъ, 508.
Неаполисъ, 279.
Неаполь, 305, 592.
Неархъ, 240.
Нейвидъ, 455.
Нелей, 247.
Нелиды, 98.
Немаузъ, 541.
Неместы, 451.
Немея, 194, 197.
Неоклъ, 114.
Неоптолемъ, 223, 283.
Непетъ, 273.
Непотъ Юлій, 592.
Нерва, М. Кокцэй, 526, 527.
Нервы, 451, 452.
Пергалъ, 26.
Неронъ Домицій, 509—512, 514, 516, 540. Рис. 510.
Неронъ, К. Клавдій, 336.
Неронъ, М. Клавдій, 339.
Неронъ, Тиберій Клавдій, 488, 490, 492, 494, 498, 502—506, 524. Рис.: статуя, 499; камей, 509.
Несторъ, 83.
Нехо II, 52, 53, 68.
Нибуръ, 202.
Нигеръ Песценній, 550.
Нидерланды, 490.
Низайя, 136, 169.
Низибисъ, 434.
Низрохъ, 43.
Нике, 350.
Никерать, 169.
Никея, 351, 550, 574.
Никій, 169—172, 174—176, 178, 186. — ієвъ миръ, 171, 173.
Никомахъ, 244.
Никомидія, 552, 564, 567, 570.
Никопольская ваза съ изображ. Скиновъ, приложеніе III.
Нилъ, 5—8, 10, 12, 16—18, 24, 36, 40, 55, 68, 69, 75, 101, 137. Бѣлый (Баръ-эль-Абьядъ), 5. Голубой (Баръ-эль-Азрекъ), 5, близъ Сіены, рис., 5.
Ниневія, 38, 46, 47, 50—52. Рисунки: Ниневійскій дворецъ по проекту возстановленія, 44; развалины дворца: обелискъ Салманассара, 41; Тиглатъ-Пилезаръ, нападающій на городъ, 42; царь Саргонъ, 43; Санхерибъ на тронѣ, 43; Ассурбанипалъ и его царица за столомъ, 44; тріумфальное шествіе царя, 46; Ассирійская фаланга подъ стѣнами осажденнаго города, 46; Ассиріяне считаютъ убитыхъ, 47.
Ніоба, рис., 205.
Ніобиды, 204.
Новый Карѳагенъ, 323, 337, 379.
Нола, 334, 409, 412, 414, 494.
Номофилаки, 141.
Норейя, 398.
Норманлія, 455.
Нума, 534, 536.
Нумантинцы, 378.
Нуманція, 378, 379.
Нумеріанъ, 564.
Нумидійцы, 325—327, 329, 331, 373, 449.
Нумидія, 370, 394, 395, 426, 581.
Нума Помпилій, 257.
Нэбо, 26.
Нэвій, Кн., 382.
Овидій Назонъ, П., 484.
Огульніи: Кв. и Кн., 287.
Огульніевъ законъ, 287.
Одиссей, 80, 83.
Одоакръ (Одовакаръ), 592.
Озирисъ, 21, 22.
Океаниды, 150.
Оксусъ, 58, 75.
Октавіанъ, К. Юлій Цесарь (Августъ), 474—484, 487, 488, 490, 494, 496, 498, 503, 504, 541, 574. Рис.: бюстъ, 475; статуя, 489; монета, 494; отчетъ о его дѣяніяхъ, 495; его форумъ, 485.
Октавіи: 367; Кн. — 413; М.—288, 399, 414, 415,
Октавія, жена Дом. Нерона, 509, 511.
Октавія, сестра Августа, 478, 479, 494. Монета, рис., 478.
Олимпіада, 228, 284.
Олимпъ, Олимпія, 78, 79, 82, 118, 120, 149, 171, 197, 208, 366, 427.
Олимпійскія игры или празднества, 90, 107, 130, 139, 145, 173, 201, 249, 585. Рисунки: метатель диска, 91; борцы, 107.
Олиноъ.—оская война, 213, 218.
Олоръ, 170.
Омри, 37, 38.
Ономархъ, 211.
Опимій, Л., 393.
Описъ, 241.

Орестъ, 592.
Орлеанъ (Генабумъ), 591.
Ормуздъ (Ахура-Мазда), 58, 59, 61, 71, 72. Рис. 59.
Ородъ, 459.
Ороитъ, 146.
Оронтъ, 27.
Оропосъ, 376.
Орхоменъ, 79, 139, 211, 224, 416.
Орфей, 560.
Оссія, 40.
Остготы, Остроготы, 582.
Остія, 415, 432.
Остракизмъ, 99, 100.
Огонъ Сальвій, 516. Монета, рис., 516.
Офиръ, 33.
Павелъ ап., 512, 555, 556.
Павелъ, Л. Эмилій, 330—332, 366—369, 426. Тріумфъ его, рис., 369.
Павзаній, 126, 127, 130, 131, 148, 181, 182, 184
Павія, 563, 592.
Павравы, 239.
Пагазейскій заливъ, 351.
Пагазэ, 213.
Пагайя, 137, 169.
Пакувій, 426.
Паласта, 40.
Палатинскій холмъ, 256, 535.
Палеополисъ, 279.
Палесъ (Pales), 261.
Палестина, 512, 514, 540.
Паллада, см. Аѳина.
Палласъ, 508
Пальмира, 562, 563.
Памфилія, Памфиляне, 119, 133, 283, 357.
Памѳеева ваза, приложеніе V.
Панактъ, 171.
Пандозія, 279.
Панза, К. Бибій, 475.
Паннонія, 490, 541, 581, 590, 591.
Панопея, 537.
Панорма, 315, 316.
Пантадарій, 494.
Пантеонъ, 560. Рис. 515.
Пантикапея, 410.
Папиніанъ Эмилій, 551.
Папиріи: 408; Карбонъ К.—398, 417; Курзоръ Л.—280, 295.
Параліи, 93.
Паралосъ, 181.
Парижъ, 584.
Паризатисъ, 191.
Паризіи, 458.
Парма, 353.
Парменидъ, 158.
Парменіонъ, 229, 231, 233, 236.
Парнассъ, 78.
Паросъ, 114.
Парразій изъ Эфеса, 205.
Парѳанаспатъ, 530.
Парѳенонъ на Акрополѣ, 148, 149, 204. Рисунки: 150, 153, 165; украшенія, изображ. сцену боя Кентавровъ съ Лапитами, 154; юношей, ѣдущихъ въ торжественномъ шествіи, 159.
Парѳія, Парояне, 57, 60, 71, 118, 410, 436, 437, 458, 459, 470, 479, 504, 510, 530, 546, 550, 552, 553.
Пасаргадъ, 61, 70, 234.
Пасаргады, 60.
Патроны, 257.
Патриціи, 257, 264.
Паулинъ, М. Лоллій, 488.
Пауллинъ Свѣтоній, 510, 511.
Паулъ Юлій, 551.
Пафлагонія, 411.
Пахіосъ, 75.
Пейзандръ, 194.
Пейзистратъ, 98, 101, 122; —тиды, 98, 102, 112.
Пелагонія, 368.
Пеласги, 77.
Пелигны, 280, 408.
Пеліонъ, 224.
Пелла, 245, 354, 367, 368.
Пелопиды, 197, 200.
Пелопоннезъ, Пелопоннезцы, 78, 79, 80, 86, 88—90, 117, 122, 124, 126, 129—131, 136—139, 163, 166, 169—172, 178, 180, 194, 199—201, 203, 215, 218, 219, 221, 295, 333, 346, 352, 359, 585.
Пелопоннезская война, 157, 161—164, 171, 191.
Пелопоннезскій союзъ, 163, 165, 198.
Пелузійскій рукавъ, 69.
Пеней, 463.
Пенелопа, 537.
Пенинъ Помпей, 507.
Пентавръ, 22.
Пергамъ, 348, 350, 410, 416. Пергамскаго храма группа: бой Зевса съ гигантами и океанидами, рис., 160. Пергамскаго замка храмы, рис., 349, 350.
Пердикка, 223, 282, 283, 284.
Периклъ, 134—136, 138, 141, 142, 148, 159, 160, 162, 164—167, 172, 173, 197, 207, 217. Рис. 135. Его вѣкъ, 129, 138, 140, 143, 155, 158.
Перинѳъ, 110, 218, 222.
Персей, 364—368, 371, 372. Рис. 364, 369.
Персеполь, 69, 73, 222, 234. Персепольскій дворецъ Дарія, рис., 72. Рельефъ на царскихъ могилахъ, рис., 561.
Персидскій заливъ, 24, 60.
Персій Флаккъ, А., 543.
Персія, Персы, 40, 58, 60—67, 69—73, 75, 76, 99, 108, 110—126, 129—131, 135, 137, 139, 140, 146, 147, 156, 157, 163, 165, 177, 178, 180, 191, 192—195, 200, 209, 210, 217, 218, 221, 222, 226, 228, 232—235, 241, 245, 553, 562—565, 577—580, 583, 590, 591.
Персидскія войны, 109, 134, 220.
Персидскія войны Ксеркса, рис., 119.
Пертинаксъ Гельвій, 549.
Перузія, 280, 477.
Пессинунтъ, 384, 426.
Пестумъ, 295.
Песценній Нигеръ, 550
Петилій Церіалъ, 522, 523.
Петрей, 462, 467.
Пидна, 284, 367, 371.
Пиза, 322, 325.
Пизонъ, Кн., 504.
Пизонъ, К. Кальпурній, 512.
Пизонъ Лициніанъ, 516.
Пикторъ, Кв. Фабій, 382.
Пикты, 581.
Пилатъ Понцій, 555.
Пилосъ, 168—171.
Пиндаръ, 197, 203, 224.

Пиндъ, 78, 79.
Пирамида, разрѣзъ съ ея съ внутренними ходами и усыпальницами, рис., 10.
Пирамиды близъ Гизэ, рис., 9.
Пирей, 148, 181, 184, 414.
Пиринеи, 325, 338, 398. 399, 462, 488.
Пирръ, 289—295, 309, 344, 346.
Писгонъ, 30.
Исторія, 444.
Питіузскіе острова, 310.
Питомъ, 29.
Пиценумъ, 321, 329, 408.
Пиѳагоръ, 145, 158, 560.
Пиѳійскія игры, 114.
Пиѳонъ, 220.
Пій, Кв. Метеллъ, 417, 429.
Плавтъ, Т. Макцій, 381, 426.
Платея и битва при ней. 113, 124, 126—130, 147, 166—168, 198, 224. Треножникъ, даръ Дельфійскому Аполлону, послѣ Платейской побѣды, рис., 127.
Платонъ, 188, 190, 205, 244, 560, 579. Рис. 206. Его теорія государственнаго устройства, 206.
Плауцій, 408.
Плауцій, А., 508.
Плацендія, 322, 326, 327.
Плацидія, Галла, 589, 591. Рис., 588.
Плейстоанаксъ, 138.
Плиній Младшій, 527, 528, 543, 558, 559.
Плиній Старшій, 543.
Плутархъ, 246, 543.
Плэтарій Цестіанъ, 472.
По, 256, 271, 272, 280, 321, 322, 325, 326, 338, 353, 385, 402, 462.
Поленція, 586.
Полибій, 369, 377, 508.
Полигнотъ съ Тазоса, 148.
Поликлейтъ Аргосскій, 149.
Поликлетъ, 540.
Поликратъ Самосскій, 69. 98, 145, 146.
Полисперхонъ, 284.
Полиѳемъ, 281.
Помпей Страбонъ, Кн. 415.
Помпей, Кв., 411, 412.
Помпей, Кней, отецъ, 417. 418, 429—433, 435, 436. 439—441, 443, 445—448. 453, 454, 458—465. Рис.: монета, 447; статуя, 464. —ова курія, 472.
Помпей Кней, сынъ, 470.
Помпей Ценнь, 507.
Помпей Секстъ, 470, 476, 478.
Помпейополь, 433.
Помпея, 524, 539.
Помпилій Нума, 257.
Понтинскія болота, 470.
Понтійское царство, 286, 410.
Понтійскій союзъ, 413.
Понтъ, 222, 434—437, 440, 467.
Понтъ Евксинскій (Черное море), 48, 101.
Понціи: 288; К.—280; Телезинъ—418; Пилатъ—555.
Попилій Лэнъ, К., 370, 371.
Поппэя Сабина, 511, 514, 516.
Порольссумъ, 541.
Порсэна Ларсъ, 266.
Порфирій, 579.
Порцій Катонъ. М.: дѣдъ—354, 357, 360, 361, 364, 368, 371—373, 375, 377, 381, 382, 384, 385; внукъ — 444, 447, 448, 462, 467.
Поръ, 239.
Посейдонъ, 82, 203; его храмъ. 283.
Постумій, Л., 333.
Постумій Авлъ, 395.
Постумій Альбинъ, С., 395.
Потидея, 163, 172, 185.
Потопъ, изобр. глиняной таблицы съ остатками халдейскаго о немъ сказанія, 25.
Пракситель, 85, 148, 204.
Пренеста, 277, 417.
Преторіанская когорта. 379.
Примъ Антоній, 517.
Прине, 80.
Прискъ, 590.
Присцилліанъ, 584.
Пріамъ, 537.
Пробъ, М. Аврелій, 563; монета, рис., 563.
Продикъ Кеосскій, 158, 186.
Прометей, 150, 537.
Пропилеи, 148.
Пропонтида, 179, 218, 226, 433.
Простатъ, 144.
Протагоръ изъ Абдеры, 186.
Прузій, 361, 370.
Псамтикъ (Псамметихъ) I, 44, 49, 50, 68; II, 69; III (Псамменитъ), 69.
Псузеннесъ II, 33.
Пта, 12.
Птолеонъ, 356.
Птолійская возвышенность, 62.
Птолемеи, 247, 285, 297, 345.
Птолемей I Сотеръ, 283—285, 289; монета, рис., 283.
Птолемей II Филадельфъ. 247, 285.
Птолемей III Эвергетъ. 285, 347, 348.
Птолемей IV Филопаторъ. 347, 348.
Птолемей VI Филометоръ, 370. Рис. 370.
Птолемей V Эпифанъ, 348.
Птолемей XII, 464.
Птолемей XV, 465.
Птолемей Кераунъ, 344.
Публилій Волеро, 266;—Филло, 287.
Пульхеръ, Аппій Клавдій, 388.
Пульхеръ, II. Клавдій, 316.
Пунійцы, 292—294, 309—312, 314, 318, 322—328. 330, 331, 334, 335, 337, 339, 342, 380.
Пуническія войны, 309. 312, 313; первая, 312, 313—317, 320; вторая, 324; третья, 372—376.
Пуру, 239.
Путеоли, 422.
Пэдіи, 93.
Пэлла, 222.
Пэней, 139.
Пэстумъ, 279.
Пэтъ Траэса, 512.
Пятирѣчье, 57, 238.
Ра, 10, 12.
Равенна, 461, 481, 503, 504, 587—589.
Рагэ (Рага), 58.
Радагайсъ, 586.

Разоны, см. Этруски.
Раманираръ III (Бинъ-Нираръ), 39, 40.
Рамессиды, 18.
Рамессей, остатки построекъ Рамзеса въ Оивѣ, рис., 19.
Рамзесъ (Рамесса) II, 17, 18, 22, 29. Рис., 13.
Рамзесъ, городъ, 29.
Рамны, 256.
Расписная палата, 148.
Рафія, 348.
Регенсбургъ, 535.
Регійскій проливъ, 297.
Регія, 308.
Регіумъ, 294, 295.
Регулъ, К. Атилій, 322.
Регулъ, М. Атилій, 313—315.
Рейнъ, 398, 449—451, 455, 488, 490, 492, 503, 506, 511, 516, 527, 530, 534, 535, 551, 564, 577, 587.
Реміи, 451.
Ремъ, 254, 299.
Республика, 263.
Ретенну, 17.
Римъ, 247, 252, 254, 256, 257, 259, 260, 262—273, 275 — 281, 286 — 295, 297—299, 301, 303, 305—311, 313 — 321, 323 — 327, 329, 330, 332—338, 340 — 342, 344, 350 — 359, 361, 362, 364, 365, 367—373, 376—379, 384, 385, 388—391, 393—400, 403, 405—413, 415—419, 421—424, 426, 427, 429, 433—437, 439—441, 443, 445, 448, 450—453, 457 — 460, 465—468, 470—474, 479—488, 494, 498, 500, 503—505, 511, 512, 516, 519, 524, 527, 530, 532, 534—540, 543, 544, 547—556, 563—566, 572, 574, 575, 577, 578, 583, 586—588, 592. Рисунки: Римская школа, 542; внутренній видъ дома, 497; легіонскій орелъ, 430; легіонеры, 400; планъ лагеря, 452; переходъ черезъ Рейнъ, 451; надгробный памятникъ Андеса, 450; тоже, римскаго воина, 455; остатки водопровода въ Кампаніи, 425.
Рицимеръ, 592.
Роваамъ (Рехабеамъ), 36.
Родосъ, 80, 132, 210, 226, 405, 486.
Родосцы, 348, 350, 359, 366, 371, 372.
Роксана, 282, 285.
Ромулъ, 254, 257, 299.
Ромулъ (с. Ореста) Августулъ, 592.
Рона, 101, 325, 398—400, 448.
Росцій Квинтъ, 426.
Рубиконъ, 461.
Рувима колѣно, 30.
Руфинъ, 585.
Руфинъ, П. Корнелій, 301.
Руфъ П. Рутилій, 406.
Руфъ, Сульпицій, 411—413.
Сабаконъ, см. Шабаконъ.
Сабинъ Титурій, 457.
Сабинъ Флавій, 517.
Сабиняне, 256, 267, 269.
Сагартиры, 60.
Сагунтъ, 101, 324, 325, 330.
Саддукеи, 438.
Саидъ, 68.
Саки, 60, 71, 118, 124.
Сакрипортъ, 417.
Сакса Рубра, 572.
Саламинъ и Саламинская битва, 94, 102, 121—125, 127—132, 140, 150, 167, 178.
Саламинъ (Кипрскій), 137.
Салинаторъ, М. Ливій, 299, 339.
Салманассаръ II, 38, 60. Его обелискъ, рис., 41.
Салонъ, 570.
Сальвій Отонъ, 516. Монета, рис., 516.
Самарія (Жомромъ), 37, 40, 65.
Самассумукинъ, 44.
Самбра, 452.
Самніумъ и Самниты, 276, 277, 279, 280, 286, 290, 291, 294, 295, 334, 384, 408, 417, 418.
Самосъ, 136, 144, 178, 181.
Самписикерамъ, 437.
Самооракія, 367.
Самсонъ, 30.
Самуилъ, 31.
С.-Бернаръ, 325.
Санхерибъ (Син-ахи-ирибъ), 42, 43, 60. Рис. 43.
Сапоръ (Шапура), 562. Торжество его надъ Валеріаномъ, рис., 561.
Саргонъ (Сарьякинъ) II, 40, 60, рис., 43.
Сарданапалъ, см. Ассурбанипалъ.
Сардинія, 310, 319, 320, 322, 323, 353, 354, 379, 381, 390, 421, 462.
Сарды, 61 — 63, 99, 110, 111, 118, 146, 191, 227, 358.
Сароническій заливъ, 78, 136, 138, 169.
Сарпедонъ, 358.
Сассаниды, 553.
Саттагиды, 57.
Сатурналіи, 261, 291.
Сатурнинъ, Л. Апулей, 403, 404.
Саулъ, 31—33.
Сафо, 102.
Светоній Паулинъ, 510, 511.
Свэвы, 449, 451, 455, 551, 587, 588.
Священная гора, 265.
Сеамонъ (Смендесъ), 36.
Северъ Александръ, 540, 553, 560. Монета, рис., 553.
Северъ Септимій, 549—551. Рис., 550.
Северъ, Цесарь, 570.
Сегестъ, 492, 503.
Седекія, 53.
Седузіи, 451.
Сезострисъ, 17.
Сезуртосъ (Узертесъ), 8.
Секваны, 449.
Секстъ Помпей, 470. 476, 478.
Секстій Латеранъ, Л., 274, 276.
Секція законъ, 387.
Селассійское ущелье, 347.
Селевкиды, 285, 346, 348, 409, 438.
Селевкія, 459.
Селевкъ I, 284, 285; III, 348.
Селинунтъ, 173, 292, 530.
Семирамида (Семаурамата), 40.
Семиты, 23, 24, 26, 28, 58. Восточные, 24, 28. За-

падные, 27, 28. Семитскій старшина Абша, со спутниками, подноситъ подарки правителю провинціи, приложеніе II.
Семпроній Гракхъ, Т.: дѣдъ, 361, 378; внукъ, 387—389.
Семпроній Лонгъ, Т., 325—327.
Сена, 288, 339, 458.
Сенека Эннэй, 510—512, 543, 558.
Сеноны, 288.
Сентина, 280, 288.
Септимій Северъ, 549, 550, 551. Бюстъ, рис., 550.
Сераписа храмъ, 584.
Сервій Сульпицій Гальба, 514, 516. Монета, рис., 516.
Сервій Туллій, 257, 258, 259, 262, 297.
Сервиліевъ прудъ, 419.
Сервилій Геминъ, Кн., 328, 329, 331.
Сервилій Главцій, К., 403, 404.
Сервилій Цэпіо, К., 399.
Сергій Катилина, Л., 442—444.
Серторій, 415, 417, 418, 428, 429, 433.
Сестерція, монета, рисун., 298.
Сестосъ, 130.
Сетъ, 17, 18, 43.
Сиботъ, 163.
Сигамбры, 455, 488.
Сидонъ, 27.
Сикелы (Сиканы), 292.
Сикіонъ, 89, 138, 170, 347, 537.
Силанъ, М. Юлій, 398.
Силенъ, 188, 363.
Силій, К., 509.
Силоамская долина, 30.
Симонидъ, 145.
Симонъ Маккавей, 438.
Синай, 29. — скій полуостровъ, 29, 69.
Син-ахи-ирибъ, см. Санхерибъ.
Сипильскія горы, 358.
Сиппара, 25, 53.
Сиракузы, Сиракузяне, 117, 173 — 176, 292, 293, 308, 310, 312, 333, 334, 335.
Сиракузская монета, рис., 293.
Сирисъ, 290, 291.
Сирійскія ворота, 228.
Сирія, 17, 18, 24, 27, 37, 40, 43, 51—53, 55, 65, 68, 228, 229, 283, 345, 348, 359, 410, 434, 437—440, 454, 458, 476, 480, 490, 504, 514, 530, 541, 562.
Сирміумъ, 562, 564, 577, 585.
Сиртъ, 72.
Сифаксъ, 337, 340, 341.
Сихемъ, 30.
Сицилійскій проливъ, 308.
Сицилія, 101, 117, 128, 155, 168, 173, 175, 177, 262, 266, 292—294, 308—310, 312, 314—317, 319, 323, 334, 335, 338, 340, 348, 353, 354, 374, 385, 394, 418, 421, 431, 432, 443, 461, 462, 476, 478, 588.
Сіена, 5, 69.
Сіонъ, 32.
Скавръ, М. Эмилій, 394, 395.
Скиросъ, 195.
Скиѳы, 48—50, 61, 109, 111; на Никопольской вазѣ, рис., 49.
Скопасъ, 85, 204.
Скотты, 581.
Скотусса, 351.
Славяне, 49.
Слѣпецъ Аппій Клавдій, 291.
Смендесъ, см. Сеамонъ.
Смердисъ (Бардиджа), 70.
Смердисъ-Лже, 71.
Смердисъ-Лже второй, 71.
Смирна, 62.
Согдіана, 234.
Согласія храмъ на Форумѣ, 274.
Сократъ, 172. 183, 185, 187—190, 203, 205, 244, 246. Рис., 187.
Соломонъ, 33 37, 51.
Солонъ, 62, 93—98, 101, 102, 108; его законы и государственное устройство, 95, 97, 98, 184.
Сора, 288.
Сорактъ, 260.
Сордикъ, 578.
Софоклъ, 150, 154—158, 186, 203, 204; рис. 156.
Софонизба, 341.
Спарта, Спартанцы, 62, 86—91, 93, 96, 98—100, 106, 111—115, 117, 120—122, 125, 130—134, 136—141, 158, 159, 161—165, 167—172, 175 185, 190, 192—201, 210, 218, 221, 346, 347, 352, 353. 377.
Спартакъ, 429, 430.
Спартіаты, 86, 87, 89, 91.
Сполеціумъ, 329.
Спорадскіе острова, 76.
Спурій Кассій, 265, 277.
Средиземное море, 27, 28, 50, 100, 101, 227, 230, 285, 286, 292, 307, 309, 333, 343, 380, 423, 431.
Стагейра, 170.
Стагира, 244—246.
Статира, 241, 282.
Стезихоръ, 145.
Стиликонъ, 585, 586, 587. Рис. 585.
Стирлингъ, 534.
Столонъ, Кай Лициній, 274.
Страбонъ, Кн. Помпей, 415.
Страсбургъ (Аргенторатъ), 578.
Стрепсіадъ, 177.
Стримонъ, 144, 170, 208. 244.
Суесса, 288.
Суза, Сузіана, 24, 60, 71, 73—75, 110—112, 116, 146, 177, 194, 200, 222, 233, 234, 241.
Сулла, Л. Корнелій (Счастливецъ), 247, 397, 406, 408, 411—414, 416—422, 424, 426, 428—431, 441, 445, 468, 477. Предполагаемое его изображ., 406.
Сульпицій Руфъ, 411—413.
«Сумира и Аккада владыка», 40.
Суніонъ, 92, 113.
Сутріумъ, 273.
Сфактерія, 168, 169, 171.
Сфинксы, головы которыхъ изображ. царей изъ племени Гиксовъ, рис., 16.
Сфодрій, 196.
Сцевола, П. Муцій, 388.
Сципіоны: 360, 361, 375, 377, 387, 426; Кней—325, 336; Л. Корнелій—

357, 358, 361, 372; II. Корнелій — 325, 326; II. Корнелій Назика—372, 389; П. Корнелій Эмиліанъ—375, 379, 387, 389; Публій Корнелій Африканскій—336—338, 340—343, 355, 357, 358, 360—362; рис. 336; Кн. Корнелій—322; Луцій Корнелій Бородатый, 298; саркофагъ его, рис., 298; Метеллъ—460, 466, 467; Публій—336.
Сэянъ Эмилій, 498, 500, 505.
Таврины, 326.
Таврскія горы, 228.
Тавръ, 358, 432.
Тадморъ, 33.
Тазосъ, 135, 170.
Тайгетъ, 87, 88, 91.
Таксила, 244.
Таксилъ, 239, 414.
Танагра, 137.
Тапа, см. Θивы.
Тапсъ, 466.
Тарентинскій заливъ, 290.
Тарентъ, 146, 270, 286—290, 292—294, 305—307, 309, 314, 335, 337, 339.
Тарквиній Гордый, 257, 262, 263, 266.
Тарквиній Прискъ, 257.
Тарпейская скала, 273.
Тарсъ, 228.
Тарракона, 541.
Таутмесы, 17, 18.
Тахарка, См. Тирака.
Тахо, 337.
Тацитъ Корнелій, 500, 503, 543, 563.
Тевта, 320.
Тевтободъ, 399.
Тевтоны, 399, 400, 402.
Тегея, 89, 131, 139, 201.
Тезей, 92. Его храмъ въ Аѳинахъ, рис., 104.
Тезейонъ, 148.
Теламонъ, 322.
Телезинъ Понцій, 418.
Телестріонъ, 149.
Теллосъ, 108.
Tellus, 261.
Темза (Тамеза) 456, 508.
Тенктры, 455, 456.
Теодорикъ, 589, 591.
Теосъ, 80.
Тепе, см. Θивы.
Терентилій Гарса, 267.
Теренцій, 426.
Теренцій Варронъ, К., 330—332. М., 462.
Термайскій заливъ, 367.
Террацина, 279.
Тетрадрахма аѳинская, рис., 154.
Тетрархіи, 218.
Тиберій Гемеллъ, 505.
Тиберій Клавдій Неронъ, 488, 490, 492, 494, 498, 502—506, 524. Рис.: статуя, 499; камей, 509.
Тибръ, 253, 254, 256, 262, 269—272, 356, 389, 393, 432.
Тибуръ, 532.
Тиглатъ-Пилезаръ I, 38.
Тиглатъ-Пилезаръ II, 40, 60, нападающій на городъ, рис., 42.
Тиграноцерта, 434.
Тигранъ (Дикранъ) III, 434, 436.
Тигранъ IV, 436.
Тигръ, 24, 25, 36, 38, 47, 48, 54, 55, 57, 64, 233, 241, 348, 459, 580.
Тигуринцы, 449.
Тиманѳъ изъ Сикіона, 205.
Тимократъ изъ Родоса, 193.
Тирака (Тахарка), 44.
Тиридатъ, 510.
Тирренское море, 252.
Тиръ (Зоръ), 27, 38, 40, 230—232, 309, 310; — Новый, 53.
Тисса, 525, 590.
Тиссаферпъ, 177, 178, 192.
Титурій Сабинъ, 457.
Титъ, 519, 524, 538. Его врата, рис., 520. Изобр. тріумфа на его вратахъ, рис., 519. Статуя, рис., 525.
Тифата, 417.
Тифонъ, 22.
Тицина, 326.
Тиціи, 256.
Тойгены, 399.
Толоза, 541.
Томи, 484.
Торкватъ, Т. Манлій, 278.
Торъ, 555.
Тразеа Пэтъ, 512.
Тразименское оз., 328.
Трапезундъ, 192.
Траянъ, М. Ульпіанъ, 527, 528, 530, 548, 559. Рис.: статуя, 528; его форумъ, 529; колонна, 531; сцена съ колонны, 593.
Требія, 326, 327.
Трибокцы, 451.
Трипарадизъ, 283.
Трирема римская, рис., 313, 314.
Триръ, 584.
Тріарій, 435.
Троя, 81, 193.
Троянская война, 148.
Трэзенъ, 137, 138, 169.
Туллъ Гостилій, 257.
Туллій Сервій, 257—259, 262, 297.
Туллій Цицеронъ, М., 431, 435, 442—444, 448, 453, 462, 466, 475—477. Рис., 443.
Тулуза, 448, 589.
Тунезское озеро, 374.
Тунесъ, 314, 318, 342.
Тунисскій заливъ, 309, 313.
Туріи, 144, 157, 164, 286, 289, 290.
Турски, см. Этруски.
Тусковъ улица, 256.
Тускулумъ, 277.
Tuscus vicus, 256.
Туснельда, 503; предполагаемое изображеніе ея, рис., 502.
Тэнаронъ, 282.
Тэты, 95, 96.
Убіи, 456.
Уваксатара, см. Кіаксаръ.
Узертесъ, см. Сезуртосъ.
Узинеты, 455, 456.
Уксійцы, 234.
Ульпіанъ Домицій, 551, 553.
Ульфила, 582.
Умбрія, 280, 288, 339.
Умбро-сабелльское племя, 253.
Умбры, 280.
Уранъ (Варуна), 77.
Уръ, 25, 28.
Утика, 310, 318, 319, 374, 376, 379.
Фабіи: 266, 299; Квинтильянъ, М.—543; Максимъ, К.—324, 329, 330, 340, 361, 398; Пикторъ, Кв.—382.
Фаиллъ, 214.
Файюнъ, 10.

Фалерія, 320.
Фанагорія, 410.
Фарисеи, 439.
Фарнабазъ, 179, 190.
Фарнакъ, 439, 465.
Фарсалъ, 463, 465.
Фауста, 577.
Фенеосъ, 139.
Фероніи роща, 260.
Фигалейя, 149.
Фиденэ, 256, 269.
Фидій, 118, 148, 149, 158, 164, 204, 507. Рис.: его Зевсъ, 151; Аѳина, 152, 153; аѳинскіе юноши въ торжественномъ шествіи, 159.
Филе, 184.
Филиппъ II Македонскій, 207—223, 230, 231, 235—237, 244, 245, 281, 282.
Филиппъ III Арридей, 282, 283, 284.
Филиппъ V Македонскій, 333, 335, 340, 348, 350—352, 356, 357, 359, 364.
Филиппъ, врачъ, 228.
Филиппъ, олигархъ, 196.
Филиппъ, лже-сынъ Персея (Андрискъ), 376.
Филиппъ, Л. Марцій, 407.
Филиппъ, М. Юлій, 554.
Филиппы, 477, 486, 556.
Филистимляне, 27, 31, 32, 40, 49, 65.
Фило Публилій, 287.
Филократъ, 214 — 216.— товъ миръ, 215.
Филомелъ, 211.
Филопэменъ, 359, 362.
Филотасъ, 236.
Фимбрій, К. Флавій, 416.
Фимбрія, 434.
Финикія, Финикіяне, 27, 28, 30, 55, 69, 78, 79, 100, 101, 111, 119, 124, 133, 136, 222, 229, 249, 251, 256, 257, 262, 292, 309, 310, 322.
Фирмумъ, 295.
Фирмъ, 563.
Флавій Веспасіанъ Т. (ЦесарьВеспасіанъАвгустъ), 514, 517—519, 522, 524, 546. Рисунки: бюстъ, 518, монета, 518; его колизей, 521, 523.
Флавій Констанцій, 565.
Флавій Сабинъ, 517.
Флавій Фимбрій К., 416.
Флаккъ, Л. Валерій, 361, 364, 414, 416.
Флаккъ, А. Персій, 543.
Флаккъ, Кв. Горацій, 484, 486, 487.
Флаккъ, М. Фульвій, 390, 393.
Фламининъ К., 321, 328, 329.
Фламининъ, Т. Кв., 351—356, 361.
Флія, 138.
Флора, 384.
Флоріанъ, 563.
Флоръ Гессій, 514.
Фокида, Фокійцы, 105, 108, 137, 140, 199, 214, 215.
Фокилидъ, 145.
Фокіонъ, 213, 216, 282.
Формія, 279, 305, 477.
Форумъ, 274.
Форумъ Юлія, рис. 471.
Форумъ Августа, рис. 485.
Фраатъ IV, 488.
Фраваши, 59.
Франки, 563, 577, 578, 587.
Фраортъ-лже, 71.
Фрегеллы, 279.
Фрегеллэ, 390.
Фригія, 63, 227, 283, 284, 359.
Фризы, 492.
Фринихъ, 145, 156.
Фритигернъ, 583.
Фульвій Флаккъ, М., 390, 393.
Фульвія, 477.
Фунди, 279.
Фурій Камиллъ, М., 270.
Фэзулэ, 328.
Халдея, Халдеяне, 24, 25, 28, 53, 56.
Халкедонъ, 564.
Халкида, 246, 351, 352.
Халкидика, 163, 170, 195, 208.
Ханаанъ, Хананеяне, 17, 27, 28, 30.
Харанъ, 28.
Харидэмъ, 226.
Хасидимъ, 438.
Хатты, 511, 525.
Хауки, 492, 511.
Хевронъ, 31.
Херонея, 220, 222, 282, 414, 537.
Херсонесъ, 213, 359, 410.
Херуски, 492, 503.
Хетезаръ, 17.
Хетиты, 17, 22, 27.
Хирамъ, 32, 33.
Хитонъ, рис., 208.
Хіосъ, 63, 136, 177, 210, 348.
Хлоръ Констанцій, 568, 570.
Хофра, 10, 53, 69.
Храмовая гора, 439.
Хризополь, 573.
Христіане, христіанство, 512, 546, 554—560, 567, 568, 572, 573, 577—581, 583; рис.: христіане въ качествѣ обвиняемыхъ, 567; трапеза, 558; символы: голуби и рыба, 574; бронзовая лампа IV в., 575.
Христосъ, 512, 555—557, 559, 560, 574, 578. Рис.: Крещенія, 557; изобр. Христа, 559; Христосъ въ образѣ «Пастыря Добраго», 574.
Хуфу, 10.
Цела, 465.
Цельзъ, 559.
Цензоринъ, Л. Марцій, 374.
Ценоманы, 321, 353.
Цереалъ Петилій, 522, 523.
Церера, 261, 384.
Цесарь, К. Юлій, 435, 441, 444—474, 486, 574. Рис.: бюстъ, 467; монета, 468; старѣющій Цесарь, 470; его форумъ, 471.
Цесарь, Л. Юлій, 408.
Цестіанъ Плэтарій, 472.
Цестій Галлъ, 514.
Цетэга Корнелій, 444.
Цецилій Метеллъ, Кв., 395. 396, 404, 405.
Цецилій Метеллъ, Кн., 377, 390.
Цецилій Метеллъ, Л., 315.
Цециліанъ, 581.
Цивилисъ Клавдій, 522, 523.
Цизика, 433, 550.
Цикладскіе острова, 112.
Цильній Меценатъ, К., 483, 486, 487.
Циминскій лѣсъ, 270, 273, 276.
Цинна, Л. Квинкцій, 413—415, 417.

Цинциннатъ, Л. Квинкцій, 268.
Circus maximus въ Римѣ, рис., 383.
Цирта, 341, 394.
Цирцейскій мысъ, 276.
Цицеронъ, М. Туллій, 431, 435, 442—444, 448, 453, 462, 466, 475—477. Рис., 443.
Цицикусъ, см. Цизика.
Цэпіо, К. Сервилій, 399.
Цэра, 305.
Цэры, 256.
Цэцина, 516.
Черное море, 48, 72, 101, 110, 192, 410, 484, 525, 535, 582.
Шабаконъ (Сабаконъ), 40.
Шазу, 17.
Шалонъ на Марнѣ, 581, 591.
Шапура, см. Сапоръ.
Швейцарія, 449.
Шлиманъ, 81.
Эборакъ, 551.
Эбро, 323, 325, 336, 337, 357.
Эбураны, 457.
Эвбейскій заливъ, 78; проливъ, 121.
Эвбея, 120, 138, 213, 218, 246, 351.
Эвбулъ, 203, 216.
Эвгемеръ, 427.
Эвиль-Меродахъ, 54.
Эвклидъ, 185.
Эвмениды, 150.
Эвменъ Кардійскій, 283, 284.
Эвменъ Пергамскій, 358, 359, 365, 366, 371.
Эврибіадъ, 120.
Эвримедонъ, 133, 168, 246.
Эврипидъ, 150, 154, 156, 176, 185, 203, 208, 382.
Эвротъ, 86, 87.
Эвтинэ, 96.
Эгатскіе острова, 316.
Эгейское море, 66, 75, 78, 80, 132, 136, 136, 137, 196, 227, 381, 413, 416, 433.
Эгеста, 173.
Эгина, 104, 115, 133, 136, 137. — скал школа, 145. —скій храмъ Аѳины, рис. 146.
Эгіумъ, 347, 356.
Эгоспотамосъ (Козья рѣка), 180, 221.
Эгуза, 316.
Эгэ, 223.
Эдесса, 437.
Эдипъ, 152.
Эдомъ, Эдомитяне, 28, 30, 40.
Эдуи, 398, 449, 451, 458.
Эзернія, 295.
Эзопъ, 145.
Эйонъ, 170.
Экбатана, 60, 234, 236.
Эквы, 267, 269, 280.
Экзекестидъ, 94.
Экклезія, 96.
Экномосъ, 313.
Элагабалъ, 540.
Элагабалъ (богъ), 552.
Эламъ, 40, 43, 44, 46, 60, 71.
Элатея, 219.
Элевзисъ, 105, 125, 149, 150, 184.
Элевзинскія таинства, 105.
Элида, 80, 90, 131, 139, 172, 218.
Элій Адріанъ, 530, 532, 540. Рис.: бюстъ, 532; его мавзолей, 533.
Элія Капитолійская, 532.
Эллада, Эллины, см. Греція, Греки.
Эль (Иль, Бэль) 26.
Эльба, 490, 503, 504.
Эльзасъ, 451.
Эмеза, 437, 552.
Эмилій, 322.
Эмилій Лепидъ, М., 428, 473, 476—478, 482. Монета, рис., 473.
Эмилій Павелъ, Л., 330—332, 366—369, 426.
Эмилій Папиніанъ, 551.
Эмилій Скаверъ, М., 394. 395.
Эмилій Сэянъ, 498,500, 505.
Эммерихъ, 455.
Эмпедоклъ, 158.
Эней, 484.
Энній, Кв. 382, 426.
Энофитъ, 137.
Эолиды, 80.
Эпаминондъ, 197—201, 203, 209, 210.
Эпидавръ, 89, 137, 138, 170.
Эпидамнъ, 163.
Эпиктетъ Гіерапольскій, 546.
Эпиръ, 78, 79, 163, 284, 289, 340, 351, 368, 414, 462, 479, 586.
Эпихармъ, 145, 426.
Эретрія, 80, 111, 112.
Эрехъ, 25.
Эриксъ, 316.
Эритрэ, см. Эретрія.
Эрманарихъ, 582.
Эсквилинское предмѣстье Рима, 412.
Эсхилъ, 114, 123, 150, 152, 154—158, 186, 203, 204. Рис., 155.
Эсхинъ, 214—216, 218. Рис., 216.
Эта, 79, 118, 120, 377.
Этна, 324.
Этолійскій союзъ, 346, 347, 352, 354, 356.
Этолія, Этолійцы, 80, 140, 282, 346, 359, 368.
Этрурія, Этруски (Турски, Разены), 101, 173, 253, 256, 257, 262, 263, 266, 269, 270, 271, 273, 274, 276, 280, 288, 290, 322, 328, 384, 417, 443, 444.
Этрусскій саркофагъ, 269.
Эфесъ, 62, 80, 193, 355, 357, 413, 555, 556.
Эфіальтъ, 121, 141.
Эфраимово колѣно, 36.
Эчъ, 402, 586.
Эѳіопія, Эѳіопы, 68, 69, 118.
Юба Нумидійскій, 462, 466, 467.
Ювеналъ, Д. Юній, 543.
Югурта. 395, 397.
Юліанъ Дидій, 549. Монета, рис., 550.
Юліанъ Флавій Клавдій, Апостатъ (отступникъ), 577—588. Монета, рис., 579.
Юліи, 435, 484.
Юлій Агрикола, Кн., 525.
Юлій Виндексъ, 514, 516.
Юлій Непотъ, 592.
Юлій Паулъ, 551.
Юлій Силанъ, М., 398.
Юлій Филиппъ, М. 554.
Юлій Цесарь, К., 435, 441, 444—474, 486, 574. Рис.: бюстъ, 467; монета, 468; старѣющій Цесарь, 470; его форумъ, 471.
Юлій Цесарь, Л., 408.
Юлія, дочь Августа, 494,

504.—дочь Юлія Цесаря, 454, 458.—Домна, 551.—Мэза, 552, 553.
Юній Брутъ, М., 472, 476, 477, 486. Монета, рис., 472.
Юній Ювеналъ, Д., 543.
Юнонія, 391, 393.
Юпитеръ, 261, 299, 308, 503, 546. Его алтарь, 415; его храмъ, 517, 532, 570.
Юра, 449.
Юрскія горы, 398.
Ютунги, 562.
Язиги, 581.
Яксартъ, 66, 74, 235.
Ямблихъ, 579.
Янусъ, 261; его храмъ, 320, 488.
Япиги, 253.
Фалесъ, 106.
Февидъ, 195.
Феагенъ Мегарскій, 144.
Ѳемистоклъ, 114, 115, 117, 118, 121, 122, 123, 127, 130—134, 178. Рис., 118.
Ѳеогнисъ изъ Мегары, 102, 145.
Ѳеогнисъ, тираннъ Мегарійскій, 93.
Ѳеодосій I, Флавій, 581, 583—586. Монета, рис., 583.
Ѳеодосій II, 587, 590, 591.
Ѳеофрастъ, 246, 247.
Ѳераменъ, 183, 186.
Ѳераменовъ миръ, 221.
Ѳермонъ, 346.
Ѳермопильскій проходъ, Ѳермопилы, 120, 121, 211, 214, 215, 219, 356.
Ѳесписъ, 102.
Ѳеспія, 121, 224.
Ѳессалія, Ѳессалійцы, 78, 79, 108, 118, 124, 125, 170, 194, 200, 203, 207, 210—214, 218, 223, 282, 283, 351, 356, 359, 366, 367, 416, 463.
Ѳессалоника, 368, 379, 462, 573, 583, 584.
Ѳетида, 149.
Ѳивы (Тапа, Тепе), египет., 7, 12, 16, 18. Остатки Карнакскаго храма, рис., 15; Рамессея, рис., 19.
Ѳиванскій періодъ, 16, 20, 22.
Ѳивы, Ѳиванцы, греч., 78, 79, 121, 124, 126, 130, 137, 140, 161, 166, 167, 171, 181, 182, 184, 193, 195—197, 199, 200, 203, 209, 210, 219, 220, 221, 224, 225, 347, 377.
Ѳоасъ, 355, 356, 359.
Ѳразивулъ, 178, 179, 184.
Ѳразиллъ, 179.
Ѳракія, 112, 170, 171, 194, 244, 283, 352, 354, 359, 376, 398, 563, 577, 580.

ДРЕВНІЙ МІРЪ

Изданіе и собствен. А. Ф. Маркса въ С. Петерб.

Печат. въ артист. зав. А. Ф. Маркса въ С. Петерб.

ГРЕЦІЯ

19 20 21 22 23 Вост. долготы 24 отъ Гринвича. 25 26 27 28
41 40 39 38 37 36 35
МАКЕДОНІЯ
ѲРАКІЯ
ИЛЛИРІЯ
ИТАЛІЯ
ЭПИРЪ
ѲЕССАЛІЯ
МИЗІЯ
ЛИДІЯ
КАРІЯ
ПЕЛОПОННЕЗЪ
АТТИКА
АХАЙЯ
ЭЛИДА
АРКАДІЯ
АРГОЛИДА
ЛАКОНІЯ
МЕССЕНІЯ
ВОЙОТІЯ
ФОКИДА
ЭВБЕЯ
КРИТЪ
Эпидамнъ
Филиппы
Византія
Пелла
Ѳессалоника
Халкида
Самоѳраки
Лемносъ
Лесбосъ
Пергамъ
Смирна
Эфесъ
Милетъ
Патмосъ
Кносъ
Фестъ
Керкира
Додона
Акарнанія
Левкадія
Кефаленія
Итака
Коринѳъ
Аѳины
Спарта
Мессена
Аргосъ
Тегея
Олимпія
Кидонія
Самосъ
Родосъ
Книдъ
Галикарнасъ
Делосъ
Паросъ
Наксосъ
Мелосъ
Ѳера
Кипръ
Ида
Ѳивы
Орхоменъ
Ѳермопилы
Ѳермическій зал.
Коринѳскій зал.
Аргосскій зал.
Мессенскій зал.
Лаконскій зал.
Эвбейскій зал.
Ѳермаическій зал.
Стримоническій зал.
Адріатическое море
Іоническое море
Эгейское море
Критское море
Ѳракійское море
Ѳессалійскій Олимпъ
Парнасъ
Геликонъ
Пиндъ
Олимпъ
Оссa
Пелій
Осолія
Этолія
Акарнанія
Эпиръ
Ѳессалія
Ѳракія
Македонія
Мизія
Лидія
Карія
Эолида
Іонія
Дорида
Эолійс.
Масштабъ 1:4 000 000.
Километры.
1:2 000 000.
Элевзинъ
Пирей
Саламинъ
Фалеръ
Аѳины
Акрополь
Ареопагъ
Пниксъ
Пникетъ
Пниксъ
Пникетъ
Пникетъ
Пникет

ИТАЛІЯ

Изданіе и собствен. А. Ф. Маркса въ С. Петербургѣ.

Печат. въ артист. зав. А. Ф. Маркса въ С. Петербургѣ.

РИМСКАЯ ИМПЕРІЯ

Изданіе и собствен. А. Ф. Маркса въ С. Петербургѣ.

Печатано въ артист. зав. А. Ф. Маркса въ СПб.

WYŻSZA SZKOŁA
PEDAGOGICZNA W KIELCACH
BIBLIOTEKA
8923
H

